Изданіе редакціи „Освобожденія“

M. Dragomanoff. Oeuvres politiques. Tome II

Prix 10 fr. — Цѣна 10 фр.

„Пров 49“

СОБРАНІЕ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ СОЧИНЕНІЙ М. П. Драгоманова

Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ автора

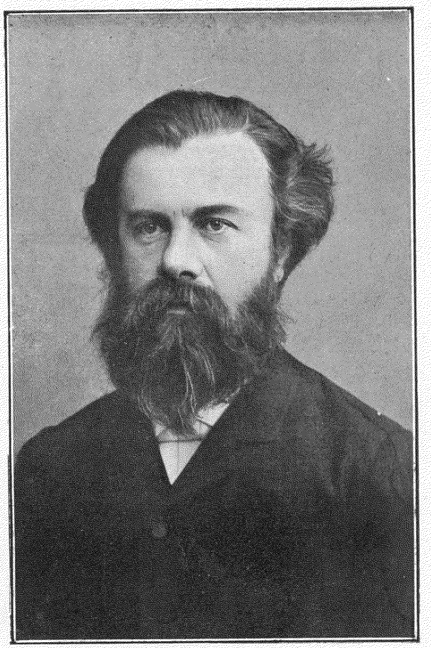
БИБЛІОТЕКА
В. Ю. СИЛАЛОЧА
ШКАФЪ 15
ПОЛКА 12

Печатается
[illegible] средствa украинцевъ-демократовъ

Томъ II

Русско-турецкая война и политическая свобода. Украйна, славянство и федерализмъ. Терроризмъ и свобода. Пропаганда соціализма на плебейскихъ языкахъ. Русское революціонное движеніе и централизмъ. Галицкіе русины и борьба за свободу личности. Земство и либерализмъ въ Россіи. 1876—1894

Paris
SOCIÉTÉ NOUVELLE DE LIBRAIRIE ET D'ÉDITION
17, Rue Cujas.
1906



М. Драгоманов

„Пров 49“

Изданіе редакціи „Освобожденія“

M. Dragomanoff. Oeuvres politiques. Tome II

Prix 10 fr. — Цѣна 10 фр.

СОБРАНІЕ
ПОЛИТИЧЕСКИХЪ СОЧИНЕНІЙ
М. П. Драгоманова

Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ автора

Печатается
по иниціативѣ и на средства украинцевъ-демократовъ

Томъ II

Русско-турецкая война и политическая свобода. Украйна, славянство и федерализмъ. Терроризмъ и свобода. Пропаганда соціализма на плебейскихъ языкахъ. Русское революціонное движеніе и централизмъ. Галицкіе русины и борьба за свободу личности. Земство и либерализмъ въ Россіи. 1876—1894

Paris
SOCIÉTÉ NOUVELLE DE LIBRAIRIE ET D'ÉDITION
17, Rue Cujas.
1906

„Пров 38“

„Пров 49“

2941
24

Оглавленіе второго тома.

Стр.

Предисловіе VII

Къ вопросу объ „оскуденіи“ литературы и о столичной печати и провинціи. 1876 г. 1

Чистое дѣло требуетъ чистыхъ средствъ. 1876 г. 20

Турки внутренніе и внѣшніе. (Письмо къ издателю „Новаго Времени“). 1876 г. 46

Внутреннее рабство и война за освобожденіе. 1877 г. . 75

До чего довоевались. 1878 г. 110

Дѣтоубійство совершаемое русскимъ правительствомъ. (Женщины процесса московскихъ соціалистовъ.) 1877 г. 122

Рѣчь С. И. Вардиной на судѣ и стихотворенія заключенныхъ. (Приложеніе.) 191

За что старика обидѣли и кто его обижаетъ? (Размышленія по дѣлу Трепова). 1878 г. 137

По вопросу о малорусской литературѣ. 1876 г. 153

Гильфердингъ о малороссахъ въ славянствѣ и сербо-хорваты о малорусской поэзіи. (Приложеніе.) 195

Украинская „Громада“ въ рецензіи г. Стефановича. 1879 г. 200

Рецензія Я. Стефановича на украинскій сборникъ „Громада“. (Приложеніе.) 226

Письмо В. Г. Бѣлинскаго къ Н. В. Гоголю. (Предисловіе.) 1880 г. 231

Къ общественному мнѣнію всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. 1880 г. 252

Соловья баснями не кормятъ. (Письмо къ генералу Лорисъ-Меликову.) 1880 г. 255

Было бы болото, а черти будутъ! 1880 г. 266

Терроризмъ и свобода, муравьи и корова. (Отвѣтъ на отвѣтъ „Голоса“.) 1880 г. 285

Гр. Лорисъ-Меликовъ и рабочіе. 1880 г. 311

Нѣсколько вопросовъ проф. Ор. Ѳ. Миллеру. (Письмо въ редакцію „Общаго Дѣла“.) 1880 г. 313

Вниманію соціалистовъ-эмигрантовъ изъ Россіи. 1880 г. 315

Стр.

Отъ группы соціалистовъ-евреевъ. 1880 г. 320

Программа для собиранія литературныхъ матеріаловъ о евреяхъ Россіи и Галиціи. (Приложеніе.) 328

Естественныя области и пропаганда соціализма на плебейскихъ языкахъ восточной Европы. 1881 г. 330

Смерть Александра II. 1881 г. (Замѣтка.) 341

Тираноубійство въ Россіи и поведеніе Западной Европы. 1881 г. 344

Открытое письмо въ редакцію „Московскихъ Вѣдомостей". 1881 г. 367

Нѣчто о чистотѣ средствъ по поводу новаго заявленія „Исполнительнаго Комитета". 1882 г. 369

Нравственность и мужество въ обвиненіяхъ въ шпіонствѣ. 1882 г. 373

Эмигранты и революціонныя дѣйствія въ Россіи. 1882 г. 376

Бакунинъ о правдѣ и нравственности въ революціи. 1882 г. 378

Обаятельность энергіи. 1882 г. 380

Послѣднее слово Н. Е. Суханова на судѣ. (Приложеніе.) 388

„Народная Воля" о централизаціи революціонной борьбы въ Россіи. 1882 г. 391

Къ біографіи А. И. Желябова. 1882 г. 413

„Le Révolté" объ иллюзіяхъ конспираторовъ и революціонеровъ. 1882 г. 436

По поводу изгнанія П. Л. Лаврова изъ Франціи. 1882 г. 442

Ничего не измѣняющее измѣненіе. 1882 г. 446

Учащаяся молодежь и политическая агитація. 1882 г. 447

Студенческій манифестъ. 1882 г. 453

Безцеремонность г. Каткова и его лжесвидѣтелей. 1882 г. 455

По поводу студенческихъ волненій въ Кіевскомъ университетѣ. 1882 г. 461

Заявленіе студентовъ Кіевскаго университета. (Приложеніе.) 463

Діонизій III с.-петербургскій и Платонъ II московскій. 1882 г. 465

Г. Галаганъ — для духу. 1882 г. 490

Германство на Востокѣ и московщина на Западѣ. 1882 г. 491

Изъ централизованной страны. 1882 г. 512

Стр.
Русскій кулакъ и болгарская свобода. 1882 г. . . 513
„Балтійскій федералистъ“. 1882 г. 521
Еврейскій вопросъ на Украйнѣ. 1882 г. 525
Еврейскій вопросъ въ славянскомъ кружкѣ въ Лондонѣ. 1882 г. 541
Пьянство, искусство и свобода. 1882 г. 543

Литературно-политическія замѣтки 1882 г.

I. Новыя русскія статьи по польскому вопросу. 1882 г. 552
II. Абсолютизмъ и капитализмъ. 1882 г. . . . 564
III. Языки, конфискованные Святѣйшимъ Синодомъ. 1882 г. 573
IV. Шевченковскій день въ Австріи и Россіи. 1882 г. 583
V. Бѣдненькіе самодержцы. 1882 г. 590
VI. Эпическій характеръ крестьянскихъ мечтаній. 1882 г. 591
VII. Козацкія традиціи на Украйнѣ. 1882 г. . . . 592
VIII. Страхи украинскаго сепаратизма. 1882 г. . 593
Гете и Шекспиръ въ переводѣ на украинскій языкъ. 1882 г. 599
Херсонская Земская Управа и Галицкій Земскій Комитетъ. 1881 г. 599
Война съ памятью о Шевченкѣ. 1882 г. . . 600
Отвѣтъ М. П. Драгоманова на письмо Б. Лимановскаго. 1882 г. 602
Всеобщій переполохъ въ Галиціи. 1882 г. 604
Круговой побѣгъ украинцевъ отъ вѣры отцовъ. 1882 г. 609
„Батьківщина“ объ арестахъ въ Галиціи. 1882 г. . 612
Среди галицкой сумятицы. 1882 г. 615
Новости изъ австрійской Украйны. 1882 г. 619
Проектъ солидарной демонстраціи русиновъ и поляковъ въ Галиціи. 1882 г. 623
Польская цензура и москвофильское безстыдство. 1882 г. 625
Процессъ постыдный во всѣхъ отношеніяхъ. 1882 г. 626
Какъ позволяютъ обращаться съ собою русины. 1882 г. 630

Стр.

Новый урокъ судьбы галицкимъ украйнофиламъ. 1882 г. 640

М. П. Драгомановъ о венгерской Украйнѣ-Руси. (Приложеніе отъ редакціи.) 642

Отъ новаго редактора „Вольнаго Слова“. 1883 г. . 648

Конституція и народъ. 1883 г. 652

Университетская автономія и чиновническій произволъ. 1883 г. 658

Толците и отверается. 1883 г. 664

Динамитно-анархическая эпидемія и самоуправленіе. 1883 г. 682

Московскіе славянофилы и самодержавіе. 1883 г. . 708

Мирный и умѣренный элементъ въ русскомъ соціально-революціонномъ движеніи. 1883 г. . . . 716

„Календарь Народной Воли на 1883 г.“ 1883 г. . . . 729

Письмо Н. И. Костомарова къ издателю „Колокола“. (Предисловіе.) 1885 г. 741

Письмо Костомарова къ издателю „Колокола“. (Приложеніе.) 746

„Марія“ поэма Т. Гр. Шевченка. 1885 г. 756

Наканунѣ новыхъ смутъ. 1886 г. 759

Либерализмъ и земство въ Россіи. 1889 г.

I. Земскій либерализмъ въ Россіи 787

Прибавленіе къ польскому переводу статьи „Земскій либерализмъ въ Россіи“ 838

II. Самодержавіе, мѣстное самоуправленіе и независимый судъ 844

Высочайшая резолюція о проектахъ о земскихъ начальникахъ. 1889 г. 858

Къ вопросу о національностяхъ въ Россіи. 1889 г. 864

Политическая программа журнала „Свободная Россія“. (Приложеніе.) . 867

Старыя нужды передъ новымъ царемъ. 1894 г. . . 870

ПРЕДИСЛОВІЕ КО ВТОРОМУ ТОМУ.

Намъ приходится выпускать въ свѣтъ второй томъ „Политическихъ сочиненій“ М. П. Драгоманова при совершенно измѣнившихся условіяхъ. Послѣ манифеста 17-го октября и указа объ амнистіи П. Б. Струве возвратился въ Россію для того, чтобы продолжать свою публицистическую и политическую дѣятельность на освобождающейся родинѣ. Дальнѣйшее печатаніе и выпускъ „Освобожденія“ и всѣхъ его изданій были прекращены за исключеніемъ однихъ только „Политическихъ Сочиненій“ Драгоманова. До отъѣзда П. Б. Струве изъ предлагаемаго теперь читателямъ второго тома этихъ сочиненій было напечатано всего только три листа; кромѣ того П. Б. Струве успѣлъ составить списокъ сочиненій, которыя должны были войти въ этотъ томъ, назначить шрифты для каждаго изъ нихъ и снабдить нѣкоторыя изъ нихъ примѣчаніями, отмѣченными его иниціалами. Послѣ его отъѣзда редакторскія обязанности по отношенію къ этому изданію перешли всецѣло къ намъ. Въ качествѣ редактора намъ пришлось установить порядокъ, въ которомъ размѣщены статьи во второмъ томѣ, причемъ мы сдѣлали нѣкоторыя отступленія отъ хронологическаго порядка ихъ первоначальнаго появленія въ свѣтъ и постарались нѣсколько систематизировать ихъ по содержанію для того, чтобы не разъединять брошюръ и статей по одному и тому же вопросу статьями и брошюрами по другимъ вопросамъ. Впрочемъ, отступленія отъ хронологическаго порядка въ этомъ томѣ имѣютъ только частный характеръ, въ общемъ же этотъ порядокъ сохраненъ. А соблюсти строго хронологическій порядокъ во всемъ предлагаемомъ изданіи было совершенно невозможно, такъ какъ два основныхъ политическихъ сочиненія М. П. Драгоманова независимо отъ времени ихъ первоначальнаго напечатанія надо было выдѣлить въ первый томъ нашего изданія. Кромѣ

того, во время печатанія предлагаемаго тома намъ удалось пополнить списокъ сочиненій, составленный П. Б. Струве, нѣсколькими статьями М. П. Драгоманова, разъисканными нами въ старыхъ журналахъ, и мы считали нужнымъ увеличить число примѣчаній и приложеній „отъ редакціи", которыя вездѣ отмѣчены, какъ таковыя. Такимъ образомъ, въ наше изданіе вошли всѣ политическія сочиненія М. П. Драгоманова, написанныя имъ заграницей по русски, и переводы нѣкоторыхъ изъ его сочиненій, написанныхъ или напечатанныхъ на другихъ языкахъ — французскомъ, итальянскомъ, польскомъ и украинскомъ; все же по тѣмъ или другимъ причинамъ не перепечатанное нами изъ изданнаго имъ заграницей отмѣчено въ нашихъ редакціонныхъ примѣчаніяхъ.

Въ своемъ предисловіи къ первому тому этого изданія П. Б. Струве обѣщалъ дать „біографію и характеристику Драгоманова, какъ политическаго писателя". Онъ предполагалъ написать ее вмѣстѣ съ нами, причемъ на его долю пришлась бы характеристика Драгоманова, какъ общерусскаго политическаго писателя и дѣятеля, а намъ пришлось бы писать о Драгомановѣ, какъ объ украинцѣ. Къ нашему величайшему сожалѣнію, болѣе неотложныя литературныя и публицистическія работы помѣшали П. Б. Струве выполнить свое намѣреніе къ выходу этого тома. Вмѣсто обѣщанной имъ біографіи и характеристики мы печатаемъ ниже составленный нами краткій біографическій очеркъ и опытъ характеристики Драгоманова, какъ политическаго мыслителя.

Въ заключеніе считаемъ своимъ долгомъ выразить искреннѣйшую благодарность А. Ляхоцкому (Кузьмѣ) и М. Павлику, такъ какъ они снабжали насъ экземплярами рѣдкихъ сочиненій Драгоманова, а послѣдній и сообщалъ намъ нужныя библіографическія свѣдѣнія, особенную же благодарность мы, въ качествѣ украинца и одного изъ иниціаторовъ этого изданія, приносимъ П. Б. и Н. А. Струве, которые согласились сдѣлать это изданіе своимъ и положили не мало труда, времени и заботъ на осуществленіе его.

* * *

Михаилъ Петровичъ Драгомановъ родился въ сентябрѣ 1841 года въ городѣ Гадячѣ Полтавской губерніи въ мелкопомѣстной дворянской семьѣ, вышедшей изъ малорусскаго козацкаго выборно-служилаго сословія (козацкой старшины).[1] Среднее образованіе онъ получилъ въ Полтавской гимназіи, въ которой проходилъ курсъ съ 1853 по 1859 годъ. Здѣсь на его умственное развитіе особенно благотворное вліяніе оказали два учителя: К. І. Полевичъ, учитель латинскаго языка, обращавшій главное вниманіе на чтеніе классическихъ писателей, способствовалъ тому, что онъ хорошо ознакомился съ римской классической литературой и, поступивъ въ университетъ, свободно читалъ

[1] Для составленія нашей замѣтки мы пользовались слѣдующимъ матеріаломъ: автобіографическимъ очеркомъ, написаннымъ М. П. Драгомановымъ въ мартѣ 1883 г. для проф. А. Туна, который резюмировалъ его въ своей книгѣ „Geschichte der revolutionären Bewegung in Russland“, и „добавленіемъ“ къ нему, написаннымъ для фольклориста Леона Сихлера въ февралѣ 1889 г. Оба эти очерка, написанные по русски, пока опубликованы только въ украинскомъ переводѣ М. Павликомъ. Мы имѣли въ рукахъ рукопись самого М. П. Драгоманова, любезно предоставленную М. Павликомъ въ наше пользованіе. Всѣ отрывки, приведенные въ нашей замѣткѣ въ кавычкахъ безъ указанія источника, взяты изъ этихъ очерковъ. Для краткости мы не считали нужнымъ каждый разъ называть ихъ, а такъ какъ мы приводили отрывки изъ нихъ не въ видѣ цитатъ, то мы позволили себѣ замѣнить первое лицо, отъ имени котораго ведется въ нихъ разсказъ, третьимъ и сдѣлать другія соотвѣтственныя мелкія стилистическія измѣненія. Исключеніе мы дѣлали для отрывковъ, имѣющихъ характеръ личныхъ признаній, которые мы цитировали дословно, указывая каждый разъ источникъ. Кромѣ того автобіографическій матеріалъ заключается въ сочиненіи Драгоманова „Народні школи на Украйні“, Женева 1877 г., а также въ „Австро-руських споминах 1867—1877“ М. Драгоманова, Львів 1889—92, — которые мы во избѣжаніе недоразумѣній вездѣ называемъ „Австро-украинскими воспоминаніями“, — и въ небольшомъ очеркѣ изъ личныхъ воспоминаній „Два учителі“, „Народ“ 1894 г. и отдѣльно Львів 1902 г. Изъ переписки Драгоманова пока опубликовано: М. Драгоманов, „Переписка“, т. І, Львів 1901; „Переписка М. Драгоманова з Т. Окуневським, 1883—1895“, Львів 1905; „Переписка М. Драгоманова з Н. Кобринською 1893—1895“, Львів 1905, и „Переписка Ю. Бачинського з М. Драгомановим 1894—1895“, Львів 1900, которая отчасти вошла и въ вышеназванный первый томъ „Переписки“. Всѣ эти сборники за исключеніемъ послѣдняго составлены и изданы М. Павликомъ. Самый цѣнный матеріалъ для біографіи и характеристики личности М. П. заключается, конечно, въ его сочиненіяхъ. Кромѣ двухъ предлагаемыхъ томовъ, содержащихъ его политическія сочиненія на русскомъ языкѣ, мы пользовались его сочиненіями на украинскомъ языкѣ, напечатанными въ сборникѣ „Громада“, пять томовъ, Женева 1877—1882, въ двухъ выпускахъ журнала „Громада“, Женева 1881, въ журналѣ „Народ“ за шесть лѣтъ Львів 1890—1895, а также во многихъ другихъ украинскихъ журналахъ. Наконецъ

даже Тацита, а А. И. Стронинъ, учитель исторіи, впослѣдствіи извѣстный соціологъ, помогъ ему выработать общее демократическое и политическое міровоззрѣніе на основѣ широкихъ историческихъ обобщеній. Впрочемъ, къ чтенію историческихъ сочиненій М. П. пристрастился еще мальчикомъ и еще до поступленія въ гимназію два раза прочиталъ „Исторію Государства Россійскаго“ Карамзина, а также „Исторію Малой Россіи“ Бантыша-Каменскаго. Въ среднихъ и высшихъ классахъ гимназіи, по указанію А. И. Стронина, онъ читалъ вмѣстѣ съ кружкомъ своихъ сверстниковъ выходившихъ тогда въ переводѣ Шлоссера, Исторію XVIII в., Маколея, Прескота, а сочиненія Гизо въ оригиналахъ, такъ какъ знаніе французскаго языка онъ вынесъ еще изъ семьи. Греческаго языка тогда не преподавали въ нашихъ гимназіяхъ, но онъ съ упоеніемъ читалъ въ русскомъ переводѣ Гомера и Исторію Греціи Жилиса. Вмѣсто греческаго языка преподаваніе естественныхъ наукъ велось тогда по гораздо болѣе обширнымъ программамъ, чѣмъ впослѣдствіи при господствѣ классической системы; благодаря недурному преподавателю естественныхъ наукъ для М. П. не было ничего новаго въ томъ реализмѣ, которымъ немного спустя русская молодежь начала увлекаться, противопоставляя его гуманизму. Онъ былъ въ пятомъ классѣ гимназіи, когда началась агитація въ пользу освобожденія крестьянъ, „которая наполнила всю его душу“. Тогда же А. И. Стронинъ началъ давать ему заграничныя изданія Герцена и убѣждалъ его изучать иностранные языки, такъ какъ, по его словамъ, русское правительство можетъ, если захочетъ, запретить всю литературу на русскомъ языкѣ. Подъ вліяніемъ этихъ убѣжденій онъ еще въ гимназіи изучилъ нѣмецкій языкъ.

вскорѣ послѣ смерти М. П. была составлена и издана М. Павликомъ книга на украинскомъ языкѣ, посвященная М. П. и заключающая очень много біографическаго матеріала: „Михайло Петрович Драгоманов, 1841—1895. Его юбилей, смерть, автобіографія і спис творів“. Львів 1896. Научныя сочиненія М. П., кромѣ изданныхъ отдѣльными книгами, разсѣяны по различнымъ русскимъ и иностраннымъ журналамъ. Теперь собраніе ихъ на украинскомъ языкѣ издается „Науковим Товариством імени Шевченка“ во Львовѣ. До сихъ поръ вышли два тома: „Розвідки М. Драгоманова про українську народню словесність і письменство“, т. I Львів 1899 и т. II Львів 1900, готовятся къ печати третій и четвертый томы.

„Съ самаго поступленія въ Кіевскій Университетъ осенью 1859 г. М. П. попалъ въ кружокъ студентовъ, которые основали первыя воскресныя школы въ Россіи, если не считать Остзейскихъ губ. Онъ описалъ эти школы, какъ вообще все свое участіе въ дѣлѣ народнаго образованія въ своей брошюрѣ „Народні школи на Украйні“. Здѣсь достаточно сказать коротко, что многіе изъ участниковъ кружка приступили къ дѣлу съ цѣлью политической пропаганды, но скоро увидѣли ея невозможность среди дѣтей (изъ разныхъ мастерскихъ и прислуги) и ея непрактичность даже среди взрослыхъ, но неграмотныхъ, и усердно увлеклись педагогической стороной дѣла. Отъ кружка студентовъ, занимавшихся воскресными школами вышло нѣсколько учебниковъ и популярныхъ книгъ. Но въ 1862 г. правительство закрыло воскресныя школы и тѣмъ дало новый толчекъ революціонному настроенію молодежи особенно въ столицахъ.“

„Въ Кіевѣ кружку М. П. нашлось новое педагогическое дѣло. Тутъ само правительство въ виду противодѣйствія польской пропагандѣ рѣшилось основать по селамъ школы, а для подготовленія для нихъ учителей — педагогическую школу въ Кіевѣ. Но денегъ на это дѣло правительство дало крайне мало (10 000 рублей на три губерніи). Тогда М. А. Туловъ — умный человѣкъ, оказавшійся въ школьной администраціи Кіевскаго округа — обратился къ студентамъ, которые заявили себя въ воскресныхъ школахъ, и человѣкъ шесть изъ нихъ согласились давать уроки во „Временной Педагогической Школѣ“ безплатно. М. П. былъ въ числѣ этихъ студентовъ и преподавалъ русскую исторію. Совѣтъ этой Временной Педагогической Школы, въ которой приняли участіе и нѣкоторые молодые учителя гимназіи, былъ въ 1862—63 гг. комитетомъ, который фактически распоряжался дѣломъ насажденія первыхъ русскихъ народныхъ школъ въ западной Украйнѣ. По обстоятельствамъ дѣла было признано кіевскою школьною администраціей допущеніе и народнаго языка при началѣ обученія и предположено было составить „Читальникъ“ такъ, чтобы онъ представлялъ постепенный переходъ отъ народнаго украинскаго языка къ великорус-

скому и потомъ къ церковнославянскому. Въ пользу этого принципа высказалась тогда большая часть педагогическихъ совѣтовъ гимназій кіевскаго учебнаго округа, которымъ министерство поручило разсмотрѣть проектъ устава училищъ. Принципъ этотъ былъ почти принятъ и въ министерствѣ (Головинъ). Но въ это время въ высшихъ кругахъ возникла борьба между двумя партіями: одни хотѣли отдать народныя школы попамъ и синоду, другіе — свѣтскому министерству. Характерно, что этотъ вопросъ примѣшался къ вопросу объ улучшеніи быта (матеріальнаго) духовенства. Конечно, защитники поповской школы выставили ее, какъ охрану Россіи отъ революціонной пропаганды. Кіевскіе попы напали на Педагогическую Школу, какъ на такую, въ которой преподаютъ „нигилисты“ и „украинскіе сепаратисты“. Поповъ поддержали „Московскія Вѣдомости“. Кончилось тѣмъ, что министерство, „чтобы сдѣлать уступку общественному мнѣнію“, удалило изъ Педагогической Школы преподавателей студентовъ, замѣнивъ ихъ учителями гимназій — платными, какъ разъ въ то время, когда студенты, окончивъ курсъ (лѣтомъ 1863 г.), получили оффиціально право быть учителями даже въ гимназіяхъ. Между ними былъ и М. П., вторично безъ всякаго резона оторванный отъ любимаго дѣла, да еще въ то время, когда онъ мечталъ, испробовавши еще разъ свой курсъ на практикѣ, печатать его.“

Изъ другихъ событій студенческихъ годовъ М. П. заслуживаетъ упоминанія еще отставка попечителя кіевскаго учебнаго округа Пирогова въ 1861 г. и польское возстаніе 1863 года. Самодержавное правительство не могло долго терпѣть чисто конституціонныхъ порядковъ, заведенныхъ Пироговымъ въ кіевскомъ учебномъ округѣ съ фактическимъ осуществленіемъ академической свободы въ университетѣ и съ замѣной солдатской дисциплины — нравственною въ среднихъ и нижнихъ учебныхъ заведеніяхъ, а потому весною 1861 года ему была дана отставка. Весь педагогическій міръ Кіева и лучшая часть общества рѣшили заявить ему свои симпатіи, устроивъ въ честь его нѣ-

сколько банкетовъ. На первомъ изъ нихъ М. П., какъ делегатъ отъ студентовъ, произнесъ рѣчь, которую запрещено было печатать въ газетахъ, и она была напечатана только въ посвященной этому банкету брошюрѣ проф. Шульгина, и въ двухнедѣльномъ изданіи Каткова „Современная лѣтопись Русскаго Вѣстника“. Лично для М. П. „выступленіе его на банкетѣ Пирогова имѣло большія послѣдствія: оно подтолкнуло въ немъ политическіе инстинкты и въ то же время познакомило его съ кружкомъ либеральныхъ профессоровъ и дало ему возможность расширить свои научныя занятія преимущественно по всеобщей исторіи, въ которой онъ, занимаясь преимущественно Римомъ, заинтересовался соціальной борьбой послѣднихъ временъ республики и появленіемъ христіанства, а затѣмъ и религіозной исторіей древняго міра вообще. Въ 1862 г. Шульгинъ, профессоръ всеобщей исторіи, выходя въ отставку, рекомендовалъ его совѣту университета какъ будущаго кандидата въ профессоры и предложилъ отправить его по окончаніи курса за границу.“

„Польское движеніе имѣло большое вліяніе на политическое воспитаніе М. П. Рожденный на лѣвомъ берегу Днѣпра, онъ не имѣлъ нагляднаго понятія о полякахъ и сочувствовалъ имъ, какъ жертвамъ русскаго деспотизма, хотя всетаки, какъ украинецъ не совсѣмъ забылъ о томъ, какъ и Польша притѣсняла Украйну. Пріѣхавъ на правый берегъ Днѣпра въ Кіевъ, онъ увидѣлъ, что поляки здѣсь аристократія, а не народъ, и былъ пораженъ тѣмъ, что даже студенты поляки бьютъ своихъ слугъ и ходятъ въ костелы, гдѣ усердно стоятъ на колѣняхъ („русскіе“ или „православные“ студенты всѣ были горячіе демократы, а въ религіи — атеисты). Вмѣстѣ съ тѣмъ ему бросилась въ глаза нетерпимость поляковъ относительно русскихъ и въ особенности малороссовъ или украинцевъ. Послѣдніе составляли въ Кіевѣ уже въ 1859 г. особый національный кружокъ, хотя собственно огромное большинство „православныхъ“ студентовъ Кіевскаго университета (около 500 душъ съ вольнослушателями) были родомъ украинцы. Этотъ кружокъ заботился о развитіи украинскаго языка и литературы и желалъ самостоятельнаго по-

ложенія украинской націи передъ польскою и великорусскою (русскою). Но въ деталяхъ политическія и соціальныя стремленія украинцевъ были тогда очень разнообразны и даже не совсѣмъ ясны."

„Самъ украинецъ родомъ и видя въ Кіевѣ многое изъ того, о чемъ въ остальной Россіи понятія не имѣли, М. П. во многомъ раздѣлялъ стремленія и идеи украинскихъ націоналистовъ, но во многомъ они казались ему реакціонными: онъ не могъ раздѣлять пренебреженія ихъ къ русской литературѣ, которую считалъ болѣе развитою теперь, чѣмъ украинская, и болѣе полною общеевропейскихъ интересовъ (онъ находилъ гораздо больше воспитательнаго въ политическомъ отношеніи въ „Колоколѣ" и „Современникѣ", чѣмъ въ „Основѣ"); не нравилась ему и рѣзкость въ отношеніяхъ украинцевъ къ полякамъ, а мысль о какомъ бы то ни было союзѣ съ царскимъ правительствомъ противъ поляковъ казалась ему возмутительной и ошибочной. Его и нѣкоторыхъ другихъ, такъ думавшихъ, украинцы бранили космополитами, но они принимали это слово за похвалу."

„Между тѣмъ польское возстаніе приближалось къ Кіеву. Поляки, даже демократы, серьезно доказывали, что имѣютъ право на западную Украйну, потому что въ ней дворянство, или какъ тогда стали говорить „интеллигенція", — польское. Реакція этимъ польскимъ стремленіямъ давала силу среди кіевской „православной" молодежи украинцамъ. Кредитъ „космополитовъ" падалъ по мѣрѣ того, какъ становилось извѣстнымъ, что соотвѣтственные столичные кружки безусловно становились на сторону поляковъ. Видя ошибки „космополитовъ" и не раздѣляя многаго въ стремленіяхъ украинцевъ, М. П. сталъ охладѣвать къ политикѣ студенческихъ кружковъ, пересталъ ходить на сходки и весь свой политическій жаръ вкладывалъ въ уроки по русской исторіи во Временной Педагогической Школѣ. Впрочемъ педагогическій интересъ сблизилъ его съ украинцами. Когда онъ узналъ, что они предположили изданіе популярныхъ книгъ, то поступилъ въ ихъ корпорацію (громаду), которая тотчасъ же выбрала его въ комиссію для редакціи такихъ книгъ.

Дѣло было весною 1863 г. какъ разъ во время попытки польскаго возстанія около Кіева."

„Но тутъ произошло нѣчто такое, что возможно только въ Россіи. Реакціонеры и государственные централисты, органомъ которыхъ стали „Московскія Вѣдомости" Каткова, сражаясь съ поляками, напали и на украинцевъ, усмотрѣвъ въ ихъ стремленіяхъ даже чисто литературныхъ сепаратизмъ, и объявили все украинское движеніе дѣломъ польской интриги. Правительство распорядилось: запретить печатаніе на украинскомъ языкѣ книгъ духовныхъ (начиная отъ Евангелія), а также популярно-научныхъ и педагогическихъ. Такъ прекратилась и работа той „громадской" комиссіи, въ которую попалъ М. П."

Въ 1863 г. М. П. окончилъ университетъ, и ему пришлось искать занятій тѣмъ болѣе, что къ этому времени, какъ было сказано выше, онъ былъ удаленъ и изъ Временной Педагогической Школы. О командировкѣ за границу пока не могло быть и рѣчи, такъ какъ либеральная партія на филологическомъ факультетѣ Кіевскаго университета съ уходомъ проф. Шульгина ослабѣла, а консерваторы относились къ нему непріязненно. Чтобы упрочить свое положеніе при университетѣ, онъ, по совѣту Шульгина, рѣшилъ представить диссертацію pro venia legendi изъ своихъ работъ по римской исторіи объ „Императорѣ Тиберіи", а чтобы имѣть заработокъ, онъ взялъ предложенное ему мѣсто учителя географіи во 2-ой кіевской гимназіи. Свою диссертацію онъ защищалъ въ началѣ 1864 г., и несмотря на то, что въ общемъ симпатіи профессорской коллегіи были не на его сторонѣ, историко-филологическій факультетъ и совѣтъ Кіевскаго университета приняли его въ число приватъ-доцентовъ, а въ 1865 г. даже поручили ему читать обязательный курсъ для студентовъ на правахъ штатнаго доцента. Между тѣмъ матеріальныя заботы у него увеличивались; послѣ смерти отца и окончанія имъ университета обязанности по воспитанію сестры и брата перешли къ нему, а въ 1864 году онъ очень молодымъ женился. „Надо было добывать деньги частной литературной работой. Онъ сталъ писать

корреспонденціи, литературныя критики, а послѣ и передовыя статьи въ „С.-Петерб. Вѣдомости“ (редакціи Корша впослѣдствіи устраненнаго гр. Дм. Толстымъ). Чаще всего онъ писалъ о политическомъ положеніи, такъ называемаго Югозападнаго края, стараясь разсѣять туманъ, какой о немъ нагнали въ публику тенденціи аристократически-польскія и бюрократически-московскія. Со времени славянскаго съѣзда въ Москвѣ въ 1867 г. редакція предложила ему писать о славянскомъ вопросѣ и „вести полемику съ московскими газетами“. Онъ написалъ тогда не мало фельетоновъ и передовыхъ статей, въ которыхъ старался разсматривать россійско-польскія и вообще славянскія дѣла съ точки зрѣнія демократически-федеративной. Конечно, онъ не разъ затрагивалъ и украинскій вопросъ тѣмъ болѣе, что въ это время онъ больше сблизился съ кіевскимъ украинофильскимъ кружкомъ, сильно порѣдѣвшимъ съ 1863 г., и вновь подошелъ къ украинскому педагогическому вопросу.“

„Въ 1865 году введено было на лѣвомъ берегу Днѣпра земство, а вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ тамъ на очередь вопросъ о народныхъ школахъ. Черниговскіе земцы, между которыми было нѣсколько человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ и съ украинскими тенденціями, обратили вниманіе на необходимость употребленія украинскаго языка въ мѣстныхъ школахъ. Въ это же время и въ Кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ увидѣли (даже самъ генер.-губ. Безакъ) необходимость оживить народныя школы, замершія послѣ 1863 г. подъ давленіемъ восторжествовавшаго тогда клерикализма, котораго даже въ учебномъ вѣдомствѣ представителемъ былъ новый попечитель кн. Ширинскій-Шихматовъ. Почти въ одно время и проф. Шульгинъ, который сталъ съ 1864 г. редакторомъ оффиціозной газеты „Кіевлянинъ“ (въ 1865—1866 гг. державшійся идей хотя и монархическаго, но довольно радикальнаго демократизма) и черниговцы предложили М. П. писать о школьномъ вопросѣ на Украйнѣ. Онъ тогда и написалъ нѣсколько статей объ этомъ въ „СПб. Вѣдомостяхъ“, между прочимъ: „Земство и мѣстный элементъ въ обученіи“ и „О педагогическомъ

значеніи малорусскаго языка". Въ послѣдней статьѣ (№ 93, „СПб. В." 1866) онъ между прочимъ разобралъ непригодность для всякихъ, а особенно для украинскихъ школъ „Книги для чтенія въ школахъ Кіевскаго Учебнаго Округа", изданной кн. Ширинскимъ-Шихматовымъ вмѣсто той, которая, какъ было сказано выше, составлялась въ 1863 году учителями Временной Педагогической Школы. Книга кн. Ш.-Шихматова начиналась съ церковнославянской части, потомъ давала статьи на русскомъ оффиціальномъ языкѣ, потомъ народныя пѣсни и разсказы — великорусскіе и ни слова украинскаго. Напротивъ М. П. предлагалъ начинать съ украинскаго элемента и восходить постепенно къ русскому, и въ этомъ усмотрѣнъ былъ его критиками (особенно въ „Моск. Вѣд.") и самимъ кн. Ш.-Шихматовымъ его „сепаратизмъ." Князь Ш.-Шихматовъ донесъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія на М. П., какъ на украинофила и сепаратиста. Министръ гр. Дм. Толстой въ отвѣтъ предложилъ предоставить это дѣло на обсужденіе и рѣшеніе Совѣта Кіевскаго университета. Но попечитель, не вполнѣ увѣренный въ благопріятномъ результатѣ и боясь черезчуръ большого шума, съ своей стороны посовѣтовалъ ограничиться пока строгимъ надзоромъ надъ М. П. Надзоръ этотъ продолжался нѣсколько лѣтъ и былъ причиною того, что когда М. П. въ 1869 г. защитилъ наконецъ свою магистерскую диссертацію „Вопросъ объ историческомъ значеніи Римской имперіи и Тацитъ", а въ 1870 г. былъ избранъ Совѣтомъ Кіевскаго университета штатнымъ доцентомъ и посланъ за границу отъ университета, попечитель, уже новый, не рѣшился утвердить этотъ выборъ и по соглашенію съ министерствомъ отложилъ утвержденіе до возвращенія М. П. изъ-за границы въ 1873 г. Это имѣло довольно непріятныя послѣдствія для М. П., такъ какъ на поѣздку заграницу онъ получилъ гораздо меньшую стипендію, чѣмъ долженъ былъ бы получить, если бы былъ утвержденъ штатнымъ доцентомъ. Но съ другой стороны всѣ эти событія оказали громадное вліяніе на направленіе его умственныхъ и общественныхъ интересовъ. Онъ самъ говоритъ объ этомъ въ своемъ авто-

біографическомъ очеркѣ: „Теперь (въ 1883 г.) я долженъ сказать, что доносъ кн. Ш.-Шихматова имѣлъ своимъ послѣдствіемъ окончательное прикрѣпленіе мое къ украинскому направленію, такъ какъ я по естественной реакціи занялся болѣе старательно изученіемъ украинскихъ вопросовъ, сначала педагогическаго, потомъ и національнаго вообще. Впрочемъ около того времени образовались и другія нити, привязавшія меня къ украинскому движенію: занимаясь древней исторіей, я обратилъ особенное вниманіе на религію и мифологію арійскихъ народовъ. Отъ древнихъ народовъ я перешелъ къ новымъ и здѣсь остановился и на народныхъ преданіяхъ и словесности славянъ и между ними, конечно, украинцевъ. Въ 1867 году я съ нѣсколькими пріятелями положили предпринять изданіе сборниковъ украинской народной словесности, накопившихся у разныхъ лицъ изъ періода увлеченія собираніемъ этнографическаго матеріала въ недавніе годы. Кстати же это были бы почти единственныя украинскія изданія, не запрещенныя тогда русскою цензурой. Скоро мы издали двѣ книжки сказокъ и двѣ — пѣсенъ, а въ 1869 г. я вмѣстѣ съ проф. В. Б. Антоновичемъ засѣли за составленіе свода украинскихъ политическихъ пѣсенъ съ историческимъ коментаріемъ, первые два тома которыхъ изданы были въ Кіевѣ въ 1874 и 1875 гг. подъ заглавіемъ: „Историческія пѣсни малорусскаго народа съ примѣчаніями Вл. Антоновича и М. Драгоманова“, т. I: Пѣсни вѣка дружиннаго и княжескаго, X—XV в.; пѣсни вѣка козацкаго: A. Борьба съ турками и татарами, т. II: Пѣсни вѣка козацкаго: B. Борьба съ поляками до смерти Богдана Хмельницкаго 1657. Теперь я продолжаю это изданіе одинъ въ Женевѣ подъ заглавіемъ: „Політичні пісні українськаго народу XVIII—XIX ст.“ и выдалъ пока въ 1883 г. первый выпускъ: „Запорожці 1709—1740“. Въ 1881 г. я выдалъ резюме политическихъ пѣсенъ XIX ст. подъ заглавіемъ: „Нові українські пісні про громадські справи“. Кромѣ того въ 1885 г. вышелъ второй выпускъ „Политичних пісень українського народу XVIII—XIX ст.; Пісні з остатніх часів автономії і Гетьманства Малоросійского і Слобідскоі Украіни в 1709—1765 рр.“

„Изученіе богатой и прекрасной украинской народной словесности — продолжаетъ онъ —, а особенно политическихъ пѣсенъ, которыя представляютъ собою поэтическую исторію украинскаго народа, разсказанную имъ самимъ, заставило меня крѣпко полюбить этотъ народъ и пережить всѣми силами души всѣ частности украинскаго вопроса въ Россіи и Австро-Венгріи. Изслѣдованіе же пѣсенъ о борьбѣ украинцевъ съ турками сравнительно съ такими же пѣснями народовъ балканскихъ заставило меня вдуматься въ такъ называемый, восточный вопросъ, а все вмѣстѣ приводило меня къ мысли о необходимости широкой постановки федерально-демократическаго вопроса во всей восточной Европѣ. Мнѣ казалось, что украинцы, а въ частности кіевляне должны сыграть важную роль въ этомъ дѣлѣ, но для этого, я думалъ, необходимо имъ побольше политическаго образованія: больше знакомства съ западно-европейскою политическою наукой, а также съ исторіей и положеніемъ и своей родины, и западныхъ славянъ."

Въ 1870 г. М. П. выѣхалъ за границу, посланный съ научною цѣлью университетомъ на два года, но пробылъ онъ за границей три года. Первую зиму 1870—71 г., какъ разъ во время франзузско-нѣмецкой войны онъ прожилъ въ Берлинѣ. Здѣсь онъ видѣлъ самый разгаръ нѣмецкаго національнализма, и его крайне непріятно поражала нѣмецкая національная нетерпимость и высокомѣріе въ отношеніи къ другимъ народамъ, а особенно къ славянамъ. Изъ Берлина онъ проѣхалъ черезъ Саксонію и славянскія земли — Баутценъ и Прагу въ Вѣну. Въ Вѣнѣ онъ ближе познакомился съ славянами и въ частности съ своими соплеменниками русинами изъ Галиціи. Осенью онъ уѣхалъ въ Гейдельбергъ продолжать свои научныя работы, начатыя въ Берлинѣ. Но впечатлѣнія, полученныя имъ въ Германіи и Австріи отъ побѣдныхъ кликовъ и высокомѣрнаго торжества нѣмцевъ съ одной стороны и отъ жалкаго приниженнаго культурнаго и соціальнаго положенія славянъ съ другой, — не давали ему покоя. Въ своихъ „Австро-украинскихъ воспоминаніяхъ" онъ разсказываетъ, что онъ рѣшительно ни о чемъ больше

не могъ думать кромѣ, какъ о томъ, „какую силу проявило бы славянство, если бы въ немъ воспреобладала федеральная демократія въ духѣ Костомарова и Шевченка, а не ополяченіе, а потомъ московское „обрусеніе“. Чтобы не треснула голова, — говоритъ онъ, — я сѣлъ писать ту статью, которая была напечатана въ „Вѣстникѣ Европы“ въ 1872 г. кн. 2—5 подъ заглавіемъ: ‚Восточная политика Германіи и обрусеніе‘.“ Это было первое крупное публицистическое произведеніе М. П. Въ немъ уже были намѣчены всѣ основныя черты его политическаго міровоззрѣнія. Поэтому мы считаемъ нужнымъ привести характеристику содержанія этой статьи, которую самъ М. П. даетъ въ своемъ автобіографическомъ очеркѣ. „Точкою моего отправленія, — пишетъ онъ, — была мысль, что послѣ объединенія Италіи, паденія Наполеона, объединенія Германіи слѣдующій историческій моментъ долженъ быть паденіе Турціи и абсолютизма въ Россіи. Этотъ процессъ, который можно назвать эмансипаціей славянъ, усложняется тѣмъ обстоятельствомъ, что германская раса движется на Востокъ, гдѣ стремится господствовать надъ славянами. Русскій абсолютизмъ, на который многіе въ славянствѣ смотрятъ, какъ на освободителя и конкуррента воинственному германизму, есть въ сущности сознательный и безсознательный союзникъ послѣдняго, особенно тогда, когда онъ, желая подражать Пруссіи, пробуетъ „обрусеніе“ западныхъ провинцій Россіи подобно тому, какъ Пруссія германизируетъ свои восточныя провинціи. Между тѣмъ это обрусеніе уже потому невозможно, что оно не можетъ опереться на колонизацію; оно только ослабляетъ мѣстные народные элементы и дѣлаетъ ихъ менѣе способными противодѣйствовать чужому напору съ запада: въ Литвѣ, Бѣлоруссіи и Западной Украйнѣ — польскому, а въ самой Польшѣ — нѣмецкому. Выводъ: вмѣсто политики централизаціи и обрусенія во всей западной половинѣ Россіи приличнѣе политика самоуправленія областей и національностей, основанная на демократическомъ принципѣ. Такая политика даетъ Россіи особенную силу и въ западномъ славянствѣ и въ восточ-

номъ вопросѣ. Эти мысли я подкрѣплялъ въ моей статьѣ разборомъ нѣмецкихъ брошюръ и книгъ, совѣтующихъ Германіи захватить бассейнъ Вислы, а Австріи — Дуная и Балканы, обзоромъ отношенія поляковъ и великорусскихъ централистовъ къ возрожденію литовскому, бѣлорусскому и украинскому, а также отношенія русскихъ либераловъ, славянофиловъ и правительства къ польскому вопросу; въ концѣ я сдѣлалъ проектъ либерально-демократическихъ реформъ въ Польшѣ." Эти идеи М. П. развивалъ затѣмъ въ цѣломъ рядѣ другихъ статей, доказывая ихъ справедливость на основаніи самыхъ разнообразныхъ фактовъ, и разрабатывая въ этихъ статьяхъ матеріалъ, касающійся самыхъ различныхъ странъ. Изъ этихъ статей особаго упоминанія заслуживаютъ статьи: „Евреи и поляки въ югозападномъ краѣ", „Вѣстн. Евр." 1873, іюль; „Новокельтское и провансальское движеніе", „В. Евр." 1875, августъ, сентябрь; а также статья вырѣзанная цензурой изъ „В. Евр.", 1874, сентябрь, „Десять лѣтъ украинской литературы".

Тѣсно связаны съ этими статьями работы М. П. о галицко-русинскомъ литературномъ, общественномъ и политическомъ движеніяхъ. Изучая различныя направленія русинской литературы еще въ Россіи и затѣмъ встрѣчаясь и знакомясь съ галицкими русинами въ Вѣнѣ, онъ пришелъ къ заключенію, что относительно литературно-общественныхъ направленій, существующихъ среди галицкихъ русиновъ, господствуетъ сплошное недоразумѣніе. Дѣленіе русинскихъ партій на руссофильскую и украинофильскую совершенно неправильно, такъ какъ обѣ онѣ одинаково далеки отъ Россіи, какъ она представлена въ русской литературѣ. Онъ убѣдился, что основной чертой ихъ обѣихъ надо признать австро-рутенство, т. е. доморощенный клерикализмъ и господство самыхъ отсталыхъ литературныхъ, соціальныхъ и политическихъ воззрѣній, заимствованныхъ у австрійско-нѣмецкихъ и шляхетско-польскихъ бюрократическихъ и аристократическихъ круговъ. Имя „рутенство" наиболѣе подходитъ къ этому культурно-національному типу, такъ какъ оно, хотя и происходитъ отъ латинско-нѣмецкой передѣлки слова „русинъ", отличаетъ

этотъ типъ одинаково и отъ всего русскаго и отъ всего украинскаго. Впрочемъ онъ призналъ, что рутенство особенно свойственно руссофильской или москвофильской партіи, такъ какъ не зная ни русскаго языка, ни литературы, они преклоняются передъ Россіей оффиціальной и ея государственнымъ могуществомъ. Московскіе славянофилы, которые находились въ сношеніяхъ съ галицкими москвофилами еще со временъ Погодина, только поддерживали въ нихъ ложное представленіе о Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ австро-рутенство, такъ какъ вмѣсто того, чтобы знакомить ихъ съ живой русской литературой, они доставляли имъ только славянофильскія изданія, которыхъ въ самой Россіи почти никто не читаетъ. Въ противоположность этому галицкіе народовцы или украйнофилы, благодаря изученію украинской литературы, формальному культу Шевченка и знакомству съ научными трудами украинцевъ объ Украйнѣ на русскомъ языкѣ, всетаки усвоили нѣкоторыя демократическія и антиклерикальныя идеи, но и они сохранили еще много чисто рутенскихъ чертъ. Вообще М. П. нашелъ, что хотя галицкіе русины по своему географическому положенію и ближе къ Западной Европѣ, и хотя они и живутъ въ конституціонномъ государствѣ, тѣмъ не менѣе по своимъ политическимъ воззрѣніямъ, т. е. по отношенію къ соціально-политическому демократизму и радикализму они значительно больше отстали отъ Западной Европы, чѣмъ украинцы, живущіе въ самодержавной Россіи. Изъ всего этого М. П. сдѣлалъ выводъ, что русская литература своимъ демократизмомъ и радикализмомъ можетъ быть чрезвычайно полезна галицкимъ русинамъ даже въ національномъ отношеніи, такъ какъ, дѣлаясь демократами, они естественно будутъ становиться и украинцами потому, что работать имъ придется среди украинскаго народа. Онъ сейчасъ же принялся осуществлять эту идею, собирая русскія книги и деньги на покупку ихъ и жертвуя ихъ русинскимъ общественнымъ учрежденіямъ и библіотекамъ. Благодаря его стараніямъ, въ Вѣнскомъ русинскомъ обществѣ „Січ“ образовалась въ свое время самая богатая частная русская

библіотека въ Австріи. Объ этой своей дѣятельности онъ самъ говоритъ: „смѣло могу сказать, что ни одинъ московскій славянофилъ не распространилъ въ Австріи столько „московскихъ“ (русскихъ) книгъ, какъ я — „украинскій сепаратистъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ считая безплодными всякіе споры о національностяхъ, онъ предлагалъ прекратить ихъ и объединяться на реальной работѣ для народа.

Всѣ эти идеи онъ развивалъ и въ своихъ статьяхъ о литературномъ и общественномъ движеніи въ Галиціи по русски и по украински. Въ своихъ русскихъ статьяхъ на эти темы — „Русскіе въ Галиціи“, „Вѣст. Евр.“ 1873, янв., февраль и „Литературное движеніе въ Галиціи“, тамъ-же августъ-сентябрь — онъ естественно направлялъ свои критическіе удары противъ славянофиловъ, доказывая, что ихъ политика вредна даже съ чисто славянской или русской точки зрѣнія, такъ какъ, поддерживая только реакціонныя стремленія, она способствуетъ денаціонализаціи западныхъ славянъ и ведетъ только къ господству австрійскихъ бюрократическихъ и другихъ антинародныхъ элементовъ. Писать по украински М. П. пригласили галицкіе „народовцы“ (украинофилы), когда онъ проводилъ во Флоренціи третью зиму, прожитую имъ за границей во время своей командировки съ ученою цѣлью. Въ это время въ 1873 г. „народовцы“ возобновили при помощи украинцевъ въ Россіи свой журналъ „Правду“. М. П. сейчасъ же послѣдовалъ приглашенію и написалъ для „Правды“ нѣсколько литературно-историческихъ и литературно-критическихъ замѣтокъ и статеекъ. Однако съ самаго начала между нимъ и народовцами обнаружились разногласія по основнымъ вопросамъ. Чтобы разъ навсегда выяснить ихъ онъ написалъ большую статью — „Література россійська, великоруська, українська і галицька“, которая по настоянію украинцевъ въ Россіи и была напечатана по частямъ въ „Правдѣ“ въ 1873—74 гг., а также вышла отдѣльной брошюрой. Въ своихъ Австро-украинскихъ воспоминаніяхъ“ онъ говоритъ о ней: „Я задумалъ въ ней критически пересмотрѣть всю тогдашнюю украинофильскую и „народовскую“ ортодоксію, сдѣлать то

же самое съ ортодоксіей москвофильско-всерусскою, а въ концѣ дать очеркъ реалистически прогрессивнаго украинства и „всерускости“ совсѣмъ на другихъ основахъ. Мое намѣреніе лучше всего выражалось бы въ мотто: destruam et aedificabo! Но, посылая первую часть своей статьи Навроцкому (редактору „Правды“), я побоялся, что такое мотто покажется претенціознымъ и перемѣнилъ aedificabo на aedificabitis.“

Украинскія статьи М. П. въ „Правдѣ“ послужили внѣшнимъ поводомъ для удаленія его изъ Кіевскаго университета. Онъ возвратился въ Россію осенью 1873 года и всецѣло погрузился въ свои научныя труды, такъ что для занятій политикой у него сперва, по его собственному признанію, даже не было времени. Въ Кіевѣ въ его отсутствіе былъ открытъ Юго-Западный Отдѣлъ Географическаго Общества и по возвращеніи туда онъ сдѣлался дѣятельнымъ членомъ его. Тогда имъ было написано нѣсколько статей по украинской и славянской народной литературѣ на основѣ сравнительнаго метода. Кромѣ того онъ подготовлялъ большой сборникъ — „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, а также вышеупомянутыя „Историческія пѣсни малорусскаго народа“; первый томъ которыхъ былъ представленъ на Кіевскій Археологическій Съѣздъ 1874 г. Наконецъ какъ штатный доцентъ, которымъ онъ былъ утвержденъ по возвращеніи изъ-за границы, онъ читалъ въ университетѣ обязательные курсы для студентовъ по исторіи древняго міра. Понемногу онъ однако втянулся и въ публицистическую работу, а также и въ кружковую жизнь кіевскаго интеллигентнаго общества. Нѣкоторыя изъ вышеназванныхъ статей въ галицкихъ и петербургскихъ журналахъ, а также очень интересная статья — „Народныя нарѣчія и мѣстный элементъ въ преподаваніи“, „Вѣст. Евр.“ 1875, августъ, были написаны именно въ это время. Въ 1875 году ему открылось поле для публицистической дѣятельности и въ Кіевѣ, такъ какъ фактическое завѣдываніе редакціей мѣстной газеты „Кіевскій Телеграфъ“, перешло къ кружку украинцевъ, въ которомъ онъ былъ наиболѣе вы-

дающейся литературной силой. Въ „Кіевскомъ Телеграфѣ“ онъ написалъ рядъ статей по украинскому, галицкому и славянскому вопросамъ, въ которыхъ развивалъ вышеизложенныя идеи на основаніи новыхъ фактовъ, особенно первыхъ предвѣстниковъ готовящагося кризиса на Балканскомъ полуостровѣ. Одновременно онъ былъ занятъ также изданіемъ сборника произведеній поэта украинскихъ горцевъ „гуцуловъ“ Федьковича, къ которому онъ написалъ предисловіе по украински о развитіи галицко-украинской литературы. Хотя онъ не подписалъ ни одной своей публицистической статьи, ни въ украинскихъ, ни въ русскихъ журналахъ и газетахъ своей фамиліей, авторство его не оставалось тайной. Поэтому на него сыпались доносы въ министерство народнаго просвѣщенія. Конечно, однихъ этихъ доносовъ было бы достаточно для того, чтобы возбудить дѣло противъ М. П. Но у министра народнаго просвѣщенія гр. Дм. Толстого, присоединялись къ этому еще и личные счеты съ М. П., такъ какъ послѣдній не разъ задѣвалъ его въ своихъ статьяхъ, да и не могъ не задѣвать, когда писалъ по вопросамъ народнаго образованія вообще и о постановкѣ его въ югозападномъ краѣ въ особенности. Вслѣдствіе этихъ доносовъ попечитель призвалъ къ себѣ М. П. и сообщилъ ему желаніе министра, чтобы М. П. подалъ въ отставку. На вопросъ о причинѣ попечитель отвѣтилъ, что министру сдѣлалось извѣстно, что М. П. въ заграничныхъ изданіяхъ проповѣдуетъ „отдѣленіе Малороссіи отъ Россіи и присоединеніе ея къ Польшѣ“. Считая себя не виновнымъ въ предъявляемомъ ему обвиненіи, М. П. отказался подавать въ отставку, и въ доказательство нелѣпости обвиненія представилъ свои статьи въ „Правдѣ“. Затѣмъ на вакаціонное время онъ уѣхалъ въ Галицію, гдѣ посѣщалъ и народныя собранія, хотя, конечно, не выступалъ на нихъ. Изъ Галиціи послѣдовали новые доносы на этотъ разъ отъ галичанъ-москвофиловъ. Когда М. П. возвратился въ Кіевъ ему снова было предложено подать въ отставку, причемъ это дѣлалось уже по личному распоряженію Александра II, которому было доложено объ этомъ дѣлѣ. Но и на этотъ

разъ М. П. отказался признать себя виноватымъ безъ суда и слѣдствія и подать въ отставку, послѣ чего онъ былъ уволенъ министерствомъ по 3-ему пункту.

Послѣ своего увольненія отъ профессорскихъ обязанностей въ Университетѣ М. П. рѣшилъ ѣхать за границу для того, чтобы вести пропаганду въ русской заграничной печати въ пользу политической свободы и основывать вольную украинскую прессу. Въ этомъ намѣреніи его поддерживали всѣ его друзья и товарищи изъ кіевской украинской организаціи, такъ называемой „Громады". Кіевская „Громада", зародившаяся, по вышеприведенному свидѣтельству М. П., въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ видѣ студенческаго кружка, къ этому времени состояла исключительно изъ людей зрѣлыхъ, по преимуществу учителей гимназій и нѣсколькихъ профессоровъ университета. По аналогіи съ кіевской „Громадой" въ другихъ культурныхъ центрахъ Украйны — въ Одессѣ и Харьковѣ образовались свои украинскія организаціи, принявшія то же названіе. Кромѣ того, каждая „Громада" имѣла своихъ членовъ въ провинціи, такъ какъ переселяясь изъ университетскаго города въ меньшій культурный центръ „громадянинъ" обыкновенно не выходилъ изъ „Громады" и не порывалъ связей съ своею „Громадой". Часто такой „громадянинъ", живя въ не университетскомъ городѣ, находилъ въ немъ интеллигентныхъ украинцевъ, любившихъ свой народъ и стремившихся работать на его пользу, или же въ какомъ-нибудь университетскомъ городѣ собиралось нѣсколько членовъ изъ одной и той же „Громады" или изъ нѣсколькихъ упомянутыхъ „Громадъ", и тогда въ этомъ городѣ возникала своя „Громада". Благодаря своей распространенности и относительной прочности, существовавшей внутри ихъ и между ними связи, организаціи эти представляли довольно внушительную силу. Во всякомъ случаѣ ихъ интеллектуальная сила не можетъ подлежать сомнѣнію, такъ какъ онѣ заключали въ себѣ цвѣтъ интеллигенціи всей Южной Россіи. Въ частности кіевская „Громада" въ половинѣ семидесятыхъ годовъ занимала выдающееся положеніе по ум-

ственнымъ и общественнымъ силамъ, входившимъ въ нее, и по господствовавшему въ ней политическому радикализму. Это былъ также моментъ наибольшей солидарности между кіевской „Громадой“ и М. П., который состоялъ ея членомъ еще съ 1863 г.

Какъ было уже упомянуто выше, М. П. не былъ націоналистомъ. Но мы видѣли также, что какъ только возникало какое-нибудь практическое дѣло, педагогически-культурное или соціально-политическое на пользу народа, онъ сближался съ украинцами, даже чистыми націоналистами, потому, что для него было ясно, что для украинскаго народа можно работать только въ качествѣ украинца. Къ нему можно примѣнить слова, сказанныя имъ въ одной изъ его статей по поводу Гоголя: „Во времена Гоголя — говоритъ онъ — еще можно было написать „Вечера на хуторѣ“, „Тараса Бульбу“ не по малорусски, а теперь нельзя.“ Также точно во времена Гоголя, т. е. въ 20-хъ и 30-хъ годахъ XIX ст. еще можно было устраивать тайныя политическія сообщества въ южной Россіи даже демократически-федералистическаго направленія, каковымъ былъ союзъ „Соединенныхъ Славянъ“, не питая никакихъ украинскихъ симпатій и не чувствуя никакой солидарности съ украинскимъ народомъ. Но уже въ 40-хъ годахъ въ эпоху Кирило-Меѳодіевскаго Братства это было невозможно, начиная же съ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ каждый искренній демократъ и радикалъ, работающій на Украйнѣ и среди украинскаго народа долженъ становиться украинцемъ. М. П. приходилъ къ украинству, исходя изъ общечеловѣческихъ идеаловъ, созданныхъ европейской цивилизаціей, и въ частности изъ принциповъ политическаго радикализма и демократизма. Какъ послѣдовательно мыслящій человѣкъ, охватывавшій при громадной научной эрудиціи положеніе украинскаго народа не только въ Славянствѣ, но и вообще въ Европѣ и разсматривавшій его судьбы не только въ послѣднее столѣтіе, но и во всѣ предшествующія, онъ приходилъ къ заключенію, что высшіе соціальные, политическіе и культурные идеалы европейской цивилизаціи могутъ быть осу-

ществлены на украинской почвѣ и среди украинскаго народа только въ украинской національной формѣ. Но его украинство не было результатомъ только логическихъ выкладокъ и чисто умственной работы. Мы видѣли выше, что, знакомясь съ украинскимъ народомъ, изучая его исторію и литературу, особенно народную поэзію, онъ горячо полюбилъ его. Такимъ образомъ, не будучи націоналистомъ, онъ сталъ горячимъ и преданнымъ украинскимъ патріотомъ. Великорусскіе соціалисты-революціонеры, конечно, не могли понять такой точки зрѣнія; они принимали украинскій патріотизмъ М. П. за націонализмъ и упрекали его за него. Сами они, называя себя интернаціоналистами, конечно, стремились казаться равнодушными къ національности. Но это имъ плохо удавалось, такъ какъ, будучи народниками, они основывали свою вѣру въ близость соціальной революціи, на чрезмѣрной переоцѣнкѣ нѣкоторыхъ національно-русскихъ учрежденій — общины и артели; и потому ихъ интернаціонализмъ и антинаціонализмъ часто сводился къ тому, что они требовали отъ представителей всѣхъ невеликорусскихъ націй равнодушія къ своему народу и признанія великорусскихъ національныхъ чертъ единственно спасительными для соціальной революціи.

Конечно, въ кіевской „Громадѣ“ число членовъ, придерживавшихся тѣхъ же взглядовъ, что и М. П., было невелико. Большинство принадлежало къ украинскимъ націоналистамъ. Но различія эти въ то время сглаживались вслѣдствіе общаго радикально-демократическаго настроенія всей „Громады“. Политическому радикализированію „Громады“ способствовали два обстоятельства: во-первыхъ, ожидавшіяся репрессіи противъ украинской литературы, которыя не замедлили воспослѣдовать уже въ 1876 г., когда былъ изданъ знаменитый указъ, почти совсѣмъ воспрещавшій украинскую литературу, и было закрыто даже чисто научное общество Юго-Западный Отдѣлъ Географическаго Общества, а, во-вторыхъ, готовящійся кризисъ въ русской государственной жизни. Этотъ кризисъ М. П. и его друзья вполнѣ опредѣленно предвидѣли еще въ 1875—76 гг. Но

они ошибались относительно его исхода, — они были убѣждены тогда, что онъ приведетъ къ учрежденію конституціоннаго строя въ Россіи и никакъ не могли предвидѣть послѣдовавшей за кризисомъ реакціи Александра III.

Мы видимъ, что М. П. отправлялся заграницу не одиночнымъ партизаномъ, и что за нимъ стояли довольно солидныя общественныя силы, на которыя въ то время дѣйствительно можно было опереться. Его миссія заключалась въ томъ, чтобы отстаивать въ русской и украинской прессѣ идеи политическаго федерализма, и способствовать болѣе благопріятному для областного и національнаго автономизма разрѣшенію государственнаго кризиса въ Россіи; во всякомъ случаѣ нужно было предотвратить разрѣшеніе этого кризиса путемъ учрежденія чисто централистической конституціи, при которой Украйна и украинскій народъ могли бы попасть въ еще болѣе угнетенное положеніе, чѣмъ при самодержавіи. За границу М. П. выѣхалъ въ началѣ 1876 года, такъ какъ ему пришлось прожить еще около полугода въ Кіевѣ для того, чтобы закончить свои научныя и литературныя работы. Первоначально онъ поселился въ Вѣнѣ, разсчитывая, живя въ ней, одновременно дѣйствовать и для русской, и для галицкой Украйны. Къ этому времени онъ окончательно разошелся съ галицкими „народовцами“ (украйнофилами), въ чемъ его въ значительной мѣрѣ поддерживала тогда и кіевская „Громада“. Но правильность его программы и тактики по отношенію къ галицкимъ русинамъ были именно въ это время подтверждены однимъ изъ крупнѣйшихъ его успѣховъ среди галицкой молодежи и вообще въ Галиціи. Подъ вліяніемъ его статей въ рутенско-москвофильской газетѣ „Другъ“, органѣ москвофильской же студенческой организаціи „Академическій Кружокъ“, были напечатаны произведенія русской литературы на чисто русскомъ и даже отчасти на великорусскомъ народномъ языкѣ, какъ, напримѣръ, нѣкоторые разсказы Глѣба Успенскаго. На этихъ примѣрахъ редакція „Друга“ и его читатели наглядно убѣдились, насколько живой русскій языкъ и настоящая русская литература отличаются отъ той мер-

твечины, которая имъ преподносилась въ различныхъ галицко-москвофильскихъ органахъ, не исключая и самого „Друга“, въ качествѣ произведеній доморощенной „русской“ литературы на общерусскомъ языкѣ. Послѣ этого редакція „Друга“ объявила, что основой для живой галицко-русинской литературы можетъ быть только языкъ, на которомъ говоритъ народъ въ Галиціи, т. е. языкъ украинскій. Вмѣстѣ съ тѣмъ исчезло основаніе для раздѣленія русинскихъ студенческихъ организацій на москвофильскія и украйнофильскія, и потому москвофильскій „Академическій Кружокъ“ и украйнофильскій „Дружный Лихварь“ объединились. Изъ редакціи „Друга“ вышли самый талантливый галицко-украинскій поэтъ и ученый Ив. Франко и самый стойкій и послѣдовательный публицистъ и политическій дѣятель М. Павликъ. Несмотря, однако, на такой успѣхъ въ Галиціи, М. П. скоро убѣдился, что ему нельзя свободно дѣйствовать, живя въ Австріи, такъ какъ австрійская полиція начала подвергать конфискаціи его изданія. Въ послѣдовавшіе затѣмъ годы онъ былъ даже совсѣмъ лишенъ возможности непосредственно вліять на галицкихъ украинцевъ, такъ какъ галицкою полиціей, начиная съ 1877 года, былъ возбужденъ рядъ процессовъ противъ первыхъ галицко-украинскихъ соціалистовъ, вышедшихъ изъ редакціи „Друга“, что вызвало страшную панику среди всего русинскаго общества въ Галиціи. При этомъ особенно ярко обнаружилось, что конституція, не завоеванная упорной борьбой, а дарованная сверху, каковой является австрійская конституція въ Галиціи, фактически не гарантируетъ ни неприкосновенности личности, ни личныхъ и общественныхъ свободъ. Поэтому впослѣдствіи М. П. приходилось проповѣдовать галичанамъ, прежде всего, необходимость борьбы за элементарныя личныя и общественныя свободы; читатель лучше всего можетъ убѣдиться въ этомъ, ознакомившись съ рядомъ его статей о галицкихъ дѣлахъ, которыя мы перепечатываемъ въ предлагаемомъ томѣ изъ „Вольнаго Слова“. Самъ М. П. послѣ того, какъ первыя его изданія были сконфискованы въ Австріи, перенесъ свою

дѣятельность въ Женеву, куда онъ переѣхалъ на постоянное жительство еще въ 1876 году, и гдѣ прожилъ безвыѣздно, если не считать небольшихъ поѣздокъ въ Парижъ и Италію, до осени 1889 г.

О жизни М. П. въ качествѣ эмигранта лучше всего свидѣтельствуютъ предлагаемые два тома его политическихъ сочиненій. Въ теченіи почти двадцати лѣтъ, которыя онъ прожилъ до своей смерти заграницей, не было ни одного сколько-нибудь важнаго политическаго вопроса, на который онъ не отозвался бы, какъ политическій писатель. Что въ началѣ девяностыхъ годовъ онъ какъ будто бы замолкъ, зависѣло не отъ него, а отъ положенія русскаго общества и русской заграничной прессы. Притомъ онъ замолкъ только на русскомъ языкѣ, на украинскомъ же онъ именно въ это время развилъ такую же плодотворную писательскую дѣятельность, какъ и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ.

Какъ публицистъ и политическій писатель М. П. отзывался на всѣ злобы дня, но онъ ничего не написалъ только на злобу дня. По поводу всякаго частнаго событія онъ выдвигалъ принципіальные вопросы и пользовался имъ для того, чтобы широко поставить и развить свою общую соціальную и политическую программу. Впрочемъ, въ началѣ его заграничной свободной писательской дѣятельности передъ Россіей были поставлены самые общіе вопросы, выдвинутые возстаніемъ южныхъ славянъ и послѣдовавшей за нимъ русско-турецкой войной. Въ своихъ брошюрахъ по поводу войны М. П. поспѣшилъ указать на то, что Россія не можетъ вести успѣшной внѣшней политики, а тѣмъ болѣе внѣшней войны, пока внутри ея безраздѣльно господствуетъ бюрократія, а русское общество осуждено на безмолвіе; онъ неутомимо доказывалъ, что нельзя освобождать „славянскихъ братьевъ“ отъ „турокъ внѣшнихъ“, пока надъ „освободителями“ ненарушимо властвуютъ „турки внутренніе“, что учреждать свободу въ чужой странѣ могутъ только люди свободные у себя дома, что свобода — чистое дѣло и требуетъ чистыхъ рукъ, и что люди, запятнавшіе себя интендантскими и другими хищеніями и крова-

вымн усмиреніями ограбленныхъ своими бывшими помѣщиками крестьянъ, своимъ прикосновеніемъ къ дѣлу свободы только погубятъ ее. Въ связи съ славянскимъ вопросомъ стоялъ и вопросъ объ Украйнѣ, которая открыла для Московскаго государства въ XVII ст. Черное море и поставила передъ Россіей задачу изгнанія турокъ изъ Европы и превращенія Балканскаго полуострова въ свободную федерацію южнославянскихъ государствъ съ вѣроятнымъ присоединеніемъ къ ней Греціи, Албаніи и Румыніи. Эта задача, такъ называемый Восточный вопросъ, стоила Россіи невѣроятнаго количества безполезныхъ жертвъ, къ которымъ надо отнести и русско-турецкую войну, и тѣмъ не менѣе она до сихъ поръ не выполнена; а между тѣмъ при правильной политикѣ и при дѣйствительной нравственной поддержкѣ южно-славянскихъ народовъ со стороны Россіи, она была бы выполнена самими этими народами безъ кровавыхъ войнъ Россіи съ Турціей. Причина такой массы безполезныхъ жертвъ заключалась въ томъ, что политика русскаго правительства была не безкорыстной и „освободительной", каковой ее прославляли различные оффиціозы и всякіе прихлебатели оффиціальныхъ сферъ среди русской прессы, а чисто эгоистической и завоевательной. М. П. считалъ нужнымъ указывать на то, что по отношенію къ южнымъ славянамъ теперь примѣняется русской бюрократіей та же политика, которая примѣнялась по отношенію къ Украйнѣ московскимъ приказнымъ строемъ въ XVII вѣкѣ и петербургскимъ бюрократическимъ режимомъ въ XVIII в. Украйна, примкнувшая къ Московскому государству, какъ къ освободителю отъ магнатско-іезуитскихъ порядковъ, созданныхъ Люблинской и Брестской Уніями, попала еще въ большее порабощеніе, благодаря бюрократическому самодержавію. Порабощеніе Украйны достигло своего кульминаціоннаго пункта какъ разъ наканунѣ русско-турецкой войны въ знаменитомъ указѣ 1876 года, почти совсѣмъ упразднявшемъ украинскую литературу. Для М. П. было ясно, что окончательное порабощеніе Украйны, какъ крупный успѣхъ русскаго самодержавнаго правительства, знаменовало также

усиленіе и закрѣпленіе порабощенія всего русскаго народа. Какъ украинецъ онъ съ особенной силой созналь цѣнность личной и общественной свободы для украинскаго и всего русскаго народа. Неутомимой проповѣди свободы личности и общества и требованію конституціонныхъ гарантій для нея онъ прежде всего и посвятилъ свою литературно-политическую дѣятельность.

Но М. П. былъ не только неутомимымъ проповѣдникомъ личныхъ и общественныхъ свободъ; онъ былъ въ нѣкоторомъ смыслѣ и первымъ ихъ проповѣдникомъ въ Россіи. Значеніе свободы личности, осуществимой лишь при конституціонныхъ учрежденіяхъ, не сознавалъ даже К. Д. Кавелинъ, когда спорилъ въ 1862 г. съ Герценомъ по поводу необходимости для Россіи конституціи, нападая на тѣ дворянскія собранія, которыя подняли тогда этотъ вопросъ. Онъ понималъ конституцію только въ смыслѣ участія народнаго представительства въ законодательствѣ и управленіи страной. Что касается самого Герцена, то онъ, хотя и ясно видѣлъ громадное значеніе личной и общественной свободы для Западной Европы, хотя и вывезъ изъ Россіи непримиримую ненависть къ самодержавію и сознаніе невозможности жить на родинѣ при отсутствіи свободы личности, хотя и твердо усвоилъ западноевропейскія политическія ученія, основанныя на признаніи неотъемлемыхъ правъ человѣка и гражданина, тѣмъ не менѣе онъ не сдѣлалъ политическое освобожденіе личности предметомъ столь же пламенной проповѣди, какъ освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Между тѣмъ именно послѣ освобожденія крестьянъ и особенно послѣ подавленія польскаго возстанія все свидѣтельствовало о томъ, что утвержденіе правъ личности и свободы общества есть насущнѣйшая задача времени. Даже упорный западникъ Тургеневъ въ своемъ спорѣ съ Герценомъ о славянствѣ и западѣ только старался убѣдить противника въ превосходствѣ Запада, ссылаясь на его неумирающую культуру и на присущее всему строю его жизни уваженіе къ правамъ личности и къ общественной свободѣ; но и онъ не указалъ Герцену на то, что свобода

личности является ближайшею насущною потребностью русскаго народа, и лишь осуществленіе ея приблизитъ Россію къ Западу; и онъ не посовѣтовалъ Герцену замѣнить проповѣдь созданной имъ своеобразной смѣси славянофильскаго мессіанства, народничества и соціализма энергичной проповѣдью свободы личности, общества и государства. Еще менѣе считали нужнымъ отстаивать въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ свободу личности, какъ основное политическое благо, представители „русской соціологической школы" П. Л. Лавровъ и Н. К. Михайловскій, несмотря на то, что они неутомимо развивали свои идеи всесторонне развитой и безусловно цѣльной, нормальной личности. Понятно, что и соціально-революціонная русская интеллигентная молодежь начала семидесятыхъ годовъ, беззавѣтно отдавшаяся народному дѣлу, которое она видѣла въ осуществленіи аграрнаго соціализма, и съ полнымъ самоотверженіемъ ушедшая въ народъ проповѣдовать его среди крестьянскаго и рабочаго люда, менѣе всего думала о свободѣ личности и общества, а конституціонный строй она вполнѣ отождествляла съ господствомъ буржуазіи. Среди этого полнаго невниманія къ самой насущной потребности русскаго народа М. П. съ своей неутомимой проповѣдью личной и общественной свободы и представительныхъ конституціонныхъ учрежденій, которую онъ велъ, начиная съ середины 70-хъ годовъ, занимаетъ совершенно исключительное мѣсто.

Явившись первымъ русскимъ писателемъ, сдѣлавшимъ проповѣдь правъ личности и политической свободы своимъ главнымъ дѣломъ, М. П. не провозглашалъ, конечно ничего абсолютно новаго для русской жизни. Идеи политической свободы, выработанныя въ Западной Европѣ еще въ половинѣ XVII столѣтія, составляютъ неотъемлемую принадлежность всякаго европейски образованнаго человѣка. Съ тѣхъ поръ, какъ они выработаны, ни одна общественная группа и ни одинъ политическій писатель, стоящіе на уровнѣ европейскаго образованія, не могутъ не видѣть ихъ цѣнности и значенія и хотя бы отъ времени до времени не настаивать на нихъ. Согласно съ этимъ и въ

Россіи традиціи борьбы съ самодержавіемъ и за политическую свободу тянутся отъ декабристовъ черезъ Герцена къ революціонерамъ шестидесятыхъ годовъ и отъ этихъ послѣднихъ къ народникамъ и народовольцамъ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ. Но въ этой славной традиціи русскаго общества значеніе М. П. вполнѣ опредѣленно выдвигается, какъ перваго русскаго конституціоналиста-демократа, творца первой русской конституціонной теоріи. „Онъ первый далъ русской демократіи широкую и ясную политическую программу.“ Онъ первый опредѣленно и рѣзко выяснилъ русскому обществу значеніе конституціонныхъ учрежденій и указалъ на громадную политическую и общественную цѣнность свободы лица и принциповъ самоуправленія. Будучи соціалистомъ, онъ былъ въ то же время послѣдовательнымъ либераломъ и демократомъ, каковыми всегда и являются истинные соціалисты. Онъ неутомимо доказывалъ, что либерализмъ прежде всего въ высшей степени цѣненъ для соціализма, такъ какъ и пропаганда и осуществленіе послѣдняго возможны только на основѣ личной, общественной и государственной свободы. Въ то же время онъ никогда не смотрѣлъ на политическую свободу только какъ на средство для осуществленія соціализма и признавалъ за нею вполнѣ самостоятельное и неизмѣнное культурное политическое и общественное значеніе. Въ этомъ отношеніи его идеи въ высшей степени современны, и онъ какъ бы непосредственно вмѣшивается въ современную борьбу политическихъ партій и направленій.

Защиту идей политической свободы и конституціонныхъ формъ государственнаго устройства, какъ единственнаго способа ихъ осуществленія въ жизни, М. П. долженъ былъ соединять съ критикой тѣхъ воззрѣній, въ томъ числѣ и революціонныхъ, въ которыхъ онъ видѣлъ неправильное пониманіе и оцѣнку свободныхъ политическихъ формъ. Необходимость критики диктовалась тѣмъ обстоятельствомъ, что М. П. никогда не могъ признать удовлетворительнымъ рѣшеніемъ вопроса о политической свободѣ созданіе ~~лишь~~ центральнаго народнаго представительства. Исходя изъ

идей федерализма, основаннаго на самомъ широкомъ признаніи автономныхъ правъ политическихъ, соціальныхъ и національныхъ группъ, онъ, желая въ то же время оставаться на почвѣ реальной политики, требовалъ, чтобы въ Россіи представительство государственное было тѣсно связано съ представительствомъ мѣстнымъ и областнымъ, и чтобы участіе народа и его представителей въ рѣшеніи общегосударственныхъ вопросовъ опиралось на широкое развитіе мѣстнаго самоуправленія. Прибѣгать къ критикѣ чужихъ взглядовъ М. П. особенно часто приходилось, начиная съ восьмидесятыхъ годовъ, когда на борьбу за политическую свободу выступили русскіе революціонеры. Проявляя исключительную энергію и безпримѣрный героизмъ въ борьбѣ съ царизмомъ, русскіе террористы сравнительно мало заботились о правильности своихъ теоретическихъ взглядовъ, такъ какъ къ борьбѣ за политическую свободу они пришли эмпирически, путемъ практики, а не путемъ теоретическаго развитія своихъ идей. Въ своихъ статьяхъ въ „Вольномъ Словѣ“ М. П. не разъ приходилось оспаривать правильность ихъ взглядовъ, а въ рядѣ статей въ томъ же журналѣ, изданныхъ затѣмъ и отдѣльной книжкой, подъ заглавіемъ „Историческая Польша и великорусская демократія“ онъ исторически и критически разсмотрѣлъ революціонное движеніе въ Россіи, начиная съ шестидесятыхъ годовъ, въ связи съ польскимъ и украинскимъ вопросомъ и вообще съ вопросомъ о политической свободѣ и децентрализаціи въ Россіи. Въ концѣ этой книги онъ развилъ свою программу, основанную на принципѣ автономіи земскихъ единицъ, т. е. сельскихъ и городскихъ общинъ, волостей, уѣздовъ, губерній и областей. Одновременно Земскій Союзъ вырабатывалъ свою программу, и оказалось, что обѣ программы сошлись въ основныхъ принципахъ. Это совпаденіе объясняется, конечно, тѣмъ, что обѣ программы принимали за исходную точку единственную организованную общественную силу — Земство, и что въ предшествующіе годы самымъ энергичнымъ проповѣдникомъ идеи политической свободы былъ самъ М. П., убѣжденный

федералистъ и автономистъ. Благодаря этому совпаденію программъ произошло и организаціонное сближеніе между Земскимъ Союзомъ и М. П. и ему было поручено редактированіе „Вольнаго Слова“. Самъ М. П. въ добавленіи къ своему автобіографическому очерку разсказываетъ объ этомъ сближеніи слѣдующее: „Въ концѣ 1882 г. мнѣ было предложено спеціальнымъ делегатомъ „Земскаго Союза“ принять на себя редакцію „Вольнаго Слова“. Я согласился и старался сдѣлать изъ газеты, первоначально основанной съ цѣлью дать возможность разнымъ оппозиціоннымъ и революціоннымъ элементамъ въ Россіи высказать свободно свои мнѣнія, прямо органъ агитаціи въ пользу политической свободы съ земскимъ самоуправленіемъ; при этомъ я отводилъ въ газетѣ много мѣста соціальному вопросу, имѣя въ виду представить русской публикѣ, какъ соціалистической, такъ и болѣе консервативной всѣ оттѣнки въ постановкѣ соціальнаго вопроса въ Западной Европѣ и Америкѣ, чтобъ такимъ образомъ отклонять ее отъ суммарныхъ приговоровъ всякаго рода по этому вопросу.“ Казалось, что благодаря „Вольному Слову“ и „Земскому Союзу“ наступитъ моментъ, когда М. П. получитъ наконецъ возможность опереться въ своей пропагандѣ и агитаціи на широкое общественное движеніе. Но этотъ моментъ продолжался очень не долго. Усилившаяся правительственная реакція, а главнымъ образомъ начавшаяся въ это время реакція общественная скоро задушила и Земскій Союзъ, и „Вольное Слово“. Въ томъ же мѣстѣ М. П. говоритъ объ этомъ: „въ маѣ 1883 г. „Вольное Слово“ прекратилось вслѣдствіе распаденія Земскаго Союза подъ вліяніемъ разочарованія тѣхъ его членовъ, которые расчитывали на возможность добиться созванія Земскаго Собора ко времени коронаціи Александра III и скучали долговременной агитаціей въ обществѣ, отъ которой я только и ожидалъ благопріятнаго результата.“

„Въ 1883 г. лѣтомъ — продолжаетъ онъ — мнѣ было доставлено изъ Россіи нѣсколько политико-соціальныхъ программъ, составленныхъ въ разныхъ украинскихъ кружкахъ, находившихся въ сношеніяхъ съ активными русскими

революціонерами. Эти программы отличались отъ программъ этихъ послѣднихъ, проникнутыхъ болѣе или менѣе якобинскимъ централизмомъ, и сближались съ моими идеями въ пунктѣ федерализма. Въ концѣ іюня прибылъ въ Женеву делегатъ двухъ изъ этихъ кружковъ съ цѣлью выработать вмѣстѣ со мною программу для основанія политическаго общества „Вольный Союзъ“, которое задалось бы цѣлью агитаціи въ этомъ духѣ преимущественно на Украйнѣ, но не упуская изъ виду и всей Россіи. Изъ долгихъ разговоровъ съ этимъ делегатомъ, а также съ другимъ, который принадлежалъ къ „народновольческой“ организаціи, но дѣйствовалъ на югѣ, имѣлъ украинскія симпатіи и готовъ былъ присоединиться къ „Вольному Союзу“, я увидѣлъ, что между мною и этими делегатами полнаго согласія нѣтъ. Они не желали, по моему, въ такой степени, какъ я, сосредоточенія дѣятельности „Вольнаго Союза“ на Украйнѣ, а слишкомъ скоро хотѣли раскинуть его работу на всю Россію; въ то же время они находили ненужнымъ усложненіемъ дѣла мое вниманіе къ Австрійской Руси, а еще болѣе къ политикѣ западно-славянской; кромѣ того они считали нужнымъ и даже въ ту минуту солидарныя отношенія съ кружками русскихъ революціонеровъ (народновольцевъ), которыхъ я считалъ морально уже отжившими, а также опасными по ихъ перепуганности съ agents provocateurs (скоро обнаружившаяся двойная роль Дегаева, агента полиціи и „Народной Воли“ въ одно время вполнѣ подтвердила мои опасенія); наконецъ мои собесѣдники скучали долговременной подготовительной дѣятельностью для постановки вопроса о политической реформѣ Россіи согласно нашимъ идеямъ, а хотѣли больше всего поскорѣе заманифестовать себя какимъ нибудь громкимъ казусомъ, вродѣ „народновольческихъ“ предпріятій, но только съ федерально-украинскою окраскою.“

„По всему этому выработка программы подвигалась довольно медленно, но наконецъ въ концѣ августа программа была окончена, сущность ея была напечатана и отвезена делегатами въ Россію. Но тутъ полиція уже выслѣдила

главныхъ „вольносоюзниковъ“ (между прочимъ именно по связямъ ихъ съ народовольцами), и предполагаемое политическое общество умерло въ самомъ началѣ. Впрочемъ наши политическіе друзья пожелали, чтобъ я всетаки выпустилъ печатную программу „Вольнаго Союза“, что я и сдѣлалъ, такъ какъ не терялъ надежды, что идеи ея найдутъ себѣ хоть постепенно сочувствіе въ разныхъ общественныхъ элементахъ въ Россіи, особенно на югѣ и востокѣ. Я только считалъ теперь нецѣлесообразною форму моей книжки, которая соотвѣтствовала уставу политическаго общества, но перемѣнять ее было уже поздно. Но какъ мало я разсчитывалъ на непосредственное одобреніе моей книжки, видно изъ того, что я кончилъ ее словами Ренана: ‚Le moyen d'avoir raison dans l'avenir est à certaines heures de savoir se resigner à être démodé‘.“

Программа, изложенная въ книжкѣ „Вольный Союзъ“, впервые напечатанной въ 1884 г., заключаетъ въ себѣ также и проектъ русской конституціи. Это былъ вообще первый подробно разработанный проектъ конституціонной реорганизаціи Россіи. Въ немъ особенно обращаетъ на себя вниманіе параграфъ, устанавливающій всеобщее избирательное право, причемъ правомъ избирать пользуются всѣ граждане, достигшіе 21-лѣтняго возраста. Здѣсь мы имѣемъ безспорное доказательство того, что русскій либерализмъ, передовымъ глашатаемъ котораго въ концѣ семидесятыхъ и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ былъ М. П., — поскольку онъ вообще, какъ украинецъ, могъ быть представителемъ общерусскаго либерализма — всегда неизмѣнно отстаивалъ это основное требованіе политическаго демократизма. Но самую характерную черту этого проекта составляетъ требованіе широкаго мѣстнаго самоуправленія, особенно областного, какъ основы государственнаго самоуправленія, осуществляемаго центральнымъ народнымъ представительствомъ.

Проектъ русской конституціи, изложенный въ „Вольномъ Союзѣ“ долгое время былъ единственнымъ. Только спустя десять лѣтъ около середины девяностыхъ годовъ въ Россіи

былъ составленъ и пущенъ по рукамъ другой „Проектъ Русской Конституціи“, который въ 1895 г. былъ изданъ Фондомъ Вольной Русской Прессы въ Лондонѣ со статьей Степняка. Этотъ второй проектъ чрезвычайно похожъ на проектъ М. П.; въ немъ нѣкоторые пункты только болѣе подробно разработаны, въ другихъ же сдѣланы гораздо большія уступки современному государственному строю въ Россіи, напримѣръ, сохраненъ Государственный Совѣтъ вмѣсто Союзной Думы, предложенной въ „Вольномъ Союзѣ“ въ качествѣ второй палаты. Въ своей статьѣ, посвященной сравненію этихъ двухъ проектовъ, С. Степнякъ говоритъ по поводу этого сходства: „оба эти проекта представляютъ разительное сходство въ наиболѣе существенныхъ чертахъ. Но мы не думаемъ объяснять этого заимствованіемъ. Вѣдь и Драгомановъ не выдумывалъ своего проекта, а лишь приспособлялъ къ русскимъ условіямъ образцы общественнаго устройства свободныхъ государствъ, испытанные долголѣтнимъ опытомъ.... Сходство обоихъ проектовъ показываетъ только, что оба составителя признали наиболѣе соотвѣтствующими для Россіи одни и тѣ же великіе образцы.“ Мы однако не можемъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ С. Степняка и думаемъ, что онъ былъ не правъ. Конечно, ни въ одной области законодательства не производилось столько заимствованій, какъ при составленіи конституцій, и теперь вообще даже невозможно выработать конституцію совсѣмъ свободную отъ заимствованій. Но образцы, изъ которыхъ можно заимствовать, чрезвычайно различны, а иногда и прямо противоположны, начиная отъ французскихъ централистически-якобинскихъ и заканчивая американскими и швейцарскими федералистическими конституціями. Что М. П. производилъ свои заимствованія у американскихъ и швейцарскихъ образцевъ, объясняется тѣмъ, что онъ былъ украинцемъ, а какъ украинецъ онъ имѣлъ много поводовъ и случаевъ убѣдиться, какимъ зломъ является государственный централизмъ. Съ самаго появленія своего за границей онъ всегда соединялъ пропаганду политической свободы съ борьбою противъ централизма и съ проповѣдью федерализма или по крайней мѣрѣ широкаго

областного самоуправленія. Особенно энергично противъ государственнаго централизма во всѣхъ его формахъ и видахъ ему пришлось бороться вслѣдствіе того, что русскіе революціонные круги всегда проявляли симпатію и естественную склонность къ французскимъ якобинскимъ теоретическимъ взглядамъ и тактическимъ пріемамъ. Благодаря этой неустанной анти-государственно-централистической проповѣди М. П. въ восьмидесятыхъ и первой половинѣ девяностыхъ годовъ и либеральное движеніе въ Россіи отличалось очень сильными федералистическими симпатіями, въ противоположность революціоннымъ движеніямъ, по большей части централистическимъ. Симпатіи къ федерализму тѣмъ болѣе естественны для русскаго либерализма, что онъ опирался, а въ значительной мѣрѣ и теперь опирается на земство. Въ виду этого общаго вліянія М. П. на развитіе и пониманіе идей либерализма въ Россіи, мы увѣрены, что и авторъ „Проекта русской конституціи", опубликованнаго Лондонскимъ Фондомъ, долженъ былъ испытать на себѣ непосредственное вліяніе какъ идей, такъ и литературныхъ произведеній М. П. Очень важнымъ косвеннымъ доказательствомъ нашего мнѣнія мы считаемъ то обстоятельство, что въ послѣднія десять лѣтъ, истекшія уже послѣ смерти М. П., когда вліяніе его идей естественно сильно ослабѣло, въ русскомъ либерализмѣ начали преобладать симпатіи къ „другимъ великимъ образцамъ" конституціонныхъ учрежденій. Чтобы убѣдиться въ этомъ достаточно хотя бы въ общихъ чертахъ сравнить Проектъ Конституціи, изложенный въ „Вольномъ Союзѣ" съ „Основнымъ государственнымъ закономъ Россійской Имперіи", составленнымъ группой петербургскихъ и московскихъ членовъ „Союза Освобожденія". Въ послѣднемъ обойденъ даже польскій вопросъ. Но самое поразительное то, что этотъ проектъ не расширяетъ компетенцій земствъ и другихъ единицъ самоуправленія и не создаетъ для нихъ гарантій, опредѣляемыхъ самой конституціонной хартіей, а предоставляетъ установленіе этихъ компетенцій и ихъ гарантій обыкновенному законодательству. Проектъ также не предоставляетъ исключительно судебнымъ

органамъ рѣшеніе споровъ о компетенціи между органами центральнаго правительства и органами мѣстнаго самоуправленія. Даже при переработкѣ этого проекта „комиссіей бюро общеземскихъ съѣздовъ“ въ проектъ не было внесено никакихъ измѣненій въ этихъ пунктахъ. Мы видимъ въ послѣднемъ обстоятельствѣ несомнѣнное доказательство того, что въ то время какъ энергія и активность въ борьбѣ за общегосударственное представительство неизмѣримо возросли среди земскихъ дѣятелей, интересъ къ вопросамъ земскаго и вообще мѣстнаго самоуправленія среди нихъ значительно ослабѣлъ въ послѣднее время. Въ противоположность этимъ проектамъ проектъ, изложенный въ сочиненіи „Вольный Союзъ“, выгодно отличается именно въ этихъ пунктахъ тѣмъ, что въ саму конституцію введено опредѣленіе компетенцій единицъ мѣстнаго самоуправленія, что эти компетенціи значительно расширены, и это связано съ созданіемъ болѣе крупной и потому болѣе вліятельной и самостоятельной единицы самоуправленія, чѣмъ губернское земство, — областного земства, и что рѣшеніе спора о границахъ компетенціи между органами мѣстнаго самоуправленія и центральнымъ правительствомъ предоставлено исключительно суду. Считаемъ нужнымъ отмѣтить, что иностранцы, которые, конечно, лучше знакомы съ тѣмъ, какъ функціонируютъ конституціонныя учрежденія въ жизни, обратили вниманіе на игнорированіе вопросовъ о компетенціи земствъ въ проектахъ, вышедшихъ изъ среды „Союза Освобожденія“, и выдвинули въ противоположность имъ преимущества проекта, изложеннаго въ „Вольномъ Союзѣ“.[1]

Выше мы указали на то, что М. П. могъ выработать такой проектъ конституціи, какъ изложенный въ программѣ „Вольный Союзъ“ только какъ украинецъ. Мы должны, однако, оговориться, что онъ вырабатывалъ его не какъ украинскій націоналистъ, такъ какъ націоналистомъ онъ

[1] Ср. Max Weber. Zur Lage der bürgerlichen Demokratie in Russland. Archiv für Sozialwissenschaft XXII, 1.

никогда не былъ. Ни одинъ украинскій націоналистъ, даже совершенно чуждый какому бы то ни было шовинизму, не признаетъ „Вольный Союзъ“ своею программою. Онъ будетъ настаивать на національной автономіи Украйны, какъ цѣльной, національной, культурной, политической и соціальной единицы. Между тѣмъ, читатель можетъ самъ убѣдиться, что національная автономія Украйны, какъ таковой, совсѣмъ не предусматривается программой „Вольнаго Союза“; она выдвигаетъ, какъ основное требованіе, созданіе только областной автономіи. Самъ М. П. въ своемъ автобіографическомъ очеркѣ говоритъ о послѣдней слѣдующее: „въ рамкахъ этой автономіи я полагалъ и разрѣшеніе національныхъ вопросовъ въ Россіи, высказываясь, такимъ образомъ, противъ всякихъ сепаратизмовъ и даже націонализмовъ на австро-венгерскій ладъ за такое разрѣшеніе національнаго вопроса, какое, напримѣръ, существуетъ въ Швейцаріи, гдѣ ни вся страна, ни даже кантоны вовсе не раздѣлены по расовому принципу, и какое вырабатывается въ Бельгіи между фламандцами и валлонами.“ Въ виду всего этого украинцы-націоналисты могутъ соглашаться на программу „Вольнаго Союза“, только идя на компромиссъ. Это тотъ минимумъ, отъ котораго украинцы-націоналисты и не-націоналисты не могутъ отступить ни шагу.

Перепечатываемыя нами сочиненія въ предлагаемыхъ двухъ томахъ довольно полно характеризуютъ М. П., какъ борца за права личности и политическую свободу, но они недостаточно хорошо знакомятъ съ нимъ, какъ съ украинцемъ и съ соціалистомъ. Это вполнѣ понятно, такъ какъ въ своихъ сочиненіяхъ на русскомъ языкѣ онъ обращается ко всему русскому обществу и пишетъ на темы, касающіяся и интересующія его всего. И хотя онъ при этомъ всегда говоритъ, какъ украинецъ и соціалистъ, его взгляды по украинскимъ и соціалистическимъ вопросамъ вырисовываются менѣе полно, чѣмъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ непосредственно обращается къ своимъ землякамъ и къ тѣмъ соціальнымъ слоямъ, въ которыхъ онъ считалъ нужнымъ вести по преимуществу пропаганду соціализма. Для зна-

комства съ дѣятельностью М. П., какъ украинца и соціалиста, надо обращаться къ его сочиненіямъ на украинскомъ языкѣ и изъ нихъ, главнымъ образомъ, къ тѣмъ, которыя напечатаны въ пяти томахъ сборника „Громада“ и въ журналѣ „Народ“ за шесть лѣтъ.

Какъ соціалистъ, онъ писалъ, главнымъ образомъ, по вопросамъ аграрнаго соціализма; это вызывалось тѣмъ обстоятельствомъ, что въ 70-хъ и 80-хъ годахъ, когда писалъ М. П., города и городская жизнь были сравнительно слабо развиты особенно на югѣ Россіи, и что украинскій народъ состоитъ почти исключительно изъ крестьянъ. Его популярныя брошюры, развивающія идеи аграрнаго соціализма, и обращены прямо къ крестьянамъ-землепашцамъ. Въ своихъ соціалистическихъ сочиненіяхъ, адресованныхъ къ украинской интеллигенціи, особенно къ молодой, оканчивающей университеты, онъ призывалъ ее селиться среди украинскаго народа для того, чтобы вести пропаганду соціализма. Онъ доказывалъ, однако, что соціализмъ осуществимъ только при общемъ культурномъ подъемѣ народныхъ массъ и потому соціалисты не могутъ ограничиваться лишь созданіемъ соціалистической партіи и веденіемъ пропаганды соціализма, а должны участвовать во всей культурной жизни своего народа. Въ этомъ пунктѣ, который онъ, правда, не вполнѣ удачно формулировалъ въ требованіи, чтобы „соціалисты на Украйнѣ составляли не партію, а общину (громаду)“, онъ встрѣтилъ особенно много возраженій со стороны русскихъ и украинскихъ соціалистовъ-революціонеровъ, которые считали нужнымъ сосредоточить всѣ свои силы исключительно на пропагандѣ соціализма. Въ связи съ этимъ М. П. былъ сторонникомъ того взгляда, что соціализмъ осуществимъ только эволюціоннымъ путемъ. Въ одной изъ перепечатываемыхъ нами статей онъ, критикуя статью соціалистически-анархическаго журнала „Le Revolté“, слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ свое отношеніе къ революціонному и эволюціонному соціализму: „Самое понятіе соціальная революція — говоритъ онъ — не имѣетъ смысла, если понимать слово революція въ обычномъ

значеніи гражданской войны..... Революція, какъ вооруженное возстаніе извѣстнаго меньшинства (большинству нечего возставать), есть понятіе круга отношеній политическихъ, государственныхъ, и тамъ имѣетъ полный смыслъ, ибо извѣстнаго меньшинства бываетъ достаточно для ниспроверженія даннаго внѣшняго государственнаго строя и установленія другого, хотя не всегда бываетъ достаточно для упроченія его. Но что можетъ сдѣлать какое-либо меньшинство въ такомъ дѣлѣ, какъ установленіе общаго пользованія имуществами, требующемъ добровольнаго соглашенія и высокаго нравственнаго развитія отъ огромнаго большинства населенія?! Тутъ и не очень крупное большинство недостаточно." „Для того же, — продолжаетъ онъ далѣе, заканчивая свою мысль, — чтобы люди могли прочно замѣнить старый порядокъ новымъ, особенно такимъ сложнымъ, какъ націонализація или даже интернаціонализація собственности, надо, чтобы они имѣли въ умахъ готовый планъ такой организаціи, какой вырабатывается, или, лучше сказать, вырастаетъ рядомъ опытовъ въ постоянной разносторонней борьбѣ съ отживающимъ порядкомъ и въ такихъ же попыткахъ установленія новыхъ порядковъ. Этотъ ростъ и составляетъ общественную эволюцію, въ которой военныя дѣйствія, какъ взрывы классовой ненависти, бунты и революціи, конечно, неизбѣжны, но въ которой они составляютъ только часть и при томъ далеко не самую существенную." То же онъ повторяетъ и въ своемъ автобіографическомъ очеркѣ, опредѣляя здѣсь вмѣстѣ съ тѣмъ и свою тактику въ австрійской и русской Украйнѣ. „Будучи соціалистомъ по своимъ идеаламъ, — пишетъ онъ, — я убѣжденъ, что осуществленіе этого идеала возможно только въ извѣстной постепенности и при высокомъ развитіи массъ, а потому и достижимо болѣе при посредствѣ умственной пропаганды, чѣмъ кровавыхъ возстаній. Такъ какъ Украйна — моя родина — раздѣлена на двѣ части — Австрійскую и Россійскую, и такъ какъ въ первой существуетъ извѣстная политическая свобода, которой въ Россіи нѣтъ, то, по моему, дѣятельность соціалистовъ въ каждой части должна быть

разная: въ Австріи возможно приступать къ организаціи собственно соціалистической партіи изъ рабочихъ и крестьянъ русиновъ въ союзѣ съ поляками и евреями, въ Россіи же нужно, прежде всего, добиться политической свободы; соціалистическія же идеи могутъ быть пока распространяемы въ Россіи только научно-литературнымъ способомъ. Получить же политическую свободу въ Россіи украинская нація, по моему мнѣнію, можетъ не путемъ сепаратизма, а только вмѣстѣ съ другими націями и областями Россіи путемъ федерализма."

Говоря о М. П., какъ о соціалистѣ, нельзя не указать на то, что онъ первый настаивалъ на необходимости для соціалистовъ различныхъ національностей Россіи вести пропаганду соціализма въ знакомой имъ средѣ своей національности и при томъ на своемъ національномъ языкѣ. Вопросъ при этомъ шелъ, конечно, прежде всего, объ угнетенныхъ или, такъ называемыхъ, плебейскихъ національностяхъ, отчасти лишенныхъ своей интеллигенціи и имѣющихъ сравнительно бѣдныя національныя литературы, а не о національностяхъ господствующихъ — польской и великорусской, которыя поглощали значительную часть интеллигентныхъ силъ у угнетенныхъ національностей. О дѣйствительномъ осуществленіи этого насущнѣйшаго требованія для успѣха соціалистической пропаганды М. П. самъ разсказываетъ въ своихъ статьяхъ, написанныхъ въ 1881 г.: „Прежде всего — говоритъ онъ — сорганизовались совершенно отдѣльно отъ „русскихъ" соціалисты украинскіе, начавши въ 1875 г. печатать свои изданія въ Вѣнѣ, потомъ въ Женевѣ и Львовѣ. Съ 1878 г. появляются соціалистическія брошюры новыхъ польскихъ соціалистовъ и затѣмъ программа „польскихъ соціалистовъ". Около того же времени принимаются за свою организацію и бессарабскіе выходцы въ Румыніи. Наконецъ, въ 1880 г. въ Женевѣ печатается воззваніе отъ группы „Соціалистовъ-Евреевъ", предполагающее печатаніе книгъ для пропаганды среди еврейскаго рабочаго населенія на Востокѣ Европы на живыхъ его языкахъ (въ 1877 г. была сдѣлана покойнымъ Либерманомъ

попытка соціалистическаго изданія на древнееврейскомъ языкѣ).“ Указывая затѣмъ на тѣ трудности, съ которыми украинцы боролись и которыя имъ еще придется преодолѣть, идя по этому пути приспособленія соціалистической пропаганды по формѣ къ своей національности, М. П. въ заключеніе говоритъ: „но раньше или позже украинскіе соціалисты-федералисты не только будутъ имѣть за собою украинскій народъ, который и теперь все же представляетъ массу до 20000000 человѣкъ, но увидятъ рядомъ съ собою федерально-соціалистическія партіи: эстонскую, латышскую, литовскую, бѣлорусскую, словацкую, словинскую, румынскія, кавказскія, кружки еврейскіе, а также здоровые отъ государственно-національной заразы элементы партій великорусскихъ, польскихъ, нѣмецкихъ и венгерскихъ. Нѣкоторые признаки такого свѣтлаго будущаго видны уже и теперь.“ Мы знаемъ въ настоящее время, что эта націонализація соціализма, конечно, по формѣ, а не по идеямъ, которую М. П. первый выставилъ, какъ самую насущную потребность, за которую онъ всю жизнь боролся и превращеніе которой въ реальный фактъ онъ опредѣленно предсказалъ, осуществлена въ современномъ соціально-революціонномъ и особенно въ соціалдемократическомъ движеніи. Только будущій историкъ сможетъ опредѣлить, насколько идеи М. П. повліяли на развитіе самостоятельнаго соціалистическаго движенія въ той или другой изъ вышеназванныхъ національностей. Интересно, однако, что нѣкоторыя національности, у которыхъ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ соціалистическое движеніе еще не возникало или только зарождалось, какъ латыши и евреи, теперь значительно опередили украинцевъ широтой своего соціалистическаго движенія и силою своихъ соціалистическихъ организацій. Это зависѣло, конечно, не отъ большей пассивности украинскихъ соціалистовъ, а отъ того, что имъ приходилось бороться съ большими трудностями, такъ какъ въ украинскомъ народѣ слабѣе распространена грамотность, а національная культура подавлялась въ немъ мѣрами, которыя составляли исключеніе даже въ самодержавной Россіи. Но если Украйна

отстала отъ нѣкоторыхъ другихъ національностей, принадлежащихъ Россіи, по силѣ и интенсивности своего соціалистическаго движенія, то зато она выдвинула такого первокласснаго соціально-политическаго мыслителя и дѣятеля, какъ М. П., а это является лучшимъ залогомъ на будущее.

Мы видѣли, что М. П. былъ безусловнымъ противникомъ политическаго сепаратизма и даже, будучи прежде всего реальнымъ политикомъ, не считалъ нужнымъ настаивать въ данный моментъ на осуществленіи національно-политической и административной автономіи Украйны, такъ какъ признавалъ областную автономію болѣе осуществимой и былъ увѣренъ, что въ рамкахъ ея могутъ быть удовлетворены и всѣ главныя спеціально украинскія нужды. Самую настоятельную потребность Украйны онъ видѣлъ въ культурно-національномъ самоопредѣленіи ея. Только развитіе самостоятельной украинской культуры можетъ поднять культурный уровень украинскихъ народныхъ массъ и ввести Украйну въ семью европейскихъ цивилизованныхъ народовъ. Для осуществленія этого онъ признавалъ одной изъ основныхъ задачъ развитіе и всестороннее обогащеніе украинской литературы. Онъ былъ непримиримымъ врагомъ идеи „украинской литературы для домашняго обихода“, признавая ее не практичной и не экономной. При существованіи двухъ литературъ украинская интеллигенція продолжала бы быть оторванной отъ украинскихъ народныхъ массъ, что составляетъ главное несчастье Украйны. Но въ то же время близость и единство украинской литературы съ общерусской или великорусской, по его мнѣнію, чрезвычайно полезно и выгодно для Украйны тѣмъ болѣе, что онъ твердо вѣрилъ въ то, что русская литература пріобрѣтетъ всеславянское и даже міровое значеніе.

Всестороннему развитію украинской культуры и литературы и, прежде всего, политическому пробужденію народныхъ массъ и пропагандѣ среди нихъ соціализма и была посвящена его литературная и издательская дѣятельность на украинскомъ языкѣ. Его главнымъ изданіемъ былъ сбор-

никъ „Громада“. Инициатива этого изданія принадлежала не ему, а другимъ членамъ „Кіевской Громады“, которые обязались поддерживать его литературно и матеріально. Но постепенно эта поддержка съ родины все больше ослабѣвала. Наконецъ, около середины восьмидесятыхъ годовъ, подъ вліяніемъ правительственной и общественной реакціи, между М. П. и „Кіевской Громадой“ обнаружились сильныя разногласія. Одни изъ „громадянъ“ считали его черезчуръ радикальнымъ въ политическомъ отношеніи, другіе недостаточно радикальнымъ въ національномъ отношеніи; но были и безусловные сторонники его. Одинъ изъ членовъ „Кіевской Громады“ Николай Васильевичъ Ковалевскій (умеръ въ 1897 г.) считалъ нужнымъ даже выйти изъ „Громады“, чтобы не быть связаннымъ при поддержкѣ М. П. Въ послѣднія десять лѣтъ жизни М. П., когда кіевская и другія „Громады“ отказались отъ политической дѣятельности и всецѣло ушли въ культурную работу, Н. В. Ковалевскій былъ самымъ неутомимымъ и главнымъ организаторомъ матеріальной и нравственной поддержки, которая оказывалась М. П. съ родины. Онъ объединялъ всѣхъ отдѣльныхъ членовъ старыхъ „громадъ“, оставшихся вѣрными идеямъ М. П., и велъ самую энергичную пропаганду и агитацію этихъ идей, пріобрѣтая новыхъ сторонниковъ ихъ, для чего постоянно разъѣзжалъ по всей Украйнѣ. По его настоянію и на собранныя имъ средства было издано сочиненіе М. П. „Вольный Союзъ“. Затѣмъ, такъ какъ было признано, что политическій органъ временно не можетъ имѣть успѣха и вліянія въ виду страшной общественной реакціи, было рѣшено, что М. П. пока напишетъ исторію украинской литературы въ связи съ исторіей культуры. Н. В. Ковалевскій собиралъ средства для того, чтобы М. П. могъ выполнить эту работу, и М. П. принялся за нее. Но такъ какъ первый томъ этого труда должна была составлять исторія украинской народной словесности, то М. П. считалъ нужнымъ подготовить его отдѣльными монографіями. На подготовительныхъ монографіяхъ работа эта и остановилась, и „исторія украинской литературы“ М. П. осталась

ненаписанной. Снова открывшаяся возможность писать на политическія темы и необходимость вести политическую пропаганду и агитацію, а затѣмъ смерть помѣшали М. П. создать этотъ трудъ.

Съ 1887 г. М. П. получилъ опять возможность писать въ галицко-украинскихъ журналахъ. Къ этому времени подросла новая радикальная галицко-украинская интеллигенція, такъ что М. Павликъ и Иванъ Франко были уже не единственными послѣдователями М. П. въ Галиціи, каковыми они оказались послѣ ряда процессовъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ, когда другіе сторонники идей, проповѣдуемыхъ М. П., подъ вліяніемъ реакціи и всеобщей паники, измѣнили имъ или отказались отъ борьбы за нихъ, а нѣкоторые даже погибли въ непосильной борьбѣ за существованіе. Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ М. П. помѣстилъ нѣсколько статей въ галицко-украинскихъ журналахъ: „Ватра“, „Товаришъ“ и „Зоря“. Въ 1888 г. Александромъ Яковлевичемъ Конисскимъ (род. въ 1836 г., умеръ въ 1901 г.) былъ основанъ во Львовѣ журналъ подъ старымъ именемъ „Правда“. Главные сторонники А. Я. Конисскаго тоже выдѣлились изъ „Кіевской Громады“, такъ какъ придерживались болѣе радикальныхъ воззрѣній, чѣмъ большинство ея членовъ и не отказались отъ политической пропаганды. Но А. Я. Конисскій считалъ нужнымъ опереться также на украинскую молодежь, а вся украинская радикальная молодежь была послѣдовательницей идей М. П. Повидимому это обстоятельство и заставило А. Я. Конисскаго сдѣлать попытку сблизиться съ М. П., и онъ попросилъ М. П. написать программную статью для „Правды“, увѣривъ его, что журналъ будетъ издаваться въ направленіи, согласномъ съ его идеями. Когда однако вышелъ первый номеръ „Правды“, М. П. увидѣлъ, что наряду съ его программной статьей въ „Правдѣ“ звучатъ совсѣмъ другія ноты, чуждыя и даже враждебныя его идеямъ. Послѣ взаимныхъ разъясненій обнаружилось, что А. Я. Конисскій является представителемъ другого политическаго радикализма — національно-шовинистическаго, который при случаѣ готовъ итти рука

объ руку съ политической реакціей и даже съ клерикализмомъ, лишь бы заполучить нѣкоторыя выгоды въ пользу украинской національности или, вѣрнѣе, украинскаго языка. Тогда М. П. конечно рѣзко разошелся съ „Правдой“ и ея руководителями, а „Правда“ послѣ этого издавалась уже въ чисто шовинистическомъ направленіи.

Съ 1890 года М. П. открылась новая арена для литературно-политической дѣятельности. Въ январѣ этого года былъ основанъ во Львовѣ на средства, полученныя М. П. во время всемирной Парижской выставки 1889 г. отъ одного украинца, русинско-украинскій радикальный журналъ „Народ“, который выходилъ сперва подъ редакціей М. Павлика и Ивана Франко, а затѣмъ одного М. Павлика. Средства на продолженіе этого изданія и литературную поддержку изъ Украйны доставлялъ Н. В. Ковалевскій, который въ это время особенно усилилъ свою агитаціонную дѣятельность. Въ первый годъ изданія „Народа“ М. П. сравнительно мало писалъ въ немъ, но съ 1891 года до самой своей смерти онъ былъ не только главнымъ его сотрудникомъ, но и руководителемъ, поскольку вообще можно было руководить журналомъ, сносясь съ редакціей только письменно. Были годы, когда не выходило ни одного номера „Народа“ безъ одной или нѣсколькихъ его статей и замѣтокъ. Въ эти послѣдніе годы своей жизни онъ могъ писать на политическія темы только по украински, такъ какъ по русски ему негдѣ было помѣщать свои статьи. Начало девяностыхъ годовъ было самымъ глухимъ временемъ для русской заграничной прессы. „Свободная Россія“ и „Самоуправленіе“ выходили не долго и прекратились еще въ 1889 г. Въ первомъ изъ этихъ журналовъ М. П. опубликовалъ свои замѣчательныя статьи по исторіи борьбы земствъ за политическую свободу и представительныя учрежденія въ Россіи. Безъ этихъ статей извѣстная Записка Витте о земствѣ не была бы такъ богата и интересна по своему фактическому содержанію. Даже въ статьѣ объ этой Запискѣ въ соціалдемократической „Зарѣ“, нисколько не расположенной къ либерализму вообще и къ М. П. въ частности,

обращено вниманіе на то, что „авторъ Записки г-на Витте частенько не указываетъ, что онъ списываетъ Драгоманова, хотя въ другихъ мѣстахъ онъ на него ссылается." Другихъ русскихъ заграничныхъ органовъ въ это время еще не возникало, а старые журналы прекращали свое существованіе; даже „Общее Дѣло", просуществовавшее почти четырнадцать лѣтъ, перестало выходить въ 1890 году. Правда въ Нью-Іоркѣ съ 1891 года втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ выходилъ журналъ „Прогрессъ", но онъ издавался больше для заграничныхъ русскихъ колоній, чѣмъ для Россіи. „Летучіе Листки" Фонда Вольной Русской Прессы въ Лондонѣ появились только въ 1894 году и имѣли притомъ по преимуществу информаціонный характеръ. Но и въ эти послѣдніе годы своей жизни М. П., не имѣя возможности писать на политическія темы по русски, оказалъ громадную услугу русскому освободительному движенію, издавъ два тома въ высшей степени цѣнной переписки Герцена и Огарева съ Тургеневымъ, Кавелинымъ и Бакунинымъ. Однако главная его заслуга передъ русскимъ освободительнымъ движеніемъ въ эту глухую пору для общественной и политической жизни въ Россіи заключалась въ той политической пропагандѣ, которую онъ велъ въ своихъ статьяхъ, печатавшихся въ „Народѣ". Онъ писалъ по политическимъ вопросамъ, касавшимся не только одной Украйны, но и всей Россіи, въ чемъ читатель можетъ убѣдиться изъ небольшой статьи, печатаемой нами въ русскомъ переводѣ въ предлагаемомъ томѣ. Благодаря „Народу", и статьямъ М. П. въ немъ Украйна на одинъ моментъ даже опередила Великороссію. Украинская молодежь очень усердно распространяла получавшіеся по почтѣ и перевозимые контрабандой номера „Народа", и его агитація подготовила между прочимъ чрезвычайно быстрое распространеніе соціалдемократическихъ идей на югѣ Россіи. Насколько марксистское, а затѣмъ и соціалдемократическое движеніе на югѣ Россіи развивалось параллельно съ агитаціей „Народа" можно судить потому, что первый переводъ на русскій языкъ „Эрфуртской Программы" Каутскаго былъ изданъ въ 1894 г.

въ Галиціи и печатался въ той же типографіи въ Коломыѣ, въ которой печатался „Народъ“. Подготовительной агитаціей „Народа“ объясняется также и то обстоятельство, что передъ и во время Перваго Съѣзда „Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи“ Югъ Россіи и въ частности Кіевъ занимали передовое мѣсто въ русскомъ соціалдемократическомъ движеніи, и потому редактировавшаяся въ Кіевѣ „Рабочая Газета“ была признана первымъ центральнымъ органомъ партіи. Мы видимъ здѣсь лишнее доказательство того, что соціалдемократическое движеніе можетъ вполнѣ успѣшно развиваться только параллельно съ либерально-демократическимъ и теряетъ очень много, когда вступаетъ во вражду и борьбу съ нимъ.

Кромѣ отдѣльныхъ статей по разнымъ политическимъ вопросамъ, М. П. опубликовалъ въ „Народѣ“ двѣ серіи статей подъ заглавіемъ „Чудацкі думкі про українську національну справу“ и „Листи на Наддніпрянську Україну“, которыя вышли и отдѣльными книжками. Онѣ составляютъ pendant къ его „Исторической Польшѣ и великорусской демократіи“. Въ нихъ онъ разсмотрѣлъ исторически и критически все украинское движеніе и отнесся ко всему націоналистическому и особенно шовинистическому въ немъ съ безпощаднымъ осужденіемъ. Но безусловно отвергая націонализмъ, онъ не отвергаетъ значенія для человѣчества націи, какъ таковой; онъ не считаетъ ее лишь пережиткомъ давняго прошлаго и явленіемъ антикультурнымъ, подобно нѣкоторымъ другимъ соціально-политическимъ мыслителямъ. Напротивъ, въ результатѣ своихъ размышленій о значеніи націи и національности онъ пришелъ къ убѣжденію, что она имѣетъ громадную соціальную и культурно-политическую цѣнность для человѣка. Цѣнность націи заключается, однако, по его мнѣнію, не въ національныхъ святыняхъ („народныхъ святощахъ“), какъ утверждаютъ націоналисты, а въ томъ, что она является извѣстной формой солидарности между людьми. Подвергнувъ критикѣ теорію національныхъ святынь, онъ доказалъ, что всѣ онѣ, кромѣ національнаго языка, представляютъ до-

вольно сомнительныя цѣнности. Но и національный языкъ онъ отказался признать святыней, а признавалъ за нимъ цѣнность только, какъ за орудіемъ культуры и цивилизаціи. Да и солидарность, создаваемую націей, онъ цѣнилъ лишь постольку, поскольку она составляетъ основаніе и средство для осуществленія высшихъ соціальныхъ и политическихъ идеаловъ европейской цивилизаціи. Взглядъ М. П. на цѣнность націи, какъ формы солидарности между людьми, заслуживаетъ особаго вниманія. Обыкновенно игнорируютъ это значеніе націи. Въ послѣднее время, благодаря почти исключительному господству въ умахъ интеллигентныхъ людей, особенно молодежи, соціологическихъ доктринъ Маркса, единственно цѣнной формой солидарности между людьми признаютъ классовую солидарность. При этомъ, однако, часто забываютъ, что не всякая классовая солидарность представляетъ соціально-культурную цѣнность. Солидарность аграрныхъ и промышленныхъ капиталистовъ, конечно, вполнѣ естественно возникаетъ среди всеобщей борьбы классовъ, но она не представляетъ цѣнности съ точки зрѣнія идеала соціальнаго и политическаго устройства, или, вѣрнѣе, цѣнность ея съ этой точки зрѣнія прямо отрицательна. Дѣйствительною цѣнностью изъ всѣхъ классовыхъ солидарностей обладаетъ единственно солидарность, создаваемая общностью классовыхъ интересовъ пролетаріата. Но и цѣнность этой солидарности основана не на томъ, что она классовая, какъ многіе ошибочно думаютъ, а на томъ, что въ конечномъ счетѣ она должна обратиться въ національную, т. е. охватить всю націю и уничтожить раздѣленіе ея на классы. Если не теперь, то въ будущемъ пролетаріатъ долженъ составить большинство націи, а его идеалъ долженъ быть осуществленъ, какъ идеалъ всей націи. Такимъ образомъ въ идеалѣ классовая солидарность пролетаріата или вообще рабочаго люда совпадаетъ съ національной солидарностью. На это, правда, возразятъ, что Марксъ требуетъ не національной, а интернаціональной солидарности. Это возраженіе основано однако на недоразумѣніи. Субъектомъ интернаціональной солидарности являются не отдѣль-

ные оторванные отъ своихъ націй индивидуумы, а индивидуумы, входящіе въ національныя группы и организаціи или сами эти національныя группы. Интернаціональная солидарность потому и называется интернаціональною, что она создается между націями или національными коллективностями. Это выражено и въ лозунгѣ — „пролетаріи всѣхъ странъ (т. е. націй) соединяйтесь“.

„Чудацкі думкі про українську національну справу“ и „Листи на Наддніпрянську Україну“ — это лучшее, наиболѣе продуманное и зрѣлое изъ всего написаннаго М. П. Разсматривая въ этихъ книгахъ вообще вопросъ о національности, онъ дѣлаетъ въ нихъ также обзоръ культурнаго развитія негосударственныхъ націй во всей Европѣ. Только на фонѣ этой общей картины усвоенія и претворенія идей европейской цивилизаціи различными національностями становится понятнымъ и получаетъ свое оправданіе, по его мнѣнію, и страстное стремленіе лучшихъ представителей украинской націи къ національно-культурному самоопредѣленію Украйны. Эти двѣ книги, заключающія изложеніе идей М. П. о національности, которыхъ мы могли здѣсь только коснуться, являются продолженіемъ одна другой и составляютъ какъ бы два выпуска одной и той же книги, которая должна бы быть названа „Національный вопросъ на Украйнѣ“. При этомъ названіи невольно возникаетъ въ памяти одна замѣчательная русская книга, которая носитъ похожее названіе, — это „Національный вопросъ въ Россіи“ Вл. С. Соловьева; въ этихъ двухъ книгахъ, принадлежащихъ представителямъ двухъ русскихъ народностей, очень много общаго. Мы склонны думать, что русскіе народы внесутъ въ міровую цивилизацію новое пониманіе національнаго вопроса и помогутъ его рѣшенію, указавъ для этого новые пути. Въ то время, какъ западно-европейскіе народы выдвинули для своихъ національностей чисто эгоистическіе идеалы — внѣшнее могущество, промышленное и торговое превосходство, военную и литературную славу, въ Россіи самый глубокій мыслитель ея указалъ для своей націи исключительно этическіе идеалы и проповѣдо-

валъ самоотреченіе и отказъ отъ національнаго эгоизма. Но онъ прямо исходилъ при этомъ изъ того факта, что существованіе Россіи, или собственно Великороссіи, создавшей могучую державу, никогда не подвергалось вопросу. Тѣмъ болѣе поразительно, что лучшій представитель соціально-политической мысли на Украйнѣ тоже выставилъ для своей націи только общечеловѣческіе идеалы и настаивалъ на отказѣ отъ національной исключительности и эгоизма. Для украинца отказаться отъ національнаго эгоизма гораздо труднѣе, такъ какъ Украйна почти никогда не имѣла самостоятельнаго и независимаго политическаго существованія. Горячо любящій свою родину украинецъ живетъ обыкновенно подъ самыми тяжелыми впечатлѣніями, такъ какъ культура его народа въ прошломъ подвергалась уничтоженію, а всѣ попытки перенести западно-европейскую культуру на его родную почву въ болѣе недавнее время подавлялись. Понятно поэтому, что нѣкоторыми представителями украинской интеллигенціи овладѣваетъ иногда совершенно животное чувство культурно-національнаго самосохраненія, порождающее національный шовинизмъ. Но М. П. сумѣлъ побороть въ себѣ всѣ инстинктивныя низменныя чувства и возвыситься надъ ними при рѣшеніи украинскаго національнаго вопроса, взглянувъ на него съ общечеловѣческой точки зрѣнія. Въ виду всего этого мы думаемъ, что совершенно независимо отъ разницы въ литературныхъ талантахъ и отъ несходства міровоззрѣній и взглядовъ по всѣмъ остальнымъ вопросамъ, книга М. П. о національномъ вопросѣ на Украйнѣ, какъ вкладъ въ рѣшеніе національнаго вопроса Малорусской націи, должна быть поставлена наряду съ „Національнымъ Вопросомъ въ Россіи“ Вл. С. Соловьева, который далъ рѣшеніе національнаго вопроса съ точки зрѣнія націи Великорусской.

Чтобы закончить характеристику литературно-политической дѣятельности, которую М. П. развилъ въ своихъ статьяхъ въ „Народѣ“, мы должны еще указать на то, что онъ принималъ самое близкое участіе въ борьбѣ галицкихъ политическихъ партій. Въ началѣ девяностыхъ годовъ, въ

группировкѣ и отношеніяхъ русско-украинскихъ партій въ Галиціи произошли большія перемѣны. Сначала благодаря „Народу“ организовалась и выставила свою программу новая русинско-украинская радикальная партія. Она въ общемъ примкнула по своей программѣ къ политическимъ идеямъ М. П.; первыми вожаками ея въ Галиціи были М. Павликъ и Ив. Франко, а „Народ“ издавался одно время, какъ органъ этой партіи, и только потомъ было признано болѣе удобнымъ, чтобы редакція его отстаивала программу партіи, сохраняя независимость отъ партійной организаціи. Почти одновременно изъ „народовской“ или украйнофильской партіи выдѣлилось особое направленіе, получившее названіе отъ лозунга, выдвинутаго имъ, такъ называемой „угоды“, — „угодовцевъ“. Направленіе это задолго подготовлялось журналомъ „Правда“ и галицкимъ руководителемъ его Ал. Барвинскимъ. Оно прокладывало себѣ путь крайнимъ и непримиримымъ національномъ, а въ концѣ концовъ пошло на соглашеніе — „угоду“ съ поляками, т. е. съ господствующей въ Галиціи клерикально-аристократической партіей ихъ. На основаніи этого соглашенія „угодовцы“ отказывались отъ всякаго демократизма и политическаго радикализма и обязывались бороться съ радикально-демократическими теченіями среди русиновъ, особенно съ „радикальной партіей“, а взамѣнъ получали нѣкоторыя уступки для украинскаго языка въ Галиціи. Противники „угодовцевъ“ утверждали, что они продали интересы своего народа за украинскія надписи на почтовыхъ ящикахъ. Фактически однако „угодовцамъ“ было обѣщано нѣкоторое уравненіе украинскаго языка съ польскимъ въ административномъ и судебномъ дѣлопроизводствѣ и новыя украинскія среднеучебныя заведенія — учительскія семинаріи и гимназіи, а также нѣсколько новыхъ каѳедръ во Львовскомъ университетѣ. Но даже эти обѣщанія не были выполнены цѣликомъ. Между тѣмъ зло, причиненное „угодой“, было громадно, такъ какъ благодаря ей нѣкоторые представители украйнофильства, правда, на галицкой почвѣ, были запятнаны явнымъ союзомъ съ аристократическими и клерикальными эле-

ментами, что отчасти ложилось незаслуженнымъ пятномъ и на все направленіе. Къ сожалѣнію, недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ остановиться болѣе подробно на галицкихъ дѣлахъ и особенно на дѣятельности русинско-украинской радикальной партіи, находившейся подъ вліяніемъ М. П. благодаря его статьямъ въ „Народѣ“. Интересующихся этими вопросами мы отсылаемъ къ статьямъ самого М. П. — „Новыя движенія среди русскихъ галичанъ“, „Вѣстникъ Европы“ 1892, ноябрь и „Всеобщее голосованіе и русины въ Австріи“, тамъ же 1894, апрѣль, подписаннымъ инициалами Р. Я.

Еще до основанія „Народа“ въ личной жизни и общественномъ положеніи М. П. произошли большія перемѣны. Онъ былъ приглашенъ занять каѳедру профессора всеобщей исторіи въ Высшей Школѣ въ Софіи и осенью 1889 года переѣхалъ туда на жительство. Болгарское правительство заключило съ нимъ контрактъ сперва на три года, но въ 1891 году едва не удалило его по настоянію русскаго правительства. Однако въ 1892 году болгарскій Совѣтъ Министровъ рѣшилъ возобновить съ нимъ контрактъ еще на одинъ годъ, а въ 1893 году этотъ контрактъ былъ продолженъ снова на три года. Но уже въ 1890 г. у М. П. появились первые симптомы ужасной болѣзни, которая свела его въ могилу. Первое время софійскіе врачи объясняли боли въ лѣвой рукѣ и груди ревматизмомъ или невралгіей. Но когда состояніе его здоровья ухудшилось, и онъ обратился въ Вѣнѣ къ Нотнагелю, тотъ опредѣлилъ несомнѣнный аневризмъ аорты. По временамъ М. П. испытывалъ страшныя боли, совсѣмъ терялъ голосъ и долженъ былъ по цѣлымъ днямъ лежать. Тѣмъ не менѣе онъ не выпускалъ пера изъ рукъ и, какъ мы видѣли, очень много написалъ въ эти годы. Кромѣ того онъ продолжалъ читать лекціи; послѣднюю лекцію онъ прочиталъ въ день своей смерти. Онъ умеръ въ Софіи 8/20 іюня 1895 года.

Послѣдніе годы своей жизни, когда онъ особенно тяготился своимъ положеніемъ эмигранта и очень сильно тосковалъ по родинѣ, связь съ общественной и политической жизнью Галиціи была его единственнымъ утѣшеніемъ.

По его собственнымъ словамъ, Галиціи онъ обязанъ тѣмъ, что не вполнѣ сталъ эмигрантомъ. За полгода до его смерти въ декабрѣ 1894 года его друзья и сторонники въ Галиціи устроили празднованіе по поводу исполнившагося 30-тилѣтія его литературной дѣятельности. Въ этомъ юбилеѣ, который онъ самъ называлъ своими похоронами, приняла участіе и вся Украйна; изъ всѣхъ даже самыхъ отдаленныхъ уголковъ ея были присланы адреса и привѣтствія въ прозѣ и стихахъ. Въ одномъ изъ привѣтствій въ стихахъ изъ его родной Полтавщины очень красиво характеризовалось громадное значеніе всего сдѣланнаго имъ въ короткихъ словахъ:

Важали ми народові свободи,
Важали ми, щоб очі він розкрив,
І, як другі всесвітні народи,
Для поступу, для правди й щастя жив.
І тут над всі, мій брате незабутній,
Здіймавсь Твій стяг, лунав Твій глас могутній.

(Мы жаждали свободы для народа, мы жаждали, чтобъ онъ раскрылъ глаза, и чтобъ онъ жилъ, какъ другіе міровые народы, для прогресса, для правды и счастья И тутъ, мой незабвенный братъ, выше всѣхъ возносилось Твое знамя и сильнѣе всѣхъ звучалъ Твой могучій голосъ.)

Б. К.

Къ вопросу объ „оскудѣніи“ литературы и о столичной печати и провинціи.

(Первоначально напечатано въ газетѣ „Молва“ за 1876, № 36.)

Какъ ни трудно, при извѣстныхъ условіяхъ, ставить ясно вопросы, какъ ни атрофируютъ эти условія, при продолжительности ихъ дѣйствія, въ людяхъ самую способность яснаго мышленія, какъ ни привыкла печать наша, воспитанная въ этихъ условіяхъ, запутывать и заговаривать до непонятности, или замалчивать иные „проклятые вопросы“ — однако, въ послѣднее время все съ большей настойчивостью, съ разныхъ сторонъ ставится вопросъ „объ оскудѣніи“ нашей литературы. А такъ какъ эта литература по преимуществу столичная, то къ этому вопросу, само собой, привязывается и другой — объ отношеніи столичной литературы къ провинціямъ и о будущности провинціальной литературы — вопросъ, который впрочемъ, имѣетъ и самостоятельное значеніе. По несчастію, обсужденіе этихъ вопросовъ запуталось какъ примѣсью личнаго кружкового препирательства, самолюбія и остроумничанья, такъ еще болѣе примѣсью мистики на тему „деревня“ и „городъ“, „выводы западной соціологіи“ и „русскій народъ“, „заграничные очки“ и „знаніе мѣстной жизни“, — какъ будто между одними и другими терминами есть природное противорѣчіе.

Оба вопроса очень важны, и желательно, чтобы они подверглись самому разностороннему обсужденію, въ видахъ котораго и мы позволяемъ себѣ попросить мѣста у газеты для нѣсколькихъ замѣчаній, которыя мы выскажемъ въ настоящемъ письмѣ.

Эти замѣчанія не будутъ теоретическія. По вопросамъ объ отношеніи столичной печати къ провинціальной и городскихъ классовъ къ деревнѣ, наці-

ональностей къ общечеловѣческой культурѣ, — вопросамъ, которые теперь удостоились вниманія нашей газетной печати, мы высказывались не разъ, гораздо раньше, чѣмъ вопросъ этотъ сталъ „злобою дня“ — въ статьяхъ, „Восточная политика Германіи и обрусеніе“ и „Новокельтское и провансальское движеніе во Франціи“, въ „Вѣстникѣ Европы“. Мы сдѣлаемъ нѣсколько преимущественно фактическихъ замѣчаній о нѣкоторыхъ сторонахъ вышеназванныхъ вопросовъ.

Прежде всего, намъ кажется, что выраженіе „оскудѣніе нашей литературы“ надо нѣсколько измѣнить. Извѣстныя части литературы, напримѣръ, научной, особенно естественнонаучной, затѣмъ изданіе памятниковъ старины у насъ вовсе не оскудѣваютъ, а растутъ, хотя неравномѣрно и хотя, конечно, далеки отъ процвѣтанія. Оскудѣніе же, и притомъ относительно не только настоящей потребности общества, но и относительно шестидесятыхъ годовъ, замѣчается несомнѣнно въ области политической литературы, понимая эти слова въ обширномъ смыслѣ слова, такъ что сюда войдетъ и беллетристическая критика, которая у насъ въ рукахъ Бѣлинскаго и автора „Очерковъ Гоголевскаго періода русской литературы“ и „Русскіе на rendez vous“ и Добролюбова, была тоже частью политической литературы.

Почему наша политическая литература „оскудѣла“ и не отвѣчаетъ вовсе не только положенію Россіи, какъ европейской страны, но даже самымъ скромнымъ потребностямъ общества, имѣющаго уже такія европейскія удобства, какъ желѣзныя дороги, телеграфы, возможность знакомиться съ чужими странами — на это есть много причинъ, которыя коренятся не въ литературной области. Литература виновата только тѣмъ, что не сказала до сихъ поръ, каковы эти причины. Въ послѣднее время ясно сказано по этому вопросу только одно: что газетная печать наша находится въ рукахъ нелитераторовъ, но промышленниковъ. Но это только часть дѣла и притомъ явленіе вторичное, а вовсе не первичное.

Одна изъ причинъ „оскудѣнія“ политической печати

нашей, причина крупная, хотя тоже не первичная, по нашему мнѣнію, заключается въ отсутствіи въ обществѣ, достаточнаго количества политически образованныхъ людей, людей съ знаніями въ общественныхъ наукахъ. Теперь уже прошло время, когда руководить обществомъ могли люди однихъ только „горячихъ убѣжденій", „честныхъ стремленій", „пылкаго слова"; ко всѣмъ этимъ качествамъ необходима прибавка — отчетливое знаніе общественныхъ явленій въ отечествѣ и заграницей, т. е. на большомъ пространствѣ, и притомъ за большое протяженіе времени, потому что иначе непремѣнно „руководитель общества" будетъ близорукъ и попадетъ впросакъ. Между тѣмъ условія нашей печати таковы, что и до сихъ поръ цѣлыя области науки общественно-культурной у насъ совершенно не существуютъ и наша литература не только не слѣдитъ за тѣмъ научнымъ движеніемъ, которое совершается въ западной Европѣ въ послѣдніе 30—40 лѣтъ, но признается, что не въ состояніи усвоить себѣ и мыслителей XVIII и даже XVII вѣка. Для нашего общества и даже для большинства пишущихъ имена Бауэра, Штраусса, Фейербаха, Кюнена,[1] Ренана — пустые звуки. Были пробы переводить Лекки (исторія раціонализма), Вольтера (Очерки нравовъ) и даже Гоббса (Левіаѳанъ), — но извѣстно, какъ кончились эти пробы. Редакція „Знанія" заботится о томъ, чтобы сдѣлать у насъ доступными плоды европейской мысли, и нѣкоторыя книги, напр., изъ Лейпцигской международной библіотеки являются по русски даже скорѣе, чѣмъ по французски или по нѣмецки, — но зато другія, напр., Дрэпера History of the conflict between religion and Science, которая по англійски вышла въ два года тремя изданіями, есть по французски и по нѣмецки, въ русскомъ изданіи международной библіотеки появилась только на-дняхъ. Между тѣмъ вопросъ о вѣротерпимости, объ устройствѣ отношеній между церковью и государствомъ у насъ стоитъ на очереди, и мы рѣши-

[1] Abr. Kuenen (1828—1891), голландецъ, съ 1855 г. до своей смерти былъ профессоромъ теологіи въ Лейденѣ. Подобно Бруно Бауэру, Штраусу, Фейербаху и Ренану онъ принадлежалъ къ критической школѣ теологовъ. Прим. ред.

тельно не имѣемъ научной литературы, на почвѣ которой разрѣшаются подобные вопросы въ цивилизованныхъ странахъ.

Ни для кого не тайна, что значительная часть нашей молодежи съ жаромъ толкуетъ объ экономическихъ вопросахъ и стремится дѣйствовать рѣшительно въ этомъ направленіи. А гдѣ наша ученая экономическая литература? Даже переводная остановилась на Маклеодѣ, послѣ котораго какъ то проскочили Торнтонъ и Марксъ. Мудрено ли, что наше отечество полно экономистами, которые, съ разныхъ точекъ зрѣнія, приходятъ къ выводу, что достаточно „строгихъ мѣръ“ — все пойдетъ какъ по маслу. Немногіе же наши оффиціально-ученые экономисты на большую половину успокоились на банковыхъ лаврахъ.

Теперь всѣ толкуютъ о славянскомъ вопросѣ, и въ газетахъ даже читаешь похвалы удобствамъ жизни въ Константинополѣ передъ жизнью въ Петербургѣ. А кто же у насъ знаетъ славянщину, кромѣ немногихъ спеціалистовъ изъ которыхъ многіе знаютъ ее тоже односторонне, или доктринерски и не хотятъ знать многаго, что имъ не нравится въ славянской жизни. Таковы немногіе наши славянофилы, превращающіеся все больше въ національныхъ либераловъ на великорусской подкладкѣ и усиливающіеся сторонниками бюрократическаго воинствующаго государства. Кто сколько нибудь знакомъ съ петербургскими редакціями, или можетъ слѣдить за западнославянской печатью, для того не тайна, что въ этихъ редакціяхъ нѣтъ даже самыхъ важныхъ славянскихъ книгъ и изданій, нѣтъ вовсе людей, не только знающихъ славянскую жизнь и исторію, но просто одинъ-два славянскихъ языка. Кажется, какъ бы не знать толкомъ хоть то, что пишутъ поляки, но знанія этого рѣшительно не достаетъ даже тѣмъ, кто фразируетъ, какъ это съ нѣкотораго времени часто бываетъ, о примиреніи Россіи и Польши. Средній русскій литераторъ то подсмѣивается надъ славянофильствомъ и всякаго рода національзмомъ и произноситъ легковѣсныя фразы будто бы космополитическаго свойства, броситъ, напримѣръ, Палацкому упрекъ за то, что онъ

не пошелъ въ фракфуртскій парламентъ въ 1848 г. а въ 1866—71 г.г. всѣ оставшіеся герои этого парламента пошли къ Бисмарку и теперь вотируютъ законы о германизаціи поляковъ въ Познани), то повторяетъ совершенно славянофильскія фразы, когда у него пробуждается „русское чувство". Средній русскій литераторъ способенъ сегодня „сочувствовать порывамъ несчастнаго польскаго народа" даже тамъ, гдѣ никакого польскаго народа нѣтъ, а завтра разсматривать дѣла „Привислянскаго края" съ русской точки зрѣнія. Серьезной и прогрессивной національной и славянской партіи у насъ нѣтъ, потому что нѣтъ серьезнаго знанія національныхъ вопросовъ вообще, ни славянскихъ народностей, въ частности. Спеціалисты знаютъ обыкновенно больше славянскія древности, чѣмъ новости, славянофилы знаютъ то, что имъ скажутъ попрошайки изъ братьевъ славянъ; публицисты-либералы въ обыкновенное время даже удивляются, какъ можно чѣмъ-либо славянскимъ интересоваться.[1]

Причины подобнаго малознанія во всѣхъ областяхъ общественной жизни, подлежащихъ обсужденію литературному, различны и, по большей части, лежатъ за предѣлами литературы. Нѣкоторыя изъ этихъ причинъ слѣдуетъ искать въ исторіи нашихъ высшихъ школъ за послѣдніе сорокъ лѣтъ. Современное „оскудѣніе" литературы и общественной науки въ значительной степени слѣдуетъ приписать тѣмъ мѣрамъ, какія

[1] Въ виду современности предмета разскажу нѣсколько случаевъ. Одинъ молодой славистъ, относящійся къ славянщинѣ, впрочемъ, не съ рутинной точки зрѣнія нашихъ славянофиловъ, принесъ въ одну петербургскую либеральную редакцію, которая помѣщала его другія статьи, статейку о чешскомъ театрѣ, съ характеристикой, по связи съ предметомъ, старо-чеховъ и младо-чеховъ, которыхъ потомъ открыла и наша журналистика. Редакторъ не принялъ статьи, сказавши: знаете, публикѣ можетъ показаться страннымъ — вдругъ, ни съ того, ни съ сего, о чехахъ, до сихъ поръ у насъ о нихъ ничего не было! Послѣ этотъ славистъ написалъ нѣсколько статеекъ въ другой газетѣ, и послѣ перемѣны редакціи пришелъ къ редактору третьей, съ предложеніемъ: выписать нѣсколько славянскихъ журналовъ, по которымъ онъ бралея составлять обозрѣніе славянской жизни. „Нѣтъ, знаете, отвѣчалъ редакторъ, у насъ никто этимъ не интересуется. Другое дѣло, если тамъ что случится: тогда мы просимъ Васъ писать намъ". Разговоръ этотъ былъ въ началѣ 1875 г. Спустя два мѣсяца, мнѣ самому случилось говорить съ сотрудникомъ одного изданія о статьяхъ одного литератора: „онъ интересно и живо пишетъ, говоритъ владѣтельная особа, но слишкомъ много о славянахъ." — „Погодите съ полгода, отвѣтилъ я, весь свѣтъ заговоритъ о славянахъ". Меньше чѣмъ черезъ полъ года вспыхнуло герцеговинское возстаніе — весь свѣтъ заговорилъ о славянахъ; заговорили и наши газеты, но какъ? Такъ, что только сгораешь отъ стыда, читая ихъ: ни знанія, ни пониманія, ни достоинства! И при этомъ никакихъ слѣдовъ пониманія связи внутреннихъ вопросовъ съ внѣшними и почти всѣ факты — перепечатка изъ вѣнскихъ же газетъ!

были приняты относительно университетовъ въ 1848 г. и которыя особенно должны были поразить тѣ факультеты, гдѣ преподаются общественныя науки. Кромѣ мѣропріятій, — какъ ограниченіе числа слушателей, закрытіе каѳедръ, прекращеніе преподаванія новѣйшей исторіи, европейскаго государственнаго права и т. д. — важно было то непрочное въ то время положеніе науки вообще, которое теперь выясняется печатными воспоминаніями разныхъ лицъ о положеніи въ 40-хъ годахъ университетовъ провинціальныхъ и столичныхъ. Такіе факты, какъ сожженіе диссертаціи Костомарова въ Харьковѣ, или то, что тамъ же, кажется, профессоромъ былъ назначенъ частный приставъ, какъ остановка митрополитомъ чтенія актовой рѣчи Иванишева въ Кіевѣ, или то, что въ Кіевѣ же цѣлый рядъ молодыхъ даровитыхъ юристовъ, предназначенныхъ къ профессорству и побывавшихъ заграницею, кончилъ какъ то странно, и что въ процессѣ борьбы за существованіе и аккомодаціи къ средѣ, какой можно видѣть въ разсказѣ профессора Славатинскаго о юридическомъ факультетѣ въ Кіевѣ въ 40-хъ и первой половинѣ 50-хъ годовъ, уцѣлѣли далеко не лучшіе организмы, — говорятъ за себя. Обратимъ вниманіе на то, что въ недавнее еще время внѣ каѳедръ стояли и стоятъ: Костомаровъ, Пыпинъ, Павловъ, Щаповъ, Аѳанасьевъ, Кулишъ, Стасюлевичъ, Утинъ, Спасовичъ, Котляревскій (явившійся на каѳедру только въ Дерптѣ, гдѣ у него былъ, кажется, 1 слушатель), Зиберъ, — въ то время, когда соотвѣтствующія спеціальностямъ этихъ ученыхъ каѳедры оставались пусты (напримѣръ, въ Кіевскомъ университетѣ русская исторія цѣлыхъ десять лѣтъ), или замѣщались окончившими сроки службы, или просто бездарностями — и мы поймемъ еще одну причину того, что дѣйствующему теперь поколѣнію многому было негдѣ, не у кого научиться; независимо отъ того, что значительное количество даровитыхъ людей, начавшихъ уже посвящать себя научной дѣятельности (г. Кулишъ, напримѣръ, приготовлялся въ адъюнкты академіи, по славянскимъ языкамъ), были поставлены въ условія, при которыхъ, только при крайнемъ на-

пряженіи силъ, они могли хоть сколько нибудь выдержать принятое направленіе дѣятельности, а иногда и просто сохраниться нравственно и даже физически.

А если современному русскому общественному дѣятелю и публицисту такъ трудно добыть себѣ научныя основы и путемъ литературы, и путемъ школы, то что же удивительнаго, если мы замѣчаемъ повсемѣстный недостатокъ силъ и притомъ именно силъ такого рода, какой нуженъ теперь, — что же удивительнаго, если литература наша „оскудѣла“? Централизація періодической литературы въ столицахъ и притомъ въ рукахъ немногихъ лицъ, — и то, и другое результатъ весьма человѣческихъ и временныхъ условій, а вовсе не вѣчныхъ и міровыхъ законовъ, какъ думаютъ нѣкоторые — довершила бѣду, которая безъ того сказалась бы не въ такой степени.

Споръ о столичной и провинціальной печати ведется у насъ такъ, что польза изъ этого спора развѣ въ томъ, что въ немъ, все-таки, сказывается недовольство существующимъ положеніемъ вещей. Предметы спора необходимо раздѣлить: такъ, наприм., изъ вопроса провинцій вообще надо выдѣлить вопросъ негосударственныхъ народностей; надо раздѣлить явленія естественной ассоціаціи отъ искусственной централизаціи и т. д. Судя по наблюденіямъ надъ полемикой по этому вопросу оказывается, что надо условиться и о томъ, что считать столицей, что провинціей, — кого провинціаломъ, кого столичнымъ человѣкомъ. „Одинъ изъ нашихъ централистовъ“, который, впрочемъ, имѣетъ полное право протестовать противъ этого титула, такъ какъ основныхъ его мнѣній уловить нѣтъ никакой возможности, сказалъ, что и въ Соединенныхъ Штатахъ печать централизована.[1] Защитникъ провинцій въ „Первомъ шагѣ“

[1] Вотъ и въ одной изъ книгъ „Дѣла“ г. Мордовцевъ въ статьѣ, подъ нептуновскимъ (все-таки скромность!) заглавіемъ Quos ego! протестуетъ противъ приписываемыхъ ему централистическихъ тенденцій и ссылается на свои труды для Поволжья и на Поволжьѣ и даже на свои малорусскія изданія. Но вѣдь въ статьѣ „Провинціальная печать,“ изъ за коей весь боръ загорѣлся, г. Мордовцевъ призналъ свои малорусскія симпатіи неразумнымъ рефлексомъ и, въ качествѣ такового, уступающимъ холодному разуму. Въ томъ то и бѣда, что у г. Мордовцева въ статьѣ есть все, что угодно. И справедливость требуетъ сказать, что подобныя качества въ позднѣйшихъ столичныхъ статьяхъ г. Мордовцева замѣчаются не въ примѣръ чаще, чѣмъ въ прежнихъ, провинціальныхъ.

приводитъ противъ этого цифры, а ему отвѣчаетъ одинъ петербургскій журналъ: да вѣдь это не провинціи, а штаты, то есть государства съ своими столицами... Слѣдовательно?!.. могутъ спросить централисты. Провинціальный сборникъ назвалъ столичнаго централиста „поволожскимъ ремезомъ, который сталъ петербургскимъ попугаемъ," а одна петербургская газета замѣтила, что едва ли у кого изъ поборниковъ правъ провинціальной печати рыльце не въ пушку, т. е. едва ли кто изъ нихъ не провинился участіемъ въ столичной печати.

Очевидно, что разсужденія надо начать ab ovo и вести систематично, — или ужъ совсѣмъ спеціализировать. Мы избираемъ послѣднее и будемъ говорить только объ одной части вопроса, о періодической печати, и притомъ, настоящаго момента.

Прежде всего мы раздѣлимъ предметы: толстые журналы и газеты. Организація тѣхъ и другихъ весьма различна по природѣ вещей. Между прочимъ, организація толстаго журнала точно требуетъ своего рода централизаціи силъ въ такомъ количествѣ, какое небольшой районъ дать не всегда въ состояніи. Но только отсюда вовсе не слѣдуетъ, что всѣ толстые журналы должны быть сосредоточены въ одномъ мѣстѣ. Въ Англіи, наприм., гдѣ есть нѣсколько экономическихъ столицъ, (желѣзодѣлательная, каменноугольная, шерстепрядная, хлопчатобумажная и т. д.) толстые журналы одинаковаго достоинства выходятъ и въ Лондонѣ, и въ Эдинбургѣ. Тоже и въ Италіи, гдѣ замѣчается еще и такое явленіе, что лучшіе ученые и ученo-литературные журналы выходятъ вовсе не въ государственной столицѣ, а во Флоренціи, въ Миланѣ, даже въ Болоньѣ. Возможно, что комбинація извѣстныхъ условій, напр. преданія извѣстной мѣстности, произведетъ то, что журналамъ извѣстнаго направленія или извѣстной спеціальности окажется удобнѣе появляться именно въ извѣстной мѣстности. Такъ, одно время шотландская столица была столицею извѣстнаго направленія всей великобританской интеллигенціи, такъ именно Монпелье оказалось удобнымъ пунктомъ для изданія панро-

манскаго Revue de langues romanes и т. д. До нѣкоторой степени мы это замѣчаемъ и въ Россіи, на петербургской и московской печати; признаки такой своего рода столичности показываются въ печати волжской и кіевской. Такъ напримѣръ, и поволжская, и кіевская интеллигенція имѣютъ наклонность къ вопросамъ народа и децентрализаціи, а кіевская — еще къ своеобразному славянофильству, не имѣщему ничего общаго съ узкимъ московскимъ славянофильствомъ такъ сказать, къ западническому славянофильству, и, притомъ, на мѣстной народной основѣ, допускающей союзъ и съ другими подобными славянскими стремленіями. Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что, при свободныхъ условіяхъ, Казань-ли, Саратовъ-ли, Кіевъ, Полтава, и т. д. притянули бы къ себѣ труды людей извѣстнаго оттѣнка и спеціальности и съ другихъ концовъ.

Кромѣ того, и теперь замѣчается извѣстнаго рода провинціализмъ и въ столичныхъ журналахъ: такъ „Русское Слово и „Дѣло“ больше всего притягивали къ себѣ силъ и статей отъ восточныхъ губерній и Сибири и, говорятъ, тамъ особенно читались. „Вѣстникъ Европы“ имѣетъ 1/8 подписчиковъ въ 10 южныхъ губерніяхъ и печатаетъ чаще другихъ статьи малороссовъ и о малорусскихъ вопросахъ. „Отечественныя Записки“ обходятъ національные и провинціальные вопросы, но вовсе не потому, что онѣ космополитичны, а также и потому, что онѣ, всетаки, въ значительной степени по-великорусски національны въ матеріалѣ и симпатіяхъ. Куда пойдетъ этотъ журналъ съ теперешней своей проповѣдью о непониманіи простыми людьми государственности (Щедринъ), съ просьбой къ деревенскому мальчику о томъ, чтобъ онъ далъ пѣсенникъ и сказочекъ городскому (Г. И.), съ приглашеніемъ горожанъ въ деревню (Записки Дурака), съ противупоставленіемъ разнымъ словамъ, въ родѣ „Европы“ — словъ „русскій народъ“ (Михайловскій) — будетъ весьма интересно посмотрѣть. Вѣдь въ нашемъ государствѣ, въ деревняхъ въ массахъ народа живы разныя народности: русскія и не русскія, которыя поютъ и разсказываютъ неодинаковыя пѣсни и сказки.

Почтенному журналу придется заговорить о многомъ яснѣе съ духами, которые и онъ вызываетъ теперь своими статьями и которыхъ онъ не хотѣлъ знать, когда тѣ-же идеи говорились другими, и притомъ безъ всякой мистики и недомолвокъ.

Наконецъ, толстая журналистика, по составу своихъ статей, лишь весьма въ ограниченной степени можетъ быть принимаема за плодъ столичнаго труда, даже если считать столичными людьми и тѣхъ, кто съ большимъ бы удовольствіемъ простился съ благами жизни въ сѣверной Пальмирѣ. Въ одной изъ первыхъ по времени статей по вопросу, который теперь такъ волнуетъ столичную печать, и честь первенства въ постановкѣ котораго теперь присваивается многими, — въ статьѣ „Столичная и провинціальная періодическая печать на югѣ Россіи“ въ „Кіевскомъ Телеграфѣ“ 1875, № 1, былъ сдѣланъ расчетъ, какая доля принадлежитъ вожакамъ въ нашей толстой журналистикѣ, и оказалось, что не малая. При свободѣ основанія журналовъ, быть можетъ, произошли бы такія комбинаціи столичныхъ и провинціальныхъ силъ, какія теперь предвидѣть трудно, — а, во всякомъ случаѣ, количество этихъ силъ увеличилось бы, и комбинаціи ихъ были бы гораздо естественнѣе, чѣмъ теперь, когда помѣщеніе статей того или другого писателя въ журналахъ зависитъ часто отъ случайности, и когда, напримѣръ, журналу, старающемуся проводить идею о деревнѣ и народѣ случается встрѣтить статью, совѣтующую хохламъ завести себѣ кулаковъ и т. д. Вотъ почему крайне тягостное впечатлѣніе производитъ зрѣлище того, какъ цѣлый рядъ сотрудниковъ столичныхъ журналовъ принялся бить по щекамъ связанныхъ людей и доказывать имъ, что они микроцефалы, которые и не заслуживаютъ лучшей участи.

И добро бы уже, въ самомъ дѣлѣ, „горшки обжигали святые!“ Сказавши это, мы перешли къ печати газетной, которая собственно и можетъ считаться у насъ печатью столичной по преимуществу. Мы не станемъ разбирать, гдѣ родился и учился кто либо изъ газетныхъ нашихъ дѣятелей — провинціалы ли

они или столичные люди. Довольно того, что теперь, когда газета стала потребностью всякаго мало-мальски образованнаго человѣка, возможность основанія газетъ въ провинціи крайне стѣснена, права провинціальной и столичной газеты неодинаковы, и провинція должна продовольствоваться столичными газетами даже и тогда, когда, какъ напримѣръ въ Кіевѣ, въ провинціи есть возможность полученія новостей заграничныхъ на три дня раньше, чѣмъ они придутъ туда via Petersburg. Довольно того, что редакторы столичныхъ газетъ имѣютъ монополію вязать и разрѣшать голоса, по необходимости идущіе къ нимъ изъ провинцій, и что сотрудники столичныхъ газетъ говорятъ рѣшительнымъ тономъ обо всемъ и вся. Такимъ образомъ, редакторы столичныхъ газетъ имѣютъ обязательныхъ подписчиковъ, а ихъ сотрудники обязательную аудиторію. Чего же имъ лучше? Но посмотримъ, хорошо ли намъ, читателямъ.

Къ нашей газетной литературѣ нельзя подойти съ тѣми требованіями, какія можно вывести изъ наблюденій надъ любою европейскою страной. Въ нашихъ газетахъ напрасно бы мы стали искать органовъ партій, съ опредѣленной программой внутренней и внѣшней политики, зорко слѣдящихъ за событіями, чутко слышащихъ, гдѣ враги, гдѣ друзья, непрестанно, при всякомъ случаѣ, во всѣхъ отдѣлахъ всякими способами, отъ ученой хроники до смѣси, умѣющихъ подчеркнуть публикѣ свою завѣтную идею. Чтобъ издавать такой органъ, надо или много знать, или сильно чувствовать, всего лучше — и то, и другое. У насъ была только одна такая газета и то недолго, и то ретроградная, и притомъ чисто „нигилистическая“, разрушительная, — „Московскія Вѣдомости“. Теперь нѣтъ ни одной. Ни въ одной не видно опредѣленныхъ идей, которыя могли бы руководить общество, ни опредѣленныхъ симпатій, ни даже послѣдовательныхъ антипатій, — а особенно, въ виду перекочевокъ сотрудниковъ изъ редакціи въ редакцію, въ виду самыхъ, повидимому, невозможныхъ комбинацій недоумѣваешь, зачѣмъ существуетъ и столько газетъ, сколько теперь. Скажутъ и говорятъ, — у насъ нѣтъ

политическихъ партій въ европейскомъ смыслѣ. Да нѣтъ количественно, но качественно есть, потому что и мы имѣемъ тѣ же общественные слои съ разными ихъ интересами, что́ и западная Европа, и если у насъ партіи не такъ видны, не такъ организованы, то причиною тому условія нашей жизни и печати. Эти послѣднія дѣлаютъ политическую печать монополіей двухъ городовъ, а въ нихъ нѣсколькихъ лицъ. При такихъ условіяхъ не только невозможна группировка людей извѣстныхъ убѣжденій на всемъ пространствѣ страны, группировка лицъ извѣстныхъ національныхъ симпатій въ естественныхъ областяхъ, но даже допущеніе людей на трибуны печати зависитъ отъ случайностей, которыя не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ естественнымъ сложеніемъ интересомъ и ростомъ идей, который существуетъ и въ нашемъ обществѣ.

Что количественно число присяжныхъ журналистовъ у насъ ничтожно, и что оно вовсе не блеститъ талантами и знаніями, такъ что слѣдящему за нашей печатью весьма часто приходится спрашивать: почему именно NN. или ZZ. имѣетъ посвященіе вязать или разрѣшать, научать и т. д.? — это, кажется, ясно. Что касается знаній, то количество ихъ до того ничтожно у нашихъ присяжныхъ руководителей общественнаго мнѣнія, что изъ примѣровъ невѣжества ихъ можно составить замѣчательную коллекцію. Мы приведемъ нѣсколько изъ числа собранныхъ за послѣднее время, при самомъ бѣгломъ просмотрѣ нашихъ большихъ газетъ. Такъ, одна сочинила для Распайля роль предводителя баррикадной войны въ 1848 году, другая объявила, что въ Индіи Англія имѣетъ 200 милліоновъ магометанскихъ подданныхъ, третья, что въ Малороссіи съ успѣхомъ дѣйствуетъ литовскій статутъ, четвертая думаетъ, что титулъ Валиде (султанша-мать) значитъ имя жены Абдулъ-Азиса, одна, желая щегольнуть латынью, начала передовую статью: мы будемъ говорить: Sine ira et cum studio, очевидно полагая, что studium по-латыни значитъ то, что по-французски étude, а не пристрастіе. (Хоть бы подумалъ публицистъ о томъ: хорошъ бы былъ Тацитъ, признаваясь, что онъ будетъ писать исторію sans étude?!)

Этой высотѣ знанія газетныхъ завсегдатаевъ очень часто соотвѣтствуетъ газетный элементъ и въ толстыхъ журналахъ, поставляемый тоже или лицами attachés къ редакціи, или завсегдатаями всѣхъ редакцій, иногда и не лишенныхъ знаній, но извращенныхъ условіями нашей печати и положеніемъ человѣка, долженствующаго зарабатывать себѣ хлѣбъ литературой. Мы остановимся на двухъ самыхъ свѣжихъ примѣрахъ. Такъ, недавно въ одномъ журналѣ появился сенсаціонный проектъ спасенія земства изъ денежныхъ затрудненій, особенно по дѣламъ народнаго здравія и образованія, посредствомъ соединенія монастырей въ „союзъ Спасителя“, а ихъ богатствъ— въ фондъ братства, съ выпускомъ соотвѣтственнаго числа кредитныхъ знаковъ. Статья, подписанная иниціалами, которыми подписано нѣсколько статей политико-экономическаго характера, попала въ тактъ газетной прессѣ, и заслужила нѣсколько одобрительныхъ отзывовъ и какъ либеральная, и какъ практическая. О либерализмѣ мы говорить не будемъ. Мы можемъ только быть увѣрены, что тенденціямъ журнала, напечатавшаго этотъ удивительный проектъ, если только редакція сознательно относится къ этимъ тенденціямъ, пришлось бы плохо, если бы этотъ проектъ былъ исполненъ. По счастію, этого не можетъ быть уже потому, что проекта этого понять не можетъ никто, начиная съ самого автора. Монастыри опишутъ свои богатства и доходы, какъ паи общаго капитала братства, выпустятъ соотвѣтствующее количество кредитныхъ знаковъ, и... и что дальше? Будутъ смотрѣть на нихъ и показывать литераторамъ? Тогда для чего же вся исторія? Доходъ этотъ капиталъ и представляющія его бумаги дадутъ, вѣдь только будучи пущены въ оборотъ или самимъ „союзомъ Спасителя“ непосредственно на новыя коммерческія предпріятія, или черезъ заемъ частнымъ коммерсантамъ. А тогда независимо отъ того, что они станутъ орудіемъ эксплуатаціи трудящагося люда, о коемъ такъ заботятся другіе сотрудники журала, — капиталы монастырей возрастутъ еще больше и еще больше отодвинутъ монаха отъ христіанскаго идеала, „инока

алчущаго, жаждующаго и пагствующаго", или монастыри потерпятъ крахъ вмѣстѣ съ какими нибудь Струсбергами! Очевидно, что вся хлесткая статейка, вся эта „коллективная челобитная всего народа къ монастырямъ" — есть результатъ самаго азбучнаго невѣдѣнія политической экономіи и ученой, и даже прикащицкой, или самаго безцеремоннаго бумагомаранія; а помѣщеніе ея на страницахъ журнала есть результатъ или также невѣдѣнія, или слабости къ „своему человѣчку", а во всякомъ случаѣ весьма безцеремоннаго неуваженія и къ читателю, и къ значительной части своихъ же сотрудниковъ. Это одинъ примѣръ.

А вотъ и другой. Извѣстно, что „критика" упразднилась изъ числа постоянныхъ отдѣловъ нашихъ толстыхъ журналовъ, кромѣ одного, — что лучше всего и говоритъ объ отсутствіи около редакцій достаточнаго персонала съ достаточными знаніями. И вотъ въ этомъ „одномъ" толстомъ журналѣ встрѣчаемъ мы статью подъ заглавіемъ „Востокъ или (??) Западъ" (??).[1] Оказывается, что это „критика" на сборникъ статей проф. Григорьева по исторіи, этнографіи и географіи, озаглавленный нѣсколько широко, но все-таки не такъ темно, какъ заглавіе критики, — „Россія и Азія". Дальше оказывается, что критика эта есть собственно компиляція одной статьи сборника о куфическихъ монетахъ, приправленная, кромѣ компиляціи же нѣсколькихъ фактовъ, наскоро вырванныхъ изъ статьи г. Самоквасова „О древнихъ земляныхъ насыпяхъ" въ Древ. Ю. Россіи, — комплиментами, выводами, соображеніями и, наконецъ, пѣснями и — въ цѣломъ представляющая танцы самаго удивительнаго свойства. Кто слѣдитъ за русской журналистикой лѣтъ съ 15—20, тотъ не можетъ не улыбнуться, прежде всего тому, что вотъ, молъ, какой чести дождались „куфическія монеты"! Помните ли вы всеобщее журнальное гоненіе „кабинетной учености", „древностей", „сухихъ тумановъ", хотя бы при нѣкоторомъ размышленіи, можно было догадаться, что при помощи иныхъ „древностей", собираемыхъ „кабинетной ученостью", можно достигнуть иногда

[1] Статья Д. Л. Мордовцева. Прим. ред.

самыхъ современныхъ, самыхъ живыхъ результатовъ? Это знаменитое гоненіе „чистаго искусства“, „кабинетной науки“, послужило въ свое время реакціонерамъ поводомъ выступить защитниками „интересовъ и орудій цивилизаціи“ и, подъ предлогомъ спасенія науки и искусства отъ „уличной толпы“, отвести ихъ въ полицейскую будку. Впрочемъ, это журнальное гоненіе на „сухіе туманы“, „монгольскія дѣепричастія“ и т. п. не всегда было выдерживаемо строго. Иногда, бывало, смотришь: ба! статья о языкѣ, толкуютъ о М. Миллерѣ, — о Китаѣ, — какъ теперь вотъ о „куфическихъ монетахъ“. Все дѣло въ томъ, что „свой человѣкъ“ взялъ въ руки книжку, и, за неимѣніемъ ли сюжета для писанія, или иногда по весьма тонкимъ причинамъ, — рѣшилъ написать статью — о дѣепричастіяхъ или куфическихъ монетахъ.

Что-жъ! Въ добрый часъ! Мы увѣрены, что многихъ живыхъ вопросовъ не рѣшить безъ дѣепричастій, — а иногда и куфическія монеты пригодятся. Только каковы выходятъ эти импровизированныя куфическія статьи случайныхъ пророковъ нашей монопольной журналистики?! Рецензія на книгу Григорьева отвѣчаетъ на этотъ вопросъ. Вопросъ „Востокъ или Западъ“ въ рецензіи сводится къ тому, какъ быть въ нижеслѣдующемъ обстоятельствѣ: Несторъ разсказываетъ, что восточныя русскія племена въ IX—X столѣтіи жили „звѣринскимъ обычаемъ“, а г. Григорьевъ написалъ книгу, изъ коей видно, что по нынѣшнему пространству Россіи находится много восточныхъ и западныхъ монетъ VII—X вѣковъ, — изъ чего видно, между прочимъ, что тутъ шелъ весьма оживленный торгъ. Рецензентъ высказываетъ нѣсколько рѣшеній, не весьма вяжущихся между собой, но болѣе всего настаиваетъ на томъ, что въ IX вѣкѣ произошелъ переворотъ — военные походы русскихъ князей, благодаря которымъ русская земля не разбогатѣла, а обѣднѣла, какъ и Пруссія послѣ полученія 5 000 000 000, спѣшитъ прибавить рецензентъ, чтобы ему простили куфическій предметъ статьи, — а дальше дошло до того, что половчанинъ сталъ отнимать у русскаго мужика рабочую лошадь. (Оттого то хитрый Бисмаркъ и ходитъ по Wilhelm-

strasse пѣшкомъ!) Конечно, прежде, чѣмъ говорить о переворотѣ, надо еще узнать, были ли въ VII вѣкѣ русскіе тамъ, гдѣ находимъ ихъ въ IX и гдѣ находятся куфическія монеты. Но такой простой вопросъ, на который еще не дала рѣшенія наука, не смущаетъ нашего рецензента. Не смущаютъ его и другія, не менѣе элементарныя вещи и даже собственныя слова: на стр. 12 онъ говоритъ, что въ VII—X вв. (значитъ и въ IX) на русской землѣ стояли многіе богатые города, а на стр. 17 и 21 говоритъ, что переворотъ совершенъ въ IX в., а на стр. 12-же увлекается такъ, что увѣряетъ, будто уже съ XI, XII и особенно съ XIII в. „видимъ на мѣстѣ русской земли дичь непроходимую.“ Ну, можетъ ли быть дичь непроходимѣе, какъ увѣреніе, что въ XII в. на мѣстѣ Кіева, Галича, Чернигова, Смоленска, Новгорода, Владиміра, Мурома — была дичь непроходимая, или что дѣйствительно гибельное опустошеніе Руси татарами въ XIII вѣкѣ было слѣдствіемъ походовъ русскихъ князей съ IX в.? Можетъ ли быть логика удивительнѣе логики автора рецензіи, который высоту культуры русскихъ VII—VIII вв., даже высшую, чѣмъ культура „теперешнихъ потомковъ ихъ, захолустныхъ мужичковъ, которые не умѣютъ считать“ (стр. 9) — въ VII вѣкѣ всѣ считать умѣли, да еще и по арабски! — доказываетъ тѣмъ, что въ среднемъ Поволжьѣ былъ культурный народъ болгаре, о которыхъ вдобавокъ самыя вѣскія свѣдѣнія принадлежатъ X вѣку, когда они приняли культурную религію — магометанство? Что за удивительная легкость въ мысляхъ доказывать, что военные походы русскихъ князей въ IX в. произвели упадокъ богатства страны, и прежнее богатство ея доказывать, между прочимъ, могилевскимъ кладомъ до 3000 испанскихъ и другихъ монетъ, которыя „можно считать памятникомъ счастливаго разбоя какого нибудь кривитскаго витязя, громившаго испанскія и африканскія владѣнія калифовъ“? (Замѣтимъ, все въ злополучномъ IX в.). Или: доказывать свой переворотъ на Руси предметами „добытыми въ сѣверщинѣ г. Самоквасовымъ, когда именно эти предметы принадлежатъ времени X—XI в. и никакъ не раньше (на

основаніи именно монетъ) конца, опять-таки, IX в. Къ X же послѣпереворотному вѣку относится и описаніе русскихъ купцовъ арабомъ Ибн-Фодланомъ. Высшей смѣлости достигаетъ рецензентъ, конечно, когда начинаетъ „вѣнчать монеты съ пѣснями“ для того, чтобы доказать, что походы Аскольда и Дира и прочихъ погубили на Руси прежняго русскаго человѣка „купца всѣхъ трехъ гильдій“ (подлинное выраженіе) и землевладѣльца. Съ паѳосомъ восклицаетъ онъ: „изъ тароватаго купца Ставра Бодиновича, изъ мирнаго пахаря Микулы Селяниновича русскій человѣкъ превращается въ воина, въ безпокойнаго богатыря Святогора.“ Слѣдуютъ выписки изъ Рыбникова на 4 страницы. Не знаемъ, нужно ли доказывать, что изъ сихъ почтенныхъ персонъ никто ни въ кого не превращался, а всѣ были въ одно время (если только, напр., господинъ Святогоръ былъ русскій обыватель, а не герой византійскихъ романовъ, забредшій въ великорусскій эпосъ, какъ думаютъ нѣкоторые злонамѣренные ученые), а особенно были въ одно время и даже часто въ одномъ лицѣ купецъ и воинъ, какъ сіе видно и изъ былинъ, и изъ договоровъ съ греками русскихъ князей, именно тѣхъ, которые произвели знаменитый переворотъ въ IX—X в.

Мы остановились подольше на статьѣ г. Д. М. между прочимъ именно потому, что на этомъ авторѣ, уровень знаній котораго, конечно, значительно превосходитъ уровень знаній другихъ заурядныхъ рецензентовъ столичной печати, можно ясно видѣть „органическіе пороки“ теперешняго состоянія нашей печати: дезорганизацію силъ, разбросанность, многописаніе, необдуманность, которой въ данномъ случаѣ одной можно приписать всѣ курьезы рецензіи, слишкомъ уже элементарные. И однакожъ, это именно тотъ самый писатель, который изобрѣлъ „теорію центровъ“ и, возомнивъ себя Нептуномъ, если не Юпитеромъ, отвелъ провинціальнымъ писателямъ только роль собирателей фактовъ для такихъ обобщителей, какъ онъ, которые, гдѣ бы ни явились, хотя бы и въ глуши Саратова, какъ все крупное, потянутся къ центру на большое плаваніе.

Всѣмъ вышеописаннымъ мы вовсе не хотимъ сказать ни того, что въ газетахъ и журналахъ должны писать только кабинетные ученые, ни того, что единственное спасеніе нашей періодической печати можетъ изойти только изъ провинцій.

Въ послѣдней, конечно, литература далеко не процвѣтаетъ, а литературныя безобразія, которыя столичные писатели сейчасъ же спѣшатъ обобщить, еще чаще столичныхъ, болѣе покрытыхъ столичнымъ лоскомъ, но, въ тоже время, въ провинціяхъ были попытки совершенно самостоятельной нравственной работы (припомнимъ, что воскресныя школы начались въ провинціи) и даже два-три опыта изданія періодическихъ органовъ, право, серьезнѣе по убѣжденіямъ и знаніямъ, чѣмъ теперешнія столичныя газеты. Въ провинціи теперь мало присяжныхъ литераторовъ потому, что условія не позволяютъ тамъ людямъ спеціализироваться на литературномъ трудѣ, но людей способныхъ ими быть гораздо больше, чѣмъ думаютъ. Настоящія столичныя изданія, изъ которыхъ иныя позволяютъ же брать у себя высокія гаммы весьма не первостатейнымъ продуктамъ провинціи, не умѣютъ привлечь этихъ людей даже въ качествѣ газетныхъ корреспондентовъ, такъ какъ эти изданія не имѣютъ сознательной, опредѣленной программы, не внушаютъ къ себѣ довѣрія и уваженія.

Прибавьте къ этому капризность и невнимательность къ чужой личности, свойственную монополистамъ, усиленную русской неаккуратностью и халатностью, и вы поймете, почему корреспонденціи въ наши газеты изъ провинцій, по большей части — „обывательская“ вода или безсознательныя мелочи; люди, которые дѣйствительно могли бы писать систематическія фотографіи жизни своихъ закоулковъ, на вопросъ: „отчего вы не пишете?“ отвѣчаютъ: „не стоитъ, да и некуда!“

Правда, если бы они начали писать, то теперешняго количества столичныхъ изданій оказалось бы мало, даже если бы изгнать изъ нихъ всю теперешнюю воду, и тогда „теорія центровъ“ видоизмѣнилась бы такъ, что въ Россіи оказалось бы не одинъ, два

центра, а пять десять, и централистамъ и децентралистамъ не о чемъ было бы спорить.

Во всякомъ случаѣ, децентралисты если не могутъ похвалиться провинціальной печатью, — благоразумные и не хвалятся, а именно потому и добиваются расширенія ея правъ, что теперешнее ея состояніе имъ противно, — то имѣютъ полное основаніе быть недовольными теперешней центральной литературой, особенно газетной. Теперь уже въ провинціи есть не мало людей, которые больше знаютъ не только такъ называемую „жизнь“, „Россію“, но и „книги“, „исторію“, „Европу“, чѣмъ многіе столичные литераторы, особенно тѣ, рутина жизни которыхъ не даетъ имъ времени читать даже русскія книги и всѣ журналы, которые все же читаются и перевариваются весьма многими въ провинціи. Что русскую литературу провинціальные читатели знаютъ не хуже столичныхъ, а иногда лучше столичныхъ писателей, — это намъ случалось слышать отъ самихъ писателей и далеко не третьестепенныхъ. А есть, вѣдь, провинціалы, знающіе иностранные языки, бывающіе заграницей (вѣдь, напр., съ юга Россіи до Вѣны и Лейпцига ближе, а до Мюнхена не дальше, чѣмъ до Петербурга), читающіе и иностранныя книги. Вотъ почему многіе провинціалы переросли столичную газетную печать, и съ полнымъ основаніемъ обижаются тѣми претензіями, которыя позволяютъ себѣ и теперь заявлять многіе столичные писатели, претензіи — говорить съ видомъ пророка и свысока отзываться о провинціяхъ, не имѣя на то ни малѣйшаго права. Эти провинціалы, между прочимъ, находятъ, что даже при теперешнихъ тѣсныхъ рамкахъ печати серьезные и убѣжденные сотрудники, а особенно редакторы могли бы изъ однихъ фактовъ, а особенно при помощи иностранной литературы выкрикивать что-либо основательнѣе и интереснѣе, чѣмъ то, чѣмъ насъ, провинціаловъ, угощаютъ наши газеты, а частію и толстые журналы, взваливая при этомъ вину на насъ же, будто мы не заслуживаемъ лучшей пищи или требуемъ такой, какую намъ даютъ.

Чистое дѣло требуетъ чистыхъ средствъ.

(Первоначально напечатано въ газетѣ „Молва“ за 1876 г. № 41.)

Въ статьѣ нашей „Къ вопросу объ оскудѣніи нашей печати и пр.“ напечатанной въ 36 № „Молвы“, намъ пришлось коснуться и отношенія нашей періодической печати къ славянскому или точнѣе, балканскому вопросу. Мы должны были сказать о нашихъ газетахъ по этому поводу: „только сгораешь отъ стыда, читая ихъ: ни знанія, ни пониманія, ни достоинства! И, при этомъ, никакихъ слѣдовъ пониманія связи внутреннихъ вопросовъ съ внѣшними и — почти всѣ факты — перепечатка изъ вѣнскихъ же газетъ!“

Отзывъ этотъ могъ показаться рѣзкимъ, а послѣднія слова и невѣрными. Надо сказать, что статья наша написана была за три мѣсяца до напечатанія ея, а тогда наши газеты почти не имѣли своихъ корреспондентовъ въ балканскихъ земляхъ и все продовольствовались перепечатками изъ „Politische Correspondenz“. Съ тѣхъ поръ дѣло нѣсколько измѣнилось — но болѣе по формѣ, чѣмъ по сущности. Основного нашего упрека: въ неприготовленности нашей печати къ обсужденію славянскаго вопроса и еще меньше къ руководительству рѣшеніемъ его, — нельзя уменьшить ни на одну іоту.

Въ послѣдніе мѣсяцы въ нашихъ газетахъ явилось много фельетоновъ, передовыхъ статей и корреспонденцій о сербахъ и болгарахъ, но почти всѣ эти фельетоны — компиляціи англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ книгъ; даже передовыя статьи оказываются часто построенными, напримѣръ, по статьямъ „Revue des deux Mondes“. Сколько нибудь самостоятельныхъ статей объ этомъ дѣлѣ, даже въ толстыхъ

журналахъ, едва ли можно насчитать болѣе трехъ—четырехъ. У насъ даже не успѣли перевести всѣхъ лучшихъ книгъ, вышедшихъ въ послѣднее время о балканскихъ земляхъ и народахъ на западныхъ языкахъ, а, между тѣмъ, куда какъ охотно кричатъ о своекорыстномъ, славяноненавидящемъ Западѣ! Мы очень жалѣемъ, что у насъ нѣтъ подъ рукою одного изъ послѣднихъ №№. „Гласника Списка ученого друштва“ за 1874 г., вышедшаго въ 1875 г. Тамъ есть библіографія сочиненій о сербо-хорватахъ за 1873—74 гг., изъ коей видно, какое количество этихъ сочиненій принадлежитъ „гнилому западу“ и какое Россіи. Гнилой западъ — не только въ суммѣ, но одна Франція обогнала насъ! То движеніе въ пользу славянъ, какое мы видимъ теперь въ западноевропейскихъ обществахъ и какое у насъ многіе называютъ то своекорыстнымъ разсчетомъ захватить въ свои руки дѣло, то признаками перемѣны въ отношеніи запада къ русской политикѣ (???), — есть только внѣшнее проявленіе той нравственной работы, какая шла въ западноевропейской наукѣ и литературѣ въ послѣдніе двадцать лѣтъ и для которой наша печать не умѣла прибрать другого термина, какъ „славянофильство“, помѣстивъ, такимъ образомъ, въ одну кучу съ Хомяковымъ и даже съ Погодинымъ — и Гладстона и Форстера, и самого Гарибальди!

Россія — страна славянская; ей нечего было мѣнять настроеніе, а между тѣмъ нашимъ писателямъ пришлось компилировать западныя книжки, а нашимъ газетамъ и ихъ корреспондентамъ идти въ хвостѣ „Daily News“ съ Макгаханами, Скайлерами и т. п. сынами меркантильной и коварной англосаксонской породы! Правда, теперь нашихъ волонтеровъ въ Сербіи много, — и сто разъ почтенны они, чтобы ни привело ихъ туда, ибо они понесли туда свои головы, которыхъ какъ извѣстно у людей только по одной. Чуть не каждый грамотный русскій теперь готовъ превратиться въ корреспондента изъ Сербіи. Но тутъ то и оказывается вся неприготовленность русскаго общества къ обсужденію славянской жизни! Оказывается, что событія застали русское общество врасплохъ.

Весьма характерно, что, только послѣ почти годового возстанія сербовъ, русскіе люди посыпались къ нимъ, да и то все въ княжество Сербію, а не въ Черногорію, не въ Герцеговину, Боснію, Болгарію. Не менѣе характерно, что первые волонтеры и корреспонденты, какіе появились изъ Россіи въ Герцеговину, принадлежали къ украинской молодежи, или совсѣмъ къ противоположному концу русской интеллигенціи: къ редакціи „Русскаго Міра", газеты реакціоной. Эта же послѣдняя дала и главнокомандующаго и генеральный штабъ тимокской арміи! Совпаденіе это усиливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что передъ самымъ герцеговинскимъ возстаніемъ, значеніе котораго совсѣмъ проглядѣла сначала почти вся столичная печать, больше всѣхъ занималась славянскими дѣлами изъ нашихъ газетъ, опять таки, одна украинская газета въ Кіевѣ, да въ Петербургѣ изданія, желавшія поставить точку къ реформамъ и рѣшавшія вопросъ „чѣмъ намъ быть"? въ самомъ противународномъ смыслѣ. Центръ столичной печати и даже столичная лѣвая безмолвствовали о славянахъ, и только столичная правая и провинціальная крайняя лѣвая говорили о нихъ!

Теперь всѣ говорятъ, всѣ пишутъ о славянахъ, т. е. собственно о сербахъ и болгарахъ. Но тутъ и сказывается истина, что на свѣтѣ нѣтъ скачковъ, и что въ два дня не пріобрѣтешь ни знаній, ни сознательныхъ симпатій, ни вѣрнаго тона для ихъ выраженія. Мы, право, не хотимъ быть придирчивыми педантами въ торжественную минуту, и — единственно для подтвержденія того, что и въ данномъ случаѣ эта истина оказалась вѣрна, приведемъ нѣсколько примѣровъ промаховъ нашихъ скоросработанныхъ славистовъ и славянофиловъ.

Такъ одинъ корреспондентъ извѣщалъ объ удивительномъ для знающаго географію Балканъ человѣка движеніи Черняева, — будто онъ „подвигается къ Софіи и рекогносцируетъ къ Виддину!" Такъ три газеты спорили недѣли съ три о томъ: помогать ли сербамъ или нѣтъ, въ виду соціалистическаго характера „Омладины", и не знали, что омладинцы и

соціалисты въ Сербіи совсѣмъ двѣ разныя партіи. Такъ, одинъ извѣстный художникъ, поѣхавшій изучать Сербію съ артистической стороны, печатно выразилъ мнѣніе, что сербы по виду имѣютъ мало славянскаго, что сербки не напоминаютъ вовсе того типа, который принято называть славянской красавицей, а сербы носятъ какіе-то странные широкіе кожанные пояса. А между тѣмъ, напр., эти пояса начинаются еще на восточномъ склонѣ Карпатъ, среди малорусскихъ горцевъ, и распространяются, все расширяясь въ объемѣ, до Адріатики, т. е. именно по самымъ старымъ славянскимъ землямъ. Очевидно, талантливый артистъ составилъ себѣ понятіе о славянствѣ исключительно по пригороднымъ петербургскимъ селамъ, не минуя чухонокъ, которыя въ петербургской академіи художествъ, можетъ быть, и сходятъ за модели „славянской красоты“, и не замѣтилъ, что онъ какъ разъ попалъ въ комическое положеніе тѣхъ московскихъ грамотѣевъ XVII столѣтія, которымъ кіевскіе „черкасы“ и константинопольскіе греки казались отступившими отъ истиннаго православія! Вотъ еще сегодня прочиталъ я въ фельетонѣ одной газеты, въ наскоро сшитой статьѣ объ исторіи балканскихъ славянъ, слѣдующее: „Сказочный герой сербскихъ народныхъ пѣсенъ, доблестный Марко королевичъ, съ тѣхъ поръ (т. е. послѣ завоеванія Сербіи турками) исчезаетъ“. А между тѣмъ Марко-то королевичъ принадлежитъ къ поколѣнію, благополучно пережившему Косово Поле, и совершаетъ много подвиговъ на службѣ турецкому солтану. Мимоходомъ сказать, и доблесть этого героя сравнительно съ другими героями и героинями сербскихъ пѣсенъ, весьма сомнительна: довольно указать на пѣсню о его вѣроломствѣ противъ освободившей его изъ темницы дочери арабскаго короля (Пѣванія Црногрск. и Херцеговиначка, № 68), или особенно его башибузукскую расправу съ сестрой Лека за то, что она не хотѣла быть женой его — „наймита“ турецкаго, (Пісме В. Карадъ, II, № 40).[1] Но довольно!

[1] Кстати, читатели, незнакомые съ сербскимъ языкомъ, могутъ прочитать какъ эти, такъ и вообще наиболѣе характерныя юнацкія пѣсни сербскія въ недавно

Неприготовленность нашей печати къ обсужденію славянскихъ дѣлъ выразилась не только въ мелкихъ фактическихъ промахахъ, а, во многихъ случахъ, въ самой основной постановкѣ вопроса, многія стороны которой рѣшительно заставляютъ опасаться за пользу, которая несомнѣнно должна бы выйти и для славянъ, и для Россіи изъ теперешняго, хотя и скороспѣлаго, но все же сильнаго, и горячаго движенія.

Такъ, прежде всего бросается въ глаза то ожесточеніе, съ какимъ произносятся многими, даже отъявленными западниками, слова „Европа“, „Западъ“, какъ что-то ненавистное и противославянское. Вопросъ гуманный, вопросъ народной свободы ставится какъ то странно въ узкія, то племенныя, то даже вѣроисповѣдныя рамки. Мы не думаемъ прекланяться передъ „Западомъ“, особенно если считать (почему то) его представителемъ дипломатіи; но очень хорошо помнимъ все зло, сдѣланное нашему внутреннему развитію, полагаемъ, небезъинтересному и для славянскаго дѣла, враждою къ Западу, и тѣмъ „восточнымъ“ національзмомъ, подъ который такъ удобно прячется все ретроградное и обскурантное. Зачѣмъ же опять воскрешать ту фразеологію, которую многіе считали уже навѣки погребенною подъ стѣнами Севастополя? Быть можетъ, у нѣкоторыхъ брань противъ „Запада“ и его „своекорыстной дипломатіи“ есть только façon de parler, но нельзя не сказать, — весьма опасный и совершенно несправедливый; „Западъ“,

---

вышедшей въ Кіевѣ книгѣ „Сербьски народні думі і пісні, переложив. М. Старицькой“. (52 думы, 420 стр.), о которой мы не рѣшаемся говорить подробно по чисто личнымъ причинамъ. Этотъ солидный и давно начатый трудъ (отдѣльныя пѣсни были напечатаны въ Галиціи, въ журналѣ „Правда“, лѣтъ 8—9) служитъ еще однимъ доказательствомъ естественности симпатій къ сербамъ на югѣ Россіи, въ странѣ, открывшей Восточный вопросъ для Россіи. Недаромъ-же наблюдатели, сербъ (Новаковичъ) и русскіе (Ровинскій, Гильфердингъ, Погодинъ, Лавровскій и др.) говорятъ о замѣчательность сходствѣ сербовъ и украинцевъ. Это сходство замѣчено и нашими корреспондентами и успѣло уже проявиться практически. Такъ, профессоръ Висковатовъ разсказываетъ („Голосъ“, № 24): „самый языкъ сербскій такъ близокъ къ малорусскому, что наши казаки и солдаты изъ малороссовъ съ удивительною быстротою пріобрѣтаютъ возможность полнѣйшаго обмѣна мыслей.“ Замѣчательно, что нѣсколько корреспондентовъ „Новаго Времени“ жаловались, что имъ трудно объясняться съ сербами, что ихъ не понимаютъ и они не понимаютъ! Значитъ правъ былъ Гильфердингъ, говоря о той роли, какая принадлежитъ Малороссіи въ дѣлѣ развитія славянскихъ симпатій въ Россіи! (См. ст. „Кириллъ и Меѳодій“). При случаѣ замѣтимъ, что малороссамъ съ сербами приходится имѣть общія дѣла не только въ качествѣ добровольцевъ, но и поневолѣ. Вѣдь, малороссовъ болѣе 500000 живетъ, вмѣстѣ съ сербами въ коронѣ св. Стефана въ Венгріи!

конечно, потерпѣлъ и допустилъ „злодѣйства въ Болгаріи“, — но, вѣдь, и Востокъ ихъ допустилъ. Простой народъ отзывается о дѣлѣ томъ резоннѣе нашихъ публицистовъ: „чего жъ наши смотрятъ?“ спрашиваетъ онъ. Во всякомъ случаѣ, въ уменьшеніе вины „Запада“ говоритъ и то, что, въ то время, когда одна его половина допустила эти злодѣйства, другая ихъ изслѣдовала и обнародовала ихъ во всеобщее, въ томъ числѣ и наше, свѣдѣніе.

Быть можетъ, тоже своего рода „façon de parler“, или тонкій разсчетъ лежитъ въ основѣ постановки вопроса о необходимости помочь сербамъ по выгодамъ государственнымъ въ связи съ вопросомъ о военной славѣ, чести и даже съ поданіемъ видовъ на открытіе для насъ новыхъ рынковъ и чуть ли не новыхъ губерній. Но смотришь, у иного и проскочитъ фраза: „сербы сербами, а русская честь и слава прежде всего“, — или: „а право, въ Константинополѣ не въ примѣръ лучше будетъ жить, чѣмъ въ Петербургѣ“, или недовольство на сербовъ: зачѣмъ они совсѣмъ не думаютъ отказаться отъ всякой самостоятельности. Значитъ, это не только façon de parler, а подъ всѣми фразами о славянствѣ лежитъ у нѣкоторыхъ господъ традиціонная жилка Иваны Калиты и Аркачеева, весьма мало обѣщающая добра и въ будущемъ для славянъ, и для насъ самихъ. Но если бы всѣ подобные способы постановки вопроса были ничѣмъ инымъ, какъ только тонкимъ разсчетомъ, invitation à la dance, посредствомъ показанія въ перспективѣ сербскихъ барановъ и македонскаго табаку по дешевымъ цѣнамъ и фермъ на берегу Адріатическаго моря, въ видахъ упроченія славянскаго культурнаго элемента, то тѣмъ опаснѣе эти пріемы для будущаго, опять таки — и славянскаго, и нашего!...

Свѣжее, новое, чистое дѣло надо и ставить на свѣжую основу, доказывать чистыми аргументами, а не подлаживаться къ застарѣлымъ, часто патологическимъ, инстинктамъ. Если кому, то именно печати, литераторамъ и надо быть въ этомъ случаѣ идеалистами, т. е. людьми, дорожащими воспитаніемъ обще-

ства въ смыслѣ извѣстныхъ идей, что имѣетъ и огромное практическое значеніе. Совсѣмъ не все равно, во имя чего будетъ оказана помощь славянамъ, потому что знамени, идеѣ будетъ отвѣчать и исходъ дѣла, его послѣдствія. Это — во первыхъ. А, во вторыхъ: что если, не смотря на всѣ наши поклоны, подлаживанья старымъ идеямъ, все таки практическаго дѣйствія не воспослѣдуетъ, а, между тѣмъ мы растравимъ, оживимъ то, чему предназначено умереть? Вѣдь, въ томъ и другомъ случаѣ, „просто плохо намъ будетъ, а не туркамъ!“ какъ говоритъ Сквозникъ-Дмухановскій, а хоть бы и вмѣстѣ съ турками, такъ намъ отъ того не легче.

Что объ этомъ весьма мало думаютъ тѣ именно господа, которые больше всего кричатъ въ нашей печати о помощи славянамъ, что именно эти господа, точно нарочито, работаютъ надъ тѣмъ, чтобъ свести на нуль разницу между сербскимъ вопросомъ и ташкентскимъ — во внѣшнемъ и внутреннемъ, щедринскомъ смыслѣ, — это доказывается, напримѣръ, двумя послѣдними, полученными нами №№ „Новаго Времени“. Вотъ, напримѣръ статья въ 201 №, разбирающая мнѣнія „Daily News“ по вопросу: „что дѣлать?“ — что дѣлать съ Балканскимъ полуостровомъ. Наша газета находитъ ни болѣе, ни менѣе, какъ то, что „мы, русскіе, только по недоразумѣнію чуть не сочли за своихъ союзниковъ“ англійскихъ либераловъ, — что „для русской политики на Востокѣ, виги (?) представляютъ несравненно болѣе опаснаго соперника, чѣмъ тори.“ Что же случилось? спроситъ читатель. Какое открытіе сдѣлала петербургская газета?

Оказывается, что англійская либеральная газета желаетъ ни болѣе, ни менѣе какъ полнаго устраненія турокъ отъ власти надъ балканскими христіанами и устройства изъ послѣднихъ или вполнѣ автономныхъ, или соподчиненныхъ византійскому христіанскому императору государствъ, казалось бы, ничего другого и петербургская газета не желаетъ, она только развѣ можетъ желать измѣненія той или другой политической формы въ этомъ проектѣ, сообразно

большей или меньшей своей либеральности. Такъ нѣтъ! Петербургская газета въ этомъ то проектѣ и усмотрѣла враждебность къ Россіи. Видите ли она догадывается, что дружба виговъ къ сербамъ и болгарамъ, „далеко не безкорыстна“, они-де хлопочутъ, чтобъ устроить на Балканскомъ полуостровѣ государства, которыя бы были, „послушнымъ орудіемъ въ рукахъ Англіи“. А наша газета чего хочетъ? Собственно говоря, Господь вѣдаетъ! Разъ, она говоритъ, что Россія должна „безкорыстно помочь славянамъ“, и коритъ виговъ за то, что они имѣютъ корыстныя цѣли, въ другой, какъ напримѣръ въ томъ же № въ фельетонѣ г. Незнакомца, говоритъ „даже объ образованіи славянскаго союза, подъ гегемоніей Россіи“. Выходитъ, значитъ, что именно потому „виги“ намъ и враги, что они конкурируютъ съ нами въ дѣлѣ дѣлежа балканскаго пирога! Но, скажетъ „Новое Время“, „Daily News“ прямо говоритъ, что система сильныхъ христіанскихъ государствъ на Балканскомъ полуостровѣ должна быть болѣе дѣйствительнымъ оплотомъ „предполагаемымъ планамъ Россіи“. — Да, вѣдь, вы же сами говорите, что это планы „предполагаемые“, такъ, значитъ, докажите, что они только предполагаемые врагами славянства и говорите именно о необходимости безкорыстной помощи славянамъ и о побужденіи другихъ довольствоваться безкорыстною ролью. Когда то г. Суворинъ посмѣивался надъ московскими славянофилами, а его характеристика Погодина, этого „средняго русскаго человѣка“, принадлежитъ къ числу лучшихъ литературныхъ опытовъ г. Суворина. Но вѣдь и московскіе славянофилы, и самъ Погодинъ оказывались въ подобныхъ случаяхъ и чище, и тактичнѣе; они говорили, въ отвѣтъ на планы устроить изъ независимыхъ христіянскихъ государствъ на Балканскомъ полуостровѣ оплотъ противъ завоевательныхъ видовъ Россіи и даже враговъ ей,—просто: „только устройте, господа, только удалите турокъ, а тамъ уже посмотримъ: друзья ли намъ окажутся болгары и сербы, или враги“. А теперь оказывается, что газета г. Суворина напоминаетъ тотъ анекдотъ о сумасшедшемъ, который

говорилъ о другомъ: „это такой дуракъ, что воображаетъ себя китайскимъ императоромъ, тогда какъ всему свѣту извѣстно, что китайскій императоръ — я!“ А если такъ, тогда зачѣмъ же удивляться, что кто нибудь въ Европѣ, искренно желая добра славянамъ, боится „безкорыстія“, исповѣдываемаго „Новымъ Временемъ“, и что иной сербъ самъ будетъ, лишь скрѣпя сердце, принимать помощь этой газеты, думая про себя: „съ Суворинымъ дружи, да камень за пазухой держи“. Насколько подобныя „братскія“ отношенія пріятны и удобны, предоставляемъ разсудить читателю.

Другой примѣръ еще болѣе непріятнаго поджиганія дурныхъ инстинктовъ представляетъ статья, подписанная самимъ г. Незнакомцемъ въ 203 №—„Откажемся отъ Болгаріи“, тутъ, кромѣ тоже заявленія желанія „не пустить Англію на наше мѣсто“, мы читаемъ слѣдующія, во многихъ отношеніяхъ достойныя вниманія, слова: „Ни одинъ народъ Балканскаго полуострова такъ намъ не близокъ, какъ болгары, ни одинъ такъ не расположенъ къ намъ, какъ они. Болгарскій языкъ почти русскій языкъ — и чѣмъ больше онъ будетъ развиваться, тѣмъ ближе онъ будетъ къ русскому языку; въ болгарскихъ училищахъ русскій языкъ почти вездѣ обязателенъ, и вы встрѣтите множество болгаръ, знающихъ русскій языкъ, тогда какъ между сербами знаніе русскаго языка — величайшая рѣдкость; болгары стремятся къ тому, чтобъ объединить свое правописаніе съ русскимъ, сербы — къ тому, чтобъ сдѣлать его по возможности самостоятельнымъ. Болгарскіе добровольцы съ восторгомъ говорили о томъ, что у нихъ будетъ русскій князь, что русскій языкъ будетъ общимъ дипломатическимъ языкомъ для всего славянства, между тѣмъ, какъ сербы эту роль желали бы дать своему языку. Болгарская интеллигенція вся на сторонѣ Россіи“...

Читатель, пробѣжавши все это, спроситъ прежде всего: итакъ, чего же вы хотите: не пустить Англію на наше мѣсто, т. е. сѣсть самимъ въ Болгаріи? Въ какомъ смыслѣ вы не желаете „отказаться отъ Болгаріи“? Взять ее себѣ, или помочь ей стать Болгаріей? И кто васъ уполномочилъ предлагать Болгарію кому

бы то ни было? Болгарская интеллигенція, конечно, „на сторонѣ Россіи“, но потому, что полагаетъ, что Россія „на сторонѣ Болгаріи“, а — прежде всего — болгарская интеллигенція на сторонѣ Болгаріи. И это, надѣемся, совершенно естественно.

Далѣе, весь подборъ аргументовъ, какіе приводитъ г. Незнакомецъ въ пользу того, что „отъ Болгаріи отказываться не нужно“, такого рода, что если онъ только не принадлежитъ г. Незнакомцу лично, и даже если онъ набранъ только, какъ своего рода практическій разсчетъ, — то и тогда онъ заключаетъ въ себѣ зародышъ самыхъ грустныхъ недоразумѣній, по меньшей мѣрѣ. Во первыхъ, къ нашему изумленію, все то, что здѣсь говорится о сербахъ, по своему такту совершенно подходитъ къ рѣчамъ наѣхавшихъ въ Сербію поручиковъ Живковскихъ, которыхъ Черняевъ долженъ высылать изъ Сербіи. — „Я васъ освобождать отъ турокъ пришелъ, а вы, такіе—сякіе, въ 11 часовъ раковъ давать не хотите!“ говоритъ щедринскій герой. — Я васъ освобождать пришелъ, а вы свое правописаніе къ своему, а не къ моему языку принаравливаете, — говоритъ г. Незнакомецъ, — и право поручикъ Живковскій и резоннѣе аргументируетъ, и менѣе опасенъ для спокойствія Сербіи, чѣмъ г. Незнакомецъ, если онъ только не обмолвился.

Далѣе, все то, что говоритъ г. Незнакомецъ о болгарахъ и сербахъ, или не имѣетъ никакого значенія, или совершенно невѣрно.

Мы, конечно, не будемъ сомнѣваться въ томъ, что, можетъ быть, какіе нибудь волонтеры говорили г. Незнакомцу съ радостью о томъ, что у нихъ будетъ русскій князь. Мы сами слыхали отъ болгаръ желанія въ такомъ родѣ, но, вѣдь, это не имѣетъ никакого существеннаго значенія ни для Болгаріи, ни для Россіи: въ Греціи, вѣдь, король датской династіи, а въ Швеціи французской, но изъ этого ровно ничего не слѣдуетъ, особенно черезъ два, три поколѣнія. Въ особенности, казалось бы, безъинтересенъ долженъ быть династическій вопросъ для журналистовъ. Правда, наши журналисты съ самаго 1867 г., со временъ славянскихъ обѣдовъ въ Петербургѣ и Москвѣ,

по временамъ съ аппетитомъ говорятъ еще о менѣе интересномъ вопросѣ: „о будущемъ дипломатическомъ языкѣ славянскомъ“.

Это уже совершенно „пустѣйшій“ вопросъ, достойный только, опять таки, щедринскихъ статистиковъ — Прокона и К., для которыхъ важно было чѣмъ нибудь доказать себѣ, что „вотъ молъ и мы не лыкомъ шиты“. Весь свѣтъ употребляетъ дипломатическій языкъ — французскій и никому отъ того ни тепло, ни холодно. Мы рѣшительно отказываемся вѣрить, чтобъ кто нибудь въ Сербіи, кромѣ сербскихъ Прокоповъ, могъ выразить г. Незнакомцу желаніе сдѣлать сербскій языкъ дипломатическимъ славянскимъ языкомъ. Болѣе серьезные сербы виноваты въ чемъ то другомъ; напримѣръ въ томъ, что они развѣшиваютъ карты Сербіи съ границами до Архипелага, да еще болѣе въ томъ, что въ восточныхъ, румынскихъ и болгарскихъ округахъ княжества Сербіи препятствуютъ народному образованію на мѣстныхъ языкахъ, въ видахъ „осербленія“ своихъ „окраинъ“. Зато, и нѣкоторые болгары виноваты въ томъ, что, въ свою очередь, говорятъ о томъ, что одно время и Бѣлградъ, и Албанія покорялись болгарскимъ князьямъ, — и если болгары еще не виноваты въ практическихъ мѣрахъ къ „оболгаренію“ своихъ „окраинъ“ то только потому, что еще не имѣли въ рукахъ своихъ государственной власти. Все это показываетъ, что болѣзни современныхъ большихъ государствъ успѣли заразить и малыя, и еще негосударственныя народности. Но это болѣзнь хоть серьезная, а вопросъ о дипломатическомъ языкѣ — вещь „пустѣйшая во всѣхъ отношеніяхъ“. Вѣдь, дипломатическій языкъ не значитъ языкъ внутренней администраціи, суда, церкви, школы, печати... Если же г. Незнакомецъ думаетъ, что болгары рады придать такое значеніе у себя русскому языку, то очень ошибается...

Впрочемъ, онъ рѣшительно ошибается во всемъ томъ, что говоритъ о болгарскомъ языкѣ и о болгарской и сербской литературѣ, и объ отношеніи ихъ къ русскому языку и литературѣ.

Заявленіе, что болгарскій языкъ почти русскій,

можетъ только вызвать улыбку. Извѣстно, какъ много издавна вошло тюркскихъ словъ въ болгарскій языкъ, и какъ трудно теперь, когда нѣтъ порядочнаго болгарскаго словаря (Бочарова Болгарско-французскій словарь никуда не годится), справляться съ діалектами болгарскими, словъ которыхъ иногда и болгары сами не понимаютъ. Мы это знаемъ по собственному опыту, имѣя по необходимости часто дѣло съ прекраснымъ сборникомъ пѣсенъ македонскихъ болгаръ, и имѣя знакомыхъ почти исключительно изъ дунайскихъ болгаръ. Извѣстно, что болгарскій языкъ имѣетъ весьма измѣненныя граматическія формы и кромѣ того, членъ, который въ разговорѣ, приставляясь къ концамъ словъ, особенно между прилагательнымъ и существительнымъ, чрезвычайно затрудняетъ для другихъ славянъ пониманіе болгарской рѣчи. А г. Незнакомецъ увѣряетъ смѣло, что болгарскій языкъ почти русскій! Ну вотъ, напримѣръ, à livre ouvert нѣсколько строкъ изъ одной сказки въ первой попавшейся болгарской книгѣ: „Българскый народенъ сборникъ. Събранъ, нареденъ и издаденъ отъ В. Чолакова Болградъ. Въ печатницу-ту на Централно-то Училище, 1872, стр. 258: Единъ човѣкъ ете си каралъ една кола сырене, като вървѣлъ по путь — о си, намѣрилъ една лѣсица лѣчнала на путь — о. Човѣкъ — о чипилъ, ге е умрѣла та я земалъ и турилъ я на кола — та си“, и т. д.

Не правда ли? Совсѣмъ почти русскій языкъ! Мы поэтому и оставляемъ его безъ перевода! Да и правописаніе русское, потому, вѣрно, что тутъ сохраненъ ъ, заброшенный сербами, бѣда только, что этотъ ъ у болгаръ совсѣмъ не то значитъ, что у русскихъ!

А если болгарскій народный языкъ такъ мало похожъ на русскій, какъ это видно изъ приведеннаго примѣра, то было бы величайшимъ бѣдствіемъ для болгаръ, еслибы ихъ литературный языкъ, вмѣсто того, чтобъ приближаться къ своему народному, приближался къ русскому, какъ предрекаетъ г. Незнакомецъ. Впрочемъ, это было бы не только бѣдствіемъ, но и какимъ-то чудомъ, и мы рѣшаемся сказать, что все пророчество г. Незнакомца рѣшительно про-

тиворѣчитъ съ исторіей болгарскаго возрожденія и съ тѣмъ, что теперь дѣлается въ болгарской литературѣ. Мы отсылаемъ читателя къ самому важному болгарскому изданію: „Периодическо списание на болгарско-то книжовно дружство“, гдѣ помѣщенъ переводъ „Тараса Бульбы“ Гоголя и предисловіе переводчика, который жалуется, что „болгарскіе писатели пишутъ каждый, какъ мать его научила, и что русскій языкъ очень тяготѣетъ надъ болгарскимъ“. Самъ переводчикъ говоритъ, что „употребляетъ русскія и церковно-славянскія слова только тамъ, гдѣ не находитъ соотвѣтственнаго слова въ своемъ языкѣ, и вовсе не щеголяетъ заимствованіями, а беретъ только то, что согласно съ духомъ болгарскаго языка.“ По поводу этой жалобы редакція замѣчаетъ: „была бы не бѣда если-бы болгарскіе писатели писали такъ, какъ мать научила (переводчикъ хотѣлъ видимо сказать этимъ: какъ попало), тогда бы народъ понималъ то, что мы пишемъ, между тѣмъ, какъ теперь, благодаря вліянію разныхъ грамматикъ, пишется совсѣмъ не такъ, какъ говорится, и наши матери, отцы и братья не понимаютъ языка, какимъ мы пишемъ“. Мы думаемъ, что между редакціей и переводчикомъ, собственно, нѣтъ разницы въ стремленіяхъ, потому что и переводчикъ говоритъ, что языкъ надо изучать „въ самомъ гнѣздѣ его“, въ народѣ. Съ этой цѣлью редакція и открыла у себя отдѣлъ, въ которомъ печатаются народные пѣсни и разсказы, языкъ которыхъ, конечно, имѣетъ только родовое сходство съ русскимъ. Слѣдуетъ сказать, что почти всѣ сотрудники болгарскаго журнала, равно какъ и руководители, и вкладчики того общества, которое его издаетъ, получили образованіе и даже живутъ въ Россіи и принадлежатъ не только къ друзьямъ Россіи, но даже къ почитателямъ г. Каткова, но все-таки работаютъ въ направленіи, ослабляющемъ „гнетъ русскаго языка надъ болгарскимъ“ — и это иначе и быть не можетъ, потому что они не могутъ въ XIX в. иначе работать, какъ въ направленіи приближенія литературнаго языка къ народному. Такъ поступаютъ и сами русскіе, и это ихъ поведеніе имѣетъ рѣшительное влія-

ніе на сербовъ и болгаръ, изъ которыхъ, послѣдніе, собственно только вступаютъ на ту ступень, которую прошли сербы въ эпоху Вука Караджича.

Это очень интересный вопросъ; но мы не можемъ говорить о немъ много, а изложимъ его только въ видѣ краткихъ положеній. Весь православный славянскій міръ въ послѣднее время идетъ вовсе не къ формальному литературному панславизму, а, совсѣмъ напротивъ — удаляется отъ него. Когда-то у сербовъ, болгаръ, малороссовъ и великороссовъ былъ одинъ общій литературный языкъ — церковно-славянскій, каковъ бы онъ тамъ ни былъ по происхожденію, староболгарскій, или хорутанскій, или другой. Уже въ средніе вѣка каждое племя, усвоившее его внѣшнимъ образомъ, вмѣстѣ съ церковью, стало подмѣшивать въ него мѣстные элементы и, такимъ образомъ, уклоняться отъ единства. Въ серединѣ этого процесса сербовъ и болгаръ застало турецкое завоеваніе. Литературное развитіе ихъ пріостановилось. Но начатый процессъ удаленія отъ единообразія литературнаго языка всѣхъ православныхъ славянъ продолжался у русскихъ племенъ. Въ XVI в. уже въ южной Руси, нѣкогда Руси по преимуществу, почувствовалась необходимость перевести евангеліе „съ языка болгарскаго на мову руску“, т. е., малорусскую. Памятникомъ этого стремленія явилось такъ называемое „Пересопницкое Евангеліе“, о которомъ надняхъ явилось обстоятельное изслѣдованіе въ Кіевѣ. „Мова эта руска“ не была еще чисто народная, а была то, что еще въ XVII и даже въ XVIII в., а въ Галичинѣ и въ XIX в., звали славяно-русская, или славяно-россійская. Въ подобномъ родѣ и въ Великороссіи образовывался свой славяно-русскій языкъ изъ церковной и мѣстно-народной рѣчи. Оба эти славяно-русскіе языка еще сильно держались за церковный, и потому разница ихъ мало чувствовалась, что и давало возможность южно-руссамъ переходить, какъ Дм. Ростовскій, въ великорусскіе писатели, сохраняя, почти безъ перемѣны свой кіево- или чернигово-славянскій языкъ. Реформа Петра Великаго, которая въ культурномъ отношеніи была не что иное, какъ только введеніе административнымъ по-

рядкомъ въ Великороссіи того, что было уже раньше въ Малороссіи, и потомъ крайняя государственная централизація перетянули множество образованныхъ малоруссовъ въ столицы, и двѣ славяно-русскія мовы смѣшались и положили начало теперешнему литературному языку, въ который, чѣмъ дальше, стала все болѣе вливаться мѣстная великорусская стихія. Вотъ въ это время начинаютъ опять поднимать голову сербы, потомъ болгары. Изъ первыхъ дѣятелей сербскаго возрожденія нѣкоторые получили образованіе въ Россіи, преимущественно въ Кіевѣ (напримѣръ, Ранчъ), и всѣ почти имѣли образованіе церковное и, конечно, набросились на церковную и морализирующую литературу на славяно-русскомъ языкѣ, примыкавшемъ черезъ церковный элементъ къ старо-сербской письменности и къ церкви, которая оставалась единственнымъ представителемъ національности. Быть можетъ и малороссійская стихія, какъ видѣли мы уже, всетаки, довольно близкая къ сербской, не очень рѣзала уши первыхъ начинателей сербскаго возрожденія, которые, возвращаясь изъ Кіева въ Сербію, переносили съ собою добрую дозу славяно-русскаго элемента въ начинаемую ими новосербскую литературу.[1] Между тѣмъ, въ Россіи все подвигался процессъ демаскированія мѣстныхъ народныхъ элементовъ изъ подъ общихъ церковныхъ и славяно-русскихъ: Карамзинъ, Пушкинъ, Крыловъ, наконецъ, сознательная школа изслѣдователей народнаго языка и словесности приносятъ все больше частнаго великорусскаго элемента въ литературный языкъ. Это вызываетъ параллельное движеніе и въ Малороссіи въ видѣ народной украинской литературы. Совершенно то же самое дѣлается и въ Сербіи, по мѣрѣ развитія свѣтской литературы, потребностей народнаго образованія, распространенія европейскихъ научныхъ идей о языкѣ и народности, наконецъ, демократическихъ идей общественныхъ. Сербская литература, языкъ, правописаніе становятся живѣе, народнѣе, и потому обособляются. По той же дорогѣ

[1] Кромѣ Сербіи, вліяніе малорусской книжности въ XVIII вѣкѣ распространялось и на Хорватію, куда въ 1700 г. вызвано было нѣсколько учителей изъ Кіева.

нѣсколько позже пошли болгары — и, какъ мы видѣли на примѣрѣ „Періодическаго Описанія“, не только не пойдутъ назадъ, какъ предсказываетъ г. Незнакомецъ и какъ, можетъ быть, ждутъ и другіе, а совсѣмъ напротивъ, пойдутъ также рѣшительно впередъ, какъ и сербы, потому что теперь нельзя найти такихъ живыхъ людей, которые бы согласились писать такъ, чтобъ ихъ „не понимали ихъ матери, отцы, братья“.

Такимъ образомъ, всѣ надежды на формальный литературный панславизмъ — русскій или иной, — даже въ православномъ славянствѣ, построены на недоразумѣніи. Но реальный панславизмъ совсѣмъ ничего не теряетъ отъ этого процесса литературнаго обособленія каждаго племени. Это можно, опять-таки, доказать на примѣрѣ сербовъ и болгаръ.

Сербы теперь безповоротно обособились въ литературномъ отношеніи и пишутъ языкомъ своихъ пѣсень и сказокъ, не заботясь о томъ, понятенъ ли этотъ языкъ русскимъ корреспондентамъ, или нѣтъ; а заботясь о томъ, чтобы онъ былъ понятенъ сербскому народу. Но сербы знаютъ малорусскую и русскую литературу теперь, конечно, лучше, чѣмъ прежде, когда придерживались больше славяно-русскаго языка, писали съ я, ъ, и тому подобными ненужностями или нелогичностями и въ русскомъ языкѣ. Именно въ послѣднее время масса произведеній русской литературы переведена на сербскій языкъ. Такъ, уже во время войны, мы видимъ въ журналѣ „Србадија“ переводъ „Затишья“ Тургенева, а въ фельетонахъ оффиціальныхъ „Србске Новини“ переводъ „Обломова“. Нашимъ славяноревнителямъ, которые еще на-дняхъ привѣтствовали напечатаніе въ „Русскомъ Архивѣ“, „Посланія къ сербамъ“ Хомякова и его друзей — московскихъ славянофиловъ, въ которомъ здоровыя мысли перемѣшаны съ крайне догматическимъ провозглашеніемъ узкихъ вѣроисповѣдныхъ идей и стремленій племенного верховенства, — слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что такое переводятъ сербы на свой языкъ съ русскаго и другихъ европейскихъ языковъ. Это все вещи, не имѣющія ничего общаго

съ московскимъ посланіемъ: „Ревизоръ“, „Мертвыя Души“, поэмы Лермонтова, романы Тургенева, „Что дѣлать?“, „Примѣчанія“ къ политической экономіи Милля, статьи Писарева, Добролюбова; съ малорусскаго: поэмы Шевченко, повѣсти М. Вовчка и Федьковича; съ западныхъ языковъ: Жизнь Іисуса Ренана, статьи Милля, Происхожденіе видовъ Дарвина, вышедшее уже во время войны и т. д. Собственно говоря, сербская публика поступаетъ такъ же, какъ и русская, которая только въ парадныхъ случаяхъ вспоминаетъ фразеологію московскихъ кружковъ, а въ обыкновенной жизни читаетъ охотнѣе, напримѣръ, Щедрина, чѣмъ Хомякова. Да и гдѣ больше „русскаго духа“ — въ этой ли литературѣ обыденной жизни, или въ парадной, полагаемъ, говорить нечего. А потому, думаемъ мы, сербы не проиграли по части ознакомленія съ жизнью „братьевъ-руссовъ“ съ тѣхъ поръ, какъ вмѣсто московскихъ проповѣдей и нотацій въ оригиналѣ, стали читать въ своихъ переводахъ произведенія русскихъ писателей, которые, быть можетъ и не думали никогда о братьяхъ славянахъ и ихъ единствѣ, а просто, „не мудрствуя лукаво“, живописали родной бытъ, или передавали мысли европейскаго человѣка родною рѣчью.

По мѣрѣ того, какъ росло сближеніе сербовъ съ новою русскою литературою, несмотря на то, что сербы удалились отъ стараго русскаго литературнаго языка, симпатіи сербовъ къ русскимъ, конечно, могли только возрастать. Но, конечно, предметы симпатій видоизмѣнились, и самыя симпатіи стали осмысленнѣе. Впрочемъ, извѣстный сортъ людей, преимущественно изъ тѣхъ элементовъ, которые готовы говорить сербамъ: „мы за васъ сражаться пріѣхали, а вы!!!“ и даже изъ людей лучшаго качества, но считающихъ символомъ вѣры въ нашихъ отношеніяхъ къ славянамъ московское посланіе, могутъ не замѣчать этихъ симпатій и мало того, говорить о совсѣмъ противоположныхъ къ намъ чувствахъ сербовъ. Дѣло въ томъ, что сербы стали болѣе критически относиться къ нашей дѣйствительности, чѣмъ прежде. Собственно сербы дѣлаютъ только то, что дѣлаемъ и

мы сами послѣ Гоголя, и было бы совсѣмъ странно, если-бы было иначе послѣ того, какъ сербы усвоили себѣ именно нашу новую, послѣ-гоголевскую литературу. Когда-то булгаринскій элементъ въ нашемъ обществѣ упрекалъ и Гоголя въ нелюбви къ Россіи, но теперь кто же дерзнетъ, даже изъ новѣйшихъ Булгариныхъ, повторить это обвиненіе. А, между тѣмъ, многихъ еще коробитъ то именно, что послѣ-гоголевская литература наша и прямое вліяніе западно-европейскихъ общественныхъ и научныхъ идей, которыхъ и мы не чужды, произвело свое вліяніе на сербовъ, въ которыхъ наши патріоты и славяноревнители извѣстнаго сорта усматриваютъ по этому поводу антипатіи къ Россіи, навѣянныя туманомъ западнаго вліянія и даже вынесенныя изъ парижскихъ и вѣнскихъ „кафе“ и т. д., и т. д. Кто имѣлъ случай ознакомляться съ сербской литературой и сербскимъ обществомъ въ теченіи продолжительнаго времени, тотъ не могъ не замѣтить, что именно тѣ сербы, которые, подобно намъ самимъ, критически относятся къ нашей жизни и порядкамъ, тѣ именно и отличаются горячими симпатіями къ русскому народу и прогрессу его общества и представляютъ вообще типы людей, наиболѣе сходные съ нашими образованными людьми, наиболѣе сохранившими, если хотите, славянскій типъ человѣка. Наоборотъ, именно тѣ, кто готовъ сейчасъ же издать нѣсколько восклицаній по поводу „могущества Россіи“, продекламировать „клеветникамъ Россіи“, по большей части, питаетъ самые австрійскіе бюрократическіе идеалы и въ глубинѣ духа смотрятъ на Россію и „оффиціальную“, и „неоффиціальную“ глазами „Neue Freie Presse“ и именно представляетъ ту антипартійную смѣсь западнаго мѣщанства съ славянской приниженностью, какая составляетъ принадлежность сильно нелюбимаго въ Россіи типа „братаславянина“ изъ чеховъ и галичанъ, доктора Зыбульки. Вѣнскія газеты, хотя знаютъ дѣло по наслышкѣ, но чувствуютъ его тоньше, чѣмъ наши газеты, у которыхъ нѣтъ ни знаній, ни обонянія. Въ то время, какъ наши бранили сербскую омладину и соціалистовъ, и бѣлградскую интеллигенцію, которая вынесла

антипатію къ Россіи изъ парижскихъ и женевскихъ „кафе“, „N. Wiener Tageblatt“ жаловался на то, что именно омладина и соціализмъ сербскій есть новый видъ русскихъ интригъ на востокѣ и слѣдующимъ курьезнымъ образомъ подбиралъ русскихъ интригановъ въ Сербіи: „Сербская молодежь узнала имена Бакунина, Чернышевскаго, Гагарина и Павлова раньше, чѣмъ Бебеля и Маркса“. Такъ какъ профессоръ Павловъ въ первое свое пребываніе въ Кіевѣ до 1860 г., излагая русскую исторію въ томъ духѣ, въ какомъ она потомъ явилась въ новой школѣ русскихъ историковъ (Костомаровъ, Щаповъ и др.), дѣйствительно имѣлъ вліяніе на учившихся тогда въ Кіевѣ въ значительномъ количествѣ сербовъ, — то можно думать, что свѣдѣнія эти доставилъ вѣнской газетѣ какой-нибудь Зыбулька, для большей густоты красокъ приписавшій и Бакунина, а по невѣжеству и Гагарина. Но, во всякомъ случаѣ, вѣнскія газеты вѣрнѣе чувствуютъ, откуда собственно идетъ вѣтеръ сочувствія между русскою и сербскою интеллигенціею, чѣмъ наши славяно-ревнители.

О вкусахъ не спорятъ. Можетъ быть, кому-нибудь докторъ Зыбулька симпатиченъ. Но надо только сказать объ томъ прямо и надо знать, какого сорта бываютъ представители сербской интеллигенціи. О народѣ сербскомъ, который нѣкоторые наши корреспонденты, представляютъ чѣмъ то противоположнымъ сербской интеллигенціи и исполненнымъ симпатій къ Россіи, мы не говоримъ: народъ этотъ, конечно, прекрасный, возлагаетъ надежду на Россію, какъ на могучее государство, которое поможетъ ему побить турка, какъ прежде возлагалъ ее на Священную Римскую Имперію, — но дальше не идетъ, потому что дальше о Россіи понятія не имѣетъ. Конечно, предполагать въ сербскомъ народѣ какую бы то ни было „преданность къ Россіи“, такъ себѣ, pour nos beaux yeux, особенно послѣ того, какъ тѣхъ же сербовъ укоряли въ томъ, что они больше всего любятъ „свою кучу“, — будетъ совсѣмъ странно.

Какъ мы сказали, болгары только вступаютъ на ту дорогу, по которой сербы идутъ рѣшительно уже

лѣтъ 30—40. Болгарское возрожденіе началось на нѣсколько десятковъ лѣтъ позже, — болгарская интеллигенція до сихъ поръ еще находится въ эмигрантскомъ періодѣ воспитанія и дѣятельности. Болгарскіе дѣятели учатся и многіе живутъ въ Австріи, Россіи и Румыніи. Съ румынскими мы не знакомы; но австрійскіе и русскіе болгары, въ большинствѣ случаевъ, подходятъ къ среднему типу подначальнаго вѣнскаго, или московскаго, или одесскаго обывателя или купца, дѣйствительно, могутъ казаться симпатичнѣе сербовъ тѣмъ, кто руководствуется въ жизни и въ политикѣ правиломъ: parcere subjectos et debellare superbos. Болгарскій литературный языкъ меньше разорвалъ съ староцерковной и русской традиціями, но и изученіе своей народности у болгаръ едва началось. До сихъ поръ, напр., есть только одинъ хорошій сборникъ пѣсенъ болгарскихъ бр. Милодиновцевъ. (Другой, изд. Безсонова, соб. малоруссомъ Венелинымъ, третій — француза, Дозана, четвертый — болгарина Верховича, очень плохи.) Словаря народнаго языка у болгаръ до сихъ поръ нѣтъ: большой словарь, который составлялъ по народной рѣчи, извѣстный монахъ Неофитъ, говорятъ, только начатъ былъ печатаніемъ въ Константинополѣ передъ началомъ теперешняго смутнаго времени. Словарь Бочарова именно потому и вышелъ никуда негоденъ, что онъ сдѣланъ по системѣ, которая, кажется, должна нравиться г. Незнакомцу: вмѣсто того, чтобъ собрать слова изъ народной рѣчи, Бочаровъ взялъ русско-французскій словарь Рейфа и выбиралъ слова, какія ему казались болгарскими, другія перевелъ на болгарскій — и готовъ болгарско-французскій словарь! Въ этомъ словарѣ найдешь: хираграа — la chiragre, сифилисъ — la syphilis; найдешь: сибирская бѣлка — le petit-gris, но не найдешь почти ни одного турецкаго слова, вошедшаго въ болгарскій языкъ, ни цѣлой массы славяно-болгарскихъ словъ и читать съ этимъ словаремъ никакой болгарской книги, особенно памятниковъ народной словесности, нельзя.

Но не должно думать, что въ болгарскомъ обществѣ было больше знакомства съ Россіей и русской

литературой. Мы не можемъ повѣрить показанію г. Незнакомца, что больше болгаръ, знающихъ по-русски, чѣмъ сербовъ. Можетъ быть, ему попадались больше эмигранты болгарскіе. Во всякомъ случаѣ, съ продуктами литературной дѣятельности русскихъ, великоруссовъ и малоруссовъ, болгаре знакомы не въ примѣръ меньше сербовъ. Судя по тому, что мы знаемъ изъ личныхъ наблюденій, да по библіографіи болгарской въ „Період. Списание“ и по указаніямъ вышедшей въ этомъ году исторіи болгаръ Иречка (по-чешски и по-нѣмецки). Такъ переведено на болгарскій языкъ нѣсколько стихотвореній Шевченко (Новобългорска сбирка, Москва, 1863, изд. Жинзифова, учителя Катковскаго лицея), „Тарасъ Бульба“ Гоголя, въ „Період. Списаніи“, да нѣсколько учебниковъ (напр., Иловайскаго „Всеобщая Исторія“). Вотъ и все, сколько-нибудь стоившее перевода. Изъ Бѣлинскаго переведена слабая вещь — о воспитаніи, да какой-то одесскій болгаринъ потратилъ время и деньги на переводъ и изданіе „Ивана Выжигина“ Булгарина. Какъ видно, не много русскаго читаютъ болгаре и въ подлинникѣ, иначе они бы не писали діалоговъ и стиховъ совершенно въ докарамзинскомъ стилѣ, и вліяніе новой европейско-русской науки и литературы было бы замѣтнѣе на болгарскихъ изданіяхъ. Впрочемъ, есть уже болгаре, которые хорошо понимаютъ недостатки и отсталость своей литературы, совершенно неизбѣжную при тѣхъ несчастныхъ условіяхъ, въ какія поставленъ этотъ народъ.

Конечно, вся эта разница сербской и болгарской литературы есть результатъ разницы политическаго положенія сербовъ и болгаръ, — и, если болгары освободятся хоть въ той мѣрѣ, какъ освободились сербы, то они ихъ скоро догонятъ. Догонятъ и въ знакомствѣ съ русской литературой, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ приближеніи своей литературы къ своей народности, т. е., какъ разъ въ направленіи, противоположномъ ожиданіямъ поверхностныхъ панславистовъ. И это будетъ неизбѣжно, — будетъ ли Болгарія отдѣльнымъ полуавтономнымъ княжествомъ, или отдѣльнымъ царствомъ, или даже

Задунайскимъ краемъ Россійской Имперіи. Въ первыхъ только случаяхъ наши поверхностные панслависты будутъ плакаться на неблагодарность какой-нибудь софійской или тырновской интеллигенціи и на ея подчиненіе вліянію парижскихъ и вѣнскихъ кафе, а во второмъ, сначала выдумаютъ, а потомъ и создадутъ „болгарскій сепаратизмъ“. Но законы природы непобѣдимы, и мудръ только тотъ политикъ, который знаетъ ихъ. Плохую услугу окажетъ нашему обществу печать, если не разъяснитъ ихъ относительно славянскихъ вопросовъ, а еще затемнитъ, хотя, можетъ быть, и съ благими намѣреніями недальновиднаго практицизма.

Говоря вообще, наша печать далеко не оказывается на высотѣ своего призванія въ настоящую минуту. Одни толкуютъ, что теперешняя славянская борьба не ихъ дѣло, потому что ведется изъ-за стараго начала, національности, и забываютъ, что есть неизбѣжная историческая очередь началъ, въ силу которой сербъ, или болгаринъ, пока не избавится отъ турокъ, будетъ глухъ ко всему другому, кромѣ вопроса объ этомъ избавленіи. Другіе ужъ совершенно по старому, узко-племенному и вѣроисповѣдному способу истолковываютъ всю теперешнюю борьбу сербовъ съ турками и, такимъ образомъ, направляются инстинкты общества совсѣмъ не туда, куда нужно. Вообще же, рѣдко кто изъ нашихъ дѣятелей печати пользуется теперешнимъ моментомъ, какіе не часто бываютъ въ исторіи, чтобъ извлечь изъ него всю сумму воспитательнаго вліянія на общество, такъ что, если это послѣднее вліяніе будетъ достигнуто, какъ все-таки слѣдуетъ надѣяться, то совершенно вслѣдствіе органической сцѣпляемости явленій, а вовсе не какъ результатъ сознательнаго отношенія къ настоящему и будущему.

Печать наша совсѣмъ не постаралась оттѣнить разницу между вопросомъ серб-турецкимъ и нашимъ къ нему отношеніемъ и всякимъ другимъ внѣшнегосударственнымъ вопросомъ и даже точно умышленно старается напомнить намъ, по поводу сербовъ, о Ташкентѣ, о которомъ пускай бы себѣ заботились

техники военныхъ походовъ! Наша печать не выработала до сихъ поръ себѣ термина, какъ назвать тотъ вопросъ, изъ-за котораго теперь идетъ все дѣло, не согласилась, какой девизъ надо дать обществу, призывая его къ дѣйствію: покрыть ли новою славою русское оружіе, добить ли исламъ, помочь ли своимъ... По сущности событій, болѣе, чѣмъ по сознанію печати, говорятъ чаще всего: „нашихъ бьютъ“! Но нужно сказать, какихъ нашихъ и въ какомъ смыслѣ нашихъ? Людей ли, народъ, христіанъ, православныхъ, или славянъ? Вопросъ этотъ не совсѣмъ празденъ, такъ какъ въ Болгаріи, напр., помогали бить болгаръ и православные греки. Еще менѣе празденъ этотъ вопросъ въ виду того, какую общую идею желаемъ мы, чтобъ вынесли тѣ наши добровольцы, которые пошли „бить турокъ“, и та масса народа, которая даетъ на это право. Согласитесь, что если этой общей идеи послѣ дѣла не окажется, то половина нашей крови окажется пролитой даромъ, даже, если Сербія и превратится изъ княжества въ королевство!

Рядомъ со словами: „за честный крестъ“! чаще всего ставятся въ печати слова: „за славянъ“. Конечно, сербы и болгары (изъ которыхъ послѣднимъ, впрочемъ, пока еще почти не оказано нашими никакой существенной помощи) — славяне, но нельзя не указать на то обстоятельство, что печать наша, по меньшей мѣрѣ, мистифицируетъ сама себя, называя теперешнее свое настроеніе „славянофильскимъ“. Славяне, вѣдь, есть и кромѣ сербовъ и болгаръ; по порядку съ востока — отъ великоруссовъ, составляющихъ зерно Русской Имперіи, къ западу: малоруссы (въ Россіи и Австро-Венгріи), поляки, словаки, чехи, лужичане, словинцы, хорваты — въ цѣломъ гораздо больше количествомъ, чѣмъ сербы и болгары. О нихъ наши журналисты попрежнему ничего не говорятъ и совсѣмъ не думаютъ привести въ соотвѣтствіе съ своими общими фразами: „славянскій вопросъ“, „наша миссія“ — „освобожденіе славянъ“ и т. п. съ какою нибудь программою, хотя бы и частныхъ дѣйствій, но, все-таки, общеславянскаго характера. А, между тѣмъ, опять-таки, въ видахъ воспитанія

общества, если не въ видахъ непосредственныхъ дѣйствій, необходимо было бы выработать какія-нибудь общія представленія о томъ что называется славянскимъ освобожденіемъ и въ политическомъ, и въ національномъ, и въ общественномъ смыслѣ, какъ въ цѣломъ, такъ и примѣнительно къ каждой славянской народности порознь. Конечно, освобожденіе сербовъ и болгаръ отъ турокъ будетъ имѣть косвеннымъ послѣдствіемъ улучшеніе положенія и остальныхъ славянъ, и потому-то, напр., тѣ поляки, которые не сучувствуютъ ему, поступаютъ нерасчетливо, но косвенное слѣдствіе не то, что результатъ яснаго сознанія! А объ ростѣ именно этого сознанія и должна заботиться печать.

Турецкое правительство плохо, но, вѣдь, не потому же одному, что оно допустило разбои башибузуковъ. Мадьяры ненавидятъ и угнетаютъ славянъ, но въ силу какихъ государственныхъ идей? Въ силу національнаго централизма, понимаемаго ими какъ raison d'être. Нашей печати слѣдуетъ подвергнуть критикѣ самую эту основу, если она недовольна приложеніемъ ея къ славянамъ. А, между тѣмъ наша печать весьма невнимательна къ проявленію этого давящаго славянъ принципа въ другихъ земляхъ, кромѣ Австро-Венгріи, на которую одну летятъ всѣ либеральныя шишки нашей печати.[1] Мало того, печать наша даже не старается держаться опрятнаго языка, когда дѣло касается другихъ національностей, напр., румынъ, венгровъ, грековъ, изъ которыхъ первые, все же, занимаютъ отрубный кусокъ въ Европѣ, а вторые, конечно, отчасти сидятъ на тѣлахъ славянскихъ, но отчасти имѣютъ и свои отрубные куски, а потому имѣютъ же право на то, чтобъ и за ними признали тѣ права, которыхъ требуютъ для славянъ. О грекахъ и мадьярахъ мы теперь го-

[1] И, конечно, безъ справокъ, а потому съ ошибками. Такъ, напр., недавно „Новое Время" посѣтовало, что венгерское правительство закрыло „Сербскую Матицу". Это неправда. Закрыта „Словацкая Матица" — и весьма возмутительнымъ образомъ, какъ закрываются, вслѣдствіе сплетенъ, ученыя общества совсѣмъ въ неконституціонныхъ государствахъ. Кстати, наша печать очень мало занялась неменѣе возмутительными арестами и обысками у Милетича и его друзей, о между тѣмъ, дѣло это очень стоитъ вниманія. Любопытно и то, на что взваливала австрійская печать первое начало преслѣдованія омладинца Милетича.

ворить не будемъ. Слишкомъ много бы пришлось говорить о нихъ. Бороться съ мадьяризмомъ въ славянскихъ земляхъ и съ фанаріотами необходимо, но борьба эта совсѣмъ не простое дѣло, а потому и требующее особаго, довольно сложнаго, разговора. Но считаемъ не безинтереснымъ привести отзывъ одной румынской газеты „Alegatorul liber“: „Сербы, черногорцы, болгары могли бы пользоваться нашею полною симпатіей, но, къ несчастію, они славяне, а слѣдовательно — натуральные враги румынъ, потому что натуральные союзники русскихъ. Австрія, Турція, греки въ Эпирѣ и Македоніи не могли ничего сдѣлать противъ румынской національности. Русскіе въ Бессарабіи не то...“ Дальше начинается нѣкоторое благированіе, безъ котораго, почему то, обсужденіе, всякихъ національныхъ вопросовъ въ Европѣ и у насъ не обходится (у насъ, напр., мадьяръ непремѣнно назовутъ азіятскою ордою). Но, право, нашей печати слѣдовало бы внимательнѣе слѣдить за тѣмъ, чтобъ не проговориться фразами національнаго централизма и успокаивать опасенія, хоть бы и румынъ, ибо и они, вѣдь, „созданія Божія“, — и имъ „дышать надо“, какъ говоритъ народъ нашъ.

Наконецъ, наша печать не должна же забывать внутреннихъ дѣлъ изъ-за воинственнаго азарта, а, напротивъ того, именно въ эту торжественную минуту должна напомнить обществу о необходимости приготовленія къ великой исторической роли внутреннею дѣятельностью и въ видахъ самаго успѣха военнаго дѣла, если уже не почему другому, позаботиться о томъ, чтобъ не повторить явленій войны 1854—56 гг. Не слишкомъ ли оптимистично говорятъ наши газеты, увѣряя, что теперь уже враги застанутъ не ту Россію, не то русское общество. Оптимизмъ этотъ тѣмъ болѣе удивителенъ, что недавно тѣ-же самые голоса говорили, что намъ надо очиститься славянскимъ вопросомъ отъ погруженія въ наживу, отъ заразы, которая вылилась наружу дѣлами Митрофаніи, Овсянниковыхъ, Струсберговъ. Неужели же всѣ эти Митрофаніи, Овсянниковы и т. п. такъ и очистились? Да, вѣдь, наша печать не по-

старалась сдѣлать даже сколько-нибудь систематическаго списка тѣхъ внутреннихъ грѣховъ нашихъ, отъ какихъ намъ слѣдуетъ очиститься, а такъ прямо и зоветъ насъ такими, какъ мы есть, немытыми, на историческую улицу свершить великую миссію освобожденія братьевъ и преобразованія міра, какимъ несомнѣнно былъ бы всеславянскій союзъ!

Было уже многими примѣрами доказано, насколько искреннѣе наше, такъ называемое, простонародье относится къ дѣлу помощи сербамъ и болгарамъ, чѣмъ такъ называемые высшіе классы. Едва ли не придется сказать, что это простонародье лучше понимаетъ необходимость нравственнаго приготовленія къ совершенію добраго дѣла, чѣмъ многіе руководители нашего общественнаго мнѣнія. Недавно, въ одномъ изъ комитетовъ, снаряжающихъ добровольцевъ въ Сербію, одинъ отставной солдатъ сказалъ: „Я шибко пилъ, да вотъ, съ недѣлю, задумалъ итти въ Сербію; три ночи я не спалъ, думая итти... я пересталъ пить, и теперь пить не буду: я знаю, за какое дѣло я взялся!“

Право, рѣдко кто изъ насъ можетъ сказать о себѣ въ настоящую минуту, когда мы собираемся рѣшать славянскій вопросъ что онъ „знаетъ, за какое дѣло онъ взялся“ — знаетъ и въ смыслѣ знанія его подробностей, и въ смыслѣ сознанія его цѣлей и средствъ и нашихъ нравственныхъ обязанностей — внутреннихъ и внѣшнихъ.

Турки внутренніе и внѣшніе.

Письмо къ издателю „Новаго Времени".

(Первоначально напечатано отдѣльной брошюрой. Женева 1876.)

Милостивый Государь!

Въ 31 № „Молвы", въ статьѣ „Чистое дѣло требуетъ чистыхъ средствъ", я, между прочимъ, разобралъ часть изъ тѣхъ статей, которыя помѣщались въ вашей газетѣ по „славянскому вопросу". Статья эта послужила поводомъ къ нападкамъ на вашу газету со стороны другихъ газетъ, между прочимъ, „Голоса", который придалъ ей смыслъ обличенія „нечистыхъ средствъ, употребляемыхъ гг. Лихачевымъ и Суворинымъ", между тѣмъ, какъ мнѣ не было никакого дѣла до счетовъ „Голоса" съ гг. Лихачевымъ и Суворинымъ, а только до тѣхъ псевдо-славянофильскихъ мнѣній, того особеннаго, такъ сказать, скалозубовскаго славянофильства, желающаго всѣмъ славянамъ „фельдфебеля въ Вольтеры дать", которое когда то выражалось „Голосомъ", а теперь заняло видное мѣсто въ вашей газетѣ. Вы остались недовольны, какъ „извращеніемъ смысла" моей статьи со стороны „Голоса", такъ и моими „политическими мнѣніями" и, приглашая меня заявить, что „Голосъ умышленно извратилъ мою статью", сами обѣщали „поговорить о моихъ политическихъ мнѣніяхъ" особо. Я исполнилъ вашу просьбу и прислалъ вамъ свое заявленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣсколько пунктовъ, о которыхъ не мнѣ одному желательно было бы получить „политическія мнѣнія" газеты, которая не разъ сама упоминала о своемъ „неожиданномъ даже для себя ус-

пѣхѣ". Вы моего заявленія не напечатали, своего обѣщанія не исполнили, а вмѣсто того, въ мимоходной замѣткѣ „извратили" и мои „политическія мнѣнія", приписавши имъ защиту мира въ теперешнее время и причисленіе славянскаго вопроса къ внѣшнимъ нашимъ дѣламъ. Нѣтъ надобности считать себя „великимъ писателемъ", „пророкомъ", „пиѳіей" и т. п., какъ вы изволите теперь обо мнѣ выражаться, можно быть о себѣ самаго скромнаго мнѣнія, гораздо болѣе скромнаго, чѣмъ то, которое вы же сами еще недавно высказали обо мнѣ въ вашей газетѣ, но при всемъ этомъ нельзя не счесть неотъемлемымъ человѣческимъ правомъ желанія, чтобъ мнѣній нашихъ, если ужъ ихъ удостоили вниманія, не искажали. Я имѣлъ особое основаніе ревниво относиться къ тому, чтобъ моихъ мнѣній не искажали, потому что голосъ мой, какъ бы слабъ онъ ни былъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые такъ старательно заглушаются въ русской печати и административными, и столично-антрепренерскими манипуляціями: это голоса такъ называемыхъ украйнофиловъ или украинскихъ хлопомановъ, голоса людей, которые еще съ 30—40 гг. смотрятъ на дѣло славянской свободы, какъ на свое, кровное дѣло, и въ то же время чужды и реакціонныхъ стремленій, напримѣръ, „Московскихъ Вѣдомостей", „Русскаго Міра" и разныхъ старыхъ славянофиловъ и новыхъ славяноблаготворителей, и безогляднаго шовинизма тѣхъ, кто гораздо позже насъ замѣтилъ славянское дѣло, а теперь кричитъ о немъ, какъ о своемъ открытіи, и въ сущности только портитъ это дорогое намъ дѣло и при случаѣ слишкомъ кавалерски переѣзжаетъ по головамъ нашимъ. Таковы, напримѣръ, и вы, и ваши сотрудники, которые носились съ видимо непродуманными словами Ерошенка: „украинецъ, но не украйнофилъ", а совсѣмъ забыли, что украйнофилы то и были первые ваши корреспонденты изъ Герцеговины даже еще въ „Биржевыя Вѣдомости", и пропустили безъ вниманія, что украйнофильство сдѣлало изъ еврея Гольдштейна „героя въ славянской войнѣ". Вотъ почему я обратился въ редакцію „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей"

съ просьбой помѣстить письмо въ 52 строки, какъ вы для чего то сосчитали, въ которомъ, возстановляя сущность своихъ мнѣній, сослался, кромѣ статьи, по поводу которой начался этотъ разговоръ, еще на свою брошюру „Про украйінськихъ козаків, татар та турок“, въ которой высказалъ раньше вашей газеты свой взглядъ на значеніе для нашего народа славянотурецкой борьбы и на необходимость активной помощи сербамъ и болгарамъ въ теперешней ихъ попыткѣ освобожденія. Я могъ бы сослаться еще и на другіе, еще болѣе ранніе изъ своихъ скромныхъ трудовъ.

Вы въ 228 № объявили, что „не знали и о существованіи этой брошюры“, потому что „не принадлежите къ народу его (Драгоманова) родины“ (курсивъ принадлежитъ вамъ) — и что оказывается, что, „считая славянскій вопросъ внутреннимъ нашимъ вопросомъ, мы, стало быть, не расходимся въ этомъ отношеніи съ ‚Новымъ Временемъ‘“. Ну, и Богъ съ вами! — вотъ все, что я могъ бы сказать, еслибы все дѣло шло о нашихъ личностяхъ. Не писать же мнѣ „откровенныхъ“ статей въ родѣ тѣхъ, какія вы написали о г. Головачевѣ, — не спрашивать же васъ, на основаніи какихъ „политическихъ“ статей вы дѣлали недавно въ вашей газетѣ весьма лестные отзывы обо мнѣ, какъ о публицистѣ, не приглашать же мнѣ, напримѣръ, г. Суворина къ тому, чтобы онъ заявилъ, что редакція „Новаго Времени“ умышленно извратила смыслъ моихъ и своихъ статей, говоря о томъ, что мы, стало быть, не расходимся съ „Новымъ Временемъ“ во взглядѣ на внутреннее значеніе для Россіи славянскаго вопроса. Да, говорю, не писать же мнѣ обо всемъ этомъ, какъ потому, что мнѣ противна чисто личная полемика, такъ и потому, что вы вотъ, принадлежа къ числу немногихъ счастливцевъ-монополистовъ, которымъ дозволено имѣть свой треножникъ публицистики, сосчитали, сколько строкъ я занялъ даже и въ чужой газетѣ! Я и эти послѣднія строки написалъ съ тяжелымъ сердцемъ единственно потому, что считаю небезполезнымъ подчеркивать пріемы обращенія всякаго литературнаго хозяина-монополиста

съ нашимъ братомъ, простымъ работникомъ, даже такого, который, выступая на хозяйство, хвастался, что вотъ, молъ, я издатель-литераторъ, не то что другіе — промышленники.[1]

Но вы рѣшились написать слѣдующія строки:

„Г. Драгомановъ становится въ позицію стратега и пророка и говоритъ, что если общество славянское и русское не поймете тѣсной связи между внутренними дѣлами Россіи и славянскимъ вопросомъ, то оно „подвергнетъ сомнѣнію, какъ начало, такъ и благопріятный исходъ даже самыхъ военныхъ дѣйствій, если они, наконецъ, будутъ начаты со стороны Россіи„. Эта туманная фраза должна быть очень глубокомысленна, но мы ее совсѣмъ не понимаемъ. Если г. Драгомановъ хранитъ въ своей душѣ такіе большіе секреты, отъ которыхъ зависитъ даже судьба военныхъ дѣйствій, то не мѣшало бы ему подѣлиться ими съ публикою не въ этой формѣ пиѳическихъ рѣчей и сивиллиныхъ книгъ. Полагаемъ, что г. Драгоманову еще рано садиться на треножникъ, да и мебель эта въ наши дни возбуждаетъ не то чувство, какое возбуждала у древнихъ.“

[1] Я остановлюсь только вотъ на чемъ. Ну, не будемъ спорить, пусть ужъ вы не знали моей брошюры. Но, если вы „русскій“, а особенно славянскій публицистъ, а не своего рода великорусскій „сепаратистъ“, или, лучше, партикуляристъ, съ централистическими замашками, которыя вы неправильно считаете за панруссизмъ или даже за панславизмъ, то вы должны бы знать хоть тотъ матеріалъ, изъ котораго она почти вся состоитъ, а именно, народныя украинскія и галицкія преданія, пѣсни и думы о борьбѣ съ турками и татарами. Ихъ-то вы ужъ должны знать, послѣ того, какъ вы цитировали съ восторгомъ даже солдатско-канцелярскія поддѣлки подъ народныя пѣсни о войнѣ съ турками, фабрикованныя въ XVIII в. Вы должны бы знать эти пѣсни и преданія народа моей родины, если не потому, что вы же писали въ вашей газетѣ объ мнѣ, какъ объ издателѣ ихъ, и даже, если не потому, что объ нихъ знаетъ ученый міръ въ Европѣ и Россіи (гдѣ недавно объ изданіи ихъ сдѣлала свой приговоръ академія наукъ), такъ хоть потому, что по газетнымъ извѣстіямъ теперь, въ виду войны, народъ и лирники на югѣ Россіи живо вспоминаютъ эти пѣсни и преданія старой украинской казачины. А не мѣшаетъ припомнить, что въ теперь мобилизованной будущей дунайской арміи (трехъ округовъ: кіевскаго, одесскаго и харьковскаго) почти всѣ солдаты — украинцы. Самыя элементарныя требованія политической педагогіи должны бы заставить васъ, если вы точно „русскій“ и славянскій публицистъ, обратить вниманіе на преданія народа, изъ котораго взята эта армія. А, впрочемъ, можетъ вамъ канцелярскія преданія и писарская поэзія больше по душѣ, чѣмъ народно-казацкія. Вѣдь забыли же вы недавно, обозрѣвая исторію стремленія Россіи къ освобожденію славянъ, даже взятіе Азова вашими казаками, донцами, амѣстѣ съ нашими, хотя не забыли же вы поставить въ числѣ дѣятелей для славянской свободы даже Ивана III, который хоть и убѣжалъ отъ Ахмета, за то сумѣлъ для достиженія спеціальныхъ московско-владѣльческихъ цѣлей опустошить славянскій Новгородъ и Вятку и приготовить нѣмцамъ и шведамъ господство на Балтійскомъ морѣ, и насылать Менгли-Гирея на „литовскіе“ города Кіевъ и Черниговъ, и помогъ крымцамъ вмѣстѣ съ турками устроить второе, едва ли не умноженное изданіе батыевщины для всего юга Руси. Или и вы считаете Кіевъ „литовскимъ“ городомъ, а Украйну только за нашу родину, а не вашу? — Esempre bene, господа!

Правду говоря, первое, что намъ пришло въ голову при чтеніи этихъ строкъ, это слово одного героя украинской комедіи: „лукавишъ, серденько, а добре разумійеш!“ Нашлись же другіе, которые поняли хоть бы, напримѣръ, и ту статью, въ которой вы тоже находили неясные „намеки“. Далѣе, не странно ли и даже не смѣшно ли видѣть чувство самодовольства, съ которымъ русскій публицистъ, сидящій не только на треножникѣ, но и на сковородѣ „независящихъ отъ редакціи обстоятельствъ“, требуетъ отъ своего собрата ясной рѣчи и открытія „хранимыхъ въ душѣ секретовъ“. Однако, мы готовы повѣрить искренности вашего непониманія и вашихъ вопросовъ и открыть наши секреты, и вмѣстѣ съ тѣмъ дать вамъ еще одинъ случай объяснить, наконецъ, давно уже недоумѣвающей насчетъ вашихъ „политическихъ мнѣній“ публикѣ, что вы понимаете подъ словами „внутреннее значеніе для насъ славянскаго вопроса“, и даже „параллельное развитіе славянскихъ дѣлъ и нашихъ внутреннихъ“, о которомъ вы, наконецъ, заговорили въ замѣткѣ обо мнѣ, хотя до сихъ поръ публика не могла вывести изъ всѣхъ вашихъ словъ ничего, кромѣ развѣ видовъ на увеличеніе „внутренняго употребленія“ турецкаго табаку, такъ какъ никакой программы внутренней политики въ вашей газетѣ не было и слѣда!

Вы врядъ ли хорошенько обдумали вашъ вызовъ. Но, несмотря на всю его фельетонную форму, я вамъ очень за него благодаренъ. Въ самомъ дѣлѣ: пора намъ говорить открыто, уже не намеками, хотя бы и ясными для умѣющихъ понимать ихъ, а твердыми и прямыми словами, какъ прилично людямъ свободнымъ и убѣжденнымъ. Пора и вамъ, господа публицисты столичныхъ журналовъ, показать, „какого вы духа есте“, и, объявивъ свои программы, если вы ихъ имѣете, принять на себя отвѣтственность передъ всѣми за ваши убѣжденія. Если же вы таковыхъ не имѣете, и если вся ваша программа состоитъ въ томъ, чтобы, лавируя между разными партіями и инстинктами общества и колеблющимися дуновеніями изъ главнаго управленія по дѣламъ печати, какъ

можно болѣе собрать и сохранить денегъ за подписку, то пора обществу въ этомъ и убѣдиться окончательно.

Секретъ, открытія котораго вы требуете отъ меня, довольно простъ, и хотя онъ далеко не лекарство отъ всѣхъ болѣзней, но въ данномъ случаѣ, въ предстоящей борьбѣ за національное освобожденіе двухъ народовъ славянскихъ, весьма можетъ быть пригоденъ. Для названія его нѣтъ надобности даже въ 52 словахъ, а довольно и двухъ. Секретъ этотъ называется

Политическая Свобода!

Только эта политическая свобода: всенародное, земское представительство, съ контролемъ надъ дѣйствіями исполнительной власти, съ неприкосновенной свободой лица, слова, сходокъ, обществъ, и можетъ обезпечить хоть сколько-нибудь согласіе дѣятельности правительства съ національными интересами и общественнымъ мнѣніемъ, своевременность проявленія этой дѣятельности, не ждущей, чтобы турки вырѣзали десятки и сотни тысячъ братьевъ нашихъ прежде, чѣмъ мы надумаемся помочь имъ, а также только политическая свобода можетъ хоть сколько-нибудь охранить нашего солдата отъ тѣхъ злоупотребленій и хищничества, которыя были причиною неудачи восточной войны 1854—56 гг. Уже въ маломъ видѣ, въ дѣлѣ помощи сербамъ, мы могли поучиться тому, что за люди успѣли всплыть на верхъ штабнаго и гошпитальнаго завѣдыванія дѣлами, и какъ начали уплывать деньги, корпія, одѣяла; посмотримъ, что будетъ, когда настанетъ война, не „станетъ ли опять Богъ на Араратѣ смотрѣть, какъ крадутъ въ комиссаріатѣ“, не придется ли опять сочинять пѣсеньки въ родѣ: „А какъ третьяго числа насъ нелегкая несла“, и кончать ихъ опять крѣпкимъ словцомъ тѣмъ, „кто туда водилъ!“

Говорятъ, теперь такъ не будетъ. Дай Богъ; но это будетъ счастье: вѣдь, одинаковыя причины производятъ одинаковыя слѣдствія, а нашъ политическій строй и теперь совершенно таковъ же, какъ и до паденія Севастополя.

Только политическая свобода дѣйствительно введетъ саму Россію въ кругъ европейскихъ странъ и положитъ начало устраненію и въ самой Россіи бѣдъ одного порядка съ тѣми, которыя возмущаютъ насъ въ Турціи, а именно истощеніе народа всякими поборами, начиная съ отсталой, аристократической, давно уже осужденной и земствомъ, и печатью податной системы, кладущей всю тяжесть государства на мужика, этого русскаго райю, произволъ чиновниковъ, отсутствіе гарантій личности, національная и религіозная нетерпимость. Бѣды эти очень застарѣлы, къ нимъ до безчувствія приглядѣлись мы и не возмущаемся ими, хотя многія проявленія ихъ стоятъ своего рода „жестокостей въ Болгаріи“ и хотя онѣ часто напоминали о себѣ и въ послѣднее время. Вѣдь, въ послѣдніе полтора года, когда началось герцеговинское возстаніе, произошли аграрные „безпорядки“ въ Чигиринскомъ уѣздѣ, гдѣ опустошена и обезлюдена цѣлая область, въ Воронежской губерніи, гдѣ сенаторъ Клушинъ получилъ права паши, а на сѣверѣ Черниговской губерніи продолжался хроническій голодъ отъ аграрныхъ порядковъ; вѣдь, въ послѣдніе годы до 2000 человѣкъ было безъ суда заперто въ убійственные казематы, сослано административнымъ порядкомъ въ дальнія губерніи, состоялось нѣсколько съ самой умѣренной точки зрѣнія варварскихъ приговоровъ по политическимъ дѣламъ (напримѣръ, приговоръ 17-ти лѣтней дѣвушки къ каторжной работѣ за одну соціалистическую брошюрку, какихъ въ Западной Европѣ обращаются въ публикѣ тысячи). Въ самый разгаръ нашего газетнаго похода на турокъ и мадьяръ не переставали сыпаться щедрою рукою предостереженія газетамъ; пять газетъ подверглись временному, одна, и при томъ подцензурная (Кіевскій Телеграфъ) совершенному закрытію (а между тѣмъ еще во время кандійскаго вопроса кн. Горчаковъ писалъ, что печать въ Россіи свободна, такъ какъ правительство поставило себѣ цѣлью развитіе въ русскомъ обществѣ самоуваженія); цензура не допустила къ печати нѣсколько русскихъ переводовъ ученыхъ сочиненій, обошедшихъ

всю Европу; полицейскою бумагою закрыто ученое общество, труды котораго хвалила русская, славянская и западно-европейская печать (кіевскій отдѣлъ географическаго общества); изъ судовъ Польши изгнанъ народный языкъ; совершенно запрещено печатаніе не только книгъ на малорусскомъ языкѣ, но и текстовъ къ нотамъ, и даже исполненіе малорусскихъ пѣсенъ въ концертахъ; русскіе сектанты тщетно ждали свободы вѣроисповѣданія, а мирные проповѣдники, напримѣръ, штундизма, называющіе себя „русскими братьями", сидѣли въ тюрьмахъ и монастыряхъ. Въ самое послѣднее время, подъ шумъ восточнаго вопроса изданъ давно осужденный и осмѣянный даже русской печатью законъ объ усиленіи власти администраторовъ, предоставляющій ген.-губернаторамъ, губернаторамъ и градоначальникамъ право издавать разъясненія и дополненія законовъ, обратившій россійскую имперію въ какую-то децентрализованную помпадурію и собственно положившій конецъ всякой тѣни самостоятельности земскихъ управъ и думъ городскихъ; оживилась комиссія по пересмотру университетскаго устава, т. е. по уничтоженію всякой самостоятельности университетовъ — и все это какъ нарочно, чтобы показать, что общественное мнѣніе въ Россіи ровно ничего не значитъ; наконецъ, вѣроятно въ видѣ отплаты мусульманамъ балканскимъ, издано запрещеніе быть учительницами дѣвицамъ-мусульманкамъ, хотя бы и выдержавшимъ на то установленныя испытанія, — мѣра, которую могъ присовѣтовать кто-нибудь только для того, чтобы оскандализировать правительство, добивающееся равноправія христіанъ и магогометанъ въ Турціи.[1]

Неужели все это и многое другое въ такомъ родѣ — не признаки турецкихъ порядковъ въ Россіи?

---

[1] Того же порядка двѣ мѣры, благополучно дѣйствующія уже нѣсколько лѣтъ: это — недопущеніе къ педагогической службѣ въ гимназіяхъ и университетахъ евреевъ, хотя бы и кандидатовъ, и докторовъ, имѣющихъ по закону равныя права службы съ христіанномъ, и недопущеніе поляковъ въ русскіе университеты больше чѣмъ 10% всѣхъ слушателей; въ Кіевскомъ 20%, для того, вѣрно, чтобъ не обрусѣли. А мы уже и не знаемъ, какого нравственнаго порядка огульное оскорбленіе и при томъ частнаго, а вовсе не политическаго характера, нанесенное въ 1873 г. русскимъ студенткамъ въ Цюрихѣ!

Конечно, многое въ Турціи гораздо рѣзче, но на то она и Турція. Но за то въ Турціи есть воля хоть переходить изъ одной гяурской секты въ другую, а кромѣ того даже г. Катковъ насчиталъ не очень давно въ Турціи больше народныхъ школъ, чѣмъ въ Россіи, а вы сами сознались, что розничная продажа газетъ въ Константинополѣ вольнѣе, чѣмъ въ Петербургѣ. А по всему этому развѣ мы, славяне россійской имперіи, — великоруссы, малоруссы, поляки, — не въ правѣ сказать, что и мы нуждаемся и „въ дѣйствительныхъ реформахъ“ и въ „прочныхъ гарантіяхъ ихъ исполненія“, какими въ государствѣ, не желающемъ, чтобъ его признали тоже больнымъ человѣкомъ, можетъ быть только самоуправленіе самого населенія и политическая свобода.

Но мало того, отсутствіе политической свободы въ Россіи и присутствіе въ ней турецкихъ порядковъ, не говоря уже о тяжести ихъ для всѣхъ славянскихъ и не славянскихъ народовъ, населяющихъ эту обширную имперію, составляютъ главную причину, почему еще существуетъ Турція въ XIX в. Почему Россія такъ охотно попадала „въ сѣти западной дипломатіи“, какъ говорятъ недогадливые русскіе патріоты? Потому что, со временъ французской революціи, отошли на второй планъ „крестовые походы,“ „греческіе прожекты“ и т. п. страшныя для Турціи старыя слова, а на первый планъ выступили: съ одной стороны, интересы свободы народовъ и народностей, съ другой — интересы существующей власти. Съ тѣхъ поръ, какъ „Екатерининскіе орлы“ и „козаки“ пошли вмѣсто Дуная на Альпы „спасать троны и алтари, поколебленные превратными французскими идеями“, существованіе Турціи и луна на св. Софіи обезпечены были надолго.

Я довольно ясно для каждаго знающаго хоть сколько нибудь новѣйшую исторію, намекнулъ на сходство восьмилѣтняго терпѣнія со стороны Россіи, какъ члена метерниховскаго Священнаго Союза, рѣзни грековъ 1821—28 гг. съ теперешнимъ миролюбивымъ попущеніемъ сербо-болгарской рѣзни въ теченіе полутора года, во время бисмарковскаго „союза трехъ

императоровъ". Но вы почему то пропустили этотъ довольно ясный намекъ. Неужели же вы не понимаете гдѣ причина перевѣса „сѣтей дипломатіи надъ историческими стремленіями русскаго народа"? Государство, въ которамъ подъ видомъ самодержавія, господствуетъ своеволіе чиновниковъ, въ которомъ даже въ податной системѣ существуютъ еще сословныя привилегіи, въ которомъ господстуетъ система насильственнаго обрусенія всѣхъ невеликорусскихъ элементовъ, полицейская охрана господствующей церкви и нѣтъ самой элементарной личной неприкосновенности, — государство, въ которомъ даже правящіе не могутъ же не видѣть непрочности такого порядка вещей въ наше время, а потому не могутъ не взирать со страхомъ на всякое свободное движеніе около себя, хотя бы и противъ Турціи, — такое государство не можетъ ревностно служить дѣлу свободы и самоуправленія славянскихъ и неславянскихъ племенъ даже подъ Турціей.

Конечно, совершенно отказаться отъ того, къ чему стремился сотни лѣтъ русскій народъ, къ чему онъ началъ стремиться въ лицѣ казаковъ украинскихъ и потомъ донскихъ раньше правительства, никакое русское правительство не въ силахъ. Но было бы противоестественно, чтобы подобное правительство обнаруживало большую ревность къ установленію прочной свободы по сосѣдству съ собою; было бы противоестественно, чтобы къ нему съ довѣріемъ относились болѣе образованные слои подчиненныхъ туркамъ населеній, которые вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе патріотично настроены; неестественно, чтобы и это правительство могло быть дружественно настроено къ этимъ слоямъ, — къ разнаго рода славянскимъ, румынскимъ, греческимъ омладинамъ, которые, конечно, не для того же хотятъ низвергнуть иго турокъ, чтобы замѣнить его другимъ.

Все это, конечно, не можетъ не мѣшать энергіи и единству дѣйствій противотурецкихъ силъ, какъ это мы видѣли не только въ теченіе всего XIX вѣка, но и въ послѣднюю сербо-турецкую кампанію. Передъ войною упорно ходили слухи о нерасположеніи рус-

скаго правительства къ конституціонной и въ тоже время наиболѣе національной сербской партіи г. Ристича, о томъ, что русскіе дипломатическіе агенты предостерегали черногорскаго князя противъ „сѣтей омладины". А во время войны сербы боялись, что Черняевъ поможетъ Милану произвесть противоконституціонный переворотъ, а самъ Черняевъ имѣлъ безтактность сказать въ рѣчи, произнесенной при провозглашеніи Милана сербскимъ королемъ, о томъ, что армія сербская должна дѣйствовать и противъ внутреннихъ враговъ, намекая на конституціонную партію, какъ по крайней мѣрѣ разъяснили этотъ намекъ русскія газеты, въ томъ числѣ и ваша, говорившая о враждебности къ Черняеву этой конституціонной партіи, — т. е. именно той, которая и была всегда партіей всесербской патріотической войны. Вы еще намекали, что эта партія не очень то дружественно настроена къ Россіи и русскимъ вообще. Откуда же взялось это недружелюбное настроеніе? Вслѣдствіе господства въ сознаніи всѣхъ образованныхъ людей въ Европѣ извѣстнаго рода политическихъ идей, никакое государство, построенное на развалинахъ Турціи, не можетъ не быть устроено иначе какъ на началахъ конституціонныхъ. И самодержавная Россія должна была принимать участіе въ устроеніи конституцій Греціи и Румыніи, должна вѣдаться съ конституціонной Сербіей. Но искренняго сочувствія и довѣрія между свободными политическими партіями въ этихъ странахъ и русскими политическими людьми быть не можетъ вслѣдствіе разницы началъ, на которыхъ держится государственная жизнь Россіи съ одной стороны, и Сербіи, Румыніи и Греціи съ другой. Напротивъ, между ними всегда будетъ недовѣріе. Если чисто политическія комбинаціи заставятъ Россію добиться такой или иной автономіи Герцоговины, Босніи, Болгаріи, произойдетъ тоже самое и съ ними, а ужъ особенно всякій видъ покровительства со стороны теперешней Россіи балканскимъ государствамъ повелъ бы за собою только повтореніе отношеній между конгрессовой Польшей и Россіей Николая I-го, или же по меньшей мѣрѣ остановилъ бы въ такой же сте-

пени развитіе этихъ странъ и ихъ учрежденій въ свободномъ духѣ, какъ это дѣлается съ Финляндіей. Во всякомъ случаѣ вліяніе теперешней Россіи на освобожденныхъ отъ турокъ славянъ, если бы это освобожденіе и совершилось, могло бы быть только самое вредное и вызвало бы въ сербахъ, а далѣе и въ болгарахъ только ненависть, которая легко перенеслась бы и на самое русское общество.

Эту противоестественность, это противорѣчіе между тѣмъ, что называется „историческою миссіей Россіи“ (изгнаніе турокъ изъ Европы), и турецкими порядками въ самой Россіи отлично понимаютъ всѣ „друзья турокъ на гниломъ Западѣ“, начиная отъ Меттерниха блаженныхъ временъ, и, оканчивая теперешними нѣмецкими газетами противославянскаго направленія и англійскими партіи Д'Израели. Всѣ эти господа пугаютъ, съ одной стороны, Европу русскимъ кнутомъ, а съ другой — русское правительство „панславистическимъ революціонаризмомъ“, демократизмомъ сербской омладины и великорумынской партіи. Развѣ не ясно, въ чей огородъ кидалъ камушки Д'Израели, говоря о томъ, что все сербское дѣло подняли тайныя общества? Вамъ, господа петербургскіе публицисты, былъ опять случай показать себя свободными людьми, а не лакеями, и разъяснить двойную гнусность этого иностраннаго доноса, хоть намекомъ указавъ на тотъ кредитъ, какой имѣютъ въ Россіи внутренніе доносы. Но вы опять пропустили этотъ случай, какъ пропустили случай потребовать себѣ большей свободы, когда англійская торійская печать замѣтила, что какъ въ Россіи нѣтъ свободы печати и лица, то поэтому русское правительство само направляетъ печать и волонтеровъ на Турцію. Вы показали видъ, что „много довольны“ внутренними порядками, что вы вполнѣ свободны въ мнѣніяхъ и дѣйствіяхъ, что въ Россіи доносы не дѣйствуютъ и страха тайныхъ обществъ и демократическихъ идей никто въ Россіи не испытываетъ. Надняхъ и лордъ Лофтусъ вслѣдъ за своимъ премьеромъ попробовалъ попугать наше правительство сербскимъ и румынскимъ либерализмомъ, замѣтивъ,

что, ставши самостоятельными, эти сосѣднія съ Россіей страны, станутъ своего рода Польшами, даже превратятся въ республики, и „обѣ не будутъ способствовать спокойствію и безопасности сосѣднихъ державъ“. Какъ видите очень тонко!

И чтожъ? Такія запугиванія очень хорошо дѣйствуютъ! Лордъ Лофтусъ получилъ отвѣтъ, — что по мнѣнію русскаго правительства полная самостоятельность Румыніи и Сербіи (тѣмъ паче, значитъ, Болгаріи), какъ королевствъ, есть „глупость“, „une sottise“ какъ счелъ долгомъ поцитировать англичанинъ, и русское правительство пристало къ дербіевскому проекту какой то „административной автономіи“ Босніи, Герцеговины и Болгаріи, хотя понимаетъ эту автономію какъ-то по своему, въ болѣе широкомъ смыслѣ.

И такъ все, что говорилось славянофилами о полномъ освобожденіи братьевъ, все до титула „король сербовъ“, съ которымъ такъ носились вы, вслѣдъ за ген. Черняевымъ, — все, о чемъ мечтали энергическіе люди у самихъ сербовъ и болгаръ, — все это признано „глупостью“. Не глупость — это „административная автономія“, хотя и подъ гарантіею державъ, на которую теперь согласенъ и Д'Израели! Это значитъ — правленіе предстоящихъ расплодиться въ Босніи, Герцеговинѣ и Болгаріи классовъ христіанскихъ кулаковъ и мелкихъ чиновниковъ, въ добавокъ еще правленіе, не имѣющее выгодъ полной государственной самостоятельности, при которой хоть есть надежда на то, что народъ страны хоть когда нибудь получитъ то правленіе, какое хочетъ. Надъ этой административной автономіей останется и власть султана и его чиновниковъ и еще опека всѣхъ консуловъ, которые деньгами и интригами будутъ дѣлать себѣ изъ этихъ кулаковъ и чиновниковъ партіи: турецкую, русскую, австрійскую, англійскую, прусскую и т. д.

Вотъ какое освобожденіе внесетъ къ братскимъ народамъ оффиціальная Россія, объявивши ихъ завѣтныя мечты „глупостью“. И люди, претендующіе быть представителями „неоффиціальной Россіи“ будутъ имѣть духъ превозносить подобную славянскую политику,

которая, допустивъ смерть десятковъ тысячъ сербовъ и болгаръ и нѣсколькихъ тысячъ русскихъ добровольцевъ, выступаетъ съ такою программою!

Въ этомъ поведеніи или нѣтъ никакого человѣческаго достоинства и смысла, или оно есть результатъ иностранной интриги, искусно пользующейся страхомъ деспотическаго правительства ко всякой свободѣ, или же „оффиціальная Россія“ макіавеллистически разсчитала, что во время поддержанные сербы и болгары, не пережившъ войны, и разоренія, стали бы скоро на свои ноги и сдѣлались бы сами завязью всеславянской свободы, болѣе достойною надеждъ славянства, чѣмъ теперешняя Россія. Во всякомъ изъ этихъ трехъ случаевъ поведеніе „оффиціальной Россіи“ въ теченіи всего послѣдняго движенія не заслужитъ благодарности славянства; если теперь измученные сербы и болгары, скрѣпя сердце, еще находятъ въ себѣ силы восхвалять „старшаго брата“ славянской семьи, то только потому что утопающій хватается не только за соломинку, но и за бритву.

Впрочемъ и „неоффиціальная Россія“ показала, что она сродни „оффиціальной“, или лучше сказать, продукты оффиціальной Россіи въ томъ, что вы и вамъ подобные безъ разбору провозгласили Россіей народной, закрыли среди русскихъ добровольцевъ представителей дѣйствительно порядочной и дѣйствительно народной Россіи, какъ у насъ всегда бываетъ и какъ всегда будетъ пока не будетъ политической свободы, единственнаго условія для группировки чистыхъ людей и разъясненія чистыхъ идей искреннимъ, не мало образованнымъ людямъ. А славянскіе вопросы по особой ихъ сложности и связи съ внутренними дѣлами національными, религіозными, политическими и соціальными такъ трудны для обсужденія въ Россіи чистыми людьми, что нѣтъ ничего удивительнаго, если до сихъ поръ въ нашемъ славянофиліи преобладалъ всегда и теперь всплылъ наверхъ обскурантный и ташкентскій элементъ. Мы говоримъ о нашихъ добровольцахъ въ Сербіи, съ которыми откупщики и приказ-

чики нашей печати и даже нѣкоторые болѣе порядочные, но не дальновидные люди, носились какъ съ призракомъ, не знаемъ уже которымъ по счету, „зрѣлости нашего общества“, началомъ самостоятельности его въ рѣшеніи политическихъ вопросовъ. Вы впрочемъ и тутъ остались вѣрны себѣ и, несмотря на небезвыгодную для васъ репутацію слегка оппозиціоннаго журналиста, воротившись изъ Сербіи, сдѣлали такой только выводъ изъ всего этого общественно-добровольскаго дѣла, что молъ „общественное движеніе въ пользу сербовъ доказало, что правительство можетъ опереться на общество, если захочетъ выступить активно“. А если не захочетъ, то при чемъ тутъ „общественная самостоятельность“?

Да, хвастаться этой самостоятельностью нечего! Зрѣлое и самостоятельное общество заставило бы правительство послать на Дунай 200—300 000 арміи, а не ограничилось бы отправкою 5—10 000 волонтеровъ изъ 55—60 милліоновъ однихъ русскихъ племенъ. Да и эта отправка произошла только благодаря „попущенію“ правительства, и теперь уже стѣсняется администраціей и полиціей, а высшимъ авторитетомъ этотъ „знакъ русской общественной зрѣлости“ названъ опытомъ „вылить холодной воды“ (de jeter de l'eau froide — какъ цитируетъ не безъ юмора лордъ Лофтусъ въ своей интересной депешѣ,— was his Majesty's expression) на славянскій энтузіазмъ русскаго общества, опытомъ, который и удался, такъ какъ по словамъ высшаго авторитета „очень много русскихъ офицеровъ убито, и энтузіазмъ (русскихъ) къ сербамъ сильно понизился“. Не потому ли и ультиматумъ, остановившій Абдулъ-Керима уже тогда, когда легло столько головъ сербскихъ и русскихъ, явился такъ поздно, несмотря на то, что въ газетахъ, имѣвшихъ близкое отношеніе къ Черняеву, уже за недѣлю до него были печатаемы отчаянныя телеграммы, чтобъ опыть обливанія холодной водой русскаго общества удался лучше? Согласитесь, что странѣ, въ которой возможны подобные опыты, что обществу, о которомъ можно такъ говорить, далеко

до того, чтобъ хвалиться своею зрѣлостью и самостоятельностью?[1]

Но посмотримъ ближе, какія начала принесли съ собою въ среду балканскихъ славянъ, эти посланцы неоффиціальной Россіи, добровольцы „зрѣлаго“ русскаго общества. Объ нихъ мало говорили до сихъ поръ, все больше или хвалили за энтузіазмъ и храбрость или бранили за безобразничанье и пьянство, прибавляя, при этомъ, что „въ семьѣ не безъ урода“ и указывая на ихъ храбрость, достаточно выкупающую пьянство въ глазахъ русскихъ людей; а въ послѣднее время, хотя и поднялся крикъ о безпомощности положенія русскихъ добровольцевъ, о безпорядочномъ съ ними обращеніи, но и эти крики могутъ быть утишены указаніями, что послѣ пораженія арміи на голову вездѣ бываютъ безпорядки, жалобы и т. п. Тутъ же кстати нечистота пріемовъ всякихъ Бильбасовыхъ даютъ вамъ и вамъ подобнымъ дешевые лавры (причемъ вы читаете вашимъ товарищамъ по газетной печати мораль о приличномъ для публициста поведеніи, которое сами соблюдать не думаете) и „подвигъ русскаго народа въ дѣлѣ помощи сербамъ и болгарамъ“ все остается величественнымъ! Правда, вы съ самаго начала натолкнулись на явленія по серьезнѣе, чѣмъ пьянство уродовъ семьи, на битье русскими офицерами болгарскихъ волонтеровъ, но вы поспѣшили сейчасъ же успокоить публику замѣчаніемъ: „такой ужъ мы народъ: зубы побьемъ, а всетаки освободимъ“. И надъ нами даже мало кто посмѣялся и почти никто не спросилъ: „отъ чего освободимъ? отъ мордобитій?!“ И критика поведенія однихъ нашихъ добровольцевъ и положенія другихъ не поднялась до сихъ поръ выше обличенія излишняго употребленія ракіи „уродами въ семьѣ“ и не

[1] Любопытно, какъ нѣжно передаютъ русскія газеты эти любезныя слова: „sottise“ и „jeter de l'eau froide“. Въ „Спб.-Вѣдом.“ „глупость“, переведена „большимъ промахомъ“, а „окатить холодной водой“ — охладить пылъ движенія; въ „Нов. Времени“ — „успокоить умы“! Любопытно также, что чужой человѣкъ, „Times“ выразился о разговорѣ главы русскаго правительства съ Лофтусомъ, что первый говорилъ „съ любезностью, не имѣвшею въ виду выказать русскую гордость“. Да, гдѣ жъ тутъ русская гордость! Тутъ и искры уваженія къ русскому народу нѣтъ, потому что нѣтъ и зерна сознанія своей къ нему принадлежности! Такъ говорилъ баринъ о своей дворнѣ. А русская печать смолчала съ истинно-холопской тупостью нервовъ. Неужели же притупились нервы и у общества?!

выдачи подводъ „даже офицерамъ“, какъ говорятъ жалующіеся въ „Голосѣ“. Только генералъ Новоселовъ рѣшительно и по всѣмъ пунктамъ обвиняетъ распоряженія генерала Дандевиля, но публика готова увидѣть въ этихъ обвиненіяхъ только пикировку двухъ генераловъ.

По сербскимъ газетамъ и по письмамъ сербовъ въ русскія газеты ничего не поймешь; пишущіе для печати сербы, по расчету ли, или по хозяйской вѣжливости, но не говорятъ о нашихъ даже того, что говорятъ наши газеты, которыя далеко не платятъ сербамъ подобною же сдержанностью относительно нихъ. Только въ кое-какихъ корреспонденціяхъ, да въ прорывахъ, въ родѣ вашего сообщенія о мордобитіяхъ, раздаваемыхъ болгарамъ, мелькаютъ черты „родного быта“, занесеннаго нашими освободителями на Саву, Мораву, на тихій Дунай. Но за то эти черты ярки въ письмахъ и разсказахъ самихъ добровольцевъ нашихъ, и будетъ время, когда правда откроется передъ нашимъ обществомъ, будетъ время, когда сербы откровенно перекрестятся и скажутъ: „ну, избавилъ насъ богъ и отъ константинопольскихъ, и отъ русскихъ турокъ!“

Нашихъ добровольцевъ нельзя, конечно, сваливать въ одну кучу. Былъ среди нихъ процентъ людей, искренно и сознательно шедшихъ послужить дѣлу народной свободы, но многіе изъ такихъ прямо и говорили тоже, что тургеневская Елена: „что дѣлать въ Россіи?“ Это, конечно, не ваши. Голосовъ, выражавшихъ ихъ взглядъ на дѣло въ русской печати, почти не было слышно. Мало того, ихъ голоса не очень то могли быть слышны и въ Сербіи, и не они стояли во главѣ дѣла. Затѣмъ честно и искренно шли крестьяне и значительная часть солдатъ. Эти шли „за вѣру пострадать“, „честный крестъ“ оборонять. Это тоже не ваши, господа петербургскіе публицисты; хоть вы и вторили православной нотѣ во всемъ этомъ движеніи, но втореніе это, конечно, лицемѣріе и лицемѣріе мало достойное! Но и эти несчастные страдальцы „за крестъ“ не стояли во главѣ дѣла, они были только матеріей дѣйствія.

Во главѣ дѣла стали русскіе офицеры, изъ коихъ многіе прямо говорили: „мнѣ все равно“, „некуда дѣваться“, да генералы, да агенты славянскихъ комитетовъ. Конечно, и между офицерами были люди порядочные, но весьма любопытно, что безобразничать начали офицеры, юнкера и вообще „благородные“; они увлекли и „простыхъ“, изъ которыхъ даже пьяницы давали зарокъ „не пить“, а главное, что изъ этихъ то благородныхъ выплыли на верхъ именно „бурбоны“, что именно бурбоновъ понасылали наши, особенно столичные, славянскіе комитеты въ качествѣ уполномоченныхъ, и что по этому именно бурбоны дали окраску всему поведенію русскаго отряда въ Сербіи. А какъ сербское правительство отказалось отъ всякой власти надъ русскими добровольцами, то наши несчастные освободители братьевъ отъ турецкаго ига, попали именно подъ иго бурбонскаго элемента, ничѣмъ уже не сдерживаемаго и въ добавокъ прошедшаго школу совсѣмъ уже безконтрольнаго насилія на Кавказѣ, въ Польшѣ, во внутренней Азіи. Письма и разсказы добровольцевъ, вполнѣ достойныхъ вѣры, говорятъ о безмѣрномъ мордобитіи, привязываніи къ столбамъ на солнцѣ, отбитіи ушей нагайками, „всыпаніи“ 400 палокъ, чему дѣйствительно безсословно подвергались и солдаты, и крестьянинъ, и студентъ университета, и учитель гимназіи отъ назначенныхъ и самозванныхъ командировъ, изъ которыхъ иные, какъ, напр., генералъ Новоселовъ, начинали мордобитіе еще съ дороги, съ Кишинева. — Въ послѣдніе мѣсяцы на тихомъ Дунаѣ, на Савѣ, Моравѣ шло такое мордобитіе, о какомъ уже даже и у насъ, во внутреннихъ губерніяхъ въ послѣдніе года мало слышно было. Грубостямъ же и жестокостямъ подвергались и сербы, и болгары, подъ видомъ пріученія къ военному искусству. Наши бурбоны никакъ не могли взять въ толкъ, что серба точно надо обучить военному искусству, но нѣтъ надобности пріучать къ рабскому и церемонному отношенію къ офицеру, особенно на улицѣ, въ кафанѣ, словомъ внѣ службы, и начали учить сербовъ и болгаръ не столько дѣлу, сколько „знать начальство“. Не только армей-

скіе бурбоны, а и свыкшіеся съ русскими порядками журналисты, въ родѣ васъ, не догадались или не знали, что у серба или даже болгарина и подъ гнетомъ весьма несложнаго и при томъ чужого турецкаго ига сохранилось гораздо больше столько же сознательнаго, сколько и органическаго, свойственнаго „варварамъ“, а особенно южнымъ племенамъ, чувства личной неприкосновенности, чѣмъ у насъ, послѣ столькихъ вѣковъ подчиненія своему деспотизму, крѣпостному праву, табели о рангахъ, что даже въ Турціи, благодаря ея магометанско-религіозному строю и первобытности формъ ея деспотизма, несравненно больше привычекъ равенства и безсословности, чѣмъ у насъ. Тѣмъ паче въ княжествѣ Сербіи, гдѣ цѣлыя поколѣнія не знаютъ крѣпостного права, ни даже дворянства, и гдѣ младшее поколѣніе воспиталось при дѣйствіи политической свободы. А наши бурбоны вздумали учить сыновъ „гайдуковъ“ и „войниковъ“ или гражданъ конституціоннаго государства — зуботычинами и палочьемъ!

Грубымъ самодурствомъ и надъ сербами, и надъ русскими отличались, по разсказамъ, именно высшіе начальники, какъ генералъ Дандевиль, агентъ столичнаго славянскаго комитета, состоявшій при штабѣ генерала Черняева, генералъ Новоселовъ, начальникъ ибарской арміи, г. Лашкевичъ, начальникъ отряда княгини Наталіи и т. п.

Вотъ это то бурбонство, презрѣніе къ чужой личности и національности да еще совсѣмъ ненужная даже для сербской простой, какъ и для русской, народной религіозности, парадно-архіерейская, византійско-московская помпа, съ чудовскими пѣвчими, — куда какъ умѣстная на полѣ битвы вообще, а особенно тамъ, гдѣ архимандриты командуютъ военными отрядами! — вотъ то „новое“, что выставилось на верхъ у русскихъ добровольцевъ въ Сербіи и закрыло то доброе, что у нихъ было, кромѣ, конечно, храбрости въ бою, которая не есть принципъ, а отъ весьма сложныхъ условій зависящее органическое явленіе, а потому въ данномъ случаѣ и не подлежитъ обсужденію.[1]

[1] Разсказы и письма говорятъ также о денежныхъ „неаккуратностяхъ“, или попросту о казнокрадствѣ многихъ завѣдывавшихъ деньгами, присылаемыми на во-

Впрочемъ, главные, дававшіе тонъ самодуры и бурбоны остались цѣлы. Но мы готовы даже согласиться съ тѣмъ, что всѣ наши добровольцы, не исключая и главныхъ бурбоновъ и даже часть тѣхъ, у которыхъ какъ-то уплывали данныя имъ на партіи деньги, были „теплые ребята“, „хорошіе люди“. Но тѣмъ хуже для той Россіи, гдѣ они не выучились иному modus vivendi, кромѣ башибузуцкаго мордобитія, раздаваемаго всякому подначальному, не выучились уважать чужія народныя привычки, тѣмъ хуже для васъ, господа монопольные руководители и выразители общественнаго мнѣнія въ этой Россіи, что вы, ни постоянной критикой внутреннихъ дѣлъ нашихъ, ни даже краткимъ напутствіемъ, разъясняющимъ общіе принципы служенія свободѣ, не подѣйствовали на воспитаніе этихъ теплыхъ ребятъ, этихъ несчастныхъ храбрецовъ, которымъ пришлось заплатить своими головами за медленность правительства въ отсылкѣ ультиматума Портѣ и послужить предположенному нашими правителями „обливанію холодною водою славянскаго энтузіазма въ Россіи“. Они послужили къ охлажденію энтузіазма къ русскимъ въ Сербіи и Болгаріи!

Слова нѣтъ, вся эта экспедиція нашихъ добровольцевъ не останется безъ слѣда въ дѣлѣ установленія

лонтеровъ и госпитальными, о „вычетахъ“, неизвѣстно въ чью пользу, о требованіи расписокъ на высшую сумму, чѣмъ та, которая выдавалась и т. п. При желаніи дойти до правды, редакторамъ газетъ не трудно провѣрить эти разсказы. Несомнѣнно, что иные изъ лицъ, поставленныхъ во главѣ дѣла, напередъ были лишены довѣрія общества, знавшаго ихъ. Такъ, напр., иные, присылавшіе пожертвованія, прямо говорили, что просятъ не давать ихъ г. Токареву, извѣстному своимъ поведеніемъ во время губернаторства въ одной изъ сѣверо-западныхъ губерній. Нареканія на ген. Комарова и штабъ ген. Черняева, наполненный матушкиными сынками и протеже великосвѣтскихъ славяноблаготворителей, неумѣлость которыхъ успѣла разозлить даже личнаго пріятеля Черняева, купца Хлудова, проникли даже въ нашу печать. И всѣ эти обстоятельства, эта „неаккуратность“ съ ввѣреннымъ обществомъ деньгами, эта сила рекомендацій изъ столичнаго большого свѣта, наконецъ, эта быстрота, съ какою всплыли наверхъ повидимому чистаго славянскаго дѣла тупицы-богомолки и ташкентцы-странники муравьевско-туркестанскіе, вовсе не случайность, а неизбѣжная принадлежность турецкой Руси! Даже корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей“ (№ 292) желаетъ измѣненія порядковъ въ русскихъ госпиталяхъ въ Сербіи, находя въ нихъ „такія чиновническія условія, при которыхъ не всякому пріятно въ нихъ работать“, и наивно удивляется, что „вообще въ Сербіи никто не знаетъ, куда ушли деньги, обильно притекающія изъ Россіи, тогда какъ англійскія пожертвованія въ Сербіи можно сосчитать всѣ до копѣйки“. Въ томъ-то все и дѣло, что во всей Россіи господствуютъ „такіе чиновничьи порядки, при которыхъ не только работать нельзя пріятно“, но просто жить нельзя, и въ томъ то и дѣло, что англичанами потому ведется счетъ деньгамъ общественнымъ всюду, что Англія государство конституціонное, въ которомъ общественный контроль постоянно повѣряетъ всѣ дѣла сверху до низу, а въ Россіи всякій чиновникъ, поставленный хоть на часъ, считаетъ себя калифомъ самодержавнымъ и безотчетнымъ!

тѣсной связи между славянами разныхъ племенъ. Кой чему изъ нея поучится и русское общество, въ томъ числѣ и пробамъ самостоятельной политической дѣятельности, особенно если не остановится на теперешнемъ моментѣ, а пойдетъ далѣе къ политической свободѣ. Но пока теперь сербы, которые, надо замѣтить, ждали и ждутъ, какъ и мы, да и вы, надѣемся, выступленія противъ турокъ русской арміи, а не нѣсколькихъ тысячъ волонтеровъ, имѣютъ основаніе сказать, что если они со стороны оффиціальной Россіи видѣли медленность, неискренность и, наконецъ, оскорбленіе, то неоффиціальная Россія показала имъ не только примѣры русской щедрости, русской храбрости, русской готовности помереть за дѣло убѣжденія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и русскихъ башибузуковъ, что башибузуцкіе привычки и инстинкты могутъ быть у многихъ даже порядочныхъ и добрыхъ сердцемъ русскихъ людей. Сербы и болгаре могутъ, словомъ, сказать, что они видѣли Русскую Турцію! Независимо отъ того, иные откровенные сербы и теперь говорятъ, что „вы бы, господа, у себя прежде устроили ту свободу и благосостояніе, какія хотите доставить намъ и какими у насъ, въ княжествѣ, мы пользуемся въ такой мѣрѣ, что вамъ и нескоро достигнуть.“ И относительно княжества Сербіи, это, конечно, безспорно вѣрно, несмотря на его вассальную зависимость отъ Турціи.

А наши еще хотятъ освобождать братьевъ-славянъ и въ другихъ странахъ, кромѣ Турціи! Что касается до этихъ славянъ подъ Австро-Венгріей, Пруссіей, Румыніей или, напримѣръ, въ частности до русиновъ (малороссовъ или украинцевъ), подъ поляками въ Галичинѣ, подъ венграми въ Восточной Венгріи, подъ нѣмцами и молдаванами въ Буковинѣ, то, какъ ни справедливы ихъ жалобы на національное притѣсненіе, какъ ни простительны ихъ надежды на Россію, какъ на возможную избавительницу (не такъ-то ужъ, впрочемъ, сильныя, какъ у насъ думаютъ, и слишкомъ часто подвергаемыя искушенію и разочарованію), но теперь, пока господствуютъ у насъ теперешніе порядки, намъ, такимъ, какіе мы есть,

смѣшно и заикаться объ освобожденіи этихъ „братьевъ“.[1] Вѣдь теперь даже притѣсненный словакъ и даже румынскій жидъ пользуется большей свободой, не только личной, но и національной, чѣмъ въ Россіи не только полякъ, литвинъ, украинецъ, румынъ, грузинъ, но даже чѣмъ членъ господствующаго великорусскаго племени, москвичъ, которому запрещала же полиція даже молебны у Иверской править за братьевъ-славянъ, или чѣмъ представитель „патріотической“ русской печати, на котораго только подуетъ вѣтеръ изъ канцеляріи, и весь его патріотизмъ, многолѣтній трудъ, имущество полетитъ, какъ карточный домъ. Казалось бы, что хоть это послѣднее не должно быть секретомъ для васъ. Не вспоминая уже исторіи съ коршевскими „С.-Петербургскими Вѣдомостями“, вѣдь должны же вы помнить хоть распоряженіе редакціямъ газетъ, развезенное прошлою осенью, въ которомъ сказано было, что если газета пикнетъ по славяно-

[1] Кромѣ національныхъ есть въ нѣкоторыхъ и славянскихъ, и неславянскихъ земляхъ, пограничныхъ съ Россіей, въ массѣ народа еще и соціальныя надежды, которыя тоже ничто иное, какъ только порожденіе недовольства настоящимъ, складывающееся по формулѣ: „гдѣ же лучше? — гдѣ насъ нѣтъ“ Это совершенно особъ-статья, и мы о ней не упоминали бы, еслибы не предвидѣлась вѣроятность хотя слабаго повторенія опять полуславянофильской и четвертьсоціалистической фразеологіи о крестьянской миссіи Россіи, фразеологіи, которая такъ шумно являлась на сцену въ 1863—1865 гг., когда даже въ „Голосѣ“ печатались въ пику „лехитскому элементу въ Польшѣ“, страницы будто изъ „Колокола“, а то изъ „Романовъ, Пугачевъ или Пестель“ Бакунина, или „Народъ и Государство“ Мартьянова. Фразеологія эта въ нашихъ газетахъ являлась съ той безцеремонной легкостью, къ какой способенъ только русскій публицистъ, который чувствуетъ, что на практикѣ ему не придется прикладывать своихъ словъ, а со стороны чиновниковъ въ Польшѣ и Западномъ краѣ скоро, послѣ полученія фермъ за службу, окончилась весьма любезнымъ союзомъ чиновническаго, а дальше и антрепренерско-газетнаго демократизма со всякими противокрестьянскими элементами, шляхетскими, еврейскими и иными. Слабое подобіе этой фразеологіи видно и въ вашей газетѣ, въ статьяхъ о монархическо-крестьянскомъ русскомъ строѣ! Дѣйствительно, народъ, напримѣръ, въ Карпатахъ и отчасти и въ Молдавіи надѣется, что если придетъ „московскій царь“ или „якійсь царь“, то „панамъ и жидамъ не буде такої волі“, а то и раздѣлятъ землю поровну. Но эти надежды, совершенно одного рода съ толками о „слушномъ часѣ“, „настоящей царской волѣ“, которые были и у крестьянъ въ Россіи и тѣми надеждами, что скоро царь будетъ землю дѣлить поровну между всѣми, которыя и теперь ходятъ, напримѣръ, въ лѣвобережной Украйнѣ. Это довольно серьезное явленіе, и о немъ можно говорить, но, конечно, не съ петербургскими газетами; и, конечно, „слушный часъ“, „настоящая царская воля“ настанетъ въ Карпатахъ только тогда, когда „московскій царь“ начнетъ дѣлить землю поровну и въ Россіи. Но кто же объ этомъ можетъ говорить, кромѣ крестьянъ въ Карпатахъ или въ Полтавщинѣ? Въ сколько-нибудь образованныхъ слояхъ теперь общественные элементы такъ уже раздѣлились, что новое повтореніе мѣшанины 1863—1865 гг. врядъ ли и возможно даже и въ такой степени, какъ тогда. Теперь соціалисты не пишутъ брошюръ вродѣ Бакунина и Мартьянова и, вѣроятно, ни „Голосъ“, ни „Новое Время“ не станутъ проповѣдывать ничего похожаго на соціализмъ не только въ Россіи, но даже въ Турціи и Австріи! А потому мы имѣемъ тѣмъ болѣе основаній не говорить здѣсь о соціальной сторонѣ славянскаго вопроса, а только объ одной національно-политической.

турецкому вопросу что-либо несогласное съ тѣми безцвѣтными заявленіями, какія были сдѣланы въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, то будетъ сейчасъ же закрыта, не дожидаясь даже третьяго предостереженія. Такъ вы ужъ сами найдите секретъ, какъ освободиться самимъ, если вы недовольны моими секретами.

Я же не знаю, чѣмъ кончится теперешняя impasse orientale, но знаю, что турецкіе порядки въ Россіи въ теченіи всего XIX в. были лучшею опорою турецкаго господства въ Константинополѣ, не говоря ужъ о томъ, что они были и будутъ лучшимъ оправданіемъ послѣднихъ. Я не знаю, чѣмъ кончится теперешняя дипломатическая возня съ Турціей; я не берусь предсказать всѣхъ путей славянской свободы въ Константинополь, но знаю, что путь черезъ Петербургъ и Москву былъ бы путь вѣрный. Поставьте въ Россіи на мѣсто турокъ внутреннихъ самую элементарную человѣческую и національную свободу, и турки внѣшніе, а дальше и всякая мадьяризація и германизація славянъ, всякая полонизація русиновъ и т. п. не продержатся и трехъ дней. Я знаю также, что турка могутъ и не побить еще, а если побьютъ, то мы все-таки останемся дома рабами турецкихъ порядковъ, если теперь повторимъ ту же ошибку, которую сдѣлали многіе довольно даже благомыслящіе и неглупые люди во время польскаго возстанія 1863 г., а именно, пустились звать общество къ ополченію на враговъ внѣшнихъ, не заручившись сначала, или не требуя хоть рядомъ съ этимъ, внутреннихъ учрежденій, политическихъ правъ, которыя одни могутъ обезпечить плоды и внѣшнихъ побѣдъ, если онѣ еще и будутъ. Въ 1863 г. впервые пошла въ ходъ подача патріотическихъ адресовъ, и эти адресы были болѣе достойны развитыхъ людей, чѣмъ теперешніе: во многихъ изъ нихъ (тверскомъ, костромскомъ и даже петербургскомъ) были ясные намеки на конституцію, и даже, въ отвѣтѣ на петербургскій адресъ, говорилось о томъ, что въ свое время представители страны будутъ призваны раздѣлить съ правительствомъ завѣдываніе государственными дѣлами, и даже журналъ Каткова совѣтовалъ потопить польскій сепаратизмъ во всероссійской

говорильнѣ. Въ 1863—1865 гг. этими людьми, которые думали совмѣстить антипольское движеніе съ дѣломъ русской и даже все-славянской свободы, воспользовались, но вовсе не для того дѣла, для котораго они думали служить, вовсе не для освобожденія славяно-польскаго, литовскаго, бѣлорусскаго, украинскаго народа отъ пановъ и ксендзовъ, которые благополучно пережили грозу, а для германизаціи Польши подъ покровомъ ея обрусенія, для подавленія свободнаго движенія и въ самомъ русскомъ обществѣ. Потомъ этихъ людей бросили, какъ выжатый лимонъ, и даже газета Каткова стала получать предостереженія, а потомъ только сдѣлалась лейбъ-органомъ графа Дм. А. Толстого, одного изъ самыхъ желательныхъ для польско-магнатской и остзейско-баронской партіи дѣятелей, потому что ей всего менѣе желательно народное образованіе въ Россіи; введенныя прежде реформы начали урѣзываться, и наконецъ вся Россія пришла въ то состояніе анаріи, какое мы видѣли въ послѣдніе годы и изъ котораго многіе надѣются вывести ее черезъ войну съ турками. На мѣсто же исполненія славянофильскихъ мечтаній явился „союзъ трехъ императоровъ“, это повтореніе метерниховскаго священнаго союза, союзъ, въ которомъ прославленный русскій канцлеръ, представитель „національной русской и славянской политики“ шелъ на помочахъ германизатора Бисмарка и мадьяризатора Андраши, а русскій посолъ въ Вѣнѣ, сотрудникъ славянофильской „Русской Бесѣды“, помогалъ низверженію министерства Гогенварта, желавшаго сдѣлать уступку славянско-федеральнымъ требованіямъ чеховъ, и славянская Россія потерпѣла полуторагодовую рѣзню сербовъ и болгаръ и теперь идетъ на какую-то „административную для нихъ автономію“, обезпеченную надзоромъ семи нянекъ, шести великихъ державъ и седьмой — Турціи!

Все недавнее прошлое слѣдовало бы теперь же зарубить на носу, чтобъ не повторить прежнихъ ошибокъ и упущеній, и по прежнему не остаться у себя дома ни съ чѣмъ, и чтобы не обмануть и тѣхъ, въ комъ мы поддерживаемъ пылкія надежды. Зарубить

себѣ это на носу слѣдуетъ прежде всего дворянскимъ, земскимъ, городскимъ собраніямъ, которыя теперь пишутъ патріотическіе адресы, да печати, которая ихъ вызываетъ и подхватываетъ; тѣмъ ученымъ, профессорамъ, которые принимаютъ теперь дѣятельное участіе въ публицистической агитаціи по славянскому вопросу, тѣмъ многочисленнымъ комитетамъ, собирающимъ пожертвованія и отправляющимъ волонтеровъ, развитымъ людямъ изъ этихъ волонтеровъ и ихъ близкимъ; всѣмъ этимъ „представителямъ русскаго общества“ слѣдуетъ каждому въ своей сферѣ поставить прямо, ясно и дружно вопросъ о политической свободѣ, безъ которой невозможно успѣшное движеніе Россіи ни внѣшнее, ни внутреннее. Если въ русскомъ обществѣ и печати есть хоть капля общественнаго развитія и достоинства, они должны это сдѣлать. Нечего обманывать себя софизмами, что, молъ, „не время; дайте сначала внѣшнихъ враговъ одолѣть“. Такъ обманывали себя и въ 1863 г., такъ обманывала себя и наполеоновская Франція. Мы не говоримъ, что нужно пользоваться временемъ, когда правительство нуждается въ общественной поддержкѣ для войны внѣшней. Въ настоящее время это соображеніе не идетъ къ дѣлу уже и потому, что правительство наше, очевидно, сдѣлало все возможное, чтобъ затереть сербское возстаніе, сдержать сочувствіе русскаго общества къ возставшимъ, погубило столько сербовъ, болгаръ и русскихъ, и уступило отчасти уже тогда, когда на карту была поставлена вся репутація Россіи, не только, какъ славянской земли, но и какъ великой державы; когда Турція дѣйствительно начала раздавать Россіи „оплеухи“,— по оффиціальному выраженію, — и при томъ гораздо болѣе сильныя, чѣмъ тѣ, какія наше правительство скушало на здоровье во время кандійскаго возстанія. Мы говоримъ: давно уже нужно намъ было заставить наше правительство положить конецъ рѣзнѣ нашихъ братьевъ въ Турціи. Теперь же, когда оно, въ виду невозможности продолжать свою гибельную политику, выступило болѣе энергически, нужно настоять, чтобъ господство турокъ на балканскомъ полуостровѣ было покон-

чено разъ навсегда, и, если для этого неизбѣжна война, то нужно обезпечить успѣхъ войны общественнымъ контролеремъ надъ чиновниками; нужно сдѣлать всю внутреннюю и внѣшнюю политику страны дѣйствительно славянскою, народною, реформирующею и освобождающею! Нужно, словомъ, и для братьевъ и для самихъ себя устроить домъ, въ которомъ можно было бы жить хоть сколько-нибудь по человѣчески и развиваться безпрепятственно. Ограничиваться одними заявленіями, что мы, молъ, готовы пролить кровь свою, если намъ это прикажутъ, значитъ повторять только фразы слугъ, а вовсе не гражданъ: мы давно ходимъ, куда прикажутъ; намъ, вѣдь, приказывали когда-то и спасать Турцію отъ египетскаго возстанія, для того, чтобы „превратныя французскія идеи не свили себѣ гнѣзда въ Каирѣ“. Насъ и теперь могутъ не повести противъ турокъ, могутъ и остановить на полдорогѣ въ Константинополь, могутъ ограничиться какой-нибудь половинной „административной автономіей“ славянъ турецкихъ; наконецъ, послѣ всей нашей службы, у насъ всетаки останутся дома турецкіе порядки.

Я думалъ, что если не все это, то хоть большая половина составляетъ азбуку для всякаго образованнаго человѣка, который хоть сколько-нибудь жилъ и мыслилъ, но оказывается, что для васъ это — секретъ. Но если это такъ, то я очень радъ открыть его вамъ. Очень радъ буду, если вы сможете „подѣлиться имъ съ публикой“, хотя бы даже для того, чтобъ высказаться о немъ отрицательнымъ образомъ. Если же окажется, что намъ съ вами еще рано до обсужденія въ Петербургѣ такихъ матерій даже въ формѣ пиѳическихъ рѣчей о томъ, что составляетъ аксіому для образованныхъ обществъ, то, по моему, гораздо достойнѣе молчать, чѣмъ съ развязнымъ видомъ говорить лакейскія рѣчи, хотя бы, какъ мы готовы вѣрить, и съ благими намѣреніями.

М. Драгомановъ.

Женева, 27 ноября 1876 г.

P. S. Теперь событія идутъ скоро даже для неповоротливой Россіи. Пока печаталась наша брошюра, мы прочитали три извѣстія изъ числа тѣхъ, какія обращаютъ на себя большое вниманіе.

Первое изъ нихъ — объ энергическихъ мѣрахъ для сосредоточенія войскъ у Прута, не заставляетъ, впрочемъ, насъ взять ни слова назадъ изъ того, что мы говорили о необходимости общественнаго контроля надъ исполнительною властью и въ военное время, если оно наступитъ. А кромѣ тоже даже это сосредоточеніе войскъ на Прутѣ не исправляетъ ошибки допущенія турокъ до взятія алексинацко-делиградской позиціи. Если, въ случаѣ возобновленія военныхъ дѣйствій, турки успѣютъ опустошить половину Сербіи, и Бѣлградъ займутъ австрійцы, прежде чѣмъ русская армія дойдетъ до Дуная, то въ этомъ никто не будетъ виноватъ больше, чѣмъ наше правительство.

Второе извѣстіе, что князь Черкаскій предназначается для устройства аграрныхъ отношеній въ Болгаріи, заставляетъ спросить: будетъ ли продолжаться преслѣдованіе всякаго намека на демократизмъ и соціализмъ въ Россіи въ то время, когда кн. Черкаскій будетъ прилагать за Дунаемъ московско-славянофильскій „полусоціализмъ“ и не заведется ли рядомъ съ оффиціозными Гракхами за Дунаемъ новое изданіе такой же оффиціозной „партіи Вѣсти“, которая на этотъ разъ, кромѣ русскихъ олигарховъ, и остзейскихъ бароновъ, и польскихъ магнатовъ, приметъ въ свою среду еще и турецкихъ беговъ, при чемъ фанаріотскіе греки будутъ связью этого новаго задунайскаго „охранительнаго элемента“ съ петербургскими ханжами большого свѣта?

Третье — о намѣреніи турецкаго правительства представить искъ русскому правительству за убытки, причиненные Турціи русскими добровольцами, которыхъ русское правительство должно было, на основаніи статьи Свода Законовъ, сослать въ Сибирь за поступленіе, безъ особаго Высочайшаго разрѣшенія, въ службу иностраннаго государства. Русскія газеты смѣются надъ этимъ искомъ, котораго, конечно, Турція не выиграетъ, но только потому, что никакой окружной судъ его не приметъ. А прими его кто-нибудь, —

то Турція непремѣнно выиграла бы; и будь русскіе публицисты болѣе политически развиты, они бы воспользовались и этимъ случаемъ, чтобы указать еще разъ на устарѣлость русскихъ крѣпостныхъ отношеній гражданъ къ государству и на несоотвѣтствіе этихъ отношеній съ интересами даже этого послѣдняго. Вѣдь къ Англіи подобнаго иска предъявить нельзя, именно потому, что англичане по конституціи имѣютъ право ѣздить безъ паспортовъ за границу и дѣлать тамъ съ собою, что имъ угодно.

Вообще эти новые факты, о которыхъ мы упоминаемъ въ этомъ post scriptum'ѣ, какъ и всѣ тѣ, о которыхъ мы говорили въ брошюрѣ, показываютъ только всю неповоротливость и непригодность русскаго политическаго строя не только для жизни въ немъ народа, но даже и для интересовъ государства. Судьба поставила московскому царству, изъ котораго выросла теперешняя россійская имперія, совершенно революціонныя задачи по всей западной линіи отъ Остзейскаго края до Чернаго моря, гдѣ на разныя родственныя и неродственныя великоруссамъ народныя массы и національности легли чужія династіи, племена-сословія, духовенства.

Какая есть возможность исполнять освобождающія, совершенно революціонныя задачи, политическія, національныя и даже соціальныя и анти-клерикальныя, государству, сохранившему весь неуклюжій средневѣковый, полуазіатскій строй самодержавно-клерикальнаго боярскаго царства, заимствовавшаго изъ европейскихъ своихъ отношеній только тормаза нѣмецкой дружбы, утонченное французско-бранденбургское чиновничество да пониманіе принципа національности въ видѣ насильственнаго „обрусенія“?

Изъ этихъ противорѣчій происходитъ нѣчто до того сумбурное и во внѣшней и внутренней политикѣ, такая путаница, что ея не вынесетъ ни одна маломальски образованная и логическая голова. Одна политическая свобода можетъ открыть хоть начало выхода изъ этого невыносимаго „заколдованнаго“ круга.

М. Драгомановъ.

Внутреннее рабство
и война за освобожденіе

(Первоначально напечатано отдѣльной брошюрой. Женева 1877 г.)

Внутреннее рабство и война за освобожденіе.

I.

ХУЖЕ НЕВОЗМОЖНО.

Болѣе полутора года собиралось воевать царство Русское съ Турціей и все не могло собраться. Наконецъ собралось. Пылкія фантазіи и недальновидные умы успѣли повитать уже и въ Константинополѣ. Но вмѣсто ожидаемыхъ быстрыхъ успѣховъ, русскимъ солдатамъ пришлось ложиться костьми и отступать и въ Арменіи, а теперь и подъ Балканами. Русскіе мужики въ солдатскомъ платьѣ опять оказались тѣмъ, чѣмъ они всегда были, — львами, которыми однакоже командуютъ ослы.

Война, которая и при быстрыхъ успѣхахъ могла затянуться и кончиться далеко неблистательно вслѣдствіе вмѣшательства иностранныхъ державъ, теперь, послѣ военныхъ неуспѣховъ, требуетъ крайнихъ напряженій со стороны народовъ, подвластныхъ русскому правительству. Людямъ образованнымъ среди этихъ народовъ нужно постараться, чтобъ эти напряженія не были истрачены напрасно и неумѣло этимъ правительствомъ, а для того имъ надо заглянуть въ подкладку событій, гдѣ мы увидимъ тѣ основные законы, которыхъ не отмѣняетъ одна-двѣ военныя удачи и которые напередъ опредѣляютъ наибольшее количество удачъ и неудачъ, повидимому, зависящихъ отъ личнаго счастья или ловкости того или другого дипломата, генерала и т. д.

Эти внутренніе законы относительно теперешней войны мы уже имѣли случай указать въ статьѣ „Чистое дѣло требуетъ чистыхъ средствъ“, напеча-

танной въ петербургской газетѣ „Молва“, запрещенной за эту статью правительствомъ, и яснѣе въ брошюрѣ „Турки внутренніе и внѣшніе“, въ которой любопытный читатель найдетъ предсказаннымъ многое изъ случившагося въ послѣднее время въ русской арміи, интендантствѣ, печати. Признаемся откровенно, что мы сами не рады исполненію этихъ предсказаній, не рады и за нашихъ солдатъ, и въ особенности за несчастныхъ турецкихъ христіанъ, и что мы сами все ждали, что вотъ-вотъ произойдутъ ловкія дѣйствія какихъ-нибудь смѣлыхъ личностей при счастливыхъ частныхъ обстоятельствахъ, и наши предсказанія не оправдаются, и мы увидимъ разрѣшеніе, или хоть половину разрѣшенія, такъ называемаго восточнаго вопроса въ интересахъ человѣчности и свободы. Это ожиданіе не разъ останавливало перо, готовое еще разъ пригласить соотечественниковъ обратить вниманіе отъ внѣшнихъ, повидимому случайныхъ частныхъ дѣйствій, къ внутреннимъ основнымъ законамъ, ихъ опредѣляющимъ, и къ тѣмъ общимъ мѣрамъ, которыя должны принять общества племенъ, подвластныхъ русскому правительству, если они хотятъ между прочимъ и рѣшенія восточнаго вопроса такъ, чтобъ не быть ежеминутно въ опасности за свой трудъ и кровь, не говоря уже о крови угнетенныхъ турками народовъ, имъ родственныхъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ началось герцеговинское возстаніе, въ теченіе полутора года поведеніе петербургскаго правительства представляло чрезвычайно странное явленіе. Вся Европа, — кто со злостью, а кто съ сочувствіемъ, — говорила о томъ, что и все то противотурецкое движеніе у сербовъ и болгаръ есть дѣло рукъ петербургскаго правительства, а петербургскіе политики устами и оффиціозныхъ газетъ, и оффиціальныхъ нотъ, и въ „откровенныхъ“ разговорахъ самодержавнаго главы своего клялись всѣми святыми въ своемъ миролюбіи, въ своемъ нежеланіи потворствовать дѣлу революціи, панславистскимъ фантазіямъ, и давали такія яркія подтвержденія словамъ своимъ, что, казалось бы, всякія сомнѣнія должны были быть разсѣяны.

Въ самомъ дѣлѣ: выступать на дипломатическую защиту „славянъ“ въ союзѣ съ теперешней Австріей, построенной на подавленіи славянъ нѣмецкой буржуазіей и мадьярской аристократіей, совѣтовать возставшимъ герцеговинцамъ принять „реформы“ Андраши, ничѣмъ не обезпеченныя, потомъ отказаться и отъ нихъ, и пойти на придуманную туркофильскимъ англійскимъ министерствомъ „административную автономію Болгаріи“, потомъ въ угоду туркамъ довести и ее до „международной жандармеріи“, и наконецъ до нуля на константинопольской конференціи, и даже спуститься ниже нуля — до лондонскаго протокола, „его же смыслъ Ты, Господи, вѣси!“ — и все это время терпѣть, какъ бьютъ тѣхъ, кого мы думаемъ спасать, — еще ли это не доказательство миролюбія?! А между тѣмъ, ни Европа, ни даже Россія не вѣрила этому миролюбію. Гдѣ же причина этого недовѣрія и гдѣ ключъ къ разъясненію загадочнаго поведенія петербургскихъ политиковъ?

Эти послѣдніе теперь, когда единственно благодаря „упорству“ Турціи война наконецъ началась, могутъ резониться тѣмъ, что мы молъ „желали до конца испытать степень упорства Турціи, и имѣть на своей сторонѣ общее сознаніе нашей правоты, и, пожалуй, приготовиться къ войнѣ „до послѣдней пуговицы“. Но врядъ ли исторія приметъ подобныя объясненія, а туркофильская часть Европы все равно не тронулась этими уступками и считаетъ войну противъ Турціи такимъ же беззаконіемъ, какъ и прежде, и даже теперь имѣетъ на это довольно резонное основаніе въ томъ, что теперь собственно почти не за кого заступаться: почти всѣ возставшіе усмирены или перебиты, а турецкое правительство клянется въ томъ, что оно само проведетъ нужныя реформы. И если теперь эта часть Европы не двигается пока на защиту Турціи, то вовсе не потому, чтобъ считала Россію болѣе правою или даже болѣе сильною, чѣмъ если бы Россія два года назадъ, при самомъ началѣ герцеговинскаго возстанія, объявила свою программу радикальныхъ реформъ въ Турціи и двинула бы свои войска на поддержку этой программы.

Въ вышеупомянутой брошюрѣ нашей „Турки внутренніе и внѣшніе“ мы намѣтили въ общихъ чертахъ причины какъ „миролюбія“ петербургскаго правительства, такъ и недовѣрія къ этому миролюбію. Признаемся, что мы сами, писавши эту брошюру тотчасъ послѣ запоздалаго ультиматума, остановившаго движеніе турокъ по княжеству Сербіи, не думали, чтобъ миролюбіе это могло спуститься до „международной жандармеріи“ и лондонскаго протокола. А между тѣмъ, петербургская жандармерія, которая держитъ въ рукахъ своихъ судьбу Россіи и отъ которой ждутъ освобожденія славяне, спустилась еще ниже, чѣмъ мы того ожидали. И опущеніе это такъ же логично и естественно, какъ естественна всеобщая увѣренность (недальновидныхъ впрочемъ людей), что Россія горячо хочетъ освободить славянъ отъ турокъ. Эта послѣдняя увѣренность основана на исторіи Россіи за послѣднія два столѣтія. Бѣда только въ томъ, что смыслъ этой исторіи весьма теменъ не только въ Европѣ, но и въ Россіи, по весьма простой причинѣ, — по отсутствію въ Россіи всякаго подобія свободы науки, которая бы раскрыла этотъ смыслъ и даже собрала и обнародовала для того всѣ нужные факты.

У всѣхъ на глазахъ крупное явленіе: быстрое расширеніе предѣловъ московскаго царства съ половины XVII вѣка до начала XIX вѣка на счетъ польскаго и турецкаго царства. Вся Европа указываетъ на это явленіе и все увѣрена, что вотъ-вотъ Россія захватитъ дальше и земли прикарпатскія, придунайскія, а провозгласивши идею объединенія славянъ, прихватитъ и Богемію и востокъ Адріатики. Угнетенные чужими славяне рады вѣрить тому же, а московско-славянофильская фразеологія поддерживаетъ эту вѣру. Правительство же петербургское, какъ всякое другое, какъ женщина, о всепритягивающей красотѣ которой говорятъ ея соперницы и поклонники, не можетъ не чувствовать себя пріятно, при видѣ этихъ страховъ и надеждъ, но еще меньше можетъ отдаться влеченію, о коемъ ему говорятъ, и стоитъ на мѣстѣ, увѣряя міръ въ своей лояльности. Міръ, конечно, не вѣритъ и считаетъ Россію хитрымъ наслѣдникомъ Византіи,

имѣющимъ двуглавую политику. Находятся мудрецы и въ Россіи, и въ славянщинѣ, которые и въ самомъ дѣлѣ вѣрятъ въ эту тонкую мудрость, хитрость и т. п. политическіе таланты петербургскаго правительства.

Правительство же это, чтобъ разсѣять недовѣріе къ нему его западныхъ соперниковъ, недовѣріе, именно основанное на исторіи расширенія его владѣній въ XVII—XVIII в., указываетъ на свое поведеніе въ XIX вѣкѣ. „Посмотрите, говоритъ оно, мы могли взять Константинополь въ то время, когда вся Европа была занята революціонно-наполеоновскими войнами, во время треволненій реставраціонныхъ, среди которыхъ вспыхнуло греческое возстаніе въ 1830 году, въ 1848, — и не взяли, а вмѣсто того мы спасали Европу отъ революціонной гидры, потомъ отъ Наполеона, мы семь лѣтъ не помогали греческому возстанію, мы спасли два раза султана отъ египетскаго паши, мы спасли Австрію въ 1848 г., мы теперь $1^1/_2$ года писали бумаги „въ согласіи съ Европой“, когда турки рѣзали сербовъ и болгаръ. Что же вамъ больше?“

Однако то, что у насъ называется „Европой“, не вѣритъ и боится „сѣвернаго колосса“, славяне надѣются, русскіе болтуны, шовинисты и московскіе славянофилы обнадеживаютъ славянъ, — и простите на словѣ, — всѣ врутъ!

Дѣло въ томъ, что и въ Европѣ, и въ западной славянщинѣ, и у насъ рѣдко кто понимаетъ смыслъ русской исторіи и даже значеніе расширенія границъ московскаго царства и выросшей изъ него петербургской имперіи въ XVII—XVIII в. Царство это дѣйствительно поставлено въ условія, дающія ему возможность расширяться не только на Востокъ (тутъ дѣйствуютъ тѣ же причины, по которымъ Франція захватила было Рейнъ, Пруссія Вислу и т. п.), но и на Югъ и Западъ, гдѣ оно встрѣчаетъ племена родственныя, полуродственныя (бѣлоруссовъ, малоруссовъ, дальше западныхъ и южныхъ славянъ), или единовѣрныя (румынъ, грековъ, за Кавказомъ грузинъ, армянъ), и при томъ племена, порабощенныя чужими или инымъ способомъ притѣсняемыя ими (бѣлоруссы

и малоруссы поляками, а малоруссы прежде и турками, всѣ западные славяне нѣмцами, турками, мадьярами, болгаре въ добавокъ еще и греками, а галицкіе малоруссы поляками, буковинскіе кромѣ нѣмцевъ и румынами, румыны и греки турками, грузины и армяне турками, персами, черкесами, курдами). И такъ какъ по большей части эти подчиненныя другимъ племена представляютъ изъ себя не только подвластныя чужимъ государствамъ національности, но и тѣснимыя господствующими церквами религіи, а также подавляемыя чужими аристократіями и капиталистами низшія сословія, то борьба эта въ полномъ смыслѣ слова была и есть борьба революціонная, революція національная, вѣроисповѣдная, политическая и соціальная, т. е. борьба гораздо болѣе сложно-революціонная, чѣмъ напримѣръ та, результатомъ коей явилось недавно объединеніе Италіи, которое ни друзья, ни недруги иначе никогда и не понимали, какъ за революцію. Революціонное стремленіе это и борьба, сознательная или безсознательная, началось гораздо раньше, чѣмъ племена эти пришли въ соприкосновеніе съ московскимъ царствомъ, и ведется ежедневно и безъ него. Но, конечно, угнетенныя племена, религіи и сословія естественно обращаются съ надеждами къ сосѣднему государству, съ населеніемъ котораго у нихъ есть то или другое сходство и которое въ силу своихъ расширительныхъ стремленій, свойственныхъ всѣмъ государствамъ, входитъ въ соперничество съ тѣми государствами и племенами, отъ которыхъ терпятъ эти племена, религіи и сословія. Вотъ это то революціонное стремленіе готовы принимать въ Москвѣ и Петербургѣ за платоническое стремленіе удостоиться чести принадлежать къ числу вѣрноподданныхъ бѣлаго царя, а расширеніе предѣловъ владѣній этого царя на почвѣ этого революціоннаго стремленія народовъ, подчиненныхъ прежнему государству польскому, и теперешнимъ турецкому и австро-венгерско-польскому (въ Австро-Венгріи въ дѣйствительности существуетъ не дуализмъ, а тріализмъ, такъ какъ въ Галичинѣ привилегированный государственный элементъ — польскій, который

такъ же самъ гнететъ элементъ малорусскій, какъ и до раздѣла Польши), принимается въ западной Европѣ и Россіи за результатъ воинственной, или мудрой политики московскихъ и петербургскихъ царей, императоровъ, воеводъ, генераловъ и дипломатовъ. Отсюда всѣ недоразумѣнія.

Разрушать Турцію, т. е. отгонять ее отъ сѣверныхъ береговъ Чернаго моря, которые передъ взятіемъ турками Константинополя были уже колонизованы малорусскимъ племенемъ между Днѣстромъ и Днѣпромъ и черезъ которые Турція, захвативъ ихъ въ концѣ XV вѣка, стала получать рабовъ, галерниковъ и янычаръ изъ плѣнныхъ русскихъ племенъ, раздѣлять Польшу, т. е. отнимать у нея не-польскія земли, начали въ XVI—XVII в. совсѣмъ не московскіе цари, а казаки, преимущественно казаки малорусскіе, элементъ не государственный, а народный и при томъ революціонный. Эти казаки присоединились къ Московскому царству вовсе не изъ платонической любви къ нему, а думая, что съ его помощью скорѣе достигнутъ цѣли своей революціи и освободятъ свои земли отъ польскихъ ксендзовъ, пановъ и чиновниковъ, а равно и отъ турецкихъ пашей и татарскихъ охотниковъ на человѣческій товаръ. Но московскіе цари, бояре и воеводы, — второе болѣе азіатское изданіе польскихъ пановъ и старостъ, — а потомъ петербургскіе императоры и чиновники, — болѣе европейское изданіе турецкихъ султановъ и пашей, — естественно не могли содѣйствовать этимъ революціоннымъ стремленіямъ, противорѣчившимъ тѣмъ началамъ, на которыхъ стояло ихъ царство, а потому только мѣшали скорѣйшему исполненію національно-революціонной задачи украинскихъ казаковъ и крестьянъ.

Первое дѣло, за которое взялись московскіе бояре и воеводы послѣ присоединенія Малороссіи къ московскому государству въ 1654 г., еще во время совмѣстной войны ихъ съ украинскими казаками противъ Польши, — войны, которой казаки рѣшили не кончать, пока всѣ малоруссы подъ Люблинъ и Львовъ и всѣ бѣлоруссы подъ Вильну не будутъ освобождены отъ польскаго государства, — было противодѣйствіе

распространенію казачества въ Бѣлоруссіи, результатомъ чего было продолженіе польскаго господства въ этой землѣ не только до раздѣла Польши въ 1772 г., но и до сихъ поръ. Второе подобное же дѣло было предоставленіе Андрусовскимъ договоромъ 1667 года Полыпѣ Украйны на правомъ берегу Днѣпра, результатомъ чего въ связи съ опасеніемъ московскаго государства допустить политическую автономію и соціальную волю казаковъ и мужиковъ въ Малороссіи, были тридцатилѣтнія смуты въ этой странѣ, во время которыхъ значительная часть ея досталась туркамъ.

Но Московское царство не только парализовало силы своихъ западныхъ союзниковъ, а еще своею системою подъѣдало силы своего собственнаго населенія и ослабляло собственную способность даже къ внѣшнимъ войнамъ, не говоря уже о внутреннемъ развитіи, необходимомъ для преодолѣнія культурнаго вліянія соперниковъ. Наша осужденная на полуслова и добровольно лакейская печать въ Петербургѣ и Москвѣ въ послѣднее время не разъ вспоминала, какъ начало восточнаго вопроса для Россіи (лучше-бъ сказать для московской Руси) — азовское дѣло 1641 г., когда донскіе казаки съ помощью запорожцевъ взяли у турокъ Азовъ, одинъ изъ рынковъ торга русскими рабами, и предложили московскому царю Михаилу принять его въ свои владѣнія, результатомъ чего должна была быть война съ Турціей. Но печать эта забыла привести отзывъ тогдашнихъ представителей великорусскихъ же „украинскихъ“ людей и городовъ на земскомъ соборѣ: „разорены мы пуще (чѣмъ отъ) турецкихъ и крымскихъ бусурманъ московскою волокитою отъ неправдъ и не праведныхъ судовъ.“

Вотъ этотъ то страхъ деспотическаго и крѣпостническаго государства передъ всякимъ свободнымъ движеніемъ и эта то московская волокита и была причиною, почему раздѣлъ Польши состоялся не при Богданѣ Хмельницкомъ въ половинѣ XVII в., а затянулся до конца XVIII в. да еще совершился подъ управленіемъ „мудрой“ петербургской дипломатіи такъ, что славянскіе Данцигъ, Познанъ, Краковъ, самая Варшава, достались нѣмцамъ, русская Галичина нѣм-

цамъ же, подъ которыми ею правятъ поляки, а русскій народъ въ Бѣлоруссіи и правобочной Украинѣ остался подъ властію польскихъ пановъ, укрѣпленной грамотою о правахъ дворянъ Россійской Имперіи и войскомъ, способнымъ лучше охранять панство, чѣмъ польскіе жолнеры и шляхетская милиція.

Подобную же услугу оказали московскіе и петербургскіе султаны и паши и Турціи. У насъ очень хвалятъ мудрость и энергію Петра Великаго, взявшаго у Турокъ Азовъ. Но при этомъ забываютъ, что Азовъ этотъ взятъ былъ послѣ приступа, начатаго самовольно казаками донскими и запорожскими и потомъ потерянъ во время прутскаго похода. А походъ этотъ не удался между прочимъ потому, что Петръ своею „мудрою политикою“ въ духѣ московскихъ „собирателей земли русской“, знавшихъ одинъ только способъ собиранія — опустошеніе русскихъ земель (Рязани, Новгорода, Вятки, Пскова) хотя бы съ помощію татаръ и на корысть нѣмцамъ и шведамъ (на Псковско-Новгородской „окраинѣ“) истребилъ и заставилъ выселиться въ Турцію тотъ именно элементъ, который былъ наиболѣе приспособленъ къ войнѣ съ турками, — казаковъ: донскихъ (Булавинцевъ и Некрасовцевъ), принимавшихъ бѣглецовъ отъ его жестокостей и тяготъ, потомъ запорожскихъ, принимавшихъ бѣглыхъ донцовъ.[1] Казенная исторія Россіи, — а наше общество не имѣетъ другой, — учитъ насъ восхищаться тѣмъ, какъ Минихъ, Ласси, Румянцевъ, Потемкинъ, Суворовъ на службѣ у „мудрыхъ“ петербургскихъ императрицъ всякаго происхожденія „пріобрѣтали“ отъ Турціи Новороссію и приближали Россію къ Константинополю. Только казенная исторія забываетъ напомнить, что „орлы“ этихъ императрицъ отбирали у татаръ и турокъ большею частію только то, что было уже въ рукахъ украинскихъ козаковъ въ

[1] Петръ приказалъ Долгорукому взять Черкасскъ, а городки, лежащіе по Дону, Медвѣдицѣ, Хопру, Бузулуку и Иловлѣ сжечь и разорять до основанія, людей рубить, а заводчиковъ сажать на колъ и колесовать, ибо сія сарынь ничѣмъ, кромѣ жестокости, не можетъ быть унята. Не мѣшаетъ припомнить это теперь, когда наши войска встрѣчаютъ въ Добруджѣ потомковъ недорѣзковъ „Великаго Преобразователя Россіи“ и когда „второй Преобразователь ея“ повторяетъ прутскій походъ, истощивъ силы Россіи политикою, въ которой матеріальное и нравственное опустошеніе „собираемыхъ окраинъ“ играетъ весьма видную роль.

половинѣ XVII вѣка и что было потеряно, благодаря „мудрости“ московскихъ и петербургскихъ собирателей, послѣ Андрусовскаго мира и послѣ разоренія Сѣчи Запорожской при Мазепѣ.

Такимъ образомъ въ XVII—XVIII вѣкахъ и относительно Польши, и относительно Турціи войны государственныя и дипломатическія затянули на 100 лѣтъ слишкомъ то дѣло, которое начали и почти кончили самопочиномъ и революціей вольные русскіе люди, казаки и мужики. И когда наконецъ дѣло это было покончено съ большими грѣхами пополамъ, единственно потому, что и Польша и Турція были ужъ слишкомъ противоестественными политическими тѣлами, догадливые люди въ Европѣ и въ Россіи рѣшили: 1. что Московско-петербургское царство геніально-воинственно (обширность пріобрѣтеній) и 2. чрезвычайно хитро (медленность и трудность ихъ хода, самимъ этимъ царствомъ созданныя). Прошло нѣсколько времени, и болтуны петербургскаго полулиберализма и московской полудемократіи прибавили еще и 3. что царство это ужасно либерально и демократично въ своей внѣшней политикѣ и притомъ еще и 4. ужасно безкорыстно и миролюбиво!!! „Музыка, тай годі!“ какъ говоритъ Шевченко.

Дѣйствительно въ XIX вѣкѣ по Западной и Юго-западной границѣ Россійская Имперія оказывается гораздо „безкорыстнѣе и миролюбивѣе“, чѣмъ въ XVIII в. Дѣло въ томъ, что послѣ отнятія у Турціи сѣвернаго берега Чернаго (Русскаго) Моря и приближенія къ Днѣстру и Дунаю на югозападѣ и Нѣману на сѣверозападѣ, имперія эта натолкнулась на нѣсколько иныя варьяціи тѣхъ отношеній, которыя она встрѣчала до сихъ поръ, расширяясь на западъ. До конца XVIII в., до Нѣмана и Днѣстра, московское государство встрѣчало племена, хоть и отличныя, но болѣе родственныя себѣ и при этомъ единовѣрныя: то были малоруссы и бѣлоруссы, племена особыя, но всетаки и православныя и руссы. Дальше пошли католики: литвины, поляки, — православные, но не славяне: румыны, греки, или если и славяне, то уже рѣзко отличные отъ москвичей: болгаре и сербы, уже

никакимъ родомъ не руссы. Значитъ тутъ внѣшнее расширеніе государства требовало еще болѣе внутренней свободы строя государственнаго, еще болѣе революціонныхъ пріемовъ, на которые не могла пойти дворянско-поповская деспотія. А тутъ какъ разъ послѣ „временъ Очаковскихъ и покоренья Крыма“ грянулъ революціонный громъ на всю Западную Европу и сталъ слышенъ и на востокѣ, создались уже сознательныя ученія о политической свободѣ и соціальномъ равенствѣ, объ автономіи національностей. Эти ученія зацѣпили и Россію, какова она была, съ ея разнообразіемъ покоренныхъ племенъ, зацѣпили и тѣ племена, которыя Россіи приходилось „освобождать“ отъ ига турокъ, а потомъ прибавилось, — и отъ мадьяръ и нѣмцевъ. Какъ тутъ быть крѣпостническому царству?!

Пріобрѣсть лишнюю провинцію пріятно, возсѣсть, или посадить родственника на тронѣ Константина — лестно! Но что какъ пріобрѣтешь не для себя, а для „превратныхъ началъ народной свободы“, которыя поколеблютъ и внутренній деспотизмъ въ Россіи?!

Вотъ, откуда происходитъ то миролюбіе, безкорыстіе и т. п., добродѣтели русскаго правительства въ XIX в., съ которыми недогадливые люди не знаютъ, какъ быть: хвалиться или порицать. Правду сказавши, нужно быть очень уже недогадливымъ, чтобъ въ виду колебаній и просто глупостей петербургскихъ политиковъ съ конца XVIII вѣка: въ 1821—29, въ 1830—40-е годы (экспедиціи для спасенія Турціи отъ „революціи“ египетскаго паши), въ 1848 г., въ 1875—77 г. еще думать: что, молъ, „начальство имѣетъ тонкіе виды, все на усъ мотаетъ“.

Въ послѣдніе 1½ года, со времени начала герцеговинскаго возстанія, петербургское правительство вело себя до того уже „тонко“, что наконецъ самые недогадливые люди стали раскусывать, въ чемъ дѣло. Въ самомъ дѣлѣ, ну, какой тутъ тонкостью объяснишь себѣ хоть то, что война объявлена не весною 1876 г., когда были цѣлы болгары и сербы, а въ 1877 году? Не были готовы??! — Такъ и Турція не была готова! Сербы и болгары слабые союзники?! Такъ, вѣдь,

всетаки союзники! А наконецъ теперь въ иныхъ мѣстахъ, напр., въ Герцеговинѣ, собственно и освобождать некого: всѣ перебиты, или выселились и мрутъ въ Австріи! Да и въ Болгаріи болѣе энергическіе люди перерѣзаны еще въ прошломъ году. Или быть можетъ это-то истребленіе среди южныхъ славянъ всего, что могло на будущее время стать независимымъ и входило въ тонкіе виды петербургско-московскихъ политиковъ? Тогда другое дѣло, но не мѣшаетъ знать, что и въ этомъ послѣднемъ случаѣ не выигрываетъ славянское собираніе даже на московскій ладъ, такъ какъ на опустошенныя и лишенныя наиболѣе самостоятельныхъ элементовъ южно-славянскія земли есть охотники и кромѣ московско-петербургскихъ собирателей: австро-мадьярское государство. И значитъ, послѣднее оказывается тоньше нашихъ политиковъ. А вся то тонкость этихъ политиковъ и весь расчетъ нѣмецко-мадьярскихъ — объясняется весьма простымъ закономъ, что деспотія не можетъ быть освободительницей, а особенно искренней и энергической.

О томъ, что Россія была совершенно азіатской деспотіей и съ конца XVIII в., въ послѣдніе годы правленія Екатерины II, при Павлѣ I, въ аракчеевскую эпоху правленія Александра I, во все время правленія Николая I, нечего и говорить. Даже наши лакействующіе публицисты и ораторы съ удовольствіемъ цитируютъ слова Хомякова о Николаевской Россіи: „въ судахъ черна неправдой черной и всякой мерзости полна“. Но, вѣдь, и для этихъ публицистовъ и ораторовъ не тайна, что если и было когда-либо въ Россіи въ послѣдніе 20 лѣтъ правленіе „царя освободителя“, то послѣ 1866 г. оно рѣшительно замѣнилось правленіемъ „международной жандармеріи“, которая не можетъ не бояться „за русскій выступить предѣлъ“, на освобожденіе братскихъ народовъ, ибо прекрасно чувствуетъ тамъ начало предѣла и своему существованію.

Политическое рабство „отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды“, подавленіе „мысли отъ молдаванина и до фина“, истощеніе народа поборами,

стѣсненіе народнаго просвѣщенія всякаго рода чиновническими прицѣпками, религіозная нетерпимость, бросаніе въ казематы тысячъ молодежи, которая не осталась глуха къ народной нуждѣ, вотъ что представляетъ политическая Россія, особенно съ 1866 года, когда правительство откровенно отказалось даже отъ того черепашьяго прогресса, которымъ плелось прежде, и испортило само даже имъ самимъ дарованныя полуреформы: крестьянскую, земскую, судебную, цензурную. Куда жъ тутъ освобождать другихъ?! Какъ же тутъ не провести, не напугать всякимъ Андраши, Биконсфильдамъ нашихъ Высочайшихъ кадетовъ-освободителей въ отставкѣ и нашихъ полуобразованныхъ министровъ, между которыми только и есть два дѣйствительно умныхъ человѣка (да и то одинъ — спеціалистъ, а другой — дряхлый старикъ) и нѣтъ ни одного политически воспитаннаго, т. е. свободнаго человѣка!

Ну, и провели же насъ друзья союзники! а если мы сами такъ ловко провели себя, то еще лучше!!

Чтобъ показать несочувствіе революціоннымъ стремленіямъ, русское правительство не только дало перебить своихъ естественныхъ союзниковъ, болгаръ и сербовъ, въ 1875—76 г., но даже, начавъ войну въ 1877 году, не пожелало, по той же причинѣ, помощи Сербіи и лишило себя лишней и болѣе легкой дороги черезъ Балканы, что даже по оцѣнкѣ московскихъ газетъ равно пожертвованію 50 000 человѣкъ русскихъ солдатъ (слушайте! слушайте, русскія матери и жены)!... Кромѣ того, этою мудростію наше правительство „освободило“ виддинско-софійскую армію Османа Паши и даже герцеговинскую армію Сулеймана Паши отъ необходимости дѣйствовать на западѣ и дало имъ возможность побить русскихъ подъ Плевною и Эни-Загрою, и въ довершеніе всего поставило весь исходъ побѣдъ русскихъ, если бы они и были, въ зависимость отъ Австріи, передъ которою является обезлюденнымъ и обезоруженнымъ весь сербскій сѣверо-западъ балканскаго полуострова!

Вообще отношенія нашего правительства къ Австріи послѣ всего того, что случилось въ часы меттерни-

ховскіе, послѣ 1848 года и въ послѣднюю восточную войну, показываютъ или самодурство и легкомысліе одной личности, доходящее до измѣны, или невѣжество самое элементарное. Достаточно взглянуть на карту и вспомнить событія 1855 г., чтобы понять, что Австрія можетъ движеніемъ въ Валахію заградить дорогу изъ Россіи къ Балканамъ и, слѣдовательно, отнять у насъ плоды самыхъ блестящихъ побѣдъ надъ турками, если не будетъ остановлена внутреннимъ движеніемъ славянъ. Если бы еще кто-нибудь сомнѣвался въ томъ, что на балканскомъ полуостровѣ Россіи трудно вести войну только какъ войну, а не войну, изъ-за ясно поставленныхъ принциповъ свободы національной, политической и соціальной, т. е. войну именно революціонную, то достаточно было бы немного вниманія къ той роли, какую можетъ сыграть, и играетъ въ теченіе всего XIX в. Австрія въ восточномъ вопросѣ, чтобы понять это. Если бы наше правительство внутренней своей политикой за послѣдніе десять-двадцать лѣтъ показало ясно, что оно опирается на политическую и національную свободу, понимаетъ хоть сколько-нибудь интересы массъ народныхъ, хоть въ видахъ собственныхъ выгодъ, и затѣмъ, вступая въ войну съ Турціей, издало не такой ничтожный манифестъ, въ которомъ обѣщается какое то улучшеніе турецкой администраціи, а вступая въ Болгарію вмѣсто какого-то неяснаго бормотанія, прямо заявило, что оно намѣрено предоставить народамъ балканскимъ распорядиться всею своею землею и судьбою по ихъ волѣ, тогда бы нечего было ему унижаться передъ Австріей и Пруссіей. Тогда бы всѣ славянскіе народы, не исключая и поляковъ, энергически были бы на сторонѣ Россіи, тогда бы народныя массы на балканскомъ полуостровѣ знали бы, что они получатъ, присоединяясь къ русскимъ войскамъ, а въ самой Австріи и въ славянскихъ земляхъ Германіи эти массы были бы до глубины взволнованы надеждами на Россію и тогда бы дѣйствительно можно было бы разсчитывать на то, что сила народнаго славянскаго элемента удержитъ мадьярскую аристократію и нѣмецкую буржуазію отъ по-

мощи туркамъ. Но русское правительство послѣ того всего, что оно надѣлало внутри страны по политическимъ, національнымъ и соціальнымъ вопросамъ, не могло выступить съ такою ясною народно-славянской программой, и предпочло прямо и косвенно придавить самое энергическое изъ западно-славянскихъ племенъ; сербовъ, чтобъ только не возбудить именно славянскаго духа и тѣмъ не раздражить Австрію, которая все равно никакими уступками не удовольствуется и ни къ какой благодарности не расположится! И вотъ теперь исходъ войны зависитъ отъ милости этой самой противуславянской Австріи, а ея нейтралитетъ отъ милости Пруссіи, которая сама давитъ своихъ славянъ и которая мало расположена и къ лиризму, и къ благодарности и во главѣ которой стоятъ слишкомъ реальные люди, чтобъ ихъ могли растрогать вещественные знаки невещественныхъ отношеній, вышитые благонравными московскими дамами и дѣвицами.

Таковы, созданныя мудростью нашего правительства, внѣшнія условія теперешней войны, не говоря уже о томъ, что всякому образованному европейцу нужно имѣть по истинѣ слишкомъ большой умъ и дальновидность, чтобъ сочувствовать движенію русскихъ на Константинополь, вѣруя въ естественный прогрессъ, который-де можетъ превратить въ свободное политическое тѣло скорѣе султанство петербургское, чѣмъ стамбульское.

Что же до внутреннихъ условій, то вѣдь это старая истина, что всякая деспотія поѣдаетъ силы страны, отъ которыхъ требуется особенное напряженіе въ военное время.

Всѣ мы, люди среднихъ лѣтъ, помнимъ еще время, когда лучшіе русскіе люди, измученные разрушительною системою николаевскаго царствованія, готовы были довольствоваться малымъ, самымъ умѣреннымъ, но лишь бы твердымъ прогрессомъ, и самымъ искреннимъ способомъ предлагали свои услуги государству, отъ котораго ждали такого прогресса. Помнимъ мы, какъ и такіе люди, какъ Герценъ, выражали надежды на главу нашего государства и скромнѣй-

шія пожеланія отъ реформаторской дѣятельности правительства. Съ извѣстной точки зрѣнія, можетъ быть, оно и лучше, что правительство наше разбило эти надежды и не исполнило самыхъ скромныхъ желаній: оно поставило, такимъ образомъ, на чистоту многіе политическіе и соціальные вопросы и ихъ рѣшеніе въ будущемъ. Но для настоящаго момента, когда на сценѣ дѣйствія остается одно правительство и когда населеніе, хочешь — не хочешь, а должно нести послѣдствія двадцатилѣтней безтолочи, которую рабы добровольные и невольные зовутъ „эрой реформъ“ въ Россіи, послѣдствія эти ужасны. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что, еслибы освобожденіе крестьянъ было совершено хоть чуточку ближе къ тѣмъ надеждамъ, которые высказывались лучшими людьми въ концѣ 50-хъ и 60-хъ гг., если бы крестьяне получили земли и больше, и лучше, и дешевле, если бы выкупъ земель крестьянскихъ былъ сопровождаемъ податной реформой и вообще реформой налоговъ, которая бы устранила гнетъ водочнаго налога, соляного, подушнаго, если бы всѣ министерства народнаго просвѣщенія до послѣдняго не провели время только въ колебаніяхъ и примѣриваніи системъ народныхъ школъ, а послѣднее въ парализаціи всего того, что прежде было сдѣлано и земствомъ, и самимъ правительствомъ, если бы все, что дѣлалось въ Россіи во время такъ называемаго десятилѣтія реформъ, совершалось подъ контролемъ хоть сколько-нибудь свободной печати, то и финансовая сила государства была бы теперь совсѣмъ другая. Другая была бы и финансовая, и нравственная сила его и тогда, если бы послѣднее десятилѣтіе не было употреблено на порчу всѣхъ и тѣхъ скудныхъ реформъ, какія „дарованы были прежде“. Мы не принадлежимъ къ числу тѣхъ, кто считаетъ просвѣщенную бюрократію за идеалъ общественной жизни, но не можемъ не указать еще на одну особенность политической жизни Россіи въ послѣднее двадцатилѣтіе. „Прогрессивное“ привительство царя-освободителя являло во всѣ эти двадцать лѣтъ въ своемъ родѣ единственное явленіе въ исторіи: истребленія и удаленія отъ дѣлъ именно

тѣхъ людей, которые наиболѣе искренно встрѣтили сначала самыя робкія намѣренія правительства покончить съ системой Николая I. Если политическая мудрость состоитъ въ томъ, чтобы истреблять людей своей партіи и поручать исполненіе своихъ „предначертаній“ врагамъ ихъ, то, безспорно, мы обладали за послѣдніе двадцать лѣтъ мудрѣйшимъ правительствомъ! Только это ужъ что-то очень мудреная мудрость, такая же мудреная, какъ мудрено освобождать славянъ балканскихъ въ союзѣ съ тѣми, кто давитъ славянъ пріэльбскихъ, придунайскихъ, и самимъ давить славянъ привислянскихъ и придиѣпровскихъ!

Опять-таки не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что если бы наше правительство послѣ польскаго возстанія удержалось хоть на той программѣ, которую оно возвѣщало торжественно въ 1863—64 гг., а именно на подавленіи аристократическаго и ультрамонтанскаго меньшинства въ Польшѣ безъ посягательствъ на польскую народность, если бы оно не взялось за нелѣпую уже по самой неисполнимости своей систему обрусенія Польши, такъ же нелѣпую, какъ совершенно достойная глуповскаго градоначальника выдумка называть цѣльный, чувствующій свою жизненность край Привислянскимъ, то и положеніе русскаго правительства въ Польшѣ и во всемъ славянскомъ да и европейскомъ мірѣ было бы совсѣмъ не такое, какъ теперь.[1]

[1] Мы не разъ разбирали политику нашего правительства относительно поляковъ въ подробностяхъ (напр., въ статьяхъ „Восточная политика Германіи и Обрусеніе“ въ „Вѣстникѣ Европы“ 1872 г., „Евреи и поляки въ Юго-Западномъ Краѣ“ тамъ же въ 1874 г.. „По вопросу о малорусской литературѣ“ Вѣна 1876 г.). Иногда намъ возражали защитники правительства, напримѣръ, ректоръ варшавскаго университета, теперь оренбургскій попечитель, профессоръ-славянофилъ г П. Лавровскій, въ Журн. Минист. Нар. Просв. въ 1873 г., что никто не думаетъ обрусить Польшу, а желаютъ только ее объединить съ Россіей. Это называется: „не вмеръ Данило, — болячка задавыла“. Подчиненіе Польши петербургскимъ чиновникамъ, раздача имъ майоратовъ на польской землѣ, введеніе русскаго языка вмѣсто роднаго полякамъ въ университетъ, гимназіи, въ судъ и въ значительной степени даже въ низшія школы, — что же это такое, какъ не посягательство на польскую народность? Любопытно, что въ послѣднее время нѣкоторые петербургскіе публицисты и профессора, въ томъ числѣ въ особенности даже господа, принимавшіе въ 1869 г. участіе въ коммиссіи, строго судившей студентовъ, требовавшихъ себѣ того, что имѣютъ студенты во всѣхъ европейскихъ университетахъ: корпоративныхъ собраній, читаленъ, кассъ и т. п., начали фразировать на тему примиренія съ поляками на почвѣ славянства, но не рискнули указать ни одной практической уступки польской народности, уступки не только политической, въ родѣ автономіи чисто польскихъ земель, но даже культурной, въ родѣ, напримѣръ, возвращенія польскому языку по праву принадлежащихъ ему судовъ и школъ. И еще эти го-

То же самое слѣдуетъ сказать и относительно Кавказа, въ которомъ безспорно относительно горцевъ-магометанъ сдѣлано было нашимъ православно-самодержавнымъ правительствомъ множество притѣсненій, совсѣмъ неоправдываемыхъ даже съ государственной точки зрѣнія. Прочтите, напримѣръ, въ книгѣ Канитца о Болгаріи главу о „Кавказѣ подъ балканами“ и вы увидите, что это русское правительство облагодѣтельствовало братьевъ-болгаръ переселенными черкесами, при этомъ нисколько не укрѣпивъ своего положенія на Кавказѣ и осудивъ русское общество быть отвѣтственнымъ за безчеловѣчія вытѣсненія цѣлыхъ племенъ съ ихъ родины, — и куда жь? напримѣръ, въ подполярныя Олонецкую или Пермскую губерніи! Еще бы послѣ этого кавказцы оставались „мирными“ въ виду турецкаго войска!

Если бы, такимъ образомъ, само наше правительство не испортило своего положенія и въ Польшѣ, и на Кавказѣ, и всюду въ Россіи, тогда бы, конечно, на Дунай и въ Арменію можно было отправить гораздо большія силы, чѣмъ теперь, когда приходится опасаться внутреннихъ возстаній и бороться съ ними на Кавказѣ въ тылу арміи, двинувшейся въ Арменію.

Теперь же, послѣ всѣхъ „мудростей“ во внѣшней и внутренней политикѣ, наше правительство довело Россію до положенія, хуже котораго невозможно, до униженія, подобнаго которому давно не видѣла исторія: на двухъ театрахъ войны побита величайшая по числу жителей изъ европейскихъ державъ государствомъ-банкротомъ и имѣющимъ втрое меньшее число жителей, подлежащихъ военной повинности. (Въ Россіи такого населенія около 75000000, а въ Турціи со всѣми вассальными землями въ Азіи и Африкѣ всего 42000000 жителей, въ коихъ поставляющихъ войско нѣтъ и 25000000). Стыда этого не спрячешь и дальнѣйшими побѣдами,

---

спода смѣютъ называть себя славянофилами, людьми независимыхъ мнѣній, смѣютъ, что называется „лѣзть въ калашный рядъ“, подавая голосъ передъ учеными и политическими людьми европейскими! Установите, господа, хоть крохотную политическую и національную свободу въ вашемъ государствѣ, да тогда и говорите о такихъ матеріяхъ, какъ „примиреніе“, „славянство“ и т. п.! А не берегись за это, такъ достойнѣе будетъ молчать! Вѣдь неполноправные не могутъ же заключать какихъ бы то ни было договоровъ и обязательствъ!

даже если бы они и были, такъ какъ втрое сильнѣйшее государство должно же, наконецъ, побѣдить слабѣйшее въ войнѣ одинъ на одинъ. Подобнаго стыда не переживала Россія и при Николаѣ I, когда она была побита всетаки европейскимъ союзомъ державъ великихъ и болѣе ея цивилизованныхъ, а не одною „варварскою“ и „больною“ Турціею. Вотъ ясное доказательство, что въ политическомъ отношеніи лучше совсѣмъ не начинать реформъ, чѣмъ вести ихъ безъ системы, не оканчивать и портить и, наконецъ, остановиться, и что во всѣхъ отношеніяхъ лучше совсѣмъ не начинать войнъ, особенно такъ называемыхъ освободительныхъ, чѣмъ не знать, зачѣмъ ихъ ведешь, и даже не знать, хочешь ли воевать, или нѣтъ, а особенно не знать, что собственно такое освобожденіе. Ужъ хуже такого образа дѣйствій совсѣмъ ничего и не выдумаешь!

II.

МЕНЬШЕ НЕЛЬЗЯ.

Такихъ — если бы, — какъ написанныя выше, мы могли бы насчитать безъ конца. Эти — если бы — тѣмъ поучительнѣе, что о всѣхъ и каждомъ изъ нихъ можно сказать смѣло, что они вовсе не радикальны, совсѣмъ не трудны для исполненія и были напередъ предсказаны весьма значительнымъ количествомъ здравомыслящихъ людей, которыхъ господствующая въ Россіи система перебила, перекалѣчила, отбила отъ дѣлъ на вредъ не только народамъ и обществамъ, но и государству, и даже самому войску. Все то, что нужно было сдѣлать по этимъ — если бы — это было такое, меньше чего нельзя было потребовать мало-мальски образованному обществу и меньше чего нельзя было сдѣлать всякому сколько-нибудь умному правительству.

Но наше реформирующее правительство 20 лѣтъ билось изъ-за того, какъ бы сдѣлать реформу поменьше, побольше отвѣчающею „предначертаніямъ родителя нашего“, и добившись, наконецъ, до того,

что положеніе Россіи дѣйствительно подошло къ положенію ея передъ севастопольской войной, вдругъ идетъ опять на Дунай не то за вѣру, не то за свободу братьевъ! Но неловкость положенія заставляетъ, если не само правительство (оно пошло назадъ по части предупредительности къ обществу и удостаиваетъ послѣднее объясненіями гораздо меньше, чѣмъ даже въ 1863 г. во время польскаго дѣла, и въ 1867 г. во время кандійскаго), то его лакеевъ-добровольцевъ въ столичныхъ газетахъ увѣрять, что, молъ, Россія теперь не та! Теперь-де воюетъ Россія свободная!

Къ стыду столичныхъ ораторовъ и писателей, даже болѣе порядочные изъ нихъ, забывъ то, что сами же писали о безсистемности и непрочности „десятилѣтія реформъ“, пустились доказывать то же самое вслѣдъ за вольными и служащими лакеями петербургскаго правительства. Мы не говоримъ уже о такъ называемыхъ славянофилахъ, которые почему-то считаются у насъ людьми независимыми и славянофилами, между тѣмъ, какъ они ни то, ни другое, какъ это доказываютъ, между прочимъ, и рѣчи г. Аксакова въ московскомъ комитетѣ. У этого независимаго банкира-оратора достало независимости только на туманныя выходки противъ какого-то Петербурга, но оказалось въ запасѣ столько холопства, чтобъ сейчасъ же ударить поклонъ передъ мудростію правительства — какого?! Тимашева, Толстого, Шувалова, Валуева и пр., и пр., которые, кажется, достаточно проучили и самого оратора!! У этого „славянофила“ не оказалось ни слова въ запасѣ не только противъ обрусенія Польши, противъ запрещенія украинской литературы, но даже противъ преданія сербовъ Австріи, но зато оказалось столько дьячковства, чтобъ въ письмѣ къ Ригеру свести все славянское дѣло на вопросъ православія, и столько московскаго подъячества, чтобъ кинуть камнемъ въ либеральныя стремленія „молодой Болгаріи“, смиреннѣйшей изъ всѣхъ „молодыхъ“ партій въ славянствѣ. Отъ этихъ прокуренныхъ ладаномъ и привыкшихъ къ челобитьямъ ревнителей славянства, которые передѣлали прежнюю формулу Николая Павловича „православіе, самодержавіе и народ-

ность“ въ нѣчто еще худшее: „православіе, самодержавіе и обрусеніе“ и захватили себѣ монополію панславизма въ Россіи, только благодаря отсутствію въ ней свободы слова и недальновидности петербургскихъ либераловъ и ихъ полному уже невѣжеству въ славянскихъ дѣлахъ, — и ждать нечего!

Но даже эти самые петербургскіе либералы устами одного журнала похвалили мудрость правительства, которое не поддалось нетерпѣливымъ крикамъ прошлаго года (въ томъ числѣ, напомнимъ мы, и вашимъ статьямъ: „Воевать, или не воевать?“ и „На всемірную свѣчу“), и устами другого повторили нелѣпость, что теперь не та Россія, что въ севастопольскую войну! Какъ же не та?! Во время войны важна именно политическая сторона строя страны, а въ политическомъ отношеніи Россія совершенно не измѣнилась за послѣдніе двадцать лѣтъ.

Указываютъ на новый судъ. Но, оставивъ все прочее, развѣ этотъ судъ имѣетъ право судить взяточниковъ, ворующихъ интендантовъ и т. п., развѣ по прежнему отдача чиновниковъ подъ судъ, даже принятіе въ какое-нибудь вниманіе жалобы на нихъ, не зависитъ исключительно отъ ихъ высшаго начальства, а, слѣдовательно, развѣ въ чемъ-нибудь измѣнили уставы 20-го ноября 1864 г. то положеніе дѣлъ, которое изображено въ баснѣ Крылова „Крестьяне и рѣка“? Да что ужъ и говорить о правѣ гражданъ преслѣдовать судомъ нарушающихъ ихъ интересы чиновниковъ, когда въ мартѣ прошлаго года министръ юстиціи Паленъ вмѣстѣ съ восхваляемымъ петербургскими газетами начальникомъ департамента, г. Кони, разослали циркуляръ прокурорамъ, чтобы эти не торопились преслѣдовать судомъ ворующихъ банковыхъ чиновниковъ, между тѣмъ, какъ другимъ циркуляромъ министра въ іюнѣ того же года тѣмъ же прокурорамъ предписывается воздерживаться отъ преслѣдованій лѣсныхъ сторожей, стрѣляющихъ по мужикамъ-„лѣсокрадамъ“. Какихъ же еще нужно доказательствъ, что нашъ пресловутый „судъ равный для всѣхъ“ не составляетъ ровно никакой гарантіи ни „собственности“, ни даже „жизни“ для населенія

отъ чиновниковъ не только правительственныхъ, но и капиталистическихъ, чего, впрочемъ, и не можетъ быть безъ того, чтобъ самъ судъ этотъ былъ гарантированъ политической свободой.

Указываютъ далѣе, какъ на новость, на всесословное земство! Но, во-первыхъ, какъ нарочно въ западныхъ губерніяхъ, пограничныхъ и ближайшихъ къ войнѣ и потому такихъ, на населеніе которыхъ всего тяжелѣе падаетъ постой и передвиженіе войскъ, ополченіе и т. п., какъ нарочно нѣтъ и тѣхъ скромныхъ и обрѣзанныхъ земскихъ учрежденій, съ которыми недавно носились наши либералы, какъ съ шагомъ къ представительному правленію. Это отсутствіе провинціальныхъ земствъ въ цѣлой трети Европейской Россіи не только составляетъ одинъ изъ главныхъ тормозовъ къ созванію всероссійскаго земства, но и совершенно отдаетъ всѣ хозяйственныя дѣла областей этихъ въ руки совсѣмъ уже „дореформенныхъ“ чиновниковъ, сохраняя при томъ, къ явной невыгодѣ массъ народа, сословность налоговъ и повинностей, столь тяжелыхъ во время войны. Какъ ни пріучены мы нашей столичной печатью не удивляться ея невѣдѣнію и трусости, но признаемся, на этотъ разъ отсутствіе и намека въ ней на то, что не худо бы ввести, наконецъ, столь любимыя ею земскія учрежденія въ западныя губерніи и въ Польшу болѣе, чѣмъ удивительно.

Но этого мало! Хвалятся нашими земскими учрежденіями, которыхъ-де не было передъ Севастопольской войной! Но развѣ уѣздныя и губернскія земства могутъ выказать какое-нибудь отношеніе къ войнѣ, началу ея и ходу, кромѣ подачи хвалебнаго адреса? Развѣ есть у насъ хоть подобіе всероссійскаго земства, на которое одно только и можно бы было указать, какъ на что-то новое въ политическомъ отношеніи? И развѣ въ чемъ бы то ни было терпится въ Россіи контроль общественнаго мнѣнія даже въ печати, даже относительно второстепенныхъ агентовъ правительства, даже отъявленныхъ злоупотребленій? Давно ли печати запрещено было жаловаться на Струсберговъ и воровства банковыхъ чиновниковъ? Развѣ не при-

хлопнуло правительство даже оффиціозный „Голосъ“ за смиреннѣйшую статью скромнѣйшаго изъ либераловъ г. Маркова, который осмѣлился выставить нѣсколько примѣровъ злоупотребленій и небрежности чиновниковъ во время мобилизаціи арміи? Развѣ, словомъ, Россія въ политическомъ отношеніи представляетъ что-нибудь другое, кромѣ формулъ, влагаемыхъ сатирикомъ въ уста восточныхъ знатныхъ иностранцевъ: „народъ нѣтъ, помпадуръ есть, — политикъ жаме, ура тужуръ!“

И если на это даже не намекнули въ рѣшительный моментъ наши столичные вожаки общественнаго мнѣнія изъ славянофиловъ и западниковъ, то это показываетъ только то, насколько и они упали въ послѣднее время и насколько это общественное мнѣніе, которое не можетъ же не быть въ Россіи, и въ провинціяхъ, и въ столицахъ, осталось теперь безъ выразителей.

Столичная политическая печать оказалась даже ниже самой себя. На нее просто приходится махнуть рукой. Ея дѣятели и распорядители, даже болѣе развитые и порядочные, очевидно, слишкомъ помяты казенными порядками, и слишкомъ приспособились къ нимъ, чтобы сдѣлать энергическій починъ къ ихъ измѣненію.

Не болѣе утѣшительнаго вынесемъ изъ зрѣлища и верховъ интеллигенціи провинціальной. Изъ всѣхъ провинціальныхъ культурныхъ движеній въ предпослѣднее время болѣе другихъ заставило было говорить о себѣ направленіе украинское. Собираніемъ денегъ на герцеговинское возстаніе, посылкою туда волонтеровъ еще въ 1875 г. украинскіе города Кіевъ и Одесса, дали было поводъ думать, что въ нихъ есть люди съ признаками политическаго развитія, но увы! вмѣсто того, чтобы выступить съ самостоятельной программой федерально-демократическаго панславизма, украинцы попрятались въ норы, или пристали къ опозорившимъ себя союзомъ съ жандармами славянскимъ комитетамъ, или устами автора статьи „Полякамъ-миротворцамъ“ показали, что забыли и то, что можно было вывести изъ ихъ же трудовъ, а именно:

что одно дѣло польскій вопросъ на бѣлорусско-украинской землѣ и другое на чисто польской, и что если поляки неправы въ одномъ мѣстѣ, то правы въ другомъ, а русское правительство болѣе, чѣмъ неправо, а глупо и въ одномъ, и въ другомъ.

Такимъ образомъ, государство русское выступило на сцену совершенно недальновиднымъ, неэнергичнымъ внѣ и внутри, какъ иначе и быть не могло съ деспотіей, а видные представители русской интеллигенціи оказались лишенными всякаго чутья дѣйствительнаго положенія дѣлъ и интересовъ страны и всякаго личнаго достоинства.

Не пора ли образованнымъ людямъ всѣхъ племенъ, входящихъ въ составъ Россіи, выступить самимъ на сцену, помимо оказавшихся негодными и неумѣлыми патентованныхъ представителей ихъ, казенныхъ, полуказенныхъ и частныхъ, не смѣющихъ выступить самостоятельно и свободно? Не пора ли имъ вырвать изъ рукъ недобросовѣстнаго и неумѣлаго чиновничества веденіе дѣлъ внутреннихъ и внѣшнихъ, привести въ гармонію внутреннюю и внѣшнюю политику страны, основавъ ее на началѣ свободы, и вывести страну изъ противорѣчій и губительной безтолковщины, по которой тащутъ ее чиновники къ разоренію и пораженіямъ?

Мы не беремся предсказывать подробностей направленія, какое могутъ принять военныя событія даже въ то время, пока будутъ печататься наши слова. Одно вѣроятно, что съ надеждами на скорое и радикальное рѣшеніе восточнаго вопроса разъ навсегда, на какое могла бы быть вѣроятность, если бы въ прошломъ году русское общество сначала отмѣнило въ Россіи господство турокъ внутреннихъ, а потомъ уже принялось за турокъ внѣшнихъ, придется на этотъ разъ проститься!

По части собственно военной мы позволимъ себѣ выразить только одно желаніе, которое, конечно, раздѣлятъ съ нами и всѣ военные люди: о возможно скорѣйшемъ удаленіи изъ армій нашихъ всѣхъ „августѣйшихъ“ лицъ, такъ какъ тѣ изъ нихъ, которыя не командуютъ, или должны командовать только для

формы, стѣсняютъ дѣйствительно дѣловыхъ людей, вмѣшиваются въ дѣла, которыхъ не смыслятъ, „августѣйшій“ же командиръ Дунайской арміи достаточно извѣстенъ всей Россіи отсутствіемъ всякихъ талантовъ, чтобъ не сказать болѣе. Къ тому же иностранныя газеты говорятъ и даже русскія намекаютъ на то, что премудрый планъ итти за Балканы, оставивъ съ обоихъ боковъ себя нетронутыя турецкія арміи, планъ, который сбилъ всю компанію, до сихъ поръ бывшую, и будетъ сбивать и дальнѣйшую, какъ всякій планъ, который трудно исполнить, но трудно разъ начавши, и бросить, говорятъ, что этотъ несчастный планъ именно и принадлежитъ нашимъ „августѣйшимъ“ стратегамъ.

Но обратимся къ дѣламъ политическимъ, которыя составляютъ подкладку и регуляторъ военныхъ.

Мы не можемъ, при безгласности и безтолковщинѣ веденія дѣлъ нашей страны безконтрольными чиновниками, судить съ точностью о средствахъ Россіи для веденія сложной войны. Быть можетъ, чиновники эти такъ запутали дѣла и разорили населеніе матеріально и нравственно, что оно не въ состояніи вынести никакого сильнаго напряженія, но, быть можетъ, въ странѣ есть еще большіе рессурсы, которыми только не умѣютъ пользоваться эти чиновники. То и другое можетъ рѣшить только гласность и самоуправленіе населенія. Понятно, что разъ поднявши войну, желательно сдѣлать ее послѣднею по данному вопросу, хотя бы и съ большими пожертвованіями, но понятно также, что если при внутреннемъ разореніи страны, при отсутствіи способныхъ военоначальниковъ и нужныхъ запасовъ, при испорченныхъ безповоротно внѣшнихъ условіяхъ войны, неблагопріятный исходъ ея становится почти вѣрнымъ, то лучше окончить ее скорѣе, не входя въ напрасныя потери и не подвергая гибели другихъ. То и другое, повторяемъ, можетъ рѣшить только само населеніе Россіи. А потому во всякомъ случаѣ, если затянется война, такъ чтобъ она велась съ энергіей и безъ ошибокъ, подобныхъ экспедиціямъ къ Карсу и Плевнѣ, безъ непомѣрныхъ тратъ (вспомнимъ г. Варшавскаго и подводы) и та-

кого же воровства (склады на станціи Раздѣльной), если кончится скоро, такъ для того, чтобъ при неумѣломъ и трусливомъ правительствѣ у насъ не вырвали плодовъ побѣдъ, и для того, чтобъ, у насъ не вышли пререканія съ освобожденными румынами, сербами, болгарами, греками, наконецъ для того, чтобъ намъ самимъ жить и управляться сколько-нибудь по человѣчески, и во время войны и послѣ ея надо, не теряя времени, приняться за самоосвобожденіе.

Можно бы было написать болѣе или менѣе широкій проектъ реформъ политическихъ и соціальныхъ, для осуществленія этого самоосвобожденія. Но мы ограничиваемся указаніемъ такихъ пунктовъ, относительно которыхъ не можетъ быть спора среди сколько-нибудь политически образованныхъ людей, пунктовъ, о которыхъ высказалось не разъ общество въ Россіи хоть намеками, если не ясно, которые провести въ дѣло совсѣмъ не трудно, при небольшой смѣлости и настойчивости, какихъ къ крайнему стыду не доставало у насъ и у тѣхъ, кто прекрасно понималъ необходимость реформъ, о коихъ мы говоримъ дальше. Безъ этихъ реформъ не можетъ существовать теперь ни одно дорожащее своею будущностью общество, ни одинъ самый умѣренный человѣкъ, сколько-нибудь себя уважающій, люди же болѣе радикальныхъ идей не могутъ не желать ихъ, какъ расчистки дороги для дальнѣйшаго прогресса. Всѣ эти реформы сводятся къ отмѣнѣ допотопнаго чудища — всероссійскаго самодержавія, которое не можетъ быть ничѣмъ другимъ, какъ господствомъ чиновниковъ, трусливыхъ, своекорыстныхъ, невѣжественныхъ.

Меньше этого нельзя!

Люди всѣхъ краевъ и племенъ въ Россіи, судьбами которыхъ внутри и внѣ, теперь и на будущее время, распоряжаются безконтрольно эти чиновники, должны потребовать немедленнаго созванія выборныхъ отъ всѣхъ ихъ на земскій соборъ, необходимый уже въ виду однихъ финансовыхъ тяжестей, налагаемыхъ на всѣхъ ихъ войною, и растраты средствъ страны безконтрольнымъ распоряженіемъ чиновниковъ и дерзостью стакнувшихся съ ними

банкировъ, откупщиковъ и подрядчиковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, уже вслѣдствіе обширности и разнохарактерности краевъ и племенъ населенія Россіи, необходимо на первыхъ же порахъ, вмѣстѣ съ установленіемъ общей политической свободы, положить прочное начало и мѣстному самоуправленію расширеніемъ правъ общинъ, уѣздовъ и губерній съ предоставленіемъ имъ права войти въ обсужденіе объ образованіи между ними болѣе широкихъ союзовъ для совмѣстнаго веденія областныхъ дѣлъ въ краяхъ болѣе однородныхъ по интересамъ и составу населенія, какъ напримѣръ земли Сибирскія, Сѣверное Поморье, Пріуралье, Южное и Верхнее Поволжье, Край Пріозерный, Центральная Великороссія, Край Балтійскій, Земли Литовскія, Бѣлоруссія, Польша, Украйна Правобережная, Украйна Лѣвобережная, Украйна Новороссійская, Бессарабія, Земли Казаковъ, Земли Прикавказскія и т. д., такъ какъ всѣ, даже важнѣйшія, дѣла разныхъ краевъ и народовъ страны въ 400 000 кв. миль, особенно дѣла народнаго хозяйства и образованія и всѣ дѣла, связанныя съ вопросами національными, такъ же мало могутъ разумно и для всѣхъ безобидно рѣшаться центральнымъ земскимъ собраніемъ, какъ и чиновниками самодержавнаго правительства.

Далѣе, ни въ какомъ случаѣ нельзя терпѣть, чтобъ личная свобода каждаго изъ насъ находилась въ безконтрольномъ распоряженіи губернаторовъ и жандармовъ, которые могутъ ежечасно вторгнуться въ наши домы, вывезти каждаго изъ насъ въ дальнія губерніи, стѣснить право передвиженія, отнять заработокъ и т. п., и все это въ отместку за малѣйшее проявленіе критики ихъ дѣйствій. А потому нельзя не требовать провозглашенія и обезпеченія неприкосновенности личности безъ суда, отмѣны административныхъ наказаній и III отдѣленія и всѣхъ подобнаго рода установленій.

Въ теперешнюю систему чиновничьяго господства надъ Россіею входитъ и отнятіе у населенія возможности согласиться между собою и повѣрять дѣйствія чиновниковъ посредствомъ печати и устнаго обмѣна словомъ на собраніяхъ, безъ чего не только невоз-

можетъ общій контроль надъ дѣлами государства, но даже и дѣйствія земскихъ и городскихъ учрежденій, и самые выборы обращаются въ формальность, а выборные люди въ новыхъ чиновниковъ-начальниковъ населенія. А потому нельзя не требовать свободы печати и собраній, а также и свободы науки и обученія, которое одно можетъ дать твердыя основы для общественной жизни.

Выступать противъ турецко-мусульманскаго фанатизма, требовать жертвъ отъ населенія Россіи всѣхъ религій и племенъ, и въ тоже время заставлять разновѣрцевъ въ смѣшанныхъ бракахъ съ православными крестить дѣтей въ православіе, стѣснять право службы католиковъ и евреевъ, обученіе католиковъ въ университетахъ, не позволять евреямъ свободнаго жительства по всей странѣ, наказывать обращеніе отъ православія въ другія вѣроисповѣданія, и звать ихъ обиднымъ именемъ раскола, мучить отпавшихъ по убѣжденію отъ православія военными экзекуціями, ссылкой въ Сибирь, денежными штрафами, заключеніемъ въ тюрьмахъ, въ монастыряхъ и другими притѣсненіями, которыя, наприм., „вѣротерпимо“ продѣлываются надъ штундистами, подъ видомъ увѣщеванія, отнимать у поляковъ, украинцевъ, грузинъ, молдаванъ и пр. возможность въ своей странѣ учиться на родномъ языкѣ, воспрещать даже всякую книгу на украинскомъ языкѣ, чего никогда не было въ Турціи, отъ которой мы взялись освобождать братьевъ, и вообще совершать всякаго рода насилія надъ совѣстью и племенными особенностями милліоновъ людей, значитъ совершать вопіющія несправедливости и противорѣчія, не только совершенно непростительныя, но дѣйствующія разрушительно на общественную нравственность. Кромѣ того, этими порядками религіозной и національной исключительности посѣваются раздоры въ средѣ населенія, ослабляющіе въ настоящее трудное время единодушіе и даже внѣшнюю силу государственнаго союза передъ врагами.[1] Поэтому необходимо провозглашеніе

[1] По новѣйшимъ вѣстямъ изъ Украины, Министерство Народнаго Просвѣщенія распорядилось о томъ, чтобъ въ учителя гимназій по русскому языку, литературѣ

и огражденіе началъ полной религіозной свободы и равноправія и неприкосновенности каждой національности, входящей въ составъ Россіи.

Само собою разумѣется, права эти должны быть дополнены подчиненіемъ чиновниковъ общему суду, къ которому долженъ получить возможность требовать ихъ каждый, чьи интересы нарушитъ чиновникъ своими дѣйствіями и распоряженіями.

Это все самыя меньшія изъ реформъ политическихъ. Само собою, что этимъ не будутъ устранены всѣ тѣ неправды, отъ которыхъ терпитъ населеніе Россіи, особенно неправды соціальныя. Эти послѣднія могутъ быть устранены только коренными измѣненіями экономическаго строя, т. е. переходомъ всей земли и всѣхъ орудій производства въ руки работниковъ, обладающихъ равномѣрными знаніями. Но и при теперешнихъ порядкахъ существуютъ, конечно, меньше чѣмъ половинныя реформы, относительно которыхъ общество и литература высказались довольно ясно: реформа въ податной системѣ, особенно отмѣна подушнаго и соляного налога и повѣрка крестьянскихъ надѣловъ и платежей, съ цѣлью увеличить надѣлы совершенно недостаточные, дать новые надѣлы обезземеленнымъ (быв. дворовымъ, чиншевикамъ, отказавшимся отъ надѣла по недоразумѣнію и притѣсненіямъ и др.) и уменьшить платежи, во многихъ мѣстахъ значительно превышающіе стоимость полученной крестьянами земли. Невозможно находить несправедливымъ турецкую податную систему и поборы чорбаджей и оставлять неприкосновенными въ Россіи порядки, при которыхъ исчезаютъ, вслѣдствіе взысканія недоимокъ, съ лица земли цѣлыя деревни (двѣ деревни Шереметьева), судятся и ссылаются административнымъ порядкомъ крестьяне чигиринскіе за протестъ противъ тѣхъ надѣловъ, ко-

---

и исторіи въ Украинѣ назначать только великороссовъ, а существующихъ уже тамъ туземныхъ переводить въ сѣверовосточныя губерніи, къ исполненію чего уже и приступлено. Подобныя мѣры показываютъ, что политика ассирійскихъ царей и князей московскихъ продолжаетъ существовать въ „свободной“ Россіи со всѣми ея безчеловѣчіями.

торые должна была отмѣнить даже русская власть, выселять цѣлыя села уральскихъ козаковъ и т. д. Въ заключеніе невозможно выдавать себя защитникомъ экономическихъ реформъ въ Турціи, требовать ихъ даже вооруженною рукою, и морить въ казематахъ тѣхъ, кто только теоретически протестовалъ противъ подобнаго же угнетенія массъ въ Россіи, сѣчь этихъ людей и истязать въ тюрьмахъ волею Треповыхъ и слугъ ихъ; потому необходима полная амнистія (освобожденіе) всѣхъ политическихъ преступниковъ въ Россіи, какъ дѣйствовавшихъ противъ порядковъ, которыхъ нельзя назвать разумными даже съ самой умѣренной точки зрѣнія.

Таковы наименьшія перемѣны, необходимыя для того, чтобъ дать Россіи основы сколько нибудь свободнаго государства и даже сдѣлать ее болѣе крѣпкою въ теперешній военный кризисъ. Возраженіе, что нельзя производить подобныя перемѣны въ военное время, совершенно несостоятельно: замѣнить людей своекорыстныхъ и невѣжественныхъ, съ неба упавшихъ на страну, людьми выбранными и болѣе свѣдущими и поставить ихъ подъ контроль общественнаго мнѣнія никогда не можетъ быть вредно. Къ стыду нашего общества приходится въ отвѣтъ на подобныя возраженія указать на примѣръ Турціи, которой вовсе не повредила, а помогла перемѣна формы правленія и даже личностей командующихъ войсками въ самое горячее время.

Мы не беремся указывать подробностей способовъ, какими должны быть достигнуты вышеназванныя перемѣны. Но, конечно, то, что необходимо сдѣлать, должно быть сдѣлано всѣми способами отъ законныхъ, до насильственныхъ. Пусть каждый въ своей сферѣ, — въ земскихъ, сословныхъ, городскихъ, въ мѣстныхъ собраніяхъ и управахъ, въ печати, въ ученыхъ и частныхъ обществахъ поставитъ ясно вопросъ о необходимости подобныхъ реформъ, настаиваетъ на постановленіи о необходимости просить ихъ, требовать, и наконецъ откажетъ въ повиновеніи, и прямо сопротивляется дѣйствіямъ и учрежденіямъ имъ про-

тивнымъ, гонитъ вонъ изъ своего дома жандармовъ, не слушаетъ цензоровъ и т. п., выступаетъ съ своими требованіями публично, и тогда теперешніе порядки не просуществуютъ и двухъ недѣль. Не подлежитъ сомнѣнію, что дружныя заявленія требованій политической свободы въ пяти или десяти земскихъ и дворянскихъ собраніяхъ, городскихъ думахъ, совѣтахъ университетовъ и т. п. собраніяхъ, которыя теперь позорятъ себя пассивнымъ безусловно-холопскимъ заявленіемъ преданности правительству, которое губитъ страну и, которое ровно никто не уважаетъ искренно, не подлежитъ сомнѣнію, что такія заявленія требованій о перемѣнѣ правленія даже не въ одинъ день повсюду, а по очереди, поведутъ за собою подобныя же дѣйствія въ другихъ собраніяхъ. Первымъ рядамъ придется поплатиться административными наказаніями, но срокъ ихъ не можетъ быть дологъ, такъ какъ, при сколько-нибудь дружномъ натискѣ, теперешняя правительственная система долго не продержится. Надо же кому нибудь начать! Да надо же кому-нибудь попробовать и просто силою не позволять административныхъ наказаній!

Мы вправѣ надѣяться на починъ установленія политической свободы въ Россіи въ особенности отъ дѣятелей провинціальныхъ. Ораторы столичныхъ собраній, люди съ громкими именами, съ широкими связями и большими средствами, даже тѣ, кто не прочь пофрондировать противъ администраціи, даже болѣе искренніе земцы и конституціоналисты въ душѣ, всетаки слишкомъ испорчены близостію къ высшей администраціи, связями со дворомъ, теперешнимъ и будущимъ, чтобъ смѣло и честно высказать публично даже то, что они говорятъ по угламъ и салонамъ. Пусть же скажутъ это люди попроще, побѣднѣе, и за то почестнѣе, въ особенности люди провинцій, которымъ всего тяжелѣе приходится сносить иго чиновниковъ.[1]

---

[1] Извѣстно, что наши дворянскія „громкія имена“ совсѣмъ не затрудняются украшать собою даже застѣнки шпіоновъ III отдѣленія, какъ наши ученые и поэты, особенно изъ славянофильствующихъ, не стыдятся служить въ заплечныхъ мастерахъ противъ науки и литературы, въ цензурѣ. Кстати припомнимъ недавній шумъ, поднятый письмомъ г. Аксакова къ г. Фарлею, въ которомъ москов-

Перемѣны же, которыя намѣчены нами не представляютъ ничего невѣдомаго, утопическаго, трудно осуществимаго, а тотъ minimum, безъ котораго не можетъ жить теперь ни одно дорожащее своими интересами общество; перемѣны эти рано или поздно, все равно будутъ введены въ Россіи, значитъ, чѣмъ раньше, тѣмъ лучше, тѣмъ меньше испытаетъ она потерь нравственныхъ и матеріальныхъ, а особенно теперь, когда дорогъ всякій часъ.

Перемѣны эти, конечно, могутъ сдѣлать только образованные люди разныхъ племенъ Россіи, славянскихъ и неславянскихъ, подавляемыхъ теперь деспотическимъ правительствомъ, но имъ могутъ оказать хоть нравственное содѣйствіе, къ своей же выгодѣ, и общества племенъ западно-славянскихъ, начиная отъ такихъ, которыя входятъ и въ Россію, — малороссовъ и поляковъ, и оканчивая словаками, чехами, лужичанами, словинцами и хорватами. Если они не хотятъ долѣе мучиться несбыточными надеждами, ни быть предаваемы, какъ когда то малороссы, а теперь сербы, въ частности, напр., если словинцы и чехи не хотятъ въ будущемъ быть проданы „бранденбуржцамъ“, то пусть помогутъ хоть нравственнымъ сочувствіемъ превращенію Россіи въ свободную страну и образо-

---

скій ораторъ-банкиръ, сынъ литератора-цензора, печатавшій въ своей газетѣ „Москва“ доносы на харьковскаго профессора Каченовскаго и г. Кулиша, назвалъ полковника Уэллеслея шпіономъ. Батюшки! что благороднаго негодованія противъ предполагаемаго чужого „шпіона“ проявили тѣ, кто не смѣетъ и пикнуть противъ шпіоновъ внутренняго производства и даже хвалятъ ихъ мудрость! Но особенно отличилась одна петербургская газета благороднымъ негодованіемъ по поводу замѣчанія г. Фарлея, что г. Уэллеслей принадлежитъ къ слишкомъ извѣстной фамиліи, чтобъ быть шпіономъ. Петербургской газетѣ этотъ доводъ показался не убѣдительнымъ, въ чемъ она была отчасти и права. Но несчастный геній безогляднаго лакейскаго хвастовства, чрезвычайно распространенный въ русской печати, внушилъ ей слѣдующія строки: „Г. Фарлей, какъ англичанинъ, забылъ, что Россія страна по преимуществу демократическая и что сами наши аристократы, между которыми много потомковъ Рюриковичей, не приписываютъ себѣ свойствъ бѣлой кости“. По дѣломъ англійскимъ аристократамъ: зачѣмъ терпятъ у себя посломъ Шувалова, бывшаго начальника шпіоновъ! Но если петербургская газета не хотѣла похвалить русскихъ аристократовъ, не только вчерашняго дня, въ родѣ Тимашевыхъ, и третьяго дня, въ родѣ Левашовыхъ, Шуваловыхъ и т. п., но и Рюриковичей Долгорукихъ, Гедиминовичей Голицыныхъ и т. д., за то, что они служатъ по шпіонской части на ряду съ „демократами“, въ родѣ Мезенцевыхъ, Треповыхъ, то не понимаемъ, что она хотѣла сказать. Если служба въ шпіонахъ и лакейство есть демократизмъ, то, конечно, русское титулованное дворянство превосходитъ демократизмомъ всѣ европейскія: оно даже и въ Россіи самое неджентльменское и самое раболѣпное сословіе, хоть и болтаетъ въ салонахъ своихъ, а особенно за границею о конституціяхъ! Кажется, давно уже насталъ часъ, когда пора бы той части его, которая претендуетъ на порядочность, перестать подавать руку своимъ лакействующимъ и полицействующимъ кузенамъ и перестать довольствоваться одной болтовней о конституціи!

ванію новой всеславянской партіи, свободной, народно-федеральной, которой одной можетъ принадлежать будущность и торжество надъ разнообразными видами порабощенія славянскихъ народовъ чужимъ притѣснителямъ, если не въ настоящую минуту, когда Деспотія Россійская испортила возможность освобожденія хоть славянъ балканскихъ, то въ близкомъ будущемъ, когда освобожденные отъ ига ея народы и общества смогутъ взяться за это дѣло при лучшихъ условіяхъ.

Женева, 29-го августа 1877 г.

До чего довоевались?

(Первоначально напечатано отдѣльной брошюрой. Женева 1878 г.)

Пророкомъ быть трудно, а въ отечествѣ, говорятъ, совсѣмъ невозможно. Но угадчикомъ быть, право, совсѣмъ не такъ трудно, даже въ явленіяхъ политической жизни, несмотря на слабое еще развитіе общественныхъ наукъ. Не трудно это особенно въ Россіи, конечно, главнымъ образомъ благодаря первобытности и простотѣ всѣхъ ея политическихъ вопросовъ. Чтобы предсказывать ходы и исходы какого хотите политическаго положенія въ Россіи, вовсе не надо особой мудрости или учености. Надо только не быть отъ природы холопомъ или барышникомъ, какъ наши столичные газетчики, знать въ самомъ общемъ очеркѣ исторію Россіи и не затуманивать себя умышленно разными „дымами отечества“ и фразами въ родѣ тѣхъ, какими затуманиваютъ себя и другихъ, напр., послѣдніе могикане и прихвостни московскаго славянофильства.

Люди, которые обладали нѣкоторымъ запасомъ такихъ далеко не божескихъ и болѣе даже отрицательныхъ, чѣмъ положительныхъ добродѣтелей, могли смѣло предсказать всѣ ходы и исходы дѣяній россійской имперіи въ послѣднемъ періодѣ такъ называемаго восточнаго вопроса, отъ герцеговинскаго возстанія 1875 г. до берлинскаго договора 1878 г.

Намъ самимъ довелось четыре раза являться печатно съ предсказаніями, которыя, къ нашему сожалѣнію, всѣ исполнились. Такъ еще во „внутренней“ печати въ 1875 и 1876 гг., видя растущую неизбѣжность взрыва въ югозападномъ славянствѣ, мы старались высказать въ самой мягкой формѣ мысль, что нечистыя руки московско-петербургской имперіи не

могутъ выполнить задачи даже внѣшняго освобожденія хотя бы под-турецкихъ славянъ. („Кіевскій Телеграфъ“ 1875, № 69, „Надежды и разочарованія въ западномъ славянствѣ“; „Молва“ 1876 года, № 41, С.-Петерб., „Чистое дѣло требуетъ чистыхъ средствъ“). Въ концѣ 1876 г., когда Россія уже неизбѣжно затягивалась въ войну, мы писали:

„Только политическая свобода: всенародное земское представительство, съ контролемъ надъ дѣйствіями исполнительной власти, съ неприкосновенной свободой лица, слова, сходокъ, обществъ можетъ обезпечить хоть сколько-нибудь согласіе дѣятельности правительства съ національными интересами и общественнымъ мнѣніемъ, своевременность проявленія этой дѣятельности, не ждущей, чтобы турки вырѣзали десятки и сотни тысячъ братьевъ нашихъ прежде, чѣмъ мы надумаемся помочь имъ; а такъ же только политическая свобода можетъ хоть сколько-нибудь охранить нашего солдата отъ тѣхъ злоупотребленій и хищничества, которыя были причиною неудачи восточной войны 1854—56 гг. Уже въ маломъ видѣ, въ дѣлѣ помощи сербамъ, мы могли поучиться тому, что за люди успѣли всплыть на верхъ штабнаго и гошпитальнаго завѣдыванія дѣлами, и какъ начали уплывать деньги, корпія, одѣяла. Посмотримъ что будетъ, когда настанетъ война; не „станетъ ли опять богъ на Араратѣ смотрѣть, какъ крадутъ въ Комиссаріатѣ“, не придется ли опять сочинять пѣсенки вродѣ: „А какъ третьяго числа насъ нелегкая несла“ — и кончить ихъ опять крѣпкимъ словцомъ тѣмъ, „кто туда водилъ!“

„Говорятъ, теперь такъ не будетъ. Дай богъ; но это будетъ счастье: вѣдь одинаковыя причины производятъ одинаковыя слѣдствія, а нашъ политическій строй и теперь совершенно таковъ же, какъ и до паденія Севастополя.“ („Турки внутренніе и внѣшніе“. Стр. 51.)

Въ серединѣ 1878 г., между второй и третьей Плевной, мы писали:

„Одно вѣроятно, что съ надеждами на скорое и радикальное рѣшеніе восточнаго вопроса разъ навсегда, на какое могла бы быть вѣроятность, еслибы въ прошломъ году русское общество сначала отмѣнило въ Россіи господство турокъ внутреннихъ, а потомъ уже принялось за турокъ внѣшнихъ, — придется на этотъ разъ проститься!“ („Внутреннее рабство и война за освобожденіе“. Стр. 100.)

Теперь послѣ всего, что предшествовало войнѣ, послѣ того, что дѣлалось на войнѣ съ солдатами и погонцами, послѣ С.-Стефановской черновой и Берлинской бѣловой бумаги мы въ правѣ сказать, что, къ сожалѣнію, мы не ошибались.

О томъ, почему все должно было произойти такъ, „ко стыду“ все то, что, думалось, пойдетъ „ко славѣ“, мы говорили въ прежде напечатанныхъ статьяхъ, ссылаясь на исторію московской и петербургской туречины. Къ сказанному нами остается прибавить не много и то больше напомнить, какъ крупнѣйшіе факты послѣдней войны доказываютъ наглядно, что воронъ ворону глазъ не выклюетъ, а особенно не освободитъ цыпленка.

Что война началась поздно, по меньшей мѣрѣ на годъ позже, чѣмъ слѣдовало, это теперь всѣ сознали въ Россіи. Неужели же не ясно и то, что государство, которое у себя дома медлитъ самыми первоначальными мѣрами къ облегченію крестьянства, въ родѣ устраненія подушнаго, мучитъ соціалистовъ, уральскихъ казаковъ, чигиринскихъ крестьянъ, хлопочетъ объ обрусеніи окраинъ и т. п., — не можетъ горячиться по поводу „аграрныхъ и податныхъ реформъ“ на Балканскомъ полуостровѣ или проводить тамъ „политику автономіи національностей“? Не очевидно ли, что членъ Dreikaiserbund'a, союза трехъ императоровъ (всѣ три — нѣмцы!) не можетъ же не сочувствовать больше своему австрійскому кузену, чѣмъ не то уже сербскимъ мужикамъ, но даже ихнимъ полу-мужицкимъ князькамъ, несмотря на все ихъ послушаніе? Вѣдь, нужно быть послѣднею тупицею, чтобъ, какъ г. Иванъ Аксаковъ, надѣяться, что царь не утвердитъ Берлинскаго трактата, послѣ того, какъ этотъ царь назвалъ, въ разговорѣ съ англійскимъ посломъ, идею о полной государственной независимости румыновъ, сербовъ и болгаръ глупостью. Наконецъ, было бы чудомъ, еслибы государство съ обобраннымъ до голоданія народомъ, съ народомъ, котораго умышленно не хотѣли учить даже грамотѣ, государство, въ которомъ естественнымъ подборомъ только неучи, бездарности и плуты допускаются „до степеней извѣстныхъ“ и правятъ тамъ подъ крылышкомъ святости царской семьи всѣми дѣлами безъ суда и контроля публичнаго, — было бы чудомъ, еслибъ такое государство могло вести короткія и удачныя войны и не струсило бы коалиціи другихъ государствъ.

А если это такъ, то страшныя утраты во время веденія войны и жалкіе ея результаты должны быть совершенно естественны.

Обязательно и добровольно холопская печать въ Россіи мало говоритъ о томъ, чего стоила послѣдняя война, а за то величается „безпримѣрнымъ зимнимъ походомъ черезъ Балканы“. Да, походъ безпримѣрный, но между прочимъ по безпримѣрной жестокости тѣхъ, кто въ это время долженъ былъ облегчать участь солдатъ! Самая возможность подобнаго похода естественно наводитъ на мысль, что страшное напряженіе силъ солдатскихъ и страшная гибель людей въ походѣ и послѣ него были бы избѣгнуты, если бы наши государственные люди и военачальники не сунулись за Дунай такъ наобумъ лишь лѣтомъ и не прозѣвали такъ постыдно Плевны. Тогда бы походъ черезъ Балканы совершился лѣтомъ, и не было бы безпримѣрнаго истребленія нашихъ солдатъ. Тогда, быть можетъ, не дошло бы хоть до такой степени и безпримѣрное воровство интендантства, которое три мѣсяца оставляло солдатъ почти безъ всякаго фуража, если уже въ Россіи совсѣмъ невозможно обойтись безъ воровства при всякомъ публичномъ дѣлѣ.

Такой походъ, каковъ былъ зимній переходъ черезъ Балканы, не могъ не ослабить армію въ такой степени, что сдѣлалъ ее неспособною довершить дѣло занятіемъ Галлиполи и Константинополя. Неспособность же начальниковъ и дипломатіи довершила дѣйствіе прежнихъ ошибокъ и слабости арміи, и создала то двусмысленное положеніе, въ какомъ русская армія находится и до сихъ поръ, при которомъ большая часть результатовъ войны стала спорною и непрочною. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что вообще положеніе арміи, которая двигается отъ Дуная на Константинополь, не можетъ быть прочнымъ, если она ведетъ войну, а не войну и революцію вмѣстѣ. Какъ армія, она всегда можетъ быть угрожаема съ тылу арміей Австріи, одной, или вмѣстѣ съ румынской. Походъ на Константинополь есть въ сущности революція, а потому, чтобы быть успѣшнымъ, онъ долженъ сопровождаться открытою революціею народа румынскаго,

болгарскаго, сербскаго, греческаго, албанскаго, да еще такою революціею, которая бы нашла себѣ сочувствіе, если не параллельную революцію, среди народовъ въ Австріи.

Но гдѣ жъ таки русскому правительству итти объ руку съ революціею? Оно поступило совсѣмъ иначе. При самомъ началѣ оно отказалось отъ всякой поддержки балканскихъ народовъ: предало сербовъ, оттолкнуло румынъ и грековъ, бросило слова презрѣнія болгарамъ! Мы де сами все дѣло справимъ! А какое дѣло?! Читавшіе манифестъ, изданный при вступленіи русскихъ войскъ въ Болгарію, не могли въ толкъ взять, зачѣмъ это ведется война, если не для перемѣны турецкихъ губернаторовъ! Дальше, сосредоточивъ всѣ свои заботы на самомъ пассивномъ изъ всѣхъ балканскихъ народовъ, болгарахъ, очевидно въ надеждѣ, что они окажутся самыми послушными, петербургскіе и московскіе правители и военачальники принялись бранить и этихъ болгаръ и первымъ дѣломъ озаботились устроить надзоръ „за революціонными стремленіями Молодой Болгаріи“, т. е. завели въ Болгаріи прежде всего III отдѣленіе! Всѣ же порядки остались какъ и при турецкихъ пашахъ, и сами московскіе славянофилы съ своимъ помпадуромъ, кн. Черкасскимъ, не поминали даже и пресловутыхъ Положеній 19 февраля, и никакихъ аграрныхъ вопросовъ.

Такъ-сякъ, а русскія войска заняли почти всю землю болгарскую. Но никто не только не позаботился объ организаціи болгаръ такимъ образомъ, чтобы они могли сами составить силу, которая могла бы поддержать армію, но даже не позаботились о созваніи болгарскихъ представителей, на мнѣніе которыхъ можно бы было указать во время споровъ съ европейскими дипломатами объ участи этихъ странъ. Славянофилъ и земецъ, кн. Черкасскій, не позволялъ даже болгарамъ издавать газету, въ которой бы могло быть опровергаемо то, что говорили о Болгаріи и болгарахъ фанаріотскіе органы!

Мудрено ли, что послѣ всего этого во всемъ мірѣ стала смѣшна фраза, что русская армія является освободительницею даже болгаръ, а не то уже всѣхъ

народовъ Европейской Турціи? Удивительно ли, что чадомъ этого невѣроятнаго положенія вышло такое издѣліе, какъ С. Стефанскій договоръ, нелѣпости котораго могли быть превзойдены только Берлинскимъ трактатомъ?

Когда какое-нибудь государство съ страшными усиліями оканчиваетъ побѣдами войну съ „наслѣдственнымъ врагомъ“, да еще съ „утѣснителемъ родственныхъ ему народовъ“, освобожденіе которыхъ „составляетъ-де его вѣковое предназначеніе“, тогда и народы этого государства, и освобожденные народы, и весь міръ наконецъ вправѣ отъ него ждать чего-нибудь радикальнаго, чего-нибудь такого, послѣ котораго не было бы уже надобности опять поднимать страшныя тяжести войны. По здравому разуму передъ нашими побѣдителями было только три логическихъ дороги:

захвативъ Константинополь и Галиполи, или распорядиться съ Балканскимъ полуостровомъ, какъ сами бы захотѣли,

или обратиться къ освобожденнымъ отъ турецкаго ига народамъ и, созвавъ изъ нихъ учредительное собраніе, предоставить имъ, при своемъ посредничествѣ, самимъ раздѣлъ Турціи и устройство страны;

или же, наконецъ, если уже петербургскій дворъ одержимъ такою охотою вершить дѣла, добытыя цѣною крови нашихъ солдатъ, не иначе, какъ съ согласія съ кабинетами европейскихъ державъ, объявить имъ о концѣ турецкой власти въ Европѣ и пригласить ихъ на конгрессъ, который бы, исходя изъ этого неотмѣнимаго принципа, придумалъ подробности устройства для Балканскаго полуострова. (Послѣдняго ожидали отъ петербургскаго кабинета даже берлинскія оффиціальныя газеты.)

Очевидно, что первая дорога была всего труднѣе и мало желательна и для Россіи, и для балканцевъ. Оставалась вторая или третья.

Но петербургско-московская дипломатія придумала нѣчто свое и при томъ, надо сознаться, дѣйствительно въ своемъ вкусѣ, т. е. во вкусѣ достойныхъ наслѣдниковъ московскихъ приказныхъ и петербургскихъ канцеляристовъ. С. Стефанскій договоръ—это порож-

деніе московскаго „умника“, ген. Игнатьева, это нѣчто лишенное всякой широкой идейной подкладки, всякаго синтеза, нѣчто и загребистое, и уступчивое, и дерзкое, и низкопоклонное, и блудливое, и трусливое, совершенно московское произведеніе, отъ котораго можно ждать всего, кромѣ логики.

Изъ всѣхъ народовъ подтурецкихъ С. Стефанскій договоръ всего больше даетъ болгарамъ, очевидно потому, что они даютъ всего больше надежды на то, что ими дольше всего можетъ руководить московская лапа. Менѣе покорные греки и даже сербы проданы. Турція разрѣзана до смѣшного, а въ тоже время ей оставлено слишкомъ много, конечно, для того, чтобы показать ей, что ты молъ насъ знай, захотимъ, помилуемъ, что тебѣ Биконсфильдъ! Въ добавокъ греки и болгаре и даже сербы и болгаре размежеваны такъ, чтобы между ними никогда не было ладу и чтобы они вѣчно нуждались въ посредничествѣ „старшаго брата“. И тутъ же чуть не въ каждомъ параграфѣ находимъ по реверансу „Европѣ“, „великимъ державамъ“ и особенно любезной Австро-Венгріи. Зато, чтобы сорвать на комъ-нибудь это униженіе, великій побѣдитель накидывается на союзника, который, такъ или иначе, а былъ ему очень полезенъ, и грабитъ у него кусокъ земли (въ которомъ народъ — румыны или болгаре, а русскихъ горсть), кусокъ, отъ коего Россія не разбогатѣетъ, а честь свою утрачиваетъ. Въ довершеніе наша дипломатія только и заявила настойчивость въ этомъ пунктѣ — въ дѣлѣ насилія надъ слабѣйшимъ союзникомъ. Все другое она готова передѣлать по приказу „великихъ державъ“ и даже по просьбѣ Турціи и признаетъ договоръ прелиминаріей прелиминаріи! Вещь неслыханная и явно безтолковая, хотя будто бы тонко задуманная: дескать, пожалуйте, господа, поторгуемся, кто больше дастъ, тому и больше отрѣжу. Чего отрѣжу? — болгарскаго, да сербскаго, да греческаго мяса!

Мудрено ли, что подобный договоръ не удовлетворилъ никого и всего меньше подтурецкіе народы, мнѣнія которыхъ о ихъ судьбѣ великодушный освободитель не спросилъ даже и для приличія. Онъ

призналь ихъ „недостойными о себѣ совѣтовати“, какъ нѣкогда во время Богдана Хмѣльницкаго малороссовъ, имѣвшихъ наивность положиться „на царя восточнаго, православнаго“. „Освобожденные народы“ не знали и того, какъ имъ быть, не исключая и болгаръ, которымъ посулили неожиданно золотыя горы, и тутъ же сказали, что, впрочемъ, можетъ быть изъ нихъ еще и урѣжутъ что. Нужно себѣ представить положеніе болгарина Игнатьевской Болгаріи, гдѣнибудь въ Румеліи или Македоніи, который по истинѣ не могъ знать, „ложиться ли ему спать, или вставать“, чтобы оцѣнить всю нелѣпость С.-Стефанскаго договора. Европейскія биржи сразу установили ему цѣну, спустивши русскій рубль съ 272 сантимовъ, до которыхъ онъ было поднялся во время Адріанопольскихъ переговоровъ, на 218! Договоръ этотъ стоилъ русскому войску и финансамъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ ни войны, ни мира, среди которыхъ Турція оправилась, Англія заняла важные пункты, Румынія приняла явно враждебное положеніе, вспыхнуло возстаніе месульманъ, Австрія стала показывать зубы.

Никакія увертки Игнатьева не помогали.

Тогда-то выступилъ на сцену бывшій начальникъ шпіоновъ, гр. Шуваловъ, и уладилъ Берлинскій трактатъ, какъ улаживаетъ III Отдѣленіе разводы великосвѣтскихъ супруговъ: ни сюда, ни туда!

Мы полагаемъ, нѣтъ надобности долго разбирать этотъ трактатъ, которымъ сербы окончательно разрублены на три части, а Герцеговина и Боснія, начавшія дѣло, и, вытерпѣвшія столько бѣдъ, преданы во власть австрійской бюрократіи, Болгаре разбиты на четыре части, изъ которыхъ одна (въ Добруджѣ) отдана румынамъ, другая (Восточная Румелія) возвращена туркамъ, третья (Македонія) — всякаго рода башибузукамъ и озлобленнымъ мусульманскимъ бѣглецамъ, которыхъ турецкое правительство, конечно, не замедлитъ тамъ поселить. Это раздѣленіе открываетъ перспективу такой же деморализаціи сербовъ и болгаръ, какой подверглись украинцы, раздѣленные Андрусовскимъ миромъ 1667 г. И въ довершеніе всего, положеніе подъ Константинополемъ осталось то же, что и было!

Чтобы успокоить какъ-нибудь справедливо возмущенное въ Россіи и во всей славянщинѣ чувство, петербургское правительство, коего глава еще недавно призывалъ благословеніе божіе на „исполненіе святого дѣла до конца“, теперь напечатало въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ какое-то бормотаніе, изъ котораго узнаешь, что, молъ, Берлинскій трактатъ — не конецъ дѣла, а только этапъ! Нечего сказать, утѣшительно и для народовъ Россіи, и для балканцевъ, которымъ этотъ этапъ стоилъ столько крови! Вѣдь, чего добраго, если бъ балканцы ждали только такого этапа, то предпочли бы сами какъ-нибудь улаживаться съ Турціею. Теперь же ко всему прочему они попали подъ семь нянекъ европейскихъ комиссаровъ; добрая доля ихъ (Босніа и Герцеговина) попала подъ непосредственное ихъ нѣмецко-мадьярской бюрократіи и буржуазіи и не замедлитъ попасть въ руки еврейскихъ спекуляторовъ, отъ которыхъ не уйдутъ и обѣ полунезависимыя Болгаріи.

Вотъ плоды кровопролитія, которое навѣрно сгубило до одного милліона народу! Слова „Правительственнаго Вѣстника“ о томъ, что дѣло не кончено, предлагаютъ готовиться къ новымъ кровопролитіямъ, которыхъ исходъ заранѣе нельзя предсказать.

Какъ поправлять бѣду эту славянамъ, — объ этомъ мы говорили и поговоримъ еще съ славянами. По нашему мнѣнію, другого имъ средства нѣтъ, какъ образованіе всеславянской радикальной партіи, безвѣроисповѣдной, демократической и федеральной, которая бы прекратила соперничество православныхъ и католиковъ, отбросила политиканство чешскихъ, словинскихъ, польскихъ феодаловъ, прекратила споры за земли поляковъ и русиновъ, чеховъ и словаковъ, сербовъ и хорватовъ, сербовъ и болгаръ и вошла въ тѣсную связь съ подобными ей партіями у неславянскихъ сосѣдей, — румыновъ, грековъ, албанцевъ, итальянцевъ, и, если они того захотятъ, у нѣмцевъ и венгровъ. Но теперь мы говоримъ съ людьми, принадлежащими Россіи.

Послѣ всего случившагося врядъ ли возможно маломальски мыслящему и добросовѣстному человѣку

спорить противъ мнѣнія, выраженнаго нами еще передъ войною, а именно, что путь къ уничтоженію господства турокъ константинопольскихъ лежитъ черезъ Петербургъ и состоитъ въ уничтоженіи господства „турокъ внутреннихъ“ надъ Россіею. Да и независимо отъ какихъ-нибудь „восточныхъ вопросовъ“ теперь передъ Россіею стоятъ во весь ростъ внутренніе вопросы, подчеркнутые всѣми тѣми ужасами, какіе обнаружила война даже передъ самыми близорукими глазами!

Вопросовъ этихъ много, но первый изъ нихъ — это вопросъ политической свободы, т. е. вопросъ устраненія господства чиновниковъ и жандармовъ, прикрываемаго мантіей самодержавія. Въ брошюрѣ „Внутреннее рабство и война за освобожденіе“ мы указали тотъ minimum, меньше котораго не можетъ потребовать образованное общество, которое не желаетъ своего нравственнаго и матеріальнаго банкротства. Это:

1. Неприкосновенность лица и жилища для полиціи.
2. Неприкосновенность національностей въ частной и публичной жизни.
3. Свобода и равноправіе всѣхъ вѣроисповѣданій.
4. Свобода печати, обученія, сходокъ и обществъ.
5. Самоуправленіе общинъ, земствъ и областей.
6. Земскій сборъ и отвѣтственность передъ нимъ и судомъ всѣхъ чиновниковъ.
7. Пересмотръ всего соціально-экономическаго положенія народныхъ массъ.
8. Полная амнистія всѣмъ политическимъ преступникамъ.

Является вопросъ о средствахъ, какими можетъ быть достигнутъ и этотъ минимумъ. Средствъ этихъ много, начиная отъ высказыванія мнѣній въ печати, отъ подачи заявленій сословіями и выборными учрежденіями и оканчивая открытымъ сопротивленіемъ деспотизму и открытымъ на него нападеніемъ. „Могій вмѣстити, да вмѣститъ!“ Но не слѣдуетъ забывать словъ Наливайки у Рылѣева:

Но гдѣ жъ, скажи, когда была
Безъ жертвъ искуплена свобода!

Теперь мы поговоримъ объ одной изъ общественныхъ силъ, которая можетъ послужить дѣлу свободы въ Россіи и сберечь много жертвъ. Безъ этой силы, судя по тому, что мы видѣли до сихъ поръ, кризисъ, въ которомъ погибнетъ самодержавіе въ Россіи, будетъ дологъ и мучителенъ. Эта сила — армія.

Армія эта перенесла на себѣ недавно въ сгущенномъ видѣ дѣйствіе всѣхъ прелестей теперешняго управленія Россіи. Неужели же она не поймета, гдѣ корень ихъ, или забудетъ пережитое?! Кромѣ того, неужели же на нее не подѣйствуетъ противоположность между тѣмъ, зачѣмъ она шла за Прутъ, и тѣмъ, что ей довелось тамъ сдѣлать и особенно тѣмъ, что ей придется видѣть и дѣлать въ Россіи?

Положеніе арміи, участвовавшей въ теперешней войнѣ, очень похоже на то, въ какомъ была армія Россіи по возвращеніи изъ Германіи и Франціи послѣ наполеоновскихъ войнъ 1813—1815 гг. Тогда она ходила „освобождать народы отъ всемірнаго тирана“, и увидѣла благосостояніе, просвѣщеніе и свободу большія, чѣмъ въ Россіи. Теперь, къ стыду нашему, тоже самое почти увидѣла наша армія у народовъ, которыхъ она пришла освобождать отъ „азіатскаго деспота и варвара“. Воротившись послѣ 1815 г. въ Россію изъ „войны за освобожденіе“ (Befreiungskrieg), армія Россіи увидѣла у себя дома разореніе народа, крѣпостное право, ханжество, аракчеевщину.

Теперь наша армія увидитъ голодъ крестьянскій, недоимки, рабство народа у кулаковъ и ростовщиковъ, казнокрадство, іезуитовъ въ школахъ и — царство будочниковъ и шпіоновъ, причисленныхъ новымъ указомъ о военномъ судѣ надъ политическими преступниками къ числу членовъ императорской фамиліи! Героямъ Шипки придется, быть можетъ, на другой день прибытія на родину, производить „сѣкуцію“ надъ чигиринскими крестьянами, а мученикамъ перехода черезъ Балканы придется, быть можетъ, разгонять стачку рабочихъ на фабрикѣ какого-нибудь агента Когена или Варшавскаго, который разжился на счетъ ихъ желудка и спины во время войны. Офицеру, уцѣлѣвшему при страшной атакѣ на Плевну, при-

дется стрѣлять на улицу въ свою сестру во время манифестаціи, вызванной негодованіемъ на жестокій судъ, или проходить церемоніальнымъ маршемъ по могилѣ брата, разстрѣляннаго за сопротивленіе безаконнѣйшей и жесточайшей въ мірѣ тайной полиціи!

Ужасное нравственное положеніе!

Между героями противо-наполеоновскихъ войскъ нашлись люди, которые не могли вынести этого положенія. Они составили политическія общества, имѣвшія цѣлью измѣненіе политическаго строя Россіи и освобожденіе крестьянъ. Совершенно то же, съ отличіями, сообразно теперешнимъ обстоятельствамъ, должно произойти въ арміи и теперь, если только въ ней не перевелись люди сердца и мысли. „Союзы благоденствія“, „Общества соединенныхъ славянъ“ и т. п. — прямыя дѣйствія къ установленію политической свободы въ Россіи и облегченію соціально-экономическаго положенія массъ народа, — вотъ въ чемъ должны проявиться это сердце и эта мысль у людей изъ нашей арміи, пережившей ужасы послѣдней войны. Теперь же больше надежды на успѣхъ, чѣмъ въ 1815—1825 гг. Теперь будутъ дѣйствовать не одни дворяне, не одни офицеры.

Сама по себѣ армія нигдѣ не можетъ установить даже политической свободы, не говоря уже о соціальныхъ реформахъ. Но нигдѣ перемѣна правленія не возможна безъ ея сочувствія. Въ Россіи же только одна армія, столь долго служившая опорою порабощенія народа, можетъ помочь болѣе скорому паденію деспотизма. Конечно, деспотизмъ этотъ падетъ рано или поздно, и то, что мы видимъ въ послѣдніе годы, ясно показываетъ, что рѣшительный кризисъ уже начался. Но кризисъ этотъ можетъ тянуться и годы и стоить многихъ жертвъ. Отъ честныхъ и мыслящихъ людей изъ арміи зависитъ ускорить и облегчить исходъ его въ интересахъ свободы народовъ, образъ которой носился же, конечно, передъ ихъ воображеніемъ въ трудныя минуты послѣдней войны!...

Женева, 7 сентября 1878 г.

ДѢТОУБІЙСТВО

совершаемое

русскимъ правительствомъ.

Женщины процесса московскихъ соціалистовъ.

(Первоначально напечатано отдѣльной брошюрой, какъ изданіе редакціи Украинскаго сборника „Громада“ [Община]. Женева 1877.)

Въ февралѣ и мартѣ настоящаго года газеты въ Россіи и Западной Европѣ передали болѣе или менѣе неполныя свѣдѣнія о судебномъ процессѣ 50 лицъ, принадлежавшихъ къ такъ называемому московскому обществу соціалистовъ, открытому полиціей въ 1875 г. Въ ряду этихъ лицъ обращаютъ на себя особенное вниманіе 15 дѣвушекъ и женщинъ, почти все очень молодаго возраста (отъ 15 до 25 лѣтъ; 11 изъ нихъ во время арестованія ихъ не имѣли по 20 лѣтъ), а изъ заявленій, сдѣланныхъ этими лицами на судѣ во многихъ отношеніяхъ интересна рѣчь дѣвицы С. И. Бардиной, которой, конечно, напрасно бы мы стали искать въ опубликованномъ оффиціальномъ отчетѣ объ этомъ процессѣ.

Софья Илларіоновна Бардина по своему рожденію и воспитанію принадлежитъ къ дворянскому классу. Родилась она въ 1853 году въ г. Тамбовѣ, гдѣ и получила первоначальное воспитаніе. Окончивъ курсъ въ институтѣ съ высшей наградой за оказанныя успѣхи, въ 1871 г. пріѣхала въ Москву съ цѣлью продолжать свое образованіе, но за неимѣніемъ къ тому возможности въ Россіи, въ началѣ 1872 г. от-

правилась въ Цюрихъ. Тутъ она поступила, по выдержаніи экзамена, въ политехникумъ на сельскохозяйственное (агрикультурное) отдѣленіе, гдѣ, по окончаніи перваго года, на экзаменахъ отвѣчала лучше своихъ товарищей. Затѣмъ она сочла болѣе удобнымъ для себя занятіе медициною и перешла на медицинскій факультетъ.

Но, какъ извѣстно, лѣтомъ 1873 г., передъ выѣздомъ русскаго императора въ Вѣну на выставку, состоялось, — по всей вѣроятности вслѣдствіе расчета окружающихъ его лицъ напугать царя страшнымъ революціоннымъ скопищемъ русской эмиграціи и молодежи въ Цюрихѣ, — распоряженіе, воспрещавшее русскимъ женщинамъ оставаться в Цюрихѣ далѣе новаго года, сопровождавшееся самыми грязными и при томъ совсѣмъ не политическими клеветами, но вмѣстѣ съ тѣмъ и торжественнымъ обѣщаніемъ открыть для женщинъ высшія учебныя заведенія и въ Россіи. Клеветамъ этимъ и обѣщаніямъ повѣрила печать и въ Европѣ, и въ Россіи, между тѣмъ какъ, по заявленіямъ людей, знакомыхъ близко съ дѣломъ, начиная съ совѣта цюрихскихъ профессоровъ, клеветы были достойны своего источника, а обѣщанія своего правительство русское не думаетъ исполнять и до сихъ поръ. Мало того, правительство это не сдержало и другого обѣщанія: большая часть и тѣхъ, кто послушались его требованія и оставили Цюрихъ, попали въ списокъ лицъ, которыхъ воспрещено принимать на какія бы то ни было должности: учительницъ, фельдшерицъ и т. п., чѣмъ угрожало правительство только тѣмъ, кто не оставитъ Цюриха.

Въ числѣ лицъ, которыя послѣ распоряженія правительства оставили Цюрихъ, была и Бардина вмѣстѣ съ другими дѣвушками, осужденными послѣ вмѣстѣ съ нею: Лидіей Фигнеръ, Марьей Субботиной, Варварой Александровой, Вѣрой Любатовичъ, Александрой Хоржевской. Онѣ переселились въ Парижъ, въ надеждѣ, что въ этомъ городѣ русское правительство оставитъ ихъ въ покоѣ и онѣ въ состояніи будутъ окончить свои университетскія занятія. Вначалѣ имъ дѣйствительно, какъ-бы и удалось достичь ихъ цѣли.

Именно, Парижскій медицинскій факультетъ принималъ уже въ то время женщинъ въ студенты и не имѣлъ ничего противъ зачисленія и пріѣхавшихъ изъ Цюриха. Сорбонна, которая оцѣниваетъ иностранные дипломы, отнеслась тоже весьма хорошо къ свидѣтельствамъ о предшествовавшихъ занятіяхъ поступающихъ въ Россіи и Цюрихѣ, а пробывшихъ въ Цюрихѣ около 2-хъ лѣтъ полагала возможнымъ принять въ студенты 2-го года. Надо замѣтить, что при переходѣ въ парижскій медицинскій факультетъ даже изъ провинціальныхъ французскихъ сбрасывается одинъ, либо два семестра, т. е. студентъ 4-го семестра зачисляется въ Парижѣ на 2-й или 3-й. Такимъ образомъ казалось, что все идетъ хорошо. Съ своей стороны, и поступающія не теряли времени и торопились всячески приравнять свои познанія къ парижскимъ требованіямъ, ибо въ Парижѣ преподаваніе нѣсколько различается отъ нѣмецкихъ университетовъ, а студенты въ концѣ года подвергаются экзаменамъ. Послѣдній предстоялъ и нашимъ студенткамъ, а чтобы приготовиться недостаточно было одной доброй воли, а необходимы были и матеріальныя затраты: учиться въ Парижѣ значительно дороже, чѣмъ въ Германіи. Средства вышеупомянутыхъ студентокъ были весьма ограничены и для жизни въ Швейцаріи; въ Парижѣ же пришлось урѣзать и старый бюджетъ, какъ для покупки, напр., микроскоповъ (надо было имѣть свои), такъ и для уплаты за лекціи. Въ послѣднемъ отношеніи предстояло внести значительныя суммы, ибо хотя нашихъ студентокъ и принимали на 2-й годъ, но по правиламъ медицинскаго факультета, они должны были заплатить и за 1-й а также и за присуждаемое имъ Сорбонною званіе бакалавровъ. Все это пришлось покрывать уменьшеніемъ издержекъ на столъ и квартиру. И дѣйствительно, послѣднія были доведены до такого minimum'а, что издержки простого рабочаго въ Парижѣ превышали по крайней мѣрѣ на треть издержки нашихъ студентокъ. Одинъ изъ французскихъ врачей, приглашенный по случаю болѣзни одной изъ нихъ, прямо предсказывалъ имъ

истощеніе и болѣзни при такой обстановкѣ. Достаточно сказать, что на пищу помянутыя выше лица могли издерживать по 1½ франка, вмѣстѣ съ издержками на ея приготовленіе. Насколько жизнь русскихъ студентокъ непохожа была на то „жуированье“, въ которомъ обвиняло ихъ русское правительство, видно, какъ изъ этихъ фактовъ, такъ и изъ того, что въ квартирѣ Бардиной съ подругами была одна комната совершенно нездоровая, безъ вентиляціи и камина, въ которой онѣ жили по очереди.

При такихъ лишеніяхъ студенткамъ приходилось платить за курсъ анатоміи по 200 фр., и по 30 фр. въ мѣсяцъ за химическую лабораторію, и купить микроскопъ, ибо въ лабораторіи Раньве, гдѣ пристроились наши студентки, онъ долженъ быть свой. Все это не смущало однако рѣшенія ихъ добиться своей цѣли, и лишь ждали окончанія процедуры съ оцѣнкою дипломовъ въ Сорбоннѣ. Наконецъ получилось приглашеніе явиться въ Сорбонну, но вмѣсто вѣсти о правѣ поступить въ студенты нашихъ женщинъ встрѣтили слѣдующими словами: „Несмотря на всѣ ваши права, которыя мы охотно признаемъ (мы считали возможнымъ принять васъ на 2-й годъ), мы должны вамъ отказать: вашъ посолъ извѣстилъ насъ, что русское правительство не желаетъ, чтобы русскія женщины учились за-границею, а мы должны уважать его желаніе. Примите наши сожалѣнія, сударыни, и вѣрьте, что, если-бы не желаніе князя Орлова, то вы были-бы тотчасъ приняты, какъ и другія русскія женщины, уже зачисленныя въ студенты.“ Вмѣшательство же кн. Орлова совершилось по слѣдующему поводу. Деканъ медицинскаго факультета, г. Вюрцъ, спросилъ разъ одну изъ поступающихъ (г-жу Егорову): „Что это значитъ, что вдругъ столько русскихъ женщинъ поступаютъ въ парижскій факультетъ?“ По наивности Егорова отвѣтила ему, что „наше правительство обязало насъ выѣхать изъ Цюриха“, а затѣмъ разсказала и о мотивѣ, которымъ русское правительство руководствовалось. „А когда такъ, то надо справиться у вашего посла“, былъ отвѣтъ Вюрца, и въ результатѣ справокъ — отказъ женщинамъ вновь по-

ступающимъ. Впослѣдствіи, долго спустя, сталъ извѣстенъ и отвѣтъ князя Орлова. Онъ былъ въ сущности слѣдующій: „Русское правительство считаетъ неудобнымъ, чтобы русскія женщины учились внѣ Россіи, да къ тому нѣтъ и надобности, ибо въ Россіи онѣ имѣютъ учебныя заведенія, равносильныя факультетамъ въ университетахъ. Русскія женщины желаютъ, однако, учиться непремѣнно вмѣстѣ съ мужчинами, но когда это имъ не удается, какъ, напримѣръ, въ Цюрихѣ, то науками онѣ не занимаются, а вдаются въ политику, чему примѣромъ служитъ тотъ же Цюрихъ, гдѣ онѣ были членами секціи Международнаго Общества Рабочихъ.“ Все это происходило осенью 1873 г., когда на коммунаровъ и интернаціоналовъ шла во Франціи еще жаркая охота.

И опять ложь, на этотъ разъ личная, а не анонимная, какъ въ статьѣ „Правител. Вѣстника“ противъ цюрихскихъ студентокъ. Джентльменъ, посолъ русской имперіи, князь Орловъ, налгалъ грязи на русскихъ дѣвушекъ (тогда по 18—19 году), сказавъ, будто бы ищутъ они за границей не науки, а общества мужчинъ, и солгалъ передъ иностраннымъ правительствомъ, сообщивъ ему ложь о несуществующихъ въ Россіи высшихъ учебныхъ заведеніяхъ для женщинъ!

Такимъ образомъ снова русское правительство становилось поперегъ дороги русскимъ женщинамъ, и послѣднія еще разъ увидѣли всю безплодность своихъ усилій и своихъ пожертвованій. Пришлось бросать занятія, начатыя въ Парижѣ; и многія изъ нихъ, не видя никакихъ гарантій, что имъ не помѣшаютъ и въ третьемъ мѣстѣ устроиться, и даже не имѣя возможности къ этому послѣ затратъ въ Парижѣ, рѣшились оставить мечту добиться званія врача, и поступили въ акушерки. Но для этого онѣ должны были снова возвратиться въ Швейцарію, гдѣ прослушать акушерскій курсъ можно вдвое скорѣе, чѣмъ въ Парижѣ. Но чтобы не терять времени и въ Парижѣ, помянутыя выше студентки стали посѣщать спеціальный женскій госпиталь Lourcine, гдѣ однако занятія ихъ не могли быть особенно производительны, ибо

онъ вовсе не имѣетъ въ виду ни акушерокъ вообще, ни даже начинающихъ студентовъ.

Уже впослѣдствіи русскій посолъ смилостивился, и когда трое изъ русскихъ женщинъ обратились къ нему 1874 г. за согласіемъ его на поступленіе ихъ въ факультетъ, но обратились при посредствѣ знакомыхъ послу или вліятельныхъ лицъ, то кн. Орловъ не только имъ не препятствовалъ, но даже и содѣйствовалъ, и счастливицы теперь или уже окончили, или кончаютъ свои факультетскія занятія.

Бардиной съ ея подругами пришлось воротиться въ Россію, не успѣвъ закончить свою подготовку къ дѣятельности въ такой степени, въ какой ее онѣ предполагали себѣ. Кромѣ того здѣсь онѣ попали въ число отмѣченныхъ за неблагонамѣренность уже самымъ своимъ пребываніемъ въ Цюрихѣ. Скоро за тѣмъ онѣ встрѣчаются въ числѣ арестованныхъ въ „процессѣ московскихъ соціалистовъ.“

Процессъ этотъ начался со того, что 28 марта 1875 г. рабочій ткацкой фабрики купца Шибаева въ Москвѣ, крестьянинъ Яковъ Яковлевъ, донесъ губернскому жандармскому управленію, что двое другихъ крестьянъ-рабочихъ, Иванъ Борисовъ и Николай Васильевъ, „объясняли ему, какъ говоритъ обвинительный актъ, что крестьянъ надо во всемъ сравнять съ другими сословіями, что собственность должна быть общая, и что все это должно быть скоро приведено въ исполненіе, совѣтывали проводить подобныя мысли въ народъ, устраивать съ этою цѣлью кружки, собирать возможно большое число послѣдователей таковыхъ мыслей и взглядовъ.“ Когда, послѣ доноса Яковлева, арестованъ былъ Васильевъ, то любовница послѣдняго, крестьянка Дарья Скворцова, „заявила, что желаетъ указать тѣхъ лицъ, которыя его погубили“ и указала на нѣсколько мужчинъ и женщинъ, работавшихъ на разныхъ фабрикахъ, раздававшихъ и читавшихъ рабочимъ разныя книги, толковавшихъ съ ними, при чемъ предметы этихъ толковъ Д. Скворцова передавала уже значительно рѣзче, чѣмъ первый доноситель, Я. Яковлевъ, а именно, будто бы „общество, собиравшееся у Васильева, разсуждало о

томъ, что они отвергаютъ Бога, религію, бракъ, хотятъ уравнять бѣдныхъ и богатыхъ, устроить бунтъ и рѣзню, уничтожить правительство, чиновниковъ и дворянъ, а для подготовки крестьянъ къ возстанію, раздавать имъ книжки и совѣтовать больше читать ихъ."

Въ числѣ лицъ, арестованныхъ по доносу Д. Скворцовой, была и Бардина, которая, по показаніямъ свидѣтелей, работала на фабрикѣ Лазаревыхъ подъ именемъ Анны Зайцевой и по ночамъ читала рабочимъ книжки, двѣ изъ коихъ разъ и забыла въ комнатѣ мужскихъ рабочихъ, будучи выгнана съ работы чиновникомъ фабрики, заставшимъ ее за этимъ занятіемъ. То были „Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ" и „Хитрая механика" (разборъ системы государственныхъ налоговъ съ народа и употребленія ихъ). Бардина была арестована 4-го апрѣля 1875 г. въ домѣ Корсакъ, вмѣстѣ съ семью мужчинами и одной женщиной, которой она называла себя квартиросодержательницей, Софьей Илларіоновой. Арестованная вмѣстѣ съ С. Ил. Бардиной женщина оказалась дочерью мелитопольскаго купца Бетей Абрамовной Каминской. Впослѣдствіи Каминская сошла съ ума въ тюрьмѣ, что, конечно, имѣется въ виду однимъ изъ приводимыхъ ниже стихотвореній, а Бардина вмѣстѣ съ другими 49 лицами, арестованными въ Москвѣ, Иваново-Вознесенскѣ, Кіевѣ, Одессѣ и др. мѣстахъ, была судима чрезвычайнымъ судомъ (безъ присяжныхъ), назначеннымъ для разбора политическихъ дѣлъ подъ именемъ „Особаго присутствія Правительствующаго Сената" и послѣ двухлѣтняго предварительнаго заключенія была присуждена къ 9 годамъ каторжной работы.

Мы не считаемъ возможнымъ въ настоящее время входить въ подробное изложеніе дѣла, за которое судима была Бардина и товарищи ея, ни въ оцѣнку пріемовъ и результатовъ дѣятельности ихъ на фабрикѣ, какъ потому, что у насъ нѣтъ другихъ данныхъ, кромѣ судебнаго процесса, т. е. матеріала по необходимости и не полнаго, и не всегда вѣрнаго, тѣмъ болѣе, что протоколъ его пропущенъ черезъ

правительственную цензуру, такъ и потому, что считаемъ всякое частное обсужденіе значенія дѣятельности живыхъ лицъ, находящихся въ рукахъ правительства, неудобнымъ. А потому мы ограничиваемся только вышеписаными строками, въ которыхъ заключается остовъ фактовъ, ставшихъ общимъ достояніемъ, и печатаніемъ рѣчи, которая была произнесена Бардиной во время судебнаго процесса, когда, по ходу судебнаго производства, предоставлено было сказать свое послѣднее слово (отъ формальной защиты она отказалась).

Рѣчь и приводимыя послѣ нея стихотворенія обращаются во множествѣ списковъ и нѣкоторыя изъ нихъ и въ печатныхъ копіяхъ. Молва приписываетъ первыя шесть изъ этихъ стихотвореній одному лицу, а седьмое другому. При настоящихъ обстоятельствахъ мы не имѣемъ ни права, ни намѣренія входить въ разбирательство вопроса объ авторствѣ этихъ стихотвореній. Мы печатаемъ ихъ рядомъ съ рѣчью Бардиной потому, что стихотворенія эти вмѣстѣ съ рѣчью, а также свѣдѣніями объ упорномъ трудѣ и жизни Бардиной и подругъ ея въ Цюрихѣ и Парижѣ рисуютъ по крайней мѣрѣ одинъ изъ типовъ того слоя русскихъ женщинъ, который пріобрѣлъ громкую извѣстность подъ неудачнымъ именемъ „нигилистокъ“, съ удовольствіемъ приклеиваемымъ къ нимъ реакціонною печатью въ Россіи и Европѣ, и который слуги русскаго правительства силятся выставить какимъ-то пугаломъ, лишеннымъ всего человѣческаго, тогда какъ на самомъ дѣлѣ отличительная черта этого типа скорѣе избытокъ нѣжности, чѣмъ отсутствіе ея. А все это вмѣстѣ, надѣемся, достаточно обрисовываетъ, чего стоитъ Россіи то дѣтоубійство — истребленіе молодого поколѣнія — которымъ занято наше правительство уже не первый годъ и противъ котораго пора уже поднять дружное противодѣйствіе отцамъ, матерямъ и братьямъ истребляемыхъ лучшихъ силъ нашей молодежи.

Обстоятельства послѣднихъ лѣтъ въ Россіи и въ Европѣ сложились выгодно для того, чтобъ правители Россіи могли совершать свое дѣтоубійственное

занятіе не только безпрепятственно, но еще и при сочувствіи значительной части достаточныхъ классовъ. И внутри, гдѣ пишутъ и говорятъ только то, что позволяетъ, а въ рѣшительныхъ случаяхъ только то, что приказываетъ правительство, — и внѣ Россіи, гдѣ о ея внутренней жизни не имѣютъ яснаго понятія, гдѣ въ ушахъ болѣе гуманныхъ людей прозвучали фразы объ освободительныхъ реформахъ, гуманности и миролюбіи повелителя Россіи, и гдѣ въ добавокъ печатью господствующихъ классовъ, кромѣ отвращенія отъ всего, что носитъ сходство съ соціализмомъ, часто руководятъ національныя антипатіи, гораздо больше противъ народной Россіи, чѣмъ даже противъ казенной (въ нѣмецкой печати, въ австрійской, польской, отчасти въ англійской), или же заискиваніе передъ русскимъ правительствомъ (въ печати французской и западнославянской) — все благопріятствовало тому, чтобъ дѣтоубійственныя операціи русскихъ правителей были прикрыты дымкой, часто сообщавшей имъ даже благообразный для отдаленнаго зрителя видъ.

Но вотъ, процессъ 50-ти московскихъ соціалистовъ, въ которомъ вырѣзываются особенно рельефно образы женщинъ, приподнялъ хоть немного дымку, подъ которою скрываются и до сихъ поръ мученія около 2000 человѣкъ, еще ждущихъ суда, и теперь дальнѣйшая отвѣтственность за это дѣтоубійство лежитъ уже не только на непосредственныхъ мучителяхъ, но и на всякомъ, кто попускаетъ это дѣтоубійство, кто по меньшей мѣрѣ молчитъ о томъ передъ Россіею и Европою.

М. Драгомановъ.

Рѣчь Софіи Илларіоновны Бардиной.

Я съ своей точки зрѣнія ни въ чемъ не считаю себя виновной и подлежащей наказанію, ибо никакого вреда обществу или народу принести не желала и не принесла, надѣюсь. Конечно, меня такъ же, какъ и другихъ подсудимыхъ, обвиняютъ въ стремленіи разрушить священныя основы собственности, семьи, религіи, государства, въ возбужденіи къ бунту и стремленіи водворить анархію въ обществѣ. Все это было бы весьма ужасно, если бы было справедливо, но дѣло въ томъ, что всѣ эти обвиненія основаны на одномъ только недоразумѣніи, которое я постараюсь теперь объяснить, если судъ меня выслушаетъ.

Собственности я никогда не отрицала. Напротивъ, я осмѣлилась даже думать, что я защищаю собственность, ибо признаю, что каждый человѣкъ имѣетъ право на собственность, обезпеченную его личнымъ производительнымъ трудомъ, и что каждый человѣкъ долженъ быть полнымъ хозяиномъ своего труда и его продукта. И скажите послѣ этого, я ли, имѣя такіе взгляды, подрываю основы собственности, или тотъ фабрикантъ, который, платя рабочему за одну треть его рабочаго дня, двѣ трети беретъ даромъ? или тотъ спекуляторъ, который, играя на биржѣ, разоряетъ тысячи семействъ, обогащаясь на ихъ счетъ и самъ не производя ничего? Коммунизма, какъ нѣчто обязательнаго, ни я, ни кто другой изъ пропагандистовъ также не проповѣдуетъ. Мы только выставляемъ на первый планъ право рабочаго на полный продуктъ его труда. Затѣмъ, какъ онъ распорядится этимъ продуктомъ, — обратитъ ли его въ общую или частную собственность — это ужъ его дѣло. Мы этихъ вопросовъ предрѣшать теперь не беремся и не можемъ предрѣшать, принимая во вниманіе, что такой строй можетъ осуществиться только въ далекомъ будущемъ и что подобныя детали могутъ быть выработаны только практикой.

Относительно семьи я также не знаю: подрываетъ ли ее тотъ общественный строй, который заставляетъ женщину бросать свою семью и идти для жалкаго заработка на фабрику, гдѣ неминуемо развращаются и она, и ея дѣти; тотъ строй, который вынуждаетъ женщину, вслѣдствіе нищеты, бросаться въ проституцію, и который даже санкціонируетъ эту проституцію, какъ явленіе законное и необходимое во всякомъ благоустроенномъ государствѣ; или подрываемъ семью мы, которые стремимся искоренить эту нищету, служащую главнѣйшей причиной всѣхъ общественныхъ бѣдствій, въ томъ числѣ и разрушенія семьи.

Относительно религіи я могу сказать только, что я всегда оставалась вѣрна ея духу и существеннымъ ея принципамъ въ томъ ихъ чистомъ видѣ, въ какомъ они проповѣдывались самимъ Основателемъ Христіанства. Кромѣ того, должно замѣтить, что ни одинъ свидѣтель и не говорилъ, что ему пропагандировали что-либо относительно религіозныхъ вопросовъ, чтобы отрицали Бога и т. п. Свидѣтельница Дарья Скворцова говоритъ, напримѣръ: „Бога то они на небесахъ признавали, только личность его не признавали“, т. е. относились безразлично къ нѣкоторымъ обрядамъ церкви, къ почитанію иконъ и т. п. Поэтому о религіи я ничего больше говорить не буду.

Въ подрываніи государства я столь же мало виновата. Я вообще думаю, что усилія единичныхъ личностей подорвать государство не могутъ. Если государства разрушаются, то это обыкновенно происходитъ оттого, что они сами въ себѣ носятъ зародыши разрушенія. Такъ, напримѣръ, древнія государства исчезли съ лица земли, ибо они были основаны на рабствѣ, на такомъ базисѣ, который, какъ давно извѣстно, не способствуетъ развитію обществъ. Конечно, если какое-нибудь данное государство держитъ свой народъ въ политическомъ, экономическомъ и умственномъ рабствѣ, если оно массой неоплатныхъ податей, капиталистической эксплуатаціей рабочаго и другими ненормальными экономическими и политическими отношеніями доводитъ его до нищеты, болѣзней, преступленія, то, конечно, говорю я, такое государство само себя ведетъ къ гибели, но въ этомъ уже не виноваты единичныя личности и группы, а, слѣдовательно, не за что ожесточенно преслѣдовать и наказывать ихъ. Въ противномъ же случаѣ, т. е., если государство находится въ совершенно благонадежномъ состояніи, то усилія этихъ лицъ не могутъ грозить ему ровно никакой опасностью; слѣдовательно, наказывать ихъ опять-таки не представляется никакой надобности. Вотъ почему для меня совершенно непонятна логика обвинительной власти, говорящей, что „конечно, опасности для государства тутъ никакой не можетъ быть“, но что „опасность все таки существуетъ!“... Мнѣ кажется, рѣшеніе этой дилеммы можетъ быть только одно.

Меня обвиняютъ въ возбужденіи къ бунту. Но къ непосредственному бунту я никогда не возбуждала народъ и не могла возбуждать, ибо полагаю, что революція можетъ быть результатомъ цѣлаго ряда историческихъ условій, а не подстрекательства единичныхъ личностей. Рѣзня сама по себѣ для меня, конечно, совсѣмъ не желательна. Я вовсе не имѣю тѣхъ кровожадныхъ и свирѣпыхъ наклонностей, кото-

рыя всякое обвиненіе охотно приписываетъ всѣмъ пропагандистамъ. Если бы тотъ идеальный общественный строй, о которомъ мы мечтаемъ, могъ быть осуществленъ безъ всякаго насильственнаго переворота, то, конечно, мы всѣ были бы рады этому отъ души. Я полагаю только, что насильственная революція, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, есть неизбѣжное зло, которое должно исчезнуть рано или поздно, помимо даже всякихъ усилій отдѣльныхъ лицъ или группъ... (Сенаторъ Петерсъ замѣчаетъ, что эти разсужденія не идутъ къ дѣлу). Я желаю только изложить свой взглядъ на революцію и пропаганду; думаю, что мои взгляды совпадаютъ со взглядами многихъ другихъ подсудимыхъ, и что поэтому мое объясненіе будетъ небезполезно, если выставитъ гг. судьямъ пропагандистовъ въ ихъ настоящемъ свѣтѣ.

Я, господа, принадлежу къ разряду тѣхъ людей, которые между молодежью извѣстны подъ именемъ мирныхъ пропагандистовъ. Задача ихъ — внести въ сознаніе народа идеалы лучшаго, справедливѣйшаго общественнаго строя, или же уяснить ему тѣ идеалы, которые уже коренятся въ немъ безсознательно; указать ему недостатки настоящаго строя, дабы въ будущемъ не было тѣхъ же ошибокъ; но когда наступитъ это будущее, мы не опредѣляемъ и не можемъ опредѣлить, ибо конечное его осуществленіе отъ насъ не зависитъ. Я полагаю, что отъ такого рода пропаганды до подстрекательства къ бунту еще весьма далеко.

Обвиненіе говоритъ, что мы желаемъ уничтожить классы, и понимаетъ это въ такомъ смыслѣ, что мы хотимъ поголовно вырѣзать всѣхъ помѣщиковъ, дворянъ, чиновниковъ, купцовъ и всѣхъ богатыхъ вообще. Но это опять таки недоразумѣніе. Мы стремимся уничтожить привилегіи, обусловливающія раздѣленіе людей на классы, на имущихъ и неимущихъ, но не самыя личности, составляющія эти классы. Я полагаю, что нѣтъ даже физической возможности вырѣзать такую массу людей, если бы у насъ и оказались такія свирѣпыя наклонности. Мы не хотимъ также основать какое-то царство рабочаго сословія, какъ сословія, которое, въ свою очередь стало бы угнетать другія сословія, какъ то предполагаетъ обвиненіе. Мы стремимся ко всеобщему счастью и равенству постольку, поскольку оно не зависитъ, конечно, отъ личныхъ особенностей, отъ особенностей темперамента, пола, возраста и т. п. Это можетъ показаться утопичнымъ, но, во всякомъ случаѣ, ужъ кровожаднаго-то и безнравственнаго здѣсь ничего нѣтъ. На Западѣ такого рода пропаганда ведется каждодневно и рѣшительно никого не поражаетъ своимъ радикализмомъ, не смущаетъ умы и не волнуетъ общество, можетъ быть потому, что тамъ давно привыкли обсуждать всѣ подобные вопросы гласнымъ образомъ, публично....

Обвиненіе называетъ насъ политическими революціонерами; но если бы мы стремились произвести политическій coup d'état, то мы не такъ стали бы дѣйствовать: мы не пошли бы въ народъ, который еще нужно подготовлять да развивать, а стали бы искать и сплачивать недовольные элементы между образованными классами. Это было бы цѣлесообразнѣе, но дѣло то именно въ томъ, что мы къ такому coup d'état вовсе и не стремимся.

Обвиненіе говоритъ еще, что мы хотимъ водворить анархію въ обществѣ. Да, мы, дѣйствительно, стремимся къ анархическому устройству общества, но дѣло въ томъ, что это слово въ томъ смыслѣ, въ какомъ его понимаетъ современная литература и я лично, вовсе не означаетъ безпорядка и произвола. Анархія, напротивъ, стремится водворить гармонію и порядокъ во всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ. Она не есть произволъ личностей, ибо она признаетъ, что свобода одного лица кончается тамъ, гдѣ начинается свобода другого. Она есть только отрицаніе той утѣсняющей власти, которая подавляетъ всякое свободное развитіе общества.

Итакъ, разобравъ всѣ взводимыя на меня преступленія, я нахожу, что я въ сущности ни въ одномъ изъ нихъ не виновата. Но, какъ бы тамъ ни было и какова бы ни была моя участь, я, господа судьи, не прошу у васъ милосердія и не желаю его. Преслѣдуйте насъ, какъ хотите, но я глубоко убѣждена, что такое широкое движеніе, продолжающееся уже нѣсколько лѣтъ сряду и вызванное, очевидно, самимъ духомъ времени, не можетъ быть остановлено никакими репрессивными мѣрами... (Тутъ Петерсъ ее останавливаетъ и говоритъ: „намъ совсѣмъ не нужно знать, въ чемъ вы „тамъ“ убѣждены“). Оно можетъ быть, пожалуй, подавлено на нѣкоторое время, но тѣмъ съ большей силой оно возродится снова, какъ это всегда бываетъ послѣ всякой реакціи подобнаго рода; и такъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока наши идеи не восторжествуютъ. Я убѣждена еще и въ томъ, что наступитъ день, когда наше сонное и лѣнивое общество проснется, и стыдно ему станетъ, что оно такъ долго позволяло безнаказанно топтать себя ногами, вырывать у себя своихъ братьевъ, сестеръ и дочерей и губить ихъ за одну только свободную исповѣдь своихъ убѣжденій! И тогда оно отомститъ за нашу гибель!... Преслѣдуйте насъ, за вами пока матеріальная сила, господа; но за нами сила нравственная, сила историческаго прогресса, сила идеи, а идеи, — увы! на штыки не улавливаются!...

Двѣ сосѣдки.

Боже мой, какая скука
Заключенной быть въ тюрьмѣ!
Цѣлый день лежать безъ звука
И безъ мысли въ головѣ!
А какъ тяжко, тяжко, душно,
Словно камень давитъ грудь,
Сердце бьется непослушно,
Только тяжело вздохнуть.
Но вѣдь рядомъ тоже клѣтка...
Можетъ, веселѣе тамъ.
Стукъ-стукъ-стукъ! ну что, сосѣдка,
Хорошо-ль живется вамъ!
„Легкія все не въ порядкѣ,
Стало трудно мнѣ дышать;
То чахотки злой зачатки.
Видно, надо помирать!
Кашель мучаетъ вотъ тоже,
Окаянный, грудь болитъ...
А сіяющій міръ божій
За окномъ такъ жить манитъ.
За желѣзную рѣшетку
Солнца лучъ скользнулъ,
Вѣтерокъ ворвавшись, къ клѣтку,
Свѣжестью пахнулъ, —
Шепчетъ, лишь къ лицу касаясь,
Про зеленый лѣсъ,
Что, вершинами сливаясь
Съ синевой небесъ,
Ароматъ распространяетъ;
Свѣжесть сосенъ, мховъ
Грудь больную укрѣпляетъ
Лучше докторовъ...
Шепчетъ, нервы раздражая,
Про тотъ лугъ родной,
Гдѣ цвѣты, благоухая,
Искрятся росой;
А порой звучитъ уныло
О борьбѣ глухой,
Гдѣ была въ полезна сила
Жизни молодой.
Но подрѣзаны мнѣ крылья...
Давитъ, какъ тиски,
Чувство гордаго безсилья,
Злобы и тоски.
Передъ смертью я не трушу,
Но желала бы пожить,
Чтобъ всѣ силы и всю душу
Въ дѣло положить.“ —
Кашель жалобный раздался
И пронесся стонъ,
Жгучей болью отозвался
Въ моемъ сердцѣ онъ.
Но и справа есть сосѣдка,
Дай толкнусь туда,
Лишь понять ее нерѣдко
Трудно — вотъ бѣда!
Какъ живешь, касатка Маша?
„Плохо, другъ мой, злятъ...
День и ночь вѣдь въ стѣну нашу
Жулики стучатъ.
Арестанты всѣ спириты,
Замѣчаю я,
А жандармы ядовито
Смотрятъ на меня.
Замѣчаю, какъ презрѣнье
Въ лицахъ ихъ сквозитъ.

А улыбка сожалѣнья
На устахъ скользитъ.
Но, что вижу я, о Боже!
Огоньки горятъ!
Изъ угловъ и оконъ рожи
Страшныя глядятъ!
И все больше! То толпятся
Гномы вкругъ огня,
Съ адскимъ хохотомъ грозятся
Погубить меня!
Какъ несчастная мечтаешь
Обновить ты міръ?
Уничтожить въ немъ желаешь
Нашъ кровавый пиръ!
Не спасешь ты человѣка!
Намъ и намъ однимъ
Адомъ власть дана отъ вѣка
Царствовать надъ нимъ!
Подо мной разверзлась бездна,
Все плыветъ кругомъ
Я борюсь, но безполезно!
Побѣждаетъ гномъ!"
Смолкло все. Лишь часового
Раздается мѣрный шагъ.
Безотрадно и сурово
Смотрятъ звѣзды въ небесахъ.

Къ матери.

Когда несчастье надо мною
Нависло крышкой гробовой,
Одна лишь, любящая мать,
Сумѣла ты меня понять.

***

Эгоистичная семья
Объ арестанткѣ позабыла,
Лишь ты, родимая моя,
Въ слезахъ и горѣ вся пылала.

***

За то я буду уважать
Тебя, родная, безпредѣльно,
И образъ твой благоговѣйно
Въ святынѣ сердца сохранять.

Къ Фигнеръ.

Милая дѣвушка! сильно вліяніе
Внѣшней чарующей насъ красоты, —
Такъ; но сильнѣе ея обаянія
Прелесть душевной твоей чистоты.
Много въ изящной фигурѣ гармоніи
И благородства въ движеньяхъ твоихъ,
Чувства движенья еще благороднѣе,
Сердце великое чуется въ нихъ.
Полонъ Спасителя ликъ состраданія,
Скорби въ божественныхъ много чертахъ,
Но еще больше любви и страданія
Въ этихъ бездонно глубокихъ очахъ.

Блажени кротціи, яко тіи
наслѣдятъ землю.

Возлюбила ты брата убогаго,
Ты его утѣшала слезами...
И за то предъ судью тебя строгаго
Привели, окованнаго цѣпями...
Принесла передъ нимъ ты повинную...
У судьи опустилися руки:
„Какъ могу я голубку невинную
Осудить на жестокія муки!?“ —
Нѣтъ, судья! эту дѣвушку блѣдную
Безпощаднымъ карай приговоромъ:
Иль не чуешь ты силу побѣдную
Подъ незлобивымъ любящимъ взоромъ?
Знай: не ратью, оружьемъ сверкающей,
Не войною, не силою дикой,
А любовью горячей, страдающей
Побѣжденъ будетъ міръ нашъ великій.

12 марта 1877 года.

Судъ нынче могъ бы хоть съ балетомъ
Поспорить: сильные земли
Пришли смотрѣть насъ по билетамъ,
На насъ бинокли навели...
Намъ было лестно состраданье
Прочесть у нихъ на лицахъ къ намъ.
Мнѣ даже слышалось рыданье
Изъ отдѣленія для дамъ...
И продолжалась до обѣда
И даже больше ихъ печаль;
У нихъ о насъ велась бесѣда,
Всѣ говорили: жаль ихъ, жаль!...
А у меня въ тюрьмѣ угрюмой
Была межъ тѣмъ своя печаль;
Полна имъ непонятной думой,
Я говорила: мнѣ васъ жаль! —

Мы были тамъ. Его распяли,
А мы стояли въ сторонѣ
И осторожно всѣ молчали,
Свои великія печали
Храня въ душѣ своей на днѣ.
Его враги у насъ спросили:
„И въ васъ должно быть тотъ же духъ!?
Вѣдь вы его друзьями были!“
Мы отреклись.... Насъ отпустили,
А вдалекѣ пропѣлъ пѣтухъ.
Намъ было слышно — умирая,
Онъ все простилъ своимъ врагамъ;
Онъ умеръ, ихъ благословляя,
Открывъ убійцѣ двери рая....
Но... онъ простилъ ли и друзьямъ!?

Осужденной на каторгу сенат. судомъ 22 февраля 1877 г. дѣвицѣ Лидіи Фигнеръ.

Мой тяжкій грѣхъ, мой умыселъ злодѣйскій
Суди, судья, но проще, поскорѣй,
Безъ мишуры, безъ маски фарисейской,
Безъ защитительныхъ рѣчей!...

Крестьянскія вериги вмѣсто платья
Одѣвъ, и снявъ преступно башмаки,
Я шла туда, гдѣ стонутъ наши братья,
Гдѣ вѣчный трудъ и бѣдняки!...

Застигнута на мѣстѣ преступленья,
Съ поличнымъ я на судъ приведена....
Зачѣмъ же тутъ свидѣтели и пренья?...
Вѣдь я кругомъ уличена....

Оставь, судья, ненужные допросы!
Взгляни — я вся въ уликахъ: на плечахъ
Мужицкая одежда, ноги босы,
Видны мозоли на рукахъ.

Тяжелою работой я разбита...
Но знаешь ли, въ душѣ моей на днѣ,
Тягчайшая изъ всѣхъ уликъ сокрыта —
Любовь къ родимой сторонѣ...

Но знай и то, что какъ я ни преступна, —
Ты надо мной безсиленъ, мой судья!
Нѣтъ, я суровой карѣ недоступна —
И побѣдишь не ты, а я!

Пожизненно меня ты покараешь....
Но мой недугъ ужъ написалъ протестъ —
И мнѣ грозитъ — самъ видишь ты и знаешь —
Лишь кратковременный арестъ....

А я умру все съ тою же любовью....
И, уронивъ тюремные ключи,
Съ молитвою приникнутъ къ изголовью
И зарыдаютъ палачи....

8 марта 1877 г. ***

За что старика обидѣли
и
кто его обижаетъ?!

(Размышленія по дѣлу Трепова).

Первоначально напечатано въ журналѣ „Община“ за 1879 г.

Двѣ недѣли читалъ я русскія, французскія, англійскія, нѣмецкія, польскія газетныя разсужденія о дѣлѣ Вѣры Засуличъ. Русскія газеты ликуютъ, французскія ворчатъ, нѣмецкія и англійскія разсуждаютъ; „Neue Freie Presse“ видитъ въ приговорѣ петербургскихъ присяжныхъ мані, факель, фаресъ самодержавію; „Dziennik Poznanski“ и радъ этому „своего рода разрушенію Бастиліи“, и боится, что „это оправданіе убійства“ развяжетъ руки нигилистамъ и доведетъ Россію до казачества. Начитался я всего этого и въ концѣ концовъ не могу не сказать: все это прекрасно, оправданіе В. Засуличъ дѣйствительно своего рода разрушеніе Бастиліи. Если такъ, то и Александровъ, пожалуй, выйдетъ своего рода Камиль Демуленъ! Оно, конечно, о его рѣчи можно бы многое сказать, но вѣдь побѣдителя не судятъ. А потому пусть онъ будетъ нашъ Камиль Демуленъ. Но все же за что же и старика Трепова очень уже обижать?! Да и кто его обижаетъ?! Пулю Вѣры Засуличъ, конечно, онъ заслужилъ вполнѣ, но шишки то на него и только на него одного валятся со всѣхъ сторонъ право уже въ слишкомъ большомъ количествѣ, и громы, которые въ него летятъ изъ петербургскихъ газетъ, громы совсѣмъ не изъ тучи...

За что, въ самомъ дѣлѣ, старика обидѣли? То есть прежде всего: за что его Александръ Николаевичъ

обидѣлъ? Зачѣмъ его подъ судъ присяжныхъ отдалъ? Вѣдь это его судили 31 марта, а совсѣмъ не Засуличъ: всѣ такъ это и поняли, и въ Россіи, и въ Европѣ. Такъ зачѣмъ же, за что же это позволилъ Александръ Николаевичъ?! За то, что Треповъ высѣкъ Боголюбова?! Господи, боже мой! Да вѣдь мало ли сѣкли, мало ли сѣкутъ на святой Руси, мало ли безъ розогъ мучатъ хоть бы тѣхъ же Боголюбовыхъ такъ же жестоко, такъ же беззаконно?! А наконецъ, вѣдь Треповъ высѣкъ Боголюбова еще прошлымъ лѣтомъ, отчего же подъ судъ его отдали только послѣ того, какъ его обвинила пуля В. Засуличъ? Положимъ, самодержецъ всегда въ нѣкоторомъ родѣ малолѣтокъ, и мы охотно вѣримъ, что Александръ Николаевичъ, созерцая за Дунаемъ, какъ его братецъ, архистратигъ Николай, не умѣетъ бить турокъ и какъ его слуги умѣютъ обкрадывать солдатъ, могъ не знать всѣхъ подробностей подвига своего стараго тѣлохранителя. Но вѣдь въ общихъ чертахъ онъ долженъ же былъ знать провинность Трепова, и, конечно, рѣшилъ, что Треповъ въ своемъ родѣ тоже „вышелъ изъ законности, чтобы вступить въ право“, и что въ Римъ, т. е. къ истребленію „нигилизма“, который такъ не кстати портитъ карьеру внутренняго и внѣшняго царя освободителя, всѣ дороги ведутъ одинаково. Вѣдь не вѣруй Треповъ въ этотъ догматъ, подумайте, сталъ ли бы онъ, въ самомъ дѣлѣ, сѣчь Боголюбова, да еще нѣкоторымъ образомъ въ чужомъ дворѣ, у гр. Палена, сталъ ли бы онъ скандализировать карьеру майора Курнѣева, безспорно проявившаго и въ день достопамятнаго сѣченія, и въ день еще болѣе достопамятнаго выстрѣла таланты Цербера, столь необходимые для „спасенія общества“ и въ будущія времена. Конечно, не сталъ бы! Такъ за что же его, стараго служаку, обидѣли? Неужто за то только, что Вѣра Засуличъ въ него выстрѣлила?

Главнымъ образомъ, конечно, только за то! Въ этомъ не только нельзя сомнѣваться, но это, очевидно, надо принять къ свѣдѣнію. Самооборона, воздаяніе „око за око, зубъ за зубъ“, все это вещи,

которыя неудобно прятать за ширму. А тутъ еще этотъ проклятый Константинополь, съ этими проклятыми „turkish atrocitys“: чуть что, сейчасъ и скажутъ: „однако, братъ, и у тебя рыльце въ пушку?!“ Ну, не будь еще этого проклятаго выстрѣла, какъ-нибудь бы и спряталъ этотъ пушокъ, тѣмъ болѣе, что и Европа, имѣя свой пушокъ на бородѣ, не очень то много говорила объ „atrocity“, устроенной генераломъ Треповымъ, съ майоромъ Курнѣевымъ надъ политическими преступниками, или, короче „нигилистами“. Но выстрѣлъ плюсъ Константинополь оказались величинами неудобоспрятываемыми даже и для всероссійской императорской занавѣски. И пришлось судить Засуличъ судомъ присяжныхъ, а не экстернымъ судомъ, который бы, конечно, повернулъ дѣло иначе.

Ну, опять-таки, кто же думалъ, что ее оправдаютъ! Думалось, что „присяжные поймутъ деликатность положенія, оцѣнятъ предупредительность правительства, покажутъ, что имъ можно безопасно для всѣхъ существующихъ порядковъ — читай: помпадуровъ — довѣрить судъ въ подобныхъ дѣлахъ“... ну, какъ тамъ это говорится въ умѣренно либеральныхъ газетахъ?! Думалось, что присяжные скажутъ: „виновна, но съ смягчающими обстоятельствами“, а судъ приговоритъ на 5—6 лѣтъ каторги, милостивый монархъ уменьшитъ срокъ на годъ — два, и всѣ возликуютъ: и дешево, и сердито!

Всѣ эти соображенія, конечно, уменьшаютъ вину Александра Николаевича передъ старикомъ, но не снимаютъ ее совсѣмъ. Чѣмъ онъ, старикъ, въ самомъ дѣлѣ, виноватъ, что Александръ Николаевичъ вздумалъ болгаръ освобождать какъ разъ въ то время, когда онъ видѣлъ необходимость нигилистовъ посѣчь? Вѣдь ему же не сказано было Александромъ Николаевичемъ передъ отъѣздомъ, что „теперь, братъ, на это самое время, пока я болгаръ буду освобождать, все это надо оставить!“ А еще болѣе: чѣмъ онъ старикъ виноватъ, что въ него стрѣляли? Вѣдь въ другихъ же не стрѣлялъ никто!

Вотъ графъ Паленъ, напр., съ Жихаревымъ, Железховскимъ, Потаповымъ. Они никого не высѣкли,

такъ вѣдь, во первыхъ, повода не было, а во вторыхъ, почему же это только за сѣченіе стрѣляютъ? А аресты сотнями „всѣхъ подозрѣваемыхъ лицъ“, а замариваніе въ тюрьмахъ людей, которыхъ даже исключительный судъ долженъ былъ признать невиновными, замариваніе единственно „для оттѣненія виновности другихъ“, какъ, говорятъ, очень мило выразился прокуроръ Желеховскій? Чѣмъ это лучше сѣченія? И однакожъ все это сошло и безъ выстрѣла, и безъ суда. За что-жъ одного старика Трепова обидѣли и выстрѣломъ, и гласнымъ судомъ присяжныхъ?! Ужъ если на то пошло, если уже Константинополь не позволялъ расправиться съ В. Засуличъ по домашнему, если нельзя было выдать такой указъ, по которому ее бы судили сенаторъ Петерсъ съ одесскимъ головой Новосельскимъ, такъ Александръ Николаевичъ развѣ не могъ бы устроить какой-нибудь Соломоновъ судъ; сказать В. Засуличъ: „иди и не грѣши!“ а Трепову: „усердствуй да оглядывайся!“ Это тѣмъ болѣе легко можно было сдѣлать, что изъ „порядочныхъ людей“ никто собственно и не расчитывалъ на то, что дѣло будутъ судить присяжные (мы на то имѣемъ доказательство въ тонѣ, какимъ говорили объ немъ сначала газеты), а „нигилисты“ все равно никакихъ судовъ не признаютъ.

Дальше говорятъ: дѣло было не въ выстрѣлѣ, а въ произвольномъ сѣченіи Боголюбова и въ несчастной судьбѣ Вѣры Засуличъ: въ ея произвольномъ арестѣ по дѣлу Нечаева, а потомъ въ административной ссылкѣ. Прекрасно: только Треповъ всетаки при чемъ? Вотъ, напр., „Биржевыя Вѣдомости“ заявляютъ, что „устами г. Кони, предсѣдателя суда 31 марта, говорила сама Ѳемида“, хотя эта Ѳемида пускалась въ мелкія ябедки; напр., пробовала ловить В. Засуличъ на противорѣчіяхъ и тѣмъ показала, что она не даромъ была въ прокурорахъ и строчила циркуляры для гр. Палена. Такъ вотъ, знаете ли, что эта Ѳемида-Кони виновна въ судьбѣ В. Засуличъ гораздо больше Трепова, который, собственно, въ ней совсѣмъ не виновенъ. Вѣдь г. Кони съ сенаторомъ Чемодуровымъ, съ „гуманнымъ и просвѣщеннымъ прокуроромъ

Стадольскимъ“ и др. былъ однимъ изъ участниковъ той коммиссіи, которая производила слѣдствіе по дѣлу Нечаева, а слѣдовательно былъ причастенъ къ незаслуженнымъ бѣдствіямъ В. Засуличъ. И вѣдь опять-таки во всѣхъ этихъ господъ, равно какъ и въ гр. Шувалова, Потапова и др., которые посылали В. Засуличъ изъ города въ городъ въ ссылку, никто не стрѣлялъ, ихъ никто не судилъ. А чего добраго, они еще аплодировали оправданію Засуличъ.

Какъ хотите, а это и несправедливо, и непослѣдовательно! Но ужъ что всего несправедливѣе и непослѣдовательнѣе, такъ это крики и намеки петербургскихъ газетъ по поводу суда надъ ген. Треповымъ.

Конечно, не кричать имъ нельзя, когда публика кричитъ, когда „средній петербургскій человѣкъ“ сказалъ: „да, Треповъ виновенъ!“ Иначе публика не стала бы покупать ихъ. Но вѣдь нужно же и честь знать. Что, въ самомъ дѣлѣ: Треповы, Потаповы, Шуваловы, со вчерашняго дня что ли стали расправляться надъ нашимъ братомъ? Почему же вы молчали прежде, да еще панигирики имъ писали даже сейчасъ же послѣ выстрѣла В. Засуличъ? Очевидно, потому только, что никакъ не ожидали, что дѣло приметъ такой оборотъ. Вотъ, напр., одна изъ газетъ, „С.-Петербургскія Вѣдомости“, изобразила планъ храма святыя Софіи-премудрости санктпетербургской, т. е. домъ градоначальника, въ которомъ „произошло необыкновенное, ужасное событіе: меткая и злая пуля сразила почтеннаго годами и дѣятельностью человѣка“ (№ 25). Положимъ, статью эту въ академическую газету писалъ полицейскій, можетъ быть, самъ Церберъ-Курнѣевъ, потому что, кромѣ плана и всякихъ подробностей, которыя могъ написать только очевидецъ, мы видимъ въ статьѣ опущеніе такой подробности, какъ душеніе Курнѣевымъ В. Засуличъ, вмѣсто коего видимъ трогательное описаніе, какъ Курнѣевъ бросился на помощь градоначальнику. Но вѣдь редакторы все же не полицейскіе, да и не маленькіе. Они вѣдь напечатали эти словечки: „почтенный дѣятельностью человѣкъ“ — уже послѣ сѣченія Боголюбова, о которомъ они, конечно, прекрасно

знали. Послушайте же, какъ теперь они докладываютъ объ этомъ почтенномъ человѣкѣ: „Но что на судѣ болѣе всего повліяло на присяжныхъ и на присутствующихъ, такъ это разслѣдованіе дѣла о высѣченіи, по приказанію генер.-адъютанта Трепова, Боголюбова. Подробности были отталкивающія.[1] Перспектива розогъ, какъ помостъ къ плетямъ, кнутамъ и шпицрутенамъ, и при томъ основаннымъ на произволѣ, возбудила самое непріязненное чувство. Въ добавокъ надо замѣтить, что полицейскіе чины, вызванные какъ свидѣтели, давали показанія неполныя и отрывочныя (показаніе Курнѣева), что тоже произвело невыгодное впечатлѣніе.“ (№ 90).

Вотъ вамъ и память о своихъ словахъ, вотъ вамъ и благодарность къ сотрудникамъ изъ полицейскихъ!

Другая газета, ужъ, право, не знаемъ, оффиціозная ли, или добровольская, „Голосъ“, шумитъ теперь еще болѣе: ея фельетонисту, тому самому, что подписывался редакторомъ „Гражданина“ въ то время, когда сей почтенный журналъ предлагалъ точку въ реформахъ поставить, такъ даже чудится, что „его самого, всѣхъ насъ судили“ 31 марта. Ген. Треповъ у него приравнивается къ башибузукамъ, точно въ женевской брошюрѣ, Засуличъ же оказывается „недюжинная душа“. Фельетонистъ „хочетъ вѣрить, что дѣло ея оставитъ слѣдъ въ нашей внутренней жизни“.

А вотъ послушайте, что писалось въ томъ же самомъ „Голосѣ“ 29 января: „Ѳ. Ѳ. Треповъ — имя популярное въ народѣ“, разсуждалось въ томъ же самомъ мѣстѣ газеты, и приводились въ подтвержденіе толки, будто бы слышанные фельетонистомъ и будто бы народные: „Мало ей, похитительницѣ, жилы вырвать!“ Послѣ сего слѣдовали таковыя мысли въ слухъ: „О, если бы слышала эта несчастная, поднявшая руку на этого „легкаго“ старика, умѣвшаго такъ заручить за собою симпатіи народныя! Каковы бы ни были побужденія, вооружившія эту руку, какою бы непереносимою ни могла казаться (только казаться!) обида, на отмщеніе которой вооружилась она, совер-

[1] А сѣченіе безъ „подробностей“ — ничего?! Только какъ же это сѣчь безъ „подробностей?“

шенному ею кровавому дѣлу нѣтъ извиненія! Ужасна та отравленная нравственная атмосфера, въ которой наростаютъ и созрѣваютъ подобные замыслы, изъ которой идутъ люди на такія дѣянія".

Правда, подъ однимъ „Листкомъ" подписано Волна, а подъ другимъ — Г. Градовскій (Гамма). Но вѣдь редакція всетаки одна, да и гдѣ такой Гельмгольцъ, который бы уловилъ законы звуковыхъ волнъ и гаммъ „Голоса" и ему подобныхъ органовъ русской печати! Кончала же и Гамма свои волны точкой, издѣвалась же и она „надъ тою средою, откуда выходятъ Боголюбовы." Такъ зачѣмъ же эти господа, эти „Голоса" теперь обижаютъ бѣднаго старика?!

Можетъ быть, впрочемъ, они прозрѣли теперь. — Это, конечно, въ ихъ возрастѣ нѣсколько удивительно, но бываетъ! Только нѣтъ! Приглядитесь поближе къ ихъ либеральничанію по поводу приговора 31 марта, и вы увидите, что горбатаго отъ холопскихъ согбеній только могила исправитъ и что эти господа не поняли ни на волосъ истиннаго смысла этого приговора и волненія, которое онъ произвелъ въ обществѣ.

Академическая газета сейчасъ же послѣ выписанныхъ выше словъ размышляетъ: „Пока будетъ существовать государство и общество, до тѣхъ поръ будутъ существовать и политическія преступленія, и такъ называемая административная ссылка (такъ называемая?! — а какъ же ей еще называться?). Но весьма желательно, чтобъ не было закулисной стороны ни для политическихъ преступленій, ни для административной ссылки, иначе мы будемъ свидѣтелями такихъ анормальныхъ и невозможныхъ явленій, которыхъ обращикомъ служитъ все дѣло Засуличъ съ ея арестомъ, административною ссылкою (а сѣченіе?), выстрѣломъ въ ген.-ад. Трепова и, наконецъ, оправданіемъ на судѣ". И такъ „оправданіе" — тоже „невозможное явленіе", а „сѣченіе", вѣроятно, „возможное", только бы оно было „не закулисное?!" Вѣдь, по вашему, и административная ссылка всегда будетъ, „пока будутъ существовать государство и общество," хотъ есть уже и теперь государства, гдѣ нѣтъ ничего подобнаго „административной ссылкѣ", да и въ одномъ

изъ вашихъ же законовъ написано, что никто не можетъ быть наказанъ безъ приговора суда. И что же такое „закулисная сторона“, какъ не административная расправа безъ суда? Интересно бы было посмотрѣть, какъ это будутъ губернаторы, шефы жандармовъ, министры внутреннихъ дѣлъ не за кулисами, а передъ кулисами, и нормально, а не анормально ссылать людей въ мѣста, куда Макаръ телятъ гоняетъ, и какое будетъ отъ этого облегченіе для обывателей!

Очевидно, органъ министерства народнаго просвѣщенія зарапортовался, и ничего не понялъ въ приговорѣ 31 марта, и вообще мало смыслитъ въ порядкахъ не только общественныхъ, но и государственныхъ. Но и другіе собраты его не далеко ушли.

Вотъ „Голосъ“ и въ самомъ фельетонѣ г. Градовскаго глаголетъ: „Намъ даны законы, уставы, положенія, созданы учрежденія, но кто же ихъ не соблюдаетъ, кто прямо и косвенно потворствуетъ разладу между словомъ и дѣломъ?“ Да никто же, отвѣчаемъ мы, какъ тѣ же законы, уставы, положенія, учрежденія, которыя намъ даны; никто, какъ тотъ же, кто ихъ намъ даетъ? Развѣ административная ссылка — не положеніе? развѣ III отдѣленіе — не учрежденіе? развѣ воля самодержца — не законъ? развѣ Треповъ и Потаповъ — не руки самодержца?! А если онъ и надавалъ вамъ полуреформъ, такъ вѣдь онъ же не клялся, что „не будетъ разницы между словомъ и дѣломъ“; а если бы и клялся, такъ клятва его была бы только словомъ. О чемъ же тутъ и разговаривать?

„Московскія Вѣдомости“, этотъ едва ли не единственный, послѣ прекращенія газеты Аскоченскаго, послѣдовательный органъ въ русской столичной печати, заявили, что приговоръ 31 марта — „скандалъ“, а тѣ, кто одобрялъ его, „бунтовщики и измѣнники бѣлаго царя“. И, конечно, „Московскія Вѣдомости“ прекрасно поняли и смыслъ приговора, и отношеніе къ нему публики. Весьма можетъ быть, что присяжные 31 марта — преискренніе монархисты и о послѣдствіяхъ своего приговора и не думали. Судъ присяжныхъ тѣмъ и хорошъ, что не даетъ много думать да оглядываться, а судитъ по первому впечат-

лѣнію фактовъ, которое, какъ извѣстно, всегда почти бываетъ хорошимъ. Но тѣмъ не менѣе всетаки приговоръ 31 марта былъ приговоръ надъ цѣлой системой, безъ которой и все это событіе невозможно. А система эта всетаки — бѣлый царь.

„Голосъ“, отвѣчая „Московскимъ Вѣдомостямъ“, отрекается отъ всѣхъ своихъ либеральныхъ намековъ, когда присягаетъ: „мы не бунтовали, мы не измѣнники бѣлаго царя!“ и, очевидно, не понимаетъ даже самого себя, когда говоритъ: „Никому въ мысль не приходило оправдывать покушеніе на убійство. Напротивъ, всѣ, бывшіе на судѣ, непосредственно ознакомившіеся съ подробностями дѣла, искренно пожалѣли о существованіи причинъ, вызывающихъ столь прискорбныя послѣдствія“.

Да вѣдь данное „покушеніе“, покушеніе-то Вѣры Засуличъ, есть не покушеніе на убійство вообще, а отвѣтъ на дѣяніе Трепова въ частности, и безъ него не мыслимо. Одно изъ двухъ: оправдываете ли вы дѣяніе Трепова или не оправдываете? И сообразно съ отвѣтомъ на этотъ вопросъ вы можете отвѣчать и на вопросъ: оправдываете ли вы покушеніе В. Засуличъ или не оправдываете? А дальше, какія же причины, вызывающія столь прискорбныя послѣдствія“, какъ арестъ и ссылка В. Засуличъ, какія же причины, какъ не „бѣлое царство?“ Даже причина персональныхъ дѣяній Трепова и причина выстрѣла въ него есть всетаки персонально же „нынѣ благополучно царствующій бѣлый царь“. Онъ поставилъ Трепова, онъ „даде ему область сыномъ божіимъ въ Петроградѣ быти“, онъ оставилъ его безнаказаннымъ до сихъ поръ; III отдѣленіе его собственной канцеляріи не пустило на судъ 31 марта свидѣтелей Купріянова и Волховскаго, которые могли бы поразсказать вещи, далеко оставляющія за собою все то, что слышали люди на этомъ судѣ. Что же онъ, въ самомъ дѣлѣ, малолѣтокъ, что ли, этотъ бѣлый царь-реформаторъ, если онъ не знаетъ и не хочетъ знать того, что дѣлаютъ его правыя руки, если онъ не въ состояніи понять причинъ всего, того, что дѣлается въ его царствѣ?!

Если же онъ въ самомъ дѣлѣ малолѣтокъ, такъ будетъ ему разыгрывать роль „главы великаго народа“, а пусть онъ шелъ бы редакторствовать въ „Голосъ“ или въ „Новое Время“. Вотъ и это „Новое Время“ тотчасъ послѣ приговора 31 марта пустилось увѣрять, что это приговоръ не „противъ государства, а за государство“.

То есть, позвольте, за какое же это государство? За Volksstaat Бебеля? за Соединенные ли Сѣверо-американскіе Штаты? за Англійскую ли конституціонную монархію или за государство Александра Николаевича?! Судъ 31 марта былъ въ Россіи, а въ Россіи мы знаемъ одно государство — государство самодержавнаго Александра Николаевича съ самодержавными Треповымъ, Потаповымъ, съ самодержавными жандармами, которые били женщинъ, провожавшихъ В. Засуличъ, съ тѣми жандармами, которые хотѣли ее арестовать послѣ оправданія судомъ и могли бы ее отправить въ ссылку, если бы она не ушла. Государство Александра Николаевича высочайше повелѣло „совершенно прекратить изданіе“ газеты, осмѣлившейся напечатать скромнѣйшее письмо В. Засуличъ, въ которомъ она выражала готовность подчиниться суду, но не административному произволу. Это государство, наконецъ, установило то министерство внутреннихъ дѣлъ, которое запретило розничную продажу самому „Новому Времени“ за „распространеніе ложныхъ извѣстій“, т. е. собственно за сообщеніе части правды о томъ, какъ полиція била публику. Такъ вотъ редакція „Новаго Времени“ вовсе не противъ такого государства, а за него! Такъ противъ чего же она?!

Защищая петербургское „избранное общество“ отъ обвиненій „Московскихъ Вѣдомостей“ въ измѣнѣ и упоминая о „явленіяхъ“, совершающихся въ одно время въ Одессѣ, Кіевѣ, Петербургѣ, Москвѣ, „Новое время“ опять бормочетъ: „Эти явленія не угрожаютъ нисколько государственной власти, не ослабляютъ ея силы и значенія. Но они указываютъ на болѣзненные симптомы нашего организма, вызывающіе необходимость леченія, а не кары. Какія средства

нужны для леченія, — это другой вопросъ, но несомнѣнно, что не взаимными прекаліями, упреками и обвиненіями можно подвинуться къ его спокойному и разумному разрѣшенію".

Несомнѣнно, что „не взаимными прекаліями" и проч., хотя, какъ же это вы избѣгнете и прекаліи между „измѣнниками и слугами бѣлаго царя?" Но еще несомнѣннѣе, что бормотаніемъ, да еще лакейскимъ, не поможешь Россіи въ настоящемъ кризисѣ. Что это за слова: „болѣзненные симптомы, леченіе" и т. п.? Кто боленъ, или, если ужъ говорить по вашему, чѣмъ больше больна Россія — Треповымъ съ Александромъ Николаевичемъ, или Боголюбовымъ съ Засуличъ? Какъ ее лечить? Вѣдь, кто-нибудь, пожалуй, сведетъ леченіе на холодную воду, а то и на розги, или на латинскія спряженія, которыя прописали же Россіи Леонтьевъ и гр. Толстой послѣ Каракозова! О такихъ вещахъ надо говорить сразу и прямо, а не бормотать богъ знаетъ что и отсылать людей „до другого вопроса". Впрочемъ, какъ и слѣдовало ожидать, никакого такого „другого вопроса" петербургская газета не подняла. Мало того, наша статейка была уже вся набрана, когда мы получили пасхальный № „Новаго Времени", въ которомъ самъ „откровенный" издатель этой газеты, возвратившись изъ Москвы, съ восторгомъ о какой-то невѣдомой міру „старой московской свободѣ", объявилъ преоткровенно, что „пора уже забыть" все то, что случилось въ обѣихъ столицахъ въ послѣднія горячія двѣ недѣли. Этимъ онъ поставилъ весьма явную точку на всѣ бормотанія своей газеты, и точка эта: „пора забыть" — такъ же, конечно, должна прославить ея автора, какъ и знаменитая точка гг. Мещерскаго и Градовскаго.

Но Александръ Николаевичъ не такъ забывчивъ и еще откровеннѣе, такъ что мы рѣшительно поддерживаемъ его кандидатуру въ редакторы „Новаго Времени". Онъ тоже поставилъ точку надъ всѣмъ случившимся въ послѣднее время, тоже снесъ и поднесъ Россіи пасхальное яичко! послѣ всего-то случившагося онъ произвелъ Трепова въ генералы отъ кавалеріи!

Неправда ли: очень кавалерское обращеніе съ обществомъ? Теперь, право, казалось бы, только тумбы на мостовыхъ Петербурга не поймутъ, что это самъ бѣлый царь, а не Треповъ съ Курнѣевымъ истязалъ людей въ домѣ предварительнаго заключенія!

И, однакожъ, мы совсѣмъ не увѣрены, что петербургскія газеты поймутъ и эту точку бѣлаго царя и поймутъ, въ чемъ же это состоитъ „болѣзнь“ Россіи? А потому бросимте, читатель, этихъ господъ и будемъ говорить „сами промежъ себя“.

„Кризисъ“, который переживаетъ теперь Россія и котораго „явленія“, случившіяся на-дняхъ въ Одессѣ, Кіевѣ, Петербургѣ, Москвѣ, служатъ показателями, начался не вчера, а еще въ 1861—62 гг., когда стало ясно мало-мальски мыслящимъ людямъ, что „Царь-реформаторъ“ вовсе не думаетъ разставаться ни съ людьми, ни съ системою своего „дражайшаго родителя“ и не умѣетъ сдѣлать сколько-нибудь сносно даже собственныхъ полуреформъ, начиная отъ пресловутой крестьянской реформы. Тогда уже раздались въ Россіи голоса о необходимости самому обществу взять въ руки правленіе дѣлами Россіи. Тогда же начались и тѣ явленія, съ которыми наивные люди познакомились только на процессѣ 31-го марта: произвольные аресты, ссылки, даже, говорятъ, сѣченіе и пытки политическихъ преступниковъ и въ Петербургѣ, и въ Сибири. Польское возстаніе прибило начавшееся тогда движеніе среди „людей съ положеніемъ“, и въ активной оппозиціи государству Александра Николаевича остались только немногіе люди изъ молодежи, и притомъ соціалистическаго направленія. Этимъ объясняется весь характеръ дальнѣйшаго движенія въ Россіи. По существу своему движеніе это состоитъ изъ двухъ потоковъ: общеевропейскаго, соціальнаго, и спеціально россійскаго — противосамодержавнаго. Когда въ активной оппозиціи правительству Александра II, Треповыхъ, Шуваловыхъ, Толстыхъ и т. п. осталась только соціалистическая молодежь, тогда политическая сторона движенія ослабла, была даже многими изъ нея осуждена, какъ лишняя, или даже вредная. Но соціали-

стическая сторона росла съ половины 60-хъ годовъ все больше и больше, и выступила наружу въ цѣломъ рядѣ процессовъ послѣднихъ лѣтъ. Преслѣдованія, которымъ подвергалась въ эти годы соціалистическая молодежь въ Россіи, отличались безмѣрнымъ варварствомъ и произволомъ, тѣмъ болѣе тяжкимъ, что они направлялись противъ движенія гораздо болѣе теоретическаго, нежели практическаго, противъ дѣйствій гораздо болѣе домашнихъ, чѣмъ публичныхъ. Эти преслѣдованія, въ связи съ процессомъ дальнѣйшаго развитія идей, натолкнули гонимыхъ соціалистовъ въ Россіи на новые пути и при томъ на болѣе публичныя дѣйствія, начиная съ манифестаціи на Казанской площади, т. е. со случая, который былъ первымъ звеномъ исторіи, теперь такъ волнующей публику.

Люди изъ соціалистической молодежи, которые, нужно сказать, совсѣмъ не участвовали въ такихъ практическихъ соціальныхъ, народныхъ волненіяхъ, какъ Чигиринское дѣло, возстаніе крестьянъ въ Воронежской губерніи, уральскихъ казаковъ, даже въ забастовкахъ рабочихъ столичныхъ; которые не тронули пальцемъ ни одного лорда Лейтрима, ни подрядчика или фобриканта, выходятъ теперь на площадь съ протестомъ противъ гоненія и ссылокъ въ Сибирь, убиваютъ шпіона въ Ростовѣ, отстрѣливаются отъ жандармовъ въ Одессѣ, стрѣляютъ въ прокурора въ Кіевѣ. Дѣвушка, о политическомъ и соціальномъ образѣ мыслей которой мы не имѣемъ права говорить, такъ какъ сама она не высказала его публично, стрѣляетъ въ генерала, совершившаго произвольное истязаніе надъ Боголюбовымъ. Далѣе, шестая часть студентовъ въ Кіевѣ протестуетъ публично съ подписями противъ ареста ихъ товарища и изгоняется профессорскимъ судомъ изъ университета.[1] Молодежь въ Москвѣ публично заявляетъ со-

[1] Ну, да и умныя головы эти кіевскіе профессора! Того и гляди, что профессоръ уголовнаго права предложитъ шестую часть людей въ Россіи въ острогъ посадить, а профессоръ оперативной хирургіи начнетъ лѣчить вырѣзываніемъ головнаго мозга и сердца! Да чего и ждать отъ людей, которые выбрали себѣ головою такую голову и на такой шеѣ, какъ у Матвѣева, и послали его говорить со студентами въ такой горячій часъ! Если бы у нихъ дѣйствительно были на плечахъ умныя головы, то они бы должны были еще въ прошломъ году, вмѣсто лакейскаго

чувствіе къ безъ суда ссылаемымъ за этотъ протестъ кіевскимъ студентамъ. Все это явленія разной силы и достоинства.[1] Но эти явленія одинаково политическія, а не соціалистическія, хотя и вытекшія необходимо и навѣрно болѣе безсознательно, чѣмъ сознательно, изъ соціалистическаго движенія молодежи послѣднихъ лѣтъ. Этой молодежи слишкомъ наболѣли всѣ эти каторги, ссылки, аресты, шпіоны, прокуроры, Треповы, безмолвно сносить которыхъ значитъ потворствовать имъ. Вотъ разгадка тѣмъ „явленіямъ“, которыя, какъ лавина, растутъ въ послѣдніе мѣсяцы въ разныхъ углахъ Россіи. Отношеніе публики ко всѣмъ этимъ явленіямъ протеста противъ политическаго строя Россіи въ послѣдніе дни показываетъ, что движеніе на этотъ разъ уже вышло за предѣлы исключительно кружковъ людей соціалистическаго образа мыслей и учащейся молодежи.

Движеніе опять становится общественнымъ, какъ въ 1860—63 гг., но при этомъ болѣе сознательнымъ, болѣе рѣшительнымъ, и въ добавокъ такимъ, которое, прошедши чрезъ фазу „хожденія въ народъ“, какъ бы это хожденіе ни было несовершенно, притянуло къ себѣ и извѣстную часть городскихъ рабочихъ. Мы видѣли, что оно растетъ стихійно, какъ лавина, и растетъ не только на перекоръ преслѣдованіямъ, но растетъ и усложняется именно подъ вліяніемъ преслѣдованій, а потому очевидно, что его никакими преслѣдованіями, ни даже мясницкими кулаками не остановишь. Вѣдь и самая московская мясницкая драка вызоветъ же разговоръ и между московскимъ „простонародьемъ“ о томъ, чего такого, въ самомъ дѣлѣ, хотятъ „студенты — измѣнники бѣлаго царя?“ А теперь есть же люди и между рабочими, которые сумѣютъ разъяснить этотъ вопросъ. Очевидно, что сопротивленіе этому движенію сдѣлаетъ только его озлобленнѣе, кровавѣе.

адреса самодержцу (подавать который, вѣдь, не входило же въ прямыя ихъ обязанности, и говорить въ которомъ они могли отъ имени чего угодно, только не отъ „имени науки“), подать адресъ объ установленіи въ Россіи политической свободы. При ней, конечно, и всей этой „университетской исторіи“ не было бы.

[1] Нельзя же ставить въ одинъ рядъ явное сопротивленіе въ Одессѣ и такое же дѣйствіе Засуличъ съ тайнымъ убійствомъ въ Ростовѣ или покушеніемъ въ Кіевѣ.

Вотъ тутъ-то и является испытаніе для „среднихъ“ элементовъ въ обществѣ, которыхъ судьи произвола ген. Трепова и наши газеты хотятъ быть выразителями. Тутъ бормотаньями, да вздохами о гибели молодыхъ силъ, да ахами объ избираемыхъ протестующими средствахъ, да увѣщаніями „повременить“, да „пообождать“ ничего не подѣлаешь. Минимумъ, что эти „средніе элементы“ должны бы были потребовать, — это уничтоженія III Отдѣленія, административной ссылки, установленія свободы выраженія политическихъ и соціальныхъ ученій, уничтоженія исключительныхъ судовъ для политическихъ дѣйствій, амнистіи всѣхъ до сихъ поръ пострадавшихъ отъ этихъ судовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ограниченія корня всего этого произвола, ограниченія царскаго произвола земскимъ соборомъ, котораго еще въ 1860—63 гг. требовали Герцены, Огаревы, Бакунины, Михайловы, „Великоруссы“ и т. п. Мы не сомнѣваемся, что, если бы, напр., всѣ столичныя газеты въ одинъ день потребовали всего этого, то правительство не посмѣло бы закрыть ихъ.

Но онѣ не рѣшаются, а бормочутъ ни вѣсть что, столько же отъ трусости, сколько и отъ темноты въ мысляхъ, которая, кажется, достаточно видна въ приведенныхъ выше отрывкахъ, и которая есть собственно и мать трусости. Вмѣсто ясныхъ мыслей наши наиболѣе распространенныя газеты, чтобъ какѣ-нибудь подладиться къ общественному движенію, лягаютъ изподтишка уже достаточно наказаннаго старика, котораго, право, не имъ бы лягать, потому уже, что онѣ еще недавно пѣли ему хвалы и лягали тѣхъ, кого онъ гналъ вмѣстѣ съ своими товарищами и своимъ господиномъ.

Очевидно, что пробудившееся въ обществѣ политическое движеніе должно найти себѣ другіе органы и другіе способы выраженія. Оно и найдетъ ихъ, и добьется своего. По закону вещей сдѣлаетъ это та часть общества, которая начала движеніе, которая наиболѣе страстно къ нему относится: въ данномъ случаѣ молодежь, крайніе, соціалисты. Эти послѣдніе, повидимому, весьма равнодушны къ личностямъ, къ палліативнымъ мѣрамъ,

къ политическимъ формамъ. А всетаки они „закончатъ эру реформъ нынѣ благополучно царствующаго императора“, они дадутъ Россіи и умѣренную политическую свободу. Они, эти исключенные кіевскими профессорами студенты и имъ подобные „незрѣлые юноши“ установятъ въ русскихъ университетахъ „свободу научнаго изслѣдованія“, и при этомъ обезпечатъ даже ту мизерненькую „автономію университетскихъ совѣтовъ“, т. е., напримѣръ, свободу университетской аристократіи выбирать въ ректоры Матвѣевыхъ, изъ-за которой такъ волновалось недавно наше „ученое, зрѣлое“ профессорство, изъ коего даже болѣе порядочные люди такъ благоразумно прячутся въ свои норки всегда, когда въ молодежи и обществѣ, такъ или иначе, но поднимаются коренные вопросы общественнаго строя. Мало того, они, эти крайніе, обезпечатъ гг. Стадольскимъ, Кони и т. п. независимость суда, какая только возможна въ государствѣ, суда, который будетъ судить все ихъ же — крайнихъ, соціалистовъ. Они обезпечатъ „Голосу“, „Новому Времени“ и т. п. неприкосновенность розничной продажи листковъ, которые будутъ травить все ихъ же — молодежь, крайнихъ, соціалистовъ!

Иронія исторіи, господа! Да что жъ ты подѣлаешь съ нею, съ этой исторіей?! Извѣстно, стихія! „Ну, и претъ! Потому — сила. Ничего не подѣлаешь!“

23-го апрѣля.

По вопросу
о малорусской литературѣ

(Первоначально напечатано отдѣльной брошюрой. Вѣна 1876 г.)

По вопросу о малорусской литературѣ.

Вмѣсто предисловія. — Новое гоненіе на малорусскую литературу въ Россіи, его причины и ближайшія слѣдствія. Политическая и литературная сторона вопроса.

Противоукраинофильская литература 1875—1876 гг. — Злонамѣренные, невѣдущіе и недогадливые. — Малорусскій языкъ. — Одно русское общество, двѣ русскія народности, три русскія литературы въ Россіи. — Польское нѣмецкое и мадьярское общество, малорусская народность, малорусская и бурсако-русская литература въ Австро-русскихъ земляхъ. — Вопросъ объ узкости круга и интересовъ, некультурности и новизнѣ малорусской литературы. — „Украйнофильство“ во Франціи, Италіи и др. старокультурныхъ земляхъ. — Панславизмъ, панруссизмъ и панмалоруссизмъ. — Кадры малорусскаго возрожденія въ Галичинѣ. — Поверхностное и органическое единство, космополитическое и племенное.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Настоящая брошюра весьма мало подходитъ по своему характеру къ другимъ русскимъ произведеніямъ, печатаемымъ за границей. При мало-мальски человѣческихъ порядкахъ печати, она весьма легко могла бы появиться и въ Россіи, какъ и всѣ тѣ статьи, по поводу которыхъ она написана. Она и предназначалась для одного петербургскаго изданія, которое обѣщало относиться къ русско-славянскимъ вопросамъ съ большимъ вниманіемъ и пониманіемъ, чѣмъ то, какое обыкновенно видимъ въ нашихъ столичныхъ изданіяхъ.

Между тѣмъ, по цензурному вѣдомству въ Россіи разослано было слѣдующее циркулярное распоряженіе:

Государь Императоръ 18/30 минувшаго мая Высочайше повелѣть соизволилъ:

1. Не допускать ввоза въ предѣлы Имперіи безъ особаго на то разрѣшенія Главнаго Управленія по дѣламъ печати какихъ бы то ни было книгъ и брошюръ, издаваемыхъ за границею на малороссійскомъ нарѣчіи.

2. Печатаніе и изданіе въ Имперіи оригинальныхъ произведеній и переводовъ на томъ же нарѣчіи воспретить, за исключеніемъ лишь: а) историческихъ документовъ и памятниковъ и б) произведеній изящной словесности, но съ тѣмъ, чтобы при печатаніи историческихъ памятниковъ безусловно удерживалось правописаніе подлинниковъ, въ произведеніяхъ же изящной словесности не было допускаемо никакихъ отступленій отъ общепринятаго русскаго правописанія и чтобъ разрѣшеніе на печатаніе произведеній изящной словесности давалось не иначе, какъ по разсмотрѣніи рукописи въ Главномъ Управленіи по дѣламъ печати.

3. Воспретить также различныя сценическія представленія и чтенія на малорусскомъ нарѣчіи, а равно и печатаніе на таковомъ текста къ музыкальнымъ нотамъ.

Начальникъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати
Григорьевъ
(профессоръ университета!!!)

Это распоряженіе, выходящее такъ кстати въ то время, когда столько говорится о славянской освобождающей миссіи Россіи, и поражающее слово потомковъ тѣхъ самыхъ героевъ, которые

открыли для Россіи восточный вопросъ, не нуждается въ комментаріяхъ и оцѣнкѣ. Мы скажемъ только, что этотъ плодъ комиссіи, о коей было возвѣщено во время пребыванія Государя въ Кіевѣ, въ сентябрѣ 1875 г., такъ странно связаннаго съ измѣненіемъ въ личномъ положеніи автора этой брошюрой, — есть ничто иное, какъ самое безцеремонное прикрываніе именемъ главы государства личныхъ счетовъ такихъ господъ, какъ гр. Дмитрій Андреевичъ Толстой и даже Тайный Совѣтникъ Михайло Владимировичъ Юзефовичъ, — члены упомянутой комиссіи, въ которой мы не знаемъ, какую роль играли другіе члены: министръ внутреннихъ дѣлъ Тимашевъ и Шефъ Жандармовъ Потаповъ. Государственная мѣра эта, столь законная, просвѣщенная и своевременная, есть звено, не знаемъ, послѣднее ли въ кампаніи, вызванной короткой замѣткой „по поводу кіевскихъ застольныхъ рѣчей“, произнесенныхъ въ 1873 г. въ честь гр. Толстого дружиною г. Юзефовича,[1] заслужившаго тогда даже и отъ „Голоса“ титулъ „балансера“, замѣткой, которою кіевскій украйнофилъ смутилъ неловко подтасованное торжество новаго святаго Владиміра, просвѣтителя Руси. Кампанія эта началась еще въ 1874 г. пасквилями и продолжалась самою безцеремонною ложью въ газетахъ и журналахъ, сначала въ находящемся на содержаніи у графа Толстого „Кіевлянинѣ“, потомъ со времени III археологическаго съѣзда въ столичныхъ („Голосѣ“, „Русскомъ Вѣстникѣ“) и, наконецъ, въ оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ доносахъ. Уже одно это происхожденіе достаточно характеризуетъ плодъ этотъ, — новую „государственную“ мѣру.

Но послѣ этого распоряженія было бы странно надѣяться, что въ Россіи въ близкомъ будущемъ можетъ появиться какая-нибудь статья, разъясняющая значеніе совершающагося въ ней жизненнаго процесса, — роста малорусскаго народнаго сознанія. Произволъ цензоровъ и робость редакторовъ навѣрное задержитъ на извѣстное время даже ученую разработку вопросовъ малорусской этнографіи, тѣмъ болѣе, что новое запрещеніе отдаетъ цензорамъ на рѣшеніе даже правописаніе, которое въ этнографическихъ изданіяхъ, по природѣ вещей, иное не можетъ быть, какъ фонетическое, воспрещенное новымъ распоряженіемъ, на основаніи смысла котораго цензоръ долженъ будетъ остановить даже Сказки Аѳанасьева и Онежскія былины Гильфердинга. А, между тѣмъ, безсознательное или одностороннее отношеніе къ органическимъ процессамъ, каковъ и ростъ малорусскаго народнаго самосознанія и малорусской литературы, не обходится безнака-

[1] Авторъ имѣетъ здѣсь въ виду свое письмо въ редакцію „Вѣстника Европы“ (1873 г. дек., стр. 903—906), напечатанное подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ и подписанное инициалами А. А. Зло высмѣявъ въ немъ чествованіе тогдашняго министра народнаго просвѣщенія гр. Дм. А. Толстого, какъ просвѣтителя Россіи, онъ мимоходомъ уличилъ въ глубокомъ невѣжествѣ министра-просвѣтителя, который въ одной изъ своихъ рѣчей, приведя евангельское изреченіе — никто не бываетъ пророкомъ въ своемъ отечествѣ, — назвалъ его французской поговоркой. Авторское инкогнито М. Драгомамова не было сохранено, и гр. Дм. Толстой воздвигъ противъ него личныя гоненія, закончившіяся его удаленіемъ изъ Кіевскаго Университета. Это письмо было вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ личныхъ поводовъ для гр. Дм. Толстого и Юзефовича хлопотать и настаивать на гоненіяхъ противъ малороссовъ и малорусской литературы. Прим. ред.

заннымъ для общественной жизни. Мы вовсе не преувеличиваемъ важности высказываемыхъ нами мыслей, но думаемъ, что въ нормальныхъ человѣческихъ отношеніяхъ всегда имѣетъ значеніе слово, сказанное своевременно, послѣ взвѣшиванія разныхъ сторонъ предмета, и искренно. Къ тому же для будущихъ наблюдателей хода малорусскаго общественно-литературнаго движенія, мы думаемъ, небезъинтересно будетъ знать, какой умѣренной формы этого движенія не въ состояніи была признать русская оффиціальная дѣйствительность и какъ мало это движеніе въ этой формѣ, непосредственно предшествовавшей вышеприведенной крайней мѣрѣ, было оцѣнено тѣми, кому, казалось бы, должны быть дороги народные русскіе и славянскіе интересы, какіе были всегда присущи малороссійскому самосознанію съ 40-хъ гг.

Въ настоящей статьѣ мы говоримъ только о литературной сторонѣ малорусскаго вопроса, потому что большая часть и болѣе порядочная часть статей, которыя вызвали нашу статью, остаются на литературно-культурномъ полѣ, не переходя на политическое. Да и самое вышеприведенное распоряженіе имѣетъ чисто литературное значеніе. Оно направлено противъ всякой малорусской литературы, театра и даже музыки, особенно же противъ популярной элементарной литературы, т. е. именно противъ той „литературы для домашняго обихода“, которой необходимость признавали и московскіе, и даже петербургскіе славянофилы (И. Аксаковъ, Вл. Ламанскій и др.), и оффиціальные педагоги, въ родѣ Весселя, Ушинскаго и др., и которою соглашались довольствоваться сами украйнофильскіе авторитеты (см., напр., статью Костомарова въ сборникѣ Гербеля „Поэзія Славянъ“) и которою, конечно, удовольствовались бы и болѣе горячіе украйнофилы на долгое время. Новое запрещеніе поражаетъ именно не только домашнюю, но и неполитическую, легальную, подцензурную малорусскую литературу, будучи, конечно, совершенно безсильно противъ заграничной, и при томъ политической и особенно революціонной литературы.

Въ другихъ мѣстахъ мы говорили о тѣхъ политическихъ, соціальныхъ, равно какъ и о педагогическихъ вопросахъ, которые связаны съ такъ называемымъ украйнофильствомъ. (См. наши статьи въ „Вѣстникѣ Европы“ 1872, 1873, 1874, 1875 гг. Восточная политика Германіи и обрусеніе, Русскіе въ Галиціи, Литературное движеніе въ Галиціи, Народныя нарѣчія и мѣстный элементъ въ обученіи, Евреи и поляки въ Югозападномъ краѣ, а также въ Правдѣ 1873—1874 и 1876 гг. Литература россійска, великорусска, украинска и галицка, и Антрактъ въ исторіи украйнофильства 1863—1862). Мы не считаемъ нужнымъ повторять теперь сказанное, какъ бы охотно ни извращались наши мысли печатною полемикою и рукописными доносами. Теперь поставленъ вопросъ о формѣ, а не о содержаніи малорусской литературы, о самой литературѣ, а не о политикѣ и вообще объ идеяхъ. Объ этой послѣдней сторонѣ дѣла мы замѣтимъ только слѣдующее: Малороссовъ на свѣтѣ отъ 16 до 18 милліоновъ, разной степени образованія и развитія и при томъ раздѣленныхъ

въ двухъ имперіяхъ. Уже поэтому малороссы, еще больше чѣмъ великороссы, могутъ быть разныхъ образовъ мыслей, и о какомъ бы то ни было политическомъ направленіи всей малорусской литературы, малороссофильства вообще, какъ таковаго, говорить странно. И, дѣйствительно, мы видимъ, что на малорусскомъ языкѣ и въ теченіе всего XIX в. высказывались и теперь высказываются всякаго рода политическія, соціальныя и религіозныя идеи, отъ монархическихъ до республиканскихъ, отъ олигархическихъ до соціалистическихъ, отъ молитвенника до атеизма. Конечно, болѣе образованные, талантливые и чуткіе ко времени малорусскіе писатели и дѣятели отзывались и отзываются на передовыя идеи времени, интересы страны и народа, какъ это дѣлается съ писателями и всѣхъ другихъ племенъ. Прибавимъ также, что спеціальныя особенности положенія малорусскаго племени, не имѣющаго своего національнаго государства и своихъ привиллегированныхъ классовъ налагаетъ особую печать на національныя симпатіи образованныхъ малороссовъ, которая отражается на ихъ писаніяхъ и дѣятельности. По матеріалу своему малорусская литература была съ изначала почти исключительно демократическою, и, чѣмъ дальше, становится такою же и по сознательнымъ симпатіямъ, и по составу публики, для коей пишется. Сознательный малорусскій дѣятель, конечно, будетъ имѣть въ виду главнымъ образомъ возможно широкое благо массъ народа. Затѣмъ, какъ прирожденные провинціалы, малорусскіе дѣятели, конечно, будутъ симпатизировать всякому виду общественной автономіи и децентрализаціи. Но въ этой области демократизма и автономизма каждый выберетъ себѣ мѣсто отъ положенія о крестьянской эмансипаціи 19-го февраля 1861 г. до соціально-демократическихъ идеаловъ, отъ областныхъ и земскихъ стремленій, напр., „Русской Бесѣды“ до прудоновскаго федерализма и анархизма, сообразно личнымъ убѣжденіямъ и степени изученія и развитія вообще. Замѣтимъ при этомъ, что, особенно въ Галичинѣ, есть люди и партіи, вѣрящіе въ возможность образованія малорусскихъ привиллегированныхъ сословій, есть свои малорусскіе централисты, какъ были и есть „россійскіе“ и австрійскіе легитимисты изъ людей съ несомнѣнными малорусскими племенными симпатіями, изъ пишущихъ по-малорусски.

Такимъ образомъ въ малорусской интеллигенціи есть представители всѣхъ тѣхъ идей и идеаловъ, какіе существуютъ и у всѣхъ другихъ племенъ, тронутыхъ европейской цивилизаціей, и, конечно, и въ Малороссіи брали и возьмутъ верхъ тѣ стремленія, которыя возьмутъ его во всемъ образованномъ мірѣ и въ частности славяно-русскомъ. Относительно же такъ называемаго малороссійскаго „козакофильства“, стремленія возстановить Гетманщину, и государственнаго малороссійскаго сепаратизма, однимъ словомъ, „Мазепинскаго украйнофильства“, какъ выражаются нѣкоторыя высоко-поставленныя особы, то объ немъ можетъ быть рѣчь только со стороны людей или поверхностно знакомыхъ съ дѣломъ, или явно-злонамѣренныхъ выдумщиковъ. Совершенно естественная и весьма интереснымъ образомъ про-

явившаяся лѣтъ тридцать-сорокъ назадъ идеализація казачества и Гетманщины и стремленіе дать „державно-правный“, историческій характеръ естественному малорусскому патріотизму, памятникомъ чего служатъ Исторія Руссовъ Псевдо-Конисскаго и нѣкоторыя, хотя вовсе не основныя, пьесы Шевченка, теперь вещь окончательно пережитая всѣми образованными малороссами. Возвращеніе ея сдѣлано невозможнымъ научною критикою и анализомъ, направленнымъ на прошлое именно со стороны малорусскихъ дѣятелей, изъ которыхъ нѣкоторыхъ, какъ, напр., г. Кулиша, автора „Исторіи Возсоединенія Руси“ и печатаемыхъ теперь по малорусски во львовскомъ журналѣ „Правда“ очерковъ „Завирюха на степах“ и „Малёвана Гайдамаччина“ можно, по крайней мѣрѣ, по нашему мнѣнію, скорѣе упрекнуть въ пессимизмѣ по отношенію къ старинѣ малорусской и въ крутомъ поворотѣ къ централизму, къ восхваленію не только Екатерины II, но и бояръ московскихъ, на перекоръ казакамъ малорусскимъ, чѣмъ въ идеализаціи Гетманщины. Нелѣпость противоукрайнофильской травли и вредъ распоряженій, въ родѣ вышеприведеннаго, именно тѣмъ очевиднѣе, что въ понятіяхъ и симпатіяхъ малорусской интеллигенціи въ Украйнѣ и Галичинѣ въ послѣдніе годы совершился весьма важный кризисъ, полная перестановка идей и отношеній, и при томъ совершенно безъ всякой поддержки, даже безъ оцѣнки со стороны централистическихъ кружковъ нашихъ и даже центральной печати. Г. Костомаровъ рѣзко осуждаетъ Мазепу, „Правда“ печатаетъ „москвофильскія“ статьи г. Кулиша, москвофильскій „Другъ“, другая литературная газета во Львовѣ, сначала требуетъ откреститься отъ „украінщины“, потомъ и отъ „великорущины“, хватается за „рутенщину“, но кончаетъ тѣмъ, что печатаетъ на своихъ столбцахъ чисто великорусскія повѣсти безъ перемѣны и объявляетъ конецъ „языковой мѣшанинѣ“ и началу принятію обоихъ живыхъ русскихъ языковъ. Именно украйнофилы являются горячими распространителями русскихъ, „общерусскихъ“ и великорусскихъ книгъ въ Австріи, въ размѣрахъ прежде небывалыхъ; на-дняхъ происходитъ слитіе двухъ галицкорусскихъ студенческихъ обществъ во Львовѣ, украйнофильскаго „Дружескаго Лихваря“ и рутено-москвофильскаго „Академическаго Кружка“ съ общей библіотекой и т. п. Старыя клички, старыя разногласія изъ-за вопросовъ мелочныхъ, буквоѣдскихъ, изъ-за прошлаго, воспоминаній, племенныхъ симпатій и антипатій, и далекихъ мечтаній о формахъ единства русскаго и т. п. теряютъ смыслъ, и выдвигаются на первый планъ дѣйствительно общіе вопросы культуры, общественной дѣятельности, служенія народу, которые поведутъ за собою совсѣмъ другое раздѣленіе силъ и партій. А незнакомые съ дѣломъ люди, поверхностные доктринеры, поютъ старую пѣсню о формальномъ единствѣ и сепаратизмѣ, а грязные эгоисты торопятся свести личные счеты подъ предлогомъ спасенія священныхъ интересовъ народности и придумываютъ мѣру, которая ничего остановить не можетъ, а только безъ всякой нужды компрометируетъ именно не только русское правительство, но и русское общество, дожившее до такой мѣры, про-

изводитъ вновь путаницу идей и вноситъ озлобленіе туда, гдѣ уже почти успѣли залѣчиться старыя раны, нанесенныя изъ-за побужденій, уже отжившихъ для всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ.

Если еще не путаница понятій, то по крайней мѣрѣ желаніе произвести ее уже начинаетъ проявляться. Такъ „Gazeta Narodowa“ (№ 161), обсуждая новый циркуляръ въ статьѣ подъ заглавіемъ: „Swiezy zamach Moskwy na Rusinów“, и говоря совершенно вѣрно, что онъ только усилитъ въ малороссахъ энергію самозащиты, прибавила уже совершенно странныя нижеслѣдующія строки: „извѣстно всѣмъ, что преслѣдованіе, какому подверглись кіевскіе русины вслѣдствіе повстанья 1863 г., заставило многихъ изъ нихъ скрыться въ Галичину, и что хотя они здѣсь были и недолго, однако отъ нихъ упало первое зерно, которое взошло здѣсь сильно, какъ такъ называемая украинская партія. Ростокъ этотъ уже и тогда поразилъ Москву, а вышеприведенный указъ имѣетъ цѣлью положить предѣлы вліянію этой партіи на Кіевъ и Харьковъ“. Бѣда въ томъ, что ничто изъ того, что G. N. считаетъ всѣмъ извѣстнымъ, никому изъ знающихъ дѣло неизвѣстно, а извѣстно совсѣмъ другое. Никакіе украинцы не переселялись въ Галичину послѣ 1863 года, да и нечего было тогда закладывать тамъ украинскую партію, которая была заложена уже въ 1861—1862 г. и тогда называлась и въ „Gaz. Narodow'oй“, и въ „Dzienn. Poznanzk'омъ“, и въ книгѣ Влад. Мицкевича La Pologne et ses provinces méridionales „порожденіемъ московской интриги“, какъ послѣ „Московскія Вѣдомости“ стали звать ее порожденіемъ польской интриги. Никому до сихъ поръ неизвѣстно вліяніе галицкой украинской партіи на Кіевъ и Харьковъ, а извѣстно вліяніе обратное, что можно видѣть хотя бы и въ томъ, какъ много въ „Правдѣ“ трудовъ украинцевъ и въ томъ, что „Просвіта“ перепечатала нѣсколько кіевскихъ брошюрокъ. „G. Narodowa“ или не знаетъ, о чемъ говоритъ, или разумѣетъ подъ именемъ украинцевъ, какихъ-нибудь поляковъ, бѣжавшихъ въ Галичину вслѣдствіе повстанья 1863 г., какихъ-нибудь поляковъ, родившихся на Украинѣ, которые имѣютъ такое же право называться украинцами, какъ и М. Вл. Юзефовичъ, Гогоцкій, Ригельманъ и т. п., которые говорятъ противъ украинофильства за единую нераздѣльную Россію въ качествѣ украинцевъ. Но какъ эти господа не основали въ Кіевѣ и Харьковѣ украинской партіи, такъ повстанцы изъ польскихъ украинцевъ не основали ее въ Львовѣ уже потому, что она тамъ была и до нихъ и прямо заявила въ „Вечерницахъ“ 1862—1863 г. (статья „мы и они“), что не думаетъ бороться ни за единую Польшу, ни за Люблинскій союзъ Польши, Литвы и Руси, который такъ плохо представляется порядками, господствующими въ Галичинѣ. Не можетъ быть, чтобъ „G. N.“ все это забыла. Остается предположить, что шляхетская газета, послѣ всѣхъ прямыхъ доносовъ на украинофиловъ по адресу на Вѣну, считаетъ теперь нужнымъ поплакать для виду надъ утѣсненіемъ Руси Москвою (которая въ данномъ случаѣ собственно ни причемъ), но при этомъ не забываетъ подать косвенный доносецъ и въ Петербургъ

и поддержать московско-катковское мнѣніе о томъ, что украинская партія создана повстанцами 1863 г., посѣянное которыми зерно изъ Львова дѣйствуетъ на Кіевъ и Харьковъ, — мнѣніе, отъ котораго „Руси“ еще болѣе достанется, — а это интересамъ, представляемымъ „Gaz. Narodow'ой“, можетъ быть только на руку: такъ воронъ ворону всегда помо́жетъ! Совершенно въ такомъ же духѣ написана и вторая изъ корреспонденцій по поводу распоряженія 18 мая, напечатанная въ № 4213 „Neue Freie Presse“, обнаруживающая въ авторѣ или лакействующаго русина, или расчетливаго поляка изъ непріятелей малорусскаго возрожденія. Здѣсь, при всемъ сострадании къ гонимому малорусскому элементу, — причемъ говорится даже о копяхъ на сибирскихъ рудникахъ, — малорусское движеніе называется „недавно рожденнымъ подъ австрійскимъ покровительствомъ чадомъ“, совершенно въ духѣ того польскаго мнѣнія, которое говоритъ, что будто „русиновъ выдумалъ въ Галичинѣ гр. Стадіонъ, намѣстникъ въ 1848 г.“, и совѣтуется признать въ Австріи оффиціальною орѳографію г. Кулиша (отъ которой, впрочемъ, украинцы значительно уклонились) не потому что она фонетическая, а въ видѣ контрмины противъ указа 18 мая!

Едва ли не большую еще деморализацію показали и едва ли не больше еще, чѣмъ шляхетская „Gazeta Narodowa“, попали пальцемъ въ небо органы чиновническо-поповской партіи среди галицкихъ русиновъ „Слово“ и „Русская Рада“. Они объявили своей публикѣ, что указъ 18 мая вызванъ тѣмъ, что украйнофилы печатали свои книги правописью фонетическою, а не церковно-малорусскою, оффиціально-австрійскою, и что поэтому „заборона фонетики россійскимъ правительствомъ“ есть новое доказательство прочности союза трехъ императоровъ!!

Впрочемъ эта путаница можетъ замутить голову всякому, кромѣ „украинцевъ“, которые знаютъ, что имъ никто не помо́жетъ, а что, напротивъ, есть много такихъ, кому выгодно подставить имъ ногу. Украинцамъ остается только итти своей дорогой и работать, работать и работать для своего народа, надѣясь только на свои силы, не обращая слишкомъ большого вниманія на посторонніхъ вороновъ, ни на тѣхъ, которые каркаютъ нелѣпыми циркулярами, ни на тѣхъ, которые думаютъ сбить ихъ съ ихъ естественной и строго обдуманной дороги притворными соловьиными пѣснями.

Вѣна, 16 іюля 1876 г. **М. Драгомановъ.**

Всякому, слѣдящему за русской журналистикой, извѣстно, что въ ней время отъ времени поднимаются разсужденія объ одномъ вопросѣ, а именно о малорусской литературѣ, разсужденія болѣе или менѣе горячія. Въ послѣдній годъ этихъ разсужденій, можно сказать, накопилось на цѣлую литературу. Такъ, не считая газетныхъ статей и мимоходныхъ замѣтокъ въ разныхъ статьяхъ и книгахъ, напримѣръ, въ изданіяхъ славянскихъ комитетовъ, довольно назвать статьи „Современное украинофильство“ г. Z. и двѣ статьи г. Гогоцкаго: „Еще объ украинофилахъ“, „Прибавленія къ статьѣ еще объ украинофилахъ“ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, — три статьи въ теченіе одного года, — статьи г. Мордовцева въ „Дѣлѣ“ — „Провинціальная литература“, статья г. Милюкова „Вопросъ о малорусской литературѣ“ въ книгѣ „Отголоски на литературныя и общественныя явленія“. Въ настоящемъ году изданныя нами повѣсти Федьковича вызвали нѣсколько газетныхъ замѣтокъ, изъ которыхъ самая большая и менѣе уклончивая замѣтка въ №9 „Гражданина“. Всѣ названныя статьи относятся къ малорусской литературѣ отрицательно, а нѣмыя при этомъ весьма страстно и даже ставятъ вопросъ въ криминально-политическомъ смыслѣ, какъ ставили его въ блаженной памяти 1863—1864 гг. Такое развитіе полемики по этому вопросу и страстный характеръ многихъ нападеній на сторонниковъ малорусской литературы указываетъ на то, что вопросъ этотъ имѣетъ немалое практическое значеніе, а потому долженъ бы вызывать обоюдный обмѣнъ мыслей, всестороннее обсужденіе. Между тѣмъ мы не видимъ, чтобъ количеству и горячности нападательныхъ статей по отношенію къ малорусской литературѣ соотвѣтствовало такое же развитіе если не защитительныхъ, то хоть объясняющаго характера статей. Самое капитальное, что сказано въ такомъ родѣ въ послѣднее время, это нѣсколько словъ въ статьѣ г. Пыпина „О сравнительномъ изученіи русской литературы“ и двѣ-три страницы въ казанскомъ сборникѣ „Первый шагъ“, во столько же продуманной, сколько и прочувствованной статьѣ о провинціальной литературѣ. Нельзя не упомянуть также о благородной горячности, съ которой отозвался противъ инсинуацій, поднявшихся противъ „украйнофильскихъ увлеченій“, будто бы обнаружившихся во время III археологическаго съѣзда, проф. Ор. ѳ. Миллеръ и которая особенно выгодно оттѣняется совершенно неджентльменскимъ молчаніемъ графа Ал. Серг. Уварова, которому малорусская молодежь и члены съѣзда такъ сильно и искренно помогли исполнить съ успѣхомъ роль „министра по археологіи“ въ Кіевѣ. Еще одинъ великоруссъ А. С. Суворинъ, недавно въ своей газетѣ, въ „Новомъ Времени“, оказался неспособнымъ справиться съ малорусскимъ

вопросомъ во всей его широтѣ и обнаружилъ достаточную безтактность, допустивъ въ своей газетѣ подглядыванія, точно ли французъ, а не малороссъ писалъ статью о Шевченкѣ въ Revue des deux Mondes (при большемъ знаніи дѣла сейчасъ бы можно было замѣтить, что статью писалъ иностранецъ, да еще именно избѣгавшій политической и исторической стороны предмета). Мало того, послѣ всего писаннаго, самъ г. Суворинъ имѣлъ безтактность доказывать „безвредность мечтаній о возстановленіи Гетманщины“ или увѣрять, что „совершенно порядочные малороссы сейчасъ запищутъ васъ въ сторонники г. Каткова, если вы не будете имѣть сентиментальнаго притворства, чтобъ поставить Шевченка выше Лермонтова и Пушкина,“ или говорить о какихъ-то украйнофилахъ, которые „правда, серьезно занимались изученіемъ своего народа, его пѣсенъ, экономической жизни, но не безъ нѣкотораго тщеславія кутались въ плащъ мучениковъ“, когда серьезно помятые разными и полицейскими, и цензурными и редакторскими лапами украйнофилы, — какихъ съ 1847 г. было не мало, — меньше кутались въ какіе бы то ни было плащи, чѣмъ самъ почтенный А. С. Суворинъ, говоря о томъ, какъ онъ не сошелся съ уважаемыми имъ гг. Саліасомъ и Баймаковымъ, и разошелся съ г. Полетикою и т. п. Когда подумаешь, что все это, даже разсужденія о понятности малоруссамъ простого (?) русскаго языка, писалось „отъ руки, безъ справокъ и съ легкимъ сердцемъ“, въ то время, когда уже подписанъ былъ циркуляръ, о которомъ никакому А. С. Суворину и пикнуть не позволятъ, когда этотъ циркуляръ ѣхалъ „въ центръ украйнофильства“, можетъ быть, въ одномъ поѣздѣ съ петербургскимъ публицистомъ и почемъ знать? — можетъ быть, въ сопровожденіи указовъ, долженствующихъ препроводить кого-нибудь изъ „серьезно занимающихся изученіемъ народа“ въ страны Макаровы, или по крайней мѣрѣ лишить его привычнаго заработка хлѣба, то только грустно улыбнешься и покачаешь головою.[1] Но по истинѣ забавенъ успокоительный вопросъ петербургскаго публициста: „куда въ самомъ дѣлѣ отдѣляться Малороссіи? — къ Польшѣ, къ Турціи или къ Австріи?“ Тутъ же одна логика употребленія частицъ „куда“ и „къ“ прелестна; а во-вторыхъ: отчего это работать для огражденія своего человѣческаго достоинства, личнаго и народнаго, значитъ, отдѣляться да еще къ кому-то? Мы бы спросили

[1] Мы не ошиблись. Сейчасъ мы узнали, что двое изъ „серьезно изучавшихъ край“ малорусскій получили приказъ выѣхать изъ Кіева, съ воспрещеніемъ имъ жить въ южныхъ губерніяхъ и столицахъ. Другихъ проступковъ за этими людьми, знакомыми г. Суворину и работавшими подъ однимъ съ нимъ знаменемъ, нѣтъ, кромѣ того, что они „серьезно изучали“ малорусскій край. Мы останавливаемся на всѣхъ этихъ мелочахъ, потому что они могутъ показать, какъ еще мало воспитано чувство достоинства въ русской печати, которая не по одному этому вопросу попадаетъ въ просакъ вслѣдствіе слабости этого воспитанія. Какъ она умѣетъ во время молчать и во время сказать все! Какъ отчетливо сознаетъ вѣсъ своихъ словъ, какъ умѣетъ логично мѣрять однимъ аршиномъ внутреннія и внѣшнія порядки! Вотъ, напримѣръ, теперь, какимъ либерализмомъ проникнуты рѣчи ея о Турціи, и какъ кротки отвосительно домашнихъ нашей и муфтіевъ, какъ рѣшительны увѣренія: Россія поможетъ, не оставитъ, не потерпитъ, когда, напримѣръ, „Presse“ совершенно нагло говоритъ, что въ Россіи, конечно, толкуютъ о помощи славянамъ, но „нигдѣ въ свѣтѣ общественное мнѣніе не имѣетъ такъ мало вѣса, какъ въ Россіи!“ Само виновато! скажемъ мы!

и петербургскихъ газетныхъ публицистовъ, не думаютъ ли они отдѣляться, напримѣръ, къ Швеціи? — еслибъ у нихъ были признаки какого-нибудь энергическаго отвращенія отъ того болота униженія, въ какомъ они находятся, и сколько-нибудь широкаго пониманія путей къ выходу изъ него.

Но всетаки г. Суворинъ имѣлъ столько порядочности, что въ свое время въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ мѣтко осмѣялъ усердіе литературныхъ будочниковъ, штатныхъ и сверхштатныхъ, въ травлѣ „малорусскаго сепаратизма!“ Все это показываетъ, что, къ счастію въ образованномъ великорусскомъ обществѣ совсѣмъ не сильна племенная исключительность и мало охоты къ травлѣ на „хохлацкія стремленія“. Если большая часть органовъ нашей печати играла въ молчанку во время новоподнявшейся травли, то это происходитъ не столько потому, чтобы она сочувствовала ей, сколько по забитости нашей печати, боязни толковать о томъ, за что можетъ достаться, по отсутствію въ нашемъ обществѣ чутья солидарности, а главное, по столичному непониманію провинціальныхъ вопросовъ, прикрываемому департаментскимъ высокомѣріемъ къ тому, „чего не знаетъ нашъ Митрофанушка“.[1] Сколько бы безтактностей ни было возможно насчитать съ обѣихъ сторонъ, а всетаки связь между порядочными „хохлами“ и „кацапами“ держится не нелѣпыми циркулярами и даже не преданіями о Петрахъ и Екатеринахъ, а именами и трудами Пушкина, Лермонтова, Герцена, Бѣлинскаго, Добролюбова и т. п. съ одной стороны и Гоголя, Костомарова съ другой, безъ которыхъ трудно себѣ представить человѣческое воспитаніе теперешнихъ и кацаповъ, и хохловъ, хотя, конечно, послѣднимъ нечего отказываться ни отъ Шевченка въ прошломъ, ни отъ работы для себя самихъ въ будущемъ, потому что это значило бы отказаться отъ своего народа.

Вышеупомянутая травля въ послѣднее время велась преимущественно со стороны лицъ, называющихъ себя малороссами по рожденію, но или лично раздраженныхъ, или не понимающихъ дѣла, какъ напримѣръ Гогоцкій, или обиженныхъ дальнѣйшимъ движеніемъ украйнофильства, какъ напримѣръ авторъ статьи въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ „Современное украйнофильство“, который стоитъ за Котляревскаго, Квитку и даже почему-то за Шевченка, но недоволенъ Костомаровымъ и порожденными имъ „современными украйнофилами“, что не уважаютъ „старшину казацкую“ и преклоняются передъ „хлопами“, способными только на разрушеніе. Любопытно, что почти въ такомъ смыслѣ сталъ высказываться въ послѣднее время и г. Кулишъ, и что другой

[1] Иногда близорукое непониманіе заводило столичныхъ писателей въ странное сосѣдство, въ какое, напримѣръ, попалъ „Заурядный читатель“ „Биржевыхъ Вѣдомостей“, обидѣвшись à la Погодинъ „Кудеяромъ“ Костомарова, вообразивъ, что Костомаровъ описалъ Ивана Грознаго въ обиду великоруссамъ. Какимъ образомъ, спрашиваетъ рецензентъ, умъ и талантъ, написавшій „Сѣверноруссскія народоправства“ и „Бунтъ Стеньки Разина“ могъ увлечься такою узкою доктриною, какъ украйнофильство, и не догадывается, что не будь Костомаровъ украйнофилъ, то онъ не написалъ бы ни „Сѣверноруссскаго Народоправства“, ни „Бунта Стеньки Разина“ и т. п., которыхъ вѣдь никто же до него и не написалъ. Заурядный читатель впрочемъ спохватился и въ разборѣ одной повѣсти Нечуя показалъ, что способенъ понять, на что нужно украйнофильство.

изъ писателей „Основы“ г. Мордовцевъ объявилъ свои малорусскія симпатіи патологическимъ рефлексомъ, уступающимъ мѣсто холодному размышленію, какъ будто вся дѣятельность размышленія и должна направляться на то, чтобы убивать природные, какъ говоритъ г. Мордовцевъ, рефлексы, а не на то, чтобы дать имъ наилучшее выраженіе и удовлетвореніе. (Объ этомъ именно хорошо сказано въ статьѣ „Перваго Шага“.)

Въ то время, какъ разросталась такимъ образомъ противоукрайнофильская литература, люди съ народными малорусскими симпатіями по большей части молчали. Правда, они тѣмъ временемъ довольно сильно работали и надъ изданіемъ произведеній малорусскаго народнаго слова, надъ изученіемъ народной жизни и надъ изданіемъ популярныхъ брошюръ, которыя выходили въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ, иногда по два, по три изданія въ два-три года, что достаточно говоритъ объ ихъ потребности. Такое поведеніе Васьки, который слушаетъ да ѣсть, во многихъ случаяхъ, особенно въ данномъ, есть собственно единственное достойное поведеніе. Есть много возмутительно извращеннаго въ самой постановкѣ вопроса: зачѣмъ существуетъ украйнофильство, должна ли существовать малорусская литература? Это напоминаетъ щедринскаго градоначальника Угрюма Бурчеева, „прохвоста“, который хотѣлъ прикрыть небо солдатской шинелью и, увидѣвъ рѣку, обидѣлся: „Зачѣмъ?“ — Зачѣмъ она течетъ? — Нужно преодолѣть въ себѣ чувство стыда за униженное положеніе, въ которомъ ты находишься, дозволяя предлагать себѣ такіе вопросы, чтобъ отвѣчать на нихъ, чтобъ писать не только защитительныя, но даже объяснительныя статьи по малорусскому литературному вопросу. И только убѣжденіе, что тьма въ теоретическомъ пониманіи общественныхъ явленій, какъ бы они органически ни были, всегда приноситъ обоюдосторонній вредъ, заставляетъ преодолѣть это чувство отвращенія и браться за перо, чтобъ если не защищать, то объяснять свои симпатіи, убѣжденія, выводы изъ наблюденій, и писать статьи въ родѣ настоящей, особенно когда иногда приходится долбить одно и тоже по нѣсколько разъ, будто нарочито безпамятнымъ людямъ.

Всѣ вышеназванныя противоукрайнофильскія статьи образуютъ, какъ видитъ читатель, цѣлую литературу, что даетъ и намъ случай высказаться о вопросѣ съ извѣстной систематичностію, которая, впрочемъ, не всегда можетъ совпасть съ порядкомъ перечисленныхъ статей.

Мы должны, впрочемъ, начать съ заявленія, что съ нѣкоторыми авторами мы считаемъ совершенно невозможнымъ разсуждать о нашемъ вопросѣ. Къ сожалѣнію, мы должны устраниться отъ разговоровъ именно съ тѣми, кто носитъ титулы спеціалистовъ по занимающему насъ вопросу. Таковъ во первыхъ авторъ статьи „Русская печать за предѣлами Россіи“, помѣщенной въ 1 т. „Славянскаго сборника“, изданнаго петербургскимъ отдѣломъ славянскаго благотворительнаго комитета и перепечатанной въ „Славянскомъ календарѣ“, изданномъ секретаремъ кіевскаго его отдѣла. Статья эта упоминаетъ о галицкихъ га-

зетахъ съ „украйнофильскимъ направленіемъ“, оговариваясь о нихъ, что „галичане къ этимъ изданіямъ отнеслись подозрительно, полагая что они поддерживаются польскою аристократіею“. (А авторъ какъ полагаетъ?) Объ одной теперешней галицко-украинской газетѣ „Правда“ авторъ отзывается такъ: „она издается на малорусскомъ языкѣ и какъ бы въ нѣкоторомъ союзѣ съ польской журналистикой парализируетъ народныя стремленія святоюрцевъ“, рекламу изданіямъ которыхъ и составляетъ вся статья, гостепріимно принятая наивными и незнакомыми съ дѣломъ редакторами нашихъ славянофильскихъ сборниковъ. Насколько самъ авторъ знакомъ съ дѣломъ, видно изъ того, что онъ записываетъ въ число украйнофильскихъ изданій въ Галичинѣ газету „Русь“, которая короткое время издавалась поляками, чиновниками при Голуховскимъ и прекратилась послѣ печатнаго протеста „галицкихъ народовцевъ или украйнофиловъ“ въ 1867 г. Мало того, авторъ называетъ въ числѣ такихъ газетъ „Сѣчь“, между тѣмъ, это не газета, а товарищество молодежи въ Вѣнѣ, прибавимъ, наиболѣе снабженное русскими книгами и журналами изъ всѣхъ славянскихъ обществъ въ Австріи. Согласитесь, что съ господами, которые такъ въ полрта говорятъ неправду, которую еще недавно кричали цѣлымъ ртомъ, и которые такъ знакомы съ дѣломъ, мы говорить не обязаны.

Не можемъ мы говорить и съ проф. Гогоцкимъ. Статьи его собственно ничто иное, какъ Gegenstück противъ „Кіевскаго Телеграфа“, купивши который и поуправлявши полгода въ направленіи „посредника между потребителями и производителями“, издательница его, г-жа Гогоцкая пригласила сотрудничать въ немъ украйнофиловъ. Когда противъ „Кіевскаго Телеграфа“ поднялась уголовная полемика со стороны кіевскихъ ташкентцевъ, пр. Гогоцкій написалъ свои двѣ безпорядочныя статьи, носящія на себѣ явные слѣды разстроеннаго состоянія духа престарѣлаго профессора, служащаго въ университетѣ послѣ забаллотировки совѣтомъ, по назначенію отъ Министра.[1] Со страху проф. педагогики г. Гогоцкій совершенно пропустилъ именно все то, что писалось о педагогической сторонѣ малорусскаго вопроса. Ему показалось, что „композиторъ“ статьи „Литература Россійска, великорусска, украинска и галицка“ въ „Правдѣ“, требуетъ изгнанія русскаго литературнаго языка изъ всѣхъ высшихъ и низшихъ школъ въ Малороссіи и замѣны его малорусскимъ, между тѣмъ, какъ въ статьѣ этой говорится только

[1] Статьи г. Гогоцкаго между прочимъ были причиною выхода изъ К. Т. сотрудниковъ, которые во всякомъ случаѣ сдѣлали изъ него газету. Но дѣло мало перемѣнилось по существу: новыя редакціи увидѣли, что въ Кіевѣ невозможна общественная газета съ другимъ оттѣнкомъ, и скоро стали давать тѣ же щи, только другой густоты. А правительство всетаки закрыло газету г-жи Гогоцкой, и все кончилось только тѣмъ, что престарѣлый профессоръ безъ всякой пользы уподобился старостѣ въ тургеневскомъ Бѣжиномъ Лугѣ, — что, принявши во время переполоха отъ затмѣнія мужика съ жбаномъ на головѣ за Тришку (антихриста), спрятался въ горохъ и сталъ кричать перепеломъ: „авось, либо врагъ рода человѣческаго хоть птицу помилуетъ!“ Но, увы! не помогъ ни горохъ „Русскаго Вѣстника“ ни кричаніе перепеломъ: Тришка съ пустымъ жбаномъ на головѣ. М. Вл. Юзефовичъ, не помиловалъ и птицы, и 4500 р. заплаченные за К. Т. пропали!

объ элементарныхъ школахъ и о постепенномъ переходѣ отъ мѣстнаго народнаго языка къ государственному, что подробно развито въ статьѣ „Народныя наречія и мѣстный элементъ въ обученіи“, въ коей ученый противникъ нашъ можетъ познакомиться съ европейскою и русскою литературою этого предмета его спеціальности. Какъ видитъ читатель, г. Гогоцкій или не знаетъ, или неспособенъ понять то, о чемъ говоритъ, а потому и съ нимъ спорить нѣтъ никакой возможности. Единственное, что заслуживаетъ обсужденія во мнѣніяхъ пр. Гогоцкаго, это его заявленія, въ качествѣ мѣстнаго человѣка, уроженца такъ называемаго югозападнаго края о томъ, что сила полонизма въ этомъ краѣ, которую въ полномъ торжествѣ видѣлъ авторъ въ своей молодости, ослаблена и можетъ быть сокрушена только силою центральнаго государства и православной церкви, и что всякое мѣстное, автономное, культурное, общественное и народное движеніе можетъ быть только вредно Россіи и усилить польскій элементъ въ югозападномъ краѣ, причемъ авторъ совершенно забываетъ о существованіи лѣвобережной Малороссіи, и Новороссіи. Оставляя въ сторонѣ этотъ странный югозападный сепаратизмъ автора, мы считаемъ его мысли достойными вниманія потому, что они принадлежатъ довольно значительному числу людей, напр., въ Россіи многимъ бѣлорусскимъ дѣятелямъ, кружкамъ въ родѣ представляемыхъ графиней Блудовой (см. ея брошюру „Острожская лѣтопись“, „Для немногихъ“), въ Галичинѣ старой партіи русиновъ, въ Угорской Руси клерикальнымъ и бюрократическимъ русскимъ патріотамъ, въ родѣ риттера фонъ Добрянскаго и т. п. Господа эти изъ западнорусскихъ уроженцевъ дѣйствительно столько времени прожили подъ давленіемъ польской аристократіи, а въ угорской Руси венгерской, и католическаго духовенства, стать выше которыхъ не были въ состояніи именно потому, что сами не имѣли другого идеала, что вообразили совершенно естественно: во первыхъ, что сильнѣе кошки звѣря нѣтъ, а во вторыхъ, что вся жизнь милліоновъ коренного населенія только и должна состоять въ томъ, чтобъ во что бы то ни стало грызться съ котомъ, и въ третьихъ, и главное, что эту грызню только и можетъ совершить за нихъ полицейскій, изъ Петербурга ли, или изъ Вѣны. Между тѣмъ, если говорить только о нашемъ югозападномъ краѣ, система репрессалій въ родѣ системы генерала Бибикова, память котораго благославляютъ гг. Гогоцкіе, уже окончила свою роль; она давила, по сознанію всѣхъ, и русское общество. Система религіознаго централизма уже обращается теперь въ юго-западномъ краѣ противъ русскаго и народнаго элемента, штундистовъ, называющихъ себя „Русское братство“. Кончила свою роль государственная власть и въ дѣлахъ аграрныхъ, гдѣ дальнѣйшія мѣропріятія въ пользу растущаго и въ югозападномъ краѣ сельскаго пролетаріата, несмотря на „благодѣянія“ „Гракховъ Безаковскаго періода“, могутъ быть предприняты уже вовсе не на основаніи принциповъ Положенія 19 февраля, а во имя совершенно соціалистическаго принципа, котораго испугались въ свое время и „Гракхи и Столоны“ Царства Польскаго

и Западнаго края, какъ звали Revue des deux Mondes и „Вѣсть“ демократовъ на службѣ у Н. А. Милютина, Муравьева и Безака.

Теперь уже бывшіе Гракхи совершенно перемѣнились и говорятъ объ „успокоеніи края“ и о „примиреніи“ на почвѣ „экономическихъ интересовъ“ процентовъ, фабрикъ, биржи, и „Кіевлянинъ“ получаетъ субсидію отъ правительства и вѣнки отъ „Dziennika Polskiego“ за то, что относится къ польской аристократіи не такъ нелюбезно, какъ украинскіе хлопоманы „Кіевскаго Телеграфа“. А если возвратиться спеціально въ область нашего спора съ г. Гогоцкимъ и ему подобными, т. е., въ область культурно-литературную, то окажется, что здѣсь государство совершенно безсильно, тутъ борьба съ нетуземными народностями, можетъ совершаться успѣшно только силами мѣстными, общественными и народными, во имя народности предлежащей, какова въ югозападномъ краѣ, Галичинѣ и Угорской Руси малорусская, а не далекой, великорусской. Ошибка западно-русскихъ патріотовъ, въ родѣ г. Гогоцкаго, состоитъ именно въ томъ, что они не могутъ понять дѣятельности свободной, общественной и народной. У нихъ была атрофирована къ этому способность природная, которая за то осталась въ уроженцахъ лѣвобережной Украйны, вскормившей новое украйнофильство, что именно всего лучше и доказываетъ невѣрность мысли о томъ, что „украйнофильство есть порожденіе польской интриги“, нелѣпость, которой однакожъ многіе вѣрятъ, и которую еще большая часть говоритъ. Эта способность къ самодѣятельности и вѣра въ себя, въ мѣстныя, общественныя и народныя силы успѣла уже вырасти и въ младшихъ поколѣніяхъ правобережныхъ губерній, и въ Галичинѣ и породила и здѣсь украйнофильство. Безъ сомнѣнія, она вырастетъ и въ Угорской Руси, которая не можетъ же остаться при теперешнемъ „нигилизмѣ“ съ мечтаніями и воспоминаніями то о князьяхъ Коріатовичахъ, то о фельдмаршалѣ Паскевичѣ, то о Бахѣ,[1] въ свое время совершенно и естественными, кромѣ, впрочемъ, вздоховъ о Бахѣ, но теперь совершенно патологическими, какъ и сѣтованія кіевскаго профессора.[2]

---

[1] Бахъ, австрійскій министръ-премьеръ эпохи абсолютно-монархической и централистической реакціи съ 1849 по 1859 г. Прим. ред.

[2] Объ Угорской Руси отчасти будетъ рѣчь дальше. Въ другой разъ мы поговоримъ о ней подробнѣе, такъ какъ это рѣшительно terra incognita, на которую свѣта вовсе не проливаютъ совершенно дьячковскія статьи, печатаемыя о ней членами нашихъ славянскихъ комитетовъ. Идеалы тамошнихъ русскихъ патріотовъ и положеніе тамъ русскаго дѣла можетъ быть выражено коротко въ слѣдующихъ мечтаніяхъ: 1. колы бъ насъ забрала Россія; 2. колы бъ въ Австріи вернувся абсолютизмъ; 3. колы бъ намъ епископівъ патріотівъ. — А то?! спрашиваете вы. — А то пропадемо! омадьярымось; Вы, конечно, говорите, что Россія далеко, завоеваніе — еще дальше; абсолютизмъ въ Австріи дѣло отпѣтое; епископа патріота мадьярское правительство не назначитъ. Со всѣмъ этимъ соглашаются со вздохомъ. Слѣдовательно, что же остается, спрашиваете вы? Опереться на свой народъ, позаботиться о его образованіи, создать популярную литературу, организовать народъ. Э! цього не можна! За це можна посаду (должность) стратити“! — говорятъ вамъ, и „въ Россіи не получити“, остается прибавить. И сидятъ угорско-русскіе патріоты и „москвофилы“ на своихъ посадахъ, ничего не дѣлаютъ и доходятъ до того, что сочиняютъ адресы и оды „вселаскавымъ архіереямъ, отцамъ и покровителямъ“, тѣмъ самымъ, о которыхъ всѣ прекрасно знаютъ, что они мадьяроны и измѣнники Руси, не будь они которыми, не бывать бы имъ и архіереями. Постыднѣе зрѣлища уже и нѣтъ во всей славянщинѣ и уже у словаковъ въ двухъ шагахъ отъ Угорской Руси вы не видите ничего по-

Гораздо больше, чѣмъ на статьяхъ повидимому спеціалистовъ, мы должны остановиться на статьѣ „Гражданина“, видимо написанной безхитростнымъ неспеціалистомъ, но совершенно искренно и при томъ съ совершенною порядочностью пріемовъ: безъ всякихъ инсинуацій, запугиванія, столь обычныхъ въ подобномъ случаѣ въ русской журналистикѣ. Статья „Гражданина“ обнаруживаетъ большое невѣдѣніе по самымъ существеннымъ сторонамъ предмета, хотя касается почти всѣхъ вопросовъ съ нимъ связанныхъ: вопроса о языкѣ малорусскомъ, старинной южнорусской литературы, новой галицкой и т. д. Надо, впрочемъ, сказать, что и это невѣдѣніе совершенно порядочно, если только это возможно, т. е., „Гражданинъ“ высказываетъ совершенно искренно неправильныя мнѣнія, которыя часто позволяютъ себѣ теперь говорить люди гораздо болѣе ученые, напр., „нѣкогда авторъ изслѣдованія объ элементахъ и формахъ славянорусскаго языка“, г. Катковъ, который о языкѣ малорусскомъ имѣетъ, конечно, не то представленіе, какое онъ высказывалъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Разборъ мнѣній „Гражданина“ интересенъ, потому что они представляютъ резюме неправильныхъ и невѣжественныхъ мнѣній, ходящихъ въ публичномъ оборотѣ, и которыя и ученые люди одни умышленно поддерживаютъ, другіе не считаютъ нужнымъ опровергать, тѣ и другіе прекрасно зная ихъ невѣрность.

Рецензентъ въ „Гражданинѣ“ высказываетъ о малорусскомъ языкѣ мнѣніе, будто это „смѣсь построеній (?) русской и польской рѣчи“, „испорченныя формы польскихъ и русскихъ корней и органическихъ основъ“. Мнѣніе это не совсѣмъ позволительно было говорить во времена Булгарина и Греча (о коихъ см. у Максимовича письма къ Погодину о древности и самобытности малорусскаго нарѣчія). Теперь же послѣ трудовъ Максимовича, Лавровскаго, Потебни, Житецкаго, не говоримъ уже о западнославянскихъ ученыхъ, какъ, напр., Миклошичъ, утверждать подобное передъ людьми сколько-нибудь свѣдущими въ славянорусской филологіи нѣсколько смѣло, хотя подобная смѣлость на Руси, гдѣ въ массѣ публики и даже публицистики не принято знать что-нибудь основательно въ такихъ предметахъ, и есть дѣло весьма обычное и потому вполнѣ извинительное. Вотъ что однако говоритъ о малорусскомъ языкѣ ученый великоруссъ и членъ славянскаго благотворительнаго комитета, бывшій профессоръ харьковскій, теперь попечитель оренбургскаго учебнаго округа г. П. Лавровскій:[1] „Пробѣгая мысленно черты малороссійскаго нарѣчія, легко замѣчаемъ, что между ними есть много такихъ, которыя неоспоримо даютъ этому нарѣчію право на такое же самостоятельное мѣсто, какое занимаютъ и другія нарѣчія славянскія“. Послѣ великорусскаго нарѣчія наиболѣе сходства представляетъ малорусское нарѣчіе, по Лавровскому, съ серб-

добнаго, и, конечно, не потому, чтобъ русское племя было подлѣе другихъ, а отъ господства ложныхъ понятій о національности, поддерживаемыхъ въ Угорской Руси ученіемъ о православномъ и государственномъ русскомъ централизмѣ, убивающихъ мѣстное народное чувство и подрывающихъ мѣстную дѣятельность.

[1] Да проститъ намъ г. Лавровскій доносъ этотъ, если гр. Дм. А. Толстой предложитъ ему оставить службу.

скимъ, а не польскимъ. (Журналъ Мин. Нар. Просв., 1859 г., № 9. О сходствѣ малоруссовъ и сербовъ см. статьи г. Ровинскаго въ В. Европы и Ст. Новаковича въ Вилѣ). Погодинъ преувеличилъ мысль о сербизмѣ малороссовъ до того, что выводилъ ихъ отъ совсѣмъ особаго отъ древнихъ русскихъ племени, сербохорватскаго, переселившагося на Днѣпръ послѣ татаръ. Впослѣдствіи Погодинъ нѣсколько измѣнилъ свое мнѣніе, самое сепаратистическое, какое до сихъ поръ было высказано, но всетаки остался при слѣдующихъ словахъ: „племя великорусское и малорусское такъ отличны своими характерами, что допустить это различіе только послѣ татаръ нѣтъ никакой возможности. И племена и нарѣчія древнѣе татаръ". (Кирилло-Меѳод. Сборникъ). Да собственно нечего пускаться въ тонкую филологію, чтобъ признать самостоятельность малорусскаго языка, или нарѣчія (имена эти относительны): достаточно обыкновеннаго житейскаго и литературнаго опыта и при томъ производимаго не малороссами въ Великороссіи, такъ какъ образованные малороссы, конечно, понимаютъ великорусскую рѣчь, часто даже областную, благодаря школѣ и прибавимъ большей лингвистической сметкѣ, развивающейся среди разномастнаго этнографическаго состава населенія, но, наоборотъ, великороссами надъ степенью понятности для нихъ малорусской народной рѣчи. Посмотрите, напр., Историческую Христоматію Буслаева: вы увидите пѣсни олонецкія, нижегородскія, сибирскія, даже бѣлорусскія, и много-много, если составитель объяснилъ ту, или другую форму, слово; но чуть дошло дѣло до образца малорусскаго нарѣчія, сейчасъ ученый профессоръ почувствовалъ необходимость перевести его цѣликомъ (тоже самое видимъ и въ такомъ изданіи, какъ Пѣсни русскія, Кирѣевскаго-Безсонова); наконецъ мы имѣемъ третье изданіе Кобзаря въ переводѣ „русскихъ поэтовъ. Теперь остается только вообразить себѣ, каково должно быть наоборотъ малороссу, котораго передъ тѣмъ школа не научила понимать отчетливо великорусскую и русскую книжную рѣчь (а на это надо время и деньги), имѣть дѣло съ исключительно великорусской рѣчью.

Впрочемъ спѣшимъ сказать, что мы не разъ уже говорили печатно (напр., въ „Вѣстникѣ Европы" въ статьѣ „Русскіе въ Галиціи" и „Литературное движеніе въ Галиціи"), что одной самостоятельности языка, какъ и другихъ этнологическихъ признаковъ народности, недостаточно еще для того, чтобъ извѣстное племя имѣло самостоятельную литературу. Мы сплошь и рядомъ видимъ въ исторіи наисамостоятельнѣйшія племена безъ всякой литературы. Съ другой стороны, мы видимъ племя голландское, племя, которое составляетъ для ученой этнологической и филологической классификаціи только подвидъ нижненѣмецкаго вида нѣмцевъ, которое однакожъ имѣетъ самостоятельную литературу, вполнѣ его удовлетворяющую. Для развитія литературы необходима конечно этнологическая подкладка, но также и извѣстная совокупность историческихъ и культурныхъ условій.

Въ этихъ именно условіяхъ, какъ этнологическихъ, такъ и въ культурно-историческихъ, мы всегда разсматривали вопросъ о

малорусской литературѣ у насъ и, нѣсколько особо, въ Австріи, но именно особенностей нашего отношенія къ этому вопросу не удостоили чести замѣтить наши рецензенты, какъ, напр., г. рецензентъ „Гражданина“, а другіе, какъ, напр., обличители въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, явно и умышленно искажали наши идеи или подмѣняли ихъ самымъ произвольнымъ образомъ, мы думаемъ столько же или гораздо больше по непривычкѣ къ отчетливому усвоенію чужихъ мыслей и по незнакомству съ предметомъ, сколько и по недобросовѣстности. Основныя мысли предисловія къ „Повѣстямъ Федьковича“ и даже многіе съ большими подробностями высказаны были нами въ рядѣ статей въ галицко-русской газетѣ „Правда“ подъ заглавіемъ: „Литература россійска, великорусска, украинска и галицка“, въ которыхъ, въ противность терминологіи галицкихъ поляковъ и галицкихъ украйнофиловъ, доказывалось, что въ Россіи дѣйствительно существуетъ общерусская литература (rossyjska), которая вовсе не синонимъ великорусской, или московской; вовсе не противоположна русской или малорусской, литература общества всероссійскаго, дворянско-чиновническаго, продукта общей съ XVIII в. государственной исторіи и культуры (напр., въ беллетристикѣ Онѣгинъ, Мертвыя Души, Рудинъ), но что рядомъ съ нею, послѣ Гоголя, растетъ народная великорусская литература (сказки Пушкина, большая часть комедій и драмъ Островскаго, народныя пьесы Некрасова, педагогическія изданія, какъ Родное Слово, расказы Петрушевскаго и др.), а еще раньше стала расти народная же украинская. Такъ какъ Галичина не попала въ государственную лабораторію Россіи, то здѣсь условія литературы нѣсколько другія. И въ Россіи вопросъ о демократизаціи и народности литературы есть вмѣстѣ съ тѣмъ и вопросъ и дифференцированіи ея, который разрѣшитъ совокупность центростремительныхъ и центробѣжныхъ условій, а въ Галичинѣ, гдѣ государственные классы — поляки или поляконѣмце-церковники (русское уніатское духовенство и чиновники), вопросъ о живости русскаго возрожденія и даже о связи съ русскимъ міромъ на Востокѣ вполнѣ зависитъ отъ степени прикрѣпленія этого возрожденія къ мѣстнымъ народнымъ (малорусскимъ) силамъ и тѣснѣйшаго общенія съ украинскимъ литературнымъ движеніемъ, какъ ближайшимъ географически, этнографически, а въ тоже время тѣсно связаннымъ и съ всероссійскимъ и съ великорусскимъ. И вотъ, между тѣмъ, какъ статьи наши подвергались сильнѣйшимъ нападкамъ въ Галиціи за ихъ „москвофильство“, когда газета „Wiesc“ „tej zgubnie tendencyjnej prasy“, которая отдаетъ Малороссію въ руки наибольшаго ея врага — Москвы, между тѣмъ, какъ „Dziennik Polski“ называлъ насъ „obszczerussom, t. j. stronnikiem moskiewskiej ideji, zaboru (захвата) i kniuta“, — статьи наши подверглись такимъ же ожесточеннымъ нападкамъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ въ статьѣ г. Z. „Современное Украйнофильство“ (1875, № 2), какъ „измѣнически полонофильскія“, „хитроумно сепаратистическія“ и т. п. Рецензентъ московскаго обозрѣнія ни больше ни меньше, какъ скралъ всю первую половину нашихъ статей объ общерусской

литературѣ, поставилъ намъ въ вину даже терминъ „россійска“, противъ польскаго смысла котораго мы именно и полемизируемъ, и затѣмъ вторую половину совершенно произвольно передѣлалъ, оставивъ въ неприкосновенности (и за это спасибо) только идею хлопомании, какъ характеристику новой, опасной, по его мнѣнію, формы современнаго украйнофильства. Несмотря на такія извращенія, намъ приходилось слышать сужденія автора статьи въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ изъ такихъ устъ, которыя обязаны были бы знать дѣло не по такому только мутному источнику.[1]

Если публицистъ „Русскаго Вѣстника“ скралъ или извратилъ наши основныя мысли о малорусской литературѣ, то рецензентъ „Гражданина“ ихъ какъ то не замѣтилъ, написавъ слѣдующія слова: „Все придисловіе г. Др—ва направлено къ тому, чтобы доказать неоспоримость права русиновъ и украинцевъ возвести ихъ народный идіомъ на степень совершеннаго равенства съ языкомъ русскимъ“ (и польскимъ), т. е. какъ говоритъ рецензентъ выше, что „нарѣчіе малорусское, въ противность утвержденіямъ сторонниковъ русскаго и польскаго языковъ, можетъ развиваться самостоятельно и пріобрѣтать въ исторіи умственнаго развитія тоже культурное значеніе, какого достигли обѣ вышеуказанныя вѣтви славянскаго языка“.

Начать съ того, что съ той, такъ сказать, естественно-исторической точки зрѣнія, съ какой мы смотримъ на предметъ, во-

[1] Это были уста, возвѣстившія намъ въ прошломъ году волю г. министра народнаго просвѣщенія о томъ, чтобы мы, какъ высказавшіе въ заграничныхъ изданіяхъ сепаратистическій и полонофильско-измѣнническій образъ мыслей, добровольно оставили службу преподавателя въ кіевскомъ университетѣ. Мы не могли исполнить этого оффиціальнаго предложенія, мотивированнаго аргументами, почерпнутыми изъ статьи московскаго обозрѣнія, такъ „вольно“ передавшей наши мысли. Мы впрочемъ предвидѣли, что лично заинтересованные люди не затруднятся перенести этотъ „вольный переводъ“ и въ болѣе высокія сферы. Но мы считали нужнымъ наблюсти до конца процессъ обращенія высокопоставленными лицами „общерусса“ и „москалефила“ польскихъ газетъ въ злостнаго „малорусскаго сепаратиста, дѣйствующаго въ заговорѣ съ поляками“. Въ сентябрѣ прошлаго года, на другой день по проѣздѣ государя черезъ Кіевъ, намъ вторично было объявлено прежнее предложеніе и послѣ вторичнаго отказа мы были удалены отъ службы „безъ прошенія“, что и слѣдовало ожидать и что было рѣшено заранѣе, но что почему то рѣшено было привести въ исполненіе послѣ проѣзда государя. Любопытно, что „Московскія Вѣдомости“ воспользовались этимъ дѣломъ, какъ аргументомъ противъ университетскаго устава и возвѣстили, что доцентъ Д. оставилъ кіевскій университетъ послѣ какихъ то „встревожившихъ общественное мнѣніе (студенческихъ) исторій.“ А между тѣмъ только и исторій была, что восхожденіе кіевскихъ сплетенъ и извращеній въ публицистику, особенно въ московское обозрѣніе, а потомъ оттуда въ высшія сферы, т. е. безцеремонный обманъ сначала общественнаго мнѣнія, а потомъ и главы государства. Эта исторія превращенія „общерусса“ въ „сепаратиста“, начинающаяся съ того времени, какъ онъ помѣстилъ въ одной газетѣ въ злополучномъ апрѣлѣ 1866 г. разборъ плохой книги для чтенія въ училищахъ кіевскаго округа, изданной тогдашнимъ попечителемъ этого округа, а теперь товарищемъ министра народнаго просвѣщенія кн. А. Пр. Ширинскимъ-Шихматовымъ, не лишена общаго интереса, особенно если разсказать ее съ сопоставленіемъ оффиціальныхъ доносовъ и бумагъ съ конфиденціальными „джентльменскими“ разговорами „не начальниковъ съ подчиненными, а, напр. кн. А. Пр. Ш. Ш. съ М. Н. Др-вымъ“ и т. д. Мы когда нибудь разскажемъ эту девятилѣтнюю возню, которая соприкасается съ исторіей народнаго просвѣщенія въ кіевскомъ округѣ и представляетъ не мало любопытныхъ чертъ для характеристики морали Руничей и Магницкихъ нашего времени, лгуновъ и лицемѣровъ въ обществѣ и администраціи. Мы постараемся сдѣлать это еще при жизни этихъ почтенныхъ персонъ, чтобы они могли опротестовать каждое слово свое и каждую бумагу. Но теперь довольно объ этомъ.

просъ о правѣ совершенно не имѣетъ мѣста: есть или будетъ литература — такъ вотъ ея и право; вызывается она и поддерживается естественными потребностями, такъ сколько ни отрицай ея право на существованіе, а она будетъ существовать и расти. Но и вопросъ о равноправности малорусской литературы съ той или другой, и о томъ, что рецензентъ „Гражданина“ называетъ „культурное значеніе въ исторіи умственнаго развитія“ (чьего?) вовсе неинтересенъ, по крайней мѣрѣ, для автора Предисловія къ повѣстямъ Федьковича. Въ какой чинъ пожалована будетъ малорусская литература, въ штабъ или оберъ-офицерскій, это дѣла неважное. Важно только то, чтобы она была жива, народна и служила умственному развитію тѣхъ, кто говоритъ или будетъ говорить языкомъ народа малорусскаго. А самъ же рецензентъ признаетъ, ссылаясь на народныя пѣсни и на Шевченка, что малорусскій языкъ „чрезвычайно пѣвучъ, образенъ и гибокъ“, хотя эти похвалы и плохо вяжутся съ тѣмъ понятіемъ о малорусскомъ языкѣ, какъ о неорганической смѣси польскаго и русскаго языка, какое высказалъ рецензентъ выше и ниже этихъ похвалъ. И если бы даже вся малорусская словесность дала только нѣсколько поэтовъ и беллетристовъ въ родѣ Шевченка, то и тогда она бы сдѣлала свое культурное дѣло нравственнаго поднятія массъ малорусскаго народа и сближенія съ ними теперешнихъ такъ называемыхъ „культурныхъ людей“. Все, что мы до сихъ поръ видѣли на югѣ Россіи, показываетъ, что малорусская литература, пока еще почти исключительно состоящая изъ беллетристики, поэзіи и популярно-научныхъ брошюрокъ, успѣла уже сослужить свою службу въ этомъ направленіи, и, мало того, мы не видимъ въ Малороссіи ничего другого, чтобы было въ состояніи исполнить эту роль вмѣсто малорусской литературы.

Еще менѣе можно обойтись безъ малорусской, т. е. на основѣ народнаго языка выросшей литературы въ Галичинѣ. Рецензентъ „Гражданина“ видимо пропустилъ безъ вниманія тѣ примѣры галицкихъ литературныхъ жаргоновъ писателей, отвергавшихъ, подобно ему, мѣстную народную рѣчь. Мы не понимаемъ, какъ можно было послѣ этихъ примѣровъ сказать, что галицкіе писатели „отлично знаютъ русскій языкъ“, когда эти примѣры доказываютъ совсѣмъ противное, а именно, что языкъ галицкихъ „общеруссовъ“ и „москвофиловъ“ гораздо менѣе русскій (и въ родовомъ, и въ видовомъ смыслѣ), чѣмъ языкъ малорусскихъ писателей, конечно, хорошихъ, какъ Шевченка, Квитка, Костомаровъ, Кулишъ и т. п. Кромѣ множества приведенныхъ уже въ нашемъ предисловіи примѣровъ укажемъ на слѣдующій, весьма яркій.

Въ 1866 году галицкій писатель, перемѣнявшій, по причинамъ политическимъ свое имя на всѣ лады, начиная съ Теодора Дз . . . . аго, на Богдана Д . . . . аго, громившій въ 1863 г. „несытый централизмъ Москвы“ и „московскихъ игемоновъ Каткова и Аксакова“, счелъ за нужное написать брошюру: „Въ одинъ часъ научитися малорусину по великорусски“. Брошюра эта начиналась съ смѣлаго положенія: „На Руси одинъ русскій

языкъ, а на этомъ языкѣ два выговора", и насчитала только семь „важнѣйшихъ лексикальныхъ различій малорусской рѣчи отъ великорусской: якъ що = какъ что, дуже = очень. Весь прочій лексиконъ обоихъ нарѣчій одинъ и тотъ же", — провозглашала брошюра, и вслѣдъ за тѣмъ давала отъ себя „Великорусскій переводъ программы Дневника Русскаго 1848 года" съ будто бы малорусскаго подлинника, какой издали въ то время поляко-нѣмцы по воспитанію, выступившіе тогда, какъ королевско-цесарскіе русскіе патріоты. Вотъ этотъ будто бы великорусскій переводъ. „Народность главнѣйшимъ условіемъ въ томъ, чтобы народъ пришелъ къ развитію политическому. Затѣмъ (т. е. вотъ почему) на голосъ свободы, который идетъ что молнія по всѣмъ концамъ Европы и кличетъ къ новому житію всѣ ея народы, возстаютъ поляки и русины, чтобы имѣли удѣлъ въ будущемъ, какое есть предречено народамъ свободнымъ" и т. д. Если великорусскій языкъ нарочитой брошюры оказывается сходнымъ съ языкомъ, какимъ пишутъ нѣмцы наставленія объ употребленіи косметикъ, отправляемыхъ въ Россію, то что же удивительнаго, что языкъ общерусскихъ галицкихъ оказывается въ такой степени нерусскимъ, какъ это свидѣтельствуютъ многочисленные примѣры въ нашемъ предисловіи. Эти примѣры вовсе не говорятъ въ пользу того, что „галицкимъ писателямъ не для чего создавать малорусскій языкъ, когда они отлично знаютъ русскій", а показываютъ именно, что въ Галичинѣ литературный вопросъ состоитъ не въ вопросѣ о выборѣ между малорусскимъ, еще неготовымъ языкомъ, и русскимъ, готовымъ, а о выборѣ между народнымъ, готовымъ, хотя требующимъ дополненія, — въ томъ числѣ и изъ русскаго языка словами удобопонятными, — и польскимъ или польско-нѣмецко-церковно-малорусскою мѣшаниною, дѣйствительно неорганическою. Другіе примѣры изъ новѣйшей литературной исторіи Галичины, приведенные нами, показываютъ, что послѣ нѣсколькихъ лѣтъ безплодныхъ фразъ объ общерусизмѣ, наиболѣе дѣятельная часть галицкихъ писателей, высокомѣрно смотрящая на народную рѣчь и отвергающая „украинщину", возвратилась опять къ „рутенщинѣ", и вмѣсто теоріи „всемалорусской" признаетъ теорію или какой-то „церковнорусской", или „австрорусской" народности.

Выгодно ли это для общерусскихъ интересовъ, пусть рѣшитъ рецензентъ „Гражданина". Но что эта теорія какой-то бурсацко-австро-рутенской народности невыгодна для народнаго дѣла и для развитія сколько-нибудь живой русской литературы, въ этомъ убѣдится всякій, кто хоть сколько-нибудь внимательно перелистуетъ пять-шесть номеровъ галицкорусскихъ изданій и двѣ-три книги, трудъ, котораго, впрочемъ, наши рецензенты и даже присяжные славяноревнители и рѣшители вопросовъ себѣ не задаютъ.

Краснорѣчивѣйшій примѣръ безплодности и даже вредоносности теоріи поверхностнаго общерусизма представляютъ русскія области въ Венгріи, которыя сколько-нибудь живой русскій человѣкъ не можетъ проѣзжать иначе, какъ съ чувствомъ самаго

ѣдкаго стыда и жгучей боли въ сердцѣ. Тамъ не слыхали объ Украйнѣ, объ казакахъ, не слыхали именъ Квитки, Шевченка, Костомарова, тамъ тридцать лѣтъ царствовало поддерживаемое изъ Вѣны „общерусское славянофильство“ клерикальнаго характера. Оно убило инстинктивно поднимавшіеся въ 40-ые 50-ые гг. то тамъ, то сямъ ростки литературы на мѣстномъ полу-народномъ языкѣ и въ мѣстномъ полународномъ духѣ, на манеръ ростковъ галицкихъ временъ „тріумвирата изъ М. Шашкевича, Я. Головацкаго и Вагилевича“. И что же, кто-нибудь подумаетъ, что въ Угорской Руси читаютъ Пушкина, Тургенева, говорятъ и пишутъ языкомъ ихъ, заботятся о народности, народѣ?! Ничего подобнаго! Тамъ патріоты русскіе говорятъ по-мадьярски, читаютъ мадьярскія книги, а если нужно написать по-русски, то пишутъ невѣдомымъ языкомъ и о сюжетахъ, которые и во время Гредьяковскаго считались мертвечиною. Не вѣрите, — возьмите любой номеръ Свѣта, Новаго Свѣта или Карпата, выходящаго въ Унгварѣ! А какая убійственная апатія, какое отчужденіе отъ живыхъ интересовъ вообще, а народныхъ въ особенности, соотвѣтствуетъ тому ненародному языку, которымъ пишутъ немногіе угорско-русскіе литераторы! Какая опасная для будущности русской народности въ Угорщинѣ общественная теорія ложится въ подкладку литературной теоріи тамошней русской интеллигенціи!

Мы два раза перекрестили Угорскую Русь въ разныхъ направленіяхъ, имѣемъ тамъ добрыхъ пріятелей, конечно, будто бы общерусовъ, отъ которыхъ мы не скрывали нашихъ общественныхъ теорій и вытекающаго изъ нихъ „украйнофильства“. Въ тамошнемъ единственномъ русскомъ журналѣ недавно напечатана была тоже рецензія на изданныя нами повѣсти Федьковича и предисловіе наше, — рецензія вполнѣ джентельменская по тону, при полномъ несогласіи съ нашими идеями. Рецензентъ угрорусской газеты, въ которомъ, судя по иниціаламъ его подписи, мы вправѣ видѣть одного изъ болѣе уважаемыхъ мѣстныхъ писателей (I. P.), дѣлаетъ намъ уступку и объявляетъ: „мы почитаемъ и малорусскихъ геніальныхъ писателей, какъ то Шевченка, Гоголя, Квитку, Вовчка, Максимовича, Кулиша, Костомарова, Федьковича и прочихъ трудившихся и еще трудящихся надъ воспроизведеніемъ малорусскаго характера и изображеніемъ народныхъ обычаевъ соплеменниковъ нашихъ“. Никогда еще угорско-русскій писатель не дѣлалъ такого признанія! „Но, — говоритъ выше рецензентъ, — пусть проститъ намъ г. Драгомановъ, если мы не раздѣляемъ его воззрѣній касательно употребленія отдѣльнаго русскаго нарѣчія въ отношеніи распространенія народнаго просвѣщенія и литературнаго образованія“. Нашъ рецензентъ говоритъ о необходимости единенія въ русскомъ мірѣ, что говоримъ и мы, по его же признанію. Но въ чемъ онъ особенно расходится съ нами, такъ это въ слѣдующемъ: „г. Драгомановъ, — говоритъ рецензентъ, — поставляетъ въ вину (многимъ галицкимъ писателямъ), что они, гоняясь за панской образованностью, пренебрегаютъ свой простой народъ и его родной языкъ. Но, по нашему мнѣнію, раздѣленіе

людей на господъ и слугъ всегда будетъ существовать въ соціальной жизни".

Итакъ, вотъ въ чемъ все дѣло! Но если въ Угорской Руси господа — мадьяре, то что остается? Выписать господъ изъ Россіи? (есть такіе, которые мечтаютъ объ этомъ) но это не такъ легко. Остается превращаться въ мадьяровъ, такъ какъ всѣ наличные русскіе крестьяне — слуги, и неслугамъ, русскимъ іереямъ остается выборъ между народностью господъ, — мадьяръ, и народностью слугъ — русскихъ, малороссовъ. И послѣ этого русскіе патріоты удивляются, что, какъ сообщалъ намъ одинъ изъ нихъ, въ унгварской гимназіи до 140 учениковъ уніаты, т. е. дѣти собственно русскихъ священниковъ, но записало себя русскими только немного больше 30.

До какой же степени далекъ отъ нашего русскаго, особенно современнаго языка и духа литературы будто бы общерусскій языкъ и духъ хоть бы, напримѣръ, „Карпата", видно хоть бы изъ слѣдующихъ строкъ изъ передовой статьи угорскорусской газеты:

„Христосъ воскресъ!

„Минувшимъ праздествомъ привѣтствуемъ всепочтенныхъ читателей поздравленіемъ, происходящимъ отъ перваго утра воскресенья.

„Можетъ быти, праздникъ не былъ веселъ, — онъ былъ окруженъ обстоятельствами разнаго рода, которыя не были расположены къ тому, чтобъ увеселити размышляющаго о будучности человѣка!

„Жалко — но совершенная правда!

„Миръ нарушенія, — буря грозитъ съ всѣхъ сторонъ, — что-сь шумитъ въ воздухѣ, самая природа безпорядковымъ рядомъ грозитъ плодамъ земли, — внутри и внѣ большія опасности и наконецъ почти ничего потѣшительнаго!" и т. д.

Слѣдующій образчикъ даетъ понятіе и о языкѣ, и о литературномъ, и моральномъ развитіи угорскихъ писателей:

ОДА

къ его преосвященству

Куръ

НИКОЛАЮ ТОВТУ

АРХІЕРЕЮ ПРЯШЕВСКОЙ ЕПАРХІИ.

Отецъ!

На жизненномъ пути страхъ Божій велъ тебя,
Благословенье осѣнило,
И провидѣніе твой ходъ опередя,
У цѣли зажегло свѣтило.

Сколь ясно поприще твое! какъ орлій летъ,
Когда стремится къ солнца свѣту,
Твой духъ стремился къ совершенству все въ передъ,
Паря къ небесному зениту.

Ты злобу дня оставилъ низко подъ собой,
Да лесть житейскихъ мелкихъ суеть,
И все . . . что убиваетъ у души покой,
Что жадну грудь людей волнуетъ.

Твоя-то жажда заключалася не въ томъ,
Ты жаждалъ упоиться бьющимъ
Святого Духа отъ небесъ источникомъ,
Вкусившихъ къ небесамъ влекущимъ.

Вода источника дается только тѣмъ,
Духъ коихъ сталася для принятья
Достойнымъ святости ея вмѣстилищемъ,
Тѣхъ оживляетъ кажда капля;

Но такъ какъ получаемъ струй этихъ водъ
Лишь по вмѣстимости сосуда,
И подвиговъ твоихъ смотря обильный плодъ,
Мы должны заключать оттуда:

Что ты по тѣлу бывши жителемъ земнымъ,
Душей отдался жизни Царства,
Значитъ: удостоился быть вмѣстительнымъ
Сосудомъ Духа свѣтодавца.

Межь тѣмъ твой нимбъ что день, то болѣ возрастялъ.
Сіяло имя ореоломъ,
Вѣнецъ твоихъ заслугъ тебя ужъ ожидалъ —
Ставъ надъ Святительскимъ Престоломъ.

Передъ престоломъ въ брачномъ одѣяньи ждетъ
Тебя давно твоя невѣста,
Трепещетъ отъ любви, плетъ напередъ привѣтъ
Съ восторгомъ твоего пріѣзда!

Съ твоимъ пріѣздомъ сотня тысячей сердецъ
Воспламенится вдругъ любовью,
И вздрогнетъ грудь Карпата добрый нашъ Отецъ!
Горя обнятой быть тобою.

Вотъ пріѣзжай, благослови твоихъ дѣтей!
Желаетъ наша вся утроба:
Жій полноту да долготу счастливыхъ дней!
Для блага Церкви и Народа!

А. И. Павловичъ.

Нужно прибавить, что г. Павловичъ считается въ Угорской Руси едва ли не лучшимъ поэтомъ и перваго качества патріотомъ. По крайней мѣрѣ г. Матисовъ въ статьѣ своей „Угорская Русь“

въ „Бесѣдѣ“ 1871, № 7, говоритъ о томъ, что „особенно содѣйствовали народному движенію его патріотическія стихотворенія“, образецъ которыхъ тамъ и приведенъ:

Славянски роды, дѣти свободы,
Цѣлому міру свободы желаютъ и т. д.
Пропадетъ гордыхъ навладѣнье (Uebermacht)
Равноправности цвѣтутъ нѣжны цвѣты,
Воплощается уже мнѣніе:
Долженъ человѣкъ человѣкомъ быть.

восклицалъ угорско-русскій патріотъ еще недавно, а кончилъ вышеприведенной одой завѣдомому мадьярону!

Какъ ничтожно наглядное знакомство даже угорско-русскихъ литераторовъ съ нашею русскою литературою, видно хоть бы изъ того, что рецензентъ „Карпата“ поставилъ Гоголя въ ряду писавшихъ по малорусски!

И между тѣмъ, какъ угорскорусскіе патріоты такъ удалены отъ нашей живой русской литературы, между тѣмъ, какъ они пишутъ такимъ удивительнымъ вымученнымъ языкомъ о такихъ предметахъ, какъ напримѣръ о томъ, „что Его Преосвященство, епископъ Іоаннъ изволили купити себѣ новую мантію“, мадьярская литература растетъ дѣйствительно замѣчательно быстро для такого небольшого племени, даетъ переводы и изъ нашихъ Тургенева, Гоголя (недавно вышелъ Ревизоръ) — NB. обогащается переводами такихъ произведеній европейской научной и политической мысли, какихъ появленіе на русскомъ языкѣ и въ Россіи невозможно. Чтожъ удивительнаго, если все живое отпадаетъ отъ русской народности въ Венгріи, и увеличиваетъ собою количество сознательныхъ и безсознательныхъ народныхъ піявокъ, а прекрасное, здоровое, еще недавно вооруженное племя русскихъ Верховинцевъ обращается въ паріевъ на своей собственной землѣ.

И наши національные либералы и славянофилы думаютъ остановить этотъ разрушительный національный и соціальный процессъ пустыми фразами о русскомъ единствѣ, два-три раза въ годъ выкликнутыми гдѣ-нибудь въ Петербургѣ или въ Кіевѣ, да много-много подачкою въ 100—200 рублей первой протянувшейся изъ подъ уніатской рясы рукѣ! Скажетъ кто: надо вступить въ конкурренцію съ мадьярскою культурой, усилить посылку въ угорскую Русь нашихъ русскихъ книгъ: Пушкина, Гоголя, Тургенева, Соловьева и т. д. Всенепремѣнно (хотя, повторимъ, литература маленькаго мадьярскаго племени имѣетъ теперь уже такое, чего мы при цензурѣ имѣть не можемъ)! Но только надо приготовиться къ тому, что черезъ два года послѣ того, какъ угорско-русская молодежь усвоитъ себѣ новую „общерусскую“ литературу, среди нея появится своего рода украйнофильство, т. е. малорусская народная партія съ мѣстнымъ оттѣнкомъ.[1] И

[1] Такъ вышеупомянутое галицко-русское общество „Академическій Кружокъ“ обратилось къ мѣстному малорусскому народному направленію именно послѣ болѣе близкаго знакомства съ настоящею московскою литературою и сравненія ея съ мѣстною тредьяковщиною, выдававшеюся долго за общерусскую литературу.

только тогда мы увидимъ въ Угорской Руси и начало живой литературы, и начало энергическаго, народнаго патріотизма, который не будетъ ждать указовъ изъ Вѣны и субсидій, чтобъ служить народу, и не сложитъ такъ рукъ, какъ сложили ихъ послѣ 1867 г. русскіе патріоты въ австрійскомъ полицейскомъ мундирѣ, появившіеся послѣ 1848 г., послѣ усмиренія венгерскаго возстанія.

Полагаемъ, что каждый живой русскій человѣкъ въ Россіи порадовался бы такому результату, а ужъ какова по табели о рангахъ вышла бы малорусская литература въ Венгріи это было бы для него дѣломъ второстепеннымъ. Рецензентъ „Гражданина“ думаетъ впрочемъ, что пока „украинскіе и галицкіе писатели будутъ обусловливать свое творчество малороссійскимъ нарѣчіемъ“, то не бывать имъ ни Тургеневымъ, ни Некрасовыми, ни даже Рѣшетниковыми. „Доказательство тому онъ видитъ и въ повѣстяхъ Федьковича, которыя кромѣ этнографическаго, довольно яркаго колорита, не представляютъ собою высшихъ задачъ творчества. Все какъ-то мелко и низменно въ этомъ маленькомъ міркѣ, который изображаетъ намъ Федьковичъ въ своихъ стихотвореніяхъ и повѣстяхъ.“

Мы не считали удобнымъ писать рецензію на издаваемыя нами повѣсти живого автора въ предисловіи къ нимъ и ограничились только краткими намеками на ихъ достоинства и недостатки. Мы вовсе не ставили Федьковича въ одинъ рангъ съ Тургеневымъ, Некрасовымъ и т. п. Мы только сказали, что лишь на такой дорогѣ живописанія народнаго быта народной же рѣчью австрійская Русь можетъ дать намъ не мертвые плоды, не Гредьяковскихъ, а Тургеневыхъ, Островскихъ и т. п. Какъ ни слабъ относительно Федьковичъ, но, опять относительно, стихи и повѣсти Федьковича безконечно выше всего, что дала намъ австрорусская литература, особенно рутенскаго и будто бы общерусскаго лагеря. Что нибудь значитъ уже то обстоятельство, что сейчасъ послѣ своего появленія въ Россіи повѣсти Федьковича вызвали пять рецензій, которыя всѣ, кромѣ одной, признаютъ возможность хоть читать Федьковича, чего рѣшительно нельзя сказать ни объ одномъ изъ галицкихъ писателей, патронируемыхъ нашими литературными централистами. Значитъ, по меньшей мѣрѣ народный языкъ не помѣшалъ Федьковичу, если не помогъ.

Идеи Федьковича не широки, хотя шире идей весьма многихъ изъ его сопленниковъ, да не уже идей, проповѣдываемыхъ нашими славянофилами, но языкъ тутъ ни причемъ. Федьковичъ въ совершенствѣ владѣетъ нѣмецкимъ языкомъ и печатаетъ на немъ стихи и прозу. Виноватъ тутъ кругъ людей, съ которыми имѣетъ дѣло Федьковичъ, не идущій дальше національно-религіознаго патріотизма, и его недостаточное воспитаніе. То и другое сдѣлали, что онъ смотритъ на свои народныя повѣсти, какъ на дѣло неважное, а занимается такими вещами, изъ которыхъ врядъ ли выйдетъ что живое. Но чтобъ ужъ совсѣмъ все было „низменно и мелко въ міркѣ“ Федьковича, съ этимъ мы не можемъ согласиться. Та сила страсти, какая представлена въ повѣсти Люба-Згуба, та теплота дружбы, какую видимъ въ

„Три, як рідні брати“, то энергическое требованіе правды въ житейскихъ отношеніяхъ, какое обнаруживаетъ Сафатъ Зиничъ, то гуманное сочувствіе къ горю, отвращеніе отъ эксплуататоровъ народа, въ томъ числѣ изъ людей своей народности, каковъ напримѣръ уніатскій попъ въ повѣсти „Три, як рідні брати“, наконецъ, тотъ довольно смѣлый скептицизмъ, какимъ проникнута приведенная нами элегія Федьковича, не совсѣмъ оправдываютъ приговоръ о „низменности и мелкотѣ“ по крайней мѣрѣ поэтическаго чутья, если не сознательныхъ идей Федьковича. Если такъ, то низменны и мелки образы Записокъ Охотника, Коробейниковъ, Грозы, Казаковъ (Л. Толстого), съ которыми впрочемъ съ художественной стороны мы вовсе не думаемъ сравнивать повѣсти Федьковича. Но та или другая сила таланта, умѣнье отдѣлки зависитъ вовсе не отъ языка писателя, если только языкъ этотъ живой, а не мертвый.

Сама эта идея — особенно если она сознательна, — писать о массахъ народа языкомъ ихъ самихъ или наиближайшимъ къ нему, настолько высока и широка, что выше и шире ея мало можно и найти идей, а потому она не только не свяжетъ таланта, а напротивъ дастъ ему толчекъ. Исторія всѣхъ литературъ на свѣтѣ подтверждаетъ это значеніе идеи о lingua volgare, говоря терминомъ Данта. Рецензентъ „Гражданина“ признаетъ „сильное выраженіе поэтическаго творчества“ въ „талантливыхъ произведеніяхъ Шевченка“, который по его словамъ, „черпалъ свои поэтическіе мотивы изъ народнаго источника, богатаго историческими преданіями“. Вотъ, значитъ, уже и есть область, въ которой малорусскій языкъ не только не стѣсняетъ таланта, а напротивъ окрыляетъ его! Мы скажемъ болѣе: оставивъ этотъ языкъ, какъ совѣтуетъ рецензентъ „Гражданина“, малорусскіе писатели не только не создадутъ себѣ условій стать Тургеневыми, Некрасовыми, а убьютъ сами себя: вѣдь имъ останется только перепѣвать другихъ. Во времена Гоголя еще можно было написать „Вечера на хуторѣ“ и „Тараса Бульбу“ не по малорусски, а теперь нельзя. Теперь подобныя вещи или являются по малорусски и вещи не безталантныя же (Шевченко, Марко Вовчокъ, Нечуй), или совсѣмъ не являются. Что же лучше? Далѣе, совершенно невѣрно видѣть въ Шевченкѣ только пѣвца „историческихъ преданій“. Онъ шелъ дальше преданій! Довольно указать на многія думы политическаго, соціальнаго и религіознаго характера, или на посланіе къ Шафарику, въ которомъ, вылилась программа малорусскаго панславизма, который мы не затрудняемся поставить выше того шовинизма, какой выразился въ пушкинской одѣ „Клеветникамъ Россіи“, или въ стихотвореніяхъ Хомякова. Насколько „мужицкая“ природа Шевченка помогла ему въ этомъ случаѣ достигнуть большей широты идей, это не требуетъ объясненій; мужицкій же языкъ Шевченка не стѣснилъ, и въ тоже время несмотря на то, что Шевченко расширилъ область этого языка, языкъ его не переставъ быть вполнѣ народнымъ.

Когда послѣ Шевченка передъ украинскими писателями стадъ вопросъ о языкѣ прозы, языкѣ науки хотя бы популярной, то,

конечно, почувствовались затрудненія, явились примѣры комическаго словокованія, но понимающему дѣло ясно, что послѣ Шевченка языкъ малорусской литературы всетаки успѣлъ значительно развиться, не потерявъ основной своей черты — „мужичества“. Будущее можетъ быть еще болѣе благопріятно развитію этого языка, тѣмъ болѣе, что подкладка его, народная рѣчь, еще вполнѣ свѣжа и вовсе не вымираетъ, а народное творчество не стоитъ: доказательство — масса пѣсенъ и сказокъ, записанныхъ въ самое послѣднее время изъ устъ народа и новыя пѣсни, напримѣръ, объ эмансипаціи крестьянъ, о польскомъ возстаніи 1863 г., сатиры на волостныя правленія, на сдирства священниковъ и т. п., вовсе не „низменнаго“ свойства народныя произведенія.

Вообще это большая ошибка рѣшать какой бы то ни было вопросъ съ точки зрѣнія сегодняшнихъ формъ и условій жизни, безъ оглядки впередъ и назадъ, а часто и около. У насъ особенно часто впадаютъ въ подобную ошибку, полагаемъ, вслѣдствіе большой „свободы отъ наукъ“. Вотъ и рецензентъ „Гражданина“ выражаетъ сомнѣніе, чтобъ малорусское нарѣчіе могло стать наравнѣ съ тѣми славянскими языками, которые вырабатывались въ продолженіи цѣлаго ряда вѣковъ, переживая многіе періоды умственнаго перерожденія Европы. Г. Милюковъ[1] построилъ цѣлую статью „Вопросъ о малороссійской литературѣ“, на такихъ мысляхъ: что до конца прошлаго вѣка никто не писалъ по малорусски, что въ XVII—XVIII в. въ Малороссіи писали языкомъ-смѣсью польскаго и общерусскаго (котораго тогда еще не было!), изъ каковой-то смѣси-порчи и образовалось малорусское народное нарѣчіе, что, наконецъ, стремленія, подобнаго обнаруживаемому малорусскими писателями нѣтъ нигдѣ, ни въ одной культурной странѣ, гдѣ безраздѣльно господствуютъ языки Данте, Вольтера, Шиллера и т. п. Вся бѣда въ томъ, что подобныя вещи пишутся обыкновенно „отъ руки!“ Писали когда-то французскіе академики, что въ Италіи нѣтъ народныхъ пѣсенъ, ибо страна, давно имѣвшая Данте и Боккаччіо, не можетъ сохранять этотъ мужицкій лепетъ! Рѣшали когда-то экономисты, что община есть дикое учрежденіе, давно сокрушенное прогрессомъ и т. д., и т. д.

Увы! въ послѣднее время наука поколебала вѣру въ продолжительность существованія и непреложную разумность многихъ формъ и явленій жизни современнаго общественнаго строя, въ томъ числѣ и еще недавно крѣпкую вѣру во всеобъемлемость, давность и незыблемую стойкость центральныхъ, государственныхъ литературныхъ языковъ, какъ и другихъ порожденій бюрократически-мѣщанскаго строя послѣдняго періода исторіи Европы. Оказалось, во-первыхъ, что литературные языки не цѣлое, а часть, не исконное, а вторичное и условное, и далеко не старое. Если относительно малорусскаго языка у насъ еще возможны мнѣнія,

[1] Въ избѣжаніе недоразумѣній замѣтимъ, что литературнаго критика А. П. Милюкова (род. въ 1817 г., † въ 90-хъ гг. прошлаго столѣтія), о которомъ говоритъ въ текстѣ М. П. Драгомановъ не слѣдуетъ смѣшивать съ извѣстнымъ ученымъ историкомъ и публицистомъ П. Н. Милюковымъ. Примѣчаніе П. С.

вродѣ заявленнаго г. Милюковымъ, то только благодаря нашему необыкновенному умѣнію одного не знать, а другое забывать, а также благодаря нашему поистинѣ варварскому невниманію къ памятникамъ нашей культуры. Не будемъ говорить о несомнѣнныхъ признакахъ малорусскаго языка въ памятникахъ до XV вѣка, указанныхъ много разъ въ трудахъ Максимовича, Буслаева, Срезневскаго, но въ высшей степени комично читать въ книгѣ, вышедшей въ 1875 г. увѣренія, что будто малорусское нарѣчіе образовалось подъ польскимъ господствомъ, изъ смѣси „чисто и общерусскаго, новгородскаго (!) языка съ польскимъ и болгарскимъ“ (!!!).[1] Съ XV по XVIII вѣкъ можно уже прослѣдить весьма яркую литературную исторію малорусскаго нарѣчія, по меньшей мѣрѣ не уступающую въ количествѣ памятниковъ исторіи нарѣчія великорусскаго. Несмотря на то, что весьма разнообразное варварство, національное, религіозное, полуученое и неученое съ XVII в. умышленно истребляло и пренебрегало этими памятниками, все-таки ихъ осталось довольно, чтобъ утверждать, что старый малорусскій языкъ (называвшійся тогда русскимъ, что г. Милюковъ страннымъ образомъ поворачиваетъ противъ малорусской литературы) былъ органомъ и церковной жизни (православной, католической и даже протестантской), и государственной, и судебной, и литературно-научной, какова она тогда была на югозападѣ Руси. На этомъ языкѣ есть, кромѣ богословскихъ трактатовъ, полемики, учительныхъ наставленій, перевода Пѣсни пѣсней, Страстей, всего евангелія, напримѣръ, Пересопницкое евангеліе, сдѣланное для православныхъ и католиковъ, — замѣчательный памятникъ, который къ стыду представителей русской оффиціальной науки не изданъ до сихъ поръ и запроторенный въ трущобу (полтавская духовная семинарія) не могъ быть добытъ даже на археологическую выставку въ Кіевѣ 1874 г. На этотъ языкъ переводились занимавшія тогда весь европейскій міръ астрологическіе трактаты, лечебники, бестіаріи, повѣсти вродѣ Александреиды, Римскихъ Дѣяній. На немъ сочинялись оригинальныя политическія вирши, напримѣръ, приложенныя къ „Богдану Хмельницкому“ Костомарова, потомъ драмы, не только церковныя, но и политическія, какова, напримѣръ, Милость Божая Украйну свободившая, — комедіи съ весьма реальнымъ характеромъ, какъ комедіи Довгалевскаго, весьма богатая литература казацкихъ лѣтописей и дневниковъ XVII и

---

[1] Мимоходомъ замѣтимъ, что ученые вродѣ г. Милюкова не понимаютъ разницы между литовскорусскимъ княжествомъ и польскимъ государствомъ послѣ 1569 г., а то они бы сообразили, что польскому вліянію некогда было и передѣлать народъ малорусскій, напримѣръ, на лѣвомъ берегу Днѣпра, гдѣ едва успѣли въ началѣ XVII вѣка нѣсколько магнатскихъ родовъ ополячиться, какъ въ 1648 г. взрывъ Хмельничины навсегда снесъ въ этой странѣ польское вліяніе. А вѣдь полтавскій языкъ такой же самый, какъ и волынскій, и галицкій. Изъ временъ до Люблинской уніи первой половины XVII в. мы имѣемъ и думы, и грамоты, и вирши для своего времени чисто малорусскія. Все это дѣленіе Руси на чистую и ополяченную есть ничто иное, какъ результатъ незнанія и привычекъ мысли представлять себѣ исторію народа въ рамкахъ династическихъ, благодаря которымъ Карамзинъ проглядѣлъ Литовскую Русь, и даже борясь противъ стремленій возстановить Польшу при Александрѣ, воображалъ ее (какъ и нѣмецъ Нессельроде), все также до Днѣпра и Двины, какъ и польскіе магнаты.

XVIII в. (Лѣтопись Самовидца, Грабянки, Величка и др.). На этомъ языкѣ проповѣдывали и преподавали, въ томъ числѣ и въ высшихъ школахъ, въ Кіевѣ и Харьковѣ, до второй половины XVIII в. Если масса нашей публики не знаетъ объ этой литературѣ, то виною тому наша школа, въ которой говорится о Григоріи Цамблахѣ, но не говорится ни слова объ Іоаннѣ изъ Вишни, въ которой учатъ о Котошихинѣ, и не упоминаютъ о Самовидцѣ и Самуилѣ Величкѣ, восхищаются одой на взятіе Хотина, но не знаютъ вирши на освобожденіе малорусскаго народа отъ поляковъ и т. д., и т. д. Но литераторамъ, берущимся рѣшать вопросы словесности русской, надо бы знать все это и не утверждать съ плеча, что помалорусски начали писать только весельчаки и чудаки со временъ Котляревскаго, или что языкъ южнорусскій литературы XVII—XVIII в. былъ или общерусскій, или церковнославянскій, или неорганическая смѣсь общерусскаго съ польскимъ и т. п. Конечно, языкъ этотъ отличается отъ народнаго, особенно отъ приднѣпровскаго, какой теперь считается за малорусскій par excellence, но во-первыхъ, гораздо меньше чѣмъ Ломоносовскій отъ московскаго народнаго, признаваемаго образцовымъ, имѣетъ меньше иностранныхъ примѣсей, чѣмъ русскій оффиціальный языкъ въ XVIII в. и въ цѣломъ настолько народенъ, что и теперь малорусскій мужикъ съ большимъ удовольствіемъ прослушаетъ изобличенія какого-нибудь Іоанна изъ Вишни противъ іерарховъ XVI в., и больше пойметъ ихъ, чѣмъ Слова и Рѣчи знаменитыхъ Иннокентіевъ, Филаретовъ, Платоновъ.

Всѣ разсужденія о некультурности малорусскаго языка и всѣ рѣшенія вопроса объ отношеніяхъ его къ теперешнему общерусскому основаны только на послѣднемъ столѣтнемъ періодѣ исторіи Россіи, конечно важномъ, но такомъ, въ которомъ преобладалъ подавляющій провинціи строй жизни, въ которомъ масса народа, опора народной литературы, была закрѣпощена, вопросъ о народномъ образованіи вовсе не былъ поставленъ серьезно и широко, частная и общественная иниціатива до крайности стѣснена и т. д. И если и въ это время зародилась чисто народная малорусская литература и успѣла даже, какъ это можно доказать примѣромъ Гоголя, котораго Вечера немыслимы безъ Котляревскаго, Гулака, Гоголя-отца, оказать вліяніе и на Великую Русь, то право, это что нибудь да значитъ. Мы вовсе не расположены преувеличивать достоинства малорусской литературы; совсѣмъ напротивъ, въ нашихъ печатныхъ сужденіяхъ о ней многіе видѣли излишнюю строгость, но право уже пора провѣрить справедливость кѣмъ то пущенной остроты о десятифунтовой малорусской, шутливо-плачевной литературѣ, остроты, такъ охотно усвоенной среднимъ русскимъ „культурнымъ человѣкомъ“, который знаетъ Малороссію только по балаганнымъ исполненіямъ „Москаля Чарівника“ и пѣснямъ, въ родѣ „Била жінка мужика“. Теперь не мало издано однихъ пѣсенъ и разсказовъ народныхъ, которыхъ уже потому нельзя выключать изъ имѣющей общій интересъ словесности, что между ними наберется не на одинъ томъ пьесъ рисующихъ глубокочеловѣческія черты быта и понятій малорусскаго народа о жизни се-

мейной, политической и соціальной. Затѣмъ славянскій міръ вовсе не такъ богатъ талантами, чтобъ въ немъ вовсе ничего не значили такіе „живописцы роднаго быта“, говоря словами Гоголя, какъ Квитка, Котляревскій, М. Вовчокъ, Стороженко, Кулишъ, Нечуй, Федьковичъ, которыхъ появленіе, несмотря ни на что, не прекращается, такими страстными проповѣдниками свободы, гуманности, „правды и науки“, какъ Шевченко. Кромѣ того, и въ Россіи, и въ Галичинѣ напечатано нѣсколько весьма недурныхъ народныхъ новеллъ, переводовъ (напр., изъ Ауербаховыхъ Шварцвальдскихъ разсказовъ, Иліада, перев. Руданскаго, изъ сербскихъ пѣсенъ Старицкаго и т. д.), нѣсколько весьма порядочныхъ популярныхъ брошюръ. Достойны вниманія и нѣкоторыя этнографическія, историческія, статистическія статьи, печатаемыя въ Галичинѣ съ 1867, напр., Перший періодъ исторіи козацтва, Світоглядъ украинского народа, Що намъ коштуе пропинація? Вотъ уже нѣсколько лѣтъ какъ напечатаны въ Львовѣ, Лейпцигѣ и Вѣнѣ украинскіе переводы Пятикнижія Моисея, Евангелій, Псалтыря, книги Іова: существуетъ нѣсколько рукописей полнаго перевода Новаго Завѣта. Это немного, но, при извѣстныхъ всѣмъ условіяхъ и не мало. На перекоръ журнальной травлѣ русскихъ культурныхъ людей и насмѣшекъ ихъ надъ „хохлацкой“ литературой, и великорусская публика покупаетъ переводы малорусскихъ поэтовъ и беллетристовъ, которыми не брезгаютъ и такіе корифеи, какъ Тургеневъ. Да и за границей послѣ Боденштедта, Тальви, Ральстона, Рамбо, Дюрана и др. кой что уже знаютъ о малорусской народной словесности, устной и письменной, а въ Сербіи считаютъ ее какъ бы своею. (См. дальше отзывъ г. Ст. Новаковича о Шевченкѣ и Федьковичѣ и хорватскаго Vienc'a о М. Вовчкѣ и украинской народной новеллѣ вообще). Зачѣмъ же такъ смѣло отрицать будущее?

Отрицательное отношеніе къ малорусской литературѣ есть результатъ не только незнанія прошедшаго и отсутствія анализа настоящаго, но и незнанія того, что дѣлается около и въ европейскомъ, и даже ближайшемъ славянскомъ мірѣ. Г. Милюковъ, напр., смѣло увѣряетъ, что стремленія, подобнаго литературнымъ малорусскимъ, нѣтъ нигдѣ въ западной Европѣ. Съ своей стороны, мы можемъ отослать г. Милюкова къ фактамъ, приведеннымъ въ статьяхъ Вѣстника Европы: Народныя нарѣчія и мѣстный элементъ въ обученіи (1874 г. августъ), и Новокельтское и провансальское движеніе во Франціи (1875, августъ и сентябрь) и насчетъ болѣе новыхъ фактовъ — къ статьѣ о провансальской литературѣ двухъ послѣднихъ годовъ въ Revue des deux Mondes 1875, 15 decembre; а насчетъ Германіи — къ книжкѣ кильскаго профессора Клауса Грота Ueber Mundarten und mundartige Dichtung (Berlin 1873), къ многочисленнымъ книгамъ и статьямъ, посвященнымъ въ прошлые два года умершему нижненѣмецкому писателю Фрицу Рейтеру, къ книгамъ въ родѣ недавно вышедшей въ Лейпцигѣ, Die deutschen Mundarten im Liede, касательно Италіи — къ статьѣ The poetry of italian dialects въ Cornhill magazine 1874, December. Оттуда можно увидѣть, что во всей Европѣ замѣчаются движенія совершенно аналогичныя

съ проявленіями нашего украйнофильства, хотя есть и свои отличія, между прочимъ и въ томъ, что европейская публика не накидывается на эти движенія, а относится къ нимъ уважительно и черезъ то не даетъ имъ остраго характера. Въ странѣ, обладающей старѣйшимъ центрально-литературнымъ діалектомъ, въ Италіи, въ послѣднее время не только выростаютъ провинціальныя литературы, но даже накопилась цѣлая литература о томъ, что дѣлать съ тѣмъ языкомъ, который (употребляя терминологію нашихъ централистовъ), надо бы называть, какъ и называли, пока наука не подкопала этого имени, „чисто итальянскимъ", литературно-флорентинскимъ: оставить ли его абстрактнымъ, осуждая на мертвенность, или вновь сблизить съ народнымъ, тосканскимъ, но тогда съ опасностью сдѣлать его еще болѣе провинціальнымъ (см. напр. статью Caix la formazione degli idiomi letterarii in ispecie dell'. italiano dopo le ultime ricerche, въ N. Antologia 1874 и книги Giovanni, Giuliani, Fanfani и др.). Слѣдуетъ думать, что дѣло перемелется къ общему удовольствію и пользѣ, но процессъ, повсюду завязавшійся между живою народною рѣчью и книжными литературными нарѣчіями, получившими преобладаніе въ придворно-бюрократическій періодъ исторіи народовъ, дѣло совсѣмъ не шуточнаго свойства, и вовсе не такого, чтобъ его могли рѣшить журнальные громы и канцелярскія предписанія, въ З. Европѣ впрочемъ невозможныя.

Но у насъ даже въ тѣхъ кругахъ, гдѣ горячатся на темы о народѣ, почвѣ, деревнѣ, не считаютъ себя обязанными слѣдить за явленіями этого всеевропейскаго процесса. Впрочемъ у насъ, даже тѣ, кто говоритъ объ общерусскихъ и общеславянскихъ интересахъ, не считаютъ себя обязанными знать и анализировать явленія и условія нравственной жизни даже ближайшихъ къ намъ славянскихъ народовъ, даже русскихъ людей, находящихся за границами Россіи. Такъ, въ самое послѣднее время много было говорено въ извѣстныхъ кругахъ о предстоящей будущности русскаго литературнаго языка въ славянскомъ мірѣ и изъ этого выводились новыя осужденія попыткамъ возрожденія малорусской литературы. Указывали на примѣры Франціи, Германіи, скрѣпившихъ свое единство благодаря единству литературнаго языка, жаловались на раздробленіе славянъ и т. п. Забывали только при этомъ, что всенѣмечество не то, что все-германство (съ Голландіей, Даніей и Скандинавіей). Забываютъ и то, что Германія собственно была всегда политически объединена и что Лютеръ прямо говоритъ, что онъ пишетъ языкомъ „имперской канцеляріи", Kanzlei-Deutsch.[1] Таковой всеславянской канцеляріи

[1] Такъ какъ у насъ извѣстная партія любитъ указывать всѣмъ славянамъ примѣръ Германіи, то мы считаемъ не лишнимъ привести цѣликомъ слова Лютера, чтобъ видно было, что собственно разумѣлъ Лютеръ подъ именемъ gemeine deutsche Sprache: „Ich rede nach der sächsischen Canzeley, welcher nachfolgen alle Fürsten und Könige in Deutschland. Alle Reichsstädte, Fürsten-Höfe schreiben nach der sächsischen Canzeley; darum ist es auch die gemeinste deutsche Sprache." (Tischreden, Cap. 69.) О теперешнемъ литературномъ языкѣ нѣмецкомъ, который вовсе не зовутъ ученые общенѣмецкимъ по существу, а neuhochdeutch, одинъ изъ лучшихъ его грамматиковъ говоритъ: „на сѣверныхъ и южныхъ окраинахъ его понимаютъ больше глазами, чѣмъ ушами." (Engelien, Grammatik der neuhochdeutschen Sprache für höhere Bildungsanstalten, 8.)

исторія не показала. Мало того, исторія литературнаго единства французовъ и нѣмцевъ показываетъ, что центръ литературный тамъ перемѣнялся нѣсколько разъ, отчего литературное нарѣчіе дѣйствительно набиралось по дорогѣ разныхъ провинціальныхъ особенностей, которыя дѣйствительно въ извѣстной степени суммировались въ литературномъ діалектѣ. Въ славянщинѣ этого опять не было, а въ православномъ славянствѣ мы видимъ, что сначала нарѣчіе одного племени было навязано всѣмъ, какъ церковное, и вся дальнѣйшая литературная исторія, напр., сербовъ и русскихъ, а въ послѣднее время и новоболгаръ направлена къ тому, чтобъ выбиться изъ подъ ига этого единаго, но не народнаго нарѣчія, и если мы хвалимъ Карамзина, Пушкина, Крылова за реформу литературнаго языка въ смыслѣ сближенія его съ живою народною, великорусскою (это всѣ признаютъ) рѣчью, то мы этимъ самымъ осуждаемъ именно наши централистическія панславистическія фразы. А такъ какъ въ послѣднее время процессъ сближенія русской государственной культуры съ народностью растетъ все больше, а вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ не только процессъ обрусенія литературнаго языка, но и овеликорусенія его, то вопросъ литературнаго централизма въ славянщинѣ теперь состоитъ уже въ томъ, чтобъ сдѣлать опять нарѣчіе одного племени господствующимъ надъ другими. Весьма вѣроятно, что великорусское нарѣчіе и станетъ посредствующимъ въ славянщинѣ, но на это нужно время и условія, благопріятныя богатству и силѣ мысли въ Россіи вообще, а въ Великороссіи въ частности, и скорѣйшій выходъ русской литературы изъ того состоянія маразма, который всѣми теперь чувствуется, но котораго настоящія причины никто не смѣлъ, или не умѣлъ до сихъ поръ указать. Во всякомъ же случаѣ господство великорусскаго нарѣчія не можетъ быть уже потому исключительно, что совершенно та же идея, которая даетъ ростъ ему, вызываетъ ростъ и другихъ, не только западнославянскихъ, но и русскихъ нарѣчій и въ Россіи, а особенно за границей.

Считаемъ нелишнимъ замѣтить, что мы употребляемъ термины „русскіе славянофилы“, „русскіе панслависты“ только потому, что эти термины обыкновенно употребляются для наименованія людей извѣстнаго направленія. На самомъ же дѣлѣ славянофиловъ въ Россіи нѣтъ и никогда не было, какъ партіи и даже кружка. Для этого во первыхъ еще нѣтъ въ русскомъ обществѣ ни знаній о славянахъ, ни охоты пріобрѣтать ихъ, ни политическаго развитія, ни способности къ болѣе широкому воззрѣнію на вещи. Такъ называемые московскіе славянофилы были не панславистами, а пан-православистами (и теперь въ адресѣ къ Черняеву московскій славянскій комитетъ сталъ на исключительно православную точку) и смотрѣли на славянскія дѣла съ религіозной и даже вѣроисповѣдной стороны, и потому не могли справиться даже теоретически съ самымъ близкимъ Россіи изъ всѣхъ славянскихъ вопросовъ, польскимъ. Позднѣйшіе славянофилы, или лучше „славянскіе благотворители“, утерявши лирически-туманное благодушіе старыхъ славянофиловъ,

не выработали никакой ясной всеславянской программы, а еще болѣе съузили идеи старыхъ славянофиловъ въ теорію бюрократически-военнаго „обрусенія“ славянскихъ и неславянскихъ племенъ въ Россіи и за границей ея, теорію, граничащую съ одной стороны просто съ всепоглощающимъ диктаторскимъ централизмомъ, а съ другой — съ нивелирующимъ болѣе мягкими способами, но все же идущимъ къ той же цѣли, національнымъ либерализмомъ на манеръ прусско-германскаго. Теперешнее движеніе по поводу сербской войны, конечно, не останется безъ вліянія на выработку славянской партіи въ Россіи, но пока оно слишкомъ еще разношерстое, а главное, за внѣшнимъ воинственнымъ стремленіемъ бить турокъ, рѣдко у кого видна внутренняя идея и совсѣмъ не видно никакой мысли о томъ, что-къ дѣлать въ мирное время уже не однимъ сербамъ и болгарамъ, а всѣмъ славянамъ, въ томъ числѣ и самимъ русскимъ, самимъ у себя и другъ съ другомъ; не видать, по крайней мѣрѣ не высказывается и сознаніе, что „миролюбіе“ русскаго правительства, къ Абдуламъ и Мурадамъ находится въ тѣсной связи съ новымъ „священнымъ союзомъ“, и системой реакціи внутри Россіи. Да и новоиспеченные друзья славянъ въ нашей печати по прежнему мало знаютъ о славянахъ (впрочемъ теперь собственно дѣло идетъ только о сербахъ и болгарахъ), статьи ихъ и корреспонденціи исполнены промаховъ, а разсужденія, за неимѣніемъ прочной идейной подкладки и внутренней программы, весьма легко впадаютъ въ антизападническую, православно-реакціонную фразеологію московскихъ славянофиловъ и погодинцевъ, и признаковъ новой славянофильской, народно-прогрессивной партіи все-таки почти не видно въ русской печати.

Любопытно, что на югѣ Россіи еще до герцеговинскаго возстанія существовала украйнофильская газета, которая давала статьи о всѣхъ славянскихъ земляхъ и статьи оригинальныя, а не компиляціи изъ нѣмецкихъ и англійскихъ, каковы теперешнія статьи о сербахъ и болгарахъ въ столичныхъ газетахъ, и при томъ съ вполнѣ выдержаннымъ просвѣтительно-народнымъ направленіемъ. Намъ случилось услышать тогда жалобу одного лица на то, что слишкомъ уже много говорится въ этой газетѣ о славянствѣ. „Подождите нѣсколько, отвѣтили мы, весь свѣтъ скоро заговоритъ о славянствѣ“. На югѣ были и тогда люди, которые съ довѣріемъ смотрѣли на сербовъ, ожидая отъ нихъ, кромѣ славянской, еще общеевропейской услуги, въ родѣ той, какую оказали въ свое время греки, а именно удара новому священному союзу и сѣти бисмарко-макмагоно-д'израэльской реакціи, — и не ошиблись. При первой вѣсти о герцеговинскомъ возстаніи, не дожидаясь пока двинется въ поле князь Миланъ, ѣхали уже волонтеры и посылались деньги въ Герцеговину изъ Малороссіи и Новороссіи.... Правда, количество этихъ волонтеровъ и денегъ было ничтожно сравнительно съ тѣмъ, какое шлется теперь, когда и исправники покровительствуютъ сербской омладинѣ. Но, надѣемся, не исправники положатъ начало новой партіи славянофиловъ въ Россіи!

Настоящаго, просвѣтительно-гуманнаго и федерально-народ-

наго славянофильства въ Россіи были и есть только ростки. Къ числу такихъ надо отнести со стороны великоруссовъ Бакунина и Герцена, независимо отъ гегеліанской мистики въ ихъ идеяхъ и ихъ ошибокъ, и со стороны малоруссовъ кіевскій Кирилло-меѳодіевскій кружокъ Шевченка и Костомарова, какъ извѣстно, кончившійся ссылкой ихъ, между прочимъ, Костомарова „за составленіе тайнаго общества, въ которомъ обсуждаемо было бы соединеніе всѣхъ славянъ въ одно государство“, въ которомъ, надо бы прибавить, Шевченко желалъ, чтобъ

„Усі славяне стали
добрими братами
і синами сонця правди
і еретиками
оттакими, як Констанцьский
Еретик Великий.“

Одинъ изъ лучшихъ московско-петербургскихъ славянофиловъ Гильфердингъ, понималъ значеніе малорусскаго славянофильства Шевченка и друзей его.

Любопытный можетъ найти эту слишкомъ, быть можетъ, обидную для великоруссовъ, которыхъ Гильфердингъ обвиняетъ „въ ледяной холодности“ къ славянамъ, оцѣнку малорусскаго славянофильства въ статьѣ Гильфердинга о Кириллѣ и Меѳодіи. Со временъ разгрома Костомаровско-Шевченковскаго кружка малорусское славянофильство было парализовано немалорусскимъ происхожденіемъ, а часто полнымъ научнымъ и нравственнымъ ничтожествомъ представителей славяно-русской науки въ южныхъ университетахъ. Не разъ было оно подвергаемо искушенію нетерпимостью къ малорусскому движенію близорукихъ централистовъ, присвоившихъ себѣ въ Россіи имя славянофиловъ, и недогадливостью западнославянскихъ національныхъ партій, которыя уважали въ Россіи только матеріальную правительственную силу и не обращали вниманія или даже враждебно смотрѣли на все неоффиціальное, общественное и народное, будь то т. н. „западничество“ или украйнофильство (см., напримѣръ, малосочувственное отношеніе къ послѣднему научнаго Словника Ригера въ статьѣ Rusko), хотя они не разъ за это платились и еще поплатятся разочарованіями. Но славянскія симпатіи, чистыя отъ всякаго шовинизма и обскурантизма, пережили у малоруссовъ всѣ эти испытанія и не разъ доказаны были фактически, хотя о нихъ и не трубили газеты, какъ о каждой копѣйкѣ, употребленной московскимъ славянскимъ комитетомъ и его — замѣчательно! — мертворожденнымъ кіевскимъ отросткомъ.

Позднѣйшіе разношерстые кружки, неправильно принимаемые за русскихъ панславистовъ, не въ состояніи возвыситься даже до той широты идей, какая была у Гильфердинга и, кромѣ того, не обладаютъ сколько-нибудь ясными знаніями даже о такихъ близкихъ земляхъ, какъ Австрійская Русь. А, между тѣмъ, эта страна, со времени открытія желѣзныхъ дорогъ сюда изъ нашей Малороссіи, стала самымъ главнымъ мостомъ, и, до улаженья польскаго вопроса, на скорость чего и надежды не предвидится,

едва ли не единственнымъ мостомъ для органическаго панславизма, если только онъ образуется въ Россіи.[1]

Наши централистическіе панслависты и напруссисты, обсуждая, напримѣръ, литературный малорусскій вопросъ въ Галичинѣ, забываютъ, что теперешняя австрійская Русь никогда не входила въ область непосредственнаго вліянія великорусскаго нарѣчія,[2] и что поэтому, когда для Галичины насталъ часъ своего рода крыловско-пушкинской реформы, стремленія освободиться отъ церковнославянскаго языка и приблизиться къ народному, то это движеніе должно было непремѣнно совершиться въ направленіи къ малорусскому нарѣчію, и что если здѣсь заявить теорію культурно-государственнаго языка, то мы всецѣло отдаемъ Галичину въ руки поляковъ, а Буковину и Угорскую Русь, пожалуй, въ руки нѣмцевъ и венгровъ. По крайней мѣрѣ, польскіе централисты говорятъ въ Галичинѣ о несуществованіи малорусской народности совершенно то же самое, что говорятъ русскіе централисты, и аргументація первыхъ ничуть не слабѣе аргументація послѣднихъ. Искренность рецензента „Гражданина“ тѣмъ именно и дорога, что онъ не остановился передъ признаніемъ, что малорусскому литератору дорога наклонена одинаково какъ въ одну, такъ и въ другую сторону. И такъ какъ галицкая интеллигенція дѣйствительно „отлично“ знаетъ польскій языкъ, не такъ какъ русскій, потому что польскій языкъ для нея не книжный, а живой, то, слѣдовательно .... да здравствуетъ теорія, проповѣдующая, что галичанинъ — gente rutenus, natione polonus?!... Ни до чего другого не дойдемъ, отвергнувши малорусскую народную тенденцію, и вотъ почему, какъ мы беремся доказать сотнею фактовъ, теорія централистическаго панславизма и напруссизма не создала въ австро-русскихъ земляхъ ничего органическаго, ни даже внѣшне-объединяющаго эти земли съ Россіей, въ родѣ, напримѣръ, библіотекъ съ русскими книгами. Наоборотъ, теорія, лежащая въ основѣ нашего

---

[1] На скорое улаженіе польскаго вопроса нѣтъ никакой надежды, судя потому, что видимъ теперь. Польскія газеты все тянутъ старую пѣсню о „московскомъ захватѣ“ и „некультурности и варварствѣ москалей“, все ставятъ Кіевъ въ „ziemie polskie“ и обзываютъ „кнутофиломъ“ всякаго, на это несогласнаго, хотя бы онъ сто разъ высказывался противъ обрусенія коренной Польши. Русскія же газеты, хотя по временамъ что-то бормочутъ „о примиреніи съ поляками“, но все заѣзжаютъ въ „Привислянскій край съ русскими точками зрѣнія“ и не высказываютъ никакихъ практическихъ условій этого примиренія, не находятъ у себя ни слова хотя бы противъ изгнанія польскаго языка изъ новаго суда въ Польшѣ, или изъ варшавскаго университета. И при этомъ всѣ наши газеты фразируютъ о славянской политикѣ Россіи, требуютъ чешскаго университета въ Прагѣ и т. п.! А когда читаешь, напримѣръ, взаимныя препирательства галицко-русскихъ, польскихъ и прусскихъ газетъ, посмотришь, какъ галичане радуются обрусенію Конгресувки, а прусскіе нѣмцы укоряютъ поляковъ, что они ополячиваютъ галицкихъ русиновъ и т. п., то невольно вспоминаешь доктора Крупова и его теорію повальнаго помѣшательства! Это помѣшательство централистическаго нивелирующаго національзма распространяется теперь и на малыя и свѣжія народности: уже и сербы занимаются осербленіемъ болгаръ и румыновъ, живущихъ на восточной границѣ княжества и изъ-за пустяковъ ослабляютъ къ себѣ симпатіи и солидарность цѣлыхъ племенъ!! Иногда подумаешь, что противъ этой болѣзни въ самомъ дѣлѣ нужна холодная вода, а не разсужденія и увѣщанія!

[2] Съ этой стороны Галичина относится къ Россіи вообще и къ Украйнѣ въ частности, какъ Каталонія къ Франціи и къ Провансу, Голландія и Фламандія къ Германіи вообще и къ Нижней въ частности.

украйнофильства, даетъ твердыя національныя и соціальныя основы для возрожденія и поднятія тамошней русской народности и народа. Являясь же вмѣстѣ съ тѣмъ и теоріей панмалорусизма, т. е. объединенія всѣхъ малоруссовъ, раздѣленныхъ въ Россіи, въ Царствѣ Польскомъ, въ Галичинѣ, въ Буковинѣ, въ Венгріи, украйнофильство есть проводникъ и органическаго панрусизма, поскольку наша Малороссія-Украйна органически связана съ Великороссіей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и такого панславизма, который только и можетъ пользоваться симпатіей сознательныхъ представителей западнаго славянства, панславизма федеральнаго, не исключающаго необходимаго и достойнаго посредника.

Такъ или иначе, и въ Галичинѣ, и въ Буковинѣ выборъ литературнаго языка совершенъ уже: въ большей или меньшей чистотѣ, но онъ малорусскій, съ мѣстнымъ характеромъ. На этомъ языкѣ теперь выходитъ десять журналовъ; изданіемъ книгъ на этомъ языкѣ занимаются, кромѣ частныхъ лицъ, восемь обществъ (въ Львовѣ: Ставропигія, Матица, Просвіта, Общество имени Михаила Качковскаго, Общество имени Шевченка, — которое, впрочемъ, имѣетъ пока только типографію, — въ Черновцахъ: Союзъ, въ Вѣнѣ: Буковина и Січ). На этомъ языкѣ учатъ въ гимназіяхъ, въ томъ числѣ въ одной во всѣхъ классахъ, для которыхъ изданы почти одинаковымъ языкомъ учебники какъ „украйнофильской“ Просвѣтой, такъ и будто бы „москвофильской“, а на самомъ дѣлѣ только весьма неповоротливой Матицей. На этомъ языкѣ читаютъ четыре профессора въ львовскомъ университетѣ; въ настоящемъ семестрѣ г. Шараневичъ: Исторію Червонной (и малой) Руси въ XVII и XVIII вв., г. Эм. Огоновскій: исторію русской литературы въ XIII—XV в., объясненіе Русской Правды, сравнительную грамматику церковно-славянскаго и малорусскаго языка; г. Ал. Огоновскій: австрійское гражданское право, австрійское облигаціонное право, г. Добрянскій: австрійскій уголовный процессъ, и одинъ профессоръ, г. Калужняцкій въ университетѣ черновецкомъ (русскую литературу до XVII в.); кромѣ того, одинъ профессоръ читаетъ по-малорусски лекціи на богословскомъ факультетѣ. По уставу львовскаго университета каждый профессоръ можетъ читать какъ хочетъ, по-польски или по-малорусски. По уставу всѣхъ австрійскихъ нѣмецкихъ университетовъ, а таковъ черновецкій, каждый профессоръ, кромѣ своего оффиціальнаго предмета, можетъ читать что угодно и на какомъ угодно языкѣ. Слѣдовательно, количество преподавателей малорусскихъ въ университетахъ львовскомъ, черновецкомъ и даже краковскомъ (гдѣ и теперь производятся, по желанію кандидатовъ, экзамены на малорусскомъ языкѣ) можетъ увеличиться. Мы вовсе невысокаго мнѣнія о духѣ, направленіи и силѣ галицко-малорусской литературы и науки, и не разъ высказывали мнѣніе, что въ настоящее время европеизированію ея въ значительной степени можетъ помочь вліяніе изъ Россіи. И какъ ни странно для Львова и Черновцевъ получать „западный духъ“ изъ Петербурга и Кіева, но мы не разъ убѣждались наглядным

опытомъ въ подобномъ полученіи. Но языкъ тутъ ни причемъ: все дѣло въ большей и давнѣйшей организаціи силъ, каковая всетаки существуетъ въ нашихъ университетскихъ городахъ. Весьма многіе писатели и ученые галицкіе пишутъ и говорятъ уже съ каѳедръ языкомъ довольно хорошимъ и живымъ. Когда младшее болѣе въ народномъ духѣ воспитанное, поколѣніе окончательно смѣнитъ старшее, собственно нѣмцевъ или поляковъ по воспитанію, а вовсе не русиновъ, тогда, конечно, дѣло развитія литературы и науки на народномъ, малорусскомъ языкѣ пойдетъ еще скорѣе. Слѣдуетъ принять въ разсчетъ и то, что разрывъ съ старинным міровоззрѣніемъ уже начался и въ Галичинѣ, а пользованіе новоевропейской наукой для заграничныхъ соплеменниковъ нашихъ не стѣснено никакими внѣшними препятствіями. По всему этому будущность культуры малорусской въ австрорусскихъ земляхъ никоимъ образомъ отрицаема быть не можетъ.

Люди, отрицательно относящіеся къ такимъ явленіямъ, какъ малорусская литература, кромѣ указаннаго выше двойного невниманія къ фактамъ, совершаютъ еще и двойное смѣшеніе понятій. Говорятъ: поднятіе новыхъ (?) литературныхъ нарѣчій суживаетъ поле дѣйствія талантливыхъ писателей, разъединяетъ силы и интересы даже родственныхъ племенъ, и потому регрессивно, такъ какъ наше время есть время стремленія къ болѣе широкимъ ассоціаціямъ. Послѣднее совершенно вѣрно, но именно изъ этого стремленія, а вовсе не изъ противуположнаго, и вытекаетъ стремленіе къ возрожденію и образованію негосударственныхъ литературъ. Для человѣка важна не географическая широта ассоціаціи, а глубина ея захвата, количество людей, ею обнятыхъ. Когда мы говоримъ, напр., французская литература, вліяніе французскаго писателя, мы воображаемъ себѣ сейчасъ же всю территорію Франціи, забывая, что на ней около 15 милл. совсѣмъ не говорятъ по-французски. Какая же масса талантовъ и вообще нравственныхъ силъ пропадаетъ, какъ парализуется проникновеніе въ массы культуры и организація этой массы для культурныхъ цѣлей! Тутъ-то и помогаетъ бѣдѣ литература кельтская, фламандская, баскская, провансальская. Полгора года назадъ рецензентъ одной газеты, вообще симпатично относившейся, напр., къ малорусской литературѣ, и человѣкъ вообще болѣе образованный, чѣмъ обыкновенные наши газетные рецензенты, извѣщая о смерти платдейчскаго писателя Фрица Рейтера, выразилъ удивленіе, какъ человѣкъ съ такимъ талантомъ могъ выбрать себѣ столь узкую сферу дѣйствія, какъ провинціальное нарѣчіе. Но въ томъ-то и дѣло, что только платдейчскія писанія Фрица Рейтера и талантливы, а нѣмецкія весьма ординарны, какъ ординарны русскія сочиненія Квитки и Шевченка, и въ томъ-то и дѣло, что несмотря на меньшій географическій объемъ распространенія, по количеству экземпляровъ, Рейтеровы сочиненія занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ нѣмецкой книготорговлѣ, даже абсолютно считая. Нѣсколько лѣтъ назадъ г. Де-Губернатисъ разсказывалъ въ одномъ изъ писемъ въ „Вѣстникѣ Европы“ о томъ, какъ стихотворенія од-

ного новаго поэта на низанскомъ нарѣчіи быстро разошлись въ 4000 экз., между тѣмъ, какъ всякая общеитальянская новая книга рѣдко печатается болѣе, чѣмъ въ 600 экз. Извѣстно, съ какою быстротою у насъ раскупается всякое изданіе Шевченка и какъ скоро становится предметомъ спекуляціи, поднимающей цѣну тома до 10—15 рублей. Мы можемъ засвидѣтельствовать факты, что крестьяне покупаютъ „Кобзаря“ за дорогую цѣну и чтутъ его, какъ святыню, — факты, которымъ подобные относительно „общерусскихъ“, по необходимости ненародныхъ писателей врядъ ли можно указать.[1] Такимъ образомъ, чѣмъ болѣе народна литература, тѣмъ больше въ глубь она захватываетъ людей и тѣмъ больше увеличиваетъ соціально-культурное всемірно-историческое тѣло. Уже поэтому негосударственныя литературы соединяютъ, а не разъединяютъ людей. Но кромѣ того, соединеніе соединенію рознь. Въ теперешней Европѣ, конечно, люди болѣе соединены, чѣмъ въ средніе вѣка, а, между тѣмъ, теперь совсѣмъ упало международное употребленіе латинскаго языка. Дѣло въ томъ, что этотъ латинскій языкъ, конечно, соединялъ монаха французскаго и польскаго, но онъ разъединялъ въ каждой землѣ монаха отъ крестьянина и даже отъ мѣщанина. Поднятіе новыхъ литературныхъ нарѣчій въ Европѣ было повидимому фактомъ противукосмополитическимъ, а, между тѣмъ, интересы единенія образованныхъ народовъ вовсе не пострадали: они нашли себѣ другіе органы, а живые языки стали орудіемъ болѣе сильнаго культурнаго движенія. Теперь мы присутствуемъ при продолженіи подобнаго же процесса въ каждомъ большомъ политическомъ союзѣ племенъ и ихъ разновидностей и, конечно, космополитическіе интересы опять не пострадаютъ, а выиграютъ. Г. Мордовцевъ въ своей бойко написанной, но лишенной всякаго идейнаго центра апологіи центровъ и центральныхъ языковъ соблазняетъ насъ наступленіемъ близкой эры всемірнаго языка, начало коего онъ усматриваетъ въ солдатскихъ фразахъ въ родѣ: „мусью, мой кочетъ буль-буль“. Но мы вправѣ подождать, пока на этомъ языкѣ появятся свои Шекспиры, Данты, Дарвины, Конты, или хотя-бы Августины Блаженные и Томы Аквинаты, съ одной стороны, и Бёрнсы, Кольцовы, Шевченки, съ другой.... А пока отмѣтимъ одно обстоятельство весьма характерное, а именно, что одна лѣвобережная Украйна, т. е. почти что одна Полтавская губернія съ прилегающею частью Черниговской въ короткое время дала „общерусской“ поэзіи слѣдующихъ даровитыхъ людей: Херасковъ, Богдановичъ, Капнистъ, Гнѣдичъ, Нарѣжный, Гоголь, а именно послѣ Гоголя, когда литература стала реальною, національною и народною, Украйна или не родитъ поэтовъ и беллетристовъ, или дастъ такихъ, которые пишутъ по-малорусски.

[1] Извѣстны споры о томъ, народный ли поэтъ Пушкинъ, которые рѣшались въ такомъ родѣ, что Пушкина будетъ понимать русскій народъ, когда станетъ образованнымъ, какъ его высшіе представители. Относительно Шевченка такихъ споровъ быть не можетъ: онъ и теперь во всѣхъ своихъ пьесахъ затрагиваетъ душу и „простонародья“, и людей высшаго образованія, а, между тѣмъ, какъ художникъ, онъ, конечно, ниже Пушкина.

Надъ этимъ стоитъ призадуматься именно общеруссамъ и общечеловѣкамъ.

Обращаясь теперь въ частности къ занимающему насъ вопросу, мы видимъ, что общее значеніе для русскихъ племенъ русскаго литературнаго языка безспорно. По всей вѣроятности значеніе его не исчезнетъ и тогда, когда онъ, въ силу естественнаго процесса сближенія съ народностью, еще больше приметъ мѣстный, великорусскій характеръ.[1] Есть много шансовъ для принятія этого языка посредствующимъ и въ заграничномъ славянствѣ, въ какомъ случаѣ положеніе малороссовъ окажется всѣхъ болѣе выгодное, какъ ближайшихъ родичей къ великоруссамъ. Но все это нисколько не исключаетъ значенія ни другихъ славянскихъ нарѣчій, ни даже малорусскаго. Бороться противъ интересовъ единенія людей въ пространствѣ нелѣпо; но одинаково нелѣпо бороться и противъ единенія людей въ глубь общества. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ слѣдуетъ вспомнить пословицу: „гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно!!“

Вѣна, 9 мая.

М. Драгомановъ.

---

[1] Одинъ, кажется, весьма компетентный судья, Добролюбовъ, говоритъ объ отношеніяхъ не только малорусскаго, но и великорусскаго народа къ нашему книжному языку: „Настоящіе малороссы, свободные отъ вліянія русскаго языка, такъ же чужды языку книжной литературы, какъ и наши простолюдины. Вѣдь и у насъ (въ Великороссіи) языкъ книжной литературы собственно не русскій, и черезъ сто лѣтъ надъ нами, конечно, будутъ такъ же смѣяться, какъ мы теперь смѣемся надъ языкомъ ассамблей петровскаго времени.“ А смѣемся мы именно вслѣдствіе того, что подвинулись по дорогѣ къ народному великорусскому языку

Приложеніе.

Гильфердингъ о малоруссахъ въ славянствѣ и сербохорваты о малорусской поэзіи.

Считаемъ нелишнимъ перепечатать слова Гильфердинга и отзывы сербо-хорватовъ, которые сами за себя и отвѣчаютъ. Какую долю изъ мнѣній этихъ раздѣляемъ мы сами, это ясно послѣ всего сказаннаго. Мы прибавимъ только, что въ пользу малорусскаго панславизма будутъ работать природныя условія, сильнѣйшія изъ всѣхъ: уже и теперь Кіево-Волочиская дорога работаетъ въ этомъ направленіи сильнѣе многихъ книгъ. А когда кончится дорога Стрыйско-Мункачовская изъ Галичины въ Венгрію и вообще сѣть венгро-сербскихъ дорогъ, да прорѣжется Кіевская и Подольская губернія еще одною дорогою на Буковину, тогда малороссы будутъ ѣздить въ Италію и даже въ Швейцарію и Францію черезъ славянскія земли, а ужъ во всякомъ случаѣ даже въ Вѣну черезъ малорусскія земли. Племенное же сродство, о которомъ говорятъ сербы, додѣлаетъ остальное, и все малорусское народное направленіе подастъ руку словакамъ и сербамъ въ Венгріи, а дальше и за Дунай!

I.

„Древняя Русь,[1] древняя церковь Русская вовсе не были такъ безучастны къ памяти славянскихъ просвѣтителей; это видно изъ древней письменности нашей, изъ того, что русскими писцами сохранена большая часть драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ о Кириллѣ и Меѳодіи. Вниманіе къ нимъ охладѣвало на Руси въ московскій періодъ, по мѣрѣ того, какъ съ одной стороны, возрастающее сознаніе ея особности, народной и государственной, все болѣе и болѣе заслоняло собою память объ общемъ славянскомъ источникѣ, а съ другой, въ церкви русской элементъ греческій, византійскій, бралъ перевѣсъ надъ древнимъ славянскимъ, болгарскимъ элементомъ. А въ петербургскій періодъ могло ли остаться на Руси мѣсто идеѣ славянства, и потому самому, Кириллъ и Меѳодій не должны ли были потерять для насъ всякое значеніе? Въ настоящее время, какъ я сказалъ, имя ихъ важно особенно для тѣхъ народовъ славянскихъ, въ которыхъ историческая нужда вызываетъ сознаніе славянства, славянскаго братства. Тамъ, гдѣ народность крѣпка сама по себѣ, гдѣ для нея достаточно ея собственнаго самосознанія и нѣтъ такой настоятельной потребности искать ей опоры въ общей идеѣ славянства, участіе къ памяти Кирилла и Меѳодія гораздо слабѣе, напримѣръ, у сербовъ или у поляковъ. А мы? Нужды прямой, осязательной нужды намъ нѣтъ искать опоры въ идеѣ славянства, въ славянскомъ общеніи; мы сильны сами по себѣ, мы нужны другимъ славянамъ, а намъ они развѣ видимо нужны? Внѣшняго повода къ пробужденію въ Россіи идеи славянства не было и нѣтъ, а внутреннимъ путемъ органическаго развитія она можетъ явиться только какъ плодъ и вѣнецъ самосознанія собственной народности, въ чемъ мы, кажется, еще не далеко ушли! Вотъ какимъ образомъ я объясняю себѣ то огромное разстояніе, которое существуетъ между нашимъ обществомъ и другими славянами въ степени развитія славянской идеи, чувствъ славянской общности. Иные заграничные славяне, познакомившись съ Россіею, приходятъ просто въ отчаяніе отъ нашего равнодушія къ идеѣ славянства, отъ совершеннаго отсутствія въ общественной (не говоря о домашней) жизни нашей того сознанія, что русскій человѣкъ сверхъ того славянинъ. По факту этому нечего удивляться; я, по крайней мѣрѣ, ни мало не прихожу въ отчаяніе на счетъ будущности славянской идеи въ нашемъ отечествѣ. Теперь ей еще нѣтъ мѣста въ нашемъ общественномъ сознаніи[2], но, по моему мнѣнію, она будетъ плодотворнѣе тамъ, гдѣ можетъ вырости только изъ внутреннихъ, органическихъ началъ народной жизни, нежели въ тѣхъ странахъ, гдѣ вызвана внѣшнею потребностью самосохраненія: въ странахъ этихъ и идея славянская по существу своему остается только внѣшнею.

---

[1] Т. е. собственно древняя Малороссія. Объ этомъ между прочимъ см. Пыпина въ іюньской кн. Вѣстн. Евр. 1876. М. Д.

[2] Писано въ 1862 году.

Это не освобождаетъ каждаго изъ насъ лично отъ обязанности содѣйствовать, по мѣрѣ силъ своихъ, развитію между нами славянской идеи: ибо безъ нея наше собственное народное самосознаніе не можетъ быть полно; а потому самому никто изъ насъ, не безучастный къ народному и славянскому самосознанію нашему, не можетъ быть равнодушенъ къ памяти тѣхъ людей, которые въ древности служатъ символомъ духовнаго единства славянъ. Въ средѣ русскаго народа особенное призваніе должны имѣть въ этомъ дѣлѣ малороссы. Отъ нихъ я ожидаю, въ настоящее время, большаго сочувствія къ памяти Кирилла и Меѳодія, чѣмъ отъ общества великорусскаго, и вообще считаю ихъ призванными къ особенному участію въ развитіи между нами славянской идеи. Кіевъ ближе къ другимъ славянамъ чѣмъ Москва, и точно также племя малороссійское: оно ближе къ нимъ своимъ языкомъ, который, не имѣя такого рѣзко опредѣленнаго типа, какъ нашъ великорусскій языкъ, стоитъ какъ бы на серединѣ между нимъ и нарѣчіями западныхъ славянъ, и въ западныхъ краяхъ малорусскаго племени сливается съ рѣчью венгерскихъ словаковъ; оно ближе къ другимъ славянамъ и въ отношеніи историческомъ и общественномъ. Часть малорусскаго племени, въ Галиціи и Буковинѣ, несетъ на себѣ то же самое иго иноземнаго владычества, подъ которымъ бьются славяне западные и южные; что мы въ положеніи другихъ славянъ понимаемъ только отвлеченно, то эта часть русскаго народа чувствуетъ и знаетъ по опыту. Мы были всегда самостоятельны, государство было наше, и страданія наши были всегда по нашей собственной винѣ; малорусское племя своего государства не имѣло, и завоевавъ себѣ на минуту самостоятельность тотчасъ же отъ нея отказалось въ пользу общерусскаго единства: его страданія имѣли источникомъ не только его собственныя вины, но и вины чужія, — вотъ другая причина, почему положеніе другихъ славянъ можетъ быть ему гораздо понятнѣе и ближе къ сердцу. Наконецъ и то, въ чемъ малорусское племя отдалилось отъ коренныхъ началъ славянскихъ, уступивъ западнымъ общественнымъ началамъ (большее развитіе въ народѣ начала личности, отсутствіе поземельной общины, большая особность городской жизни и т. п.), служитъ какъ бы переходомъ отъ своеобразнаго славянскаго быта племени великорусскаго къ западно-европейскому быту славянъ западныхъ. А ко всему этому прибавимъ, что вѣковая борьба съ поляками, для насъ имѣющая преимущественно значеніе государственнаго вопроса и представляющаяся намъ, болѣе или менѣе, какъ нѣчто безличное и отвлеченное, а у малороссовъ затрогивающая всѣ струны народной жизни, какъ домашняя, личная тяжба, что эта повседневная борьба малороссовъ непремѣнно должна вызывать въ нихъ, какъ примирительницу, идею славянскую. Такимъ образомъ, по моему мнѣнію, малороссы могутъ первые выработать въ своей средѣ и внести въ общественное сознаніе русской земли идею славянства; они стоятъ какъ бы связующимъ звеномъ нашимъ съ остальнымъ славянскимъ міромъ. Безспорно, славянская идея можетъ найти полное свое опредѣленіе и развитіе только тамъ, гдѣ въ наибольшей полнотѣ хранятся жизнью народною общественныя стихіи славянскаго организма и гдѣ поколѣніе славянское проявило себя не только пассивнымъ самосохраненіемъ, но и дѣятельнымъ строеніемъ общественнымъ и государственнымъ, и открыло себѣ поприще всемірно-историческое въ средѣ племени великорусскаго. Но какъ идея славянская зародилась впервые на Западѣ у тѣхъ славянъ, которые почти утратили внутреннія общественныя стихіи славянскія, зародилась тамъ, какъ внѣшній признакъ, какъ средство самосохраненія погибавшаго народа, такъ, переходя въ Россію, не должна ли она и здѣсь сдѣлаться общественнымъ достояніемъ впервые среди того племени, которое, хотя уступило исторіи часть своихъ древнихъ органическихъ началъ славянскихъ (напримѣръ, ослабленіемъ элемента общиннаго), но за то имѣетъ болѣе, чѣмъ другія вѣтви русскаго народа, внѣшнихъ побужденій къ сознанію своего славянства. Такимъ образомъ идея славянства, постепенно расширяясь, пока не захватитъ въ свой кругъ всѣ народы славянскіе, съ тѣмъ вмѣстѣ переходила бы отъ внѣшняго значенія къ внутреннему, изъ порожденія матеріальныхъ условій и требованій становилась бы мало-по-малу свободнымъ плодомъ сознанія народныхъ началъ. Эту мысль я выдаю не болѣе какъ за предположеніе, за гаданіе; однако, можетъ быть, недаромъ Шевченко, поэзія котораго имѣла единственно мотивы народные, нашелъ въ ней, кромѣ струны народной малороссійской и струны религіозной,[1] еще третью струну, — славянскую (поэма Гусъ и великолѣпное посланіе къ Шафарику, и то и другое написанныя еще въ сороковыхъ годахъ). Но, во всякомъ случаѣ, если малорусская земля и можетъ намъ въ настоящее время ближе къ живому, внѣшнему сознанію славянства, славянскаго единства и братства, то несомнѣнно также, что пока сознаніе это не усвоится землею великорусскою, пока не сдѣлается тутъ общественнымъ достояніемъ, общественнымъ двигателемъ всей Россіи, и самая идея славянская не достигнетъ полнаго осуществленія, и наше собственное народное само-

[1] Весьма своеобразной; см. напр. „Марія“ во II т. Кобзаря. М. Д.

сознаніе останется недовершеннымъ. Потому-то, я полагаю, долгъ каждаго изъ насъ, если мы хотимъ у насъ *народнаго* самосознанія, способствовать по возможности укорененію и развитію въ Россіи *славянской* идеи."

II.

Въ 1868 г. въ сербскомъ журналѣ „Вила", выходившемъ подъ редакціей извѣстнаго г. Стояна Новаковича, были помѣщены переводы: Федьковича — „Опришокъ" (изъ „Правды" 1867 г., Нр 1), „Возталание закоханнье" (тамъ же, Нр. 4), Шевченка — „Заповіть" и „Неофиты", „Хустина", Марка Вовчка — „Максимъ Гримачъ" и „Чумакъ". Въ 1869 г. въ хорватскомъ журналѣ „Vienac", издаваемомъ Илирской Матицей, были переведены Марка Вовчка "Два сини" и „Чари". Помѣщая въ своемъ журналѣ переводъ изъ Шевченка, г. Стоянъ Новаковичъ сдѣлалъ примѣчаніе, въ которомъ написалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Главную красу Шевченковой поэзіи придаетъ его тенденціозность, его глубокая любовь къ своему народу, и это, можно сказать, одинъ изъ первыхъ въ свѣтѣ поэтовъ, который такимъ способомъ заигралъ на этихъ струнахъ" („Вила", 1868, Нр. 12). Печатая переводы изъ Марка Вовчка, хорватскій „Vienac" дѣлаетъ такую характеристику этому малорусскому беллетристу: „М. Вовчокъ просто рисуетъ народную жизнь съ ея горемъ и любитъ народъ свой любовью горячаго современнаго демократизма. Разсказы его полны прелести, которую вливаетъ въ его перо сильная любовь его къ народу. Лучшею стороною въ разсказахъ Вовчка служитъ то, что авторъ поднимается на высоту соціальнаго критика общественныхъ отношеній. Но это — тенденціозность! кричитъ какой-нибудь изъ критиковъ и поэтовъ нашихъ, которые распускаютъ свои крылья подъ облака и не видитъ того болота, въ которомъ погрязаетъ теперешняя жизнь общественная, на которое не можетъ смотрѣть равнодушно дѣйствительно поэтическое сердце. Пусть себѣ кричатъ! а мы постараемся, чтобы наши потомки не укоряли насъ въ томъ, что мы меньше обращали вниманія на жизнь, чѣмъ на сухія доктрины" (1869, Нр. 8). Давая своимъ читателямъ переводъ разсказа „Чари", хорватская газета (1869, Нр. 13) высказала, между прочимъ, еще одну причину симпатичности для сербохватовъ малорусской литературы: „Нѣтъ тутъ ни одной черты, которую мы не могли бы назвать и своею, потому что, кромѣ общности славянской, насъ, сербовъ и хорватовъ, привязываетъ къ себѣ и родина этихъ разсказовъ, потому что теперешняя родина ихъ была когда-то и нашею" (Прикарпатская Русь — старая Хробатія).

Ту же мысль еще полнѣе развилъ г. Ст. Новаковичъ въ письмѣ въ редакцію „Правды" въ 1868 г. (Нр. 3). „Мы сербы, прирожденные друзья малороссовъ. Когда мы читаемъ и переводимъ повѣсти изъ малорусскаго быта, намъ кажется, что это повѣсти изъ нашего родного сельскаго и народнаго быта; въ каждой подробности вашей народной и сельской жизни мы видимъ какъ разъ подобную подробность нашей собственной жизни, и потому мы такъ рады познакомиться со всѣмъ что зовется малорусскимъ. Поэтому не удивляйтесь, что вамъ раздается изъ этой страны славянскаго міра мое сердечное: помози Богъ!" и т. д.

А вотъ въ какихъ словахъ хорватскій журналъ опредѣляетъ значеніе украинскаго элемента въ литературѣ и за предѣлами Украйны: „Если есть что оригинальнаго славянскаго въ литературахъ, выше котораго въ своемъ родѣ нѣтъ въ другой литературѣ, что бы такъ самостоятельно развилось подъ вліяніемъ славянскаго солнца, такъ это украинская народная повѣсть. Зародыши ея появлялись въ польской литературѣ, а теперь она особенно проявляется въ молодой малорусской литературѣ. Въ русскую литературу внесли ее малорусскіе писатели; подобное же дѣлалось и въ польской, только надо сказать, что тутъ дѣйствовали тѣ поляки, которые . . . вышли изъ шляхетскихъ польскихъ или ополяченныхъ домовъ, какихъ много находится по украинскимъ селамъ. Въ русской литературѣ пріобрѣлъ себѣ славу въ томъ родѣ сочиненій извѣстный всѣмъ Н. В. Гоголь. Въ молодой малорусской литературѣ первое мѣсто занимаетъ въ этомъ родѣ Марко Вовчокъ. Знаменитый И. С. Тургеневъ взялся за переводъ очерковъ Вовчка съ малорусскаго языка на русскій" (1867, Нр. 8).

Такіе и подобные отзывы всего лучше показываютъ, что тѣ въ нашемъ обществѣ, которые вообразили бы себя славянофилами и въ то же время отрицательно и враждебно относились бы къ малорусской литературѣ, едва ли могутъ разсчитывать на симпатію среди сербо-хорватовъ. Прибавимъ, что и болгаре, которыхъ, можно сказать, открылъ малороссъ Венелинъ, изъ русской литературы выбрали себѣ для перевода, прежде всего, Тараса Бульбу Гоголя, да, кромѣ того, перевели нѣсколько пьесъ Шевченка.

P. S. Брошюра эта уже печаталась, когда мы получили извѣстіе о новыхъ прибавленіяхъ къ распоряженію, запрещающему малорусскую литературу въ Россіи. Эти мѣры направлены уже не только противъ литературы на малорусскомъ языкѣ, но и противъ науки о Малороссіи даже на русскомъ языкѣ. Одно изъ этихъ распоряженій воспрещаетъ жить въ области малорусской народности въ предѣлахъ Россіи и въ столицахъ двумъ лицамъ, провинившимся въ занятіяхъ малорусской этнографіей, изъ которыхъ одно уже рѣшительно въ томъ только можетъ быть обвиняемо, что собрало по порученію Петербургскаго совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго общества семь томовъ этнографическихъ и статистическихъ матеріаловъ въ югозападномъ краѣ, изъ которыхъ I, III, V, VI и VII напечатаны въ Петербургѣ на счетъ правительства, и которыя награждены совѣтомъ И. Р. Г. Общ. золотой медалью, посылались этимъ обществомъ на международную географическую выставку въ Парижъ, гдѣ тоже были награждены медалью.[1]

Такимъ образомъ даже собираніе этнографическихъ матеріаловъ о Малороссіи по порученію оффиціально-ученаго общества признано преступленіемъ и наказывается заднимъ числомъ. Гораздо важнѣе и еще болѣе странно другое распоряженіе, которымъ закрывается югозападный отдѣлъ И. Русскаго Г. Общества. Отдѣлъ этотъ открытъ былъ въ 1873 г. и долженъ былъ, по уставу, изучать губерніи кіевскаго учебнаго округа преимущественно въ этнографическомъ и статистическомъ отношеніяхъ (понятно, вѣдь к. у. округъ не около тяньшаньскаго хребта и въ чисто-географическомъ изученіи нуждается мало). Отдѣлъ и исполнялъ свое дѣло: издалъ за три года два тома Записокъ, печаталъ третій томъ, къ которому приложеніе успѣлъ уже выдать раньше закрытія (что будетъ съ третьимъ томомъ, въ которомъ печатались рефераты, читанные въ прошломъ году, мы не знаемъ); кромѣ того, издалъ большой томъ таблицъ однодневной переписи въ Кіевѣ, произведенной имъ по порученію правительства, наконецъ, началъ печатать сочиненія по исторіи, древностямъ и этнографіи Малороссіи М. А. Максимовича, лица, хотя и писавшаго „о самобытности малороссійскаго нарѣчія“, переводившаго по-украински Слово о Полку Игореви и совѣтовавшаго галичанамъ сдѣлать своимъ литературнымъ языкомъ языкъ украинскихъ пѣсенъ и думъ, но, кажется, весьма благонамѣреннаго. Двѣ изъ работъ, напечатанныхъ въ Запискахъ Югозападнаго Отдѣла въ I томѣ были награждены совѣтомъ Общества серебрянными медалями (одна по метеорологіи, другая именно по малорусской этнографіи, пѣсни кобзаря Вересая). Труды отдѣла постоянно вызывали одобреніе въ русской столичной и въ иностранной литературѣ (лонд. Athaeneum, Revue des deux Mondes); засѣданія отдѣла были гласны, подробные протоколы ихъ печатались, члены — люди самыхъ разнообраз-

[1] Другое лицо — авторъ настоящей брошюры, который и безъ того вскорѣ послѣ удаленія отъ службы въ университетѣ выѣхалъ и изъ Кіева, и изъ Россіи и успѣлъ издать въ Кіевѣ съ тѣхъ поръ только двѣ книги о Малороссіи, — обѣ съ разрѣшенія цензуры.

ныхъ мнѣній, каждый могъ читать какую угодно работу, которая и печаталась, если имѣла какое нибудь ученое достоинство. И вдругъ — отдѣлъ закрывается!! Ни слѣдствія, ни обвиненія! Мѣсто ихъ заняли сплетни и намеки въ „Кіевлянинѣ“ о томъ, что отдѣлъ „прикрываетъ флагомъ науки совсѣмъ ненаучный грузъ“. И русская печать, и ученые молчатъ.

Любопытнѣе всего то, что всѣ эти нелѣпости, которыя теперь принимаются, какъ правительственныя мѣры, еще за полтора года на всѣхъ сборищахъ, куда его пускаютъ, выкрикивались М. Вл. Юзефовичемъ, котораго предначертанія теперь объявляются какъ „высочайшія повелѣнія“. Нѣкоторыя иностранныя газеты видятъ въ нихъ крайнія проявленія великорусскаго централизма и нивеллирующей политики русскаго правительства; и конечно по духу своему мѣры эти имѣютъ этотъ характеръ. Но источникъ и основа этихъ мѣръ указываетъ еще на нѣчто другое, а именно, что въ государственномъ устройствѣ Россійской Имперіи совершилось нѣкоторое измѣненіе, а именно появился новый органъ законодательной власти — голова М. Вл. Юзефовича, который, уже, какъ предатель Костомарова, достаточно запятнанная личность, чтобъ диктовать мѣропріятія государственнаго значенія, ограничивать права лицъ и т. п.

Неужели же эта совокупность мѣръ, которыя по праву могутъ быть названы leges Jusephoviciae, и это возведеніе кіевскаго сплетника въ государственное учрежденіе не оскорбительно прежде всего для достоинства великорусской народности, русскаго общества и самого правительства, если оно еще существуетъ въ Россіи, какъ что нибудь органическое и обладающее сознаніемъ?

Украинская „Громада“ въ рецензіи г. Стефановича.

(Первоначально напечатано въ журналѣ „Община“, №№ 8 и 9.)

Редакція „Общины“ изъявила желаніе, чтобъ мы написали свои замѣчанія по поводу рецензіи г. Стефановича на украинскій сборникъ „Громаду“ въ тѣхъ видахъ, что обмѣнъ мыслей по затронутымъ въ послѣдней вопросамъ можетъ быть не безинтересенъ для читателей „Общины“. Прежде всего намъ самимъ былъ бы интересенъ и полезенъ обмѣнъ мыслей съ рецензентомъ, который, по его словамъ, какъ „украинецъ, дѣйствовалъ всегда въ предѣлахъ своей (и нашей) родины“. Но, ознакомившись съ статьею г. Стефановича, мы должны сказать, что, къ крайнему нашему сожалѣнію, мы не увидѣли въ ней поводовъ для обмѣна мыслей, такъ что и наши замѣчанія на эту рецензію могутъ быть написаны только при настоятельномъ желаніи редакціи „Общины“. Какъ увидитъ читатель, которому до того совсѣмъ не была извѣстна „Громада“, полемика наша съ г. Стефановичемъ вмѣсто обмѣна мыслей должна, къ крайнему нашему сожалѣнію, сбиваться на что-то подобное процессу. Мы поэтому и передаемъ наши замѣчанія въ полное распоряженіе редакціи „Общины“ и слагаемъ съ себя всякую отвѣтственность передъ ея читателями за малый интересъ этихъ замѣчаній.

Невозможность обмѣна мыслей между нами и г. Стефановичемъ обусловливается прежде всего тѣмъ, что наши мысли измѣнены нашимъ рецензентомъ до того, что мы сами читаемъ у него рецензію на какое-то неизвѣстное намъ изданіе, а вовсе не на нашу „Громаду“. Для полнаго подтвержденія сказаннаго для тѣхъ, кто самъ не знакомъ съ послѣдней,

пришлось бы говорить много. Мы ограничиваемся немногими словами, единственно только для того, чтобъ наше послѣднее замѣчаніе не показалось голословнымъ. Такъ, г. Стефановичъ приписываетъ намъ мысль, что будто „соціалисты (на Украйнѣ) все общество, всѣ украинцы“, и къ такому — по просту сказать — абсурду сводитъ все то, что мы говорили на нѣсколькихъ страницахъ I т. „Громады“ въ объясненіе своего положенія, что „соціалистическая партія на Украйнѣ должна бы быть не партіей (въ обычномъ, тѣсномъ, политическомъ смыслѣ слова), а „громадой“, „общиной“ — т. е. должна заключать въ себѣ представителей всѣхъ видовъ труда, необходимаго въ настоящее время „громадамъ“ вообще, а на Украйнѣ въ особенности, и въ то же время имѣющихъ цѣлью доставленіе украинскимъ громадамъ полной товарищеской воли“, т. е. идеала федеральнаго соціализма.

Въ данномъ примѣрѣ можно видѣть, какъ г. Стефановичъ излагаетъ наши мысли по тѣмъ вопросамъ, которые мы признаемъ „коренными“, по вопросамъ соціально-культурнымъ. Подобнымъ же образомъ измѣняетъ рецензентъ и мысли наши по вопросамъ „половиннымъ“, т. е. политическимъ (см. II главу Пер. Слова, особ. оглавленіе). Г. Стефановичъ, напр., приписываетъ намъ мысль, что будто „украинцамъ не слѣдуетъ задаваться утопическими цѣлями соціализма“, а надо довольствоваться и незначительными реформами (преимущественно политическими), добиваться сначала конституціи, потомъ республики и т. д., — подобно тому какъ будто бы довольствовались и добивались люди и въ Евронѣ. Ничего подобнаго нѣтъ ни въ „Громадѣ“, ни въ „Листкѣ Громады“, хотя этотъ послѣдній, писанный по поводу осеннихъ (1878 г.) острыхъ явленій политическаго движенія въ Россіи (въ Одессѣ, въ Петербургѣ) и предполагавшій уже извѣстнымъ мнѣнія редакціи по основнымъ вопросамъ общественной жизни, и говорилъ сравнительно много о вопросахъ политическихъ. Но и въ этомъ „Листкѣ“, передовая статья уже однимъ своимъ заглавіемъ: „Коли битись, то вже не миритись“ — и своимъ заключеніемъ о необходимости „соціалистамъ

въ Россіи организовать и систематизировать оппозицію старымъ порядкамъ и политическимъ, и соціальнымъ, и религіознымъ, и среди интеллигенціи, и среди народа" не можетъ говорить въ пользу точности передачи г. Стефановичемъ нашихъ мыслей о долѣ политическаго элемента въ дѣятельности соціалистовъ на Украйнѣ.

Г. Стефановичъ, представляя насъ больше политическимъ конституціоналистомъ, чѣмъ соціалистомъ, не обратилъ вниманія между прочимъ на то, что мы всегда имѣемъ въ виду всю украинскую землю, не только въ Россіи, но и въ Австріи, въ которой, какъ мы это не разъ говоримъ и въ „Громадѣ", собственно „наша партія" имѣетъ теперь болѣе твердую почву для дѣятельности и выступаетъ гораздо активнѣе, чѣмъ въ Россіи. А вѣдь въ Австріи „нашей партіи" нѣтъ уже надобности добиваться конституціи.[1] Изъ того же, какъ мы говорили о томъ, что намъ собственно важны въ такъ называемыхъ свободныхъ политическихъ учрежденіяхъ права лицъ и группъ, а вовсе не форма центральной власти, г. Стефановичъ не можетъ же вывести, что мы, напримѣръ, совѣтывали бы нашимъ землякамъ въ Австріи, не задаваться утопіями соціализма, а добиваться, напримѣръ, республики и т. д.

Главное отличіе нашихъ мнѣній по этому вопросу отъ мнѣній изданій великорусскихъ соціалистовъ предпослѣдняго времени (1873—76) заключается лишь въ большемъ значеніи, какое мы придаемъ въ настоящее мгновеніе вопросу политическому въ Россіи, который состоитъ изъ вопроса о скорѣйшей отмѣнѣ въ ней традиціоннаго самодержавія, царскаго и чиновническаго, какъ такой политической формы, которая изъ ряду вонъ и которая лежитъ бревномъ на всякомъ дальнѣйшемъ прогрессѣ народовъ, подчиненныхъ московско-петербургскому царству. Тѣмъ са-

[1] Мы употребляемъ выраженіе „наша партія" только потому, что его употребляетъ за насъ г. Стефановичъ. Мы же сами предупреждали читателей „Громады" принимать ея мнѣнія за мнѣнія отдѣльныхъ, согласныхъ между собою въ общемъ лицъ, а не за программу партіи. Для правильнаго устройства партій въ Россіи нѣтъ еще условій, а силы нашихъ единомышленниковъ еще такъ малы и въ Россіи и въ Галиціи, что выдавать намъ себя за партію было бы, по просту, шарлатанствомъ.

мымъ мы также мало оставляемъ сферу соціально-экономической борьбы, какъ и, напр., лозанскій конгрессъ Интернаціонала, рѣшеніе котораго о „принципахъ 1789 г." мы цитируемъ и въ „Переднемъ Словѣ" и въ „Листкѣ Громады". Мы только въ данномъ случаѣ поступаемъ какъ членъ той народности, которая больше великоруссовъ терпитъ отъ самодержавія чужой государственной власти, а кромѣ того, какъ кажется намъ, и вообще попадаемъ въ тактъ съ направленіемъ общественнаго движенія въ Россіи въ послѣдніе 2—3 года, въ томъ числѣ и движенія среди тѣхъ круговъ, которые называютъ обыкновенно „русской соціально-революціонной партіей". Новѣйшія дѣйствія этой партіи, чѣмъ дальше — все больше получаютъ характеръ политическій, а публикаціи, являющіяся отъ имени ея, напр., въ Петербургѣ, вышедшія уже послѣ не только нашихъ великорусскихъ политическихъ брошюръ и I—II тт. „Громады", но и иныя послѣ „Листка Громады", чѣмъ дальше — все больше заключаютъ въ себѣ идей „конституціонализма". Уже въ „Листкѣ Громады" мы же сами намекнули на то, что предстоитъ даже опасность, какъ бы соціальная сторона дѣятельности не отошла слишкомъ на задній планъ у „русской соціально-революціонной партіи", — а при этомъ какъ бы и самая политическая борьба ея не разбросалась на частности: на истребленіе отдѣльныхъ шпіоновъ и чиновниковъ тайными уголовными судами, съ отрывочными требованіями вродѣ тѣхъ, какія, напр., выставила прокламація „Смерть за смерть",[1] вмѣсто дѣйствія противъ коренныхъ основъ самодержавія политическими обществами, имѣющими цѣлью пріобрѣтеніе всѣхъ основныхъ и всеобщихъ „человѣческихъ правъ".[2] Мы нѣсколько разъ выражали мысль о необходимости систематически опредѣлить относительную мѣру и формы дѣятельности по вопросамъ политическимъ, — по нашему паліативнымъ, временнымъ, ставшимъ острыми на мгновеніе, — и по вопросамъ соціально-культур-

[1] Свобода слова и свободный народный (?) судъ по политическимъ дѣламъ.

[2] „Смерть за смерть" даже проговорилась о возможности какого-то мира между русскими соціальными революціонерами и монархіей, если послѣдняя не будетъ имъ препятствовать въ борьбѣ съ „буржуазіей"

нымъ, коренным, хроническимъ („справа затьажна, котра потрібуje сталоjі праці“, какъ мы выразились въ „Листкѣ Громады“). Поэтому намъ тѣмъ болѣе интересно было бы услышать отъ людей „дѣйствовавшихъ“ мнѣнія относительно этой мѣры и соотвѣтственной организаціи усилій на данное время и въ данномъ положеніи Россіи вообще и Украйны въ частности. Но г. Стефановичъ прежде всего не понялъ украинскихъ словъ „затьажна справа“, а потомъ счелъ достаточнымъ ограничиться заявленіемъ, что „тѣхъ, которые поставятъ себѣ ближайшею цѣлью добиться хоть такой конституціи, какая существуетъ въ Европѣ“, — онъ, г. Стефановичъ, не можетъ „признать своими единомышленниками“.[1] Мы не беремся судить, въ какой степени такое отлученіе со стороны г. Стефановича можетъ оказать вліяніе на дѣятельность „русской соціально-революціонной партіи“, которая, дѣятельность, такъ явно принимаетъ политическій характеръ (хотя, по нашему, и безсистемный), но считаемъ нужнымъ сказать, во-первыхъ, что мы, высказывая извѣстныя мнѣнія, всего меньше думаемъ о томъ, признаетъ-ли кто насъ „своимъ“, или не признаетъ, а во-вторыхъ, что г. Стефановичъ передаетъ мысли „нашей партіи“ совсѣмъ произвольно, если приписываетъ ей мысль оставить хоть на мгновеніе работу для „утопическихъ цѣлей соціализма“. И въ доказательство совсѣмъ противнаго мы укажемъ какъ на большую половину того, что написано именно о „народѣ“ въ „Громадѣ“ и въ „Листкѣ“, въ которыхъ хотя и признается своя доля значенія политической свободы, но между прочимъ нѣтъ и тѣни мысли о томъ, чтобъ пользоваться для ея достиже-

[1] Замѣтимъ, что и въ „Листкѣ Громады“ мы опять говорили собственно не о „конституціи“ (государственной формѣ) а о „свободѣ“ лицъ и группъ, продиктовавшей только, что таковая неизбѣжно сопровождается перемѣной и государственной формы, т. е. замѣной самодержавной монархіи конституціонной или республикой. Мы не знаемъ, почему г Стефановичъ не процитировалъ нашихъ словъ точнѣе: „добитись хочь такоjі волі особи, слова, зборів і товариств, jако jесть по всіj Европі“. Вѣдь одной „конституціи“ и не существуетъ въ Европѣ! Замѣтимъ также, что г. Стефановичъ ничего не сказалъ ни о заявленной „Смертью за смерть“ возможности примиренія „русск. соц.-революціонеровъ“ съ россійскимъ самодержавіемъ, ни о нашихъ словахъ о невозможности для соціалистовъ примиренія ни съ какимъ государствомъ. А между прочимъ разныя заявленія брошюры „Смерть за смерть“ и заставили насъ въ „Листкѣ Громады“ говорить сравнительно много о политическомъ вопросѣ.

нія, полезнаго главнымъ образомъ для такъ называемой интеллигенціи, соціальными стремленіями такъ называемаго народа, — такъ и на то, что „нашей партіей“ издано въ послѣднее время около 25 листовъ (10 000 экз.) брошюръ для „народа“ все объ „утопіяхъ“ соціализма („Парова машина“, „Правда“ [Хитрая механика], „Розмова про бідность“ [2 изд.], „Якъ наша земля стала не наша?“ „Хлібородство“). Правда все это только литературная дѣятельность, но издатели „Громады“, прежде всего, литераторы, а отъ пирожника нельзя же и требовать сапоговъ. Для насъ непонятно, почему г. Стефановичъ вовсе не упомянулъ объ этихъ брошюрахъ, хотя мы въ разбираемомъ имъ „Переднемъ словѣ до Громады“ просили принять изданныя нами въ Женевѣ три послѣднія изъ названныхъ брошюръ за популярную часть „Громады“ самой.

Приведенные сейчасъ примѣры, надѣемся, подтвердятъ сказанное нами о невозможности обмѣна мыслей между нами и нашимъ рецензентомъ по поводу нашихъ положеній. То же самое слѣдуетъ сказать и о положеніяхъ самого рецензента, которыя онъ выставляетъ противъ нашихъ. Это противопоставленіе дѣлается г. Стефановичемъ, къ сожалѣнію, слишкомъ кратко, и по большей части, для насъ, по крайней мѣрѣ, не ясно. Такъ, напримѣръ, мы высказываемъ мнѣніе, что по разнымъ причинамъ, общимъ европейскимъ и частнымъ, украинскимъ (о которыхъ мы говоримъ возможно подробно), соціалисты на Украйнѣ должны взять на себя всю массу работы, которую несутъ на себѣ прогрессивные дѣятели въ Европѣ, и что поэтому соціалисты украинскіе должны быть не только такъ называемыми пропагандистами, агитаторами, организаторами такъ называемой соціальной революціи, но, прежде всего, товарищами народа по ежедневному труду и вмѣстѣ съ тѣмъ передовыми людьми въ хозяйствѣ, наукѣ, литературѣ. Г. Стефановичъ осуждаетъ цѣлый рядъ нашихъ мыслей слѣдующими краткими словами: „повторяю, во взглядахъ г. Драгоманова весьма мало общаго съ нашими; основное положеніе нашихъ соціалистическихъ убѣж-

деній слѣдующее: пока нашъ народъ не будетъ обезпеченъ экономически, никакое развитіе нравственнаго и соціальнаго прогресса въ немъ не мыслимо". Но какъ ни рѣшительно это сужденіе, мы не можемъ ничѣмъ воспользоваться изъ него. Въ концѣ I главы „Передняго слова до Громады" мы заявили, что, по нашему мнѣнію, „украинцамъ необходимо присоединиться къ идеямъ европейскаго и американскаго соціализма", къ которымъ постоянно мы обращаемся, обсуждая во II-й главѣ разныя частности соціальнаго вопроса на Украйнѣ. Въ соціализмѣ же европейско-американскомъ, начиная отъ С.-Симона до Маркса, мы не только не встрѣчали того положенія, какое г. Стефановичъ называетъ основнымъ положеніемъ „его" соціализма, а встрѣчали совсѣмъ противное: а именно, что самое соціалистическое движеніе нашего времени (XIX ст.) есть результатъ всего соціально-экономическаго и нравственнаго прогресса Европы. Только это положеніе и даетъ нынѣшнему соціалистическому движенію силу положительнаго ученія, а не вѣрованія секты, или мечты утопистовъ стараго времени. Весьма можетъ быть, что соціализмъ г. Стефановича будетъ поосновательнѣе европейскаго и американскаго, но только мы, при всемъ нашемъ желаніи, до тѣхъ поръ не можемъ сообразоваться съ соціализмомъ г. Стефановича, пока онъ, по крайней мѣрѣ, не будетъ изложенъ такъ же подробно и систематически, какъ европейско-американскій.

Кромѣ вышеприведенной своей мѣрки, съ которой г. Стефановичъ судитъ наши мнѣнія о дѣятельности соціалистовъ на Украйнѣ, г. Стефановичъ имѣетъ еще и другую, но и она, къ сожалѣнію, такъ же для насъ неясна пока, какъ и „его" соціализмъ. Было уже упомянуто, что мы желали бы видѣть среди украинскихъ соціалистовъ представителей всѣхъ видовъ полезнаго обществу труда (скажемъ, напримѣръ, приблизительно въ такомъ видѣ, какъ это было во Франціи передъ и во время парижской революціи 1871 года). Г. Стефановичъ вмѣсто того желаетъ Украйнѣ только „по больше соціалистовъ-революціонеровъ". Но, къ сожалѣнію, онъ не опредѣля-

етъ, что онъ собственно называетъ „революціонеромъ“, а это было бы особенно необходимо въ виду хотя бы того, что и въ русской соціалистической литературѣ нѣтъ писателя, который бы на этотъ счетъ не высказалъ отдѣльнаго мнѣнія или даже нѣсколькихъ мнѣній въ разные довольно короткіе промежутки времени. Что мы такое разумѣемъ подъ словомъ революція и какого рода революціонеровъ мы считаемъ полезными для Украйны, объ этомъ мы говорили въ „Громадѣ“, но такъ какъ г. Стефановичъ не представилъ своихъ мыслей на этотъ счетъ, то и намъ здѣсь нѣтъ повода говорить объ этомъ.

Наконецъ, нашъ обмѣнъ мыслей съ г. Стефановичемъ затрудняется еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что для насъ неясны не только идейныя основы его суда надъ нашими мыслями о соціалистической дѣятельности на Украйнѣ, въ Россіи и Австріи, но и основы, такъ сказать, территоріальныя. Г. Стефановичъ является въ своей рецензіи въ трехъ видахъ: и „украинцемъ“, и „русскимъ соціалистомъ“, и „великорусскимъ“, при чемъ еще и не опредѣляетъ, что онъ собственно разумѣетъ подъ словомъ „русскій“. Большая же опредѣленность въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе необходима, что г. Стефановичъ не ограничивается только желаніями того или другого въ дѣятельности украинскихъ соціалистовъ, но еще относится отрицательно къ нашимъ пожеланіямъ извѣстныхъ вещей, напримѣръ, литературныхъ работъ. Между тѣмъ, мы, признавая всемірность извѣстнаго рода идей, постоянно имѣли въ виду мѣстныя украинскія условія, въ которыхъ надо ихъ примѣнять и которыя въ другой мѣстности, напримѣръ, въ Великороссіи, часто совсѣмъ иныя. Нѣкоторыя изъ нашихъ украинскихъ условій мимоходомъ намѣтилъ и г. Стефановичъ, въ качествѣ „украинца“ или „дѣйствовавшаго на Украйнѣ“, но не остановился на нихъ, можетъ быть, потому, что сейчасъ же перешелъ въ положеніе „великорусскаго соціалиста“, не переставая, однако же, рѣшать не только бытіе, но и небытіе извѣстныхъ сторонъ въ дѣятельности соціалистовъ на Украйнѣ. Такъ г. Стефановичъ говоритъ, что без-

грамотность народа украинскаго побуждала „русскихъ соціалистовъ“ на Украйнѣ ограничиваться устной пропагандой, въ то время, какъ, прибавимъ мы, на великорусскомъ языкѣ выходили, между прочимъ, и при поддержкѣ русскихъ соціалистовъ изъ украинцевъ, „изданія русской соціально-революціонной партіи“, „Впередъ“, „Работникъ“, много брошюръ и т. п. Но вѣдь эта безграмотность украинскаго народа, между прочимъ, сравнительно съ центральными великорусскими губерніями, которыя сотню лѣтъ назадъ стояли въ этомъ отношеніи ниже нашихъ, и эта безлитературность или чужелитературность украинскихъ соціалистовъ, подобныхъ г. Стефановичу, есть только одно изъ послѣдствій тѣхъ условій, въ которыхъ находится часть нашей Украйны въ Россіи, т. е. въ великорусской имперіи, и противодѣйствіе которымъ, какъ показываемъ мы подробно въ „Громадѣ“, не можетъ въ настоящее время выйти ни отъ кого, кромѣ украинскихъ соціалистовъ. Вотъ почему обязанности этихъ послѣднихъ, по нашему мнѣнію, должны быть гораздо сложнѣе, чѣмъ обязанности соціалистовъ великорусскихъ, людей народности не только независимой, но еще и господствующей, т. е. такой, къ которой примѣнима пословица: „у богатаго и чертъ дѣтей колышетъ“. Какъ извѣстно, богатымъ не всегда легко вообразить себя въ шкурѣ бѣдняка. Но г. Стефановичъ, если онъ на нѣкоторое время остановится въ положеніи украинскаго, а не великорусскаго соціалиста, и больше подумаетъ о томъ, что самъ же говоритъ о безграмотности украинскаго народа, да еще подумаетъ о безлитературности и чужелитературности „русскаго“ соціалиста на Украйнѣ, долженъ будетъ увидѣть слѣдующую диллему: или украинскій народъ, раздѣленный между двумя имперіями, лишенный національной независимости, порабощенный четыремъ чужероднымъ бюрократіямъ (великорусской въ Россіи, польской, венгерской и нѣмецкой въ Австріи), пяти такимъ же буржуазіямъ (пятая — еврейская), лишенный своихъ городскихъ классовъ, которымъ вездѣ принадлежитъ передовая роль во всемъ, въ томъ числѣ и въ соціализмѣ, или

этотъ народъ такъ и должно оставить въ такомъ же безграмотномъ и безлитературномъ состояніи, хотя бы только до тѣхъ поръ, пока будетъ совершено способомъ, котораго г. Стефановичъ не опредѣлилъ, „разрушеніе существующаго экономическаго строя и полнѣйшее обезпеченіе народа въ матеріальномъ отношеніи“, или нѣтъ? Если да, — оставить, то является новый вопросъ: какъ будетъ произведено это „разрушеніе и обезпеченіе“ тѣмъ народомъ, которому нельзя предлагать иной пропаганды, кромѣ „устной“, т. е. весьма и весьма тѣсной, и какое участіе можетъ принять въ пирѣ жизни „на другой день этого разрушенія“ такой народъ, если онъ останется до тѣхъ поръ въ видѣ того селянина, какого мы знаемъ и отъ котораго постоянно отпадаютъ всѣ болѣе развитые члены, передъ другими народами, которые и теперь уже находятся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ развитія? Наконецъ, если даже не будемъ заходить далеко, а остановимся только, напримѣръ, на упоминаемой г. Стефановичемъ „устной пропагандѣ соціализма“, которую, по его словамъ, вели его товарищи на Украйнѣ, то является вопросъ: на сколько возможно обстоятельное, а не поверхностное, даже устное изложеніе началъ соціализма на Украйнѣ безъ цѣлаго ряда подготовительныхъ работъ научно-литературныхъ и, между прочимъ, безъ обстоятельнаго изученія народнаго украинскаго языка, изученія, которое, какъ всѣмъ извѣстно, не только не поощряется всѣми условіями жизни въ Россіи, а, напротивъ, парализуется?

На всѣ эти и не мало подобныхъ вопросовъ сколько нибудь компетентные отвѣты можно услышать только отъ тѣхъ, кто кровно связанъ съ украинскимъ народомъ и спеціально ему посвятилъ свою дѣятельность, т. е. въ данномъ случаѣ только отъ украинскихъ соціалистовъ. Въ нѣкоторое подтвержденіе сказаннаго, мы позволимъ себѣ разсказать здѣсь, какъ не очень давно одинъ „русскій соціальный революціонеръ“, который имѣлъ случай заниматься на Украйнѣ устной пропагандой соціализма и даже отчасти письменной, и который, подобно г. Стефановичу, скепти-

чески относился къ такимъ работамъ, какъ словарь украинскій, — оказалось, не понималъ такихъ словъ, какъ „спільна працьа“ (артельная работа) и „товариське господарство“ (ассоціонное хозяйство). А вѣдь эти слова — основные термины соціализма. Какъ человѣкъ, немного пробовавшій и устную пропаганду соціализма, и писаніе популярныхъ брошюръ для украинскаго народа, мы позволимъ себѣ сказать, что, несмотря на то, что мы имѣли случай нѣсколько болѣе многихъ средне-образованныхъ людей поучиться украинскому языку и въ памятникахъ устной народной словесности, и въ памятникахъ письменности стараго до-россійско-государственнаго періода, мы всетаки тысячу разъ чувствовали себя связанными по рукамъ и по ногамъ отсутствіемъ какъ толковаго украинскаго словаря, такъ и литературы хотя бы по экономическимъ вопросамъ, какая имѣется хотя бы на языкѣ господствующей въ Россіи народности.

Это только одинъ изъ примѣровъ того, какъ отличны условія, въ какихъ должны дѣйствовать украинскіе соціалисты, и о какихъ только они могутъ судить вполнѣ компетентно. Впрочемъ, есть вещи, изъ числа затронутыхъ и въ „Громадѣ“, о которыхъ и великорусскіе соціалисты, особенно если они пожелаютъ дѣйствовать на Украйнѣ, хотя бы только среди населенія, понимающаго государственно-великорусскій языкъ, должны бы очень и очень призадуматься. Одну изъ этихъ вещей затронулъ и г. Стефановичъ, но, къ сожалѣнію, тоже не остановился на ней. Это раздѣленіе, какое существуетъ на Украйнѣ между сельскимъ украинскимъ населеніемъ и фабрично-заводскимъ (мы скажемъ шире — городскимъ), пришлымъ изъ Великороссіи (мы прибавимъ — и овеликорушеннымъ, сначала мѣрами государства, а потомъ происшедшимъ подъ вліяніемъ ихъ упадкомъ украинской литературы, которая двѣсти лѣтъ назадъ стояла выше великорусской). Если и во Франціи даже въ 1871 г. сказалось болѣзненно различіе между болѣе грамотнымъ, раціоналистическимъ, технически обученнымъ и революціонно настроеннымъ населеніемъ городовъ и отсталымъ населеніемъ селъ даже одной

и той же національности и языка, то можно себѣ представить, какимъ тормазомъ для соціально-демократической дѣятельности на Украйнѣ можетъ стать вышеупомянутое раздѣленіе.

Если объ этомъ вопросѣ подумаютъ и соціалисты господствующихъ на Украйнѣ національностей (великорусской, польской и др.), то они, быть можетъ, придутъ сами ко многому изъ того, что высказано нами о невозможности для украинцевъ такъ суживать программу соціалистической дѣятельности, какъ это наклоненъ дѣлать г. Стефановичъ. Во всякомъ же случаѣ, если они берутся судить „нашу программу“, и особенно относиться такъ кассаціонно къ ея практическимъ подробностямъ, то желательно было бы, чтобы они опредѣленно и говорили, съ какой точки зрѣнія они будутъ произносить свои приговоры: съ украинской ли, съ великорусской, или русской, т. е. государственной, которая, ужъ не знаемъ, какъ и можетъ примѣняться въ данномъ случаѣ. Какую точку зрѣнія выбралъ г. Стефановичъ, изъ его статьи, повторяемъ, не видно ясно, — а потому еще разъ: намъ пока совсѣмъ невозможно обмѣниваться съ нимъ какими бы то ни было мыслями и по вопросу объ видахъ дѣятельности соціалистовъ на Украйнѣ.

II.

Но г. Стефановичъ не ограничивается только судомъ надъ мыслями „Громады“, какъ онъ ихъ излагаетъ, а посвящаетъ почти весь 2-й § своей рецензіи осужденію чувствъ ея, въ которыхъ онъ усматриваетъ „недружелюбное пристрастіе къ русскимъ соціалистамъ“, „обходъ молчаніемъ ихъ хорошихъ сторонъ“ и т. п. А такое отношеніе „Громады“ къ „русскимъ соціалистамъ“, кромѣ своей несправедливости, внушаетъ еще г. Стефановичу опасеніе, какъ бы на основаніи словъ „Громады“ галичане и малоруссы не составили объ этихъ соціалистахъ ненадлежащаго понятія, которое будетъ препятствовать необходимой солидарности русскихъ и украинскихъ соціалистовъ.

И это новое вмѣненіе „Громадѣ“ чувствъ, какихъ въ ней нѣтъ, получилось благодаря такому же способу

передачи ея содержанія, какимъ получена была замѣна ея мыслей другими, какъ мы видѣли выше. Здѣсь тѣмъ паче мы бы должны были ограничиться простымъ заявленіемъ, что весь 2-й § г. Стефановича о чувствахъ, говоря слогомъ Петра Великаго, „не къ намъ писанъ“, если бы не совершенно исключительныя условія, въ какихъ находятся „Община“ и „Громада“. Мы имѣемъ весьма слабую надежду на то, что послѣдняя найдетъ себѣ много читателей, да еще такихъ, которые прочтутъ ее цѣликомъ, хотя, признаемся, только для такихъ и издаемъ ее. Многіе же изъ „русскихъ соціалистовъ“ находятся въ такихъ условіяхъ, что даже и при ихъ желаніи, имъ не удастся не то прочесть, но и увидѣть „Громаду“, тогда какъ статья г. Стефановича, или, по крайней мѣрѣ, слухъ о ея содержаніи можетъ распространиться гораздо больше. Есть поэтому полная возможность, что „русскіе соціалисты“, напримѣръ, находящіеся въ тюрьмахъ и т. п. болѣзненныхъ условіяхъ, повѣрятъ г. Стефановичу и подумаютъ, что „Громада“ въ самомъ дѣлѣ бросаетъ непріязненные камни въ нихъ, которымъ и безъ того вовсе не сладко живется. Вотъ почему мы, которые уже должны были достаточно привыкнуть ко всякому произвольному обращенію съ нашими мыслями (потому уже, что не проходитъ мѣсяца, чтобъ мы не видѣли его, напримѣръ, въ галицкихъ, польскихъ, а иногда и въ иныхъ изданіяхъ), должны, однако жъ, въ данномъ случаѣ войти въ болѣе подробныя объясненія, хотя и совершенно уже лишнія для тѣхъ, кто читалъ даже одинъ перечень изданій „Громады“.

Начнемъ съ того, что г. Стефановичъ напрасно безпокоится, какъ бы кто не получилъ дурного мнѣнія о „русскихъ соціалистахъ“ по нашимъ словамъ и тону ихъ. Слова писателей имѣютъ, конечно, свою силу, но надо же нѣсколько довѣрять и глазамъ самой публики. Если бы же эта послѣдняя составляла свое понятіе о русскихъ соціалистахъ только потому, что пишутъ о нихъ публицисты и, между прочимъ, по тому, какъ говорятъ другъ о другѣ разные органы и фракціи все той же „русской соціально-революціон-

ной или просто революціонной партіи", съ самыхъ еще временъ полемики противъ Герцена, то она бы имѣла объ этихъ соціалистахъ самое мрачное понятіе. Мы же надѣемся, что въ „Громадѣ" нѣтъ и тѣни подобныхъ словъ и тона, какіе такъ часто можно было видѣть даже въ полемикѣ русскихъ заграничныхъ революціонныхъ органовъ разныхъ кружковъ и фракцій.

Все, что есть въ данномъ случаѣ въ изданіяхъ „Громады", — это свободно-критическое отношеніе и къ русскимъ соціалистамъ, какъ и ко всему человѣческому. И при всемъ такомъ отношеніи любопытный читатель найдетъ тамъ цѣлыя страницы, которыя не позволятъ ему признать вѣрнымъ вмѣненіе, сдѣланное намъ г. Стефановичемъ. Мы считаемъ необходимымъ перевести изъ нихъ хоть нѣсколько фразъ:

Такъ, напримѣръ, на стр. 224 II т. „Громады" сказано: „Заслугою всероссійскихъ соціалистовъ останется то, что они вездѣ, по всѣмъ угламъ Россіи провозгласили о томъ, какова должна быть полная экономическая воля народа, и запечатлѣли свою проповѣдь головами своими". На стр. 4 (1 столб., 38—40), „Листка Громады" мы показываемъ, какъ предрекли русскіе соціалисты всѣ послѣдствія „царской воли" 19 февраля 1861 г.; на стр. 13 (2 столб., внизу) мы говорили о томъ, какъ они выносятъ на себѣ всю оппозицію гнуснымъ порядкамъ Россіи. На стр. 52, I т. „Громады", говоря о пробахъ „всецѣлаго посвященія людей интеллигенціи на службу народу" даже на нашей Украйнѣ въ теченіе XIX-го столѣтія, мы сказали, что „далеко больше всѣхъ такихъ пробъ, и украинскихъ, и польскихъ показали въ послѣднее время и въ нашей Украйнѣ „всероссійскіе соціалисты". На стр. 220 II т. „Громады" мы дѣлаемъ соображенія о будущемъ ростѣ соціализма въ Россіи и говоримъ о воспитанныхъ русскими соціалистами „такихъ крестьянахъ и рабочихъ, какъ Алексѣевъ, которые такъ ясно понимаютъ все, что дѣлается въ государствѣ", и какъ эти слова, такъ и 219—220 стр. могли бы совершенно избавить г. Стефановича отъ труда доказывать намъ, что „русскіе соціалисты не разбиты погромомъ 1874 года", тѣмъ болѣе, что мы

сами не говоримъ, что они разбиты, а сказали на стр. 221 II т. „Громады“ только, что теперь (писалось въ 1877 г. и вышло тогда же отдѣльнымъ оттискомъ въ статьѣ „Народныя школы на Украйнѣ“) „на это мгновеніе всероссійскій соціализмъ дезорганизованъ (разстроенъ) и мѣстами разбитъ“. Еще болѣе удивительны жалобы г. Стефановича послѣ слѣдующихъ словъ нашихъ въ „Листкѣ Громады“ (стр. 5, 2 столб., 25—38): „Процессы ихъ (р. соц.) 1877—78 гг. обратили на нихъ вниманіе цѣлаго свѣта и показали, что соціалисты въ Россіи дѣйствительно цѣлая политическая партія, хотя еще и не очень большая. Изъ этихъ же процессовъ оказалось, что это самая смѣлая и наиболѣе организованная изъ всѣхъ политическихъ партій въ Россіи, хотя всетаки въ ней есть недостатки по части смѣлости и организаціи. Можно даже сказать, что это единственная политическая партія въ Россіи, потому что другія совсѣмъ бояться показать себя открыто.“

Послѣ этихъ выписокъ не въ правѣ ли мы спросить: чего же еще хочетъ отъ насъ г. Стефановичъ, онъ, который вовсе не желаетъ, чтобъ русскихъ соціалистовъ „гладили по головѣ“, и согласенъ даже на „самую рѣзкую ихъ критику“?

Мы осмѣлились только на весьма не рѣзкую критику нѣкоторыхъ изъ выдающихся сторонъ русской соціалистической партіи, и то единственно потому, что она, будучи собственно великорусскою, не только по формамъ своей дѣятельности, но часто и по идеямъ, распространяла свою дѣятельность и на страну нашего народа. Въ противномъ случаѣ, напримѣръ, если бы она открыто признала себя велико-русскою, мы бы говорили о ней только въ самыхъ общихъ чертахъ, какъ и о другихъ заграничныхъ партіяхъ. И теперь мы критически касались дѣятельности „русскихъ соціалистовъ“ лишь тогда, когда это было намъ необходимо при обсужденіи вопросовъ объ организаціи соціально-демократической дѣятельности на нашей Украйнѣ въ связи съ общими вопросами о федерализмѣ и централизмѣ въ Россіи. Мы не могли миновать того факта, что и русскіе соціально-революю-

ціонные кружки, подчиняясь мимо своей воли вліянію государственной централизаціи и традицій, а также воспитавшись въ государственной школѣ, не могли сразу ни приспособить своей дѣятельности къ мѣстнонаціональнымъ условіямъ жизни всѣхъ народовъ, подчиненныхъ великорусской Имперіи, ни организоваться дѣйствительно федерально, т. е. снизу вверхъ, отъ мѣстныхъ союзовъ до болѣе широкихъ, а явились на дѣлѣ „всероссійцами“ на великорусской основѣ, несмотря на то, что между ними еще Бакунинъ высказался вполнѣ отчетливо противъ „единства Россіи“ и за самую широкую децентрализацію. Въ подтвержденіе этого замѣчанія мы могли бы сказать многое, но предпочли указать только на тотъ фактъ, что, хотя „русская соціалистическая партія“ слагалась изъ людей всѣхъ почти важнѣйшихъ національностей, входившихъ въ составъ Россіи (отъ украинцевъ и поляковъ до грузинъ и румынъ), и черпала средства со всей Россіи, но она не предпринимала никакихъ печатныхъ изданій, кромѣ великорусскихъ.

Этого факта не могъ не признать и самъ г. Стефановичъ. Другіе, которые подобно г. Стефановичу, предпочли, вмѣсто спокойнаго обсужденія дѣла съ цѣлью устраненія въ немъ указанныхъ нами несовершенствъ, обидѣться нашими словами, попробовали „снять съ русскихъ соціалистовъ упрекъ“ (?!), будто бы „брошенный“ имъ нами, но должны были сами признать въ дѣятельности этихъ соціалистовъ „шаблонность пріемовъ, слабое вниманіе къ мѣстнымъ особенностямъ“ и т. п.[1] Противъ чего же спорятъ наши возражатели?! Напомнимъ при этомъ, что не мимовольное невниманіе къ разнообразію странъ и народовъ, на которые хотѣли дѣйствовать русскіе соціалисты, а упорное отрицаніе этого разнообразія и необходимости приспособленія къ ней формъ и организаціи дѣятельности (а мы только о такомъ приспособленіи, а вовсе не о „націонализированіи соціализма“, т. е. идей, и говорили) мы вмѣняли вовсе не всѣмъ русскимъ соціалистамъ, а только нѣкоторымъ „лицамъ и кружк-

[1] „Впередъ“, т. V, 160—61. Ср. „Громада“, т. IV, стр. 359—361.

камъ между всероссійскими соціалистами". (Гром. II, 224, 1—2 стр. сверху). А что такія лица были и теперь еще есть, это мы прекрасно знаемъ, и никакія увѣренія г. Стефановича не могутъ опровергнуть этого нашего знанія.[1] За то, съ другой стороны, уже и тогда, когда мы писали свои замѣчанія, были и другія лица, которыя, послѣдовательно проведши начала федерализма, и сами замѣтили необходимость выхода изъ поверхностнаго или же исключительно великорусскаго „всероссійства". Мы разумѣли этихъ лицъ, когда написали въ томъ же мѣстѣ „Громады", которое показалось г. Стефановичу враждебнымъ къ „русскимъ соціалистамъ", слѣдующія слова: „дальше итти по этой дорогѣ нельзя, и уже по этому одному мы думаемъ, что дальнѣйшая работа соціальной демократіи въ Россіи пойдетъ иначе, что, не разрывая связи между собою, соціалисты всякихъ національностей въ Россіи, пойдутъ работать каждый въ свой край, къ своимъ людямъ, начало чего видно уже и теперь". Г. Стефановичъ почему-то не обратилъ вниманія на эти слова, — равно какъ и на тѣ мѣста нашихъ писаній, въ которыхъ очень подробно указано на дезорганизацію и на происшедшую отъ нея отсталость и слабость энергіи у такъ называемыхъ украинофиловъ 60-хъ годовъ, какъ на одну изъ крупныхъ причинъ отлитія украинской молодежи къ великорусскимъ соціалистическимъ кружкамъ, которые черезъ то получили возможность выступать за всероссійскіе. А если бы г. Стефановичъ не сдѣлалъ этого двойного опущенія даже въ томъ, что мы писали въ 1877 г., тогда бы онъ, конечно, не могъ бы написать доброй половины того, что онъ написалъ объ отношеніяхъ нашихъ къ „русскимъ соціалистамъ". Съ тѣхъ же поръ, когда написаны нами вышеупомянутыя замѣчанія, намѣченный нами въ подчеркнутыхъ словахъ процессъ децентрализаціи въ соціали-

[1] Если объ этомъ зашла рѣчь и теперь, то мы скажемъ то, чего бы не желали говорить: даже между лицами, которыя называли себя анархистами, были господа, которые не гнушались никакими возможными для нихъ интригами и даже сплетнями, чтобъ только помѣшать организаціи украинскихъ соціалистическихъ группъ. Недостаточно опредѣленная постановка федеральнаго вопроса въ русской соціалистической литературѣ 1873—76 гг. облегчала возможность развитія всѣхъ такихъ болѣзненныхъ явленій.

стическихъ кругахъ въ Россіи подвинулся замѣтно: такъ, когда украинскіе соціалисты выступили активнѣе въ Россіи и въ Галиціи, то къ нимъ пристали и нѣкоторые изъ тѣхъ украинцевъ, которые прежде поглощались великорусскими кружками. Далѣе выдѣлились и спеціально польскіе кружки, сдѣлана тоже попытка спеціально-еврейскаго органа соціалистическаго; наконецъ есть признаки стремленія къ самостоятельной организаціи и бессарабско-румынскихъ соціалистовъ. Болѣе логическіе соціалисты-федералисты и изъ великоруссовъ встрѣтили это децентрализаціонное стремленіе не съ ропотомъ, а съ сочувствіемъ, и мы позволяемъ себѣ сказать отъ имени „Громады“, съ предупредительностью и помощью.[1] Всѣ эти признаки новаго оборота въ организаціи соціализма въ Россіи, выводящіе ее изъ тѣхъ исключительно „русскихъ“ рамокъ, въ которыхъ еще почти всецѣло стоитъ г. Стефановичъ въ своей статьѣ, дали намъ возможность набросать въ лежавшемъ уже передъ нашимъ рецензентомъ „Листкѣ Громады“ нѣсколько мыслей о возможности большей солидаризаціи дѣятельности соціалистическихъ группъ по крайней мѣрѣ на юго-западѣ Россіи, а также въ прилегающихъ къ нему странахъ Пруссіи, Австріи и Румыніи. Еслибы г. Стефановичъ обратилъ вниманіе и на эти мысли, то ему было бы труднѣе приписать намъ непріязненныя чувства къ „русскимъ“ (теперь лучше сказать просто — великорусскимъ) соціалистамъ, потому что, кто же предлагаетъ своимъ друзьямъ федерироваться съ тѣми, къ кому питаетъ „недружелюбныя пристрастія“? Послѣ всѣхъ сейчасъ указанныхъ признаковъ новаго оборота вопроса объ организаціи соціалистовъ, хотя бы на юго-западѣ Россіи и въ сосѣднихъ странахъ, вся наша полемика съ г. Стефановичемъ по данному вопросу является совершенно запоздалой. Можно, если ужъ такъ кому хочется, поднять вопросъ развѣ о томъ: давали-ли намъ прежнія условія основаніе написать то, что мы написали

[1] Интересно, что это были вмѣстѣ съ тѣмъ и такіе русскіе соціалисты, которые наиболѣе сознательно усвоили себѣ „западно-европейскія идеи“ а не петербургско-московскія и даже не берлинскія.

въ 1877 г., и принесли ли наши слова о необходимости болѣе послѣдовательнаго примѣненія въ данномъ случаѣ интернаціонально-федеральныхъ началъ, какую-нибудь пользу или нѣтъ? Мы, конечно, склоняемся къ положительному отвѣту. Другіе могутъ думать иначе, — но при чемъ же тутъ вопросъ о непріязненныхъ чувствахъ, пристрастіяхъ и т. п.?!

Такъ же разсыпаются и другія основанія г. Стефановича для вмѣненія намъ „недружелюбнаго пристрастія къ русскимъ соціалистамъ", „умолчанія ихъ хорошихъ сторонъ" и т. п. Кромѣ вышеразобранныхъ основаній, г. Стефановичъ опираетъ свой приговоръ главнымъ образомъ на тѣхъ мѣстахъ „Громады" и „Листка Громады", гдѣ мы касаемся такъ называемой демонстраціи на Казанской площади въ Петербургѣ въ 1876 г. Мы не будемъ напоминать г. Стефановичу, какъ къ этому явленію отнесся одинъ изъ органовъ „русскаго же соціализма" („Впередъ") и даже оставляемъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, лучшее ли мнѣніе объ этомъ явленіи получаетъ читатель изъ интимныхъ признаній г. Стефановича, нежели изъ нашихъ словъ о немъ, основанныхъ на печатномъ отчетѣ о процессѣ его участниковъ. Мы скажемъ только, что во всякомъ случаѣ дѣло это — есть только одно изъ дѣйствій одного изъ кружковъ „русскихъ соціальныхъ революціонеровъ" а потому, какъ бы мы ни рѣзко о немъ высказались, всетаки г. Стефановичъ не долженъ былъ обобщать нашего суда на всѣхъ „русскихъ соціалистовъ". А въ довершеніе г. Стефановичъ не вѣрно и цитируетъ и истолковываетъ нашъ „намекъ" на это дѣло во II т. „Громады".

Мы тамъ говорили вовсе не объ одной демонстраціи въ декабрѣ 1876 г., а вообще о настроеніи петербургскаго либерально-демократическаго общества въ послѣднее время, говорили по поводу похоронъ Некрасова (съ участіемъ молодежи) и о самомъ Некрасовѣ, и при этомъ вспомнили и демонстрацію 6 декабря. Мы указывали на общія черты „русской интеллигенціи" — на несоотвѣтствіе слова и дѣла, слабость настойчивости и духа сопротивленія начальству и нападенія на него, какъ на черты, развитыя

во всероссійскомъ человѣкѣ государственнымъ періодомъ исторіи. Отправляясь отъ извѣстныхъ стиховъ Некрасова къ Муравьеву, мы сказали: „Если чего не слѣдуетъ прощать, т. е. не слѣдуетъ забывать, такъ это того періода исторіи не только мыслей нашихъ, но и натуръ, который знаменуется этими стихами, да если хотите, и всею литературною карьерою Некрасова. Если что убито въ насъ петербургско-московскою исторіею, такъ это твердость духа и спины. Мы не умѣемъ выбрать себѣ, хотя бы и не широкую идею, не красное знамя, — да стать съ нимъ твердо: ни шагу назадъ, ни для кого и ни для чего: Hier stehe ich, ich kann nicht anders! какъ говоритъ Лютеръ. Нѣтъ, мы въ карманѣ носимъ знамена самыя красныя, да показать ихъ не вездѣ смѣемъ, или же, если и на площадь вынесемъ (ибо уже между нами и такіе народились!) — то какъ только полиція подступитъ, побѣжимъ и присягнемъ, что и не думали носить, а на площади оставимъ только тѣхъ, кто не можетъ сказать ничего другого, кромѣ: „знать не знаю“! — такъ что посторонніе люди, для которыхъ мы и знамя выносимъ, совѣмъ не смогутъ понять, что это все было и для чего? Мы въ то время, когда разойдется языкъ, умѣемъ пѣть: „умрешь не даромъ! дѣло прочно, когда подъ нимъ струится кровь“! (Поэтъ и Гражданинъ Некрасова) а какъ только увидимъ городового, — сейчасъ же: „измѣны не щади“! (изъ стиховъ Муравьеву). Мы не знаемъ, или больше: — не чувствуемъ всякимъ своимъ нервомъ, что такія слова не шутка, какъ и знамена, демонстраціи и процессіи за такія слова тоже не шутка. Сказалъ: „иди — умрешь“! такъ самъ иди и умирай. Сказалъ: „кровь“! вышелъ на улицу и площадь, такъ раздумай, стоитъ-ли итти, а если уже пошелъ изъ-за вещи, которая въ самомъ дѣлѣ стоитъ того, такъ бери револьверъ, ножъ, хоть вилы, и не уходи, а стрѣляй, рѣжься, если нужно! А боишься, — такъ лучше зови людей не къ крови, а къ „мирному прогрессу“... Только и мирный прогрессъ требуетъ своего „Hier stehe ich“! И тутъ намъ, всероссійскимъ культурнымъ людямъ зацѣпка...!“

Какъ видите, мы тутъ вовсе не имѣли въ виду ни однихъ „русскихъ“ соціалистовъ, ни всѣхъ ихъ, ни даже все дѣло о казанской демонстраціи въ цѣломъ. А представлялъ-ли процессъ о казанской демонстраціи тѣ черты, которыя нами указаны здѣсь, — объ этомъ, кажется, спора быть не можетъ. И г. Стефановичъ совершенно напрасно ставитъ намъ на видъ рѣчи Малиновскаго, Алексѣева, Мышкина и даже завѣщаніе осужденныхъ по дѣлу 193-хъ, напечатанное чуть не черезъ годъ послѣ того, какъ мы написали наши слова. Во-первыхъ все это рѣчи на судѣ и въ тюрьмѣ, — а въ нашей тирадѣ дѣло идетъ о поведеніи на площади, а во-вторыхъ, въ томъ-то и дѣло, что рѣчь, сказанная на площади 6 декабря 1876 г. не только не подписана, какъ тѣ рѣчи и завѣщаніе, но даже не напечатана. Въ третьихъ, въ той же главѣ „Громады“ (Украина и центры, II), которая такъ возмутила г. Стефановича, читатель найдетъ тоже „намекъ“ и на такія вещи, какъ рѣчь Мышкина. А именно:

Сдѣлавъ обзоръ упадка въ Россіи личной энергіи и активнаго сопротивленія власти, параллельно съ развитіемъ государственной централизаціи, и начала возрожденія ихъ уже подъ вліяніемъ европейскихъ свободныхъ идей, мы говоримъ: „Если хотите, и теперь только что начинаетъ нарождаться у насъ порода людей „свирѣпыхъ человѣкъ“ (слова Московской лѣтописи о независимыхъ рязанцахъ) или, какъ теперь говорятъ — „съ темпераментомъ“, но подъ завезеннымъ изъ-за границы „высокоумiемъ“, и быть можетъ настоящая новь въ этихъ людяхъ лежитъ не въ томъ, что они думаютъ (были же у насъ прежде и вольтеріанцы, и фурьеристы и т. д.), а въ томъ, что между ними уже показуются зерна темперамента. До цѣлаго темперамента еще совсѣмъ далеко, но уже теперь можно хоть видѣть ясно, что онъ будетъ, что „не къ рождеству идетъ, а къ свѣтлому дню“, и это уже одно духу тебѣ придаетъ“ и т. д. (Громада II, 423). Смѣемъ думать, что это все нѣсколько въ иномъ видѣ представляетъ наше отношеніе къ вопросу о смѣлости и „темпераментѣ“ среди русскихъ соціали-

стовъ, чѣмъ оно представлено у г. Стефановича. Кромѣ того и здѣсь мы должны напомнить, что въ этихъ словахъ мы имѣли въ виду явленія, обнаружившіяся до конца 1877 г. Послѣ такихъ дѣлъ, какъ покушеніе на Трепова, проба „сопротивленія“ на Садовой улицѣ въ Одессѣ, мы уже признали (въ „Общинѣ“ и въ „Листкѣ Громады“) болѣе высокую степень личной энергіи во внѣшнихъ проявленіяхъ иниціативы русскихъ революціонеровъ. Теперь, послѣ самообороны въ домѣ Косяровской въ Кіевѣ, г. Стефановичъ прочтетъ еще болѣе рѣшительное признаніе ея, такъ какъ тамъ уже не видно и тѣхъ колебаній и иллюзій на счетъ снисходительности начальства, какія мы еще указали въ „Садовской“ исторіи и въ поведеніи одесситовъ во время процесса по поводу ея. Словомъ, мы выступали только съ обобщеніемъ явленій жизни: на какую мѣру поднялись они, — ту мы и показывали. Было время, когда, какъ мы сказали въ 1877 г. „жандармъ и прокуроръ шелъ охотиться на ‚новь‘ безопаснѣе, чѣмъ на бекасовъ“, — и мы отмѣчали эту черту жизни; показались другія черты, мы ихъ и отмѣтили. Есть люди, которые полагаютъ, что „новь“ показывается сразу, что достаточно какой-нибудь горсти лицъ усвоить новыя идеи, иногда даже слова, какъ сейчасъ же цѣлое поколѣніе и перерождается всецѣло, становится во всемъ новыми особями. Мы не изъ числа такихъ людей, между прочимъ потому, что издавна усвоили себѣ одно изъ основныхъ положеній европейскихъ соціальныхъ учителей, начиная съ Роберта Оуена, а именно, что особи суть продукты общаго строя и что поэтому и особи съ новыми идеями перерождаются болѣе или менѣе продолжительнымъ процессомъ болѣе или менѣе общаго развитія. Вотъ почему мы и не могли сразу выдѣлить и русскую „новь“, соціалистовъ, изъ общей массы общества съ такой кровной стороны, какъ активный темпераментъ и то, что онъ обусловливаетъ собою. И тутъ является вопросъ не о томъ, правы бы мы были, или нѣтъ, а развѣ о томъ, тактично-ли и полезно-ли было съ нашей стороны высказать свои мнѣнія печатно даже и тогда, когда подобныя имъ

высказывались устно и среди самихъ „русскихъ соціальныхъ революціонеровъ“? И тутъ мы подаемъ голосъ за предпочтительность открытаго заявленія мнѣній передъ умолчаніемъ, хотя бы на первый разъ и была опасность, что кто-нибудь усмотритъ въ этомъ заявленіи выраженіе недружелюбныхъ чувствъ.

Что же касается въ частности до нашего мнѣнія о такихъ вещахъ, какъ прибѣганіе тѣхъ или другихъ изъ „русскихъ революціонеровъ“ къ молебнамъ святымъ, „которымъ они не вѣрятъ“ (г. Стефановичъ почему-то пропустилъ эти слова изъ нашего „Листка Громады“ и потому долженъ былъ намъ доказывать то, что мы и сами сказали), и къ другимъ подобнымъ пріемамъ для возбужденія къ себѣ вниманія „народа“, напримѣръ, къ самозванству, подложнымъ грамотамъ отъ царя и т. д., то мы и послѣ возраженій г. Стефановича остаемся при томъ своемъ мнѣніи, какое высказали въ статьѣ „Если биться, то ужъ не мириться“, а именно, что во всемъ этомъ, прежде всего, мы видимъ „примиреніе съ тѣмъ, съ чѣмъ слѣдуетъ бороться“. И мы надѣемся, что съ нами согласятся и многіе изъ „русскихъ соціалистовъ“. Если же и нѣтъ, то, во-первыхъ, тѣмъ хуже для нихъ, а, во-вторыхъ, это наше мнѣніе, а не „чувство“, мнѣніе критическое, на которое и г. Стефановичъ даетъ намъ свободу. Также точно г. Стефановичъ, вѣроятно, признаетъ за нами и право остаться при своемъ мнѣніи и относительно необходимости извѣстныхъ нравственныхъ задержекъ и границъ въ такихъ расправахъ съ личностями, по „политическимъ соображеніямъ“ (raison d'état), какова, напримѣръ, расправа нѣкоторыхъ изъ „русскихъ соціалистовъ“ съ заподозрѣннымъ ими въ измѣнѣ и шпіонствѣ Гориновичемъ. Къ расправѣ же этой мы должны были отнестись критически еще и потому, что нашлись голоса и въ заграничной „русской революціонной печати“, а не только въ прокуратурѣ, которые поспѣшили обобщить этотъ случай или же поставить его въ одинъ рядъ съ такими историческими дѣйствіями, какъ, напр., поступокъ В. И. Засуличъ.

Подобныя наши свободно-критическія мнѣнія о

способахъ дѣйствій нѣкоторыхъ „русскихъ соціалистовъ“ во всякомъ случаѣ не повредятъ репутаціи всѣхъ ихъ даже въ Галиціи и Малороссіи, чего такъ боится г. Стефановичъ. Впрочемъ, если уже г. Стефановичъ заговорилъ о вліяніи, какое могутъ оказать наши новѣйшія изданія въ Галиціи, то мы позволимъ себѣ сказать, что о „русскихъ соціалистахъ“ мы стали говорить галичанамъ печатно еще въ 1873 г. и говорили не мало и до „Громады“. И знаете ли, какое заключеніе сдѣлали изъ нашихъ словъ многіе галичане—„народовцы“, т. е. soit disant демократы изъ украйнофиловъ стараго закала? Что мы сами „москаль“, россійскій, или „великорусскій нигилистъ-соціалистъ“, или „прихвостень московскаго соціализма“, а вовсе не украинецъ (см., напримѣръ, „Правда“ 1876, № 15, 1877, №№ 4, 5, 12). Въ то самое время, какъ г. Стефановичъ писалъ свою рецензію для „Общины“, въ той же львовской „Правдѣ“, одинъ, даже болѣе расположенный признать пользу для Галиціи отъ нашихъ писаній, авторъ выразился о насъ въ такихъ словахъ: „г. Драгомановъ обращался къ намъ не именемъ Украйны, не какъ землякъ; онъ обращался къ намъ именемъ россійскаго прогресса. Украйна, землячество, патріотизмъ украинскій, — это все стояло (у него) на такомъ заднемъ планѣ, что ихъ и не видно было. Мало того! Все это казалось для него страшною отсталостью, не далекою отъ обскурантизма, хотя, какъ будто въ насмѣшку надъ нами, народовцами, онъ и подписывался украинцемъ“ („Правда“ 1878, № 19).

Въ чемъ же тутъ дѣло? Прежде всего въ томъ, что теперь уже хоть и никто не смѣетъ сказать, что онъ не желаетъ критики, а желаетъ, чтобъ его только „гладили по головкѣ“, но всетаки далеко не всѣ вполнѣ побѣдили въ себѣ бѣса, внушающаго людямъ желаніе, чтобъ ихъ не признавали непогрѣшимыми, и рѣдко кто въ состояніи вынести спокойно свободное слово критики. Поднятіе же въ такихъ случаяхъ вопроса о „патріотизмѣ“, „недружелюбныхъ“ чувствахъ представляется самымъ легкимъ способомъ наложенія молчанія на уста, осмѣливающіяся докладывать намъ,

что не все обстоитъ наилучше въ нашемъ наилучшемъ изъ міровъ. Въ частности же дѣло въ томъ, что мы вотъ уже съ десятокъ лѣтъ примѣняемъ свободную критику преимущественно къ тѣмъ явленіямъ, которыя имѣютъ такое или иное соприкосновеніе съ народомъ украинскимъ въ Россіи и Австріи, а страна этого народа, поставленнаго въ самыя ненормальныя условія для своего развитія отсутствіемъ національной независимости, есть страна удивительныхъ qui pro quo. Въ послѣднее время въ ней сложились круги, которые задались мыслью такъ или иначе, но всетаки служить массамъ ея народа. Эти люди получили клички, одни „украинофиловъ“, а въ Галичинѣ „народовцевъ“, другіе — „русскихъ радикаловъ“, или „русскихъ соціалистовъ“. Обстоятельства (какія, — объ этомъ мы говорили въ „Громадѣ“) сложились такъ, что первые, особенно въ Галичинѣ, болѣе занялись вопросомъ о „національной самостоятельности“ нашего народа, другіе — всемірно-экономическимъ вопросомъ пролетаріата. Но при этомъ одни почти совсѣмъ упустили изъ виду экономическіе интересы украинскаго мужика (онъ же и представитель украинской національности), а другіе, считая себя европейскими интернаціоналистами, но на самомъ дѣлѣ будучи плодомъ государственно-великорусской жизни и школы, упустили изъ виду нравственныя отличія украинскаго мужика и его положенія отъ великорусскаго, а также и то, что безъ вниманія къ украинской національности, они сами все больше становятся чужими народу, людьми какой-то особой, общерусской, собственно дворянско-чиновнической національности. А потому, по нашему мнѣнію, собственно обѣ эти фракціи одинаково потеряли право на названія, одни — „народовцевъ“, а другіе — „интернаціональныхъ соціалистовъ“, какія они себѣ присвоили.[1] Среди этихъ группъ была третья, которая съ самаго начала видѣла слабыя стороны обѣихъ и указывала на нихъ обѣимъ, но эта третья группа,

[1] Само собою разумѣется, что мы имѣемъ здѣсь въ виду лишь „русскихъ соціалистовъ“ изъ украинцевъ, которые отъ своего народа отстали, а къ великорусскому не пристали.

неизбѣжно сначала немногочисленная, не могла сразу пріобрѣсти должнаго авторитета и едва могла удерживать свое существованіе подъ ударами и одной, и другой. Только со временемъ, какъ и слѣдовало ожидать, ходъ жизни обличилъ ошибки обѣихъ односторонних группъ и показалъ вѣрность совокупной постановки и національнаго, и соціальнаго вопроса на Украйнѣ третьей группой.

Съ самаго начала своей литературной карьеры мы стали въ ряды этой третьей группы и должны были принять и на свою долю всѣ невыгоды ея положенія. Но, какъ сказано сейчасъ, ходъ жизни въ нашей родинѣ, особенно въ послѣднее пятилѣтіе, все болѣе обнаруживалъ вѣрность принятаго этою группою положенія, и теперь она уже можетъ съ большею увѣренностью смотрѣть въ будущее, съ тѣхъ поръ какъ ей послѣ цѣлаго ряда преодолѣнныхъ трудностей, выходившихъ часто оттуда, откуда ихъ и ожидать бы нельзя было, удалось увидать и въ Россіи, и въ Австріи хоть небольшое, но уже ясное начало организаціи соціально-украинскихъ группъ и признаніе ихъ необходимости и со стороны сосѣдей — неукраинцевъ. Правда, еще и до сихъ поръ, кромѣ совершенно уже враждебныхъ голосовъ, какіе часто слышатся отъ людей, стоящихъ на разныхъ діаметрально-противоположныхъ съ нею точкахъ зрѣнія (напримѣръ, „Гражданинъ“, „Русскій Вѣстникъ“, „С.-П. Вѣдомости“, „Dsiennik Poznanski“, „Dz. Polski“, „Набатъ“, львовское „Слово“, „Газета Школьна“ и т. п.) группѣ этой все еще приходится по временамъ подвергаться также и выстрѣламъ людей, которые, даже начиная соглашаться съ нею въ основномъ, всетаки не имѣютъ еще рѣшимости оставить старыя уже обойденныя жизнью позиціи и все еще защищаютъ ихъ выстрѣлами, большею частью сзади и съ боковъ. Такого рода выстрѣлы, вмѣсто обсужденія сущности дѣла, представляютъ въ данномъ случаѣ замѣчанія г. Стефановича и автора статьи въ 19 № „Правды“ за 1878 г.

Но когда жизненный процессъ обходился безъ подобныхъ переходныхъ явленій? И мы не сомнѣваемся, что въ непродолжительномъ времени, особенно если

г. Стефановичъ самъ оглянется въ прошлое съ свободно-критическимъ взглядомъ да выберетъ себѣ окончательное мѣсто дѣйствія на Украйнѣ, — или даже въ Великороссіи, но только опредѣленно, — мы встрѣтимся и съ нимъ въ обмѣнѣ мыслей, гораздо больше плодотворномъ и для насъ, и для публики, чѣмъ это имѣетъ мѣсто въ настоящемъ случаѣ.

20 февраля 1879.

Приложеніе.

Рецензія Я. Стефановича на украинскій сборникъ „Громада“, напечатанная въ журналѣ „Община“ (№ 8 и 9, ноябрь и декабрь 1878 г.).

I.

Въ настоящей статьѣ я намѣренъ познакомить русскихъ соціалистовъ съ издаваемымъ въ Женевѣ украинскимъ сборникомъ „Громада“, разсказать, какія мысли проводитъ онъ, какіе его идеалы и каково отношеніе къ намъ, русскимъ соціалистамъ. Ознакомленіе съ группой украинцевъ, во всякомъ случаѣ объявляющихъ себя въ рядахъ противниковъ существующаго политическаго и экономическаго строя, должно имѣть для насъ серьезное значеніе. Малорусская и великорусская народности скованы одною и тою же цѣпью петербургской централизаціи; общій врагъ ихъ является не только въ видѣ монархизма съ неизмѣримой сѣтью бюрократіи, — часто одинъ и тотъ же помѣщикъ эксплоатируетъ украинца и великоросса, владѣя обширными помѣстьями въ Россіи и на Украйнѣ. Такимъ образомъ интересы этихъ двухъ народностей особенно тѣсно связаны между собою. Всякое проявленіе жизни украинцевъ протестующаго характера должно возбуждать поэтому живѣйшій интересъ въ великорусскомъ соціалистѣ, вызывать въ послѣднемъ стремленіе къ соглашенію и общности дѣйствія съ ними. Вотъ почему я считаю небезполезнымъ изложить программу „Громады“, а слѣдовательно, если и не всей, то по крайней мѣрѣ видной части украинской партіи. Чего хочетъ эта партія, можно-ли ее назвать этимъ именемъ, какими путями думаетъ она достичь желаемаго, — вотъ вопросы, прежде всего намъ интересные. На нихъ мы находимъ отвѣты въ „Переднім слові до громады“.

„Ясное дѣло, говорится на 40 ст. „Переднятого слова“, что столь огромная масса людей, сколько есть ихъ во всей нашей Украйнѣ, не можетъ быть одною общиною (товариствомъ). Она должна стать союзомъ общинъ, свободныхъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ, иначе какія-нибудь общины принуждены будутъ дѣлать не то, что они хотятъ и не тамъ, гдѣ онѣ сидятъ.“ [1]

„Свободными могутъ быть только небольшія государства, или, лучше сказать, общины, товарищества. Дѣйствительно свободнымъ союзомъ можетъ быть только союзъ общинъ...“

„Такимъ образомъ дойти до того, чтобы союзы людей, большіе и малые, образовались изъ такихъ свободныхъ людей, которые свободно сошлись для общаго труда и помощи въ свободныя федераціи, — это и есть та цѣль, къ которой стремится человѣчество и которая ничего сходнаго съ теперешними государствами, своими и чужими, выборными или невыборными, не имѣетъ. Цѣль эта называется анархія, самостоятельность каждаго и свободная федерація людей и общинъ.“

Указавъ на свободную федерацію общинъ, какъ на идеалъ, къ которому стремится человѣчество и къ которому, слѣдовательно, должны стремиться и украинцы, авторъ разбираетъ далѣе пути и средства, такъ или иначе ведущіе къ осуществленію въ жизни этого идеала. Онъ говоритъ:

„Разсмотрѣвъ то положеніе, въ которомъ находится теперь наша Украйна, мы видимъ, какъ далеко оно отъ тѣхъ соціалистическо-анаркическихъ порядковъ и какъ нынѣшніе порядки не даютъ даже людямъ возможности основательно раз-

[1] Цитируемыя мѣста изъ „Громады“ я буду переводить на русскій языкъ по возможности дословно.

судить о своемъ житьѣ, не говоря уже о томъ, чтобъ приступить къ его измѣненію. Отсюда очевидно, что люди, посвятившіе себя служенію украинскому народу, должны, стремясь къ той конечной цѣли, пользоваться всякими и малыми измѣненіями нынѣшнихъ порядковъ, въ особенности такими, которые облегчаютъ людямъ средства сходиться и вмѣстѣ разсуждать о своемъ житьѣ и пытаться измѣнить его".[1] И такъ, слѣдовательно, необходимо прежде всего добиваться свободы слова, свободы сходокъ, или, говоря точнѣе, „добиваться уничтоженія царскаго и чиновничьяго произвола, который, конечно, смѣнится избирательнымъ правленіемъ".[2] Вотъ гдѣ цѣль ближайшихъ стремленій — въ конституціи. Что же потомъ? А затѣмъ — такъ какъ „самъ дворянскій парламентъ изъ выборныхъ людей всего царства не можетъ обойтись безъ того, чтобы тотчасъ же въ немъ не поднялись разсужденія о крестьянскихъ налогахъ, о надѣлѣ мужиковъ землею", то „одни разсужденія объ этомъ послужатъ къ тому, чтобы болѣе открыть глаза крестьянству на всѣ политическіе и экономическіе порядки и поведутъ за собою дальнѣйшія желанія реформъ."[3] А эти дальнѣйшія желанія реформъ могутъ привести „къ гетманщинѣ, или республикѣ."

„Такимъ образомъ, думаемъ мы, говоритъ авторъ „Передняго слова", сила мысли и сила жизни принудятъ работать въ нашей землѣ живого соціалиста на политическомъ поприщѣ (в справах политичных). Главнѣйшимъ же дѣломъ его, конечно, будетъ — содѣйствовать тому, чтобъ какъ можно большая часть крестьянства поняла то, какъ ему взять всѣ свои порядки въ свои собственныя руки."[4]

Итакъ авторъ полагаетъ, что соціалистическія цѣли неразрывно связаны съ политическими; поэтому соціалисты не должны пренебрегать дѣятельностью, клонящеюся къ улучшенію политическихъ формъ. Но рядомъ съ этимъ имъ не слѣдуетъ забывать своей главнѣйшей цѣли — содѣйствовать „раскрытію глазъ крестьянству", а это содѣйствіе, говоритъ авторъ, вещь чрезвычайно трудная и сложная для украинца-соціалиста. Въ западной Европѣ прямо или косвенно работаютъ въ пользу соціализма люди и другихъ направленій. Въ Украйнѣ наука образованныхъ сословій болѣе чужда народу, чѣмъ въ другихъ земляхъ, гдѣ высшія сословія не оторвались отъ одноплеменнаго имъ крестьянства. Вотъ почему дѣятельность украинскихъ соціалистовъ должна значительно выступить изъ того круга, въ которомъ замыкается дѣятельность европейскихъ ихъ единомышленниковъ. Такъ, напр., украинскимъ соціалистамъ необходимо издать малорусскій словарь, безъ котораго пропаганда чрезвычайно затруднительна.[5] Украйнѣ были бы полезны „сотни" Энгельгардовъ съ соціалистическими убѣжденіями, которые учили бы мужиковъ вести свое хозяйство раціональнымъ, научнымъ способомъ. Такъ какъ духовенство Украйны пользуется вліяніемъ въ народѣ и такъ какъ уничтоженіе религіи, церкви и духовенства облегчитъ народу его тягости, то соціалистамъ слѣдуетъ теперь же (!) съ помощью естественныхъ и соціальныхъ наукъ работать противъ этихъ золъ, а слѣдовательно особое вниманіе обратить на народную школу. Порядки въ Малороссіи и Галиціи таковы, что мѣстные бунты будутъ вспыхивать чѣмъ дальше, тѣмъ чаще; соціалисты, которые примутъ участіе въ нихъ, должны стараться, чтобы бунты получали какъ можно большіе размѣры, чтобы народъ стремился уничтожить не только ближайшія причины, вызвавшія бунтъ, но и всѣ тѣ, отъ которыхъ происходитъ гнетъ его.

Союза всѣхъ такихъ „соціалистовъ" и желаетъ авторъ для Украйны. Необходимо только, чтобъ эти люди держались каждый своего мѣста, — мѣста, наиболѣе имъ извѣстнаго и гдѣ они наиболѣе сжились съ людьми. Безъ этого условія уничтожаются сами собою всякія федералистическія тенденціи. Однимъ словомъ, говоритъ онъ, украинскій соціализмъ долженъ быть не партіей, а Громадой (обществомъ).

Такова сущность взглядовъ „Громады", изложенныхъ въ „Переднемъ Словѣ" г. Драгомановымъ и представленныхъ мною по возможности сжато. Хотя въ далекомъ будущемъ г. Драгомановъ признаетъ соціалистическій и даже анархическій идеалъ, однако же мы не можемъ раздѣлять всецѣло его программы.[6] Я сказалъ — „программы", но едва-ли этотъ терминъ въ смыслѣ опредѣленныхъ стремленій и путей къ нихъ осуществленію примѣнимъ къ „Переднему Слову до Громады". Въ этомъ послѣднемъ разсматривается собственно тотъ сложный процессъ соціальной жизни, который всегда и вездѣ совершается помимо предначертанныхъ планомъ той или другой личности, той или другой партіи. Этотъ процессъ ведетъ человѣчество къ той формѣ общежитія, которую соціализмъ провозглашаетъ справедливѣйшей. Но соціальная революція — „то справа затяжна", дѣло далекаго будущаго; она требуетъ массы сложной, разнообразной работы, совершаемой далеко

[1] „Переднее слово" 47. — [2] Тамъ же, 59. — [3] Тамъ же, 59. — [4] Тамъ же, 58. — [5] Тамъ же, 79.

[6] Я беру на себя смѣлость говорить отъ имени многихъ моихъ великорусскихъ и даже украинскихъ соціалистовъ.

не одними соціалистами и даже главнымъ образомъ не соціалистами. Такъ было и есть въ Западной Европѣ, степень цивилизаціи которой значительно ближе къ соціалистическому порядку жизни, чѣмъ на Украйнѣ. Г. Драгомановъ не беретъся указывать новыхъ дорогъ, которыя сократили бы украинцамъ путь къ осуществленію соціалистическихъ идеаловъ, — не беретъся, ибо не видитъ другихъ, кромѣ уже проторенныхъ Западной Европой. Тамъ успѣхи соціализма шли рука объ руку съ развитіемъ политическихъ формъ, и украинцамъ ничего не остается, какъ добиваться теперь конституціонныхъ, а затѣмъ, конечно, и республиканскихъ порядковъ. Въ Европѣ не помогались сразу коренныхъ измѣненій въ буржуазномъ строѣ, а довольствовались и незначительными реформами, которыя хотя на время улучшали положеніе рабочаго класса, — и украинцамъ не слѣдуетъ задаваться вдругъ столь утопическими цѣлями. Они должны помнить, что факторы соціальной революціи чрезвычайно разнородны: иная правительственная реформа, иной „академическій трудъ“ гораздо больше значатъ, какъ факторы соціальнаго переворота, чѣмъ труды, напр., всѣхъ русскихъ соціалистовъ вмѣстѣ. Пусть же только украинцы не покидаютъ своей родины, пусть только они дѣлаютъ то, что каждый изъ нихъ захочетъ и сможетъ сдѣлать, — все будетъ имѣть извѣстную долю значенія въ томъ процессѣ, который ведетъ человѣчество къ совершеннѣйшимъ формамъ соціализма, и слѣдовательно всѣ они станутъ соціалистами. Соціалистами не въ правѣ называться одна какая-нибудь партія, предпочитающая тотъ или другой путь дѣйствія. — соціалисты — это все общество, всѣ украинцы.

Такъ можно резюмировать все то, что г. Драгомановъ говоритъ въ „Передмовѣ до Громады“, и, повторяю, въ его взглядахъ весьма мало общаго съ нашими. Вотъ, напр., одинъ изъ множества пунктовъ несогласія между нами: основное положеніе нашихъ соціалистическихъ убѣжденій слѣдующее: пока нашъ народъ не будетъ обезпеченъ экономически, никакое развитіе нравственнаго и соціальнаго прогресса въ немъ не мыслимо. Г. Драгомановъ, очевидно, не согласенъ съ этимъ положеніемъ, ибо не только допускаетъ возможность, а признаетъ необходимымъ „теперь же“ путемъ науки развивать въ украинскихъ мужикахъ научно-реальное отношеніе къ окружающему его, разрушать религію и проч. Мы же, исходя изъ вышеприведеннаго положенія, признаемъ существенной только ту работу, которая возможно непосредственнѣе ведетъ къ цѣли, т. е. къ разрушенію существующаго экономическаго строя и къ полнѣйшему обезпеченію народа въ матеріальномъ отношеніи.

Вотъ почему не издателей словарей, не Энгельгардовъ, не педагоговъ желаемъ мы для Украйны: мы хотимъ ей возможно больше такихъ дѣятелей, которые поставили бы непосредственной своей задачей — освобожденіе народа отъ его экономическаго рабства; мы — и я въ частности, какъ украинецъ, всегда дѣйствовавшій въ предѣлахъ своей родины, — мы хотимъ ей возможно больше соціалистовъ-революціонеровъ.

II.

Въ этой главѣ я хочу показать отношеніе „Громады“, или, вѣрнѣе, г. Драгоманова къ русскому соціалистическому движенію вообще и къ русскимъ соціалистамъ въ частности.

По мнѣнію г Драгоманова, русскіе соціалисты были разбиты (рѣчь у него идетъ о погромѣ 1874 г.), и разбиты благодаря вѣрѣ ихъ въ возможность скораго возстанія народа, пренебреженію къ наукѣ и школѣ, и такъ называемому ихъ „всероссійству“.

Я думаю, что погромъ 1874 г. не разбилъ, да и не могъ разбить соціалистическаго движенія въ Россіи; не могъ потому, что оно представляло и представляетъ изъ себя чисто массовый характеръ, а не видъ организаціи или организацій извѣстнаго числа лицъ (какъ каракозовцы и нечаевцы). Правда, этотъ погромъ сузилъ размѣры движенія, и нельзя не согласиться, что въ этомъ дѣйствіи его играла значительную роль вѣра въ близость революціи; но въ то же время онъ имѣлъ, такъ сказать, фильтрующее значеніе. Элементы, увлеченные перспективой близкой революціи, отошли въ сторону, и въ движеніи остались люди съ большею стойкостью чувства и мысли. Отсюда движеніе послѣдующихъ годовъ оказалось гораздо болѣе серьезнымъ, хоть количественно, быть можетъ, и болѣе ограниченнымъ по сравненію съ 1874 годомъ. Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ, можетъ статься, и виновато пренебреженіе къ наукѣ и школѣ, но ужъ никакъ не „всероссійство“. Не „всероссійство“ потому, что этотъ грѣхъ едвали былъ присущъ русскимъ соціалистамъ 1874 г. въ такой степени, какъ полагаетъ г. Драгомановъ. Разумѣется, бывали не рѣдкіе случаи, когда великороссъ велъ пропаганду въ Украйнѣ, грузинъ — въ Великороссіи и т. д.; однако же украинцы всегда собственно тяготѣли къ Малороссіи (кружокъ Ж—выхъ), бѣлоруссы — къ своему краю (кружокъ П—ка), молдаване — къ Бессарабіи (кружокъ кишиневскій) и даже донцы — къ

своимъ козакамъ (кружокъ В—па). Значеніе національныхъ особенностей въ практическихъ способахъ дѣйствій въ той или другой степени всегда принималось во вниманіе. „Всероссійство“ сказалось развѣ только въ томъ, что кружки формулировались не строго по національностямъ; да иначе и быть не могло. Университетская скамья соединяла, дружила людей по ихъ убѣжденіямъ, независимо отъ ихъ народностей, и въ этомъ едвали можно видѣть больше зла, чѣмъ пользы. Обстоятельство, что великорусскія изданія народной литературы распространялись и на Украйнѣ, и въ Бѣлоруссіи, между тѣмъ, какъ на языкахъ этихъ послѣднихъ странъ ничего не печаталось, это обстоятельство опять-таки не вытекаетъ изъ того представленія будто Россія вездѣ одинакова и должна быть одинаковой. Дѣло въ томъ, что южно-русскіе соціалисты всегда придавали несравненно большее значеніе устной пропагандѣ, чѣмъ книжной. Взглядъ этотъ, главнымъ образомъ, обусловливался безграмотностью сельскаго народа. Въ Россіи вообще фабричное и заводское населеніе значительно грамотнѣе сельскаго, а оно-то на украинскихъ фабрикахъ и заводахъ по преимуществу пришлое, великорусское или уже обрусѣлое. Поэтому неудивительно, что великорусскія книжки распространялись и въ Малороссіи; не удивительно и то, что соціалисты великороссы вели и здѣсь свою пропаганду.

Указавъ на игнорированіе науки и школы и такъ называемое „всероссійство“, какъ на важные недостатки русскаго соціалистическаго движенія, г. Драгомановъ не видитъ въ русскихъ соціалистахъ и достаточной смѣлости, чтобы „стать твердо съ своимъ знаменемъ“. Мы, говоритъ онъ, умѣемъ носить красное знамя только въ карманахъ,[1] а если и найдутся между нами такіе храбрецы, чтобы вынести это знамя на площадь, то при одномъ появленіи полиціи они обращаются въ бѣгство, „бросая на площади только тѣхъ, кто не можетъ сказать ничего, кромѣ „знать не знаю“. Достоинство, какъ товарища русскихъ соціалистовъ, заключенныхъ въ стѣнахъ централки и осужденныхъ на муки каторжныхъ работъ, не позволяетъ мнѣ защищать ихъ отъ обвиненія въ трусости. Къ тому же участь, на которую они себя обрекли, говоритъ за нихъ самымъ краснорѣчивымъ образомъ. Быть можетъ г. Драгомановъ замѣтитъ, что „нѣкоторые“ (де хто) сами сознавались ему, какъ неожиданны были для нихъ столь суровыя послѣдствія ихъ дѣйствій; но эти наивные „нѣкоторые“ — еще не всѣ;[2] обобщеніе такого рода будетъ болѣе, чѣмъ ошибочно. Я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ относительно намековъ г. Драгоманова, касающихся, кажется, казанской демонстраціи, только въ интересахъ самой истины. Я не допускаю, чтобы издатель „Громады“ умышленно бросалъ неблаговидную тѣнь на людей, съ именами которыхъ связана исторія на Казанской площади; но въ такомъ случаѣ онъ берется говорить о дѣлѣ, котораго совершенно не знаетъ.

Дѣло въ томъ, что демонстрація эта устраивалась задолго до 6-го декабря. Иниціаторы ея старались поставить дѣло какъ можно шире. Два раза назначался день для сбора публики, и оба раза сроки эти по различнымъ обстоятельствамъ отмѣнялись. Тѣ, которые не успѣвали узнать объ этомъ, приходили и, не заставая почти никого на мѣстѣ, уходили обратно. Наконецъ, рѣшено было демонстрировать 6-го декабря. Публики явилось мало. Многіе не пришли, не надѣясь, чтобы демонстрація послѣ двухъ уже отмѣнявшихся сроковъ состоялась и въ этотъ разъ. Иниціаторы объявили, что при столь ограниченномъ количествѣ участниковъ, при которомъ дѣло не возымѣетъ должнаго значенія, считаютъ неудобнымъ демонстрировать: они стали расходиться въ полной увѣренности, что публика послѣдуетъ ихъ же примѣру. Между тѣмъ, вышло иначе: люди, неготовившіеся прежде стать во главѣ предпріятія, рѣшились взять его иниціативу на себя. Такимъ образомъ демонстрація состоялась.

Справедливо ли укорять послѣ этого людей въ умышленномъ (а слова Драгоманова имѣютъ именно этотъ смыслъ) бросаніи на площади тѣхъ, кто, „кромѣ знать не знаю, ничего сказать не можетъ“? Я думаю, что никто изъ тѣхъ, кому нѣтъ интереса въ искаженіи истины и кто знаетъ дѣло, какъ я его только что разсказалъ, не выразится о немъ такимъ образомъ, какъ это сдѣлано на 415 стр. 2-го номера „Громады“. Но, повторяю, быть можетъ, г. Драгомановъ не зналъ настоящей исторіи дѣла; справедливѣе было бы тогда поудержаться отъ сужденій о немъ и объ участникахъ его, а не рисовать картину неблаговидными красками на выставку галицкой и малорусской молодежи. А хорошія отношенія ихъ къ русскимъ соціалистамъ, вполнѣ заслуженныя послѣдними, мнѣ кажется, такъ необходимы въ интересахъ международныхъ федеративно-соціалистическихъ началъ. Можно ли опять усматривать въ томъ, что демонстранты отслужили молебенъ св.

[1] А рѣчи Малиновскаго, Алексѣева, Мышкина и др., а завѣщаніе осужденныхъ по процессу 193-хъ — это тоже прятаніе знамени въ карманѣ?

[2] Вѣдь процессы Долгушина, Дьякова и Сѣрякова могли показать соціалистамъ 1874 г., чего имъ нужно ждать отъ правительства.

Николаю, примиреніе ихъ съ религіей, съ церковью? Если соціалисты избираютъ для демонстраціи церковь, то это въ виду только того, чтобы рѣчи ихъ слушались не самими же ими; если они хотятъ разсказать о безобразіяхъ правительства и такимъ людямъ, которымъ объ этомъ не приходится слышать, — можно ли въ такихъ намѣреніяхъ видѣть примиреніе съ религіей, съ церковью? Мнѣ кажется, не трудно было бы сообразить, въ видахъ какихъ цѣлей мѣстомъ дѣйствія избрана была церковь и, слѣдовательно, понять, что дѣло тутъ было совсѣмъ, даже и не въ „мов би то", религіозности демонстрировавшихъ соціалистовъ. Нельзя сказать, впрочемъ, чтобы г. Драгомановъ не признавалъ за русскими соціалистами никакихъ достоинствъ. Онъ готовъ, напр., признать за ними большую организованность и даже большую смѣлость сравнительно съ другими партіями въ Россіи (абсолютно не имѣющими ни того, ни другого, скажу отъ себя); но рядомъ съ этимъ подобное отношеніе, примѣръ котораго я только что привелъ, отношеніе какого-то недружелюбнаго пристрастія къ нимъ, вездѣ почти проглядываетъ въ „Громадѣ". Я вовсе не желаю, чтобы русскимъ соціалистамъ пѣли только хвалебные гимны или восхищались ихъ подвигами; — напротивъ: они, быть можетъ, болѣе, чѣмъ другіе нуждаются въ указаніяхъ промаховъ и ошибокъ въ своей дѣятельности. Желательно только справедливое къ нимъ отношеніе, и, я думаю, всякій съ признательностью выслушаетъ доброжелательный голосъ критики его дѣйствій, какъ бы строга она ни была. Доброжелательная критика можетъ исходить лишь отъ человѣка, любящаго тѣ цѣли, тѣ стремленія, которыя мы преслѣдуемъ, какъ умѣемъ; и если г. Драгоманову онѣ дороги такъ же, какъ и русскимъ соціалистамъ, пусть онъ не щадитъ ничего, что есть у нихъ дурного, но пусть также отдаетъ имъ полную справедливость и за тѣ хорошія стороны, которыя въ нихъ есть. Мы желали бы этого единственно съ тою цѣлью, чтобы украинцы имѣли возможность создать вѣрное о насъ представленіе и тѣмъ опредѣлить свои отношенія къ намъ, какъ къ людямъ и какъ къ собратамъ по стремленіямъ.

Все, что я до сихъ поръ говорилъ по поводу „Громады" и г. Драгоманова, ничуть не выражаетъ нетерпимости къ мнѣніямъ, не согласнымъ съ моими. Я указывалъ только на фактическія невѣрности и на тотъ тонъ, который характеризуетъ отношеніе г. Драгоманова къ русскимъ соціалистамъ. Что же касается его, такъ сказать, философско-историческихъ взглядовъ, то они относятся къ области личныхъ мнѣній, и мы можемъ только соглашаться или не соглашаться съ ними. Такъ, напр., г. Драгомановъ думаетъ, что русское соціалистическое движеніе шло не надлежащей дорогой, когда, объявляя войну экономическимъ порядкамъ, забывало порядки правительственные и ихъ „шчоденні пакості". Но въ концѣ концовъ „сила мысли и сила жизни" заставитъ насъ стать на путь политической борьбы и, слѣдовательно, нужно полагать, заставитъ насъ жертвовать собою ради конституціонныхъ или республиканскихъ цѣлей. И теперь уже онъ видитъ много признаковъ того, что наше соціалистическое движеніе переходитъ на настоящую свою дорогу. Но русскіе соціалисты или не знаютъ сами, чего хотятъ, — а хотѣть имъ надо конституціи, — или же не хватаетъ у нихъ смѣлости откровенно сознаться въ этомъ. Г. Драгомановъ предлагаетъ примириться лучше съ „силою мысли и жизни" и открыто признать въ настоящее время своимъ лозунгомъ политическую свободу. Тутъ ужъ намъ остается только: или принять, или отвергнуть предложеніе г. Драгоманова. При этомъ мы будемъ разсуждать такъ: мы не должны ни въ какомъ случаѣ выпускать изъ своихъ рукъ соціалистическаго знамени, иначе — мы не соціалисты. Весьма вѣроятно, что дѣятельность наша, какъ соціалистовъ, ближайшимъ послѣдствіемъ своимъ будетъ имѣть перемѣну политическихъ формъ; но это будутъ, такъ сказать, ея побочныя послѣдствія; въ цѣли своихъ стремленій мы ихъ включать не станемъ, и если они неизбѣжны помимо нашихъ намѣреній, то намъ остается только пользоваться ими въ видахъ своихъ завѣтныхъ цѣлей. Разсуждая такимъ образомъ, мы отвергаемъ предложеніе г. Драгоманова. Но, вѣдь, соціальная революція — „то справа затяжна", убѣждаетъ насъ г. Драгомановъ: осуществленіе ея требуетъ прежде всего организаціи въ народѣ. Все это совершенно справедливо, отвѣчаемъ мы: потому-то работа въ пользу такихъ организацій и будетъ нашей неизмѣнной обязанностью. „Напрасно упорствуете, продолжаетъ . . . . . г. Драгомановъ, между вашими же соціалистами непремѣнно должны появиться цѣлыя группы, которыя поставятъ себѣ ближайшей цѣлью добиться хоть такой конституціи, какая есть въ Европѣ."[1] Мы готовы вѣрить, что явятся и такіе соціалисты, готовы тѣмъ болѣе, что они уже существуютъ, однако же такихъ соціалистовъ мы признать своими единомышленниками не можемъ.

Яковъ Стефановичъ.

Лондонъ, 25 ноября 1878 г.

---

[1] Листокъ Громады.

Письмо В. Г. Бѣлинскаго къ Н. В. Гоголю.

(Первоначально напечатано какъ предисловіе къ письму Бѣлинскаго къ Гоголю, преизданному редакціей украинскаго сборника „Громада“, Женева 1880.)

Письмо Бѣлинскаго къ Гоголю представляетъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ документовъ русской литературы. Ничто такъ не характеризуетъ основателя критики и публицистики въ Россіи, какъ эти строки, писанныя вдали отъ цензуры и полиціи императорской. И несмотря на то, что со времени написанія его прошло болѣе тридцати лѣтъ, несмотря на то, что Бѣлинскій дождался общаго культа, чуть не оффиціально-признаннаго, письмо его къ Гоголю до сихъ поръ не напечатано въ цѣломъ видѣ въ Россіи, и до сихъ поръ единственная книга, гдѣ можно прочесть его цѣликомъ, есть I томъ „Полярной Звѣзды“ Герцена. Уже это одно обстоятельство прекрасно характеризуетъ степень свободы печати въ „послѣреформенной Россіи“.

Для насъ, впрочемъ, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ читатель, пробѣжавъ письмо дѣятеля „сороковыхъ годовъ“, увидитъ, что требованія его для своего времени до сихъ поръ еще не удовлетворены, а его опасенія говорить откровенно даже въ частномъ письмѣ въ Россіи, остались во всей своей силѣ у русскихъ „вѣрноподданныхъ“ и нашей эпохи, если еще не усилились въ послѣдніе годы правленія „царя-освободителя“. Вотъ почему этотъ голосъ знаменитаго критика имѣетъ значеніе и теперь не только какъ замѣчательный литературный памятникъ, но отчасти и какъ программа.

Въ послѣднее время нѣкоторыя обстоятельства при-

дали особенное значеніе письму Бѣлинскаго, именно какъ „дѣятеля 40-хъ годовъ“. Всѣмъ, кто слѣдитъ за журналами и газетами, выходящими въ Россіи, бросилось, конечно, въ глаза, какъ часто въ нихъ толкуется вкривь и вкось о „дѣятеляхъ и идеалахъ сороковыхъ годовъ“. Періодически, то прогрессисты, то ретрограды говорятъ о 40-хъ годахъ въ укоръ настоящему, и такъ какъ разговоры эти происходятъ на языкѣ „эзопскомъ“, то они только даютъ поводъ двуголовымъ людямъ съ одинаковымъ безстыдствомъ и укорять „современный прогрессъ“ во имя идеаловъ сороковыхъ годовъ, и восхвалять современную продажу „распивочно и на выносъ“, которой (къ стыду своему, конечно!) гнушались „бѣлоручки сороковыхъ годовъ“.

Недавнія овваціи одному изъ крупнѣйшихъ дѣятелей, переданныхъ намъ 40-ыми годами, И. С. Тургеневу, его рѣчи и письма, между прочимъ, и послѣднее письмо его къ М. М. Стасюлевичу, въ свою очередь напомнили обществу о сороковыхъ годахъ и ихъ идеалахъ, но тоже вслѣдствіе того же эзопскаго языка, мало способствовали уясненію вопроса о томъ, что же поучительнаго мы, „дѣти“, можемъ извлечь изъ уроковъ „отцовъ“, людей 40-хъ годовъ? Мало того, рѣчи и письма самого Тургенева подкладывали подъ басню о 40-хъ годахъ нравоученія, которыя изъ нея никакъ бы не вышли, если бы басня эта не разсказывалась очень уже темнымъ языкомъ. А, между тѣмъ, Тургеневъ счелъ возможнымъ сказать даже, что молодежь въ концѣ 70-хъ гг. „пошла на встрѣчу ему“, — представителю 40-хъ гг., а не онъ на встрѣчу молодежи.

Какъ произвольно подкладывается Тургеневымъ нравоученіе подъ басню о сороковыхъ годахъ, можно видѣть и изъ слѣдующихъ строкъ его послѣдняго письма къ редактору „Вѣстника Европы“.

„Въ глазахъ нашей молодежи я всегда былъ и до сихъ поръ остался „постепеновцемъ“, либераломъ стараго покроя, въ англійскомъ династическомъ смыслѣ, человѣкомъ, ожидающимъ реформъ только свыше, принципіальнымъ противникомъ революцій, не говоря уже о безобразіяхъ послѣдняго времени.“

Мы оставимъ въ сторонѣ неясность послѣднихъ словъ, изъ которыхъ не видно, о какихъ собственно „безобразіяхъ“ говоритъ знаменитый романистъ, — о Треповскихъ, III-е отдѣленскихъ и генералъ-губернаторскихъ, или о другихъ. Мы вправѣ оставить въ сторонѣ и личность самого Тургенева, тѣмъ болѣе, что въ своихъ извѣстныхъ рѣчахъ, къ которымъ тѣсно примыкаетъ вышеупомянутое письмо, онъ говоритъ о себѣ, не какъ объ индивидуумѣ, а какъ о части цѣлаго, коллективнаго тѣла, „либерала 40-хъ годовъ“. И вотъ мы должны сказать, что съ этой коллективною личностью Тургеневъ обошелся совершенно произвольно.

Въ настоящее время намъ настолько извѣстна интимная жизнь не только Бакунина, Герцена, но и Бѣлинскаго, Грановскаго и др., что мы рѣшительно не понимаемъ, какъ можно назвать „либераловъ стараго покроя“, „принципіальными противниками революцій, ожидающими реформъ только сверху“. Довольно прочесть хоть бы въ той же книгѣ „Вѣстника Европы“, гдѣ напечатано письмо Тургенева (1880 г., № 2), статью г. Анненкова „Замѣчательное десятилѣтіе“, чтобъ убѣдиться, что люди 40-хъ гг., напримѣръ, Бѣлинскій, вдохновлялись не только „династическимъ“ либерализмомъ Англіи, но и революціонною Франціей и даже современнымъ имъ французскимъ соціализмомъ. Да и относительно Англіи люди 40-хъ годовъ, даже и тѣ, которые не были профессорами исторіи, какъ, напримѣръ, Грановскій, знали прекрасно, что въ этой странѣ „династическій либерализмъ“ только тогда сталъ возможенъ, когда появились съ Вильгельмомъ III „либеральныя династіи“. А противъ династіи нелиберальной и англичане дѣлали двѣ революціи, при чемъ одну династическую голову даже отрубили на эшафотѣ. И хотя за этотъ поступокъ англичанъ съ головою „государя ихъ Каролуса“ московскій царь и лишилъ ихъ торговыхъ льготъ въ отечествѣ Тургенева, но человѣкъ, которому, конечно, нашъ беллетристъ не откажетъ въ уваженіи, ни какъ художнику, ни какъ личности, — Мильтонъ, трижды брался за перо, чтобъ доказать „всѣмъ европейскимъ

народамъ" правоту поведенія англійскаго народа (напримѣръ, Defensio pro populo Anglicano и др.).

Все это Тургеневъ, какъ и другіе люди 40-хъ гг. знаетъ, и если онъ самъ теперь почему-нибудь забылъ это, то другіе очень хорошо помнили, особенно въ 40-ые и 50-ые годы, и вовсе не ждали реформъ только сверху, особенно, когда видѣли, что ждать-то ихъ нѣтъ никакого основанія. Грановскій, напримѣръ, когда ему пришлось переживать послѣдніе годы жизни Николая I, которые во многомъ были легкими въ сравненіи съ послѣдними годами Александра II, и когда онъ не видѣлъ около себя никакихъ проявленій ни революціонныхъ, оппозиціонныхъ, ни „образныхъ", ни „безобразныхъ", то писалъ Герцену: „благо Бѣлинскому, умершему во время", т. е. ждалъ смерти, а вовсе „не реформъ сверху". Другіе, какъ Бакунинъ и Герценъ, или лучше поставленные матеріально, или болѣе энергическіе, не захотѣли ни умирать, ни задыхаться въ ожиданіи реформъ сверху, а кинулись въ революцію заграницей и свободнымъ, революціоннымъ словомъ приготовили даже и тѣ реформочки, которыя получила Россія сверху въ первые годы царствованія Александра II. Конечно, если чему-нибудь можетъ молодое поколѣніе поучиться у людей 40-хъ годовъ, какъ приглашаетъ Тургеневъ въ своей московской рѣчи, такъ это именно тѣмъ идеямъ, какія мы видимъ у всѣхъ крупныхъ представителей кружковъ Бѣлинскаго и Герцена и той борьбѣ за эти идеи, которую видимъ хоть у нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Идеи эти не совсѣмъ подходятъ къ нашему времени, которое не могло же не уйти впередъ, но точки соприкосновенія между передовыми стремленіями двухъ эпохъ все-таки есть. Люди 40-хъ годовъ установили въ царской Россіи культъ „человѣческаго достоинства", а это достоинство требовало не только одного „освобожденія крестьянъ", о которомъ одномъ гласно только и говорятъ теперь многіе, въ томъ числѣ и Тургеневъ, но свободы всѣхъ, политической свободы: неприкосновенности лица, свободы слова, совѣсти, національности. Свобода эта

не мыслима безъ самоуправленія: общиннаго, мѣстнаго и союзнаго. Наблюденіе надъ жизнью народовъ, которые уже осуществили нѣкоторыя части идеала свободнаго общества, показываетъ, что сохраненіе человѣческаго достоинства невозможно при одной только внѣшней политической свободѣ, а требуетъ экономической обезпеченности, которая достигается только при организаціи коллективнаго труда надъ коллективною собственностью. Тутъ заключается связь между либерализмомъ и соціализмомъ и переходъ отъ одного къ другому.

Эту связь понимали очень многіе люди „40-хъ годовъ“, и переходъ отъ либерализма къ соціализму можно теперь наглядно наблюдать, между прочимъ, и на исторіи внутренней жизни Бѣлинскаго, конечно, одного изъ самыхъ характерныхъ людей 40-хъ годовъ. И въ возможности наблюденія у Бѣлинскаго этого развитія либерализма и перехода его въ соціализмъ и заключается одна изъ самыхъ интересныхъ сторонъ біографіи этого человѣка, интересная для молодыхъ поколѣній, какъ и для старыхъ, впрочемъ.

Другая поучительная особенность личности Бѣлинскаго заключается, конечно, въ его страстной потребности высказать свободно всю свою мысль. Политическія условія не давали ему на то возможности, но за то же онъ и не старался примазать вапною гробъ, который его душилъ, какъ это дѣлаютъ и теперь многіе изъ его товарищей и поклонниковъ, а ненавидѣлъ его всею душою и при всякой возможности выливалъ эту ненависть хоть въ частныхъ разговорахъ и письмахъ. Письмо къ Гоголю представляетъ самый рѣзкій примѣръ такого разговора — и оно тотчасъ по своемъ написаніи получило публичное значеніе. Теперь, конечно, рукописная публицистика отжила свой вѣкъ, „либераламъ стараго покроя“, „либераламъ 40-хъ гг.“ слѣдуетъ, если они хотятъ чему-нибудь научить младшія поколѣнія, высказывать свои политическія и соціальныя мысли съ искренностью Бѣлинскаго, — въ печати заграничной, если уже не въ подпольной. Цензура же и искренность не живутъ вмѣстѣ! Пусть напомнитъ это Рос-

сіи еще разъ предлагаемое нами письмо одного изъ славнѣйшихъ именъ ея!

Мы очень извиняемся передъ читателями за нашу неуклюжую прозу, которую мы подносимъ имъ передъ блестящими страницами Бѣлинского. Но мы не можемъ обойтись еще безъ одной оговорки: о томъ, что заставляетъ насъ, редакцію „Громады", издавать письмо Бѣлинскаго?

Главная цѣль украинскаго сборника „Громады" (La Commune) — приложеніе идей европейскаго федеральнаго соціализма къ Украйнѣ, или Малороссіи, раздѣленной между Россіей, Польшей (Галиція) и Австро-Венгріей (Буковина и Угорская Русь). Въ письмѣ же Бѣлинскаго соціалистическая идея почти не затронута, и все оно, какъ и вся дѣятельность Бѣлинскаго, касается только Россіи. Вдобавокъ авторитетъ Бѣлинскаго призывается только противъ такъ называемыхъ „украйнофильскихъ стремленій", въ томъ числѣ и даже противъ стремленія украинцевъ имѣть свою литературу. Мы считаемъ необходимымъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобъ объяснить отношенія къ Украйнѣ Бѣлинскаго въ частности и подобныхъ ему великороссовъ вообще, а также и украинцевъ къ великорусскимъ дѣятелямъ, вродѣ Бѣлинскаго.

Бѣлинскій не признавалъ украинскаго литературнаго движенія, — но потому ли, что не видѣлъ въ Украйнѣ ничего оригинальнаго, а тѣмъ болѣе симпатичнаго? Совсѣмъ напротивъ.

„Малороссія — страна поэтическая и оригинальная въ высшей степени, — писалъ Бѣлинскій въ 1840 г. — Малороссіяне одарены неподражаемымъ юморомъ: въ жизни ихъ простого народа такъ много человѣческаго и благороднаго. Тутъ имѣютъ мѣсто всѣ чувства, которыми высока натура человѣческая" ... (Соч. Бѣл., т. V, стр. 303.)

Въѣхавши въ Украйну въ 1846 году онъ писалъ:

„Верстъ за 30 до Харькова я увидѣлъ Малороссію, хотя еще перемѣшанную съ грязнымъ москальствомъ. Избы хохловъ похожи на домики фермеровъ — чистота и красивость неописанныя... Другія лица, смотрятъ иначе. Дѣти очень милы, тогда какъ на русскихъ и смотрѣть нельзя — хуже и гаже свиней" ... (А. Пыпинъ, В. Гр. Бѣл., 260.)

Разбирая „Слово о Полку Игореви“, особенно положеніе въ немъ женщины, Бѣлинскій говоритъ:

„Все это, повторяемъ, отзывается южною Русью, гдѣ и теперь еще такъ много человѣческаго и благороднаго въ семейномъ быту, гдѣ отношеніе половъ основано на любви, а женщины пользуются правами своего пола; все это противоположно сѣверной Руси, гдѣ семейныя отношенія грубы, женщина — родъ домашней скотины, а любовь совершенно постороннее дѣло при бракахъ: сравните бытъ малороссійскихъ мужиковъ съ бытомъ мужиковъ русскихъ, мѣщанъ, купцовъ и отчасти и другихъ сословій, и вы убѣдитесь въ справедливости нашего заключенія о южномъ происхожденіи „Слова о Полку Игореви“. (Соч. Бѣл., т. V, 89).

Разбирая историческую поэзію великорусскую и оставшись ею недоволенъ со стороны историческаго сознанія, Бѣлинскій восклицаетъ:

„Не такова историческая поэзія Малороссіи... Малороссія была органически-политическимъ тѣломъ, гдѣ всякая отдѣльная личность сознавала себя, жила и дышала въ своей общественной стихіи и потому знала хорошо дѣла своей родины, столь близкія къ ея сердцу и душѣ. Народная поэзія Малороссіи была вѣрнымъ зеркаломъ ея исторической жизни. И какъ много поэзіи въ этой поэзіи!“ (Соч. Бѣл., V, 236.)

Признавая въ Украйнѣ симпатическую оригинальность содержанія, Бѣлинскій признаетъ и оригинальность формы украинской, — языка:

„Малороссійскій языкъ, говоритъ онъ, дѣйствительно существовалъ во времена самостоятельности Малороссіи и существуетъ теперь — въ памятникахъ народной поэзіи тѣхъ славныхъ временъ“. (Соч. Бѣл. V, 303).

И при всемъ томъ Бѣлинскій относится отрицательно къ попыткамъ оригинальной украинской дѣятельности, даже литературной. Вотъ рядъ его мыслей противъ такой дѣятельности:

„Исторія Малороссіи, говоритъ Бѣлинскій, не принадлежитъ къ исторіи всемірно-человѣческой; кругъ ея тѣсенъ, политическое и государственное значеніе ея — то же, что въ искусствѣ гротескъ“. (Сочин. V, 236).

У малороссіянъ нѣтъ и не было своей литературы. „Народная поэзія еще не составляетъ литературы.“ (Сочин. V, 303.)

„Что касается малороссіянъ, то смѣшно и думать, чтобъ изъ ихъ, впрочемъ прекрасной, народной поэзіи могло теперь что-нибудь развиться: изъ нея не только ничего не можетъ развиться, но и сама она остановилась еще со временъ Петра Великаго; двинуть ее возможно тогда только, когда лучшая, благороднѣйшая часть малороссійскаго народа оставитъ французскую

кадриль и снова примется плясать трепака и гопака, фракъ и сюртукъ перемѣнитъ на жупанъ и свитку, выбрѣетъ голову, отпуститъ оселедецъ, словомъ изъ состоянія цивилизаціи, образованности и человѣчности (пріобрѣтеніемъ которыхъ Малороссія обязана соединенію съ Россіей) снова обратится къ прежнему варварству и невѣжеству. Литературнымъ языкомъ малороссіянъ долженъ быть языкъ ихъ образованнаго общества — языкъ русскій. Если въ Малороссіи и можетъ явиться великій поэтъ, то не иначе, какъ подъ условіемъ, чтобъ онъ былъ русскимъ поэтомъ, сыномъ Россіи, горячо принимающимъ къ сердцу ея интересы, страдающимъ ея страданіями, радующимся ея радостью. Племя можетъ имѣть только народныя пѣсни, но не можетъ имѣть поэтовъ, а тѣмъ менѣе великихъ поэтовъ: великіе поэты являются только у великихъ націй, что за нація безъ великаго и самобытнаго политическаго значенія?“ (Сочин. V, 64—65.)[1]

„Не должно забывать, что Малороссія начала выходить изъ своего непосредственнаго состоянія вмѣстѣ съ Великороссіею, со временъ Петра Великаго, что до тѣхъ поръ какой нибудь вельможный гетманъ отличался отъ простого козака не идеями, не образованіемъ, но старостью, опытностью, а иногда только богатымъ платьемъ, большими хоромами и обильною трапезою. Языкъ былъ общій, потому что идеи послѣдняго козака были въ уровень съ идеями пышнаго гетмана. Но съ Петра Великаго, началось раздѣленіе сословій. Дворянство, по ходу исторической необходимости, приняло русскій языкъ и русско-европейскіе обычаи въ образѣ жизни. Языкъ самаго народа началъ портиться, и теперь чистый малороссійскій языкъ находится преимущественно въ однѣхъ книгахъ. Слѣдовательно, мы имѣемъ полное право сказать, что теперь уже нѣтъ малороссійскаго языка, а есть областное малороссійское нарѣчіе, какъ есть бѣлорусское, сибирское и другія, подобныя имъ областныя нарѣчія.

„Теперь очень легко рѣшается и второй вопросъ: должно ли и можно ли писать по-малороссійски? Обыкновенно пишутъ для публики, а подъ „публикою“ разумѣется классъ общества, для котораго чтеніе есть родъ постояннаго занятія, есть нѣкотораго рода необходимость. Поэтому, въ составъ публики можетъ войти и гостиннодворскій сидѣлецъ, даже съ бородкою, и — если хотите — деревенскій мужичекъ; но всетаки это будетъ исключеніемъ: собственно публика состоитъ изъ высшихъ, образованнѣйшихъ слоевъ общества. Поэзія есть идеализированіе дѣйствительной жизни: чью же жизнь будутъ идеализировать наши малороссійскіе поэты? — Высшаго общества Малороссіи? Но жизнь этого общества переросла малороссійскій языкъ, оставшійся въ устахъ одного простого народа, и это общество выражаетъ свои чувства и понятія не на малороссійскомъ, а на

[1] Въ объясненіе этихъ словъ слѣдуетъ напомнить слѣдующее обращеніе Бѣлинскаго къ болгарину Априлову: „Турки — народъ, образующій собою государство, а болгаре — только племя, не образующее собою никакого политическаго общества, и въ этомъ то и заключается причина турецкаго господства надъ вами, какъ историческаго права, которое есть сила.“ (Сочин. VI, 452.)

русскомъ и даже французскомъ языкахъ. И какая разница, въ этомъ случаѣ, между нарѣчіемъ малороссійскимъ и русскимъ языкомъ! Русскій романистъ можетъ вывести въ своемъ романѣ людей всѣхъ сословій и каждаго заставить говорить своимъ языкомъ: образованнаго человѣка языкомъ образованныхъ людей, купца по купечески, солдата по солдатски, мужика по мужицки. А малороссійское нарѣчіе одно и тоже для всѣхъ сословій — крестьянское. Поэтому, наши малороссійскіе литераторы и поэты пишутъ повѣсти всегда изъ простого быта и знакомятъ насъ только съ Марусями, Одарками, Прокипами, Кандзюбами, Стецьками и тому подобными особами. Гдѣ жизнь, тамъ и поэзія: слѣдовательно и въ простомъ быту есть поэзія? Правда; но для этой поэзіи нужны слишкомъ огромные таланты. Мужицкая жизнь сама по себѣ мало интересна для образованнаго человѣка: слѣдственно, нужно много таланта, чтобы идеализировать ее до поэзіи. Это дѣло какого нибудь Гоголя, который въ малороссійскомъ бытѣ умѣлъ найти общее и человѣческое, въ простомъ быту умѣлъ подстеречь и уловить играніе солнечнаго луча поэзіи; въ ограниченномъ кругу умѣлъ подсмотрѣть разнообразіе страстей, положеній, характеровъ. Но это потому, что для творческаго таланта Гоголя существуютъ не одни парубки и дивчата, не одни Аѳанасіи Ивановичи съ Пульхеріями Ивановнами, но и Тарасъ Бульба съ своими могучими сынами; не одни малороссы, но и русскіе, и не одни русскіе, но человѣкъ и человѣчество. Геній есть полный властелинъ жизни и беретъ съ нея полную дань, когда бы и гдѣ бы ни захотѣлъ. Какая глубокая мысль въ томъ фактѣ, что Гоголь, страстно любя Малороссію, всетаки сталъ писать по-русски, а не по-малороссійски!“

„Гоголь не всѣмъ можетъ быть примѣромъ. Тѣмъ не менѣе жалко видѣть, когда и маленкое дарованіе попусту тратитъ свои силы, пиша по-малороссійски — для малороссійскихъ крестьянъ.... Хороша литература, которая только и дышетъ, что простоватостью крестьянскаго языка и дубоватостью крестьянскаго ума!“ (Соч. Бѣл. V, 303—306.)

Въ выписанныхъ словахъ заключаются почти всѣ возраженія, которыя и до сихъ поръ дѣлаются противъ украинскихъ стремленій, даже литературныхъ. Вдумавшись въ одни подчеркнутыя нами слова, не трудно увидѣть ихъ основы: на первомъ планѣ — узкую государственность мѣстнаго московско-петербургскаго происхожденія въ берлинской, гегеліанской формѣ. По этому взгляду не только внѣ государства нѣтъ народа, но только государство создаетъ какую нибудь интеллектуальную жизнь. Отсюда, между прочимъ, и культъ Петра Великаго, который такъ силенъ у Бѣлинскаго. Во вторыхъ въ словахъ

Бѣлинскаго видимъ пренебреженіе къ массамъ дѣйствительнаго народа, къ мужикамъ. При такомъ узко государственномъ и аристократическомъ взглядѣ, понятно, что разъ у украинцевъ нѣтъ ни государства, ни аристократіи, они не должны имѣть литературы. Впрочемъ изъ этихъ взглядовъ можно было бы вывести и другое: а именно, что „оригинальные“ украинцы должны были бы стремиться къ тому, чтобъ образовать свое государство и свою аристократію. Но этого вывода логика не подсказала писателю-великороссу, а когда нѣкоторые украинцы стали, въ виду аргументовъ, въ родѣ приведенныхъ изъ Бѣлинскаго, приходить къ мысли если не о своемъ государствѣ и аристократіи, то хотя объ автономіи, тогда исходная точка возраженій перемѣнилась, и ихъ стали побивать съ точки зрѣнія „широты интересовъ“ и демократіи, которой-де никакая автономія не интересна.

Въ словахъ Бѣлинскаго замѣчается еще и третья основная черта возраженій противъ украинскихъ стремленій: это незнаніе старой и новой жизни украинскаго народа. Такъ мысль, что только Петръ Великій вывелъ Россію изъ непосредственности и варварства не совсѣмъ вѣрна и относительно Московіи, но уже совершенно невѣрна относительно Украйны, которая сама дала дѣятелей для реформы въ Московіи.

На сколько широки были зачатки культурной жизни въ Украйнѣ XVI—XVII вв., на сколько она непосредственно соприкасалась съ Европою, это теперь и обыкновенный читатель можетъ увидѣть, напр., изъ главы о малорусской литературѣ въ новомъ изданіи „Исторіи Слав. Литературъ“ гг. Пыпина и Спасовича. Оттуда же можно убѣдиться и въ невѣрности мысли о томъ, что на Украйнѣ не было никакой литературы, кромѣ народныхъ пѣсенъ. И если въ Украйнѣ XVI—XVII было больше единства въ языкѣ между высшими и низшими классами, то не столько потому, чтобъ въ ней было одно общее варварство, сколько потому, что тогда цивилизація и литература были ближе къ народу по своему языку. По многимъ признакамъ можно утверждать, что „мужики“ въ Украйнѣ XVII ст. были менѣе варварами, чѣмъ ко

времени Бѣлинскаго, послѣ того, какъ государство россійское оторвало отъ массы высшіе классы и помогло этимъ послѣднимъ закрѣпостить ее. А это обстоятельство даетъ нѣсколько иное значеніе тому дѣйствительному, но вовсе не разумному и всего менѣе вѣчному факту, что высшіе классы въ Украйнѣ отдѣлились отъ народа языкомъ. Наконецъ не слѣдуетъ забывать, что не вся Украйна помѣщается въ Россіи а что болѣе 3 500 000 украинцевъ живетъ въ Австріи. Впрочемъ во время Бѣлинскаго упускать это изъ виду было простительнѣе, чѣмъ теперь, когда въ Австріи, благодаря болѣе свободнымъ политическимъ формамъ, украинцы получили свои школы, нисшія, среднія и даже свои кафедры въ университетѣ, что сейчасъ же отразилось на поднятіи самосознанія и у „мужиковъ“.

Теперь многое изъ сейчасъ сказаннаго, чего не зналъ Бѣлинскій, уже болѣе извѣстно, но нельзя сказать, чтобъ оно вѣрно понималось, или даже твердо помнилось публикою и публицистами въ Россіи. Причина этого заключается главнымъ образомъ въ томъ, что у руководителей общественнаго мнѣнія въ Россіи нѣтъ не только знаній, но, еще хуже, вниманія ко всему, что выходитъ за предѣлы столичной и, многомного, великорусской жизни. Этотъ недостатокъ былъ силенъ и въ Бѣлинскомъ, и онъ то и былъ причиною, почему столь чуткій человѣкъ и столь горячій логикъ, даже ставши совершенно на либеральную и даже на соціалистическую почву воззрѣній, перемѣнивши взглядъ на литературу для мужиковъ и о мужикахъ въ Великороссіи, остался при старыхъ бюрократическихъ и аристократическихъ мнѣніяхъ объ украинской литературѣ и самымъ близорукимъ образомъ оцѣнилъ такое явленіе, какъ Шевченко и его кіевскій кружокъ.

Въ книгѣ г. Пыпина находимъ слѣдующую страницу (310):

„Парижскіе друзья, между прочимъ, желали имѣть свѣдѣнія о судьбѣ Шевченка, сосланнаго не задолго передъ тѣмъ. Одинъ изъ этихъ друзей, котораго Бѣлинскій называетъ „вѣрующимъ другомъ“, былъ очень расположенъ въ пользу Шевченка. Въ

линскій, по пріѣздѣ въ Петербургъ, „наводилъ справки“ и пришелъ къ самому неблагопріятному выводу: по справкамъ (которыя, какъ видно, не были совершенно точны) выходило, что Шевченко былъ авторомъ „пасквилей“ и за это былъ посланъ солдатомъ на Кавказъ. Такого рода люди, по мнѣнію Бѣлинскаго, — „враги всякаго успѣха“, потому что своими поступками „раздражаютъ правительство, дѣлаютъ его подозрительнымъ, готовымъ видѣть бунтъ тамъ, гдѣ ровно ничего нѣтъ, и вызываютъ мѣры крутыя и гибельныя для литературы и просвѣщенія“. — Сколько мы знаемъ, дѣло было не совсѣмъ такъ, какъ разсказываетъ Бѣлинскій, но онъ тогда не имѣлъ другого толкованія этого факта, и самымъ рѣзкимъ образомъ возстаетъ противъ Шевченка. Кромѣ того, опасеніе возбудить подозрительность и вызвать крутыя мѣры, видимо овладѣло Бѣлинскимъ подъ вліяніемъ ожиданій, что тогда предстояло разрѣшеніе крестьянскаго вопроса.... Въ доказательство своихъ опасеній Бѣлинскій приводитъ одну исторію изъ тогдашней цензурной практики. Не задолго передъ тѣмъ вышла одна книжка о малороссійской исторіи, въ которой, по словамъ Бѣлинскаго, была, между прочимъ, высказана мысль, что Малороссія, или должна оторгнуться отъ Россіи, или погибнуть. Книжка прошла благополучно; но впослѣдствіи на нее сдѣланъ былъ доносъ, и цензору (человѣку очень уважаемому) грозило преслѣдованіе, которое едва могло быть отклонено. Цензоръ уцѣлѣлъ, но вышелъ въ отставку, чтобъ уйти отъ фальшиваго положенія между требовательными цензурными властями и литературой, которой не хотѣлъ тѣснить мелочными придирками. Въ цензурѣ вообще начались строгости; Бѣлинскій характеризуетъ при этомъ тогдашняго начальника цензуры, Мусина-Пушкина. Между прочимъ вскорѣ за упомянутымъ случаемъ съ малорусской книжкой открылось гоненіе противъ французскихъ романовъ — запрещены были „Манонъ-Леско“ и романы Ж. Занда „Пиччинино“ и „Леонъ-Леони“. По словамъ Бѣлинскаго, цензура вообразила, что авторъ упомянутой книжки „набрался хохлацкаго патріотизма изъ французскихъ романовъ“.

Жаль, что г. Пыпинъ не напечаталъ подлинника письма Бѣлинскаго, — тогда бы яснѣе было видно, что Бѣлинскій не узналъ даже, за что обвиненъ былъ Шевченко и другіе „хохлы“ (Костомаровъ, Кулишъ, А. Маркевичъ и др.), такъ какъ, по словамъ Бѣлинскаго, вина Шевченка состояла въ гнусномъ пасквилѣ на императрицу, какъ на женщину. Не узналъ Бѣлинскій и о томъ, что это за книжка, которая возмутила цензоровъ: это была книга г. Кулиша „Повѣсть объ Украйнѣ“, — и въ ней не столько проводилась мысль объ отдѣленіи Малороссіи, сколько протестъ противъ закрѣпощенія въ ней крестьянъ. Какъ те-

перь извѣстно всѣмъ, этотъ протестъ въ болѣе рѣзкой формѣ составляетъ главное содержаніе поэмъ Шевченка, такъ возмутившихъ Николая I. Въ этомъ смыслѣ цензура была болѣе права, чѣмъ Бѣлинскій и даже біографъ его, когда усмотрѣла связь „хохлацкаго патріотизма“ съ „французскими романами“ ближайшей къ 1848 году эпохи, — и, конечно, не отнесись Бѣлинскій къ „хохламъ“, какъ къ чему-то чужому, которое только можетъ вредить „его“ родной литературѣ, раздражая его правительство, онъ, при своемъ тогдашнемъ политическомъ образѣ мыслей, не такъ бы отнесся къ Шевченку и его друзьямъ, которыхъ онъ называетъ въ письмѣ своемъ просто „хохлацкими свиньями, годными только на сало“.

Замѣчательно, что въ то время, когда представитель великороссійскихъ западниковъ обнаружилъ такое незнаніе и непониманіе перваго проявленія самостоятельной общественной мысли на Украйнѣ, вождь московскихъ славянофиловъ, Хомяковъ, писалъ по этому же поводу къ Самарину:

„Малороссіянъ повидимому заразила политическая дурь. Досадно и больно видѣть такую нелѣпость и отсталость. Когда общественный вопросъ только поднятъ и не только не разрѣшенъ, но даже и не близокъ къ разрѣшенію, люди, повидимому, умные хватаются за политику! Не знаю, до какой степени было преступно заблужденіе бѣдныхъ малороссіянъ, а знаю, что безтолковость ихъ очень ясна. Время политики миновало. Это Кирѣевскій напечаталъ тому ужъ два года.“ („Русск. Арх.“ 1879 г., XI, 327—328.)

Подъ словомъ „общественный вопросъ“; какъ видно изъ дальнѣйшаго письма Хомякова (тамъ же 331), должно разумѣть вопросъ крестьянскій, а „политика“ — это вопросъ о „сепаратизмѣ“. Между тѣмъ, въ „братствѣ“ безтолковыхъ Костомарова и Шевченка поставлены были на первый планъ именно общественные вопросы: освобожденіе крестьянъ и народное образованіе, а только для болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго намѣченъ былъ политическій вопросъ, но не о сепаратизмѣ украинской Гетманщины, какъ думаютъ многіе и до сихъ поръ, а о федераціи всѣхъ славянъ! (См. „Колоколъ“ 1860, № 61 „Украйна“, „Громада“ № II, 228—231, № IV, 122—125). И, какъ

нарочно, нечуждый мистицизма московскихъ славянофиловъ, г. Кулишъ писалъ своимъ кіевскимъ друзьямъ: „оставьте политику; самъ по себѣ (?!) настанетъ часъ, когда отъ Вашего слова упадутъ стѣны іерихонскія".

Эта черта: незнаніе того, что такое Украйна и ея интересы, чего и какъ хотятъ украинцы, и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣлость въ рѣшеніи украинскихъ вопросовъ и рѣшительность приговоровъ надъ „хохлацкими свиньями и ихъ безтолковіемъ", составляетъ характеристическую особенность всѣхъ почти великорусскихъ дѣятелей, даже самыхъ лучшихъ. Тотъ парижскій другъ, который интересовался Шевченкомъ, былъ, если не ошибаемся, Герценъ. Несомнѣнно, онъ обнаружилъ въ данномъ случаѣ больше чутья, чѣмъ его петербургскій другъ. Послѣ же въ „Колоколѣ" (61) онъ помѣстилъ вышеупомянутую статью „Украйна", очевидно писанную однимъ изъ главныхъ членовъ Костомаровско-Шевченсковскаго „братства", и назвалъ Шевченка „едва ли не единственнымъ народнымъ поэтомъ". Но, когда настало время вспомнить объ Украйнѣ при рѣшеніи важнаго жизненнаго вопроса, Герценъ забылъ о ней и даже о томъ, что было напечатано въ его же „Колоколѣ",[1] и безусловно присоединился къ манифесту польскихъ революціонеровъ 1863 г., которые заявили желаніе возстановить Польшу въ границахъ до перваго раздѣла 1773 г., т. е. совершить новый раздѣлъ Украйны![2] Если бы Герценъ зналъ и помнилъ хоть бы то, что писали Костомаровъ, Шевченко, Кулишъ, Антоновичъ, „Основа" и галицкіе журналы, онъ никогда бы не сдѣлалъ такого крупнаго промаха, вреднаго и для польской, и для великорусской свободы. Какъ дополненіе къ этому надо сказать, что если бы великороссійское общество знало то же самое, то оно никогда бы не позволило Каткову увѣрить себя, что все украинское движеніе есть дѣло интриги поляковъ!

Совершенно такой же промахъ незнанія и невниманія, какъ сдѣланный Герценомъ, обнаружилъ и

[1] Россія и Польша, „Колоколъ" 1859 г. 1 янв., 15 янв., 1 марта.
[2] „Колоколъ" 1862 г. 2 окт., 15 окт.

Чернышевскій, когда въ статьѣ „Національная безтактность“[1] укорялъ галичанъ-русиновъ, зачѣмъ они не идутъ за одно съ польскими политиками противъ австрійскаго правительства, между тѣмъ, какъ эти политики сами готовы идти съ кѣмъ угодно (въ томъ числѣ и съ австрійскимъ правительствомъ), только бы имъ было обезпечено господство надъ крестьянами и надъ русинами. Вообще во всѣхъ, какъ положительныхъ, такъ и отрицательныхъ разсужденіяхъ великоруссовъ о такъ называемомъ русско-польскомъ вопросѣ, отъ „Московскихъ Вѣдомостей“ до „Впередъ“,[2] исключая только позднѣйшихъ рѣчей Бакунина,[3] вы видите одну только великорусскую точку зрѣнія, съ забвеніемъ того, что какъ народъ великоруссы вовсе и не соприкасаются съ поляками, и что весь этотъ „русско-польскій“ вопросъ съ народной, а не государственной точки зрѣнія есть вопросъ поляковъ, съ одной стороны, и литвиновъ, бѣлоруссовъ и украинцевъ, съ другой стороны, и что поэтому онъ рѣшится только тогда, когда среди поляковъ образуется партія демократовъ и федералистовъ, которая откажется разъ навсегда отъ всякихъ границъ 1772 г. До сихъ поръ, правда, этой партіи не видно ни между старыми польскими политиками, ни даже между новыми польскими соціалистами. Но сила вещей, конечно, породитъ такую партію; и она пойдетъ объ руку съ подобными народными партіями литовскаго, бѣлорусскаго и украинскаго народа, а тогда великоруссамъ всѣхъ партій и такъ называемой „Россіи“ придется имѣть дѣло не съ одною Польшею, а съ разными федеративными элементами, которые обнимутъ всю западную половину нынѣшней имперіи Романовыхъ и будутъ тѣсно связаны съ родственными и сосѣдними элементами въ Пруссіи, Австро-Венгріи и Румыніи.

Несомнѣнно, что федеративные элементы эти найдутъ себѣ сочувствіе и въ великорусскомъ обществѣ, но пока постоянное забвеніе самаго существованія

[1] „Современникъ“ 1861, IX.
[2] Т. I, стр. 25.
[3] Историческое развитіе интернаціонала, стр. 350—351.

украинскаго народа, невниманіе къ его интересамъ и незнаніе ни его прошлаго, ни настоящаго, затѣмъ узко-государственный и часто явно-аристократическій взглядъ на этотъ народъ составляютъ характеристическія черты великорусскихъ дѣятелей, какъ и польскихъ, по отношенію къ Украйнѣ.[1] Съ теченіемъ времени эти черты стали все больше прививаться и къ омосковленнымъ и ополяченнымъ образованнымъ классамъ на самой Украйнѣ. Представители этихъ классовъ, отъ правыхъ до самыхъ лѣвыхъ, въ массѣ своей, чѣмъ дальше, все меньше стали обнаруживать охоту знать не только „украинскій“ народъ, но даже мѣстные интересы и жизнь всѣхъ жителей Украйны вообще, а это все и дѣлаетъ все болѣе настоятельнымъ своего рода home rule: отдѣльную организацію образованныхъ украинцевъ, которые ставили бы своею главною цѣлью, — при полномъ усвоеніи общеевропейской культуры (съ фракомъ и французской кадрилью, если хотите, а ужъ, конечно, съ знаніемъ французскаго языка), — сохранить и упрочить связь свою съ страною и ея многочисленнѣйшимъ племенемъ, связь по мѣсту дѣятельности и по формѣ ея, главнымъ образомъ, по языку. Ходъ исторіи болѣе чѣмъ доказалъ, что созданные послѣ раздѣла Украйны между Московіей, Польшею и Турціею въ концѣ XVII в., чужими государствами образованные классы на Украйнѣ не въ состояніи и не хотятъ служить ея интересамъ.[2] А потому надо, чтобъ рана, нанесенная этимъ перерывомъ, совершенно внѣшнимъ, а вовсе не органическимъ, какъ думалъ, напримѣръ, Бѣлинскій, была залѣчена, иначе она атрофируетъ и послѣднія силы страны и многочисленнѣйшаго ея

[1] Кстати, какъ мало оказала до сихъ поръ вліянія вышеупомянутая прекрасная статья Бакунина на польскую и великорусскую соціалистическую печать, можно видѣть, напримѣръ, изъ того, что недавно въ петербургскомъ „органѣ соціалистовъ-федералистовъ“ („Черный Передѣлъ“ № 1) мы прочли то же, что и въ женевскомъ „органѣ польскихъ соціалистовъ“ „Równość“, что будто „Галиція — австрійская часть Польши!“ между тѣмъ, какъ даже французы (Elisée Reclu. Géographie Universelle, III, 568) уже называютъ ее: „австрійская Польша и Украйна“. Иначе и вполнѣ интернаціонально смотритъ на Галицію органъ польскихъ и украинскихъ рабочихъ въ Львовѣ „Praca“. (См. № 6 1880).

[2] Довольно будетъ напомнить, что на территоріи черниговскаго козацкаго полка было въ 1748 г. 143 школы, а въ 1875 г., даже послѣ учрежденія земства, всего 52, что кіевскій учебный округъ, самый просвѣщенный въ Россіи XVII в., теперь послѣдній по числу народныхъ школъ, кромѣ Оренбургскаго и Сибири. Подробнѣе см. объ этомъ въ „Громадѣ“ т. II, стр. 393—406.

народа, что отзовется вредно и на интересахъ колоній, и на самыхъ континентахъ привиллегированныхъ народовъ, польскаго и великорусскаго, такъ какъ и для нихъ не все равно имѣть своими сосѣдями цѣльныхъ, самосознательныхъ, или забитыхъ, безсловесныхъ людей.

Самымъ дѣйствительнымъ средствомъ, какое могло бы быть принято для этого возстановленія связи образованныхъ классовъ на Украйнѣ съ народомъ украинскимъ было бы, конечно, возстановленіе политической самостоятельности Украйны. Но это трудно вообще, а въ особенности при малочисленности еще самосознающихъ украинцевъ, — „недоѣдковъ“ оффиціальной школы польской и великорусской. При томъ же въ настоящее время дѣйствительно внѣшніе политическіе вопросы отходятъ на второй планъ, и если бы уже возможно было такое усиліе, которое бы вырвало Украйну изъ рукъ четырехъ правящихъ ею правительствъ, то это усиліе лучше уже сразу направить на радикальное рѣшеніе соціальнаго вопроса. Поэтому-то украинскимъ дѣятелямъ и благоразумнѣе по политическому вопросу усвоить программу не сепаратистическую, а федералистическую, въ каждомъ государствѣ — въ Россіи, въ Галиціи, въ Буковинѣ, въ Венгріи — сообразную съ мѣстными условіями и въ союзѣ съ мѣстными демократически-федеральными элементами. Политическою цѣлью украинцевъ, такимъ образомъ, является не только полученіе автономіи для себя, но и превращеніе государствъ, которымъ они порабощены, въ одну или нѣсколько федерацій, удобныхъ для всѣхъ и слабыхъ, и сильныхъ племенъ.

Въ Россіи политическіе вопросы стоятъ еще въ самомъ первобытномъ видѣ, ибо тамъ нѣтъ еще самой элементарной личной свободы и возможны такія мѣры, какъ запрещеніе всякой украинской книжки и представленія, запрещеніе даже молитвенника и пѣнія „боже, царя храни“ по-украински! Всѣ рѣшительно попытки — ученой, литературной, общественной, — самоорганизаціи украинскихъ дѣятелей, разбиваются объ административныя мѣропріятія, ссылки, запрещенія. Также разбиваются всѣ попытки установленія правильной и постоянной связи украинцевъ

въ Россіи и Австріи, гдѣ въ послѣдней при нѣкоторой политической свободѣ существуютъ зачатки украинской науки и литературы (12 періодическихъ изданій), зачатки національныхъ, автономныхъ политическихъ партій и гдѣ существуетъ возможность заложенія кадровъ правильной, постоянной соціалистической организаціи и пропаганды посредствомъ рабочихъ обществъ, печати, митинговъ и т. п. Отрѣзанные царской полиціей отъ большей половины своей естественной сцены, украинскіе зачатки и кадры въ Австро-Венгріи глохнутъ отъ отсутствія поддержки матеріальной и моральной.[1] Съ другой стороны, слабость этихъ зачатковъ и кадровъ и постоянная увѣренность въ поддержкѣ со стороны царской полиціи и III Отдѣленія осмѣляетъ агентовъ австо-венгерской полиціи въ ихъ мѣрахъ противъ украинцевъ россійскихъ и даже мѣстныхъ.

Вотъ почему люди, сознающіе себя украинцами, какихъ бы философскихъ, политическихъ и соціальныхъ мыслей они ни были, одинаково заинтересованы въ устраненіи въ Россіи административнаго произвола, или иначе въ установленіи политической свободы. Говоримъ политической свободы, а не конституціоннаго образа правленія, потому что это не одно и то же: политическая свобода — это значитъ, прежде всего, свобода лица, его вѣры, равно какъ и невѣрія, его національной жизни, его слова, его группированія съ другими, а самодержавный парламентъ, извѣстнымъ образомъ составленный, можетъ всего этого и не дать, какъ и самодержавный государь, и даже по большей части не даетъ, особенно въ централизованныхъ государствахъ. Въ частности относительно Россіи мы почти вполнѣ увѣрены, что Земскій Соборъ Имперіи сохранитъ преобладаніе великорусской народности и интересовъ центральныхъ московскихъ провинцій надъ всѣми другими, особенно въ вопросахъ школьныхъ и экономическихъ.[2] А по-

[1] Напомнимъ, что украинцевъ въ Австріи 3½ милл., въ Россіи — до 17 (Риттихъ. 1869 — 14½).

[2] Напомнимъ поведеніе парламентскаго большинства въ Берлинѣ относительно Познани и Эльзаса, въ Вѣнѣ и Пештѣ относительно славянъ, во Львовѣ относительно русиновъ.

тому для насъ, какъ для украинцевъ, также интересно ограниченіе власти и центральнаго земскаго собора провозглашеніемъ неприкосновенности личныхъ правъ (въ число которыхъ входятъ и національныя) и организаціей мѣстнаго самоуправленія: общиннаго, уѣзднаго, губернскаго, областного, какъ и ограниченіе произвола царскаго. И такъ какъ только при этихъ двухъ условіяхъ и возможна какая либо дѣйствительная политическая свобода, то мы надѣемся, что, по крайней мѣрѣ, извѣстная часть друзей свободы и среди великоруссовъ, особенно изъ окраинныхъ губерній, поддержитъ эти требованія неприкосновенныхъ личныхъ правъ и широкой мѣстной свободы, безъ которыхъ для невеликорусскихъ народностей и въ конституціонной Россіи жизнь останется почти такъ же невыносима, какъ невыносима она и въ Россіи царскаго самодержавія. Само собою разумѣется, что къ такъ поставленному вопросу о политической свободѣ въ Россіи должны отнестись съ сочувствіемъ и поддержкою всѣ люди не славянскихъ „окраинъ“ ея: литовцы, латыши, эсты, румыны, кавказцы, а также славяне-поляки, которые до сихъ поръ считали болѣе согласною съ своими интересами программу не федерализма, а сепаратизма, при своего рода централизмѣ, и даже финляндцы, которыхъ мѣстная жизнь всегда будетъ менѣе стѣсняема федеральною, чѣмъ централизованною Россіей.

Вслѣдствіе этихъ соображеній редакція „Громады“, употребляя большую часть своихъ средствъ и труда на изученіе и пропаганду соціально-экономическаго вопроса среди украинскаго населенія въ Россіи и Австріи, считала необходимымъ содѣйствовать, по мѣрѣ силъ, и поднятію, и разъясненію вопроса о политической свободѣ въ Россіи, издавая время отъ времени брошюры на великороссійскомъ языкѣ не только какъ на болѣе ей доступномъ, чѣмъ, напримѣръ, польскій, или румынскій, или нѣмецко-еврейскій, или венгерскій, которыми говорятъ ближайшіе сосѣди и часто односельцы украйнцевъ и которыми тоже должна пользоваться украинская печать, но и какъ на языкѣ de facto федеральномъ на Востокѣ

Европы. По этимъ же соображеніямъ мы сочли необходимымъ взяться за изданіе письма Бѣлинскаго къ Гоголю, какъ одного изъ первыхъ памятниковъ мысли о личномъ достоинствѣ и политической свободѣ въ Россіи, предметахъ одинаково интересныхъ для всѣхъ ея народовъ. Каковы бы ни были мнѣнія такихъ людей, какъ Бѣлинскій, о нашихъ украинскихъ дѣлахъ и интересахъ въ частности, мнѣнія, которыя мы не можемъ считать ни чѣмъ инымъ, какъ отголоскомъ старыхъ государственно-сословныхъ привычекъ, результатомъ незнанія и недодуманности, но подобное выраженіе и защита основныхъ правъ человѣческой личности найдетъ въ насъ всегда горячихъ поклонниковъ и, если нужно, помощниковъ.

Женева, 18 марта 1880.

Примѣчаніе редакціи. Считаемъ нужнымъ отмѣтить также нижеслѣдующее обращеніе М. П. Драгоманова къ русскимъ писателямъ, напечатанное по-русски и по-французски на отдѣльномъ листкѣ и разосланное въ свое время по почтѣ: „Русскимъ писателямъ въ день открытія памятника А. С. Пушкину 26 мая 1880 г.“ „Привѣтствуя русскихъ писателей въ день открытія памятника великому славянскому поэту, редакція украинскаго сборника „Громада“ въ Женевѣ считаетъ своимъ долгомъ напомнить имъ, что въ Россіи существуетъ еще и до сихъ поръ цензура, которая не допускаетъ изданія полнаго собранія сочиненій поминаемаго поэта, а кромѣ того возможны мѣры въ родѣ нижеслѣдующаго стѣсненія всей литературы одного изъ славянскихъ племенъ.“ Затѣмъ приведенъ указъ 18 мая 1876 г., перепечатанный въ нашемъ изданіи на стр. 156. Листокъ подписанъ Драгомановымъ, какъ редакторомъ „Громады“.

Кромѣ того между 1876 и 1880 годами М. П. Драгомановъ опубликовалъ цѣлый рядъ статей по малорусскому и галицко-венгерско-русинскому вопросамъ на нѣмецкомъ, французскомъ и итальянскомъ языкахъ. Такъ по поводу указа 1876 года, наложившаго запрещеніе на малорусскій языкъ и литературу, была напечатана статья его въ „Neue Freie Presse“ № 4273 отъ 19 іюля 1876 г. „Russische Nivellirungspolitik“. Этому же вопросу онъ посвятилъ брошюру на французскомъ языкѣ „La littérature oukraïnienne proscrite par le gouvernement russe“, которая была представлена въ качествѣ доклада на международный литературный конгрессъ въ Парижѣ въ 1878 г. М. П. Драгомановъ подробно разсказываетъ исторію этого конгресса и своего выступленія на немъ въ своихъ воспоминаніяхъ объ И. С. Тургеневѣ, „Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева

къ А. И. Герцену. Съ объяснительными примѣчаніями М. Драгоманова, Женева 1892, III приложеніе. — Въ передѣлкѣ эта брошюра появилась и на итальянскомъ языкѣ въ видѣ статьи въ „Rivista Internationale del Socialismo“, Milano 1880, 4. „La litteratura dú una nazione plebea“. Объ экономическомъ и культурномъ положеніи русинскихъ крестьянъ въ Венгріи Драгомановъ помѣстилъ статью въ соціалистическомъ журналѣ „Le Travailleur“ 1877, 1, 4. „Les paysans russo-oukraïniens sous les libéraux hongrois“, которая была затѣмъ напечатана также и по-итальянски въ „Riv. internat. del Soc.“ 1880, 1. — „I contadini russo-ukrainiani sotto i liberali ungheresi“. Наконецъ о постановкѣ пропаганды федералистическихъ и соціалистическихъ идей въ Малороссіи и русинской Галиціи была опубликована, повидимому, одна и та же статья Драгоманова по-нѣмецки и по-французски „Der kleinrussische Internationalismus“ въ „Jahrbuch für Socialwissenschaft und Socialpolitik“, herausgegeben von Bernstein, Zürich, 1880 и „Les nations de l'Europe orientale et le socialisme international“ въ „Revue Socialiste“, 1880. Къ сожалѣнію, мы не могли напечатать въ русскомъ переводѣ даже главныхъ изъ этихъ сочиненій въ предлагаемомъ изданіи, такъ какъ для этого намъ пришлось бы расширить рамки его, а этого намъ не позволяли краткость времени и ограниченность средствъ. Редакція.

Къ общественному мнѣнію всѣхъ цивилизованныхъ народовъ.

(Переводъ листка, составленнаго Драгомановымъ и выпущеннаго въ 1880 г. на французскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: A l'Opinion publique des peuples civilisés.)

Русское императорское правительство требовало отъ французской республики выдачи человѣка, осужденнаго за подготовленіе къ покушенію на жизнь царя. Дѣло было только что начато, когда произошло новое покушеніе и нѣсколько дней спустя газеты принесли извѣстіе объ арестѣ, произведенномъ вѣнской полиціей по требованію русскаго правительства. При теперешнемъ состояніи Россіи подобныя покушенія, такъ же, какъ и подобныя требованія, могутъ повторяться каждый день. Поэтому необходимо выяснить передъ общественнымъ мнѣніемъ всего міра, какой кризисъ переживаетъ сейчасъ Россія.

Пониманіе этого кризиса возможно только при подробномъ изученіи условій политической и соціальной жизни Имперіи. Но мы позволяемъ себѣ утверждать, что изслѣдователь, сколько-нибудь безпристрастный, окончивъ это изученіе, не можетъ не притти къ слѣдующимъ выводамъ:

1. Императорское правительство Россіи, единственное неограниченное правительство въ Европѣ, не можетъ считаться даже формально представителемъ всѣхъ народовъ Имперіи. Это даже не есть національное правительство, потому что оно водворилось при помощи насилія, силой поддерживаетъ свою власть надъ народами и странами, грубо нарушая ихъ естественныя права; даже въ настоящемъ царствованіи нѣкоторыя изъ этихъ народностей уже пытались освободиться съ оружіемъ въ рукахъ. Звѣрства, совершенныя въ Польшѣ, на Кавказѣ, въ Уральской области и т. д., запрещеніе украинской литературы, насильственное присоединеніе южной Бессарабіи, — вотъ самые недавніе факты, указывающіе какой характеръ носитъ власть царя надъ народами и областями (pays), входящими въ составъ его монархіи.

2. Императорское правительство не можетъ также считаться и народнымъ правительствомъ потому, что система налоговъ и препятствія, которыя оно ставитъ просвѣщенію, являются главнѣйшими причинами голодовокъ, эпидемій и пожаровъ, принимающихъ въ Россіи размѣры, извѣстные въ Западной Европѣ только въ средніе вѣка. „Преданность

русскаго народа своему правительству" есть простое недоразумѣніе, порожденное тѣмъ, что во многихъ частяхъ Имперіи народныя массы обожаютъ государя фантастическаго, отъ котораго они ждутъ раздѣла земли. Но тѣмъ не менѣе, они относятся ко всѣмъ реальнымъ представителямъ правительства, какъ къ своимъ врагамъ, и при всякомъ удобномъ случаѣ возстаютъ противъ нихъ. Кромѣ того, въ средѣ самой господствующей народности есть болѣе двѣнадцати милліоновъ сектантовъ. Въ отношеніи къ нимъ нѣтъ даже самой элементарной терпимости, и они не могутъ быть друзьями правительства, тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ отрицаютъ самую сущность императорской власти.

3. Русское императорское правительство не можетъ также считаться и представителемъ такъ называемыхъ обезпеченныхъ классовъ, потому что оно и ихъ лишаетъ всякой свободы, потому что оно, черезъ своихъ министровъ и устами самого императора, непрестанно бросаетъ открытый вызовъ семьямъ, которыя, по его мнѣнію, поощряютъ духъ оппозиціи въ молодыхъ поколѣніяхъ, потому что еще недавно оно отдало весь персоналъ выборныхъ учрежденій, — какъ ни скромны ихъ права, — думы, земства, даже мировыхъ судей, подъ произвольную власть полицейскихъ агентовъ.

4. Правительство это, враждебное всѣмъ подвластнымъ ему народностямъ, совершенно неспособное удовлетворять самымъ элементарнымъ ихъ потребностямъ, въ корень развращенное, не имѣетъ даже авторитета, создаваемаго силой. Это подтверждается его теперешними конвульсіями: назначеніе провинціальныхъ сатраповъ, ихъ безсиліе, несмотря на предоставленную имъ неограниченную власть и, наконецъ, назначеніе надъ ними, рядомъ съ самодержавнымъ императоромъ, другого абсолютнаго хозяина, назначеніе, напоминающее самыя позорныя эпохи античнаго и азіатскаго деспотизма, — все это указываетъ, что русское самодержавіе переживаетъ агонію и разложеніе.

5. Несмотря на всю сложность входящихъ въ него политическихъ и соціальныхъ элементовъ, движеніе, происходящее сейчасъ въ Россіи, есть явленіе совершенно естественное и не неожиданное даже для самодержца всея Россіи. Намѣтивъ въ самомъ началѣ своего царствованія улучшенія въ правительственной системѣ, обреченной на смерть самой исторіей, Александръ II самъ сказалъ: „лучше начать реформы сверху, чѣмъ ждать, когда онѣ начнутся снизу" Но реформы, предпринятыя императорскимъ правительствомъ, затягивались, онѣ не были ни достаточно широки ни достаточно искренни, даже то, что было сдѣлано, или намѣчено, само привительство брало назадъ, или остана-

вливало, — и съ тѣмъ большей энергіей развилось реформаторское движеніе среди самого общества. Отсюда конфликтъ между обществомъ и правительствомъ, который начался съ 1860 года. Полная невозможность высказывать свои взгляды на реформы, отсутствіе органовъ, гдѣ населеніе могло бы обмѣниваться мыслями о своихъ дѣлахъ и потребностяхъ, строгія кары за сколько-нибудь критическое отношеніе къ существующему порядку, казни политическихъ преступниковъ, число которыхъ значительно превышаетъ даже число казней въ мрачной памяти царствованіе Николая I, пытки и невыносимыя унизительныя страданія политическихъ ссыльныхъ и заключенныхъ, наконецъ, безсиліе умѣренныхъ либераловъ, которые, страдая отъ существующаго порядка, не смѣютъ открыто высказать правительству свое недовольство, — таковы причины, постепенно придавшія преобразовательному движенію, сначала мирному и литературному, его теперешній характеръ: революціонный и даже террористическій.

6. При такихъ условіяхъ общественное мнѣніе всѣхъ цивилизованныхъ странъ совершило бы преступленіе противъ прогресса стомилліоннаго русскаго народа, если бы оно оказало хоть малѣйшую поддержку такому варварскому правительству. Мы полагаемъ также, что правительство цивилизованныхъ странъ ничего не выгадаетъ даже для своихъ временныхъ интересовъ, если будетъ оказывать услуги представителямъ режима, находящагося въ такомъ состояніи распада, какъ русское правительство.

7. Въ частности, выдача одного изъ тѣхъ, кого преслѣдуетъ русское правительство, даже если всѣ юридическія формальности и будутъ соблюдены, сама по себѣ повлечетъ за собою кару для этого лица, которое въ сущности подлежало бы суду, такъ какъ кромѣ наказаній, налагаемыхъ по суду, въ Россіи можно ссылать и сажать въ тюрьму по административному произволу. Къ тому же существуетъ особая инквизиція, именуемая Третьимъ Отдѣленіемъ канцелярія Его Величества и люди, оправданные судомъ, несвободны отъ произвольныхъ наказаній.

П. Алисовъ, русскій, изъ Курска. Драгомановъ, украинецъ, изъ Полтавы. Элпидинъ, швейцарецъ, изъ Казани. Фоминъ, русскій, изъ Костромы. Гутерманъ, изъ Ростова на Дону. Жемановъ, русскій, изъ Казани. Кутузова, русская, изъ Твери. Лахоцкій, украинецъ, изъ Кіева. Морозовъ, русскій, изъ Ярославля. Эльстницъ, русскій, изъ Москвы. З. Ралли, румынъ, изъ Бессарабіи. Черкезовъ, грузинъ. Веллеръ, изъ Минска.

Соловья баснями не кормятъ.

Письмо къ генералу Лорисъ-Меликову.

(Первоначально напечатано отдѣльной брошюрой. Женева, 1880 г.)

Двадцать пять лѣтъ назадъ, будучи школьникомъ 4 класса, былъ я отведенъ съ товарищами въ церковь, чтобъ присягать на подданство вновь вступившему на престолъ императору и самодержцу всероссійскому, Александру Николаевичу. Теперь послѣ четверти вѣка царствованія этотъ императоръ устанавливаетъ двудержавіе, — точно въ римской имперіи „временъ упадка", — и назначаетъ своимъ „соправителемъ", если не замѣстителемъ Васъ, генералъ. Не знаю, придумаютъ ли въ Россіи и новую формулу присяги на вѣрность новому Августу. Пока вижу только, что Вы издали всемилостивѣйшій манифестъ о Вашемъ воцареніи.

Манифестъ этотъ, хотя и адресованъ только „къ жителямъ столицы", но говоритъ во имя интересовъ всего общества и всей Россіи, а потому даетъ даже и формальное право всякому члену общества и уроженцу Россіи обращаться къ Вамъ, если не со всеподданнѣйшимъ прошеніемъ, то съ прямымъ выраженіемъ своего мнѣнія.

Считаю это выраженіе тѣмъ болѣе необходимымъ, что нашлись уже юркіе люди, которые, по всей вѣроятности съ вѣдома Вашего, поспѣшили прокричать, что имя Ваше и Ваше воззваніе заключаетъ въ себѣ цѣлую программу, которая-де выведетъ Россію на путь правильнаго и мирнаго развитія. А это развитіе не можетъ не быть желательнымъ даже и для тѣхъ, кого и Вы, генералъ, такъ охотно представляете себѣ и другимъ только кровожадными злодѣями и разрушителями.

Къ сожалѣнію, должно сказать, что ни имя Ваше, ни возваніе никакой программы не заключаетъ.

Тутъ не мѣсто говорить ни о Вашихъ военныхъ подвигахъ, ни о Вашей борьбѣ съ чумою. Быть можетъ, Вы и обнаружили въ Ветлянкѣ качества Геркулеса, очистителя конюшень, но для исполненія задачи, которую Вы себѣ теперь приписываете, нужны совсѣмъ другія качества.

О Вашей теперешней дѣятельности скорѣе можно бы было судить по тому, какъ поступали Вы въ должности начальника харьковской сатрапіи, особенно, если бы о Вашемъ поведеніи тамъ было нѣсколько болѣе извѣстно. Мы впрочемъ кое-что знаемъ о немъ и по „Народной Волѣ“, и по нашимъ свѣдѣніямъ.

Дѣйствительно, Вы никого не повѣсили, подобно Тотлебену и Чертковy, и даже, кажется, меньше людей выслали „въ мѣста не столь отдаленныя“, чѣмъ сатрапъ одесскій. Но вѣдь Вамъ и не пришлось имѣть дѣла ни съ однимъ политическимъ процессомъ, вродѣ кіевскаго дѣла о вооруженномъ сопротивленіи, и ни съ однимъ изъ людей дѣйствительно „опасныхъ“ по своей серьезности и талантливости, какъ тѣ, которыхъ всѣми неправдами отправилъ на тотъ свѣтъ Тотлебенъ. Но Вамъ, видимо, было скучно безъ политическихъ процессовъ, а потому Вы выдрали изъ забвенія дѣло кружка, обвинявшагося еще въ 1876 г. въ „преступной пропагандѣ“, и такъ или сякъ поконченное, и Вы вновь свезли членовъ его изъ ссылки и съ воли, чтобъ таки имѣть свой политическій процессъ. Въ тоже время Вы выслали не мало людей изъ подвластнаго Вамъ края, отставили не мало отъ должностей, и по большей части людей, на которыхъ трудно возвести обвиненіе въ прикосновенности къ „явно преступнымъ дѣйствіямъ“. Вы, очевидно, дѣйствовали какъ инквизиторъ, а не какъ человѣкъ закона, даже россійскаго.

Въ числѣ Вашихъ дѣяній извѣстны: высылка черниговскаго земца, принимавшаго участіе въ составленіи извѣстнаго полуконституціоннаго адреса, а также прекращеніе въ Нѣжинѣ, по темнымъ доносамъ, работы надъ статистическимъ описаніемъ уѣзда, на-

чатой мѣстнымъ земствомъ. Не думаемъ, чтобъ въ этихъ мѣрахъ можно было усмотрѣть залоги Вашего искренняго желанія „оградить законные интересы благомыслящей части общества“.

Дѣйствуя такимъ образомъ противъ спокойствія массы лицъ и интересовъ развитія общества, Вы въ тоже время заискивали дешевой популярности среди недальновидныхъ людей; Вы написали циркуляръ о недостаткахъ полицейскихъ, которыхъ въ Россіи только лѣнивый не ругаетъ и которыхъ не исправишь иначе, какъ подчиненіемъ полиціи городамъ и земствамъ съ снятіемъ съ нея всякихъ политически-шпіонскихъ обязанностей; Вы приказали сдѣлать какую-то поблажку въ выпускныхъ экзаменахъ курскимъ гимназистамъ въ пику гр. Дм. Толстому, на котораго тоже въ послѣднее время всякія шишки летятъ; Вы эксплуатировали общественную симпатію къ голодающимъ и побиваемымъ нагайками студентамъ въ пользу плана основанія іезуитско-шпіонскихъ ловушекъ въ видѣ „студентскихъ общежитій“, одна мысль о которыхъ возмущаетъ болѣе честныхъ студентовъ.

Вѣроятно за такое популярничанье одна европейская газета назвала Васъ „хитрымъ, гладкимъ какъ угорь армяниномъ“. Но, право, въ этихъ угриныхъ извиваніяхъ даже хитрости большой не видно, какъ не видно и новизны; все это Треповъ уже выдѣлывалъ въ Петербургѣ послѣ Каракозовскаго покушенія; и циркуляры о благородствѣ подчасткамъ писалъ, и въ конфликты съ гр. Толстымъ по дѣлу народныхъ читаленъ вступалъ, и пріюты всякіе заводилъ. Но Треповъ не только не спасъ ни отечества, ни трона, но, высѣкши Боголюбова, ускорилъ наступленіе настоящаго кризиса. Такъ и Вы своими изворотами развѣ успѣли примазать зло въ глазахъ людей ужъ очень наивныхъ, вродѣ сотрудниковъ „Недѣли“, и деморализовать въ концѣ тѣ, напримѣръ, сферы, которыхъ выразителемъ можетъ служить какой-нибудь „Голосъ“ и которымъ собственно и падать уже некуда. А ужъ, конечно, такими изворотами не выведешь Россію на путь „мирнаго развитія“.

Таково Ваше прошлое. Такова же и Ваша прокла-

мація, въ которой разнокалиберныя обѣщанія по усамъ текутъ, а въ ротъ не попадаютъ.

Прежде всего въ ней тоже нѣтъ ничего новаго. Вы въ ней грозитесь „не останавливаться ни передъ какими (??) мѣрами строгости для наказанія преступныхъ дѣйствій“ и въ то же время показываете „благомыслящей части общества“ перспективу „возвращенія отечества на путь дальнѣйшаго мирнаго преуспѣянія, указаннаго благими предначертаніями Августѣйшаго его Вождя“. Но дѣло въ томъ, что самъ этотъ вождь уже все это говорилъ, и ничего изъ этого не вышло и выйти не могло, главнымъ образомъ потому, что первая ступень, какую теперь должно пройти отечество на пути своего преуспѣянія, это „политическая свобода“: свобода лицъ и обществъ внизу, выборное земское представительство вверху.

Про эту ступень говорили Вашему „Августѣйшему Вождю“ еще въ началѣ 60-хъ годовъ не только такіе люди, какъ Герценъ, Огаревъ, Бакунинъ, но и члены редакціонныхъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу, дворянскія и потомъ земскія собранія. Въ послѣднее время трое изъ земскихъ собраній тѣхъ губерній, въ коихъ Вы призваны были сатрапствовать послѣ 2-го апрѣля 1879 г., весьма недвусмысленно заявили желаніе напомнить объ этомъ „Августѣйшему Вождю“ Вашему. Но вождь этотъ всегда предпочиталъ смотрѣть на населеніе Россіи, какъ на стадо барановъ, которыхъ онъ назначенъ Провидѣніемъ быть вожакомъ, и какъ прежде, такъ и послѣ, онъ ревниво берегъ свое самодержавіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно и самодержавіе всѣхъ своихъ чиновниковъ, отъ министровъ до урядниковъ, а въ послѣднее время даже и дворниковъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, если самодержецъ испортилъ и допустилъ испортить даже тѣ реформы свои, которыхъ онъ искренно желалъ, а потомъ вовсе прекратилъ всякія реформы и наконецъ, начавши прикрывать своею мантіею всякаго Трепова и Мезенцева, дождался до цѣлаго ряда покушеній.

Не устранивши причинъ, не устраните и послѣдствій, а потому, если Вы точно хотите устраненія изъ

Россіи того, что Вы называете „преступными дѣйствіями, позорящими наше общество“, то устраните въ Россіи самодержавіе царское съ его спутникомъ — произволомъ чиновниковъ. Только тогда можно будетъ говорить о какомъ бы то ни было „дальнѣйшемъ преуспѣяніи отечества“.

Обдумали ли Вы серьезно то, что Вы написали? Уважаете ли Вы сколько-нибудь то „общество“, къ которому обращаетесь? Если да, то Вы должны же знать, что наименьшее, что Вы должны сдѣлать, это:

1. Отмѣнить не только поставленныхъ послѣ 2 апрѣля 1879 г. сатраповъ со всѣми ихъ постановленіями, но и вообще всѣ чрезвычайныя мѣры, принятыя съ 1863 г. и всѣ особенные суды по политическимъ дѣламъ.
2. Возстановить во всѣхъ ихъ правахъ всѣхъ тѣхъ, которые пострадали отъ дѣйствій этихъ сатраповъ, мѣръ и судовъ.
3. Уничтожить III отдѣленіе со всѣми его подобіями и дѣйствіями ихъ, въ родѣ административной ссылки, и оградить неприкосновенность лица, не обвиненнаго правильнымъ судомъ.
4. Дать свободу печати и другимъ способамъ заявленія мнѣній личныхъ и сборныхъ (сходкамъ, прошеніямъ).
5. Созвать земскій соборъ хоть въ видѣ делегацій отъ существующихъ земствъ, если уже не „учредительное собраніе“, избранное поголовною подачею голосовъ, какъ предлагала „Народная Воля“.

Имѣете ли Вы полномочіе и силу на эти мѣры? Если нѣтъ, то зачѣмъ же Вы наболтали фразъ объ успокоеніи общества, о мирномъ преуспѣяніи и т. п. хорошихъ вещахъ? Зачѣмъ Вы написали, что „смотрите на поддержку общества, какъ на главную силу, могущую содѣйствовать власти“? Какой поддержки хотите Вы, если ни корпорацій, ни города, ни земства, не имѣютъ никакой свободы вѣдать свои дѣла, если ихъ члены поставлены сами подъ произволъ

чиновниковъ власти, если не существуетъ никакого общественнаго учрежденія для обсужденія совокупности дѣлъ земскихъ, если даже личное теоретическое мнѣніе не свободно? Что же остается у общества? — шпіонство? добровольное поступленіе въ полицейскіе да въ дворники? Такъ вѣдь долгъ шпіонства давно уже вмѣняется присягою въ обязанность россійскихъ вѣрноподданныхъ, и однако жъ этой обязанности вовсе не думаетъ исполнять „общество“, несмотря на то, что еще недавно самъ царь приглашалъ его представителей „смотрѣть“ за жильцами и дворниками. Такъ же безслѣдно останется и Ваше обращеніе. Зачѣмъ же было повторять его? Зачѣмъ было писать прокламацію, если Вы не могли сказать ничего новаго, ничего болѣе яснаго, кромѣ угрозы: „разорю и не потерплю“, и призыва: „братіе, — шпіоните другъ друга“? Или, быть можетъ, Вы рѣшитесь разыграть роль своего рода Трошю и силою навязать Вашему „Вождю“ программу реформъ, „возвративъ“ его на путь, по которому онъ всегда шелъ весьма невѣрными шагами и съ котораго онъ сошелъ окончательно еще съ 1866 г., т. е. сами станете революціонеромъ, хоть дворцовымъ. Дѣйствительно, Александръ II, напомнивъ собою Наполеона III послѣднихъ лѣтъ или даже Тиберія, можетъ легко и окончить какъ они, и имѣвъ своихъ Еспинасовъ, Паликао и Сеяновъ, можетъ имѣть и своихъ Оливье и Трошю, если не своего Макрона, который покончитъ наконецъ надоѣвшаго всѣмъ деспота. Но помните: бываютъ времена, когда дѣлать не только перевороты, но и какія-нибудь уступки новымъ идеямъ, надо искренно и послѣдовательно, а не то полетишь въ бездну, какъ полетѣли въ нее Макроны, Оливье, Трошю и т. п. Если же Вы думаете обойтись безъ искреннихъ и широкихъ реформъ, то Вы просто чиновникъ и болтунъ изъ самыхъ плохихъ.

Вы можете сказать, что прежде, чѣмъ дѣлать реформы, надо „искоренить язву разрушенія“. Но это пустѣйшая изъ фразъ, какія въ такихъ случаяхъ говорятся. Подъ этою фразою могутъ скрываться только двѣ реальныя подкладки: Первая — это желаніе спасти хоть по формѣ авторитетъ власти, которая-де не

уступаетъ давленію „шайки революціонеровъ“, или даже „злодѣевъ“, а сама даетъ обществу то, что ему потребно. Но собственно и тутъ очень мало реальнаго, такъ какъ, послѣ того, какъ столько лѣтъ власть не давала обществу того, что она должна была дать, т. е. политической свободы, и послѣ того, какъ первые энергически поставили въ Россіи вопросъ о политической свободѣ всетаки „революціонеры“ и „злодѣи“, и послѣ того, какъ власть всетаки оказалась безсильною передъ ними, ни о какой добровольной уступкѣ, равно какъ и ни о какомъ авторитетѣ власти, собственно рѣчи быть не можетъ. При томъ же, если подъ словомъ „язва“ разумѣть политическія убійства, то такъ какъ они вызываются застоемъ, мученіями и казнями со стороны правительства, то они и не могутъ быть искоренены застоемъ же и казнями. Скорѣе напротивъ: продолженіе застоя и расширеніе преслѣдованій (а въ этомъ и состояло до сихъ поръ все, что дѣлали „искоренители зла“ обыкновенные: Александръ II, Шуваловъ и т. д., и чрезвычайные, генералъ-губернаторы, въ томъ числѣ и Вы), увеличивъ количество недовольныхъ и тѣхъ, кому нечего болѣе терять, увеличитъ число политическихъ убійствъ. Страхъ казни вообще никого никогда не останавливалъ, а что этотъ страхъ не остановилъ напримѣръ Млодецкаго, въ этомъ Вы сами могли убѣдиться весьма наглядно. Значитъ, если Россіи придется ждать „продолженія реформъ“, пока Вы искорените Соловьевыхъ и Млодецкихъ, то ей придется ждать вѣчность.

Есть другая реальная подкладка подъ фразами о необходимости предварительнаго искоренія „вредныхъ элементовъ“ общества, прежде чѣмъ предоставить ему право на участіе въ политическихъ дѣлахъ. На эту подкладку намекали петербургскіе корреспонденты заграничныхъ, особенно нѣмецкихъ газетъ въ то время, когда эти газеты особенно занимались рекомендаціей Шувалова въ спасителя Россіи отъ опасностей внутреннихъ и внѣшнихъ. Корреспонденты эти говорили, что и тѣ реформы, какія были сдѣланы Александромъ II, страдали крайнимъ либерализмомъ

и демократизмомъ, и носили въ себѣ зародыши „нигилизма“, что слѣдуетъ сначала подчистить крестьянскую реформу ослабленіемъ общиннаго начала, земскую — усиленіемъ аристократіи, судебную — устраненіемъ выбора мировыхъ судей, независимости суда, суда присяжныхъ и т. п., и что только тогда можно увѣнчать зданіе учрежденіемъ имперскаго сейма изъ „охранительныхъ элементовъ“.

Не знаю, имѣете ли и вы въ виду подобную чистку съ подобнымъ концомъ, но, несомнѣнно, что Вы приложили свою руку къ очисткѣ личнаго персонала учрежденій Вашего генералъ-губернаторства отъ болѣе свободно-мыслящихъ и относительно приверженныхъ къ народу элементовъ, и теперь, конечно, можете предпринять подобную очистку въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Только результаты этой очистки всетаки весьма сомнительны, и послѣ нея, какъ и теперь, Вы всетаки останетесь передъ вопросомъ о созывѣ земскаго собора, какъ стоите передъ нимъ и теперь. А созовите Вы земскій соборъ, хоть изъ самыхъ „охранительныхъ“, т. е. богатыхъ людей, всетаки Вы пустите колесницу самодержавія подъ гору, а затѣмъ неизбѣжно станетъ на очередь и вопросъ о болѣе демократическомъ составѣ земскаго собора, — и всѣ очистки и поправки въ шуваловскомъ вкусѣ пропадутъ напрасно, если еще раньше не пойдетъ „дымомъ къ нему“ Ваша „семибоярщина“, въ виду народныхъ волненій. Россія пока слишкомъ еще мужицкая земля, русскіе образованные классы слишкомъ мелкопомѣстны и разночинны, чтобъ въ ней долго держалась олигархія или тимократія. А затѣмъ неужели же возможно какое-нибудь политическое представительство безъ какой-нибудь свободы лица и печати, — а сколько-нибудь свободную печать въ Россіи, конечно, нельзя привлечь къ олигархической программѣ, если и въ подцензурной печати демократическія идеи всетаки пробиваются весьма сильно. Съ другой стороны, трудно дать какую-нибудь свободу печати безъ того, чтобъ она не подняла вопроса о томъ, что теперь у всѣхъ на умѣ: о политической свободѣ и, прежде всего, о личной неприкосновенно-

сти и земскомъ соборѣ. А если Вы даже не дадите свободы печати, то покажете, что Вы все тотъ же Тимашевъ съ Шуваловымъ, которые „спасали престолъ и отечество“ и раньше Васъ, и доспасались до взрывовъ въ зимнемъ дворцѣ.

При Вашемъ назначеніи въ иностранныхъ газетахъ былъ пущенъ слухъ, по всей вѣроятности, съ Вашего вѣдома, что Вы любитель печати. Такъ Вы, быть можетъ, выдумаете штуку совсѣмъ уже особаго рода: допустите маленькую свободу печати и въ то же время сохраните большую свободу III Отдѣленія хватать всѣхъ и каждаго, въ томъ числѣ и свободныхъ авторовъ, въ тюрьму и посылать въ ссылку, а въ огражденіе этой свободы жандармовъ поставите около себя какой-нибудь Верховный Совѣтъ, составленный на подобіе судебныхъ присутствій по политическимъ дѣламъ: изъ чиновниковъ съ участіемъ сословныхъ представителей изъ Неплюевыхъ, Новосельскихъ и т. п. Глупость эта не невѣроятна по нынѣшнимъ временамъ, но тѣмъ не менѣе она все-таки глупость, которая, конечно, не замедлитъ показать себя въ должномъ свѣтѣ, подобно другимъ „благоглупостямъ“, которыми думали „благоудивить“ благомыслящихъ людей дѣятели послѣдняго лицемѣрнаго царствованія, и не замедлитъ провалиться съ подобающимъ ей трескомъ.

Значитъ, куды не кинь, все клинъ. Значитъ, нечего и заниматься болтовней о такихъ вещахъ, какъ огражденіе интересовъ благомыслящей части общества и дурачить себя и другихъ!

Итакъ, если Вы точно понимаете то, что Вы написали въ Вашемъ воззваніи, то, право, несите, Вашему Августѣйшему монарху къ подписи воззваніе о земскомъ соборѣ, а въ ожиданіи его — указы объ амнистіи, о неприкосновенности личности безъ суда, о свободѣ печати и сходокъ. Или, если Вы находите, что пріемъ будетъ слишкомъ силенъ для этого монарха, — да онъ и впрямь силенъ послѣ сдѣланнаго имъ провозглашенія самодержавія дворниковъ, — то, пожалуй, попробуйте начать хоть съ проекта, высказаннаго даже нѣкоторыми подцензурными

изданіями: предоставьте существующимъ земствамъ право свободно подать свои мнѣнія и позвольте дворянскимъ собраніямъ воспользоваться тѣмъ правомъ ходатайства, которое они имѣли на бумагѣ уже болѣе ста лѣтъ.

Подцензурныя изданія, одни по скудоумію, другіе по эзопству, говорятъ только о подачѣ мнѣній по вопросу о „смутѣ“, ея причинахъ и средствахъ къ искорененію. Это, конечно, вздоръ. Земскимъ и сословнымъ собраніямъ надо предоставить право высказаться о нуждахъ страны вообще. Но, пожалуй, ограничтесь постановкою вопроса о смутѣ, — и Вы, конечно, получите отъ многихъ собраній вѣжливыя заявленія, что смутители и смута, — это и есть, главнымъ образомъ, царскіе чиновники, а отъ всѣхъ получите заявленіе о необходимости созыва земскаго собора.

Такъ не умнѣе ли съ него и начать?

Опять спрашиваю Васъ: имѣете ли Вы полномочіе на подобныя мѣры? — Нѣтъ?! — Навѣрное нѣтъ, потому что, если бы имѣли, то это проявилось бы хоть чѣмъ-нибудь въ юбилей 19 февраля. Такъ и не болтайте о „дальнѣйшихъ развитіяхъ“ и „мирныхъ преуспѣяніяхъ“, а карайте, запрещайте, ссылайте, вѣшайте, — и ждите:

новыхъ Млодецкихъ, Соловьевыхъ, новыхъ взрывовъ; ждите не одного „исполнительнаго комитета“ 1878—79 гг., а цѣлой федераціи революціонныхъ политическихъ обществъ, броженія въ арміи, начало котораго и теперь уже обнаруживается въ участіи офицеровъ и солдатъ въ политическихъ процессахъ, ждите движеній вродѣ 14-го декабря 1825 года и т. д. и т. д.

Но этого мало: духъ протеста противъ существующаго политическаго строя уже проникъ и въ массу, какъ это свидѣтельствуютъ бунты противъ полиціи въ Харьковѣ и Ростовѣ, побіенія агентовъ правительства чиншевиками въ западномъ краѣ, сопротивленія при взысканіи податей и т. п. Рядомъ съ этими явленіями ростутъ стачки въ городахъ, аграрныя преступленія и волненія въ селахъ. До сихъ

поръ догматъ святости царской власти и надежды, что царь самъ дастъ землю и уменьшитъ, если не скинетъ, подати, удерживали крестьянъ отъ болѣе широкихъ бунтовъ. Но послѣдніе годы царствованія Александра II, послѣдняя война и циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ о томъ, что царь земли дѣлить не будетъ, сдѣлали много для ослабленія монархическаго принципа и въ народныхъ массахъ; а осадное положеніе 1879 г. зацѣпило своими тягостями не только образованные, но и рабочіе классы и, конечно, не способствовало поднятію монархическаго принципа, обнаруживъ связь полицейскихъ и урядниковъ съ монархомъ. Мысль о своеручной расправѣ, какъ о единственномъ отвѣтѣ на всѣ возмутительныя притѣсненія политической и соціальной системы, которой Вы служите, летаетъ, какъ искра, по всѣмъ классамъ населенія, — и не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать, что не далеко время, когда Вы увидите Засуличъ, Соловьевыхъ и „исполнительные комитеты“ и въ низшихъ сферахъ, увидите казни уже не надъ одними шпіонами, полицейскими, жандармами и царемъ, которые „преслѣдуютъ соціалистовъ“, а и надъ помѣщиками, подрядчиками, фабрикантами, которые прямо притѣсняютъ черный людъ, и надъ тѣми изъ чиновниковъ, которые будутъ защищать этихъ притѣснителей.

И будетъ этотъ терроръ на соціально-экономической почвѣ страшнѣе террора политическаго!

Будь мы доктринеромъ теоріи: „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“, мы бы пожелали продолженія существующаго порядка еще на нѣсколько лѣтъ, потому что тѣмъ основательнѣе онъ провалится послѣ. Но жаль жизней, которыя погибнутъ и изломаются въ этотъ промежутокъ, страшно тѣхъ инстинктовъ злобы, которые еще усилятся въ это время, а потому глазъ все ищетъ той силы, которая бы положила поскорѣе конецъ и всѣмъ вашимъ разрушительнымъ полицейскимъ диктатурамъ, и Вашей деморализирующей болтовнѣ.

Женева, 4 марта 1880 г.

Было бы болото, а черти будутъ!

(Первоначально напечатано въ журналѣ „Общее Дѣло“, № 35 1880 г.)

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что назначеніе въ самодержавной Россіи соправителя императору явно означаетъ начало разложенія императорскаго самодержавія. Но такъ какъ самодержавіе это приведено на смертный одръ не дружнымъ и открытымъ нападеніемъ общества, а подкопами партіи, если не кружка, хоть и при общемъ, но глухомъ недовольствѣ правительствомъ, то и погребеніе разлагающагося чудища заставляетъ ждать себя долго. Мало того, страна вовсе не обезопасена отъ перепективы неоднократнаго конвульсивнаго оживленія умирающаго звѣря. Благопріятный моментъ правительственной паники, наступившей послѣ взрыва въ Зимнемъ дворцѣ, когда „благоразумнымъ элементамъ“ общества нужно было имѣть немножечко благоразумной смѣлости, чтобъ дружно и въ печати, и въ собраніяхъ крикнуть самодержавію: довольно! — благопріятный моментъ былъ еще одинъ разъ упущенъ, и политическое положеніе осталось въ сущности прежнее и для „крайнихъ“, и для „благоразумныхъ“. Только нелѣпость положенія правительства обнаружилась еще яснѣе, и оно само почувствовало необходимость, если не итти по новымъ дорогамъ, что для него невозможно, то по крайней мѣрѣ дѣлать видъ, что оно думаетъ куда-то итти. Гробъ самодержавія на кладбище не снесенъ, но сидящіе въ этомъ гробѣ занялись „повапливаніемъ“ его. Въ этомъ и заключается философія словъ и дѣяній теперешняго правительства Россіи и особенно вице-императора ея, графа Лорисъ-Меликова.

I.

Какихъ дѣяній?! Собственно говоря, отвѣтить на этотъ вопросъ довольно трудно. Начиная съ рѣчи,

сказанной передъ московскими дворянами, при возвращеніи съ театра войны, самъ царь нѣсколько разъ обѣщалъ что-то дѣлать для блага Россіи. Обѣщалъ что-то дѣлать и гр. Лорисъ-Меликовъ. Но ни тотъ, ни другой ничего не дѣлаютъ, по той весьма простой причинѣ, что ничего дѣлать не могутъ. Передъ ними только двѣ дороги: или производить реформы à la Pierre le Grand, сверху внизъ, или передать иниціативу ихъ самимъ населеніямъ страны.

Но рѣшиться на послѣднее значило бы „самимъ себя высѣчь“. Первое тоже трудно, такъ какъ въ Россіи даже императорскія реформы надо дѣлать въ демократическомъ направленіи. Самые не-политическіе вопросы: податной, аграрный (пересмотръ крестьянскихъ надѣловъ и условій колонизаціи), самое освобожденіе раскольниковъ, даже школьный вопросъ и даже, какъ это ни странно на первый разъ, бракоразводный вопросъ, — все это, если не прямо мужицкіе, то мужицко-разночинскіе вопросы. Правительственныя же сферы въ Россіи еще со временъ Николая I рѣшительно подобраны столько же въ полицейско-монархическомъ, сколько и въ дворянскомъ духѣ и, конечно, съ архіерейской примазкой. Характеръ этихъ сферъ почти не перемѣнился и въ „реформаторскій“ періодъ царствованія Александра II. Послѣ же Каракозовскаго покушенія въ нихъ окончательно взяла верхъ порода, представляемая тѣмъ „глупымъ помѣщикомъ“, который, обидѣвшись эмансипаціей крестьянъ, мечталъ о томъ, какъ бы „мужика истребить“, да вмѣстѣ съ нимъ задушить и образованнаго „разночинца“, который пока одинъ только напоминаетъ правящимъ классамъ объ интересахъ этого мужика впредь, пока самъ этотъ мужикъ, или поднявшись на высшую степень развитія, или же потерявши всякое терпѣніе, напомнитъ о себѣ самъ. Правда, въ послѣдніе пятнадцать лѣтъ послѣ окончательнаго сложенія министерства этого „глупаго помѣщика“, чисто дворянская, реакціонно-полицейская партія обойдена ходомъ жизни, который вдвинулъ добрую долю помѣщицкаго элемента въ зарождающуюся буржуазію, а съ другой стороны превратилъ значительную долю кулаковъ и кабатчи-

ковъ въ помѣщики. Благодаря этой перемѣнѣ, не говоря уже о другихъ, болѣе симпатичныхъ послѣдствіяхъ новыхъ условій, прежняя, чисто дворянская реакціонная партія стала рѣшительнымъ анахронизмомъ, такъ что совершенно естественно, если такіе столбы ея, какъ графы П. А. Шуваловъ, Паленъ и наконецъ Дм. А. Толстой оказались не у дѣлъ. Конечно, и новый, смѣшанный, дворянско-купеческій верхній слой населенія Россіи вовсе не благопріятенъ даже императорскому демократизму, но этому новому слою вполнѣ бы отвѣчало министерство чистыхъ бюрократовъ, которые бы погладили слишкомъ уже выдающіяся шероховатости стараго крѣпостническаго и полицейскаго строя и были бы не прочь попустить извѣстную долю политическаго вліянія этому новому верхнему слою общества. За этимъ слоемъ могли бы имѣть надежду протиснуться и представители того, довольно уже многочисленнаго слоя болѣе обезпеченныхъ разночинцевъ, который желаетъ и болѣе широкой свободы, и мѣръ, нѣсколько болѣе благопріятныхъ для мужика, но который все еще привыкъ ожидать призыва „сверху“, вмѣсто того, чтобъ самому, при первомъ удобномъ случаѣ, притиснуть этотъ верхъ. Общій же характеръ этого верха, т. е. придворнаго болота, остается прежній, одинаково враждебный и императорскому демократизму, и буржуазной свободѣ, и разночинскому прогрессу. А такъ какъ право почина во всѣхъ дѣлахъ Россіи все еще остается исключительно въ рукахъ этого болота, то и понятно, почему девизомъ и теперешняго правительства Россіи остается ни туда, ни сюда, еслибы даже гербомъ его и не могъ уже служить, какъ въ 1866 г., откровенный ракъ.

Это „ни сюда, ни туда“, которое характеризуетъ дѣятельность высшихъ учрежденій имперіи по вопросамъ соціальнымъ, олицетворяется гр. Лорисъ-Меликовымъ по вопросу политическому. Но такъ какъ этотъ вопросъ, благодаря подкопамъ съ динамитомъ, принялъ острую форму, то здѣсь оказывается необходимымъ, если не движеніе, то верченіе, сопровождаемое словоизліяніями, которыя бы маскировали стояніе на одномъ мѣстѣ.

Блестящій опытъ такого словоизліянія былъ сдѣланъ „соправителемъ“ въ его извѣстномъ воззваніи къ жителямъ столицы. Но сейчасъ же, впрочемъ, оказалось, что какъ ни наивно наше „общество“, какъ ни деморализовано большинство его представителей въ печати, а всетаки даже эта печать высказала нѣсколько довольно положительныхъ желаній, между прочимъ мысли объ окончательномъ прекращеніи административнаго произвола надъ личностью и о созваніи земскаго собора. Оказалось, что шутить съ словоизліяніями нѣсколько опасно, а потому они перенесены были за границу, значительно сужены и приняли менѣе общій и болѣе аналитическій характеръ.

И странно оказалось положеніе „Верховной комиссіи“, шефъ которой торжественно обѣщалъ смотрѣть на общественную поддержку, какъ на свою главную силу въ работѣ, которая должна-де привести Россію на путь мирнаго прогресса! И въ самомъ воззваніи „общество“ не видѣло никакой программы этого мирнаго прогресса, а послѣ перестало слышать хоть какое-нибудь слово отъ тѣхъ людей, которыхъ оно призывалось поддерживать. Что такое дѣлаетъ и замышляетъ комиссія? объ этомъ пришлось узнавать изъ иностранныхъ газетъ. А иностранныя газеты, особенно нѣмецкія, врали самымъ беззастѣнчивымъ образомъ. И, странное дѣло! сравнивая время появленія и стиль иныхъ корреспонденцій въ „Kölnische Zeitung“, „Provinzial-Korrespondenz“, „Bund“ съ временемъ нѣкоторыхъ арестовъ, совершенныхъ по приказу диктатора, въ Петербургѣ и съ стилемъ извѣстій, которыя стали было появляться въ „St. Petersburger Herold“, видишь ясно, что агенты III Отдѣленія и новаго его шефа вовсе не чужды этимъ корреспонденціямъ. По этимъ же корреспонденціямъ выходило, что гуманнѣе и либеральнѣе правителя, чѣмъ гр. Лорисъ-Меликовъ, никогда и не было. Число будто бы освобожденныхъ имъ узниковъ показывалось все больше и больше и возрасло чуть не до числа 35000 курьеровъ, которые призывали Хлестакова управлять департаментомъ. Самыя либеральныя газеты Европы умилялись и не находили словъ для порицанія „нигилистовъ“, враговъ

столь гуманнаго правителя, а нѣкоторыя дошли до того, что стали увѣрять, будто гр. Лорисъ-Меликовъ снискалъ популярность даже между „нигилистами“. Внутреннія газеты перепечатывали фантазіи петербургскихъ корреспондентовъ заграничныхъ газетъ, въ то время, какъ около нихъ продолжались попрежнему аресты и высылки даже изъ литературныхъ круговъ (напримѣръ Стасова, Павленкова и др.).

Вышло очень уже глупо, такъ что само правительство должно было оффиціозно объявить, что до сихъ поръ никто не выпущенъ на свободу, т. е. другими словами ничего еще ровно не сдѣлано для „умиротворенія общества“ по этой части.

Какъ ничего не сдѣлано?! воскликнетъ иной читатель. А подчиненіе III Отдѣленія диктатору, а правительственное сообщеніе о собраніи свѣдѣній о сосланныхъ административнымъ порядкомъ, а наконецъ отставка гр. Дм. Толстого? Сознаемся, что намъ тѣмъ болѣе трудно будетъ опровергнуть это возраженіе, чѣмъ болѣе наши возражатели удержали въ памяти своей слова тѣхъ изъ либеральныхъ русскихъ изданій, которыя съ особою охотою употребляютъ ультра-лакейскій пріемъ оппозиціи, состоящій въ томъ, чтобъ дѣлать либеральнаго слона изъ всякой мушки, которую время отъ времени должно же пускать въ воздухъ правительство, да выражать свои оппозиціонныя пожеланія въ формѣ восхваленія правительства, которое будто бы ихъ осуществляетъ, хотя и понемножку. Пріемъ этотъ такъ тонокъ, что сейчесъ же и рвется въ виду самого правительства, которое, отлично понимая его, позволяетъ пускать его въ ходъ, когда ему самому нужно извлечь изъ него пользу, т. е. затуманить общественное мнѣніе и разрѣдить общественное недовольство.

Вся дѣятельность гр. Лорисъ-Меликова основана на этомъ пріемѣ (сознательно или безсознательно, — все равно) и по тому одному уже не можетъ имѣть никакого результата, кромѣ сохраненія стараго болота за временными миражами новыхъ живыхъ водъ. Мы постараемся сейчасъ же это доказать болѣе частнымъ разборомъ тѣхъ мѣръ, которыя до сихъ поръ возвѣ-

щены или сдѣланы нашими „умиротворителями общества“.

II.

Начнемъ съ мѣръ относительно учащейся молодежи. Когда-то Добролюбовъ открылъ способъ возстановлять правдивую исторію Россіи даже по Устрялову: стоитъ только читать исторію всякаго царствованія не въ главѣ о немъ самомъ, а въ слѣдующей, въ которой восхваляется новый государь за исправленіе безпорядковъ, за устраненіе которыхъ уже былъ восхваленъ въ предъидущей главѣ его предшественникъ. Такъ и теперь, на основаніи того, что говорится даже умѣренными газетами послѣ правительственнаго сообщенія о ссыльныхъ студентахъ и послѣ отставки гр. Толстого, можно себѣ представить ужасное положеніе молодежи среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній. Въ послѣднее время дошло до того, что родители, прощаясь съ сыномъ, отправляющимся въ университетъ, должны прощаться съ нимъ, какъ будто онъ ѣдетъ въ военный походъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, развѣ не въ своемъ родѣ Шипка — кіевская высылка 140 студентовъ или харьковское побіеніе студентовъ казаками? Правила же, изданныя для студентовъ въ прошломъ году, по которымъ вся жизнь ихъ въ университетѣ и на квартирахъ поставлена подъ микроскопъ двойной явной полиціи, инспекторской и квартальной, не считая полиціи тайной, правила, по которымъ даже право студента давать уроки поставлено въ зависимость отъ произвола околоточнаго, на котораго нѣтъ ни суда, ни аппеляціи, заключаютъ въ себѣ сотню поводовъ для партизанской и общей войны студентовъ съ начальствомъ. Война же эта можетъ оканчиваться чуть не ежедневно прогулками въ страны Макаровы, въ одиночку и массами. Общество, въ которомъ тысячи, десятки тысячъ семействъ живутъ въ постоянномъ ожиданіи подобныхъ перспективъ, спокойно жить не можетъ.

Что же придумано для его успокоенія? Обѣщаніе пересмотрѣть дѣла о сосланныхъ административнымъ порядкомъ, особенно объ учившейся молодежи, и воз-

вратить „раскаявшихся и благонадежныхъ“ въ ихъ домы и школы. Разсматривать эти дѣла будутъ губернаторы дальнихъ губерній, потомъ верховная коммиссія и министръ внутреннихъ дѣлъ, то есть выходитъ: „Улита ѣдетъ, когда еще будетъ“, а кромѣ того, кому еще привезетъ она амнистію, особенно принимая во вниманіе, что первые источники росы помилованія лежатъ въ становыхъ квартирахъ и полицейскихъ управахъ отдаленныхъ губерній, т. е. въ логовищахъ Живоглотовъ и Фейеровъ! А главное: допустимъ, что всѣ сосланные административно студенты возвратятся въ школы; а дальше что?! Дальше, новые поѣдутъ на ихъ мѣсто или же, при новыхъ столкновеніяхъ, старые будутъ наказаны сильнѣе, какъ рецидивисты, согласно, напр., условіямъ амнистіи, предоставленной извѣстной категоріи раскаявшихся студентовъ кіевской исторіи 1878 г. Вѣдь о томъ, что измѣняются самыя условія жизни, которыя порождаютъ „студентскія исторіи“, даже не сдѣлано было никакого „правительственнаго сообщенія“.

Объ этихъ условіяхъ мы говорили подробно въ IV т. нашего изданія „Громада“ (стр. 273—309) сейчасъ послѣ того, какъ по всѣмъ почти большимъ городамъ Россіи отбылись „студентскія исторіи“ 1878—1879, которыя наполнили дальній сѣверъ и востокъ ссыльною молодежью. Къ этому тому „Громады“ мы и отсылаемъ тѣхъ изъ читателей, которые бы поинтересовались узнать наше мнѣніе, одинаково отличное отъ тѣхъ, какія высказывались на этотъ счетъ въ русской печати, легальной и революціонной.[1] Въ настоящее время мы считаемъ необходимымъ сказать немного и принаровительно къ текущимъ обстоятельствамъ.

Причинъ, столь печальныхъ по своимъ результатамъ, „студентскихъ волненій“ двѣ: 1. перенесеніе въ школы борьбы политической, — перенесеніе, въ

[1] Сущность отличій нашего мнѣнія отъ тѣхъ, которыя были высказываемы въ русской революціонной печати, состоитъ въ томъ, что, по нашему мнѣнію, преждевременное участіе молодежи въ практическомъ революціонномъ движеніи невыгодно прежде всего для самаго этого движенія, особенно для соціалистическаго. Соціализмъ имѣетъ дѣлью освобожденіе и организацію труда, а потому и требуетъ для себя готовыхъ и зрѣлыхъ работниковъ ремесленнаго и научнаго труда.

которомъ наше правительство виновато гораздо болѣе, чѣмъ революціонные кружки; 2. отсутствіе такъ называемой академической свободы. Обѣ причины тѣсно связаны между собой по своей сущности, а особенно тѣсно связываются онѣ въ Россіи. Во всякой самой незначительной школьной исторіи русское правительство видитъ бунтъ противъ власти, и даже вообще напередъ видитъ врага въ каждомъ студентѣ, да не только въ студентѣ, а даже въ гимназистѣ: намъ извѣстны факты исключенія учениковъ изъ IV-го класса гимназіи изъ-за политическихъ причинъ; а нѣсколько лѣтъ тому назадъ изъ напечатаннаго кіевскимъ университетомъ сборника министерскихъ распоряженій по университетскимъ дѣламъ обнаружилось, что въ Россіи существуетъ каста паріевъ, по политическимъ соображеніямъ лишенныхъ, нѣкоторымъ образомъ наслѣдственно, права поступленія въ университеты: саратовскіе семинаристы и ставропольскіе гимназисты!

Впрочемъ, каждый читатель можетъ самъ припомнить столько фактовъ политической борьбы русскаго правительства со школами и школьниками, что мы можемъ прекратить рѣчь объ этомъ предметѣ и перейти къ слѣдующему: къ вопросу объ академической свободѣ.

Хотя объ этомъ вопросѣ въ русской печати и больше говорилось, чѣмъ о предъидущемъ, но нельзя сказать, чтобъ этотъ вопросъ былъ ясенъ русской публикѣ во всей его полнотѣ. Печать легальная, въ которой этотъ вопросъ обсуждался почти исключительно профессорами, говорила, и по временамъ довольно пространно, только объ одной его сторонѣ, о томъ, что она называла автономіей университетовъ и что собственно слѣдовало бы назвать автономіей профессорскихъ сенатовъ. Печать же революціонная, вспоминая о школахъ только по поводу студентскихъ волненій, говорила только о такъ называемыхъ студентскихъ правахъ и тоже весьма неполно (кассы, сходки) и въ то же время смѣшивая эти права съ политическими правами гражданъ страны и чуть ли даже не членовъ парламентовъ. Между

тѣмъ понятіе объ академическихъ правахъ съ одной стороны нѣсколько уже, но съ другой стороны гораздо полнѣе, чѣмъ представляютъ его наши студенты, которые, напр., никогда не требовали отъ правительства главнѣйшей изъ академическихъ свободъ, свободы преподаванія; вмѣстѣ съ тѣмъ понятіе это обнимаетъ всѣ элементы академическаго общества: и профессоровъ, и доцентовъ, и студентовъ, а вовсе не однихъ членовъ университетскихъ совѣтовъ, какъ думаютъ наши профессора.

Академическое общество или даже академическое государство, Civitas academica, какъ говорятъ на западѣ, общество спеціальное, составленное изъ индивидуумовъ извѣстнаго труда, а также изъ тѣхъ, которые учатся у нихъ этому труду и его приложенію. Всего скорѣе можно сравнить школу, особенно высшую, съ фабрикой, въ которой мы видимъ полныхъ рабочихъ и учениковъ, переходящихъ постепенно въ полные рабочіе. Очевидно, что спеціальное это общество должно имѣть извѣстную дисциплину, выходящую изъ сущности процессовъ своего производства и, конечно, соотвѣтственную возрасту членовъ корпораціи.[1] Но очевидно также, что общество это должно имѣть и свою свободу и въ цѣломъ, и въ частяхъ. Свобода эта по отношенію къ окружающей средѣ должна выражаться въ извѣстномъ самоуправленіи, которое бы не допускало до распоряженія въ дѣлахъ корпораціи людей и вѣдомствъ, которые, не имѣя спеціальной подготовки или имѣя цѣли совсѣмъ противоположныя цѣлямъ корпораціи, портили бы самый предметъ ея производства — науку. Затѣмъ самый этотъ, такъ сказать, товаръ-наука требуетъ для успѣшности своего производства свободы мысли, т. е. слова, которая поэтому и есть самая главная изъ всѣхъ свободъ академическихъ. Такъ какъ въ высшихъ школахъ въ производствѣ научнаго товара участвуютъ вовсе не одни полные рабочіе, профессора, но и ихъ помощники-ученики, студенты, и такъ какъ самое усвоеніе этими послѣдними мыслей профессо-

[1] Изъ расчета, сдѣланнаго въ кіевскомъ университетѣ, видно, что средній возрастъ студента въ Россіи далеко не дѣтскій: 23 года.

ровъ есть тоже работа, а не пассивное только потребленіе, и работа, требующая, для успѣшности своего процесса, тоже свободнаго обмѣна мыслей, то поэтому свобода научнаго слова есть необходимое условіе и для студентовъ высшихъ школъ. Эта свобода слова должна существовать для каѳедры, для научныхъ собраній профессоровъ, для такихъ же собраній профессоровъ и студентовъ вмѣстѣ и студентовъ отдѣльно, а также для академической печати. Наконецъ постоянный совмѣстный трудъ порождаетъ между членами высшей школы, между преподавателями и студентами, цѣлый рядъ личныхъ связей, которыя тоже естественно влекутъ ихъ къ совмѣстному удовлетворенію чисто личныхъ потребностей: взаимнаго препровожденія времени, взаимной помощи и т. п. Отсюда вытекаетъ потребность въ чисто товарищескихъ учрежденіяхъ, каковы клубы, читальни, кассы помощи и т. п., которыя требуютъ для себя тоже извѣстной свободы.

Таковы три естественныхъ круга академическихъ свободъ, которые мы дѣйствительно видимъ болѣе или менѣе признанными въ жизни западноевропейскихъ высшихъ школъ отъ самыхъ среднихъ вѣковъ и которые тамъ не были отрицаемы въ основѣ своей и въ самыя мрачныя минуты деспотизма духовнаго и свѣтскаго. Если мы возьмемъ, напр., современную Германію и Австрію, по примѣру высшихъ школъ которыхъ думали моделировать университеты въ Россіи, то мы увидимъ, что, несмотря ни на какія колебанія въ сферѣ практической политики, всетаки тамъ профессора преподаютъ, какъ имъ повелѣваетъ научная совѣсть, наприм., натуралистъ Геккель держится тѣхъ идей, которыя изложены въ его книгѣ „Натуральная исторія сотворенія міра“ (Natürliche Schöpfungsgeschichte), которая была запрещена цензурой въ Россіи, профессора даже богословскихъ факультетовъ открыто признаютъ небожественность Христа, проф. Ланге печатаетъ „Исторію матеріализма“ и „Рабочій вопросъ“ (котораго русскій переводъ задержала цензура), профессоръ-министръ Шефле — „Сущность соціализма“ и т. д., и т. д. Отту-

денты высшихъ школъ составляютъ между собою ученыя и литературныя общества, общеакадемическія и земляцкія и національныя, на собраніяхъ которыхъ читаются рефераты о всякихъ вопросахъ наукъ, какъ естественныхъ, такъ и гуманно-общественныхъ, до соціализма включительно. Мы не говоримъ уже о чисто-товарищескихъ учрежденіяхъ и сборищахъ, въ которыхъ зачастую, а въ клубахъ (музеяхъ) маленькихъ городовъ и въ академическихъ читальняхъ большихъ городовъ всегда, встрѣчаете членами и профессоровъ, и студентовъ. Вотъ почему въ Западной Европѣ нѣтъ нашихъ „университетскихъ исторій“, а если и бываютъ маленькія, неизбѣжныя столкновенія, то они улаживаются чисто домашнимъ образомъ и не получаютъ характера политическихъ бунтовъ.

Сравните съ описанной жизнью любого нѣмецкаго или даже французскаго университета, даже при Бисмаркѣ и Наполеонѣ III, жизнь нашихъ высшихъ школъ, и вы поймете, почему это въ Россіи „университетскія исторіи“ не сходятъ со сцены десятки лѣтъ. Переведите на любой европейскій языкъ отрывокъ изъ недавняго процесса ярославскихъ студентовъ передъ московскимъ военнымъ судомъ, отрывокъ, въ которомъ студенту Страхову ставится въ вину чтеніе реферата о книгѣ Маркса, а профессоръ Владимірскій Будановъ допрашивается о томъ, говорилъ ли онъ ярославскимъ студентамъ, что въ кіевскомъ университетѣ студенты по указанію профессора реферируютъ о Марксѣ (можетъ быть, и въ полемическомъ духѣ), и отвѣчаетъ столь мало достойнымъ профессора образомъ, что, молъ, въ кіевскомъ университетѣ рефератовъ нѣтъ (!?!), а что самъ онъ преподаетъ не политическую экономію, а исторію русскаго права, а потому-де о Марксѣ студентамъ и говорить не могъ! Консервативнѣйшій нѣмецъ подумаетъ, что и прокуроръ, и профессоръ съ ума сошли, одинъ обвиняя, а другой оправдываясь такимъ образомъ. Тому же, что въ Россіи, собственно говоря, запрещено склоненіе слова „студентъ“ во множественномъ числѣ, а желаніе студентовъ имѣть свои кассы и читальни признается революціей, ни одинъ европеецъ, знающій

свою университетскую жизнь, не хочетъ вѣрить, и глядя на борьбу правительства Россіи со студентами, думаетъ, что послѣдніе требуютъ чего-нибудь вродѣ признанія права безпрепятственно подкладывать динамитъ подъ императорскіе дворцы. (Соображеніе, которое, надо замѣтить, очень часто поддерживаютъ петербургско-остзейскіе корреспонденты нѣмецкихъ газетъ.) Правилъ же, недавно изданныхъ для студентовъ въ Россіи, навѣрно ни одинъ европеецъ и не понялъ въ ихъ деталяхъ, такъ какъ они переносятъ въ міръ столь же для него чужой, какъ міръ полинезійскихъ сословныхъ церемоній.

Теперь само правительство, повидимому, сообразило, что оно хватило черезъ край въ войнѣ своей со студентами и сочло нужнымъ хоть посулить обществу что-то вродѣ студентской амнистіи, а гр. Лорисъ-Меликовъ считаетъ необходимымъ афишировать свою любовь къ молодежи, внося за нее плату за право слушанія лекцій. Находятся наивные люди, которые радуются и тому, и другому. Но не всѣ же наивны. Найдутся и въ Россіи, и, прежде всего, конечно, среди самихъ студентовъ люди, которые спросятъ: а дальше что?

Иностранныя газеты, извѣщая объ отставкѣ графа Толстого, пустили слухъ и о томъ, что составленныя имъ правила для студентовъ будутъ отмѣнены, а также оставлены будутъ безъ исполненія планы реформы университетскаго устава 1863 г. Но всѣ подобныя отмѣны не измѣняютъ сущности „университетскаго вопроса“ въ Россіи. Вопросъ этотъ вовсе не рѣшенъ въ европейскомъ смыслѣ уставомъ 1863 г., который далъ только извѣстныя, чисто бюрократическія права профессорской аристократіи, и вовсе не даетъ свободы ни преподаванія, ни ученой печати и обществъ, а студентскаго общества вовсе не признаетъ. Даже прошлогднія правила, при всей своей дикости, вовсе не противны духу этого устава и только нагло и мелочно формулируютъ сущность нормальныхъ отношеній русскаго правительства къ студентамъ. О томъ, что университетскій вопросъ можетъ быть рѣшенъ новыми Харитоненско-Лорисовскими и Поляковско-

Александровскими бурсами для студентовъ, смѣшно и говорить послѣ разговоровъ о европейскихъ порядкахъ. „Университетскій вопросъ“ въ Россіи можетъ быть рѣшенъ окончательно, и семейства наши могутъ быть успокоены за участь своихъ сыновей-студентовъ только послѣ признанія и за нашими высшими школами всѣхъ трехъ круговъ европейской академической свободы.

Спрашивается, возможно ли это признаніе въ Россіи въ настоящее время, при настоящемъ политическомъ ея строѣ, т. е. при самодержавіи? Очевидно нѣтъ. Правда, въ Пруссіи Фридриха Великаго былъ изданъ законъ, который признавалъ самое существенное изъ всѣхъ академическихъ правъ: „наука и преподаваніе — свободны“. Но вышеупомянутый самодержецъ Пруссіи былъ всетаки „король-философъ“ и другъ Вольтера, а, главное, въ Европѣ, гдѣ университеты возникли раньше „полицейскаго государства“, нравы слишкомъ привыкли къ извѣстной ихъ свободѣ. Да и въ Германіи, когда послѣ 1815 г. началась борьба общества съ „полицейскимъ государствомъ“, вродѣ той, какая теперь ведется въ Россіи, полиція стала стѣснять высшія школы, при чемъ поводомъ къ стѣсненіямъ было то, что члены „академическихъ обществъ“, люди наиболѣе образованные, а, кромѣ того, въ массѣ своей молодежь, оказывались самыми чувствительными къ общественному недовольству устарѣлой политической системой. Послѣ того, какъ студентъ Зандъ въ 1819 г. убилъ Коцебу, которому, конечно, было далеко до Трепова или Мезенцева, Меттернихъ настоялъ на принятіи мѣръ противъ академическихъ корпорацій. Нужно, впрочемъ, сказать, что нѣмецкія академическія общества въ эпоху реакціи между 1815 и 1848 гг. вели дѣйствительную политическую борьбу съ правительствами, гораздо болѣе явную, чѣмъ наши студенты, такъ, еще передъ убійствомъ Коцебу въ 1817 г. „Всеобщій нѣмецкій студентскій союзъ“ (Allgemeine Deutsche Burschenschaft) сдѣлалъ открытую политическую манифестацію въ Вартбургѣ, въ которой приняли участіе и нѣсколько профессоровъ. Профессора Ротекъ, Вельке и др.

принимали явное участіе въ противоправительственной литературѣ, профессора Гервинусъ, два Грима, Дальманъ и др. подписали протестъ противъ беззаконія ганноверскаго короля. До всего этого далеко нашимъ студентамъ и нашимъ профессорамъ. И тѣмъ не менѣе Меттерниховы мѣры, крайне либеральныя, по сравненію съ русскими законами и правилами, вызвали открытое порицаніе и ученыхъ, вродѣ Нибура, Дальмана, Фельке, и даже многихъ государственныхъ людей, изъ которыхъ прусскій министръ Штейнъ жаловался императору Александру, что мѣры Меттерниха „отнимаютъ у учителей и учениковъ свободу, которая необходима имъ для развитія характера и изслѣдованія истины". Само собою разумѣется, что стѣсненія не только не устранили недовольства противъ полицейскаго государства, а усилили его, и въ студентской средѣ создались уже чисто политическія конспираціи (секціи Jünglingsbund'a), которыя держали тайные конгрессы и принимали дѣятельное участіе въ революціонныхъ попыткахъ, завершившихся вѣнскою революціею 1848 г., въ которой „студентскій легіонъ" игралъ столь видную роль.

Только когда 1848 годъ подкосилъ въ корнѣ полицейское государство и заставилъ признать вмѣстѣ съ принципомъ общей политической свободы и свободу академическую, прекратилась въ Германіи студентская и вообще академическая политика, и студенты стали только студентами, которые смотрятъ на университеты, какъ на школы, по окончаніи курса въ которыхъ они дѣятельно пристаютъ къ такой политической партіи, какая ближе имъ по ихъ убѣжденіямъ и интересамъ.

Очевидно, что мы только вступаемъ въ періодъ политической борьбы, какой пережила Германія въ 1815—1848 гг., а потому намъ далеко еще не пора успокаиваться за участь нашихъ не только студентовъ, но даже и профессоровъ, если только послѣдніе пожелаютъ оказаться хоть сколько-нибудь достойными своихъ европейскихъ товарищей.

Положеніе дѣлъ значитъ совершенно ясно: безъ академической свободы нѣтъ спокойствія въ

высшихъ школахъ, а академическая свобода даже и въ Германіи оказалась не совмѣстима съ государствомъ самодержавнымъ. А потому семейства, которыя порадуются пріѣзду Лорисъ-Меликовской Улиты, студентской амнистіи, и отъѣзду гр. Толстого изъ министерства, могутъ умѣрить свою радость и свои надежды: болото самодержавія осталось то же, а, слѣдовательно, и черти его, жандармы III Отдѣленія не замедлятъ вновь приняться за перенесеніе высшихъ учебныхъ заведеній въ Тотьмы, Березовы, Енисейски, и тому подобныя „мѣста, не столь отдаленныя“!

III.

Быть можетъ, кто-нибудь замѣтитъ намъ, что нечего бояться новыхъ вмѣшательствъ жандармовъ III Отдѣленія въ жизнь нашихъ высшихъ школъ, тѣмъ болѣе, что самое это III Отдѣленіе, если уже не преобразовано, то будетъ преобразовано графомъ Лорисъ-Меликовымъ въ нѣчто вродѣ „Департамента Утѣхъ“.

Скучно въ сотый разъ говорить одно и то же, да нечего дѣлать! Будемъ говорить и о III Отдѣленіи. Вся политическая исторія Европы, вся исторія самого этого III Отдѣленія въ Россіи доказываетъ, что подобныя учрежденія со всѣми ихъ произвольными дѣйствіями: господствомъ шпіоновъ, заключеніемъ въ Бастилію безъ суда, административною ссылкою, ночными обысками и т. п. успокоительными сюрпризами, суть непремѣнные спутники самодержавнаго правительства. Крайне характерно, что обязательность доносовъ была одною изъ первыхъ мѣръ, принятыхъ московскимъ самодержцемъ Иваномъ III, лишь только онъ навязалъ свое „государство“ новгородскому народоправству. Это было Благовѣщеніемъ появленія нынѣ благополучно царствующаго III Отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи, какъ Рождествомъ его было учрежденіе Опричины первымъ царемъ московскимъ Иваномъ Грознымъ. Дѣянія этой опричины, а потомъ разнаго рода застѣнковъ и тайныхъ приказовъ, тайныхъ розыскныхъ канцелярій въ пе-

ріодъ окончательнаго сложенія монархіи московской и петербургской въ XVII и XVIII в., достаточно извѣстны даже изъ учебниковъ. Но вотъ наступило время, когда и на верху трона почувствовалась неловкость при видѣ очень ужъ откровенныхъ злодѣйствъ тайныхъ канцелярій. Съ тѣхъ поръ наступилъ лицемѣрный періодъ III Отдѣленія: его отмѣняютъ, прячутъ, преобразовываютъ, и всетаки оно возрождается и злодѣйствуетъ по-прежнему.

Вотъ въ какихъ рѣшительныхъ выраженіяхъ отмѣнилъ современное ему III Отдѣленіе императоръ Петръ III: „Всѣмъ извѣстно, что къ учрежденію тайныхъ розыскныхъ канцелярій, сколько разныхъ именъ имъ не было, побудили вселюбезнѣйшаго нашего дѣда, государя императора Петра Великаго, монарха великодушнаго и человѣколюбиваго, тогдашнихъ временъ обстоятельства и неисправленные еще въ народѣ нравы. Съ того времени отъ часу меньше становилось надобности въ помянутыхъ канцеляріяхъ. Но какъ тайная канцелярія всегда оставалась въ своей силѣ, то злымъ, подлымъ и бездѣльнымъ людямъ подавался способъ или ложными затѣями протягивать вдаль заслуженныя ими казни и наказанія, или же злостнѣйшими клеветами поносить своихъ начальниковъ и непріятелей. Вышеупомянутая Тайная розыскныхъ дѣлъ канцелярія уничтожается отнынѣ навсегда, а дѣла оной имѣютъ быть взяты въ Сенатъ, но за печатью къ вѣчному забвенію въ архивъ положатся“ (Соловьевъ, XXV, 16).

Екатерина II сочла нужнымъ еще разъ отмѣнить Тайную розыскныхъ дѣлъ канцелярію почти въ такихъ же выраженіяхъ, но къ концу ея царствованія канцелярія эта возрождается въ видѣ „Экспедиціи“ (о которой мы имѣли случай говорить въ „Листкѣ Громады“, № 1), а Павелъ I прямо и при помощи подобныхъ учрежденій, видимо, думалъ всю Россію экспедировать въ Сибирь. Послѣ его собственнаго переселенія въ административномъ порядкѣ въ Елисейскія поля, Александръ I манифестомъ 1801 г. еще разъ „навсегда“ отмѣнилъ Тайную канцелярію, при чемъ заявилъ, что „никакія личныя правила, по са-

мому существу своему перемѣнѣ подлежащія, не могутъ положить надежнаго оплота злоупотребленію“ (такими учрежденіями, какъ тайныя канцеляріи), а „потребна для того сила закона“ и что онъ, „сливая пользы свои съ пользами своихъ вѣрноподданныхъ, поручаетъ единственно дѣйствію закона охраненіе имени своего и государственной цѣлости“.

Тѣмъ не менѣе къ концу правленія Александра I опричина возродилась въ видѣ Аракчеева, а Тайная экспедиція въ видѣ особаго бюро при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, изъ котораго Николай I сотворилъ настоящее III Отдѣленіе, которое при Александрѣ-Освободителѣ и развилось „столь прекрасно и великолѣпно, какъ мы нынѣ это видимъ“, т. е. такъ, какъ врядъ ли снилось и самому Павлу I.

Эта „Natürliche Schöpfungsgeschichte“ III Отдѣленія должна бы послужить достаточнымъ охлажденіемъ для тѣхъ пылкихъ душъ, которыя умиляются реформами, введенными въ этой Инквизиціи гр. Лорисъ-Меликовымъ и ждутъ огражденія личной неприкосновенности отъ предстоящаго будто бы совершеннаго ея упраздненія. Но такъ какъ подобныя пылкія души еще существуютъ и даже подаютъ голосъ въ печати, то и мы должны напомнить еще хоть два факта:

Первый. Когда послѣ вышеупомянутаго либеральнаго манифеста Александра I, въ кругу друзей его, который самъ императоръ звалъ „Comité du Salut public“, поднятъ былъ вопросъ о судебной реформѣ, при чемъ естественно зашла рѣчь и объ огражденіи неприкосновенности личности безъ суда (что въ Англіи ограждено такъ называемымъ Habeas-Corpus-act), то, по словамъ дневника этого комитета, „Новосильцевъ замѣтилъ, что прежде учрежденія такого права слѣдуетъ хорошенько подумать, не будетъ ли правительство вынуждено иногда нарушить Habeas-Corpus; а въ такомъ случаѣ лучше и не принимать его. Его Величество сказалъ, что именно это самое замѣчаніе онъ уже сдѣлалъ гр. Воронцову“....[1] Остальное извѣстно!

Второй. За судебную реформу на европейскій ладъ принялись, наконецъ, при Александрѣ II. Дошло

[1] „Вѣстникъ Европы“, 1866. I. 173—194. Ср. „Громада“ II. 439—440.

дѣло и до Habeas Corpus въ самомъ деликатномъ его пунктѣ, въ вопросѣ о слѣдствіи по дѣламъ политическаго характера. Въ 1863 г. комиссія, составлявшая проектъ судебной реформы, даже напечатала „Основныя Положенія о судебномъ преобразованіи“ и въ нихъ, между прочимъ, прописала, что предварительное слѣдствіе по преступленіямъ государственнымъ производится однимъ изъ членовъ судебной палаты, при личномъ присутствіи ея прокурора“. Слова эти возбудили самыя пылкія ожиданія въ либеральной печати тогдашняго времени: „Кто станетъ оспаривать, говорили „С.-Петербургскія Вѣдомости“ (1863, № 1), что этотъ параграфъ обѣщаетъ болѣе полное и дѣйствительное уничтоженіе тайныхъ судилищъ и содержитъ въ себѣ болѣе существенныя гарантіи, чѣмъ краснорѣчивый манифестъ 1801 г.? Если общество наше, памятуя всю непрочность громкихъ фразъ, обратитъ должное вниманіе на этотъ параграфъ и при введеніи новыхъ судебныхъ учрежденій станетъ крѣпко за каждую букву этой коротенькой и простой фразы, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что громкое учрежденіе (какъ тонко! это III Отдѣленіе!) падетъ само собою, тихонько, незамѣтно, но тѣмъ не менѣе, рѣшительно и безвозвратно, такъ что не только прежнія его дѣйствія, но и самый способъ этихъ дѣйствій преданъ будетъ вѣчному забвенію. Останется тайная полиція, тайное наблюденіе (всякое полицейское наблюденіе совершается тайно), но тайное слѣдствіе и тайный судъ, благодаря означенному скромному параграфу, сдѣлаются рѣшительно невозможными.“

Приведя эти слова „С.-Петербургск. Вѣдомостей“, „Отечественныя Записки“ того времени (1863, № 1) прибавляютъ и отъ себя розовыя надежды и даже рѣшаются на нѣкоторую иронію надъ будто бы предназначеннымъ къ потопленію болваномъ третьеотдѣленскаго Перуна и разсказываютъ о немъ забавные анекдоты, вовсе, впрочемъ, не забавные для тѣхъ, кого они касались. Точь въ точь какъ теперь! Но болвана, какъ извѣстно, даже не потащили къ Днѣпру, а если бы таковое съ нимъ и случилось, по примѣру

1762 и 1801 гг., то монархія не замедлила бы выкликнуть: „выдыбай, нашъ Боже! выдыбай!“ Вся реформа состояла бы въ томъ, что мѣсто „зданія у Цѣпного моста“ заняло бы какое нибудь другое, — у Египетскаго, что ли, — независимо отъ дѣйствія основного закона россійской имперіи, выраженнаго въ куплетѣ: „и къ чему тутъ зданіе у Цѣпного моста? выйдетъ приказаніе, отдерутъ и просто!“

Нѣтъ, такія „громкія учрежденія“, какъ инквизиціи, бастиліи, III отдѣленія, нигдѣ не падали ни тихонько и незамѣтно вслѣдствіе канцелярскихъ проектовъ, ни отъ краснорѣчивыхъ манифестовъ, провозглашаемыхъ съ трона, ни тѣмъ паче отъ туманныхъ прокламацій à la Лорисъ-Меликовъ. Въ такихъ государствахъ, какъ Россійская Деспотія, не только неприкосновенность гражданина, или же нормальный судъ для лицъ, заподозрѣнныхъ въ политическомъ преступленіи, но даже такія скромныя права, какъ право студентовъ имѣть свои вспомогательныя кассы, могутъ быть добыты только послѣ паденія самодержавной монархіи, а это паденіе нигдѣ безъ грому не обходилось.

Когда и какъ совершится это паденіе въ Россіи, мы не беремся предсказывать, но мы твердо увѣрены, что пока будетъ существовать самодержавное болото, никакое рѣшительное движеніе Россіи впередъ невозможно и всѣ черти, какіе теперь такъ безпокоятъ общество въ Россіи, будутъ дѣйствовать по прежнему.

Впрочемъ, если уже говорить до конца, такъ черти III отдѣленія съ ихъ шутками административнаго порядка не переведутся окончательно и въ монархіи конституціонной; доказательства: исключительный законъ противъ соціалистовъ въ Германіи, періодическая отмѣна Habeas Corpus въ Ирландіи и т. п. Но только эти черти западно-европейскихъ „исключительныхъ положеній“ всетаки чертики въ сравненіи съ духами Джеффрайзовъ и Бастилій „стараго порядка“ и просто ангелы передъ тѣми, которые нормально самовольствуютъ въ Россіи.

Женева, 15 мая 1880.

Терроризмъ и свобода,

муравьи и корова.

Отвѣтъ на отвѣтъ „Голоса“.

(Первоначально напечатано отдѣльной брошюрой. Женева 1880.)

Мы охотно признаемъ, что заглавіе настоящей статейки мало соотвѣтствуетъ серьезности предметовъ, о которыхъ мы думаемъ трактовать и что оно слишкомъ напоминаетъ заглавіе басенъ блаженной памяти Кузьмы Пруткова. Но, право, вина въ этомъ должна падать не на насъ, а на ту газету, по поводу статьи которой мы должны говорить о предметахъ весьма серьезныхъ и для насъ, и для читателей.

Дѣло вотъ въ чемъ:

Рядъ политическихъ убійствъ и покушеній повелъ за собою объявленіе Россіи на военномъ положеніи, а, наконецъ, назначеніе вице-императора, гр. Лорисъ-Меликова. Вице-императоръ издалъ прокламацію, въ которой обѣщаетъ искорененіе источника вышеупомянутыхъ „смутъ“, а вмѣстѣ и возвращеніе Россіи на путь мирнаго развитія. Спустя извѣстное время, послѣдовали нѣкоторыя перемѣны въ высшей администраціи, напр., отставка шефа жандармовъ, потомъ перемѣна министра народнаго просвѣщенія и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ заявлено было о предстоящей амнистіи для части сосланныхъ административнымъ порядкомъ, особенно для студентовъ. Нѣкоторые наивные люди и въ Россіи, и за границей пришли въ умиленіе и отъ прокламаціи, и отъ личныхъ перемѣнъ, и отъ обѣщаній, и даже воспылали разными надеждами. По поводу этого умиленія и надеждъ мы напечатали двѣ статейки: „Соловья баснями не кормятъ“ и „Было бы болото, а черти будутъ“,

въ которыхъ посильными соображеніями и ссылкой на исторію старались доказать, что такъ называемая „смута“ не можетъ быть искоренена, и, главное, никакое серьезное движеніе Россіи впередъ не возможно, если не будутъ измѣнены ея основные законы въ направленіи политической свободы.

По поводу этихъ то нашихъ брошюръ „Голосъ“ написалъ намъ „отвѣтъ“, при чемъ нѣкоторыя части его редижировалъ такъ, какъ будто онъ отвѣчаетъ намъ отъ имени самого вице-императора Россіи. Но, къ сожалѣнію, петербургская газета ничего не отвѣтила по существу дѣла, а перескочила черезъ вопросъ, кавалерски обошлась съ поставившимъ его и закончила весьма спутанною аллегоріей о трудолюбивыхъ муравьяхъ и праздной коровѣ. Вмѣсто того, чтобъ нашимъ политическимъ требованіямъ и мнѣніямъ противоставить свои, „Голосъ“ записалъ насъ въ „русскую соціально-революціонную партію“, какую затѣмъ онъ и изобразилъ, какъ самъ захотѣлъ, и потомъ началъ намъ доказывать все неприличіе для насъ, какъ для члена этой партіи, толковать о политической свободѣ. Затѣмъ послѣ страннаго моленія, обращеннаго къ намъ лично о томъ, чтобъ мы „употребили свое вліяніе, чтобъ новое (?!) и отрадное (!!!) теченіе, показавшееся въ нашей администраціи (т. е. кормленіе соловья баснями!) не было прервано какимъ нибудь возмутительнымъ пассажемъ“, — разсказываетъ намъ о томъ, какъ какіе то трудолюбивые муравьи къ числу которыхъ, конечно, редакція причисляетъ себя, а можетъ быть и гр. Лорисъ-Меликова, за котораго она говоритъ, потихоньку строютъ свое жилище и какъ время отъ времени ихъ работу разрушаетъ праздная и лѣнивая корова, т. е. русскіе революціонеры. Въ заключеніе скромная газета грозитъ разсердиться и обратиться съ своими муравьями въ грозную силу, „которая де прихлопнетъ „соціально-революціонную“ корову, такъ что и слѣда (отъ нея) не останется“...

Волей не волей мы должны теперь обсуждать затронутые вопросы въ странныхъ рамкахъ, данныхъ нашимъ возражателемъ.

Начнемъ съ покорнѣйшей просьбы выключить насъ не только изъ „русской соціально-революціонной“, но и изъ какой бы то ни было „русской“ партіи. Мы хотя и родились отъ „подданныхъ русскаго императора“, но мы не русскій ни въ одномъ изъ тѣхъ двухъ смысловъ этого слова, въ какихъ оно обычно употребляется. Мы не великоруссъ, — а украинецъ, и какъ таковой, мы членъ націи, которая не только подавляется въ „русскомъ“ государствѣ, въ Россіи, и правительствомъ, а отчасти и обществомъ господствующей національности, но и помѣщается и за предѣлами Россіи — въ Австро-Венгріи.

Поставивъ себѣ главною цѣлью работать, по мѣрѣ нашихъ силъ и умѣнья, на пользу нашего родного народа, мы можемъ говорить о „русскихъ“ (великорусскихъ и россійскихъ) дѣлахъ лишь по стольку, по сколько они касаются нашего народа; мы можемъ по стольку же входить въ соприкосновеніе и съ „русскими“ партіями, но отнюдь не можемъ помѣщаться всецѣло ни въ какую изъ нихъ. Это должно бы быть извѣстно и „Голосу“, который называетъ насъ „издателемъ украинофильской (?) „Громады“.[1] Дальше мы въ этой самой „Громадѣ“ не однократно заявляли, что всѣ наши мнѣнія мы высказываемъ лично отъ себя, а вовсе не отъ какой либо партіи или даже группы. Поэтому, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, мы и подписываемъ всѣ свои политическія статьи и въ „Громадѣ“, и внѣ ея. Когда настанетъ намъ время говорить вмѣстѣ съ какой либо партіей, или по ея уполномочію, тогда вмѣстѣ съ нашей будутъ стоять и подписи другихъ членовъ партіи, или будетъ напечатанъ мандатъ, подписанный нашими довѣрителями. До тѣхъ же поръ мы просили бы нашихъ возражателей, начиная съ „Голоса“, если они уже удостоиваютъ насъ спора, то и спорить прямо противъ нами высказанныхъ мнѣній, оставя въ сторонѣ всякія, а особенно „русскія“ партіи.

Затѣмъ, конечно, мы должны просить „Голосъ“ спорить съ тѣми мнѣніями, которыя мы дѣйстви-

[1] Сами мы зовемъ свой сборникъ „украинскимъ“, а не „украинофильскимъ“ и частенько полемизируемъ со старыми украинофилами въ Россіи и въ Австріи.

тельно высказывали, а не съ тѣми, какія ему угодно намъ накинуть или за насъ сочинить. Такъ, напр., если уже кому угодно говорить съ нами о тѣхъ явленіяхъ, какія теперь зовутся въ Россіи „смутой", т. е. о тайныхъ политическихъ убійствахъ, то мы напомнимъ, что мы о нихъ высказали весьма опредѣленное мнѣніе при самомъ ихъ началѣ, а именно въ „Листкѣ Громады" 1878 г.

Въ этомъ листкѣ мы старались показать, что ни одно изъ надѣлавшихъ въ послѣднее время шуму въ Россіи и въ Европѣ покушеній и убійствъ, кромѣ убійства ирландскаго лорда Лейтрима, ни съ какими явленіями соціальнаго характера прямого соотношенія не имѣетъ. Покушеніе же Пассананте, о которомъ вспоминаетъ намъ въ пику „Голосъ", есть просто случайность, которая въ Италіи и не имѣла ровно никакихъ послѣдствій ни для политическихъ партій, которыя остались каждая на своемъ мѣстѣ, ни для соціальныхъ, изъ которыхъ интернаціоналистовъ, какъ прежде преслѣдовали, на сколько можно было при тамошнихъ порядкахъ, такъ преслѣдуютъ и послѣ покушенія. Въ Германіи Бисмаркъ, правда, извлекъ для себя пользу изъ покушеній Геделя, который долженъ быть устраненъ изъ всякихъ партій, такъ какъ онъ самъ отрицалъ даже намѣреніе стрѣлять въ короля, и Нобилинга, который былъ собственно республиканецъ, а не соціалистъ; Бисмаркъ вынудилъ у парламента законъ противъ соціалистовъ, подобно тому, какъ русскіе крѣпостники 1866 г. извлекли себѣ пользу изъ покушенія Каракозова, но покушеніе Нобилинга черезъ то соціалистическимъ не стало: европейскіе соціалисты борятся съ капиталомъ, а что значитъ въ этой борьбѣ не только одна, но и всѣ коронованныя головы? Наконецъ всѣ эти западно-европейскія покушенія существенно отличаются отъ совершившихся въ послѣднее время въ Россіи тѣмъ, что они всѣ изолированы и потому уже довольно случайны. Такія покушенія бывали и прежде и будутъ долго и послѣ. Рядъ же убійствъ и покушеній въ Россіи представляетъ явленіе гораздо болѣе серьезное, и если вдуматься въ

нихъ, совершенно законосообразное. Достаточно посмотрѣть на категорію лицъ, противъ которыхъ они направляются, чтобъ опредѣлить ихъ характеръ; лица эти: шпіоны, прокуроръ, полиціймейстеръ, жандармы, наконецъ царь, все слуги и представители власти политической, а не экономической, какъ, напр., подрядчики, фабриканты, помѣщики.[1] Чтобъ понять значеніе этихъ убійствъ и покушеній нужно отрѣшиться отъ юридической точки зрѣнія, все равно карательной или восхвалительной, а стать на точку зрѣнія общественно-физіологическую. На такую точку зрѣнія становились мы, когда писали въ „Листкѣ Громады“ по поводу одесскаго дѣла о вооруженномъ сопротивленіи жандармамъ и петербургскаго убійства Мезенцева и прокламаціи „Смерть за смерть“ слѣдующее:

„По газетнымъ извѣстіямъ о дѣлѣ Ковальскаго выходило, что это былъ первый случай, когда мирные россіяне отважились систематически оборонять себя и свой домъ отъ государственныхъ злодѣевъ и разбойниковъ, и для всякаго честнаго человѣка, хотя бы онъ былъ и не соціалистъ, не можетъ быть двухъ мнѣній о такой самообороне. Это не то, что тайное убійство шпіона, относительно котораго общество могло и не знать, точно ли онъ такъ виноватъ, чтобъ его нужно было убивать,[2] и даже не то, что тайное убійство, хотя бы и на улицѣ, самого шефа тайной полиціи. Тайное убійство можно простить, или понять его причину, или еще, смотря на такія явленія какъ историкъ, можно понять ту пользу, какую оно принесло тѣмъ, что обратило вниманіе общества на причину, которой оно вызвано. Но прославлять тайное убійство, ставить его въ примѣръ и систему нельзя. По меньшей мѣрѣ оно останется всетаки дѣломъ совѣсти тѣхъ, кто его сдѣлалъ, дѣломъ, о

[1] Весьма можетъ быть, что если въ вышеупомянутыхъ западно-европейскихъ покушеніяхъ и есть какая либо законосообразность, то она заключается въ эпидемическомъ подражаніи покушеніямъ русскимъ, хотя и при совершенно иныхъ условіяхъ. По этому враги этихъ покушеній на Западѣ должны бы были вмѣсто того, чтобъ кричать противъ „русскихъ нигилистовъ“, выступить противъ русскихъ политическихъ порядковъ, которыхъ послѣдствія отражаются и за границей.

[2] Ср. наше мнѣніе о покушеніи на убійство г. Горимовича въ „Громадѣ“, т. II, стр. 267 и дальше въ „Листкѣ Громады“ примѣчаніе къ письму г. Я. Стефановича.

которомъ сторонній человѣкъ можетъ сказать только: „вѣрно, иначе нельзя было поступить“, или „вѣрно, убитый довелъ человѣка до такого поступка“. Совѣсть же общественная всегда и вездѣ возстаетъ противъ того, чтобъ тайное убійство „становилось системою“, а люди съ идеями о коренной перемѣнѣ общественныхъ порядковъ, наприм., соціалисты, когда слышатъ о какихъ то тайныхъ судахъ, о карательныхъ комитетахъ, когда видятъ листки съ страшными печатями и т. д., то не могутъ не видѣть во всемъ этомъ остатковъ все тѣхъ же старыхъ порядковъ, которые эти люди хотятъ перемѣнить, остатковъ всякихъ „высшихъ соображеній“, „исключительныхъ мѣръ“, „raison d'état, raison du parti“ и т. д.[1] Другое дѣло — явная самооборона отъ врага своего и всего общества! Тутъ не только цѣль чистая, но и средство наичистѣйшее, вполнѣ достойное этой высокой цѣли. Выше самообороны стоитъ только явное нападеніе на этого врага, попытка освободить отъ него все общество. А такой врагъ, о которомъ не можетъ быть двухъ мнѣній у всѣхъ сколько нибудь уважающихъ себя и понимающихъ общественный строй людей, такой лютый врагъ есть тайная полиція, постыднѣйшая изъ опоръ, на которыхъ держится царское самодержавіе“.

Переходя далѣе къ убійству Мезенцева, къ правительственному по поводу него воззванію и прокламаціи „исполнительнаго комитета“, мы говорили, что и правительству вовсе не къ лицу говорить „о неслыханныхъ злодѣйствахъ враговъ общественнаго порядка“, но что и листокъ „исполнительнаго комитета“ затемнилъ дѣло. „Между тѣмъ, говорили мы,

[1] Не трудно сдѣлать изъ этихъ словъ о необходимости и для революціонеровъ, особенно для соціалистовъ, не отступать изъ за временныхъ „интересовъ партіи“ отъ основныхъ началъ общественности, выводъ и относительно позднѣйшихъ дѣйствій нѣкоторыхъ южныхъ кружковъ, въ родѣ кражи въ банкѣ, покушеній на ограбленіе опчтъ и т. п. дѣйствій, которыя вмѣстѣ съ такими прежними, какъ, напр., подложныя телеграммы въ Кіевѣ, подложный манифестъ къ чигиринскимъ крестьянамъ и т. п. (о чемъ мы тоже въ свое время говорили. „Громада“, IV, 210—211) неизбѣжно должны были повредить кредиту „русской соціально-революціонной партіи“ и въ обществѣ, и въ народѣ. Наше мнѣніе, которое представляетъ только частное примѣненіе основного нашего принципа: чистое дѣло требуетъ чистыхъ средствъ, не изолировано. Въ томъ же духѣ высказался не очень давно и другой соціалистъ-украинецъ г. Подолинскій въ статьѣ „Socialisme, nihilisme et terrorisme“ въ „Revue Socialiste“, 1880, №6.

дѣло это само по себѣ необыкновенно ясно! Мезенцевъ съ другими шефами жандармовъ, которые и до сихъ поръ преблагополучно проживаютъ и даже благодаря Александру Николаевичу, который сдѣлалъ изъ обершпіонской службы какую-то школу „государственныхъ знаній“, Мезенцевъ съ Тимашевымъ, Шуваловымъ, Потаповымъ, съ министрами, какъ Паленъ, съ массою жандармовъ и прокуроровъ причинили столько безчеловѣчной муки столькимъ сотнямъ, если не тысячамъ людей, у которыхъ у каждаго есть отцы и матери, братья и сестры, дѣти и друзья, что дивно не то, что Мезенцевъ убитъ, а то, что это случилось такъ поздно и съ однимъ только Мезенцевымъ. Каждый мѣсяцъ читаемъ мы, какъ на судахъ разбираются дѣла объ убійствахъ, совершаемыхъ по причинамъ далеко менѣе важнымъ, чѣмъ тѣ муки и горе, какое терпятъ въ Россіи „политическіе преступники“, ихъ родственники и друзья, и ежемѣсячно мы видимъ, какъ присяжные не рѣшаются взять на свою совѣсть сказать: „да, — виновенъ!“ Именно „та среда, изъ которой выходятъ убійцы царскихъ слугъ“, состоитъ изъ людей слишкомъ добрыхъ, слишкомъ мягкихъ: именно эта доброта и мягкость да соціалистическія идеи о томъ, что „корень зла не въ лицахъ Мезенцевыхъ, Шуваловыхъ и т. д., а въ тѣхъ порядкахъ, которые даютъ имъ силу“, только эти причины еще и держатъ на свѣтѣ всякихъ Мезенцевыхъ, Шуваловыхъ, Тимашевыхъ, Паленыхъ съ ихъ подручниками. А не будь того и другого, то всѣ бы эти Мезенцевы и безъ всякихъ „карательныхъ комитетовъ“ и „судовъ соціально-революціонныхъ партій“ валились бы еженедѣльно, и всякій „правый судъ“ присяжныхъ гражданъ, если бы убійца разсказалъ передъ нимъ все, что у него на сердцѣ, не сказалъ бы ничего, кромѣ: „нѣтъ, — не виновенъ!“

„А правительство, т. е. тѣ же самые Мезенцевы, зовутъ всю Россію спасать ихъ. Кого? Новую опричину, которой не достаетъ только тѣхъ собачьихъ головъ, которыя открыто носило на палкахъ „III отдѣленіе опричной канцеляріи Его Величества царя Ивана Васильевича IV“. И находятся люди, которые,

думая, быть можетъ, про себя о Мезенцевѣ и подобныхъ ему рыцаряхъ ордена собачьей головы, что-де: „собакѣ собачья и смерть“, пишутъ статьи и адресы о возмутительныхъ злодѣйствахъ и насиліяхъ изъ за угла надъ исполнителями правительственныхъ предначертаній!“

„Что же такое III отдѣленіе ... какъ не возмутительное злодѣйство и насиліе изъ-за угла, возведенное въ систему и въ государственное учрежденіе?... И Россія будетъ терпѣть „Тайныя розыскныя канцеляріи, сколько бы именъ имъ не было!“ Будетъ плакать по ихъ „злыхъ, подлыхъ и бездѣльныхъ“ шефахъ?! Защищать и сохранять ихъ на дальше?!!“

Конечная мысль всей этой нашей статьи, озаглавленной „Если биться, то уже не мириться“, это мысль о потребности организаціи широкой и открытой борьбы противъ всего теперешняго политическаго, церковнаго и соціальнаго строя Россіи, но борьбы безусловно чистыми средствами.

Уже изъ выписанныхъ словъ „Голосъ“ можетъ увидѣть, въ чемъ и насколько наши взгляды различаются отъ тѣхъ, какіе высказаны въ петербургскихъ прокламаціяхъ „исполнительнаго комитета“, по которымъ съ примѣсью собственной фантазіи „Голосъ“ характеризуетъ ту „партію“, къ коей мы будто бы принадлежимъ. Но дѣло не въ этомъ только; изъ выписанныхъ словъ видно, какъ не трудно было еще въ 1878 г. предвидѣть, что политическія убійства не остановятся на одномъ Мезенцевѣ, если не обращено будетъ серьезное вниманіе на устраненіе ихъ общественно-физіологическихъ причинъ. И дѣйствительно, нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣдовало покушеніе на Дрентельна, потомъ покушеніе Соловьева на царя, устроенное, по всей вѣроятности, по личной иниціативѣ, какъ и покушеніе Млодецкаго на гр. Лорисъ-Меликова, а затѣмъ два подкопа противъ царя, уже очевидно устроенные цѣлыми группами людей, при сочувствіи значительной части другихъ, безъ чего невозможно было ни пріобрѣтеніе средствъ, ни укрываніе исполнителей.

При той атмосферѣ страсти и озлобленія, какую

создали правители Россіи около всѣхъ заподозрѣнныхъ въ политической и соціальной оппозиціи, при томъ презрѣніи, какое должно было образоваться у всего общества къ высшей администраціи, ко двору и династіи особенно со времени послѣдней войны, крайне странно и удивляться всему случившемуся. По крайней мѣрѣ мы, сохраняя вполнѣ вышеизложенный взглядъ свой на политическія убійства, въ тоже время въ статьѣ своей, писанной для редакціи „Народной Воли“ (въ отвѣтъ на приглашеніе къ сотрудничеству) еще передъ московскимъ взрывомъ и гдѣ-то застрявшей въ почтово-жандармскихъ трущобахъ, сказали, что ничуть не удивимся, если покушенія послѣдуютъ не только противъ царя, но и противъ всего царствующаго дома съ „синклитомъ“; что эти покушенія должны вызвать вящія и безразборныя гоненія на общество, и такимъ образомъ неизбѣжный процессъ перемѣны политическаго строя въ Россіи долженъ принять все болѣе и болѣе озлобленный, кровавый характеръ. Какъ на единственное средство для сокращенія злобы и кровопролитія мы указывали и теперь, какъ и въ листкѣ „До чего довоевались?“ (1878), на широкое общественное движеніе, которое бы сразу вырвало власть у придворно-монархической партіи.

Событія вполнѣ подтвердили наше предвидѣніе, весьма впрочемъ не трудное.

Что касается до Александра Николаевича лично, то онъ, съ самаго дня оправданія г-жи Засуличъ, сдѣлалъ все, что отъ него зависѣло, чтобъ не только увеличить число причинъ политическихъ убійствъ, но и самому таки наскочить на покушенія, и вопросъ только въ томъ, по своей ли иниціативѣ онъ все это сдѣлалъ, или его къ тому подталкивали его приближенные.

Что тамъ ни говори, а общество устами присяжныхъ по дѣлу г-жи Засуличъ рѣшило вопросъ объ убійствѣ слугъ деспотизма въ Россіи совершенно въ духѣ нашего мнѣнія. „Главѣ государства“, если бы только какой-нибудь самодержецъ могъ быть въ дѣйствительности тѣмъ, что юристы и публицисты вродѣ „Голоса“ называютъ „главою и представителемъ об-

щества и права", ничего бы не оставалось, какъ подчиниться законному приговору суда и уразумѣть данный имъ урокъ. А что сдѣлалъ и позволилъ сдѣлать Александръ Николаевичъ?! объ этомъ лишнее и говорить. Мы напомнимъ только одно обстоятельство. На судѣ противъ г-жи Засуличъ прокуроръ, чтобъ повліять на присяжныхъ, сказалъ, что не должно смѣшивать дѣла о ея преступленіи съ дѣломъ „о превышеніи власти" г. Треповымъ, о коемъ-де производится особое слѣдствіе. Если теперь „Голосъ" говоритъ намъ, что и въ свободной Европѣ за политическія убійства по головкѣ не гладятъ, то и мы припомнимъ, что напримѣръ иностранная печать, которая была очень изумлена оправданіемъ г-жи Засуличъ, въ тоже время единодушно осуждала и поступокъ г. Трепова. Петербургскіе присяжные оказались, какъ и слѣдовало ожидать, лучше знакомы съ положеніемъ дѣлъ въ Россіи; они знали, что слѣдствіе „о превышеніи власти" г. Треповымъ есть эпизодъ изъ басни „Крестьяне и Рѣка", и потому пропустили мимо ушей аргументъ прокурора, который бы имѣлъ силу только тогда, когда бы судъ надъ г-жею Засуличъ отправлялся послѣ суда надъ г. Треповымъ, какъ бы слѣдовало быть и по хронологическому порядку преступленій. Но, какъ извѣстно, г. Треповъ былъ осыпанъ знаками монаршаго благоволенія, а оправданная присяжными г-жа Засуличъ, если бы не догадалась скрыться, была бы давнымъ давно упрятана куда-нибудь административнымъ порядкомъ.

Дѣло Мезенцева, при всей личной репутаціи этого жандарма, Александръ Николаевичъ опять таки сдѣлалъ своимъ личнымъ дѣломъ и объявилъ изъ за него всю Россію на военномъ положеніи, при чемъ дошелъ до смѣшного, обративши въ военно-политическія дѣла всякія столкновенія мужиковъ и бабъ съ урядниками. (См. недавніе процессы). Въ крайнемъ ослѣпленіи Александръ Николаевичъ обратился къ „обществу", прося и его помочь ему въ войнѣ съ врагами Треповыхъ и Мезанцевыхъ. Нашлись и въ этомъ обществѣ люди, которые хоть съ запинкою, но замѣтили ему устами нѣсколькихъ земскихъ адресовъ,

особенно изъ украинскихъ губерній, что треповско-толстовскій режимъ имъ не совсѣмъ симпатиченъ. Но Александръ Николаевичъ не внялъ и этому предостереженію, а распустилъ пуще прежняго своихъ жандармовъ. Нѣкоторымъ извиненіемъ Александру Николаевичу служитъ то, что адресовъ этихъ было мало и что большая часть даже этихъ адресовъ была наполнена недостойными сожалѣніями по шефѣ жандармовъ и столь же недостойными, сколько и нерасчетливыми выходками противъ „враговъ правительства“.[1] Конечно, Александръ Николаевичъ сдѣлалъ ошибку, принявъ за чистую монету обычныя холопскія фразы, но и адресоподаватели, даже самые смѣлые, сдѣлали большую ошибку, пропустивъ моментъ рѣшительно высказаться противъ устарѣлаго и безчеловѣчнаго политическаго строя и тѣмъ предупредить то, что должно было неизбѣжно случиться. Послѣ этого выстрѣлъ Соловьева, а дальше, особенно послѣ подчиненія Россіи областнымъ сатрапамъ, изъ которыхъ дѣйствія Тотлебена съ Панютинымъ теперь не рѣшаются защищать даже и правительственные агенты, два динамитные взрыва случились, какъ совершенно неизбѣжныя явленія. Своего рода судъ присяжныхъ произнесъ свой приговоръ и по этимъ дѣламъ — отказомъ Франціи выдать Гартмана, и если этого отказа самъ Александръ Николаевичъ не хочетъ считать за судебный приговоръ, то ему остается только обратиться съ новымъ требованіемъ о выдачѣ Гартмана къ Англіи; англійскій приговоръ онъ получитъ уже прямо отъ суда, какъ получилъ его Наполеонъ III по дѣлу сообщника Орсини Бернара: „нѣтъ, не виновенъ!“

И теперь, по вопросу „о смутѣ“, при всей Лорисъ-Меликовщинѣ, въ которой „Голосъ“ убѣждаетъ насъ видѣть „новое и отрадное теченіе, показавшееся въ нашей администраціи“, положеніе дѣлъ въ сущности осталось прежнее. Нѣкоторое смягченіе политическихъ строгостей и нѣкоторое облегченіе участи заподозрѣнныхъ, болѣе впрочемъ обѣщанное, нежели исполнен-

[1] Не слѣдовало бы забывать, что самый поводъ „земцамъ“ высказать ихъ мысли данъ былъ всетаки „этими врагами“, подобно тому, какъ и теперь все Лорисъ-Меликовское „послабленіе“ есть всетаки результатъ усилій открытыхъ „враговъ правительства“.

ное, все это весьма невеликая уступка общественному мнѣнію, весьма опредѣленному относительно двухъ пунктовъ: подчиненія чиновниковъ закону и неприкосновенности личности безъ нормальнаго суда. А главное, если бы уступки были и большія, то всѣ онѣ не прочны, ибо не упрочены даже законодательными актами, исходящими отъ монарха, не говоря уже о представительныхъ учрежденіяхъ. Сегодня мягче, завтра строже; у одного сатрапа легче, у другого — тяжче. Какой же тутъ резонъ останавливать рыть мины тѣмъ, кто это разъ началъ? А завтра произойдетъ какой-нибудь взрывъ, хоть бы и неудачный, или завтра кто-нибудь изъ людей близкихъ къ лицамъ, замученнымъ какимъ-нибудь Тотлебеномъ или Чертковымъ, пожелаетъ отмстить палачу, и что будетъ съ самою Лорисъ-Меликовщиною?!

Нѣтъ, даже если понимать вопросъ „о смутѣ“ въ Россіи такъ узко, исключительно только въ рамкахъ вопроса о политическихъ убійствахъ, то мы рѣшительно не видимъ резона, почему бы эта смута могла быть усыплена баснями гр. Лорисъ-Меликова и пѣснями „Голоса“. И если бы дѣло шло только объ одной пробѣ, всетаки гр. Лорисъ-Меликовъ, если онъ сколько-нибудь серьезный и искренній человѣкъ, долженъ бы былъ попробовать тѣ мѣры, какія были указаны нами въ брошюрѣ „Соловья баснями не кормятъ“; а именно:

1. Полная амнистія всѣмъ политическимъ преступникамъ.
2. Снятіе военнаго положенія и отмѣна всѣхъ исключительныхъ мѣръ и судовъ.
3. Упраздненіе III отдѣленія и всякихъ тайныхъ судовъ и административныхъ ссылокъ.
4. Предоставленіе свободы печати, обществъ и сходокъ.
5. Созывъ земскаго собора, который одинъ можетъ обезпечить прочность вышеписанныхъ мѣръ.

Но независимо отъ исключительныхъ явленій, каковы политическія убійства, политическая свобода сама по себѣ составляетъ потребность всякаго общества, во всякое время, а въ настоящее время всѣ дѣла Россіи дошли до того, что дальше медлить съ

установленіемъ этой свободы было бы гибельно во всяческихъ отношеніяхъ: національныхъ, культурныхъ, экономическихъ и т. д. Мы такъ много говорили объ этой потребности, — и говорили вовсе не со вчерашняго дня для того, „чтобъ поймать на декларацію по 1789 г.“ тѣхъ легковѣрныхъ, которыхъ будто бы „нельзя уже поймать на декларацію по Бабефу и по Бебелю“, какъ (добросовѣстно!) увѣряетъ „Голосъ“, — а съ самаго 1872 г., а особенно съ начала сербско-болгарскаго движенія, въ 1875—76 г. (см. „Чистое дѣло требуетъ чистыхъ средствъ“, „Турки внутренніе и внѣшніе“ и т. д.), что вправѣ болѣе не говорить уже объ этой потребности. Мы напомнимъ только „Голосу“, который иронически жалѣетъ, что мы не написали проекта политической свободы для Россіи, подобно тому, какъ написали проектъ (!!) „федералистической“ пропаганды соціализма, что съ своей стороны не только написали, но даже въ свое время изъ за него приняли на себя ругательства отъ „Набата“ и упреки сотрудника „Чернаго Передѣла“ г. Я. Стефановича.[1] „Голосъ“ найдетъ нашъ проектъ если не въ брошюрѣ „Внутреннее рабство и война за освобожденіе“ (1877), то въ листкѣ „До чего довоевались?“ (1878), перепечатанномъ петербургской вольной типографіей подъ названіемъ „Результаты послѣдней войны“. Вотъ тотъ минимумъ, который мы предлагали еще три года тому назадъ:

1. Неприкосновенность лица и жилища для полиціи.
2. Неприкосновенность всѣхъ національностей въ частной и публичной жизни (въ школахъ, судахъ и т. д.).
3. Свобода и равноправіе всѣхъ вѣроисповѣданій.
4. Свобода печати, обученія, сходокъ и обществъ.
5. Самоуправленіе общинъ, земствъ (уѣздовъ и губерній) и областей.
6. Земскій соборъ и отвѣтственность передъ нимъ и передъ судомъ всѣхъ чиновниковъ.[2]

---

[1] См. „Община“ 1878, № 8 и 9, статью Я. Ст—ча и отвѣтъ нашъ.

[2] Послѣ этихъ общихъ политическихъ требованій мы считали нужнымъ прибавить по настоящему положенію Россіи еще два, особаго характера: 7. Пересмотръ всего соціально-экономическаго положенія народныхъ массъ. 8. Полная амнистія всѣмъ политическимъ преступникамъ.

За такіе „проекты“ намъ совсѣмъ съ другой стороны читались поученія вродѣ тѣхъ, какія теперь читаетъ намъ „Голосъ“, а именно, что соціалисту неприличны подобныя ереси „конституціонализма“. Мы, грѣшный человѣкъ, ко всѣмъ правовѣріямъ и мундирамъ имѣемъ весьма мало страху и когда высказываемъ какое-нибудь требованіе, то всего менѣе думаемъ о томъ, идетъ ли оно къ какому-либо партіонному мундиру, или нѣтъ, а думаемъ лишь о томъ, вытекаетъ ли оно изъ какой-нибудь реальной потребности общества, или нѣтъ? Но „Голосъ“ напрасно себѣ представляетъ, что всѣ соціалисты такъ уже равнодушны къ вопросу о политическихъ порядкахъ въ государствахъ, среди которыхъ имъ приходится не только коротать свой вѣкъ, но и пропагандировать населенію свои идеи. Публицисты „Голоса“, до самаго профессора Градовскаго включительнаго, уже не разъ доказали малое свое знакомство съ европейскимъ и даже россійскимъ соціальнымъ движеніемъ.[1] Чтобъ не выходить даже за предѣлы послѣдней статьи „Голоса“, мы должны имъ замѣтить, что, напримѣръ, когда во Франціи среди рабочихъ поднятъ былъ вопросъ о томъ, какъ отнестись къ Наполеоновскимъ порядкамъ, то Лозанскій конгрессъ „Международнаго общества рабочихъ“ въ 1867 г. заявилъ, что „такъ какъ отсутствіе политической свободы составляетъ препятствіе для общественнаго воспитанія народа и освобожденія пролетаріата, то и постановляется: 1. Что соціальное освобожденіе работниковъ нераздѣльно отъ освобожденія политическаго, 2. что установленіе политической свободы есть мѣра первой необходимой потребности, 3. что настоящее постановленіе будетъ возобновляться ежегодно, 4. что объ этихъ резолюціяхъ будетъ сообщено оффиціально всѣмъ членамъ Международнаго общества рабочихъ, а также конгресса Мира, съ просьбой объ ихъ энергическомъ содѣйствіи къ тому, чтобы доставить всѣмъ народамъ неотъемлемыя права 1789 г.“ А „по Бебелю“ такъ и самая соціальная революція произой-

[1] Такимъ невѣжествомъ объясняются и слова „Голоса“ о деспотической „громадѣ“, которой будто бы мы хотимъ подчинить личность.

детъ тогда, когда парламентъ наполнится депутатами отъ народа и классовое государство превратится въ народное государство (Volkstaat), — такъ что и петербургскій „исполнительный комитетъ“, съ которымъ сражается „Голосъ“, въ своей „Программѣ“ только сталъ на точку зрѣнія нѣмецкихъ соціалдемократовъ „по Бебелю“.

Мы вовсе не раздѣляемъ иллюзій „исполнительнаго комитета“ относительно соціально-демократическаго характера возможнаго земскаго собора въ Россіи и весьма плохо вѣруемъ въ спасеніе міра черезъ парламентскихъ депутатовъ, будь они всѣ Бебели, но мы ни на минуту не затруднимся въ выборѣ между нѣмецкими политическими порядками, даже теперешними, и россійскими по Шувалову ли, по Тодтлебену ли, или по Лорисъ-Меликову. Памятуя крѣпко слово нашей народной пѣсни о томъ, что „людская кровь — не водица“, мы не можемъ, по совѣту „Голоса“, „наплевать“ хоть бы на то, будутъ ли цѣлыя поколѣнія гнить по казематамъ и каторгамъ за то, за что въ Европѣ много-много приходится посидѣть мѣсяцъ-другой въ тюрьмѣ, — будутъ ли, по приказу самодурнаго деспота лишены гражданскихъ правъ сотни лучшихъ дѣвушекъ страны за то единственно, что онѣ уѣхали учиться въ Цюрихъ, когда имъ не даютъ учиться дома и проч., и проч. . . . Наконецъ то, что самое существенное въ политической свободѣ: неприкосновенность лица, свобода его національности, слова, совѣсти, свобода сходокъ, обществъ, мѣстное самоуправленіе, — мы считаемъ такъ же существенно необходимымъ для жизни, какъ кислородъ въ воздухѣ, а на извѣстной степени его разжиженія отнюдь нельзя „наплевать“ даже на самую малую дозу его.

Вообще мы всегда считали большою ошибкою со стороны нѣкоторой части русскихъ соціалистовъ противогосударственниковъ (анархистовъ) то, что они ставили россійскую Имперію въ рядъ съ другими государствами, которыя тоже борются противъ соціализма. Французская республика, особенно лицемѣрные и трусливые слуги ея, а часто и враги ея, засѣвшіе въ Версали, сдѣлали тысячи жестокостей противъ

защитниковъ Парижской Коммуны, но припомните: сколько же въ самомъ дѣлѣ страсти должно было накопиться у партій во Франціи во время послѣднихъ дней Наполеона и двухъ осадъ Парижа, и подумайте: что же такого подобнаго случилось въ Россіи съ начала 60-хъ гг. и до самого взрыва динамита въ зимнемъ дворцѣ? А, вѣдь, во Франціи вотъ-вотъ воротятся на полную волю и права́ послѣдніе защитники Коммуны, — а когда же Петербургъ увидитъ хоть бы неповинѣаго ни въ каплѣ крови Н. Г. Чернышевскаго?

Нѣтъ, россійская Имперія еще не государство, даже не бюрократія, потому что и въ старой прусской бюрократіи обижаемая государемъ баба могла говорить: „есть судья въ Берлинѣ!“ — это старая московская „государева вотчина“, осложненная въ не московскихъ земляхъ петербургскою военною диктатурою, а въ послѣднее время еще и нетерпимою церковностью московскаго „обрусенія“. Въ такомъ государствѣ жить никому нельзя, — а не московскимъ народамъ вдвойнѣ. Вотъ почему еще мы, въ качествѣ украинца, вдвойнѣ считаемъ необходимыми усилія съ цѣлью добиться въ возможно близкомъ будущемъ установленія въ Россіи политической свободы, которую мы, кромѣ всего прочаго, считаемъ замѣной нашей національной независимости.

Этой политической свободы, хотя и не въ одинаковой степени, но желаютъ вмѣстѣ съ нами весьма многіе въ Россіи. Вѣдь вы не скроете же, что въ послѣднее время многіе изъ земцевъ, изъ ученыхъ, литераторовъ высказывались, хотя и весьма робко, въ такомъ же духѣ, въ какомъ вотъ уже нѣсколько лѣтъ высказываемся мы. Вопросъ только въ томъ, какъ добыть эту желанную свободу. Большинство умѣренныхъ людей, лицъ „съ положеніемъ“, думаетъ, къ сожалѣнію, что получитъ эту свободу хныканьемъ или даже лицемѣрнымъ заявленіемъ преданности къ презираемому имъ правительству. Авторы петербургскихъ прокламацій думаютъ добыть ее повторенными политическими убійствами. Мы думаемъ, что хныканье и лицемѣріе не ведутъ ровно ни къ чему, —

политическія же убійства, отложивъ даже въ сторону ихъ нравственныя неудобства, имѣютъ только отрицательное значеніе: они унижаютъ правительство, но не ниспровергаютъ его, не даютъ ничего на замѣну его. Вывести Россію на новую дорогу можетъ, по нашему мнѣнію, только **открытое нападеніе** на ея политическій строй, нападеніе **словомъ и дѣйствіемъ** со стороны правильно организованныхъ **политическихъ обществъ**, составленныхъ изъ людей гражданскихъ и военныхъ **по всѣмъ ея областямъ, среди всѣхъ ея народовъ**.

Впрочемъ, мы объ этомъ уже отчасти говорили въ вышеназванныхъ брошюрахъ и въ „Громадѣ“ съ ея „Листкомъ“, и поговоримъ скоро въ особой брошюрѣ. А теперь мы должны поскорѣе покончить съ „Голосомъ“, и потому обратимся къ его аллегоріи о трудолюбивомъ муравьѣ и лѣнивой коровѣ, — благо, предметъ этотъ какъ разъ подходитъ къ тому, что мы сейчасъ написали.

По „Голосу“, лѣнивою коровою выходятъ соціалисты. Это значитъ и Робертъ Оуэнъ, и Сенъ Симонъ, Прудонъ, Марксъ, Лассаль и т. п. — всѣ лѣнивыя, праздныя коровы. Пусть прочтетъ „Голосъ“ хоть въ англійскихъ газетахъ по поводу вопроса объ амнистіи во Франціи отзывъ о парижскихъ коммунарахъ, проживающихъ въ Англіи, какъ о рабочихъ, изъ которыхъ весьма многіе успѣли занять трудомъ своимъ блестящее положеніе въ индустріи Лондона. А коли не погнушается петербургская газета, то можетъ найти и въ нашей „Громадѣ“, т. IV, стр. 229, свѣдѣнія о тѣхъ работникахъ членахъ Коммуны 1871 года, которые были первокласными рабочими въ своихъ спеціальностяхъ.

Но перейдемъ въ Россію: Герценъ, Бакунинъ, Огаревъ, Добролюбовъ и др., а изъ теперешнихъ г. Лавровъ, профессоръ высшей военной школы, кн. Крапоткинъ, секретарь отдѣленія русскаго географическаго общества — будутъ всѣ лѣнивыя коровы? Пусть „Голосъ“ прочитаетъ хоть судебные политическіе процессы, отбывшіеся недавно въ Россіи, — и увидитъ, что дѣвицы Бардина, Субботины и др. были

прекрасныя студентки, Соловьевъ былъ очень хорошій учитель, другіе были прекрасными мастеровыми и т. п. Все это лѣнивыя, праздныя коровы!

„Голосъ“ скажетъ, можетъ быть: ну, не лѣнивые, но съ разгоряченнымъ воображеніемъ, которое выбило ихъ изъ обыденной колеи, а потомъ сдѣлало и праздными. Мы не станемъ спорить противъ того, что подобнаго рода элементъ есть въ русской соціально-революціонной средѣ, какъ и во всякой другой, — и даже, принимая во вниманіе условія воспитанія благороднаго сословія въ Россіи, больше, чѣмъ въ другихъ. Но, чтобы вся эта сфера состояла даже изъ такихъ людей, этого „Голосъ“ фактически не докажетъ. Дѣло въ томъ, что основное положеніе соціализма, т. е. ученіе о томъ, что обезпеченіе довольства за каждымъ членомъ общества невозможно, при теперешнемъ строѣ его и безъ обращенія земли, воды и инструментовъ труда въ общую собственность, — это ученіе чѣмъ дальше, все больше пріобрѣтаетъ характеръ научной истины, къ которой съ разныхъ сторонъ приходятъ люди труда физическаго и умственнаго, при умѣ, наблюдательности и искренности, „Голосъ“, подобно многимъ другимъ прекраснымъ душамъ въ Россіи, приходитъ въ уныніе отъ нищеты, все болѣе распространяющейся въ нашихъ селахъ. Но вѣдь эту нищету предсказали еще въ началѣ 60-хъ гг. лѣнивыя коровы, вродѣ Огарева, разбирая „новое крѣпостное право“, т. е. прославляемое на всѣ голоса „Положеніе о крестьянахъ“ 19-го февраля 1861 г. Петербургская и московская газетная братія волновалась изъ-за злоупотребленій, обнаруженныхъ пожаромъ на фабрикѣ Гирватовскаго и умиляется назначенію ревизіонной надъ фабриками комиссіи съ участіемъ молодого ученаго, автора статьи о фабричныхъ законахъ въ Англіи и т. п. Да, теперь, послѣ того, какъ соціальнореволюціонная агитація не только намозолила глаза, но и продырявила стѣны дворца, — теперь назначаютъ комиссію и приглашаютъ въ нее своего рода катедеръ-соціалистовъ, но мы можемъ напомнить и даже показать десятки статей, въ которыхъ описывалось самымъ скромнымъ образомъ по-

ложеніе рабочихъ на русскихъ фабрикахъ, и которыя цензура не пропускала потому-де, что въ нихъ поднимался „соціальный рабочій вопросъ“. Мы напомнимъ, что въ то же время разные господа изъ русскихъ національныхъ либераловъ и славянофиловъ увѣряли, что соціально-рабочаго вопроса въ Россіи нѣтъ и быть не можетъ. А вотъ онъ, оказывается, есть и будетъ со временемъ расти. Національные либералы умиляются при видѣ того вниманія, какое оказываютъ народному быту молодые беллетристы и ученые, разрабатывающіе преимущественно вопросъ о причинахъ крестьянскаго обѣдненія и объ общинѣ, въ которой почти всѣ они видятъ средство задержать это обѣдненіе и поправить его послѣдствія. Но вѣдь между этими этнографами-„народниками“ и учеными катедеръ-соціалистами, съ одной стороны, и между „соціалистами-революціонерами“, съ другой — есть очень много точекъ соприкосновенія, особенно въ теоретическихъ основахъ. Добрая доля русскихъ революціонеровъ-народниковъ даже не чужда руссофильскихъ иллюзій народниковъ, такъ сказать, легальныхъ. Если русскіе Шульце-Деличи: кустарофилы, артелефилы, судосберегатели, вовсе не чужды были вліянія прежнихъ соціалистовъ 60-хъ гг., то и новые народники-этнографы и ученые общинники принадлежатъ къ тому же поколѣнію, что и „ходившіе въ народъ“ люди процессовъ московскаго 1877 г. и петербургскаго 193-хъ соціалистовъ. Очень часто между ними разницу сдѣлали только темпераментъ да особенности личнаго положенія, и если одни оказались теперь сидящими болѣе на право, то при другихъ политическихъ условіяхъ многіе изъ нихъ были бы на мѣстахъ гораздо болѣе лѣвыхъ, а, съ другой стороны, конечно, добрая доля „соціалистовъ-революціонеровъ“ оказалась бы современемъ гораздо менѣе революціонною. Но собственно не въ этомъ теперь дѣло, — а въ томъ, что въ нашъ вѣкъ Струсберговщины и пролетаріата, въ вѣкъ серьезной мысли надъ экономическими вопросами, весьма многіе, именно не праздные и не лѣнивые умы, неизбѣжно приходятъ къ соціалистическимъ идеямъ, а разъ они пришли, то

уже одна искренность поведетъ ихъ къ тому, чтобъ говорить народу всю правду, а не половину и не четверть ея. И вотъ тѣ господа, которые такъ любятъ восхищаться правдоискательствомъ и искренностью, какъ качествами будто-бы преимущественно отпущенными богомъ для русской души, теперь объявляютъ всѣхъ дѣйствительно искреннихъ правдоискателей лѣнивыми и праздными коровами!

Но сдѣлаемъ уступку „Голосу“. Признаемъ за истинныхъ муравьевъ лишь людей не только безъ горячаго темперамента, но и безъ синтеза, но при этомъ всетаки не эгоистовъ, а труженниковъ для общей пользы. Посмотримъ, каково въ Россіи положеніе этихъ муравьевъ, и кто выйдетъ относительно ихъ праздною коровою-разрушительницею. Мы человѣкъ не особенно бывалый и человѣкъ исключительно учительско-писательскаго цеха. Но мы можемъ указать „Голосу“ не мало примѣровъ изъ нашего края и изъ сферы болѣе намъ близкой: учителей и учительницъ, медиковъ, фельдшеровъ и фельдшерицъ, слугъ земства, волостныхъ писарей, этнографовъ, статистиковъ, людей, которые, кто по личнымъ особенностямъ, а кто, извѣрившись въ широкихъ планахъ, взялись за самыя скромныя, но безспорно полезныя дѣла съ истинно муравьиною мелочностью.[1] И чтожъ? Всюду находилась корова въ лицѣ попа, кабатчика, исправника, крѣпостника-помѣщика, инспектора, губернатора, жандарма, министра, которая разоряла при помощи административнаго произвола и ихъ работу, и ихъ личную жизнь. Многимъ изъ такихъ муравьевъ такое коровье разореніе дало и синтезъ, и даже темпераментъ, и они пошли въ революціонеры; другіе такъ и остались въ недоумѣніи съ вопросомъ — что же дѣлать?! Пусть хоть „Голосъ“, или лучше нѣсколько большихъ газетъ, которыя величаются своими услугами обществу, обратятся къ своимъ провинціальнымъ корреспондентамъ съ предложеніемъ сдѣлать разслѣдованіе о всѣхъ такихъ муравьяхъ по разнымъ

[1] „Голосъ“ можетъ найти не мало фактовъ и въ нашей „Громадѣ“, особенно во II томѣ, въ статьѣ „Народні школи на Украйні“ и въ IV томѣ, въ статьѣ: „Грунт, книжка і препьятствія“.

концамъ и о всѣхъ такихъ коровьихъ разореніяхъ за послѣднія 20 лѣтъ, да пусть сведутъ итоги, то и увидятъ, кто въ Россіи муравьи, а кто лѣнивая корова, и что такое играетъ роль лапы ея?

А съ нашей стороны впредь до общей „парламентской анкеты“ мы приведемъ два факта тоже изъ нашего края, — факты, припомнить которые будетъ тѣмъ болѣе интересно, что къ одному изъ нихъ не безприкосновененъ и „Голосъ“.

Вотъ Вы теперь печетесь о молодежи и возлагаете надежды на то умиротвореніе, какое внесетъ въ школы нашъ новый министръ, г. Сабуровъ. „Берегъ“ такъ даже перевираетъ наши статьи, увѣряя, будто мы потому и бранимъ (?!) гр. Лориса-Меликова, что онъ заботится о молодежи. Такъ вотъ мы помнимъ время, когда въ Кіевѣ попечителемъ округа былъ человѣкъ, лучше котораго не скоро подберешь: Н. И. Пироговъ. Школы при немъ управлялись коллегіальнымъ образомъ, университетская молодежь имѣла свободу корпоративную. И что жъ? Не сошелся извѣстный ученый съ извѣстной ханжею, женою генералъ-губернатора, далѣе оказался не по рукѣ жандармской средѣ вообще, и не смотря даже на то, что самъ царь два раза одобрялъ подаваемыя Пироговымъ записки объ управленіи школами, онъ былъ тѣмъ же царемъ отставленъ. Скоро потомъ на развалинахъ его системы царь посадилъ круглаго невѣжу и ханжу кн. Ширинскаго-Шихматова, который даже Островскаго считалъ нигилистомъ, и который, перегоняя учителей съ мѣста на мѣсто и преслѣдуя „заискиванье популярности“, убилъ всякую моральную связь учащихъ и учащихся, а системою лицемѣрнаго ханжества и подборомъ начальниковъ учебныхъ заведеній уничтожилъ всякій здоровый педагогическій авторитетъ. Наконецъ этого татарскаго муллу, „магометову ревность къ православію примѣнившаго“, смѣнилъ военный генералъ, правленіе котораго ознаменовалось высылкою 140 человѣкъ студентовъ въ мѣста столь и не столь отдаленныя!... А вотъ другой фактъ:

Было нѣкогда въ нашей Украйнѣ нѣкоторое коли-

чество индивидуумовъ, которыхъ классъ предоставляемъ опредѣлить „Голосу“. Звѣри эти занимались между прочимъ такими праздными дѣлами, какъ изученіе своего края, литература вообще и на народномъ языкѣ въ частности, народное образованіе и т. п. Были эти звѣри всякаго цвѣта идей: и матеріалисты, и деисты, и западники, и восточники, и соціалисты, и индивидуалисты и пр. и пр. Общаго же у нихъ было: извѣстный вкусъ къ нравственнымъ интересамъ, любовь къ своему краю и народу. Удалось какъ то нѣкоторымъ изъ этихъ звѣрей вмѣстѣ съ другими подобнаго рода заложить въ Кіевѣ гнѣздо подъ именемъ югозападнаго отдѣла императорскаго русскаго географическаго общества. Общество было открытое, и попало въ него всякаго звѣря и всякъ звѣрь сей несъ въ него результатъ своей праздности: свѣдѣнія о народной музыкѣ, словесности, хозяйствѣ, кустарной промышленности, о климатѣ страны, населеніи и домахъ города и т. п. Независимо отъ общества членами его и нечленами издавались въ Кіевѣ труды о тѣхъ же предметахъ, а также книжки для народнаго чтенія по исторіи, физикѣ, медицинѣ, агрономіи и т. д., которыя расходились до 30 000 экз. въ годъ безъ всякой оффиціальной поддержки. Петербургскія ученыя общества назначали кіевскимъ звѣрямъ медали и преміи, иностранцы, прославляемые русскою печатью гг. Рольстонъ, Рамбо и даже Леруа Болье, находили интересъ въ трудахъ этихъ лѣнтяевъ, которые съумѣли привлечь къ соучастію въ своихъ работахъ по родиновѣдѣнію и соплеменниковъ изъ Галиціи, Буковины, и Венгріи и притомъ лицъ разныхъ, до тѣхъ поръ враждовавшихъ между собою кружковъ.

Вдругъ, столь полезные муравьи, какъ предатель Костомарова тайный совѣтникъ и явный шпіонъ М. В. Юзефовичъ и снискавшій себѣ вѣчную память министръ народнаго помраченія гр. Дм. А. Толстой и его помощникъ полуграмотный кн. Ал. Пр. Ширинскій-Шихматовъ — въ добавокъ еще лично обиженные нѣкоторыми изъ кіевскихъ лѣнивыхъ звѣрей, которые позволили себѣ литературную критику ихъ славныхъ

дѣяній и изданій, а также пресловутой выписки залежавшихся чеховъ и мадьяръ въ просвѣтители нашего юношества и подтасовки заявленій общественныхъ симпатій,[1] — вдругъ, говоримъ, столь полезныя созданія рѣшились разорить украинскія гнѣзда и расточить по лицу земли ихъ членовъ. Нѣтъ ничего легче: на то есть въ Россіи самодержецъ! Его и выпустили расправиться, благо онъ самъ долженъ былъ проѣзжать черезъ Кіевъ. Явился онъ въ Кіевъ въ сентябрѣ 1875 г., изрекъ: „безпорядки!“ и назначилъ комиссію изъ гр. Толстого, Тимашева, Потапова и Юзефовича для разслѣдованія этихъ безпорядковъ и принятія мѣръ противъ нихъ. Говорятъ, даже мѣстный генералъ-губернаторъ, кн. Дундуковъ-Корсаковъ былъ противъ комиссіи и совѣтовалъ ограничиться состоявшимся по высочайшему повелѣнію изгнаніемъ болѣе бодливаго звѣря изъ университета, и сначала было успѣлъ въ этомъ личными увѣщаніями самодержца въ тѣняхъ Ливадіи. Но вотъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ не поладилъ за что то Тимашевъ съ кн. Дундуковымъ, и комиссія собралась въ маѣ 1876 г. и продиктовала мудрыя рѣшенія: юго-западный отдѣлъ географическаго общества закрыть, двумъ членамъ его (награжденнымъ преміями) запретить проживательство въ южнорусскихъ губерніяхъ и въ столицахъ, а кромѣ того воспретить печатаніе украинскихъ книгъ и даже текстовъ къ нотамъ, а также театральныя представленія, пѣніе и декламацію на украинскомъ языкѣ. Высочайшій самодержецъ подписалъ: „быть по сему“! За симъ пошли писать мелкіе самодержцы... и началась чистка края отъ „украйнофиловъ“, преимущественно по школьному вѣдомству: попы доносили, инспектора врывались въ частныя квартиры скромныхъ и усердныхъ тружениковъ и выключали ихъ изъ службы за то, что у нихъ въ квартирахъ находили книги объ ихъ краѣ, дозволенныя цензурою, за то что они записывали этнографическіе матеріалы.

Къ расказанной исторіи, а не аллегоріи, надо при-

[1] См. „По поводу кіевскихъ застольныхъ рѣчей“ (г. Юзефовича, г. Толстого и др.) „Вѣстникъ Европы“, 1873, XII.

бавить, что сотрудники „Голоса“ съ своей стороны приложили руки ко всему этому разоренію: гг. Бильбасовъ и Модестовъ писали статейки и псевдо-протоколы въ „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ и въ журналъ Каткова, въ которыхъ докладывали, что въ нѣкоей диссертаціи въ университетѣ кіевскомъ цитируется Чернышевскій и даже прославляется цареубійство, „Голосъ“ печаталъ статьи „объ украйнофильскихъ увлеченіяхъ, сложившихся подъ вліяніемъ польской интриги“ и проявившихся на кіевскомъ археологическомъ съѣздѣ. А теперь „Голосъ“ кидаетъ грязью въ Каткова, хвалитъ монарха за то, что, освободивъ Болгарію отъ Турціи, освободилъ и Россію отъ гр. Толстого. Теперь „Голосъ“ лебезитъ передъ нами, и въ то же время грозитъ совершить чудо: прихлопнуть насъ какъ лѣнивую корову, каковая де разоряетъ его съ трудомъ воздвигаемый муравейникъ, который онъ думаетъ завершить подъ снисходительною ферулою гр. Лорисъ-Меликова.

Жалкіе люди! неужели вы еще смѣете не признавать, что даже если съузить понятіе объ общественной дѣятельности до понятія о работѣ лишенныхъ синтеза и теплой крови насѣкомыхъ, и то придется сказать, что праздная и лѣнивая корова, которая разоряетъ всѣ общественныя начинанія, есть самодержавіе шпіоновъ и чиновниковъ, истекающее отъ самодержавія царскаго и имъ, какъ лапою орудующее! Нѣтъ, довольно даже за послѣдніе двадцать лѣтъ русская дѣйствительность учила этому и горячихъ, и скромныхъ людей, но только людей съ умомъ и сердцемъ, чтобъ они могли не внять этимъ урокамъ. Нужно дѣйствительно быть теленкомъ, чтобъ не только сохранить уваженіе къ системѣ правительства, но даже чтобъ допустить поддѣть себя на самыя симпатическія личныя перемѣны и временныя послабленія, совершаемыя по принципу не такъ давно провозглашенному одною оффиціозною газетою: лица, а не мѣры! (men non mesures!)

Нѣтъ, и не лица, и не мѣры, а совсѣмъ новые законы и учрежденія!

Вотъ чего теперь должны требовать для Россіи всѣ, чьи и горячія, и скромныя начинанія разбивались о произволъ, организованный въ монархическиполицейскія учрежденія. Каждый по своему, порознь и вмѣстѣ, эти люди должны бороться, пока не повалятъ то чудище, которое топчетъ ихъ со всѣми ихъ начинаніями своими копытами и хоботами и своимъ гнуснымъ дыханіемъ отравляетъ общественную атмосферу, бороться пока не добьются именно правъ человѣка хоть въ томъ минимумѣ, который мы выписали выше.

Рядомъ же съ этою борьбою и послѣ ея завершенія болѣе прогрессивныя группы будутъ вести свою другую работу для болѣе широкихъ результатовъ. Такъ понимаемъ мы настоящую задачу всѣхъ прогрессивныхъ группъ въ Россіи.

Теперь даже публицисты всякихъ „Голосовъ“, „Береговъ“, „Новыхъ Временъ“ и т. п. не смѣютъ уже отрицать справедливости требованій этихъ правъ человѣка. Они только смѣютъ находить, что намъ не къ лицу ихъ требовать, или что другіе не такъ добиваются ихъ, какъ бы слѣдовало. А какъ же добиться ихъ, — скажите Вы, которымъ будто бы болѣе къ лицу требовать этихъ правъ? — Лакействомъ, восхваленіемъ Мезенцевыхъ, виляніемъ??

Вы трепещете, какъ бы теперешнее „отрадное теченіе въ администраціи“ не было остановлено какимъ нибудь пассажемъ, Вы грозитесь прихлопнуть насъ въ такомъ случаѣ такъ, что отъ насъ и слѣда не останется. Такъ сумѣйте же оградить себя отъ всякихъ „случайностей“, т. е. сумѣйте сдѣлать такъ, чтобы Васъ и нельзя было бить за чужую вину. Вотъ, европейскіе либералы сумѣли же! Пассаннанте былъ приговоренъ, а партія хвалимаго Вами республиканца Кайроли осталась не только цѣла, но даже въ министерствахъ. Правда, италіанскіе либералы когда-то сами конспирировали съ Маццини и дрались съ Гарибальди противъ деспотовъ, сослуживцевъ нашего Николая Павловича. Правда, на Западѣ и самъ усмиритель парижской коммуны 1871 г. Тьеръ въ 1830 г. „прихлопывалъ“ не республиканцевъ и соціа-

листовъ (которыхъ, замѣтимъ, и прихлопнуть до безслѣдности трудно, такъ какъ имъ принадлежитъ будущее), а старую монархію, пытавшуюся ожить въ лицѣ Карла X, и началъ вмѣстѣ съ Арманомъ Каррелемъ іюльскую революцію. Объ этомъ стоитъ подумать россійскимъ Арманамъ Каррелямъ и Тьерамъ!

Говоря это, мы, конечно, имѣемъ въ виду не сотрудниковъ „Голоса“, которые въ свое время достаточно лебезили передъ гр. Шуваловымъ и Толстымъ, сегодня лебезятъ передъ гр. Лорисъ-Меликовымъ, а завтра будутъ лебезить передъ какимъ-нибудь новымъ душителемъ и вѣшателемъ. Но есть же въ средѣ россійскихъ литераторовъ и ученыхъ люди и почище, напримѣръ, тѣ, которые недавно передъ памятникомъ Пушкина въ Москвѣ провозглашали тосты за свободу ума и слова, которые искренно, вѣроятно, жалѣютъ молодежь и тревожатся при видѣ экономическихъ бѣдствій народа. Пусть бы они выступили съ откровеннымъ словомъ и поучили насъ о томъ, какъ, думаютъ они, можетъ быть установлена и обезпечена въ Россіи свобода ума и слова, ограждена молодежь отъ террора гр. Толстыхъ, Чертковыхъ, Тотлебеныхъ, и вообще ограждены права человѣка, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ могутъ быть устранены въ Россіи экономическія бѣдствія народа, — бѣдствія, зависящія и отъ прошедшаго и настоящаго крѣпостническаго строя общества и государства, и отъ грядущаго господства капиталистовъ? Пора бы уже „благоразумнымъ и умѣреннымъ“ людямъ, не желающимъ террора ни полицейскаго, ни революціоннаго, ни мужицкаго (несомнѣнно, начинающагося) — попробовать дать свои ясные отвѣты на эти „проклятые вопросы“.

Женева, 3 іюня 1880 г.

Гр. Лорисъ-Меликовъ и рабочіе.

(Первоначально напечатано въ журналѣ „Общее Дѣло“ № 36, іюнь и іюль 1880 г.)

Гр. Лорисъ-Меликовъ прославляется между прочимъ за свою относительную гуманность. Сравнивая его съ гг. Тотлебеномъ и Чертковымъ, на основаніи опубликованныхъ о нихъ свѣдѣній, даже мы, въ открытомъ письмѣ своемъ къ диктатору Россіи („Соловья баснями не кормятъ“) сказали: „правда, Вы никого не повѣсили“ — хотя бы потому, что въ Харьковѣ совсѣмъ уже не за что было кого-нибудь вѣшать.

Между тѣмъ, по новымъ свѣдѣніямъ, кажется, что и сатрапствованіе гр. Лорисъ-Меликова въ Харьковѣ было не безкровнымъ. Мы получили извѣстіе, что въ прошломъ году въ Харьковской губерніи, въ имѣніи помѣщика Ковальскаго, случился поджегъ клуни (риги) на участкѣ, арендуемомъ какимъ-то нѣмцемъ. Во время дознанія по этому поводу цѣлое село предъявило жалобы на притѣсненія арендатора, который, по словамъ крестьянъ, дѣлаетъ жизнь ихъ невыносимою, и просило начальство и помѣщика избавить его отъ такого арендатора. Заявленія крестьянъ были приняты за бунтъ, а двое изъ нихъ, заподозрѣнныхъ въ поджогѣ и подстрекательствѣ, были безъ дальней процедуры разстрѣлены по приказанію харьковскаго сатрапа.

Мы не утверждаемъ вѣрности этого извѣстія, но сообщаемъ его такъ, какъ его получили, въ надеждѣ, что оно будетъ подтверждено, или опровергнуто разслѣдованіемъ всѣхъ заинтересованныхъ лицъ.

То, что объ этихъ казняхъ генералъ-губернатора не было до сихъ поръ опубликовано ни со стороны правительственной, ни со стороны оппозиціонной,— еще не служитъ доказательствомъ, что казней этихъ не было. Начальство въ Россіи съ мужиками не церемонится, а общество, даже фрондирующіе его элементы, въ сущности мало ими интересуется. Недавно тому данъ былъ новый примѣръ процессомъ рабочаго г. Обнорскаго въ Петербургѣ.

Отбылся этотъ процессъ передъ военнымъ судомъ тотчасъ послѣ процесса гг. Веймарна, Михайлова и др. въ то время, когда газеты уже говорили о томъ, что гр. Лорисъ-Меликовъ предполагаетъ передать политическіе процессы гражданскимъ судамъ, — какъ только отбудутся процессы двухъ революціонныхъ типографій. Что за спѣхъ былъ судить именно военнымъ судомъ г. Обнорскаго? Въ чемъ обвинялся онъ? — Въ составленіи противозаконнаго общества (коего ни одного члена въ процессѣ не было) и въ распространеніи возмутительныхъ сочиненій! — Да кто же не обвиняется въ этихъ преступленіяхъ изъ числа попавшихъ въ руки III-го отдѣленія?! И, однакожъ, г. Обнорскаго поспѣшили судить военнымъ судомъ и присудили къ 10 годамъ каторги въ крѣпостяхъ, т. е. къ одному изъ самыхъ тяжкихъ наказаній. Гуманный диктаторъ утвердилъ этотъ приговоръ едва ли не въ тотъ самый день, когда онъ порисовался въ газетахъ объявленіемъ о томъ, какъ онъ выхлопоталъ у царя аудіенцію дочерямъ Пушкина. Ну, а Пушкинъ, ужъ извѣстно, — „чувства добрыя въ насъ лирой возбуждалъ и милость къ падшимъ призывалъ," — еще недавно кричала россійская пресса! Какъ же не гуманенъ, какъ не либеральенъ гр. Лорисъ-Меликовъ! „Берегъ" заговорилъ даже объ амнистіи эмигрантовъ, конечно, съ обязательнымъ для нихъ предварительнымъ самоошельмованіемъ. А „Kölnische Zeitung" даже воскликнула: Es lebe Loris-Melikow! Es lebe die Amnestie!

Среди этихъ криковъ въ чаду шампанскаго, выпитаго въ память поэта, который „чувства добрыя въ насъ лирой возбуждалъ", ни процесса, ни приговора надъ рабочимъ г. Обнорскимъ никто не замѣтилъ!

Публики на процессѣ не было, газетныя извѣстія о немъ кратки... Только мука рабочаго Обнорскаго будетъ очень, очень долга! Нѣкоторое понятіе о ней можно составить по словамъ Ѳ. М. Достоевскаго, — конечно, не по тѣмъ, что онъ говорилъ на пушкинскихъ торжествахъ, гдѣ онъ хвалилъ Николая Павловича и пророчествовалъ о томъ, какъ Россія (съ Николаемъ Павловичемъ и Лорисъ-Меликовымъ, но безъ „Бѣсовъ"—соціалистовъ) „христовой любовью" весь міръ спасетъ, — а изъ его безсмертныхъ „Записокъ изъ Мертваго Дома"!

Нѣсколько вопросовъ проф. Ор. Ѳ. Миллеру.

(Письмо въ редакцію „Общаго Дѣла“; первоначально напечатано тамъ же №№ 31 и 32, январь и февраль 1880 г.)

М. Г.

Позвольте мнѣ при посредствѣ Вашей газеты сдѣлать нѣсколько вопросовъ петербургскому профессору г. Ор. Миллеру по поводу словъ, написанныхъ имъ въ статьѣ „Основы ученія первоначальныхъ славянофиловъ“.

Въ статьѣ этой, напечатанной въ новомъ изданіи „Русская Мысль“, которое, какъ видно, желало бы возможно честно для подцензурнаго изданія относиться къ общественнымъ вопросамъ, г. Миллеръ съ сочувствіемъ излагаетъ между прочимъ и теорію старыхъ славянофиловъ о любовномъ отношеніи „Земли“ къ „Государству“ или, лучше сказать, къ государю, при „свободѣ Земли“ и „самодержавіи Государя“. Теорія эта, можетъ быть, и бывала хороша, когда государства были маленькими волостями (когда, собственно, никакихъ и теорій не было) и можетъ быть будетъ со временемъ хороша, когда люди опять будутъ организованы въ коммуны, имѣя вмѣсто правительства делегатовъ на короткій часъ и по спеціальнымъ дѣламъ. Но въ тѣхъ государствахъ, какія мы видѣли и видимъ по большей части въ исторіи и въ современности, теорія эта также никуда не годится въ Россіи, какъ и въ другихъ странахъ, и нужно имѣть всю темноту головъ старыхъ и новыхъ московскихъ славянофиловъ, чтобъ проповѣдовать ее при Николаѣ I и при Александрѣ II.

Г. Миллеръ, идя по слѣдамъ своихъ предшественниковъ, усматриваетъ любовное единеніе „Земли и Государства—Царя“ и въ послѣдней войнѣ, такъ поздно начатой, такъ позорно веденной и такъ предательски законченной на берлинскомъ конгрессѣ! Но мало того, г. Миллеръ говоритъ: „Съ точки зрѣнія славянофильской въ этомъ (въ войнѣ) опять проявлялось ничто иное, какъ историческое единеніе государства съ Землею; впереди же невольно усматривалась возможность полнѣйшаго установленія и мирнаго строя нашей жизни на томъ же завѣтномъ началѣ довѣрія, соединяющемъ твердость власти съ свободою жизни. Какъ вдругъ — эти первые признаки вновь возникающей смуты даже прежде, чѣмъ были вполнѣ покончены наши счеты съ Европою послѣ войны! Невольно почувствовалось тутъ участіе чьей-то, невидимой, можетъ быть, и для тѣхъ, кѣмъ она управляетъ, чужой руки, для которой давно, конечно, готовые элементы смуты послужили на то, чтобы, искусно ихъ раздувая, вызвать со стороны государства полнѣйшее недовѣріе къ той

самой Землѣ, такъ блистательно проявившей всю силу своей сплоченной вѣрности въ только что минувшей войнѣ. Но люди Земли по прежнему остаются послѣдними, т. е. коренными, основными людьми. Земля выскажетъ свою мысль, она сдѣлаетъ дѣло по старому, она вмѣсто смуты опять возстановитъ „нарядъ“, только бы снова раздался надъ нею старый, исторически ей знакомый призывъ.“ (Р. М., 1880, № 1, стр. 94.)

Такъ какъ ученые не для того содержатся „Землею“, чтобы изливать только то, что „невольно усматривается“ и „невольно чувствуется“ ими (для этого въ „Землѣ“ имѣются старыя богомолки и странницы), то поэтому мы въ правѣ спросить петербургскаго профессора: гдѣ же у него доказательства, что такъ называемая имъ „смута“ управляется и раздувается чужою рукою, и какая это рука? Далѣе, въ заключительныхъ словахъ г. Миллеръ, конечно, имѣетъ въ виду „призывъ“ на земскій соборъ. Только вотъ въ чемъ бѣда: вѣдь этого „земскаго собора“, или „учредительнаго собранія“, или „политической свободы“ и т. п. одна вѣдь только „смута“ и добивается въ Россіи, и словомъ, и дѣломъ. Господа же московскіе славянофилы, даже если они, какъ г. Кошелевъ, и рискнутъ высказать мысль о земскомъ соборѣ, то все ждутъ, пока это „Государство—Царь“ надумается произнести желательный имъ „призывъ“, даже для созыва совершенно безспильнаго собора на старо-московскій ладъ. Но вѣдь исторія не ждетъ. Какія же средства, полагаетъ г. Миллеръ, могутъ наконецъ подвинуть „Государство“ издать „призывъ“, который будетъ имѣть послѣдствіемъ „возстановленіе наряда“ въ Россіи? Особенно интересенъ вопросъ этотъ теперь, когда, по словамъ и самого г. Миллера, Государство-Царь — положимъ, и по милости чужой руки! — но все же „дошло до полнѣйшаго недовѣрія къ этой самой Землѣ“, т. е. до полнѣйшаго умопомраченія.

Г. Миллеръ такъ много писалъ въ послѣднее время открытыхъ писемъ по политическимъ вопросамъ даже къ знатнымъ иностранцамъ, что, конечно, не сочтетъ неумѣстными эти открытые вопросы со стороны, если не соотечественника, то союзника по принадлежности къ нынѣшнему „Государству Россійскому“, и не оставитъ ихъ безъ отвѣта. А если оставитъ „по обстоятельствамъ отъ него независящимъ“, то еще разъ докажетъ, что всѣмъ россійскимъ „національ-либераламъ“ и „народникамъ“ изъ профессоровъ, если у нихъ нѣтъ смѣлости на открытый разрывъ съ существующимъ, потерявшимъ послѣдній смыслъ „Государствомъ“, самое приличное было бы совсѣмъ молчать о горячихъ вопросахъ жизни вмѣсто того, чтобы бормотать полуслова, а особенно темныя „невольныя усмотрѣнія и чувства“.[1]

Женева, 19 февраля (2 марта) 1880 г.

[1] Это письмо должно было бы быть напечатано передъ статьями, изобличающими режимъ Лорисъ-Меликова, такъ какъ статья Ор. Ѳ. Миллера, по поводу которой оно написано, появилась раньше февральскаго взрыва въ Зимнемъ Дворцѣ. Но мы нашли его уже послѣ того, какъ тѣ статьи были напечатаны, и потому печатаемъ его здѣсь. Въ P. S. къ своему письму М. П. Драгомановъ опровергаетъ распространявшіеся слухи о томъ, что онъ редакторъ или издатель „Общаго Дѣла“ или „Набата“. Прим. ред.

Вниманію соціалистовъ-эмигрантовъ изъ Россіи.

(Первоначально напечатано отдѣльнымъ листкомъ. Женева 1880.)

Въ послѣднее время въ Женевѣ собралось довольно большое количество болѣе или менѣе постоянныхъ или же кратко-срочныхъ эмигрантовъ изъ Россіи. Эмигранты эти, принадлежащіе къ разнымъ мѣстностямъ и національностямъ этой обширной имперіи (бѣлоруссы, грузины, евреи, поляки, румыны, русскіе, украинцы), болѣе или менѣе прикосновенны къ соціально-революціонному движенію, совершающемуся въ Россіи, а потому, конечно, не могутъ оставаться равнодушными къ тому, что дѣлается на ихъ родинѣ.

Само собою разумѣется, что сенсаціонныя извѣстія о томъ, что будто въ Женевѣ существуетъ комитетъ, который управляетъ революціоннымъ движеніемъ въ Россіи, совершенно неосновательны и даже вредны, и еще недавно „Общество пособія политическимъ изгнанникамъ изъ Россіи“ поручило Н. И. Жуковскому и мнѣ напечатать въ журналахъ спеціальное опроверженіе подобныхъ извѣстій.

Но было бы совершенно противоестественнымъ, если бы лица, такъ близко связанныя съ движеніемъ, которое совершается на ихъ родинѣ, и собранныя въ одномъ мѣстѣ, отказались даже отъ теоретическаго обмѣна мыслей объ этомъ движеніи, его цѣляхъ и средствахъ. Совершенно понятно, что разные кружки эмигрантовъ изъ Россіи собирались, кромѣ частныхъ своихъ сходокъ, еще и на болѣе или менѣе общія собранія. Поводомъ къ нимъ служили рефераты о предметахъ, имѣющихъ современный интересъ. Въ послѣдніе мѣсяцы цѣлый рядъ такихъ рефератовъ имѣлъ въ виду обмѣнъ наблюденій и мыслей по слѣдующимъ двумъ вопросамъ: 1. объ отношеніи борьбы за политическую свободу къ дѣлу соціализма въ Россіи, и 2. о федерализмѣ и централизмѣ въ дѣлѣ соціалистической пропаганды въ Восточной Европѣ.

Въ объясненіе послѣднихъ словъ (Восточная Европа) необходимо сказать, что такъ какъ западная половина Россіи

населена такими народами, которые входятъ въ составъ населенія и сосѣднихъ съ нею государствъ, а именно: Пруссіи (нѣмцы, литовцы, поляки), Австріи (поляки, украинцы, румыны) и Румыніи (украинцы, румыны, русскіе), то соціальныя партіи, имѣющія въ виду дѣйствовать на населенія этой половины Россіи, отнюдь не могутъ заключиться въ предѣлахъ этой имперіи, а должны войти въ тѣснѣйшую связь съ своими сосѣдями и соплеменниками въ пограничныхъ земляхъ, по крайней мѣрѣ, до Одера и Дуная.

Въ концѣ рефератовъ по послѣднему вопросу мы позволили себѣ предложить на обсужденіе слѣдующія резолюціи:

1. Собраніе отдаетъ предпочтеніе соціальнымъ и революціоннымъ организаціямъ равноправно-федеральнымъ передъ централистическими и іерархическими.

2. Собраніе считаетъ болѣе соотвѣтственнымъ интересамъ соціализма на Востокѣ Европы организацію соціальныхъ партій по естественнымъ областямъ: географическимъ, экономическимъ и національнымъ, чѣмъ на основаніи государственныхъ границъ, существующихъ и традиціонныхъ.

Въ объясненіе этого пункта не безполезно будетъ напомнить, что между прочими соціалистическими организаціями и партіями, существующими въ настоящее время на Востокѣ Европы, находятся русская, польская, германская, венгерская, изъ которыхъ первыя двѣ никогда еще не опредѣлили ясно естественныхъ областей, въ которыхъ предполагаютъ дѣйствовать,[1] германская, будучи собственно нѣмецкою въ предѣлахъ Германіи, осталась безъ вліянія на ненѣмецкое населеніе имперіи, напримѣръ, на познанскихъ и силезскихъ поляковъ; въ подобномъ же положеніи находится и партія венгерская, которая печатаетъ свои изданія только по-венгерски и нѣмецки и не имѣетъ значенія для другихъ народовъ Венгріи, въ числѣ которыхъ находятся и украинцы, и румыны.

3. Въ интересахъ пропаганды соціализма на Востокѣ Европы собраніе считаетъ существенною необходимостью организацію соціалистической печати на языкахъ народныхъ, а не на однихъ только языкахъ государственныхъ и высшихъ сословій.

4. Такъ какъ изъ языковъ населеній Восточной Европы соціалистическая печать уже начата на языкахъ русскомъ, украинскомъ, польскомъ и румынскомъ, то собраніе считаетъ теперь очереднымъ дѣломъ организацію такой же печати на языкахъ эстонскомъ, латышскомъ и литовскомъ, бѣлорусскомъ, на языкахъ евреевъ и кавказцевъ, а также

[1] Россія — не народъ, а государство и съ измѣнчивыми границами; то же была и Польша, которая оставила по себѣ въ своей большей части не народъ польскій, а сословіе.

приспособленіе нѣмецкой соціалистической литературы къ быту нѣмецкихъ рабочихъ на Востокѣ Европы.

5. Признавая существенно необходимымъ образованіе и сохраненіе въ Восточной Европѣ разнаго рода мѣстныхъ (областныхъ и національныхъ) соціалистическихъ кадровъ, собраніе вмѣстѣ съ тѣмъ считаетъ необходимымъ возможно болѣе тѣсную связь ихъ и взаимную помощь.

Не трудно увидѣть, что предлагаемыя резолюціи суть ничто иное, какъ примѣненіе къ теперешнему положенію дѣлъ въ Восточной Европѣ основныхъ началъ, руководившихъ западно-европейскимъ Международнымъ Товариществомъ Рабочихъ, которыя видны въ особенности въ слѣдующихъ словахъ первоначальнаго его регламента:

„Дѣло освобожденія труда не есть дѣло ни (исключительно) мѣстное, ни національное, но (общее) соціальное, обнимаетъ всѣ страны, въ которыхъ существуетъ новѣйшая жизнь, и требуетъ для своего разрѣшенія ихъ соучастія теоретическаго и практическаго."

„Генеральный Совѣтъ установитъ сношеніе съ различными рабочими обществами, такъ чтобы рабочіе всякой страны были постоянно освѣдомлены относительно движенія ихъ класса въ другихъ странахъ.... Когда окажется необходимымъ, центральный совѣтъ возьметъ на себя починъ предложеній для обществъ мѣстныхъ или національныхъ" (§ 6).

„Такъ какъ успѣхъ рабочаго движенія можетъ быть обезпеченъ въ каждой странѣ (pays) только силою, получаемою изъ единенія и союза, и такъ какъ, съ другой стороны, польза самого центральнаго совѣта зависитъ отъ его сношеній съ рабочими обществами, національными или мѣстными, то члены Международнаго Общества должны употребить всѣ свои усилія, каждый въ своей странѣ, чтобы соединить въ одинъ національный союзъ (une association nationale) различныя существующія рабочія общества, равно какъ и о томъ, чтобы создать для нихъ спеціальный органъ" (§ 7).

Не знаемъ, необходимо ли говорить, что въ нашихъ резолюціяхъ не предлагается никакой преждевременной формальной организаціи и тѣмъ болѣе чего-либо похожаго на Центральный Совѣтъ, и что изъ примѣровъ западноевропейскихъ соціалистическихъ организацій послѣдняго времени духу нашихъ резолюцій гораздо болѣе соотвѣтствовалъ бы союзъ областныхъ федерацій рабочихъ Франціи, которыя устраиваются въ силу рѣшеній Марсельскаго конгресса рабочихъ 1879 года, но безъ ихъ тѣсно и исключи-

тельно французскаго характера, — государственнаго и національнаго.[1]

Не беремся судить о томъ, позволяютъ ли въ настоящую минуту политическія условія Россіи образованіе чего-либо подобнаго такимъ федераціямъ. Но въ областяхъ, населенныхъ родными многимъ изъ насъ, жителей Россіи, народами, напримѣръ, въ Австро-Венгріи, Румыніи и даже Пруссіи, эта возможность существуетъ, и рабочія организаціи сельскія и городскія, національныя и мѣстныя интернаціональныя, напримѣръ, польско-украинская въ Львовѣ (изд. „Громадський Другъ“ и „Рraca“), могутъ служить хорошею школою и для будущихъ подобныхъ организацій въ Россіи. Наконецъ, и въ этой послѣдней въ настоящее время, уже образовался слой сознательныхъ рабочихъ, который вполнѣ способенъ примкнуть къ западному рабочему движенію, и, кромѣ того, среди соціалистовъ-теоретиковъ, по всѣмъ признакамъ, обнаруживается стремленіе выйти изъ прежнихъ тѣсныхъ рамокъ, кружковыхъ и государственно-національныхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ стать на почву живыхъ народныхъ группъ. А то и другое возможно только при послѣдовательномъ совмѣщеніи дѣйствительно интернаціональнаго принципа съ принципомъ прочныхъ мѣстныхъ организацій, т. е. въ широкомъ федеральномъ союзѣ.

Различныя частности этого общаго вопроса, который съ перваго раза можетъ даже казаться уже рѣшеннымъ, могутъ быть уяснены только возможно болѣе широкимъ обмѣномъ мыслей. А потому мы и позволили себѣ не только предложить приведенныя выше резолюціи на обсужденіе женевскимъ товарищамъ, но и сдѣлать, черезъ настоящіе оттиски, обсужденіе ихъ болѣе широкимъ. Быть можетъ, обмѣнъ мыслей по поводу предлагаемыхъ резолюцій будетъ имѣть и какія-нибудь практическія послѣдствія.

Съ своей стороны, мы твердо убѣждены, что крайне сложные и въ настоящее время перепутанные національные, политическіе и соціальные вопросы жизни Восточной Европы могутъ быть рѣшены успѣшно только при радикальномъ примѣненіи демократически-федеративнаго начала и что раньше или позже соціалистическія группы въ этихъ

---

[1] Вотъ нѣкоторыя изъ статей постановленія на этотъ счетъ Марсельскаго конгресса: А) Образуется между согласившимися группами... федерація рабочихъ соціалистовъ обоего пола... Б) Федерація раздѣляется на шесть главныхъ областей, а именно: 1. Парижская, или Центральная; 2 Ліонская, или Восточная; 3. Марсельская, или Южная; 4. Бордоская, или Западная; 5. Лильская, или Сѣверная; 6. Алжирская. В) Всякая область собирается на областные конгрессы и управляется по своему усмотрѣнію...

Обрузующіяся въ силу этого рѣшенія въ разныхъ мѣстахъ (въ Марселѣ, Парижѣ, Руанѣ, Ліонѣ, Гренобле и др.) союзы по большей части сами приняли имя федерацій.

странахъ придутъ къ необходимости образованія между собою правильнаго интернаціональнаго федеративнаго союза. Быть можетъ, въ настоящую минуту организація подобнаго союза была бы и преждевременна, такъ какъ для него не всѣ еще элементы подготовлены. Но мы думаемъ, что, напримѣръ, образованіе чисто литературнаго союза съ цѣлью пропаганды федеральносоціалистическихъ ученій на всѣхъ языкахъ и для всѣхъ областей Восточной Европы не было бы ни преждевременнымъ, ни превосходящимъ силы даже теперешней эмиграціи изъ Россіи, въ особенности при участіи товарищей изъ болѣе свободныхъ сосѣднихъ съ нею странъ: Галиціи, Венгріи и Румыніи.

М. Драгомановъ
Редакторъ украинскаго сборника „Громада“ (La Commune)
Rue de Lausanne, 19. Genève.

15 мая 1880 г.

Отъ
группы соціалистовъ-евреевъ.

(Первоначально напечатано отдѣльнымъ листкомъ. Женева 1880.[1])

Въ послѣднее время изъ среды еврейскаго населенія Восточной Европы вышло немалое число соціалистовъ, подобно тому, какъ относительно немалое число ихъ дано евреями и Западной Европѣ, особенно Германіи. Но, несмотря на это, въ Восточной Европѣ сама еврейская масса совсѣмъ не затронута пропагандою соціализма. А, между тѣмъ, тутъ въ Россіи и въ принадлежащихъ къ ней краяхъ Австріи и Румыніи настоитъ особенная необходимость въ соціальной пропагандѣ соціализма среди евреевъ, которыхъ положеніе, по количеству, быту и языку, относительно массъ туземцевъ, существенно различается отъ положенія евреевъ въ Западной Европѣ.

Главная масса еврейскаго населенія Европы группируется именно въ восточной ея части, — въ Россіи и сѣверо-восточной Австріи. Въ то время, какъ во Франціи, напр., ихъ насчитывается не болѣе 56000 человѣкъ, въ Англіи не болѣе 50000, а въ Италіи едва 45000, и гдѣ они почти совсѣмъ уже ассимилировались съ мѣстными народностями, въ Восточной Европѣ они, по особымъ историческимъ причинамъ, составляютъ одну замкнутую и тѣсно сплоченную массу, численностью въ четыре слишкомъ милліона, отличающуюся отъ туземныхъ націй своимъ міровоззрѣніемъ и бытовыми особенностями.

По языку ихъ можно раздѣлить на три группы: 1. на евреевъ, населяющихъ южныя и юго-западныя губерніи Россіи и сѣверо-восточную часть Австріи — Галицію (восточную и западную), въ количествѣ двухъ милліоновъ человѣкъ, 2. евреевъ сѣверо-западныхъ, бѣлорусско-литовскихъ губерній, числомъ до 1 милліона, и 3. евреевъ Привислянскаго края, тоже въ 1 милліонъ.

Но всѣ эти „жаргоны“, имѣя въ основаніи своемъ древненѣмецкій языкъ, въ который потомъ вошли слова украинскія,

[1] Въ этомъ листкѣ только короткое послѣсловіе принадлежитъ Драгоманову. Оно чрезвычайно важно для характеристики отношеній Драгоманова къ еврейскому вопросу. Прим. П. С.

бѣлорусскія, польскія и великорусскія, вовсе не такъ рѣзко отличаются одинъ отъ другого, какъ нѣкоторые думаютъ: уроженецъ Литвы, напримѣръ, безъ особеннаго труда объясняется съ волынскимъ евреемъ, такъ какъ главное различіе между этими нарѣчіями заключается почти только въ произношеніи. Что касается не-нѣмецкихъ элементовъ, то они, особенно въ связной рѣчи, легко могутъ быть понимаемы и, во всякомъ случаѣ, не мѣшаютъ пониманію общей мысли, какъ это вообще бываетъ при чтеніи переводныхъ книгъ, усѣянныхъ варваризмами.

Относительно же мнѣнія, будто евреи „знаютъ“ языки тѣхъ народовъ, посреди которыхъ они живутъ, должно замѣтить, что, находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ неевреями, они дѣйствительно кое-какъ справляются съ ихъ дѣловымъ языкомъ, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что они знаютъ, т. е. умѣютъ читать и писать на чужихъ литературныхъ языкахъ. Огромное большинство евреевъ, особенно въ Россіи, не знаетъ другой азбуки, кромѣ еврейской. Да къ тому же по многимъ признакамъ очень сомнительно, чтобы они, даже какъ масса, захотѣли пользоваться литературой на не-еврейскихъ языкахъ... А, между тѣмъ, не должно упускать изъ виду того чрезвычайно важнаго обстоятельства, что евреи по-своему почти всѣ поголовно грамотны, тогда какъ, не говоря уже объ иностранныхъ, даже гебрейскаго языка, по Полинковскому,[1] не знаетъ и не понимаетъ въ литовскихъ и юго-западныхъ губерніяхъ 35—40%, а въ южныхъ 20—25% всего еврейскаго населенія, преимущественно классъ мелкихъ торговцевъ, ремесленниковъ и чернорабочихъ. А языкъ ли рѣчь евреевъ или жаргонъ, груба и неблагозвучна ли она или нѣтъ, — до этого намъ, соціалистамъ, мало дѣла, и махнуть рукою на слишкомъ четырехъ-милліонную массу, потому только, что живой языкъ ея не отличается классическими достоинствами, было бы, по меньшей мѣрѣ, непрактично.

Съ другой стороны, пусть скептики обратятъ вниманіе на то, что, несмотря на всѣ неудобства и шероховатость языка, у евреевъ, кромѣ чисто религіозныхъ книгъ, существуетъ уже довольно объемистая, созданная еврейскими прогрессистами, литература новаго, такъ сказать, свѣтскаго направленія.[2] Въ нее входятъ: сказки, повѣсти, романы,

[1] „Труды этно-стат. экспедиціи въ западно-русскій край“ (томъ VII) П. Чубинскаго.

[2] Мы очень далеки отъ того, чтобы признать за дѣятельностью еврейскихъ „прогрессистовъ“ какое-нибудь спасительное значеніе для еврейскихъ массъ; они въ еврейской и великорусской литературѣ пытаются разрѣшать какіе-то спеціальные еврейскіе вопросы, которые для насъ, соціалистовъ, никогда не существовали, да и существовать не могутъ. Для насъ всякіе частные вопросы заглушаются однимъ

поэзія въ собственномъ смыслѣ и пр. Господствующая въ нихъ тема, — это нападки на патріархальные порядки евреевъ, на китайскую замкнутость ихъ, на нелѣпое воспитаніе молодежи, ѣдкая сатира на духовныхъ главъ ихъ, — цадиковъ и хасидовъ, и т. п. Изъ поэтовъ, пишущихъ на „жаргонѣ“, пользуются особенной извѣстностью среди евреевъ въ Галиціи Берко изъ Бродовъ (Berko vün Brojdy), на Литвѣ — Эльокумъ изъ Вильно (Elokum der Badchun) и на югѣ Россіи — Гольдфаденъ. Сверхъ того, на еврейскомъ „жаргонѣ“ выходили даже 2—3 газеты и вскорѣ, по словамъ „Новаго Времени“, станетъ выходить новая газета подъ редакторствомъ нѣкоего Бинштока. А въ послѣднее время появились даже сценическія сочиненія и труппы еврейскихъ актеровъ подъ управленіемъ гг. Гольдфадена и Розенберга, которыя разъѣзжаютъ по всей южной и западной Россіи, вездѣ привлекая множество еврейской публики. Вотъ что, между прочимъ, говоритъ по поводу еврейскаго театра одесскій корреспондентъ журнала „Разсвѣтъ“:

„Существующіе на древне-еврейскомъ языкѣ органы[1] проводятъ въ массу еврейскую тѣ или другія идеи. Но не всѣ имѣютъ возможность читать такія газеты: нѣкоторыя — по незнанію языка, большинство же — по бѣдности. Кромѣ того, такіе органы вовсе не имѣютъ въ виду женщинъ, которыя могли бы значительно подвинуть дѣло образованія и общечеловѣческаго развитія среди евреевъ. Громадное большинство ихъ не знаетъ древне-еврейскаго языка. Для того, чтобы въ эту среду провести общеобразовательныя идеи, лучше всего, конечно, основать органъ на жаргонѣ и годичную цѣну газеты понизить до крайняго minimum'a, но такую же службу могъ бы сослужить и правильно устроенный еврейскій театръ. Нужно видѣть, съ какимъ энтузіазмомъ у насъ аплодируютъ Іонѣ, который въ темницѣ поетъ пѣсню: „Проснись, пробудись, народъ мой!“ чтобы имѣть понятіе, какъ идеи, олицетворенныя въ живыхъ образахъ, дѣйствуютъ на нашихъ впечатлительныхъ единовѣрцевъ. Конечно, театры могутъ быть устроены только въ крупныхъ еврейскихъ центрахъ, между тѣмъ, какъ жаргонная газета можетъ проникнуть повсюду, во всѣ закоулки еврейскаго міра“ (1880 г., № 5, стр. 170).

И въ другомъ мѣстѣ:

общимъ вопросомъ, — вопросомъ о Соціальной Революціи, которая одна, уничтоживъ политическо-экономическое рабство людей, тѣмъ самымъ разрѣшитъ всѣ сравнительно мелкіе вопросы. Но, повторяемъ, мы указали на эту литературу только въ опроверженіе мнѣнія, будто никакая (а, слѣдовательно, и соціалистическая) пропаганда среди евреевъ невозможна, за несуществованіемъ у нихъ выработаннаго языка.

[1] По показанію „Россійской Библіографіи“ ихъ было въ 1879 г. четыре.

„Говорятъ, что еврейскій жаргонъ неблагозвученъ и не годится для театра; допустимъ, что онъ и не благозвученъ, но за то онъ обладаетъ однимъ достоинствомъ, котораго нельзя найти ни въ какомъ другомъ языкѣ,[1] а именно: онъ понятенъ для всей простой массы еврейства. Еврейскій театръ имѣетъ подъ собою твердую почву, ибо онъ доступенъ всей еврейской массѣ“ (стр. 168).

Это появленіе новой еврейской литературы и отношеніе къ ней еврейскихъ массъ находится въ полномъ соотвѣтствіи съ фактомъ возрожденія и нарожденія литературъ на простонародныхъ языкахъ, который можно наблюдать въ послѣднее время во всей Европѣ. Оно указываетъ на настоятельную необходимость и для соціалистовъ воспользоваться такимъ могучимъ орудіемъ, какъ живой языкъ народныхъ массъ, чтобы проникнуть въ самую глубину ихъ жизни и чувства.[2]

Въ заключеніе нелишнимъ считаемъ сказать нѣсколько словъ по поводу господствующаго предразсудка, будто все еврейство представляетъ собою исключительно классъ буржуа-эксплоататоровъ, которымъ, слѣдовательно, толковать

---

[1] Авторъ, очевидно, имѣлъ въ виду литературно-государственные языки, забывая или не зная, что, кромѣ евреевъ, и у другихъ европейскихъ народовъ, хотя политически и не самостоятельныхъ, существуетъ одинъ языкъ массы и для литературы, какъ, напр., у украинцевъ, грузиновъ и др.

[2] Факты см. у М. Драгоманова: „Новокельтское и Провансальское движеніе во Франціи“, „Вѣстникъ Европы“ августъ и сентябрь 1875 г. Его же: „По вопросу о малорусской литературѣ“. А вотъ что говоритъ Герценъ, защищая права украинскаго языка въ судахъ и школахъ юго-западнаго края отъ софизмовъ польской аристократіи и русской бюрократіи:

„Въ этомъ-то и лежитъ все проклятіе, что одинъ классъ исключительно пользуется воспитаніемъ, а другой — невѣжествомъ; что для одного класса есть и книги, и школы, а для другого — ничего, ни даже письменнаго языка.

„.... Разъ какъ-то въ Брюсселѣ, я гулялъ по городу, утромъ въ воскресеніе. Въ церквахъ толпа страшная; вхожу въ одну — проповѣдь, вниманіе простого народа меня поразило. Я пошелъ въ другую, въ третью церковь — то же самое; что же за причина? Все Лакордеры или Равиньяны? Нѣтъ, но попы проповѣдывали по-фламандски. Я изъ третьей церкви перешелъ въ кофейную: груда газетъ, всѣ французскія: я въ другую — то же; афишки, водевили, фарсы, драмы и оперы — все на французскомъ; романы и повѣсти — то же самое, а потому все это дальше лакея и горничной не опускается. Народъ — по ту сторону литературы, оставленъ на поповъ, они его и образовываютъ на свой салтыкъ; а белги, говорящіе по-французски, удивляются его изувѣрству. Точно то же я видѣлъ въ Шемонтѣ.

„На этомъ-то раздвоеніи народовъ на два слоя — одного, облитаго свѣтомъ и плавающаго, какъ масло надъ глубью, другого — глубокаго и темнаго, окруженнаго мглой, срѣзались всѣ революціи. Онѣ дѣлались для значительнаго (не по числу, а по правамъ) класса, исключительно пользовавшагося воспитаніемъ, — массамъ до нихъ дѣла не было“ („Колоколъ“, № 116, 15 декабря 1861 г.: „По поводу письма изъ Волыни“).

Съ тѣхъ поръ, какъ дѣлалъ свои наблюденія Герценъ, успѣла развиться нетолько фламандская клерикальная литература, но и либеральная, а, наконецъ, къ фламандскому языку обратились и соціалисты, — и въ настоящее время фламандскія соціалистическія организаціи однѣ изъ самыхъ крѣпкихъ въ Европѣ. Сохраняя свою мѣстную форму, онѣ въ то же время тѣсно связаны съ валлонско-французскими группами въ одну федеративную „Бельгійскую соціально-демократическую партію“ и примыкаютъ къ родственнымъ имъ по языку группамъ голландскимъ.

о соціализмѣ — трудъ неблагодарный и напрасный. Но, кто хотя нѣсколько знакомъ съ объектомъ своихъ нападокъ, тотъ знаетъ, что и между евреями существуютъ и эксплоататоры, и труженики-пролетаріи; бѣдность еврейской массы констатирована многими изслѣдователями; а выбиться изъ нищенскаго положенія и вступить въ среду „пирующихъ“, — это стремленіе свойственно не однимъ только еврейскимъ бѣднякамъ, но и всякимъ, къ какой бы расѣ они не принадлежали; что же до эксплоататоровъ, то, будь они евреи или не евреи, — и тѣ, и другіе, по нашему мнѣнію, вредны. Извѣстно, что значительную часть, а мѣстами и большинство ремесленниковъ въ западно-русскихъ губерніяхъ составляютъ евреи: они — сапожники, портные, шапочники, кузнецы, жестяники, столяры, плотники, каменщики, мостовщики, домовые маляры, печники и т. д. Тоже немало существуетъ между ними и чернорабочихъ, отличающихся крайней нищетою, при искусственно ограниченномъ рынкѣ для сбыта ихъ рабочей силы.

Считаемъ не лишеннымъ интереса замѣчанія, сдѣланныя Полинковскимъ о представителяхъ нѣкоторыхъ ремеслъ, которыя въ Западномъ краѣ распространены по преимуществу между еврейскимъ населеніемъ. Онъ говоритъ:

„Общественное мнѣніе евреевъ что-то не расположено къ этимъ ремесламъ (т. е. портняжному, сапожному и шапочному), считая занимающихся ими членовъ общества, нисшей нравственности противъ другихъ. Занимающіеся названными ремеслами евреи дѣйствительно отличаются отъ прочихъ евреевъ религіознымъ индифферентизмомъ и, вообще, несвойственною старосвѣтскимъ евреямъ живостью и веселостью нрава.“ Далѣе, объяснивъ причины такого явленія, а именно: поздній бракъ, совершенное отсутствіе родительскаго надзора, игнорированіе молитвеннаго дома, совмѣстный трудъ съ рабочими другихъ національностей и т. п., авторъ продолжаетъ: „Еврейскій ремесленникъ, хотя и не развращается (развратъ [авторъ, повидимому, узко понимаетъ этотъ терминъ] неизвѣстенъ и въ этой еврейской области), но все-таки дѣлается равнодушнымъ къ нѣкоторымъ религіознымъ обрядностямъ. И вообще жизнь и манеры ремесленника не носятъ на себѣ національно-религіознаго отпечатка, который такъ замѣтенъ у другихъ евреевъ стараго направленія“ (стр. 89 и 91).

Не меньшее вниманіе слѣдуетъ обратить и на собственно еврейскую интеллигенцію, т. е. обучающуюся еврейской религіозно-общественной философіи въ такъ называемыхъ талмудъ-торахъ и бейсъ-гамедрашахъ, и на довольно значительный слой либеральныхъ молодыхъ евреевъ, называе-

мыхъ соплеменниками за свое свободомысліе нѣмчиками или берлинерами. Полинковскій о нихъ пишетъ:

„Основательное изученіе талмуда, тѣмъ болѣе св. писанія и другихъ книгъ теологико-философскаго содержанія дѣлаетъ молодого „бесгамедрашника“ рѣшительно неспособнымъ къ воспринятію хасидскихъ понятій, — и нѣсколькихъ листовъ современной газеты или одного незначительнаго сочиненія Мендельсона или кого-нибудь изъ его послѣдователей достаточно, чтобы радикально переработать весь образъ мыслей и направленіе молодого человѣка. Въ настоящее время бываютъ случаи (съ которыми намъ самимъ случалось нѣсколько разъ встрѣчаться), что молодой еврей, находящійся еще на кошту родителей и занимающійся изученіемъ талмуда и духовной литературы, не знаетъ ни одного европейскаго языка и по наружности — настоящій хасидъ-„бесгамедрашникъ“, но по образу мыслей и его убѣжденіямъ — совершенный прогрессистъ, благодаря нѣсколькимъ современнымъ сочиненіямъ на древне-еврейскомъ языкѣ, которыя онъ успѣлъ прочесть въ тайнѣ отъ своихъ родителей и сверстниковъ-хасидовъ“ (стр. 77).

Вышеупомянутые рабочіе и интеллигенція, конечно, представляютъ поле, благопріятное для пропаганды идей соціализма. Но до сихъ поръ евреи-соціалисты считали лишнимъ заниматься своимъ народомъ. Это объясняется какъ предразсудками на счетъ евреевъ, о которыхъ мы уже говорили въ началѣ и которые раздѣлялись и большинствомъ еврейской молодежи, такъ и тѣми исключительными условіями, въ которыхъ находится эта молодежь: молодой человѣкъ, вырвавшись изъ душной атмосферы еврейства въ какое-нибудь государственное учебное заведеніе и встрѣчая во всѣхъ евреяхъ и неевреяхъ презрѣніе къ „жидамъ“, рѣже явное, но скрытое почти всегда, всячески старался забыть ихъ языкъ и даже (какъ это ни мудрено) самое свое еврейское происхожденіе; о сближеніи съ массой еврейской тутъ, разумѣется, и рѣчи быть не могло. Но, вступивъ затѣмъ въ ряды соціалистовъ, онъ и тогда не встрѣчалъ отпора своимъ крайне непрактическимъ стремленіямъ; ему въ голову не приходило, что сближеніе еврейскихъ пролетаріевъ съ пролетаріями другихъ странъ для завоеванія правъ труду можетъ быть достигнуто, главнымъ образомъ, людьми, вышедшими изъ евреевъ же. И естественнымъ послѣдствіемъ было то, что самыя передовыя и лучшія силы отрывались отъ своего народа, оставляя его даже въ невѣдѣніи относительно самого существованія соціальнаго вопроса. Правда, почтенная попытка организаціи соціалистической литературы для евреевъ была

сдѣлана въ семидесятыхъ годахъ Либерманомъ, но, по нашему убѣжденію, она уже a priori не должна была имѣть успѣха, главнымъ образомъ, потому, что основой ея былъ древне-еврейскій, для массы мертвый, языкъ. И этимъ единымъ опытомъ закончились всѣ помышленія о пропагандѣ въ еврейской массѣ.

Подобное отношеніе еврейской революціонной молодежи къ своему народу не можетъ долѣе продолжаться, — мы, соціалисты-революціонеры изъ евреевъ, **во имя интересовъ самого соціализма**, протестуемъ противъ такого поголовнаго удаленія евреевъ-соціалистовъ отъ своихъ массъ. Мы никому, конечно, не указываемъ, какой выбирать надо народъ для своей дѣятельности, мы утверждаемъ только, что пора привлечь къ дѣлу Соціальной Революціи и массу рабочихъ евреевъ.

А потому, на томъ основаніи,

что „эмансипація рабочихъ есть задача ни мѣстная, ни національная, а соціальная, охватывающая всѣ страны, гдѣ существуетъ новѣйшій общественный порядокъ, и притомъ разрѣшеніе ея зависитъ отъ совмѣстной теоретической и практической дѣятельности передовыхъ странъ“ (Генеральные Статуты Интернаціонала, утвержденные Женевскимъ конгрессомъ 1866 г.);

что „Интернаціональная Ассоціація Рабочихъ ..... признаетъ основнымъ положеніемъ Правду, Справедливость и Нравственность въ своихъ отношеніяхъ со **всѣми** людьми, безъ различія цвѣта (расы), **вѣроисповѣданія и національности**“ (ibidem);

и принимая во вниманіе:

что до сихъ поръ еврейское рабочее населеніе Вост. Европы **оставалось совсѣмъ въ сторонѣ** отъ соціалистическаго **движенія**;

что для того, чтобы внести проповѣдь Соціальной Революціи въ еврейскія массы, надо обратиться къ нимъ на **понятномъ** для нихъ языкѣ, —

въ виду всего этого, мы рѣшили основать въ Женевѣ **„Вольную Еврейскую Типографію“** съ цѣлью сдѣлать **возможной организацію** соціалистической литературы для **проведенія въ среду** евреевъ Россіи и Галиціи на ихъ **разговорныхъ (жаргонныхъ) языкахъ** основъ соціализма, какими онѣ **выработаны теоріею** и практикою въ Западной Европѣ и Америкѣ.

Надѣемся, что наши товарищи-соціалисты не оставятъ насъ безъ своей посильной помощи, какъ денежной, такъ и чисто литературной (см. „Программу“).

Мы охотно будемъ помогать всѣмъ лицамъ и кружкамъ,

которые пожелаютъ пользоваться нашимъ станкомъ для соціалистической пропаганды, безъ различія мнѣній о способахъ разрѣшенія соціальнаго вопроса.

На первыхъ порахъ имѣется въ виду изданіе ряда брошюръ и книжекъ, предметомъ которыхъ должно служить:

1. Положеніе еврейскихъ рабочихъ у еврейскихъ капиталистовъ;
2. Отношеніе пролетаріевъ-евреевъ къ бѣднымъ классамъ изъ христіанъ;
3. Сущность текущей соціально-революціонной борьбы въ Россіи;
4. Рабочее движеніе въ Западной Европѣ.

P. S. Къ настоящему заявленію нашему прилагается листокъ для подписки въ пользу „Вольной Еврейской Типографіи". Отчеты о собранныхъ деньгахъ будутъ печататься въ концѣ каждой брошюры, которая выйдетъ изъ нашей типографіи.

За иниціаторовъ дѣла Родинъ.

Женева, 15-го іюня 1880 г.

Въ области, заселенной украинскимъ народомъ въ Россіи и Австріи, живетъ теперь болѣе 1 милліона евреевъ. Съ другой стороны, врядъ ли гдѣ-нибудь происходила столь ожесточенная борьба между массами туземнаго населенія и евреями, какъ въ Украйнѣ XVII и XVIII ст., въ которой евреи являлись органами противнаго народу государственнаго и соціальнаго порядка.

Въ настоящее время только треть евреевъ украинской области можетъ быть причислена къ явно эксплоататарскому классу, другая же треть должна быть отнесена къ классу рабочему, и эта треть, равно какъ и значительная часть изъ остальной трети — помощниковъ и прислуги у первой — далеко не пользуется выгодами доходовъ, извлекаемыхъ, хотя бы и при помощи ея членовъ, еврейскими капиталистами, и живетъ въ нищетѣ, часто даже превосходящей нищету „христіанскаго пролетаріата". Между тѣмъ, старая соціально-національная борьба между украинцами и евреями оставила по себѣ живую память у потомковъ обѣихъ сторонъ, и память эта удаляетъ одни отъ другихъ и такіе слои обоихъ элементовъ

населенія, которые принадлежатъ къ одинаково рабочимъ и одинаково терпящимъ отъ теперешнихъ экономическихъ порядковъ. При теперешнемъ отношеніи между украинскимъ народомъ и евреями можно ожидать, что всякое движеніе перваго противъ этихъ порядковъ будетъ сопровождаемо кровавыми сценами еврейскаго избіенія, гораздо болѣе несправедливыми, чѣмъ сцены XVII и XVIII вв. Съ другой стороны, антагонизмъ между евреями и неевреискими массами народа въ Украйнѣ служитъ одною изъ причинъ солидарности между такими слоями населенія самихъ евреевъ, которыхъ интересы въ сущности противоположны между собою.

Вотъ почему для соціалистовъ Украинской области представляется дѣломъ особенной важности организація пропаганды, которая бы имѣла цѣлью, съ одной стороны, отдѣленіе рабочихъ еврейскихъ массъ отъ еврейскихъ капиталистовъ, а, съ другой — соединеніе еврейскихъ рабочихъ съ рабочими другихъ племенъ. Такъ какъ однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ для начала этой пропаганды можетъ служить соціалистическая печать на разговорныхъ языкахъ евреевъ, то мы не сомнѣваемся, что всѣ наши товарищи въ украинской области окажутъ поддержку вышеизложенному предпріятію товарищей-евреевъ.

Редакт. укр. сборн. „Громады“ въ Женевѣ **М. Драгомановъ.**
Наборщикъ типографіи „Громады“ **А. Ляхоцкій.**
Редакторъ „Громадьского Друга“ во Львовѣ **М. Павликъ.**

Программа

для собиранія литературныхъ матеріаловъ о евреяхъ Россіи[1] и Галиціи.

Отдѣлъ I.

§ 1. Общій составъ и численность населенія данаго города, мѣстечка, села; цифра еврейскаго элемента.

[1] Въ мѣстахъ ихъ постояннаго жительства: 9 южныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ — Черниговской, Екатеринославской, Херсонской, Полтавской, Бессарабской, Таврической и Кіевской, Подольской, Волынской; Сѣверо-западномъ краѣ — губерніяхъ Витебской, Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Могилевской; 10 губерніяхъ Привислянскаго края — Варшавской, Калишской, Кѣлецкой, Ломжинской, Люблинской, Петроковской, Плоцкой, Радомской, Сувалкской, Сѣдлецкой.

§ 2. Какія существуютъ въ данной мѣстности системы производства: ремеслен ная, заводская, фабричная?
§ 3. Виды ремеслъ: сапожное, портняжное, шапочное, кузнечное, столярное и т. д.?
§ 4. Количество евреевъ-ремесленниковъ (хозяевъ), заводовъ, фабрикъ и занятыхъ ими рабочихъ (евреевъ и неевреевъ).
§ 5. Число учениковъ.
§ 6. Есть ли у рабочихъ семейства и составъ ихъ?
§ 7. Женскій и дѣтскій трудъ дома и внѣ его.
§ 8. Общее количество рабочихъ дней въ году, величина рабочаго дня и средній заработокъ работниковъ?
§ 9. Расходъ (недѣльный или мѣсячный, или годовой) одинокаго и семейнаго работника.
§ 10. Гигіеническая обстановка въ мастерскихъ и въ жилищахъ и главныя болѣзни.
§ 11. Отношенія и столкновенія между хозяевами и рабочими.
§ 12. Отношенія между рабочими евреями и неевреями.
§ 13. Какіе существуютъ въ данной мѣстности еврейскіе чернорабочіе: посыльщики, водовозы и водоносы, извозчики (телѣжники, балаголы, ломовые извозчики) и пр. Численность и средній заработокъ ихъ.
§ 13. То же о разнаго рода прислугѣ?
§ 14. Существуютъ ли какія-нибудь рабочія товарищества, кассы помощи и т. п.? Характеръ этихъ товариществъ.
§ 15. Грамотность (чтеніе и письмо еврейское или иностранное) и степень интеллектуальнаго развитія рабочихъ ремесленныхъ, заводскихъ, фабричныхъ.
§ 16. Количество обучающихся въ талмудъ-торахъ и ешиботахъ и средній возрастъ первыхъ. — Ихъ матеріальное положеніе и умственное развитіе.

Отдѣлъ II.

§ 1. Какія (кромѣ упомянутыхъ въ отдѣлѣ I) существуютъ въ данной мѣстности другія занятія?
§ 2. Какіе существуютъ или преобладаютъ виды торговли: мелочная, магазинная, оптовая?
§ 3. Количество ростовщиковъ, факторовъ, мелкихъ торговцевъ и болѣе или менѣе крупныхъ промышленниковъ.
§ 4. Заработокъ каждой категоріи и степень эксплоатаціи бѣднаго населенія.
§ 5. Какъ велики разные налоги, прямые и косвенные (сборы коробочный, свѣчной и др.), общіе и спеціально-еврейскіе, платимые еврейскимъ населеніемъ?
§ 6. Насколько удовлетворяются нужды еврейскаго населенія соотвѣтственно всей суммѣ, взимаемыхъ съ нихъ налоговъ?
§ 7. Налоги и сборы внѣ-государственные, спеціально налагаемые кагалами (на содержаніе духовныхъ раввиновъ, рѣзниковъ и пр.).

Отдѣлъ III.

§ 1. Количество еврейскихъ земледѣльческихъ колоній данной мѣстности.
§ 2. Форма владѣнія землею: на правахъ собственности или чинша.
§ 3. Гдѣ и какимъ процентомъ мелкихъ землевладѣльцевъ исполняются работы при помощи собственныхъ или же наемныхъ рукъ?
§ 4. Число душъ въ семействѣ.
§ 5. Величина земельнаго надѣла, качество почвы и пр.
§ 6. Величина податей и платежей на земли.
§ 7. Отношеніе платежей къ доходности земли.
§ 8. Отношеніе правительства къ еврейскимъ земледѣльческимъ колоніямъ.

Р. S. Просимъ сообщать и свѣдѣнія, не упомянутыя въ этомъ опытѣ программы, а также доставлять памятныя книжки разныхъ губерній за послѣдніе годы, вообще книги, календари на еврейскомъ и другихъ языкахъ, касающіеся той или другой стороны быта и экономическаго положенія евреевъ.

Естественныя области и пропаганда соціализма

на плебейскихъ языкахъ восточной Европы.

(Первоначально напечатано въ изданіи „Вільна Спілка — Вольный Союзъ". Безстроковиј додаток до „Громади" № 1, 1881 г.)

Повсемѣстныя страданія народныхъ массъ, даже въ странахъ, въ которыхъ общая сумма богатства видимо возрастаетъ, и явное обѣдненіе другихъ странъ заставляютъ общественное мнѣніе искать причинъ столь вредныхъ для человѣчества явленій. Въ послѣднее время все большее и большее количество лицъ приходитъ къ мысли, что причина ихъ заключается въ распредѣленіи собственности и что никакія существенныя улучшенія участи населеній не возможны, пока владѣніе силами природы и орудіями труда не станетъ прямымъ достояніемъ рабочихъ обществъ, соединенныхъ между собою въ союзы различной степени широты. Эта мысль и составляетъ основу такъ называемыхъ соціалистическихъ ученій.

Если мы обратимъ вниманіе на западную Европу, на страны, гдѣ эти ученія зародились и наиболѣе проникли въ общество, то увидимъ, что тамъ существуютъ правильно образованныя группы и партіи, которыя поставили себѣ цѣлью: словомъ и дѣломъ стремиться къ осуществленію основного требованія соціализма, и что эти группы начинаютъ свою дѣятельность съ точнаго опредѣленія какъ средствъ, такъ и почвы для своей дѣятельности, понимая, что характеръ почвы заранѣе опредѣляетъ и характеръ средствъ дѣйствія. Первичными кадрами соціальныхъ партій въ Западной Европѣ служатъ организаціи мѣстныя (общества ремесленныя, общинныя, въ большихъ городахъ квартальныя, кружки для изученія и т. п.), которыя далѣе соединяются въ союзы вторичные, — областные, въ предѣлахъ экономическихъ, націо-

нальныхъ и государственныхъ бассейновъ, чтобъ перейти къ третичной, всемірной организаціи, которую принято называть интер-національною (по русски между-народною) и которой „Association Internationale des travailleurs“ 1866—1872 г. представляла крупнѣйшую попытку.[1]

Вторичныя, областныя, организаціи, которыя составляютъ теперь главный факторъ, дающій соціалистическому движенію въ странахъ Западной Европы тотъ или другой характеръ, закладываться иногда на основѣ государственной области, особенно тамъ, гдѣ государство и національность, болѣе или менѣе совпадаютъ между собою и занимаютъ къ тому же довольно опредѣленно обособленный географическій или экономическій бассейнъ (какъ напримѣръ въ Германіи, Италіи), или же тамъ, гдѣ при различіяхъ національныхъ, объединеніе экономическое и культурное успѣло издавна наложить извѣстное однообразіе на значительную часть населенія, какъ напримѣръ во Франціи. Но и здѣсь опытъ показалъ, что пропаганда соціализма можетъ итти успѣшно только при федеральной организаціи, захватывающей всѣ края области, а не одни только центры. Вотъ почему французскіе соціалисты опредѣлили на Марсельскомъ конгрессѣ 1879 г. сложиться въ союзъ изъ шести совершенно самостоятельныхъ провинціальныхъ федерацій. Не подлежитъ

---

[1] Мысль о значеніи градаціи обществъ отъ мѣстныхъ черезъ областныя до всемірнаго выражена въ §§ 6 и 7 статутовъ Интернаціонала:

„Дѣло освобожденія труда не есть дѣло ни (исключительно) мѣстное, ни національное, но (общее) соціальное, обнимаетъ всѣ страны, въ которыхъ существуетъ новѣйшая жизнь, и требуетъ для своего разрѣшенія ихъ соучастія теоретическаго и практическаго.“

„Генеральный Совѣтъ установитъ сношенія съ различными рабочими обществами, такъ, чтобы рабочіе всякой страны были постоянно освѣдомлены относительно движеній людей ихъ класса въ другихъ странахъ.... Когда окажется необходимымъ, центральный совѣтъ возметъ на себѣ починъ предложеній для обществъ мѣстныхъ или національныхъ“ (§ 6).

„Такъ какъ успѣхъ рабочаго движенія можетъ быть обезпеченъ въ каждой странѣ (раув) только силою, получаемою изъ единенія и союза, и такъ какъ, съ другой стороны, польза самаго центральнаго совѣта зависитъ отъ его сношеній съ обществами рабочими, національными или мѣстными, то члены Международнаго Общества должны употребить всѣ свои усилія каждый въ своей странѣ, чтобы соединить въ одинъ національный союзъ (une association nationale) различныя существующія рабочія общества, равно какъ и о томъ, чтобъ создать для нихъ спеціальный органъ.“ (§ 7).

Надо замѣтить, что безразличное употребленіе въ нѣкоторыхъ языкахъ согласно средневѣковой терминологіи, слова natio въ смыслѣ народа (race, langue), и государство (état) произвело нѣкоторую неясность въ редакціи этихъ параграфовъ, особенно французской.

сомнѣнію, что начавшееся центробѣжное стремленіе среди соціалистовъ Франціи будетъ все больше усиливаться и что, когда они обратятъ наконецъ серьезное вниманіе на пропаганду среди сельскихъ классовъ, то они увидятъ необходимость прибѣгнуть и къ языкамъ нефранцузскихъ народностей, нерасположеніе къ которымъ проистекаетъ у французовъ вовсе не изъ космополитизма, а составляетъ наслѣдіе бюрократическаго монархизма и буржуазнаго шовинистическаго якобинства, весьма характерно вылившагося въ утвержденномъ конвентомъ докладѣ Барера противъ нефранцузскихъ языковъ (1794 г.). А какъ только французскіе соціалисты сблизятся съ населеніями нефранцузскихъ окраинъ, то слѣдомъ за ними войдутъ въ болѣе тѣсную связь съ родственными этимъ послѣднимъ населеніями Испаніи, Италіи, Белгіи, Великобританіи, образовавъ съ ними федераціи, выходящія за предѣлы французскаго государства. Въ государствахъ же, въ которыхъ національный составъ населеній слишкомъ явно разнороденъ и которыя не имѣютъ бюрократически-централистическаго прошлаго, и теперь открыто признается необходимость соединенія первичныхъ соціалистическихъ группъ въ федераціи національныя и потому внѣгосударственныя. Такова напримѣръ въ Бельгіи федерація фламандская (газета de Volkwil прежде былъ Vooruit organ der vlaamche afdeelingen der Internationale verkersvereening). Федерація эта связана не только съ валлонскою половиною бельгійской соціалистической партіи для цѣлей борьбы на парламентско-государственномъ полѣ (органъ фламандскій de Werker, валлонскій La Voix de l'Ouvrier), но и съ группами голландскими, родственными ей по національности, составляя съ ними Algemeen nederlandsch Werklieden Verbond. Такъ въ цвѣтущее время Интернаціонала существовала въ Швейцаріи романская федерація и федерація секцій нѣмецкаго языка въ которой принимали участіе нѣмецкія общества Швейцаріи, а также Германіи и Австріи. До послѣдняго времени издаваемый въ Цюрихѣ журналъ Der Socialdemocrat, носилъ имя — „органъ соціалистовъ нѣмецкаго языка“, и теперь существуетъ Юрская

Федерація рабочихъ обществъ юрскаго округа, который хотя раздѣленъ политически между кантономъ Невшательскимъ, Водскимъ, Бернскимъ и Франціей, но представляетъ бассейнъ въ одно время и географическій, и экономическій, съ національностью романо-французскою. Подобно вышеприведеннымъ группамъ, въ Австріи организовалась соціалистическая партія чехо-славянская (органъ Delnike Listy) и венгерская. Послѣдняя издаетъ свои органы на венгерскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, но со временемъ должна будетъ издавать ихъ и на языкахъ славянскихъ (словацкомъ, сербскомъ, украинскомъ) и на румынскомъ, а иначе народы этихъ языковъ будутъ имѣть тѣмъ больше резоновъ образовать новыя организаціи или примкнуть тѣснѣе къ своимъ соплеменникамъ внѣ государства Венгріи.

Если мы теперь обратимся къ Европѣ Восточной, то увидимъ весьма мало подобнаго западноевропейскимъ соціалистическимъ организаціямъ. Но прежде два слова о томъ, что мы разумѣемъ подъ именемъ „Восточная Европа“.

Такъ какъ значительную часть великой восточно-европейской низменности занимаетъ Россія, то обыкновенно слова Восточная Европа и Россія считаются синонимами. Между тѣмъ въ географическомъ, этнографическомъ и экономическомъ отношеніи Восточная Европа шире Россіи и обнимаетъ всѣ земли на востокъ отъ Судетъ и Карпатъ съ придаткомъ Румыніи. За исключеніемъ этой послѣдней, страна эта въ XVIII вѣкѣ входила въ два государства: Польское и Русское. Гнетъ, какому въ этихъ государствахъ (изъ коихъ первое продолжаетъ жить въ австрійской Галиціи) — подвергались и подвергаются массы народа со стороны аристократіи и буржуазіи, скрывалъ и скрываетъ отъ мало внимательныхъ наблюдателей существованіе въ этихъ странахъ цѣлаго ряда націй, утерявшихъ или неразвившихъ вслѣдствіе чужеплеменнаго (нѣмецкаго, польскаго или русскаго) гнета свои высшіе классы, и ставшихъ преимущественно или исключительно плебейскими; таковы націи: эстонская (800 000), латышская (1 100 000), литов-

ская (б. 2 000 000), бѣлорусская (4 000 000), украинская (20 000 000), румынская въ Бессарабіи и Херсонщинѣ (875 000 [1]). Въ похожемъ же зависимомъ положеніи стоятъ теперь въ Россіи и 3 000 000 евреевъ (нѣмецкаго языка), изъ которыхъ почти половину слѣдуетъ причислить къ классамъ трудящимся, а также татары (1 130 000), кавказцы, изъ которыхъ 1 000 000 грузиновъ и 840 000 армянъ имѣютъ организованную литературу. Эта совокупность болѣе чѣмъ 30 милліоновъ людей почти не принимается во вниманіе политикой и политической печатью, которыя видятъ на Востокѣ Европы только русскихъ (великоруссовъ, которыхъ только 40 000 000), да по временамъ еще поляковъ (11 000 000), изъ коихъ въ Россіи 5 000 000) и остзейскихъ нѣмцевъ (130 000) [2].

Кто слѣдилъ за печатью революціонно-соціалистическою, въ томъ числѣ особенно за русскою и польскою, тотъ знаетъ, что она тоже недостаточно внимательно относится къ этимъ десяткамъ милліоновъ плебейскихъ народовъ. Несмотря на повидимому широкое распространеніе европейскаго соціальнаго интернаціонализма въ верхнихъ слояхъ русскаго общества и на проникновеніе его и въ польское, на всей огромной полосѣ, гдѣ эти общества сидятъ на верху нерусскихъ и непольскихъ народовъ, кормятся ихъ соками и почерпаютъ изъ нихъ средства даже для самой соціалистической пропаганды среди народовъ русскаго и польскаго, существуютъ только слабыя попытки спеціально-организованной пропаганды среди одного только изъ вышеупомянутыхъ плебейскихъ народовъ, среди украинцевъ. Сознательная же интернаціональная солидарность въ пропагандѣ соціальныхъ идей въ пунктѣ соприкосновенія двухъ народовъ на Востокѣ Европы существуетъ на дѣлѣ только въ

[1] Кромѣ того 3 000 000 румыновъ въ Австро-Венгріи и 5 000 000 въ независимомъ румынскомъ государствѣ.

[2] Вотъ числа періодическихъ изданій, выходившихъ въ 1880 г. на разныхъ языкахъ въ Россіи, которое любопытно сравнить съ числомъ населенія каждой народности: на русскомъ языкѣ (съ оффиціальными) 376, на польскомъ 54, нѣмецкомъ 31, латышскомъ 10, эстонскомъ 6, татарскомъ 4, грузинскомъ 4. У украинцевъ и литовцевъ въ Россіи нѣтъ ни одного періодическаго изданія, между тѣмъ какъ въ Австріи у первыхъ на 3 000 000 — 20 изданій, а у вторыхъ въ Пруссіи — 2 (на 150 000). Въ эмиграціи русскихъ изданій 2 (Старообрядецъ и Общее Дѣло), украинскихъ 1, польскихъ 1; тайныхъ русскихъ изданій 2.

слабой степени въ одномъ Львовѣ, среди тамошнихъ польскихъ и украинскихъ соціалистовъ. (См. подробности у С. Подолинскаго — „Соціалисты-украинцы въ Австріи“ [1] и у М. Павлика — „Австрійська Україна“, въ „Громадѣ“ 1881 г. № 1.) Вообще же даже въ кругахъ соціально-революціонныхъ русскихъ и польскихъ существуетъ скорѣе отрицательное, чѣмъ положительное отношеніе къ идеѣ мѣстныхъ и областныхъ организацій, а особенно такихъ, которыя бы направляли свою дѣятельность на народы негосударственные, и это отношеніе, вытекающее въ сущности изъ привычекъ государственнаго націонализма, нѣкоторые думаютъ оправдать идеями интернаціонализма!!! [2] Кромѣ того у людей, возросшихъ въ душныхъ стѣнахъ россійскаго государства, укрѣпились привычки мысли, которыя не позволяютъ имъ даже въ планахъ ихъ дѣятельности выходить за предѣлы этого государства. Между тѣмъ изъ числа народовъ, подчиненныхъ Россіи, многіе вовсе не помѣщаются въ ней всецѣло, а потому люди, которые захотятъ работать въ пользу напримѣръ литовцевъ, украинцевъ, румыновъ, поляковъ, естественно выйдутъ за предѣлы Россіи и примутъ участіе въ организаціяхъ внѣ-россійскихъ и потому не-государственныхъ.

Безъ образованія такихъ организацій рѣшительно невозможна правильная пропаганда идей ни политической, ни соціальной эмансипаціи рабочихъ массъ на Востокѣ Европы и въ самой Россіи. Конечно, такой организаціи областныхъ группъ должны предшествовать опыты организацій группъ первичныхъ, а также изслѣдованіе естественныхъ областей, на которые распадается обширный Востокъ Европы. Эти

---

[1] Статья эта была первоначально напечатана въ „Общемъ Дѣлѣ“ № 38, ноябрь, 1880 г., а затѣмъ вышла отдѣльной брошюрой, напечатанной въ типографіи „Громады“. Прим. ред.

[2] Нѣсколько лѣтъ назадъ на югѣ Россіи была попытка образованія „южно-русскаго рабочаго союза“ (см. „Громада“, т. IV, стр. 316 и слѣд.). а съ недавняго времени въ печать проникли свѣдѣнія о попыткѣ организаціи „сѣверно-русскаго рабочаго союза“, „сѣверноруссаго общества Земля и Воля“ („Черный Передѣлъ“ № 2) и новаго „южнорусскаго рабочаго союза“, но ни одна изъ этихъ организацій не обнародовала еще систематическаго изложенія своихъ мыслей, а то, что будетъ сказано дальше о „Черномъ Передѣлѣ“ есть одно изъ указаній на то, что даже въ средѣ, представляемой этимъ „органомъ соціалистовъ-федералистовъ“ (какой области?) нѣтъ согласія и послѣдовательности мыслей по вопросу объ областныхъ организаціяхъ.

области должны быть прежде всего — „экономическіе бассейны, обусловленные географическими особенностями. А такъ какъ національныя группы гораздо болѣе, чѣмъ государственныя, соотвѣтствуютъ бассейнамъ географическимъ и экономическимъ, ибо размѣщеніе націй есть дѣло болѣе или менѣе естественной колонизаціи, тогда какъ государственныя границы часто суть результатъ захватовъ оружія и даже династическихъ наслѣдствъ, то въ большинствѣ случаевъ окажется, что экономическіе и географическіе бассейны совпадутъ съ національными.

Не предрѣшая всѣхъ подробностей, мы думаемъ, что и теперь можно угадать въ общихъ чертахъ тѣ естественныя области, на которыя раздѣляются страны В. Европы. Это будутъ области: A) Русскія или великорусскія: сѣверная, озерная, верхневолжская, нижневолжская, Покамье, Пріуралье, уральско-козацкая, окская, степная. B) Балтійскія: эстонская и латышская съ колоніями нѣмецкими. C) Литовскія. D) Польскія въ трехъ частяхъ вислянскаго бассейна, въ Россіи, Австріи и Пруссіи. E) Бѣлорусскія. F) Украинскія (карпатская, полѣсская правобочная, лѣвобочная, степная, слободская и козацкія). G) Румынскія (бессарабская, дунайская, трансильванская и буковинская). H) Кавказскія.

Во всѣхъ этихъ областяхъ должны быть образованы постоянные федеративные кадры соціально-народныхъ партій, которыя прежде всего должны приступить къ организаціи систематичной литературной пропаганды своихъ идей на языкахъ мѣстныхъ населеній. При этомъ должно быть обращено вниманіе и на языки колоній: нѣмецкихъ, еврейскихъ, болгарскихъ, сербскихъ, татарскихъ и др., колоній, которыя послужатъ къ образованію связей вышеупомянутыхъ національныхъ бассейновъ съ иностранными. Каждая мѣстная федерація должна, конечно, не упускать изъ виду потребности распространенія своихъ дѣловыхъ связей съ сосѣдями ближайшими и дальнѣйшими съ цѣлью приближенія времени дѣйствительно всемірнаго или хоть всеевропейскаго соціально-народнаго союза.

Понимая всѣ трудности осуществленія вышеизложеннаго плана, особенно въ виду отсутствія въ наибольшей части В. Европы, въ Россіи, элементарной политической свободы и личной безопасности, мы тѣмъ не менѣе высказывали въ нашихъ публикаціяхъ украинскихъ, русскихъ и французскихъ мысли, какъ объ областныхъ организаціяхъ, такъ и о ихъ взаимномъ союзѣ. Мы полагаемъ, что приступъ къ осуществленію вышеизложеннаго плана можетъ быть облегченъ помощью тѣхъ членовъ восточно-европейскихъ націй, которые принадлежатъ къ болѣе свободнымъ государствамъ, какъ Германія, Австро-Венгрія и Румынія, а такъ же, что для весьма многочисленной эмиграціи изъ Россіи возможенъ приступъ по крайней мѣрѣ къ литературной сторонѣ дѣла. Вотъ почему нѣсколько мѣсяцевъ назадъ мы изложили кратко наши мысли въ листкѣ „Вниманію соціалистовъ-эмигрантовъ изъ Россіи“ и предлагали на первый разъ образованіе „литературнаго союза для пропаганды федеральносоціалистическихъ ученій на всѣхъ языкахъ и для всѣхъ областей Восточной Европы“.

Предложеніе наше, равно какъ послѣдовавшее за нимъ предложеніе небольшой группы „соціалистовъ-евреевъ“ объ основаніи въ Женевѣ типографіи для изданія соціалистическихъ книгъ на разговорныхъ языкахъ восточно-европейскихъ евреевъ-работниковъ, встрѣчено было одними равнодушно, другими даже вполнѣ враждебно. Мы понимаемъ еще отрицательное отношеніе къ подобнымъ планамъ тѣхъ изъ „русскихъ революціонеровъ“, которые заняты исключительно политической борьбою съ русскимъ правительствомъ, хотя съ своей стороны убѣждены, что безъ широкаго приложенія федеративнаго принципа, т. е. безъ привлеченія къ борьбѣ и нерусскихъ элементовъ Россіи и родственныхъ имъ заграничныхъ элементовъ, невозможна побѣда надъ русскимъ самодержавіемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ убѣждены и въ томъ, что безъ мѣстнаго самоуправленія и федераціи невозможна политическая свобода нигдѣ, а особенно въ Россіи. Но противниками нашихъ предложеній явились не одни „политики“, а также и даже гораздо больше, многіе,

называющіе себя чистыми соціалистами. Такими противниками оказались даже тѣ, кто обнародованіемъ „Программы польскихъ соціалистовъ“ (Równosc) фактически заявилъ намѣреніе образовать соціальную партію на основѣ національной, а не государственной, — или даже тѣ, кто еще недавно высказывался (въ „Общинѣ“) въ духѣ не только федеративномъ, но и въ анархическомъ,—или тѣ, кто заявили (въ „Черномъ Передѣлѣ“, названномъ „органомъ соціалистовъ-федералистовъ“) намѣреніе считаться съ этнографическими отличіями областей Россіи (т. е. исправить ту ошибку своихъ предшественниковъ, за указаніе которой украинская „Громада“ подвергалась порицаніямъ въ „Впередѣ“, „Набатѣ“ и отъ сотрудника „Чернаго Передѣла“ г. Я. Стефановича въ „Общинѣ“).

Предоставляемъ самимъ нашимъ противникамъ изложить печатно ихъ возраженія, а также ихъ планы объ осуществленіи мысли о равномѣрной пропагандѣ соціалистическихъ идей среди всѣхъ народовъ восточной Европы или даже одной Россіи, и ограничимся пока замѣчаніемъ, что послѣ цѣлаго ряда споровъ огромное большинство эмигрантовъ соціалистовъ русскихъ и польскихъ въ Женевѣ согласилось съ мнѣніемъ, которое говорило, что такъ какъ цѣлью соціально-революціонной дѣятельности должно быть образованіе соціалистическаго государства (??), то и основой организаціи соціальныхъ революціонеровъ должно быть государство же. Изъ объясненій примѣрами выходило, что, по этому мнѣнію напримѣръ польскихъ соціалистовъ, какъ отдѣльной организаціи, быть не должно, а они должны помѣститься среди соціалистовъ германскихъ, русскихъ и даже австрійскихъ!!!

Логически проведенныя подобныя мысли должны повести къ крайней централизаціи и къ ущербу интересовъ населеній негосударственныхъ народностей въ пользу монополіи народностей государственныхъ, которыя на бѣду существуютъ во всѣхъ государствахъ Европы, кромѣ федеральной Швейцаріи. Опасеніе это вполнѣ подтверждается и на западѣ Европы тѣмъ, что въ самое цвѣтущее время германской со-

ціально-демократической партіи ею вовсе ничего не было сдѣлано для пропаганды соціализма среди ненѣмецкихъ населеній Германіи: литовцевъ, лужичанъ, чеховъ и самихъ поляковъ, которыхъ политическіе планы такъ шумно привѣтствовали вожди нѣмецкихъ соціаль-демократовъ. Что же касается до Россіи, то уже по одной величинѣ ея, централизованное всероссійское „народное государство“ (Volksstaat) было бы такой же нелѣпостью, какою была, есть и будетъ централизованная россійская монархія, самодержавная, или парламентская. При малѣйшей же уступкѣ началу мѣстной свободы, даже великорусскія окраины Россіи оттянутся отъ центра, а не-великорусскія населенія запада и юга тотчасъ почувствуютъ, что ихъ нравственные и экономическіе интересы въ массѣ случаевъ гораздо больше влекутъ ихъ къ ихъ соплеменникамъ, находящимся внѣ Россіи, чѣмъ къ нынѣшнему государству и его населенію. Всякой несвоекорыстной и дальновидной политической и соціальной партіи въ Россіи гораздо лучше напередъ имѣть въ виду это неизбѣжное центроудалительное движеніе въ населеніи этого государства и сообразоваться съ нимъ, чѣмъ не признавать его или даже противиться ему.

Показанное выше отрицательное и во многомъ непослѣдовательное отношеніе лицъ изъ привилегированныхъ (вполнѣ или отчасти) народностей къ принципу областныхъ не-государственныхъ партій, а особенно такихъ, которыя бы избирали своей спеціальностью служеніе народамъ плебейскимъ, имѣетъ въ основѣ своей боязнь, что при послѣдовательномъ примѣненіи дѣйствительно интернаціональнаго, т. е. федеральнаго принципа, при признаніи полной равноправности народовъ плебейскихъ съ государственными, этимъ послѣднимъ придется временно видѣть отливъ отъ нихъ культурныхъ силъ, которыя теперь служатъ преимущественно или даже исключительно имъ, хотя и почерпаютъ свои соки изъ труда народовъ негосударственныхъ.

Впрочемъ, такая боязнь свойственна всѣмъ, кому выгодна монополія,— а потому въ силу того же закона,

по которому и рабочимъ никто не поможетъ такъ, какъ они сами себѣ помогутъ,—и сторонники народовъ плебейскихъ должны не столько склонять людей, примиряющихся съ „существующимъ порядкомъ вещей", отказаться отъ монопольныхъ идей, сколько обращаться прямо къ тѣмъ, кто терпитъ отъ этого „существующаго порядка". Съ своей стороны, встрѣтивъ равнодушіе, или даже противодѣйствіе нашимъ предложеніямъ со стороны огромнаго большинства польской и русской соціалистической эмиграціи, мы сочли за лучшее при помощи нашихъ украинскихъ товарищей попробовать хотя бы въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ осуществить нашъ планъ, вполнѣ отвѣчающій исконнымъ федеративнымъ стремленіямъ украинскаго литературнаго и общественнаго движенія. Къ счастію, намъ удалось встрѣтить сочувствіе со стороны нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ, принадлежащихъ, какъ и мы, къ народамъ плебейскимъ. Одно изъ такихъ лицъ взяло на себя трудъ редакціи выходящей вмѣстѣ съ этимъ листкомъ брошюрки на бѣлорусскомъ языкѣ „Про багатство та бьедносць". Брошюрка эта, цѣль которой — изложеніе посредствомъ мѣстныхъ фактовъ законовъ накопленія капитала богатыхъ изъ труда бѣдныхъ, первоначально была составлена для украинцевъ, потомъ была передѣлана для поляковъ (Opowiadania starego gospodarza). Велѣдъ за симъ мы надѣемся издать эту же брошюрку для литовцевъ и румыновъ. Мы очень бы желали издать хоть по одной книжкѣ для населеній эстонскихъ, латышскихъ, нѣмецкихъ и еврейскихъ въ Россіи (для польскихъ населеній украинской области печатаются изданія при участіи нашихъ украинскихъ товарищей въ Галиціи). Мы напередъ знаемъ, что наши изданія должны имѣть недостатки и въ формѣ, и въ сущности изложенія, которое по настоящему должно быть строго принаровлено къ мѣстнымъ условіямъ каждой области. Но надо же кому-нибудь и какъ-нибудь начать! Улучшенія придутъ съ опытомъ.

Этого опыта слѣдуетъ ожидать отъ лицъ, живущихъ и дѣйствующихъ непосредственно на мѣстахъ

въ разныхъ областяхъ Восточной Европы. Въ послѣднее время тамъ во многихъ мѣстахъ пронеслись въ общихъ чертахъ западно-европейскія идеи о необходимости перемѣны соціальнаго строя. Теперь надо, чтобы идеи эти были проповѣданы по всѣмъ угламъ и въ детальномъ ихъ развитіи, для чего необходимо воспользоваться и частными опытами Западной Европы въ дѣлѣ соціальной пропаганды. Въ этой Европѣ пропаганда опирается, главнымъ образомъ на рабочія общества, устроенныя по видамъ труда и по мѣстностямъ, а ведется преимущественно спеціальными кружками изъ лицъ разныхъ видовъ труда, каковы Sections de propagande, cercles d'études и т. п. Большинство тѣхъ попытокъ соціалистическихъ организацій, какія существовали до сихъ поръ въ Россіи, скорѣе всего подходитъ къ типу подобныхъ sections и cercles. Въ настоящее время первою ихъ заботою должно бы быть изученіе положенія рабочихъ въ разныхъ областяхъ и изысканіе наилучшихъ способовъ изложенія имъ сущности идей о перемѣнѣ общественнаго строя. Изъ числа этихъ способовъ, конечно, не можетъ быть исключена литература, которая бы излагала извѣстныя идеи на живыхъ народныхъ языкахъ и посредствомъ фактовъ, взятыхъ изъ близкой населеніямъ жизни.

Къ такого рода мѣстнымъ кружкамъ мы и обращаемся въ надеждѣ встрѣтить въ нихъ поддержку нашимъ изданіямъ, или въ надеждѣ еще болѣе пріятной, что они возьмутъ это дѣло въ свои руки и исполнятъ его гораздо удовлетворительнѣе.

1/13 марта 1881 г.

Смерть Александра II.

Нашъ листокъ былъ готовъ, когда мы получили извѣстіе объ убійствѣ императора Александра II. Кто читалъ наши изданія: „Листокъ Громады“ (1878), „Соловья баснями не кормятъ“ (1880), „Терроризмъ и свобода“, тотъ знаетъ, какъ мы должны отнестись къ этому событію. Мы не сторонники убійствъ, въ томъ числѣ и тираноубійствъ. Но мы считали покушенія на убіеніе Александра II дѣломъ вполнѣ

естественнымъ, неизбѣжнымъ. Государь, который упорно не хотѣлъ поступиться царскимъ и чиновническимъ произволомъ, даже въ виду такихъ голосовъ, какія исходили въ послѣднее время изъ устъ самыхъ умѣренныхъ людей, самъ направилъ болѣе горячихъ людей на путь убійства. Самодержецъ, съ чьего вѣдома, а въ значительной части и воли, испорчена жизнь какого-нибудь десятка тысячъ „политическихъ преступниковъ и заподозрѣнныхъ“, не могъ ждать пощады отъ нихъ и ихъ друзей. Трудно спорить противъ того, что Александръ II, — по привычкѣ ли къ самовластію, неразвитости, или упорству, или по податливости дурнымъ вліяніямъ, — давно уже сталъ государемъ вреднымъ. А потому плакать о немъ врядъ ли можетъ искренно какой бы то ни было сторонникъ развитія Россіи. Но мы не станемъ, какъ канибалы, танцовать передъ трупомъ врага. Для насъ интересно то историческое поученіе, какое вытекаетъ изъ судьбы этого царя, а также то политическое положеніе, въ которомъ оказалась Россія въ концѣ его жизни и послѣ его смерти. Рѣдко кому судьба давала столь блестящій случай сдѣлаться при малыхъ усиліяхъ великимъ человѣкомъ. Ни одинъ государь не могъ такъ возвысить монархическій принципъ, какъ Александръ II, и никто его такъ не подрѣзалъ, какъ этотъ царь. По случаю ли, или по неизбѣжному закону, по которому человѣкъ не можетъ возвыситься надъ уровнемъ своего воспитанія, у Александра II не достало ни ума, ни сердца, чтобы найтись въ своемъ положеніи, и этотъ „Царь-Освободитель“ доказалъ и въ Россіи, и за Дунаемъ, что въ наше время царь хорошимъ освободителемъ быть не можетъ.

Эту истину прочитали ему почти всѣ вѣрноподданные журналы въ послѣднюю годовщину 19-го февраля, многія земскія и дворянскія собранія. Этой истиной попробовали проводить его и въ гробъ два-три журнала.

Попробовали... и убоялись „предостереженій“, данныхъ генераломъ-„умиротворителемъ“!

Эта проба и эта боязнь опредѣляетъ настоящее политическое положеніе Россіи. Если теперь, вслѣдъ за печатью, и сословія, земства, думы, университеты и пр., ограничатся только пролитіемъ слезъ (болѣе или менѣе притворныхъ), а не заявятъ единодушно требованій политической свободы (съ децентрализаціей) и амнистіи, то Россіи еще на нѣкоторое время предстоитъ повтореніе старой исторіи: императорскій прогрессъ съ императорской реакціей, ссылками и динамитомъ, т. е. дальнѣйшее разореніе страны, растрата нравственныхъ силъ и школа крови. А на ближайшее будущее никто не въ состояніи сдѣлать подобное

заявленіе, кромѣ представителей образованныхъ классовъ. Вотъ почему все настоятельнѣе становится необходимость образованія политическихъ обществъ по всѣмъ областямъ Россіи и среди всѣхъ ея національностей для приготовленія подобнаго дружнаго заявленія и для превращенія царской Россіи въ свободную политическую федерацію.

Что же касается „соціальнаго переворота“, то онъ можетъ быть дѣломъ только сознанія народныхъ массъ, а потому вопросъ о немъ останется открытымъ и послѣ политическаго переворота, какъ и до него. Вотъ почему мы думаемъ, что каковы бы ни были судьбы Россіи въ ближайшія къ настоящей минуты, а тѣ планы федеративной организаціи соціалистическаго движенія, которыя изложены въ предъидущей статьѣ, остаются въ своей силѣ.

P. S. **Pro domo.** Несмотря на наше письмо въ „Journal de Genève“ отъ 18-го марта, отрицающее принадлежность намъ писемъ г. Д. въ „Intransigeant“ объ убіеніи Александра II, парижскіе корреспонденты въ австрійскія и русскія газеты называютъ этого г. Д. — Драгомировымъ и Драгомановымъ, а самъ „Intransigeant“ упоминаетъ только объ опроверженіяхъ гг. Дурасова, Крапоткина и Жуковскаго. Мы считаемъ нужнымъ заявить еще разъ, что мы положили правиломъ подписываться полнымъ именемъ подъ всѣми своими политическими писаніями, а также и то, что мы два раза посылали редактору „Intransigeant“ заявленія вродѣ того, какое послано нами въ „Journal de Genève“.

Тираноубійство въ Россіи и поведеніе западной Европы.

(Первоначально напечатано отдѣльной брошюрой на французскомъ языкѣ. Женева 1881. Переводъ сдѣланъ для настоящаго изданія.)

...permultae per Europam sunt nationes... qui formulam regnandi, quam ipsi habent, omnibus praescribunt. Helvetii rempublicam habent... Moscovia tyrannide gaudet.
G. Buchananus
De jure regni apud Scotos.
1579

Мы только что прочли въ „Голосѣ“ отъ 22 марта статью профессора Ѳ. Мартенса: „Современная цивилизація и цареубійство“. Объ ея появленіи весь свѣтъ былъ оповѣщенъ по телеграфу. Если бы въ этой статьѣ высказывалось только желаніе „оградить Россію кордономъ отъ вторженія соціалистическихъ идей, идущихъ изъ западной Европы, отъ плановъ, создающихся въ Женевѣ, Лондонѣ и Парижѣ“, тогда мы только улыбнулись бы при мысли, что можетъ же найтись въ Россіи профессоръ права съ такими причудливыми фантазіями. Но петербургскій профессоръ не ограничивается высказываніемъ подобныхъ пожеланій, выполненіе которыхъ онъ возлагаетъ на царскую полицію. Онъ въ тоже время обращается ко всему цивилизованному міру и приглашаетъ его помочь этой полиціи, столь безсильной въ борьбѣ, которую она, вотъ уже нѣсколько лѣтъ, ведетъ противъ русскаго революціоннаго движенія. Г. Мартенсъ не идетъ такъ далеко, какъ другіе его коллеги изъ петербургской прессы, предлагающіе присоединеніе Швейцаріи къ Германіи и принудительныя мѣры по отношенію къ Англіи, Франціи и Сѣверной Америки (кто ихъ приметъ??!); но онъ требуетъ ограниченія права убѣжища для политическихъ преступленій и крестоваго похода противъ „нигилистовъ-террористовъ“, по его мнѣнію, являющихся только „отпрысками де-

рева, „глубоко укоренившагося въ почву западной Европы“. Г. Мартенсъ не называетъ этого дерева, но другіе зовутъ его соціализмомъ, Интернаціоналомъ и даже республиканизмомъ.

Такъ какъ, послѣ убійства императора Александра, былъ поднятъ и обсужденъ вопросъ объ охранительныхъ дѣйствіяхъ, предпринятыхъ Европой, то мы тоже позволимъ себѣ высказаться. Но, прежде чѣмъ приступить къ самому вопросу, намъ необходимо дать нѣсколько разъясненій личнаго характера, такъ какъ нѣкоторые корреспонденты и даже авторы книгъ, какъ напримѣръ Эрнестъ Лавинь („Введеніе въ исторію русскаго нигилизма“), приписываютъ намъ дѣятельную и значительную роль въ событіяхъ, породившихъ вышеуказанныя пренія.

Мы лично нисколько не заинтересованы во всѣхъ этихъ преніяхъ. Когда, три года тому назадъ, такъ называемая „террористическая“ борьба между русскимъ правительствомъ и тайнымъ обществомъ, назвавшимъ себя „Исполнительнымъ комитетомъ русскихъ соціалистовъ-революціонеровъ“, началась убійствомъ Мезенцева, мы высказали въ брошюркѣ „Листокъ Громады“ наши взгляды и на самую борьбу и на моральную и практическую цѣнность ея пріемовъ. Мы повторили тѣ же взгляды, когда, годъ тому назадъ, одна изъ петербургскихъ газетъ, „Голосъ“, приписывая намъ роль одного изъ главарей русской революціонной партіи, возлагала на насъ отвѣтственность за реакцію, которая, въ случаѣ новаго покушенія, прерветъ „либеральныя“ начинанія генерала Лорисъ-Меликова.

Мы отвѣтили русской газетѣ, что, согласно много разъ высказанному нами убѣжденію, чистое дѣло требуетъ и чистыхъ средствъ, и что мы, безъ всякихъ оговорокъ, одобряемъ всякое открытое нападеніе на систему, царящую въ Россіи; что мы привѣтствуемъ всякую попытку вооруженной защиты своей личности и своего жилища отъ разбойниковъ Третьяго Отдѣленія. Но мы никогда не будемъ проповѣдывать тайнаго убійства, даже убійства шпіона, начальника тайной полиціи, тирана. Но во всякомъ случаѣ, если мы и не превозносимъ систему „Испол-

нительнаго комитета“ въ Россіи, систему „террора для террора“, то неизбѣжность ея появленія въ странѣ, гдѣ до сихъ поръ допускаются Бастиліи и инквизиціи, мы отлично понимаемъ. Близко зная ужасающее количество несчастій, причиненныхъ тысячамъ семей этими Бастиліями, этими инквизиціями, этимъ произволомъ агентовъ полиціи, большихъ и малыхъ, дѣйствующихъ именемъ самодержавнаго императора, часто помимо его вѣдома, мы не удивляемся, что всѣ эти пріемы порождаютъ Засуличей, Соловьевыхъ и т. п. Насъ скорѣе удивляетъ, что ихъ такъ мало, и что они такъ долго заставили себя ждать. Прирожденное добродушіе русскаго характера, вліяніе соціалистическихъ идей, провозглашающихъ, что индивидуумъ есть только продуктъ всего строя, того строя, котораго нельзя убить однимъ ударомъ, — вотъ причины, задержавшія взрывъ чувства гнѣва и мести, такъ долго питавшихся гоненіями цѣлаго ряда русскихъ поколѣній. Въ концѣ концовъ, эти чувства должны были взять верхъ.

Но, давая такое объясненіе русскимъ политическимъ убійствамъ, какъ фактамъ, мы протестуемъ, когда видимъ, что ихъ возводятъ въ доктрину и находимъ это опаснымъ для будущности самихъ же революціонеровъ. Но еще больше протестуемъ мы противъ такихъ дѣйствій, какъ провозглашеніе поддѣльныхъ царскихъ манифестовъ, воровство въ банкѣ, нападеніе на почту и т. п. поступки, совершаемые нѣкоторыми русскими революціонерами, да еще подъ названіемъ „святого мошенничества“.

Мы отличаемся отъ русскихъ революціонеровъ не только разностью во взглядахъ, но и способомъ дѣйствій. Отвѣчая „Голосу“, мы просили его вычеркнуть насъ не только изъ рядовъ партіи „русскихъ соціалистовъ-революціонеровъ“, но вообще изъ всѣхъ русскихъ партій. Хотя наши родители и были „подданными русскаго императора“, но мы не русскіе ни по національности, ни по той почвѣ, на которой мы работаемъ. Мы не московиты, мы украинцы; а такъ какъ наша народность существуетъ не только въ Россіи (гдѣ она страдаетъ и отъ правительства и

также, въ очень значительной степени, отъ нетерпимости общественнаго мнѣнія, черезчуръ централистическаго), она существуетъ и въ Австро-Венгріи, то мы, работая для нашего народа, находимъ опору и въ чертѣ русскихъ владѣній, и внѣ царской имперіи. Мы можемъ имѣть точки соприкосновенія съ нѣкоторыми „русскими“ партіями постолько, посколько этого требуетъ наша работа для нашей родины, но цѣликомъ мы не можемъ войти ни въ одну русскую партію. Къ тому же тѣ, кто читаетъ русскія революціонныя изданія, знаютъ, какъ часто они нападаютъ и на наши взгляды и на нашу личность, иногда даже съ тѣмъ же пыломъ, тѣми же доводами, какъ и органы московскаго консервативнаго централизма. Узко московитскій стиль русскихъ революціонныхъ изданій, ихъ невниманіе къ другимъ народностямъ имперіи, кромѣ русскаго народа (московитовъ), наконецъ все болѣе и болѣе якобинскій и централистическій духъ, проявляющійся въ направленіи русскихъ революціонеровъ (что очень естественно у сыновъ государства, исторія котораго такъ аналогична старой Франціи, государства, которое подвергалось прямому вліянію византійскаго права и царскаго деспотизма), все это заставляетъ насъ противополагать идеямъ русскихъ революціонеровъ нашу критику, критику украинскаго соціалиста-федералиста. Отъ времени до времени мы напоминаемъ имъ, что въ Россіи, при сорока милліонахъ русскихъ, есть еще другія народности, насчитывающія по крайней мѣрѣ столько же людей, и ихъ интересы не могутъ быть удовлетворены ни русскимъ на французскій манеръ національнымъ конвентомъ, ни централизованнымъ Volksstaat'омъ, о которомъ мечтали нѣмецкіе соціаль-демократы для своей родины, гораздо болѣе единой и въ десять разъ меньшей, чѣмъ Россія.

Всѣ эти соображенія ясно указываютъ, что если мы беремся за перо, чтобы бороться съ крестовымъ походомъ противъ тѣхъ, кого зовутъ „русскими нигилистами“,[1] то нами руководитъ не личный интересъ.

[1] Было бы слишкомъ долго объяснять, почему мы не признаемъ названія нигилистъ, противъ котораго, впрочемъ, протестуютъ и многіе „русскіе“ революціонеры.

Теперь мы можемъ приступить уже къ вопросу, поднятому гг. Мартенсомъ и братіей.

Говорятъ, что „русское революціонное движеніе только отпрыскъ дерева, укоренившагося въ почвѣ западной Европы", и что именно эта часть Европы и должна принять мѣры, чтобы его задержать. Дерево это есть соціализмъ и въ особенности Интернаціоналъ. Но если бы на западѣ захотѣли бороться съ соціализмомъ по принципу русскаго правительства, то пришлось бы употребить крайне странные пріемы. Вѣдь даже мѣры, принятыя княземъ Бисмаркомъ противъ нѣмецкихъ соціалистовъ, не смогутъ удовлетворить петербургскихъ и московскихъ консерваторовъ. Что бы ни думали на западѣ о немедленной реализаціи соціалистическихъ теорій, во всякомъ случаѣ здѣсь всѣми признается цѣнность произведеній Р. Овэна, С. Симона, Прудона, Маркса, Лассаля, которые запрещены въ Россіи. Если, случайно, какое-нибудь произведеніе, ставшее уже въ своемъ родѣ классическимъ на западѣ, проскользнетъ сквозь императорскую цензуру, какъ напримѣръ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, переводъ „Капитала" Маркса, или, нѣсколько недѣль тому назадъ нѣкоторые трактаты Р. Овэна, то людей всетаки преслѣдуютъ за ихъ чтеніе. Повѣрятъ ли на Западѣ, что русская цензура конфискуетъ даже сочиненія такъ называемыхъ катедеръ-соціалистовъ и между ними произведенія профессора Шефле, бывшаго австрійскаго министра; что она задержала не только его брошюру „Quintessenz des Sozialismus", но даже его книгу „Bau der menschlichen Gesellschaft"? А вотъ еще нѣсколько примѣровъ взглядовъ русской полиціи на то, что она зоветъ соціалистической агитаціей. Когда графъ Шуваловъ былъ начальникомъ Третьяго Отдѣленія, то редактора тѣхъ газетъ, гдѣ въ корреспонденціяхъ только указывалось, что въ томъ или другомъ мѣстѣ у рабочихъ плохія квартиры или дурная пища, уже получали выговоры. Третье Отдѣленіе видѣло въ этомъ агитацію соціалистовъ-революціонеровъ. Какъ разсказывалъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ петербургскій Вильмессанъ, издатель „Новаго Времени", тоже самое дѣлалось и при

Мезенцевѣ. Еще недавно, послѣ смерти Александра II, начальникъ Главнаго управленія по дѣламъ печати, г. Абаза, котораго восхваляли за либеральныя намѣренія, предложилъ редакторамъ воздержаться отъ всякаго обсужденія бѣдственнаго положенія крестьянства.

При такомъ положеніи вещей Западная Европа со своей прессой, собраніями, съ своими изслѣдованіями по экономическимъ вопросамъ, всегда останется очагомъ, откуда въ Россію будутъ проникать идеи, называемыя императорской полиціей превратными. Между тѣмъ, если внимательнѣе всмотрѣться въ русскій кризисъ и въ его связь съ политическими движеніями въ Европѣ, станетъ очевидно, что дѣло идетъ въ сущности не о соціализмѣ, но о политической свободѣ и объ уничтоженіи пережитковъ феодальнаго строя. Если Россія наканунѣ революціи, то это скорѣе будетъ французская революція 1789—93 гг., чѣмъ парижская коммуна 1871 г. Рядъ покушеній, совершающихся въ Россіи за послѣдніе годы, имѣетъ очень отдаленную связь съ соціалистическимъ движеніемъ въ Европѣ, особенно съ Интернаціоналомъ 1866—72 гг. Они представляютъ гораздо болѣе поразительную аналогію съ идеями, распространенными въ Англіи во время казни Карла I и апологій Мильтона, или съ настроеніемъ во Франціи, когда судили Людовика (Луи) Капета, или въ Германіи во время убійства Коцебу (1819). Тотъ, кто изучитъ русскія соціалистическія изданія 1866—75 годовъ, не безъ нѣкотораго изумленія убѣдится, что именно соціалистическое движеніе и, въ особенности, вліяніе анархической фракціи Интернаціонала, извѣстной своимъ презрѣніемъ къ политикѣ, и было причиной тому, что борьба противъ царскаго абсолютизма, начатая тайными обществами еще въ 1860—62 годахъ при Александрѣ II, была прервана, и послѣ Каракозова тринадцать лѣтъ не было покушеній.

Здѣсь было бы слишкомъ долго разсказывать исторію соціалистическихъ идей въ Россіи и объяснять почему онѣ такъ привлекали русскую молодежь. Мы

ограничимся тѣмъ, что укажемъ на совершенно установленный фактъ: самодержецъ всея Россія меньше всего подвергался нападкамъ именно въ тѣ годы, когда русская молодежь изучала произведенія Лассаля и Маркса, читала русскія, напечатанныя въ Швейцаріи, брошюры объ „Историческомъ развитіи Интернаціонала“, о „Государствѣ и анархіи“, и мечтала о хожденіи въ народъ, чтобы просвѣщать его, работать вмѣстѣ съ нимъ и даже, чтобы проповѣдывать ему принципы соціализма, въ тѣ годы, когда русскіе эмигранты въ Швейцаріи гораздо больше нападали на „буржуазныя республики“, чѣмъ на самодержавнаго царя. И только послѣ массовыхъ арестовъ 1874 г., послѣ четырехлѣтней травли, когда не только за пропаганду соціализма или продажу напечатанныхъ заграницей книгъ, но даже за попытку кооперація, за то, что молодой человѣкъ или дѣвушка изъ дворянской семьи учили крестьянъ грамотѣ, приходилось платиться тремя или четырьмя годами тюрьмы, ссылки, каторги, часто безъ суда или вопреки судебному оправданію. Только послѣ всѣхъ этихъ испытаній и разочарованій русскіе соціалисты вернулись опять къ политической оппозиціи, намѣченной еще возстаніемъ декабристовъ въ 1825 году и движеніемъ 1860—63 гг. Прочтите рѣчь, сказанную Бардиной въ 1877 г. на процессѣ 50-ти соціалистовъ въ Москвѣ. Прочтите сборникъ стихотвореній, написанныхъ соціалистами большого процесса 193-хъ, которые были арестованы въ 1874 г., а судимы въ 1878 г. Этотъ сборникъ „Изъ-за рѣшетки“, по настроенію напоминаетъ самоотверженность первыхъ мучениковъ христіанства или предвѣстниковъ Реформаціи, но никакъ не духъ мести Исполнительнаго Комитета 1879—81 гг. Нужны были годы преслѣдованій, варварскаго обращенія тюремщиковъ, какъ мы это видимъ въ процессѣ Засуличъ и въ описаніи харьковской центральной тюрьмы при губернаторѣ Крапоткинѣ и т. д., и т. д., чтобы породить этотъ Исполнительный Комитетъ. И всетаки прошло еще два года прежде, чѣмъ онъ направилъ свои удары противъ императора Александра II. Сначала подъ ударами

комитета пали слуги царя — Треповъ, Мезенцевъ, Крапоткинъ. Но императоръ Александръ демонстративно сталъ на сторону своихъ слугъ, даже Трепова, хотя поведеніе этого послѣдняго съ Боголюбовымъ и его товарищами было настолько варварское, что само правительство было вынуждено назначить слѣдствіе по этому дѣлу. Не желая даже принять во вниманіе предостереженіе, которое присяжные дали ему, оправдавъ Вѣру Засуличъ, императоръ удвоилъ чиновничій произволъ и гоненія, объявивъ Россію на военномъ положеніи. И только тогда Соловьевъ повторилъ покушеніе Каракозова. Но процессъ 16-ти лицъ, причастныхъ къ взрыву въ Зимнемъ Дворцѣ, доказываетъ, что поступокъ Соловьева былъ скорѣе актомъ индивидуальнымъ, и что настоящій Исполнительный Комитетъ, поставившій себѣ опредѣленную цѣль — убить царя, образовался только лѣтомъ 1879 г., когда вслѣдствіе покушенія Соловьева императоръ предоставилъ Россію деспотизму генералъ-губернаторовъ, Тотлебеновъ, Чертковыхъ, Гурко, напомнившихъ современной Европѣ подвиги Альбы и Джефри (Jeffrie). Тогда-то передъ Россіей сталъ вопросъ, который въ Западной Европѣ XVI и XVII в. дебатировался людьми, гонимыми за убѣжденія подъ слѣдующей формулой: „An et quatenus principi, rempublicam aut opprimenti, aut perdenti, resistere liceat, item quibus id, quomodo et quo jure permissum sit?“ Въ Россіи, какъ и въ Европѣ, на этотъ вопросъ отвѣтили утвердительно. И если у насъ вслѣдъ за этимъ отвѣтомъ не поднялись народныя массы, если Александръ II не былъ казненъ революціоннымъ трибуналомъ, какъ Карлъ I или Людовикъ XVI, то это объясняется несходствомъ въ исторіи Россіи и Запада, вліяніемъ періодовъ московитской централизаціи, такъ искоренившимъ въ народностяхъ Россіи духъ иниціативы, какъ это не удавалось даже Тюдорамъ въ Англіи и Бурбонамъ во Франціи, и, наконецъ, объясняется рознью всѣхъ классовъ. Вѣдь только совсѣмъ недавно одинъ классъ освободился отъ непосредственной власти другого. Но не слѣдуетъ думать, что только идеологи или вообще обез-

печенные классы страдаютъ отъ административнаго произвола, принявшаго за послѣдніе годы неслыханные размѣры. Не говоря о религіозныхъ преслѣдованіяхъ, тяготѣющихъ надъ 12 милліонами московскихъ раскольниковъ, о преслѣдованіяхъ національныхъ, отъ которыхъ страдаютъ сорокъ милліоновъ не московскаго населенія, достаточно указать на новый институтъ урядниковъ, или сельскихъ стражниковъ. Даже легальная пресса и земскія собранія рисуютъ ихъ, какъ настоящихъ бандитовъ, худшихъ, чѣмъ сбиры тирановъ старой Италіи. Урядники были выдуманы, главнымъ образомъ, для того, чтобы мѣшать деревенской пропагандѣ „враговъ царя“, но они неизбѣжно должны были ослабить вѣру русскихъ мужиковъ въ то, что все административное зло идетъ отъ баръ, а не отъ самого царя, который хочетъ народу только добра, за что ему и грозятъ баре. Рано или поздно всѣ гонимые элементы населенія сплотятся и, въ той или иной формѣ, произойдетъ всеобщій взрывъ. Пока въ активную борьбу вступили только наиболѣе гонимые элементы и, сознавая себя слишкомъ слабыми для открытой борьбы, они сначала инстинктивно, а потомъ сознательно и систематически, избрали путь политическаго убійства.

Самое печальное въ такомъ положеніи вещей то, что оно можетъ тянуться годами, не приходя ни къ какому рѣшающему результату. Всѣ эти покушенія роняютъ монархическій принципъ, деморализуютъ администрацію, лишаютъ самодержавіе послѣдняго престижа, но не уничтожаютъ его окончательно. Послѣ каждаго политическаго убійства произволъ снова набирается силъ и свирѣпствуетъ еще ожесточеннѣе. Эта свирѣпость задѣваетъ все болѣе и болѣе широкіе круги населенія, увеличиваетъ число недовольныхъ и всюду нарождаетъ потребность въ гарантіяхъ. Нарождается среда, гдѣ мало-по-малу формируются кадры активно-либеральныхъ партій. Они могли бы энергичными дѣйствіями, хотя бы въ формѣ одновременной подачи петицій земскими собраніями, классами, корпораціями, требованій выраженныхъ въ печати, если не революціонными демон-

страціями, произнести послѣдній приговоръ надъ царскимъ и административнымъ произволомъ. И вотъ гдѣ центръ тяжести вопроса: когда же, наконецъ, произойдутъ эти энергичныя дѣйствія болѣе просвѣщенныхъ классовъ? Сторонники политическихъ убійствъ могутъ совершенно справедливо указать на тотъ фактъ, что каждый новый ихъ шагъ увеличиваетъ число голосовъ, раздающихся среди самыхъ умѣренныхъ элементовъ противъ системы произвола. Послѣ убійства Мезенцева въ этомъ смыслѣ высказалось нѣсколько собраній. Послѣ взрыва въ Зимнемъ Дворцѣ само правительство сочло необходимымъ дать устами Лорисъ-Меликова либеральныя обѣщанія, на которыя нѣкоторыя земскія собранія отвѣтили еще болѣе ясными требованіями. Къ несчастію эти либеральныя обѣщанія не были выполнены, а требованія либераловъ опять не были ни достаточно многочисленны, ни достаточно энергичны. Въ этомъ и слѣдуетъ искать истинныхъ причинъ новой попытки совершить цареубійство, которая на этотъ разъ и увѣнчалась успѣхомъ. Когда, послѣ взрыва въ Зимнемъ Дворцѣ, генералъ Лорисъ-Меликовъ напечаталъ свое знаменитое воззваніе, гдѣ обѣщалъ успокоить общество и вернуть Россію на путь прогрессивнаго развитія, мы обратились къ нему съ открытымъ письмомъ, гдѣ говорилось, что, если бы онъ самъ понималъ смыслъ своихъ словъ, ему оставалось бы только немедленно представить царю для подписи слѣдующія распоряженія:

1. Уничтоженіе генералъ-губернаторствъ, учрежденныхъ послѣ покушенія 2 апрѣля 1879; отмѣна всѣхъ исключительныхъ мѣропріятій, установленныхъ послѣ 1863 и всѣхъ исключительныхъ судовъ для политическихъ процессовъ.

2. Полная амнистія всѣмъ жертвамъ произвола этихъ генералъ-губернаторовъ, этихъ исключительныхъ мѣропріятій и этихъ судовъ.

3. Полное закрытіе III-го отдѣленія безъ учрежденія новой секретной канцеляріи подъ какимъ бы то ни было названіемъ. Уничтоженіе административнаго

произвола. Серьезныя гарантіи неприкосновенности личности, не лишенной правъ по суду.

4. Свобода печати, собраній, право петицій.

5. Созывъ по крайней мѣрѣ національнаго собранія, составленнаго изъ представителей уже существующаго земства, если не учредительнаго собранія, выбраннаго всеобщей подачей голосовъ, какъ предложила „Народная Воля“ (органъ петербурскихъ революціонеровъ).

Это не было „предложеніемъ перемирія, исходящимъ изъ лагеря нигилистовъ“, какъ выразились нѣкоторыя газеты, это просто былъ логическій выводъ изъ обѣщаній диктатора Россіи и изъ всего положенія потрясенной страны. Когда субсидированныя русскія газеты, вродѣ „Берега“ и „Кіевлянина“, которыя стараются обвинить отдѣльныхъ людей, а не ищутъ обобщеній, выясняющихъ историческія событія, приписывали намъ „угрозы“ противъ русскаго диктатора, мы отвѣтили имъ письмомъ въ редакцію „Journal de Genève“, гдѣ такъ резюмировали конецъ нашей брошюры: „Я долженъ сказать въ заключеніе, что я не угрожаю генералу Лорисъ-Меликову возобновленіемъ борьбы, „если эти условія не будутъ приняты“; я говорю только, что я не вижу никакого основанія, чтобы волненіе прекратилось, пока будутъ длиться причины, его породившія, т. е. самодержавіе царя и произволъ его слугъ. Я предвижу также, что, судя по событіямъ, которыя въ Россіи ни для кого не тайна, смута должна еще осложниться тѣми соціальными условіями, въ которыхъ находятся въ Россіи рабочій и земледѣльческій классы.“

Нѣсколько времени спустя, петербургская газета „Голосъ“, которая держитъ себя какъ органъ самого диктатора, обратилась къ намъ съ очень страннымъ предложеніемъ. Она совѣтовала намъ „воспользоваться нашимъ вліяніемъ на русскихъ террористовъ“, чтобы остановить ихъ дѣятельность, которая можетъ прервать реформаторскую работу либеральнаго диктатора. Мы отвѣтили въ брошюрѣ „Терроризмъ и свобода Россіи“ новымъ изложеніемъ положенія вещей и повтореніемъ minimum'а политическихъ требованій,

напечатанныхъ нами еще во времена Плевны въ другой брошюрѣ „Внутреннее рабство и война за освобожденіе“. Вотъ этотъ minimum:

1. Неприкосновенность личности и жилища (habeas corpus).
2. Неприкосновенность національности (языкъ и т. д.) въ частной и общественной жизни.
3. Свобода и равноправіе религій.
4. Свобода печати, обученія, собраній и союзовъ.
5. Автономія (selfgovernement) общинъ, волостей, губерній и областей.
6. Созывъ имперскаго сейма и отвѣтственность передъ нимъ и судомъ всѣхъ правительственныхъ агентовъ.
7. Изслѣдованіе соціальнаго и экономическаго положенія народныхъ массъ.
8. Полная амнистія для всѣхъ политическихъ преступниковъ.

Тѣ кто знаетъ русскую печать, хотя бы только подцензурную, подтвердятъ, что мы выразили здѣсь только требованія всѣхъ просвѣщенныхъ людей страны. И любопытно то, что программа петербургскихъ революціонеровъ, опубликованная въ то же время, во многомъ сходна съ нашими формулами (кромѣ тѣхъ, гдѣ высказаны наши федералистическія стремленія). А между тѣмъ русскіе соціалисты нѣсколько лѣтъ тому назадъ назвали эти-же требованія „общимъ мѣстомъ буржуазнаго либерализма.“ [1]

[1] Нашъ minimum опубликованный въ брошюрѣ „Внутреннее рабство и война за освобожденіе“ въ 1877 году, былъ повторенъ еще въ брошюрѣ: „До чего довоевались?“ (въ 1878 году). Эта послѣдняя была неожиданно перепечатана петербургской революціонной типографіей. Въ началѣ 1880 г. была напечатана программа исполнительнаго комитета, о которой мы говоримъ въ текстѣ. Въ ней требованіе созыва Національнаго Собранія, избраннаго всеобщей подачей голосовъ, занимаетъ первое мѣсто. Правда что въ ней же Исполнительный комитетъ выражалъ надежду, что большинство въ этомъ собраніи будетъ соціалистическое, — но по нашему мнѣнію, это или иллюзія, или компромиссъ (плохо склеенный) съ чисто соціалистическимъ и даже анархическимъ прошлымъ членовъ комитета. Русское Національное Собраніе, — или вѣрнѣе Генеральные Штаты, — могутъ только выполнить ту-же задачу, которую выполняли аналогичныя собранія Западной Европы, т. е. покончить съ феодализмомъ, ослабить абсолютизмъ, и перенести власть на такъ называемую буржуазію. Послѣ этого соціалистическое движеніе въ Россіи пойдетъ тѣмъ же путемъ, который мы видимъ на западѣ. Основой этого движенія будетъ рабочая партія, организація которой сейчасъ невозможна въ Россіи. Слѣдуетъ также ожидать въ Россіи вспышекъ демократическаго цезаризма, даже съ коммунистическими замашками, которыя могутъ пожалуй привлечь многихъ русскихъ народниковъ, соціалистовъ, особенно въ Московіи, — этомъ гнѣздѣ власти царей и претензій дать „дряхлому западному міру“ зрѣлище совершенно самобытнаго развитія!

По нашему мнѣнію, основанному на знаніи страны, гдѣ мы прожили десятки лѣтъ, послѣ взрыва въ Зимнемъ Дворцѣ нельзя было терять ни минуты: надо было немедленно дать самыя необходимыя уступки и приступить къ постепенному выполненію программы, открыто и искренно либеральной.

Но что же было сдѣлано вице-императоромъ Россіи за этотъ годъ, отъ взрыва въ Зимнемъ Дворцѣ и до убійства 1-го марта? Онъ только смѣнилъ нѣсколькихъ администраторовъ, имена которыхъ стали слишкомъ ненавистны обществу. Онъ уничтожилъ III-е отдѣленіе или, вѣрнѣе, далъ ему другое названіе, что случается въ Россіи уже четвертый разъ послѣ 1762 г. Руководствуясь вліятельной протекціей или другими счастливыми случайностями, онъ амнистировалъ ничтожное число неблагонадежныхъ. Онъ командировалъ на ревизію сенаторовъ, открывшихъ то, что всѣ уже много лѣтъ знали. Единственная вещь, которую графъ дѣйствительно далъ, это нѣкоторая свобода прессы, которую, впрочемъ, Меликовъ заставилъ молчать еще, по крайней мѣрѣ лѣтъ 5 относительно того, о чемъ всѣ говорятъ — о конституціи. Въ разговорѣ съ редакторами петербургскихъ газетъ, онъ сказалъ, что это иллюзія.

И вдругъ печать открыла, въ третій разъ послѣ 1866 г., что крестьяне находятся въ ужасной нищетѣ. Она подтвердила то, что было уже предсказано во время освобожденія крестьянъ, соціалистами стараго поколѣнія (какъ Герценъ, Огаревъ, Бакунинъ, Чернышевскій), и что Огаревъ называлъ „новымъ рабствомъ крестьянъ“. Пресса обнаружила, что всѣ реформы царя были извращены при выполненіи и что, лицемѣрно задуманныя, онѣ были безсистемны. Это и было то, что революціонеры говорили съ самого начала этихъ реформъ. Наконецъ пресса, не исключая полу-реакціонныхъ газетъ вродѣ „Петербургскихъ Вѣдомостей“, „Новаго Времени“, раскрыла невѣроятныя вещи о произволѣ урядниковъ, грубыхъ арестахъ и массовыхъ ссылкахъ, о сатрапахъ вродѣ Тотлебена и его друга Панютина, и наконецъ объ ужасномъ положеніи административно ссыльныхъ въ далекихъ

полярныхъ областяхъ. Многія земскія и дворянскія собранія потребовали уничтоженія административнаго произвола.

Что же сдѣлалъ диктаторъ и вообще правительство? Объ этомъ говорятъ слѣдующія цифры. Судя по подцензурнымъ газетамъ, изъ административно ссыльныхъ въ Архангельской губерніи были помилованы, вполнѣ или отчасти, 50 человѣкъ, на мѣсто которыхъ прислали 75 новыхъ ссыльныхъ.

Одно изъ двухъ: или графъ Лорисъ-Меликовъ никогда не имѣлъ рѣшающаго вліянія на Александра II, или самъ онъ не понималъ всю важность положенія. Въ обоихъ случаяхъ это онъ, въ концѣ концовъ предалъ Александра II смерти. Вся его политика послѣдняго года показала, что, Александръ II или являлся препятствіемъ для самыхъ насущныхъ требованій, или былъ неспособенъ выбирать себѣ искусныхъ совѣтниковъ въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ.

Какъ бы то ни было, императоръ Александръ II убитъ, или, какъ говорятъ революціонныя прокламаціи, казненъ. Очень интересно прочесть весь текстъ этихъ двухъ прокламацій: „одну отъ „Исполнительнаго Комитета“, другую отъ рабочихъ, принадлежащихъ къ партіи Народной Воли. Ни въ первой, гдѣ говорится о тиранѣ Александрѣ II, ни во второй, гдѣ говорится, что „царь долженъ быть добрымъ пастыремъ, готовымъ отдать свою жизнь за стадо, а не жаднымъ волкомъ“, и что теперешній царь „долженъ созвать въ сенатъ представителей народа“, мы не слышимъ голоса интернаціонала и вообще современнаго соціализма. Это скорѣе рѣчи якобинцевъ XVIII вѣка и даже гугенотовъ и пуританъ XVI и XVII вѣковъ.[1]

Эволюція русскаго революціоннаго движенія, выведшаго изъ „соціалистически-анархическаго“ движенія временъ Интернаціонала, завершилась; передъ

[1] Poynet. A short treatise of political power, 1558. — Hubert Languet. Vindiciae contra tyrannos, 1579. — George Buchanan. De jure regni apud Scotos, 1579. — Milton. Pro populo anglicano defensio, 1651, и т. д. и т. д. Очень характерно, что соціалистическія газеты Западной Европы нашли невозможнымъ воспроизвести цѣликомъ текстъ второй русской прокламаціи, настолько онъ не похожъ на то, что высказываютъ въ печати западные соціалисты.

нами развертывается движеніе исключительно политическое, сходное съ тѣми, черезъ которыя прошли государства Западной Европы, одни въ XVI и XVII вѣкахъ, другія въ XVIII, Германія и Австрія до 1848 г., Италія до 1859 г. Если Европа хочетъ помочь царскому правительству, она сдѣлаетъ это не при помощи гоненій на соціализмъ и въ особенности на несуществующій Интернаціоналъ, но закрывъ свои парламенты, возстановивъ старый порядокъ съ такой суровостью, которая испугала бы самого графа Шамбора.

Но это значило бы предлагать нелѣпость! Поэтому, по правдѣ сказать, современной Европѣ нечего вмѣшиваться въ русскія дѣла: она должна предоставить эту отсталую страну ея судьбѣ.

Но намъ укажутъ на покушенія въ Берлинѣ, Мадридѣ, Неаполѣ, укажутъ на симпатію западныхъ соціалистовъ-революціонеровъ къ русскимъ „нигилистамъ“ и т. д., и т. д, Да, дѣйствительно, въ этомъ и точка соприкосновенія обоихъ движеній и въ то же время основаніе для Европы вмѣшаться въ русскій кризисъ.

Однако, разсмотримъ эти явленія пристальнѣе и, по возможности, хладнокровно.

Какую цѣнность имѣетъ убійство коронованнаго человѣка въ борьбѣ труда съ капиталомъ, на которомъ основано все соціалистическое движеніе. Конечно, никакой. И это становится особенно очевиднымъ при анализѣ послѣднихъ политическихъ покушеній на Западѣ.

Нельзя серьезно говорить о соціальныхъ идеяхъ какихъ-нибудь несчастныхъ Hoedel'ей, или Passanante'овъ. Что касается Nobeling'a, то онъ былъ республиканецъ, а не соціалистъ.

Говорить, что эти люди только орудія, направленныя интернаціональнымъ центральнымъ комитетомъ, значитъ повторять бабьи сказки, или донесенія неловкихъ шпіоновъ, которые не могутъ мыслить міръ иначе, какъ въ видѣ громаднаго полицейскаго участка.[1]

[1] Между прочимъ, подобныя басни и выдумки, вродѣ донесеній о засѣдающемъ въ Женевѣ центральномъ комитетѣ, членомъ котораго будто бы состоимъ и мы,

Все это и цѣликомъ, и по частямъ, уже было высказано соціалистической печатью, и если она перестала это повторять, то просто потому, что повтореніе извѣстныхъ вещей, въ особенности передъ обвинителями, не желающими ничего слышать, становится и скучнымъ и оскорбительнымъ для личнаго достоинства. Кромѣ того, преслѣдованія соціалистовъ, въ особенности въ Германіи, ожесточили многихъ, даже тѣхъ, кто раньше имѣлъ довольно умѣренные политическіе взгляды. Не надо также забывать, что среди соціалистовъ, въ особенности, во Франціи, существуютъ элементы, аналогичные якобинскимъ конспираторамъ старой школы. Подъ вліяніемъ гоненій они сблизились съ соціально-экономическимъ движеніемъ, истинный характеръ котораго имъ совершенно чуждъ. Чтобы дать должную оцѣнку восторгамъ западно-европейскихъ соціалист.-революціонеровъ передъ русскими тираноубійцами, особенно во Франціи, гдѣ съ введеніемъ республики чисто политическіе вопросы потеряли свое значеніе, достаточно отмѣтить, что какъ ни восхищаются французскіе революціонеры своими русскими собратіями, но всѣ эти Галлифэ и другіе французскіе Треповы остаются совершенно цѣлы и невредимы.

Въ концѣ концовъ политическія покушенія въ Западной Европѣ не могутъ сравниваться съ покушеніями въ Россіи. На Западѣ до сихъ поръ это рѣдкіе отдѣльные случаи, а въ Россіи мы видимъ цѣлую серію, наконецъ, цѣлую систему. Уже одно это различіе заставляетъ насъ видѣть въ политическихъ покушеніяхъ Западной Европы или случайныя явленія, или хотя бы отчасти своего рода эпидемическую заразу, подувшую изъ Россіи. Въ пользу послѣдняго предположенія говоритъ даже моментъ возобновленія покушеній въ Германіи и Италіи. Дѣйствительно, они непосредственно слѣдуютъ за поку-

---

повторялись берлинскимъ прокуроромъ въ процессѣ русскихъ эмигрантовъ, арестованныхъ въ 1878 г. въ Берлинѣ. Графъ Эйленбургъ въ рейхстагѣ высказалъ ихъ, чтобы поддержать законъ противъ соціалистовъ. Мы надѣемся, что наши взгляды ясны читателю. Что же касается русскихъ террористовъ, то мы [illegible] утверждать самымъ рѣшительнымъ образомъ, что многіе изъ нихъ считаютъ политическія убійства лишними и безполезными въ тѣхъ государствахъ, гдѣ граждане пользуются политической свободой.

шеніями на Мезенцева и Трепова. Вмѣсто того, чтобы считать русскій терроризмъ отпрыскомъ отъ западныхъ партій, мы имѣемъ больше основанія предположить противоположное. Именно поэтому Западная Европа и связана съ кризисомъ, переживаемымъ Россіей. Если абсолютизмъ еще удержится въ Россіи (а онъ удержится, если активную борьбу будетъ вести только „нигилистическая“ молодежь, если представители образованныхъ классовъ не примутъ въ той или другой формѣ рѣшительнаго участія въ борьбѣ), то не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать новыя покушенія на царя, даже на всю императорскую фамилію. Болѣе того, такъ какъ самодержавный режимъ поддерживаетъ въ Россіи остатки феодальнаго строя и препятствуетъ всему, что можетъ облегчить нужду крестьянъ, то слѣдуетъ ожидать, что въ Россіи повторяются аграрныя преступленія Ирландіи, — крестьянскіе бунты уже довольно многочисленны за этотъ годъ. До сихъ поръ эти бунты и преступленія не являются слѣдствіями соціалистической пропаганды, хотя нѣкоторые русскіе соціалистическіе кружки, недовольные „исключительно политическимъ“ характеромъ дѣятельности „русскихъ террористовъ“, уже обсуждали вопросы о „террорѣ аграрномъ или экономическомъ“, какъ въ Ирландіи. Еще много пройдетъ времени прежде, чѣмъ соціалисты будутъ имѣть возможность имѣть въ Россіи прямое вліяніе на крестьянскія массы. До сихъ поръ крестьяне въ Россіи, какъ и въ Ирландіи, дѣйствовали въ такихъ случаяхъ самостоятельно и неожиданно. Если, какъ мы полагаемъ, крестьянскіе бунты въ Россіи будутъ при нынѣшнемъ режимѣ умножаться, то они будутъ такъ же внезапны, какъ погромы замковъ во Франціи 1789—90 гг. Такъ какъ въ Россіи крестьяне не имѣютъ никакого представленія о соціалистическихъ идеяхъ, то эти бунты послужатъ только опорой для конституціоннаго, или якобинскаго движенія образованныхъ классовъ. Таковъ былъ результатъ народныхъ возстаній во Франціи 1789 г. и даже въ Англіи до реформъ 1832 г. Но весь этотъ русскій кризисъ, несмотря на свое несходство съ современнымъ соціа-

листическимъ движеніемъ Западной Европы, не можетъ завершиться, не оказавъ на послѣднее извѣстнаго вліянія. Онъ придастъ ему свой кровавый характеръ, возбудитъ инстинкты, вытекающіе изъ страстей, а не изъ разсужденій, инстинкты, присущіе обездоленнымъ классамъ даже самыхъ передовыхъ странъ.

Объ этомъ должны бы подумать политическіе дѣятели Европы, и изъ-за этого Европа должна бы вмѣшаться въ русскій кризисъ. Мы показали, что реакція и, въ особенности мѣры противъ соціализма, не могутъ успокоить этотъ кризисъ. Возвращеніе къ старому режиму невозможно.

Итакъ, для цивилизованнаго міра остается только одинъ способъ вмѣшательства въ русскія дѣла, тотъ, чтобы и себя оградить и Россіи помочь — способствовать по возможности введенію въ странѣ либеральныхъ учрежденій.

Нѣтъ сомнѣнія, что не можетъ быть рѣчи о дипломатическомъ актѣ, вродѣ вмѣшательства Франціи и Англіи въ дѣла королевскаго правительства обѣихъ Сицилій. Но, по нашему мнѣнію, русское самодержавное правительство должно остаться совершенно одинокимъ въ своей борьбѣ противъ своихъ же подданныхъ, какую бы форму ни приняла эта борьба. Мы цѣликомъ придерживаемся того мнѣнія, что политическое убійство все-таки убійство и что жизнь государя должна быть такъ же священна, какъ и жизнь простого смертнаго; поэтому мы и не проповѣдуемъ политическаго убійства. Но большая разница между проповѣдью и пониманіемъ, т. е. прощеніемъ. И каждое цивилизованное правительство должно понять, что толкаетъ подданныхъ царя на политическія покушенія и, слѣдовательно, должно отказывать въ требованіи русскаго правительства выдать преступниковъ. Да, это вѣрно, что политическое убійство все же убійство, но вѣрно также и то, что судъ долженъ быть безпристрастенъ, а въ политическихъ процессахъ русское правительство является и судьей и истцомъ. Пусть русское правительство учредитъ хоть судъ присяжныхъ для политическихъ преступленій и тогда въ его требованіи выдать Гартмана

будетъ хоть тѣнь права. Не надо забывать, что сейчасъ русское правительство отправляетъ въ административную ссылку даже людей, оправданныхъ военнымъ судомъ, и что существованіе въ Россіи пытки подтверждается даже русскими подцензурными журналами (см. наше сообщеніе въ „Justice“ отъ 26-го марта 1881 г.).

Но если отношеніе цивилизованныхъ правительствъ къ русскому кризису должно ограничиться невыдачей политическихъ преступниковъ, каковы бы ни были ихъ преступленія противъ русскаго правительства, то роль европейскаго общественнаго мнѣнія и печати должна быть болѣе активна. Главная обязанность печати освѣдомлять читателя, давая ему резюмэ своего изученія положенія вещей во всѣхъ странахъ. И если европейская пресса дастъ себѣ трудъ изучить состояніе Россіи, характеръ ея правительства, стремленія образованныхъ классовъ, потребности всѣхъ входящихъ въ нее народностей и т. д., то она увидитъ:

1. Что для доброй половины подданныхъ, для финляндцевъ, для нѣмцевъ, латышей, литовцевъ, поляковъ, бѣлоруссовъ, украинцевъ, бессарабскихъ румынъ, народовъ Кавказа, царское правительство даже не національное правительство, что оно грубо нарушаетъ естественныя національныя права и мѣшаетъ развитію.

2. Что современный строй Россіи, въ общемъ, совершенно не сходенъ со строемъ теперешней Европы, что это странная смѣсь учрежденій средневѣковыхъ и порядковъ бюрократическихъ государствъ XVII и XVIII вѣковъ, того, что нѣмцы называли Polizeistaat.

3. Что знаменитыя реформы императора Александра II рѣшительно ничего не измѣнили въ самыхъ основахъ стараго режима Россіи и что они не могли не создать всеобщаго недовольства, какъ въ народныхъ массахъ, такъ и въ достаточныхъ классахъ.[1]

Конечно, чтобы хорошо освѣдомлять публику о Россіи, европейскіе писатели должны бы знать языки,

[1] Таково, приблизительно, заключеніе русской книги Головачева „10 лѣтъ реформъ“ и такое же мнѣніе недавно высказано въ статьѣ А. Леруа-Больё (Revue

на которыхъ въ ней говорятъ, хотя бы русскій (замѣтимъ, что въ Россіи ни одинъ серьезный писатель не позволитъ себя просвѣщать читателя относительно какого-нибудь европейскаго народа, не зная его языка). Но западная литература имѣетъ уже и оригинальныя произведенія и переводы, какъ то: Мэкэнзи-Уоллэсъ (Russia), Альфредъ Рамбо (Исторія Россіи и т. д.), Элизэ Реклю (Географія Россіи), Альфонсъ Тунъ (Земледѣліе и промышленность средней Россіи послѣ освобожденія крестьянъ), Пыпинъ и Спасовичъ (Исторія славянскихъ литературъ) и т. д. въ которыхъ можно найти достаточно фактовъ, чтобы оцѣнить ходъ событій и развитіе идей въ царской имперіи. Странное дѣло! Повидимому журналисты, освѣдомляющіе большую публику относительно Россіи, меньше всѣхъ читаютъ эти книги.

Можно умереть со смѣху, читая девять десятыхъ того, что печатается въ европейскихъ газетахъ о русскихъ дѣлахъ, въ особенности о русскихъ революціонерахъ, которыхъ любятъ называть „нигилистами“ (слово ничего не выражающее и почти забытое въ самой Россіи). Но положеніе настолько серьезно, что убиваетъ всякое веселье и пробуждаетъ очень печальныя мысли. Слишкомъ больно видѣть, какъ въ большей части статей о Россіи, печатаемыхъ въ европейской прессѣ, невѣжество и легкомысліе сливаются съ самой грубой партійностью.

Нѣмецкая печать руководится чувствомъ династическаго рабства, связаннаго съ расовой ненавистью и съ соображеніями прусской политики. Она отлично чувствуетъ, что съ водвореніемъ въ Россіи свободы будетъ положенъ конецъ привилегіямъ нѣмецкихъ бароновъ въ балтійскихъ провинціяхъ и ихъ первенствующей роли въ русской бюрократіи; что свободная Россія перестанетъ быть орудіемъ въ рукахъ Пруссіи и всѣхъ „священныхъ союзовъ“. Нѣмецкая печать уже кричала караулъ, когда въ Россіи былъ поднятъ вопросъ объ эмансипаціи. Она также кричитъ теперь

---

des Deux Mondes 1881 г., апрѣль). Мы получили ее, когда наша брошюра уже была составлена. Въ ней почтенный авторъ относится къ царскому правительству далеко не съ такимъ оптимизмомъ, которымъ были полны его статьи [illegible] 1880 г.

каждый разъ, когда говорятъ о политической свободѣ въ Россіи, она кричитъ о „нигилистическомъ панславизмѣ“ каждый разъ, когда дѣло идетъ объ удовлетвореніи справедливыхъ требованій народностей, гонимыхъ въ царской имперіи, напримѣръ, поляковъ. И она же зоветъ Россію страной кнута (Knutenland) и оплакиваетъ судьбу Польши, если ей кажется нужнымъ унизить въ глазахъ Европы не только русское правительство, но и русское общество, какъ она это дѣлала во время послѣдней войны.

Во французской печати повторяютъ басни, распущенныя прежними польскими эмигрантами, отчасти либералами, но болѣе или менѣе аристократами и католиками. Въ ней больше нападокъ на русское общество, чѣмъ на царское правительство. Или же, становясь на противоположную точку зрѣнія, эта пресса судитъ русское правительство слишкомъ оптимистически, а его противниковъ слишкомъ пессимистически. Таковы, напримѣръ, даже статьи Анатоля Леруа-Больe, впрочемъ, вполнѣ достойныя вниманія.[1]

Наконецъ, когда французской печатью овладѣваетъ оппортунистическая идея союза съ русскимъ правительствомъ противъ Германіи, тогда эта печать забываетъ всѣ свои либеральныя и республиканскія чувства, чтобы стать защитницей петербургскихъ Полиньяковъ и Руэровъ.

Англійская печать обнаруживаетъ больше духа критики и логики. Къ сожалѣнію связь съ министерствомъ часто мѣшаетъ англійскимъ газетамъ и, что любопытно, въ особенности либеральнымъ газетамъ, быть совершенно независимыми въ своихъ сужденіяхъ о русскихъ дѣлахъ. Кромѣ того національный формализмъ и ложная щепетильность мѣшаютъ англійскимъ авторамъ, даже хорошо освѣдомленнымъ, какъ напримѣръ Мэкензи Уоллэсъ, правильно понять значеніе революціоннаго движенія въ Россіи. А между тѣмъ въ

[1] А. Леруа-Больe, при всемъ своемъ знаніи Россіи, все-таки былъ въ состояніи написать, что русскіе революціонеры „жгли дома, цѣлые кварталы, почти цѣлые города“ (Revue des deux Mondes 1880 г., 15 февраля), тогда какъ извѣстенъ только одинъ случай, когда одинъ кіевскій революціонеръ хотѣлъ поджечь сарай, чтобы скрыть слѣды тайной типографіи.

книгѣ почтеннаго автора заключаются всѣ необходимые матеріалы для такой оцѣнки.[1]

Что же касается швейцарской печати, которая такъ волнуется послѣ каждаго политическаго покушенія въ Россіи, то она считаетъ лишнимъ безпристрастное изученіе русскихъ вопросовъ и разсказываетъ о нихъ самыя фантастическія вещи. Она помѣщаетъ корреспонденціи швейцарцевъ, утверждающихъ, что Россія пользуется всѣми возможными свободами, между прочимъ религіозной свободой, тогда какъ всѣмъ извѣстно, что въ Россіи 12 или 13 милліоновъ сектантовъ, которымъ запрещается отправлять свое богослуженіе. Надо прибавить, что среди этихъ сектъ есть такія, которыя просто исповѣдуютъ кальвинизмъ sui generis. Швейцарская пресса печатаетъ о русскихъ эмигрантахъ всякія глупости, и первый попавшійся шарлатанъ можетъ помѣстить ихъ въ журналѣ. Она будетъ, напримѣръ, разсказывать, что „нигилисты“ на публичномъ собраніи въ одномъ изъ женевскихъ кафе постановили убить Лорисъ-Меликова, что нашли (гдѣ и кто?) у эмигранта Кропоткина планъ Зимняго Дворца и т. д. и т. д. И послѣ этого свободная Гельвеція удивляется, почему реакціонныя газеты Берлина и Петербурга такъ сердятся на нее за каждое покушеніе, произведенное за тысячи верстъ отъ ея горъ!

Въ общемъ, изъ этого слѣдуетъ, что когда вопросъ идетъ о русскихъ дѣлахъ либеральная печать западной Европы гораздо болѣе роялистична, чѣмъ самыя умѣренныя газеты самой Россіи. Въ этомъ легко убѣдиться, прочтя газетныя статьи послѣ послѣдняго покушенія на царя. Народы Россіи имѣютъ право ждать отъ либеральной Европы и ея печати совсѣмъ другого поведенія. Правда, для того, чтобы дѣйствовать въ интересахъ русскаго антисамодержавнаго движенія, западная Европа должна лучше знать положеніе Россіи. Но она могла бы замѣнить это близкое знакомство логикой, искренностью и воспоминаніемъ о

[1] Уоллэсъ, повидимому, еще плохо знаетъ соціалистическіе процессы 1876—78 г. Онъ говоритъ о „кровожадности“ молодыхъ дѣвушекъ изъ процесса 50 и обходитъ молчаніемъ рѣчь Бардиной, которую можно было бы вложить въ уста служительницы Христа.

тѣхъ историческихъ эпохахъ, черезъ которыя западныя государства уже прошли.

Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы усиливать русскій кризисъ, хотя бы косвенной, нравственной поддержкой, оказанной умирающему самодержавію, Европа могла бы ускорить развязку и въ тоже время дѣйствовать въ интересахъ самосохраненія.

Женева, 30 марта 1881 г.

Примѣчаніе редакціи. Наряду съ этимъ обращеніемъ къ общественному мнѣнію Западной Европы по поводу общаго политическаго положенія Россіи и настоятельной необходимости для нея политической свободы и конституціонныхъ формъ правленія, М. П. Драгомановъ въ томъ же 1881 г. еще разъ апеллировалъ къ общественной совѣсти западно-европейскихъ народовъ по поводу угнетеннаго культурно-политическаго положенія Украйны. Воспользовавшись тѣмъ, что въ Вѣнѣ былъ созванъ Интернаціональный литературный конгрессъ, онъ обратился къ нему съ открытымъ письмомъ, напечатаннымъ по французски — Communication présentée au Congrès Littéraire International de Vienne 1881. Въ этомъ письмѣ онъ напоминаетъ о томъ, что въ 1878 г. онъ уже представилъ на Интернаціональный литературный конгрессъ, происходившій тогда въ Парижѣ, докладъ, въ которомъ коротко изложилъ развитіе украинской литературы и возбудилъ обвиненіе передъ литературнымъ міромъ противъ указа 1876 г., почти цѣликомъ запретившаго украинскую литературу. Указъ этотъ, напечатанный въ нашемъ изданіи выше на стр. 156, онъ приводитъ цѣликомъ. Свое письмо онъ заканчиваетъ слѣдующими словами: „Безполезно настаивать на несправедливости этого указа и на вредѣ, который онъ приноситъ народному просвѣщенію и лицамъ, занимающимся въ Россіи украинскимъ писательствомъ какъ профессіей. Но это запрещеніе нарушаетъ также интересы писателей того государства, въ столицѣ котораго происходитъ настоящій конгрессъ, такъ какъ украинская или русинская нація насчитываетъ въ Австро-Венгріи 3500000 своихъ представителей (Галиція, Буковина и Восточная Венгрія), а указъ 1876 г. закрываетъ границу Россіи для всѣхъ русинскихъ изданій, какъ бы невинны они ни были по своему содержанію. Мы считаемъ что исполняемъ свой долгъ, напоминая этимъ сообщеніемъ представителямъ литературнаго міра всѣхъ цивилизованныхъ націй, что приведенный выше указъ все еще остается въ силѣ.“ Письмо это подписано редакторами украинскаго обозрѣнія „Громада“ М. Драгомановымъ отъ русской и М. Павликомъ отъ австрійской Украйны въ Женевѣ, 15 сентября 1881 г.

Открытое письмо въ редакцію „Московскихъ Вѣдомостей“.

(Первоначально напечатано въ журн. „Вольное Слово“ № 9, 1881 г.)

„Московскія Вѣдомости“ отличились надняхъ новымъ, очевидно преднамѣреннымъ искаженіемъ фактовъ. Въ № 253 читаемъ:

„Издаваемая въ Женевѣ подъ редакціей Драгоманова газета „Вольное Слово“ нашла себѣ покровителей въ нѣкоторыхъ вѣнскихъ газетахъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ „Presse“ мы находимъ содержаніе статьи, помѣщенной въ „Вольномъ Словѣ“ отъ имени многихъ соумышленниковъ какимъ-то польскимъ эмигрантомъ, ратующимъ за примиреніе русскаго народа съ поляками. Планъ примиренія, предложенный женевскою газетой, заключается въ томъ, чтобы стереть съ лица земли Россію и основать какое-то „польско-русское государство“, осчастливленное, конечно, парламентомъ, въ которомъ оба языка, русскій и польскій, были бы равноправны. Что касается оффиціальнаго языка, то онъ долженъ-де сообразоваться съ желаніемъ большинства населенія въ каждомъ отдѣльномъ округѣ или общинѣ. Если русское правительство согласится на предложенныя польскими эмигрантами условія примиренія, то они со своей стороны великодушно обѣщаютъ присоединить къ новосозданному государству всѣхъ поляковъ безъ исключенія.“

Зачѣмъ редактору „Московскихъ Вѣдомостей“ потребовалась ссылка на вѣнскую „Presse“ — не понимаемъ. Будто ему вдиковину печатать завѣдомую ложь прямо отъ себя! Провѣрить же ложь вѣнской „Presse“ и не повторить ее въ своей газетѣ редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей“ имѣлъ полную возможность, такъ какъ „Вольное Слово“ ему посылается, и мы не думаемъ, чтобы полиція сочла отечество въ опасности, если нашу газету будетъ читать мужъ такой засвидѣтельствованной передъ всѣмъ міромъ благонамѣренности, какою со временъ польскаго возстанія неизмѣнно отличался статск. сов. Катковъ.

Мы печатаемъ открытое письмо къ редактору „Московскихъ Вѣдомостей“ нашего уважаемаго сотрудника М. П. Драгоманова Г. Катковъ можетъ напечатать его въ своей газетѣ, такъ какъ въ немъ не заключается ничего противоцензурнаго, если только тому не противится своеобразная цензура совѣсти московскаго публициста.

Вотъ это письмо:

Милостивый Государь!

Въ № 253 Вашей газеты я встрѣтилъ извѣстіе, будто я состою редакторомъ издаваемой въ Женевѣ газеты „Вольное Слово“ и будто эта газета предложила „планъ примиренія русскаго народа съ поляками“, состоящій въ томъ, чтобы стереть съ лица

земли Россію и основать какое-то „польско-русское государство“ и проч. Спѣшу предупредить Васъ, что Вы были введены въ заблужденіе источникомъ, изъ котораго Вы почерпнули это извѣстіе, и въ свою очередь ввели въ заблужденіе Вашихъ читателей, и надѣюсь, что Вы помѣстите настоящее письмо, которое разсѣетъ это заблужденіе.

Прежде всего я вовсе не состою редакторомъ газеты „Вольное Слово“ и неоднократно имѣлъ случай заявить, что я не издаю никакого журнала, кромѣ украинскаго сборника „Громада“ съ приложеніями къ нему, каковыя мои изданія, какъ равно и всѣ свои политическія статьи въ другихъ изданіяхъ, я всегда подписываю своимъ именемъ.[1] Газета же „Вольное Слово“ есть изданіе анонимное. Потомъ, въ этой газетѣ точно было напечатано письмо поляка г. Дескура съ идеями, похожими на тѣ, которыя изложены въ Вашей замѣткѣ, но редакція „Вольнаго Слова“ предпослала письму этому свои возраженія, въ которыхъ признала предлагаемый великорусско-польскій дуализмъ совершенно не подходящимъ къ интересамъ населеній Россіи, среди которыхъ есть и другія племена, кромѣ великоруссовъ и поляковъ, напр. въ области бывшей Польши: литвины, бѣлоруссы, украинцы. Затѣмъ въ газетѣ „Вольное Слово“ печатается рядъ моихъ статей подъ заглавіемъ „Историческая Польша и великорусская демократія“, которыя именно направлены противъ всякой исключительности, какъ польской, такъ и великорусской, какъ централистическаго, такъ и сепаратистическаго и дуалистическаго характера, и имѣютъ цѣлью доказать, что интересамъ населеній Россіи соотвѣтствуетъ только федеративное ея устройство съ признаніемъ равноправности всѣхъ племенъ ея обитателей.

Какова бы ни была въ Вашихъ глазахъ степень основательности такихъ моихъ мнѣній, которыя я провожу во всѣхъ моихъ публикаціяхъ, я увѣренъ, Вы согласитесь, что я въ правѣ желать нести отвѣтственность передъ публикою только за тѣ изданія и мнѣнія, какія дѣйствительно мнѣ принадлежатъ, а не за тѣ, какія кому-либо угодно будетъ мнѣ приписать.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи.

Женева, 2 октября 1881 г. М. Драгомановъ.

P. S. Покорно прошу тѣ изданія, которыя перепечатали замѣтку „Московскихъ Вѣдомостей“, перепечатать и настоящую мою поправку.

[1] Въ виду этого заявленія М. П. Драгоманова, высказаннаго не разъ и въ напечатанныхъ выше сочиненіяхъ, считаемъ нужнымъ отмѣтить, что нѣкоторыя изъ печатаемыхъ ниже статей и замѣтокъ изъ „Вольнаго Слова“ подписаны лишь инициалами М. Д. или совсѣмъ не подписаны. Принадлежность ихъ Драгоманову однако не подлежитъ сомнѣнію, неполная же подпись или отсутствіе ея объясняется тѣмъ, что самъ авторъ не придавалъ имъ политическаго значенія. Главнымъ источникомъ для подтвержденія принадлежности той или другой статьи или замѣтки Драгоманову служилъ намъ списокъ его сочиненій, составленный М. Павликомъ. См. М. Павликъ, „Михайло Петрович Драгоманов 1841—1895. Его юбилей, смерть, автобіографія і спис творів“. Львів, 1896. Свидѣтельство М. Павлика особенно цѣнно для насъ потому, что онъ ближайшій сотрудникъ М. П. Драгоманова. Прим. ред.

Нѣчто о чистотѣ средствъ

по поводу новаго заявленія „Исполнительнаго Комитета“.

(Первоначально напечатано въ журналѣ „Вольное Слово“ № 21, 1882 г.)

Иностранныя газеты передаютъ текстъ новой прокламаціи русскаго революціоннаго „исполнительнаго комитета“. Наиболѣе интереса въ ней представляютъ слѣдующія слова (въ переводѣ съ французскаго):

„Принимая во вниманіе распространенные нѣкоторыми лицами въ обществѣ слухи о томъ, что 300 000 р., похищенные изъ капиталовъ, принадлежащихъ „Воспитательному Дому“ въ Москвѣ, были переданы партіи „Народной Воли“, исполнительный комитетъ считаетъ долгомъ заявить разъ навсегда слѣдующее: по его принципамъ, партія не допускаетъ другихъ конфискацій, кромѣ капиталовъ, принадлежащихъ правительству.

„Что касается захвата денегъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ и особенно человѣколюбивымъ общественнымъ учрежденіямъ, то онъ столько же противенъ нашимъ принципамъ, сколько и обыченъ у царскихъ чиновниковъ.

„Мы повторяемъ еще разъ, что исполнительный комитетъ никогда не принималъ и не приметъ никогда денегъ изъ подобнаго источника.“

Заявленіе это, — послѣ заявленія, сдѣланнаго по поводу смерти Гарфильда, въ осужденіе политическаго убійства въ странахъ, пользующихся политической свободой, и въ осужденіе „деспотизма партій, наравнѣ съ деспотизмомъ лицъ“, — представляетъ

новый шагъ „исполнительнаго комитета“ въ направленіи, которое выражается девизомъ: „чистое дѣло требуетъ чистыхъ средствъ“. Оба эти заявленія необходимы были въ особенности въ виду дѣйствій и словъ „услужливыхъ“ друзей революціи, которые по неразвитости или испорченности переносили въ революціонное дѣло всю неразборчивость „стараго общества“, отъ поповской нетерпимости и іезуитской морали до самыхъ низменныхъ привычекъ и инстинктовъ той среды, изъ которой они вышли, и тѣмъ сильно вредили репутаціи дѣйствительныхъ революціонеровъ. Теперь вышеупомянутыя заявленія опредѣлили разстояніе между этими революціонерами и ихъ „услужливыми друзьями“.

Но въ послѣднемъ заявленіи есть всетаки одинъ пунктъ, по меньшей мѣрѣ, темный. Партія „Народной Воли“ сохраняетъ за собою право „конфисковать капиталы, принадлежащіе правительству“. Что разумѣть подъ такими капиталами? Казначейства или также и почты? (Спрашиваемъ о послѣднемъ, такъ какъ предъидущіе процессы нѣкоторыхъ лицъ, причислявшихъ себя къ русскимъ революціонерамъ, даютъ на то основаніе.) Что значитъ „конфисковать“? Отнимать ли только силою, явно, или также похищать и тайно; и въ томъ, и другомъ случаѣ съ убіеніемъ ли лицъ, которымъ ввѣрена охрана казеннаго имущества, напримѣръ, почталіона, часового, чиновника и т. п.? (Спрашиваемъ опять на основаніи бывшихъ процессовъ.) Всѣ эти, повидимому, второстепенные оттѣнки сильно видоизмѣняютъ нравственный колоритъ дѣйствій и по существу, и по впечатлѣнію на общество, которое даже и въ обыкновенныхъ преступленіяхъ относится иногда даже сочувственно къ разбою, но всегда презираетъ воровство.

Признаемся, впрочемъ, что опредѣлить заранѣе степень государственности многихъ имуществъ, а равно и простительныя (не говоримъ дозволительныя) формы конфискаціи (кромѣ общей конфискаціи всѣхъ частныхъ имуществъ) довольно трудно. Вотъ почему, по нашему мнѣнію, гораздо проще держаться ригорознымъ образомъ теоріи полнаго отрицанія всякаго

присвоенія чужой собственности. Обращеніе къ такой теоріи со стороны „исполнительнаго комитета“ было бы тѣмъ резоннѣе, что собственно сохраненное имъ за собою право конфискаціи правительственныхъ капиталовъ есть право совершенно идеальное, которымъ на практикѣ врядъ-ли ему придется воспользоваться. А, между тѣмъ, царскіе чиновники, всегда охочіе до конфискаціи государственныхъ имуществъ, въ послѣднее время особенно старательно принялись за нее, и есть надежда, что по мѣрѣ роста дезорганизаціи правительства въ Россіи, примутся еще старательнѣе. Пусть эти чиновники потопятъ въ грязи послѣдній престижъ государства, а революціонеры пусть останутся съ безупречной репутаціей. Узко-практическимъ людямъ чистота принципа кажется иногда донкихотствомъ, но въ концѣ концовъ побѣждаетъ всетаки принципъ, — нарушеніе же его имѣетъ свойство „со ступеньки на ступеньку“ заводить даже и чистыхъ людей туда, куда они сначала и сами не думали идти, и, кромѣ того, развязываетъ дурные инстинкты людей нечистыхъ, отъ которыхъ никакая группа застрахована быть не можетъ и которые тѣмъ скорѣе пристанутъ къ группѣ, чѣмъ болѣе она допуститъ возможность нарушенія основныхъ, объективныхъ принциповъ нравственности во имя партійныхъ соображеній, — всегда субъективныхъ.

P. S. При случаѣ позволимъ себѣ маленькое замѣчаніе. Въ № 19 „Вольнаго Слова“ 1881 года г. Аксельродъ сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Нѣкоторыхъ, въ томъ числѣ и М. П. Драгоманова, пріятно поразило заявленіе „исполнительнаго комитета“ по поводу убійства Гарфильда. Меня лично, какъ и всякаго, слѣдившаго безъ предубѣжденія (курсивъ нашъ) за изданіями „Народной Воли“ и заявленіями „террористовъ“ на процессахъ, заявленіе „исполнительнаго комитета“ нисколько не удивило.“ Къ сказанному тамъ же редакціей „Вольнаго Слова“, по поводу этихъ словъ г. Аксельрода, мы позволимъ себѣ прибавить, что еще въ апрѣлѣ 1881 г. мы, имѣя въ виду болтовню озлобленныхъ враговъ и „услужливыхъ друзей“ русскихъ революціонеровъ въ за-

граничной печати, написали въ брошюрѣ: „Le tyrannicide en Russie et l'action de l'Europe Occidentale", на стр. 11, прим. 1, слѣдующее: „Что касается до настоящихъ русскихъ террористовъ, то мы можемъ самымъ положительнымъ образомъ утверждать, что многіе изъ нихъ держатся мнѣнія, что политическія убійства вполнѣ излишни и безполезны въ государствахъ, гдѣ граждане пользуются политической свободой." [1]

[1] Ср. выше стр. 359 нашего изданія. Прим. ред.

Нравственность и мужество въ обвиненіяхъ въ шпіонствѣ.

(Первопачально напечатано въ журналѣ „Вольное Слово“ № 22, 1882 г.)

Въ 45 № „Общаго Дѣла“ помѣщена статья г. В. З. „Теоретическія основанія суда надъ шпіонами“.[1] Статья эта раздѣляется на двѣ части: на теоретическую замѣтку о данномъ предметѣ и на постъ-скриптумъ, очевидно, практическаго характера. Постскриптумъ этотъ, оканчивающійся заявленіемъ, что „Вольное Слово“ есть органъ гг. Игнатьева, Божидаровича и Драгоманова могъ бы производить вполнѣ соотвѣтственное текущимъ святочнымъ днямъ впечатлѣніе балаганнаго дивертисмента, если бы въ немъ не было повторенія доноса, сдѣланнаго восхваляющею политику графа Игнатьева газетою г. Суворина, доноса на г. Божидаровича никому другому, какъ тому же графу Игнатьеву.

Но теоретическая половина замѣтки г. В. З. затрагиваетъ вопросъ, во всякомъ случаѣ не лишенный интереса при настоящемъ печальномъ положеніи Россіи и россіянъ за границею, а потому, разъ онъ поднятъ, мы думаемъ, что не безполезно будетъ услышать о немъ мнѣнія съ разныхъ сторонъ. Сущность мнѣнія г. В. З. резюмирована въ слѣдующихъ словахъ:

„Всякій не только революціонеръ, но просто честный человѣкъ, заподозривъ лицо въ шпіонствѣ, не только имѣетъ право, но и прямую обязанность высказать открыто это подозрѣніе, хотя бы съ рискомъ обвинить невиннаго. Опасность повредить одному лицу совершенно исчезаетъ передъ рискомъ сдѣлаться сообщникомъ гибели сотни людей,

[1] Статья эта, какъ и всѣ статьи въ „Общемъ Дѣлѣ“, подписанныя иниціалами В. З., а также цѣлый рядъ памфлетовъ, подписанныхъ различными псевдонимами или совсѣмъ не подписанныхъ, принадлежатъ перу Вареоломея Александровича Зайцева (род. въ 1842 г., ум. въ 1882 г.). Ср. „Освобожденіе“, Книга первая, статья Христофорова „Общее Дѣло“; его же, Некрологъ В. А. Зайцева, „Общее Дѣло“, № 47, и „Библіотека біографій выдающихся русскихъ революціонеровъ“, Вып. 1, В. А. Зайцевъ. Отмѣтить это особенно важно во избѣжаніе недоразумѣній, такъ какъ иниціалы В. З. принадлежатъ и другому лицу, теперь гораздо болѣе извѣстному и принимающему болѣе активное участіе въ русскомъ революціонномъ движеніи. Но и заслуги В. А. Зайцева передъ русскимъ освободительнымъ движеніемъ велики, и собраніе его политическихъ сочиненій представляло бы не только историческій интересъ. Прим. ред.

составляющихъ „соль земли“. Разумѣется, не должно возводить обвиненій легкомысленно; надо имѣть для этого полное нравственное убѣжденіе; оно назрѣваетъ само собой и помимо нашей воли; но разъ почувствовавъ его, надо имѣть мужество высказать его громко, не ожидая никакихъ уликъ, такъ какъ ихъ въ этомъ дѣлѣ быть не можетъ. Кто отступаетъ передъ этимъ, тотъ обременяетъ свою совѣсть гораздо худшимъ укоромъ, чѣмъ еслибы безпрекословно допустилъ друга играть съ человѣкомъ, котораго подозрѣваетъ въ шулерствѣ. И пусть онъ не оправдывается софизмами, пусть не говоритъ, что не рѣшается безъ уликъ заклеймить человѣка позорнѣйшимъ обвиненіемъ: его истинный мотивъ — трусость и малодушіе.“

Мы не станемъ доказывать необходимости и возможности объективной процедуры и въ обвинительномъ процессѣ по поводу подозрѣнія въ шпіонствѣ, т. е. въ преступленіи столь тяжкомъ, что оно карается своего рода гражданской смертью, безчестіемъ, а иногда даже и физическою смертью, а потому требующемъ и весьма серьезнаго разслѣдованія. Мы попробуемъ стать вполнѣ на точку зрѣнія субъективнаго процесса, рекомендуемую г. В. З., которая дѣйствительно въ экстренныхъ случаяхъ бываетъ единственно возможною, но поднимемъ вопросъ не о достаточности для того или другого субъекта тѣхъ или другихъ основаній для суда надъ шпіонами, а объ тѣхъ требованіяхъ, какія нравственно развитое общество должно предъявить и къ самимъ обвинителямъ шпіоновъ.

Во всякой субъективной процедурѣ все зависитъ именно отъ дѣйствующаго субъекта. Самъ г. В. З., даже заявляя, что всякій, заподозрѣвшій другого въ шпіонствѣ, обязанъ высказать свое подозрѣніе, „хотя бы съ рискомъ обвинить невиннаго“, прибавляетъ однакожъ: „разумѣется, не должно возводить обвиненій легкомысленно“. Очевидно, что человѣкъ нелегкомысленный поступитъ согласно послѣднему наставленію г. В. З., а человѣкъ легкомысленный поступитъ по своему легкомыслію, равно какъ субъектъ нравственно развитой употребитъ нравственные способы для своего „полнаго нравственнаго убѣжденія“ въ винѣ другого, а субъектъ испорченный или нравственно-неразвитой прибѣгнетъ и къ соотвѣтственнымъ способамъ. Тутъ то и нужно, чтобъ судьею и надъ заподозрѣннымъ, и надъ обвинителемъ было нравственно развитое общество, въ интересахъ котораго производится и самый процессъ обвиненія.

Вотъ именно нравственно развитое общество и должно не только требовать нелегкомысленности обвиненій, но также не одобрять и примѣшиванія къ слѣдствію надъ предпола-

гаемымъ шпіономъ личныхъ и въ частности своекорыстныхъ цѣлей, а также употребленія, для уличенія заподозрѣнныхъ въ шпіонствѣ, шпіонскихъ же средствъ, особенно такихъ, какъ подставка лицъ, провокація, опаиваніе, кража бумагъ и т. п., потому, между прочимъ, что эти средства могутъ вести просто къ частному шантажу, а иногда, когда слѣдствіе попадетъ на болтуна, а не на дѣйствительнаго шпіона, то и къ доносу именно правительству. Въ эту же категорію недозволительныхъ шпіонскихъ дѣйствій должно быть отнесено и раскрытіе литературныхъ анонимовъ и псевдонимовъ, подъ предлогомъ усерднаго разоблаченія правительственныхъ агентовъ и укрывателей шпіоновъ, такъ какъ такое раскрытіе можетъ легко обратиться въ орудіе лавочной борьбы посредствомъ новой формы доносовъ правительству же, которому писанія этихъ анонимовъ и псевдонимовъ не могутъ нравиться. Затѣмъ общество должно требовать отъ обличителей шпіоновъ, чтобы они высказывали свои подозрѣнія, а особенно обвиненія, именно „открыто и мужественно“, подкрѣпляя свои обвиненія своими именами, и если обвиненіе переходитъ въ печать, то своими именными подписями.

Въ случаяхъ совершенно экстренныхъ, однихъ такихъ открытыхъ и мужественныхъ личныхъ заявленій со стороны людей, къ которымъ общество можетъ имѣть довѣріе, совершенно достаточно, если не для обвиненія лица, то для предостереженія общества. Въ случаяхъ же не такъ экстренныхъ обычаи цивилизованныхъ людей, между прочимъ и французовъ, на которыхъ ссылается г. В. З., выработали третейскіе суды, которые, внимательно разобравъ дѣло, публикуютъ свои рѣшенія и съ поименованіемъ и свидѣтелей, и самихъ себя, какъ судей. Отступленіе же отъ подобнаго открытаго и единственно мужественнаго способа обвиненія, напримѣръ, сокрытіе обвинителей за анонимы, за безыменныя коллективности и за ихъ ничего не утверждающихъ и безотвѣтственныхъ секретарей, при дозволеніи употреблять, на слѣдствіи противъ подозрѣваемыхъ шпіоновъ, средства шпіонскія же и безнравственныя, угрожаетъ образовать даже около самой кристаллической „соли земли“ такую грязь, въ которой не различишь, гдѣ оканчивается прокуроръ свободы, а гдѣ начинается шулеръ, и гдѣ оканчивается шпіонство революціонное, а гдѣ начинается правительственное. Грязь эта, конечно, не послужитъ ни къ пользѣ, ни къ украшенію ни земли обыкновенной, ни „соли земли“.

Эмигранты и революціонныя дѣйствія въ Россіи.

(Первоначально напечатано въ журналѣ „Вольное Слово“ № 23, 1882 г.)

Съ нѣкотораго времени въ итальянскомъ журналѣ „Il Pungolo“ напечатанъ рядъ статей подъ заглавіемъ „La Russia Sotterranea“ (Подпольная Россія)[1]. Статьи эти, обнаруживающія въ авторѣ близкое знакомство съ дѣломъ, посвящены характеристикѣ революціоннаго движенія въ Россіи съ 70-хъ годовъ и его важнѣйшихъ дѣятелей. До сихъ поръ явилось 7 статей, изъ которыхъ первыя имѣютъ въ виду общую характеристику движенія, сначала пропагандистскаго, а потомъ такъ называемаго террористическаго, а дальнѣйшія даютъ портреты личностей: Якова Стефановича, Валеріана Осинскаго, Дмитрія Клеменца и пр. Седьмая статья посвящена г. Петру Кропоткину и заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, любопытный и, по нашему мнѣнію, вполнѣ вѣрный отзывъ объ отношеніи эмиграціи къ революціонной дѣятельности въ Россіи въ настоящее время:

„Кропоткинъ, говорится тамъ, вовсе не есть „глава нигилизма“, какъ его зовутъ во всей Европѣ. Онъ не имѣетъ ни малѣйшаго вліянія на новѣйшее революціонное движеніе, ни литературнаго, потому что, будучи за границею, пишетъ только по французски, ни личнаго, потому что въ настоящее время извѣстенъ въ Россіи только по имени. Какъ бы это ни показалось страннымъ читателю, но этотъ фактъ есть послѣдствіе другого: Кропоткинъ — эмигрантъ, а всѣ русскіе политическіе эмигранты, которые находятся теперь въ разныхъ городахъ Европы, какъ каждый порознь, такъ и въ цѣломъ, не имѣютъ ни малѣйшаго вліянія на русское движеніе.“

Причинъ этому явленію авторъ указываетъ двѣ: отдаленность Россіи отъ Швейцаріи, Франціи и Англіи, въ которыхъ сосредоточены русскіе эмигранты (Германіи и Австріи они не довѣряются) и характеръ новѣйшаго русскаго революціоннаго движенія. „Въ Россіи, говоритъ авторъ, борьба ведется не въ области мысли, какъ пять лѣтъ тому назадъ, это борьба вооруженною рукою“, и въ такой борьбѣ

[1] Извѣстные очерки С. Степняка (Кравчинскаго), которые были изданы впослѣдствіи и на русскомъ языкѣ отдѣльной книгой подъ тѣмъ же заглавіемъ. Прим. ред.

участіе эмигрантовъ и даже заблаговременное знаніе ими замысловъ революціонеровъ — чистая безсмыслица. По свидѣтельству автора, напримѣръ, извѣстіе объ убіеніи Александра II было для эмигрантовъ такимъ же сюрпризомъ, какъ и для всѣхъ другихъ. „Политическое вліяніе русской эмиграціи, говоритъ авторъ статей въ „Il Pungolo“, въ настоящую минуту, сводится такимъ образомъ къ абсолютному нулю. Заграница — это мѣсто покоя, островокъ, куда пристаютъ всѣ, чью барку разбили или попортили страшныя волны. Пока эта барка не починена и не направлена опять къ роднымъ берегамъ, эмигранты ничто иное, какъ бѣдняги, потерпѣвшіе кораблекрушеніе, которые, можетъ быть, будутъ когда-нибудь опять сильны, но пока не имѣютъ ничего дѣлать, какъ стоять со скрещенными руками, смотря глазами зависти на страну, гдѣ идетъ борьба, гдѣ умираютъ или побѣждаютъ, между тѣмъ какъ они, печальные и безпомощные, задыхаются въ вынужденномъ бездѣйствіи, чужіе ко всему въ чужомъ мірѣ.“

Послѣднія слова, впрочемъ, не подходятъ къ г. Кропоткину, такъ какъ онъ принимаетъ участіе, какъ журналистъ, въ европейскомъ соціалистическомъ движеніи. Да и вообще, мы думаемъ, что, при извѣстныхъ условіяхъ, русскіе эмигранты могли бы принимать участіе, хоть литературнымъ образомъ, и въ движеніи въ Россіи, конечно, съ его идейной стороны, если не съ практической. Но, по словамъ автора статей въ „Il Pungolo“, русская эмиграція вообще не имѣетъ никакого вліянія на движеніе въ Россіи. Что касается въ частности до г. Кропоткина, однаго изъ образованнѣйшихъ среди нея людей и, по словамъ автора печатаемыхъ въ „Il Pungolo“ статей, „превосходнаго журналиста“, то по показанію того же автора онъ не написалъ ни строчки ни въ одномъ русскомъ революціонномъ изданіи ни заграницею, ни въ Россіи, потому что „находилъ всегда какой-нибудь пунктъ разногласія въ ихъ программахъ противъ своей ультра-анархической программы“.

Это еще разъ показываетъ, какъ мало даже практическихъ основаній имѣло швейцарское правительство уступать давленію правительства русскаго и удалять г. Кропоткина изъ Швейцаріи, даже не прибѣгнувъ къ суду, какъ оно все-таки поступило въ дѣлѣ французскаго эмигранта Брусса и газеты „L'Avantgarde“. Впрочемъ, съ русскими вообще, даже и съ не-эмигрантами, иностранныя правительства не церемонятся и, конечно, не станутъ церемониться, пока въ самой Россіи правительство не сдѣлается хоть сколько-нибудь менѣе безцеремоннымъ съ своими подданными.

М. А. Бакунинъ о правдѣ и нравственности въ революціи.

(Первоначально напечатано въ журналѣ „Вольное Слово“ № 26, 1882 г.)

Личность Бакунина оставила по себѣ замѣтный слѣдъ на революціонномъ федерально-соціальномъ движеніи въ Европѣ, особенно въ странахъ романскихъ и славянскихъ. А между тѣмъ мы до сихъ поръ не имѣемъ ни сколько-нибудь полной біографіи его, ни даже вѣрной характеристики.[1] Это обстоятельство имѣетъ между прочимъ ту невыгоду, что оно позволяетъ всякому толковать о Бакунинѣ вкривь и вкось, и пользоваться его именемъ и отрывками изъ его сочиненій для разныхъ субъективныхъ цѣлей. Послѣднее дѣлаютъ особенно императорскіе прокуроры въ Россіи, а также публицисты враждебныхъ федеральному соціализму направленій отъ консерваторовъ и до соціалистовъ централистовъ.

Въ прошломъ году появилась книга извѣстнаго бельгійскаго публициста Эмиля де Лавеле (de Laveley) о „Современномъ соціализмѣ“ (Le socialisme contemporain), въ которой цѣлая глава посвящена Бакунину, какъ „апостолу всеобщаго разрушенія“. Между прочимъ этому „апостолу“ вмѣняются совершенно іезуитскія идеи о дозволенности всѣхъ средствъ для цѣлей революціи. Въ числѣ доказательствъ такого вмѣненія бельгійскій публицистъ цитируетъ отрывки изъ „Революціоннаго катехизиса“, читаннаго во время Нечаевскаго процесса и будто бы писаннаго Бакунинымъ, со словами вродѣ слѣдующихъ: „революціонеръ презираетъ и ненавидитъ теперешнюю нравственность. Для него все нравственно, что благопріятствуетъ успѣху революціи, и все безнравственно и преступно, что ее задерживаетъ. Въ обществѣ революціонеръ долженъ показывать себя не тѣмъ, что онъ есть“ и т. п.

[1] Много лѣтъ спустя М. П. Драгомановъ самъ написалъ опытъ біографіи М. А. Бакунина. Ср. „Письма М. А. Бакунина къ А. И. Герцену и Н. П. Огареву“ съ приложеніемъ его памфлетовъ, біографическимъ введеніемъ и объяснительными примѣчаніями М. П. Драгоманова. Женева. Украинская типографія. 1896 г. Эта книга печаталась еще при жизни Драгоманова, но вышла уже послѣ его смерти.

Прим. ред.

Изъ русскихъ газетъ узнаемъ мы, что книга Лавеле переводится и на русскій языкъ. Такимъ образомъ представленія о Бакунинѣ, распространяемыя преимущественно царскими прокурорами, найдутъ себѣ поддержку въ Россіи и въ книгѣ публициста, извѣстнаго за человѣка либеральнаго и даже сочувственно относящагося къ общинной собственности.

Въ виду этого, мы считаемъ небезполезнымъ привести двѣ выдержки изъ писаній Бакунина, одного печатнаго, а другого рукописнаго, изъ коихъ послѣднее передано намъ лицомъ, состоявшимъ съ нимъ въ послѣднее время его жизни въ близкихъ отношеніяхъ.

На страницѣ 13 прибавленія А къ книгѣ „Государственность и анархія“ (въ 1873 г.) Бакунинъ говоритъ:

„Народа никогда и ни подъ какимъ предлогомъ и для какой бы то ни было цѣли обманывать не слѣдуетъ. Это было бы не только преступно, но и въ видахъ достиженія революціоннаго дѣла вредно; вредно уже потому, что всякій обманъ по существу своему близорукъ, мелокъ, тѣсенъ, всегда шитъ бѣлыми и гнилыми нитками, вслѣдствіе чего непремѣнно обрывается и раскрывается, и для самой революціонной молодежи самое ложное, самопроизвольное, самодурное и народу противное направленіе. Человѣкъ силенъ только тогда, когда онъ весь стоитъ на своей правдѣ, когда онъ говоритъ и дѣйствуетъ сообразно своимъ глубочайшимъ убѣжденіямъ. Тогда въ какомъ бы положеніи онъ ни былъ, онъ всегда знаетъ, что ему надо говорить и дѣлать. Онъ можетъ пасть, но осрамиться и осрамить своего дѣла не можетъ. Если мы будемъ стремиться къ освобожденію народа путемъ лжи, мы непремѣнно запутаемся, собьемся съ пути, потеряемъ изъ виду самую цѣль, и если будемъ имѣть хотя какое-нибудь вліяніе на народъ, собьемъ съ пути и самый народъ, т. е. будемъ дѣйствовать въ смыслѣ и на пользу реакціи.“

Въ письмѣ къ одному русскому революціонеру, одно время стоявшему близко къ Бакунину, послѣдній писалъ между прочимъ:

„Въ сношеніяхъ съ людьми новыми, съ которыми ты найдешь возможнымъ и полезнымъ связаться, постарайся внести столько правды, искренности и сердца, сколько твоя природа позволитъ... на іезуитскомъ мошенничествѣ ничего живаго, крѣпкаго не построишь... революціонная дѣятельность, ради самаго успѣха своего дѣла, должна искать опоры не въ подлыхъ и низкихъ страстяхъ... безъ высшаго, разумѣется, человѣческаго идеала, никогда революція не восторжествуетъ“...

Обаятельность энергіи.

(Первоначально напечатано въ журналѣ „Вольное Слово“, № 34, 1882 г.)

Читатели „Вольнаго Слова“ найдутъ въ настоящемъ № „Послѣднее слово Н. В. Суханова на судѣ“, а также нѣкоторыя данныя для оцѣнки значенія новаго произшедшаго въ Одессѣ политическаго убійства военнаго прокурора Стрѣльникова. Какъ это слово, такъ и это убійство заставляютъ сильно призадуматься надъ теперешнимъ положеніемъ дѣлъ въ Россіи и ближайшимъ ея будущимъ.

О словѣ Суханова уже въ свое время было сообщено, что оно произвело сильное впечатлѣніе на всѣхъ, слышавшихъ его, не исключая и судей. И это понятно. Не пускаясь въ абстракціи и не переходя въ проповѣдь, стоя на почвѣ фактовъ, непосредственно касающихся его личности, не только признавая себя виновнымъ по закону, но даже признавая дѣйствія, за которыя онъ судился, вполнѣ ненормальными съ точки зрѣнія нравственной, Сухановъ въ то же время показалъ, какъ существующій политическій строй въ Россіи фатально привелъ его на скамью подсудимыхъ и съ полной основательностью предсказалъ судьямъ возможность видѣть на этой скамьѣ ихъ собственныхъ дѣтей. Если бы всѣ, судившіеся въ послѣдніе годы въ Россіи за политическія преступленія, произнесли по рѣчи въ такомъ родѣ, то значеніе существующаго въ Россіи политическаго строя было бы выставлено съ большею яркостью, чѣмъ это можетъ быть сдѣлано тысячью восклицаній, протестовъ, прокламацій и передовыхъ статей революціонныхъ журналовъ, и поучительность для публики самихъ тѣхъ „революціонныхъ актовъ“,

по поводу которыхъ происходили въ послѣднее время политическіе процессы, была бы безмѣрно большая, чѣмъ теперь.

Но въ словѣ Суханова есть еще одна сторона, оставленная имъ самимъ въ тѣни, но тѣмъ не менѣе чрезвычайно важная. Изъ его разсказа о своихъ испытаніяхъ вы видите ясно, что онъ не могъ остаться „вѣрноподданнымъ офицеромъ“. Но почему же онъ присталъ къ такъ называемой партіи террористовъ? Сухановъ сказалъ, что онъ изучалъ соціальный вопросъ; въ числѣ явленій, его возмущавшихъ, была и „эксплуатація народа“. Но конечно, Сухановъ не могъ не видѣть, что между убіеніемъ царя и освобожденіемъ чернорабочихъ массъ отъ эксплуатаціи — большое разстояніе. Какъ человѣкъ, изучавшій политико-соціальные вопросы, Сухановъ врядъ ли могъ быть прельщенъ и отрывистыми и противорѣчивыми программами партіи, которыя публиковались въ „Землѣ и Волѣ“ и „Народной Волѣ“. Вообще всякій, кто, не будучи напередъ подкупленъ чувствами товарищества, прочтетъ эти программы и другіе манифесты партіи, тотъ, конечно, найдетъ политическіе планы ихъ авторовъ для ближайшаго будущаго довольно неясными, а то, что въ нихъ яснѣе обрисовывается, передачу власти въ руки всероссійскаго учредительнаго собранія, сочтетъ, конечно, планомъ довольно узкимъ. Видимое отвращеніе авторовъ вышеупомянутыхъ программъ и манифестовъ отъ идей федеральныхъ, или боязнь заявить ихъ, а также пробивающіяся сквозь всѣ либеральныя и даже анархическія фразы государственныя тенденціи въ стилѣ французскаго якобинства не даютъ основанія ожидать, чтобы, если бы какимъ нибудь образомъ правительственная власть „на худой конецъ“ попала отъ царя съ его министрами въ руки „исполнительнаго комитета“ съ его „агентами“, то чтобы различныя населенія Россіи очень много выиграли отъ этого по части умѣлости правителей, а равно и по части простора личной, общественной и мѣстной свободы. Въ довершеніе, люди, во всякомъ случаѣ бывалые, въ родѣ Суханова, врядъ ли могутъ и обольщаться на-

деждами, какъ на возможность соціально-демократическаго большинства въ россійскомъ учредительномъ собраніи, такъ и на возможность превращенія „исполнительнаго комитета р. с. р. партіи“ въ „временное правительство“ Россійской ... право, не знаемъ, какъ сказать, республики или народнической монархіи.

И однакожъ, разочаровавшись во всѣхъ видахъ легальной дѣятельности, Сухановъ присталъ прямо къ такъ называемой террористической партіи. Что же привлекло его къ этой партіи? — Конечно, ни что другое, какъ ея энергія! Ея дѣятельная борьба съ опротивѣвшимъ Суханову политическимъ строемъ, борьба, хоть поверхностная, такъ сказать, личная, но все же борьба непрестанная, наглядная и осязательная! Мало того: единственная въ Россіи энергическая борьба!

Вотъ что привлекло въ Россіи столь многихъ къ такъ называемому „терроризму“, т. е. къ политическимъ убійствамъ, предпринятымъ сначала чисто рефлективно или какъ месть, но потомъ возведеннымъ въ систему за приложеніе которой взялась цѣлая партія. Казни, которыя повели за собою эти убійства, усилили обаяніе этой партіи. Каждый казненный „мученикъ“ партіи привлекалъ на замѣнъ себя нѣсколько кандидатовъ. Около именъ мучениковъ создался цѣлый религіозный культъ, благодаря которому партія вся, всецѣло, съ своими сильными, какъ и слабыми сторонами, покрылась ореоломъ святости.

На дняхъ мы получили письмо изъ Россіи отъ одного изъ нашихъ друзей, который раздѣляетъ наши теоретическія возраженія противъ доктринъ „партіи Народной Воли“, сведенныя между прочимъ, въ XI, XIII и XIV главахъ статей нашихъ „Историческая Польша и Великорусская демократія“, но который тѣмъ не менѣе опасается, какъ бы высказываніе этихъ возраженій теперь не послужило во вредъ тѣмъ федеральнымъ стремленіямъ, которыя намъ обоимъ присущи. „Теперь всѣ желаютъ во чтобы то ни стало конституціи и болѣе всего надѣются въ этомъ отношеніи на исполнительный комитетъ; теперь всѣ сочувствуютъ „терроризму“, говоритъ нашъ другъ;

всѣхъ[1] привлекли герои этой великой борьбы; порицать ихъ — значитъ возстановлять противъ себя всѣхъ. Личности Перовской, Кибальчича, Суханова окружены ореоломъ славы и теперь даже критиковать ихъ не всякій осмѣливается. Одни эти личности покрываютъ блескомъ и очищаютъ всѣ дѣйствія своей партіи. Значеніе ихъ для положенія всей партіи видно, напр., на относительной слабости „чернопередѣльцевъ“, у которыхъ нѣтъ имъ подобныхъ“.

Это было написано тотчасъ послѣ процесса Суханова. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что казнь его еще болѣе послужитъ къ поднятію обаятельности его имени, а слѣдовательно и силы той партіи, къ которой онъ принадлежалъ.

Сильно должно послужить въ пользу той же партіи и убійство Стрѣльникова, хотя собственно это убійство можетъ быть понято и оправдано и безъ признанія теоріи терроризма. Стрѣльниковъ, человѣкъ антипатичнаго и злого характера, (говоримъ это, между прочимъ, на основаніи показанія лица, знавшаго его еще субалтернъ-офицеромъ, до поступленія его въ военно-юридическую академію, по окончаніи курса въ которой Стрѣльниковъ посвятилъ себя военно-прокурорской карьерѣ) отправлялъ свои обязанности съ злостью и грубостью гончей собаки. На его совѣсти лежатъ и такія дѣла, какъ гибель всей почти семьи Розовскаго, котораго онъ взвелъ на висѣлицу за бездѣлицу. Непосредственно передъ своей смертью Стрѣльниковъ произвелъ массу арестовъ по всему югу и въ самой Одессѣ. Его убійцею могло руководить столько же и непосредственное личное чувство, сколько и доктрина. Убійство совершено въ моментъ, когда Стрѣльниковъ самъ, такъ сказать, заводилъ свой инквизиторскій курокъ, чтобъ стрѣлять въ другихъ, быть можетъ, именно въ убившаго его, или въ его близкихъ. Это не казнь, предписанная трибуналомъ партіи, а самозащита, или самоотверженная защита ближняго отъ убійцы. Такое убійство можетъ и иногда долженъ произвести и

[1] Слово „всѣ“ относится, конечно, къ извѣстной средѣ, преимущественно къ молодежи.

тотъ, кто отвергаетъ въ принципѣ всякія войны и казни, революціонныя, какъ и правительственныя. Иной только, обладающій исключительною высотою натуры, которой не отъ всякаго можно требовать, будетъ имѣть, быть можетъ, на столько силы духа, что не побѣжитъ съ мѣста убійства, а останется на немъ (какъ В. И. Засуличъ), чтобъ придать еще болѣе силы своему подвигу.

Но цѣлая масса людей не станетъ пускаться въ подобныя „тонкія“ соображенія, а поставитъ убіеніе Стрѣльникова въ рядъ другихъ политическихъ убійствъ, въ „интересахъ партіи“, и такъ какъ объ этомъ убіеніи почти не можетъ быть двухъ мнѣній у людей, не стоящихъ безусловно на правительственной сторонѣ, то оно несомнѣнно подниметъ кредитъ и „террористической“ теоріи вообще, т. е. отожествленія внутренней политической борьбы съ войною внѣшнею, да еще нри полной свободѣ отъ всякихъ конвенцій. Между тѣмъ гуманное чувство, которому въ настоящее время противна всякая война, и мысль, развившаяся наблюденіемъ современности и прошлаго разныхъ народовъ до способности возвыситься надъ непосредственными чувствами и интересами лицъ и партій, смотрѣть дальше текущей минуты и понимать явленія общественной жизни въ ихъ совокупности, не можетъ раздѣлять эту теорію и заставляетъ съ ужасомъ глядѣть на будущность той страны, въ которой различные элементы, ретроградные, консервативные, какъ и революціонные, столь настойчиво проповѣдуютъ и практикуютъ теорію исключительныхъ мѣръ и военныхъ положеній. Вѣдь въ основѣ своей эта теорія или совсѣмъ непосредственнаго субъектизма, или же іезуитская теорія оправданія средствъ цѣлью, въ концѣ концовъ приводящая тоже къ полному деспотизму личности. Исторія показываетъ, что долговременная проповѣдь и практика этихъ теорій никакую страну до добра приводить не можетъ. Примѣръ тому Франція. Тамъ, гораздо раньше казни Людовика Капета (XVI), во время комедіи суда надъ которымъ произнесена была знаменитая фраза: „тирановъ не судятъ, а убиваютъ“, подобныя фразы

произносили іезуиты, вооружавшіе Равальяковъ[1]; тамъ, между казнью Людовика Капета и жены его, осужденныхъ революціоннымъ трибуналомъ, Шарлота Корде казнила по собственному суду „друга народа“, Мара; тамъ же потомъ сами революціонныя партіи переказнили другъ у друга всѣхъ наиболѣе искреннихъ людей, послѣ чего безчестные, безцеремонные и утомленные остатки ихъ посадили странѣ на шею Бонапарта I-го, за которымъ общественная деморализація сдѣлала возможнымъ двадцатилѣтнее правленіе Бонапарта III-го.

Россія предъидущею исторіею московскаго и петербургскаго періода еще лучше Франціи приготовлена ко всякаго рода субъективно-деспотическимъ идеямъ и іезуитской морали. Какъ ни коротка здѣсь исторія революціоннаго движенія, а она уже достаточно дала основаній бояться вліянія теоріи „исключительныхъ мѣръ и исключительной нравственности“ на самую революціонную среду и для самого революціоннаго дѣла. Уже въ 1862 г. въ Поволжьи пущенъ былъ подложный манифестъ, возбуждавшій крестьянъ къ бунту отъ имени царя. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ такой же обманъ былъ попробованъ въ Чигиринскомъ уѣздѣ кіевской губерніи. „Земля и Воля“ прославила это дѣло, но недавно читатели „Вольнаго Слова“ могли видѣть свидѣтельство о томъ, какъ глубоко огорчило оно самихъ обманутыхъ крестьянъ (см. въ № 21 письмо о ссыльныхъ въ Сибири) и могутъ судить о томъ, какъ сильно повредило это приложеніе особой, будто бы революціонной нравственности революціонерамъ и въ крестьянской средѣ. Нечего и говорить о томъ, какъ такіе факты должны способствовать усиленію темноты представленій о политическихъ явленіяхъ и безъ того большой въ крестьянскихъ умахъ. Въ русскихъ революціонныхъ кружкахъ не рѣдки примѣры легкаго обращенія съ правдой въ интересахъ минуты: сплошь и рядомъ мы видимъ противорѣчія въ манифестахъ, обращенныхъ людьми одной и той же партіи къ публикѣ въ

[1] По исторіи ученія іезуитовъ о политическихъ убійствахъ рекомендуемъ особенно книгу Labitte „De la démocratie pendant la ligue“.

Россіи, и за границей, къ такъ называемому обществу, и народу, заявленіе однихъ принциповъ въ теоріи и другихъ на практикѣ. И что же? — Какъ послѣдствіе такой легкости отношенія къ принципамъ, видимъ, между прочимъ, потерю ясности положительнаго политическаго сознанія въ самихъ революціонныхъ кругахъ, а затѣмъ неизбѣжное пониженіе требованій отъ личностей революціонныхъ дѣятелей, чѣмъ объясняется существованіе, на ряду съ лицами высокой энергіи, преимущественно, впрочемъ, практической, такого сравнительно большого процента предателей во всѣхъ русскихъ политическихъ процессахъ послѣдняго времени. А сколько можно поцитировать примѣровъ нетерпимости, мелочной грызни между революціонными кружками, интригъ, взаимнаго обмана, клеветъ, истребленій и умышленнаго запрятыванія публикацій, изданныхъ не нашими и т. д. А развѣ не поучительно, что тотъ же самый Гольденбергъ, который по принципу убилъ харьковскаго губернатора, по принципу же, въ качествѣ „соціалиста-народника“, убивалъ „политиковъ-террористовъ“ откровеніями передъ Лорисъ-Меликовымъ? Что же увидѣли бы мы, если бъ хоть какая-нибудь изъ теперешнихъ русскихъ революціонныхъ фракцій дѣйствительно приблизилась къ власти? „Исполнительный комитетъ“ представилъ собою только отдаленное подобіе власти, а уже и теперь въ извѣстныхъ кругахъ мы видимъ признаки своего рода придворныхъ нравовъ: напр., боязнь противорѣчить ему въ чемъ-либо, даже указать ему, для его же пользы, явныя его ошибки, безмолвіе и поддакиванье его централистической государственности со стороны вчерашнихъ федералистовъ и анархистовъ, стремленіе помазаться его славою и т. п., и т. п. Эти же нравы принижаютъ еще болѣе идейную сторону въ русскомъ революціонномъ движеніи, и, мало того, приближаютъ саму революціонную среду къ средѣ оффиціальной, а, слѣдовательно, приближаютъ и тотъ политическій строй, основанію котораго русскіе революціонеры могутъ способствовать, если не сами основать, къ тому строю, который уже существуетъ,

подобно тому какъ это случилось и въ якобинской Франціи.[1]

Но при тѣхъ условіяхъ, въ какія поставлена жизнь образованныхъ людей въ Россіи, всѣ эти и другія подобныя соображенія приходятъ въ голову только при извѣстномъ усиліи надъ собою, котораго не отъ всѣхъ можно и требовать. Когда по краю бѣгаютъ гончія съ доѣзжачими, въ родѣ Стрѣльниковыхъ, и когда среди самаго разгара ихъ охоты чья-нибудь пуля поражаетъ въ затылокъ доѣзжачаго, то естественно, что всѣ начинаютъ рукоплескать этой пулѣ, боготворить руку, ее пославшую, и затѣмъ безъ дальнихъ размышленій принимаютъ символъ вѣры той секты, которая поставитъ героя, совершившаго эту казнь, въ число своихъ святыхъ. Въ такія минуты всякія дальнія размышленія, взгляды по сторонамъ, назадъ и впередъ, въ родѣ вышеизложенныхъ, кажутся огромному большинству недовольныхъ существующимъ строемъ сентиментальностью, непослѣдовательностью, доктринерствомъ и т. п., и благо еще, если не явными контръ-революціонными стремленіями.

Только энергія можетъ конкуррировать съ энергіей!

Только энергическое проявленіе существованія другихъ общественныхъ силъ, радикально разорвавшихъ съ правительствомъ и, въ то же время, представляющихъ начала болѣе положительныя, чѣмъ терроризмъ, и болѣе плодотворныя, чѣмъ якобинскій централизмъ, къ которому онъ служитъ естественнымъ прологомъ

---

[1] Мы сомнѣваемся, чтобы теперешніе русскіе революціонеры сами могли дать изъ себя Дантоновъ, Робеспьеровъ, а тѣмъ больше Талейрановъ, Бокапартовъ и т. д. Но около нихъ очень легко могутъ образоваться другіе круги, которые выступятъ на сцену, когда событія и дѣятельность теперешнихъ революціонеровъ достаточно подкопаютъ теперешнее правительство и династію. Уже и теперь даже въ правящихъ кругахъ общества замѣчаются симптомы появленія честолюбцевъ (на это отчасти намекаетъ замѣтка „Русскіе искатели иностранныхъ троновъ“ въ № 3 „Вольнаго Слова“), недовольныхъ обычной чиновной карьерой, ораторствующіе и публицирующіе генералы, дипломаты, излагающіе виды и намѣренія своихъ „правительственныхъ кружковъ“ и т. п. Со временемъ, при большемъ разложеніи теперешней правительственной машины, всякихъ политиковъ-волонтеровъ станетъ больше, и въ смутное время они, конечно, скорѣе могутъ занять выдающееся положеніе, чѣмъ неизвѣстные разночинцы теперешнихъ революціонныхъ кружковъ. Если жизнь не представитъ имъ преграды въ сколько нибудь прочныхъ учрежденіяхъ, а это возможно только при развитіи мѣстной автономіи, увѣнчанной представительствомъ общимъ, вотъ вамъ и элементы для всякаго рода комитетовъ спасенія, директорій, консулатовъ, имперій, а, можетъ быть, и Діадоховъ, раздѣлившихъ имперію Александра Македонскаго!

или ступенькою, можетъ произвести достаточно сильное впечатлѣніе на общество въ Россіи и подать надежду на болѣе скорый выходъ изъ теперешняго невыноснмаго положенія и на основаніе политическаго строя, обѣщающаго правильное и неустанное движеніе населеній страны впередъ. Такія силы намѣтились уже въ Россіи между такъ называемыми либералами, земцами, разнонаціональными федералистами, общинниками, соціалистами, народниками и т. п. Но всѣмъ имъ недостаетъ энергіи, которая пока видна только у однихъ террористовъ! Если еще нѣкоторое время такое положеніе дѣлъ продержится въ Россіи вмѣстѣ съ существующей правительственной системой, то горькія десятилѣтія предстоятъ всѣмъ обитателямъ этой несчастной страны!

Приложеніе.

Послѣднее слово Н. Е. Суханова на судѣ.

Гг. сенаторы и сословные представители! Я сознаю всю тягость моего преступленія; я сознаю всю безнадежность своего положенія; я сознаю себя виновнымъ въ покушеніяхъ и приготовленіяхъ къ цареубійству и не пытаюсь въ этомъ оправдываться. Я сознаю участь, которая ждетъ меня, и я не ожидаю, и не могу, и не долженъ ожидать никакой для себя пощады. Всякій, зная лишь тотъ одинъ фактъ съ внѣшней его стороны, что офицеръ флота, присягавшій императору, дѣлается виновнымъ въ такихъ преступленіяхъ, всякій, говорю я, скажетъ, что этотъ человѣкъ — человѣкъ безчестный, позабывшій и совѣсть, и долгъ. Вотъ я и хотѣлъ выяснить передъ вами, господа, поводы, которые привели меня къ тому, чтобы сдѣлаться преступникомъ противъ существующаго порядка и поставить любовь къ родинѣ, свободѣ и народу выше всего остальнаго, выше даже моихъ нравственныхъ обязательствъ....

Я хочу просить васъ снисходительно выслушать мой разсказъ потому именно, что, если останутся прежними всѣ бытовыя стороны жизни народа, если не измѣнятся наши порядки, то на этой скамьѣ подсудимыхъ будутъ сидѣть, можетъ быть, и ваши, господа, дѣти, дѣти лицъ обезпеченныхъ, дѣти, получившія самое строгое и нравственное образованіе.

Начну съ дѣтства. Мой отецъ былъ докторъ, человѣкъ въ высшей степени добрый, помогавшій бѣднымъ не только даровыми совѣтами, но и деньгами. Въ томъ городѣ, гдѣ онъ жилъ, онъ составилъ себѣ настолько хорошую репутацію, что былъ извѣстенъ и любимъ всѣми и каждымъ, и о насъ говорили: „это дѣти нашего доктора“, словомъ, я получилъ уже съ дѣтства на-

правленіе нравственное. Дальнѣйшія подробности моей жизни я пропускаю; я скажу только, что, когда я былъ въ Морскомъ Училищѣ, я читалъ въ газетахъ и слышалъ о лицахъ, обвиняемыхъ по суду за государственныя преступленія и высылаемыхъ административно въ Сибирь. Я постоянно удивлялся ихъ количеству и желалъ знать причину этого. Я сталъ интересоваться экономическимъ и соціальнымъ строемъ общества, читать различныя системы и теоріи, часто противорѣчащія другъ другу, и, не найдя въ нихъ отвѣта на мучившіе меня вопросы, я рѣшился оставить политику, забыть экономическіе вопросы и углубиться въ область науки, не требующей напряженія нравственныхъ силъ, область чисто объективную — наукъ математическихъ. Въ это время я кончилъ курсъ и былъ назначенъ въ сибирскую флотилію, въ г. Владивостокъ. Я купилъ себѣ книгъ по математикѣ, физикѣ и химіи, чтобы на досугѣ заниматься своими любимыми предметами. Во Владивостокъ я поѣхалъ черезъ Сибирь. По дорогѣ, на каждой почти станціи, я видѣлъ такъ называемыхъ политическихъ преступниковъ, которые препровождались въ глубь Сибири. То была пора пробужденія нравственныхъ силъ и хожденія въ народъ. За ними не было ни одного заговора, ни одного убійства; это были люди, воодушевленные одною идеею народнаго блага. Я помню удивленіе начальниковъ этаповъ и пересыльныхъ командъ; они говорили мнѣ, что они вовсе не понимаютъ, почему могутъ ссылаться тысячами эти молодыя и честныя силы Россіи. Мнѣ часто дѣлалось больно, обидно и тяжело, но я чувствовалъ себя безсильнымъ помочь горю, и я рѣшилъ исполнять по пріѣздѣ во Владивостокъ свои обязанности честно, и что, если бы всѣ разсуждали, какъ я, то и это будетъ достаточно. Меня назначили на паровую шкуну, имѣющую совершать рейсы въ Японскомъ морѣ, и на меня возложили обязанность вести хозяйственную часть, несмотря на то, что я отказывался отъ этого. Съ первыхъ же дней я увидѣлъ, что оставаться честнымъ и быть въ ладу съ начальствомъ невозможно. Система хищничества во флотѣ развита въ высшей степени. Командиры судовъ всю разницу денегъ между справочными цѣнами на каменный уголь и дѣйствительными кладутъ себѣ въ карманъ, дѣлясь барышами съ русскими консулами за удостовѣреніе подлинности счетовъ послѣдними, кромѣ того, поставщики угля не мало лишнихъ денегъ получаютъ за фальшивые счета. Лица, которымъ довѣряетъ правительство, такъ позорятъ Россію, такъ позорятъ это правительство! И если бы эти ворованныя деньги шли на что-нибудь порядочное! А то онѣ прокучиваются въ кабакахъ и публичныхъ домахъ заграницы. Я считалъ своимъ долгомъ не позволять этого. Я помню изумленіе своего командира, части своихъ товарищей, когда я протестовалъ противъ нагрузки угля на суда безъ моего вѣдома и по фальшивымъ цѣнамъ. На меня кричали, что я подрываю дисциплину и пр. Мнѣ удалось доказать свою правоту; командиръ былъ исключенъ изъ службы по суду, но высочайше прощенъ и оставленъ во флотѣ. Я, кромѣ непріятностей по службѣ, ничего не пріобрѣлъ. Меня стали всѣ чуждаться. Вы знаете,

господа, тотъ глупый, канцелярскій, чиновничій стиль, которымъ пишутся казенныя бумаги и постановленія; онѣ были написаны такъ, что, пробѣжавъ ихъ поверхностно, нельзя было съ перваго раза разузнать, кто же укралъ уголь — я, или этотъ командиръ. Мою честную фамилію ставили рядомъ съ воромъ. А моряки, встрѣчаясь съ моею фамиліею, говорили: „да, это Сухановъ, у него какое-то дѣло о кражѣ угля". Меня не принимали уже на суда, и я несъ береговую службу во Владивостокѣ. Въ это время я много занимался математикой и физикой. Черезъ три года, въ 1878 г., я возвратился обратно въ Петербургъ. Я крайне удивился, узнавъ, что мою родную сестру и зятя преслѣдуетъ правительство, что они находятся въ административной ссылкѣ. Я зналъ, что эти люди навѣрное ничего противозаконнаго не сдѣлали и не могли сдѣлать, что эти честные и хорошіе люди неосновательно, по доносу какого-нибудь подлаго лица терпятъ всевозможныя лишенія, и, живя въ Петербургѣ, нельзя было не знать, что такихъ лицъ очень много. На вопросъ первоприсутствующаго, почему я не пробовалъ проводить свои мнѣнія въ жизнь путемъ литературы и на укоръ въ этомъ, я отвѣчу, что я не литераторъ. Для этого нужно имѣть особенныя дарованія, и нельзя мнѣ поставить въ упрекъ этого, потому что и о литературномъ проведеніи въ жизнь идей здѣсь присутствующихъ судей также никто ничего не слыхалъ....

Жить стало тяжело. По пріѣздѣ въ Кронштадтъ я поступилъ въ минные классы. Я занимался хорошо. Я всегда былъ очень усерденъ. Въ 1880 году я былъ назначенъ завѣдывать электрической выставкой въ Петербургѣ. Въ это время я сошелся съ соціально-революціонной партіей, къ которой теперь и принадлежу. Я не теоретикъ, я не вдавался въ разсужденія, почему необходимъ другой государственный строй, а не настоящій, только я чувствовалъ, что жить теперь просто не стоитъ, слишкомъ гадко; всѣ правительственныя сферы, все испорчено, всѣ основы подгнили. Вопросъ династическій былъ совершенно чуждъ мнѣ, какъ чуждъ онъ и соціалистамъ. Кто бы ни былъ на престолѣ — это рѣшительно безразлично, пусть будетъ какая-нибудь возможность жить и народу, и мыслящему классу. А жить становилось невозможно. Всѣмъ честнымъ людямъ, видящимъ, какъ грабятъ народъ, какъ его эксплуатируютъ и какъ печать молчанія наложена на уста всѣмъ, хотящимъ сдѣлать что-нибудь полезное для блага родины, всѣмъ было тяжело. И такое тяжелое положеніе могло длиться еще долгіе годы. Губились тысячи людей интеллигенціи, народъ пухнулъ отъ голода, а, между тѣмъ, въ правительственныхъ сферахъ только и раздавалась казенная фраза: „все обстоитъ благополучно". Небольшая клика губернаторовъ, жандармовъ и всевозможнаго рода казнокрадовъ развратничала, пировала и губила государство. И я принесъ свои знанія на пользу террористической партіи, въ успѣшной дѣятельности которой я видѣлъ залогъ обновленія государства.

Господа, я высказалъ все и оканчиваю тѣмъ, что все-таки моя дѣятельность есть преступленіе въ смыслѣ настоящаго государственнаго строя — и я не могу ждать для себя пощады.

„Народная Воля“ о централизаціи революціонной борьбы въ Россіи.

(Первопачально напечатано въ журналѣ „Вольное Слово“ № 37, 1882 г.)

Какъ бы кто ни относился къ принципамъ и способамъ дѣйствія той части русскихъ революціонеровъ, которая имѣетъ своимъ органомъ „Народную Волю“, нельзя не признать за ней весьма серьезнаго значенія, какъ за группой чрезвычайно дѣятельной и при томъ какъ за самой въ настоящее время энергической изъ наличныхъ противоправительственныхъ силъ, которая уже одною своею энергіей привлекаетъ къ себѣ наиболѣе горячіе оппозиціонные элементы въ Россіи. И хотя литературное изложеніе политическихъ идей этой группы и всегда имѣло меньшее значеніе, чѣмъ практическая энергія ея дѣятельности, однакожъ, поддержанное этой энергіей, и оно способно оказывать обаятельное вліяніе на извѣстную часть общества, преимущественно на молодежь. Это обстоятельство заставляетъ обращать вниманіе на политическія теоріи и планы, излагаемые на страницахъ „Народной Воли“, какъ на такіе, которые въ значительной степени опредѣляютъ практическое направленіе дѣятельности извѣстнаго количества личностей, стремящихся къ устраненію существующаго порядка вещей въ Россіи и къ замѣнѣ его другимъ.

Съ этой точки зрѣнія нельзя пропустить безъ вниманія въ особенности двухъ статей послѣдняго, № 8—9 „Народной Воли“, передовой и слѣдующей за ней, въ которыхъ названная газета излагаетъ, и при томъ съ не часто встрѣчающеюся въ русской революціонной печати послѣдняго времени ясностью,

свои соображенія относительно организаціи революціоннаго движенія въ Россіи и ближайшихъ плановъ партіи „Народной Воли“.

Въ этомъ отношеніи особенно интересны слѣдующія слова изъ передовой статьи вышеупомянутаго номера:

„Теперь наша непосредственная задача — организація заговора, съ цѣлью ниспроверженія существующаго государственнаго строя.

„Въ настоящее время работа партіи Народной Воли направлена главнымъ образомъ къ тому, чтобы соединить всѣ активно-протестующія силы, сплотить ихъ въ крѣпкую централистическую организацію, способную взять на себя иниціативу возстанія въ рѣшительный моментъ, а до той поры — успѣшно вести заговорщическую дѣятельность, несмотря ни на какія преслѣдованія правительства. Успѣшное выполненіе этой задачи возможно при концентраціи боевыхъ силъ лишь въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ каждый шагъ приближалъ бы насъ къ цѣли, каждое дѣйствіе имѣло бы значеніе въ ближайшемъ, а не въ отдаленномъ будущемъ. Поэтому-то мы и группируемъ активныя, сознательно-революціонныя силы въ правительственныхъ центрахъ, не исключая и окраинъ, по степени ихъ важности, и ведемъ организаціонную работу только среди тѣхъ элементовъ, которые примутъ непосредственное участіе въ самомъ переворотѣ.

„Необходимость такой постановки дѣла практически вытекаетъ, между прочимъ, изъ того, что деревенскія волненія, движенія съ окраинъ, безъ инсуррекціи въ административныхъ и промышленныхъ центрахъ, всегда немедленно подавляются и проходятъ почти безслѣдно для дѣла народнаго освобожденія. И невыгода этого способа будетъ постоянно возрастать, по мѣрѣ прогрессированія техническихъ усовершенствованій, которыми располагаетъ центральное правительство; между тѣмъ какъ самыя условія жизни народа отнимаютъ у него возможность организоваться для борьбы. Кромѣ того организація крестьянскихъ силъ не входитъ въ наши разсчеты, и хотя популяризація партіи, въ связи съ агитаціоннымъ значеніемъ терро-

ристическихъ фактовъ, расчистила намъ путь для прямого дѣйствія среди народа, мы считаемъ необходимымъ направить свою дѣятельность въ эту сторону лишь настолько, чтобы уяснить народу истинный смыслъ нашихъ требованій, оградить крестьянскую среду отъ реакціонныхъ попытокъ враговъ народа въ моментъ возстанія, и тѣмъ самымъ обезпечить успѣшность и прочность переворота."

Въ выписанныхъ до сихъ поръ словахъ столичный централизмъ нѣсколько затемняется оговоркою: „группируемъ активныя, сознательно-революціонныя силы въ правительственныхъ центрахъ, не исключая и окраинъ и т. д.", но дальше, въ концѣ статьи, этотъ централизмъ выступаетъ во всей своей ясности. „Народная Воля" говоритъ прямо о „временномъ правительствѣ" своей партіи. При этомъ газета надѣется, что въ экономическомъ отношеніи роль этого временнаго правительства будетъ чисто формальная (мы бы сказали, даже и излишняя). „Выгодное, по словамъ „Н. В.", соотношеніе политическихъ и экономическихъ факторовъ на русской почвѣ", состоящее въ томъ, будто бы, что „одновременно съ тѣмъ, какъ соціально-революціонная партія наноситъ удары правительственной власти, въ народѣ все болѣе и болѣе пробуждается ненависть къ привилегированнымъ, правящимъ сословіямъ и настойчивое стремленіе къ радикальному измѣненію экономическихъ отношеній"; выгодное соотношеніе это „позволяетъ Н. В. надѣятся, что, когда революціонная организація будетъ въ силахъ произвести политическій переворотъ, народъ сумѣетъ совершить революцію въ экономической сферѣ, и (тогда) захватившему власть временному революціонному правительству придется лишь санкціонировать экономическое равенство, отвоеванное народомъ у его вѣковыхъ угнетателей и эксплуататоровъ."... „Но если обстоятельства сложатся менѣе благопріятно, — продолжаетъ „Народная Воля", — въ такомъ случаѣ временное революціонное правительство, рядомъ съ политическимъ освобожденіемъ народа, рядомъ съ установленіемъ новыхъ политическихъ учрежденій, производитъ экономическій переворотъ: уничтожаетъ

право собственности на землю и орудія крупнаго производства. Тогда на созванный Земскій Соборъ явятся истинные представители народа, освобожденные политически и экономически, и народная жизнь станетъ регулироваться неподтасованною народною волею."

Слѣдующая за передовою статья въ концѣ своемъ развиваетъ подобныя же мысли почти тѣми же словами, при чемъ прибавляетъ и нѣсколько возраженій противъ стремленій децентрализаціонныхъ, которыя авторъ статьи отвергаетъ по крайней мѣрѣ въ настоящую и ближайшія за нею минуты, заявляя рѣшительно, что „строго централистическій типъ организаціи на весь періодъ борьбы, до первой прочной побѣды революціи, мы считаемъ за наилучшій, единственно ведущій къ цѣли."

Возраженія по направленію противниковъ принципа централизаціи авторъ статьи дѣлаетъ въ такихъ словахъ: „Нерѣдко говорятъ, будто партіи „Народной Воли" присуще пренебреженіе мѣстными особенностями русскихъ окраинъ, стремленіе подчинить остальныя народности великорусскому племени. Излишне доказывать, что народовольство, какъ соціалистическая партія, чуждо какихъ бы то ни было національныхъ пристрастій и считаетъ своими братьями и товарищами всѣхъ угнетенныхъ и обездоленныхъ, безъ различія происхожденія; что пользоваться племенной враждой, а тѣмъ болѣе раздувать ее — вовсе не входитъ въ наши планы, что мы не сдѣлаемъ подобнаго шага, какъ бы ни была велика ожидаемая отъ того временная выгода для партіи.[1]

[1] Откладывая на продолженіе нашей статьи критику основныхъ положеній обѣихъ статей „Народной Воли", мы пока не можемъ не сдѣлать частныхъ замѣчаній относительно подробностей, подобныхъ послѣднимъ выписаннымъ строкамъ. Казалось бы излишне доказывать, что эти строки вовсе не опровергаютъ извѣстныхъ автору статьи замѣчаній относительно пренебреженія русскихъ революціонеровъ къ особенностямъ русскихъ окраинъ, которыя лучше было бы называть невеликорусскими областями Россіи. Замѣчанія эти вовсе не приписываютъ русскимъ (великорусскимъ) революціонерамъ вообще, а народовольцамъ въ частности, намѣренія „пользоваться племенной враждой, а тѣмъ болѣе раздувать ее" (хотя подобный упрекъ можно бы было сдѣлать по поводу недостаточно обдуманной прокламаціи Н. В. къ украинскому народу по случаю противоеврейскихъ безпорядковъ). Русскимъ революціонерамъ только замѣчали, что исключительно великорусская окраска ихъ дѣятельности осуждала ее на безпочвенность по всѣмъ невеликорусскимъ областямъ, которыя составляютъ почти половину Европейской Россіи съ Кавказомъ, и оставляла благопріятныя для политическаго и соціальнаго

„Другая сторона національнаго вопроса касается будущаго способа существованія исторически (?!?) обособившихся народностей. Само собою разумѣется, что мы не отнимаемъ у такихъ народностей права на полную политическую независимость, оставляя на ихъ добрую волю стать въ тѣ или другія отношенія къ остальнымъ (?) національностямъ.

„Но мы утверждаемъ, что противъ общаго врага должны быть направлены соединенныя, дружныя усилія всѣхъ составныхъ частей государства; разъединеніе въ борьбѣ ослабитъ наши силы и отдалитъ побѣду. Мы настаиваемъ также на томъ, что торжество революціонныхъ и соціалистическихъ принциповъ упрочится только при томъ условіи, если общими силами будетъ произведена не одна дезорганизаціонная, разрушительная работа, но и созидательная, т. е. учредительная дѣятельность обще-русскаго Земскаго Собора, который займетъ мѣсто временнаго революціоннаго правительства, распространится на территорію всего государства. Только (!) послѣ закрѣпленія революціонныхъ пріобрѣтеній, послѣ твердой установки общихъ (?) основъ новаго строя, отдѣльнымъ народностямъ должно быть предоставлено право[1] опредѣлить свою политическую связь съ цѣлымъ (?!) государствомъ. Иначе темныя реакціонныя силы, навѣрное, найдутъ свою Вандею, откуда откроютъ походъ противъ расчлененной революціи.“

Не трудно себѣ представить тотъ путь, какимъ наиболѣе активная часть русскихъ революціонеровъ пришла къ изложеннымъ выше централистическимъ

переворота силы не великорусскихъ провинцій безъ пробужденія и безъ утилизаціи. Такая исключительность, столько же несправедливая, между прочимъ потому, что ряды русскихъ революціонеровъ состоятъ на добрую долю изъ овеликорушенныхъ усиліями правительства представителей невеликорусскихъ краевъ, сколько и неблагопріятная для хода революціоннаго дѣла въ Россіи, должна усиливаться по мѣрѣ централизаціи революціоннаго дѣла въ столицахъ, которыя лежатъ въ области великорусской. Затѣмъ, какъ отнесется масса этой области и ея представители, напримѣръ, въ всероссійскомъ Земскомъ Соборѣ, а равно и то правительство, которое бы этотъ Соборъ установилъ, какъ отнесутся они къ автономнымъ стремленіямъ „окраинныхъ“ народовъ, за это врядъ ли могутъ ручаться нынѣшніе „народновольцы“. Защитники національной равноправности и автономіи областей имѣютъ основанія смотрѣть только съ нѣкоторымъ безпокойствомъ въ будущее и тѣмъ болѣе, что, особенно въ послѣднее время, даже и революціонеры великорусскіе не обнаруживаютъ замѣтной симпатіи къ началу областной автономіи и по меньшей мѣрѣ щадятъ предразсудокъ единства и недѣлимости Россіи, если не прямо его поддерживаютъ.

[1] Вотъ тебѣ и „не отнимаемъ права“ и проч., ср. выше!

идеямъ послѣ не очень давно бывшихъ въ ходу въ ихъ средѣ идей анархическихъ и федеральныхъ, и опредѣлить тѣ иностранные политическіе элементы, которые способствовали окончательной формулировкѣ вышеизложенныхъ соображеній сотрудниковъ „Народной Воли“. Оставивъ даже въ сторонѣ неизбѣжное вліяніе и на революціонную среду традицій того государства, въ которомъ она образовалась и дѣйствуетъ, мы видимъ, что въ поддержку центростремительнаго теченія въ русской революціонной средѣ должны были дѣйствовать условія политической жизни въ Россіи, дѣлающія крайне затруднительной всякую, такъ сказать, парламентарную сторону революціоннаго движенія и склоняющія революціонеровъ въ сторону тѣсныхъ конспираций и даже диктатуры. Преимущественно же „террористическое“ направленіе, какое имѣла въ послѣднее время, тоже подъ вліяніемъ россійскихъ условій, дѣятельность группы „народовольцевъ“, должна была тѣмъ болѣе склонять ихъ мысли въ сторону централизаціи. Прибавьте къ этому вліяніе примѣровъ французской революціи 1792—93 г., а также идеаловъ нѣмецкихъ соціаль-демократовъ, сложившихся въ то время, когда Германія стремилась къ политической централизаціи, и вы легко себѣ объясните происхожденіе тѣхъ словъ петербургской революціонной газеты, которыя мы выше выписали.

Но, будучи такимъ образомъ вполнѣ естественными, при данныхъ обстоятельствахъ, эти слова, которыя, конечно, сопровождаются и будутъ сопровождаться извѣстными дѣйствіями, заключаютъ въ себѣ, по нашему глубокому убѣжденію, сѣмена явленій крайне гибельныхъ прежде всего для самихъ революціонныхъ элементовъ въ Россіи, а затѣмъ и для всей страны этой. Въ централистическихъ тенденціяхъ, выразившихся въ выписанныхъ словахъ „Н. В.“ мы усматриваемъ одинъ изъ многихъ признаковъ въ поддержку того опасенія, какое мы не разъ высказывали, между прочимъ и на страницахъ „Вольнаго Слова“, опасенія за то, какъ бы теперешнее броженіе въ Россіи и могущее послѣдовать за нимъ болѣе широкое революціонное движеніе не окончились и здѣсь такъ же

мало соотвѣтственными тратѣ силъ результатами, какими кончилась великая французская революція, послѣ того какъ въ ней одержало теченіе централизаціонно-якобинское, у котораго пора бы даже отнять самое названіе революціоннаго, такъ какъ оно было собственно уже началомъ контръ-революціи, кончившейся установленіемъ бонапартизма.[1]

Прежде чѣмъ приступить къ критикѣ соображеній „Народной Воли“ о централизаціи и децентрализаціи революціоннаго дѣла въ Россіи, мы должны разобрать по необходимости кратко, соображенія „Народной Воли“ или, лучше сказать, ея упованія на счетъ возможности въ настоящую минуту одновременнаго завершенія въ Россіи переворота политическаго и соціально-экономическаго. Намъ эти упованія кажутся далеко не такъ основательными, какъ сотрудникамъ „Народной Воли“. Примѣры всего міра показываютъ, что даже при гораздо большей степени развитія и организаціи, чѣмъ та, на которой стоятъ чернорабочія массы въ Россіи, народы еще до сихъ поръ не сдѣлали столь радикальныхъ переворотовъ соціально-экономическаго порядка, какъ переворотъ, ожидаемый „Народной Волей“. Конечно, крестьяне въ Россіи толкуютъ теперь о всеобщемъ передѣлѣ земли, но мысль объ этомъ передѣлѣ обставляется у нихъ крайне фантастическими подробностями и въ большинствѣ мѣстностей выражается въ ожиданіи передѣла по указу царя, такъ что отъ этой мысли до дѣйствительнаго передѣла, а тѣмъ болѣе до отмѣны частной собственности на землю и фабрики и до организаціи народнаго хозяйства по идеалу соціалистовъ (безъ чего экономическое неравенство тотчасъ же возстанавливается) еще очень и очень далеко.

[1] Если подъ словомъ революція разумѣть главнымъ образомъ извѣстное проявленіе энергіи къ ниспроверженію даннаго порядка и къ установленію другого, то якобинизмъ будетъ, конечно, сугубо-революціоннымъ; но если имя революціоннаго движенія давать только движенію прогрессивному, устанавливающему порядокъ дѣйствительно новый по формѣ и идеямъ, то изъ всѣхъ политическихъ теченій своего времени якобинство будетъ наименѣе революціоннымъ, такъ какъ оно устанавливало порядокъ наименѣе отличный по существу своему отъ системы бюрократической централизаціи и диктатуры, которая существовала и въ старомъ королевствѣ. Съ этой стороны не только республиканскій федерализмъ, но и конституціонно-монархическій либерализмъ были гораздо болѣе революціонны, чѣмъ якобинство.

Собственно, мысль о всеобщемъ передѣлѣ земли и не нова въ россійской крестьянской средѣ. Уже во время эмансипаціи крестьянъ въ 60-е годы въ этой средѣ ходили ожиданія и слухи о „новой волѣ“, о „настоящей волѣ“, „царскомъ выкупѣ“, „слушномъ часѣ“ и т. д., — и что же? Быть можетъ, именно потому, что эти чаянія связывались съ вѣрою въ сигналъ и указъ отъ царя и вообще со стороны, они не получили ровно никакого реальнаго политическаго значенія, а остались только какъ примѣры крестьянскихъ суевѣрій. Теперь экономическія отношенія въ Россіи нѣсколько обострились, хотя, съ другой стороны, въ поддержку принципа собственности приготовился извѣстный классъ крестьянъ личныхъ собственниковъ, но и теперь мечты крестьянъ о всеобщемъ передѣлѣ могли бы получить широкое политическое значеніе только въ томъ случаѣ, если бы изъ нихъ можно было удалить всякія надежды на царя (русскаго или китайскаго!), замѣнивъ ихъ мыслью о собственной иниціативѣ. Не видно, чтобы эта послѣдняя мысль вырабатывалась самими крестьянами въ Россіи (особенно въ центральной) въ широкихъ размѣрахъ; образованныхъ же пропагандистовъ этой мысли слишкомъ мало въ Россіи, и именно трудность для нихъ доступа до народной массы, при теперешнемъ политическомъ строѣ Россіи, и была одною изъ главныхъ причинъ, которыя обратили соціалистовъ этой страны на путь борьбы за политическую свободу. Очевидно, что если въ Россіи теперь и можно (по нашему должно) ждать народныхъ волненій, то вовсе не такихъ, которыя бы были въ состояніи радикально измѣнить соціально-экономическій строй такъ, какъ онъ еще не измѣненъ нигдѣ, — а только такихъ, какія были, напримѣръ, во время великой французской революціи, которыя пугали правительство, дезорганизовали господствующую политическую систему и облегчали возможность наиболѣе организованнымъ политическимъ элементамъ, ей противнымъ, захватывать власть, между прочимъ, и для того, чтобы „возстановить порядокъ“. Подобное значеніе уже начинаютъ имѣть нынѣшніе „противоев-

рейскіе безпорядки“ на югѣ Россіи, которые должны бы, кажется, показать, что при настоящей степени развитія и организаціи народныхъ массъ въ Россіи, возстанія ихъ могутъ имѣть только отрицательное значеніе и при томъ далеко не радикальное. А еще не слѣдуетъ забывать, что противоеврейскія волненія происходятъ въ странѣ, въ которой крестьянскія массы наименѣе забиты вѣковымъ крѣпостнымъ правомъ и наименѣе воспитаны преданіями монархической исторіи, чрезъ которую прошли массы областей бывшаго московскаго государства! .

Во всякомъ же случаѣ, если бы въ областяхъ Россіи и дошло до поголовныхъ возстаній крестьянъ съ захватомъ земель и фабрикъ, то трудно понять, для чего бы была нужна такая санкція центральнаго революціоннаго временнаго правительства? Если бы же такого захвата не произошло, то никакой декретъ временнаго правительства не въ состояніи его предписать, такъ какъ вообще радикальныя перемѣны быта и понятій декретами производиться не могутъ.[1] Для этого нѣтъ силъ даже у правительствъ постоянныхъ, а тѣмъ болѣе у временныхъ. У временнаго же революціоннаго правительства въ Россіи, опирающагося только на центры, т. е. на столицы, допустивъ даже, что оно будетъ имѣть на своей сторонѣ все фабрично-рабочее населеніе столицъ и даже часть арміи (т. е. въ столицахъ гвардіи!!), — у такого временнаго правительства въ Россіи не можетъ быть силы не только навязать всему населенію Россіи радикальную экономическую перемѣну, но даже, — говоря языкомъ „Народной Воли“, — „уяснить народу истинный смыслъ требованій революціонеровъ и оградить крестьянскую среду (т. е. всю Россію) отъ реакціонныхъ попытокъ враговъ народа“. Чтобъ не обольщаться подобными мечтами, достаточно только вспомнить цифры населенія столицъ въ Россіи сравнительно съ населеніемъ всей страны.

На основаніи всего сказаннаго, мы думаемъ, что

[1] Предположенія о такой возможности принадлежатъ тоже къ числу политическихъ суевѣрій, которыя на этотъ разъ особенно распространены въ бюрократическихъ классахъ.

тѣ соціалисты въ Россіи, которые пришли ужъ къ мысли о необходимости политическаго переворота для болѣе успѣшнаго направленія и дѣла переворота соціально-экономическаго, поступили бы наиблагоразумнѣе, если бы и не обольщались надеждами на возможность одновременнаго исхода обоихъ переворотовъ, а тѣмъ болѣе мечтами о возможности направлять ходъ соціально-экономическаго переворота мѣропріятіями центральныхъ временныхъ правительствъ (декретами, коммиссарами и т. п. подражаніями способамъ дѣйствія консервативной бюрократіи), а направили бы свои усилія къ тому, чтобъ способствовать по крайней мѣрѣ произведенію дѣйствительнаго политическаго переворота, т. е. установленію дѣйствительной политической свободы, которая бы дала возможность и будущей организаціи чернорабочихъ массъ, городскихъ и сельскихъ, и союзу съ ними образованныхъ соціалистовъ. Такая свобода дается только ослабленіемъ централистической государственной власти, разрушеніемъ ея бюрократической машины и установленіемъ учрежденій, обезпечивающихъ права лицъ и группъ и самоуправленіе общинъ и областей, а вовсе не перемѣнами центральныхъ государственныхъ учрежденій изъ царскихъ въ парламентскія, хотя бы даже и въ республиканскія, тѣмъ болѣе, что такія перемѣны — съ сохраненіемъ машины власти — рѣдко удерживаются въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ устанавливаютъ центральныя революціи, и что почти всегда сохраненная или даже усовершенствованная революціей централизованная машина власти въ самомъ непродолжительномъ времени поворачивается противъ революціи.

Конечно, стать на рекомендуемую нами точку зрѣнія на дѣло политическаго и соціальнаго переворота въ Россіи, значитъ признать взгляды, къ которымъ въ русскихъ революціонныхъ и даже вообще въ радикальныхъ кругахъ привыкли прикладывать малопочетную кличку „постепеновства“, которое приравнивали совершенно несправедливо къ щедринскому: „погодить!“ Но что же дѣлать, если исторія говоритъ въ пользу того, что люди совершенствуются только

въ извѣстной постепенности? Вѣдь и самое обращеніе значительной части русскихъ соціалистовъ, и при томъ наиболѣе активной ихъ части, отъ прежняго „чистаго соціализма“ къ борьбѣ за пріобрѣтеніе политической свободы есть ни что иное, какъ признаніе этой постепенности. Надо же быть логичнымъ до конца и признать, что для нашего времени для такъ наз. народнаго дѣла выигрышъ будетъ большой, если Россія получитъ хоть одну эту политическую свободу, которая обезпечитъ за всѣмъ населеніемъ элементарныя человѣческія права, и дастъ друзьямъ массъ народа возможность систематическаго труда для ихъ блага.[1]

Централизація же и свобода — вещи, взаимно другъ друга исключающія. Заявленія, вродѣ тѣхъ, какія теперь читаемъ въ „Народной Волѣ“, что централизація необходима „въ первый моментъ революціонной борьбы, до пріобрѣтенія прочныхъ результатовъ“ и т. п., — ни что иное, какъ или софизмы, которыми тѣ элементы, какимъ и теперь и впослѣдствіи выгодна централизація, заграждаютъ уста тѣмъ элементамъ, какимъ и теперь и впослѣдствіи она невыгодна, или же самообманъ тѣхъ лицъ, которые думаютъ, что ходъ исторіи можетъ быть удержанъ ихъ благими личными намѣреніями.

Всякое явленіе, разъ сложившись, стремится упрочиться и въ настоящемъ, и въ будущемъ. Нигдѣ еще власть, централизація — съ бюрократіей и арміей, безъ которыхъ она немыслима — не подняла руки на себя. Всѣ перемѣны, какія по этой части представляетъ намъ исторія, даже исторія революцій, состоятъ въ томъ, что сохраненная или новообразованная машина централизованной власти переходитъ изъ однѣхъ рукъ въ другія, напр., изъ рукъ короля въ руки какого-нибудь комитета, потомъ въ руки диктатора и т. п. Въ Россіи же централизація, даже революціонная, тѣмъ опаснѣе для дѣла свободы, что въ этой странѣ, при неразвитости массы, всего ско-

[1] Желательному постепеновству, которое вовсе не исключаетъ ни энергіи, ни самоотверженія, соотвѣтствовало бы и перенесеніе точки опоры политическаго и соціальнаго движенія въ Россіи съ чувства и вѣры на науку и разсчетъ и съ „дѣтей“ на „отцовъ“.

рѣе можно опасаться диктатуры вполнѣ реакціонной, даже послѣ временнаго успѣха революціи прогрессивной. А потому въ Россіи всякаго рода прогрессисты, а особенно соціалисты, должны бы стараться подорвать принципъ власти и централизаціи и въ практикѣ, и въ теоріи и основывать всѣ свои планы и дѣйствія и до, и во время, и послѣ переворота на принципѣ противоположномъ: децентрализаціи и федераціи.

Мнѣніе, будто федерація ослабляетъ силу какого бы то ни было движенія, разъединяя его, совершенно невѣрно, равно какъ и мнѣніе, будто централизація сама по себѣ составляетъ силу и даже единство. Сила и единство дается центральной власти только повиновеніемъ или сочувствіемъ областей, при чемъ въ горячее время бываетъ недостаточно даже одного повиновенія. Примѣръ этому мы видимъ на теперешнемъ положеніи русскаго правительства, которое, кажется, довольно централизовано, а, однако-жъ, не въ состояніи не только сдѣлать что-либо положительное (властью вообще положительнаго на свѣтѣ дѣлается очень мало), но не можетъ даже защитить своихъ собственныхъ агентовъ ни на окраинахъ, ни въ центрахъ. Круги же революціонные, даже имѣющіе въ виду образовать изъ себя правительственный корпусъ, не могутъ претендовать на повиновеніе себѣ, а, слѣдовательно, должны разсчитывать, главнымъ образомъ, на сочувствіе къ себѣ.[1] Сочувствіе же это можетъ быть тѣмъ шире, чѣмъ ближе революціонеры станутъ къ разнообразнымъ элементамъ населенія, чѣмъ болѣе даже центральное революціонное правительство, — если оно окажется нужнымъ по ходу дѣлъ, или просто возникнетъ изъ этого хода, — чѣмъ болѣе оно образуется процессомъ федеративнымъ, снизу вверхъ, а не централизаціоннымъ, сверху внизъ. Вотъ почему въ революціяхъ, наиболѣе, казалось бы, безнадежныхъ, по первоначальной слабости возставшихъ элементовъ, торжество возстанія достигалось именно децентрализаціоннымъ и федеративнымъ путемъ: такимъ

[1] Мы не останавливаемся на томъ, что заблаговременное заявленіе претензій на такое повиновеніе можетъ только сдѣлать смѣшными претендентовъ.

путемъ отбились отъ сильныхъ сосѣдей кантоны Швейцаріи, такъ освободилась отъ Испаніи федерація земель Голландіи, отъ Англіи — Соединенные Штаты Сѣверной Америки, такъ одолѣли арміи Наполеона I провинціальные союзы (хунты) Испаніи и т. д. Любопытно, что даже въ наступательной войнѣ 1870—71 гг. всетаки по-своему федеральная Германія побѣдила строго единую Францію.

Именно централизація и ослабляетъ общественныя силы, принижая личную и областную иниціативу, изолируя ближайшіе между собою элементы, заставляя ихъ ждать указаній отъ далекаго центра; именно централизація и разъединяетъ силы, порождаетъ несогласія, такъ какъ ей свойственно стремиться къ подведенію всѣхъ разнообразій подъ одинъ шаблонъ, возводить второстепенные вопросы въ первостепенные, смѣшивать средства и формы съ цѣлями и т. п, — и тѣмъ вызывать раздраженіе между силами, которыя безъ того дѣйствовали бы въ одномъ направленіи. Всѣ сепаратизмы — порожденія централизаціи; всѣ несогласія между близкими по сущности и различными только по частностямъ партіями вызываются обыкновенно централизаціонными инстинктами партій, заставляющими ихъ выдавать свои частности за нѣчто общеобязательное. И замѣчательно, что эти централизаціонные инстинкты съ особенною силою пробуждаются въ централизованныхъ странахъ, именно у правительствъ „временныхъ“, которыя тотчасъ же по своемъ образованіи стремятся копировать (точно дѣти стариковъ) правительства старыя. (Изъ множества примѣровъ изъ исторіи французскихъ революцій укажемъ, напримѣръ, на отношеніе Гамбетты, — тогда что ни на есть радикала, — къ лигѣ южныхъ департаментовъ національной защиты въ 1870 г., которую, лигу, тогдашніе гамбетанцы объявили болѣе опасною для Франціи, чѣмъ сами пруссаки, потому только, что она сложилась, не дожидаясь приказа парижскаго временнаго правительства и хотѣла сама и по своему собирать средства для борьбы съ пруссаками, при чемъ вовсе не отказывалась предоставлять эти средства въ распоряженіе общаго же пра-

вительства Франціи, хотя бы и парижскаго, или его делегаціи въ Турѣ.)

Кромѣ этихъ и подобныхъ общихъ соображеній, которыя говорятъ противъ централизаціонныхъ доктринъ сотрудниковъ „Народной Воли“, частныя условія жизни въ Россіи не менѣе сильно свидѣтельствуютъ въ пользу непригодности именно въ этой странѣ централизаціи не только для упроченія и сохраненія свободы (что централизація, какъ постоянная система, несогласна съ свободой, это, кажется, еще думаютъ и петербургскіе „народовольцы“), но не годится и для рѣшительнаго приступа къ полученію свободы посредствомъ революціоннаго нападенія на теперешнее правительство.

Споръ нашъ съ „народовольцами“ по этому вопросу, послѣ статей въ 8—9 № „Народной Воли“ значительно облегченъ тѣмъ, что въ этихъ статьяхъ вопросъ о борьбѣ съ правительствомъ поставленъ вовсе не на точку зрѣнія такъ наз. терроризма, а на точку зрѣнія дѣйствительной революціи. „Терроризмъ“, т. е. политическія убійства или, если кому угодно, казни (les éxécutions, а не les assasinats), и дворцовые перевороты, можетъ быть, и требуютъ своего рода централизаціи (весьма, впрочемъ, ограниченной, тѣмъ болѣе, что въ такихъ дѣлахъ много значитъ иногда личная отвага и иниціатива), но, такъ какъ дѣйствіе такого терроризма весьма поверхностно, то сторонникамъ существенныхъ перемѣнъ въ политическомъ строѣ собственно незачѣмъ много и толковать о „терроризмѣ“, особенно если онъ не проповѣдуется, какъ универсальная и, тѣмъ паче, единая мѣра, какъ это пробовали проповѣдывать нѣкоторыя прокламаціи и особенно заграничныя брошюры и статьи русскихъ революціонеровъ.[1] Въ разбираемыхъ нами статьяхъ „Народная Воля“ говоритъ уже не о терроризмѣ, а объ организаціи прямого и, конечно, широкаго нападенія на теперешнее правительство въ Россіи.

[1] Очень важно, что уже Желябовъ во время своего процесса отрицалъ партіонное значеніе упомянутыхъ брошюръ, а Сухановъ въ своей рѣчи, напечатанной въ 35 № „Вольнаго Слова“, сталъ на точку зрѣнія, вполнѣ отрицающую принципіальное значеніе терроризма. То же и въ рѣчи Исаева, напечатанной въ 36 № „Вольнаго Слова“.

Вотъ тутъ-то намъ и кажется, что въ новыя соображенія „Народной Воли“ перенесено слишкомъ много конспираторско-централистическаго элемента изъ прежняго „террористическаго“ круга идей ея друзей и что революціонно-централистическіе разсчеты „Народной Воли“ совсѣмъ не соображены съ реальными условіями Россіи. Врядъ ли мы очень ошибемся, если, на основаніи выписанныхъ въ началѣ статьи (ср. выше стр. 392) строкъ петербургской революціонной газеты, представимъ себѣ, что она предполагаетъ возможность организаціи въ Петербургѣ или въ Москвѣ чего-то вродѣ Парижской Коммуны 1871 года, болѣе или менѣе соціалистической, только съ аттрибутами парижской же политической коммуны 1792—93 гг., на которую бы опиралось революціонное правительство, господствующее не только надъ общиною (коммуною) столицы, но и надъ всей Россіей. Но, къ сожалѣнію, или къ счастію, Петербургъ въ Россіи отнюдь не то, что Парижъ во Франціи, — не то, ни по числу населенія, абсолютному и относительному, ни по составу его, (числу арміи, чиновниковъ и т. п.), ни по его характеру и степени развитія. Возстаніе петербургскаго пролетаріата (если бы онъ даже и способенъ былъ теперь возстать прямо противъ монархіи), не поддержанное возстаніями въ провинціяхъ, имѣло бы не больше практическаго значенія, чѣмъ и возстаніе въ любой деревнѣ. Если монархія подавитъ это возстаніе, — а для этого у нея достаточно силъ въ гвардіи, самой безнадежной съ народно-революціонной точки зрѣнія части россійскаго воинства, — и если при этомъ изничтожитъ хоть бы весь гражданскій элементъ населенія Петербурга, то остальная Россія, особенно Россія простонародная, врядъ ли и почувствуетъ ампутацію этого незначительнаго и вдобавокъ окруженнаго пустынями нароста на громадной и разнообразной по составу населенія странѣ.[1]

Очевидно, что столично-центральное возстаніе имѣло бы въ Россіи какія бы то ни было шансы успѣха,

[1] Напомнимъ, что рабочее населеніе Петербурга пополняется преимущественно изъ самыхъ сѣверныхъ губерній, съ населеніемъ разрѣженнымъ.

только если бы оно сопровождалось возстаніемъ, по крайней мѣрѣ, всей прилегающей къ столицамъ области. Но въ этомъ отношеніи важно то обстоятельство, что монархическія преданія въ Россіи особенно сильны именно въ центральной великорусской области, въ которой они, конечно, сильнѣе, чѣмъ не только, напримѣръ, въ Польшѣ, Украйнѣ, на Кавказѣ, но даже, чѣмъ въ Низовомъ Поволжьи и въ Сибири. Если гдѣ въ Россіи коренятся условія возникновенія — говоря языкомъ „Народной Воли“ — Вандеи, то именно въ Великороссіи. и, быть можетъ, прямо въ Москвѣ, а вовсе не на окраинахъ, особенно западныхъ и южныхъ. О Польшѣ нечего долго и распространяться: Польша могла бы быть, если не Вандеей, то убѣжищемъ династіи только тогда, когда бы революція въ Россіи приняла централистическій и затѣмъ неизбѣжно великорусскій, а далѣе также неизбѣжно обрусительный характеръ, и когда бы поляки сочли для себя выгоднымъ столковаться съ династіей Романовыхъ, подобно тому, какъ разные народы Австріи, угрожаемые централизмомъ нѣмецкихъ и венгерскихъ либераловъ и революціонеровъ въ 1848—49 гг., предпочитали столковываться съ династіей Габсбурговъ. Вообще Польша никогда на всероссійскую централизацію не пойдетъ. Конечно, теперь пока революціонное движеніе въ Россіи имѣетъ только отрицательное значеніе, поляки (преимущественно молодежь) могутъ принимать участіе во всякихъ готовыхъ русскихъ революціонныхъ кругахъ, но никогда ни польская интеллигенція, ни польская масса не откажется отъ автономіи своей страны и при первомъ удобномъ случаѣ подниметъ ея знамя, такъ что, если бы, напримѣръ, въ Петербургѣ дѣйствительно образовалось временное правительство, которое обратилось бы къ населенію Россіи съ призывомъ прислать представителей въ земскій соборъ, то поляки, по всей вѣроятности, образовали бы свое временное правительство, а далѣе свой сеймъ въ Варшавѣ.[2]

[2] Послѣ того, что мы говорили въ статьяхъ „Историческая Польша и Великорусская Демократія“, мы считаемъ излишнимъ останавливаться здѣсь на томъ, какія компликаціи вызоветъ такой шагъ польскихъ автономистовъ, среди которыхъ, конечно окажется много сторонниковъ „исторической“ Польши, т. е. Польскаго го-

Что касается до Украйны, то, такъ какъ ея независимость была подавлена въ концѣ XVII в., и такъ какъ вслѣдствіе этого значительная часть ея интеллигенціи, на бѣду свою и массы народа въ этой странѣ, оторвалась отъ украинской національности, то, конечно, овеликорушенную часть украинской интеллигенціи не такъ трудно привлечь къ всероссійской централистической программѣ, но только отъ этого привлеченія всего менѣе можно ожидать пользы для дѣла свободы въ Россіи. Всетаки изъ всѣхъ такъ наз. русскихъ областей въ Россіи монархическія идеи всего слабѣе, а республиканскія всего сильнѣе на Украйнѣ; всетаки въ послѣднее время народныя массы проявляютъ наиболѣе духа протеста именно въ этой странѣ: и аграрными волненіями, и городскими движеніями противъ полиціи, и, наконецъ, противоеврейскими безпорядками, которые теперь имѣютъ дикій характеръ, но которые можно бы было направить и на болѣе разумную дорогу. А столично-централистическая программа именно эту страну и лишаетъ корпуса наиболѣе сознательныхъ и организованныхъ борцовъ за свободу! А такъ какъ всѣмъ извѣстно, что именно украинская область дала громадный, даже абсолютно, а тѣмъ болѣе относительно, процентъ членовъ всѣхъ русскихъ революціонныхъ круговъ и средствъ для нихъ, то выходитъ, что столично-централистическая программа революціонной организаціи въ Россіи предлагаетъ интеллигенціи, вскормленной трудомъ населенія Украйны, не только продолженіе несправедливаго и во многихъ отношеніяхъ просто позорнаго передъ исторіей разрыва съ населеніемъ своей родины, но и безплодную гибель въ странѣ, которая гораздо болѣе способна стать Вандеей, чѣмъ эта „окрайна“!!

Мы считаемъ выселеніе извѣстной части украинской интеллигенціи въ Великороссію (черезъ столицы) дѣломъ не только фатальнымъ, съ которымъ надо

сударства съ Литвой, Бѣлоруссіей и половиной Украйны, и какъ можетъ воспользоваться „историческими польскими стремленіями“ соціальная реакція въ Польшѣ и политическая въ Москвѣ, а равно и на томъ, что единственное средство выпутаться изъ всяческихъ затрудненій и предупредить объ реакціи, состоитъ въ разработкѣ для всего Востока Европы федерально-демократической программы, независимо отъ всякихъ „историческихъ“ централизацій, польскихъ и россійскихъ.

примириться, разъ уже судьба связала Украйну съ московскимъ государствомъ, но даже полезнымъ съ общеевропейской культурной точки зрѣнія. Теперешнее участіе украинскихъ уроженцевъ въ великорусскихъ революціонныхъ кругахъ мы считаемъ явленіемъ аналогичнымъ съ переселеніемъ украинскихъ духовныхъ учителей и писателей въ Московію XVII—XVIII вв. Великороссія, вслѣдствіе своего географическаго положенія и исторіи (въ томъ числѣ, благодаря московской централизаціи и разоренію такихъ культурныхъ пунктовъ, какъ Новгородъ и Псковъ, быть можетъ, болѣе, чѣмъ даже татарскимъ набѣгомъ), такъ отстала отъ европейскаго міра, что не могла бы скоро войти въ его колею безъ пособія иноплеменной иммиграціи, въ которой украинцы играютъ роль наиболѣе родственнаго для великоруссовъ элемента, который поэтому можетъ скорѣе, чѣмъ болѣе далекіе иностранцы, ослаблять московское православіе и самодержавіе и усиливать кадры туземныхъ прогрессистовъ.[1] Но слишкомъ большая эмиграція ослабляетъ силы страны, изъ которой она исходитъ, а тотъ моральный абсентеизъ, какой, особенно будучи поддержанъ правительственными обрусительными мѣрами, сталъ признакомъ украинскихъ высшихъ классовъ, парализируетъ всѣ усилія украинскихъ массъ къ улучшенію своего матеріальнаго и нравственнаго положенія.[2] Этому ненормальному состоянію Украйны (которую мы въ данномъ случаѣ беремъ, какъ образецъ положенія, въ какомъ находятся и многія другія области Россіи: Литва, Бѣлороссія, Бессарабія, отчасти Закавказье) можетъ быть

[1] Украинская иммиграція въ Великороссію совершается, между прочимъ, черезъ учебныя заведенія, искусственно сосредоточенныя въ столицахъ. Тамъ украинская молодежь окончательно отбивается отъ своего края и народа. Почему же Украйна даетъ очень большой процентъ учащейся молодежи, это объясняется, между прочимъ, присутствіемъ въ этой странѣ многочисленнаго мелкопомѣстнаго дворянства и другихъ соотвѣтственныхъ ему слоевъ населенія, которыхъ нѣтъ въ Великороссіи. Замѣтимъ, что простонародье украинское вовсе не эмигрируетъ въ Великороссію, кромѣ развѣ, — и то въ ничтожномъ количествѣ, — на дальній юговостокъ.

[2] Мы позволимъ себѣ отослать къ нашимъ книгамъ „Передпье Слово до Громады“ и „Нові українські пісні про громадські справи“ (1764—1880), тѣхъ, кому бы показалась парадоксальною мысль, что на Украйнѣ съ XVIII вѣка, когда ополяченная и овеликорушенная интеллигенція почти поголовно отказалась служить массѣ народа, сама эта масса силилась продолжать прогрессивную исторію страны: крестьянскими возстаніями, эмиграціей, возстаніями противъ польскихъ революцій, аграрными волненіями, пѣснею, новеллою, сатирою, штундою и т. д.

положенъ конецъ только автономіей страны, каковая автономія поставитъ здѣсь лицомъ къ лицу массу народа и интеллигенцію и заставитъ послѣднюю служить первой. Централистическая программа „Народной Воли“ вовсе не обѣщаетъ такой автономіи. Она не показываетъ даже въ будущемъ ничего опредѣленнаго, кромѣ всероссійскаго или, какъ говоритъ „Народная Воля“, „общерусскаго“ земскаго собора, который займетъ мѣсто временнаго революціоннаго правительства, послѣ того, какъ оно само займетъ мѣсто нынѣшняго императорскаго правительства. Уже этотъ всероссійскій соборъ, который, конечно, „Народная Воля“ считаетъ вполнѣ самодержавнымъ (по крайней мѣрѣ мы нигдѣ не читали въ писаніяхъ народовольцевъ указаній на что-либо, ограничивающее власть этого будущаго государя Россіи), предоставитъ „отдѣльнымъ народностямъ“ (конечно, тѣмъ, какія этотъ соборъ признаетъ за отдѣльныя, или даже, по другому выраженію „Народной Воли“, за „исторически сложившіяся“), предоставитъ „право опредѣлить свою политическую связь съ цѣлымъ (непремѣнно съ цѣлымъ!) государствомъ“, и сдѣлаетъ эту уступку „только тогда, когда будутъ установлены (конечно, всетаки имъ, новымъ самодержцемъ всея Россіи) общія основы новаго строя“ (которыя опять-таки ему, собору, угодно будетъ признать за таковыя), иначе говоря, „отдѣльныя народности“ или, что все равно, разныя области, нынѣ порабощенныя всетаки великорусскому государству и безконтрольно управляемыя императорскою бюрократіею, получатъ автономію только тогда, когда это найдетъ нужнымъ новый самодержавный властелинъ всѣхъ народовъ и областей Россіи, и, конечно, получатъ только такую автономію, какую захочетъ отпустить имъ этотъ властелинъ.

Судя по всему, что дѣлали на свѣтѣ всѣ властелины, — коллективные, какъ и личные, — ожидать народамъ и областямъ Россіи даже этого тогда пришлось бы долгонько!

Слова нѣтъ, если бы теперешній русскій самодержецъ, по собственной ли иниціативѣ, или, уступая напору общественнаго мнѣнія, согласился созвать

хоть самый плохенькій земскій соборъ, хотя бы изъ делегатовъ теперешнихъ земствъ, — это былъ бы шагъ впередъ, который бы былъ принятъ радостно во всѣхъ областяхъ Россіи. Но и тогда первое дѣло этого собора должно бы быть установленіе неприкосновенности и свободы лицъ, группъ и національностей, а также самоуправленія областей; т. е. установленіе правъ основныхъ и для элементовъ реальныхъ, правъ неприкосновенныхъ и неотчуждаемыхъ ни для кого и ни для чего, въ томъ числѣ и для такъ наз. цѣлаго государства, которое сравнительно съ этими элементами есть фикція. Если же сынамъ націй и областей Россіи надо будетъ лить свою кровь въ революціи, чтобъ добиться представительнаго правленія, то пріобрѣтеніе самодержавнаго всероссійскаго земскаго собора, въ которомъ гегемонія непремѣнно достанется великоруссамъ, особенно центральныхъ областей, слишкомъ малое вознагражденіе за кровь для населенія невеликорусскихъ „окраинъ“. Если уже добиваться революціонныхъ земскихъ соборовъ, то окраинамъ этимъ всего естественнѣе имѣть свои областные соборы, которые уже отъ себя установятъ „общія основанія политическаго союза цѣлаго государства“, если найдутъ это нужнымъ. Къ тому же только прочное установленіе областной свободы, положивъ непереходимыя ограниченія для центральной власти, можетъ оградить и всю Россію отъ послѣ-революціонной реакціи и распространенія на всю Россію диктатуры вандейской контръ-революціи, каковая, повторяемъ, скорѣе можетъ организоваться въ центральныхъ областяхъ московскаго государства, чѣмъ въ менѣе монархическихъ окраинахъ Россіи.

Впрочемъ, говоря это, мы собственно забѣгаемъ слишкомъ далеко впередъ, такъ какъ, вслѣдствіе указанныхъ выше различій въ исторіи разныхъ областей Россіи, самая идея о противу-монархической революціи въ ней гораздо легче найдетъ себѣ сочувствіе именно въ невеликорусскихъ ея окраинахъ.[1] Какой

[1] Кромѣ ссылокъ на исторію и на этнографическіе матеріалы, сошлемся даже на корреспонденціи изъ Украйны въ самой „Нар. Волѣ“ и „Черномъ Передѣлѣ“ 1881 г.

же послѣ этого смыслъ имѣетъ столично-централистическая программа революціонной организаціи, предлагаемая „Народною Волею“? И не гораздо ли болѣе подходитъ къ Россіи федеральная система даже и въ первый моментъ движенія, тѣмъ болѣе, что въ такомъ случаѣ будетъ гораздо больше шансовъ, что и въ результатѣ движенія получится федерація же, которой въ идеалѣ пока еще не смѣютъ отрицать даже самые откровенные русскіе якобинцы?

Если заходитъ рѣчь о приготовительныхъ организаціяхъ для произведенія въ Россіи политическаго переворота, то, по нашему мнѣнію, наиболѣе цѣлесообразнымъ приступомъ къ нимъ было бы образованіе областныхъ революціонныхъ комитетовъ, которые, конечно, должны войти въ союзъ между собою. По обстоятельствамъ дѣла, эти комитеты могутъ оказывать особенную помощь комитетамъ столичнымъ, но безъ всякихъ апріорныхъ уступокъ централистической программѣ ни до, ни во время, ни послѣ переворота. Если же — какъ слѣдуетъ думать, потому что вотъ уже нѣсколько лѣтъ въ Россіи произносится имя „исполнительнаго комитета“ или „комитета Народной Воли“ — въ Россіи уже существуетъ организація, которая уже по фактическимъ условіямъ, хоть, напр., по отсутствію конкуррентовъ и т. п., получила значеніе всероссійское,[1] то наиболѣе цѣлесообразнымъ было бы образованіе около этой организаціи все же областныхъ комитетовъ или, если хотите, субъ-комитетовъ, на первыхъ порахъ хотя бы только для мѣстностей, которыхъ оригинальности очевиднѣе и которыя дали уже не мало членовъ и для русскихъ революціонныхъ круговъ, напр., образованіе комитетовъ для центральныхъ, низовыхъ и уральскихъ областей Великороссіи, для Польши, для Украйны, для Кавказа. Затѣмъ не замедлили бы образоваться комитеты для Литвы, Бессарабіи, Бѣлоруссіи, Остзейскихъ провинцій и т. п. Если бы эти комитеты на первыхъ порахъ и не сдѣлали ничего, кромѣ указа-

[1] О старомъ „исполнительномъ комитетѣ“ 1878—1880 гг., впрочемъ, еще вопросъ можно ли назвать его столичнымъ, или даже русскимъ — великорусскимъ, — по составу и даже по мѣсту его дѣятельности.

нія мѣстныхъ условій и зацѣпокъ для пробужденія въ населеніи ихъ областей мысли о необходимости политическаго переворота, то и тогда они принесли бы огромную пользу. Но, конечно, на этомъ дѣло не остановилось бы.

Дальнѣйшій успѣхъ переворота зависѣлъ бы въ значительной степени отъ умѣнья и энергіи областныхъ комитетовъ, а дальнѣйшее согласіе этихъ комитетовъ между собою и съ комитетомъ центральнымъ, еслибъ таковой найденъ былъ нужнымъ, зависѣло бы, главнымъ образомъ, отъ степени искренности признанія всѣми ими, въ томъ числѣ и комитетомъ центральнымъ, принципа равноправности всѣхъ народностей, историческихъ и неисторическихъ, а также принципа автономіи областей, однимъ словомъ, принципа федеральнаго, и отъ степени умѣнья центральнаго комитета различать солидарность — вещь необходимую, отъ централизаціи — вещи излишней или даже прямо вредной.

Къ біографіи А. И. Желябова.

(Первоначально напечатано въ журн. „Вольное Слово“ №№ 39 и 40, 1882 г.)

Мы только что получили небольшую, но очень интересную брошюрку: „Андрей Ивановичъ Желябовъ“. (Складъ у H. Georg. Corraterie, Genève. Ц. 1 фр. Сборъ въ пользу „Краснаго Креста Народной Воли“). Какъ видно изъ объявленія на оберткѣ, брошюра есть первый выпускъ изъ цѣлой серіи: за нею обѣщаются — біографіи Софіи Перовской и Николая Кибальчича. Сюда слѣдуетъ прибавить и біографію Гриневецкаго, напечатанную въ 1-мъ выпускѣ „На Родинѣ“. Это стремленіе русскихъ революціонныхъ кружковъ къ изданію біографій своихъ извѣстныхъ дѣятелей кажется намъ явленіемъ характеристическимъ. Независимо отъ чисто товарищескаго желанія почтить память близкихъ лицъ, мы видимъ здѣсь стремленіе отдать отчетъ обществу въ своей работѣ и жизни, а также выяснить свои собственныя идеи и цѣли посредствомъ взгляда на недавнее прошлое и тѣмъ и другимъ выйти изъ тѣсныхъ и партіонныхъ рамокъ на широкое общественное поле. Само собою разумѣется, что послѣднее возможно только при полной искренности и фактичности историко-біографическаго изложенія.

Въ этомъ отношеніи, надо сказать, что брошюра о Желябовѣ, равно какъ и біографическая статейка о Гриневецкомъ, производятъ самое пріятное впечатлѣніе. Не велико количество разсказанныхъ въ нихъ фактовъ, но вы чувствуете вполнѣ ихъ жизненную правдивость; живыя детали не только не пожертвованы ради кружковыхъ и партіонныхъ формулъ и соображеній, но часто прямо противорѣчатъ многому изъ того, что еще недавно выдавалось за догматы партіи, къ которой принадлежали герои названныхъ біографій, и что, будучи указываемо лицами, не при-

надлежавшими къ кружкамъ, принималось съ явнымъ раздраженіемъ въ этихъ кружкахъ.[1] Когда съ такою же искренностью (но съ большею полнотою) будутъ изданы біографіи десятка — другого лицъ изъ числа русскихъ революціонеровъ, тогда, конечно, можно будетъ сдѣлать интересныя обобщенія. Пока двѣ изданныя біографіи интересны потому, что показываютъ фатальность перехода русскихъ соціалистовъ-пропагандистовъ въ политики-террористы, а біографія Желябова даетъ намеки и на ходъ сложенія въ средѣ этихъ послѣднихъ якобинско-централистическаго направленія, которое, по нашему глубокому убѣжденію, кончитъ тѣмъ, что принесетъ страшный вредъ прежде всего самимъ русскимъ революціонерамъ.

Мы имѣемъ въ своихъ рукахъ одинъ документъ, который можетъ способствовать уясненію какъ личности Желябова, такъ и хода развитія его близкихъ, а также ихъ политическихъ идей и желаній, а потому теперь, послѣ напечатанія брошюры о немъ, мы считаемъ возможнымъ напечатать его почти цѣликомъ, съ исключеніемъ нѣсколькихъ словъ, въ которыхъ находятся слишкомъ личныя указанія. Это письмо къ намъ Желябова, полученное нами лѣтомъ 1880 г. и изъ котораго мы уже привели разъ небольшую выдержку въ одной изъ главъ „Историческ. Польша и Великорусская Демократія“. Вотъ это письмо:

Понедѣльникъ, 12 мая 1880 г.

Многоуважаемый Михаилъ Петровичъ!

Два раза пришлось намъ встрѣтиться, теперь приходиться писать, и все при обстоятельствахъ крайне своеобразныхъ. Помню первую встрѣчу въ 1873 году въ Кіевѣ. На квартирѣ X и У сидитъ кучка старыхъ, престарыхъ нигилистовъ за сапожнымъ столомъ, сосредоточенно изучая ремесло. То знаменіе „движенія въ народъ“ для жизни честной, трудовой... Программа журнала „Впередъ“ прочтена и признана за желательное. „Но какова-то дѣйствительность?“ спрашивалъ себя каждый и спѣшилъ погрузиться въ невѣ-

[1] Таковы, напримѣръ, въ брошюрѣ о Желябовѣ страницы о „конституціонализмѣ“ Ж—ва (10, 26), объ искренности предательства Гольденберга (21—22), о разногласіяхъ между „землевольцами“, о противорѣчіяхъ въ ихъ программахъ и т. д.

домое народное море. Да, славное было время!... Наступила зима 1875—76 г. Тюрьмы переполнены народомъ; сотни жизней перебиты; но движеніе не унялось; только пріемъ борьбы перемѣнился, и на смѣну пропаганды научнаго соціализма, умудренные опытомъ, выдвинули бойцы на первый планъ агитацію словомъ и дѣломъ на почвѣ народныхъ требованій. Въ то же время всколыхнулася украинская громада и, вѣрная своему основному принципу народолюбства, замыслила цѣлый рядъ предпріятій на пользу родной Украйны. Въ эту зиму вы пріѣхали въ NN... и мы повидались съ вами вторично.... Много ли времени ушло, подумаешь, а сколько перемѣнъ!... Взять хоть бы этотъ уголокъ — .... Я видѣлъ расцвѣтъ тамошней громады, ея живыя начинанья. Медленно, но непрерывно сливались тамъ въ одно два революціонные потока — обще-русскій и украинскій; не федерація, а единство было недалеко, и вдругъ... все пошло прахомъ. Соблазнились старики выгодой легальнаго положенія; медлили покинуть насиженныя гнѣзда, и погибли для борьбы славные люди; погибли начинанья. На мѣстѣ ихъ грубое насиліе нагло праздновало побѣду. Но что смутило торжество злорадныхъ? нагнало панику на нихъ? Не совѣсть ли проснулась въ гонителяхъ безпощадныхъ? То остатки народниковъ революціонеровъ начали наступленье, но ужъ по новому плану борьбы. Трусливые тираны инстинктивно познали, что слабое мѣсто ихъ открыто, что власть и самая жизнь ихъ — на кону. Какъ звѣрь, почувствовавшій глубокую рану, стало правительство рвать и метать, не разбирая своихъ и чужихъ, а Дамокловъ мечъ по прежнему недосягаемо, грозно виситъ надъ его головой.... Пришло раздумье на начальство: не поступиться ли? Правительству стало яснымъ положеніе его: всѣ считаютъ дни его сочтенными; нравственной поддержки ему ни отъ кого; только трусость, своекорыстіе и неспособность къ солидарному дѣйствію въ однихъ, да расхожденіе въ пониманіи ближайшихъ задачъ между другими удерживаютъ правительство отъ паденія. Своевременно уступить подъ благовиднымъ предлогомъ — таково

требованіе политики; но не того хочетъ властолюбивый старикъ и, по слухамъ, его сынъ. Отсюда двойственность, колебаніе во внутренней политикѣ. Въ разсчетѣ лишить революцію поддержки, Лорисъ-Меликовъ родитъ упованья; но, безсильный удовлетворить ихъ, приведетъ лишь къ пущему разочарованью. Какой удобный моментъ для подведенія итоговъ! А, между тѣмъ, все молчитъ; молчатъ, когда активное участіе къ дѣлу революціи всего обязательнѣе, когда два, три толчка, при общей поддержкѣ, и правительство рухнетъ. Отъ общества, всегда дряблаго, многаго требовать нельзя; но русскіе революціонеры, какой процентъ изъ нихъ борется активно? Расхожденіе въ пониманіи ближайшихъ задачъ....

Неужто и Вы, Михаилъ Петровичъ, не признаете близкихъ реальныхъ выгодъ для народа отъ нашей борьбы? Этого не можетъ быть: за насъ Ваши литературныя произведенія, Ваша отзывчивость на живое дѣло, Ваша склонность найти практическій исходъ. Къ сожалѣнію, недосугъ, а также расходы на неотложныя дѣла мѣшали поѣздкамъ нашимъ съ цѣлями организаціонными и, въ частности, для защиты своей программы. Съ проваломъ типографіи мы лишились возможности разъяснять ее путемъ печати. Выходитъ въ результатѣ, что комментаторами ея вообще, а заграницей чуть ли не исключительно являются лица, отрицающія ее вполнѣ или въ значительной мѣрѣ. А намъ крайне интересно было бы знать Ваше личное мнѣніе о программѣ, и было бы очень хорошо, если Вы пришлете критику ея чрезъ ZZ., пока не будутъ установлены между нами непосредственныя отношенія, а, можетъ быть, и сотрудничество Ваше въ „Народ. Волѣ“. Это первое, о чемъ пишу я по порученію товарищей. Второе: Вы, конечно, согласитесь склонять общественное мнѣніе Европы въ нашу пользу, о чемъ подробно сообщитъ податель письма. Третье: Ваше положеніе, какъ представителя украинскаго революціоннаго направленія, какъ дѣятеля, извѣстнаго въ Россіи, какъ революціонера съ исключительнымъ прошлымъ, обязываетъ Васъ, Михаилъ Петровичъ, принять дѣятельное участіе въ злобѣ дня

родной страны. Вѣдь не даромъ же на Украйнѣ многіе зовутъ Васъ „батькой“! А что дѣлаютъ они? И кто виновенъ кромѣ нихъ? Насъ, убѣжденныхъ автономистовъ, винятъ въ централизмѣ... за Учредительное Собраніе. Во-первыхъ, не хотятъ понять, что Учредительное Собраніе въ нашихъ глазахъ только ликвидаціонная комиссія, а, во-вторыхъ, можно ли въ программу ближайшихъ требованій вносить такія, за которыми нѣтъ реальной поддержки, а есть изступленные враги? Гдѣ наши фенiи, Парнель? Таково положеніе вещей, что исходишь отъ реальныхъ интересовъ крестьянства, признаешь его экономическое освобожденіе за существеннѣйшее благо, а ставишь ближайшей задачей требованія политическія, видишь спасеніе въ распаденіи имперіи на автономныя части и требуешь Учредительнаго Собранія. Не велика заслуга предъ отечествомъ аскета хранителя общеизвѣстнаго идеала. Мы, по крайней мѣрѣ, предпочли быть мірянами.

Еще одна просьба къ Вамъ, Михаилъ Петровичъ! Не согласитесь ли Вы быть хранителемъ нашего архива? Матеріалъ тамъ весьма цѣнный для исторіи современнаго движенія, а между тѣмъ онъ проваливается здѣсь чуть ли не періодически. Храненіе это мы предлагаемъ Вамъ на слѣдующихъ условіяхъ: 1. право собственности на архивъ остается за нами; ни одна вещь оттуда не можетъ быть отчуждена; 2. въ отношеніи пользованія матеріалъ будетъ подѣленъ на двѣ части, изъ коихъ одной можете пользоваться свободно; другая связана съ живыми людьми и текущими дѣлами; пользоваться ею Вы могли бы, получивъ въ каждомъ случаѣ наше согласіе; 3. передать архивъ на храненіе можете съ нашего согласія; 4. узнавать насъ (редакцію „Н. В.“) по паролю, зашифрованному ниже ключемъ, Вамъ извѣстнымъ...“ [1]

Письма этого нельзя оставить безъ нѣкоторыхъ объясненій. Прежде всего мы должны замѣтить, что Желябовъ не совсѣмъ точно передаетъ сущность отношеній своего кружка съ тою изъ украинскихъ

[1] Ключъ этотъ оказался намъ неизвѣстнымъ. Вѣроятно, онъ былъ переданъ намъ, при другомъ случаѣ, да не дошелъ. Подобное случалось не разъ. М. Д.

громадъ, которую онъ зналъ. „Единство“, о которомъ онъ говоритъ, никогда не имѣлось въ виду этою громадою, а именно имѣлась въ виду только „федерація“. Единство невозможно ни для какого украинскаго кружка съ никакимъ „русскимъ кружкомъ“, ни партіей до тѣхъ поръ, пока русскіе кружки не откажутся отъ теорій единства Россіи и не признаютъ украинскій народъ націей, совершенно на равной ногѣ съ великорусской, польской и т. п. со всѣми практическими послѣдствіями такого признанія. Кромѣ того, не только единство, но даже тѣсный союзъ между русскими и украинскими кружками затрудняется тѣмъ обстоятельствомъ, что русскіе кружки могутъ вполнѣ удовольствоваться дѣятельностью въ предѣлахъ русскаго государства, Россіи, тогда какъ украинцы должны дѣйствовать и въ Австріи,—для чего необходимы, конечно, и силы, и средства, затрата которыхъ „русскимъ“ всегда кажется лишнею. По этимъ и по другимъ еще причинамъ, вытекающимъ изъ различія положенія населенія великорусскаго и украинскаго, между „русскими“ и украинскими кружками возможна именно только федерація, т. е. условная взаимная помощь, преимущественно для самозащиты отъ общаго врага и для борьбы съ нимъ, а также для достиженія ближайшей общей цѣли. Такимъ врагомъ является русское самодержавіе (одинъ изъ враговъ украинскаго населенія), а такою цѣлью (одна изъ украинскихъ цѣлей) политическая свобода въ Россіи. Сколько намъ извѣстно, въ такомъ смыслѣ заявляла (въ 1878—79 г.) готовность къ федераціи съ русскими революціонерами и та громада, о которой упоминаетъ Желябовъ. Но практическое осуществленіе такой федераціи замедлялось, какъ желаніемъ со стороны русскихъ „единства, а не федераціи только“, такъ и тѣмъ, что въ то время еще болѣе, чѣмъ теперь, разные русскіе кружки говорили не отъ себя только, а непремѣнно отъ имени всей русской соц.-рев. партіи, при всѣхъ несогласіяхъ и даже противорѣчіяхъ стремленій и идей каждой изъ нихъ (которыя теперь выступаютъ наружу и въ такихъ, напр., публикаціяхъ, какъ біографія Желя-

бова), такъ что нерусскимъ, украинцамъ, трудно было опредѣлить, съ кѣмъ-же и съ чѣмъ собственно они могутъ федерироваться. Въ данномъ же случаѣ между украинскою громадою, о которой идетъ рѣчь, и многими русскими кружками, которые тогда заявляли себя въ революціонной дѣятельности и печати, существовали и теоретическія разногласія. Такъ, напр., украинцы не могли присоединиться къ такому „народничеству“, такому „агитированію на почвѣ народныхъ требованій“, какое выразилось въ чигиринскомъ самозванствѣ (построенномъ, между прочимъ, на основѣ болѣе великорусской, нежели украинской), которое тогда было восхваляемо въ южныхъ русскихъ кружкахъ (см. между прочимъ въ брошюрѣ о Желябовѣ, стр. 15) и въ („Землѣ и Волѣ“).[1] Не соглашалась упомянутая украинская громада также признать тайныя убійства шпіоновъ, предателей, чиновниковъ и т. д. дѣломъ принципіальнымъ и партіоннымъ, а не случайнымъ, которое слѣдуетъ брать на чисто личную совѣсть, и признавала изъ дѣйствій оружіемъ принципіальными дѣлами только открытую самооборону и такое же нападеніе на политическую власть. Вопросъ о цареубійствѣ тогда не былъ еще поднимаемъ въ опредѣленной формѣ, но за сказанными сейчасъ ограниченіями, въ украинскихъ кружкахъ могло бы встрѣтить себѣ дѣятельное и систематическое сочувствіе только такое покушеніе на царя, какъ нападеніе Березовскаго, который (прямо) поднялъ руку не только на тирана вообще, но и на тирана своей родины, такъ какъ только такое тираноубійство, мотивированное извѣстными прокламаціями къ украинскому населенію и рѣчами на судѣ, дѣйствительно могло бы произвести глубокое впечатлѣніе на это населеніе.[2]

Вотъ главныя причины, которыя заставляли украинцевъ „медлить покинуть насиженныя гнѣзда“ и пристать въ то „единство“, котораго желалъ Желябовъ.

[1] Въ письмѣ Ж. намѣчено какъ въ русскихъ кружкахъ „научный соціализмъ“ смѣнился „народничествомъ“. Украинскіе соціалисты, напротивъ, представляютъ выходъ изъ украинофильскаго народничества къ европейско-научному, политическому и соціальному направленію. Направленіе это, конечно, обязывалось сообразоваться съ особенностями страны и населенія, но не подчинялось имъ до нарушенія научныхъ принциповъ.

[2] Читая біографію Ж—ва, видишь, какъ и на него имѣли вліяніе и украинская кровь съ материнской стороны (отъ козачки Полтавской губерніи. Кстати скажемъ

А что они далеко „не соблазнялись легальнымъ положеніемъ“, это подтверждается и словами письма: „и погибли славные люди и начинанія“ (вѣрнѣе — продолженія), погибли, впрочемъ, надѣемся, далеко не окончательно.

Перейдемъ теперь ко второй половинѣ письма Желябова. Намъ нѣсколько совѣстно печатать строки, въ которыхъ попадаются не въ мѣру любезныя относительно насъ слова, но читатель видитъ, что ихъ трудно выкинуть изъ фразъ, выражающихъ мысли и желанія самого автора письма и его друзей. Для полной характеристики тѣхъ и другихъ мы должны прибавить нѣкоторыя объясненія особенно къ тому, что не совсѣмъ ясно разсказано въ письмѣ или на что сдѣланъ только намекъ, который долженъ былъ развить податель письма.

Особенно требуетъ объясненій второе предложеніе, которое дѣлалъ намъ Ж—въ по порученію товарищей. Это предложеніе и есть центральный пунктъ всей послѣдней половины письма Ж—ва. Ж—въ очень хорошо понималъ необходимость литературной пропаганды идей его группы (какъ ни странно, а приходится отмѣчать это пониманіе, какъ похвальную черту въ русскомъ дѣятелѣ) въ Россіи и даже передъ заграничной публикой (послѣднее тоже надо поставить за особую похвалу Желябову, какъ русскому дѣятелю). Но съ этой стороны группа „русскихъ соціальныхъ революціонеровъ“, поставившая себѣ цѣлью добиться въ Россіи политической свободы, или даже „конституціи“, была въ 1879—1880 гг. въ очень странномъ положеніи, особенно передъ заграничной публикой. Она здѣсь не имѣла вовсе своихъ прямыхъ представителей. Большинство русской эмиграціи этого времени состояло: а) изъ старыхъ „соціальдемократовъ“ (цвѣта „Впередъ“), которые слишкомъ долго боролись, вслѣдъ за своими нѣмецкими

издателямъ біографіи, что въ Херсонской губ. малороссійскихъ казаковъ нѣтъ, а есть они только въ Черниговской и Полтавской) и впечатлѣнія украинской поэзіи и исторіи. Но между товарищами Ж—ва были и болѣе чистые украинцы, и ни одинъ изъ нихъ ни въ печати, ни въ публичной рѣчи не вспомнилъ своей родины и своего народа! Таково давленіе въ данномъ случаѣ не одной оффиціальной школы, но и унитарныхъ доктринъ русскихъ „оффиціальныхъ соціалистовъ“, употребляя выраженіе Желябова!

образцами, съ либералами, „изъ за классовыхъ интересовъ“,[1] а въ то же время слишкомъ горячо полемизировали противъ всякаго „бунтарства“, чтобъ стать на сторону „конституціонализма“ людей въ родѣ Желябова и въ то же время ихъ „терроризма“; б) изъ старыхъ „анархистовъ“, которые нѣкогда въ своихъ органахъ сочувственно относились къ „бунтарству“, „пропагандѣ фактами“ и т. п., но съ полнымъ отвращеніемъ смотрѣли на всякую „политику“; тѣ изъ нихъ, которые писали и говорили публично по французски, слишкомъ усердно доказывали, что всякое государство, даже и швейцарская федеративная республика, такая же тираннія, какъ и россійская деспотія, чтобъ стать, по крайней мѣрѣ сразу, искренними защитниками народновольческихъ требованій „учредительнаго собранія“. (Одинъ изъ видныхъ людей этой категоріи имѣлъ откровенность прямо сказать одному изъ наиболѣе зараженныхъ „политическими новшествами“ землевольцевъ, приглашавшему кой кого изъ эмигрантовъ писать въ „Землю и Волю“ послѣ лѣта 1879 г., что писать онъ не будетъ, такъ какъ онъ провидитъ въ новѣйшихъ „политикахъ“ — „будущихъ нашихъ враговъ“); с) изъ „чернопередѣльцевъ“, только что явившихся послѣ напечатанія 1 № ихъ журнала съ полемическими замѣчаніями противъ „политиковъ“, замѣчаніями, которыя станутъ теперь болѣе понятными послѣ брошюры о Ж—вѣ.[2]

Правда, что въ парадныхъ случаяхъ всѣ эти категоріи говорили о „мужественныхъ борцахъ противъ русскаго царизма“, какъ о своихъ братьяхъ, а въ

---

[1] Сравни эту борьбу съ идеями Ж—ва, изображенными на стр. 10 его біографіи.

[2] Была еще одна группа въ эмиграціи, такъ называемыхъ набатчиковъ, въ числѣ которой находилась и довольно замѣтная литературная сила, которая могла бы очень пригодиться въ революціонной публицистикѣ именно новѣйшаго народновольскаго направленія. Группа эта не переставала говорить еще съ 1874 г. о необходимости активной политической борьбы противъ русскаго правительства, не примѣнивала въ свои писанія крайне несимпатическіе пріемы, такъ, что вызвала противъ себя почти общее нерасположеніе въ средѣ русскихъ революціонеровъ. Оно выразилось, между прочимъ, заявленіемъ, напечатаннымъ въ 8—9 № „Общины“, о томъ, что „у русскихъ соц-революціонеровъ ни съ издателями „Набата“, ни съ теоріями, которыя они проводятъ, ничего общаго быть не можетъ“. (Подписано: Ив. Бохановскій, Л. Дейчъ, Вѣра Засуличъ, Сергѣй Кравчинскій, Яковъ Стефановичъ). Интересны между прочимъ въ этомъ заявленіи слова, что русскіе революціонные „кружки не подчинены никакой центральной власти; они организованы на началахъ федеративныхъ и признаютъ основнымъ принципомъ своихъ убѣжденій, что освобожденіе народа должно быть дѣломъ самого народа“. (Курс. подл.)

такія минуты, какъ, напр., время ареста Гартмана въ Парижѣ, и классовые противники всякой буржуазіи, и анархисты, и народники бросались и къ „буржуа“ Клемансо, и даже къ „диктатору“ Гамбетѣ и M-e Adam, напоминали французамъ 1789 г., а швейцарцамъ Теля (мифическаго) и республику, но отъ этого туманъ представленій о томъ, чего же собственно добиваются русскіе революціонеры, едва ли даже не усиливался, и Желябовъ совершенно былъ правъ, когда писалъ намъ, что „комментаторами стремленій его партіи за границей являются лица, отрицающія ихъ вполнѣ или въ значительной степени.“

Между тѣмъ группа русскихъ „террористовъ“ все больше и больше заставляла говорить о себѣ и Западную Европу. Въ печати этой послѣдней тоже не было органовъ, которые бы могли стать „комментаторами“ дѣйствій и стремленій группы. „Народовольцы“ продолжали называть себя „соціально-революціонной партіей“, а потому вся несоціалистическая печать въ Европѣ смотрѣла на нихъ, какъ на чужихъ и даже враговъ. Имя же „нигилистовъ“, которое давали русскимъ революціонерамъ и употребленіе котораго поддерживали даже нѣкоторые изъ русской эмиграціи, еще болѣе отталкивало отъ нихъ европейское общественное мнѣніе, даже въ весьма радикальныхъ кругахъ. Изъ органовъ соціалистическихъ, изданія соціалдемократовъ, преимущественно нѣмецкихъ, съ которыми были связи и у русскихъ соціалдемократовъ, открещивались всѣми силами отъ русскаго терроризма и нигилизма и по временамъ даже ругали ихъ довольно неприлично. Органы же анархическіе, преимущественно французскіе (а также бланкисткіе, съ которыми, собственно, ничего общаго не должны бы имѣть анархисты) восхваляли русскихъ террористовъ, называя ихъ своими братьями и ставили ихъ въ примѣръ своимъ соотечественникамъ, и тѣмъ, конечно, возбуждали противъ этихъ „русскихъ братьевъ“ всю свою сколько-нибудь умѣренную публику, которая опасалась, что динамитный способъ политической борьбы появится и въ европейскихъ конституціонныхъ странахъ и республикахъ. Сгоряча иные за-

граничные панегиристы русскихъ „нигилистовъ“ (друзья ихъ такъ и называли!), желая представить своихъ братьевъ людьми рѣшительными и повсемѣстными, повторяли о нихъ всѣ выдумки и даже клеветы русскихъ и заграничныхъ консерваторовъ и даже просто досужія фантазіи газетчиковъ (преимущественно австрійскихъ), приписывая имъ разныя дѣянія до поджоговъ городовъ и крупныхъ кражъ и вымогательствъ денегъ. Тѣ русскіе эмигранты, которые принимали участіе въ заграничной соціалистической печати и собраніяхъ (преимущественно анархическаго направленія) поставили себя въ еще болѣе ложное положеніе, чѣмъ масса эмигрантовъ: по чувству товарищества и по другимъ соображеніямъ, они заявили свою солидарность съ братьями, борющимися въ Россіи, въ то же время скрывали отъ своихъ западно-европейскихъ единомышленниковъ и тѣ противные западно-европейскимъ теоріямъ и практикѣ пріемы, къ какимъ прибѣгали русскіе народники (въ родѣ самозванщины), и тѣ раздѣленія, какія обнаружились въ русскихъ соціалистическихъ кругахъ, когда жизнь поставила передъ ними политическій вопросъ, уже порѣшенный въ Европѣ еще до отдѣленія соціалистической партіи отъ партій либеральныхъ, и, наконецъ, то, что ближайшія политическія требованія русскихъ террористовъ въ сущности сводятся къ программамъ европейскихъ буржуазныхъ либераловъ или же якобинцевъ-государственныхъ, а дальнѣйшія — къ программамъ соціалистовъ-государственниковъ, т. е. во всѣхъ трехъ случаяхъ къ программамъ партій, съ которыми соціалисты-анархисты такъ ожесточенно борются на западно-европейской почвѣ.[1]

Можно себѣ представить, какой, при вышеизложенной разноголосицѣ политическихъ мыслей разныхъ группъ въ эмиграціи и въ Россіи и при манерѣ

[1] Когда, по убіеніи Александра II, скрыть многое стало невозможнымъ, такъ какъ во всѣхъ газетахъ напечатаны были прокламаціи Исполнительнаго Комитета и письмо его къ Александру III, тогда одна французско-швейцарская анархическая газета (которая таки скрыла отъ своей публики слишкомъ уже московско-народническія фразы прокламаціи Исп. Ком. къ крестьянамъ о „царѣ — добромъ пастырѣ“) перепечатала и самое письмо къ Александру III, но нашлась довольно неловко, придавая этому письму значеніе только ловкаго пріема. „Конечно, говорила эта газета, еслибъ Исп. Ком. писалъ для нашихъ секцій интернаціонала, то онъ бы не написалъ того, что онъ написалъ Александру III. Тамъ пишутъ для нуждъ

каждой изъ нихъ говорить непремѣнно за цѣлую „русскую соціально-революціонную партію“, долженъ былъ образоваться у публики, особенно западной, туманъ понятій на счетъ настоящихъ стремленій русскихъ революціонеровъ вообще, и новой, наиболѣе активной фракціи ихъ въ особенности, и какъ этотъ туманъ былъ выгоденъ для русскаго правительства и реакціонеровъ въ Европѣ. Желябову и его ближайшимъ друзьямъ дѣлаетъ величайшую честь то, что, при всѣхъ невозможныхъ условіяхъ, въ какихъ они жили, и при всей фактической оторванности отъ Западной Европы, въ какой живетъ средній россійскій дѣятель, они всетаки поняли настоятельную необходимость разсѣять этотъ туманъ передъ публикой не только въ Россіи, но и въ Зап. Европѣ и пожелали имѣть вѣрнаго „комментатора“ своихъ стремленій и дѣствій въ этой послѣдней.

Но выборъ этого „комментатора“ въ нашемъ лицѣ былъ очень неудаченъ, какъ это откровенно мы и заявили подателю письма Желябова.

Въ поясненіе словъ письма: „Вы, конечно, согласитесь склонять общественное мнѣніе въ Европѣ въ нашу пользу“ — податель письма сказалъ намъ, что Ж—въ желалъ бы, чтобъ мы писали на какихъ-либо иностранныхъ языкахъ статьи о настоящихъ стремленіяхъ его группы, указывая на связь этихъ стремленій съ общеевропейскими идеями и обращая вниманіе на то, что въ настоящее время группа эта добивается того minimum'а человѣческихъ правъ, политической свободы, безъ которой ни одно европейское общество уже не можетъ представить себѣ своего существова-

---

борьбы, а не пропаганды. Для пропаганды они дають свою кровь: надо жъ имъ дать волю употреблять, какъ они хотятъ, чернила. Документъ, который мы опубликовали въ послѣднемъ №, есть образецъ такта и политики, пріобрѣтенной этой молодой партіей дѣйствія... Зачѣмъ требовать много, когда знаешь навѣрно, что царь не дастъ ничего? Еслибъ было хоть малѣйшее сомнѣніе, что царь дастъ что-нибудь, то это было бы лучшимъ резономъ не просить у него ничего“... (Le Révolté, 1881, № 5). Это писалось какъ разъ въ то время, когда реакціонеры въ Россіи и Европѣ говорили, что Исп. Ком. надѣваетъ овечью шкуру, чтобъ морочить людей, а что послушайся его царь и созови земскій соборъ съ разными либеральностями, такъ волки Исп. Ком. не только „палить не перестакутъ“, а еще пуще начнутъ. — Какъ характерное явленіе, слѣдуетъ отмѣтить, что въ новѣйшихъ статьяхъ русскихъ эмигрантовъ для европейской публики, напр., въ статьѣ кн. Петра Кропоткина въ „Fortnightly Review“, письму Исп. Ком. къ Александру II-му придается значеніе вполнѣ серьезнаго, искренняго документа, а не ловкаго пролитія чернилъ.

нія. Въ особенности просилъ податель письма Ж—ва противодѣйствовать приложенію къ его группѣ клички „нигилистовъ", какъ невѣрной по существу, по своей сущности, такъ и отдѣляющей русское революціонное движеніе отъ всего цивилизованнаго міра.

Тутъ не мѣсто излагать подробно все содержаніе нашихъ разговоровъ съ подателемъ письма: мы скажемъ лишь ровно столько, сколько нужно для уясненія идей той среды, изъ какой вышло и это письмо, и его податель. На предложеніе „склонять въ пользу русскихъ революціонеровъ общественное мнѣніе въ Западной Европѣ", мы отвѣчали указаніемъ на то, что и прежде, при всякой возможности, мы сообщали въ разныя изданія свѣдѣнія о положеніи Россіи и о ея революціонномъ движеніи, если не прямо въ пользу русскихъ революціонеровъ, то противъ ихъ врага, русскаго правительства.[1] Мы заявили, что впредь мы съ радостью готовы увеличить число такихъ сообщеній, если намъ доставлены будутъ матеріалы, особенно, напр., архивъ, о которомъ говорилось въ письмѣ. Но взять на себя спеціальную миссію посредника между какою бы то ни было русскою партіей и европейскимъ общественнымъ мнѣніемъ мы не могли, такъ какъ, оставивши даже въ сторонѣ крупныя теоретическія разногласія наши съ существующими русскими фракціями, мы ни къ какой русской партіи не принадлежимъ и по нашей спеціальной работѣ для нашей украинской родины и принадлежать не можемъ. Мы совѣтовали Ж—ву и друзьямъ его выступить передъ западно-европейскою публикою прямо, воспользовавшись какимъ-либо случаемъ или статьями о дѣлахъ русскихъ въ заграничныхъ изданіяхъ, при чемъ можно было бы прямо и рѣшительно выступить и противъ клички — нигилисты и также рѣшительно устранить усердныя объятія мало знакомыхъ съ положеніемъ дѣлъ въ Россіи, откровенно поставивъ передъ разными партіями въ Европѣ, соціалистическими, какъ и несоціалистиче-

[1] Какъ на послѣднее сообщеніе въ такомъ родѣ мы указывали на статью: „A l'opion publique des peuples civilisés", изданный нами во время ареста г. Гартмана и перепечатанный множествомъ журналовъ Европы, Америки и колоній. (Ср. выше стр. 252—254 нашего изданія. Прим. ред.)

скими (само собою разумѣется, также какъ и передъ такъ называемымъ обществомъ и народомъ въ Россіи), ту политическую задачу, которая наложена въ Россіи на активныхъ соціалистовъ обстоятельствами, въ какихъ находится эта страна, и не смущаться, что эта задача дѣйствительно теперь оказывается болѣе либеральною, чѣмъ соціалистическою въ западно-европейскомъ смыслѣ, что она похожа на ту, которую выполнили либералы въ Англіи въ XVII в., во Франціи въ XVIII в., въ Германіи въ первой половинѣ XIX в. Мы полагали, что при такой постановкѣ дѣла на чистоту здравомыслящая часть соціалистовъ на Западѣ не потеряетъ къ нему сочувствія, а въ то же самое время движеніе въ Россіи найдетъ себѣ дѣятельное сочувствіе и среди искреннихъ людей всѣхъ лѣвыхъ партій на Западѣ, особенно въ радикальныхъ партіяхъ Италіи, Англіи и Америки.[1]

Обращая вниманіе своего собесѣдника на то, въ какомъ направленіи могло бы итти желанное Желябовымъ „склоненіе на сторону“ революціонеровъ въ

[1] Такъ какъ вопросъ этотъ не потерялъ своего значенія и теперь, то мы, при семъ случаѣ, попросимъ у благосклоннаго читателя немножко терпѣнія для прочтенія настоящаго примѣчанія. Такой характеръ обращенія не только, такъ сказать, къ отъявленнымъ соціалистамъ, но даже шире, чѣмъ ко всѣмъ лѣвымъ партіямъ, носятъ (если не считать прокламаціи Исп. Ком. во время ареста Гартмана, въ подлинности которой мы нѣсколько сомнѣваемся) прокламація Исп. Ком. „къ европейскому общественному мнѣнію“ послѣ убіенія Александра II и недавнее воззваніе къ сборамъ въ пользу „Общ. Кр. Кр. Н. Воли“. Послѣднее могло бы производить особенно сильное впечатлѣніе, если бы дѣло не было испорчено неудачной формальной его постановкой, какъ заграничнаго явнаго отдѣленія россійскаго тайнаго общества!!! Россійскіе иниціаторы этого предпріятія сдѣлали эту ошибку, конечно, главнымъ образомъ, по незнанію условій европейской жизни, но ихъ заграничные друзья обязаны были указать имъ эту ошибку, и тогда упомянутое дѣло имѣло бы несомнѣнный успѣхъ, какъ денежный, такъ и значеніе крупной демонстраціи европейскаго общественнаго мнѣнія противъ русскаго абсолютизма. Конечно, заграничные друзья „Нар. Воли“ допустили вышеупомянутую ошибку не только по несообразительности, но и потому, что не вошли въ основную, совершенно новую для многихъ „русскихъ соціальныхъ революціонеровъ“ мысль „народовольцевъ“ обращаться не къ однимъ только „оффиціальнымъ“ кружкамъ соціалистовъ-революціонеровъ, но ко всѣмъ „друзьямъ свободы“ и даже ко всѣмъ „людямъ сердца“. Какъ бы тамъ, впрочемъ, ни было въ данномъ случаѣ, но очевидно, что въ послѣднее время, начиная съ парижскаго ареста Гартмана, „русскіе соціалисты революціонеры“, особенно „народовольцы“ приблизились на практикѣ къ такой точкѣ зрѣнія, которую мы изложили выше въ текстѣ. Но съ теоретической стороны эта точка зрѣнія, затрогивающая важный вопросъ о союзахъ между партіями, которыхъ не всѣ стремленія одинаковы, встрѣчаетъ еще горячія возраженія. Мы не имѣемъ мѣста пускаться въ разборъ этихъ послѣднихъ, но пригласимъ читателя подумать самому надъ такими, напр., соображеніями: если осуществленіе идеала соціализма требуетъ несомнѣнно самаго широкаго развитія въ людяхъ привычекъ согласованія между собою, то откуда возьмутся въ обществѣ эти привычки, если каждая партія, считающая себѣ болѣе прогрессивною, будетъ прежде всего рвать тѣ нити, которыя выработались уже между людьми предъидущею исторіей борьбы ихъ съ началами реакціонными, а не сохранять эти нити, конечно, вовсе не отказываясь отъ дальнѣйшаго движенія?

Россіи общественнаго мнѣнія въ Западной Европѣ, мы указывали и на необходимость провѣрки, сообразно западно-европейскимъ научнымъ идеямъ и соотвѣтственнымъ имъ привычкамъ общества, и многихъ теорій и дѣйствій, исходившихъ въ послѣднее время изъ среды русскихъ соціальныхъ революціонеровъ и выдававшихся, по обыкновенію русскихъ кружковъ, за общепартіонныя дѣйствія и теоріи. Такъ, мы считали необходимымъ старательно провѣрить съ точки зрѣнія европейскихъ научныхъ соціально-политическихъ теорій, которыя не могли не быть въ общихъ чертахъ вѣрны и въ Россіи, многія заявленія и пріемы такъ называемаго „народничества", такія дѣйствія, какъ, напр., самозванщина, и, наконецъ, обращали вниманіе нашего собесѣдника на то дурное впечатлѣніе, какое производятъ на общество въ Европѣ, какъ и въ Россіи, всякія „благочестивые обманы" (piae fraudes), особенно кражи съ революціонными цѣлями, да еще съ покушеніями на убійства (см. особенно кіевскіе процессы о покушеніяхъ на почты и полковые ящики). Мы полагали, что для Исп. Ком. настоитъ необходимость выдвинуть на болѣе видное мѣсто принципы своего дѣла и рѣшительно разорвать со многими проявленіями эквилибристики и эмпиристики (конечно, съ благими цѣлями) „народниковъ" и слишкомъ уже „практическихъ" революціонеровъ.[1] Все это, полагали мы, Исп. Ком. могъ бы сдѣлать прямыми декларацiями къ обществу въ Россіи и за границей, безъ всякихъ посредниковъ, роль которыхъ свелась бы развѣ на обязанность помочь распространенію этихъ декларацій въ разныхъ странахъ.

Мы лично соглашались охотно принять на себя подобную обязанность; если же Ж—въ и товарищи его хотѣли отъ насъ роли „комментатора", то, говорили

[1] Нѣчто подобное сдѣлано въ декларацiи Исп. Ком. по поводу слуховъ о поступленiи въ его распоряженіе денегъ, украденныхъ въ Воспитательномъ Домѣ, но, къ сожалѣнію, во-первыхъ, слишкомъ поздно и, во-вторыхъ, всетаки не достаточно категорично (см. о томъ нашу замѣтку въ 21 № „В. Сл.", выше стр. 369). Вообще, какъ этимъ заявленіемъ, такъ и другимъ по поводу смерти Гарфильда, посланіями къ Александру III и къ европейскому общественному мнѣнію — Исполн. Ком. показалъ присутствіе здороваго чутья относительно настоящаго своего положенія и интересовъ своей группы, но всетаки не обнаружилъ достаточной смѣлости радикально разорвать съ старой кружковой фразеологіей и тѣми, такъ сказать, хвостами „русской революціонной партіи", которые, только вредятъ ей и своимъ неумѣлымъ усердіемъ и своей „нигилистячей" болтовней.

мы, могли бы только продолжать начатую уже роль комментатора возможно объективнаго, т. е., свободнаго историка и критика какъ дѣйствій русскаго правительства, такъ и разныхъ группъ революціонеровъ въ Россіи. Быть же комментаторомъ субъективнымъ мы отказывались тѣмъ болѣе, что, какъ можно было судить, по крайней мѣрѣ, по всему, что тогда и передъ тѣмъ печаталось и говорилось отъ имени русскихъ соціально-революціонеровъ и террористовъ (начиная отъ прокламаціи „Смерть за смерть“ и оканчивая брошюрою г. Тарновскаго „Терроризмъ и рутина“, написанною противъ нашего листка „Терроризмъ и свобода“, и брошюрою Н. Морозова „Террористическая борьба“,[1] о которыхъ намъ довелось говорить въ послѣдующихъ бесѣдахъ нашихъ съ довѣреннымъ Ж—бова), между мнѣніями русскихъ террористовъ и нашими (которыя мы выражали нѣсколько разъ съ 1878 г., начиная съ „Листка Громады“) существовали крупныя различія. Въ противность названнымъ листкамъ и брошюрамъ, которые говорили отъ имени цѣлой партіи, мы находили, что русскій терроризмъ, т. е. собственно политическія убійства (т. е., нѣчто совершенно отличное даже, напр., отъ извѣстнаго терроризма французскаго), есть только реакція русской правительственной системѣ, вполнѣ естественная, но всетаки патологическая, какъ и система, его породившая, реакція вполнѣ понятная, а потому и оправдываемая (по изреченію: comprendre, c'est pardonner), но вовсе не нѣчто такое, что можно возводить въ теорію и систему, а еще менѣе — нѣчто такое, въ чемъ бы можно было видѣть извѣстный новый и универсальный способъ политической борьбы. Такой взглядъ свой мы считаемъ не только болѣе вѣрнымъ теоретически, но и болѣе практичнымъ, по его вліянію на общество, которое прежде всего нужно приводить къ сознанію необходимости бить не по оглоблямъ, а по коню, т. е. по русскому правительству.

[1] Первыя три главы этой брошюры были напечатаны сперва въ „Общемъ Дѣлѣ“ (№ 33 и 34, мартъ и апрѣль 1880 г.) въ видѣ статьи подъ заглавіемъ „Русское террористическое движеніе“ и съ выдержкой изъ письма Н. Морозова. Затѣмъ вся брошюра была напечатана съ заглавіемъ, приведеннымъ въ текстѣ, въ Лондонѣ, въ 1880 г., причемъ первыя три главы были исправлены и дополнены. Прим. ред.

Взглядъ же теоретиковъ и систематиковъ терроризма мы считали за вредный, какъ потому, что онъ, справедливо возмущая общественную совѣсть, наклонялъ ее въ пользу правительства, такъ и потому, что онъ создавалъ въ русскомъ обществѣ, и безъ того воспитанномъ въ привычкахъ субъективнаго произвола, новые прецеденты, крайне опасные для будущей политической жизни и борьбы партій, такъ, наконецъ, и потому, что оправданіе произвола (а что въ основѣ террористическаго ученія лежитъ идея личнаго произвола, это мы считаемъ за аксіому) притягиваетъ къ партіи личности сомнительныя, которыя непремѣнно окажутся вредными ей же, какъ болтливый и нечистый хвостъ, а то и просто, какъ предатели.[1] Вотъ почему, при всемъ уваженіи къ энергіи и самоотверженію активныхъ русскихъ террористовъ, при всемъ убѣжденіи, что избранныя личности изъ нихъ, согласно положенію: „чистому все чисто", сумѣютъ пронестись надъ всѣми опасностями террористическихъ теорій,[2] мы, при всякомъ проявленіи русскаго „террора", а особенно при попыткѣ возвести его въ теорію, считаемъ необходимымъ, конечно, прежде всего нападать на русское правительство, но затѣмъ бороться также и съ возведеніемъ „террористической борьбы" въ принципъ.

Все это мы изложили гораздо обстоятельнѣе нашему собесѣднику.

Къ нѣкоторому нашему удивленію, товарищъ Желябова обнаружилъ гораздо большую близость къ нашимъ идеямъ, нежели къ воззрѣніямъ названныхъ прокламацій и брошюръ террористовъ-теоретиковъ. (Наше удивленіе происходило, между прочимъ, оттого, что мы тогда не достаточно знали, что распространенная у россіянъ манера говорить не отъ себя лично, а отъ цѣлой партіи — вовсе не означаетъ существованія дѣйствительныхъ на то полномочій. Послѣ мы имѣли случай наглядно убѣдиться, что

[1] Собственно, и теорія „священныхъ обмановъ" есть только видъ того же ученія, которое лежитъ въ основѣ террористической теоріи, т. е., ученія, которое ставитъ критеріумомъ дѣйствій личный произволъ.

[2] Это теперь и подтверждается интереснымъ подробностями біографій Желябова, Перовской, Гриневецкаго и Кибальчича.

не только личности, во всякомъ случаѣ почтенныя и съ заслугами въ своей партіи, какъ гг. Морозовъ и Тарновскій, но и всякій досужій можетъ, благодаря запасу развязности въ однихъ россіянахъ и пассивности въ другихъ, влѣзать на трибуны, то прокурорскія, то адвокатскія, и говорить какъ будто заправская „уполномоченная особа“). Особенно рѣшительно возставалъ товарищъ Желябова противъ возведенія политическихъ убійствъ въ универсальное средство и приложенія ихъ въ странахъ, пользующихся извѣстной политической свободой. Его слова, а также заявленія, какія намъ удалось слышать отъ нѣкоторыхъ другихъ испытанныхъ русскихъ революціонеровъ того же лагеря, дали намъ право сдѣлать въ горячее время заявленіе въ такомъ родѣ въ брошюрѣ: „Le Tyrannicide en Russie et l'action de l'Europe occidentale“ (ст. 11, примѣчаніе [1]). Что собесѣдникъ нашъ передалъ вѣрно мнѣнія своей группы, это подтвердилось потомъ заявленіемъ „Нар. Воли“ по поводу смерти Гарфильда. Но, почти соглашаясь съ нами въ принципахъ, товарищъ Желябова былъ другого мнѣнія относительно практичности критическаго отношенія ко всѣмъ заявленіямъ и дѣйствіямъ русскихъ революціонеровъ; критику онъ называлъ полемикой и находилъ ее во всякомъ случаѣ несвоевременной, такъ какъ она-де ослабляетъ значеніе партіи и можетъ быть принята и ея сторонниками, и ея противниками за борьбу противъ партіи и даже противъ ея цѣлей. (Нельзя пропустить безъ вниманія, что какъ человѣкъ благовоспитанный и съ достоинствомъ и, въ добавокъ, какъ человѣкъ, лично бывавшій въ огнѣ, собесѣдникъ нашъ не говорилъ ни слова о неумѣстности критики „въ виду свѣжихъ могилъ мучениковъ“ и т. п.). Мы, конечно, отвѣчали на это, что надо имѣть больше довѣрія къ здравому смыслу общества (революціонеровъ и мирныхъ обывателей), который различитъ свободную критику отъ „бросанія грязью“, и что критика, если она хочетъ

[1] „Quant aux terroristes russes proprement dits, nous pouvons affirmer, de la manière la plus positive, que plusieurs d'entre eux sont d'avis que les assassinats politiques sont complétement superflus et inutiles dans les États où les citoyens jouissent de la liberté politique. (Ср. выше стр. 359 нашего изданія. Прим. ред.)

имѣть какое-либо практическое значеніе, должна раздаваться именно „въ горячую минуту“, а не тогда, когда событія станутъ достояніемъ „Русской Старины“. Но всетаки собесѣдникъ нашъ остался неубѣжденнымъ съ этой стороны.

Гораздо большія разногласія оказались у насъ по одному, чрезвычайно въ нашихъ глазахъ важному предмету, котораго мы должны были коснуться, обсуждая первый запросъ, обращенный къ намъ въ письмѣ Ж—бова: сказать наше мнѣніе о напечатанной программѣ его группы, а также дойдя до предложеній: „принять участіе въ злобѣ дня родной страны“ и сотрудничать въ „Народ. Волѣ“. Относительно участія въ злобѣ дня вообще, мы отвѣтили, что, принимая во вниманіе изреченія: „знай, сверчокъ, свой шестокъ“ и „бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ“ и проч., мы, какъ литераторъ ремесломъ, и не можемъ принимать иного участія въ злобахъ дня, кромѣ литературнаго, при чемъ направляемъ нашъ трудъ главнымъ образомъ именно на родную страну (Украйну въ Россіи и Австро-Венгріи), не чуждаясь, конечно, и злобъ дня одного изъ тѣхъ государствъ, въ которое попала значительная часть этой страны.[1] Но тутъ то именно намъ и пришлось указать, что въ программѣ группы Желябова нѣтъ и помину о нашей родинѣ и ея народѣ (какъ и вообще о невеликорусскихъ краяхъ и народахъ Россіи), да и вообще вопросъ областной, федеративный слишкомъ затертъ, а это, говорили мы, тѣмъ болѣе жаль, что безъ признанія федеративнаго начала невозможно не только основать дѣйствительную политическую свободу въ Россіи, но и вызвать въ ней какое-нибудь широкое движеніе къ достиженію этой свободы. Вотъ объ этихъ вопросахъ мы съ радостью предлагали написать въ „Нар. Волю“. Собесѣдникъ нашъ оказался, какъ и слѣдовало ожидать, иныхъ мнѣній. Уже нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, упомянутый

[1] Мы много разъ встрѣчались у „русскихъ“ съ такимъ отношеніемъ къ работамъ для Украйны, по которому эти работы являлись вовсе не дѣломъ, а, если не фантазіей и прихотью, то во всякомъ случаѣ чѣмъ то второстепеннымъ, которое можно и не замѣчать, если не прямо сожалѣть о немъ, какъ объ отвлеченіи отъ „настоящаго дѣла“. Не беремся судить, насколько въ любезномъ приглашеніи къ намъ Ж—ва „принять участіе въ злобѣ дня“ отразилось это отношеніе.

нами выше членъ „Земли и Воли“, человѣкъ, котораго мы глубоко уважаемъ, откровенно сказалъ намъ въ подобномъ же разговорѣ (онъ тоже приглашалъ насъ писать въ „Землю и Волю“), что онъ „рѣшительно не понимаетъ цѣли поднятія вопроса о разнонаціональномъ составѣ Россіи при вопросѣ о революціи въ ней, даже политической“. Теперь членъ „Нар. Воли“, въ видѣ крайней уступки намъ, говорилъ: „можетъ быть, Вы и правы, но мы вовсе не такъ убѣждены въ конечной необходимости принципа федеративнаго въ томъ дѣлѣ (борьбы за политическую свободу), которому мы предались.“

Таковы были и его послѣднія слова, сказанныя намъ передъ отъѣздомъ въ Россію, куда онъ, по обстоятельствамъ, не могъ взять нашего письма въ отвѣтъ Ж—бову, а взялся передать наши отвѣты на словахъ. Какъ онъ передалъ ихъ и какъ они были встрѣчены, объ этомъ мы не узнали. Теперь мы знаемъ, что Ж—бовъ былъ слишкомъ занятъ „дѣломъ 1 марта“, чтобъ думать о другомъ. Мы узнали объ арестѣ Ж—бова и о 1 марта почти въ одно время и поспѣшили выполнить нѣкоторыя изъ его просьбъ, какъ велѣла намъ наша совѣсть: рѣчью на женевскомъ международномъ собраніи 18 марта 1881, поводъ къ которой дала намъ присланная на наше имя изъ Парижа для прочтенія на собраніи депеша отъ французскихъ анархистовъ къ „русскимъ нигилистамъ“, а также брошюрой „Le Tyrannicide en Russie et l'action de l'Europe occidentale“.[1] Послѣдняя не понравилась многимъ соціалистамъ-революціонерамъ, русскимъ и западнымъ, но къ крайнему нашему удовольствію и, какъ надѣемся, читатель повѣритъ намъ, вовсе не самолюбивому, рѣчи Суханова, Исаева (отчасти и самого Желябова) и письмо Исп. Ком. къ Александру III, сказались по своимъ основнымъ идеямъ не очень удаленными отъ того взгляда на значеніе террористическаго движенія въ Россіи, который высказанъ въ этой брошюрѣ. Мы твердо убѣждены, что такія рѣчи, какъ Сухановская, и такія статьи для Запада, какъ статья кн. П. Крапоткина въ „Fortn. Review“,

[1] Ср. выше ст. 344 и сл. Прим. ред.

гораздо болѣе послужатъ въ пользу политическаго переворота въ Россіи, чѣмъ прежніе опыты возведенія терроризма въ теорію, да еще универсальную.

Но возвратимся ближе къ письму Желябова. Въ началѣ его онъ упоминаетъ о двухъ нашихъ личныхъ съ нимъ встрѣчахъ. О нихъ стоитъ сказать два слова. Первую встрѣчу мы только потому можемъ признать, что о ней говоритъ самъ Ж. Произошла она у нашего стараго знакомаго, когда то ревностнаго украинофила, а въ то время (въ 1873 г.) столь же ревностнаго „впередовца“ (мы о немъ вспоминали въ „Ист. Польшѣ и Велик. Демократіи“. Ср. т. I, стр. 189). Мы зашли къ нему отдать отчетъ въ исполненіи одной просьбы его и его сожителя. Оба хозяина приняли насъ въ первой комнатѣ, а въ другой сидѣли нѣсколько тѣхъ „нигилистовъ“, о которыхъ говоритъ письмо Ж—ова, и среди которыхъ былъ, какъ оказывается, и его авторъ. Хозяева насъ съ „нигилистами“ не познакомили. Разговоръ нашъ съ хозяевами мало по малу перешелъ на темы, на которыя мы сцѣплялись съ однимъ изъ нихъ нѣсколько разъ еще въ Цюрихѣ, а именно: 1. не слѣдуетъ ли теперь въ Россіи добиваться прежде всего политической свободы и 2. могутъ ли что-либо сдѣлать существеннаго на югѣ Россіи такъ называемые тогда „радикалы“, не заимствуя чего-либо у такъ называемыхъ „украинофиловъ“? Мнѣнія наши, о которыхъ читатель, конечно, догадывается, оспаривались хозяевами квартиры. „Нигилисты“ же, сидѣвшіе въ другой комнатѣ и по временамъ входившіе въ первую то за чаемъ, то за табакомъ, молчали, но, видимо, были не на сторонѣ „конституціоналиста“ и „узкаго націоналиста“. И молчали то „нигилисты“, видимо потому, что считали лишнимъ даже опровергать „такую ерунду“.

Другую встрѣчу съ Ж—вымъ въ 1875 г., мы отлично помнимъ. Мы видѣлись нѣсколько разъ. Въ первый разъ мы увидѣли его на собраніи полулегальнаго комитета, который занимался собираніемъ денегъ и отправкою волонтеровъ въ Герцеговину (это было за годъ до оффиціознаго черняевскаго похода). Двое сербовъ, трое украинцевъ (одинъ австрійскій), одинъ

полякъ (интересный человѣкъ, о которомъ тоже стоило бы разсказать, теперь умершій, Магеръ) и Желябовъ, уже притянутый къ процессу, что послѣ былъ названъ 193-хъ, но оставленный на волѣ, вотъ каковъ былъ составъ этого комитета. Я допущенъ былъ въ собраніе, какъ участникъ другого подобнаго комитета (но совершенно нетласнаго и сплошь украинскаго по составу, въ другомъ городѣ). Желябовъ былъ очень оживленъ и, по окончаніи дѣловой части засѣданія и по уходѣ двухъ лицъ, не такъ „своихъ", началъ очень интересный разговоръ съ Магеромъ о холодности польской молодежи къ проявлявшемуся тогда въ Россіи соціалистическому движенію и объ изолированности ея (объ этомъ см. въ біографіи Гриневецкаго, „На Родинѣ", № 1, стр. 46—47). Магеръ указывалъ на то, что для поляковъ слишкомъ важенъ національно-политическій вопросъ, чтобъ они могли, подобно русскимъ, отдаться чисто экономическому соціалистическому направленію. — „Ну, такъ ставьте свой національно-политическій вопросъ!" — приставалъ Желябовъ. — Да! легко сказать, ставьте! замѣтилъ я. Да, вѣдь для этого надо опредѣленно знать, что собственно такое польская нація? А вѣдь вы знаете, что на этомъ вопросѣ, главнымъ образомъ, и срѣзалось польское движеніе 1863 г. Вотъ теперь поляки чувствуютъ, что повторить старое движеніе нельзя, а въ то же время не имѣютъ отваги выйти на совсѣмъ новыя дороги, отказавшись отъ Польши исторической и выступая только за Польшу этнографическую. Да и эту не освободите, стоя на точкѣ сепаратистической, на которой стояли въ 1863 г., а только при общемъ федеральномъ движеніи въ Россіи. А это опять слишкомъ новая для поляковъ точка."

Магеръ былъ слишкомъ хорошо знакомъ со своими соплеменниками, чтобъ спорить противъ этого, и слишкомъ былъ порядочный человѣкъ, чтобъ отдѣлываться фразами, а потому долженъ былъ частенько отмалчиваться, когда неугомонный Желябовъ, подхвативши нашу постановку вопроса, продолжалъ наступать на него, говоря, что надо же наконецъ рѣшиться на что-нибудь и выйти на новыя дороги, обязательно

требуемыя обстоятельствами. Украинцы присоединились къ Желябову. Магеръ скоро ушелъ; уходя онъ дружески пожалъ всѣмъ намъ руки и проговорилъ: „на все, господа, нужно время!“

— Вотъ они всегда такъ! съ злой усмѣшкой сказалъ Желябовъ, обращаясь къ намъ, — и мы должны были успокоивать его, доказывая, что и въ самомъ дѣлѣ: на все нужно время...

Отзывчивость Желябова на живой вопросъ, какимъ было 1875—76 г. герцеговинское возстаніе, въ противоположность отрицательному отношенію къ нему доктринеровъ русскаго „оффиціальнаго“ соціализма, я не разъ вспоминалъ послѣ, и она вполнѣ объясняетъ для меня тѣ „новшества“, которыя говорилъ Ж—въ на Липецкомъ и Воронежскомъ съѣздахъ 1879 г., не боясь клички „конституціоналиста“, которая была для „старыхъ нигилистовъ“ 1873 г. ругательствомъ, чуть не равнымъ по силѣ „подлецу“. Видѣвъ своими глазами способность Ж—ва къ „новшествамъ“ и читая о ней примѣры въ его біографіи, мы невольно спрашиваемъ себя: что, если бы онъ остался живъ, хватило ли бы у него отзывчивости и еретической смѣлости, чтобъ разорвать теперь и съ оффиціальной доктриной „единой и нераздѣльной“ революціи въ Россіи, какъ онъ разорвалъ въ свое время съ доктриной „оффиціальнаго“, незапятнаннаго „политикой“ соціализма?...

Изъ брошюръ о Желябовѣ и его товарищахъ выходитъ, что многіе изъ нихъ потому только обратились къ „централизаціи“, что видѣли въ ней синонимъ „дисциплины“. „Централизація“ была, значитъ, кромѣ всего прочаго, о чемъ мы не разъ говорили, также и реакціей противъ той „анархіи“, которую многіе россіяне поняли совсѣмъ не по Прудоновски, а очень уже по дворянски, въ смыслѣ свободы каждому барону практиковать свою фантазію, лишь бы она была болѣе или менѣе краснаго цвѣта. Но какъ будто федерализмъ, къ которому Прудонъ на практикѣ сводилъ свою анархію, исключаетъ дисциплину, а не есть наиболѣе удобная для людей форма организаціи, съ непремѣнною дисциплиною?!

Le Révolté
объ иллюзіяхъ конспираторовъ и революціонеровъ.[1]

(Первоначально напечатано въ журналѣ „Вольное Слово“ № 49, 1882 г.)

Въ № 17 Le Révolté закончена статья „о правительствѣ во время революціи“. Въ статьѣ этой, въ которой, какъ во всѣхъ писаніяхъ новѣйшихъ анархистовъ, у которыхъ смѣшались здравыя идеи прудоновскаго ан-архизма (собственно федерализма) съ привычками мысли запоздалаго якобинства, превратившагося въ бланкистское вспышкопускательство, справедливыя вещи смѣшиваются съ странностями, находимъ соображенія, которыя мы считаемъ интересными и для русскихъ читателей:

„Воображать, что правительство можетъ быть ниспровергнуто тайнымъ обществомъ,— говоритъ названная газета,— и что это общество можетъ стать на его мѣсто, это заблужденіе, въ которое впадали всѣ революціонныя организаціи, зародившіяся въ средѣ республиканской буржуазіи съ 1820 г. Но факты въ изобиліи обнаруживаютъ очевидность этого заблужденія. Какую преданность дѣлу, какое самоотверженіе, какую настойчивость показали тайныя республиканскія общества Молодой Италіи, и однакожъ весь этотъ громадный трудъ, всѣ эти жертвы, принесенныя молодежью итальянскою,[2] передъ которою блѣднѣютъ даже

---

[1] Эта статья принадлежитъ къ серіи статей, печатавшихся въ „Вольномъ Словѣ“ подъ общимъ заглавіемъ „Литературно-политическіе отрывки“. Мы считали нужнымъ выдѣлить ее изъ этой серіи и напечатать ее здѣсь, такъ какъ по своему содержанію она стоитъ въ тѣсной связи съ рядомъ статей, напечатанныхъ непосредственно передъ нею. Прим. ред.

[2] Замѣтимъ, впрочемъ, что „Молодая Италія“ вовсе не все равно, что „революціонная молодежь“; послѣднее понятіе есть вещь спеціально русская.

жертвы революціонной молодежи русской, всѣ эти трупы, наваленные въ австрійскихъ казематахъ и подъ ножемъ и подъ пулями палача, все это (плоды всего этого) было унаслѣдовано лукавцами буржуазіи и королевствомъ.[1]

„Тоже самое и въ Россіи. Рѣдко можно найти въ исторіи тайное общество, которое съ столь малыми средствами достигло результатовъ столь огромныхъ, какъ достигнутые русской молодежью.

„Трудно найти другую организацію, которая бы показала столько энергіи и столько могучей дѣятельности, какъ „Испольнительный Комитетъ“. Онъ потрясъ этотъ колоссъ, который казался неуязвимымъ, — царизмъ; онъ сдѣлалъ самодержавное правительство отнынѣ невозможнымъ въ Россіи. И однакожъ очень наивны были бы тѣ, которые бы вообразили, что этотъ Исполнительный Комитетъ сдѣлается господиномъ правленія въ тотъ день, когда корону Александра III будутъ волочить въ грязи. Другіе, мудрые, которые работаютъ надъ тѣмъ, чтобъ сдѣлать себѣ имя, въ то время, когда революціонеры роютъ мины и гибнутъ въ Сибири, другіе, — интриганы, говоруны, адвокаты, литераторы[2], которые проливаютъ время отъ времени скоро отираемыя слезы на могилахъ героевъ и позируютъ, какъ друзья народа, вотъ что займетъ мѣсто вакантнаго правительства и закричитъ: „Назадъ“ тѣмъ „неизвѣстнымъ“, которые приготовляютъ революцію.

„Это неизбѣжно, это фатально — и не можетъ быть иначе. Ибо вовсе не тайныя общества, ни даже революціонныя организаціи наносятъ послѣдніе удары правительствамъ. Ихъ функціи, ихъ историческая миссія — приготовленіе умовъ къ революціи. А когда умы приготовлены, при помощи внѣшнихъ условій, происходитъ послѣдній толчекъ — вовсе не отъ группы иниціаторовъ, а отъ массы, которая осталась внѣ раз-

[1] Собственно въ данномъ случаѣ только и можетъ быть рѣчь, что о королевствѣ (конституціонномъ, впрочемъ, на которое согласились и такіе „Молодые Итальянцы“, какъ Гарибальди), а не о буржуазіи, противъ которой тѣмъ болѣе не имѣли ничего и самые „Молодые Итальянцы“, что самъ Le Révolté нѣсколько строкъ выше назвалъ ихъ „республиканской буржуазіей“. „Молодая Италія“ и соціализмъ — явленія совсѣмъ разныхъ историческихъ періодовъ.

[2] A Le Révolté не литература?!

вѣтвленій (тайнаго) общества. 31-го августа 1870 г. Парижъ остался нѣмъ (глухъ) къ призыву Бланки. Четыре дня позже онъ провозглашаетъ низложеніе правительства; но тогда вовсе не бланкисты были иниціаторами движенія. Народъ, милліоны низвергаютъ съ трона Декабрьскаго человѣка и провозглашаютъ правителями фарсеровъ, которыхъ имена назвучали имъ въ ушахъ въ теченіе двухъ лѣтъ (больше!).

„Когда революція готова вспыхнуть, когда движеніе чувствуется въ воздухѣ, когда успѣхъ уже сталъ вѣрнымъ, тогда тысячи новыхъ элементовъ, на которыхъ тайная организація не имѣла никогда прямого вліянія, присоединяются къ движенію, какъ хищныя птицы, падающія на поле битвы, чтобъ раздѣлить остатки жертвъ. Они то (эти элементы) помогаютъ произвести послѣдній толчекъ, но они берутъ себѣ начальниковъ не въ рядахъ искреннихъ и непримиримыхъ заговорщиковъ, а среди балансеровъ, если только они вдохновлены мыслью, что начальникъ необходимъ.

„Заговорщики, которые поддерживаютъ предразсудокъ диктатуры, работаютъ безсознательно для облегченія прыжка ко власти собственныхъ ихъ враговъ."

Мысли въ такомъ родѣ не составляютъ новости для читателей „Вольнаго Слова", въ которомъ не разъ было говорено не только подобное, но даже указывалось, что централистическо-диктаторскія стремленія революціонеровъ въ Россіи подрываютъ самую силу революціоннаго движенія, и даже, въ случаѣ дѣйствительнаго революціоннаго взрыва, приготовляютъ условія даже не для господства „балансеровъ" (какъ во Франціи), а просто для возстановленія самодержавія (какъ это случилось въ Австріи послѣ 1848 г.) или же диктатуры какого-нибудь „бѣлаго генерала". При извѣстномъ нашимъ читателямъ скептическомъ отношеніи нашемъ ко всякимъ авторитетамъ и мечтаніямъ, консервативнымъ, какъ и революціоннымъ, наши замѣчанія въ такомъ родѣ не представляютъ по крайней мѣрѣ ничего неожиданнаго. Но со стороны „Le Révolté" напечатаніе вышеприведенныхъ

строкъ нельзя не счесть проявленіемъ гражданской смѣлости, не совсѣмъ обычной.

Не менѣе выписанныхъ любопытны и дальнѣйшія соображенія женевской газеты, хотя они не имѣютъ уже столь близкаго отношенія къ россійскимъ дѣламъ.

„Но, если то, что мы сейчасъ сказали, — говоритъ Le Révolté,— вѣрно относительно революціи или скорѣе бунтовъ (émeutes) политическихъ, то оно еще болѣе вѣрно по отношенію къ Революціи Соціальной. Дозволить установиться какому-либо сильному и внушающему повиновеніе правительству — это значитъ загромазить съизначала ходъ революціи. Добро, которое это правительство можетъ сдѣлать, ничтожно, а зло — огромное.

„Въ самомъ дѣлѣ, о чемъ идетъ дѣло, что разумѣемъ мы подъ (этой) Революціей? Это не простая смѣна правителей. Это принятіе народомъ во владѣніе всего общественнаго богатства и обращеніе въ общее пользованіе этого богатства. Это отмѣна всѣхъ властей, которыя не переставали препятствовать развитію человѣчества. Но развѣ этотъ огромный переворотъ (révolution) экономическій можетъ быть совершенъ приказаніями, исходящими отъ правительства?“ Здѣсь газета напоминаетъ историческіе примѣры неисполненія такихъ приказовъ, которые стояли выше уровня идей массы, но къ сожалѣнію первый же примѣръ цитируетъ не точно, говоря, будто „революціонный диктаторъ польскій, Костюшко, предписалъ уничтоженіе крѣпостного права“.[1]

„Но если, продолжаетъ Le Révolté, правительство, даже еслибъ оно было идеаломъ революціоннаго правительства, не создаетъ новой силы и не представляетъ никакого удобства для дѣла разрушенія, ко-

[1] Славянскимъ сотрудникамъ женевской газеты не трудно было бы справиться хоть бы съ книгой Костомарова „Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой“, чтобы узнать, что никогда Костюшко подобнаго декрета не издавалъ. Но мы нарочно остановились на этой неточности, такъ какъ она даетъ намъ случай замѣтить, какъ небрежно относятся учители рабочихъ классовъ къ своей работѣ. Спѣшь и рядомъ видишь что даже одинъ и тотъ же авторъ, когда пишетъ для „буржуазнаго“ изданія, то считаетъ долгомъ заботиться и о формѣ, и о точности фактовъ, а для „революціонной“ прессы, для рабочихъ — считается позволительнымъ руководствоваться пріемомъ повара Ноздрева: „катай, выляй,— было бы горячо, а вкусъ какой-нибудь вѣрно выйдетъ!“ Не оттого ли, между прочимъ, даже соціалисты-революціонеры, и рабочіе не могутъ прожить безъ „буржуазной прессы“, а своей и сами не читаютъ? О „буржуазной“ публикѣ и говорить нечего. ...

торое мы должны выполнить, то мы еще менѣе можемъ разсчитывать въ дѣлѣ реорганизаціи, которая должна слѣдовать за разрушеніемъ. Экономическая перемѣна, которая вытечетъ изъ Соціальной Революціи будетъ столь огромна и глубока и должна такъ измѣнить всѣ отношенія, основанныя теперь на собственности и обмѣнѣ, что не возможно ни одному, ни нѣсколькимъ личностямъ выработать общественныя формы, которыя должны родиться въ новомъ обществѣ. Эта выработка новыхъ общественныхъ формъ не можетъ быть иначе совершена, какъ коллективнымъ трудомъ массъ. Чтобъ удовлетворить громадному разнообразію условій и новыхъ нуждъ, которыя родятся въ тотъ день (?!), когда личная собственность будетъ разрушена, нужно безконечное разнообразіе коллективнаго ума страны. Всякая внѣшняя власть будетъ только препятствіемъ, помѣхою органическому труду, который долженъ быть совершенъ, и, поскольку же, источникомъ раздоровъ и ненависти."

Въ сущности всею вышеприведенною тирадою Le Révolté доказываетъ, что самое понятіе Соціальная Революція не имѣетъ смысла, если понимать слово революція въ обычномъ значеніи: гражданской войны. Но тѣмъ не менѣе газета заканчиваетъ заявленіемъ въ пользу такой революціи, въ тоже время восклицая: „довольно правительствъ, дайте мѣсто народу, анархіи!" Какимъ образомъ культъ революціи, да еще съ вѣрою совершенія ея въ одинъ „день", можетъ уживаться съ идеей о соціализмѣ и анархіи, понять такъ же трудно, какъ и то, какимъ образомъ дѣло разрушенія существующаго экономическаго строя можетъ быть отдѣляемо отъ организаціи новаго. Революція, какъ вооруженное возстаніе извѣстнаго меньшинства (большинству нечего возставать), есть понятіе круга отношеній политическихъ, государственныхъ и тамъ имѣетъ полный смыслъ, ибо извѣстнаго меньшинства бываетъ достаточно для ниспроверженія даннаго внѣшняго государственнаго строя и установленія другого, хотя не всегда бываетъ достаточно для упроченія его. Но что можетъ сдѣлать какое-либо меньшинство въ такомъ

дѣлѣ, какъ установленіе общаго пользованія имуществами, требующее добровольнаго соглашенія и высокаго нравственнаго развитія отъ огромнаго большинства населенія?! Тутъ и не очень крупное большинство не достаточно. Далѣе, какимъ образомъ война можетъ быть производима безъ власти, какимъ образомъ она можетъ обойтись безъ того, чтобъ не породить власть, даже если бы первоначально это и не имѣлось въ виду? Анархисты, не отдѣлавшіеся отъ привычекъ государственности, придумали, правда, для примиренія рѣжущихъ глаза противорѣчій, раздѣлить актъ соціальной революціи на два момента; въ одинъ день — разрушеніе, на другой день — реорганизація; первая будто произведется самопроизвольнымъ народнымъ возстаніемъ, хотя бы и хаотическимъ, и затѣмъ изъ хаоса народъ самопроизвольно же устанавливаетъ новый порядокъ. Но хаосъ можетъ повести только къ хаосу же, который оканчивается диктатурою перваго взявшаго палку. Для того же, чтобъ люди могли прочно замѣнить старый порядокъ новымъ, а особенно такимъ сложнымъ, какъ національнализація или даже интернаціонализація собственности, надо, чтобъ они имѣли въ умахъ готовый планъ такой организаціи, каковой вырабатывается, или, лучше сказать, выростаетъ рядомъ опытовъ въ постоянной разносторонней борьбѣ съ отживающимъ порядкомъ и въ такихъ же попыткахъ установленія новыхъ порядковъ. Этотъ ростъ и составляетъ общественную эволюцію, въ которой военныя дѣйствія, какъ взрывы классовой ненависти, бунты и революціи, конечно, неизбѣжны, но въ которой они составляютъ только часть и при томъ далеко не самую существенную.

По поводу изгнанія П. Л. Лаврова изъ Франціи.[1]

(Первоначально напечатано въ журналѣ „Вольное Слово“ № 28, 1882 г.)

Случай съ изгнаніемъ П. Л. Лаврова изъ Франціи закончился въ теченіе прошлой недѣли со своей конкретной стороны. Нѣкоторымъ утѣшеніемъ въ этомъ печальномъ случаѣ служитъ то, что онъ заканчивается при признаніи даже со стороны французскаго правительства того принципа, на который въ „Вольномъ Словѣ“ былъ сдѣланъ намекъ, при первомъ извѣстіи объ этомъ случаѣ, а именно необходимости въ цивилизованныхъ странахъ поставить и иностранцевъ въ меньшую зависимость отъ административнаго произвола, если уже въ этихъ странахъ признано необходимымъ оградить отъ него туземцевъ. Газеты сообщили, что президентъ совѣта французскаго министерства въ своихъ объясненіяхъ съ депутатомъ Талапдье по дѣлу г. Лаврова, выразилъ, что обѣщаніе изгнать послѣдняго было дано русскому послу прежнимъ министерствомъ и что вообще законъ 1849 г. объ изгнаніи иностранцевъ составленъ такъ, что, отдавая подобныя дѣла въ руки администраціи, ставитъ ее въ невозможность отказать иностранному правительству въ требованіи изгнанія, безъ установленія къ нему непріятныхъ отношеній. Министръ обѣщалъ представить проектъ измѣненія закона въ томъ направленіи, чтобъ въ подобныхъ случаяхъ имѣла извѣстное участіе судебная власть. На основаніи этихъ объясненій, друзья г. Талапдье отказались отъ намѣренія сдѣлать формальный парламентскій запросъ министерству и уполномочили г. Кловиса Гюга сдѣлать только вопросъ, который не поведетъ за собою никакого вота.

Можно находить, что формальный запросъ и резолюція всетаки были бы нелишними, такъ какъ это не только бы пролило больше свѣта на данный случай, но и повліяло бы на скорѣйшее измѣненіе закона, который и правительство признало неудобнымъ.

[1] Эта статья вмѣстѣ съ двумя печатаемыми ниже статьями — „Круговой побѣгъ украинцевъ отъ вѣры отцовъ“ и „Еврейскій вопросъ въ славянскомъ кружкѣ въ Лондонѣ“ были напечатаны въ „Вольномъ Словѣ“ подъ общимъ заглавіемъ „Изъ вопросовъ текущей жизни“. Такъ какъ однако порядокъ, въ которомъ мы печатаемъ статьи и замѣтки изъ „Вольнаго Слова“, согласованъ нами не съ порядкомъ появленія отдѣльныхъ номеровъ журнала, а съ однородностью темъ, обсуждаемыхъ въ различныхъ статьяхъ и замѣткахъ, то мы должны были размѣстить и эти три статьи по разнымъ отдѣламъ согласно ихъ содержанію При этомъ мы устранили ничего не говорящее общее заглавіе ихъ „Изъ вопросовъ текущей жизни“, такъ какъ оно имѣло значеніе для повременнаго изданія, но не для книги. Прим. ред.

Но послѣ того, какъ извѣстная парламентская группа отказалась отъ запроса, дальнѣйшее обсужденіе случая съ г. Лавровымъ въ его частной формѣ теряетъ практическій интересъ. Но за то тѣмъ больше умѣстнымъ является обсужденіе общихъ сторонъ этого случая, въ видахъ устраненія тѣхъ ненормальностей и ошибокъ, которыя онъ обнаружилъ. Самая крупная ненормальность — это та, на какую уже указано выше: а именно, что противъ иностранца г. Лаврова принята административная мѣра за дѣйствіе, въ которомъ участвовали и туземцы, — редакціи, напечатавшія его воззваніе, — которые не были привлечены къ судебному преслѣдованію, конечно, по неимѣнію для того серьезныхъ основаній. Мы думаемъ, что радикальныя партіи, которыя остались недовольны изгнаніемъ г. Лаврова, послужили бы дѣлу свободы наиболѣе практическимъ способомъ, если бы, вмѣсто декламацій противъ тирановъ, декламацій, которыя иногда дѣлаются единственно для очистки совѣсти, настояли на проведеніи закона, который бы поставилъ отвѣтственность иностранцевъ за политическія дѣйствія вполнѣ на одну ногу съ туземцами и вполнѣ уничтожилъ теперешнее подчиненіе иностранцевъ административному произволу, какъ остатокъ временъ варварскихъ, противный установленному равенству иностранцевъ и туземцевъ въ дѣлахъ гражданскаго характера. Въ самомъ дѣлѣ, не нелѣпость ли, что иностранецъ можетъ купить домъ въ Парижѣ или Женевѣ и въ то же время можетъ во всякое время, по усмотрѣнію полиціи, быть изгнанъ изъ этихъ городовъ и ихъ государствъ? Да не остатокъ ли временъ древнихъ и всякое изгнаніе изъ какого-либо государства?!

Съ другой стороны, желательно бы было, чтобъ случай съ г. Лавровымъ послужилъ поводомъ къ исправленію практической ошибки, которая допущена была и имъ самимъ, въ числѣ другихъ учредителей „Общества Краснаго Креста Народной Воли“. Ошибка эта состоитъ въ томъ, что международное явное общество, въ сущности филантропическаго характера, и при томъ задуманное весьма широко, для помощи всѣмъ „пострадавшимъ отъ русскаго правительства за свободу мысли, слова“ и т. п. и ихъ семействамъ, поставлено какъ часть, или дополненіе тайнаго революціоннаго общества, пребывающаго въ одной странѣ и имѣющаго такъ называемый террористическій характеръ. Всякая цѣль требуетъ себѣ соотвѣтственныхъ средствъ и формъ выраженія ихъ: политическая борьба въ государствѣ деспотическомъ, особенно борьба, такъ называемая террористическая, требуетъ тайнаго общества; дѣло организаціи денежныхъ сборовъ въ странахъ болѣе или менѣе свободныхъ, для помощи какимъ бы то ни было жертвамъ, требуетъ учрежденій и дѣйствій открытыхъ и гласности возможно широкой. Дѣло же учрежденія заграничнаго отдѣла „Общества Краснаго Креста Народной Воли“ было поставлено на самомъ неудобномъ смѣшеніи этихъ двухъ принциповъ.[1]

[1] Нельзя назвать удачнымъ и самое имя, избранное для вышеупомянутаго общества: „Красный Крестъ“. Во-первыхъ, это имя шокируетъ многихъ свободныхъ мыслителей и соціалистовъ, которые видятъ въ такомъ имени или лицемѣр-

Неловкость своего положенія, очевидно, чувствовали и сами учредители заграничнаго отдѣла „Общества Кр. Кр. Н. В.“, гг. Засуличъ и Лавровъ, когда, придавая публичность своему воззванію и скрѣпляя его своими подписями, въ то же время не выставляли на немъ своихъ адресовъ, столь необходимыхъ во всякомъ приглашеніи къ присылкѣ пожертвованій, въ особенности, обращенномъ къ европейской публикѣ, которая не понимаетъ никакого публичнаго дѣла безъ извѣстнаго, съ опредѣленнымъ жительствомъ комитета, съ правильнымъ бюро и казначеемъ. Эту же странность поняли и тѣ немногіе парижскіе журналы, которые ограничились тѣмъ, что перепечатали воззваніе гг. Засуличъ и Лаврова, но не прибавили отъ себя, что они открываютъ въ своихъ бюро подписку для „О. Кр. Кр. Н. В.“ По всему этому, даже и безъ мѣры, принятой французскимъ правительствомъ противъ г. Лаврова (мѣры, которую напередъ должно было предвидѣть), миссія, принятая гг. Засуличъ и Лавровымъ, заранѣе осуждена была, благодаря тѣмъ формамъ, въ какихъ она была объявлена, на неудачу, которая могла только доставить лишнее удовлетвореніе петербургскому правительству.

А между тѣмъ не только положеніе многочисленныхъ прямыхъ и косвенныхъ жертвъ этого правительства дѣйствительно требуетъ помощи, но нельзя сомнѣваться и въ томъ, что самые разнообразные гуманно развитые элементы западно-европейскаго общества, къ которымъ и обращалось воззваніе гг. Засуличъ и Лаврова, могли бы доставить крупную долю средствъ для этой помощи, если бы это дѣло было поставлено, сообразно условіямъ европейскаго политическаго общежитія. Дѣло это должно быть поставлено на чисто-филантропическую международную почву, въ видѣ открытаго международнаго общества, совершенно независимаго отъ „Народной Воли“ и какихъ бы то ни было тайныхъ революціонныхъ обществъ въ Россіи, съ явнымъ комитетомъ, казначеями и т. п. Еще и теперь не поздно. Напротивъ того: какъ нѣтъ худа безъ добра, такъ и изгнаніе г. Лаврова сдѣлало рекламу цѣли „Общества Краснаго Креста Н. Воли“ гораздо болѣе, чѣмъ сама подписанная имъ прокламація, которая имѣла до сихъ поръ сравнительно слабое распространеніе. Теперь необходимо остановить вниманіе европейскихъ обществъ на положеніи жертвъ преслѣдованій русскаго правительства, напримѣръ, административныхъ ссыльныхъ, которыхъ число доходитъ до 3000. Вѣдь это цѣлый городъ, особенно, если прибавить къ нимъ и ихъ семьи! Мы полагаемъ, что эмиграція изъ Россіи только исполнила бы свою обязанность, если бы издала на главныхъ европейскихъ языкахъ брошюру о положеніи этихъ ссыльныхъ, хотя бы на основаніи тѣхъ матеріаловъ, какіе до сихъ поръ были напечатаны; а, при небольшомъ усердіи, не трудно бы было со-

---

ный оппортунизмъ, или стремленіе кружка „Нар. В.“ придать себѣ государственный характеръ; во-вторыхъ, имя это составляетъ уже собственность извѣстнаго другого учрежденія; въ третьихъ, даже сравненіе „Общества Краснаго Креста Н. В.“ съ извѣстнымъ „Краснымъ Крестомъ“ не совсѣмъ точно: извѣстный „Красный Крестъ“ помогаетъ раненымъ обѣихъ воюющихъ сторонъ, а „Красный Крестъ Народной Воли“ служитъ только одной сторонѣ.

брать рукописные матеріалы. Подобная брошюра была бы наиболѣе практическимъ шагомъ къ образованію того „международнаго общества пособія жертвамъ политическихъ преслѣдованій русскаго правительства“, о которомъ мы сейчасъ говорили. Вообще европейцы привыкли, чтобы имъ изложено было фактически, въ подробностяхъ, положеніе той среды, въ пользу которой ихъ приглашаютъ жертвовать, будетъ ли это наводненный городъ, или „болгарскіе сироты“, или жертвы еврейскихъ погромовъ въ Россіи. Съ дѣйствительнымъ положеніемъ политическихъ узниковъ, ссыльныхъ и ихъ семействъ въ Россіи западно-европейская публика знакома очень мало: путешественники по Россіи, болѣе или менѣе консервативнаго направленія, объ этомъ не считали нужнымъ писать, а революціонеры тоже до сихъ поръ не пополнили этого пробѣла. А между тѣмъ политическая система, господствующая вотъ уже нѣсколько лѣтъ въ Россіи, скрываетъ своего рода „ужасы въ Болгаріи“, описанія которыхъ въ свое время столь глубоко возмутили гуманныхъ людей всѣхъ націй и партій.

Ничего не измѣняющее измѣненіе.

(Первоначально напечатано въ журн. „Вольное Слово“ № 29, 1882 г.)

Газеты передаютъ, что французскій совѣтъ министровъ рѣшилъ измѣнить законъ 1849 г. объ изгнаніи иностранцевъ слѣдующимъ образомъ: „всякій иностранецъ, который уже подвергся судебному осужденію, можетъ быть изгнанъ безъ всякихъ формальностей, если же онъ не былъ осужденъ, то вопросъ объ его изгнаніи долженъ быть представленъ совѣту министровъ“. Непостижимо, какимъ образомъ можно считать эту перемѣну за что либо существенное!

Со стороны гарантіи личности отъ административнаго произвола, усмотрѣніе совѣта министровъ, — который, не будучи судебнымъ учрежденіемъ, не можетъ производить обстоятельнаго слѣдствія, ни даже выслушать подсудимаго, — такъ же недостаточно, какъ и усмотрѣніе одного министра внутреннихъ дѣлъ, на котораго въ большинствѣ случаевъ по прежнему падетъ вся активная роль въ дѣлахъ изгнанія. Со стороны устраненія щекотливыхъ отношеній французскаго кабинета къ правительствамъ, требующимъ изгнанія извѣстныхъ лицъ, (которыя могутъ быть, какъ показалъ опытъ, самыя разнообразныя: отъ Донъ-Карлоса и до г. Лаврова) предоставленіе вопроса объ изгнаніи лица, не подвергшагося судебному приговору, на волю совѣта министровъ тоже ничего не устраняетъ: „дружественныя правительства“ усмотрятъ въ отказѣ обиду себѣ со стороны французскаго кабинета, тогда какъ потребовать судебнаго разбирательства (гласнаго) не всякое „дружественное правительство“ и рѣшилось бы, и въ случаѣ оправдательнаго приговора суда, а особенно суда присяжныхъ, кабинетъ, какъ власть исполнительная, оставался бы совершенно въ сторонѣ. Вотъ и „либеральное“ правительство г. Фрейсине, а все-таки не рѣшается отказаться отъ одной изъ столько же монархическихъ, сколько и якобинско-революціонныхъ прерогативъ исполнительной власти, очевидно не такъ въ интересахъ добраго согласія съ „дружественными державами“, какъ опасаясь обезоружить свою партію передъ иностранцами, которые то по своимъ „бѣлымъ“, то по своимъ „краснымъ“ идеямъ, могутъ предаваться въ Франціи непріятной для господствующей партіи агитаціи! Когда же это люди поймутъ, что всякая палка о двухъ концахъ и что она можетъ повернуться и противъ того, кто теперь ею владѣетъ, тогда какъ свобода, законъ, можетъ, какъ еще замѣтилъ одинъ знаменитый англичанинъ, охранить всякаго человѣка даже и въ то время, „когда онъ окажется въ положеніи слабаго“?!

Учащаяся молодежь и политическая агитація.

(Первоначально напечатано въ журналѣ „Вольное Слово“ № 50, 1882 г.)

Телеграммы о закрытіи казанскаго университета и объ арестѣ цѣлой сотни студентовъ петербургскаго университета заставляютъ насъ вновь обратить вниманіе читателей на предметъ, котораго мы касались недавно, а именно на вопросъ объ участіи молодежи въ политической агитаціи.

„Студенческія волненія“ или „безпорядки“ сдѣлались въ Россіи явленіемъ хроническимъ, которое тянется почти безъ перерыва съ самаго 1857 года (съ такъ называемой „лужинской исторіи“ въ Харьковѣ). Въ этихъ волненіяхъ можно различить два элемента, хотя и тѣсно связанные одинъ съ другимъ: частный, академическій, и общій, политическій. Извѣстныя явленія студенческихъ „безпорядковъ“ обусловливаются тѣмъ, что самодержавно-монархическое правительство русское, вообще противное всякому общественному и коллегіальному началу, особенно не терпитъ этого начала въ высшихъ школахъ, которыя между тѣмъ по существу своему требуютъ извѣстной степени свободы и коллегіальнаго самоуправленія, и не даетъ должной доли автономіи даже преподавателямъ высшихъ школъ, а тѣмъ болѣе учащейся въ нихъ молодежи. Отсюда является у послѣдней неудовлетворенность, которая представляетъ естественное поле для всякой противоправительственной агитаціи, не говоря уже о томъ, что ненормальныя условія положенія студентовъ вызываютъ цѣлый рядъ столкновеній, которыя по существующимъ въ Россіи правительственнымъ взглядамъ представляются явле-

ніями политическаго характера. Такъ какъ долгій опытъ послѣдняго царствованія показалъ, что такъ наз. въ Европѣ академической свободы (автономіи преподавателей, свободы преподаванія, права студентовъ на устройство корпорацій съ свободою науки и слова и въ нихъ) нельзя ожидать отъ самодержавно-бюрократическаго правительства, то отцамъ нашей учащейся молодежи ничего не остается, какъ или трепетать за участь своихъ дѣтей во все время пребыванія ихъ въ высшихъ школахъ, — или самимъ рѣшительно выступить противъ этого правительства. Такъ какъ россійскіе „отцы“ не обнаруживаютъ энергіи къ такому выступленію, то потому сила вещей — своего рода духъ, правящій жизнью народовъ — мститъ имъ въ дѣтяхъ ихъ.

То же самое надо сказать и по поводу уже прямо политическаго элемента въ студенческихъ волненіяхъ. Что учащаяся молодежь вся враждебна существующему въ Россіи политическому и общественному порядку вещей, — это болѣе, чѣмъ естественно, такъ какъ этотъ порядокъ противенъ всѣмъ тѣмъ идеямъ, которыя молодежь выноситъ изъ современной науки, хотя бы послѣдняя преподавалась самымъ искаженнымъ, въ угоду правительству, образомъ. Что молодежь, которая, принадлежа къ наиболѣе образованной части населенія, въ то же время есть и болѣе горячая часть этой послѣдней, энергичнѣе стремится проявить свою вражду къ существующему порядку вещей, — это тоже въ порядкѣ вещей. Мы вовсе не исповѣдуемъ культа молодежи, который, — по естественной, впрочемъ, реакціи оффиціознымъ и оффиціальнымъ Иродамъ — довольно распространенъ въ извѣстной части русской печати. Наблюденія надъ общественной жизнью и школой въ Россіи убѣдили насъ, что наши „дѣти“ качественно вовсе не выше „отцовъ“ и заключаютъ въ себѣ среднимъ числомъ тѣ же пороки и тѣ же добродѣтели, что и отцы, при чемъ высшее во многихъ случаяхъ образованіе „дѣтей“ очень часто служитъ имъ только для оправданія разными софизмами многихъ пороковъ, ставшихъ, такъ сказать, конституціонными пороками рус-

скаго общества. Но тѣмъ не менѣе, на основаніи изложенныхъ выше соображеній, мы считаемъ безспорнымъ то положеніе, что по отношенію къ существующему политическо-общественному строю въ Россіи учащаяся молодежь ея представляетъ передового, самаго горячаго выразителя того разлада, какой существуетъ между всѣмъ образованнымъ обществомъ и правительстомъ Россіи. И съ этой стороны къ россійской молодежи болѣе, чѣмъ къ другой, съ полнымъ правомъ прилагаются слова знаменитаго ученаго и педагога, Н. И. Пирогова, сказанныя въ его прощальной рѣчи къ кіевскимъ студентамъ въ 1861 г.: „кто не забылъ своей молодости и изучалъ чужую, тотъ не могъ не различить и въ ея увлеченіяхъ стремленій высокихъ и благородныхъ, не могъ не открыть и въ ея порывахъ явленій той грозной борьбы, которую суждено вести человѣческому духу за дорогое ему стремленіе къ истинѣ и совершенству."

Вполнѣ естественно, что наша молодежь рвется къ ниспроверженію гнетущаго Россію политико-общественнаго строя, преимущественно пополняя собою всякаго рода противоправительственные заговоры и пользуясь всякимъ, часто и неважнымъ по существу своему случаемъ къ протесту, по крайней мѣрѣ, въ сферѣ академической жизни, превращая сами эти случаи въ явленія политическаго характера. Вполнѣ естественно, но въ то же время всетаки крайне печально, что учащаяся молодежь наша активно проявляетъ свою вражду къ правительству слишкомъ преждевременно, во время своего ученія и преимущественно въ болѣе ранніе его годы. Такимъ образомъ, молодежь эта слишкомъ рано растрачиваетъ свои силы и гибнетъ въ слишкомъ неравной борьбѣ почти безъ всякихъ результатовъ для общества.

Въ настоящее время послѣ опыта столькихъ лѣтъ людямъ, сколько-нибудь способнымъ къ холодному размышленію, трудно не прійти къ подобнымъ заключеніямъ. Возьмемъ хоть послѣднее десятилѣтіе. Трудно найти въ исторіи русскаго общества явленіе болѣе благородное, чѣмъ массовое движеніе учащейся молодежи „въ народъ" въ 1874—75 гг., и что же въ

сущности дало оно? какіе положительные результаты, которые хоть сколько-нибудь были бы равносильны тому количеству жертвъ, какихъ стоило это движеніе? Если бы это слово имѣло болѣе реальнаго смысла, — мы бы сказали, что великій грѣхъ взяли на свою совѣсть тѣ пожилые люди, которые въ то время вмѣсто того, чтобы сдерживать молодежь отъ преждевременной акціи, на которую молодежь пошла безъ связей съ жизнью, безъ знаній не только практическихъ, но даже съ неоконченнымъ теоретическимъ образованіемъ, безъ должныхъ средствъ для нападенія на врага и для самозащиты, торопили эту молодежь. Этотъ преждевременный во всѣхъ отношеніяхъ „крестовый походъ дѣтей“ стоитъ образованному обществу въ Россіи, по крайней мѣрѣ, 4—5000 преждевременно испорченныхъ жизней, которыя очень бы пригодились теперь, когда вся совокупность внутреннихъ и внѣшнихъ отношеній Россіи поставила ребромъ вопросъ о ея политической реформѣ и когда для вѣской постановки этого вопроса у образованнаго общества оказывается все-таки слишкомъ мало наличныхъ силъ. Если происходящее въ послѣдніе годы въ Россіи дѣтоубійство продолжится еще, то странѣ этой угрожаетъ рѣшительный маразмъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Вотъ почему насущнымъ интересомъ противоправительственнаго движенія въ Россіи является въ настоящее время удержаніе учащейся молодежи отъ практической политической агитаціи и отъ растраты силъ на студенческія волненія изъ-за домашнихъ поводовъ, которые даетъ жизнь нашихъ учебныхъ заведеній, хотя бы въ этихъ поводахъ вся правда была на сторонѣ „протестующихъ“ студентовъ, такъ какъ эти волненія даютъ только нашимъ Иродамъ предлогъ къ массовому дѣтоубійству. Послѣ всего случившагося въ послѣдніе годы только крайне близорукіе люди да агенты-провокаторы могутъ пѣть пѣсни агитаторовъ 60-хъ-70-хъ годовъ о „революціонной молодежи“. Но не надо забывать, что въ дѣлахъ общественной жизни пожеланія и даже увѣщанія значатъ очень мало. Молодежь фатально увлекается и

къ академическимъ волненіямъ, и къ преждевременной политической акціи. Воздержаться она можетъ всего рѣшительнѣе конкурренціей ей на этомъ полѣ со стороны „отцовъ“. Примѣръ западно-европейскихъ обществъ служитъ самымъ лучшимъ подтвержденіемъ сказанному: чѣмъ болѣе здѣсь активны на политическомъ полѣ зрѣлые элементы населенія, тѣмъ позже вступаетъ на это поле молодежь, тѣмъ болѣе остается у нея времени для собиранія силъ къ выступленію въ активную жизнь. Время же филистерской пассивности, напримѣръ, нѣмецкаго общества передъ самодержавной бюрократіей въ 1815—1830 гг. было и въ Германіи временемъ студенческихъ конспирацій и даже политическихъ аттентатовъ, вродѣ убійства Коцебу Зандомъ.

Та гибель молодыхъ силъ Россіи въ 70-ые годы, о которой мы сказали выше, то во многихъ отношеніяхъ вредное тогдашнее куреніе фиміама передъ „честною революціонною русскою молодежью“ [1] объясняется и въ значительной степени оправдывается тою апатіей, какой допустили овладѣть собою даже лучшія зрѣлыя личности изъ такъ называемаго „общества“ во второй половинѣ 60-хъ годовъ, и за тѣмъ отрицательное, часто рѣзко враждебное отношеніе не только къ способамъ дѣйствія, но и къ самой сущности политическихъ и соціальныхъ стремленій молодежи 70-хъ гг., иногда даже со стороны тѣхъ самыхъ лицъ, которыя сами раздѣляли эти стремленія въ началѣ шестидесятыхъ годовъ.

Теперь опытъ столькихъ лѣтъ долженъ бы убѣдить всѣхъ честныхъ и образованныхъ людей въ Россіи, во-первыхъ, въ томъ, что на правительство нельзя возлагать никакихъ надеждъ по части удовлетворенія насущнѣйшихъ нуждъ страны, и что поэтому нужно

---

[1] Вопросъ объ этомъ фиміамѣ самъ по себѣ требовалъ бы отдѣльнаго разсужденія, для котораго мы теперь не имѣемъ времени. Для того, чтобъ хоть сколько-нибудь поясить наши слова, мы прибавимъ къ сказанному нѣсколькими строками выше, что фиміамъ этотъ курился въ обществѣ, въ которомъ предъидущая исторія (политическое рабство, крѣпостничество, семейное самодурство, невѣжество) тщательно культивировала противогуманные и противосоціальные инстинкты грубаго эгоизма. Можно себѣ представить тотъ вредъ, какой долженъ былъ получиться отъ усвоенія извѣстной частью такого общества, — все-таки плотью отъ плоти его и костью отъ кости его, — убѣжденія, что она составляетъ въ нѣкоторомъ родѣ „соль земли“, вполнѣ уже отложившуюся, не нуждающуюся въ совершенствованіи.

со стороны общества рѣшительное выступленіе противъ этого правительства, а, во-вторыхъ, что никакими ворчаніями и увѣщаніями не остановить порывовъ молодежи къ самымъ рискованнымъ дѣйствіямъ противъ этого правительства, и, въ-третьихъ, что безъ перемѣны политической системы рѣшительно невозможно сколько-нибудь спокойное и безопасное пребываніе молодежи въ учебныхъ заведеніяхъ. Послѣ всѣхъ этихъ поученій исторіи послѣднихъ десятилѣтій, люди сколько-нибудь развитые политически и вмѣстѣ съ тѣмъ отцы и братья учащихся молодыхъ людей, должны бы были прійти къ мысли о необходимости самимъ выступить на сцену политической акціи, первымъ шагомъ которой должно бы быть повсемѣстное образованіе правильныхъ обществъ съ цѣлями политическаго преобразованія Россіи. Эти общества должны, конечно, не сливаясь съ молодежью (послѣднее вообще не цѣлесообразно, а теперь еще повело бы только къ облегченію задачъ государственной полиціи), находиться, однакожъ, въ сношеніяхъ съ этой молодежью, знакомя ее съ своими политико-соціальными программами, вліять на нее нравственно, указывая ей наиболѣе насущныя для даннаго времени общественныя задачи и доказывая ей фактомъ своего существованія и дѣятельности отсутствіе для нея необходимости торопиться съ выходомъ на активную борьбу, а затѣмъ облегчать этой молодежи, по мѣрѣ приготовленія ея представителей къ дѣятельной жизни, первые шаги въ этой жизни.

Студенческій манифестъ.

(Первоначально напечатано въ журналѣ „Вольное Слово“ № 33, 1882 г.)

Мы получили приводимое ниже воззваніе, которое сочли небезъинтереснымъ напечатать.

Отъ Центральнаго кружка студентовъ С.-Петербургскаго университета къ студентамъ.

Товарищи студенты!

Непредвидѣнныя обстоятельства помѣшали намъ заявить себя по поводу акта и напомнить тѣ безобразныя репрессіи, объектомъ которыхъ было русское студенчество въ прошломъ году.

Онѣ будутъ предметомъ перваго номера нашей газеты.

Теперь произошелъ новый фактъ, въ которомъ съ усиленной яркостью повторилось прежнее направленіе правительства.

Харьковскій университетъ закрытъ.[1]

Три студента назвали подлецомъ въ публичномъ мѣстѣ продажнаго ренегата, обливающаго русскую молодежь клеветами и инсинуаціями, съ которыми соперничаютъ только мерзости Незлобина-Дьякова. Говоруха-Отрокъ началъ драку....

Что сдѣлали студенты постыднаго? Развѣ подлость не заслуживаетъ публичнаго обличенія?

Студенты не дрались, какъ Говоруха, они только выразили гадливое чувство, которое питаетъ молодежь къ инсинуатору. Развѣ это не дѣлается вездѣ? не дѣлается всѣми?

Но университетское начальство считаетъ себя солидарнымъ съ клеветниками: оно исключило этихъ трехъ студентовъ изъ университета. Товарищи обсудили ихъ поступокъ и одобрили его. Делегаты, посланные студенческой сходкой, были съ руганью и дерзостями высланы совѣтомъ. Они не заслужили этого: они не могли знать, что въ это время происходило засѣданіе, такъ какъ швейцара у дверей не было.... Но профессора солидарны съ инсинуаторами; солидарны съ полицейскими тенденціями правительства. На лучшія побужденія молодежи они плюютъ.

Товарищи! Не забывайте, что это сыщики и чиновники на каѳедрахъ. Вычеркните ихъ изъ своихъ друзей!

Харьковская исторія — новое доказательство, что русское правительство признаетъ студентовъ паріями. Осыпанные клеветою,

[1] Въ настоящее время уже открытъ съ исключеніемъ 6 чел. студентовъ по распоряженію попечителя, какъ сообщаютъ „Русск. Вѣд.“

они не могутъ оскорбляться: эти клеветы патентованы правительствомъ. Они не могутъ обсуждать поступокъ своихъ товарищей, что неизбѣжно во всякомъ общежитіи. Они подвергаются за это оскорбленіямъ и исключенію. Университетъ закрывается.

Товарищи студенты! Мы знаемъ — въ васъ кипитъ чувство негодованія противъ насилія надъ харьковскими братьями.

Товарищи! Не поддавайтесь минутнымъ увлеченіямъ. Вы видите, что правительство жестоко караетъ поступки, ему противные, хотя сравнительно неважные. Только великое дѣло требуетъ великихъ жертвъ. Мы много пережили, много перенесли и перетерпѣли за прошлый годъ. Накопляйте силы! Объединимся! Организуйтесь подъ нашимъ знаменемъ!

Въ недалекомъ будущемъ насъ ждутъ великія событія! Наши силы понадобятся. Сохраните ихъ, чтобы проявить съ большею пользою въ болѣе крупныхъ дѣлахъ.

Центральный кружокъ студентовъ
18 февраля 1882 г. С.-Петербургскаго университета.

Мы не можемъ входить въ обсужденіе этого манифеста, такъ какъ прежде всего не знаемъ съ должною обстоятельностью той „харьковской исторіи“, которая подала къ нему поводъ. Общее же мнѣніе наше о всякихъ „студенческихъ волненіяхъ“ въ Россіи таково, какого, кажется, держутся и авторы воззванія, а именно, что они представляютъ безплодную трату силъ. Мы думаемъ, что академическая свобода (т. е. свобода ученія и корпоративной жизни профессоровъ и студентовъ) существенно необходима для университетовъ; но только эта частная свобода не можетъ быть достигнута безъ общей политической свободы, а эта послѣдняя не можетъ быть достигнута усиліями студентовъ, и при томъ волненіями по поводу „университетскихъ“ исторій. Она требуетъ усилія гражданъ, общества. Къ такимъ усиліямъ должны и подготовлять себя студенты — наукою. Въ частности же относительно „харьковской исторіи“, мы замѣтимъ только о странности, что профессора приняли на себя какой бы то ни было судъ по дѣлу о дракѣ, происшедшей (внѣ университета) на публичномъ, хотя и студенческомъ балѣ; на это во всякомъ случаѣ существуютъ общіе суды; такое вмѣшательство профессоровъ въ это дѣло, совершенно для нихъ чужое, не можетъ способствовать поднятію ихъ авторитета у молодежи, отсутствіе котораго есть одна изъ печальнѣйшихъ чертъ университетской жизни Россіи. Профессора же всегда виноваты, если они не имѣютъ должнаго авторитета у студентовъ.

Безцеремонность г. Каткова и его лжесвидѣтелей.

(Первоначально напечатано въ журн. „Вольное Слово“ № 42, 1882 г.)

Извѣстна и даже въ своемъ родѣ достойна подражанія настойчивость и цѣпкость г. Каткова въ преслѣдованіи своихъ цѣлей. Но менѣе извѣстна вся степень безцеремонности пріемовъ его настойчивости, въ ряду которыхъ широкое мѣсто занимаетъ самая беззастѣнчивая ложь. Особенно усиливаетъ г. Катковъ этотъ пріемъ, когда, подведши мину подъ оффиціальныя сферы, въ которыхъ ему нужно провести извѣстную мѣру, онъ въ то же время, по большей части благодаря оффиціальнымъ же воздѣйствіямъ благопріятныхъ ему лицъ, чувствуетъ себя обезпеченнымъ отъ возможности встрѣтить въ русской печати обличенія лжи, какъ его собственной, такъ и имѣющихся у него на такіе случаи „настоящихъ лжесвидѣтелей“, своего рода „нечаянныхъ очевидцевъ“ въ бракоразводныхъ процессахъ.

Въ послѣднее время, послѣ новыхъ министерскихъ назначеній, г. Делянова и гр. Дм. Толстого, у г. Каткова вновь загорѣлась надежда провести свою извѣстную университетскую реформу и для этого ему понадобилось очернить передъ кѣмъ слѣдуетъ русскіе университеты и приписать всѣ дѣйствительныя и выдуманныя имъ темныя стороны той несчастной доли автономіи, какая дана имъ по уставу 1863 г. Зная пріемы дѣйствія г. Каткова, можно было напередъ предсказать, что не совсѣмъ обычная сторона нашей службы въ кіевскомъ университетѣ, конечно, по выбору отъ университетской коллегіи, кончившаяся отставкой по такъ называемому 3-му пункту, съ восхожденіемъ дѣла „на Высочайшее усмотрѣніе“, должна была быть эксплуатируема г. Катковымъ въ его кампаніяхъ противъ университетской автономіи, и тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе г. Катковъ могъ быть увѣренъ, что онъ не встрѣтитъ себѣ должнаго отвѣта, особенно передъ тою самою публикою, на которую онъ преимущественно разсчитываетъ.

И дѣйствительно, г. Катковъ переворачивалъ эту исторію нѣсколько разъ. Такъ, еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда онъ особенно налегалъ на университетскій вопросъ, онъ выдумалъ, будто въ кіевскомъ университетѣ въ 1875 г.

дошло было дѣло до такихъ студенческихъ „исторій“, что министерство обязано было уволить двухъ замѣшанныхъ въ нихъ профессоровъ Д. и З.[1] А между тѣмъ никакихъ „исторій“ въ университетѣ кіевскомъ тогда не было вовсе, и доцентъ Д., т. е. нижеподписавшійся, былъ уволенъ среди полной тишины и при томъ такъ, что, если бы разсказать это дѣло подробно, то оказалось бы, что причиною этого удаленія не была не только университетская его дѣятельность, но даже и не внѣуниверситетская литературная работа по украинскому вопросу, а просто двѣ замѣтки въ разоблаченіе системы гр. Толстого и г. Каткова и устраиваемаго ими обмана общественнаго мнѣнія въ Россіи и въ Славянщинѣ. Доцентъ же З. вышелъ въ отставку вполнѣ добровольно. Многочисленные учено-литературные труды его показываютъ, сколько потерялъ въ немъ кіевскій университетъ, даже если не вспоминать того, что мѣсто его занялъ г. Пихно, извѣстный болѣе какъ редакторъ субсидированнаго „Кіевлянина“, нежели какъ ученый.

На-дняхъ наша дѣятельность въ кіевскомъ университетѣ затронута была въ „Русскомъ Вѣсникѣ“ въ статьѣ „Изъ исторіи одного университета“, написанной „настоящимъ лжесвидѣтелемъ“, который выдаетъ себя за „нечаяннаго очевидца“ нашихъ лекцій.[2] Эти лекціи, которыми, по словамъ г. настоящаго лжесвидѣтеля, мы пріобрѣли было огромную популярность среди студентовъ, были „въ научномъ отношеніи невѣжественны и бездарны“, но за то мы ими проводили украинофильскую и революціонную пропаганду, ухитрялись читать, вмѣсто древней исторіи о бытѣ дикихъ[3] и по поводу Ассиріи говорить объ отдѣленіи Малороссіи.[4]

Мы избѣгаемъ полемики исключительно личной, не ведущей къ уясненію извѣстнаго мнѣнія. Но на этотъ разъ мы не можемъ промолчать, такъ какъ г. Катковъ, который вовсе не спроста помѣстилъ показанія своего лжесвидѣтеля въ своемъ

[1] Н. Зиберъ, извѣстный политико-экономъ и изслѣдователь первобытной культуры. Прим. ред.

[2] Статьи „Р. В—ка“ и „Моск. Вѣд.“ въ цѣломъ представляютъ только сводъ того, что уже года четыре поется на страницахъ „Кіевлянина“, издаваемаго проф. Пихномъ, при субсидіи отъ правительства. Новаго въ нихъ добавлено, приноровительно къ новымъ экономическимъ вѣяніямъ въ извѣстныхъ „сферахъ“, только укоры кіевскимъ профессорамъ за „совмѣстительство“ службы въ думахъ, банкахъ и т. п., которое, совмѣстительство, поставлено тоже за счетъ университетской автономіи. Между тѣмъ этимъ совмѣстительствомъ отличается въ кіевскомъ университетѣ именно катковско-кіевлянинская партія, и съ нимъ боролись именно „либеральные“ и „украинофильскіе“ элементы въ мѣстномъ обществѣ и университетѣ; катковско-кіевлянинской, совмѣстительской партіи принадлежатъ и недавнія тенденціозныя забаллотировки профессоровъ истор.-филологическаго факультета (уже по существу своему наименѣе грюндерскаго), научно-литературная дѣятельность которыхъ столь же очевидна, какъ очевидно безлюдіе въ этомъ отношеніи катковско-кіевлянинской партіи.

[3] Удобнѣе предметъ для революціонной пропаганды найти мы не ухитрились!

[4] Т. е. о томъ, о чемъ мы не говоримъ даже въ „Громадѣ“!

журналѣ и перепечаталъ его съ приличными комментаріями въ своей газетѣ, прямо и разсчитывалъ на наше молчаніе.

Мы не станемъ говорить ни съ г. Катковымъ, ни съ его лжесвидѣтелемъ ни объ академической, ни о политической сторонѣ нашихъ лекцій, изъ содержанія которыхъ не мало напечатано въ публичное сужденіе. Скажемъ только вообще, что, конечно, въ наше время никакой профессоръ политической науки не можетъ не имѣть извѣстныхъ политическихъ идей, какъ выводовъ изъ фактовъ его науки, но что именно „чистая наука", который мы всегда были и есьмы поклонникомъ, сама въ себѣ заключаетъ столько освободительнаго, что она не нуждается вовсе въ революціонныхъ фразахъ, чтобъ производить свое дѣйствіе. Для характеристики же положенія этой науки въ Россіи мы прибавимъ, что, такъ какъ россійскіе порядки пахнутъ стариною чуть не Древняго Востока и такъ какъ въ Россіи не признана свобода научнаго изслѣдованія (даже изъ той, повидимому, невинной науки, которую мы преподавали, т. е. древней исторіи, цѣлые отдѣлы, напримѣръ, вся исторія евреевъ и вся исторія религіознаго развитія, считаются недоступными для литературы) — то въ Россіи нѣтъ и не можетъ быть профессора филологическаго и юридическаго факультета (не исключая даже и профессора сравнительной лингвистики), читающаго свой предметъ сколько-нибудь сообразно положенію науки въ Европѣ, куда нашего брата посылаютъ на казенный или университетскій счетъ доучиваться, котораго бы нельзя было обвинить въ пропагандѣ противъ установленнаго порядка вещей и оффиціальныхъ доктринъ Россійской имперіи, религіозныхъ, политическихъ и соціальныхъ. Для сколько-нибудь знающаго дѣло на этотъ счетъ и сомнѣнія быть не можетъ! И это мы рекомендуемъ вниманію какъ г. Каткова, который, впрочемъ, какъ бывшій профессоръ, и самъ это долженъ знать, такъ и тѣхъ государственныхъ людей, которые увлекаются идеею очистить русскіе университеты отъ неблагонамѣренныхъ ученій, т. е. задачею, неосуществимою безъ совершенія надъ книгами въ Западной Европѣ операціи, предложенной, „чтобы зло пресѣчь", полковникомъ Скалозубомъ.

Изъ предметовъ показаній г. катковскаго лжесвидѣтеля мы остановимся на предметахъ болѣе осязательныхъ, чѣмъ показаніе о научной солидности и революціонной пропагандѣ въ нашихъ лекціяхъ, на сообщеніи о томъ, будто мы читали, вмѣсто древней исторіи о бытѣ дикихъ и по поводу Ассиріи говорили объ отдѣленіи Малороссіи. Наша программа лекцій древней исторіи напечатана была въ 1874 г. въ „Журналѣ

Минист. Народн. Просвѣщенія" въ статьѣ „Положеніе и задачи древней исторіи". Тамъ г. Катковъ и лжесвидѣтель найдутъ нѣкоторыя указанія на то, какое значеніе имѣетъ изученіе быта такъ называемыхъ дикихъ въ культурной исторіи вообще и въ частности — для объясненія культуры народовъ Древняго Востока и классическаго міра (особенно первыхъ его періодовъ, какъ равно и для начала средневѣковой исторіи),— если еще нужно доказывать въ настоящее время подобныя истины тѣмъ, кто берется разсуждать объ университетскихъ вопросахъ. Сообразно идеямъ, которыя мы изложили въ упомянутой статьѣ нашей — вступительной лекціи, читанной нами публично при началѣ второго періода нашихъ чтеній въ кіевскомъ университетѣ (въ ноябрѣ 1873 г.), нашъ курсъ древней исторіи, разсчитанный на 8 семестровъ, распредѣлялся такъ: одинъ семестръ — обзоръ исторіи, исторіографіи и философіи исторіи, преимущественно древняго міра, одинъ семестръ — исторія первобытной культуры (дикихъ), два семестра — исторія Древняго Востока, столько же — Эллады и столько же — Римскаго Государства. Почти по такому плану и выполненъ былъ нами цѣлый курсъ въ 1865—1870 г. въ первый періодъ чтеній нашихъ до заграничной командировки; во второй же періодъ, съ конца 1873 г. по первый семестръ 1875 г. включительно, мы успѣли выполнить только треть нашего курса, и остановили его по манію свыше, данному не безъ вліянія и г. Каткова, какъ разъ при началѣ чтеній объ Ассиріи!! Разборъ показаній классическихъ писателей, Геродота и Ктеіоса, объ Ассиро-Вавилоніи былъ послѣднею нашею лекціей въ Кіевскомъ университетѣ при началѣ второго семестра 1875 г. По истинѣ, надо быть очень мало хитрымъ человѣкомъ, чтобъ вставить въ эту лекцію разговоръ объ отдѣленіи Малороссіи!

Коли уже зашла рѣчь о нашемъ курсѣ объ Ассиріи, то мы укажемъ еще на одно обстоятельство. Характеръ лекцій профессора въ значительной степени опредѣляется тѣмъ учебникомъ, какой онъ рекомендуетъ студентамъ для экзамена. Для Древняго Востока у насъ былъ такимъ учебникомъ большой курсъ Ленормана (въ прежнихъ изданіяхъ три тома), который мы и начали печатать при кіевскихъ университетскихъ извѣстіяхъ въ переводѣ нашихъ слушателей и съ нашими примѣчаніями. Переводъ этотъ, оконченный однимъ изъ этихъ слушателей уже послѣ нашего отъѣзда за границу, служитъ и до сихъ поръ единственною книгою на русскомъ языкѣ, въ которой обстоятельно изложены результаты научной работы по этой области въ Западной Европѣ, и въ этой послѣдней ни одна газета, а тѣмъ болѣе университетская и издаваемая бывшимъ профессоромъ,

не позволила бы себѣ дурно говорить о курсѣ, студенческимъ пособіемъ при которомъ былъ бы учебникъ Ленормана!

Кажется, довольно по вопросу собственно о нашемъ курсѣ въ кіевскомъ университетѣ. Но г. Катковъ и его „очевидецъ“ говорятъ еще и о другомъ „либеральномъ профессорѣ“ этого университета, тоже добивавшемся популярности студентовъ, но тоже принужденномъ „оставить университетъ“ и теперь „подвизающемся въ петербургской журналистикѣ“.[1] Интересно было бы прочесть подробную исторію и этого профессора, его двукратнаго появленія и двукратнаго оставленія кіевскаго университета, изъ какой исторіи ясно бы вытекло заключеніе, совершенно противоположное тому, какое хочетъ провести г. Катковъ, заключеніе, дѣлающее честь и автономному совѣту кіевскаго университета, пока онъ еще не былъ деморализированъ толстовско-катковскими вліяніями, а также и студентамъ, которыхъ г. Катковъ и его очевидецъ представляютъ себѣ такими ужъ баранами, которые сдуру награждаютъ популярностью безсарныхъ и невѣжественныхъ шарлатановъ. Но мы не станемъ пускаться въ подробности, а напомнимъ только о томъ, что этотъ профессоръ былъ избранъ совѣтомъ кіевскаго университета въ доценты, при благопріятныхъ къ нему отношеніяхъ г. Делянова, тогда товарища министра народнаго просвѣщенія и кн. Ширинскаго-Шихматова, кіевскаго попечителя, желавшаго устраненія изъ кіевскаго университета преподавателей съ мѣстнымъ духомъ. Пріѣхавши въ Кіевъ, этотъ доцентъ въ присутствіи попечителя прочелъ вступительную лекцію, исполненную самыхъ чистопробныхъ катковско-аксаковскихъ идей, которыя онъ выдавалъ за „эллино-византійско-славянскія“ и которыя были совершенно не кстати въ курсѣ объ исторіи западно-европейскихъ народовъ. Мѣсяцевъ черезъ 8 этотъ доцентъ баллотировался въ экстраординарные профессора, но получилъ 22 черныхъ противъ 9 бѣлыхъ шаровъ, и подалъ въ отставку. Еще черезъ нѣсколько мѣсяцевъ забаллотированный доцентъ явился въ Кіевъ, назначенный гр. Толстымъ прямо въ ординарные профессора, и въ скоромъ времени на одномъ публичномъ диспутѣ провозгласилъ какъ научную истину, что въ польской націи нѣтъ вовсе понятія о чести. Но немного спустя, между нимъ и студентами произошла та исторія, на которую намекаютъ „Р. Вѣстникъ“ и „Московскія Вѣдомости“, возникшая изъ за слуха, что будто начальство слѣдитъ за лекціями этого профессора, какъ за будто бы слишкомъ либеральными. Поднялось, какъ говорятъ „Русскій Вѣстникъ“ и „Московскія Вѣдомости“, „студентское

[1] В. И. Модестовъ, историкъ римской литературы. Прим. ред.

слѣдствіе", и профессоръ оставилъ университетъ (прибавимъ: безъ шума, послѣ вакацій) — и теперь дѣйствительно „подвизается въ петербургской журналистикѣ", въ лагерѣ, теперь противномъ г. Каткову.

За это послѣднее ему достается теперь отъ г. Каткова. Онъ теперь записанъ въ шарлатаны, добивавшіеся „буржуазнымъ либерализмомъ" студенческой популярности. Но не такъ честился у г. Каткова этотъ профессоръ прежде, когда онъ былъ навязанъ гр. Толстымъ кіевскому университету, вопреки совѣту послѣдняго, и когда онъ служилъ цѣлямъ г. Каткова подобно тому, какъ служитъ имъ теперь авторъ статьи въ „Русскомъ Вѣстникѣ" или же, напримѣръ, изъ кіевскихъ профессоровъ г. Пихно, редакторъ „Кіевлянина". Тогда этотъ профессоръ былъ „однимъ изъ достойнѣйшихъ, европейски извѣстныхъ ученыхъ, которыхъ-де систематически забаллотировываетъ кіевская университетская палата лордовъ"; тогда г. Катковъ печаталъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ" его статьи съ инсинуаціями на другихъ профессоровъ кіевскаго университета, въ томъ числѣ и на нижеподписавшагося. . . . А теперь этого бывшаго своего подручника г. Катковъ впрягаетъ въ одну колесницу съ этимъ послѣднимъ!. . .

И вотъ, такими то пріемами г. Катковъ всегда проводилъ свои планы облагодѣтельствованія Россіи и добился того вліятельнаго положенія, которое занимаетъ теперь въ извѣстныхъ сферахъ! Лично г. Каткову итти дальше уже некуда; онъ стоитъ уже передъ началомъ осуществленія второй половины украинской пословицы: „брехнеју світ пройдеш, та назадъ не вернешься! Посмотримъ, куда то онъ заведетъ тѣ сферы, которыя ему довѣрились.

P. S. Расписавшись, г. Катковъ, вслѣдъ за своимъ лжесвидѣтелемъ, приплелъ почему-то къ университетскому вопросу и вопросы національные, которые были на свѣтѣ (и въ частности въ Кіевѣ) и до университетовъ и будутъ существовать при всякомъ университетскомъ уставѣ. Написавъ, что ему вздумалось, о полякахъ и украйнофилахъ, г. Катковъ оканчиваетъ свою статью выпискою изъ показанія лжесвидѣтеля: „Менѣе всѣхъ національными и болѣе другихъ простодушными оказались студенты-великороссы. Въ ожиданіи всеобщихъ благъ отъ осуществленія своихъ идеаловъ, они весьма добродушно уступали свое отечество полякамъ и украйнофиламъ". . . . Послушай, врн, да знай же мѣру! Кто же когда изъявлялъ претензію на отечество великороссовъ?!

По поводу
студенческихъ волненій
въ Кіевскомъ Университетѣ.[1]

(Первоначально напечатано въ журн. „Вольное Слово“ № 52, 1882 г.)

Мы уже не разъ имѣли случай высказать нашъ взглядъ на студенческія волненія въ Россіи, неизбѣжныя при теперешнихъ академическихъ и политическихъ порядкахъ, но и безсильныя и измѣнить ихъ. Теперь въ виду фактовъ о студенческихъ волненіяхъ въ Кіевѣ, мы считаемъ нужнымъ замѣтить, что волненія эти, кромѣ общихъ политическихъ причинъ, произошли еще отъ окончательнаго упадка уваженія студентовъ къ значительной части профессорской коллегіи, начиная съ ректора. Повидимому, тутъ уже правительственная система ни при чемъ, а виноваты сами профессора, или даже автономные профессора, надъ которыми злорадно смѣются не одинъ г. Катковъ, какъ видно, и кіевскій генералъ-губернаторъ, —который предоставляетъ въ распоряженіе „нравственной власти“, власти университета, свою военную силу, — но и либералы вродѣ редакціи кіевской

---

[1] Заглавіе это принадлежитъ намъ. Въ „Вольномъ Словѣ“ перепечатываемая статейка составляетъ лишь замѣтку „Отъ редакціи“, присоединенную къ обстоятельной корреспонденціи, озаглавленной „Волненія студентовъ Кіевскаго Университета въ ноябрѣ 1882 года“. Замѣтка эта, несомнѣнно, написана Драгомановымъ, который съ этого номера началъ редактировать „Вольное Слово“. Мы считали нужнымъ напечатать ее какъ самостоятельную статью въ виду того, что она касается одного изъ самыхъ больныхъ вопросовъ русской жизни. Какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, въ этой замѣткѣ сказалась замѣчательная политическая прозорливость Драгоманова, который еще въ 1882 году предсказалъ, что уничтоженіе автономіи университетскихъ совѣтовъ „доведетъ наши высшія школы до полнаго разрушенія“. Но кромѣ того въ этой замѣткѣ обращено вниманіе на явленіе, которое съ такой силой сказывалось въ нашей университетской жизни въ послѣдніе годы вплоть до самаго недавняго времени, когда оно стало менѣе замѣтнымъ вслѣдствіе нѣкотораго обновленія всѣхъ слоевъ общества, наступившаго подъ вліяніемъ всеобщаго увлеченія освободительнымъ движеніемъ, и которое не замедлитъ еще ярче проявиться, какъ только наступитъ поворотъ въ общественномъ настроеніи. Явленіе это — глубокая деморализація профессорской среды. Протестъ противъ этой деморализаціи, звучащій уже въ напечатанномъ выше „Студенческомъ Манифестѣ“, съ особенной энергіей былъ выраженъ въ печатаемомъ ниже въ качествѣ приложенія „Заявленіи студентовъ Кіевскаго Университета“, составляющемъ главную часть вышеупомянутой корреспонденціи изъ Кіева. Мы думаемъ, что извлеченіе изъ забвенія этого заявленія можетъ быть полезнымъ лучшей части профессорской коллегіи и студенчества въ предстоящей борьбѣ съ „черной сотней“ въ профессорской средѣ. Прим. ред.

„Зари“, которая въ виду негодности значительной части кіевскаго университетскаго совѣта даже съ удовольствіемъ ждетъ новаго устава, который не пощадитъ и той автономіи университетскихъ совѣтовъ, какая дана была имъ уставомъ 1863 г. А, между тѣмъ, кто знаетъ близко исторію, напр, кіевскаго университета за послѣднія 20—25 лѣтъ, тотъ можетъ документально показать, какъ деморализировался составъ кіевскихъ профессоровъ подъ давленіемъ правительства, которое сначала сохранило въ совѣтѣ забаллотированныя послѣднимъ бездарности и интригановъ, недопустило въ университетъ честныя научныя силы (вродѣ, напримѣръ, Костомарова), превратило выборнаго ректора въ чиновника и начальника, который можетъ секретно сноситься съ министромъ и не допускать къ докладу предложеній членовъ совѣта, поощряло доносчичество и всякую травлю противъ украйнофильскаго направленія, обратившуюся затѣмъ въ травлю всего дѣйствительно научнаго, а не гешефтмахерскаго.[1] Конечно, будь индивидуумы кіевскихъ профессоровъ нравственно крѣпче, они бы вынесли всѣ министерскіе подкопы и сохранили бы чистоту храма наукъ, — но люди не ангелы, и правительственная система оцѣнивается постольку, поскольку она даетъ возможность дѣйствовать учрежденіямъ и при не ангельскомъ ихъ составѣ. Съ университетами въ Россіи правительственные реакціонеры продѣлали то же, что и съ земствами: сначала дали полуавтономію, потомъ урѣзали и ее прямыми и закулисными подкопами, выжили часть честнаго элемента, не допустили другую, деморализовали остальныхъ, а потомъ сами же и издѣваются, и даже заискиваютъ передъ общественнымъ мнѣніемъ: автономія, молъ, служитъ только для гешефтмахеровъ, нужна сильная и безпристрастная власть, которая поведетъ дѣло выгоднѣе для народа, для науки, для студентовъ. Но не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать, что если тѣнь автономіи университетскихъ совѣтовъ при большой дозѣ вліянія реакціонной власти довела профессорскія коллегіи до деморализаціи, а студенчество

[1] Отмѣтимъ замѣтить, что въ Кіевѣ противъ профессорскаго гешефтмахерства въ банкахъ, думахъ и т. п., первые выступили украинофилы, послѣ чего всѣхъ противниковъ этого гешефтмахерства и даже просто сторонящихся отъ него стали причислять къ украинофиламъ; этимъ объясняются всѣ недавнія забаллатировки въ кіевскомъ университетѣ честныхъ ученыхъ, вродѣ гг. Лучицкаго, Житецкаго, Мищенка и прочихъ людей, вродѣ г. Шварца, для котораго еще не очень давно сами гешефтеры и ихъ горланы, вродѣ г. Эдгарта, не находили достаточно темныхъ красокъ. Именно въ это время приглашенъ былъ въ доценты акушерства г. Толочиновъ, который и былъ отмѣченъ, какъ пріемникъ проф. Матвѣева по директорству акушерской клиники. Но г. Толочиновъ не принялъ участія въ гешефтахъ; а вдобавокъ еще жена его была заподозрѣна въ авторствѣ романа, изображающаго кіевскихъ дѣльцовъ до г. Бунге включительно. („Дѣло“ 1879 года. „Горе побѣжденныхъ“.) Вотъ г. Шварцъ и пошелъ въ ходъ.

до волненій, которыя оканчиваются высылками студентовъ десятками, то „сильная власть", по катковскаму рецепту, доведетъ наши высшія школы до полнаго разрушенія. Куда гнетъ эта власть видно отчасти изъ словъ кіевскаго ректора о бѣднякахъ въ университетѣ, изъ слуховъ объ увеличеніи платы студентовъ за ученіе да изъ предположеній увеличить расходы на инспекцію въ университетахъ съ семидесяти тысячъ на 104 (Боги! какъ бы удивились европейскіе профессора, еслибъ узнали, что въ бюджетъ ихъ храмовъ наукъ вносятся сотни тысячъ франковъ на полицію и шпіонство за студентами!). Усиленная инспекція, конечно, дремать не будетъ, — и тогда-то пойдетъ усиленная очистка Россіи отъ студентовъ! Родители, приготовьтесь!...

Приложеніе.

Заявленіе студентовъ Кіевскаго Университета.

„16 ноября 1882 г. студенческая сходка, состоявшая изъ 800 до 900 ч., рѣшила послать г. Ректору Университета Св. Владиміра слѣдующее заявленіе:

1. Цѣль Университета двигать науку и давать обществу умственно и нравственно подготовленныхъ и полезныхъ дѣятелей. Профессорская коллегія нашего Университета, являющаяся его представительницею — не только не стремится къ осуществленію этой цѣли и добросовѣстному исполненію своего высокаго назначенія, но, исказивши принципъ широкаго самоуправленія, наиболѣе соотвѣтствующій задачамъ Университета, пользуется имъ для достиженія своихъ личныхъ корыстныхъ цѣлей, эгоистически эксплуатируя свое высокое соціальное назначеніе во вредъ наукѣ, самому учрежденію и интересамъ общества.

Лучшія силы, дѣйствительные представители науки, устраняются отъ каѳедръ изъ-за партійныхъ интригъ или религіознаго антагонизма. Главный принципъ свободной науки — свободная конкурренція знаній и талантовъ — замѣненъ путемъ протекціи и частныхъ связей съ избирателями, которыми возводятся на каѳедры личности часто неспособныя, бездарныя, а иногда нравственно несостоятельныя. Понятно, что такіе профессора или кандидаты въ профессора, считая профессорское призваніе только средствомъ сдѣлать выгодную карьеру, относятся крайне небрежно къ наукѣ, выказывая единственное стремленіе къ возможно быстрой наживѣ. Одни изъ нихъ, въ ущербъ наукѣ, всецѣло отдаются думскимъ дѣламъ и банковымъ операціямъ, другіе размѣниваютъ на мелкую монету медицинскую науку, третьи торгуютъ истиной, совѣстью и убѣжденьями.

Примѣръ подобныхъ просвѣтителей и руководителей юношества не можетъ не дѣйствовать развращающимъ образомъ на

молодое студенчество, проводя тенденціи узкаго, эгоистическаго матеріализма, такъ что Университетъ своимъ нравственнымъ вліяніемъ на молодежь приноситъ обществу не пользу, а безусловный вредъ, деморализируя его лучшія, свѣжія силы, его надежду въ будущемъ, — молодое поколѣніе.

По отношенію какъ къ наукѣ, такъ и къ частнымъ интересамъ студенчества, профессорская коллегія обнаруживаетъ или полный индифферентизмъ, или даже стремленіе къ возможно большему ограниченію студенческихъ правъ. Вообще своимъ образомъ дѣйствій профессорская коллегія какъ бы оправдываетъ и проводитъ въ жизнь ту нелѣпую идею, что студенчество существуетъ для профессоровъ, а не профессора для студенчества.

Имѣя въ виду все вышесказанное, мы, студенты Кіевскаго Университета св. Владиміра, выражаемъ чрезъ г. ректора передъ лицемъ общества, дѣтьми и воспитанниками котораго мы себя считаемъ, наше полное порицаніе подобному образу дѣйствій большинства членовъ профессорской коллегіи, считая ихъ не желающими добросовѣстно исполнять обязанности, возложенныя на нихъ обществомъ и признавая ихъ поведеніе безнравственнымъ и позорнымъ для Университета.

Лишнимъ считаемъ замѣтить, что это не относится къ тѣмъ немногимъ профессорамъ, которые своимъ добросовѣстнымъ отношеніемъ къ дѣлу заслужили полное уваженіе студентовъ.

2. Студенты предлагаютъ нынѣ состоящему ректору г. Рахманинову оставить этотъ постъ, равно какъ предсѣдательство въ обществѣ вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ. Заявленіе это основано на небрежномъ отношеніи его, какъ представителя университета, къ интересамъ студенчества вообще, а къ интересамъ матеріально необезпеченныхъ студентовъ въ частности. Послѣднее выразилось въ изъявленіи нежеланія съ его стороны способствовать увеличенію средствъ недостаточныхъ студентовъ устройствомъ обычныхъ баловъ и концертовъ въ Думѣ, а въ особенности высказанными въ предпослѣднемъ засѣданіи общества далеко не просвѣщенными и крайне антигуманными воззрѣніями, которыми онъ указываетъ, что считаетъ общество учрежденіемъ позорнымъ для Университета и что оно развиваетъ попрошайничество между студентами и даетъ возможность сыновьямъ дьяковъ, прикащиковъ etc. проникать въ Университетъ вмѣсто того, чтобы занимать соотвѣтствующія имъ мѣста околоточныхъ, дворниковъ, педелей, etc.

3. Пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что настоящее заявленіе будетъ послано г. Министру Народнаго Просвѣщенія, г. Попечителю Кіевскаго Округа, многимъ гг. профессорамъ и студентамъ другихъ университетовъ, въ редакціи многихъ газетъ и вообще будетъ распространено среди общества въ возможно большемъ количествѣ, мы заявляемъ свою полную солидарность съ протестомъ студентовъ Казанскаго и Петербургскаго Университетовъ, считая дѣйствія со стороны администраціи этихъ учрежденій возмутительными, а мѣры насилія, принятыя начальствомъ, варварскими и безчеловѣчными.

Діонизій III с.-петербургскій и Платонъ II московскій.

Сравнительно-историческая игра природы.

(Первоначально напечатано въ журналѣ „Вольное Слово“ № 27, 1882 г.)

Такъ какъ значительная часть нашихъ читателей должна была получить воспитаніе во время усиленныхъ заботъ о классическомъ образованіи, но не столько для него самого, сколько для убіенія въ ихъ отечествѣ духа оппозиціи, пущеннаго въ европейское человѣчество классическимъ титаномъ Прометеемъ, то мы врядъ ли ошибемся, если сдѣлаемъ обидное, при другихъ условіяхъ, предположеніе, что они, читатели, не очень далеко ушли въ исторіи одного изъ важнѣйшихъ городовъ классической древности, Сиракузъ. Между тѣмъ знать исторію Сиракузъ слѣдовало бы вообще, а россіянамъ въ особенности, въ виду многихъ сходствъ между этимъ городомъ и столицею россійскаго государства.

Конечно, въ Сиракузахъ лимоны зрѣютъ, а въ Петербургѣ они только поѣдаются, но лимоны дѣло неважное, особенно для людей трезвыхъ. За то Сиракузы — портъ, и С.-Петербургъ, если не совсѣмъ портъ, такъ окно (ужъ стекляное ли или соломенное, это другой вопросъ); Сиракузы — были колоніей грековъ среди варваровъ, Петербургъ — колонія русскихъ среди чухновъ и колонія нѣмцевъ, а еще больше нѣмокъ среди русскихъ (какія изъ этихъ трехъ или даже четырехъ націй эллины, а какія варвары, мы рѣшать не беремся); напротивъ Петербурга лежитъ крѣпость на острову — Кронштадтъ, напротивъ Сиракузъ лежала такая же крѣпость — Ортигія; Сиракузы кишѣли полчищами наемниковъ, Петербургъ

кишитъ полками гвардейцевъ и дружинами всякой охраны; Сиракузы лежали на вулканической почвѣ между двухъ вулкановъ, Петербургъ лежитъ на динамитѣ и живетъ отъ одного взрыва до другого. Главное же, и Сиракузы, и Петербургъ будутъ на вѣки славны въ исторіи тѣмъ, что порождаетъ и крѣпости, и наемниковъ, и гвардейцевъ, и охраны, и динамиты, а именно тиранами или самодержцами.

Даже отличія между Петербургомъ и Сиракузами, при нѣкоторомъ ученомъ анализѣ, оказываются не такъ то уже большими, какъ съ перваго раза могутъ подумать профаны. Такъ, напримѣръ, недавно одинъ московскій ученый доказалъ, что сколь излюбленный россійскими властями Макаръ, который куда-то телятъ гоняетъ (и отчего это статую сего бога не поставить вмѣсто орла на зерцалахъ, замѣнивъ на нихъ странные указы Петра Великаго троекратнымъ фюйить?), есть ни что иное, какъ эллино-финикійскій Геркулесъ-Мелькартъ-Макаръ (онъ же и московскій Таракашка), гоняющій быковъ солнца. А такъ какъ ученые давно уже добрались, что быки эллинскаго солнца помѣщались нигдѣ, какъ въ Сициліи, то между Сиракузами и Петербургомъ оказывается разница въ томъ, что эллинскій Макаръ гонялъ своихъ быковъ посолонь, на Западъ, т. е. въ Сиракузы, тогда какъ россійскіе Макары, всегда петербургскому Оберъ-Макару подчиненные, гоняютъ своихъ телятъ (т. е. насъ грѣшныхъ, не дошедшихъ даже до чина быковъ) противъ солнца, на Востокъ. Разница, конечно, существенная — и для телятъ, взявъ во вниманіе географическія условія, весьма чувствительная. Но всетаки, согласитесь, что эта локализація въ Сициліи общечеловѣческаго бога, культъ котораго принялъ столь самобытную форму въ государствѣ, коего столицею служитъ Петербургъ, имѣетъ въ себѣ нѣчто провиденціальное.

Провидѣнію угодно было, въ его деспотической игрѣ съ смертными, простереть аналогію между Петербургомъ и Сиракузами до того, что теперь на нашихъ глазахъ въ Невской Палмирѣ совершается повтореніе сиракузской исторіи тирана Діонизія II съ философомъ Платономъ, при чемъ роль Діонизія Діонизіевича II,

какъ читатель уже, конечно, догадался, играетъ Александръ Александровичъ III, роль же философа Платона Аристовича изъ Аѳинъ исполняетъ никто другой, какъ Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ изъ Москвы, само собою разумѣется, при различіяхъ, опредѣляемыхъ заранѣе разницею „климата, пищи и общаго вида природы“ — московской и аѳинской.

Это, съ перваго раза удивительное, но при указанныхъ аналогіяхъ между Сиракузами и Петербургомъ довольно естественное явленіе было нами предсказано еще три съ половиною года назадъ въ „Громадѣ“, т. II, 1878 г. на стр. 441—443 (говорите послѣ этого, что политика не то что астрономія съ ея предсказаніями!). А потому мы нѣкоторымъ образомъ обязаны подѣлиться съ публикою и нашими дальнѣйшими наблюденіями надъ петербургскимъ тираномъ и московскимъ любомудромъ, хотя, признаемся, всѣ эти петербургско-московскіе тираны и любомудры такъ намъ надоѣли, что мы бы богъ знаетъ что дали, еслибъ можно было забыть ихъ хоть на годикъ — другой.

Начнемъ же по порядку и, какъ прилично въ серьезномъ сравнительно-историческомъ этюдѣ, съ указанія источниковъ. Источники эти, впрочемъ, немногочисленны, хотя самаго лучшаго качества: для части сиракузской — письма самого Платона и біографіи Плутарха, а для части петербургской — газета „Русь“ самого И. С. Аксакова.

Изъ классическихъ источниковъ, читатель, вы можете узнать слѣдующее: Между 405 и 368 годомъ до Р. Хр. правилъ въ Сиракузахъ тиранъ Діонизій I Старшій. Такъ какъ онъ былъ тиранъ не по наслѣдству, то, конечно, превосходилъ во многомъ издавна помазываемыхъ муромъ и содержимыхъ въ дворцовомъ невѣдѣніи самодержцевъ династіи Голштейнъ-Готторпской. Между прочимъ, и литература и наука все-таки уважались при дворѣ его гораздо болѣе, чѣмъ въ петербургскомъ главномъ управленіи по дѣламъ печати и министерствѣ народнаго просвѣщенія. А потому, когда Сиракузы посѣтилъ аѳинскій академикъ (не ординарный) Платонъ, то встрѣтилъ даже въ близкихъ къ тирану кругахъ пріемъ гораздо болѣе

радушный, чѣмъ даже сама Сара Бернаръ въ первое свое представленіе въ Петербургѣ, и даже былъ представленъ самому тирану, чего не добилась даже M-me Adam. Впрочемъ, старый тиранъ не остался доволенъ разговорами Платона и даже, говорятъ, устроилъ ему на обратномъ пути въ Аѳины нѣкую каверзу. Но и Платонъ остался недоволенъ Сиракузами: недоволенъ и тираніею (всетаки аѳинянинъ!) и ея beau mond'омъ, особенно его роскошными обѣдами у тамошнихъ Борелей. Платонъ находилъ, что послѣ такихъ обѣдовъ люди ни къ чему путному не могутъ быть способны. Недовольство свое Платонъ выразилъ и кой кому изъ сиракузянъ, между прочимъ, особенно богатому родственнику стараго тирана, Діону, о которомъ послѣ. Сынъ и наслѣдникъ тирана, Діонизій Діонизіевичъ, какъ всякій наслѣдникъ тоже недоволенъ былъ ходомъ дѣлъ, которымъ не онъ управляетъ, а потому и онъ отнесся сочувственно къ платоновой критикѣ, переданной ему вскользь Діономъ. И стали они понемногу либеральничать на платоновскія темы — объ оздоровленіи корней. Тутъ же старый тиранъ умираетъ и Діонизій II вступаетъ на престолъ, уже, можно сказать, родительскій, и получаетъ возможность осуществить свой наслѣдническій либерализмъ, идеи объ оздоровленіи корней и прочее въ такомъ родѣ. Черезъ Діона онъ передаетъ Платону приглашеніе пріѣхать въ Сиракузы въ качествѣ самаго свѣдущаго на счетъ оздоровленія корней человѣка. Платонъ принимаетъ приглашеніе, льстя себя мыслью показать міру — и эллинамъ, и варварамъ (г. Аксаковъ о варварахъ бы думать не сталъ), что значитъ союзъ власти и философіи.

Но, — о боги! — какъ же въ лицѣ Платона опозорилась философія и передъ эллинами, и передъ варварами! А опозорилась она, главнымъ образомъ, потому, что вмѣсто того, чтобы, какъ прилично философіи, дѣйствовать независимо среди свободныхъ людей, вздумала дѣйствовать именно въ союзѣ съ властью.

Молодой самодержецъ сгоряча хотѣлъ было отказаться отъ своей власти и возстановить въ Сиракузахъ демократическую республику, но его отговорили отъ

исполненія этого плана именно философы: Діонъ съ Платономъ. По крайней мѣрѣ, самъ Діонизій разсказывалъ объ этомъ потомъ совершенно опредѣленно. Платонъ же, хотя и опровергалъ это показаніе, но не вполнѣ, а косвенно подтверждалъ его своими разсказами объ отношеніяхъ къ тирану, своихъ и своего пріятеля Діона. Довольно вѣроятно, что самодержецъ нѣсколько привиралъ, особенно тогда, когда Діонъ поднялъ противъ него революцію, такъ какъ совсѣмъ, начисто отказаться отъ власти — самодержцы добровольно никогда не отказываются. Но несомнѣнно, что въ началѣ Діонизій Діонизіевичъ обнаруживалъ довольно либеральные порывы. По крайней мѣрѣ, вскорѣ послѣ прибытія почтеннаго гостя изъ аѳинской республики, Діонизій на одномъ торжественномъ собраніи произвелъ чистый скандалъ: когда герольдъ провозгласилъ обычную фразу: „да будетъ долго ненарушима власть самодержца!“, Діонизій закричалъ: „остановись! не призывай на насъ такого проклятія!“ Очевидно, что, возьмись Діонъ съ Платономъ за дѣло съ толкомъ, то кой какую конституційку получить съ Діонизія было бы возможно, а тамъ, при помощи философіи, обращенной уже не къ одному двору, а ко всей публикѣ, можно бы было и до чего-нибудь болѣе существеннаго доработаться. Но философы, Платонъ съ Діономъ, вмѣсто того, чтобъ ковать желѣзо, пока оно горячо, стали „мудрить съ жизнью“, какъ выражается И. С. Аксаковъ (и очень хорошо выражается!). Они задумались: какой будетъ прокъ отъ республики въ Сиракузахъ? Видите ли, Платонъ, наблюдая жизнь въ своемъ городѣ и около, пришелъ къ заключенію, что всѣ политическія формы настоящаго времени — тиранія, олигархія и демократія, въ дѣйствительности плохи и что „одна философія можетъ указать границу между правдою и неправдою, какъ для частныхъ лицъ, такъ и для правителей“.

Идея эта, коли хотите, вѣрная въ томъ смыслѣ, что для разумнаго устройства общественныхъ дѣлъ, особенно болѣе сложныхъ, каковыми они уже стали въ эпоху Платона даже въ городскихъ государствахъ, нужно пониманіе ихъ и умѣніе соглашать общіе и

частные интересы, для чего прежде всего нужно весьма сложное воспитаніе и лицъ, и общества. Но дѣло въ томъ, что дойти до такого воспитанія люди могутъ только собственнымъ опытомъ, т. е. не иначе, какъ посредствомъ свободы. Платонъ же, сравнивая свой идеалъ человѣка съ дѣйствительными экземплярами двуногихъ животныхъ безъ перьевъ, представлялъ себѣ послѣднихъ такими уже ничтожествами, такими дѣтьми, что дать имъ свободу считалъ опаснымъ для ихъ же собственной пользы, покуда они не будутъ научены различать точную „границу между правдою и неправдою“. Подобно Платону думаютъ многіе философы (напримѣръ, теперь почти всѣ люди науки во Франціи) и оттого они или стоятъ за всякую власть, хотя бы и столь далекаго отъ добродѣтели Наполеона III, или же лѣзутъ сами во власть, или же, и это самое благоразумное, пессимистически махаютъ рукою на всякую политику, а занимаются каждый исключительно своею спеціальностью. Что до Платона лично, то, къ сожалѣнію, въ его время еще науки не были спеціализированы, и въ кругъ его философіи входила столько же политика, сколько и геометрія, а потому ему оставалось или добиваться власти, или къ ней прилаживаться. Какъ человѣкъ добродѣтельный, онъ думалъ не о себѣ, а о человѣчествѣ[1] — и, считая людей за испорченныхъ или за дѣтей, онъ пришелъ къ заключенію, что конецъ „бѣдствіямъ человѣчества наступитъ только тогда, когда во главѣ правительства станутъ истинные философы, или же когда божественнымъ промысломъ властелины государствъ станутъ сами философами“.

Послѣднее, пожалуй, было бы и недурно, еслибъ можно было какъ-нибудь подбить божественный промыселъ къ откомандированію съ неба на землю нѣкотораго количества ангеловъ-философовъ въ властелины государствъ, а при теперешнихъ большихъ государствахъ, такъ и въ губернаторы и даже, пожалуй, въ становые пристава и урядники. Только

[1] Хотя, впрочемъ, письмецо его къ Діонизію II на счетъ пособія на приданое племянницѣ бросаетъ на афинскаго философа столь же маленькую тѣнь, какъ и банковая служба на московскаго.

что жъ вы сдѣлаете съ Зевсомъ, о которомъ еще кой кто изъ древнихъ философовъ подогадливѣе, замѣтилъ, что онъ или вовсе не заботится о смертныхъ, или даже такъ глупъ, что чаще всего бьетъ молніей свой же собственный храмъ на Суніонѣ?! Очевидно, что смертнымъ надо устраиваться какъ-нибудь „домашними способами“. И смертнымъ философамъ приходится чаще всего выбирать между существующею „неразумною толпою“ и существующими властелинами, и позоръ, и горе тому философу, который предпочтетъ имѣть дѣло съ послѣдними, вмѣсто того, чтобъ возиться съ толпою, при всемъ ея неразуміи! Платонъ предпочелъ властелина, и такъ какъ онъ предпочелъ его съ добрыми намѣреніями, а не для корысти, то тѣмъ паче опростоволосился.

Какъ сказано было, Платонъ съ Діономъ ничего добраго не ожидали отъ испорченныхъ сиракузянъ; философы опасались, что сиракузяне не станутъ ихъ слушаться, если они начнутъ говорить къ нимъ, какъ простые смертные, а не какъ власть имѣющіе. Въ добавокъ, и тутъ примѣшались своего рода страхъ сепаратизма и своего рода обрусеніе и борьба съ интригою: опасеніе, какъ бы не распалось созданное Діонизіемъ I, хотя и кровавымъ путемъ, но большое государство изъ городовъ греческихъ и варварскихъ въ Сициліи и южной Италіи, и какъ бы варвары итальянскіе и карфагенскіе не взяли верхъ надъ греками, пока тѣ будутъ заняты устройствомъ своего самоуправленія: ибо вѣдь, если дать самоуправленіе Сиракузамъ, то пришлось бы дать его и подчиненнымъ городамъ. По всѣмъ этимъ и подобнымъ соображеніямъ философы, Платонъ съ Діономъ, рѣшились охладить порывы конфузящагося своего самодержавія тирана и, вмѣсто политическаго идеала самоуправляющейся и саморазвивающейся демократіи, поставили передъ нимъ педагогическій идеалъ отца и дѣтей, да добродѣтельнаго, умнаго и твердаго персидскаго царя Дарія, который выбралъ себѣ семь такихъ же добродѣтельныхъ, умныхъ и твердыхъ друзей и поставилъ ихъ правителями надъ семью областями своего обширнаго государства, каковое онъ такъ укрѣпилъ, что

оно стоитъ твердо и до сего дня. (Платонъ писалъ это всего за тридцать лѣтъ до знаменитаго краха персидской монархіи, произведеннаго вторженіемъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ арміи Александра Македонскаго). Платонъ съ Діономъ посовѣтовали и Діонизію прежде всего позаботиться о томъ, чтобъ пріобрѣсть повсюду въ подчиненныхъ ему городахъ друзей, подобныхъ Даріевымъ, а для этого начать съ того, чтобъ самому приготовить себя до способности выбрать такихъ друзей. „Мы съ Діономъ, писалъ философъ, совѣтовали Діонизію, что, такъ какъ отецъ его не далъ ему хорошаго воспитанія и приличнаго общества, то ему слѣдовало прежде всего создать себѣ между родными и сверстниками друзей, которые бы помогали ему въ практикѣ добродѣтели; мы совѣтовали ему особенно стараться быть вѣрнымъ себѣ и постояннымъ, такъ какъ ему особенно не доставало этихъ качествъ. Впрочемъ, мы ему не давали уроковъ прямо; это было бы опасно! (таки и философы хитрятъ при дворѣ! конечно, для блага человѣчества, а вовсе не изъ зараженія придворнымъ духомъ и изъ внутренняго холопства!) но косвенно мы ему давали понять это, говоря ему, что всякій человѣкъ, который хочетъ спасти себя и тѣхъ, кѣмъ онъ управляетъ, долженъ слѣдовать этимъ правиламъ. Держась такимъ образомъ, говорили мы ему, учась быть мудрымъ и добродѣтельнымъ, возстановивъ затѣмъ разоренные греческіе города въ Сициліи, давши имъ законы и политическія учрежденія, которыя сдѣлаютъ ихъ въ одно и тоже время и болѣе подчиненными его правленію, и лучше соединенными между собою въ борьбѣ противъ варваровъ, онъ не только удвоитъ, но увеличитъ въ безконечное число разъ могущество, которое оставилъ ему отецъ, и подчинитъ себѣ карѳагенянъ скорѣе, чѣмъ Гелонъ“ и т. д. Впрочемъ, въ отдаленной перспективѣ, Платонъ съ Діономъ имѣли въ виду, по крайней мѣрѣ для Сиракузъ (т. е. для „коренныхъ губерній“), если не для подчиненныхъ имъ городовъ („окраинъ“), вовсе не одну только личную тиранію (они все же понимали, что такая тиранія неблагонадежна по части постоянства добродѣтели),

а тоже въ своемъ родѣ „увѣнчаніе зданія“, или „иллюзію“, иначе конституцію, — „законное правленіе“, какъ говорилъ Платонъ, или „правовой порядокъ“, какъ говорятъ русскія газеты, — только уже, конечно, не простую демократическую свободу (это было бы слишкомъ просто для педагоговъ и тоже не совсѣмъ благонадежно насчетъ безпрерывнаго господства добродѣтели), а нѣчто очень хитрое и сложное, нѣчто подобное лакедемонскому устройству, столь любезному всѣмъ педагогамъ, только еще сложнѣе: нѣсколько царей, сенатъ, потомъ еще одна корпорація составителей законовъ (что-то вродѣ свѣдущихъ людей), которые отъ себя выберутъ еще одну корпорацію хранителей законовъ (что-то вродѣ государственнаго совѣта изъ однихъ тайн. сов. Галагановъ). Однимъ словомъ, „увѣнчаніе зданія“ Платона и Діона было дѣйствительно „иллюзія“: невозможная мѣшанина учрежденій, одно съ другимъ несовмѣстимыхъ и способныхъ функціонировать только при необыкновенной добродѣтели всѣхъ ихъ членовъ. А пока философы найдутъ возможнымъ увѣнчать зданіе, должна была, конечно, оставаться тиранія, т. е. самодержавіе готоваго тирана, только всѣ усилія философовъ должны были направиться къ тому, чтобы сдѣлать изъ этого тирана олицетвореніе добродѣтели или философіи. Такимъ образомъ, по словамъ самого Платона, онъ съ Діономъ надѣялись „обративъ Діонизія къ добродѣтели, исправить нравы отечества и дать ему истинное счастіе, безъ убійствъ, безъ кровопролитія, безъ всѣхъ бѣдствій гражданской войны“.

Разумѣется, для такой педагогической задачи нужно было прежде всего сдѣлать школьникомъ самого будущаго народнаго педагога, тирана. Что школьника-тирана посадили на строгую діэту, это само собою разумѣется, равно какъ и то, что сокращеніе расходовъ стало главною заботой сиракузскаго министерства двора и другихъ министерствъ. Правда, при сиракузскомъ дворѣ апельсиновъ не считали, но только потому, что апельсины тогда еще не были вовсе извѣстны не только въ Петербургѣ, но и въ Сициліи. Штановъ у солдатъ сиракузскихъ тоже не укоротили,

но только потому, что классическіе солдаты обходились совсѣмъ безъ штановъ. Но на крючкахъ достигнута была большая экономія. Объ экономіи хлопоталъ самъ тиранъ, а философы занялись главнымъ образомъ устройствомъ для него школьнаго образованія. Такъ какъ греки отъ природы говорили по гречески, то засадить самодержца за греческіе аористы не могло прійти въ голову даже тогдашнимъ Катковымъ и Леонтьевымъ; латинскій же языкъ былъ тогда варварскимъ и могъ входить развѣ въ тогдашнее реальное образованіе (на немъ говорили въ казармахъ), а не классическое, а потому воспитаніе тирана въ добродѣтели пришлось начать — математикой. Діонизія засадили за геометрію! Сгоряча, онъ принялся очень усердно.

Разумѣется, что за геометрію же взялся и весь дворъ. Плутархъ разсказываетъ, что, едва только Платонъ показался въ Сиракузахъ, весь дворъ тирана наполнился пескомъ: придворные чертили на немъ геометрическія фигуры. Послѣ сиракузскій самодержецъ не могъ безъ ярости вспоминать этихъ уроковъ геометріи и вообще своего обращенія въ школьники. Уже поссорившись съ Діономъ и начавъ ссориться съ Платономъ, Діонизій спросилъ разъ аѳинскаго философа, нарочно въ присутствіи постороннихъ: помнитъ ли онъ, какъ онъ совѣтовалъ ему, Діонизію, возстановить греческіе города? — и когда Платонъ замѣтилъ, что онъ совѣтовалъ еще и другое (это былъ намекъ на совѣты приготовиться къ этому возстановленію посредствомъ добродѣтели), Діонизій съ злымъ громкимъ смѣхомъ закричалъ: „о, да! ты приказывалъ еще: не заботься объ этомъ; тебѣ еще нужно учиться!“ — а когда Платонъ отвѣтилъ: „у тебя хорошая память“, тогда взбунтовавшійся школьникъ-самодержецъ замѣтилъ со злостію: „какъ у настоящаго ученика геометріи, не правда-ли?!“

Ну, можно ли было долго занять самодержца геометріей и удержать въ предѣлахъ сухояденія и сокращенія расходовъ?! Конечно, что, по прошествіи извѣстнаго времени, тиранъ взбунтовался: сначала, подъ благовиднымъ предлогомъ, изгналъ Діона, Пла-

тона же держалъ болѣе подъ арестомъ, чѣмъ въ почетномъ приближеніи, и заживъ во всѣхъ отношеніяхъ, какъ слѣдуетъ самодержцу. Геометрію замѣнили пиры со всѣмъ подобающимъ, такъ что Плутархъ говоритъ, что, глядя на быстрое превращеніе сиракузскихъ придворныхъ изъ математиковъ въ кутилъ, можно было думать, что тутъ не обошлось безъ нечистой силы, Цирцеи.

Остальное болѣе или менѣе извѣстно: Платонъ насилу выбрался по добру изъ Сиракузъ; Діонъ такъ долженъ былъ поднять противъ тирана революцію и, когда, одолѣвши Діонизія, самъ не поспѣшилъ возстановить республику, — все въ видахъ педагогическихъ, — то самъ былъ убитъ, какъ претендентъ на тиранію. Діонизій воротился въ Сиракузы, но былъ окончательно выгнанъ дѣйствительнымъ республиканцемъ Тимолеономъ. Этотъ, столько же добродѣтельный, сколько и здравомыслящій человѣкъ не задавался педагогическими цѣлями, а попросту, одолѣвъ Діонизія, раззорилъ его бастилію, кр. Ортигію, и возстановилъ въ Сиракузахъ демократію. И что же вы думаете? Ни Сиракузы, ни сиракузское обруселіе, ни самъ Тимолеонъ, ни, наконецъ, сама добродѣтель отъ этого не только не потеряли, но, напротивъ, всѣ выиграли: опустошенныя Сиракузы населились новыми колонистами, равно какъ и другіе греческіе города Сициліи, избавленные отъ деспотовъ, при чемъ (замѣтьте, народники!) довольно не дурно были устроены и аграрныя отношенія, карѳагенская интрига была поражена. Тимолеонъ дожилъ въ Сиракузахъ до глубокой старости, являясь на народныя собранія, какъ частный человѣкъ, изъ домика, построеннаго ему обществомъ, говорилъ, что ему казалось нужнымъ, выслушивалъ возраженія и даже пристрастныя нападенія, отвѣчая на послѣднія благодарностью богамъ за то, что они дали ему увидѣть исполненіе его желанія, чтобъ каждый сиракузянинъ имѣлъ свободу говорить все, что захочетъ, и „неразумная и буйная толпа“ соглашалась съ мудрымъ и добродѣтельнымъ человѣкомъ, который не лѣзъ въ педагогическое начальство, а былъ настоящимъ философомъ и учите-

лемъ настолько, насколько онъ естественно превосходилъ другихъ умомъ, опытомъ и характеромъ. Съ такимъ же почтеніемъ, какъ Сиракузы, слушали слова Тимолеона и всѣ сицилійскіе греки.[1]

Надо, впрочемъ, признаться, что и Діонизій II нашелся тоже довольно недурно: потерявъ сиракузскій престолъ, онъ открылъ въ Коринѳѣ школу для дѣтей и, кромѣ того, обучалъ пѣнію уличныхъ пѣвцовъ. Въ этомъ всетаки видно новое доказательство превосходства нединастическихъ самодержцевъ сиракузскихъ надъ петербургскими помазанниками и нѣкоторая польза пиѳагорейской дрессировки, которой Платонъ подвергалъ молодаго тирана. Александръ III врядъ ли сумѣетъ такъ устроиться, если ему придется наскочить на своего Тимолеона. Но въ этомъ надо будетъ обвинить столько же привычки его династіи, сколько и ту совершенно безплодную школу, которую проходитъ теперь тиранъ петербургскій подъ руководствомъ философа московскаго.

Мы, впрочемъ, предостерегали и петербургскаго ученика, и московскаго учителя еще очень заблаговременно. Вы помните, конечно, читатель, время передъ началомъ послѣдней русско-турецкой войны, когда И. С. Аксаковъ вылѣзъ изъ своего банковскаго удаленія и вновь заставилъ о себѣ говорить своими рѣчами въ славянскомъ комитетѣ. Г. Аксаковъ былъ тогда исполненъ самаго искренняго желанія освободить братьевъ славянъ и усматривалъ препятствіе къ этому освобожденію въ противонаціональной дипломатіи, которую и громилъ, на сколько у него хватало умѣнья говорить съ оглядкою на цензуру. Извѣстно, что даже въ болѣе свободныхъ монархическихъ государствахъ дипломатія подчиняется сильному вліянію монарха. Въ Россіи же, да еще при Александрѣ II, который почиталъ себя спеціально-призваннымъ разработывать международное право, дипломатія всецѣло исходила отъ царя. Въ добавокъ, ни для кого не были тайною берлинскія симпатіи покойнаго импера-

[1] Мы бы очень совѣтовали ученикамъ классическихъ гимназій читать біографіи этого почтеннаго человѣка у Плутарха и Корнелія Непота, только боимся, чтобы имъ не досталось за это вполнѣ классическое занятіе отъ начальства.

тора, равно какъ и то, что берлинскимъ политикамъ столько же нежелательна прочная автономія балканскихъ племенъ, которая бы предохранила ихъ отъ господства Австро-Венгріи, сколько и подчиненіе ихъ Россіи. Всякій здравомыслящій славянофилъ или даже фанатикъ внѣшняго расширенія Россіи въ 1875—1877 гг., при видѣ прусизма русской царской дипломатіи, долженъ бы былъ стать именно противникомъ абсолютизма въ Россіи, такъ какъ, именно при абсолютизмѣ, русскій императоръ всего легче становится прусскимъ намѣстникомъ въ Петербургѣ.[1] Но г. Аксаковъ ухитрился громить петербургскую дипломатію и восхвалять петербургскаго царя, проповѣдуя при семъ, и какъ фактъ, и какъ догматъ, единство этого царя съ народомъ, который-де, въ противность дипломатіи, спитъ и видитъ освобожденіе своихъ заграничныхъ братьевъ.

Видя такое помраченіе духа московскаго оратора и видя, что значительная часть общества въ Россіи осыпаетъ его похвалами, вмѣсто того, чтобъ совершенно серьезно посовѣтовать его роднымъ полечить его, а также слыша, что г. Аксаковъ находится въ давнихъ близкихъ отношеніяхъ къ тогдашнему наслѣднику, который, какъ разсказывали, даже ссорился изъ за нихъ съ гр. П. А. Шуваловымъ, правившимъ одно время Александромъ II и Россіей, мы, нисколько не сомнѣваясь, что правительство Александра II надѣлаетъ глупостей въ восточномъ вопросѣ до войны, во время ея и послѣ, и что г. Аксаковъ самъ возраститъ палку и на славянъ, и на самого себя, думали только о томъ: какую же путаницу смастеритъ московскій краснобай, когда вступитъ на престолъ Александръ III, а краснобай сей попадетъ въ придворные философы?! Вотъ тогда то мы вспомнили исторію Діонизія II и Платона. Мы себѣ представили Александра III, по слухамъ славянофила и даже нѣсколько, если не либерала, то охотника до земщины и неохотника до чиновничества, желающимъ хоть

[1] Вѣдь вотъ же и Александръ III, послѣ всѣхъ анекдотовъ о его прусофобіи и regnante Ignatievo, все-таки поѣхалъ въ Данцигъ и предалъ Боснію и Герцеговину Австріи.

нѣсколько разорвать съ политикою своего отца, и г. Аксакова, который тутъ то и начнетъ мудрить и собьетъ окончательно съ толку петербургскаго тирана. По нашему разсчету, г. Аксаковъ непремѣнно долженъ былъ разыграть при Александрѣ III роль Платона при дворѣ Діонизія II, и мы позволили себѣ въ „Громадѣ“ 1878 г. шуточно набросать нѣсколько деталей изъ ожидаемаго положенія. Конечно, событія нѣсколько видоизмѣнили наши предположенія, но въ основѣ они совершенно оправдались.

Ст.-Петербургскій Діонизій, конечно, никогда не могъ быть такъ либерально настроенъ, какъ его сиракузскій предшественникъ. Но можно охотно повѣрить, что онъ совершенно искренно желалъ бы чѣмъ нибудь новымъ ознаменовать свое царствованіе и въ то же время сбросить съ себя хоть часть непосильнаго бремени и отвѣтственности; можно повѣрить особенно, что онъ наглядно убѣдился въ негодности чиновническаго управленія и потому уже былъ бы не прочь поставить свое правительство въ болѣе близкія, простыя и дѣловыя отношенія къ населенію. Правда, что насильственная смерть отца должна была ошеломить молодаго самодержца, заставивъ его думать больше всего о личной охранѣ и возбудивъ у него отвращеніе къ освободительному движенію. Но та же самая смерть и вообще послѣдніе годы царствованія Александра II должны же были заставить Александра III подумать надъ системою, которая привела къ такимъ печальнымъ результатамъ. Предоставленный самому себѣ, не говоря уже о вліяніи сколько-нибудь толковыхъ людей, быть можетъ, петербургскій Діонизій Младшій и додумался бы до чего-нибудь путнаго. Но на бѣду судьба послала ему въ менторы московскихъ философовъ, особенно г. Аксакова, который довелъ несчастнаго гатчинскаго отшельника до самаго отчаяннаго положенія.

Московскій Платонъ придумалъ для своего ученика тоже своего рода геометрію, но только нѣсколько самобытную. Какъ врагъ изобрѣтеній Запада, а также всего, являющагося во плоти, въ опредѣленной формѣ, ибо „точію духъ животворитъ“, московскій любомудръ

придумалъ и геометрію „по духу“: фигуры краснорѣчія, особенно круги и спирали изъ числа тѣхъ, которые по латыни зовутся circuli vitiosi, а по русски заколдованные круги. Хоть три года вертись, ни до чего не довертишься, кромѣ головокруженія!

Ученикъ желаетъ получить наставленіе: что ему дѣлать въ теперешнихъ трудныхъ обстоятельствахъ? — „Главное, говоритъ учитель, не уступай требованіямъ крамолы, не внимай совѣтамъ лживой интеллигенціи, опасайся лжеобщества, лжеземства, лженарода. Все это миражи и черти, идущіе съ чужаго поля, съ гнилого запада. Мы тебѣ придумаемъ нѣчто самобытное; народная самобытность — главное дѣло! Она была у насъ до Петра I, а теперь пропала. Мы ее найдемъ назади, дома, въ Москвѣ!“...

Бѣдный ученикъ сейчасъ же готовъ бы ѣхать въ Москву, но пока въ ней устроятъ свою Гатчину, долженъ сидѣть въ Гатчинѣ Петербургской. Тамъ то онъ обдумываетъ урокъ, выслушанный отъ учителя: Хорошо... Народная самобытность! Ну, а какъ такой же самобытности потребуютъ у меня всѣ народы моей имперіи: хохлы, литвины, ляхи, нѣмцы и т. п.? Вѣдь этихъ нерусскихъ, или нечисто-русскихъ народовъ у меня, слава богу, до сорока милліоновъ. Потомъ: назадъ, въ Москву! Такъ вѣдь и въ Москвѣ былъ и Иванъ Грозный съ Малютою, былъ и царь Алексѣй съ боярами (и хищеніемъ!) были и земскіе соборы. Вѣдь вотъ жена слышала, есть такіе, которые говорятъ, будто эти соборы XVII в. все равно, что французскіе états généraux и англійскіе парламенты XIV в., т. е. тѣ же представительныя собранія гнилого Запада, только въ зачаточномъ состояніи. Самъ Аксаковъ какъ будто то же самое думаетъ, какъ будто опасается, что теперь никакой земскій соборъ не ограничится старо-московскими „челобитіями“ и „сказками“ царю-государю, а сейчасъ же захочетъ вступить во всѣ права взрослыхъ парламентовъ, опасается настолько, что поспѣшилъ мнѣ поднести уже въ печатномъ видѣ записку, поданную братомъ его моему родителю. А записка эта, послѣ всякой брани на чиновническій Петербургъ и всякой хвалы земской Москвѣ, упра-

шиваетъ: только, пожалуйста, не созывайте земскаго собора. Такъ что же мнѣ дѣлать то?

— „Не надо средостѣнія между царемъ и народомъ!“ кричитъ на другой урокъ московскій Платонъ.

— Хорошо, не надо средостѣнія; безъ средостѣнія проще и дешевле. Только что же это за средостѣніе? По „Руси“ выходитъ разъ, что это „либеральная интеллигенція“, въ другой, что это „бюрократія“, а въ третій — все это вмѣстѣ: „либерально-бюрократическая интеллигенція“. Такъ либеральная интеллигенція, кажется, и въ Петербургѣ никогда не поощрялась: прабабка Екатерина II, хоть и съ Вольтерами водилась, а все ни Новикову, ни Радищеву спуску не давала. Такимъ образомъ, безпорядки въ государствѣ врядъ ли могли произойти отъ недостатка бдительности за либеральною интеллигенціею. Бѣда, вѣрно, въ томъ, что въ Россіи допущена вообще интеллигенція. Можно бы было попробовать уничтожить эту интеллигенцію, если бъ можно было безъ нея хоть оградить Аничковскій дворецъ отъ подкоповъ, не говоря уже объ арміяхъ, флотахъ, горныхъ заводахъ и т. п. Уничтожить бюрократію легче. Всего бы легче уничтожить либеральную бюрократію, посадивъ повсюду шефами бюрократовъ нелиберальныхъ, которые бы уже постепенно произвели подборъ низшихъ бюрократовъ. Такъ это уже пробовали и дѣдъ мой, и родитель, но дѣла Россіи и даже безопасность царства отъ этого не процвѣли. Остается попробовать уничтожить всякую бюрократію, — и по временамъ мнѣ кажется, будто „Русь“ намекаетъ на что то подобное. Но, вѣдь хорошенько подумавши, мы находимъ, что этотъ совѣтъ смахиваетъ на совѣтъ превратить Россію въ сущности въ федеративную республику, — а ни федерацій, ни республикъ учитель не любитъ. При томъ же и тутъ оказывается загвоздка, въ родѣ какъ съ народною самобытностью: вѣдь, если вывести бюрократическое средостѣніе изъ Польши, Литвы, Бессарабіи, Бѣлоруссіи, Украйны, Балтійскихъ провинцій, — то что же тамъ станется съ „обрусеніемъ“, „русскимъ дѣломъ“, „русскими интересами“ и т. п. А, вѣдь, учи-

тель сколько разъ совѣтовалъ „держать высоко русское знамя на окраинахъ.“ Кто же его тамъ станетъ держать, если оттуда средостѣніе вывести?! Нѣтъ, очевидно, средостѣніе надо оставить, какъ оно есть.

— „Стать лицомъ къ лицу съ народомъ! прислушиваться къ біенію его сердца, а не къ голосу фальшиваго общественнаго мнѣнія!“ кричитъ въ слѣдующій разъ Платонъ II. Діонизій III ничему бы не былъ такъ радъ, „даже въ геморроидальномъ отношеніи“, какъ прогулкѣ въ народъ, à la Гарунъ-аль-Рашидъ. Но крамола не пускаетъ. Развѣ, напримѣръ, лѣтнее путешествіе по Волгѣ похоже на прогулку Гарунъ-аль-Рашида, а не на поѣздку мыши въ желѣзной клѣткѣ? При томъ же и изъ газетъ, и по разсказамъ вѣрныхъ людей, Діонизій III знаетъ, что народное сердце бьется больше всего на тему передѣла земель. Пробовалъ онъ было у Платона спросить объ этомъ передѣлѣ, такъ Платонъ ему на слѣдующій урокъ приказалъ выучить теорію г. Дм. Самарина „о достаточности крестьянскихъ надѣловъ“ и еще прибавилъ, что это, молъ, пишетъ братъ того самаго Самарина, котораго Шуваловъ соціалистомъ называлъ, — такъ, значитъ, онъ ужъ навѣрное мужика не обидитъ; высѣчетъ, а не обидитъ!

Вотъ въ такихъ-то кругахъ да спираляхъ вертѣлъ московскій Платонъ петербургскаго Діонизія почти цѣлый годъ. Одинъ разъ наканунѣ новаго 1882 г. Діонизій III, довертѣвшись до тошноты, потерялъ, наконецъ, терпѣніе и приталъ къ учителю съ рѣшительнымъ вопросомъ:[1]

— Да что же намъ дѣлать?

— „Какъ, что дѣлать?! спросилъ Платонъ II, изумляясь тому, можно ли послѣ столькихъ, кажется, вполнѣ понятныхъ уроковъ, предлагать подобные вопросы. — Какъ, что дѣлать? — Быть самими собою!“

— Что же это значитъ: быть самими собою? спросилъ Діонизій, недоумѣвая и думая: неужели до сихъ поръ и онъ былъ не онъ, и Дагмара не Дагмара, и Игнатьевъ не Игнатьевъ?

[1] Слѣдующая сцена описана почти съ буквальною точностью въ 59 № „Руси“ за 1881 г.

— „Возстановить цѣльность жизни!“ обязательно пояснилъ Платонъ.

— Слышалъ я это уже не разъ, да еще меньше понимаю это; укажите же, наконецъ, толкомъ: какъ стать самими собою, какъ возстановить цѣльность жизни?? — вскричалъ выведенный, наконецъ, изъ терпѣнія ученикъ и сталъ наступать на учителя съ видомъ, не предвѣщающимъ ничего добраго.

При такомъ оборотѣ дѣла учитель подался нѣсколько назадъ и самъ потерялъ обычную увѣренность въ себѣ.

— „Мы не знаемъ, пробормоталъ онъ, мы не обладаемъ такимъ секретомъ. Можетъ быть, ларчикъ и просто открывается, — можетъ быть, и нѣтъ...

Діонизій III упалъ въ кресла. Не вытолкать ли его въ шею со всѣми другими московскими дервишами? — мелькнуло у него въ умѣ. и уже богатырскій кулакъ его приготовлялся исполнить эту здравую мысль. Но тиранъ подумалъ, что ему тогда не останется ничего другого, какъ или тотчасъ же послать за Петромъ Шуваловымъ, который такъ унижалъ его когда то, и предложить ему вновь воцариться въ зданіи у Цѣпного моста, или и впрямь созывать земскій соборъ, — и остановился...

Настало молчаніе. И. С. Аксаковъ, думавшій въ послѣднія минуты о томъ, какъ бы ему убраться по здорову отъ кулаковъ богатыря-ученика, самъ началъ раскаиваться въ своемъ краснорѣчіи и вспомнилъ пословицу, особенно идущую къ безвыходнымъ положеніямъ: „слово серебро, а молчаніе золото“. Но, какъ старый діалектикъ изъ кружка Рудина, сейчасъ же ухватился за слово „молчаніе“ и закраснобаилъ снова:

„И въ самомъ дѣлѣ (какъ хорошо это „и въ самомъ дѣлѣ!“) не у тѣхъ ли разгадка вопросовъ, кто въ настоящую минуту молчитъ? Не они ли скажутъ намъ простую правду, простое слово жизни..... О, если бы ихъ вызвать на слово!“

— Да, если бы ихъ вызвать на слово!! повторилъ за учителемъ ученикъ — и вновь ему вспомнился Гарунъ-аль-Рашидъ, но затѣмъ тотчасъ же нигили-

сты. — Нѣтъ, Гарунъ-аль-Рашидомъ нельзя! Остается добиваться слова жизни у тѣхъ, кто теперь молчитъ, или посредствомъ урядниковъ, или посредствомъ закона о свободѣ сходокъ.

— Такъ какъ же, Иванъ Сергѣевичъ: урядниками, или закономъ о свободѣ сходокъ?

Иванъ Сергѣевичъ затруднился; въ глубинѣ духа урядники ему таки нравились и своимъ монархическимъ характеромъ, и своимъ славянскимъ именемъ; не нравилось ему только то, зачѣмъ столь прекрасное учрежденіе выдумано въ петербургскій періодъ, а не въ московскій, и зачѣмъ оно названо „институтомъ“, а не „семенищемъ“, но онъ посовѣстился высказаться за урядниковъ. Зато законъ о свободѣ сходокъ онъ рѣшительно отвергъ, какъ штуку западную. При томъ же смутный голосъ говорилъ ему, что и при свободѣ сходокъ, и даже при очень усиленномъ вызовѣ со стороны урядниковъ, молчащіе, когда заговорятъ, то навѣрное скажутъ простое слово жизни: „отстань!...“ Собственно, изъ страха подобнаго отвѣта И. С. Аксаковъ и забросилъ напередъ словечко „лженародъ“, котораго надо страшиться, въ отличіе отъ „народа“, которому надо довѣряться. Въ глубинѣ духа онъ самъ дѣлалъ между однимъ и другимъ такую разницу: народъ молчащій и есть народъ, а народъ, такъ или иначе говорящій, есть лженародъ, а потому И. С., хоть и говорилъ, что хорошо бы было вызвать молчащихъ на произнесеніе слова жизни, но когда къ нему приставали съ вопросомъ, какъ же вызвать молчащихъ на разговоръ, онъ всегда кассировалъ всѣ предлагаемыя средства и сводилъ обсужденіе на нѣтъ.

Такъ случилось и на этотъ разъ, тѣмъ болѣе, что стрѣлка приблизилась къ полуночи, — и самодержавный ученикъ долженъ былъ обратиться къ исполненію своихъ текущихъ обязанностей въ бѣличьемъ колесѣ тиранскаго житья.

Насталъ 1882 г. и дѣла государства пошли своимъ чередомъ, т. е. все хуже да хуже. Казна все пустѣетъ, крамола бодрствуетъ, народъ началъ пошаливать даже въ Варшавѣ, а средостѣніе, знай, крадетъ: въ

одномъ Таганрогѣ украло 70000000 рублей. Что дѣлать? что дѣлать?! Старый Платонъ аѳинскій, видя, что геометрія тутъ рѣшительно не помогаетъ, навѣрное посовѣтовалъ бы своему ученику заняться алгеброй, чтобъ вычислить, по крайней мѣрѣ, на сколько лѣтъ можетъ хватить государства, если средостѣніе будетъ продолжать красть все въ той же прогрессіи, пока будутъ придуманы положительные способы обходиться безъ него. Но московскій Платонъ считаетъ и алгебру наукой все еще не достаточно духовною и при томъ агарянскою, а потому даже послѣ извѣстія о кражѣ въ Таганрогѣ нашелся замѣтить только одно: „Всѣ мы виноваты, — вотъ что намъ необходимо признать“ („Русь“, 1882, № 1), и посовѣтовалъ всѣмъ одно: покаяніе. — Кайтесь, молъ, всѣ: и тѣ, кто крадетъ, и тѣ, у кого крадутъ. Кайтесь, — но не бунтуйтесь: сіе глаголю особенно тѣмъ, у кого крадутъ.

На-дняхъ спеціальный корреспондентъ „Вольнаго Слова“ изъ Петербурга и Москвы прислалъ въ Женеву телеграмму, что по предложенію И. С. Аксакова вся Россія будетъ обязательно засажена за добровольное чтеніе покаяннаго псалма царя Давида по сорокъ разъ въ день и покаяннаго канона св. Андрея Критскаго по три раза въ день. Не рѣшено только, будетъ ли эта мѣра объявлена св. Синодомъ обыкновеннымъ канцелярскимъ порядкомъ, или Вселенскимъ соборомъ, который предполагается собрать въ Москвѣ, а также и то, будетъ ли обязательно читать канонъ св. Андрея по славянски, или по гречески. Подробности эти составляютъ предметъ соглашенія между гг. Побѣдоносцевымъ, Аксаковымъ и Катковымъ. Пока же на основаніи формулы: beati possidentes, г. Побѣдоносцевъ сочинилъ двѣ новыя эктеніи отъ хищенія, а петербургское таможенное средостѣніе украло и себѣ нѣсколько милліоновъ.

Таково покамѣсть положеніе и Діонизія III, и Платона II, и средостѣнія. Чѣмъ покончатъ, по крайней мѣрѣ, Діонизій съ Платономъ, не беремся предсказывать, но что кончатъ они худо, — въ этомъ мы увѣрены. Не будь въ Россіи освобождены крестьяне и

будь нашъ молодой тиранъ побойчѣе, вродѣ Діонизія I, — мы бы не сомнѣвались, что онъ бы подарилъ московскаго Платона въ рабство никому другому, какъ П. А. Шувалову, а этотъ бы продалъ его П. И. Чичикову на мѣсто умершаго отъ пьянства Петрушки, и теперешній издатель „Руси“ кончилъ бы тѣмъ, что предовольный выводилъ бы и въ барской передней „изъ буквъ слова, которыя иной разъ, чертъ ихъ знаетъ, что и значатъ“.[1] Но что сдѣлаетъ съ П. С. теперешній петербургскій тиранъ, право, не догадаемся; только, навѣрное, что-нибудь тоже нехорошее.

Собственно на этомъ можно было бы намъ и окончить нашъ сравнительный этюдъ, но мы предчувствуемъ, что читатель найдетъ его неполнымъ. — „А гдѣ же Діонъ?“ — спроситъ читатель.

Требованіе чрезмѣрное и отъ природы, и отъ насъ, ея наблюдателя. Аналогія — не тожество! Настоящаго Діона нѣтъ теперь въ Петербургѣ и быть не можетъ. Діонъ всетаки былъ и умный, и добродѣтельный человѣкъ, и подъ конецъ на революцію пустившійся, и при этомъ родственникъ тирана. Не можетъ такой человѣкъ оказаться при дворѣ петербургскомъ. Правда, отдѣльныя черты положенія Діона встрѣчаются и въ Петербургѣ, но въ разбросанномъ видѣ и совершенно самобытно сложенныя. Больше всего мы усматриваемъ Діоновскихъ чертъ въ гр. Игнатьевѣ. Во-первыхъ, онъ пріятель московскаго Платона, а, во-вторыхъ, довольно богатъ. Правда, Діонъ разбогатѣлъ не самъ, а получилъ богатство отъ отца, который по тогдашнему игралъ на тогдашней биржѣ. Гр. Игнатьевъ же самъ игралъ по нынѣшнему на нынѣшней биржѣ, но такъ какъ онъ это дѣлалъ въ Константинополѣ, то можно сказать, что это былъ не теперешній Игнатьевъ, а какъ бы отецъ его, тѣмъ болѣе, что въ Петербургѣ онъ будто совсѣмъ наново народился: въ Константинополѣ онъ

[1] Въ древности ходилъ анекдотъ, будто старшій Діонизій подшутилъ надъ Платономъ такъ, что его по дорогѣ въ Аѳины завезли на Эгину, которая тогда была въ войнѣ съ Аѳинами, и гдѣ Платонъ былъ проданъ въ рабство, но былъ, конечно, выкупленъ поклонниками. „Ему, молъ, ничего, — сказалъ будто бы старый тиранъ, — онъ такой добродѣтельный человѣкъ, что и въ рабствѣ будетъ счастливъ.“ Шутка совершенно въ московскомъ вкусѣ, но требующая нѣкотораго остроумія, которымъ не всякій самодуръ обладаетъ.

революціонировалъ народы, въ Петербургѣ онъ ихъ усмиряетъ: въ Константинополѣ онъ былъ „отецъ лжи“, въ Петербургѣ онъ вызываетъ отъ свѣдущихъ людей „слово правды“. Больше же всего похожъ гр. Игнатьевъ на Діона своею страстью къ педагогіи. Хотя это сходство и en laid, но все же сходство, и крупное. Гр. Игнатьевъ не просто служитъ тирану, и не просто пасетъ и гоняетъ телятъ россійскаго Макара; онъ педагогствуетъ. По крайней мѣрѣ, самъ онъ о томъ заявляетъ въ своемъ французскомъ органѣ „Le Nord“.

Тамъ, во 2 № за 1882 г., между прочимъ, расписуется значеніе и будущность изобрѣтеннаго гр. Игнатьевымъ „института“ свѣдущихъ людей. „Эти свѣдущіе люди, говоритъ „Le Nord“, теперь представители русскаго общества, призванные по выбору правительства (чудо, что за опредѣленіе!) для разрѣшенія текущихъ вопросовъ, но въ извѣстное время (dans un temps donné; — какая алгебра!) будутъ, безъ сомнѣнія, болѣе прямыми (геометрія, хотя и неясная: если уже не прямыми, то хоть бы знать градусъ угла?) представителями земствъ. Эти свѣдущіе люди, организованные по всей Россіи въ постоянныя группы, которыя правительство будетъ приглашать, по мѣрѣ нужды, по частямъ (par fractions; — опять изъ алгебры!) болѣе или менѣе значительнымъ, содѣйствовать ему къ выработкѣ реформъ и которыхъ голосъ будетъ, какъ это уже и имѣло мѣсто, выслушиваемъ въ средѣ государственнаго совѣта, — эти свѣдущіе люди, говоримъ мы, научатся посредствомъ частыхъ собраній въ столицѣ Россіи подниматься отъ пониманія интересовъ мѣстныхъ и заботъ своихъ закоулковъ (des préoccupations de clocher) до интересовъ общихъ и истинно національныхъ.[1] Они составятъ со временемъ то, чего не достаетъ еще Россіи — политическій классъ, принимая это слово въ его первоначальномъ (originelle) и практическомъ смыслѣ“.

[1] Замѣчательно, что и французскій педагогъ, Гамбетта, какъ разъ это самое словечко: „les préoccupations de clocher“ употреблялъ, добиваясь scrutin de liste, но французы на что ужъ любители политической педагогіи, а и тѣ догадались отправить самаго педагога на прогулку и предпочли ему людей съ менѣе педагогическими наклонностями.

Ну, какъ же не педагогія?! Мы всегда думали, что „институтъ свѣдущихъ людей“ есть совсѣмъ педагогическая выдумка, нѣчто вродѣ ружей безъ пороху, или романсовъ безъ любви, которые сочинялъ покойный принцъ П. Г. Ольденбургскій для воспитанницъ институтовъ благородныхъ дѣвицъ. Представители общества, его не представляющіе; нѣкоторымъ образомъ, если не парламентъ, то говорильня, но безъ всякихъ правъ, наконецъ, свѣдущіе люди, которые признаются въ своемъ невѣдѣніи! Но до сихъ поръ можно было думать, что если это не игрушка для забавы общества и препровожденія времени правительства, такъ (въ лучшемъ случаѣ) это игрушка для пріученія самодержца не бояться представительства. А оказывается, что это педагогика въ серьезъ, надолго, и при томъ педагогика для самихъ свѣдущихъ людей, которые будутъ обучаться наукѣ подниматься до общихъ интересовъ и прочаго такого. Хоть бы программу экзаменовъ на аттестатъ зрѣлости по части этого подниманія скорѣе напечатали, чтобы знать, что для сего курса требоваться будетъ, и сообразить, во сколько времени сей курсъ пройти можно? Вѣдь жизнь-то коротка, а слово „со временемъ“ — безконечно.

Да за одно бы уже обнародовать и аттестаты самихъ экзаменаторовъ для школяровъ новыхъ политическихъ классовъ, учреждаемыхъ въ Россіи „по волѣ императора и замыслу гр. Игнатьева“. Самъ то, напримѣръ, гр. Игнатьевъ, гдѣ проходилъ курсъ политической зрѣлости и науки подниманія до интересовъ общихъ и истинно-національныхъ? Сначала, кажется, въ пажескомъ корпусѣ, а потомъ въ Турціи?! Но ни тамъ, ни тамъ политическія науки что-то не процвѣтаютъ! Да въ Турціи какъ имъ и процвѣтать, если тамъ высшія политическія науки преподаются визирями, изъ которыхъ, если бы кто и попался настоящій докторъ сихъ наукъ, такъ никогда не можетъ поручиться за полноту своего курса, ибо не вѣдаетъ ни дня, ни часа, въ онь же его султанъ въ загривокъ вытолкаетъ? Оттого тамъ высшею политическою наукою считается эквилибристика. И не сей ли наукѣ

хочетъ обучить гр. Игнатьевъ „представителей русскаго общества, выбираемыхъ теперь правительствомъ“, и будущихъ „болѣе прямыхъ представителей земствъ“? Такъ вѣдь обученный сей наукѣ „политическій классъ“ въ Россіи давно уже существуетъ, такъ что въ простомъ народѣ и самое слово „политика“ получило оригинальное (original, если не originel) значеніе: лжи и плутовства.

Повторяемъ, нѣтъ другого способа создать настоящую политическую зрѣлость, какъ практика свободы. Всякія педагогическія затѣи со взрослыми людьми, даже искренне задуманныя, обыкновенно ни къ чему доброму не приводятъ. На эту мысль намекалъ даже Діону Сиракузскому его соперникъ и товарищъ по борьбѣ съ Діонизіемъ, Гераклидъ, когда отказался поступить въ число установленныхъ Діономъ свѣдущихъ людей, сказавши, что онъ ни что иное, какъ обыкновенный гражданинъ, и что онъ пойдетъ только въ народное собраніе вмѣстѣ со всѣми другими гражданами. Діонъ не понялъ намека и допедагогствовался до весьма худого конца.

Мы никому не желаемъ такого конца и не беремся пророчествовать гр. Игнатьеву о его судьбѣ, хотя исполненіе нашего предсказанія гр. Лорисъ-Меликову (см. „Соловья баснями не кормятъ“) и соблазняетъ насъ предсказать такой или иной „полетъ въ бездну“ и его наслѣднику; мы отмѣтимъ только какъ характеристическое совпаденіе, что намекъ, подобный сдѣланному Гераклидомъ Діону, сдѣланъ былъ и изобрѣтателю „института свѣдущихъ людей“ въ Россіи новгородскимъ земствомъ, которое запретило своимъ должностнымъ лицамъ поступать въ эту школу. Въ настоящее „народное собраніе, наравнѣ съ другими гражданами“, новгородскіе земцы, конечно, пойдутъ охотно...

Подчиненный гр. Игнатьева мѣстный губернаторъ опротестовалъ этотъ намекъ новгородскихъ Гераклидовъ, и всероссійскіе гувернеры, очевидно, не поняли его значенія. Тѣмъ хуже для гувернеровъ!

Впрочемъ, богъ бы съ ними, съ гувернерами и прочими политическими педагогами, но страхъ беретъ

за ту страну, гдѣ ужъ слишкомъ много охотниковъ гувернерствовать развелось, вотъ, напримѣръ, какъ теперь въ Россіи. И кто въ ней не гувернерствуетъ? И царь, и всѣ великіе князья гувернерствуютъ, и г. Аксаковъ педагогствуетъ, и гр. Игнатьевъ политическіе классы съ безконечнымъ курсомъ открываетъ, и „Голосъ“, самъ только что выпущенный раньше срока изъ карцера, „взнуздывать звѣря“ собирается, и даже редакція „Народной Воли“ „на худой конецъ“ собирается передавать власть надъ всѣми народами Россіи уже даже не всероссійской палатѣ депутатовъ (по нашему, такъ и этотъ конецъ, нельзя сказать, чтобы ужъ очень былъ добрый!), а просто „революціоннымъ представителямъ народа“, т. е. самимъ себѣ. При видѣ такого распространенія у самыхъ разнообразныхъ россіянъ охоты къ власти и къ педагогіи, и намъ приходитъ на мысль сочинить для спасенія простыхъ обывателей Россіи отъ этой бѣды, если не новую эктенію, то хоть маленькую замѣну въ финалѣ Молитвы Господней:

„и не введи насъ во искушеніе власти, но избави насъ отъ педагоговъ!“

Г. Галаганъ — для духу.

(Первоначально напечатано въ журн. „Вольное Слово“ № 24, 1882 г.)

Въ числѣ послѣднихъ новогоднихъ назначеній гатчинскаго правительства есть одно, которое, навѣрно, заставитъ говорить о себѣ. Это назначеніе прилуцкаго предводителя дворянства, г. Галагана, въ члены Государственнаго Совѣта съ помѣщеніемъ въ департаментъ законовъ. Провинціальный человѣкъ, земецъ, свѣдущій человѣкъ, — въ Государственный Совѣтъ! — „Не показываетъ ли это желанія правительства сблизиться съ обществомъ, съ землею!“ — воскликнутъ не только безусловные восхвалители всѣхъ правительственныхъ дѣйствій, но и иные изъ фрондеровъ, которые и до сихъ поръ не могутъ выбрать другой формы для выраженія оппозиціонныхъ идей, какъ восхваленіе правительства за ложку меду, иногда даже подкрашеннаго, въ бочкахъ дегтю, которыми оно покрываетъ Россію. А, между тѣмъ, если была въ послѣднее время принята правительствомъ мѣра, болѣе дѣтская съ его стороны и болѣе обидная, въ своей наивности, для страны, — такъ это вышеупомянутое назначеніе. Оставимъ даже въ сторонѣ личность самаго г. Галагана — личность по всему довольно блѣдную — что значитъ одинъ земецъ среди десятковъ чиновниковъ-членовъ Государственнаго Совѣта? Зачѣмъ онъ туда назначенъ? Очевидно, „для духу“, какъ кладутъ извѣстныя специи въ малыхъ дозахъ въ соленые огурцы.

Такимъ назначеніемъ можно, пожалуй, деморализировать коего изъ земцевъ и свѣдущихъ людей, показавъ имъ въ перспективѣ мѣсто въ Государственномъ Совѣтѣ въ награду за молчаливыя добродѣтели послѣ легкаго будированія, но обмануть имъ общественное мнѣніе, увѣрить, будто-бы одно и даже нѣсколько назначеній, подобныхъ назначенію г. Галагана, способны придать чиновническому Государственному Совѣту земскій запахъ, никакъ нельзя.

P. S. Мы не ошиблись: „Новое Время“ умилилось назначеніемъ г. Галагана и дало обстоятельный curriculum vitae новаго члена Государственнаго Совѣта. Но въ этомъ обзорѣ забыли только упомянуть то обстоятельство, что г. Галаганъ былъ съ 1873 до половины 1875 г. предсѣдателемъ кіевскаго отдѣла Русскаго Географическаго Общества, отъ котораго онъ отрекся, едва только начались доносы на этотъ отдѣлъ, приведшіе къ закрытію его въ 1877 г. по Высочайшему повелѣнію. Г. Галаганъ прекрасно могъ знать несостоятельность этихъ доносовъ и, имѣя доступъ ко Двору, могъ бы ихъ парализировать, но предпочелъ разыграть благородную роль крысъ, оставляющихъ корабль, которому судьба предназначила крушеніе. Прекрасное опредѣленіе степени крѣпости земскаго духа, который г. Галаганъ долженъ вносить въ Государственный Совѣтъ.

Германство на Востокѣ и московщина на Западѣ.

(Первоначально напечатано въ журналѣ „Вольное Слово“ №№ 30 и 31, 1882 г.)

Рѣчи ген. Скобелева придали жару неумолкающимъ уже нѣсколько лѣтъ разговорамъ о предстоящемъ столкновеніи между племенемъ германскимъ, предводимымъ Пруссіей, и племенами славянскими, предводимыми Россіею. Откинувши даже добрую долю на газетную болтовню, служащую для препровожденія времени публицистовъ и публики, все-таки нельзя не признать въ этихъ разговорахъ значительной доли серьезнаго.

Германское племя движется на Востокъ уже болѣе десяти вѣковъ и въ этомъ движеніи поглотило и подчинило себѣ не одинъ славянскій народъ. Московское государство, съ XVII в. особенно, двинулось на встрѣчу германскому Drang nach Osten и, ставши Россіею, соприкоснулось наконецъ съ воинственнымъ нѣмецкимъ государствомъ Пруссіею и съ ея соперникомъ-союзникомъ Австріей по всей западной границѣ. Уже съ XVIII в. намѣтилось соперничество Россіи съ Австріей, — въ этомъ отношеніи и тогда уже поддерживаемой со стороны Пруссіи, — за вліяніе на Балканскомъ полуостровѣ. Въ германской публикѣ очень распространена мысль о необходимости подчиненія Дунайско-Балканскихъ земель нѣмецкому вліянію. Изъ многочисленной литературы, въ которой высказана эта мысль, мы укажемъ только нѣсколько примѣровъ, взявъ ихъ у авторовъ весьма разнообразныхъ партій и значительной извѣстности.

Мы очень сожалѣемъ, что не имѣемъ подъ рукою собранія сочиненій Листа, котораго почитаютъ основателемъ національной экономіи въ Германіи, и потому должны лишить читателя поучительности прочувствовать всю силу не только мыслей, но и выраженій этого писателя по занимающему насъ вопросу. Мы передадимъ эти мысли по изложенію Рошера (Die Geschichte der Nationalökonomie in Deutschland; 987—988), сохраняя и его ссылки на полное собраніе сочиненій его предшественника. Въ основу своихъ экономиче-

скихъ разсчетовъ для нѣмецкой націи Листъ кладетъ политическій союзъ средней Европы подъ гегемоніей Пруссіи. Въ этомъ союзѣ должны принять участіе и „береговыя государства", т. е. Голландія и Данія, а также страны до Балканскаго хребта, чтобъ такимъ образомъ получилась Германія, прилегающая къ четыремъ морямъ (Сѣверному, Балтійскому, Адріатическому и Черному). (Ges. Schrift. II, 211). Такая Германія будетъ своего рода грозою противъ Франціи и Россіи, которыя потому кажутся опасными нѣмецкому экономисту, что онѣ обѣ стремятся пополнить свои „несовершенныя національности" присоединеніемъ нѣмецкихъ земель (II, 442). „Особенно, говоритъ Рошеръ, беретъ Листа забота и истинное отвращеніе относительно Россіи: онъ сравниваетъ ее съ лютымъ звѣремъ, который тогда только лежитъ спокойно, когда перевариваетъ проглоченную пищу (собственно — кратву, Frass), или подкрѣпляетъ себя сномъ, или выжидаетъ новую добычу. Если этотъ звѣрь, по странной игрѣ природы, получитъ человѣческую голову, то онъ сдѣлается еще страшнѣе, такъ какъ онъ сможетъ примѣнять свой звѣрскій инстинктъ тѣмъ съ большею послѣдовательностью, искусствомъ и кажущеюся умѣренностью" (II, 315). Такъ у Рошера, въ его „Началахъ народнаго хозяйства", читаемъ: „Наши переселенцы въ Россію, Америку, Австралію и Алжиръ отправляются изъ отечества со всѣмъ, что они имѣютъ, и большею частью для насъ погибаютъ: они становятся покупателями и поставщиками чужихъ народовъ, которые часто наши соперники и враги. Дѣло пошло бы совсѣмъ иначе, если бы нѣмецкихъ переселенцевъ отправили въ нѣмецкія колоніи, которыя можно устроить, напримѣръ, въ плодоносныхъ, но рѣдко населенныхъ частяхъ Венгріи, въ польскихъ провинціяхъ Польши и Пруссіи, наконецъ, въ тѣхъ частяхъ Турціи, которыя въ будущемъ, Богъ дастъ, составятъ насѣдіе Германіи. Здѣсь путемъ колонизаціи можно было бы основать новую Германію, которая превзошла бы старую и величиною, и числомъ населенія, и богатствомъ, и образовала бы вмѣстѣ съ тѣмъ самый вѣрный оплотъ отъ всякой опасности со стороны русскихъ и поляковъ. Этой страной могли бы мы, по отношенію къ народному хозяйству, точно также воспользоваться, какъ Соединенные Штаты воспользовались долиною Миссисипи и далекимъ Западомъ, особенно же во всемъ томъ, что касается фактически исключительнаго пользованія." (Рошеръ, op. cit., русскій переводъ, т. I, отд. 2, стр. 323).

Въ 1863 г. соціалистъ Фердинандъ Лассаль писалъ Родбертусу (бывшему министру), что онъ съ удовольствіемъ

прочелъ въ брошюрѣ одного пруссака слова: „я надѣюсь еще дожить до того времени, когда наслѣдство Турціи достанется Германіи и когда полки нѣмецкихъ солдатъ или работниковъ станутъ на Босфорѣ“. Относительно не-германскихъ народовъ, которые оказались бы такимъ образомъ подъ нѣмецкими солдатами или рабочими, знаменитый дематогъ выражается такъ: „нѣтъ, я вовсе не сторонникъ принципа національностей. Я требую правъ національности только для большихъ культурныхъ націй, а не для племенъ, которыхъ все право состоитъ только въ томъ, чтобъ быть перерождаемыми и развиваемыми первыми.“ (Ich windiziere das Recht der Nationalität nur den grossen Kulturnationen, nicht den Rassen, deren Recht vielmehr nur darin besteht, von jenen assimiliert und entwickelt zu werden. См. Briefe von F. Lassalle an C. Rodbertus-Jagetzow, 56—57).

Слова Лассаля показываютъ, что нѣмецкіе соціалисты далеко не отрѣшились отъ воинственнаго отношенія къ юго-восточнымъ ихъ сосѣдямъ. И дѣйствительно, вполнѣ шовинистическій націонализмъ по отношенію къ славянамъ обнаруживаютъ и многіе изъ нѣмецкихъ соціальдемократовъ, даже члены Интернаціонала, какъ это оказалось особенно во время послѣдней славянской войны противъ Турціи. Мы отсылаемъ читателя особенно къ рѣчамъ и брошюрамъ Либкнехта („Zur Orientalischen Frage oder soll Europa kosakisch werden“ и „Die Orientdebatte im deutschen Reichstage“.) Съ перваго раза можетъ показаться, что люди, въ родѣ Либкнехта, стоятъ за „интернаціональные интересы противъ принципа національностей, который раздѣляетъ народы“, противъ россійскаго деспотизма, угнетающаго всѣ народы, особенно Польшу, которой возстановленія требуютъ эти люди въ интересахъ свободы всей Европы, и можно было бы находить, что если ихъ симпатіи и антипатіи нѣсколько и односторонне направлены, и нѣсколько странно выражаются, то во всякомъ случаѣ имѣютъ въ основѣ гуманное начало. Но, вчитавшись внимательно въ эти рѣчи и сопоставивъ ихъ съ реальными условіями жизни народовъ между Эльбою и Чернымъ моремъ, видишь, что въ этихъ соціалистахъ и интернаціоналистахъ живетъ всетаки духъ старыхъ Генриховъ Птицелововъ и Святыхъ и прочихъ истребителей славянъ.

Эти господа противъ Россіи, но за то они за Австрію и даже за Турцію. Австрія мила этимъ страннымъ интернаціоналистамъ, какъ часть „могучей плотины, которую воздвигъ германскій міръ отъ Сѣвернаго моря до Адріатики противъ славянства“. Турецкія притѣсненія славянъ эти гуманнисты считаютъ выдумкою и заявляютъ, что „нельзя

показать ни одной головы южно-славянской, которая бы дѣйствительно стремилась на волю". Изъ всѣхъ славянъ дѣлается исключеніе для однихъ поляковъ, но, очевидно, только потому, что поляки противники Россіи, при чемъ, конечно, подъ Польшею демократы, въ родѣ Либкнехта, не видятъ не-польскихъ и мужицкихъ народовъ (литвиновъ, бѣлоруссовъ, украинцевъ), которыхъ столько же нѣтъ резона отдавать возстановленной Польшѣ, какъ и сохранять во власти деспотовъ Россіи. Такія очень условныя симпатіи къ Польшѣ Либкнехтовъ даютъ полное основаніе предполагать, что, стань Польша дѣйствительно самостоятельною съ своею политикою, а не какъ орудіе только для нѣмецкаго Drang nach Osten, то и Либкнехты отнеслись бы къ ней такъ же, какъ и Рошеры, т. е. какъ къ ускользающему изъ рукъ ихъ полю для нѣмецкой колонизаціи. И дѣйствительно, мы каждый день видимъ въ нѣмецкой прессѣ, особенно демократическо-прогрессистскаго направленія, плачи о Польшѣ, когда дѣло идетъ о Россіи, и крики противъ поляковъ, когда дѣло касается, напримѣръ, Познани.[1]

Все это показываетъ, какъ мало могутъ ожидать славянскіе народы добраго къ себѣ отношенія даже отъ демократически-прогрессивныхъ нѣмецкихъ партій, не исключая значительной доли соціалдемократовъ, которые еще недавно цѣликомъ стояли на точкѣ зрѣнія Листовъ, при чемъ громили не только русскій царизмъ, но и русскій нигилизмъ и называли и такихъ людей, какъ Герценъ и Бакунинъ, царскими агентами. У Герцена находимъ прекрасныя характеристи этого смѣшенія духа старыхъ саксонскихъ императоровъ съ новымъ космополитизмомъ и соціализмомъ у нѣмецкихъ Umwälzungsmänner. Одна изъ этихъ характеристикъ была уже приведена нами въ „Вольномъ Словѣ" изъ „Колокола" (15 января 1859 г.)[2]; но въ виду приведенныхъ выше словъ Листа о томъ, что Россія станетъ еще опаснѣе, если получитъ „человѣческую голову", — мы считаемъ нелишнимъ повторить здѣсь эти слова Герцена: „Есть ограниченные умы и узкія народныя ненависти; они ненавидятъ, не разсуждая. Возьмите статьи нѣмецкихъ демократовъ, кичащихся своимъ космополитизмомъ, и вгля-

[1] Въ виду этого, а равно въ виду совершенно негуманнаго отношенія Либкнехта къ другимъ славянамъ, кромѣ поляковъ, нельзя назвать тактичнымъ сочувственнаго разобраннымъ нами Либкнехтовымъ рѣчамъ и брошюрамъ отзыва въ предисловіи къ польскому переводу его, въ общемъ совершено благонамѣренной, брошюры „Zu Trutz und Schutz". Переводъ этотъ („W obronie prawdy", Genewa 1882) только что вышелъ въ изданіи общества „Lud Polski", отъ имени котораго написано и безусловно сочувственное Либкнехту предисловіе, какъ человѣку, всегда желавшему „возстановленія Польши". Неужели же „Lud Polski" раздѣляетъ всѣ идеи, которыми мотивировалъ и сопровождалъ Либкнехтъ свои пожеланія освобожденія Польши?! Было бы печально, еслибъ на это пришлось отвѣтить утвердительно!

[2] Въ статьяхъ „Истор. Польша и великор. дем." Ср. т. I, стр. 139, прим. 2. Прим. ред.

дитесь въ ихъ злую ненависть ко всему русскому, ко всему славянскому. . . . . Если бы эта ненависть сопряжена была съ какимъ-нибудь желаніемъ, чтобы Россія, Польша были свободны, порвали бы свои цѣпи — я бы понялъ это. Совсѣмъ не то. Такъ, какъ средневѣковые люди, ненавидя евреевъ, не хотѣли вовсе ихъ совершенствованія, такъ всякій успѣхъ нашъ въ государственности только удваиваетъ ненависть этихъ ограниченныхъ, заклепанныхъ умовъ."[1]
Описывая нѣмецкую революціонную эмиграцію 1848 года, Герценъ говоритъ (Сочиненія, т. VII, 311—312): „Всѣ нѣмецкіе революціонеры большіе космополиты: sie haben überwunden den Standpunkt der Nationalität (они переросли точку зрѣнія національностей) — и всѣ исполнены самаго раздражительнаго, самаго упорнаго патріотизма. Они готовы принять всемірную республику, стереть границы между государствами, но чтобъ Тріестъ и Данцигъ принадлежали Германіи". (Боясь удлинять статью, мы опускаемъ любопытные примѣры того, какъ нѣмецкіе либералы и революціонеры 1848 г. относились не только къ славянамъ, но и къ Италіи, которая тоже будто бы по космополитически-культурнымъ соображеніямъ должна была, по ихъ мнѣнію, подчиняться Австріи.)
Въ другомъ мѣстѣ (въ „Колоколѣ", 1862, стр. 119—120) Герценъ говоритъ:
„Бакунинъ страшно заплатилъ за благородную ошибку, за несбыточную мечту общаго дѣйствія съ нѣмецкими демократами. У большей части нѣмцевъ слишкомъ развита племенная ненависть къ намъ. Мы знаемъ, что нѣмецкій общественный дѣятель работаетъ въ пользу своего народа, не удивляемся этому и уважаемъ его. Но нѣмецъ ждетъ отъ русскаго и славянина, чтобъ онъ презиралъ свой народъ и несъ бы нѣмецкую цивилизацію дикарямъ, забывая,

---

[1] То, что теперь говорится въ нѣмецкой, даже въ прогрессистской печати по поводу рѣчей Скобелева и въ томъ числѣ по поводу вѣсти о сочувственномъ полякамъ тостѣ его въ Варшавѣ, даетъ намъ основаніе выписать здѣсь слова наши, сказанныя въ брошюрѣ: „Le Tyrannicide en Russie et l'action de l'Europe Occidentale": „Нѣмецкая пресса руководится (въ отношеніи Россіи) чувствами династическаго сервилизма, соединенными съ племенными ненавистями и расчетами прусской политики. Она хорошо понимаетъ, что съ наступленіемъ свободы въ Россіи положенъ будетъ конецъ привилегіямъ нѣмецкихъ бароновъ въ Балтійскихъ провинціяхъ Россіи и ихъ преобладанію въ русской бюрократіи и что свободная Россія перестанетъ быть орудіемъ въ рукахъ Пруссіи и всѣхъ Священныхъ союзовъ". „Нѣмецкая печать кричала уже на пожаръ, когда въ Россіи поднялся вопросъ объ освобожденіи крестьянъ; она теперь всегда кричитъ въ такомъ же родѣ, когда зайдетъ рѣчь о введеніи въ Россіи политической свободы, какъ она кричитъ о панеславистическомъ нигилизмѣ, когда зайдетъ рѣчь объ удовлетвореніи самыхъ справедливыхъ требованій подданныхъ имперіи царя, напримѣръ, поляковъ. И, однакожъ, она называетъ Россію землею кнута (Knutenland) и оплакиваетъ участь Польши, когда нужно очернить не только правительство, но и общество русское въ глазахъ Европы, какъ это дѣлалось во время послѣдней войны". (Бр. с. I 14—15.)

что у насъ на это, сверхъ Петербурга, есть Кур-Эст-и Лифляндія, а у чеховъ и западныхъ славянъ — Австрія."

Въ виду такого отношенія нѣмецкой публики разныхъ партій къ своимъ восточнымъ сосѣдямъ, неудивительно, если время отъ времени во всей Европѣ поднимаются разговоры о предстоящей генеральной баталіи между германствомъ и славянствомъ за обладаніе страною между Эльбой и Адріатическимъ и Чернымъ моремъ. Такая баталія по истинѣ, не есть вещь невозможная. Правда, есть люди, которые находятъ, что она будетъ предупреждена торжествомъ соціализма, какъ въ Германіи, такъ и въ Австріи, и Россіи, и что, если бы даже раньше этого времени политическія столкновенія и привели къ такому или иному передвиженію нѣмецкой политической или даже этнографической границы въ ущербъ государствамъ и племенамъ славянскимъ, то основные интересы народовъ мало бы отъ этого пострадали.

Съ этими успокоительными ожиданіями нельзя, однако, согласиться безусловно; во-первыхъ, соціалистическое движеніе нигдѣ еще не достигло такой практической силы, которая бы давала убѣдительное основаніе вѣрить въ очень скорое его торжества надъ всѣми прочими политическими факторами. Во-вторыхъ, и самое соціалистическое, и даже вообще оппозиціонное движеніе само можетъ подвинуть правителей Пруссіи на восточную войну, какъ на средство отвлеченія общественной энергіи и вмѣстѣ привлеченія колонизаціи нѣмецкой въ новыя страны, при чемъ многіе прогрессистскіе и соціалистическіе элементы несомнѣнно будутъ довольны борьбою „съ варварскимъ и деспотическимъ міромъ славянства". Въ результатѣ же побѣды германства должна выйти не только задержка торжества демократіи въ самой Германіи, но и новое насажденіе феодальныхъ элементовъ въ славянскихъ странахъ, на которыя наляжетъ нѣмецкая бюрократія, капиталисты и даже колонизація вообще, какъ это происходило и до сихъ поръ во всѣхъ странахъ, въ которыхъ одна національность насѣдала на другую. Наконецъ, самое соціалистическое движеніе, по всей вѣроятности, подобно всему на свѣтѣ, будетъ подчиняться тѣмъ законамъ, по которымъ все новое появляется не сразу въ совершенномъ видѣ, а въ извѣстномъ приспособленіи къ существующему, т. е. въ каждой странѣ приспособляясь къ ея степени политическаго и экономическаго развитія, къ пріобрѣтеннымъ національнымъ привычкамъ и проч. Съ этой стороны, показанное выше смѣшеніе у многихъ, по крайней мѣрѣ, нѣмецкихъ соціалдемократовъ, духа Генриха Святаго съ идеями интернаціональнаго со-

ціализма представляетъ мало утѣшительнаго для людей, желающихъ скорѣйшаго прекращенія племенной борьбы въ средней Европѣ. Въ одной изъ своихъ рѣчей (на нюрембергскомъ рабочемъ конгрессѣ 1868 г.) тотъ же Либкнехтъ выразился слѣдующимъ образомъ: „Одинъ изъ предшествовавшихъ ораторовъ говорилъ въ пользу всеобщаго разоруженія. Я тоже стою за него. Но оно только тогда можетъ наступить, когда всѣ враги народовъ будутъ сдѣланы безвредными. А это еще нескоро настанетъ. Для Германіи и Франціи часъ освобожденія, кажется мнѣ, не далекъ. Но съ нашимъ освобожденіемъ мы еще не будемъ у цѣли; намъ останется еще совершить кровавый трудъ, исполнить святой долгъ: разрушеніе Россіи, возстановленіе Польши (курсивъ въ подлинникѣ). Намъ предстоитъ отбить двуглавому русскому орлу голову, обращенную къ западу; мы должны искупить преступленіе, совершенное относительно Польши нашими государями, а именно преступленіе самаго коварнаго и не-нѣмецкаго между ними, Фридриха „Великаго“, какъ называютъ его фальсификаторы исторіи. Только тогда, когда деспотизмъ будетъ выгнанъ изъ своего послѣдняго убѣжища, народы смогутъ разоружиться. До тѣхъ поръ мы должны настаивать на нашемъ требованіи всеобщаго вооруженія: каждый гражданинъ долженъ быть солдатомъ и каждый солдатъ гражданиномъ“ (курсивъ въ подлинникѣ).

Безъ всякаго сомнѣнія, уничтоженіе деспотизма въ Россіи и разрушеніе ея централизаціи (если не союза теперь порабощенныхъ ею народовъ) и возстановленіе автономіи польскихъ областей (конечно дѣйствительно польскихъ, а не историческаго польскаго государства) составляетъ настоятельную необходимость дальнѣйшаго прогресса Европы. Но все это освободительное дѣло должно быть совершено для самихъ народовъ Россіи и ими самими. Только въ послѣднемъ случаѣ оно можетъ и совершиться вполнѣ успѣшно. Исторія уже показала, что, когда подобное дѣло затѣвается со стороны, то изъ него не выходитъ ничего добраго не только для объекта освобожденія, но и для субъекта и для сохраненія идеи свободы даже въ ея теоретической чистотѣ. Такъ, когда французы въ великую революцію принялись освобождать военными походами своихъ восточныхъ сосѣдей, то довели ихъ и себя, а дальше и идею революціи — до Наполеона! То же самое сталось бы и съ нѣмцами, если бы они, даже предводимые Лассалями и Либкнехтами, — не говоря уже о Бисмаркахъ, — предприняли разрушеніе Россіи и возстановленіе Польши, и тѣмъ

еще болѣе, что выписанныя выше фразы Лассаля о нѣмецкихъ солдатахъ на Босфорѣ и Либкнехта о „плотинѣ, воздвигнутой нѣмецкимъ міромъ противъ славянства“, показываютъ, что у нѣмецкихъ освободителей осталось гораздо болѣе національнаго шовинизма и завоевательной (и неизбѣжно монархической) закваски, чѣмъ даже у французскихъ якобинцевъ временъ великой революціи.

Вотъ почему даже людямъ, раздѣляющимъ соціалистическія идеи, нѣтъ основанія очень оптимистически смотрѣть въ ближайшее будущее племенныхъ отношеній въ средней Европѣ и, въ особенности, возлагать слишкомъ оптимистическія надежды на нѣмецкую соціалдемократію. Въ области соціалистической политики соціалисты славянскихъ народностей, особенно ближайшихъ къ нѣмцамъ сосѣдей (эстовъ, латышей, литовцевъ, поляковъ, чеховъ, словенцевъ), должны позаботиться объ организаціи демоса своихъ народовъ для самостоятельной борьбы со своими общественными и экономическими феодалами, между которыми громадный процентъ принадлежитъ нѣмецкой національности, борьбы, всѣ плоды которой были бы сохранены именно для этихъ народовъ, а не для благодѣтелей со стороны. Только при такой самостоятельной организаціи соціалистическихъ партій среди сосѣднихъ съ нѣмцами народовъ будетъ обезпечень успѣхъ пропаганды соціалистическихъ идей среди этихъ народовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ образованы элементы, говоря языкомъ Либкнехта, „могучей плотины“ противъ шовинизма и феодализма даже среди нѣмецкихъ массъ, плотины, полезной даже для самихъ этихъ массъ, такъ какъ она предохранитъ ихъ отъ господства Наполеоновъ и Бисмарковъ. Но рядомъ съ этимъ и соціалисты положительно-научнаго, а не въ своемъ родѣ религіознаго воспитанія должны же понимать, что исторія есть очень сложный процессъ, въ которомъ принимаютъ участіе разныя силы, политическія, національныя и т. п., и понимать значеніе и многихъ изъ теперь дѣйствующихъ общественныхъ элементовъ, еще далекихъ отъ идей интернаціональнаго соціализма, но все-таки могущихъ способствовать прекращенію теперешняго наступленія одной націи на другую и всѣхъ нравственныхъ и соціально-экономическихъ послѣдствій такого наступленія: междуплеменной спѣси и вражды, усиленной феодализаціи собственности и т. д. Не подлежитъ сомнѣнію, что, подобно потому, какъ объединеніе Италіи и Германіи, положивши предѣлъ хозяйничанью французскихъ правительствъ внѣ Франціи, способствовало развитію миролюбивыхъ и космополитическихъ идей во Франціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ обращенію вниманія французовъ къ внутреннимъ во-

просамъ, такъ же и преобразованіе Австріи, Россіи и Балканскихъ странъ въ такіе политическіе союзы, въ которыхъ бы каждый народъ получилъ возможность прочной организаціи своихъ силъ, остановило бы воинственныя стремленія Германіи къ господству на Востокѣ и послужило бы въ пользу самихъ населеній Германіи.

Къ сожалѣнію, многіе политическіе люди даже въ славянскихъ земляхъ гораздо больше думаютъ о возможности остановки завоевательнаго движенія Германіи исключительно силою подобно же ей воинственной организаціи, напримѣръ, Россіи, чѣмъ о прочной организаціи непосредственно угрожаемыхъ Германіей народовъ, при чемъ не совсѣмъ у мѣста ссылаются на примѣры Піемонта и Пруссіи, которые остановили экспансивное стремленіе Франціи. Между тѣмъ, какъ эти надежды на Россію, такъ равно и всѣ мистическія соображенія о столкновеніи между Россіей и Пруссіей, какъ между представителями двухъ міровъ, соображенія, которыя мы находимъ одинаково на германской, какъ и на славянской сторонѣ, такъ и невниманіе къ экспансивному движенію нѣмцевъ на Востокъ, происходятъ отъ недостатка анализа сущности германскаго движенія на Востокъ и роли и положенія россійскаго государства по отношенію къ западнымъ его окраинамъ и сосѣдямъ.

Движеніе нѣмцевъ на Востокъ и столкновеніе ихъ съ туземцами, преимущественно съ славянами, прежде всего вовсе не представляетъ собою какой-то мистической борьбы двухъ культурныхъ началъ, а есть только часть общаго на материкѣ Европы движенія, въ которомъ участвуютъ и сами славяне, движенія, опредѣляемаго самыми реальными условіями, которыя могутъ быть выражены наглядными статистическими данными. Это прежде всего движеніе колонизаціи изъ гуще населенныхъ странъ въ слабѣе населенныя. На этой основѣ дѣйствуютъ затѣмъ стремленія государственнаго расширенія, которыя въ каждомъ государствѣ направляются во всѣ стороны, но бываютъ обыкновенно всего болѣе успѣшны въ томъ направленіи, въ какомъ идетъ колонизація. Вслѣдствіе совпаденія такихъ двухъ стремленій племя французское и Франція, какъ государство, имѣли свой Drang nach Osten, остановленный въ послѣднее время пріостановкою размноженія населенія въ самой Франціи. По тѣмъ же причинамъ франки напирали на саксовъ и баваровъ, а эти на славянъ и литовцевъ. По тѣмъ же причинамъ изъ самихъ славянъ поляки напирали на литовцевъ, бѣлоруссовъ и украинцевъ; украинцы на хазаръ, половчанъ и другихъ степняковъ между Днѣпромъ и Дономъ, великоруссы на финовъ и другіе народы

Поволжья и далѣе на Востокъ до самаго Тихаго Океана. Въ этомъ движеніи государственная сила очень часто только давала окончательную форму явленію, которое совершилось путемъ чисто колонизаціоннымъ. Расширеніе нѣмецкихъ государствъ на Востокѣ тѣмъ именно и прочно, что оно есть результатъ силы столько же колонизаціонной, сколько и государственной, какъ и расширеніе государства Московскаго на его Востокѣ.

Совсѣмъ другого характера расширеніе московскаго государства на Западѣ. Расширеніе это, превратившее едва вѣдомую европейцамъ Московію въ громадную Россійскую имперію, случилось съ такою поразительною быстротою, въ теченіе съ небольшимъ полутораста лѣтъ (1654—1815), что слѣпитъ глаза наблюдателямъ, которые не сразу отдаютъ себѣ отчетъ въ его причинахъ, а между тѣмъ, понявъ его, мы поймемъ многое важное и въ историческомъ, и въ практическомъ отношеніи. Такъ какъ тутъ никакой колонизаціи не было, то обыкновенно тутъ предполагаютъ или чрезвычайную завоевательную силу и дипломатическія способности Московскаго государства, ту мистическую наклонность и способность къ „пожиранію“, о которой говорятъ съ ужасомъ (и не безъ зависти) нѣмецкіе патріоты, или мистическое же тяготѣніе народовъ западной половины Россіи къ московскому центру, тяготѣніе, о которомъ говорятъ московскіе патріоты (не безъ хвастовства, конечно, и военными и дипломатическими талантами своихъ правителей и племени). Между тѣмъ вышеупомянутое расширеніе Московіи, т. е. присоединеніе къ ней Украйны, Бѣлоруссіи и даже Балтійскихъ провинцій и Литвы, всего менѣе можетъ быть объяснено по способу нѣмецкихъ и московскихъ патріотовъ, и въ сущности есть результатъ ничего другого, какъ именно движенія на Востокъ племенъ болѣе западныхъ, чѣмъ пріобрѣтенныя Московіею земли, въ эти послѣднія: движенія нѣмцевъ на поляковъ, литовцевъ, латышей и эстовъ, и движенія поляковъ на литовцевъ, бѣлоруссовъ, украинцевъ, плюсъ движеніе турокъ на сѣверные берега Чернаго моря, которые они отняли было у украинцевъ въ концѣ XV вѣка.[1] Вникая въ подробности военно-дипломатической исторіи присоединенія къ Московіи всей западной половины Европейской Россіи, поражаешься именно неспособностью стратеговъ и дипломатовъ московскихъ въ этой области: то и дѣло ихъ бьютъ или обманываютъ, или то и другое

[1] Обыкновенно публика не знаетъ, что уже въ началѣ XV вѣка изъ гавани Хаджибей, на мѣстѣ которой стоитъ теперь Одесса, вывозился хлѣбъ въ Константинополь. Въ это время уже украинская колонизація овладѣла краемъ между нижнимъ Днѣпромъ и Днѣстромъ и утратила его только послѣ захвата турками Молдавіи и Крыма (1475).

вмѣстѣ, и поляки, и турки, и шведы, и нѣмцы, а всетаки въ результатѣ получается поразительное расширеніе ихъ государства. Очевидно, тутъ должна скрываться естественная причина, и причина эта и есть ни что иное, какъ вышеупомянутое движеніе къ Востоку государствъ и племенъ болѣе западныхъ по отношенію къ присоединеннымъ къ Московіи землямъ. Это движеніе здѣсь въ XVI—XVII в. было ровно настолько сильно, чтобъ произвести классовую наслойку племенъ, которая отняла въ извѣстныхъ странахъ (въ Балтійскихъ и Литовскихъ) цѣльность населенія и энергію самозащиты, а въ другихъ (въ Бѣлоруссіи и Украйнѣ) вызвать рѣшительную реакцію противъ надвигающагося съ Запада аристократически-государственнаго элемента, но въ то же время не было настолько сильно (нѣмецкое по отдаленности тогда отъ своего національнаго источника, польское по естественной слабости и по необходимости раздваиваться на самозащиту на Западѣ и на захваты на Востокѣ), чтобъ ассимилировать окончательно туземные элементы и представить изъ себя плотную преграду искушенію восточнаго государства попробовать раздвинуть свои предѣлы и въ сторону обратную той, въ которую направляется его колонизація. Какъ изученіе исторіи московско-панславистическихъ идей среди западныхъ славянъ, начиная съ Юрія Крижанича (XVII в.) и до сихъ поръ покажетъ, что эти идеи созданы ни чѣмъ инымъ, какъ стремленіями къ господству надъ славянами нѣмцевъ, венгровъ, турокъ, грековъ, такъ детальное и безпристрастное изученіе исторіи западно-русскихъ племенъ показываетъ, что московскій панруссизмъ былъ порожденіемъ польскаго гегемонизма, проявившагося особенно во второй половинѣ XVI в. До тѣхъ поръ украинцы, вродѣ кн. Константина Ивановича Острогскаго, весьма добросовѣстно бились съ москалями, когда тѣ покушались оторвать у того польско-литовско-русскаго союза, къ которому они принадлежали, области, населенныя бѣлорусскимъ или украинскимъ населеніемъ.

Образованіе этого союза обусловливалось въ значительной степени реакціей противъ нѣмецкаго движенія на Востокъ, которое ослабило антагонизмъ, какой существовалъ издавна между членами этого союза, и который, вмѣстѣ съ клерикализмомъ, и побудилъ поляковъ призвать на устья Вислы и Нѣмана тевтонскихъ рыцарей, отъ наслѣдниковъ которыхъ вышла со временемъ иниціатива окончательныхъ раздѣловъ Польши. Мы напомнимъ читателямъ факты, которые обыкновенно пропускаются безъ вниманія въ общемъ изложеніи исторіи Россіи, а именно, что въ XIII в. Полоцкъ нѣсколько разъ былъ захватываемъ рижскими нѣм-

цами, пока онъ не соединился съ литовскимъ государствомъ; что въ концѣ XIV вѣка тевтоны подступали къ Бресту и овладѣли не только Ковномъ, но и Гродномъ, пока ихъ не отбили подъ Грюнвальдомъ соединенныя силы поляковъ, литовцевъ и западныхъ русскихъ (1410).[1]

Теперь просимъ читателя вообразить себѣ національную и соціальную судьбу населенія обширнаго пятиугольника между Балтійскимъ моремъ, З. Двиной, Верхнимъ Днѣпромъ и Припетью, если бы Полоцкъ, Гродно и Брестъ еще въ XIV и началѣ XV вѣка остались за тевтонскими рыцарями! Сомнительно, чтобъ тогда великороссы удержали за собою распоряженіе тѣмъ необходимымъ для нихъ окномъ въ Европу, какое представлялъ въ старину Новгородъ, который, послѣ разрушенія его столь практическою и дальновидною (sic!) Москвою, пришлось, съ страшными усиліями, замѣнять Петербургомъ!

Соединеніе Литвы съ Бѣлоруссіей (въ XIII—XIV в.), а потомъ Литвы, Бѣлоруссіи и Украйны съ Польшей (въ XV—XVI в.) остановило нѣмецкій Drang nach Osten, впрочемъ, только въ областяхъ Двины, Вислы и Нѣмана, но устья ихъ остались всетаки за тевтонами; судьба польскаго и литовскаго племени на Западѣ уже была рѣшена къ невыгодѣ поляковъ и литовцевъ. Мало того, само это соединеніе носило въ себѣ зародышъ разрушенія, хотя съ конца XV в. оно получило еще одинъ резонъ существованія: необходимость для Украйны отбиваться отъ новаго рода Drang nach Osten, отъ турецкаго движенія отъ устья Дуная къ Сѣверо-Востоку, наклонившаго украинцевъ къ закрѣпленію

[1] Въ этой битвѣ, память о которой недавно подновила знаменитая картина Матейка, участвовали полки: смоленскій, полоцкій, витебскій, кіевскій, пинскій и др., пришедшіе съ Витольдомъ, и подоляне и бессарабцы съ Ягеломъ. Перевѣсъ было уже клонился на сторону тевтоновъ, но мужество смоленскаго полка, который выдержалъ натискъ тевтоновъ, дало Витольду возможность поправить дѣло. Конечно, на картинѣ Матейка, какъ и у польскихъ патріотическихъ писателей, русскихъ не видно, главную же роль играютъ поляки. Интересно, что по нѣкоторымъ хронистамъ въ войскѣ Витольда были, кромѣ татаръ, даже „жиды“ изъ подъ Каспійскаго моря, конечно, потомки хазаръ. Этотъ разнохарактерный составъ ополченія, остановившаго нѣмецкій Drang nach Osten въ областяхъ Вислы и Нѣмана, даетъ поводъ нѣмецкимъ историкамъ, даже такимъ сравнительно умѣреннымъ, какъ Каро, говорить, что подъ Грюнвальдомъ „высоко поднявшаяся цивилизація была обрушена славянско-татарскимъ варварствомъ“. (Caro, Gesch. Polens, III, 314). Какова была та цивилизація, которую вкушали отъ тевтоновъ, напримѣръ, литовцы, видно изъ тогдашнихъ показаній и посланій послѣднихъ ко всему христіанскому міру: „не мало у насъ прелатовъ, священниковъ и т. п., которые отбираютъ у насъ шерсть и молоко, а въ ученіи христіанскомъ насъ не наставляютъ.... Всѣ плоды земли нашей и улья пчелиные рыцари у насъ забрали; не даютъ намъ ни звѣря бить, ни рыбы ловить, ни торговать съ сосѣдями; что годъ, увозили дѣтей нашихъ къ себѣ въ заложники.... Мы просимъ крещенія, но вспомните, что мы люди же, сотворенные по образу и подобію Божію, а не звѣри какіе.“ Интересно, что и теперь въ Познани прусское правительство собираетъ съ населенія „шерсть и молоко“, помогаетъ нѣмцамъ покупать у него земли, поляковъ же вытѣсняетъ въ Америку, а напримѣръ университета заводить и не думаетъ, такъ что это единственная провинція въ ученомъ царствѣ Гогенцоллерновъ, которая не имѣетъ высшей школы, даже нѣмецкой.

уніи съ Польшею въ 1569 году. У поляковъ давно былъ свой Drang nach Osten, на Литву, Бѣлоруссію и Украйну, который они и начали съ новою силою проявлять послѣ уніи 1569 г. Вотъ этотъ-то польскій Drang nach Osten, при давленіи турокъ и татаръ, которое дѣлало сомнительною возможность вполнѣ самостоятельнаго существованія Украйны, и наклонилъ послѣднюю къ союзу съ Московіей. Идея объ этомъ союзѣ проявилась рѣшительно уже въ двадцатыхъ годахъ XVII ст. и осуществилась въ Переяславской уніи въ 1654 г. Эта послѣдняя имѣла въ виду, какъ minimum, козацкую Украйну (по Случъ или Горынь), но и украинцы и москвичи держали не только на умѣ, но даже и на языкѣ отдѣленіе отъ польскаго государства всѣхъ „русскихъ“ (по тогдашней западной терминологіи, украинскихъ и бѣлорусскихъ) земель со Львовомъ и Вильною.

Мы имѣли случай на страницахъ „Вольнаго Слова“ доказывать, что узколобіе московскихъ политиковъ, ловко эксплуатированное польскими, было главною причиною того, что проекты эти не осуществились уже въ XVII ст.[1] Послѣ обращенія Украйны къ московскому царю съ предложеніемъ принять ее „въ союзъ и протекцію“, передъ Москвою сталъ вопросъ не о завоеваніи новыхъ областей, а о поддержкѣ ихъ автономныхъ и даже революціонныхъ, во всякомъ случаѣ, демократическихъ, и въ религіозномъ отношеніи диссидентскихъ, стремленій. А этого то и не поняла и, очевидно, не могла понять въ XVII ст., если не понимаетъ и до сихъ поръ, самодержавная, боярская и архіерейская Москва. Она вела политику завоеванія, или же легитимизма и консерватизма, пускалась въ дипломатничанье, въ компромиссы съ польскими консервативными элементами, вступала въ борьбу съ „революціонными“ элементами въ самихъ присоединившихся къ ней земляхъ и затянула отдѣленіе отъ Польши ея не-польскихъ провинцій до самаго конца XVIII в., при чемъ должна была уступить украинскую Галицію наслѣдникамъ Священной Германской имперіи, въ то время, какъ наслѣдникъ тевтонскихъ рыцарей чуть было въ конецъ не завладѣлъ всѣми плодами, утраченными воинственнымъ германствомъ въ битвѣ при Грюнвальдѣ. Еще меньше пониманія своей роли обнаружили московскіе политики въ такъ называемыхъ Балтійскихъ провинціяхъ. Сюда начали напирать московскіе государи еще въ XI в., продолжая ту, чисто завоевательную политику, которая довела ихъ до братоубійственнаго разрушенія Новгорода и Пскова, этихъ великорусскихъ аванпостовъ въ области Балтійскаго моря

[1] Ср. „Истор. Польшу и великорусск. демокр.“; гл. I, стр. 16 и сл. нашего изданія. Прим. ред.

и проводниковъ культуры въ Великороссію. Уже въ ливонскую войну Ивана IV оказалась возможность опереть московскій Drang nach Westen на реакцію тевтонскимъ завоевателямъ со стороны порабощенныхъ ими туземцевъ, латышей и эстовъ, которые, воспользовавшись случаемъ, поднимались массами. Но москвитяне грабили, жгли, уводили въ полонъ столько же латышей и эстовъ, сколько и тевтоновъ, и возбудили къ себѣ общій ужасъ, который помогъ тевтонамъ, при помощи Польши, вытѣснить ихъ изъ Ливоніи. Когда въ XVIII в. Петръ I возобновилъ наступленіе Ивана IV, онъ сначала слѣдовалъ примѣру своего грознаго предшественника. Идея опереться на туземный элементъ дана была ему извнѣ, но, конечно, не латышомъ и не эстомъ, а тевтономъ Паткулемъ, представителемъ элемента, недовольнаго шведскимъ правительствомъ, которое отняло у Польши Ливонію и съ истинною политическою мудростью начало укрѣплять за собою новыя провинціи покровительствомъ массамъ, въ чемъ бы, конечно, и успѣло, если бы не встрѣтилось съ московскими завоевателями. Эти послѣдніе предпочли признать и укрѣпить привилегіи нѣмецкихъ феодаловъ, которымъ потомъ (съ Екатерины II) вздумали противополагать ни что иное, какъ „обрусеніе“, которое и здѣсь, какъ и во всей западной половинѣ Россіи, не имѣетъ подъ собой никакой почвы.

Вотъ въ этомъ непониманіи Москвы и потомъ Петербурга своей роли на Западѣ, въ этомъ московскомъ милитаризмѣ, легитимизмѣ, аристократизмѣ, клерикализмѣ и національномъ централизмѣ, и лежатъ причины всѣхъ неудачъ западной политики Россіи, въ томъ числѣ и политики ея въ такъ называемомъ восточномъ вопросѣ, который для Россіи собственно есть западный вопросъ. На нихъ основаны и успѣхи того, что въ Москвѣ называютъ польскою, или нѣмецкою „интригою“. Отсюда происходятъ такія ошибки, какъ Виленскіе уговоры 1656 года и Андрусовскій договоръ 1667 года, остзейскія капитуляціи Петра Великаго, раздѣлы Польши совокупно съ Пруссіей и Австріей вмѣсто возможнаго при другой политикѣ федеративнаго союза всѣхъ трехъ Русей (всея Руси, de toutes les Russies) и Литвы съ Польшею, участіе Россіи въ Священномъ Союзѣ съ его сопротивленіемъ возстанію грековъ, спасеніемъ Турціи отъ египетскаго возстанія, подавленіемъ румынскаго движенія въ 1848 г. и т. п., союзъ трехъ императоровъ, съ его послѣдствіями до берлинскаго трактата 1878 г., покровительства баттенбергскому coup d'état и т. д.[1]

[1] Напомнимъ, что и пресловутый С. Стефанскій трактатъ есть своего рода Андрусовскій договоръ, такъ какъ онъ крайне обижалъ сербовъ и почти явно преда-

Чѣмъ дальше къ новѣйшему времени, къ безсознательно совершаемымъ черезъ слѣдованіе узкой старо-московской дорогой ошибкамъ, присоединяется у русскихъ политиковъ обдуманное желаніе копировать на Западѣ прусскую восточную политику, желаніе, подкрѣпляемое совѣтами, конечно, сознательно-коварными прусскаго двора. Къ числу ошибокъ послѣдняго рода принадлежитъ и система „обрусенія“, принятая въ западной половинѣ Россіи послѣ польскаго возстанія 1863—64 гг., поддержанная упорствомъ въ сохраненіи старо-московскаго абсолютизма во всей имперіи, даже послѣ довольно ясно обнаружившагося со времени послѣдней войны общественнаго желанія сбросить эту систему. Это же упорство логически должно было повести къ ниспроверженію соблазнявшей земства въ Россіи болгарской конституціи, къ баттенбергскому coup d'état, а этотъ переворотъ, установивъ хаосъ въ дѣлахъ и идеяхъ на балканскомъ полуостровѣ (вполнѣ напоминающій тотъ хаосъ, какой установили воеводское самовластіе и Андрусовскій договоръ въ Украйнѣ XVII в.), опять оказался чрезвычайно удобнымъ для видовъ германско-австрійской политики за Дунаемъ. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ московскіе государственники, вродѣ г. Каткова, и націоналисты, вродѣ г. Аксакова, оказались отличными исполнителями концерта, въ которомъ роль дирижера въ значительной степени принадлежитъ кн. Бисмарку.

Нѣтъ ничего болѣе противоестественнаго для Россіи, а въ частности для Великороссіи, и нѣтъ ничего болѣе полезнаго для воинственнаго германизма, какъ замыселъ москвичей разыграть въ западной половинѣ Россіи, до Польши включительно, роль пруссаковъ въ ихъ восточныхъ, преимущественно польскихъ провинціяхъ. Не говоримъ уже о различіи пропорціональности нѣмецкихъ и польскихъ провинцій Германіи, съ одной стороны, и великорусскихъ и польскихъ, литовскихъ, бѣлорусскихъ, украинскихъ и другихъ провинцій Европейской Россіи, съ другой. Довольно будетъ напомнить то главное обстоятельство, что германизація восточныхъ провинцій Пруссіи помогаетъ движущаяся съ Запада нѣмецкая колонизація, тогда какъ великорусская колонизація на Западъ не шла, не идетъ и итти не можетъ. Обнародованныя въ послѣднее время данныя относительно выселеній изъ среднихъ русскихъ губерній показали, что великоруссы не въ состояніи колонизовать даже рѣдко населенныя южныя степи, даже восточныя ихъ части между Дономъ, нижней Волгою и Кавказомъ: эти степи занимаются все больше украинцами, такъ что, когда Земля Войска

вать Австріи это племя, которое уже нельзя было надѣяться сдѣлать покорнымъ московской политикѣ.

Донского будетъ переведена на гражданское положеніе, то несомнѣнно, что даже и въ этой землѣ великорусскій элементъ будетъ закрытъ волною украинскаго крестьянства, которая и теперь уже окружила его со всѣхъ почти сторонъ и проникла въ самое привилегированное донское козачество. По статистическимъ даннымъ оказывается, что даже, напримѣръ, изъ Рязанской губерніи выселеніе идетъ преимущественно не на нижній Донъ, не на Кубань или въ Ставропольскую губернію, а въ Сибирь. И тутъ, конечно, дѣйствуютъ коренныя климатическія, этнографическія и вообще географическія причины, дѣйствіе которыхъ сильнѣе всякихъ искусственно-политическихъ разсчетовъ. Въ западные же края эмигрировали изъ Великороссіи прежде только раскольники, убѣгая отъ преслѣдованій роднаго правительства, а теперь по доброй волѣ не эмигрируетъ никто, кромѣ чиновниковъ. Попытки же искусственнаго насажденія здѣсь великорусскаго крестьянства въ муравьевско-кауфмановское время кончились весьма смѣхотворно, чтобъ не сказать печально, да и не могли иначе кончиться, какъ всякая канцелярская и оффиціозно-публицистическая затѣя.[1] Между тѣмъ, по общему признанію, даже напримѣръ лица, на которое мы только что указали въ выноскѣ, мѣры, принятыя для вытѣсненія польскаго элемента изъ землевладѣнія западнаго края, помогли только усиленію здѣсь землевладѣнія нѣмецкаго. До сихъ поръ это извѣстно относительно помѣщичьяго землевладѣнія, но мы не сомнѣваемся, что ближайшее изслѣдованіе губерній Ковенской, Виленской и Гродненской подтвердитъ наше предположеніе, что оставленіе здѣсь безъ надѣловъ чиншевиковъ (частью по бюрократическому невѣжеству, а частью умышленно, потому что чиншевиковъ сочли за поляковъ) помогло замѣнѣ во многихъ имѣніяхъ этихъ чиншевиковъ — поляковъ, бѣлоруссовъ и литвиновъ — колонистами изъ Германіи.

Вообще, всѣ мѣры, принятыя въ Польшѣ, Литвѣ, Бѣлоруссіи и Украйнѣ послѣ 1863 г., за исключеніемъ нѣкоторыхъ аграрныхъ мѣръ, не повели ни къ чему, кромѣ раздраженія сначала поляковъ, а потомъ всѣхъ туземцевъ, и покровительства именно нѣмецкой сюда эмиграціи. Вышеупомянутыя же аграрныя мѣры, съ которыми, по крайней мѣрѣ, въ Царствѣ Польскомъ связаны имена московскихъ славянофиловъ, кн. Черкасскаго и Юрія Самарина, представляютъ, въ противность тому, что говорятъ на этотъ счетъ московскіе философы, нѣчто совершенно несогласное съ

[1] См. о ней въ „Русской Старинѣ“, 1881 г., декабрь, 846—848, показанія тѣмъ болѣе интересныя, что они принадлежатъ бывшему ковенскому губернатору и стороннику катковско-аксаковскихъ идей.

вѣковою политикою московскаго правительства внутри государства и на окраинахъ его и съ общимъ направленіемъ политики русскаго правительства въ послѣднее время. Изслѣдуя безпристрастно генезисъ этихъ мѣръ, напримѣръ, въ литературѣ, мы должны будемъ подняться до польскихъ демократовъ, до Бакунина и Герцена и до украйнофиловъ, друзей и послѣдователей Шевченка, гораздо болѣе, чѣмъ до московскихъ публицистовъ ортодоксальнаго направленія, даже такихъ, какъ Юр. Самаринъ, не говоря уже о правительственныхъ лицахъ, особенно такихъ, какъ Муравьевъ.[1] Вотъ почему та ложка меду, которую представляли аграрныя мѣры и законъ о школахъ въ Царствѣ Польскомъ 1864 г. (признававшій всѣ національные языки равноправными; законъ, который, какъ мы говорили уже въ „В. Словѣ“, въ № 22, тотчасъ же былъ нарушенъ администраціей[2]), вотъ почему эта ложка меду такъ скоро была залита бочкою реакціонно-обрусительнаго дегтю, при чемъ и самый муравьевскій демократизмъ логически долженъ былъ перейти въ токаревскій феодализмъ, и затѣмъ и въ Западномъ краѣ, и въ Царствѣ Польскомъ долженъ былъ наступить тотъ правительственный маразмъ, какой мы видимъ теперь и какой, при раздраженіи польскаго и вообще католическаго населенія противъ Россіи и при общемъ хаосѣ внутренняго положенія всей Россіи, можетъ быть отличною средою для операцій гр. Мольтке.

Если кн. Бисмаркъ точно дальновидный политикъ, и если внѣшнее могущество Гогенцоллерновъ и торжество германизма между четырьмя морями, омывающими среднюю Европу, есть точно его цѣль (а другихъ, внутреннихъ цѣлей что-то у него не видно), то продолженіе теперешняго состоянія Россіи и ея политики относительно западныхъ окраинъ должно входить въ его планы, пока онъ выберетъ моментъ, чтобъ вызвать Россію на войну, разбить ея передовыя арміи, занять Варшаву, Вильно, Ригу, а затѣмъ Брестъ и Динабургъ, и присоединить ихъ къ Германіи. Процентное отношеніе нѣмцевъ въ этихъ провинціяхъ будетъ мало чѣмъ ниже, чѣмъ въ Познани, такъ что персоналъ для нѣмецкой администраціи въ нихъ готовъ, буржуазія нѣмецко-еврейская тоже. Только останься въ этихъ мѣстахъ,

[1] Юр. Самаринъ, познакомившійся съ положеніемъ дѣлъ на „окраинахъ“ сначала въ Остзейскомъ краѣ, а потомъ въ Кіевѣ, не могъ, конечно, не усмотрѣть нѣкоторыхъ характерныхъ его признаковъ, обязывавшихъ русское правительство, даже въ видахъ государственнаго единства, болѣе къ революціонной, чѣмъ къ консервативной политикѣ; но, какъ можно убѣдиться, напримѣръ, изъ его „Рижскихъ писемъ“ и „Окраинъ Россіи“, его занимаетъ по крайней мѣрѣ столько же невозможное на окраинахъ православіе и обрусеніе, сколько и аграрный вопросъ: туземцевъ, подчиненныхъ разнымъ феодаламъ-завоевателямъ.

[2] Ср. ниже статью „Новыя русскія статьи по польскому вопросу“. Прим. ред.

не иди на Москву, какъ Наполеонъ, и управляй, а весь Припетскій и Верхне-Днѣпровскій и Западно-Двинской бассейнъ будетъ платить контрибуцію обладателямъ Балтійскаго моря, между тѣмъ, какъ австрійскій союзникъ обезпечитъ за германизмомъ море Адріатическое! Славянамъ оставутся пока: украинцамъ Черное море, а великоруссамъ море Бѣлое да Каспійское озеро, которыя, слѣдуетъ надѣяться, уже ни кѣмъ отъ нихъ не отнимутся! Но Бѣлое море назначалось провидѣніемъ болѣе для бѣлыхъ медвѣдей, чѣмъ для людей, а изъ Чернаго моря выходъ лежитъ только черезъ Босфоръ. А что будетъ съ послѣднимъ, въ случаѣ окончательнаго торжества германизма на Балтикѣ и Адріатикѣ, это еще вопросъ!

Конечно, съ объективно-исторической точки зрѣнія и при соціально-демократическихъ надеждахъ, мы можемъ съ извѣстнымъ философскимъ спокойствіемъ ожидать грядущаго: „jакось та буде!“ Но пока взойдетъ солнце всемірнаго соціализма, не-германскимъ народамъ между Эльбой, Эгейскимъ моремъ и Днѣпромъ придется плоховато, а потому по истинѣ желательно было бы, чтобы между теперешними вліятельными классами у этихъ народовъ, а въ частности въ Россіи, образовались поскорѣе партіи, которыя бы поняли теперешнее положеніе дѣлъ и нашли поскорѣе средства остановить угрожающую ихъ народамъ опасность.

Нигдѣ теперь не говорится столько о самобытной, національной, славянской политикѣ, какъ въ Россіи, и мы вправѣ требовать, чтобъ намъ была формулирована такая политика. Пока слѣдуетъ признаться, что то, что выдаютъ намъ за таковую въ Москвѣ, всего менѣе заслуживаетъ вышеписанныхъ эпитетовъ: это просто греко-восточно-московское обезьянничанье гогенцоллернскаго германизма, тѣмъ болѣе ложное, что оно совсѣмъ не годится на Западѣ Россіи!

Мы не чувствуемъ себя призванными писать программы для чужихъ намъ національно-политическихъ элементовъ, но не можемъ не высказать нѣкоторыхъ практическихъ соображеній, которыя сами собою вытекаютъ изъ признанія теоретической вѣрности очерченнаго нами положенія германизма на Востокѣ и московщины на Западѣ и въ исторіи, и въ современности. Дѣйствительно самобытная, сознательно-національная и славянская партія въ Великороссіи давно бы должна была убѣдиться, какъ въ неспособности старомосковской политики царскаго, т. е. чиновническаго, самодержавія, архіерейскаго православія и великорусскаго національнаго централизма управлять самою Великороссіею, такъ и въ безсиліи этой политики одолѣть полонизмъ

въ Бѣлоруссіи, Литвѣ и Правобочной Украйнѣ, нѣмецкій феодализмъ въ Кур—Лив— и Эстоніи и остановить натискъ воинствующаго германизма на Вислу и Нѣманъ и соотвѣтственное ему австро-нѣмецкое движеніе на балканскія страны. А потому такая партія, даже въ интересахъ единства Россіи и окруженія ея сочувственными ей и родственными политическими тѣлами на Западѣ, должна бы была настаивать на необходимости послѣдовательно основать всю западную политику Россіи (внутреннюю и внѣшнюю) на поддержкѣ въ западныхъ отъ Великороссіи странахъ туземныхъ демократическихъ элементовъ, т. е. въ самой западной Россіи элементовъ: эстонскаго, ливонскаго, литовскаго, бѣлорусскаго, украинскаго и, въ коренной Польшѣ, польскаго, при созданіи во всей Россіи политическихъ учрежденій, которыя бы обезпечивали безпрепятственное развитіе какъ этихъ элементовъ, такъ и самого великорусскаго населенія, а также послѣдовательность соотвѣтственной политики и заграничной. То была бы политика, хотя бы и умѣреннаго, но откровеннаго демократически-федеральнаго либерализма и прогресса, вмѣсто традиціоннаго боярско-централистическаго абсолютизма и консерватизма, хотя бы и съ заплатами мандаринскаго народничества.

Въ настоящій моментъ такой политикѣ, въ самой умѣренной ея формѣ, соотвѣтствовало бы.

Во всей Россіи:

1. Установленіе политической свободы, т. е. личной, неприкосновенности, свободы слова, мнѣній и товариществъ, мѣстнаго самоуправленія и обще-государственнаго представительства, при

2. аграрныхъ и податныхъ мѣрахъ въ демократическомъ духѣ.

Въ частности въ Западной половинѣ Россіи:

3. Въ такъ называемомъ Остзейскомъ краѣ аграрарная реформа по меньшей мѣрѣ въ родѣ ирландскаго land-act и уравненіе національныхъ правъ латышей и эстовъ съ правами нѣмцевъ.

4. Въ Литвѣ, Бѣлоруссіи, Украйнѣ и Бессарабіи — предоставленіе правъ народнымъ языкамъ, по крайней мѣрѣ, въ элементарныхъ школахъ и мировыхъ судахъ.

5. Въ Польшѣ — предоставленіе правъ народному языку во всѣхъ судахъ и школахъ.

Въ иностранной политикѣ, насколько она непосредственно зависитъ отъ русской иниціативы, первымъ требованіемъ вышеозначенной національной партіи должно бы быть:

6. отнятіе всякой поддержки абсолютизму въ Болгаріи, столько же, сколько и аггрессивнымъ стремленіямъ Австріи за Савою.

Въ самомъ непродолжительномъ времени установленіе единственно раціональной политики въ Россіи отразилось бы на ближайшихъ къ ней югозападныхъ странахъ: польское движеніе въ Пруссіи получило бы мощную поддержку изъ освобожденной Варшавы, подобно тому, какъ русинское движеніе въ Австро-Венгріи получило бы живую общественную помощь изъ россійской Украйны. Эта помощь, а равно и внушенія пришедшей въ нормальное настроеніе духа польской публики въ россійской Польшѣ, оказало бы благотворное вліяніе на отрезвленіе польскихъ шовинистовъ въ Галиціи. А установленіе здоровыхъ отношеній между тамошними поляками и украинцами отняло бы у нѣмецкихъ централистовъ въ Австріи теперешнюю ихъ роль регулятора споровъ между галицкими національностями, благодаря которой они эксплуатируютъ то поляковъ, то русиновъ ко вреду славяно-федеральной партіи. Наконецъ, установленіе нормальнаго порядка въ Болгаріи благопріятно отразилось бы и на Восточной Румеліи и Македоніи и возобновило бы панболгарское движеніе, при чемъ примиреніе національностей и установленіе областнаго самоуправленія въ Россіи и торжество федерализма въ Австріи оказало бы поддержку движенію къ установленію Балканской федераціи, которая одна можетъ завершить правильное разрѣшеніе такъ называемаго восточнаго вопроса въ настоящихъ интересахъ народовъ Балканскаго полуострова и общеевропейской гармоніи. Все же это вмѣстѣ остановило бы самымъ прочнымъ образомъ воинственное движеніе германизма на Востокъ, оставивъ за колонизаціоннымъ движеніемъ нѣмцевъ только то культурное значеніе, которое ему несомнѣнно принадлежитъ.

Ближайшее будущее покажетъ, можетъ ли въ Великороссіи образоваться партія съ вышеочерченными стремленіями. Но мы думаемъ, что изложенныя выше мѣры будутъ только минимумъ того, чего могутъ желать сознательные представители народовъ, населяющихъ западную половину европейской Россіи, отъ эстовъ на сѣверѣ и до бессарабскихъ румыновъ на югѣ, — и вѣримъ, что они позаботятся о солидарномъ дѣйствіи въ очерченномъ выше демократически-федеральномъ направленіи. Въ собственныхъ интересахъ должны бы поддержать эту дѣятельность, по крайней мѣрѣ, своимъ сочувствіемъ и представители ближайшихъ къ Россіи народовъ, особенно славянскихъ. Наконецъ, среди западно-европейскихъ народовъ всѣ сторонники мира

и противники національныхъ ненавистей, всѣ, кто не желаетъ на Востокѣ Европы деспотизма ни турецкаго, ни берлинскаго, ни московскаго, ни австрійской ипокризіи, — должны бы поддержать своимъ сочувствіемъ именно либеральное федерально-демократическое движеніе среди народовъ Россіи, какъ и въ ближайшихъ къ ней странахъ.

Только это движеніе представляетъ синтезъ мира и прогресса на Востокѣ Европы; все, что внѣ его — въ самыхъ лучшихъ случаяхъ — не можетъ представлять ничего, кромѣ отрывочныхъ и взаимно перекрещивающихся экспериментовъ!

Изъ централизованной страны.

(Первоначально напечатано въ журналѣ „Вольное Слово“ № 38, 1882 г.)

Недавно намъ пришлось разговаривать съ одимъ извѣстнымъ французскимъ писателемъ, человѣкомъ, который держится въ сторонѣ отъ административно-политической борьбы партій въ своемъ отечествѣ. Онъ разсказалъ намъ между прочимъ объ отчаяніи сельскаго учителя изъ той мѣстности, гдѣ собесѣдникъ нашъ имѣетъ собственность и которую недавно онъ посѣтилъ. При школѣ собралась какъ то недурная библіотека. Но супрефекты при Макъ-Магонѣ отобрали изъ нея книги, которыя казались имъ республиканскими и матеріалистическими, а смѣнившіе ихъ супрефекты при Жюль Греви отобрали книги, слишкомъ по ихъ мнѣнію реакціонныя и католическія. Ни одинъ, конечно, не прислалъ въ замѣну книгъ новыхъ, а село, изъ котораго государство вытягиваетъ всѣ соки на общіе расходы, не имѣетъ средствъ (да, очевидно, и охоты) на возстановленіе разрушенной усердіемъ агентовъ центральной власти библіотеки... И теперь и дѣти, и старики безъ книгъ среди „аѳинской республики“.

Русскій кулакъ и болгарская свобода.

(Первоначально напечатано въ журналѣ „Вольное Слово“ № 42, 1882 г.)

Въ незабвенное царствованіе императора Николая I одинъ очень ученый проповѣдникъ установленнаго при немъ догмата о православіи, самодержавіи и (оффиціальной) народности, съ трехъ китахъ россійской державы, провозгласилъ съ яв-нымъ экстазомъ:

„Европейцу, какъ хвалиться своимъ тщедушнымъ, крохотнымъ кулачишкомъ! Только русскій владѣетъ кулакомъ настоящимъ, кулакомъ comme il faut, идеаломъ кулака, если можно такъ выразиться. И право, въ этомъ кулакѣ нѣтъ ничего предосудительнаго, ничего низкаго, ничего варварскаго, напротивъ много значенія, силы, поэзіи!“

Въ числѣ аргументовъ этого откровеннаго дифирамба кулаку, русскій патріотъ и славянофилъ своего отечества и времени на первомъ планѣ ставилъ то, что „кулакъ раздвинулъ русскую имперію на 7-ю часть свѣта. Это было откровенно и просто. Нашему сложному и лицемѣрному времени принадлежитъ изобрѣтеніе новой миссіи для русскаго кулака: освобожденіе. Въ русскомъ кулакѣ, говорятъ русскіе патріоты и славянофилы нашего времени, много поэзіи потому именно, что онъ кулакъ освободительный; свобода, которую онъ оберегаетъ въ Россіи и устанавливаетъ за ея границами, это не та узкая свобода, которую даютъ западныя конституціи и которая прилична тщедушному европейскому человѣчку, а широкая, всенародная свобода, которую способенъ дать и охранить только настоящій кулакъ, кулакъ comme il faut, кулакъ самодержавнаго царя... и (про себя) такого же урядника.

Въ такомъ родѣ рѣчи мы слышали въ особенности въ прошломъ году по поводу внутреннихъ дѣлъ Россіи, — то же говорилось нѣсколько лѣтъ назадъ по поводу обсужденія конституціи въ Болгаріи, а потомъ по поводу ея нарушенія кн. Баттенбергомъ.

Напередъ можно было сказать, что внутренній русскій кулакъ не безъ участія въ послѣднемъ, но теперь уже начинаютъ обнародываться документы, опредѣляющіе степень этого участія.

Съ двойнымъ интересомъ прочитали мы въ выходящей въ Пловдивѣ (Филиппополѣ) газетѣ „Независимость“ „Документы по новѣйшей Болгарской Исторіи“, которые перепечатываемъ въ

„Вольномъ Словѣ“, такъ какъ ихъ не рѣшится воспроизвести ни одна русская газета. Интересны и самые документы эти, важно и то, что болгарскіе прогрессисты (или собственно консерваторы, такъ какъ они хотятъ охранить законно установленную конституцію отъ шайки авантюристовъ) рѣшились наконецъ обнародовать ихъ и такимъ образомъ выйти изъ того лицемѣрнаго отношенія, въ какомъ они стояли къ русскому правительству, выгораживая его передъ своимъ народомъ отъ того беззаконія которое производитъ вотъ уже два года кн. Баттенбергъ. Документы, слѣдующіе ниже, ясно говорятъ о томъ, что все баттенбергское беззаконіе произведено русскими офицерами и отъ русскаго царя и, конечно, съ его вѣдома. Вотъ эти документы.

Документы по новѣйшей болгарской исторіи.

I.

Предсѣдатель Министерскаго Совѣта
Мая 21 дня 1881 г.
Г. Софія.

Циркулярно.

Чрезвычайному Княжескому Комиссару Подполковнику Котельникову.

Для противодѣйствія агитаторамъ рекомендую Вамъ:

1. Лично и чрезъ уполномоченныхъ Вами офицеровъ (подкомиссаровъ) повсюду объявить населенію, чтобы оно не подчинялось совѣтамъ заинтересованныхъ лицъ, въ томъ числѣ чиновниковъ и учителей, а если оно въ сомнѣніи относительно того, что желаетъ Его Высочество и что совѣтуетъ Русскій царь — чтобы обращались къ офицерамъ, которые могутъ разъяснить дѣло и указать на грубые обманы лже-либеральствующихъ агитаторовъ. Представитель Россіи М. А. Хитрово будетъ сопутствовать Его Высочеству при объѣздѣ края и будетъ лично объяснять населенію волю Государя Императора.

2. Совѣтуйте сельскому населенію, чтобы оно, несмотря ни на какіе распускаемые слухи, массами стекалось 14-го іюня въ центры выборныхъ участковъ, гдѣ будутъ тогда находиться командированные Вами офицеры, отъ которыхъ населеніе можетъ получать нужныя указанія.

3. Рекомендуйте сельскому, а равно и турецкому населенію выбрать людей изъ своей среды, которымъ они довѣряютъ. Если малограмотные ничего не знаютъ, — тѣмъ лучше, такъ какъ все голосованье будетъ заключаться въ произнесеніи: „ДА или НѢТЪ“, т.е. „за Князя или противъ него“. Офицеры (подкомиссары) найдутъ вѣроятно возможность наканунѣ самаго выбора согласиться съ преданнымъ Его Высочеству населеніемъ на счетъ тѣхъ кандидатовъ, которыхъ слѣдуетъ избрать.

4. Офицерамъ (подкомиссарамъ), присутствуя при выборахъ, быть готовыми противодѣйствовать мошенническимъ продѣлкамъ агитаторовъ энергически, крутымъ образомъ, а если поймаютъ кого на мѣстѣ преступленія, то безъ церемоніи арестовать, даже связать и отдать подъ стражу населенія или войскъ. Населенію

публично заявляется о произведенномъ мошенничествѣ, о которомъ тутъ же составляется актъ.

5. Жандармерію держать строго и, въ случаѣ мошенническихъ продѣлокъ со стороны ея членовъ, угрожать имъ военнымъ судомъ, а въ случаѣ надобности и отдать подъ военную стражу.

6. Объяснить населенію, что будутъ своевременно приняты мѣры для снабженія избранныхъ депутатовъ прогонными и суточными для отъѣзда ихъ въ Систовъ и обратно.

Подписалъ: Предсѣдатель Министерскаго Совѣта и Военный Министръ К. Ернротъ.

II.

Предсѣдатель Министерскаго Совѣта.
Мая 25 дня 1881 г.
№ Ж. Г. Софія.

Циркулярно.

Милостивый Государь,
Костантинъ Андріяновичъ!

Изъ полученныхъ мною телеграммъ усматривается, что большая часть окружныхъ и городскихъ совѣтовъ дали увѣренія чрезвычайнымъ комиссарамъ, что выборы будутъ производиться во всемъ согласно съ избирательнымъ закономъ 17 декабря. Я этому обѣщанію не вполнѣ вѣрю. Обратите, напр., Ваше вниманіе на то, что — 16, вслѣдствіе неповѣрки списковъ, не можетъ имѣть никакого значенія. Вообще всѣ выборы производились въ пользу горожанъ (они же и грамотные) противъ сельскаго населенія. Дѣло военныхъ комиссаровъ содѣйствовать тому, чтобы и голоса селянъ получили важное значеніе.

Доходятъ слухи, что агитаторы переодѣваются въ форму жандармовъ (!?), собираютъ общинскія печати для приложенія къ своимъ манифестамъ и друг. Мошенническихъ продѣлокъ будетъ употреблено много; но всѣ же онѣ малозначущія въ сравненіи съ тѣмъ неоспоримымъ фактомъ, что громадная масса населенія не понимаетъ даже существованія какой-либо власти кромѣ Князя. Мы, русскіе военнослужащіе, одни можемъ развязать сѣти, которыми стая чиновниковъ, не стоющихъ никакого уваженія, опутала сельское населеніе, еще начиная съ Дондуковскаго управленія.

Для противодѣйствія мошенническимъ продѣлкамъ безнравственной, робкой, хотя и горластой клики, представляющей собою весьма малую часть болгарскаго народа, есть сотня или двѣ русскихъ офицеровъ, воспитанныхъ въ духѣ порядка и подчиненности; на ихъ энергію и разсчитываетъ не только Князь Александръ, но прежде всего Русскій Царь.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности.

К. Ернротъ.

III.

Капитану Вишневскому, Царебродскому Подкомиссару.

Милостивый Государь,
Димитрій Михайловичъ!

Представляю при семъ указъ о правахъ и обязанностяхъ подкомиссаровъ — предписаніе, данное мною окружнымъ управите-

лямъ, предлагаю познакомиться съ избирательнымъ закономъ и быть на мѣстѣ выборовъ за два дня. Порядокъ при выборѣ примите слѣдующій:

а) Столпленія избирателей предъ ящиками не допускать; около ящиковъ должны быть только лица бюро. Комиссія по члену 7-му избират. закона за ящиками, а избиратели же въ трехъ шагахъ. Избирателямъ предложите держаться по общинамъ и махаламъ (кварталамъ); для сохраненія порядка предложите избирателямъ изъ своей среды выбрать необходимое число лицъ, чтобъ удерживать толпу, которыя въ отличіе могутъ перевязать себѣ руки платками.

б) При вызовѣ избирателей отмѣчается, кто явился и кто не явился, всякій избиратель подходитъ и подаетъ бюллетень, будучи вызванъ, и, если имѣется два входа, то уходитъ черезъ другія ворота; по вызовѣ всѣхъ лицъ, записанныхъ въ списки, вызывающій дѣлаетъ вопросъ, не имѣется ли лицъ, не записанныхъ въ спискахъ. По показанію избирателей и рѣшенію комиссіи члена 7-го избират. закона, не записанные въ списки записываются и подаютъ бюллетени.

в) Если въ 8 часовъ (отъ 8 до 4), назначенныхъ для подачи голосовъ, по количеству избирателей невозможно будетъ физически вызвать всѣхъ избирателей по одному списку, то предложите раздѣлить списки и вызывать по 2, 3 и болѣе; въ случаѣ, еслибы выборы затянулись позже 4-хъ часовъ, допустите выборы далѣе 4-хъ часовъ (согласно ст. 5 указа), если предвидятся результаты хорошіе (ст. 5 указа вообще даетъ Вамъ широкія права, Вы всегда можете воспользоваться для того, чтобы получить хорошіе результаты выборовъ; при дурныхъ, доказывающихъ какой-либо обманъ — забраковать ихъ).

г) Если будутъ дурные результаты выборовъ, доказывающіе ясно, что сдѣланъ обманъ — но какой неизвѣстно — провѣрьте учетъ голосовъ въ одной изъ кутій (ящикъ); въ прежнія выборы было, что читаютъ бюллетень правильно, а голоса при учетѣ записываютъ по другому: наконецъ, можете приказать сосчитать все количество бюллетеней и количество лицъ по списку, подававшихъ голоса, и если они не сойдутся, то неправильность ясна и можно полагать, что нѣкоторые избиратели подавали по нѣсколько бюллетеней заразъ или что при учетѣ часть ихъ утаена счетчиками. — Для исполненія ст. I указа предлагайте (но не приказывайте) неграмотнымъ показывать Вамъ бюллетени для прочтенія и спрашивайте, желали ли подать за Князя; если отвѣтъ будетъ удовлетворительный, а выбираемые принадлежатъ къ числу либеральной крайней партіи, то укажите обманъ и предложите избирателю замѣнить билетъ, если хочетъ, и по статьѣ II указа останавливайте при голосованіи всѣ споры, которые могутъ быть возбуждаемы нарочно, чтобы затянуть выборы.

д) Для исполненія ст. III указа, передъ подачей голосовъ общиной или махлей (кварталъ), вызывающій спрашиваетъ: „за

предложенія ли Князя? — кто не за предложенія Князя, подними руку!" и послѣ чего записываются въ протоколъ.

е) Передъ печатаніемъ кутіи, сдѣлайте осмотръ ихъ, чтобы не было заранѣе положенныхъ бюллетеней, двойного дна и проч.

ж) Отъ околійскихъ начальниковъ потребовать, чтобы при сообщеніи о днѣ выборовъ (14-го іюня), развозящій сообщеніе бралъ росписки отъ селъ или печать.

з) Свободу слова уважайте, постарайтесь, чтобъ о выборахъ говорили открыто — только грязное дѣло боится свѣта (агитаціи Славейкова); военные суды устроены только для преступниковъ, а не для гражданъ, любящихъ отечество и Князя.

и) Какихъ результатовъ желаютъ, чтобъ мы достигли, можете видѣть изъ копіи письма г. Грекова, и я увѣренъ, что мы достигнемъ, опершись на лучшую часть населенія, не знающую другой власти кромѣ Князя и не заинтересованную жирными мѣстами.

і) О результатахъ выборовъ телеграфируйте, кто избранъ, благопріятны ли результаты, требуются ли дополнительные выборы, и к) обязанность Ваша кончается на другой же день. Постарайтесь, чтобъ, при хорошемъ результатѣ, дополнительныхъ выборовъ не было (чл. 24 изб. закона), для чего согласите населеніе городское и сельское, постарайтесь, чтобъ за окончательнымъ рѣшеніемъ — кого выбрать, явились избиратели къ вамъ заблаговременно всей толпой, какъ къ представителю русскихъ интересовъ и лицу, могущему дать совѣтъ въ пользу дѣла, а не партіи. Это удобнѣе всего устроить черезъ лицъ, указанныхъ въ спискѣ; желательно было бы, чтобъ сельское неграмотное населеніе, просило бы Васъ заготовить по Вашему совѣту бюллетени, что и дѣлайте, потребовавъ писарей всѣхъ гражданскихъ управленій.

Приложеніе... списокъ лицъ.

Подполковникъ Котельниковъ.

Прибавлять что-либо для разъясненія этихъ документовъ по существу, совершенно лишнее. Но мы считаемъ нелишнимъ сказать нѣсколько словъ по поводу ихъ.

Въ документахъ этихъ между прочимъ бросается въ глаза та особенная манера говорить о либерализмѣ, которую можно видѣть и въ русскихъ газетахъ, каковы „Московскія Вѣдомости", „Русь", „Новое Время" и т. п. Болгарскіе бонапартисты нѣмецкаго и русскаго происхожденія иногда почти буквально повторяютъ въ конфиденціальныхъ бумагахъ фразы русскихъ легитимистовъ. Очевидно, что эти бонапартисты — только заграничная контора той самой фирмы, которая вотъ уже нѣсколько лѣтъ не даетъ Россіи выбраться изъ кризиса, въ который страна вступила, благодаря долговременному дѣйствію въ ней того политическаго порядка, который кн. Баттенбергъ усиливается навязать только что избавившемуся отъ турецкаго ига народу. Не много нужно проницательности, чтобъ догадаться, что произ-

веденіе переворота въ Болгаріи входитъ прямо въ планъ дѣйствій этой фирмы, такъ какъ болгарская конституція была явнымъ соблазномъ для подданныхъ россійскаго самодержца, какъ это можно было видѣть не только изъ повсемѣстныхъ разговоровъ въ Россіи въ 1878—79 г., но и изъ поданнаго тогда адреса харьковскаго губернскаго земскаго собранія.

Вотъ почему намъ такъ и пріятно, что болгарскіе прогрессисты рѣшились наконецъ обнародовать вышеприведенные документы. Мы видимъ въ этомъ обнародованіи признакъ того, что они окончательно поняли естественную связь между сохраненіемъ политическаго рабства въ Россіи и нарушеніемъ конституціи въ Болгаріи. Слѣдуетъ надѣяться, что сознаніе это пойдетъ далѣе и проникнетъ въ глубь болгарскаго населенія.

Русское правительство и его агенты въ Болгаріи дали горькіе уроки этому населенію, и очень жаль было бы, еслибъ оно не поняло этихъ уроковъ. Мы помнимъ настроеніе болгаръ во время непосредственно предшествующее началу болгарскаго кризиса, который длится и до сихъ поръ. Это было въ началѣ 1876 г. Мы встрѣтили тогда болгарскую колонію въ Вѣнѣ и имѣли случай говорить съ нѣсколькими лицами, имена которыхъ упоминаются иногда и теперь въ газетахъ. Обычными темами для тогдашнихъ разговоровъ былъ вопросъ о возможности и значеніи вмѣшательства Россіи въ дѣло освобожденія балканскихъ народовъ и въ частности болгаръ, а также совершенно естественно вопросъ о противоправительственномъ движеніи въ самой Россіи. „Нигилизмъ“ — а всякую оппозицію русскому правительству многіе западные славяне принимаютъ и до сихъ поръ за нигилизмъ — возбуждалъ неудовольствіе нашихъ болгарскихъ собесѣдниковъ, а въ насъ лично и въ нашихъ друзьяхъ они видѣли служителей еще и другого зла: „украинскаго сепаратизма“. Эти два демона — нигилизмъ и сепаратизмъ, — казались болгарамъ, какъ и многимъ другимъ западнымъ славянамъ, двумя цѣпями, которыя ослабляютъ россійскаго орла, единственную надежду западнаго славянства, орла, который-де только и думаетъ о томъ, чтобъ подать руку помощи для освобожденія его порабощенныхъ соплеменниковъ.

Мы и украинскіе друзья наши старались разсѣять заблужденія и иллюзіи нашихъ болгарскихъ собесѣдниковъ, доказывая имъ, что русскій абсолютизмъ не можетъ быть освободителемъ, что если онъ не преслѣдуетъ собственныхъ завоевательно-эгоистическихъ цѣлей, то становится орудіемъ турецкаго же, если не нѣмецкаго ига; въ частности мы предсказывали, что петербургское правительство не поддержитъ во время предполагавшагося тогда возстанія въ Болгаріи, а, если, наконецъ, и вмѣшается въ балканскія дѣла, то это вмѣшательство далеко не приведетъ къ осуществленію желаній тамошнихъ народовъ и разсчетовъ нашихъ собесѣдниковъ. Что до такъ называемаго „украинскаго сепаратизма“, то мы совѣтовали послѣднимъ, вмѣсто того, чтобъ косо смотрѣть на него, поближе познакомиться съ исторіей отношеній между украинскимъ народомъ и московско-петербургскимъ государствомъ, чтобъ вынести изъ

уроковъ этой исторіи полезное наставленіе и для себя, такъ какъ, говорили мы, теперь между балканскими народами и петербургскимъ правительствомъ, происходитъ очевидно такая же самая трагикомедія, какая происходила на Украйнѣ въ XVII—XVIII в.

Съ скептическими улыбками слушали болгаре наши пессимистическія предсказанія. И что же? Развѣ міръ не видѣлъ, какъ петербургское правительство допустило „болгарскіе ужасы“ на пасху 1876 г., развѣ сербы и болгаре не попробовали нагаекъ освободителей, добровольныхъ и служащихъ, развѣ Болгарія не претерпѣла деспотизма кн. Черкасскаго и его губернаторовъ, развѣ сербы не были преданы уже С. Стефанскимъ миромъ, а болгаре берлинскимъ трактатомъ, наконецъ, развѣ Болгарія не отдана была на произволъ Баттенберга и Эрнрота, развѣ ея лучшіе сыны не подверглись арестамъ и изгнаніямъ?? И что такое эти трактаты С. Стефанскій и Берлинскій, какъ не повтореніе Андрусовскаго договора 1667 и Московскаго 1680 г., переполовинившихъ Украйну между Польшею и Москвою, чтобъ каждой изъ этихъ двухъ державъ было удобнѣе укротить ея свободные порывы? Что такое болгарскіе губернаторы и министры изъ ташкентцевъ всякихъ націй, прошедшихъ черезъ русскую службу, какъ не московскіе воеводы и петербургскіе генералъ-губернаторы, которые грабили и заколачивали до смерти „упрямыхъ и безмозглыхъ хохловъ“ — и на всѣ ссылки земскихъ людей на свои вольности и законы отвѣчали: „я тутъ отъ государя моего поставленъ болѣе васъ всѣхъ, а вы, м. в. въ р., подчерты!“ (Хитровъ), или: „шельма писалъ, а каналья судилъ“ (Минихъ). Не напоминаетъ ли самый русскій языкъ въ оффиціальной перепискѣ въ болгарскомъ государствѣ того иностранца, назначеннаго въ Украйну, вмѣсто выборнаго изъ туземцевъ гетмана, статтгальтеромъ, о которомъ послѣ украинцы говорили: „дикій шотлянецъ, ни языка, ни нрава малороссійскаго не знающій“ (Кейтъ, впрочемъ, въ остальномъ не чета г. Эрроту). Не придется ли болгарамъ, при видѣ грабежей отъ русскихъ интендентовъ и высокихъ окладовъ жалованья русскимъ чиновникамъ въ Болгаріи и В. Румеліи, слагать стишковъ вродѣ украинскихъ:

Москалики, соколики,
Поїли вы наші волики,
А јак вернетесь здорові,
Поїсте ј остатні корови?

Что такое возведеніе поручика Баттенберга въ князья болгарскіе, окруженіе его русскою опричниною и выживаніе его изъ страны достойнѣйшихъ ея сыновъ, какъ не повтореніе поставленія въ гетманы Украйны ничтожествъ и канцелярскихъ интригановъ, для огражденія которыхъ отъ украинскаго народа оставлялись московскіе стрѣльцы, при арестахъ и ссылкахъ въ Сибирь даровитыхъ людей, поборниковъ интересовъ народныхъ массъ и національной цѣлости, каковы Сирко, Палій? Въ концѣ всего, что въ состояніи посѣять въ мѣстномъ населеніи всѣ эти

узкіе москвофилы и безчестные и грубые ташкентцы, орудующіе Болгаріей вотъ уже четыре года, кромѣ ненависти къ русскому имени, вмѣсто того искренняго чувства братства, котораго можно бы было ожидать, подобно тому, какъ московскіе ташкентцы XVII вѣка заставили украинцевъ, сначала столь довѣрчиво бросившихся въ объятія „народа единовѣрнаго и единоплеменнаго“, создать пословицы, въ родѣ: „од москаля поли вріж, та тікай“, и прибаутки, въ родѣ: „ой, тату! чорт лізе въ хату! — Дарма, дочко, аби не москаль!“

Напечатаніе въ „Независимости“ вышеприведенныхъ документовъ показываетъ, что болгаре уже не далеки отъ созданія подобныхъ изреченій. Но было бы очень печально, еслибъ на этомъ дѣло и окончилось. Въ наше время мало констатировать зло, надо понять его причину и приняться за ея устраненіе. Деспотизмъ въ Болгаріи есть только отпрыскъ деспотизма въ Россіи, а потому друзья свободы въ Болгаріи должны помочь тому движенію въ Россіи, которое стремится доставить ей политическую свободу, немыслимую безъ признанія равноправности и самоуправленія всѣхъ ея народовъ, т. е., безъ федеративнаго ея устройства. Никто такъ не можетъ быть заинтересованъ въ этомъ послѣднемъ, какъ именно меньшія славянскія и неславянскія племена, окружающія Россію, такъ какъ централизованная Россія, даже въ видѣ конституціонной монархіи или даже республики, будетъ слѣдовать политикѣ или узковеликорусской, равнодушной къ интересамъ своихъ „мелкихъ“ сосѣдей и соплеменниковъ, или же реакціонно-обрусительной. Только Россія федеральная, въ которой не будутъ заглушены голоса ея окраинныхъ, родственныхъ съ ея западными и южными сосѣдями народовъ, можетъ войти искренно въ интересы этихъ народовъ на Балканахъ, на Дунаѣ, у Карпатъ, за Кавказомъ. Вотъ почему прямой интересъ этихъ народовъ поддерживать освободительно-федеральное движеніе въ Россіи.

Пусть не говорятъ, что народамъ этимъ слишкомъ много дѣла и у себя, и что они даже при желаніи мало имѣютъ случаевъ на практикѣ оказать услугу этому движенію. Лишь бы люди твердо сознали единство ихъ интересовъ, то это сознаніе не замедлитъ проявить себя и на практикѣ, всѣ случаи которой напередъ трудно и предусмотрѣть.

Мы считаемъ такое сознаніе солидарности интересовъ друзей свободы въ Россіи и у ея ближайшихъ сосѣдей, преимущественно же у славянъ, особенно необходимымъ въ настоящую минуту, когда можно надѣяться, что, съ назначеніемъ гр. Толстого въ россійскіе визири, въ Россію направится новая волна западнославянскихъ ташкентцевъ, съ предложеніемъ услугъ для подавленія въ ней оппозиціоннаго духа, въ отплату за каковыя услуги полицейская Россія вышлетъ часть своего ташкентскаго интернаціонала въ славянскія земли, имѣющія несчастіе попасть подъ ея гегемонію...

„Балтійскій Федералистъ“.

Политическое, безцензурное либеральное мѣсячное изданіе. (Der Baltische Föderalist. Politische unzensirte liberale Monatsschrift. № 1. August 1882. Genève. Librairie Elpidine.)[1]

(Первоначально напечатано въ журналѣ „Вольное Слово“ № 44, 1882 г.)

Передъ нами первый № новаго заграничнаго изданія, имѣющаго въ виду Россію вообще и часть ея, извѣстную подъ названіемъ Балтійскихъ или Остзейскихъ провинцій, въ особенности. Номеръ этотъ состоитъ изъ слѣдующихъ статей: Къ читателямъ. Ред. — Къ моимъ балтійскимъ землякамъ. Ернеста Барка изъ Лифляндіи. — Русская революція и Балтійскія провинціи, того же автора. — Внутреннее положеніе Россіи. — Библіографія: Dragomanoff. Le Tyrannicide en Russie et l'Europe occidentale (переводъ нѣсколькихъ страницъ съ благосклонною замѣткою).

Какъ видно изъ вступительной статьи, первая цѣль изданія — дать каждому русскому гражданину, а особенно каждому балтійцу, мѣсто для „вольнаго слова къ его землякамъ“. Затѣмъ „Балтійскій Федералистъ“ желаетъ быть „органомъ къ услугамъ русской революціи“ и особенно „органомъ балтійской секціи русскихъ революціонеровъ“. Самъ журналъ, какъ можно предположить и по заглавію, стоитъ за „организацію русской революціонной партіи на федеративномъ принципѣ, т. е. за составъ ея изъ многихъ самостоятельныхъ группъ съ оригинальными тенденціями и особыми программами которыя (группы) соединяются только для достиженія общихъ цѣлей,“ — а потому допускаетъ даже „рѣзкую критику принциповъ и дѣйствій, которые не согласны съ принципами Балтійской секціи, думая, что такая критика не повредитъ интересамъ революціонной партіи вообще“.

Свое отношеніе къ дѣйствующимъ національно-русскимъ революціонерамъ „Балтійскій Федералистъ“ опредѣляетъ въ двухъ

---

[1] Программа „Балтійскаго Федералиста“ была разослана въ редакціи остзейскихъ и даже финляндскихъ газетъ, какъ видно изъ отзывовъ этихъ послѣднихъ, далеко, разумѣется, неблагосклонныхъ. Гельсингфорсская „Uusi Suometar“ сама даже нужнымъ заявить, по поводу этой программы, объ „отвращеніи“ своихъ соотечественниковъ къ „русской революціонной партіи“ и ко всѣмъ ея „отдѣламъ“ и увѣряетъ, что „новѣйшимъ реформаторамъ общественнаго строя“ въ нашей суоми „совсѣмъ нечего дѣлать, и всего меньше такимъ, которые стремятся разрушить то, что мы (суоми) считаемъ наиболѣе святымъ и дорогимъ“. Такъ ли это? Ред. „В. Сл.“

слѣдующихъ статьяхъ. Онъ указываетъ особенно на то, что эти революціонеры въ послѣднее время „стали изъ мечтателей о реформированіи міра реальными политиками“ (стр. 5), и видитъ эту перемѣну особенно въ программѣ, напечатанной въ Женевѣ въ мартѣ прошлаго года и подписанной: „Группа живущихъ въ Швейцаріи русскихъ эмигрантовъ“, — какую программу г. Баркъ перевелъ цѣликомъ на нѣмецкій языкъ и рекомендуетъ вниманію своихъ балтійскихъ земляковъ. Программа эта заключаетъ въ себѣ резюмэ такъ называемыхъ основныхъ правъ и политическихъ свободъ съ довольно широкимъ для русскихъ программъ послѣдняго времени (хотя, по нашему мнѣнію, всетаки не вполнѣ достаточнымъ) признаніемъ принципа децентрализаціи и съ умѣреннымъ признаніемъ необходимости и реформъ соціально-экономическихъ. Для практическихъ цѣлей „Балтійскаго Федералиста“ эта программа имѣетъ одинъ только недостатокъ, — это то, что она стоитъ совершенно въ сторонѣ отъ всѣхъ практически заявившихъ себя въ Россіи революціонныхъ группъ, между которыми самая видная, „партія Народной Воли“, какъ извѣстно, высказала идеи, весьма далекія отъ принципа федеральнаго, а въ то же время въ вопросахъ соціальныхъ идетъ гораздо далѣе женевской программы. Впрочемъ, съ партіей „Народной Воли“, о которой даже ея недавніе конкурренты говорятъ въ послѣднее время какъ „о стоящей во главѣ русской соціально-революціонной партіи“, раздѣляетъ „Балтійскаго Федералиста“ и непризнаніе послѣднимъ „революціоннаго терроризма съ систематическими политическими убійствами“, и „принципіальное уклоненіе отъ участія въ террористической дѣятельности“ (стр. 12). Съ другой стороны, „Балтійскій Федералистъ“ не берется „поддерживать и соціалистическихъ донкихотствъ русскихъ революціонеровъ“ (стр. 16), а такъ какъ революціонныя группы, которыя заявили себя въ Россіи, принадлежатъ или къ „террористамъ“, или, говоря наиболѣе легкимъ терминомъ „Балтійскаго Федералиста“, къ „мечтателямъ“ (Schwärmer), то собственно трудно понять, о какомъ совмѣстномъ дѣйствіи (Zusammengehen) между „русскими революціонерами“ и „балтійскими либералами и федералистами“ говоритъ новый органъ. Намъ кажется, что онъ бы яснѣе поставилъ свою задачу, еслибъ прямо высказался о необходимости образованія совсѣмъ новой революціонной партіи въ Россіи (мысль, къ которой „Балтійскій Федералистъ“ близокъ въ началѣ 12 стр.), и былъ бы на самой практической дорогѣ, если бы изложилъ свои взгляды на возможность образованія одной изъ группъ такой будущей партіи — именно балтійской группы.

Между тѣмъ, то, что сказано въ 1 № „Балтійскаго Федералиста“ спеціально о балтійскихъ провинціяхъ, кажется намъ не только еще болѣе темнымъ, нежели его отношеніе къ національно-русскому революціонному движенію, но даже и очень невѣрнымъ.

Начать съ того, что новый журналъ выдумываетъ новый національный терминъ: балтійцы (wir Balten, uns Balten — постоянно говоритъ онъ). По нѣкоторымъ мѣстамъ журнала можно судить, что онъ готовъ считать этихъ балтійцевъ за

часть нѣмцевъ. Такъ, на стр. 13 онъ говоритъ, что балтійскія провинціи принадлежатъ по образу мыслей, нравамъ, симпатіямъ, языку и пр. болѣе къ Германіи, нежели къ Россіи; а на стр. 4 говоритъ о значеніи балтійцевъ на границѣ двухъ міровъ, — германскаго и славянскаго, и разрѣшеніи нѣмецко-русскаго столкновенія интересовъ. Между тѣмъ, кто же не знаетъ, что въ остзейскихъ провинціяхъ нѣмцы составляютъ не болѣе 10% населенія, котораго масса — латыши и эсты, т. е. не нѣмцы и не русскіе, и даже не славяне. Странно, что во всемъ номерѣ спеціально-балтійскаго органа эти латыши и эсты даже вовсе не названы! Правда, въ этомъ номерѣ нѣсколько разъ говорится о равенствѣ національностей и языковъ, а потому слѣдуетъ надѣяться, что „Балтійскій Федералистъ“ не обидитъ интересовъ націй эстской и латышской, — но прежде всего слѣдовало бы назвать эти націи, ихъ интересы и стремленія. Это слѣдуетъ тѣмъ болѣе, что, вѣдь, въ балтійскихъ провинціяхъ существуетъ совсѣмъ недвусмысленный антагонизмъ между населеніемъ эстскимъ и латышскимъ, съ одной стороны, и нѣмецкимъ — съ другой, и что этотъ антагонизмъ эксплуатируется и русскимъ абсолютизмомъ, и тѣми національно-русскими централистическими партіями, съ которыми собирается бороться „Балтійскій Федералистъ“. Умолчаніемъ въ такихъ дѣлахъ ничего не выиграешь.

Если умолчаніе о ненѣмецкихъ и нерусскихъ народахъ „Балтійскаго отечества“ пока только нѣсколько странно въ Балтійскомъ органѣ, то его взгляды на соціальныя отношенія въ этомъ отечествѣ прямо таки невѣрны. Признавая значеніе для Западной Европы и Россіи соціальнаго вопроса, г. Баркъ говоритъ, однакожъ, о своемъ отечествѣ: „ни соціализмъ европейскій, ни развившійся изъ него видоизмѣненный подъ вліяніемъ русскихъ условій русскій соціализмъ не могутъ найти отголоска въ балтійскихъ провинціяхъ: здѣшнія экономическія отношенія не достигли еще такого развитія, чтобъ заставить почувствовать давленіе темныхъ сторонъ капиталистической формы хозяйства, пауперизмъ, рабочій пролетаріатъ и безграничную конкурренцію, а трезвый, практическій смыслъ населенія, равно какъ его опытъ въ веденіи собственныхъ публичныхъ дѣлъ — исключаетъ фантастическое, теоризирующее шарлатанство, вмѣстѣ съ соціалистическими мечтаніями о будущемъ, въ настоящее время непрактическими и неосуществимыми. Балтійскія провинціи могли только тогда приступить къ русскому революціонному движенію, какъ содѣйствующій факторъ, когда чисто политическія цѣли начали дѣлаться двигательными мотивами русскихъ революціонеровъ“ (стр. 14—15).

Положимъ, что въ балтійскихъ провинціяхъ фабричная жизнь мало развита, хотя все же она существуетъ; но эти провинціи превосходятъ всѣ остальныя въ Россіи развитіемъ сельскаго пролетаріата, такъ какъ въ нихъ почти все сельское населеніе — безземельные арендаторы или батраки. Если въ балтійскихъ провинціяхъ нѣтъ соціальнаго вопроса, то послѣ этого можно сказать, что его нѣтъ и въ Ирландіи! Для кого же тайна, что среди латышскаго и эстонскаго крестьянства существуетъ весьма

сильное движеніе противъ нѣмецкихъ землевладѣльцевъ, потомковъ феодаловъ, его покорившихъ и обезземелившихъ?! Всякая маломальски практическая и политическая партія въ Балтійскомъ краѣ должна непремѣнно считаться съ этимъ движеніемъ, а особенно партія автономистовъ-либераловъ, такъ какъ иначе централисты-абсолютисты изъ обрусительнаго лагеря непремѣнно воспользуются (и уже пользуются!) аграрно-національнымъ движеніемъ эстовъ и латышей въ своихъ интересахъ. Въ этомъ отношеніи Балтійскія провинціи представляютъ наиболѣе обостренную форму всероссійскихъ политико-соціальныхъ отношеній.

„Балтійскій Федердлистъ" имѣетъ право быть болѣе или менѣе строгимъ къ тому, что онъ называетъ соціалистическимъ фантазерствомъ, хотя всетаки врядъ ли кто-нибудь придумаетъ общую формулу, болѣе отвѣчающую идеѣ справедливости, чѣмъ формула коллективнаго производства и потребленія, а потому въ общихъ чертахъ и болѣе практичную. Но соціальный вопросъ и соціальное движеніе существуютъ въ настоящее время и помимо отъявленныхъ соціалистическихъ партій и сектъ. Оно проникаетъ теперь всю общественную жизнь настолько, что нигдѣ въ цивилизованномъ мірѣ „чисто-политическихъ" партій теперь быть не можетъ.

Не можетъ быть и въ Россіи такихъ партій, а особенно либеральныхъ партій безъ примѣси соціальныхъ стремленій. Россійскій политическій либерализмъ XIX стол. началъ съ требованія политической свободы и эмансипаціи крестьянъ. Въ царствованіе Александра II идея о земскомъ соборѣ поставлена была впервые серьезно, какъ только оказалось, что абсолютизмъ не въ состояніи рѣшить удовлетворительно освобожденіе крестьянъ съ землею. Послѣ того первыя проявленія революціоннаго движенія въ Россіи приняли соціалистическій характеръ, котораго никогда уже и потерять не могутъ. Все болѣе либеральное въ россійскихъ земствахъ въ то же самое время и наиболѣе благопріятно аграрно-соціальнымъ реформамъ. Лучшіе писатели русскіе, по своимъ стремленіямъ, могутъ быть, если ихъ мѣрять на нѣмецкій аршинъ, какъ г. Баркъ, который приравниваетъ симпатичныхъ ему русскихъ революціонеровъ къ нѣмецкимъ прогрессистамъ, причислены по крайней мѣрѣ къ катедер-соціалистамъ. Наконецъ, необходимость въ Россіи соціальныхъ реформъ поняло теперь и реакціонное ея правительство, которое, хоть робко, но всетаки вступаетъ на дорогу прусскаго консервативно-христіанскаго соціализма.

Все предвѣщаетъ, что, начнется ли дѣло политическаго преобразованія Россіи съ созванія всеимперскаго земскаго собора, или съ уступокъ правительства провинціальнымъ земствамъ, — все предвѣщаетъ, что борьба за политическую свободу, или, если хотите, борьба абсолютизма и либеральныхъ слоевъ общества за власть въ странѣ, совершится въ Россіи на почвѣ соціальныхъ вопросовъ. Этого обстоятельства не должна упускать изъ виду никакая либеральная, а особенно федеральная партія, а тѣмъ болѣе въ балтійскихъ провинціяхъ, гдѣ сословные антагонизмы осложняются національными.

Еврейскій вопросъ на Украйнѣ.

(Первоначально напечатано въ журналѣ „Вольное Слово“, №№ 41 и 45, 1882 г.)

I.

Болѣе года уже въ разныхъ мѣстахъ Украйны происходятъ такъ наз. противоеврейскіе, или, какъ иногда говорятъ даже, еврейскіе безпорядки, которыхъ давно слѣдовало ожидать, но которые еще наканунѣ перваго взрыва казались многимъ невѣроятными. Много съ тѣхъ поръ написано было по этому поводу о еврейскомъ вопросѣ, но въ массѣ писаннаго, говоря безпристрастно, едва можно указать на двѣ-три статьи, которыя бы проливали истинный свѣтъ на происходящее передъ нами движеніе; что же касается до указанія средствъ для исправленія того зла, о которомъ свидѣтельствуютъ противоеврейскіе безпорядки, то, если мы съ этой стороны заглянемъ въ массу писаннаго по поводу этихъ безпорядковъ, пожива наша будетъ еще меньшею.

Главная причина такой слабости литературы по данному вопросу заключается, конечно, прежде всего, въ отсутствіи предварительнаго фактическаго его изученія. Еврейскій вопросъ на Украйнѣ вступилъ въ горячую фазу прежде, чѣмъ руководители нашего общества собрали о немъ фактическія справки, — что, впрочемъ, случается въ Россіи по всѣмъ вопросамъ за послѣднія 20—25 лѣтъ. (Почему это такъ? — объ этомъ длинно было бы говорить, да и далеко бы насъ завело.) За отсутствіемъ детальнаго изученія рѣшителямъ и судьямъ разныхъ партій пришлось рѣшать еврейскій вопросъ на Украйнѣ, руководствуясь или готовыми абстрактными формулами, или субъективными симпатіями или антипатіями. Съ абстрактными формулами выступаютъ преимущественно противники еврейскихъ разгромовъ, съ субъективными чувствами — преимущественно ихъ явные и полуприкрывающіеся сторонники, хотя въ эту же категорію слѣдуетъ зачислить и значительную долю еврейскихъ націоналистовъ.

Присутствіе, если не преобладаніе, въ противоеврейскихъ безпорядкахъ на Украйнѣ экономическихъ причинъ не могло не броситься въ глаза всѣмъ, разсуждавшимъ о вопросѣ, а потому и самые безусловные порицатели этихъ разгромовъ не могли отрицать факта раздраженія, производившаго безпорядки населенія, вслѣдствіе его бѣдственнаго экономическаго положенія. Они только не хотѣли признать значенія евреевъ въ созданіи этого положенія, и торопились приписать его однимъ „общимъ“ условіямъ, а въ началѣ, когда главную роль въ разгромахъ приписывали „кацапамъ“, многіе корреспонденты и публицисты про-

бовали даже утверждать, что евреи вовсе ни при чемъ въ причинахъ, ожесточившихъ громителей, такъ какъ послѣдніе выгнаны нуждою на Украйну изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ евреевъ вовсе и нѣтъ.

Такое объясненіе противоеврейскаго движенія исключительно „общими" условіями, особенно было въ ходу въ кругахъ либеральныхъ и въ части круговъ революціонныхъ. Соотвѣтственно этому объясненію, и мѣры предлагались только общія: отъ распространенія на евреевъ общихъ правъ гражданскихъ, которыя, говорили либералы, покажутъ народу, что еврей такой же человѣкъ, какъ и христіанинъ, и тѣмъ будто бы остановятъ возможность противоеврейскихъ движеній, — до поднятія общаго благосостоянія массъ и пропаганды солидарности между людьми всякихъ расъ и религій, особенно между людьми рабочими. Конечно, противъ этихъ общихъ мѣръ ничего нельзя сказать по существу. Но дѣло въ томъ, что онѣ вовсе не разсчитываютъ на спеціальный элементъ, какой существуетъ въ еврейскомъ вопросѣ и какой доказывается и тѣмъ, что общія условія жизни массъ во всей Россіи плохи, но почему-то массовое раздраженіе да кинулось же прежде всего въ данной мѣстности на евреевъ. Другая, едва ли еще не болѣе слабая сторона вышеизложенныхъ общихъ соображеній заключается въ томъ, что они, какъ равно и основанныя на нихъ мѣры, обращаются только на элементы, производившіе погромы, а оставляютъ совсѣмъ евреевъ, которые, будучи разъ выгорожены изъ числа причинъ разгромовъ, конечно, должны остаться и внѣ реформъ, исключая реформы ихъ юридическаго положенія, т. е. расширенія ихъ правъ, безъ всякаго преобразованія ихъ жизни и отношеній къ нееврейскимъ массамъ.

Если изложенное общее отношеніе къ еврейскому вопросу грѣшитъ абстрактностью и потому поверхностно, то другія отношенія къ этому же вопросу, обнаружившіяся въ послѣднее время, грѣшатъ, напротивъ того, своею крайнею уже конкретностью: въ основѣ ихъ лежатъ слишкомъ уже непосредственныя національныя чувства, или слишкомъ эмпиристическое народничество. Разумѣется, у еврейскихъ націоналистовъ евреи выходятъ ни въ чемъ не виновными, а разгромители изображаются только грабителями, варварами, чуть не скотами. Наоборотъ, націоналисты христіанскіе не жалѣютъ черныхъ красокъ для евреевъ, вполнѣ оправдываютъ ихъ разгромы и призываютъ на евреевъ всякаго рода ограниченія и репрессаліи. При этомъ у націоналистовъ великороссійскихъ обнаруживался явный расчетъ замѣнить на Украйнѣ еврейскихъ гешефтёровъ кулаками христіанскими великорусскаго происхожденія. Вотъ почему тѣмъ страннѣе видѣть полную солидарность украинскихъ національныхъ демократовъ (иныхъ украинскихъ націоналистовъ въ Россіи нѣтъ и быть не можетъ) съ націоналистами великорусскими, которая доходила даже до того, что украинскіе національные демократы въ своихъ печатныхъ органахъ не только присоединялись ко всѣмъ голосамъ, одобряющимъ всякія ограниченія правъ евреевъ, но даже высказывались противъ предоставленія евреямъ права

жить по всей Россіи. Послѣднее тѣмъ болѣе удивительно, что обостреніе еврейской эксплуатаціи украинскихъ массъ несомнѣнно произошло, благодаря скученности евреевъ въ югозападной половинѣ Россіи, каковая скученность произведена совершенно искусственно русскимъ законодательствомъ, руководившимся въ данномъ случаѣ не только узкими великороссійскими соображеніями, но и явнымъ умысломъ подавленія развитія національно украинскаго средняго сословія, которое еще въ XVIII в. было на лицо въ городахъ, пользовавшихся магдебургскимъ правомъ, число которыхъ было далеко не малочисленно и промышленное развитіе которыхъ было вовсе не такъ уже слабо, какъ обыкновенно думаютъ, благодаря отсутствію не только обстоятельной, но какой бы то ни было культурной исторіи украинскихъ областей. Во всякомъ случаѣ, оставляя даже въ сторонѣ вопросъ объ умышленности, нельзя не поразиться присутствіемъ различныхъ мѣрокъ въ политикѣ русскаго правительства относительно евреевъ въ украинскихъ и въ великорусскихъ областяхъ, особенно со временъ Екатерины II, истребительницы всѣхъ автономныхъ учрежденій въ украинскихъ областяхъ.

Фразелюбивая императрица эта провозгласила (въ 1796 году) относительно евреевъ либеральное положеніе, что „всякъ по званію и состоянію своему долженствуетъ пользоваться выгодами и правами, безъ различія закона (вѣры) и народа", и что евреи „войдя въ равное съ прочими состояніе и платя въ казну равныя подати, также неся прочія наравнѣ съ другими тягости, должны во всякомъ случаѣ защищены и удовлетворены быть наравнѣ съ прочими Ея Императорскаго Величества подданными". Изъ этихъ положеній естественно вытекало и даже, прежде всего, должно было вытекать право евреевъ на жительство во всемъ государствѣ либеральной императрицы, и тѣмъ болѣе, что эта императрица была собственно основательницею въ Россіи теоріи государственнаго единообразія. Но оказывается, что вышеупомянутыя либеральныя положенія были фразами, которыя, прежде всего, должны были подѣйствовать на евреевъ новоприобрѣтенныхъ отъ польскаго государства провинцій, почему въ указѣ 1796 г. рядомъ съ ними и поставлены слова, отмѣняющія „прежніе польскіе законы и установленія о различіи евреевъ противъ христіанъ". Права евреямъ Екатерина II предоставила только въ этихъ „областяхъ, отъ Польши возвращенныхъ", а также въ областяхъ украинской Гетьманщины и Запорожья, а въ великорусскія области евреевъ не пустила.[1] Уже въ 1762 г. Екатерина отказала евреямъ въ правѣ селиться въ Великороссіи, въ 1790 г. уже по присоединеніи Бѣлоруссіи правительство этой императрицы отвѣчало отказомъ на просьбы бѣлорусскихъ евреевъ позволить имъ записываться въ купечество въ Смоленской и

[1] Нелишнимъ считаемъ напомнить читателямъ, что въ Польшѣ, начиная еще съ 1780 г., а особенно съ 1788 года прогрессивныя партіи стали составлять проекты устройства и эмансипаціи евреевъ; такимъ образомъ, отмѣна законовъ польскихъ королей Екатериной II и либеральныя фразы ея, которыя примагались только къ областямъ, присоединеннымъ съ 1772 г. отъ Польши, да потомъ къ юго-восточной Украйнѣ. — получаютъ особое значеніе!

Московской губерніяхъ, согласившись съ мнѣніемъ президента коммерц-коллегіи, гр. Воронцова, по которому „отъ допущенія“ евреевъ въ „купечество внутреннихъ губерній не усматривается никакой пользы“, въ замѣнъ чего гр. Воронцовъ предлагалъ дать имъ право гражданства въ Бѣлоруссіи и прибавилъ, что „сіе право могло бы быть съ пользою распространено и на намѣстничество Екатеринославское и Таврическое“, образованныя изъ подчиненныхъ въ 1775 г. Вольностей Запорожскихъ. Это право и дано было евреямъ въ этихъ намѣстничествахъ въ 1791 г. Въ 1796 г. разрѣшено купцамъ евреямъ переходить изъ Бѣлоруссіи въ намѣстничество Новгородъ-Сѣверское, выкроенное изъ сѣверовосточныхъ частей бывшей украинской Гетьманщины.[1] Со временемъ право поселенія евреевъ было распространено на всю бывшую Гетьманщину, кромѣ Кіева, въ который евреи то допускались, то не допускались.

Эти поставленныя правительствомъ рамки для поселенія евреевъ и обусловили ихъ скученность не только въ полосѣ, сравнительно густо населенной и въ которой евреи жили издавна и занимались въ извѣстной степени производительнымъ трудомъ, но и въ полосѣ, только что заселявшейся, гдѣ евреи явились преимущественно какъ торговцы и посредники, особенно (въ XIX в.) по торговлѣ и откупу водочному. Въ вышедшей недавно первой книжкѣ „Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія“ г. А. А. находимъ интересное свѣдѣніе о числѣ евреевъ въ Кіевскомъ намѣстничествѣ въ 1792 г. (тогда Кіевское намѣстничество, кромѣ Кіевскаго уѣзда, все состояло изъ уѣздовъ лѣвобережныхъ теперешнихъ Черниговской и Полтавской губерній). Оказывается, что въ этомъ намѣстничествѣ тогда проживало въ уѣздахъ: евреевъ польскихъ 371, бѣлорусскихъ 499, а въ городахъ: польскихъ 76, бѣлорусскихъ 20.[2] Подъ именемъ Польши тогда еще разумѣлись и украинскія области теперешняго юго-западнаго края, такъ что польскіе евреи тогдашняго кіевскаго намѣстничества были, конечно, евреи, переселившіеся изъ этихъ областей. Интересно, что уже тогда въ лѣвобережныхъ уѣздахъ было больше евреевъ бѣлорусскихъ, чѣмъ правобережныхъ, и эти бѣлорусскіе евреи явились въ Полтавщинѣ, какъ и въ Екатеринославщинѣ, конечно, только потому, что имъ былъ стѣсненъ ходъ изъ Бѣлоруссіи въ естественномъ для нихъ экваторіальномъ направленіи: въ Смоленскую, Московскую и т. п. губерніи. Сравнивъ теперешній, относительно огромный процентъ евреевъ въ уѣздахъ и городахъ, напримѣръ, Полтавской губерніи съ числомъ, показаннымъ по описи 1792 года (напримѣръ, въ Переяславскомъ уѣздѣ, гдѣ происходили въ прошломъ году особенно серьезные безпорядки и гдѣ въ главномъ городѣ на 10—12 тысячъ населенія 60% — евреи, въ 1792 г. было всего 53 еврея), мы придемъ къ заключенію, что, по крайней мѣрѣ, половина, если не больше, теперешн-

[1] Подробности см. у Оршанскаго „Русское Законодательство о Евреяхъ“ и въ изданіи „Городскія поселенія Россіи“ въ соотвѣтственныхъ губерніяхъ.

[2] Свѣдѣнія о занятіяхъ этихъ евреевъ имѣемъ только по городу Кіеву: въ немъ изъ 44 евреевъ ремесленниковъ показано только 4.

няго еврейскаго населенія лѣвобережной и новороссійской Украйны должна бы была поселиться въ губерніяхъ великорусскихъ, если бы не была поставлена тому искусственная преграда со стороны русскаго правительства. Вотъ почему болѣе чѣмъ странно, что представители украинскихъ областей не только не настаиваютъ самымъ энергичнымъ образомъ на устраненіи этой преграды, но иные даже поддерживаютъ суворинско-аксаковскіе софизмы въ пользу ограниченія права жительства евреевъ по всей Россіи. Если украинскіе народники обольщаютъ себя надеждами, что всяческія затрудненія заставятъ евреевъ совсѣмъ выселиться изъ Россіи, — то это болѣе чѣмъ наивно, такъ какъ милліонныя массы не выселяются. А потому уже, исходя изъ одной украинско-народнической точки зрѣнія, слѣдовало бы требовать не только права еврэямъ жить во всей Россіи, но и правильной организаціи переселенія евреевъ изъ западной полосы ея въ восточную, чтобы хоть сколько нибудь поправить несправедливость, установленную великорусскимъ законодательствомъ со временъ Екатерины II.

Собственно на украинскую народническую точку зрѣнія на еврейскій вопросъ стала и та часть русскихъ революціонеровъ, которая издала въ прошломъ году прокламацію, написанную на украинскомъ языкѣ, но озаглавленную (характерно!) на „государственномъ", великорусскомъ языкѣ: „Исполнительный комитетъ украинскому народу. Объявленіе", и подписанную тоже на государственномъ языкѣ: „Исполнительный комитетъ Народной Воли".[1] Въ этой прокламаціи особенно характерны слѣдующія мѣста изъ ея начала (удерживаемъ правописаніе оригинала, крайне нелогическое):

„Тяжко стало людямъ жити на Украіні, та чімъ далі все тяжче стае. Ніхто нігде правди не находить. Бьють васъ скажені врядникі, ідять васъ поідомъ пани, граблять жиди-Іуди непотрібні.

„Одъ жидівъ гірше всего терплять люде на Украіні. — Хто забравъ у свої рукі землі, ліса, та корчми? — Жиди. — У кого

[1] Намъ передавали, что прокламація эта встрѣчена была сильнымъ неудовольствіемъ во многихъ революціонныхъ кругахъ, и потому ее распространеніе было прекращено. Поэтому и лицо, сообщившее намъ экземпляръ прокламаціи, предоставило намъ право говорить о ней, но не перепечатывать ее цѣликомъ. Мы не считаемъ возможнымъ обойти молчаніемъ эту прокламацію, не только потому что она, разъ будучи вынущена въ свѣтъ, стала уже документомъ, котораго „не вырубишь и топоромъ", но и потому, что несмотря на, такъ сказать, запрещеніе ея тѣмъ же учрежденіемъ, которое ее издало, она всетаки выражаетъ образъ мыслей извѣстнаго количества лицъ. Судя по свѣдѣніямъ, полученнымъ нами и въ прошломъ, и въ нынѣшнемъ году, видно, что таки значительная часть революціонныхъ круговъ въ Россіи относилась симпатично къ разгромамъ евреевъ и всалагала на нихъ большія надежды, какъ на начало близкаго широкаго народнаго революціоннаго движенія. Насколько эти надежды разсѣялись теперь, послѣ того, какъ въ прошлую весну антиеврейское движеніе не оправдало ожиданій, — мы не беремся судить. (Для характеристики прошлогодняго настроенія разныхъ элементовъ общества и въ томъ числѣ и „молодежи", напримѣръ, въ Кіевѣ, мы позволяемъ себѣ обратить вниманіе читателей на корреспонденцію, помѣщенную на стр. 253—258 V тома „Громады".) Во всякомъ случаѣ при существованіи еще во многихъ русскихъ революціонныхъ кругахъ вѣры въ народническую формулу: „народъ не пропагандируется, а агитируется на почвѣ его требованій", совершенно естественно, что извѣстная часть русскихъ революціонеровъ должна подумать о томъ чтобъ воспользоваться противоеврейскимъ движеніемъ для своихъ цѣлей и прежде всего стать „на почву" этого самаго движенія.

мужикъ, часомъ кризь слезы, просить доступитьця до свого пану, до своеі царини? — У жидівъ. — Куди ні гляпешь, до чого ні приступишь, — жиди усюди. Жидъ чоловіка лае, вінъ его обманюе, пъе его кровь. — Немае у селі життя одъ жида.

„Покидае чоловікъ рідне село, та рідну хату; почина, по світі блукаючи, долі шукати, — скрізь недолю найде, бо скризь грабить его ледаче зилле.

„У городі ще гіршъ, якъ у селі. Тутъ усі хвабрикі, усі базари, усе начальство ихъ грішми закуплене.

„Стогне сіромаха мужикъ, кляне часомъ той часъ та годину, коли породила его на світъ рідна мати, а панамъ зъ жидами, та цареві въ начальниками байдуже.....“

„Не то діялось па Україні перше, за нашихъ дідівъ, та прадідівъ. Уся земля була тоді мужицька: не було ні панівъ, ні жідівъ. Люде були вольні козакі й слухали лишъ своіхъ выборныхъ старшинъ та отаманівъ. Такъ було, поки не приходили на Вкраіну русскі царі.

„А якъ прийшли вопі — засумувавъ край веселий. Відобрали воні отъ народа усю землю, де яку роздали своімъ панкамъ, де яку распродали (?) жидкамъ, а вольныхъ людей повіддавали імъ у наймити. — Не досталь того. Щобъ було більше грошей на богаті обіді, на дворці, та палати, на пьянство, та курварство, царь и досі збирае зъ мужиківъ податі собі у кишеню. Хоть вмри мужикъ, а ту подать що року ему подай.

„А якъ не маешь грошей — піди до жида: вінъ душа щира, дасть тобі копійку, а сдере потімъ за копійку карбованця. Де самъ здерти не зможе, тамъ попросить станового, або судью — воні здерутъ. Бо царь усіхъ начальниківъ поклавъ, усі закони видавъ — собі на користь, панамъ та жидамъ на помічъ.“[1]

Прокламація эта, — какъ и показанія самихъ украинскихъ масс и давнишнія заявленія украинскихъ народниковъ, — въ сущности вѣрно передаетъ status quo отношеній евреевъ и украинскаго народа; мало того, она имѣетъ еще одно преимущество надъ, по крайней мѣрѣ, печатными заявленіями украинскихъ народниковъ, — въ томъ, что она затрагиваетъ, хотя и не полно и не отчетливо, тѣсную связь еврейской эксплуатаціи на Украйнѣ съ русскимъ государствомъ. Этой связи не хотятъ усматривать великорусскіе націоналисты „Руси“ и „Новаго Времени“ и ихъ союзники на Украйнѣ, оффиціальные публицисты обрусенія въ „Кіевлянинѣ“, а, между тѣмъ, она то и отличаетъ подкладку противоеврейскаго движенія на Украйнѣ отъ клерикально-консервативно-монархическаго антисемитизма въ Германіи. Во время стараго польскаго государства евреи на Украйнѣ играли, прежде всего, роль прямыхъ агентовъ королевскаго и панскаго фиска; при русскомъ же государствѣ они здѣсь играютъ роль косвенныхъ фискальныхъ агентовъ, безъ которыхъ при всѣхъ тепе-

[1] Дальше, послѣ указанія, что царь высылаетъ войско оберегать „жидівъ“, — идетъ заявленіе, что главный врагъ народа — царь, изложеніе программы Исполнительнаго Комитета, въ томъ числѣ замѣна царя „Палатою Депутатовъ, щобъ управляли народомъ (вся Россія) по его Народної Волі“, — объясненіе, почему убитъ Александръ II, сообщеніе о „грамотѣ“, посланной „до молодого царя“, приглашеніе народа „виходьте до насъ на помічъ хто зъ чимъ може“ и т. п.

рѣшнихъ условіяхъ жизни въ странѣ не было бы государству возможности производить взысканіе налоговъ, которое неизбѣжно сопровождается займами, закладами, аукціонами и т. п.[1] Елисаветградскія бабы, лишенныя коровъ при посредничествѣ еврейскихъ скупщиковъ (умѣющихъ ловко устраивать аукціонныя дѣла купно со становыми), — бабы, которыя указывали дѣтямъ на разрушенные еврейскіе дома, чтобы и дѣти помнили день отмщенія врагамъ женскаго хозяйства и дѣтскаго молока, инстинктивно понимали эту связь еврейскаго и царскаго вопроса на Украйнѣ, а прокламація „Исполнительнаго Комитета Народной Воли“ подошла къ этой связи. Но какъ по этому пункту, такъ и вообще по вопросу о еврейской эксплуатаціи, эта прокламація не поднялась выше конкретнаго указанія факта, т. е. выше уровня разумѣнія и самой чернорабочей массы. Еще болѣе слабую, уже совсѣмъ непростительную сторону этой прокламаціи составляетъ полное забвеніе того, что среди разбиваемыхъ евреевъ есть не только бѣдняки (во многихъ мѣстахъ, особенно въ городахъ, бѣдняки-то почти исключительно и поплатились), но и люди такого же производительнаго чернаго труда, какъ и христіане крестьяне и ремесленники. Быть можетъ, это забвеніе слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что авторы прокламаціи не бывали въ городахъ и мѣстечкахъ на правомъ берегу Днѣпра, но въ немъ должно было играть роль и „народничество“ вообще.[2]

Объ отношеніяхъ къ еврейскому вопросу націоналистовъ и даже народниковъ еврейскихъ нечего много и говорить. Видя въ евреяхъ только гонимыхъ, они и не могутъ отнестись правильно къ еврейскому вопросу на Украйнѣ, ни предлагать никакихъ мѣръ по еврейскому вопросу, кромѣ равноправности евреевъ и военной защиты ихъ отъ нападеній, или выселенія изъ той варварской земли, въ которой возможны еще „грубыя насилія дикой и фанатической толпы“. Какъ отчасти могли видѣть читатели „Вольнаго Слова“ изъ писемъ г. М.,[3] выселеніе евреевъ

[1] Любопытно, что въ началѣ XIX ст. русское государство терпѣло пребываніе евреевъ „винокуровъ“, т. е. агентовъ откупа, и въ великорусскихъ степныхъ губерніяхъ, и въ Сибири, „впредь до усовершенствованія въ винокуреніи русскихъ мастеровъ“.

[2] Въ статейкѣ по поводу еврейскихъ погромовъ („Русская жизнь“), въ 3 № рабочей газеты „Зерно“, этого пропуска нѣтъ. Тамъ находимъ напоминаніе, что и „между евреями не всѣ богаты, не всѣ кулаки“, и вопросъ: „за что же разорены бѣдные лачуги ремесленниковъ-евреевъ?“, и обращеніе къ „русскому народу“: „отбросьте вражду къ иноплеменникамъ и иновѣрцамъ. Помните, что всѣ трудящіеся, какой бы религіи и націи они ни были, должны соединиться, чтобы дѣйствовать противъ общаго врага“. Но въ ней не затронуто то обстоятельство, что передъ украинскимъ христіанскимъ бѣднякомъ и еврей бѣднякъ, по большей части, является солидарнымъ съ евреемъ „кулакомъ“ и что даже часто бѣдность вовсе не мѣшаетъ еврею быть „кулакомъ“, особенно въ началѣ кулацкой карьеры, — а также и то, что проповѣдь интернаціонализма слѣдуетъ обратить также, если даже не прежде всего къ евреямъ. Впрочемъ, уже по самому языку и манерѣ изложенія статья „Зерна“ не могла годиться для той именно мѣстности, гдѣ происходило противоеврейское движеніе. Что, напримѣръ, пойметъ украинецъ въ словахъ „еврей-кулакъ“, когда слово кулакъ въ условномъ смыслѣ и въ Великороссіи не вездѣ понятно народу и употребляется больше въ литературѣ, съ легкой руки Гоголя, вовсе не знатока великорусскаго народа и его языка.

[3] Ср. „Вліяніе противоеврейскихъ безпорядковъ на евреевъ. Письмо въ редакцію „Вольнаго Слова“, тамъ-же №№ 37 и 38. Редакція „В. Сл.“ замѣчаетъ, что письмо это написано европейски образованнымъ евреемъ, который „не отличается отъ своей темной массы“. Прим. ред.

составляетъ мечту и народниковъ украинскихъ. При этомъ, если у нѣкоторыхъ изъ еврейскихъ народниковъ присутствуетъ и сознаніе, что евреи таки нуждаются сами въ реформѣ своего быта, то все же, по ихъ мнѣнію, эта реформа можетъ быть произведена только на новыхъ мѣстахъ, а не въ „деспотической Россіи и среди населенія, столь варварски отнесшагося къ евреямъ".

Еврейскіе національсты и народники несомнѣнно принесли пользу не однимъ только евреямъ, защищая во время антиеврейской агитаціи мысль о томъ, что „жидъ не только тоже человѣкъ", тоже въ своемъ родѣ „коренной обитатель" (да и что значитъ не-коренной обитатель?!) страны, а потому и долженъ быть поставленъ въ равноправныя съ другими гражданскія условія жизни, но и то, что „жиды" не всѣ же и эксплуататоры. Въ этомъ отношеніи особенно интересны тѣ указанія, какія сдѣланы въ упомянутыхъ письмахъ г. М., и можно только пожелать, чтобъ указаній этихъ сдѣлано было больше изъ разныхъ мѣстностей. Но что составляетъ слабую сторону разсужденій не только еврейскихъ національстовъ, но и народниковъ, такъ это ихъ безусловно адвокатскій характеръ, часто со всѣми адвокатскими софистическими пріемами.[1] Это пристрастное отношеніе еврейскихъ національстовъ и народниковъ къ своимъ соплеменникамъ было одною изъ главныхъ причинъ того обстоятельства, что они проглядѣли ростъ противоеврейской реакціи въ массахъ народа на Украйнѣ и во время не предостерегли своихъ соплеменниковъ, — и если это отношеніе не замѣнится болѣе объективнымъ, то есть опасность, что и горькіе уроки послѣдняго года пройдутъ для евреевъ даромъ.

Впрочемъ, что до еврейскихъ народниковъ, то сказанныя замѣчанія наши могутъ быть по справедливости приложены къ нимъ болѣе въ настоящемъ и въ будущемъ, чѣмъ въ прошедшемъ, особенно въ недавно прошедшемъ, — по той простой причинѣ, что въ этомъ недавно прошедшемъ еврейскихъ народниковъ въ Россіи вовсе почти не существовало, хотя существовало очень не мало русскихъ соціальныхъ революціонеровъ и народниковъ изъ евреевъ. По причинамъ, о которыхъ мы отчасти говорили не разъ, но о которыхъ считаемъ неумѣстнымъ распространяться въ этой статьѣ, русскіе соціальные революціонеры и народники вообще оказались плохо знакомы съ разнообразными условіями жизни областей и народа, или, правильнѣе, народовъ Россіи, и даже, какъ это ни странно, отнеслись подозрительно и даже враждебно къ напоминаніямъ о разнообразіи этихъ условій. Соціалисты и народники изъ евреевъ, оторвавшись отъ своего народа, еще менѣе другихъ могли связаться съ народными массами нееврейскими, а потому только усилили „общерусскій", т. е. безпочвенный элементъ среди русскихъ со-

[1] Этотъ адвокатскій характеръ отпечатокъ много вѣны въ интересныхъ трудахъ Оршанскаго (Русск. Законод. о евреяхъ; Евреи въ Россіи. Очерки экономическаго и общественнаго быта русскихъ евреевъ). Постоянно даже въ одной и той же статьѣ авторъ перемѣняетъ исходныя точки своихъ сужденій, только бы обѣлить евреевъ и очернить ихъ противниковъ и соперниковъ.

ціалистовъ и народниковъ. Этимъ объясняется то, что и они, такъ же, какъ и еврейскіе націоналисты, и русскіе либералы, и революціонеры всѣхъ оттѣнковъ, проглядѣли симптомы, предвѣщавшіе еврейскіе разгромы послѣдняго времени. А проглядѣть ихъ было такъ довольно непростительно, особенно тѣмъ, у кого слова „бунтъ“ и „народъ“ не сходятъ съ устъ, такъ какъ, не говоря уже объ одесскихъ безпорядкахъ 1871 г., даже намъ, — человѣку, весьма далекому и отъ оффиціальной, и отъ деревенской жизни, извѣстенъ, напримѣръ, цѣлый рядъ составленныхъ еще въ концѣ 1860-хъ годовъ приговоровъ сельскихъ обществъ въ Кіевской губерніи о выселеніи изъ нихъ евреевъ. Разговоры о еврейскомъ вопросѣ застали мы въ русскихъ революціонныхъ кругахъ въ 1873 г. въ Цюрихѣ,[1] и съ тѣхъ поръ они сдѣлались непремѣннымъ пунктомъ препирательствъ между русскими и украинскими соціалистами и народниками. Мы имѣемъ достаточныя основанія утверждать, что русскіе соціалисты и народники, а особенно ихъ пресса, просто не захотѣли приступить къ изслѣдованію еврейскаго вопроса,[2] за что и были, какъ и слѣдовало ожидать, наказаны событіями, которыя обошли ихъ и поставили въ неловкое положеніе.

Въ числѣ важнѣйшихъ послѣдствій этихъ событій надо отмѣтить начало образованія еврейскихъ народниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые относятся теперь даже не безъ вражды къ русскимъ соціалистамъ и вообще всѣмъ неевреямъ партіямъ и не безъ скептицизма къ самому „научному интернаціональному соціализму“, вмѣсто программъ котораго эти еврейскіе народники, подобно тѣмъ своимъ русскимъ предшественникамъ, которые возлагали надежды на расколъ и т. п. порожденія русскаго народнаго ума, готовы приступить къ своимъ соплеменникамъ съ положеніями пророковъ и даже талмуда. Увлеченіе это, конечно, будетъ такъ же разбито, какъ и всякія увлеченія народничества, смѣшивающаго локализацію педагогическихъ пріемовъ съ сущностью самаго ученія, средство съ цѣлью. Но это вопросъ уже дальнѣйшій. Держась въ предѣлахъ настоящей главы нашихъ очерковъ, мы скажемъ только, что еврейское народничество, оставаясь на той пристрастной точкѣ зрѣнія, на которой оно стоитъ, не дало и не дастъ всесторонняго разрѣшенія еврейскаго вопроса на Украйнѣ, ни историческаго, ни, слѣдовательно, и практическаго.

Мы видѣли, что такого разрѣшенія не даетъ ни одно изъ разсмотрѣнныхъ выше общественныхъ направленій. Конечно, каждое изъ нихъ указываетъ вѣрно на какую-нибудь сторону упомянутаго вопроса и даетъ по немъ отдѣльныя, болѣе или менѣе вѣрныя рѣшенія.

---

[1] Въ Цюрихѣ въ русской библіотекѣ висѣла фотографія съ харьковскихъ противополицейскихъ безпорядковъ 1872 г., къ которымъ, конечно, тамошняя русская колонія относилась съ сочувствіемъ. Вотъ по поводу этого то харьковскаго бунта и поднимались часто разговоры о томъ, какъ же относиться къ одесскому противоеврейскому бунту 1871 г.?

[2] Одни вслѣдствіе способности или привычки удовлетворяться абстрактными положеніями, даже если бы они обратились уже въ фразы или даже въ пританія, другіе изъ боязни задѣть для многихъ щекотливый вопросъ.

Но этого мало. Необходимо найти синтезъ даннаго вопроса. Попытаемся же вступить на дорогу къ отысканію этого синтеза.

II.

Для того, чтобы подойти къ правильному рѣшенію еврейскаго вопроса на Украйнѣ, надо, прежде всего, отдать себѣ отчетъ въ томъ, что такое представляютъ собою въ этой странѣ евреи и въ какихъ они находятся отношеніяхъ къ другимъ элементамъ населенія этой страны и, главнымъ образомъ, къ украинскому элементу, составляющему огромное большинство этого населенія, преимущественно чернорабочаго.

Съ перваго раза можетъ даже показаться излишнимъ доказывать, что евреи на Украйнѣ составляютъ особую націю, объединенную между собою физическими и психическими расовыми признаками и отдѣльнымъ языкомъ (въ основѣ нѣмецкимъ);[1] національная особность евреевъ усиливается еще ихъ религіею, представляющею пока весьма незначительные сектантскіе оттѣнки. Но если сказанное выше нѣтъ надобности доказывать, то объ этомъ оказывается нужно напоминать людямъ самыхъ разнообразныхъ національныхъ и космополитическихъ направленій, іудофильскихъ, какъ и іудофобскихъ, потому что эта національная особность евреевъ на Украйнѣ не принимается многими во вниманіе, когда заходитъ рѣчь о частностяхъ еврейскаго вопроса въ этой и другихъ странахъ, находящихся въ сходныхъ въ этомъ отношеніи условіяхъ. Одну изъ важнѣйшихъ особенностей положенія еврейской націи на Украйнѣ составляетъ, кромѣ отсутствія подъ ногами ея сплошной территоріи, еще и ея сословность. Евреи здѣсь принадлежатъ почти исключительно къ сословіямъ такъ наз. городскимъ (даже тѣ, которые живутъ въ селахъ) и между ними преимущественно къ сословіямъ, которыя сами не производятъ цѣнностей. Конечно, въ разныхъ мѣстахъ страны процентное раздѣленіе евреевъ на производящихъ и непроизводящихъ цѣнности, а въ послѣдней категоріи на прямыхъ эксплуататоровъ чужого труда и на ихъ, хотя бы и мало выручающихъ, сообщниковъ, различны, но тѣмъ не менѣе даже и при неполнотѣ данныхъ, какія обнародованы теперь, можно считать доказаннымъ, что еврейская нація на Украйнѣ представляетъ въ большинствѣ своемъ не только сословіе, но даже въ значительной степени паразитное сословіе.

Вотъ нѣкоторыя данныя въ подтвержденіе этого положенія, хотя, можетъ быть (и даже навѣрное), не совсѣмъ точныя, но всетаки приблизительно вѣрныя.

По расчету Оршанскаго, — котораго пристрастіе въ защитѣ евреевъ доходило до того, что онъ видѣлъ въ одесскомъ дви-

[1] Чрезвычайно поучительно прочесть наблюденія надъ расовыми отличіями евреевъ, поляковъ и украинцевъ, произведенныя надъ нѣсколькими тысячами рекрутъ въ Галиціи и напечатанныя въ Zbior wiadomosci do antropologii krajowej, изд. Краковской академіи. Интересно видѣть, какъ три расы, живущія въ одной естественной области, не сходны между собою ни въ одномъ антропологическомъ признакѣ, кромѣ цвѣта кожи.

женія 1871 г. „результатъ борьбы промышленныхъ интересовъ“, но „борьбы капитала съ капиталомъ, а не капитала съ трудомъ“, „борьбы, орудіемъ которой послужили элементы неосмысленной, инстинктивной религіозно-племенной вражды и всевозможные хищническіе инстинкты“, — въ 60-ые годы въ Херсонской губ. 1 еврей изъ 5 былъ купецъ, въ Екатеринославской — 1 изъ 4, въ Одесскомъ градоначальствѣ — 1 изъ 3, въ Керченскомъ — даже 1 изъ 2-хъ (Евреи въ Россіи, 144). Уже этотъ значительный процентъ открытыхъ купцовъ говоритъ въ пользу присутствія среди евреевъ, особенно южныхъ мѣстностей Украйны, огромнаго процента непроизводительнаго населенія (въ Литвѣ, въ Ковенской губерніи одинъ купецъ приходится на 77 евреевъ).

По свѣдѣніямъ г. Чубинскаго (Труды этнографической экспедиціи въ Югозападный край, VII, в. I, 210) въ т. н. Югозападномъ краѣ (Кіевск., Вол., Под. губ.) всѣхъ евреевъ 750000 д. об. пол. Изъ нихъ:

	Семей.	Душъ.
1. Владѣльцевъ и арендатор. имѣній, фабрикъ, заводовъ, подрядчиковъ, крупныхъ торговыхъ дѣятелей . .	12000	72000
2. Лавочниковъ	20000	120000
3. Шинкарей	19000	100000
4. Служащихъ (при промышл. и торговыхъ заведеніяхъ)	8000	48000
5. Прислуги (домашней)		40000
6. Раввиновъ, меламедовъ и школьныхъ учителей	10000	60000
7. Ремесленниковъ, извозчиковъ и водовозовъ	35000	160000
8. Нищихъ		20000

Разлагая эти категоріи по характеру занятій и степени производительности труда, мы приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: 292000 человѣкъ первыхъ трехъ категорій, т. е. около трети всего еврейскаго населенія даннаго края, принадлежатъ къ явно непроизводительному классу; они уравновѣшиваются только 160000 лицъ 7-й категоріи, представляющихъ явно производительное населеніе. Затѣмъ, едва ли не вся четвертая категорія, т. е. 48000 человѣкъ, должна быть причислена почти къ паразитному населенію, хотя часть ея навѣрно трудится въ потѣ лица и даже навѣрно значительная часть ея получаетъ скудное вознагражденіе за свой трудъ. То же еще болѣе слѣдуетъ сказать и о пятой категоріи. Изъ категоріи шестой меламеды (36000 д.) и школьная прислуга (12000), при всей мертвенности еврейской науки, все-таки не только трудятся, но и приносятъ пользу, хотя бы какъ присматривающіе за дѣтьми, и должны быть причислены къ одному разряду съ евреями седьмой категоріи; такимъ образомъ, мы получимъ изъ 750000 евреевъ края 208000 явно производительныхъ людей при 292000 явно непроизводительныхъ. Среднія категоріи — всего 230000 — скорѣе должны быть причислены къ непроизводительнымъ, чѣмъ къ производительнымъ классамъ, хотя часть ихъ должна быть

причислена къ пролетаріату, о которомъ слѣдовало бы позаботиться (объ этомъ послѣ).

Если взять всю Украйну, Австрійскую, какъ и Россійскую, въ которой навѣрное живетъ не меньше 1200000 евреевъ, то распредѣленіе евреевъ Югозападнаго края, уже по самой его срединности положенія, безошибочно можно принять за среднее для всей Украйны. Но чѣмъ дальше къ Востоку и Югу отъ этого края, тѣмъ болѣе уменьшается ремесленный и вообще производительный элементъ въ еврейскомъ населеніи, тѣмъ болѣе увеличивается элементъ паразитный. Въ „Вольномъ Словѣ“ (№ 31) были уже приведены изъ „Правительственнаго Вѣстника“ свѣдѣнія о распредѣленіи по занятіямъ евреевъ Черниговской губ. Всего въ этой губерніи евреевъ 81475 д.[1] Изъ нихъ ремеслами занимается всего 13%, сельскимъ хозяйствомъ (большей частью землевладѣльцевъ и арендаторовъ) 2%, шинкарствомъ 22% (изъ нихъ въ городахъ 9%, въ селахъ 38%!), 40% не имѣютъ опредѣленныхъ занятій и живутъ въ большей или меньшей степени въ факторскихъ отношеніяхъ къ явно паразитнымъ категоріямъ, такъ что въ Черниговской губерніи окажется 77% евреевъ принадлежащими болѣе или менѣе прямо къ паразитному классу.

Недавно мы встрѣтили въ петербургской корреспонденціи въ „Indépendence Belge“ (21 іюля, 1882 г.) заимствованныя изъ докладовъ спеціальныхъ комиссій свѣдѣнія, какія намъ не попадались еще въ русскихъ газетахъ. Свѣдѣнія эти относятся къ евреямъ Бессарабіи (часть которой населена украинскимъ племенемъ и которая вообще сходна съ нашими южными областями) и Херсонской губерніи. Данныя эти не даютъ полныхъ свѣдѣній о распредѣленіи всего еврейскаго населенія названныхъ областей по занятіямъ, но даютъ очень характеристическія показанія о количествѣ евреевъ и православныхъ (румынъ и украинцевъ) въ разныхъ характеристическихъ занятіяхъ.

Такъ въ Бессарабіи:

	Евреевъ	Православн.
Банкировъ	7	1
Купцевъ 1 гильдіи	12	2
Купцевъ 2 „	595	253
Мелкихъ торговцевъ	6428	1621
Комиссіонеровъ	1374	51
Приказчиковъ	2281	970
Фабр. раб. и ремесленн.	5468	14455
Поденщиковъ	1777	6639

Въ Херсонской губерніи евреевъ находится въ числѣ торговцевъ спиртомъ 96%, торговцевъ дровами 82%, — хлѣбомъ 78%, между приказчиками и факторами 71%, между кабатчиками и корчмарями 77%. — Изъ обоихъ рядовъ цифръ, надѣемся, ясно видно, въ какіе классы населенія стремятся помѣститься индивидуумы, составляющіе еврейскую націю на Украйнѣ. Есть

[1] Десять лѣтъ назадъ ихъ было 58490 душъ, а двадцать лѣтъ назадъ только 35624. Увеличеніе это надо отнести на счетъ переселенія изъ Литвы и Бѣлоруссіи, которое при свободѣ поселенія евреевъ должно бы было направиться на востокъ, въ Великороссію.

мѣстности, особенно въ селахъ, гдѣ еврей и капиталистъ-эксплуататоръ и его помощникъ сдѣлались синонимами для украинскаго населенія (какъ и для румынскаго, бѣлорусскаго, польскаго). Въ такихъ мѣстностяхъ понятія эксплуататоръ и жидъ сдѣлались на народномъ языкѣ синонимами. Любопытный примѣръ тому мы покажемъ въ народныхъ пѣсняхъ, недавно записанныхъ въ Бориславлѣ — центрѣ добыванія петроля и земляного воска въ Карпатахъ, въ который вслѣдъ за открытіемъ названнаго богатства вторглась въ лицѣ евреевъ спекуляція, въ мгновеніе превратившая украинцевъ-крестьянъ въ пролетаріевъ, привлекшая въ Бориславъ украинско-крестьянскій пролетаріатъ изъ другихъ мѣстъ и сложившая національно-сословныя отношенія, которыя выражаются въ слѣдующихъ словахъ:

Ой, молвили Бориславці, щчо будуть панами,
А вни поле попродали та ј пішли с торбами
(сумами)
. . . . . .
Ой, ви жиди бориславські, та майте сумліньнья
(совѣсть) —
Уже воску нема в јамах, лиш саме саміньнья.
Ой, уліз ја та ј до јами, взьавъ камень лупати,
А жид з гори вивојкује: киблики (кадки для
пріема воску) давати,
А ја јому новідају, щчо въ јамі каменець,
А він міні повідаје: пропавъ твій паперець!
(бумажка — гульденъ)
. . . . . .
Ой, ви жиди бориславські, стократъ вашій мамі,
Ой, щчо ја сьа набідував у тій вашій јамі!

(„Сьвіт“, іллюстр. літер.-наук.-політ. часопись, Львів 1882.)

Вотъ почему крайне странно встрѣчаться съ такими проявленіями субъективизма у еврейскихъ націоналистовъ и даже народниковъ, какого примѣръ показываетъ недавно полученное нами письмо отъ одного почтеннаго еврея-народника, который упрекаетъ насъ за недостаточно энергическое осужденіе еврейскихъ разгромовъ и видитъ въ этомъ недостатокъ энергіи признакъ національныхъ симпатій къ украинцамъ и антипатій къ жидамъ. — „Что бы вы сказали, говоритъ онъ, если бы то, что дѣлается съ жидами, было продѣлано съ вашими украинцами?“ Какъ будто нація украинская, почти исключительно состоящая изъ крестьянъ, рабочихъ и мелкаго мѣщанства, можетъ быть, по характеру труда, сравниваема съ націею еврейскою, при томъ распредѣленіи послѣдней по классамъ, какое мы видѣли выше?! Въ томъ то и дѣло, что такого распредѣленія не представляетъ самому объективному наблюдателю никакая другая нація, кромѣ еврейской!

Съ другой стороны, совершенно наивны и потому безплодны будутъ всякія абстрактно-интернаціональныя фразы и увѣщанія по поводу столкновенія рабочихъ, напримѣръ, украинской націи

съ евреями и разсужденія вродѣ тѣхъ, какія можно было читать въ великорусскихъ радикальныхъ изданіяхъ на тему жидъ и кулакъ, доказывавшія, что кулакъ въ Великороссіи нисколько не лучше жида на Украйнѣ. Очень можетъ быть, что послѣднее и правда (хотя изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ въ другихъ націяхъ капиталистъ былъ такъ же точно безпощаденъ, какъ жидъ и кулакъ, какихъ мы знаемъ, а въ жизни важенъ и качественный и количественный анализъ!), но собственно тому, кого сосетъ жидъ, не только отъ этого не легче, но и мало до этого дѣла. Подобная проповѣдь, если можетъ для чего-либо годиться, то развѣ только для охлажденія жидофобовъ-руссофиловъ изъ „Руси“ и „Новаго Времени“ и т. п., но не имѣетъ никакой цѣны въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кулакъ и жидъ — синонимы и гдѣ громаднѣйшій процентъ жидовъ прямо и косвенно живетъ кулачествомъ. Мало того. Конечно, обо всемъ можно спорить, даже и о томъ, точно ли дважды два — четыре? но, если напередъ не заслѣплять себя абстрактными формулами, то нельзя не видѣть, что общечеловѣческое кулачество у кулаковъ-евреевъ на Украйнѣ осложняется ихъ еврействомъ, т. е. ихъ національностью: тою связью между кулаками-евреями, какая естественно вытекаетъ изъ связей, присущихъ національности, какъ біологическому явленію, и какая, будучи усилена еще и національною религіей, даетъ евреямъ такую страшную по силѣ организацію для достиженія ихъ цѣлей. Вдобавокъ острота кулацкихъ отношеній евреевъ къ нееврейскимъ массамъ усиливается тѣмъ раздраженіемъ, которое должны были оставить въ душѣ еврея какъ средневѣковыя гоненія, такъ и исключительность законодательства и, наконецъ, на Украйнѣ память о массовой реакціи противъ евреевъ въ періодъ козацкій и гайдамацкій. Правда, и въ самой еврейской средѣ есть не только извѣстный, — хоть, какъ мы видѣли, въ нѣкоторыхъ областяхъ крайне слабый, — процентъ людей, производительно работающихъ, но даже между паразитнымъ еврейскимъ населеніемъ значительное количество индивидуумовъ служитъ только передаточными каналами, въ которыхъ самихъ мало что остается изъ высасываемыхъ ими соковъ, собираемыхъ въ сущности для меньшинства, которое эксплуатируетъ и ихъ. Но, во-первыхъ, и отъ послѣдняго опять таки не легче украинскому рабочему человѣку, а, во-вторыхъ, и само дѣйствительно-рабочее еврейское населеніе всетаки не только держитъ себя особнякомъ отъ рабочаго украинскаго населенія, но даже чувствуетъ себя гораздо ближе къ эксплуататорамъ изъ своей націи, нежели къ эксплуатируемому украинскому населенію, и постоянно мечтаетъ перейти въ ряды евреевъ-эксплуататоровъ и при первомъ удобномъ случаѣ переходитъ въ эти ряды, хотя, конечно, отдѣльными только единицами. Наконецъ, въ отношеніяхъ между еврейскимъ и украинскимъ населеніемъ есть еще одна черта, которая играла видную роль и въ ряду непосредственныхъ причинъ еврейскихъ погромовъ и которая вообще есть одна изъ характеристическихъ чертъ упомянутыхъ отношеній. Печальная судьба народа еврейскаго, племени, по природѣ очень богато одареннаго, но постоянно уни-

женнаго, развила въ немъ болѣзненное самолюбіе, высокомѣріе и страсть къ почестямъ, которыя при первой возможности проявляются наружу и часто самымъ безтактнымъ и даже наглымъ способомъ. Въ русскихъ газетахъ прошлаго года, даже въ симпатизирующемъ евреямъ „Голосѣ“, а также въ газетахъ галицко-украинскихъ, проскользнули указанія на эту черту („Трудъ“, 1881, № 40 и 55; перепечатки изъ „Голоса“, „Батьківщина“, 1881, 38) въ разсказахъ о томъ, какъ разбогатѣвшіе евреи заставляютъ украинскихъ крестьянъ скидать передъ ними шапки, называть „Ваше Высокоблагородіе“, цѣловать имъ руки и. т. п. Въ Галиціи, гдѣ евреи еще болѣе, чѣмъ въ Россіи, „захватили все въ свои руки“, евреи позволяютъ себѣ бить крестьянина при проявленіи этимъ послѣднимъ признаковъ неуступчивости. Замѣчательно, что эти же претензіи проявлялись евреями на Украйнѣ въ XVII в. и были въ числѣ причинъ, вызвавшихъ ихъ избіенія и изгнанія въ 1648 г. Кобзарскія думы того времени изображаютъ грубое обращеніе евреевъ-арендаторовъ, хватающихъ козаковъ за волосы, и наивную ихъ радость, если козакъ называетъ ихъ „мостивымъ паномъ“:

„Ej, жидівочко ж моя Расьа!
Буть мині тепер у Білій Церкві наставним равом:
Назвав мене козак мостивим паном.“

Московскій дьякъ Григорій Кунаковъ, который, по указу Алексѣя Михайловича, „довѣдывался о черкасской (украинской) войнѣ“ (Б. Хмельницкаго съ Польшей), даетъ между прочимъ слѣдующую интересную справку: „Да черкасамъ же де сверхъ того было разореніе отъ жидовъ, которые держали въ ихъ мѣстахъ отъ пановъ аренды. И тѣ де жиды ихъ черкасъ грабили и паругались надъ ними всячески: только который черкашенинъ укуритъ вина или сваритъ пиво и медъ, не явясь жидомъ, или противъ жида учнетъ говорить, не снявъ шапки, и жиды де за то, сримѣтываяся къ нимъ за посмѣхъ, ихъ грабили и разоряли, животы ихъ отнимали и женъ и дѣтей въ работу имѣли насильствомъ“. (Акты Южной и Западной Россіи III, 278.)

Но независимо отъ явныхъ претензій на панство и грубыхъ проявленій этихъ претензій, которыя могутъ позволить себѣ, особенно въ Россіи, только богатые евреи, всѣ евреи на Украйнѣ считаютъ себя сословіемъ, высшимъ надъ мужиками-украинцами. — „Мужикъ (хлопъ или хохолъ) дуракъ, хлопъ — гадюка, свинья“, — намъ случалось слышать отъ самыхъ бѣдныхъ евреевъ, равно какъ выраженія, свидѣтельствующія, что евреи считаютъ себя въ числѣ панскихъ классовъ, вмѣстѣ съ дворянами, — отдѣльныхъ отъ крестьянъ, — употребляя въ разговорахъ съ снисходительнымъ дворянипомъ о мужикахъ-хохлахъ выраженія, вродѣ: „мы“, „насъ“ и „они“, „ихъ“! Между прочимъ и это обстоятельство слѣдуетъ помнить при обсужденіи того, что крестьяне и христіанскій пролетаріатъ въ городахъ на Украйнѣ во время послѣднихъ погромовъ не щадили и бѣдныхъ евреевъ, даже ремесленниковъ. Это, конечно, крайне печально, и друзьямъ

демоса слѣдовало заранѣе и слѣдуетъ теперь всячески стараться, чтобъ такихъ явленій не было, — но нельзя же быть односторонними, слѣдуетъ спросить себя, чѣмъ же бѣдные евреи и даже ремесленники на Украйнѣ (не въ отдѣльныхъ, рѣдкихъ индивидуумахъ, вродѣ тѣхъ, о которыхъ разсказываетъ г. М. въ своихъ письмахъ въ „Вольн. Словѣ“, а въ массѣ) проявили когда-нибудь свою несолидарность съ евреями-капиталистами и свою солидарность съ украинцами-крестьянами и мѣщанами? и не слѣдовало ли бы проповѣдь о солидарности пролетаріата и рабочихъ людей обратить прежде всего къ пролетаріямъ-евреямъ, или по крайней мѣрѣ, не къ однимъ только украинцамъ?

Все это вмѣстѣ образуетъ въ еврейско-украинскихъ отношеніяхъ такія осложненія всемірнаго капиталистическаго вопроса, какія игнорировать съ какой бы то ни было — съ еврейско ли національной, или съ абстрактно-интернаціональной точки зрѣнія, — было бы крайнимъ промахомъ, равносильнымъ забвенію дѣйствія трепія при движеніи тѣла, забвенію особенностей и этого тѣла и той среды, въ какой оно движется. Какъ при такомъ забвеніи, съ одними разсчетами на абстрактные законы свободнаго движенія тѣла, нельзя построить практично машины, такъ и съ оставленіемъ безъ вниманія того обстоятельства, что евреи на Украйнѣ представляютъ собою и націю, и религію, и сословіе, — нельзя ни понять тамошняго національно-сословнаго конфликта, ни придумать практическихъ способовъ къ наилучшему его разрѣшенію. Только признавши какъ фактъ, что еврейское населеніе на Украйнѣ есть нація, сословіе, обособленное еще и религіей, можно приступить на реальной почвѣ къ обсужденію вопроса о томъ, какъ устранить печальныя послѣдствія этого ненормальнаго факта. Мы попробуемъ это сдѣлать въ слѣдующей статьѣ.[1]

---

[1] Къ сожалѣнію, третьей статьи на эту тему не появилось въ „Вольномъ Словѣ“. Впрочемъ, рѣшеніе еврейскаго вопроса на Украйнѣ намѣчено въ общихъ чертахъ Драгомановымъ въ его послѣсловіи къ напечатанному выше воззванію „Отъ группы социалистовъ евреевъ“, ср. стр. 327, и въ небольшой статьѣ „Еврейскій вопросъ въ славянскомъ кружкѣ въ Лондонѣ“, которую мы потому и печатаемъ непосредственно ниже, хотя въ „Вольн. Словѣ“ она предшествовала напечатаннымъ выше статьямъ. Относясь отрицательно къ чисто политическому либерализму, Драгомановъ признавалъ уравненіе евреевъ въ гражданскихъ правахъ, хотя и настоятельно необходимымъ, — совершенно недостаточнымъ. Безъ широкаго вліянія на еврейскую среду демократическихъ и соціалистическихъ идей, еврей, какъ нація, поставленная въ исключительныя условія, постоянно будутъ отождествляться съ той частью еврейскаго народа, которая живетъ эксплуатаціей чужого труда, и потому специфическій еврейскій вопросъ будетъ оставаться не рѣшеннымъ. Особенно настаивалъ Драгомановъ на томъ, чтобы евреи-соціалисты шли въ еврейскую рабочую среду для пропаганды соціализма на разговорномъ еврейскомъ языкѣ и для созданія своей самостоятельной соціалистической партіи. Идея созданія еврейской соціалистической партіи возникала, повидимому, уже въ половинѣ семидесятыхъ годовъ у А. Либермана, ср. выше стр. 325 и „Впередъ“ 1876, №№ 37 и 38 „Основаніе соціально-революціоннаго общества еврейскихъ работниковъ въ Лондонѣ“ и „Еврейской интеллигентной молодежи“; но теоретически она была обоснована лишь въ сочиненіяхъ Драгоманова, который поддержалъ ее и какъ издатель. Въ наше время эта идея блестяще осуществлена „Всеобщимъ еврейскимъ рабочимъ союзомъ въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи“ („Бундомъ“). Онъ зародился въ началѣ девяностыхъ годовъ изъ пропаганды марксистско-соціалистическихъ идей среди еврейскаго пролетаріата Сѣверозападнаго края, совершенно независимо отъ національно-федералистическихъ идей Драгоманова, о чемъ нельзя не пожалѣть. Прим. ред.

Еврейскій вопросъ
въ славянскомъ кружкѣ въ Лондонѣ.[1]

(Первоначально напечатано въ журн. „Вольное Слово“ № 28, 1882 г.)

На этихъ дняхъ въ славянскомъ кружкѣ (соціалистическомъ) въ Лондонѣ былъ митингъ, на которомъ г. Кропоткинъ читалъ (по русски и по нѣмецки) рефератъ объ антиеврейскомъ движеніи въ Россіи. Референтъ, какъ видно по отчету, напечатанному въ „Freiheit“, настаивалъ на соціально-экономическихъ причинахъ этого движенія, и съ этой стороны докладъ его, при большей публичности, могъ бы быть чрезвычайно полезенъ для англичанъ, которымъ теперь извѣстная партія представляетъ анти-еврейское движеніе въ Россіи съ ложной точки зрѣнія, какъ движеніе религіозно-національное. Послѣ реферата предложены были резолюціи, изъ которыхъ вторая, по поводу того обстоятельства, что теперь въ Россіи бѣдные христіяне разгромляли имущество такихъ же бѣдняковъ евреевъ, приглашаетъ пролетаріевъ всѣхъ расъ соединиться между собою.

Приглашенію этому нельзя, конечно, не сочувствовать, но, при положеніи евреевъ въ Россіи, такихъ, слишкомъ общихъ, приглашеній очень недостаточно! Теперь необходимо поставить вопросъ объ единеніи пролетаріевъ-евреевъ и христіанъ, какъ можно болѣе конкретно и детально. Въ особенности необходимо поставить передъ пролетаріями-евреями вопросъ о необходимости для нихъ разрыва съ капиталистическимъ элементомъ между ихъ соплеменниками и единенія съ эксплуатируемымъ этимъ послѣднимъ бѣднымъ людомъ христіанскимъ. Подобная постановка вопроса и соотвѣтствующая ей пропаганда требуетъ большаго умѣнья и обстоятельнаго знанія еврейской жизни, чего можно ожидать только отъ еврейскихъ уроженцевъ.

Между тѣмъ съ прискорбіемъ надо отмѣтить, что, несмотря на большое количество евреевъ въ русскихъ и польскихъ соціалистическихъ кругахъ, мысль о „хожденіи въ народъ еврейскій“, встрѣчала до сихъ поръ очень мало сочувствія даже въ средѣ соціалистовъ, и даже, — какъ въ этомъ можно было убѣдиться изъ того, какъ встрѣчено было сдѣланное незадолго передъ антиеврейскимъ взрывомъ въ Россіи предложеніе нѣсколькихъ соціалистовъ евреевъ и украинцевъ объ изданіи брошюръ на живыхъ языкахъ евреевъ Восточной Европы[2], — подобная мысль встрѣчалась съ явной враждой. Говорятъ, что теперь послѣ „погромовъ“ среди образованныхъ евреевъ мысль въ такомъ родѣ начинаетъ кружить сама собою. Но покамѣсть ни въ чемъ она не выражается и даже не была высказана съ еврейской стороны публично.

[1] Въ „Вольномъ Словѣ“ эта статья принадлежитъ къ серіи „Изъ вопросовъ текущей жизни“, ср. наше примѣчаніе на стр. 442. Прим. ред.

[2] Ср. „Отъ группы соціалистовъ-евреевъ“ выше стр. 320—329. Прим. ред.

Образованные еврей, особенно соціалисты изъ евреевъ, несутъ на себѣ большую отвѣтственность за свое невниманіе къ еврейской массѣ, которою никто не въ состояніи заняться, кромѣ ихъ, и которая настоятельно нуждается, чтобы кто-нибудь ею занялся. Мы помнимъ время, когда только что появилось среди евреевъ въ Россіи стремленіе къ образованію ново-европейскаго характера, приведшее къ сложенію такъ называемой „молодой еврейской партіи“. Стремленіе это требовало борьбы, и весьма нелегкой, съ предразсудками еврейской среды, которая считала ересью даже обученіе ея дѣтей въ общихъ училищахъ вмѣстѣ съ христіанами, напр., въ гимназіяхъ. Піонеры „молодой еврейской партіи“ выдержали энергически эту борьбу, и теперь мы видимъ, что, напр., въ литовскихъ, бѣлорусскихъ и новороссійскихъ губерніяхъ во многихъ гимназіяхъ большинство учениковъ — еврен. „Старая“ еврейская среда не только помирилась съ стремленіями „еврейскихъ прогрессистовъ“, но даже увидѣла въ нихъ для себя извѣстную выгоду.

Быть можетъ, поэтому, дальнѣйшая борьба евреевъ прогрессистовъ съ своею старою средою, если не прекратилась, то ослабѣла до незамѣтности. „Прогрессисты“ теперь уже ни о чемъ не говорятъ, какъ только о равноправности евреевъ съ христіанами. Равноправность эта, конечно, необходима, но сама по себѣ мало измѣнитъ сущность положенія еврейскихъ массъ и ихъ отношенія къ христіанскимъ массамъ. Главнымъ образомъ она дастъ образованнымъ и болѣе зажиточнымъ классамъ изъ евреевъ болѣе высокое общественное положеніе, а потому исключительная забота образованныхъ евреевъ объ этой равноправности мало еще даетъ имъ правъ на званіе истинныхъ „прогрессистовъ“.

Что касается до соціалистовъ изъ евреевъ, то они, конечно, порождены прогрессисткимъ движеніемъ предпослѣдняго времени въ средѣ евреевъ, результаты какового движенія унаслѣдованы ими, какъ нѣчто готовое. Вотъ почему они пошли, безъ оглядки на свою среду, слѣдомъ за своими школьными товарищами христіанами. Немногіе же, кому еще приходилось выдерживать борьбу съ еврейскимъ консерватизмомъ за извѣстный просторъ личной жизни и образованія, добившись этого простора для своей личности, естественно обрадовались своей эмансипаціи отъ еврейской среды и рады были совсѣмъ забыть о существованіи послѣдней.

Между тѣмъ, по части евреевъ Россія не Швейцарія и даже не Германія. Въ западной половинѣ Россіи во всякомъ случаѣ живетъ болѣе 3 000 000 евреевъ. Это цѣлая нація, о которой тѣмъ болѣе надо же кому-нибудь думать, что она находится въ самыхъ ненормальныхъ отношеніяхъ къ другимъ, живущимъ тамъ націямъ. „Погромы“, начавшіеся съ прошлаго года, самымъ громкимъ образомъ вопіютъ объ этой ненормальности. Ее не устранишь ни христіанскимъ іудофобствомъ, ни прогрессистскимъ іудофильствомъ, ни также повтореніемъ абстрактной фразы: „пролетаріи всѣхъ націй, соединяйтесь!“ Нужна дѣятельная пропаганда этой мысли среди пролетаріевъ еврейской націи, нужно прежде всего образованіе спеціальнаго корпуса пропагандистовъ для этой націи! ...

Пьянство, искусство и свобода.

(Первоначально напечатано въ журналѣ „Вольное Слово“ № 33, 1882 г.)

Недавно одна московская газета, мнѣнія которой представляютъ перемежающуюся лихорадку здравомысленныхъ замѣчаній съ совершенно дикими замоскворѣцкими мудрствованіями, выразилась, по поводу правительственныхъ домысловъ въ теченіе перваго года правленія Александра III, что будто въ этомъ году сдѣлано достаточно, чтобъ прославить цѣлое царствованіе, и указала между прочимъ на разработку правительствомъ и свѣдущими людьми вопроса о пьянствѣ, вопроса „столько же экономическаго, сколько и нравственнаго“.

Мало-мальски критически настроенные читатели даже русскихъ газетъ знаютъ, какъ относиться къ серьезности поднятія правительствомъ и разработки свѣдущими людьми вопроса о пьянствѣ. Статистическія изслѣдованія земствъ московскаго и др. показываютъ, что собственно пьянство (пропой) играетъ весьма слабую роль въ разворенiи, какое замѣтно въ селахъ Россіи. Такъ, по наблюденіямъ г. Орлова, въ 25 волостяхъ 5 уѣздовъ Московской губерніи изъ 4625 крестьянскихъ дворовъ, окончательно разворившихся, 71% разорились по причинамъ экономическимъ, и только 9% черезъ пьянство; въ Нижнедѣвицкомъ уѣздѣ, Воронежской губерніи, разорилось всего 20% крестьянскаго населенія, изъ нихъ 72% по причинамъ экономическимъ и только 7% черезъ пьянство.[1] Очевидно, что правительство показало бы намѣреніе облегчить крестьянъ съ экономической стороны въ питейномъ,— а не пьянственномъ,— вопросѣ только тогда, когда оно заявило бы намѣреніе уменьшить акцизъ съ водки, выпиваемой крестьянствомъ вообще, а не ограничилось однимъ только вопросомъ о пьяницахъ, который самъ по себѣ не важенъ.

Пьянственный вопросъ важенъ и со стороны нравственной тоже не въ томъ смыслѣ, какъ онъ поставленъ въ Россіи и офиціозами, т. е. не съ той стороны, чтобъ въ Россіи было очень много пьяницъ, а съ той, что простому человѣку въ Россіи теперь нѣтъ никакого препровожденія времени послѣ трудовъ, кромѣ кабака и пьянства, къ которому должны прибѣгать и непьяницы. Между тѣмъ этотъ-то вопросъ всего менѣе и разрабатывается печатью въ Россіи по весьма понятной причинѣ: потому что и этотъ вопросъ находится въ тѣсной связи съ вопросомъ о политическомъ и нравственномъ рабствѣ, въ которомъ государственные и церковные порядки Россіи держатъ тамошнія населенія.

[1] Кстати, не мѣшало бы принять эти цифры къ свѣдѣнію галичанамъ, которые тоже бьютъ тревогу о „пьянствѣ и гѣнивствѣ“ мужиковъ, какъ о причинахъ ихъ разворенія, и произвести изслѣдованія хоть въ нѣсколькихъ селахъ.

Къ этому вопросу подошелъ было довольно близко одинъ изъ „свѣдущихъ людей", г. Евг. Марковъ, напечатавшій въ „Порядкѣ" двѣ статьи „Народное искусство", „По поводу народнаго пьянства" (№№ 316—317, 1881 г.). Въ этихъ статьяхъ онъ совершенно вѣрно замѣтилъ, что пьянство можетъ быть вытѣсняемо искусствомъ. Но дальше, вмѣсто того, чтобы указать, что искусство, какъ и всѣ прочія проявленія нравственной дѣятельности, требуетъ для своего развитія свободы, и указать, какія же причины препятствовали и препятствуютъ развитію въ Россіи искусства, а особенно его популяризаціи, г. Марковъ поднялся въ туманъ московской фразеологіи объ оторванности культурныхъ слоевъ Россіи отъ народа со времени Петра Великаго, при чемъ не обошлось безъ восхваленія „цѣльныхъ" временъ до-петровской Московщины, которая, какъ долженъ бы знать г. Марковъ, своимъ грубѣйшимъ пьянствомъ во всѣхъ слояхъ общества, отъ великихъ царскихъ пословъ и бояръ до простого народа, поражала иностранцевъ (см. напр. Олеарія). На разсужденія г. Маркова о до-петровской цѣльности и проч. отвѣтилъ довольно обстоятельно г. А. В—нъ[1] въ „Вѣстникѣ Европы" (1882, №№ 2—3) и показалъ, что упадокъ народнаго искусства въ Московіи произошелъ еще до Петра Великаго подъ вліяніемъ невниманія и презрѣнія церковно-образованныхъ людей, и что, по крайней мѣрѣ, въ послѣ-петровское время сюда принесены были европейскія понятія объ искусствѣ, подъ вліяніемъ которыхъ образованные люди стали изучать остатки народнаго искусства послѣ чего начались и попытки развивать его. Къ сожалѣнію г. А. В—нъ не остановился на политической сторонѣ вопроса ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ (въ чемъ, можетъ быть, и не его вина), а кромѣ того сдѣлалъ, по обычаю большей части русскихъ писателей, и прямую, если не ошибку, такъ опущеніе, обобщивши всю Россію съ Московскимъ государствомъ и оставивъ безъ вниманія судьбу искусства у западно-русскихъ племенъ, бѣлоруссовъ и украинцевъ. А между тѣмъ здѣсь еще нагляднѣе можно видѣть зависимость развитія искусства отъ политическихъ условій, можно видѣть весь вредъ для развитія всѣхъ сторонъ нравственной жизни системы политической опеки, не только старо-московской, но и ново-петербургской, такъ какъ здѣсь развитіе народнаго искусства было подкошено именно въ петербургскій періодъ и при томъ вовсе не тѣми мѣрами, на какія жалуются г. Марковъ и московскіе славянофилы, т. е. вовсе не избыткомъ пріемовъ европеизма, а давленіемъ московскаго азіатизма, въ достаточной степени присущаго и петербургскому періоду, который довелъ московскую опеку надъ населеніями до послѣдней степени совершенства и тѣмъ остановилъ у западно-русскихъ племенъ свободное развитіе въ общеевропейскихъ формахъ. Исторія народнаго искусства здѣсь представляетъ одно изъ частныхъ проявленій общей истины, по которому такъ называемая петровская реформа, будучи здѣсь совсѣмъ не нужна своею культурною стороною, —

[1] Подъ этимъ псевдонимомъ, какъ извѣстно, писалъ свои публицистическія статьи А. Н. Пыпинъ. Прим. ред.

такъ какъ западно-русскія страны отъ Европы никогда не удалялись, — своею политическою стороною (т. е. завершеніемъ административной централизаціи) подѣйствовала здѣсь вполнѣ разрушительно на весь ходъ общественной жизни и преимущественно именно на наиболѣе „европейскія“ ея стороны. Это положеніе, какъ видите, совершенно отличное отъ увѣреній, какъ московскихъ славянофиловъ, такъ и петербургскихъ западниковъ, или лучше, москвофиловъ и петрофиловъ, приводитъ и къ совершенно иной, единственной новоевропейской постановкѣ культурно-общественныхъ вопросовъ и въ практикѣ, а именно къ требованію для развитія культурно-общественной жизни: свободы и устраненія опеки, все равно царской, или императорской, поповской, или чиновнической. Все это, какъ видите, придаетъ культурно-общественной исторіи западно-русскихъ областей, напримѣръ, Украйны, общій интересъ, а не только мѣстный.

Есть данныя утверждать, что даже пьянство въ старинной, безакцизной, богатой винокурнями Украйнѣ, гдѣ каждый козакъ и чуть не каждый мужикъ курилъ себѣ водку, было меньше, чѣмъ теперь, и что потребленіе въ ней водки имѣло европейскій характеръ, т. е. народъ выпивалъ водки больше, чѣмъ теперь, а пьянствовалъ меньше. По крайней мѣрѣ еще въ концѣ прошлаго вѣка въ „Лѣтописномъ повѣствованіи о Малой Россіи“ инженеръ-генералъ-майора А. Ригельмана, „великорушеннаго нѣмца и человѣка весьма нерасположеннаго къ малороссійскимъ волностямъ и сепаратизмамъ, читаемъ въ главѣ, заключающей „описаніе пребывающихъ малороссійскихъ народовъ жительства, обычаевъ и обрядовъ“, слѣдующее: „для обхожденія они въ многомъ подобны европейцамъ. Они горячаго напитка хотя и пьютъ довольно, но со временемъ и для случая, и потому у нихъ пьяницъ мало. Со всѣмъ тѣмъ трудолюбивы, домостроители и хорошіе хозяева“ (т. IV, 87). Въ соотвѣтствіе этимъ словамъ, у того же Ригельмана находимъ указанія на зачатки вкуса въ украинскомъ населеніи къ эстетическимъ и умственнымъ интересамъ: „Сей народъ веселаго нрава, любитъ музыку и прочія веселости. Они почти всѣ плясать по польски, а паче по своему черкаскому умѣютъ. Изъ нихъ весьма много музыкантовъ хорошихъ бываетъ. Игра ихъ болѣе на скрыпкахъ, на скрыпичномъ басѣ, на цымбалахъ, на гуслях, на бандурѣ и на лютнѣ, при томъ и на трубахъ. А сельскіе по деревнямъ также на скрыпкахъ, на кобзѣ и на дудкахъ. Они всѣ пѣвцы хорошіе и весьма склонны къ разнымъ наукамъ, даже что многіе и до высокихъ школъ доходятъ.[1] Изъ нихъ нерѣдко изрядные проповѣдники и духовныя особы бываютъ.“ Пьянство же, замѣтимъ, при сколько-нибудь нормальныхъ общественныхъ условіяхъ, не располагающихъ людей „пить съ горя“, обратно пропорціонально развитію эстетическихъ и умственныхъ интересовъ, усложняющихъ жизнь и ослабляющихъ грубость инстинктовъ. Это подтверждается между прочимъ отодвиженіемъ границы грубаго

[1] Замѣтимъ, что школы въ старой Украйнѣ были общественныя и всесословныя По Шафонскому, бѣдняки часто изъ всѣхъ силъ старались добиться высшаго образованія.

опьяненія въ Европѣ вмѣстѣ съ ростомъ цивилизаціи съ юго-запада на сѣверо-востокъ, такъ что, напримѣръ, итальянцы XIV—XV в. (Петрарка, Пикколомини и др.) съ такимъ же ужасомъ говорятъ о пьянствѣ нѣмцевъ, съ какимъ нѣмцы XVII в. о пьянствѣ въ Московіи, при чемъ и картины рисуютъ почти однѣ и тѣ же.

Въ числѣ предметовъ, которые могутъ заинтересовать людей столько же съ эстетической, сколько и съ умственной стороны, до интереса почти научнаго, первое мѣсто занимаетъ, конечно, театръ. Это и есть то учрежденіе, которое должно убить кабакъ. И вотъ именно театръ и при томъ общедоступный, народный и началъ было видимо развиваться на Украйнѣ въ XVII—XVIII в., конечно, въ болѣе сложномъ видѣ въ большихъ городахъ, но болѣе простой проникалъ во всѣ сельскіе и даже хуторскіе закоулки. Театръ этотъ былъ связанъ съ церковью и школою, смягчая ихъ сухой, аскетическій и схоластическій характеръ, но въ то же время и съ другими болѣе матеріальными проявленіями жизни, такъ что театральныя представленія, представляя въ началѣ событія церковной исторіи (Рождество, Воскресеніе Христово), дальше стали изображать событія родной исторіи (Владиміръ, Богданъ Хмельницкій) и мѣстные типы (польскій шляхтичъ, запорожецъ, литвинъ, бѣлоруссъ, жидъ, цыганъ). Гдѣ не было мѣсто для большаго представленія съ живыми лицами, тамъ пускался въ ходъ кукольный театръ (вертепъ), или, наконецъ, драма сокращалася въ діалогъ и виршу. У насъ нѣтъ мѣста здѣсь характеризовать содержаніе драмъ, комедій, интермедій и виршъ старинной Украйны, чрезвычайно разнообразныхъ, отъ строго клерикальныхъ до относящихся съ юморомъ къ святымъ и самому библейскому богу, отъ чинопоклонныхъ до вполнѣ республиканскихъ. Мы позволимъ себѣ привести здѣсь только нѣсколько свидѣтельствъ въ пользу мысли объ общенародности драматическихъ развлеченій и діалогическихъ поученій въ старинной Украйнѣ и притомъ свидѣтельствъ изъ сочиненія, котораго нельзя заподозрить въ украинофильскихъ пристрастіяхъ.

Такъ, въ „Описаніи Кіево-Софійскаго собора и Кіевской епархіи“ митроп. Евгенія, изд. 1825 г., читаемъ во II части: „Во время праздника Рождества Христова отборные студенты (Кіево-Могилянской академіи) и ученики ходили по домамъ со звѣздами, съ вертепомъ или райкомъ, представлявшимъ куклами Рождество или Воскресеніе Христово, но послѣ сіи представленія предоставлены цеховымъ мастерамъ, а вмѣсто того представлены діалоги, драмы. Въ вакаціи лѣтнія, составивъ изъ себя артели, уходили по разнымъ губерніямъ и слободскимъ полкамъ ... пѣвали по домамъ разные канты... представляли діалоги, комедіи, трагедіи и пр.... Пѣвческая и инструментальная музыка на разныхъ, а паче духовныхъ инструментахъ, по общей склонности къ оной малороссійскаго народа, была любимымъ упражненіемъ академистовъ.... Въ три майскія рекреаціи всѣ ученики и учителя и сторонніе любители наукъ выходили для забавъ на гору Скавыку между овраговъ, при урочищѣ, называемомъ Глубочица. Тамъ всѣ забавлялись разными невинными играми, а студенты

пѣли канты. Учитель поэзіи для такихъ прогулокъ ежегодно обязанъ былъ сочинять комедіи или трагедіи, а прочіе учителя діалоги.... Въ философіяхъ и богословіи вмѣсто экзаменовъ были годовые публичные диспуты... въ промежуткахъ пѣты бывали концерты и канты съ инструментальною музыкою. Въ давнія времена всѣ диспуты производились только на латинскомъ языкѣ. Но въ послѣднія для разумѣнія и простому, въ множествѣ стекавшемуся народу нѣкоторыя положенія оспариваемы были и на русскомъ (мѣстномъ) языкѣ. Въ промежуткахъ также ученики низшихъ классовъ говаривали разные діалоги и читали стихи. Въ прежнія времена не только академическіе учители, но и сторонніе, и ученые иновѣрцы допускаемы были предлагать на разрѣшеніе свои возраженія и часто диспуты происходили жаркіе по нѣскольку часовъ" (стр. 215, 216, 218, 223, 224). То, что дѣлалось въ большихъ размѣрахъ въ Кіевѣ, въ меньшихъ происходило повсюду, гдѣ были школы, а школъ тогда было втрое больше на Украйнѣ, чѣмъ теперь. Въ самое послѣднее время этнографамъ еще удалось записать въ сельскихъ захолустьяхъ и иногда отъ неграмотныхъ людей драматическія вирши замѣчательнаго культурно-историческаго значенія и иногда довольно высокаго литературнаго достоинства. Это обломки начавшаго было возводиться фундамента, столько же народнаго, сколько и культурнаго зданія, на манеръ тѣхъ, которыя воздвигнулись въ западной Европѣ. Но этотъ фундаментъ былъ разрушенъ государственною централизаціею, системой опеки, обрусеніемъ, сословностью и закрѣпощеніемъ народныхъ массъ именно въ XVIII в., т. е. тогда, когда западная Европа сдѣлала такой огромный шагъ впередъ. Что касается, напримѣръ, кіевской академіи, то въ ней всѣ вышеупомянутые обычаи, равно какъ и всесословность, были уничтожены въ правленіе митрополіей Самуила Миславскаго (1783—1795), введшаго впервые здѣсь „россійское краснорѣчіе". Низшія школы на Украйнѣ были почти повсемѣстно закрыты, особенно со времени учрежденія министерства народнаго просвѣщенія въ XIX в., а съ тѣмъ вмѣстѣ подорвана и народная литература, какъ и зачатки театра. Вертепная рождественская драма съ комическими интермедіями держалась нѣкоторое время, но уже не развиваясь, а заглушаясь подъ прямыми ударами полиціи. Послѣднее указаніе на такой ударъ мы встрѣчаемъ въ книгѣ В. Шульгина: „Юго-западный край въ послѣднее двадцатипятилѣтіе" (1838—1863), гдѣ разсказано, какъ паны жаловались кіевскому генералъ-губернатору на то, что въ святочныхъ балаганахъ представляютъ сцены изъ гайдамацкихъ временъ. Это, вѣроятно, обычная въ старой вертепной драмѣ сцена запорожца съ шляхтичемъ. Въ крѣпостной, а потомъ въ будто-бъ то освобожденной въ 1861 году Украйнѣ, вмѣсто театровъ и кантовъ, которые бывало пѣли для развленія ночующихъ въ базарные дни на площади подольскаго рынка въ Кіевѣ семинаристы, народу для развлеченія предоставленъ былъ только всероссійскій кабакъ.[1]

[1] Мы могли бы представить въ такомъ же родѣ и линію упадка на Украйнѣ живописи, весьма развитой въ XVII в., по указаніямъ иностранныхъ путешественниковъ

То, что мы видѣли сейчасъ на Украйнѣ, съ своеобразными варьяціями, можно усмотрѣть и въ Великороссіи. Здѣсь въ свое время источникомъ народной культуры и въ частности мѣстомъ, гдѣ сталъ развиваться театръ, былъ Новгородъ. Отсюда наивные зачатки театральныхъ представленій стали расходиться по сѣверу Россіи и проникать вмѣстѣ съ новгородской колонизаціей даже въ Сибирь. Этимъ объясняется то, на первый разъ странное обстоятельство, что и теперь сравнительно большое количество зачатковъ народнаго театра въ Великороссіи усматривается въ самыхъ сѣверныхъ ея полосахъ. (См. объ этомъ, напримѣръ, въ книгѣ пр. Веселовскаго: „Старинный театръ въ Европѣ", 327, 299, 403, 404, 398 и др.) На этихъ новгородскихъ зачаткахъ начали было успѣшно прививаться болѣе развитыя формы театра, заходившія въ Великороссію въ XVII—XVIII в. изъ Бѣлоруссіи и изъ Украйны. Интересно, что театру, равно какъ и другимъ формамъ искусства, здѣсь покровительствовали духовные изъ западно-русскихъ областей, особенно изъ Украйны, начиная съ Данила Тупталенка (Димитрія Ростовскаго). Мы полагаемъ дѣятельность послѣдняго по этой части болѣе или менѣе извѣстною, а потому напомнимъ о другихъ лицахъ, какъ, напримѣръ, вятскій архіерей изъ профессоровъ кіевской академіи, Горка, который, по словамъ мѣстнаго хрониста, „къ искорененію прежняго суевѣрія, грубости, омерзенія къ наукамъ и вкоренію истиннаго благочестія, вѣжливости и просвѣщенія такое прилагалъ стараніе, что самоперсонально ежедневно почти посѣщалъ училище, обнадеживалъ учениковъ, учреждалъ для нихъ въ облегченіе скуки разныя забавы, выгоды и преимущества, выписалъ библіотеку". (Истор. Вѣст. 1881, май, 59). Введеніе въ Тобольскѣ школьныхъ театральныхъ представленій приписывается митрополиту Филофею Лещинскому (1702—1727). Въ рукоп. сибирск. лѣтописи найдено было такое свидѣтельство: (Филофей) „былъ охотникъ до театральныхъ представленій; славныя и богатыя комедіи дѣлалъ, и когда должно на комедію зрителямъ собираться, тогда онъ, владыка, въ соборный колоколъ на сборъ благовѣстъ производилъ, а театры были между соборною и Сергіевскою церквами къ взвозу". При преемникѣ его, тоже кіевскомъ воспитанникѣ, ученики получили позволеніе давать представленія и по домамъ. Въ половинѣ XVIII в. ученики давали и не-религіозныя пьесы, въ родѣ Максимиліана, Ѳомки, Калифа на часъ. Любовь къ театральнымъ представленіямъ перешла отъ учениковъ и въ другіе слои тобольскаго общества, къ мѣщанамъ, солдатамъ, разночинцамъ. Объ иркутскомъ вертепѣ пишетъ Н. Щукинъ: „Судя по стихамъ на испорченномъ малорусскомъ языкѣ, ясно, что онъ родомъ изъ Малороссіи.... Я помню его въ концѣ прошлаго столѣтія. Первые иркутскіе архіереи были малороссіяне. Съ ними пріѣхали пѣвчіе, служители и, вѣроятно, они первые занесли въ Иркутскъ вертепъ. Наслѣдниками ихъ были семинаристы, а отъ нихъ вертепъ перешелъ и въ народъ. Иногда бывали и постоянные вертепы. Какой-нибудь мѣщанинъ, нанимая въ большомъ домѣ среди города квартиру, сооружалъ вертепъ, набиралъ пѣвчихъ и пускалъ

зрителей по пяти и по десяти копѣекъ за входъ. Иногда послѣ вертепа разыгривалась комедія, сколько могу припомнить, изъ малороссійскаго или польскаго быта." (Ждановъ. Къ литерат. истор. р. был. поэзіи, гл. IV, 29—31.)

Такое отношеніе къ театру и искусствамъ западно-русскихъ духовныхъ находится въ полномъ противорѣчіи съ отношеніемъ къ нему духовныхъ московскихъ, которые сражались съ музыкальными инструментами и даже съ живописью, отступавшею отъ мертвеннаго иконнаго стиля (Никонъ), и которые терпѣли въ Москвѣ только самый, такъ сказать, постный видъ духовныхъ пьесъ, занесенныхъ сюда изъ Кіева и Бѣлоруссіи. Извѣстно, что отъ Петра Великаго до Елисаветы почти повсюду въ Великороссіи сидѣли западные архіереи, и этимъ объясняются сейчасъ разсказанные примѣры вятскіе и сибирскіе, а также и то, что въ Духовномъ регламентѣ, редижированномъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, который самъ въ Кіевѣ сочинялъ драмы съ интермедіями, совѣтуется семинаріямъ исполненіе „комедій и акцій". Но съ Елисаветы въ іерархіи начинаетъ получать опять вліяніе московскій элементъ, и недавно историкъ театра въ Харьковѣ разсказывалъ, что и въ „XIX в. великорусскіе архіереи запрещали святить зданіе театра. Въ 1864 г. одинъ ректоръ семинаріи не позволилъ хоронить (на своемъ) кладбищѣ актрису. Нѣсколько лѣтъ назадъ духовенство не хотѣло хоронить актрису на общемъ кладбищѣ." (Южный Край 1881, № 225.)

Конечно, въ XVIII в., вслѣдъ за Петербургомъ, по большимъ городамъ Россіи создались казенные театры, въ которые, напримѣръ, императрица Елисавета обязывала ходить извѣстную часть публики, посылая верхового за отсутствующими. Новое искусство было насаждено въ Россіи на казенный счетъ. Но, во-первыхъ, не надо забывать, что, и первый новый казенный русскій театръ въ Петербургѣ обязанъ много преданіямъ стараго общественнаго театра, протискивавшимся изъ болѣе свободной Украйны: и Волковъ, и Дмитревскій привязываются къ театру Тупталенка въ Ростовѣ. А во-вторыхъ, новое казенное искусство осталось почти исключительнымъ достояніемъ высшихъ классовъ и при томъ носитъ на себѣ и до сихъ поръ слѣды казенныхъ тисковъ, въ которыхъ оно не можетъ развиваться. Общественное искусство, особенно близкое къ простонародью, съ половины XVIII в. во всей Россіи атрофируется, вмѣсто того, чтобъ расти, питаясь сверху и само питая верхи. Атрофировалось же оно, исключительно благодаря церковной и свѣтской полицейской опекѣ и стѣсненіямъ.

Не говоря уже объ Украйнѣ, которую петербургское правительство съ конца XVIII в. лишило національной школы, и гдѣ народный театръ совершенно не существуетъ, даже въ Великороссіи то подобіе его, которое представляетъ теперешняя балаганная комедія, далеко ниже того украинскаго вертепа, который проникъ туда въ XVIII в. и который, при естественномъ ходѣ вещей, долженъ былъ бы принять въ себя мѣстное содержаніе и развиться въ болѣе совершенныя формы, какъ это было во всей Европѣ. Та же мѣщанина изъ стараго вертепа съ оголос-

ками господскаго театра, которая играется иногда солдатами, въ родѣ комедіи о „непокорномъ сынѣ Адольфѣ“, представляетъ изъ себя урода, какъ вся солдатская цивилизація, лишенная идей высшихъ классовъ и простонароднаго содержанія. Всѣ же попытки не только развить старые зачатки народнаго театра, но и сохранить ихъ съ сколько-нибудь идейнымъ характеромъ, были несовмѣстимы съ политическими и соціальными условіями Россійской Имперіи.

Мы видѣли, какъ полиція запрещала украинскую вертепную комедію. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ пѣсня Запорожца въ этой комедіи:

Да не буде лучче, да не буде крашче,
Jак у нас на Вкраїні, —
Шчо не маје жида, не ма пана,
Не буде ј до віку!

не насмѣшка надъ Украйною XIX ст.? Развѣ замѣчаніе Москаля (солдата): „хотя я отечеству суть защита, да спина въ мене избита“ — не протестъ противъ начальства? Совершенно послѣдовательно начальство должно было не потерпѣть ни подобныхъ оригиналовъ, ни великорусскихъ ихъ подражаній, напр., въ Торопцѣ, псковской губерніи, въ которомъ запрещенъ былъ солдатскій театръ, „гдѣ камедь живую спущали, надъ господами смѣяться стали“ (Веселовскій, 407).

Наступило, наконецъ, время, когда среди господскихъ слоевъ населенія Россіи явились люди, почувствовавшіе обязанность подѣлиться съ простонародьемъ достояніемъ, накопленнымъ для нихъ новою культурою. Въ Украйнѣ эти люди вмѣстѣ съ тѣмъ почувствовали необходимость и возвратиться къ національности, при которой остались только мужицкія массы. Явились новыя, уже рефлективныя, попытки созданія народнаго театра. Но и онѣ встрѣтили сопротивленіе сознательное и рутинное въ полицейско-монашескихъ учрежденіяхъ и характерѣ русскаго государства. Изъ множества примѣровъ того, какъ и чѣмъ разбивались эти попытки, мы разскажемъ только два случая изъ нашей области. Въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ въ г. Полтавѣ существовалъ кружокъ, преимущественно изъ мѣстныхъ педагоговъ, между которыми губернаторъ насчиталъ семь „демагоговъ“, на которыхъ жаловался и учебному начальству, и жандармскому, и, наконецъ, самому царю. Вотъ эти то демагоги, основали между прочимъ женскую гимназію, воскресныя и субботнія школы, публичныя лекціи для народа.[1] Они же задумали основать и народный театръ. Для начала они выбрали нѣсколько украинскихъ пьесъ, а изъ русскихъ „Ревизора“ да и поставили ихъ на обыкновенной господской сценѣ, только мѣста

[1] Гораздо раньше петербургскаго (треповскаго) Соляного Городка. Кстати будетъ сказать, что нѣкоторые сюжеты ихъ этихъ лекцій получили потомъ литературную обработку въ брошюрахъ г. А. Иванова: „Разсказы о землѣ и небѣ“, „Разсказы о земныхъ силахъ“ и др., а также и то, что послѣдняя изъ этихъ брошюръ, „Разсказы о царствѣ Бовы королевича“, потому что она возбуждаетъ мысль о соціальныхъ вопросахъ, хотя и рѣшаетъ ихъ весьма консервативно.

за входъ назначили: кресло 1 ряда 30 коп., и т. д., галлерея 3 коп. Говоръ пошелъ по городу и среди простаго народа, но губернаторъ уничтожилъ всѣ затѣи „демагоговъ“, возстановивъ только на афишѣ, которая обязательно ему представлялась, господкія цѣны: кресла 1 ряда — 3 рубля и т. д. Въ 1862 г., во время реакціоннаго взрыва послѣ петербургскихъ пожаровъ полтавскіе демагоги были разосланы въ мѣста, не столь отдаленныя.[1] Другой случай мы недавно читали въ одной южной газетѣ: молодые учащіеся люди, на рождественскихъ вакаціяхъ, вздумали устроить спектакль въ селѣ. Предусмотрительно они выбрали только великорусскія пьесы и даже склонили къ присутствію мѣстнаго урядника и другого полицейскаго чина. Но послѣ спектакля чины сами переполошились и возбудили дѣло о непозволенной типографіи у молодыхъ людей, чему поводомъ послужило оттискиванье афишъ прессомъ или гектографомъ! Чѣмъ кончилось дѣло, мы еще не читали.

Между тѣмъ, по многимъ извѣстіямъ, „народъ“ очень охотно встрѣчаетъ попытки доступнаго ему театра и при первой возможности (т. е. при нѣкоторомъ невниманіи начальства) старается внести въ него реальное жизненное содержаніе. Въ сосѣдней съ Россіей Галиціи масса народа находится не въ лучшемъ, чѣмъ въ Россіи, соціально-экономическомъ положеніи. Украинское населеніе и здѣсь подчинено чуженародной интеллигенціи, которая сознательно препятствуетъ его развитію. Измѣнниковъ господскимъ интересамъ среди этой интеллигенціи почти нѣтъ, не то, что въ Россіи, гдѣ ихъ таки достаточно и гдѣ между ними есть люди и со средствами, и съ порядочнымъ образованіемъ, и талантами. И всетаки въ Галиціи, единственно благодаря нѣкоторой политической свободѣ, признаваемой австрійской конституціей, хоть и уменьшаемой для украинскаго народа чуженародными властями, борьба съ пьянствомъ вызвала основаніе народныхъ обществъ трезвости, чителенъ, наконецъ, попытки театра, который устраиваютъ по селамъ сами крестьяне. Несомнѣнно, что со временемъ эти попытки разовьются дальше и доставятъ народу здоровое и разумное поученіе и развлеченіе. И въ Россіи вмѣсто всякихъ полицейскихъ заботъ о „типахъ кабаковъ“, каковыя заботы повлекутъ только новыя утѣсненія отъ урядниковъ, и для сферы явленій, которыя затронуты однимъ изъ „свѣдущихъ людей“, желательно было бы только одно: свобода съ ея развѣтвленіями для жизни гражданской и культурной. Оставьте въ покоѣ населеніе, не тѣсните его и не благодѣтельствуйте, а оно само выработаетъ себѣ условія и формы человѣческой жизни!

[1] Среди сосланныхъ „демагоговъ“ были извѣстный соціологъ А. И. Стронинъ, питавшій также украинскія симпатіи, а изъ украинскихъ патріотовъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ Щелканъ, Лобода и украинскій писатель А. Я. Конисскій. Ср. М. Драгомановъ, „Два учетелі (К. І. Полевич і О. І. Стронін) Спомини“. „Народъ“, 1894 №№ 11—15, и отд. брош. Львів 1902. Прим. ред.

Литературно-политическія замѣтки.

I.

Новыя русскія статьи по польскому вопросу.

(Первоначально напечатано въ журналѣ „Вольное Слово“ №№ 21 и 22, 1882 г.)

Русская журналистика помѣщаетъ въ послѣднее время довольно часто статьи по польскому вопросу и при томъ статьи, которыхъ цѣль обыкновенно опредѣляется словами: „о примиреніи съ поляками“. Помѣщеніе этихъ статей, смыслъ которыхъ, по нашему мнѣнію, лучше бы выражать словами: „о признаніи со стороны русскаго государства національно-политическихъ правъ польскаго народа“, есть вещь во всякомъ случаѣ утѣшительная. Жаль только, что отсутствіе свободы печати въ Россіи препятствуетъ авторамъ этихъ статей договариваться до конца, а вмѣстѣ съ тѣмъ препятствуетъ иногда возражать на нѣкоторыя положенія „миротворцевъ“, которые рѣшаютъ вопросъ польскій столько же въ одностороннемъ направленіи, сколько и ихъ противники. Эту неполноту обсужденія польскаго вопроса должна исправить печать заграничная, и потому мы, хотя очень бы желали перейти къ обсужденію другихъ очередныхъ вопросовъ, должны остановиться на новѣйшихъ русскихъ статьяхъ, посвященныхъ польскимъ дѣламъ, тѣмъ болѣе, что на этотъ разъ передъ нами статьи, помѣщенныя въ двухъ изъ наиболѣе уважаемыхъ публикою журналахъ: въ московской „Русской Мысли“ и въ петербургскомъ „Вѣстникѣ Европы“, и при томъ статьи, которыя не прошли незамѣтными и въ русской, и въ польской журналистикѣ.

Статья въ „Русской Мысли“ (за 1881 г., ноябрь) озаглавлена: „Открытое письмо по польскому вопросу“ и подписана буквами Н. С. Письмо это по всѣмъ мыслямъ примыкаетъ къ статьямъ, напечатаннымъ въ 1881 же году въ „Вѣстникѣ Европы“, — „Австрія, Германія и Славяне“, которыя обратили на себя вниманіе польской печати и, если не ошибаемся, вышли въ польскомъ переводѣ. Статьи эти подписаны тѣми же буквами и, по всей вѣроятности, принадлежатъ тому же лицу, что и „Открытое письмо“. Намъ было бы пріятно привѣтствовать новаго писателя, спеціально занявшагося славянскими дѣлами и работающаго въ направленіи, весьма мало еще имѣющемъ себѣ послѣдователей въ средѣ русскихъ славянофильствующихъ публицистовъ. Направленіе это въ общемъ болѣе или менѣе федеральное.

Въ частности „Открытое письмо“ рекомендуетъ основать русскую политику по отношенію къ полякамъ на принципѣ: „вольный съ вольнымъ, равный съ равнымъ“ и предлагаетъ, — какъ и редакторъ „Русск. Мысли“, — начать ее съ основанія польскаго университета въ Варшавѣ, поставивъ въ то же время рядомъ съ нимъ русскій университетъ въ Вильнѣ.

О послѣднемъ и о тѣхъ мысляхъ, какими г. Н. С. сопровождаетъ свое предложеніе, мы скажемъ далѣе, а первому, какъ и вообще основнымъ намѣреніямъ автора, не можемъ не выразить сочувствія. Но мы съ сожалѣніемъ видимъ, что „Письмо“ г. Н. С. заключаетъ въ себѣ столько неточностей, которыя, будучи подхвачены противниками его симпатичной идеи, могутъ повредить ея распространенію въ публикѣ. Мы должны указать автору на эти неточности, довольно впрочемъ, обычныя въ разсужденіяхъ русской печати объ „окраинахъ Россіи“, — указать въ надеждѣ, что на будущее время намъ не придется встрѣчать ни ихъ, ни подобныхъ имъ въ статьяхъ того же направленія по тому же вопросу.

Прежде всего намъ кажется, что авторъ не съ должной опредѣленностью употребляетъ терминъ „Западный край“ (каковой край авторъ справедливо не желаетъ признавать за Польшу). Авторъ, кажется, смѣшиваетъ это общее выраженіе съ частнымъ — „Сѣверозападный край“ (Ковенская, Виленская, Гродненская, Минская, Могилевская, Витебская губ.), такъ какъ въ „Западный край“ входитъ и такъ называемый Юго-Западный (Кіевская, Подольская, Волынская губ.). Отъ этого смѣшенія происходятъ у него неточности въ опредѣленіи этнографическаго состава населенія Западнаго края (стр. 8 и 15).

Совѣтуя дать предполагаемому Виленскому университету, какъ можно болѣе свободы, г. Н. С. говоритъ: „Что дѣло это будетъ полезное и дѣйствительно могущественнымъ образомъ двинетъ впередъ русскую культуру въ Западномъ краѣ, тому порукой блестящая дѣятельность Кіевскаго университета за то время, когда въ него еще не проникала бюрократія съ неизмѣнно сопровождающимъ ее духомъ формализма и насилія. Покуда Кіевскій университетъ оставался относительно свободнымъ, онъ далъ такихъ дѣятелей, какъ Костомаровъ, какъ Кулишъ, основавшіе журналъ „Основу“, какъ Антоновичъ и Гогоцкій, издававшіе „Кіевскій Телеграфъ“, и другіе. Эти дѣятели и ихъ органы, вмѣстѣ съ создавшимъ всѣхъ ихъ университетомъ, съ такимъ замѣчательнымъ успѣхомъ вели борьбу съ полонизмомъ на югѣ, съ какимъ она никогда не велась ни прежде, ни послѣ того. Тогда было время иное, и дѣятельность Кіевскаго университета вынуждена была прекратиться, не успѣвъ принести всѣхъ тѣхъ плодовъ, которыхъ край имѣлъ право ожидать отъ нея. Университетъ и его дѣятельность были заподозрѣны въ революціонныхъ и еще какихъ-то сепаратистскихъ стремленіяхъ, вслѣдствіе чего свободныхъ профессоровъ замѣнили ученые чиновниками, а независимыя газеты — издаваемымъ на казенныя деньги органомъ шаблоннаго характера, по образцу „охранительныхъ“ газетъ. Бюрократія принялась хозяйничать на

всей своей волюшкѣ и, по обыкновенію, убила въ конецъ отлично поставленное дѣло, и не только убила, но отчасти создала то самое, дотолѣ воображаемое зло, котораго до ея появленія не было и въ поминѣ и противъ котораго она призвана была бороться." Тутъ цѣлый рядъ неточностей: Костомаровъ — воспитанникъ Харьковскаго университета, а не Кіевскаго; Кулишъ не былъ студентомъ ни въ какомъ университетѣ; Антоновичъ никогда не издавалъ „Кіевскаго Телеграфа" и даже не написалъ въ немъ ни строчки; издавался „К. Т." въ 1875 г., — когда онъ пріобрѣлъ значеніе газеты съ демократически-украинскимъ федеральнымъ направленіемъ, — г-жею Гогоцкою (съ которою, впрочемъ, послѣ полугодовой работы разошлись сотрудники того направленія, которое разумѣетъ г. Н. С.). Профессоръ же Гогоцкій писалъ явные и тайные доносы на этотъ „Кіевскій Телеграфъ" и его сотрудниковъ. Затѣмъ, никогда Кіевскій университетъ не былъ свободнымъ (о такомъ чудѣ, было, помечтали украинскіе козаки въ XVII ст., но Россійская имперія такого чуда не видѣла); а профессора Кіевскаго университета всегда оставались въ громадномъ большинствѣ чиновниками, на выборъ и мнѣнія которыхъ администрація всегда имѣла огромное вліяніе. Интересно, что даже въ началѣ 1860-хъ годовъ, — когда университетамъ вообще, а кіевскому въ особенности (благодаря Н. И. Пирогову и остаткамъ его вліянія и послѣ его отставки) правительство отпустило поводья, — совѣтъ Кіевскаго университета (въ значительной степени состоявшій изъ нѣмцевъ и великоруссовъ) въ „Замѣткахъ на проектъ устава среднихъ и низшихъ заведеній" предложилъ замѣнить слова „отечественный языкъ" словами: „русскій языкъ", чтобъ не было сомнѣнія въ томъ, что народное образованіе должно во всей имперіи производиться на языкѣ „государственномъ"; такое заявленіе профессоровъ Кіевскаго университета сдѣлано было въ противность мнѣніямъ большинства совѣтовъ учителей гимназій Кіевскаго округа, — конечно, бывшихъ студентовъ Кіевскаго университета, людей мѣстныхъ, которые и высказались въ пользу мѣстныхъ народныхъ языковъ. Не „университетъ и его дѣятельность заподозрѣны были" въ разныхъ „стремленіяхъ" и пр., а отдѣльныя лица изъ профессоровъ; такъ, въ 1847 г. былъ арестованъ Костомаровъ, который былъ не допущенъ къ занятію каѳедры въ Кіевѣ въ 1863-мъ году, когда тому воспротивился ген.-губ. Анненковъ, причемъ на сторонѣ ген.-губернатора оказался и ректоръ университета Иванишевъ и добрая доля самого филологическаго факультета. Въ 1870-е годы, послѣ десятка лѣтъ вакансій въ Кіевѣ каѳедры русской исторіи, опять возникла мысль о приглашеніи на нее Костомарова, но опять была заглушена, не только благодаря гр. Толстому, но и многимъ профессорамъ университета. Въ 1876 г. былъ удаленъ одинъ профессоръ Кіевскаго университета, по представленію гр. Толстого императору, всѣдствіе чего вышелъ въ отставку другой профессоръ. Вотъ и вся „замѣна свободныхъ профессоровъ учеными чиновниками". Что до газетъ, — то субсидированная газета „Кіевлянинъ" существуетъ съ 1864 г., а „Кіевскій Телеграфъ", запрещенный въ

1876 г. за его украйнофильскіе грѣхи въ 1875, покушался быть независимымъ только въ 1875 г. Бюрократія никогда не переставала хозяйничать и въ университетѣ, и надъ печатью въ Кіевѣ, какъ и во всей Россіи.

Не совсѣмъ точны свѣдѣнія г. Н. С. и о противообрусительной публицистикѣ, появленіе которой авторъ считаетъ только отъ времени сербской войны. Собственно противообрусительные голоса никогда не прерывались въ русской печати и при всякомъ случаѣ прорывались и въ 60-е годы, напр. въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ редакціи г. Корша (каково то это вспоминать теперешнимъ публицистамъ „Новаго Времени“?). Рѣшительнѣе же эти голоса стали раздаваться со времени паденія Наполеона III и торжества воинствующаго германизма. Въ 1872 г. „Вѣстникъ Европы“ (II—V) далъ мѣсто нашимъ четырямъ статьямъ; „Восточная политика Германіи и обрусеніе“, построеннымъ на идеѣ, близкой къ той, которую проводятъ статьи г. Н. С. Въ то же время появилось нѣсколько статей на подобную же тему и въ московскомъ обозрѣніи „Бесѣда“, той же редакціи, что и теперешняя „Русская Мысль“. Со времени же паденія Наполеона начинаются и польскіе голоса въ „примирительномъ“ духѣ, изъ которыхъ самый разумный и свободомысленный — это голосъ автора брошюры „Głos z Korony“ (Kraków 1873). Послѣдняя война была слѣдующимъ этапомъ къ развитію „антиобрусительныхъ“ и „примирительныхъ“ идей, которыя, впрочемъ, не были никѣмъ изложены въ Россіи сколько-нибудь систематически по весьма понятной причинѣ; по отсутствію въ ней свободы печати, а особенно въ краяхъ, наиболѣе заинтересованныхъ въ рѣшеніи польскаго вопроса. Одна изъ газетъ одного изъ такихъ краевъ, а, именно, тотъ самый „Кіевскій Телеграфъ“, о которомъ упоминаетъ г. Н. С., передъ самымъ началомъ сербо-болгарскаго взрыва, который былъ предвидѣнъ этимъ органомъ „кіевскихъ украйнофиловъ“, — посвятила было нѣсколько статей пересмотру польскаго вопроса въ связи съ обще-славянскимъ, но должна была умолкнуть. Впрочемъ, поднятіе вопроса о правахъ поляковъ, въ виду толковъ объ освобожденіи сербовъ и болгаръ, было настолько естественно, что „Новое Время“, которое теперь является противникомъ уступокъ полякамъ, въ 1876 г. помѣщало статьи въ пользу „примиренія съ ними“, — а вообще со временъ общественнаго движенія въ пользу освобожденія славянъ вопросъ объ уступкахъ полякамъ сталъ въ рядъ обычныхъ вопросовъ въ русской журналистикѣ, которая посвятила ему не мало статей въ послѣдніе годы.

Впрочемъ, надо сказать, что большая часть этихъ статей имѣетъ цѣну главнымъ образомъ только какъ заявленіе благихъ намѣреній и мало подвигаетъ разработку реальныхъ подробностей вопроса. Причинъ этому, по нашему мнѣнію, уже въ сущности знакомому читателямъ „В. Слова“, двѣ: первая, постановка польскаго вопроса какъ то отдѣльно, безъ связи съ общимъ вопросомъ политической свободы въ Россіи, — вторая: постановка этого вопроса только между поляками и россійскою государственностью, съ забвеніемъ, что въ немъ существуетъ

и вопросъ между польскою государственностью съ аристократіею, носительницею традицій этой государственности, и непольскими народами западной Россіи. Если первая особенность русскихъ статей о польскомъ вопросѣ зависитъ въ значительной степени отъ цензуры, то вторая происходитъ отъ односторонняго національно-государственнаго воспитанія, столько же свойственнаго русскому обществу, какъ и польскому, — каждому по своему, конечно.

Эти недостатки видны и въ статьѣ г. Н. С.

Статья эта наиболѣе ясно говоритъ объ уступкахъ полякамъ въ дѣлѣ народнаго образованія, развивая особенно мысль о необходимости польскаго университета въ Варшавѣ. Но врядъ ли можно сомнѣваться, что даже и такой уступки поляки не получатъ раньше установленія общей политической свободы въ Россіи. А эта послѣдняя можетъ быть получена только при общемъ движеніи всѣхъ краевъ и народовъ Россіи. Друзья поляковъ и должны поэтому стремиться къ организаціи этого общаго движенія, — а для этого и должны выставить программу, которая дѣйствительно удовлетворяла бы интересы всѣхъ этихъ краевъ и народовъ. Къ сожалѣнію, мы должны сказать, что въ статьѣ г. Н. С. мы видимъ уклоненіе отъ принциповъ такой программы.

Соглашаясь съ тѣмъ, что говоритъ г. Н. С. о народномъ образованіи въ Варшавскомъ округѣ, мы не можемъ согласиться съ тѣмъ, что онъ говоритъ объ образованіи въ округѣ Виленскомъ. Въ послѣднемъ г. Н. С. признаетъ законною систему „обрусенія“ не только относительно бѣлоруссовъ, но и литовцевъ, исключая изъ этой системы малоруссовъ, которыхъ, впрочемъ, по его словамъ, въ этомъ округѣ мало (въ Гродненской и Минской губерніяхъ). Но хотя у бѣлоруссовъ сознаніе своей національности и литературное возрожденіе и не проявляютъ себя такъ, какъ у украинцевъ, однакожъ, они не перестаютъ быть народомъ всетаки отличнымъ отъ великоруссовъ, а потому по крайней мѣрѣ у нихъ элементарное народное образованіе не можетъ тамъ идти успѣшно иначе, какъ при употребленіи народнаго языка въ школахъ. Если судить по громадному распространенію украинскихъ пѣсенъ въ Бѣлоруссіи, то можно думать, что, при свободѣ общественной дѣятельности въ Россіи, украинская литература можетъ получить распространеніе въ Бѣлоруссіи, конечно, въ особыхъ изданіяхъ, припаровленныхъ правописаніемъ къ бѣлорусской фонетикѣ, — а въ западныхъ частяхъ Бѣлоруссіи, особенно въ Виленской губерніи, и въ изданіяхъ латинской азбукой. Что же касается литовцевъ, то осужденіе ихъ на обрусеніе по меньшей мѣрѣ преждевременно, и идея Гильфердинга, противъ которой возстаетъ г. Н. С., вовсе не такъ непрактична, какъ кажется г. Н. С., особенно будучи совершенно очищена отъ православной примѣси.[1] Во всякомъ случаѣ, литовцевъ въ Рос-

[1] Кстати, укажемъ еще одну неточность г. Н. С. Онъ говоритъ, что Гильфердингъ потому будто бы „настаивалъ на непремѣнномъ созданіи литовской культуры, что часть литовскаго племени живетъ, между прочимъ, въ бывшей Августовской, а по нынѣшнему Сувалкской и части Ломжинской губерніяхъ, т. е. въ коренныхъ польскихъ земляхъ, что, вѣроятно, возбуждало въ немъ надежду и тамъ, въ сердцѣ польщизны, преслѣдовать нелюбимую имъ національность“ (14)

сіи около 2 000 000, и языкъ ихъ ужъ, конечно, самостоятельный. Г. Н. С. напрасно считаетъ литовцевъ народомъ безжизненнымъ и податливымъ, на томъ, между прочимъ, основаніи, что будто во время Гедиминовичей они усвоили сначала малорусскій (скорѣе бѣлорусскій) языкъ, а потомъ польскій.

Во-первыхъ, усвоивалъ чужіе языки вовсе не народъ, а аристократія и администрація, которая собственно очень мало и заключала въ себѣ литовскихъ элементовъ. Дворъ Гедиминовичей тѣмъ скорѣе могъ обезлитовиться, что онъ съ самаго начала былъ, можетъ быть, больше русинскій, чѣмъ литовскій; такъ, однимъ изъ его гнѣздъ былъ Новгородокъ въ Черной Руси. Послѣ же Ягелла, дворъ этотъ, естественно сталъ больше интересоваться Польшей, чѣмъ Литвой, чему помогало и навязанное Литвѣ католическое духовенство, которое, какъ вездѣ, стало и тутъ вводить письменность латинскую и которому литовскій языкъ былъ противенъ, какъ орудіе язычества и языческой поэзіи, когда-то очень богатой въ Литвѣ. Въ краѣ же Прусскомъ литовскій языкъ былъ рѣшительно преслѣдуемъ рыцарями-монахами. Обратили же вниманіе на этотъ языкъ образованные люди только со временъ реформаціи, съ которой собственно и начинается дѣйствительное обращеніе литовцевъ въ христіанство, совпадающее повсюду въ сѣверной Европѣ съ началомъ письменности. Но и литовскую реформацію скоро заѣли іезуиты. Однакожъ, со временъ реформаціи начинается литовская литература, которая, не взирая на католическую реакцію, не прерывается и до сихъ поръ. Больше всего для нея дѣлается въ Прруссіи, и если новѣйшія попытки не имѣютъ тамъ большой практической силы, такъ только потому, что тамъ осталось только 150000 литвиновъ. Для такого количества людей въ Пруссіи по литовской литературѣ сдѣлано скорѣе много, чѣмъ мало. Практическое же значеніе получатъ ученыя и литературныя работы прусскихъ литвиновъ, только опершись на 2 000 000 литвиновъ россійскихъ. Эти послѣдніе не совсѣмъ бездѣйствовали въ XIX ст. Сначала имъ удалось пробить кору католической невнимательности къ литовскому языку и создать церковно-популярную литературу. Дальше появились и свѣтскіе писатели, которые пробовали заговорить и о самостоятельности отъ Польши. Но тутъ случилось событіе 1860—1863 г.; клерикализмъ увлекъ однихъ въ польскій лагерь; муравьевская московщина придушила всѣхъ. Русское правительство запретило печатать литовскія книги иначе, какъ кириловскою азбукою, которой никто изъ мужиковъ литовскихъ не знаетъ. Не мудрено, что

Начать съ того, что Гильфердингу, несмотря на то, что онъ нечуждъ былъ московскаго пемраченія, вовсе нельзя приписывать нелюбви къ полякамъ. Но, главное, непостижимо, почему г. Н. С. называетъ бывшую Августовскую губернію „сердцемъ польщизны“ и „коренными польскими землями“. Искони вѣковъ и теперь этотъ край заселенъ литвинами и даже во время существованія польскаго государства не входилъ въ составъ собственно Польши, а былъ частью В. К. Литовскаго. Административно соединенъ былъ этотъ край съ „коронными“ землями только по образованіи Наполеономъ Герцогства Варшавскаго, изъ котораго послѣ паденія Наполеона образовалось присоединенное къ Россіи Царство Польское, Конгрессувка. Право, удивительно, какъ мало распространены у русскихъ публицистовъ этнографическія и историческія знанія о Польшѣ и сосѣднихъ земляхъ

литовское литературное движеніе замерло. Но значитъ ли это, что литовскій народъ умеръ, или даже умираетъ?... Нѣтъ, онъ только живетъ въ самомъ себѣ. Церковь, даже католическая, признала, что ей безъ литовскаго языка обходиться нельзя, — и его изучаютъ духовные Жмудской епархіи. То же самое должна признать и школа свѣтская, и политическая пропаганда. Дайте Литвѣ свободу печати, свободу основанія литературныхъ обществъ, вродѣ хотя Тильзитскаго, признайте литовскій языкъ хоть въ первоначальныхъ школахъ, откройте въ Варшавѣ и въ Вильнѣ хоть по одной каѳедрѣ литовскаго языка, хоть по такой, какія есть въ нѣмецкихъ университетахъ, — да, подождавши хоть десять лѣтъ, и говорите тогда о томъ, способна ли къ жизни литовская народность, или нѣтъ. Теперь же всякіе отрицательные приговоры по меньшей мѣрѣ преждевременны. Говорить же, подобно г. Н. С., что „убиваться надъ пробужденіемъ, во что бы то ни стало литовской самобытности было бы тѣмъ болѣе безполезно," что „это въ сущности ни мало не соотвѣтствуетъ нашимъ (русскимъ) государственнымъ интересамъ," — значитъ, становиться на точку зрѣнія, которая доведетъ и до муравьевщины. Народы вообще существуютъ не для государствъ, а государства для народовъ, — народы же государствъ съ разными національностями не существуютъ для какихъ-то темныхъ государственныхъ интересовъ одного или двухъ народовъ, — а для самихъ себя, — и государство обязано удовлетворять интересы всѣхъ народовъ, а не только привилегированныхъ. Государственная національность есть такой же абсурдъ, какъ и государственная церковь; законъ долженъ быть такъ же безнаціоналенъ, какъ, говорятъ теперь, онъ долженъ быть безрелигіозенъ. Только на этомъ принципѣ можетъ быть разрѣшенъ и тотъ польскій вопросъ, который занимаетъ г. Н. С. Но это рѣшеніе не обидитъ и литовцевъ.

Работа г. Спасовича имѣетъ, конечно, болѣе вѣса, чѣмъ „Письмо" г. Н. С. Мы разумѣемъ сочиненіе г. Спасовича „Маркизъ А. Вѣлепольскій, его жизнь и политика въ польско-русскомъ конфликтѣ и вопросѣ", начатое еще въ ноябрѣ 1880 г. и окончен**ное** только декабрѣ 1881 г. въ „Вѣстникѣ Европы". Г. Спасовичъ занимаетъ въ литературѣ особое положеніе: онъ полякъ, но по своимъ работамъ принадлежитъ столько же русской, сколько и польской литературѣ, и имѣетъ полное право говорить, какъ это онъ сказалъ въ концѣ статей о М. Вѣленольскомъ.

„Я протестую противъ „Московскихъ Вѣдомостей", назвавшихъ мой трудъ служеніемъ одному польскому дѣлу. Въ такой же степени можно бы сказать, что я старался служить и русскому дѣлу; точка зрѣнія у меня была общая обѣимъ націямъ".

Въ петербургской журналистикѣ нашлись голоса, которые поставили и эти слова въ укоръ г. Спасовичу, толкуя ихъ такъ, что будто бы г. Спасовичъ служитъ „и нашимъ, и вашимъ", и въ то же время, называя его „валенродикомъ" и тутъ заявляя, что настоящіе поляки сами не уважаютъ двуликости г. Спасовича. Но всякій, способный возвыситься до общечеловѣческихъ идей, безъ которыхъ теперь нельзя браться за разрѣшеніе ни

одного политическаго вопроса, только пожелаетъ, чтобъ повсюду было побольше людей, способныхъ служить „и вашимъ, и нашимъ“ — конечно, не въ личныхъ цѣляхъ, — т. е., служить въ одно время двумъ и даже тремъ, десяти, если можно, народамъ, и еслибъ на Востокѣ Европы было побольше людей, которые бы могли быть такъ-же у себя дома въ двухъ, трехъ и болѣе литературахъ, и обществахъ, какъ дома г. Спасовичъ въ литературахъ польской и русской, то дѣла разныхъ народовъ только бы отъ того выиграли.

Съ своей стороны, если мы что имѣемъ замѣтить противъ Януса г. Спасовича, такъ не только то, что польская голова его гораздо больше, чѣмъ русская, или по крайней мѣрѣ чѣмъ не польская, сколько то, что польская голова его больше эмпиристическая, чѣмъ теоретическая и спекулятивная, отчего голова эта смотритъ не туда, куда бы нужно было.

По нашему мнѣнію, г. Спасовичъ не совсѣмъ имѣлъ право написать въ самомъ концѣ своей работы, что „точка зрѣнія у него была объективная и не исключительно-національная, а, на сколько онъ могъ, общечеловѣческая“. Точка зрѣнія у него была всетаки „исключительно-національная“, хотя, положимъ, и не исключительно польская, а польско-русская, но всетаки государственно-національная, такъ какъ онъ всетаки во всемъ обсуждаемомъ имъ „конфликтѣ“ и „вопросѣ“ не видитъ другихъ націй, кромѣ націй польской и русской, и другихъ политическихъ элементовъ, кромѣ государствъ, польскаго и русскаго. Г. Спасовичъ теперь соглашается на извѣстное подчиненіе государства польскаго — русскому, очевидно признавая за раціональную систему Вѣлепольскаго, отказавшагося отъ польскаго сепаратизма, и требовавшаго только автономіи Конгрессувки, но всетаки мало отклоняется отъ сущности идей старыхъ польскихъ патріотовъ. А это все вмѣстѣ взятое отнимаетъ у г. Спасовича лично возможность съиграть дѣйствительно новую роль въ „русско-польскомъ конфликтѣ“, роль, на которую онъ, по крайней мѣрѣ по таланту своему, имѣлъ бы право, и еще вѣрнѣе, отнимаетъ у программы, или у партій, которыхъ г. Спасовичъ можетъ считаться выразителемъ, большую долю прочности и надежды на успѣхъ, даже временный.

Для г. Спасовича въ „польско-русскомъ конфликтѣ“ не существуетъ націй негосударственныхъ. Онъ, правда, въ настоящей статьѣ не говоритъ о такъ называемыхъ западныхъ губерніяхъ, а только о Конгрессувкѣ, но эту послѣднюю, очевидно, считаетъ за нѣчто органическое, за специменъ польскаго государства и не признаетъ здѣсь никакихъ націй, кромѣ польской. Есть въ статьѣ г. Спасовича очень характерное мѣсто по этой части, которое мы и выпишемъ цѣликомъ:

„Я не буду опровергать совершенно непрактичную мысль Милютина объ искусственномъ насажденіи, средствами правительства, отдѣльныхъ училищъ для иноплеменныхъ стихій: нѣмецкихъ и еврейскихъ. Къ счастію, эта часть системы Милютина не была приведена въ исполненіе министерствомъ гр. Толстого и совершенно резонно. Есть пословица: „Travailler pour le roi

de Prusse", она шла бы здѣсь прямо къ дѣлу, она была бы повтореніемъ Стадіоновской политики въ Галичинѣ по отношенію къ русинамъ, политики, которая оказалась ошибочною съ точки зрѣнія цѣлости и безопасности Австро-Венгерской монархіи. По нашему мнѣнію, свобода преподаванія требуетъ разрѣшать всякой національности въ государствѣ заводить на свои средства свои національныя школы подъ контролемъ государства и съ включеніемъ въ преподаваніе государственнаго языка, какъ необходимаго предмета образованія, но воспитывать національныя разновидности на казенныя средства не можетъ лежать въ задачахъ политики какого бы то ни было правительства". (Вѣст. Европы, 1881, іюнь, 714—715).

Въ словахъ этихъ, въ которыхъ изъ-за историка выглядываетъ политикъ (теоретикъ и практикъ вмѣстѣ) бросается въ глаза вся странность и, позволимъ себѣ сказать, отсталость, понятія о государствѣ, какъ о чемъ то, по принципу, отдѣльномъ отъ населеній и даже высшемъ надъ ними. Что это такое за „средства правительства", „казенныя средства", на которыя-де „нельзя воспитывать національныя разновидности, иноплеменныя стихіи?" Что это наконецъ за „ино- и не ино-племенныя стихіи?" Казенныя деньги — есть деньги, получаемыя отъ всѣхъ стихій населенія извѣстной страны, а потому и должны употребляться для удовлетворенія нуждъ всѣхъ ихъ. Что это за „интересъ цѣлости и безопасности Австро-Венгерской монархіи", который долженъ быть поставленъ выше интересовъ населенія ея, напр., населенія русиновъ въ Галиціи?

Въ объясненіе соотвѣтственныхъ словъ г. Спасовича мы должны напомнить читателямъ, что гр. Стадіонъ былъ тотъ намѣстникъ Галиціи, который въ 1848 г. убѣдилъ вѣнское правительство не только уничтожить барщину въ этой провинціи, но и признать въ ней „русиновъ" за націю отдѣльную отъ поляковъ и признать за ними всѣ тѣ права въ образованіи и въ общественной жизни, какія признавались до тѣхъ поръ только за поляками. Въ свое время (да и теперь) польскіе централисты внушали австрійскому правительству, что это „изобрѣтеніе русиновъ" ведетъ прямо къ отпаденію Восточной Галиціи къ Россіи. Теперь то же самое повторяетъ г. Спасовичъ. Между тѣмъ, прежде всего, самое положеніе это не вѣрно: галичане въ массѣ не только не обнаруживали желанія отдѣлиться отъ Австріи, но даже привлекли къ себѣ нравственные интересы украинцевъ изъ Россіи, по крайней мѣрѣ литераторовъ, труды которыхъ печатаются въ Галиціи въ то время, когда этого нельзя дѣлать въ Россіи. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что еслибы панско-польская реакція не взяла верхъ въ Австріи, а еслибы вмѣсто того Стадіоновская политика была логически продолжаема въ Галиціи и, конечно, развиваема, сообразно росту условій времени, т. е., когда-бы во всей Галиціи былъ сколько-нибудь радикально разрѣшенъ аграрный вопросъ и когда-бы теперешняя искуственная административная комбинація, провинція „королевство Галиція-Владимиріа съ великимъ княжествомъ Краковскимъ", была раздѣлена на двѣ части: польскую (столица Кра-

ковъ) и русинскую (столица Львовъ) съ двумя сеймами, тогда не только цѣлость австрійскаго государственнаго союза потерпѣла бы еще меньше, чѣмъ теперь, когда всетаки въ Галиціи есть хоть единицы, которыя желаютъ присоединенія къ Россіи (есть, не со временъ гр. Стадіона, а со временъ полонизатора гр. Голуховскаго), но напротивъ того русинопольскія отношенія приняли бы нормальный характеръ и Краковъ оказывалъ бы притягательное вліяніе на чистую Польшу въ Россіи, а Львовъ гораздо сильнѣе притягивалъ бы и россійскую Украйну. Примѣръ Венеціи, которая рвалась отъ Австріи къ „конституціонному государству Виктора Эммануила", и Тессинскаго кантона, который и не думаетъ отдѣляться отъ Швейцаріи — самымъ наглядньмъ образомъ доказываетъ всю невѣрность мнѣнія г. Спасовича, будто признаніе правъ какого бы то ни было населенія непремѣнно опасно для цѣлости государства, не говоря уже о томъ, что хоть бы г. Спасовичъ и былъ правъ, такъ всетаки изъ того бы не слѣдовало, что интересы какого бы то ни было живого населенія можно бы было приносить въ жертву Молоху цѣлости государства.

Намъ очень странно, какъ г. Спасовичъ не замѣтилъ того, что, написавъ слова свои о политикѣ г. Стадіона, онъ прямо съигралъ въ карманъ своихъ противниковъ, обрусителей. Неужели г. Спасовичъ не помнитъ отвѣта кн. Черкасскаго, сказаннаго во время славянскаго съѣзда въ Москвѣ въ 1867 г., на предложеніе Ригера признать права польской національности въ Россіи: „пусть поляки начнутъ съ признанія правъ русиновъ въ Галиціи"? Неужели г. Спасовичъ не замѣчаетъ, что вся его теорія отношеній государства къ иноплеменникамъ есть ничто иное, какъ теорія г. Каткова? На основаніи той же теоріи, г. Катковъ отрицаетъ права поляковъ, какъ „иноплеменниковъ" въ государствѣ, которое онъ называетъ русскимъ, по крайней мѣрѣ по такому же праву, по какому праву г. Спасовичъ считаетъ Конгрессувку государствомъ польскимъ.

Впрочемъ, даже изъ выписанныхъ словъ видно, что г. Спасовичъ похваливаетъ катковскаго прикащика въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, г. Толстого за то, что тотъ не привелъ въ исполненіе составленнаго Н. Милютинымъ закона о народномъ образованіи въ Конгрессувкѣ. Похвала эта вдвойнѣ странна у г. Спасовича. Уже какъ юристъ, г. Спасовичъ не долженъ бы былъ хвалить гр. Толстого, который административнымъ порядкомъ отмѣнилъ силу закона, и при томъ закона, который, если не ошибаемся, былъ съ похвалою цитированъ и самимъ г. Спасовичемъ. Законъ этотъ содержитъ въ себѣ прекрасное заявленіе, что русское правительство „не позволитъ ни себѣ, ни кому другому дѣлать изъ школы орудіе политики". На основаніи этого принципа, законъ этотъ признаетъ польскій языкъ въ школахъ мѣстностей съ польскимъ населеніемъ. Правда, что онъ признаетъ тѣ же права и за языками другихъ населеній Конгрессувки: нѣмцевъ (и евреевъ нѣмецкаго языка), литовцевъ, русиновъ. Г. Спасовичъ говоритъ почему то только о нѣмцахъ и евреяхъ, но ясно, что ему не нравится весь принципъ равно-

правности языковъ всѣхъ населеній извѣстной государственной единицы, не нравится уравненіе правъ „національныхъ разновидностей“ съ поляками на столько, что онъ предпочитаетъ „обрусеніе“ гр. Толстого этому уравненію. Не потому ли, что эта система безсильна противъ поляковъ, а литвинамъ и украинцамъ не дала подняться на ноги.[1]

Мы готовы трижды извиниться передъ г. Спасовичемъ, если онъ скажетъ намъ, что мы произвольно расширили его мысль, хотя намъ кажется, что, взявъ во вниманіе его общую теорію о государствѣ и „національныхъ разновидностяхъ“ и отзывъ о системѣ гр. Стадіона, мы и имѣли право на такое расширеніе.

Является вопросъ: къ лицу ли полякамъ въ Россіи такая „государственная“ теорія и такіе отзывы? Не говоря уже о дѣйствительно „общечеловѣческой“ справедливости, не практичнѣе ли полякамъ въ Россіи стать на точку зрѣнія именно равноправности“ всѣхъ національныхъ разновидностей да и добиваться признанія правъ своей разновидности и автономіи ея, конечно, въ ея массовыхъ этнографическихъ границахъ, а не добиваться возстановленія совершенно искусственныхъ государственныхъ комбинацій, одною изъ которыхъ была комбинація м. Вѣлепольскаго? Г. Спасовичъ очень не доволенъ комбинаціей Н. Милютина и имѣетъ къ тому много вѣрныхъ основаній, хотя и желательно было бы, чтобъ къ аграрной сторонѣ этой комбинаціи онъ отнесся съ большимъ сочувствіемъ. Но вѣдь и комбинація м. Вѣлепольскаго тоже не годится въ цѣломъ своемъ видѣ для нашего времени. На нее не согласится не только русское правительство, но, гораздо болѣе и народы Россіи, освобождающіеся отъ этого правительства. Теперь надо выдумать нѣчто болѣе свѣжее: или отдѣленіе Польши, но только въ границахъ этнографическихъ, или участіе этнографической же Польши во всероссійской федераціи, съ сохраненіемъ правъ, но безъ всякихъ привилегій для польской національной разновидности. Въ томъ и другомъ случаѣ Конгрессувка м. Вѣлепольскаго врядъ ли избѣжитъ непріятнаго г. Спасовичу „расчлененія“.

Скажемъ въ заключеніе, что появленіе статьи г. Спасовича представляется намъ фактомъ пріятнымъ не только потому, что она содержитъ въ себѣ систематическое изложеніе событій, надъ

[1] Исключеніе изъ милютинскаго закона 1864 г. противъ украинцевъ началось еще до гр. Толстого и основано было легально на каламбурѣ. По закону, народное образованіе должно было быть на языкѣ населенія. Но населеніе украинское за Зан. Бугомъ, какъ и въ Галиціи, зоветъ себя русины, прилагат. руській; языкъ свой руськимъ, прекрасно отличая себя отъ „москалей“ и языкъ свой отъ „московскаго“ языка, который въ Россіи оффиціально зовутъ русскимъ. Вотъ почему, когда въ 1864 г. устроились въ Люблинѣ дирекція училищъ и приступила къ исполненію милютинскаго закона о школахъ, то возникъ вопросъ: что разумѣть подъ словомъ русскій языкъ въ Холмскомъ краѣ? Изъ Петербурга отвѣтили: „учить на русскомъ, т. е. великорусскомъ языкѣ“. Но всетаки въ виду непониманія народомъ послѣдняго языка, непониманія, засвидѣтельствованнаго въ послѣднее время корреспонденціями даже въ москвофильскомъ галицкомъ „Словѣ“, допустили въ этотъ край по крайней мѣрѣ мѣстное произношеніе словъ (свѣтъ — свѣтъ и т. п.) и употребленіе галицкихъ учебниковъ. При гр. Толстомъ (съ 1866 г.) началось „обрусеніе“ по всей формѣ. Плодомъ его была реакція въ населеніи въ пользу полонизма.

которыми поучительно подумать, но и потому, что она представляетъ собою значительный шагъ впередъ со стороны извѣстныхъ слоевъ польскаго общества по части практической постановки польскаго вопроса въ Россіи. Еще девять лѣтъ тому назадъ съ восхваленіемъ системы м. Вѣлепольскаго и съ предложеніемъ „примиренія“ поляковъ съ Россіей (?!) выступали такіе писатели, какъ, напр., авторъ брошюры (Polska i Rossyja w 1872 r., przez byłego członka Rządu Stanu Królestwa Polskiego“. (Dresden, 1872). Въ этой брошюрѣ полякъ предлагаетъ Россіи, за уступки, слѣдующее пособіе: „мы объявимъ на каждомъ мѣстѣ смертельную войну подтачивающему ваше юношество нигилизму, съ которымъ отлично справимся, потому что мы, такъ сказать, пронюхаемъ всякихъ сознательныхъ и безсознательныхъ послѣдователей этого ученія, тайносоціалистовъ и тайнонигилистовъ, этихъ лицемѣровъ, которые, проникнувъ даже въ оффиціальныя сферы, подъ видомъ ревности къ общественному порядку и престолу, подрываютъ начала перваго и основанія второго безумною или преступною рукою.“[1]

Въ свое время мы имѣли случай критически отнестись къ подобнымъ „миротворцамъ“, насколько позволила намъ цензура (въ Коршевскихъ СП. Вѣдомостяхъ). Г. же Спасовичъ выступилъ противъ нихъ съ статьею въ „Вѣстникѣ Европы“ (1872, № 8) „Польскія фантазіи на славянофильскую тему“. Въ этой статьѣ г. Спасовичъ отнесся далеко безъ симпатіи къ „мертворожденнымъ дѣтенышамъ комбинаціи м. Вѣлепольскаго“ и къ славянофильскимъ идеямъ автора брошюры, представляющимъ развитіе извѣстнаго „Lettre d'un gentilhomme polonais“ маркиза, и съ своей стороны далъ полякамъ совѣтъ не совсѣмъ ясный: „Болѣе положительный совѣтникъ, запретивъ своимъ землякамъ всякое политиканство, внушилъ бы имъ быть скромными тружениками въ государствѣ, среди котораго поставила ихъ судьба, не чуждаться русскихъ, чѣмъ между прочимъ провинились ихъ предшественники, состоять съ русскими въ живѣйшемъ общеніи умственномъ и экономическомъ, но сохранить, не сливаясь съ окружающею средою, и свое національное чувство, и свой языкъ.“

Нельзя не признать этого совѣта не только неяснымъ, но и слишкомъ скромнымъ и въ то же время слишкомъ исключительнымъ. Теперь, выступивъ прямо защитникомъ системы м. Вѣлепольскаго, т. е. административной автономіи Конгрессувки, съ признаніемъ за нею польскаго національнаго характера, г. Спасовичъ выступаетъ съ болѣе опредѣленною практическою программою. Удерживая вышеизложенныя свои замѣчанія на эту программу, мы прибавимъ еще замѣчаніе о необходимости по-

[1] Интересно, что этой, ужъ конечно вовсе не либеральной ноты, не замѣтили великорусскіе либеральные „миротворцы“, вродѣ профессора Градовскаго, которые пришли въ восторгъ отъ второго изданія подобныхъ польскихъ примирительныхъ брошюръ въ 1877—1878 гг. и принялись съ своей стороны улаживать миръ поляковъ всетаки съ Россіей, какъ съ государствомъ великорусскимъ. Подъ „тайносоціалистами и тайнонигилистами“ въ концѣ 1860-хъ годовъ разумѣлись въ извѣстныхъ польскихъ и русскихъ кругахъ Н. Милютинъ, кн. Черкасскій, Юр. Самаринъ и т. п. Это интересно теперь напомнить „Руси“, г. И. Аксакова, который самъ теперь говоритъ языкомъ своихъ бывшихъ противниковъ. O tempora, o mores!

лякамъ не только не чуждаться русскихъ и быть съ ними въ общеніи умственномъ и экономическомъ, но принять участіе въ общемъ политическомъ движеніи всѣхъ народовъ Россіи къ преобразованію ея на началахъ политической свободы, съ областнымъ и національнымъ самоуправленіемъ.

II.

Абсолютизмъ и Капитализмъ.

(Первоначально напечатано въ журн. „Вольное Слово“ № 24, 1882 г.)

Читатели „Вольнаго Слова“, конечно, замѣтили статью „Соціальный Вопросъ въ Черногоріи“, помѣщенную въ № 22 этой газеты. Факты, переданные въ статьѣ этой, по нашему мнѣнію, интересны не только сами по себѣ, для характеристики положенія маленькаго славянскаго государства, но имѣютъ и довольно широкій общій интересъ. Прежде всего характеристика маленькой Черногоріи въ настоящую минуту напоминаетъ намъ, великую, или лучше, большую Россію въ XVIII вѣкѣ и даже теперь. Эта раздача земель въ новоприбрѣтенныхъ земляхъ на южной границѣ Черногоріи не народу, а придворнымъ, не напоминаетъ ли совершенной въ гораздо большихъ размѣрахъ раздачи земель Екатериною II въ „Вольностяхъ Войска Запорожскаго“, передѣланныхъ Потемкинымъ въ Новороссію? Намъ, по крайней мѣрѣ, эта черногорская раздача напоминаетъ слова украинскихъ пѣсенъ, вродѣ слѣдующихъ:

Ой, с під города, с під Јелисавета (Елисаветградъ)
Сизі орли вилітали,
Ой, там собірались, ой, там собірались
Все пани сенатори,
Пани сенатори, пребольші генерали;
Вони думали-гадали:
Ой, јак би нам, панам сенаторам
Запорожську земљу взьяти?
Ой, јак би нам, ой, јак би нам
Всі волості одібрати?...
Ой, јак одібрали всі волості запорожські
Зачали на плани дїлити...
Ой, тішились пани сенатори і меньшії генерали,
Шчо одібрали в запорожців землі і владіјут сами!...

Конечно, куски, захваченные екатерининскими „панами-сенаторами“, были не черногорскимъ чета; тутъ одинъ кн. Вяземскій получилъ 100 000 десятинъ земли, а „меньшій генералъ“, генералъ Синельниковъ, даже отъ себя далъ 6000 десятинъ и 130 запорожцевъ еще „меньшему“, поэту Державину.[1] Но сущность дѣла остается та же самая.

[1] Пріятно видѣть, что по крайней мѣрѣ въ лицѣ Державина и кн. Вяземскаго (отца и дѣда русскихъ писателей) запорожскія земли послужили къ поощренію русской литературы. Желательно бы было только, чтобъ теперь богатство этой литературы не ставилось, какъ аргументъ, противъ стремленій вывести изъ обѣдненія литературу на языкѣ запорожцевъ.

Съ другой стороны, не только подобная же раздача земель въ западной, присоединенной къ Черногоріи отъ Герцеговины, части, но и удержаніе здѣсь турецкихъ порядковъ, которые и заставляли народъ здѣшній возставать противъ Турціи и привели, между прочимъ, и къ присоединенію этого края къ Черногоріи, развѣ не напоминаетъ также политики московско-петербургскаго правительства по отношенію къ „западнымъ губерніямъ, отъ Польши возвращеннымъ“? А эти „великаши у опанцима“, вельможи въ опанкахъ, содержащіе лавочки, развѣ не то же дѣлаютъ въ меньшихъ размѣрахъ, что дѣлали петербургскіе вельможи въ атласныхъ чулкахъ и бархатныхъ съ золотомъ башмакахъ въ XVIII в.?

Чтобъ не пускаться въ большія подробности, заглянемте только въ сочиненіе Щербатова „О поврежденіи нравовъ въ Россіи“ (лондонское изданіе 1858 г. „Князь М. Щербатовъ и А. Радищевъ“, стр. 61—65). Вотъ вамъ „Петръ Ив. Шуваловъ, человѣкъ умный, быстрый, честолюбивый, корыстолюбивый, роскошный, былъ женатъ на Марфѣ Егоровнѣ Шепелевой, женщинѣ, исполненной многими пороками, а однако любимицѣ императрицы (Елисаветы)... пожалованъ былъ въ Генералъ-Поручики и присутствовалъ въ Сенатѣ. Тутъ, соединяя все, что хитрость придворная наитончайшаго имѣетъ, т. е. не токмо лесть, угожденіе монарху, подслуживаніе любовнику Разумовскому, дареніе всѣмъ подлымъ и развратнымъ женщинамъ, которыя были при императрицѣ (и которыя единыя были сидѣлицы у нея по ночамъ, иныя гладили ея ноги), къ пышному, не много знаменующему, краснорѣчію, проникнулъ онъ, что доходы государственные не имѣютъ порядочнаго положенія, а императрица была роскошна и сластолюбива; тогда какъ сенатъ, не имѣя свѣдѣнія о суммахъ, гдѣ какія находятся, всегда жаловался на недостатокъ денегъ, сей всегда говорилъ, что ихъ довольно, и находилъ нужныя суммы для удовольствія роскоши императрицы.... Имѣя въ виду свою пышность и собственныя свои пользы, увеличилъ тщаніями своими доходы съ винныхъ откуповъ, а, для удовольствія своего корыстолюбія, самъ участникомъ оныхъ учинился. Монополіи старался вводить и самъ взялъ откупъ табаку, рыбныя ловли на Бѣломъ и Ледяномъ морѣ и лѣса Олонецкіе, за все получая себѣ прибыль. При милосерднѣйшей государынѣ, учредилъ родъ инквизиціи, изыскующей корчемство, и обагрилъ россійскія области кровью пытанныхъ, и сѣченныхъ кнутомъ, и пустыни сибирскія и рудники наполнилъ сосланными въ ссылку и на каторги, такъ что считаютъ до 15000 претерпѣвшихъ такое наказаніе. Взирая на торговлю, умножилъ пошлины на товары, безъ разбору, и тѣмъ пріумноженіемъ убытку по цѣнѣ оныхъ, при умноженіи сластолюбіи, принужденно многихъ въ разореніе повлекъ. Умножилъ цѣну на соль, а симъ самимъ приключилъ недостатокъ и болѣзни въ народѣ. Коснувшись до монеты, возвышалъ и уменьшалъ ея цѣну.... Хотя ни одно изъ сихъ дѣйствій не было учинено безъ тайныхъ прибытковъ себѣ, но сподошедши до чину Генералъ-Фельдцейхмейстера и бывъ подкрѣпляемъ родственникомъ своимъ, Иваномъ Ив. Шуваловымъ, ко-

тораго ввелъ въ любовники къ любострастной императрицѣ,... онъ множество старыхъ пушекъ въ монету передѣлалъ.... Не могши скрыть свои желанія корыстолюбія, силою и властью своей, а пользуясь узаконеніемъ Петра Великаго, чтобы заводы рудокопные отдавать въ приватныя руки, испросилъ себѣ знатные заводы и между прочими лучшій въ государствѣ Гороблагодатскій, а сіе съ такою безсовѣстностью, что когда сей заводъ, могущій приносить прибыли многія сты тысячъ руб., былъ оцѣненъ въ 90000, то онъ не устыдился о дорогой цѣнѣ приносить жалобу сенату и получилъ его, по новой переоцѣнкѣ, гдѣ не справедливость и польза государская была соблюдаема, но страхъ его могущества, не съ большимъ за 40000 руб., заводъ, при которомъ было приписныхъ до 20000 душъ, заводъ, приносящій послѣ ему 200000 руб. и который послѣ взятъ былъ обратно короною за его долги, за 750000 р. Откупы, монополія, мздоимство, торговля, самимъ заведенная и грабительства государственныхъ имѣній не могли однако его жадность и сластолюбіе удовольствовать; учредилъ банкъ, повидимому, могущій бы полезнымъ быть подданнымъ, и оный состоялъ въ мѣдной монетѣ, занимая изъ котораго, должно было платить по 2% и черезъ нѣсколько лѣтъ внести капиталъ серебромъ. Но кто симъ банкомъ воспользовался? Онъ самъ взялъ милліонъ, Готъ, взявшій у него на откупъ Олонецкіе лѣса и взятыя деньги отдавшій ему. Армяне, взявшіе въ монополію Астраханскій торгъ и большую часть денегъ отдавшіе ему; князь Борисъ Сергѣевичъ Голицынъ, который столь мало взятьемъ симъ пользовался, что, увѣряютъ, яко бы въ единое время изъ 20000, имъ взятыхъ, токмо 4 тысячи въ пользу себѣ употребилъ."

А вотъ образчикъ поменьше П. Ив. Шувалова, но въ томъ же родѣ: „Графъ Ив Гр. Чернышевъ ... учинился другомъ фавориту Ив. Ив. Шувалову... а симъ же защищеніемъ чрезъ сенатъ за малую цѣну, то есть не болѣе 90000 руб. получилъ мѣдные заводы, гдѣ слишкомъ на 100 м. готовой мѣди было и которые чрезъ нѣсколько лѣтъ, приведенные имъ въ разстроеніе, съ великимъ искомъ на нихъ, за 700000 проданъ обратно коронѣ" (тамъ же, 91).

Мы, впрочемъ, приводимъ примѣры изъ XVIII в., какъ потому что они извѣстнѣе позднѣйшихъ, такъ и потому что самое описаніе ихъ современниками, языкомъ простымъ и грубоватымъ, ближе подходитъ къ наивнымъ формамъ „хищенія", производимаго „вельможами въ опанкахъ". Но, конечно, и изъ XIX в., и изъ ближайшихъ къ намъ десятилѣтій можно составить галлерею чиновныхъ хищниковъ, не блѣднѣе „галлереи дѣдовскихъ портретовъ" Шуваловыхъ, Чернышевыхъ, Вяземскихъ и т. п. Развѣ на нашихъ глазахъ не расхищали чиновники земель Черноморскихъ, Кубанскихъ, Ставропольскихъ, Самарскихъ, Уфимскихъ и др., подобно тому, какъ расхищали въ XVIII в. земли Полтавскія, Харьковскія, Херсонскія, Екатеринославскія? Развѣ продажа казенныхъ и конфискованныхъ земель на льготныхъ условіяхъ русскимъ чиновникамъ въ западномъ краѣ съ 1865 г. не повторила расхищенія земель тамъ же, тотчасъ послѣ раздѣла

Польши, съ тою только разницею, что теперь рядомъ съ русскими, получали земли, вмѣсто поляковъ партіи Браницкихъ, нѣмцы и евреи, изъ которыхъ послѣдніе находили себѣ подставныхъ пріобрѣтателей среди русскихъ чиновниковъ и даже вельможъ. Дѣло Токарева только отчасти приподняло завѣсу этихъ операцій, сопровождавшихся злодѣяніями, но сколько другихъ подобныхъ дѣлъ, хоть бы, напримѣръ, дѣло кровавыхъ расправъ генералъ-губернатора Черткова съ чиншевиками имѣнія, пріобрѣтеннаго имъ въ имъ же администрируемомъ краѣ, остается подъ спудомъ и даже, быть можетъ, не всплыветъ на свѣтъ и черезъ 30 лѣтъ въ „Русской Старинѣ“?

Всѣ эти и подобные факты изъ жизни, какъ маленькой Черногоріи, такъ и большой Россіи, имѣютъ важный интересъ по связи ихъ съ вопросомъ, который, какъ видно и по цензурной русской печати, занимаетъ теперь умы всѣхъ образованныхъ людей въ Россіи. Съ какой стороны ни подойдешь, а насущный вопросъ теперешней Россіи есть вопросъ объ установленіи политической свободы. Въ большихъ государствахъ, жителей которыхъ нельзя собрать на одну площадь, какъ въ древнихъ городскихъ государствахъ и въ нѣкоторыхъ кантонахъ теперешней Швейцаріи, свободное правленіе неизбѣжно принимаетъ форму правленія представительнаго. Конечно желательно, чтобы представительное правленіе въ Россіи приняло не тѣ формы господства центрально-парламентскаго большинства, какія мы видимъ въ большихъ государствахъ материка Западной Европы. Объ этомъ мы довольно говорили и на страницахъ „Вольнаго Слова“. Но вполнѣ возможно, что, особенно если образованные люди въ Россіи не возьмутся, что называется, за умъ и не поставятъ рѣшительнымъ образомъ вопроса о федеральномъ преобразованіи Россіи, вполнѣ возможно, что Россія въ свою очередь перейдетъ отъ централизаціи и господства царскаго къ централизаціи и господству парламентскому. Вотъ это то и смущаетъ многихъ искреннихъ друзей народныхъ массъ въ Россіи вотъ уже тридцать лѣтъ. Смущаетъ потому, что въ западной Европѣ парламенты попали въ руки тѣхъ классовъ, которые принято называть капиталистическими или, не совсѣмъ точно, буржуазными, которые, конечно, пользуются властью въ своихъ интересахъ. Ну что, какъ то же самое будетъ и въ Россіи? спрашиваютъ себя многіе изъ искреннихъ друзей народныхъ массъ, и рѣшаютъ, что лучше пусть правленіе въ Россіи остается монархическимъ. Примѣры демократическаго цезаризма въ европейской исторіи, нѣсколько примѣровъ возвышенія въ Россіи лицъ изъ низшихъ классовъ населенія,—больше, впрочемъ, разночинскаго, чѣмъ мужицкаго,—въ высшіе сановники, нѣсколько палліативныхъ мѣръ въ пользу низшихъ классовъ, мѣръ, принятыхъ русскимъ правительствомъ послѣ долгихъ проволочекъ, какъ, напримѣръ, хоть бы и пресловутая эмансипація крестьянъ 19 февраля 1861 г., считаются въ извѣстныхъ кругахъ достаточными основаніями надѣяться, что абсолютизмъ, который будто-бъ то спасъ Россію отъ господства аристократіи, предохранитъ ее и отъ господства буржуазіи.

Къ такому, въ основѣ своей благонамѣренно демократическому, кругу идей, которыя довольно распространены въ обществѣ въ Россіи и отражаются и въ русской печати, присоединяются въ разныхъ сферахъ разныя родственныя этимъ, но болѣе радикальныя соображенія, начиная съ соціалистическихъ и анархическихъ антипатій къ буржуазно-государственному парламентаризму, и съ надеждъ, въ своемъ родѣ патріотическихъ, что Россія минуетъ буржуазную государственность и попадетъ прямо на ступень соціализма и коммунизма, и оканчивая старомосковскою вѣрноподданностью и православнымъ отвращеніемъ отъ иновѣрнаго Запада со всѣми его порожденіями — отъ латинскаго „крыжа“ до англійскаго парламента. Въ концѣ концовъ, изъ всѣхъ этихъ соображеній, надеждъ, мечтаній и антипатій образуются разные оттѣнки россійскаго „народничества“, которые, иногда даже не будучи прямо благопріятны идеѣ о сохраненіи абсолютизма въ Россіи, во всякомъ случаѣ неблагопріятны для настоятельно необходимой теперь организаціи дружной борьбы противъ этого абсолютизма.

Есть въ Россіи газета, которая основала свой успѣхъ на служеніи всѣмъ самымъ низменнымъ инстинктамъ всѣхъ слоевъ граматнаго по русски населенія, начиная отъ любителя порнографіи, гвардейца, члена „союза недремлющихъ лоботрясовъ“ и до полового московскаго трактира, и которая обильно эксплуатируетъ не только порознь, но иногда и сразу всѣ вышеочерченные оттѣнки народническихъ и народничающихъ антипатій противъ парламентаризма и эксплуатируетъ, конечно, въ пользу сохраненія существующаго въ Россіи политическаго строя.[1] Покамѣсть эта эксплуатація еще не возведена въ систему и разсчитываетъ болѣе на инстинкты, чѣмъ на идеи. Но уже пусканіе въ ходъ, при участіи правительственныхъ лицъ, такихъ пробъ, какъ „Общество улучшенія народнаго труда“, показываетъ отчасти направленіе, куда могутъ повернуть сторонники абсолютизма въ Россіи, когда среди петербургскихъ правительственныхъ сферъ явятся сколько-нибудь ловкіе подражатели Наполеона III или Бисмарка, съ его „практическимъ христіанствомъ“, или иначе, гогенцоллернскимъ соціализмомъ, и попробуютъ осѣдлать новаго коня для борьбы и съ либерализмомъ, и съ его логическимъ продолженіемъ, независимымъ соціализмомъ.

Много ли головъ успѣютъ заморочить тогда эти петербургскіе Бисмарки, Штеккеры, Вагенеры 4-го сорта? Въ разговорахъ кой съ кѣмъ изъ русскихъ соціальныхъ революціонеровъ намъ случалось слышать успокоительныя увѣренія, по крайней мѣрѣ, за тещерепные круги, настроенные въ соціально-революціонномъ направленіи. Мы не такъ то спокойны даже за эти круги, и нѣкоторыя тирады даже въ тайно-печатныхъ народническихъ органахъ даютъ, по нашему мнѣнію, основаніе къ нѣкоторому безпокойству на этотъ счетъ. Но перенося глаза на болѣе широкій горизонтъ и посмотрѣвъ на русское общество и печать за

[1] Для русскихъ читателей называть эту газету нечего; но для западно-славянскихъ читателей „Вольнаго Слова“ приходится назвать ее, хотя намъ бы того и не хотѣлось. Это „Новое Время“

послѣдніе 15—20 лѣтъ и теперь, можно найти еще больше основаній для безпокойства. Вотъ, напримѣръ, недавно мы натолкнулись въ „Руси“ на выписку изъ одного несомнѣнно демократическаго изданія и въ общемъ вовсе не Ивано-Аксаковскаго направленія, въ такомъ родѣ: „безъ парламентаризма, совершенно нейтральная власть (?), при существованіи побужденій, будетъ имѣть полную, неограниченную (курс. подл.) возможность поработать на мужика для его просвѣщенія и улучшенія его экономическаго быта. Между тѣмъ, какъ парламентаризмъ необходимо затруднитъ осуществленіе всякихъ серьезныхъ мѣръ въ пользу народа“. „Русь“ очень обидѣлась этими словами, потому что усмотрѣла въ нихъ предположеніе о возможности скораго появленія парламентскаго Ганнибала у воротъ Москвы. Но раздражительность московской газеты ко всему, пишущемуся въ Петербургѣ да еще въ нестрого-православныхъ изданіяхъ, помѣшала „Руси“ усмотрѣть въ возмутившихъ ее словахъ идею вполнѣ родственную той, которая проводится на страницахъ самой „Руси“ и которая проводилась бы и въ этихъ самыхъ выраженіяхъ, если бы теперешняя редакція „Руси“ не растеряла въ послѣдніе годы многихъ демократическихъ идей, которыя заставляли покойную „Вѣсть“ называть „День“ г. И. Аксакова соціалистическимъ изданіемъ. А въ вышеназванной порнографической петербургской газетѣ такъ этими самыми словами очень часто защищается самодержавіе въ Россіи. Согласитесь, что если уже дошло до совпаденія въ мысляхъ между несомнѣнно честными, искренно любящими и чуждыми православнаго ладона людьми и между поклонниками ладона и представителями порнографическаго имперіализма, то опасность помраченія умовъ призракомъ императорскаго демократизма оказывается вовсе не призрачною.

Опасность эта чувствуется печатью и въ Россіи и доказывается весьма оживленною полемикою объ „интеллигенціи (слово, неудачно пущенною въ Россію передъ 1863 г. польскою печатью, которая подъ интеллигенціей разумѣла помѣщичій классъ, національностью котораго желала опредѣлить національность западныхъ провинцій), буржуазіи и народѣ“. Полемика ведется со стороны нѣкоторыхъ органовъ вполнѣ искренно за и противъ, по крайней мѣрѣ, буржуазіи, если не интеллигенціи, со стороны же другихъ съ явнымъ разсчетомъ затуманить понятія въ интересахъ абсолютизма. Необходимость для честныхъ органовъ вести полемику въ тискахъ цензуры даетъ напередъ всѣ шансы въ пользу людей, умышленно и неумышленно затемняющихъ дѣло, такъ что нельзя не пожелать выхода поднятаго спора за границу, гдѣ только и могутъ русскіе писатели поставить ясно вопросъ, который составляетъ самую интересную часть вышеупомянутыхъ споровъ, а именно: необходимо ли въ интересахъ народныхъ массъ Россіи скорѣйшее ограниченіе въ ней монархической власти? Мы вполнѣ увѣрены, что редакція „Вольнаго Слова“ не отказала бы въ напечатаніи всякой статьи по этому вопросу, которая бы старалась искренно рѣшить его.

Сами мы далеки отъ претензіи не только окончательно рѣшить, но и поставить во всѣхъ подробностяхъ этотъ вопросъ, но все же позволимъ себѣ затронуть нѣкоторыя его стороны, въ особенности вопросъ о томъ: предохраняетъ ли абсолютизмъ народныя массы отъ господства капитализма?

Прежде чѣмъ подойти прямо къ этому предмету, мы затронемъ близкій къ нему вопросъ о томъ: представительное правленіе непремѣнно ли, по существу своему, связано съ капиталистическимъ господствомъ въ западной Европѣ? Намъ кажется, что нѣтъ, что представительное правленіе и капиталистическое господство только сошлись другъ съ другомъ во времени. Капиталистическое господство есть извѣстная ступень экономическаго развитія европейскихъ народовъ, которая можетъ и должна была сложиться при всякой политической формѣ, въ томъ числѣ и при абсолютной монархіи. Мало того, въ европейской исторіи съ конца среднихъ вѣковъ мы видимъ, что абсолютная монархія сама способствовала сложенію капиталистическаго господства. Послѣднее особенно имѣетъ мѣсто въ странахъ экономически отсталыхъ, какъ Россія и весь славянскій Юго-Востокъ Европы, которыхъ экономическая жизнь поэтому по необходимости подчиняется вліянію болѣе развитыхъ странъ: эти менѣе развитыя страны необходимо входятъ въ періодъ капиталистическаго господства; абсолютизмъ же въ нихъ, во-первыхъ, самъ стремится стать капиталистомъ, во-вторыхъ, является источникомъ и причиною экономическаго неравенства, а, въ третьихъ, орудіемъ, которымъ легко овладѣваютъ всѣ капиталисты и желающіе стать ими. Вотъ это то послѣднее именно и подтверждается примѣрами Черногоріи и Россіи, которые мы привели выше. Мы не сомнѣваемся, что то же самое подтвердилъ бы и анализъ теперешней жизни Сербіи и Болгаріи, который, поэтому, было бы чрезвычайно интересно и предпринять тѣмъ, кто имѣетъ къ тому возможность.

Покамѣсть и приведенные выше примѣры показываютъ, что абсолютизмъ въ Россіи, по меньшей мѣрѣ, не предохранилъ ея богатствъ отъ самаго безцеремоннаго расхищенія капиталистами и при томъ худшимъ сортомъ капиталистовъ, чистыми хищниками.

На чемъ же бы мы основывали надежду, что впередъ дѣло будетъ итти иначе? Наоборотъ, не гораздо ли болѣе основаній есть предполагать, что будь, напримѣръ, въ Черногоріи болѣе или менѣе вѣчевое устройство, то раздѣлъ новоприобрѣтенныхъ земель совершился бы болѣе выгоднымъ для массы населенія образомъ? Въ самой Россіи, не заходя даже далеко, представимъ себѣ, что исполнилась бы надежда весьма многихъ образованныхъ людей въ началѣ 60-хъ годовъ, и что уже съ того времени существовала бы въ Россіи какая-либо политическая свобода: конечно, что тогда не только общественное мнѣніе расположенныхъ къ массамъ народа людей не допустило бы множества несправедливостей, совершенныхъ при исполненіи эмансипаціи крестьянъ, и даже освященныхъ Положеніемъ 19 февраля, какъ оно вышло не изъ редакціонныхъ комиссій, составленныхъ

всетаки съ участіемъ земскихъ людей, хоть и исключительно помѣщиковъ, а изъ государственнаго совѣта, но даже помѣщики гуще населенныхъ областей не допустили бы раздачи казенныхъ земель въ областяхъ юговосточныхъ чиновникамъ и арендованія ихъ крупными капиталистами, а въ своихъ даже видахъ поддержали бы голоса тѣхъ, кто указывалъ на эти и вообще на казенныя земли, какъ на резервъ для безземельнаго крестьянскаго населенія.[1] Между тѣмъ ни для кого, слѣдившаго за русскою литературою послѣдняго 20-ти лѣтія, не тайна, что никто другой, какъ высшіе петербургскіе чиновники, крѣпостники или хищники, при помощи царскаго авторитета, зажимали ротъ самымъ умѣреннымъ людямъ, рекомендовавшимъ Россіи болѣе благопріятную для крестьянства политику. То же самое происходило и съ голосами въ пользу фабричныхъ рабочихъ или, такъ называемой, кустарной промышленности. Только теперь правительство какъ будто бы начинаетъ брать въ толкъ то, чего и слушать не хотѣло въ теченіи двадцати лѣтъ, но гдѣ же ручательство, что оно не поворотитъ также назадъ и въ вопросахъ экономической политики въ восточной половинѣ Россіи, когда оно свело на Чертковщину и Токаревщину гораздо болѣе радикальную и съ большимъ громомъ заявленную политику императорскаго демократизма въ Западномъ краѣ? Во всякомъ случаѣ, капиталисту легче доступиться до самаго царскаго дворца, не говоря уже о канцеляріяхъ, нежели мужику, а, кромѣ того, чиновникъ въ наше время и самъ соблазнается перспективою стать помѣщикомъ и капиталистомъ вообще. Кто же можетъ положить преграду его поползновеніямъ, кромѣ организованныхъ защитниковъ народныхъ массъ?

Предположить возможность сколько-нибудь прочной организаціи не только этихъ массъ, но и ихъ образованныхъ защитниковъ (адвокатовъ въ хорошемъ смыслѣ слова), даже возможность существованія свободной печати демократическаго направленія въ абсолютной монархіи, т. е. при абсолютномъ господствѣ чиновниковъ, было бы совершенно дѣтскою иллюзіей, такою, подобную которой можно встрѣтить только у аксаковствующихъ публицистовъ и политиковъ, которые доходятъ до такой наивности, что считаютъ „царскую власть гарантіей даже противъ произвола чиновниковъ“. (См. въ „Русской Старинѣ“, 1881 г. декабрь, статью сановника, „Между строкъ формулярнаго списка“). Въ настоящее время ни въ одной династіи въ Европѣ нѣтъ геніальныхъ людей, которые бы могли взять на себя великое и сложное дѣло преобразованія общественнаго строя въ интересахъ рабочихъ классовъ, а въ Романовской династіи не только нѣтъ, но и быть не можетъ, не только геніальныхъ, но просто умныхъ и хорошо воспитанныхъ въ политическомъ смыслѣ людей. По этому можно, кажется, сообразить, что подобная задача не по силамъ ни монарху, ни центральной власти вообще, и что предположеніе о преобразованіи общественнаго строя посредствомъ

[1] Напомнимъ хоть, напримѣръ, статью въ „Отеч. Зап.“ 1873 г. „Истинныя причины самарскаго голода“, основныя начала которой во всякой свободной странѣ появились бы раньше и произвели бы практическія послѣдствія.

благожелательнаго деспотизма ни къ чему не можетъ привести, кромѣ сохраненія господства бюрократіи, которая, взявшись за реформы, черезъ извѣстный промежутокъ времени должна даже забыть ту цѣль, которая ею первоначально была поставлена. Наоборотъ, представительное правленіе, при самыхъ несовершенныхъ своихъ формахъ, не мыслимо теперь безъ извѣстнаго простора для иниціативы самого населенія, а, слѣдовательно, и для рабочихъ классовъ и ихъ друзей, которые при представительномъ правленіи получаютъ, по крайней мѣрѣ, возможность организаціи, которая, развиваясь постепенно, передаетъ дѣло общественнаго преобразованія въ руки людей, прямо въ немъ заинтересованныхъ.

Въ русской печати въ послѣднее время поднимался вопросъ о возможности для Россіи миновать періодъ расцвѣта капиталистическаго порядка посредствомъ организаціи и развитія теперь еще существующихъ народныхъ силъ и учрежденій: общиннаго землевладѣнія и такой же аренды, артелей и т. п. По этой части появилось недавно въ разныхъ журналахъ нѣсколько трудовъ, которые, во всякомъ случаѣ, заслуживаютъ вниманія. Мы не думаемъ, чтобъ экономическая жизнь Россіи смогла совсѣмъ уклониться отъ законовъ экономической жизни болѣе ея развитыхъ странъ, но есть много вѣроятностей, что заблаговременная организація остающихся еще въ Россіи общинныхъ и артельныхъ формъ эксплуатаціи природныхъ богатствъ и труда вообще, могла бы ослабить господство капитализма и сократить время этого господства. Серьезные опыты подобной организаціи могутъ быть предприняты только самоуправляющимися мѣстными учрежденіями и далѣе опирающимся на нихъ общегосударственнымъ представительствомъ. Нечего и говорить, что чиновники, да еще въ Россіи, такихъ опытовъ произвести не могутъ. Было бы также иллюзіей думать, что царское и, значитъ, министерское и губернаторское, исправническое и уряднические самодержавіе въ состояніи помириться съ мѣстнымъ самоуправленіемъ, — волостнымъ, уѣзднымъ, областнымъ, — самодержавіе, которое не можетъ терпѣть самостоятельности даже теперешней крестьянской общины и теперешнихъ земскихъ учрежденій.

Такимъ образомъ, откуда ни подойти къ дѣлу, а самодержавіе является первымъ бревномъ на дорогѣ и нравственнаго и экономическаго освобожденія, и такъ называемой „интеллигенціи“ и такъ называемаго „народа“, и если бы даже дѣйствительно „интеллигенція“ была равнозначуща „буржуазіи“, то и тогда „народникамъ“ всетаки было бы благоразумнѣе итти до извѣстнаго момента въ союзѣ съ той частью буржуазіи, которая стремится къ свободѣ и самоуправленію, чѣмъ съ самодержавіемъ. Извѣстная доля свободы и самоуправленія всетаки достанется и на долю „народниковъ“ и „народа“. При томъ же, между образованной и солидно-дѣловой частью даже „буржуазіи“ и „народомъ“ нѣтъ такого принципіальнаго антагонизма, какъ между самодержцемъ и подданными.[1]

[1] Солидно-дѣловая часть буржуазіи (фабриканты и пр.) не совсѣмъ то же самое, что спекулянты биржи и грюндерства, хотя, конечно, вполнѣ точную границу между ними провести нельзя.

Дѣловая „буржуазія“, при всей тяжести ея для чернорабочихъ массъ, всетаки не властители народа, и даже капитала, а болѣе администраторы теперешняго экономическаго строя; по мѣрѣ роста развитія и организаціи чернорабочихъ массъ, эти администраторы естественно уступаютъ мѣсто самоуправленію послѣднихъ. Между тѣмъ, какъ самодержцы — пастыри и властелины народовъ, которые для нихъ, если не стада, то вѣчныя дѣти. Первый шагъ къ какому бы то ни было самоуправленію народа долженъ быть сокрушеніе власти этихъ пастырей, властелиновъ, отцовъ и какъ бы тамъ они ни назывались. Такъ было въ Западной Европѣ, такъ должно быть и будетъ и въ Россіи и только послѣ этого повторенія общеевропейскаго явленія Россія можетъ показать и свою самобытность, если у нея есть къ тому задатки.

III.

Языки, конфискованные Святѣйшимъ Синодомъ.

(Первоначально напечатано въ журналѣ „Вольное Слово“ № 26, 1882 г.)

Читатель, пробѣжавшій написанное выше заглавіе, можетъ подумать, что мы собираемся шутить надъ „постояннымъ помѣстнымъ соборомъ Всероссійскія церкви“. Нельзя сказать, чтобы дѣйствія этого собора, или же духовной канцеляріи, какъ его называютъ нѣкоторые даже православные, не возбуждали иногда подобнаго желанія. Но на этотъ разъ мы совершенно далеки отъ такого желанія, и предполагаемъ съ возможною серьезностью обратить вниманіе читателей на одно явленіе изъ религіозно-культурной жизни въ Россіи, которое не можемъ назвать иначе, какъ конфискаціею извѣстнаго количества человѣческихъ языковъ Святѣйшимъ Синодомъ.

Мы сказали: „явленіе религіозно-культурной жизни“, и, какъ читатель увидитъ дальше, явленіе, о которомъ мы поведемъ рѣчь, входя преимущественно въ кругъ жизни религіозной, затрагиваетъ интересы и свѣтской культуры. Но, если бы даже оно касалось исключительно круга явленій жизни религіозной, то мы всетаки, рискуя потерять извѣстное количество читателей, которые считаютъ эту жизнь ни мало неинтересною для людей, вышедшихъ изъ религіознаго міросозерцанія, — не остановились бы повести о немъ рѣчь даже передъ публикою заграничнаго политическаго изданія.

Мы сами не запомнимъ, чтобы русскія заграничныя политическія изданія, со временъ Кельсіева и Огарева, которые думали было привлечь къ революціонному движенію раскольниковъ, обращали вниманіе на тотъ кругъ явленій, изъ котораго мы теперь беремъ предметъ для бесѣды съ читателемъ. Если только признать, что политическая печать существуетъ исключительно для тѣхъ круговъ, изъ которыхъ выходятъ или лучше въ которыхъ живутъ сами публицисты, да еще крайняго лагеря, то, конечно, такое невниманіе русской заграничной политической печати къ

явленіямъ жизни религіозной можетъ быть вполнѣ оправдано. Но мы думаемъ, что печать, даже заграничная, существуетъ для всѣхъ слоевъ населенія страны, а, слѣдовательно, должна касаться и всѣхъ ихъ интересовъ. Конечно, изъ этого не слѣдуетъ, что публицистика должна непремѣнно подчинять свои воззрѣнія понятіямъ того или иного изъ этихъ слоевъ. Совсѣмъ напротивъ: публицистъ, имѣющій основаніе или претензію считать свои воззрѣнія болѣе вѣрными, чѣмъ воззрѣнія извѣстныхъ слоевъ общества, можетъ и долженъ сохранить ихъ во всей ихъ неприкосновенности и ставить вопросъ о какомъ бы то ни было явленіи интереснымъ для этихъ слоевъ, именно въ связи съ тѣми идеями, какихъ онъ самъ держится и пользоваться интересомъ, какой пробуждаетъ въ какомъ-либо слоѣ общества данное явленіе, для проведенія въ этотъ слой именно тѣхъ идей, какихъ держится самъ публицистъ.

А нельзя же отрицать, что явленія религіозной жизни интересуютъ еще огромное число населенія въ Россіи, не только въ такъ наз. низшихъ классахъ, но и въ высшихъ. Люди положительно-научнаго воспитанія не могутъ, конечно, сами раздѣлять этихъ интересовъ, но должны относиться къ нимъ съ точки зрѣнія свободы совѣсти. Ставши на эту точку зрѣнія и требуя, чтобы весь строй политическихъ учрежденій, соприкасающихся съ областью религіозной жизни, былъ основанъ на принципѣ, этой свободы, люди положительно-научнаго образованія не только могутъ подавать свой умѣряющій религіозныя разногласія голосъ о разныхъ явленіяхъ жизни общества, соприкасающихся съ религіей, но и обратить религіозно-настроенные элементы общества, а особенно тѣ, которые имѣютъ основаніе быть недовольными существующимъ порядкомъ вещей, — къ общимъ началамъ свободы. Эта же свобода въ Россіи необходима вообще, а въ частности въ области мнѣній необходима и для самихъ людей положительно-научнаго образованія, которое въ Россіи такъ же не признано законами, какъ и многія „недозволенныя вѣроученія и секты“.

Съ этими общими соображеніями мы приступаемъ къ обсужденію того явленія, которое намѣчено въ заглавіи настоящей статейки. Явленіе это состоитъ въ томъ, что с.-петербургскій Св. Синодъ не только закрѣпощаетъ совѣсть всѣхъ жителей Россіи, которыхъ предки записаны были въ число православныхъ греко-восточнаго исповѣданія, но вообразилъ себя собственникомъ и языковъ, на которыхъ они говорятъ, и присвоилъ себѣ власть надъ литературою на этихъ языкахъ, которая имѣетъ какое бы то ни было соприкосновеніе съ религіей, хотя бы эта литература назначалась для нравственныхъ потребностей совсѣмъ не православныхъ населеній. Всего страннѣе, что подобное явно ненормальное положеніе дѣлъ не понимается должнымъ образомъ даже и тѣми, кто имѣетъ основаніе быть недовольнымъ частными примѣненіями таковой вполнѣ безсмысленной монополіи Святѣйшаго Синода.

Въ самое послѣднее время въ русской печати, преимущественно въ Петербургѣ и въ Кіевѣ, всплывалъ нѣсколько разъ одинъ во-

просъ, по поводу котораго во всякой цивилизованной странѣ непремѣнно подвергнута бы была критикѣ и вся система вышеупомянутой монополіи Святѣйшаго Синода, но въ Россіи такова сила привычки къ подчиненію не только на дѣлѣ, но даже и въ мысляхъ самымъ противоестественнымъ нелѣпостямъ существующаго строя, что при самой удобной оказіи, эта монополія осталась вовсе незатронутою даже въ принципѣ. Вопросъ, о которомъ мы говоримъ, касается перевода библіи на украинскій языкъ.

Вкратцѣ ходъ этого вопроса въ Россіи въ послѣднее время представляетъ слѣдующее: въ 1862 г. г. Костомаровъ съ своими друзьями изготовилъ переводъ Новаго Завѣта, который былъ представленъ въ Академію Наукъ и былъ одобренъ ею со стороны научно-литературной. Затѣмъ, для проведенія въ печать этого перевода, оказалось необходимымъ представить его въ Св. Синодъ, который одинъ имѣетъ въ Россіи право изданія книгъ св. Писанія. Синодъ же въ это время подпалъ подъ вящее вліяніе катковско-обрусительнаго направленія, которое вскорѣ затѣмъ перенесено было гр. Дм. А. Толстымъ и въ администрацію свѣтскихъ школъ, потому не только не согласился взять на себя печатаніе украинскаго перевода Новаго Завѣта, но запретилъ (въ 1863 г.) духовнымъ цензорамъ пропускать какія бы то ни было украинскія книги религіознаго содержанія, а священникамъ говорить проповѣди на „простонародныхъ нарѣчіяхъ“, — каковыя распоряженія постояннаго помѣстнаго собора Всероссійскія церкви остаются въ силѣ и до сихъ поръ.

Въ свое время многіе обидѣлись такимъ поведеніемъ Св. Синода и находили его противнымъ принципамъ и интересамъ православной церкви, но, сколько помнится, никто не заикнулся о томъ, что, напримѣръ, запрещеніе печатанія, по крайней мѣрѣ, перевода Библіи совсѣмъ выходитъ за кругъ компетенціи Св. Синода, какъ вѣдомства, хотя и господствующей, но всетаки одной только изъ церквей населенія Россіи. Никому и въ голову не пришло, что такой переводъ можетъ попадобиться и не однимъ православнымъ людямъ украинскаго языка. Но вотъ прошло почти двадцать лѣтъ. Въ прошломъ году выходитъ въ Вѣнѣ полное изданіе „Новаго Завѣта“ на украинскомъ языкѣ, въ переводѣ гг. Кулиша и Пулюя (четыре евангелія вышли еще въ 1870—71 гг., Пятикнижіе, Іовъ и псалтырь около того же времени, частью раньше, частью позже). Это было время „вѣяній“, — и въ петербургскихъ, и кіевскихъ изданіяхъ („Русская Старина“, „Вѣстникъ Европы“, „Страна“, „Заря“ и пр.) появились извѣстія объ этомъ переводѣ съ прибавленіемъ пожеланій, чтобы или этотъ переводъ, или же прежній, Костомаровскій, былъ дозволенъ и въ Россіи. Нѣкоторые усердные украинофилы доходили даже до обѣщаній уничтожить столь грозную для православія на Украйнѣ штунду посредствомъ украинскаго перевода Библіи. Были и такіе, которые послѣ всѣхъ похвалъ переводу гг. Кулиша и Пулюя всетаки допускали возможность, что Синоду этотъ переводъ не понравится, и на этотъ случай или рекомендовали переводъ г. Костомарова, или же взывали къ самому Си-

ноду, чтобъ онъ самъ отъ себя выработалъ вполнѣ православный переводъ Библіи на украинскій языкъ, лишь бы только онъ не лишалъ православный народъ на Украйнѣ священнаго писанія на его родномъ языкѣ. Святѣйшій Синодъ, который едва собрался на изданіе (непопулярное) Библіи на великорусскомъ языкѣ и который въ дешевомъ изданіи распространяетъ — и то съ сравнительно недавняго времени — Новый Завѣтъ на неимовѣрномъ языкѣ, который онъ называетъ „русскимъ нарѣчіемъ", конечно, не внялъ украинофильскимъ мольбамъ, тѣмъ болѣе, что члены его, очевидно знающіе всеобщую исторію періода реформаціи получше многихъ украйнофильскихъ публицистовъ и даже ученыхъ, не могли соблазниться и обѣщаніемъ уничтожить штунду и шалопутство посредствомъ украинскаго перевода Библіи.

Несмотря на таковую закоренѣлость св. Синода, опять никто (кромѣ отчасти одного изъ рецензентовъ на изданіе гг. Кулиша и Пулюя) даже и не заикнулся, что переводъ Библіи на извѣстный языкъ есть въ сущности дѣло литературное, или, если уже и церковное, то вовсе не дѣло одного какого-либо вѣроисповѣданія. Никто не догадался поставить вопросъ объ украинскомъ Новомъ Завѣтѣ на такую, напримѣръ, точку, что, молъ, если онъ не нравится Св. Синоду, то, можетъ быть, онъ понравится католикамъ, уніатамъ, наконецъ, штундистамъ или даже шалопутамъ (людямъ божіимъ) украинскаго языка. Въ самомъ дѣлѣ: Св. Синодъ, какъ оффиціальный представитель интересовъ православной церкви на Украйнѣ, можетъ находить выгоднымъ для своей церкви, чтобы паства ея не понимала священнаго писанія, какое ей читаютъ въ православныхъ храмахъ, можетъ предпочитать интересы обрусенія интересамъ пропаганды православія. Конечно, апостолъ Скиѳіи, Андрей Первозванный, надъ которымъ во время сошествія св. Духа несомнѣнно висѣлъ въ огненномъ видѣ языкъ украинскій, не оставитъ такое поведеніе петербургской духовной канцеляріи безъ обжалованія передъ престоломъ Всевышняго. Но все это дѣло православной церкви и представляющей ея канцеляріи. А какое она имѣетъ право лишать украинской Библіи людей неправославныхъ исповѣданій и, наконецъ, безвѣроисповѣдныхъ любителей литературы, для которыхъ Библія есть такой же памятникъ, какъ Веды, Зендавеста, Иліада и т. п.? Нигдѣ въ образованномъ мірѣ, даже тамъ, гдѣ остались господствующія церкви, духовенство этихъ послѣднихъ не имѣетъ подобнаго права: ему предоставлено только право издавать или не издавать религіозныя книги для людей своего вѣроисповѣданія. Оттого въ Западной Европѣ есть изданія и переводы, напримѣръ, Библіи, сдѣланные въ интересахъ разныхъ вѣроисповѣданій, а также и безвѣроисповѣдной свободной науки, о какой въ Россіи не позволяется даже и заикаться ученымъ, несмотря на то, что казна считаетъ долгомъ посылать русскихъ доцентовъ доучиваться въ Европѣ,[1]

[1] Ну, кто въ Россіи теперь смѣетъ даже мечтать о такомъ, напримѣръ, изданіи, какъ недавно законченный трудъ страсбургскаго профессора Реса (Reuss. La Bible. Traduction nouvelle avec introduction et commentaires), который окончательно ставитъ на твердую научную почву всѣ вопросы, связанные съ исторіей сложенія Ветхаго и Новаго Завѣта??

Въ Западной Европѣ не вѣрятъ, если разсказывать, что протестантскіе піэтистическіе гимны на русскомъ явѣкѣ, изданные нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Петербургѣ, должны были пройти черезъ цензуру православнаго духовенства, что не мѣшало, однакожъ, православнымъ священникамъ и становымъ приставамъ въ Кіевской губерніи конфисковывать ихъ изъ рукъ тамошнихъ штундистовъ. Многіе образованные русскіе не вѣрили намъ, когда мы имъ сообщали, что русскій переводъ Пятикнижія для евреевъ нужно было печатать въ Берлинѣ. Такъ какъ въ Россіи одинъ только Святѣйшій Синодъ имѣетъ право (и монополію) печатать Библію, а тѣмъ болѣе на русскомъ языкѣ, то евреямъ русская церковная политика представила альтернативу: или принять Пятикнижіе въ православной редакціи и носить въ синагоги его изданія съ значкомъ распятаго ими за „богохульство“ Іисуса, или же отказаться отъ мысли сблизиться съ русскими, по крайней мѣрѣ, по языку даже въ религіозной жизни, какъ они сблизились, напримѣръ, съ нѣмцами въ Германіи. И подобныя нелѣпости — по истинѣ щедринскія „благоглупости“ — практикуются въ эпоху вящихъ заботъ объ „обрусеніи инородцевъ!“

Исторія этихъ послѣднихъ заботъ въ ея религіозномъ отдѣлѣ выдвинула одинъ рядъ явленій, столь же курьезныхъ, какъ и сейчасъ разсказанныя приключенія штундистскихъ гимновъ и еврейскаго Пятикнижія. Мы разумѣемъ курьезы вопроса о „распространеніи католичества“ въ Западномъ Краѣ, вопроса, къ которому вновь начинаетъ подходить „Русь“ въ статьяхъ о Бѣлоруссіи. До самой половины 60-хъ годовъ не только православные, но и волподумцы въ Россіи были твердо убѣждены, что православіе — вѣра русская, а соотвѣтственно тому, католицизмъ — вѣра польская, а протестанство — нѣмецкая (нѣкоторые петербуржцы прибавляли еще — и чухонская). Убѣжденіе это было до того крѣпко, что императоръ Николай I запретилъ патерамъ проповѣдывать даже обрусѣлымъ солдатамъ католикамъ изъ западныхъ губерній иначе, какъ по польски, и что даже въ Тифлисѣ католическій календарь для армяно-католиковъ (!) печатался по польски, пока г. Катковъ не открылъ тутъ, конечно, не россійскую благоглупость, а „польскую интригу“. Вдругъ, въ 1865 г. для вящаго пораженія этой интриги выдумано было слово „обрусеніе“ и выдумано, конечно, не своимъ умомъ, а въ подражаніе прусской германизаціи. Прежде всего съ этимъ обрусеніемъ полѣзли въ такъ наз. Западный Край, кстати же онъ тогда былъ признанъ искони „русскимъ“ (конечно, въ московскомъ смыслѣ этого слова) не только въ его бѣлорусскихъ и украинскихъ частяхъ, но даже и въ жмудско-литовскихъ. И вотъ оказалось, что въ этомъ краѣ католическое добавочное къ латинскому богослуженіе и проповѣдь производятся на польскомъ языкѣ. Какъ тутъ быть? Терпѣть языкъ интриги невозможно, но и осквернить православный русскій языкъ католицизмомъ и открыть послѣднему путь къ пропагандѣ среди русскихъ тоже нельзя. Среди этихъ двухъ посылокъ вертѣлись въ 1865—67 гг. печатныя и устныя препирательства катковцевъ и

аксаковцевъ въ администраціи и обществѣ. Одинъ очевидецъ и вполнѣ добросовѣстный человѣкъ передавалъ намъ въ свое время споръ между двумя поборниками православія и обрусенія въ Кіевѣ, извѣстнымъ тайнымъ совѣтникомъ и явнымъ доносчикомъ, Юзефовичемъ, и тогдашнимъ попечителемъ, потомъ товарищемъ министра, кн. Ширинскимъ-Шихматовымъ, о томъ, что же дѣлать въ виду вышеизложенной диллемы? Оба патріота своего отечества наконецъ помирились на томъ, что хорошо было бы, запретивъ въ Западномъ Краѣ польскій языкъ и въ церкви, замѣнить его и въ добавочномъ богослуженіи латинскимъ, а проповѣдь?! Зачѣмъ папежской вѣрѣ проповѣдь?! Среди такихъ нелѣпостей вопросъ о языкѣ въ церквяхъ разныхъ вѣроисповѣданій западной полосы Россіи долженъ былъ запутаться, и такъ какъ status quo былъ за польскій языкъ въ католической церкви, то поле и осталось за нимъ въ ожиданіи, когда гг. Катковы и Аксаковы поднимутъ опять запутанный вопросъ и по сему случаю полиція вновь начнетъ впутываться въ вопросы совѣсти десятковъ, если не сотенъ тысячъ индивидуумовъ.[1]

А, между тѣмъ, нѣкоторое изученіе литературной жизни въ томъ же Западномъ Краѣ открыло, что именно до присоединенія этого края къ государству россійскому здѣсь католицизмъ не былъ синонимомъ полонизма и что „русскій“ языкъ здѣсь былъ въ употребленіи и у православныхъ, и у уніатовъ, и у католиковъ, и у протестантовъ. Правда, что этотъ „русскій“ языкъ не былъ тотъ, которому единому теперь оффиціально присвоено это имя, т. е. это былъ языкъ не великорусскій (по западно-русскому московскій), а мѣстный народный языкъ, на сѣверѣ — бѣлорусскій, на югѣ — украинскій, на которыхъ и до сихъ поръ ходитъ въ Западномъ Краѣ не мало пѣсенъ и стиховъ о предметахъ религіозной жизни, начиная отъ молитвъ и оканчивая сатирою на духовныхъ и даже на святыхъ, во вкусѣ западныхъ сатиръ и пародій реформаціоннаго времени (кой-что изъ бѣлорусскаго матеріала въ такомъ родѣ издано въ сборникѣ Шеина изъ украинскаго въ сб. г. Чубинскаго и нашемъ).[2] Идея тожества католицизма съ полонизмомъ въ Западномъ Краѣ есть идея новая, порожденная не столько „польскою интригою“, сколько россійскою благоглупостью, которая отождествила русскую національность съ православіемъ, а это послѣднее отдала въ руки духовной канцеляріи, и потому логически должна была признать неправославныя исповѣданія „иностранными“ и отдать ихъ въ вѣденіе соотвѣтствующихъ канцелярій иностраннаго же характера. Въ довершеніе всего, благоглупость сія вполнѣ противна всей до-россійской культурной исторіи именно тѣхъ элементовъ населенія западной Россіи, которые враги „польской интриги“ иной разъ зовутъ исконно русскими, а въ другой — не-чисторусскими.

[1] Кстати же, какъ видно изъ свѣдѣній, сообщенныхъ въ прошломъ № „Вольнаго Слова“, къ этому вопросу подошли и переговоры русскаго правительства съ папою.

[2] Малорусскія народныя преданія и разсказы. Кіевъ 1875.

Откуда же явилась въ Россіи вышеупомянутая благоглупость? Да ни откуда, какъ изъ того, что было Московскимъ государствомъ, преданіями котораго нѣкорые остроумные люди думаютъ спасти и облагодѣтельствовать всю Россію и даже все славянство въ настоящемъ и будущемъ! Обратившись къ исторіи изложенія Библіи на живыхъ языкахъ, которымъ придавали имя языка „русскаго“, мы увидимъ, что съ самаго начала своего это изложеніе вовсе не связывалось исключительно съ православіемъ или съ какой-нибудь другою церковью. Первый переводъ Библіи, который присвоилъ себѣ имя русскаго, была „Библія Руска“ доктора Фр. Скорины, католика изъ Бѣлоруссіи, сдѣланная въ началѣ XVI вѣка языкомъ крайне близкимъ къ народному бѣлорусскому. Немного спустя, бѣлоруссъ же протестантъ и даже соціанинъ, Сим. Будный, переводитъ на тотъ же языкъ протестантскій катехизисъ съ текстами изъ Библіи. Одинъ изъ старыхъ опытовъ перевода Библіи на украинскій языкъ, такъ называемое „Пересопницкое Евангеліе“, переложенное въ XVI в. „съ языка болгарскаго (церковно-славянскаго) на мову русскую“, сдѣланъ былъ православнымъ и даже духовнымъ, но съ умысломъ раздѣленъ такъ, чтобъ могъ служить и католикамъ, и православнымъ.[1] Этотъ примѣръ, равно какъ и относительная многочисленность опытовъ переложенія разныхъ частей Библіи на языки, близкіе къ живымъ языкамъ народа въ Бѣлоруссіи и на Украйнѣ въ XVI ст., свидѣтельствуютъ, что въ этихъ странахъ, открытыхъ тогда общеевропейскимъ вліяніямъ, эпохи возрожденія наукъ и реформаціи, религіозная и вообще культурная жизнь шла по дорогѣ демократизаціи и

[1] Съ Пересопницкимъ евангеліемъ случилась въ самое послѣднее время цѣлая исторія, характеризующая положеніе въ Россіи науки вообще, а особенно науки объ Украйнѣ. Послѣ долгихъ похожденій эта замѣчательная по языку, письму и рисункамъ рукопись попала въ библіотеку переяславской семинаріи и была описана, впрочемъ, очень бѣгло старыми украинофилами (Бодянскимъ и др.). Съ переносомъ семинаріи въ Полтаву переѣхала туда и рукопись. Тамъ ее изучалъ въ 1872 г. молодой украинскій ученый, г. Житецкій, который и сдѣлалъ хорошее описаніе ея съ большими извлеченіями въ трудахъ Кіевск. Археологическаго Съѣзда 1874 г. Полтавскіе духовные узнали, какое сокровище они имѣютъ, и въ 1873 г. полтавскій архіерей представилъ рукопись проѣзжавшему тамъ министру и оберъ-прокурору Синода, гр. Толстому. Конечно, украинское евангеліе XVI в. было укоромъ человѣку, принимавшему дѣятельное участіе въ запрещеніяхъ украинской литературы XIX в. Гр. Толстой и архіерей распорядились такъ, чтобъ архіерей подарилъ Пересопницкое евангеліе оберъ-прокурору, хотя рукопись есть собственность семинаріи. Между тѣмъ, комитетъ по устройству въ Кіевѣ археологическаго съѣзда и выставки обратился къ полтавской семинаріи съ просьбой доставить ему на время съѣзда этотъ замѣчательный памятникъ. Конференція семинаріи соглашается, но архіерей заявляетъ, что рукопись предоставлена имъ въ распоряженіе гр. Толстого, а потому и не можетъ быть отправлена въ Кіевъ. Комитетъ обращается къ графу Толстому и получаетъ тоже отрицательный отвѣтъ, мотивированный тѣмъ, что онъ, гр. Толстой, доложилъ о рукописи государю, который повелѣлъ представить ему рукопись „на высочайшее воззрѣніе“. Конечно, если бы и такъ, то оставалось скорѣе показать рукопись государю, да и отправить въ Кіевъ. Но, во-первыхъ, какъ разъ въ августѣ 1874 г. государь дѣлалъ смотры войскамъ, а не рукописямъ, а, во-вторыхъ, гр. Толстой именно не желалъ, чтобы укорительную для него и Синода рукопись зрѣлъ ученый міръ. На томъ дѣло и стало. Что теперь стало съ Пересопницкимъ евангеліемъ, неизвѣстно. На-дняхъ мы узнали, что еще новый украинскій переводъ Новаго Завѣта и при томъ сдѣланный свѣтскимъ человѣкомъ, тоже въ XVI ст. въ Хорошевѣ, въ нынѣшней Кіевской губерніи, найденъ въ Михайловскомъ монастырѣ въ Кіевѣ. Любопытно будетъ посмотрѣть, какъ его будутъ прятать отъ публичности.

свободы, изъ которыхъ только первая можетъ дать прочную основу культурѣ и только вторая можетъ дать надлежащій исходъ всѣмъ кризисамъ нравственной, какъ и политической жизни.

Совсѣмъ иное мы видимъ въ тогдашней Москвѣ, которая послѣ разоренія Новгорода и Пскова, къ несчастію, стала во главѣ великороссійскаго племени. Москва слишкомъ была удалена отъ культурныхъ странъ Европы и слишкомъ долго провозилась почти исключительно съ татарами, а потому и привыкла считать всякаго иновѣрца поганымъ. Религіозно-культурная жизнь Великороссіи замкнулась въ рамки монопольнаго и, слѣдовательно, трижды мертваго православія. Въ Москвѣ не было и мысли о томъ, что русскій человѣкъ можетъ быть неправославнымъ, и въ то же время не было мысли и о томъ, что религія должна считаться съ живымъ языкомъ человѣка. Здѣсь поэтому довольствуются старымъ и чужимъ, ставшимъ вполнѣ обрядовымъ языкомъ церковно-славянскимъ.

Конечно, разновѣріе стремится проникнуть и въ Московію, но идетъ оно отъ чужихъ и само находитъ нужнымъ считаться съ мертвенно-обрядовымъ церковнымъ языкомъ этой страны. Въ XVI в. въ Стокгольмѣ появляется переводъ на этотъ языкъ катихизиса Лютерова для ввоза въ сѣверныя области Россіи, къ ужасу московскихъ іерарховъ. Въ XVII в. уже одни потребности правительства заставляютъ его привлекать въ Москву иностранцевъ и, слѣдовательно, иновѣрцевъ и, такимъ образомъ, признать возможность сожительства разновѣрцевъ въ одномъ государствѣ. Но признаніе это имѣетъ мало общаго съ дѣйствительно религіозною свободою, которая около этого времени начинаетъ рѣшительно входить въ нравы и учрежденія Западной Европы и которую въ западной Россіи, находившейся тогда подъ властью Польши, не смогла уничтожить даже іезуитская политика. Въ Москвѣ образуется тотъ modus vivendi съ разновѣрцами, который потомъ сталъ обязательнымъ и для всей Россіи и остается въ силѣ и до сихъ поръ. Этотъ modus vivendi состоитъ въ томъ, что за иностранцами сохранена свобода богослуженія, но безъ права пропаганды, а свои признаны на вѣки крѣпостными православной церкви, которая къ тому же получила окончательно іерархическую, а потомъ іерархо-бюрократическую организацію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вся культурная жизнь обязательно-православнаго населенія, имѣющая такое или иное соприкосновеніе съ религіей, отдается въ монопольное завѣдываніе этой бюрократической іерархіи.

Петръ Великій, котораго московскіе восточники, какъ и петербургскіе западники считаютъ такимъ разрушителемъ московскихъ порядковъ и преданій, и въ области религіозной, какъ и во многихъ другихъ, не только не сдѣлалъ никакой существенной реформы, но даже дальше развилъ принципы московской жизни, хотя и далъ имъ европейскій мундиръ, и при томъ не только новаго покроя въ стилѣ начинавшагося тогда XVIII ст., сколько отжившаго XVII ст. Учредивъ духовную коллегію, Синодъ, онъ теперь окончательно подчинилъ ей всю духовную жизнь обяза-

тельно-православнаго населенія, въ томъ числѣ и религіозную литературу.

По мѣрѣ поступленія областей украинскихъ и бѣлорусскихъ подъ управленіе московскаго и петербургскаго государства и церкви, великорусскіе порядки навязывались и этимъ областямъ. Попала подъ эти порядки и религіозная литература Украйны и Бѣлоруссіи. Въ 1720 г. Петру I донесено было, что въ книгахъ, напечатанныхъ въ Черниговѣ (куда, кстати сказать, Петръ посылалъ москвичей учиться типографскому искусству и дѣланію чернилъ) напечатано нѣсколько книгъ со слѣдами „лютерскихъ“ ученій и что въ Кіевѣ тоже выходятъ книги „со многою противностью восточной церкви“. Вслѣдствіе этого, изданія украинскихъ типографій подчинены были цензурѣ петербургскаго синода (такой цензуры требовалъ еще патріархъ московскій въ 1689 году). Тѣмъ же указомъ велѣно было кіевскія и черниговскія церковныя книги „съ такими же церковными книгами справливать прежде печати, съ тѣми великороссійскими печатьми, дабы никакой розни и особаго нарѣчія въ оныхъ не было“. Послѣ такого указа нечего было и думать о продолженіи начатыхъ въ XVI и XVII вв. опытовъ сближенія церковнаго языка съ народнымъ ни въ Украйнѣ, ни потомъ въ Бѣлоруссіи, ни православнымъ, ни тѣмъ болѣе иновѣрцамъ, которые не имѣли за собою государственнаго авторитета раньше присоединенія къ Россіи, какъ остзейскіе нѣмцы, или привислянскіе поляки.

Такъ замерли зачатки украинской и бѣлорусской народной литературы, сначала религіозной, а потомъ и школьной, и культурной вообще. Въ самой привилегированной Великороссіи свѣтская культурная литература должна была, конечно, развиваться, такъ какъ она требовалась даже нуждами правительства и, конечно, должна была постепенно сближаться съ народнымъ языкомъ. Но въ церковной жизни осталась древне-болгарская мертвечина. Только въ XIX в. подъ вліяніемъ западно-европейскаго піэтизма основывается Россійское Библейское Общество и предпринимаетъ изданіе Библіи на живыхъ языкахъ, но въ то время уже овеликорушеннымъ заправителямъ русскаго просвѣщенія не пришло и въ голову издать переводы украинскій или бѣлорусскій. Впрочемъ, россійскіе православные іерархіи нашли ересью изданіе даже Библіи „на русскомъ нарѣчіи“, и, какъ извѣстно, такое изданіе не было пущено въ публику и залегло въ подвалы св. синода; лондонскіе же его перепечатки строго преслѣдовались во все время царствованія Николая I. Только лѣтъ двадцать назадъ послѣ того, какъ герценовская типографія предприняла свое изданіе русской Библіи, изданіе Библейскаго Общества было переиздано Святѣйшимъ Синодомъ. Но этому изданію еще очень далеко до живого великорусскаго языка.

На Украйнѣ съ самаго начала литературнаго возрожденія въ XIX стол. ходила мысль объ изданіи Библіи на языкѣ вполнѣ „простонародномъ“, — и въ 30-ые и 40-ые годы было дѣлаемо къ тому нѣсколько опытовъ, которые, конечно, должны были остаться въ рукописяхъ. Только въ 60-ые годы съ подобнымъ опытомъ рѣшились попробовать выступить печатно. Какую

судьбу имѣла эта проба, — разсказано выше. Тупость, обрусительность и, главное, монополія Св. Синода легли камнемъ на эту пробу, какъ лежатъ онѣ камнемъ на развитіи религіозной жизни и на свободѣ совѣсти всѣхъ населеній Россіи, какъ обязательно-православныхъ, такъ и неправославныхъ. Для насъ самое важное въ неудачѣ этой пробы, — это общая сторона вопроса, а именно, та монополія изданія Библіи на извѣстныхъ языкахъ, которая присвоена себѣ главной духовной православною канцеляріею. Эта же монополія есть одно изъ проявленій еще болѣе общей ненормальности: смѣшенія понятій о церкви, государствѣ и національности. Смѣшеніе этихъ понятій нигдѣ не доходило до такихъ размѣровъ, какъ въ Россіи, сохранившей и въ этомъ отношеніи, какъ во многихъ другихъ, старомосковскіе порядки. Нигдѣ также это смѣшеніе не производило такихъ возмутительныхъ нелѣпостей, какъ тѣ, которыхъ нѣсколько примѣровъ намѣчено и въ настоящей статьѣ.

Уже и эти нелѣпости нарушаютъ права и интересы огромнаго числа индивидуумовъ. Но значеніе этихъ нелѣпостей станетъ еще болѣе важнымъ, если мы подумаемъ, что онѣ тѣсно связаны съ общей религіозной политикой въ Россіи, съ такими явленіями, какъ принудительные законы о смѣшанныхъ бракахъ, шиканы и явныя притѣсненія желающихъ оставить православіе латышей и эстонцевъ въ Остзейскомъ краѣ, канцелярскія обращенія въ православіе католиковъ въ Бѣлоруссіи, преслѣдованіе раскольниковъ и штундистовъ и, наконецъ, драгонады губернаторовъ противъ мусульманъ въ Казанской губерніи и противъ уніатовъ Холмско-Сѣдлецкаго края и т. п., и т. п. Всѣ эти нелѣпости, шиканы, преслѣдованія и кровавыя злодѣйства вопіютъ о существованіи въ Россіи вопроса объ отношеніи церкви и государства въ гораздо болѣе важныхъ формахъ, чѣмъ тѣ, въ какихъ онъ проявляется въ Западной Европѣ. И въ Россіи вопросъ этотъ можетъ разрѣшиться только полнымъ отдаленіемъ религіи отъ политики, т. е. упраздненіемъ государственной церкви и признаніемъ всѣхъ разновѣрій равноправными частными обществами, къ которымъ каждый воленъ принадлежать и не принадлежать, чему, конечно, должна соотвѣтствовать полная свобода слова и печати по всѣмъ вопросамъ вѣры и невѣрія. Это единственное правильное примѣненіе начала свободы совѣсти, — одной изъ существеннѣйшихъ потребностей человѣческой природы и одного изъ необходимѣйшихъ условій нормальной общественной жизни.

Намъ кажется, что вопросъ о такомъ радикальномъ примѣненіи этого начала въ Россіи долженъ быть поставленъ теперь же, какъ часть важнѣйшаго теперь для Россіи вопроса о политической свободѣ. Самые разнообразные элементы населеній Россіи, начиная отъ свободныхъ мыслителей и разновѣрцевъ всѣхъ видовъ и до самыхъ искренне-религіозныхъ людей среди самихъ православныхъ, которые недовольны канцелярскимъ характеромъ теперешней ихъ церкви, заинтересованы въ такомъ радикальномъ рѣшеніи религіознаго вопроса. Въ европейской

же Россіи однихъ лицъ такъ называемыхъ „иностранныхъ исповѣданій“ (евреевъ, католиковъ, протестантовъ, магометанъ и пр.) 15 милліоновъ, да изъ 55 милліоновъ оффиціально-православныхъ до 15-ти милліоновъ раскольниковъ и сектантовъ разнаго рода. Такимъ образомъ, не считая свободныхъ мыслителей и недовольныхъ канцеляризмомъ церкви православныхъ, почти половина населенія европейской Россіи прямо заинтересована въ отмѣнѣ теперешняго устройства въ ней церковной жизни. Надо только всѣмъ недовольнымъ этимъ устройствомъ дружно заявить свое недовольство и потребовать приложенія въ сферѣ религіозной жизни той полной свободы, о которой мы говорили выше, — и установленіе этой свободы не замедлитъ послѣдовать. Только такимъ образомъ каждый получитъ свое, — а за тѣмъ, конечно, каждый можетъ идти своею дорогой.

IV.

Шевченковскій день въ Австріи и Россіи.

(Первоначально напечатано въ журналѣ „Вольное Слово“ № 32, 1882 г.)

Давно уже день смерти Шевченка (26 февраля [10 марта]) сдѣлался повсюду, гдѣ находятся украинцы, днемъ публичныхъ собраній, на которыхъ такъ или иначе, сообразно степени развитія собравшихся и, надо прибавить особенно о Россіи, полицейскому барометру, поминается словомъ, а иногда и дѣломъ (подпиской въ пользу какого-либо учрежденія) имя человѣка, котораго Герценъ справедливо назвалъ „едва ли не единственнымъ народнымъ поэтомъ“. При большей свободѣ, въ Австріи эти собранія получили характеръ національно-политическихъ митинговъ, по поводу которыхъ русины разныхъ мѣстностей, провинцій, и мнѣній обмѣниваются по крайней мѣрѣ привѣтствіями, которыя свидѣтельствуютъ объ извѣстномъ общемъ для нихъ началѣ, и въ послѣднее время пріятно видѣть, что этимъ началомъ становится все больше завѣтъ Шевченка „обнимите найменьшого брата“. Послѣ 1866 г., когда московская нетерпимая централистическая нота была внесена и въ Галицію, нашедши здѣсь себѣ опору въ клерикальной реакціи и своего рода поповско-бюрократическомъ аристократизмѣ, поминки Шевченка были въ теченіе болѣе 10 лѣтъ встрѣчаемы враждебно со стороны той партіи, которую не совсѣмъ справедливо называли общерусскою (такъ какъ значительная часть ея не любитъ „козацкаго украинства“ вовсе не изъ московскаго панруссизма, а изъ австро-уніатскаго „рутенизма“), и поминки эти имѣли болѣе или менѣе партіозный характеръ, собраній „молодой“ партіи, или лучше „молодшихъ“ партій. Поминальныя собранія 26 февраля не допускались, напр., въ львовскій „Народный Домъ“, національную собственность, которая раскрывала однакожъ свою залу для увеселеній, не имѣющихъ ничего общаго ни съ народомъ вообще, ни съ русинскимъ народомъ, на деньги котораго она устроена, въ особенности. Но нѣсколько лѣтъ тому назадъ,

подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, на шевченковскія собранія стали появляться и литературные представители старыхъ партій, а съ прошлаго года распорядители „Народнаго Дома“ допустили собраніе и въ стѣны этого храма. Въ настоящемъ году празднество Шевченка ознаменовалось со стороны одного изъ представителей старыхъ партій только маленькою, хотя и характерною выходкой, о которой сообщаетъ львовскій журналъ „Сьвіт“: Крылошанинъ Павликовъ не позволилъ своей дочери пѣть въ хорѣ и отвѣтилъ депутаціи, которая явилась къ нему просить объ этомъ позволеніи: „не позволю, потому что Шевченко былъ „схизматикъ“ (православный). Слѣдуетъ замѣтить, что г. Павликовъ состоитъ предсѣдателемъ того самаго литературно-хозяйственнаго общества „Имени Качковскаго“, между членами котораго теперь произведено нѣсколько арестовъ по поводу ихъ „москвофильства“ и о преданности котораго „Москвѣ и шизмѣ“ столь много накричали польскія газеты со злостью и россійскія съ радостью. Какъ прогрессъ нынѣшняго года, слѣдуетъ отмѣтить болѣе значительное участіе въ празднованіи Шевченкова дня буковинцевъ, которые до сихъ поръ были подъ сильнымъ давленіемъ старыхъ партій. Только еще Мукачевская Краина или Русь Венгерская блистаетъ отсутствіемъ въ этотъ день: образованные люди ея, презирая „языкъ слугъ“, дѣлятся между прихвостничествомъ передъ венгерскими „господами“, или мечтами о приходѣ „господъ“ изъ Москвы, или соединяютъ то и другое вмѣстѣ, а „слуги“ въ этой землѣ до сихъ поръ и не слыхали, что среди ихъ братьевъ по ту сторону Карпатъ былъ великій кобзарь „воли, правды и науки“.[1]

Въ двухъ центрахъ особенно бываютъ интересны собранія въ день Шевченка: въ Львовѣ, столицѣ Галиціи, и въ Вѣнѣ, гдѣ учится много молодежи русинской въ университетѣ и въ духовной семинаріи, гдѣ проживаютъ по временамъ русины депутаты парламента, военные и гдѣ въ день этотъ на собраніе являются представители всѣхъ славянскихъ народовъ Австріи, а иногда и находящіеся тамъ временно россіяне, украинцы и великоруссы, большею частью молодые ученые, знакомящіеся съ русинами въ аудиторіяхъ, лабораторіяхъ да въ читальнѣ общества „Січ“ (Сѣчь). Поминальное торжество обыкновенно состоитъ изъ рѣчей, декламацій, пѣнія, музыки и чтенія телеграммъ.

Давая отчетъ о львовскомъ собраніи этого года, газета „Діло“ говоритъ, что въ виду теперешнихъ преслѣдованій русиновъ, оно „сталось всенародною манифестаціею, которая безъ большого шуму и крику разогнала (?) темныя тучи на нашемъ горизонтѣ, отразила бурныя волны напастливаго пристрастія враговъ Руси и влила въ сердца наши новую отвагу, новое сознаніе нашего народнаго идеала, нашей правды и силы“. Подробности описанія львовскаго собранія мало, впрочемъ, способны подтвердить эти слова. Самою крупною частью вечера была рѣчь г. Барвинскаго, редактора „Діла“, о которой сказано въ этой газетѣ, что она, „благодаря теперешнимъ обстоятельствамъ,

[1] О венгерской Украйнѣ-Руси ср. „Приложеніе отъ редакціи“ ниже стр. 642 и сл. Прим. ред.

должна была получить характеръ болѣе метафорической образности, чѣмъ наглядной ясности". Къ сожалѣнію, метафорамъ г. Барвинскаго не доставало и ясности переносной, а къ тому же и вѣрности, и въ этомъ врядъ ли можно винить только одни „обстоятельства"; виновата, очевидно, неясность и самого сознанія своего положенія и обязанностей у людей, которыхъ представлялъ ораторъ, и привычка къ фразеологіи, вмѣсто реальныхъ идей о прошломъ и настоящемъ.

Такъ, порабощеніе украинской націи въ прошломъ столѣтіи ораторъ изображалъ съ такою „метафоричною образностью": „На тихій плесъ, на спокойное, какъ невинная улыбка дитяти, чистое зеркало нашей народной жизни, озолоченное первыми розовыми лучами весенняго солнца и проч. и проч. съ сѣвера и запада налетѣли туманныя, темныя, зловѣщія тучи, загремѣли подземные (?!) громы" и проч. и проч. почти на цѣлую колонну фельетона. Въ дѣйствительности порабощеніе Украйны тучами сѣвера и запада случилось послѣ раздѣла ея сначала между Польшею и Московіей, а потомъ между ними и Турціей въ концѣ XVII в., т. е. вовсе не „весною" и не среди невинныхъ улыбокъ, а среди бурной эпохи козацко-крестьянскихъ войнъ, продолжавшихся цѣлое столѣтіе. Время передъ появленіемъ Шевченка ораторъ изображаетъ такъ: „Затихла наша весенняя пѣсня на широкой Украйнѣ, замолкло наше родное слово на козацкой землѣ и пр. и пр. и диво дивное: среди тьмы, тучъ и громовъ съ сѣвера и запада и т. д. послышался голосъ нашего великаго народнаго кормчаго", т. е. Шевченка, „богатыря-молодца, генія" и т. п. Въ дѣйствительности было только то, что, при политическомъ порабощеніи края и соціальной неволѣ массъ, аристократія на Украйнѣ перешла въ чужія національности, но ни родная пѣсня, ни слово не замолкло на Украйнѣ, оттого, какъ только съ конца XVIII в. повѣяло изъ Европы свободнымъ вѣтромъ, отголоскомъ грома политической и соціальной революціонной бури, такъ это слово простого народа получило уваженіе отъ болѣе чувствительныхъ и догадливыхъ представителей образованныхъ классовъ, а постепенное распространеніе образованія и правъ повело къ большему развитію національнаго сознанія на Украйнѣ, въ каковомъ нашли себѣ мѣсто и болѣе энергическіе элементы простонародья, не забывшаго своей старой грозной борьбы за свободу. Сообразно этому, въ дѣйствительности Шевченку предшествовали литературныя попытки писанія украинскаго, непрерывавшіяся вовсе и въ XVIII в., предшествовало собираніе памятниковъ народнаго слова, изученіе исторіи края, а на окончательное формированіе идей „великаго кормчаго" имѣли вліяніе и его товарищи, напр., федерально-демократическіе панслависты, въ родѣ Костомарова. Такому реальному пониманію украинской исторіи и положенія въ ней великаго кормчаго соотвѣтствуетъ и опредѣленіе роли заурядныхъ людей среди современныхъ украинцевъ (ибо богатыри дѣло рѣдкое!): осматривайтесь реально около себя, дружно работайте въ направленіи политическаго, соціальнаго и культурнаго освобожденія массъ, и побѣдите тучи и сѣверныя, и запад-

ныя, и всякія иныя, еще при помощи подобныхъ вамъ борцовъ сѣверныхъ, западныхъ и пр. и пр, А съ метафорами да съ пассивнымъ культомъ богатырей-молодцовъ далеко не уйдете.

Къ сожалѣнію, въ рѣчахъ и телеграммахъ, читанныхъ на собраніи 26 февраля во Львовѣ, гораздо больше метафоръ, преклоненія передъ богатыремъ и вообще чувства, чѣмъ энергической мысли и яснаго желанія. Больше всѣхъ понравилась намъ телеграмма академическаго (университетскаго) общества „Союзъ“ въ Черновцахъ: „слава почитателямъ незабвеннаго кобзаря-мученика! Пусть любовь, которою онъ любилъ свою матерь-Русь (Украйну), обниметъ всѣ русскія сердца и сгинетъ вражда и несогласіе. Обнимите же, братья мои, наименьшаго брата: пусть улыбнется мать, заплаканная мать!“ Но съ грустнымъ чувствомъ и, надо сознаться, съ пожатіемъ плечъ, прочитали мы телеграмму изъ Фочи, въ Герцеговинѣ: „Съ побоища на далекомъ югѣ посылаемъ вамъ, братья, искренній привѣтъ и: боже, помоги! на великій праздникъ нашего Тараса и среди града пуль восклицаемъ: „еще не умерла Украйна!“ Русины (военные).“

Болѣе опредѣленный смыслъ имѣютъ телеграммы, полученныя въ Вѣнѣ обществомъ „Січ“, на устроенномъ имъ праздникѣ, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и праздникомъ XV годовщины существованія „Січі“. Тутъ были представители обществъ: „Буковина“, Akademicky Spolek (чешск.), Ognisko (польск.), Slovenia, Sokol, Tatran (словацк.), Зора (сербск.), Zwonimir (хорватск.), и нѣсколько ученыхъ изъ Россіи, въ томъ числѣ и великоруссы. Січта была между прочимъ и великорусская пѣсня и повторена. Депеши были получены изъ разныхъ мѣстъ Галиціи, Буковины, изъ Женевы, изъ Босніи и Герцеговины. Львовскіе семинаристы почтили Шевченка, какъ „мученика за права человѣчности“. Редакція львовской популярной газеты „Батьківщина“ выразила желаніе, „чтобъ свѣтомъ науки побороть царство тьмы и братскою рукою избавить приниженный мужицкій народъ изъ темной норы и посадить его за всемірное пиршество“. Украинская громада въ Женевѣ, привѣтствуя всѣхъ, собранныхъ во имя Ш—ка, пригласила спеціально „товарищей русиновъ нести идеи его глубоко въ народъ, свой и въ сосѣдніе. Симъ побѣдите!“...

Что касается до связанной съ Шевченковымъ днемъ XV-й годовщины „Січі“, то она ознаменовалась чтеніемъ очерка исторіи товарищества за 15 лѣтъ его существованія. Очеркъ этотъ еще не появился въ печати цѣликомъ, а, по извлеченію, напечатанному въ 18 № „Діла“, видно, что въ немъ было обращено особенное вниманіе на основаніе библіотеки и на преобразованіе товарищества изъ время-препроводительнаго въ литературное, послѣ чего „Січ“ выдала „Короткую исторію Малорусскую“ г. Маркевича и 4 выпуска поэзій Шевченка. Библіотека въ „Січі“, точно, очень порядочная и замѣчательна она между прочимъ тѣмъ, что это самая богатая въ Австріи библіотека по части великорусскихъ книгъ (кромѣ, разумѣется, библіотеки чешскаго музея). Но мы прибавимъ, что библіотека эта была увеличена особенно въ то время, когда „Січ“ была въ

особенно оживленныхъ сношеніяхъ съ россійской Украйной (въ 1873—76 гг.) Въ послѣднее время сношенія эти не поддерживались и библіотека далеко не процвѣла. Что касается до издательской дѣятельности „Січі“, то уже изъ того, что она ограничивается пятью брошюрками, видно, что по этой части похвастаться обществу особенно не чѣмъ, а кто знаетъ это дѣло въ подробностяхъ, тотъ можетъ и долженъ сказать, что въ издательской части „Січ“ подвизалась „болѣе ко стыду, чѣмъ ко славѣ“. Первый выпускъ „Короткой исторіи малор. народа“ былъ изданъ ею еще въ 1874 г. по рукописи, переданной изъ Россіи; послѣ того еще въ 1875 г. переданъ былъ „Січі“ 2-й выпускъ, который такъ и не увидѣлъ свѣта, хотя о приготовленіи его къ изданію общество объявляло даже печатно. Изданіе 4 брошюръ изъ Шевченка — произошло такъ: когда печаталось въ Прагѣ (въ 1875—76 гг.) полное изданіе „Кобзаря“, то нѣсколько пьесъ (въ томъ числѣ „Марія“) были отбиты особыми брошюрами для распространенія въ средѣ крестьянъ и предоставлены въ распоряженіе „Січі“. „Січевики“ очень не энергически занимались этимъ распространеніемъ, пока наконецъ въ 1877 г., во время гонки галицкой полиціи за украинскими соціалистами, полиція и вѣнская проникла въ „Січ“ и не забрала упомянутыя брошюры, конфисковать которыя она не имѣла права, какъ уже пропущенныя въ 1875—76 гг.

Тѣмъ не менѣе „січевики“ не обжаловали дѣйствій полиціи, которая, если не ошибаемся, и до сихъ поръ не возвратила имъ забранныхъ брошюръ, которыхъ во всякомъ случаѣ нѣтъ ни въ продажѣ, ни въ распространеніи въ австрійской Украйнѣ. Возвѣщавшіеся же въ 1875—76 гг. на публичныхъ собраніяхъ, въ томъ числѣ и на Шевченковскихъ собраніяхъ, планы „січевиковъ“ объ изданіяхъ популярно-научныхъ до сихъ поръ нисколько не осуществлены. Послѣ всего сказаннаго можно даже спросить: какое основаніе „Січ“ имѣетъ называться литературнымъ обществомъ?! Да и вообще надо признаться, что „Січ“ вовсе не оправдала надеждъ, которыя внушало уже одно ея имя, а въ эпоху 1875—76 гг. и ея публичныя декларації. Во избѣжаніе недоразумѣній, мы должны оговориться, что мы вовсе не требуемъ, чтобъ „Січ“, общество открытое, національное (Landsmannschaft) и литературное, была обществомъ революціоннымъ, партіоннымъ или даже политическимъ. Нѣтъ! Всякому дѣлу — свои средства! Но мы думаемъ, что, сохраняя вполнѣ свой открытый, національно-культурный характеръ, но только энергически дѣйствуя, „Січ“ могла бы сдѣлать гораздо больше и для австрійскихъ украинцевъ, и для всего украинскаго дѣла, и для пропаганды его среди славянской публики... Впрочемъ, обсуждая дальше этотъ предметъ, мы бы зашли далеко. Sapienti satis!

Шевченковскій день въ этомъ году не прошелъ незамѣтно и въ Россіи. Во Львовѣ была прочитана телеграмма, посланная въ этотъ день изъ Кіева, а въ россійскихъ газетахъ мы прочитали извѣстіе о поминаніи этого дня и въ другихъ городахъ; концертомъ (въ Петербургѣ) и панихидами (въ Москвѣ и Харь-

ковѣ).[1] Въ Москвѣ, впрочемъ, „съ разрѣшенія начальства“ помянули поэта „не злим — тихим словом“; было и вечернее собраніе въ одной изъ гостинницъ, гдѣ „земляки“ вспомнили поэта „рідною мовою і рідною піснію“. Очевидно, что всѣ эти собранія столь уже постнаго характера, въ идейномъ, конечно, смыслѣ, что они возбуждаютъ только чувство неудовлетворенности во многихъ почитателяхъ Шевченка. Многіе изъ нихъ, порадикальнѣе, просто сторонятся отъ всякихъ публичныхъ и полупубличныхъ, легальныхъ и полулегальныхъ (по россійской мѣркѣ) демонстрацій въ Шевченковскій день. Другіе, даже изъ умѣренныхъ, выражаютъ желаніе ознаменовать свою память о Шевченкѣ, чѣмъ-нибудь если не болѣе дѣловымъ, то болѣе прочнымъ, чѣмъ „сумованіе“ и пѣсни 26 февраля. Предлагаютъ то устройство памятника на могилѣ Тараса, то школы его имени, то памятника ему въ Кіевѣ и т. п., но всѣ эти планы обыкновенно ни къ чему не приводятъ. Мы осмѣливаемся думать, что они, при настоящихъ обстоятельствахъ въ Россіи, ни къ чему и не могутъ привести, кромѣ развѣ добровольнаго доноса на самихъ себя со стороны умѣренныхъ любителей украинской національности и народа. Возьмемъ-те примѣры прошлаго: тотчасъ послѣ похоронъ Шевченка въ Петербургѣ, кружокъ друзей его положилъ собирать деньги на устройство около его могилы подъ Каневомъ ремесленной школы. Деньги были собраны, но школа не была открыта, благодаря россійской администраціи. Школу приходилось открывать на землѣ, принадлежащей городскому каневскому обществу, а кіевскій генералъ-губернаторъ Анненковъ, (который вмѣстѣ съ кіевскимъ предводителемъ дворянства Горватомъ, просившимъ о срытіи могилы Шевченка, какъ бунтующей крестьянъ, представлялъ въ Петербургъ, что проводимая именемъ Шевченка пропаганда страшнѣе польскаго возстанія), приказалъ каневскому обществу, дѣтей котораго школа бы и учила, отказать въ уступкѣ земли подъ школу. У подножья горы, на которой погребенъ Шевченко, поставленъ былъ на время пріѣзда пароходовъ квартальный, который спрашивалъ паспорты и записывалъ имена лицъ, поднимавшихся на могилу. Мало по малу о школѣ перестали говорить, а могила пришла въ запустѣніе. Наконецъ, послѣ одного вечера 26 февраля (въ 1875 г.) въ Одессѣ образовался кружокъ, который напечаталъ нѣсколько брошюръ и статей о Шевченкѣ и сталъ собирать деньги и на памятникъ на могилѣ, и на школу. Кончилось тѣмъ, что казначей кружка былъ сосланъ въ архангельскую губернію. Настала Лорисовская оттепель, и опять сердца легальныхъ поклонниковъ Шевченка затеплились надеждою. Нѣсколько гласныхъ кіевской думы подали заявленіе о наименованіи одной городской школы именемъ Шевченка. Назначено было время обсужденія предложенія. Какъ вдругъ 1 марта (1881 г.)! Одинъ изъ подписавшихъ предложеніе, кн. Репнинъ, отказался отъ своей подписи, „въ виду

[1] Въ газетѣ „Трудъ“ сказано о петербургскомъ концертѣ: „музыкальный кружокъ, организовавшій вечеръ, собственно чуждъ, какъ Малороссіи, такъ и Шевченку, и устроилъ этотъ вечеръ, отвѣчая на чисто общественную потребность“.

событія 1 марта". Дума рѣшила вопросъ о Шевченковской школѣ отрицательно!

Курьезенъ былъ отказъ кн. Репнина, постыдно было рѣшеніе думы, но странны были и доводы защитниковъ предложенія и въ думѣ, и въ печати. Шевченка сравнивали и съ Некрасовымъ, и съ Достоевскимъ, памяти которыхъ тогда производились овацiи съ разрѣшенія начальства: говорили даже, что Шевченко, какъ и убитый 1 марта царь, желалъ освобожденія крестьянъ. Слыша такія рѣчи, невольно являлся вопросъ: кого тутъ дурачатъ больше? публику или самихъ себя?? Но несомнѣнно, что начальство одурачить было трудно: оно прекрасно понимаетъ разницу между Шевченкомъ, котораго половину сочиненій нечего и думать печатать въ Россіи, и Некрасовымъ, даже еслибы послѣдній не писалъ стиховъ въ честь царя и Муравьева, — между Шевченкомъ, который и по возвращеніи изъ ссылки, идя мимо Петропавловской крѣпости, думалъ „про те ж таки, шчо j перше думав", и Достоевскимъ, который прославлялъ монархію и даже благодѣтельное вліяніе каторги, между Кобзаремъ и Положеніемъ 19 февраля 1861 г. Своими „благонамѣренными рѣчами" защитники проэкта о Шевченковской школѣ въ Кіевѣ не могли удовлетворить ни независимыхъ людей въ обществѣ, ни начальства, такъ какъ искренни они могли быть только въ томъ случаѣ, еслибы они не знали сочиненій Шевченка; а такъ какъ начальство послѣдняго допустить не можетъ, то оно должно было записать ихъ въ „хитрыхъ хохловъ" и взять ихъ подъ надзоръ полиціи!

Теперь уже читаемъ въ южнорусскихъ газетахъ голоса о томъ, что „теперешнюю школу" даже и странно посвящать памяти Шевченка, но вмѣсто школы нѣкоторые предлагаютъ строить памятникъ Шевченку на тѣхъ же, напр., началахъ, на какихъ поставленъ въ Нѣжинѣ памятникъ Гоголю.

Это значитъ опять искать такой думы, которая бы взяла на себя иниціативу дѣла, или опять составлять частный комитетъ, т. е. опять набраться униженій и, не добившись ничего, подать на себя доносъ!

Какъ таки не понять, что, еслибы даже Шевченка и можно было уложить въ какія-либо легальныя формы,[1] то въ теперешней Россіи никакая легальность не возможна? Вѣдь давно сказано, что въ Россіи „въ сенатѣ нѣтъ закона, въ немъ столбъ, а на столбѣ корона!" А около короны (извините за рифму) — полицейскіе бароны, изъ которыхъ у каждаго своя фантазія. Какая же тутъ можетъ быть легальность! А потому почитателямъ Шевченка въ теперешней Россіи нечего и соваться въ легальность съ ихъ культомъ, и если кто не находитъ, что лучшая форма культа Шевченка, это пропаганда въ массахъ его идей, наиболѣе согласныхъ съ идеями европейскаго радикализма, политическаго, соціальнаго и культурнаго, и если кто желаетъ ограничиться исключительно литературною формою культа поэта,

[1] У Шевченка нелегальность не есть грѣхи молодости, какъ у Пушкина, и не крайніе побѣги, какъ у Некрасова. Онъ весь нелегаленъ, и даже то, что могло бы быть у него легально, чисто національная его сторона, станетъ легальнымъ только тогда, когда Россія станетъ федеральною.

тѣмъ всего благоразумнѣе во всѣхъ отношеніяхъ, до установленія въ Россіи хоть элементарной политической свободы, перенести точку проявленія своего культа и жертвоприношенія для него — за границу, лучше всего въ австрійскую Украйну. По настоящему положенію послѣдней, всего цѣлесообразнѣе было бы для литературнаго культа Шевченка, по нашему мнѣнію, основаніе во Львовѣ библіотеки его имени, которая бы предоставляла тамошней публикѣ, особенно молодежи, книги объ Украйнѣ и потомъ о Россіи и о славянщинѣ вообще, преимущественно о положеніи и интересахъ тамъ народныхъ массъ. Библіотека эта должна быть поручена парочитому обществу изъ мѣстныхъ людей, конечно, независимаго образа мыслей, и съ такимъ статутомъ, при которомъ обезпечено было бы, что библіотека не станетъ достояніемъ узкаго кружка.

Мы позволимъ себѣ закончить эту статейку предложеніемъ лицамъ, сочувствующимъ сказанному плану въ Россіи и въ Австріи, равно какъ и въ другихъ славянскихъ земляхъ, высказать о томъ свои соображенія печатно, или переслать ихъ для напечатанія въ „Громадѣ“, или въ „Вольномъ Словѣ“, редакція котораго, надѣемся, не откажетъ на то въ своемъ согласіи.

V.

Бѣдненькіе самодержцы![1]

(Первоначально напечатано въ журн. „Вольное Слово“ № 50, 1882 г.)

Въ русской дѣйствительности, какъ и въ исторіи, нельзя шагу ступить, чтобы не вспомнить словъ Мордвинова о томъ, что царь называется „самодержцемъ оттого, что его самого держатъ“. Между прочимъ эти слова постоянно приходятъ на мысль, при чтеніи въ высшей степени интересныхъ „Записокъ сенатора Я. А. Соловьева о крестьянскомъ дѣлѣ“ (при Александрѣ II), печатаемыхъ черезъ часъ по чайной ложкѣ въ „Русской Старинѣ“. Тамъ на каждой страницѣ видишь, какъ не только вообще слуги самодержца-освободителя, но именно тѣ лица, которымъ онъ поручалъ устройство освобожденія ставили дѣлу тормазы. Министръ Муравьевъ и госуд. секретарь Бутковъ даже позволяли себѣ прямо говорить, что ничего изъ затѣй самодержца и не будетъ. По этому поводу Соловьевъ разсказываетъ истинно забавныя сцены, какъ плакалась на этихъ господъ-слугъ бѣдненькая жена самодержца: „Вѣроятно, говоритъ онъ, одно изъ этихъ лицъ имѣла въ виду императрица, когда при представленіи ей Н. А. Милютинъ, не задолго до назначенія его товар. ми-

[1] Эта и слѣдующія за нею замѣтки были напечатаны въ „Вольномъ Словѣ“ подъ общимъ заглавіемъ „Литературно-политическія отрывки“. Мы считали нужнымъ первую изъ замѣтокъ, принадлежащихъ къ этой серіи, выдѣлить совсѣмъ и напечатать выше на стр. 436 и сл. (ср. выше прим. тамъ же), всѣ же остальныя, начиная со второй, объединить съ серіей „Литературно-политическія замѣтки“. Печатаніе этихъ замѣтокъ въ „Вольн. Словѣ“ подъ двумя различными заглавіями объясняется, несомнѣнно, только тѣмъ, что номера журнала, въ которыхъ онѣ появлялись, были отдѣлены другъ отъ друга промежуткомъ въ нѣсколько мѣсяцевъ.
Прим. ред.

нистра, сказала: Même pendant que l'empereur faisait des discours à la noblesse, pour l'engager à travailler, il y avait en province un personnage officiel qui tripotait contre nous". Въ другой разъ нѣсколько прежде, на вечерѣ у княгини Елены Павловны императрица подошла къ графу Бобринскому и Н. А. Милютину и, узнавъ, что они говорятъ о крестьянскомъ дѣлѣ, отозвалась неодобрительно о дѣйствіяхъ членовъ главнаго комита, при чемъ прибавила: „De tous ces messieurs il n'y avait que le comte Kisseleff qui avait étudié cette question et qui la désirait sincèrement". („Русская Старина", 1882, октябрь, 140.)

VI.

Эпическій характеръ крестьянскихъ мечтаній.

(Первоначально напечатано въ журн. „Вольное Слово" № 50, 1882 г.)

Если вышеприведенные анекдоты поучительны для народниковъ-монархистовъ (которыхъ вовсе не такъ мало въ Россіи, какъ многіе думаютъ), то слѣдующая выписка изъ „Кіевской Старины" должна быть поучительна для народниковъ-революціонеровъ. Въ названномъ журналѣ печатаются тоже крайне интересныя воспоминанія: „Украинская деревня второй четверти нынѣшняго столѣтія". Между прочимъ тамъ разсказано, какъ послѣ усмиренія польскаго возстанія 1830—31 г., вопреки надеждамъ крестьянъ, гнетъ надъ ними помѣщиковъ (поляковъ) не только не ослабѣлъ, но еще усилился вслѣдствіе „упорядоченія" администраціи и полиціи, которая давила политическій духъ въ панахъ, но служила ихъ экономическимъ интересамъ. „Въ представленіи моего отца, разсказываетъ авторъ воспоминаній въ „К. Старинѣ", императоръ Николай былъ рыцаремъ, какихъ свѣтъ не видѣлъ; онъ отъ всей простой души своей вѣрилъ многочисленнымъ сказкамъ, разносимымъ солдатами, о его необычайныхъ подвигахъ, вродѣ, напримѣръ, разгрома всѣхъ сенаторовъ и министровъ, заманившихъ его въ сенатъ, чтобы тутъ секретно покончить съ нимъ, внезапнаго появленія въ синодѣ, отъ котораго всѣ архіереи попрятались подъ столъ и т. п., онъ не допускалъ, чтобъ такой рыцарь... могъ не знать, что тутъ творится панами, становыми и т. п., и только утѣшалъ себя мыслью о томъ, что, вѣроятно, онъ собирается съ кѣмъ-либо воевать и что, покончивши войну, онъ примется снова за пановъ."

Такъ думалъ сельскій священникъ, раздѣляя вѣру и мечты своихъ прихожанъ-крестьянъ, мечты, какъ видимъ, почти буквально сходныя съ теперешними. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что представленія украинскихъ крестьянъ двоятся: то царь сдѣлаетъ добро народу, то онъ безсиленъ сдѣлать что-либо, преодолѣть силу „саноты". Вотъ почему у украинскихъ крестьянъ легенды о появленіи царя въ сенатѣ среди вельможъ распространены и въ такихъ варьянтахъ, что паны держатъ тамъ царя въ неволѣ и даже мучатъ его. (См. въ „Громадѣ", V, 210—211, легенду, записанную г. Я. Стефановичемъ въ Чигиринщинѣ.) Хотя легенды послѣдняго рода вѣрнѣе отражаютъ дѣй-

ствительное положеніе безсильнаго на добро самодержавія, но всетаки ихъ эпическій характеръ въ состояніи привести въ отчаяніе друзей общественнаго развитія. И такія легенды все болѣе усиливаются и на когда-то козацкой Украйнѣ, благодаря между прочимъ близорукости ея интеллигенціи, не умѣющей поддерживать и развивать остатковъ свободныхъ и культурныхъ традицій въ украинскомъ народѣ.

VII.

Козацкія традиціи на Украйнѣ.

(Первоначально напечатано въ журн. „Вольное Слово“ № 50, 1882 г.)

Вотъ одно изъ указаній на такіе остатки, встрѣченное нами въ новѣйшей печати. Мы беремъ его изъ въ высшей степени интересныхъ „Записокъ южно-русскаго крестьянина“, помѣщенныхъ въ переводѣ съ украинскаго въ „Устояхъ“ (1882 г., № 1—2). Крестьянинъ, бывшій бурлакъ, разсказываетъ между прочимъ:

„Замѣтилъ я тамъ одного „дидуся“, стараго, сѣдого и лысаго. Тотъ „дидусь“ былъ родомъ изъ Полтавской губерніи, изъ Веремѣевки. Познакомился онъ со мною (онъ былъ коновалъ) и много кой-чего мнѣ разсказывалъ. Бывало, зимою я уберу конюшню, а онъ смотрѣлъ за жеребцами, да гдѣ-нибудь и сойдемся себѣ. Онъ мнѣ и разсказываетъ все, что знаетъ.

Разсказывалъ онъ мнѣ, что когда-то въ Полтавщинѣ жили козаки, назывались запорожцами. Я ему и говорю: то жъ были разбойники?

А онъ мнѣ и говоритъ: Не вѣрь, то не разбойники. Они были козаки, какъ вотъ теперь солдаты. Имѣли они себѣ своего „пана гетьмана“, а онъ управлялъ войскомъ козачьимъ. Назывались они украинцами. Было у нихъ своей земли много, а сами они воевали. За то и назвали ихъ разбойниками и ворами. А они были добрые люди, какъ и всѣ люди.

А я и говорю: какъ же это? Такіе люди, а ихъ назвали такими.

— Потому что они были „неувага“, не давали спуска никому.

А я и говорю: какъ же это не давали спуску? Значитъ, они были разбойники?!

А онъ говоритъ: если кто-нибудь нападалъ на нихъ, то они были сердиты и зададутъ, бывало, жару. Это, — говоритъ, — была когда-то ихъ земля.

— А я думалъ, — говорю я, — что они разбойники.

Тогда „дидусь“ и говоритъ мнѣ: тогда козаки были какъ теперь паны. Они были военные: у нихъ была своя крѣпость возлѣ Херсона, называлась Сѣчь. И этотъ Херсонъ, онъ не Херсономъ назывался тогда, а иначе.“

Въ этомъ воспоминаніи „дидуся“ нѣтъ, конечно, должной отчетливости (напримѣръ, козаки-гетманцы смѣшаны съ запорожцами), но сущность козачины передана въ немъ вѣрно, и если бы украинское простонародіе не было оставлено само на себя помосковившеюся и ополяченною интеллигенціею, подобныя во-

споминанія, которыя были бы въ томъ случаѣ и отчетливѣе, стали бы прочною подкладкою для его политическаго и соціальнаго воспитанія, что въ свою очередь было бы могучею подкладкою и для свободныхъ стремленій лучшей части интеллигенціи. Но случилось такъ, что украинская интеллигенція стала браться за умъ только недавно, да и то количество этихъ взявшихся за умъ, т. е. сознавшихъ необходимость возвратиться къ національности своего народа, крайне ничтожно и до сихъ поръ, а потому и до сихъ поръ всѣ разговоры о культивированіи среди украинскаго народа остатковъ его прежней нравственной и политической культуры не имѣютъ большого практическаго значенія. Украинское простонародье и до сихъ поръ сохраняетъ эти остатки и приспособляетъ ихъ къ новымъ условіямъ жизни само, безъ помощи выше его стоящихъ образованныхъ людей. Сохраненіе это выражается, напримѣръ, въ массѣ пѣсенъ политическаго характера, которыя играютъ на Украйнѣ воспитательное значеніе въ такомъ же родѣ, какъ, напримѣръ, въ Италіи памятники пластическаго искусства, а вышеупомянутое приспособленіе обнаруживается, напримѣръ, тѣмъ, что мѣстами крестьяне привязываютъ ожидаемую ими нарѣзку земли не къ царю, а къ Запорожью, которое-де скоро опять возстановится.

VIII.

Страхи украинскаго сепаратизма.

(Первоначально напечатано въ журн. „Вольное Слово“ № 50, 1882 г.)

„А, такъ Вы, значитъ, за возстановленіе козачества, Гетьманщины и Запорожья, вещей, осужденныхъ на смерть исторіею. Вы за сепаратизмъ, вещь противную нынѣшнимъ объединительно-космополитическимъ читателямъ!“ воскликнетъ „догадливый читатель“, какихъ много между россіянами, благополучными и злополучными, консервативными и радикальными, — „Вы мечтатель-романтикъ и реакціонеръ!“

По части реакціи, мы, еслибъ были дѣйствительно мечтателемъ — козакофиломъ, сказали бы, что наши реакціонныя мечтанія вовсе не противны прогрессу, ибо козацкія республики старой Украйны были гораздо ближе къ идеальному политическому строю, чѣмъ та россійская имперія, въ которой благоденствуетъ Украйна въ настоящее время. Эти республики имѣли свои недостатки и въ прошломъ, но всетаки онѣ были республики, всетаки, напримѣръ, Запорожье представляло вполнѣ демократическую общину, а при томъ вовсе не исключительно военную и даже разбойническую, вовсе не дикую, какъ угодно утверждать оффиціальнымъ историкамъ польскимъ (Шуйскій) и московскимъ (Соловьевъ) и обратившемуся почему-то къ ихъ идеямъ г. Кулишу; всетаки въ Гетьманщинѣ сотня была, по крайней мѣрѣ въ принципѣ самоуправлявшейся волостью, полкъ такимъ же уѣздомъ, а вся Гетьманщина такою же областью, въ которой постепенно вырабатывались и формы общенароднаго представи-

тельства. Объ этой выработкѣ мы поговоримъ подробнѣе въ другой разъ, а теперь считаемъ достаточнымъ и сказаннаго для иллюстраціи мысли о томъ, что украинецъ, который бы мечталъ о возвращеніи своей страны къ порядкамъ XVII—XVIII в. вовсе не былъ бы черезъ то реакціонеромъ.

Но дѣло въ томъ, что объ этомъ также точно никто не мечтаетъ, какъ и объ украинскомъ сепаратизмѣ, о которомъ въ послѣдній мѣсяцъ опять наговорили разныхъ нелѣпостей московскія газеты гг. Каткова и Аксакова и ихъ петербургскіе и кіевскіе прихвостни.

Впрочемъ, да успокоится читатель: мы пощадимъ его отъ полемики съ этими господами. Какая тутъ, въ самомъ дѣлѣ, полемика хоть бы съ г. Аксаковымъ, который продолжаетъ пѣть пѣсню, напримѣръ, о полонофильствѣ Вашего покорнаго слуги, котораго никакъ не можетъ забыть г. Аксаковъ?! Но сегодня мы остановимся не на обвинителяхъ украинскаго движенія, а на такихъ его защитникахъ въ русской печати, какъ, напримѣръ, г. Н. С., авторъ статьи „Львовскій Процессъ“ въ октябрской книжкѣ „Вѣстника Европы“. Мы остановимъ вниманіе читателя на слѣдующей выдержкѣ изъ этой статьи:

„Для политическаго сепаратизма Малороссіи не было, нѣтъ и быть никогда не можетъ безусловно никакой почвы, никакого основанія. У малороссовъ съ русскими однѣ историческія традиціи (?), одна вѣра и, слѣдовательно, во многомъ одинъ складъ понятій; въ нравахъ ихъ много общаго, а языки такъ близки одинъ къ другому, что, предоставленные своему естественному развитію, они неминуемо должны слиться во-едино (?). Все это такія крѣпкія и прочныя связи, которыя не разрываются никакими политическими фантазіями. Народъ ихъ не приметъ, сколько бы ихъ ему ни навязывали и какіе бы фантазеры съ ними ни носились. Кромѣ того, между землями, населенными малороссами и русскими, нѣтъ ни малѣйшаго подобія естественныхъ границъ. Оба племени живутъ, мѣстами въ перемежку, на плоской равнинѣ, не перерѣзываемой ни горными кряжами, ни рѣками (?). Наконецъ, общіе экономическіе интересы такъ тѣсно связываютъ ихъ между собой, что политическое разъединеніе равно гибельно отразилось бы на тѣхъ и другихъ. Ясно, что всякая рѣчь о сепаратизмѣ просто смѣшна.

„Но нѣтъ той смѣшной нелѣпости, которая не могла бы стать источникомъ неисчислимыхъ бѣдствій, если ее сдѣлаютъ орудіемъ политическаго гнета и національнаго гоненія. До сихъ поръ малороссы были такъ же глубоко преданы Россіи, какъ и природные великоруссы; но политика, построенная по образцу, придуманному „охранителями“, можетъ въ нихъ эту преданность убить и заставить, по меньшей мѣрѣ, съ пассивнымъ равнодушіемъ относиться къ интересамъ государства, въ которомъ для нихъ, какъ для особаго племени, не находится мѣста, и гдѣ самый фактъ ихъ существованія въ этомъ качествѣ объявляется іезуитско-польско-австрійской интригой. Позвольте малороссамъ оставаться малороссами и они скоро станутъ настоящими русскими не только по имени, но и по существу. Если же ихъ на-

сильственно будутъ обращать въ русскихъ, они всѣ мало-по-малу начнутъ величать великороссовъ „москалями“, а сами себя „украинцами“, какъ это уже и дѣлаетъ небольшая пока группа среди нихъ. Эти выраженія: украинцы, украинофилы, недаромъ приводятъ въ такое яростное негодованіе господъ „охранителей“. Они хорошо понимаютъ тенденцію, таящуюся въ этихъ названіяхъ и стремящуюся разъ навсегда отнять почву, уничтожить ту игру словъ, или, вѣрнѣе, даже буквъ, при помощи которой малороссовъ объявляютъ русскими, и на этомъ основаніи не признаютъ за ними никакого права на племенную особность. Плохо, очень плохо будетъ, если вся Малороссія пойметъ истинное политическое значеніе этой игры словъ и начнетъ называть себя Украйной, а свой народъ украинцами. Плохо, очень плохо будетъ, если угнетенная Галиція сдѣлается чѣмъ-то вродѣ свѣточа или звѣзды, къ которой станутъ обращаться взоры нашихъ наслаждающихся покоемъ и счастіемъ малороссовъ. А это можетъ случиться, если „охранительныя“ тенденціи восторжествуютъ, и отношеніе наше къ малороссамъ не измѣнится. Разумѣется, это не поведетъ прямо къ расчлененію Россіи, — воображаемое стремленіе, которое такъ пугаетъ этихъ господъ; но это можетъ внести въ нее разслабляющій и растлѣвающій ядъ племенной вражды, гражданской междоусобицы, которая, по отношенію къ внутренней жизни государства, немногимъ лучше расчлененія.“

Мы уже имѣли случай говорить о г. Н. С., какъ объ авторѣ статей по польскому вопросу въ „Русской Мысли“ („В. Сл.“ № 21).[1] Это публицистъ очень симпатичнаго, федеральнаго направленія въ славянскихъ вопросахъ, статьи котораго, по справедливости, были замѣчены публикою и въ Россіи, и въ Западной Славянщинѣ. Къ сожалѣнію, въ статьяхъ г. Н. С. не видно стремленія къ полной точности всѣхъ фактовъ, на которыхъ авторъ основываетъ свои заключенія, а рядомъ съ этимъ видна наклонность къ адвокатскому способу доказательствъ: во что бы то ни стало, съ воздѣйствіемъ хоть на чувство, если не на убѣжденіе. Въ выписанной тирадѣ эти черты писательской манеры г. Н. С. обнаружились, какъ въ первой половинѣ, въ которой авторъ старается побороть страхъ украинскаго сепаратизма смягченіемъ условій для центробѣжнаго движенія украинцевъ, такъ и во второй, въ которой авторъ, изъ похвальнаго желанія поразить катковщину, пугаетъ читателя возможностью, если не сепаратизма украинскаго, то племенной вражды и гражданской междоусобицы. Мы не станемъ теперь разбирать степень точности посылокъ первой половины тирады, хотя и очень интересно бы разобрать вопросъ, напримѣръ, о степени общности историческихъ традицій украинскихъ и великорусскихъ и даже о степени сходства (народной, а не оффиціальной) религій у обоихъ племенъ.[2] Мы остановимся на второй половинѣ защитительной для украинскаго автономизма тирады г. Н. С.

[1] См. № I этой серіи статей. Прим. ред.

[2] По послѣднему вопросу очень любопытно прочесть, напримѣръ, въ авг. книгѣ „Кіевской Старины“ писанный великороссомъ разборъ „Памятной книжки Кіевской епархіи“ со взглядомъ на болѣе популярныхъ святыхъ и праздники на Украйнѣ и въ Великороссіи.

Она, между прочимъ, пугаетъ читателей тѣмъ, что, если малороссамъ не будутъ позволять оставаться малороссами, то они начнутъ величать великороссовъ москалями, а сами себя украинцами. Да вѣть эта бѣда, — если это бѣда, — уже давно существуетъ. Намъ очень не хочется пестрить наши замѣтки учеными цитатами, а потому мы скажемъ только, что всякій, взявши въ руки любой сборникъ актовъ, грамотъ, хроникъ съ самого Богдана Хмѣльницкаго, любой этнографическій сборникъ, любое путешествіе великорусса на Украйну въ XVII—XVIII в. (хоть бы, напримѣръ, письма съ дороги Екатерины II), любую повѣсть изъ украинской жизни (хоть бы, напримѣръ, Гоголя „Вечера“ или „Вій“), и онъ убѣдится, что свои и чужіе чаще всего называли и называютъ „малороссовъ“ — украинцами, а великороссовъ — „москалями“.[1] Имя Малороссіяне было и есть книжное и употреблялось преимущественно относительно Черниговской и Полтавской губ., оффиціальной Малороссіи въ Россійской имперіи. Для жителей Слободской Украйны, Правобережной и самой такъ называемой Новороссіи это имя совсѣмъ дико, тогда какъ имя украинцевъ имъ совершенно родное. Чуждымъ образомъ звучитъ послѣднее развѣ волынянамъ, а особенно галичанамъ, изъ которыхъ послѣдніе всего чаще зовутъ себя русинами или русняками, какъ и забужскіе уніаты и отчасти западные подоляне и бессарабцы (не румыны, конечно). Но и въ пѣсняхъ этихъ западныхъ нашихъ соплеменниковъ находимъ имя Украйна и украинцы для наименованія своей земли и народа, и даже закарпатскіе русины зовутъ часть своей земли около Мукачева Краина, даже иногда Украйна.[2] Такимъ образомъ, изъ всѣхъ именъ, прилагаемыхъ къ такъ называемымъ малороссамъ, какъ расѣ, всего естественнѣе является имя украинцевъ. Мы не думаемъ, чтобъ это имя само по себѣ представляло большій источникъ сепаратизма извѣстнаго населенія отъ Россіи, но во всякомъ случаѣ это имя въ Россіи не представляетъ такой новизны, какъ думаетъ г. Н. С. Нѣкоторую новизну оно представляетъ развѣ въ Австріи, и тутъ употребленіе его имѣетъ тенденціозное значеніе и, если хотите, нѣкоторую опасность — не для Россіи, а именно для Австріи, особенно для австрійской Польши. Здѣсь имя украинцевъ напоминаетъ о родствѣ тамошнихъ русиновъ, которыхъ польскіе Катковы считаютъ разновидностью поляковъ, съ приднѣпровскими украинцами-козаками, всетаки самыми энергическими представителями своей расы въ

[1] Мы процитируемъ для г. Н. С. только одинъ примѣръ изъ оффиціальной бумаги XVIII ст. Въ 1710 году кіевскій воевода кн. Дм. Голицынъ писалъ канцлеру Головкину: „Сказывалъ мнѣ бывшій чигиринскій сотникъ Невѣнчанный, что... на дорогѣ встрѣтилъ гетманскаго посланца.... Этотъ посланецъ спрашивалъ его: На Москвѣ что дѣлается? а у насъ на Украйнѣ слышно, что государь хочетъ украинскихъ всѣхъ людей перевесть за Москву и на Украйнѣ поселить русскихъ людей. Москва лучшіе наши города хочетъ себѣ побрать.“... (Солов. Ист. Росс. XVI, 39).

[2] А вотъ примѣръ того, какъ необходимо прибѣгнуть къ употребленію слова украинскій, если хотятъ точно опредѣлить характеръ языка закарпатскихъ русиновъ. Въ бумагахъ словацкаго патріота начала XIX ст., Рыбая, есть замѣтки о рукописяхъ библіотеки въ Мукачевѣ, и между ними такая: in eadem bibliotheca manio plures numerantur veteres codices in lingua potissimum Slavoliterali sed jam ad Russicam-Ukrainensem... hic illic flexa. (Русск. Филолог. Вѣстн. 1881. I, 205.)

борьбѣ за ея самостоятельность отъ Польши; здѣсь имя украинофилъ напоминаетъ, напримѣръ, о Шевченкѣ, представителѣ идеи о возрожденіи народа, котораго австрійскіе русины составляютъ только часть. Здѣсь, при проникновеніи туда россійскаго украинофильства въ началѣ 1860-хъ гг., сильно не понравилось имя украинцевъ всѣмъ оффиціозамъ: правительственнымъ — нѣмецкимъ и польскимъ и клерикальнымъ — римскимъ и русино-уніатскимъ. Нужна была вся близорукость россійскаго правительства, которое стало гнать украинское движеніе у себя, и вся тупость московскихъ централистовъ, которые взывали къ такому гоненію и приняли реакцію противъ украинства русинскихъ старовѣровъ за панруссизмъ, чтобъ измѣнить отчасти такое положеніе украинизма въ Австріи. Но и теперь очень ошибется тотъ, кто подумаетъ, что радикальное украинство à la Шевченко въ большомъ авантажѣ въ Галиціи даже въ той изъ тамошней партіи, которую называютъ украинофилами, у народовцевъ цвѣта львовскаго „Діла“. Его держатся только непримиримые болѣе или менѣе соціалистическаго характера, и только они употребляютъ безъ оглядки имя украинцевъ для наименованія своего народа.

Благодаря глупости петербургскаго правительства и тупости московскихъ централистовъ Галиція дѣйствительно теперь сдѣлалась убѣжищемъ даже и для россійскаго украинскаго движенія. Тамъ, гдѣ существуютъ школы, гимназія и университетскія каѳедры съ украинскимъ языкомъ, печатаютъ теперь свои работы и украинцы изъ Россіи. Но, вовсе не думая ни поддѣлываться къ русскому правительству, ни замазывать ему глазъ (ни то, ни другое ни къ чему намъ не нужно), но единственно для уясненія вопроса, о которомъ такъ часто говорятъ въ Россіи, мы скажемъ, что даже и отъ такого положенія дѣлъ опасность отъ украинскаго движенія существуетъ гораздо болѣе для австрійско-польскаго государства, чѣмъ для Россіи. Галиція слишкомъ мала, галицкая интеллигенція слишкомъ мало энергична и бѣдна, слишкомъ придавлена польскою интеллигенціей, чтобъ Галиція могла стать въ политическомъ отношеніи притягательнымъ пунктомъ для россійской Украйны. Съ другой стороны, польская интеллигенція въ Галиціи слишкомъ недальновидна (едва ли еще не болѣе, чѣмъ московскіе централисты), чтобъ рѣшиться на уступки, которыя бы удовлетворили русиновъ. Къ тому же эта интеллигенція тамъ представляетъ и сословіе, которому мужики-русины противны и въ соціальномъ, а не только въ національномъ отношеніи. По всему этому въ Галиціи всегда (до радикальнаго измѣненія всѣхъ ея соціальныхъ отношеній) будетъ антагонизмъ между русинами и поляками (мы не говоримъ о польскомъ народѣ, который живетъ въ отрубной полосѣ въ западной Галиціи), тогда какъ въ Россіи, съ паденіемъ бюрократическаго самодержавія, которымъ теперь завладѣли московскіе централисты, весьма легко уладится весь украинскій вопросъ. Великорусскій народъ, какъ и чисто-польскій, живетъ себѣ въ отрубномъ кускѣ и въ послѣднее время даже не колонизируетъ южныхъ провинцій, а движется къ Востоку, уступая даже Донскую область и Ставропольскую губ. украин-

цамъ. Овеликорушенная сверху часть образованныхъ классовъ на Украйнѣ скорѣе только отвыкла отъ украинской національности, чѣмъ враждебна ей, какъ это до сихъ поръ приходится говорить (особенно основываясь на примѣрѣ Галиціи) о части ополяченной. Вотъ почему при установленіи въ Россіи политической свободы, особенно на началахъ областной свободы, можно ожидать вполнѣ мирнаго улаженія украинскаго вопроса съ поставленіемъ украинскаго движенія въ естественныя рамки. Политическаго сепаратизма при этомъ тѣмъ болѣе нечего бояться въ Россіи, что украинцамъ онъ былъ бы не выгоденъ, такъ какъ, кромѣ всего прочаго, они лишились бы запасныхъ для своей колонизаціи земель промежду Донцемъ, Нижней Волгой и Кавказомъ, которыя они непремѣнно заколонизуютъ въ не очень отдаленномъ времени. Въ то же время, какъ обиліе запасныхъ земель, такъ и относительная слабость помѣщицко-капиталистическаго элемента въ Россіи и явная наклонность интеллигенціи страны къ демократическимъ идеямъ, даетъ основаніе ожидать, что и аграрныя отношенія здѣсь уложатся выгоднѣе для украинскаго плебса, чѣмъ въ Галиціи.

А все это сводится къ тому, что вмѣсто того, чтобъ Галиція оказывала политическое вліяніе на россійскую Украйну, скорѣе послѣдняя окажетъ его на Галицію. Если дѣла россійской Украйны уладятся сколько-нибудь нормально въ политически свободной Россіи и если въ то же время австрійско-польско-венгерскіе политики не измѣнятъ своего отношенія къ русинамъ по вопросамъ національнымъ и соціальнымъ, то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что россійскіе украинцы употребятъ свои усилія къ помощи своимъ австрійскимъ братьямъ и сосѣдямъ и не отступятъ даже передъ вовлеченіемъ Россіи въ войну для ихъ освобожденія.[1] Сегодня, можетъ быть, эти слова покажутся кому-нибудь фанфаронствомъ, но, qui vivra, verra! Только бы управиться съ россійскимъ самодержавіемъ! Это тотъ Карѳагенъ, который прежде всего нужно разрушить украинцамъ, какъ и всѣмъ другимъ народамъ Россіи, начиная съ самихъ великоруссовъ.

[1] Не совсѣмъ невозможно, впрочемъ, что, если поляки Царства Польскаго пристанутъ къ федеральному движенію въ Россіи, то они окажутъ благопріятное вліяніе и на своихъ соплеменниковъ въ Австріи. Но, въ случаѣ превращенія Россіи въ свободное государство съ самоуправленіемъ областей и націй, возможно стремленіе и у поляковъ галицкихъ, не говоря уже о познанскихъ, къ соединенію съ такимъ государствомъ, въ которомъ будетъ свободно жить большинство ихъ соплеменниковъ.

Гете и Шекспиръ
въ переводѣ на украинскій языкъ.

(Первоначально напечатано въ журналѣ „Вольное Слово“ № 31, 1882 года.)

Еще въ 1880 году печатались въ газетѣ „Правда“ нѣкоторыя главы изъ „Фауста“ въ переводѣ на украинскій языкъ. На-дняхъ вышелъ въ Львовѣ полный переводъ первой части этого великаго произведенія величайшаго изъ поэтовъ міра. Переводчику г. Ивану Франко принадлежитъ честь доказать московскимъ націоналистамъ, а вмѣстѣ съ ними и всѣмъ великорусскимъ литераторамъ, что украинскій языкъ въ богатствѣ, изяществѣ и гибкости формъ не уступаетъ ни одному изъ современныхъ литературныхъ языковъ славянства и вовсе не такъ бѣденъ понятіями, чтобы на немъ затруднительно было передавать глубину философской мысли и живописать высоко-художественные образы. Это не языкъ простонародья только, какъ увѣряютъ московскіе невѣжды, а языкъ цѣлой націи, политическое будущее которой еще впереди, но чье мѣсто на право самостоятельнаго развитія въ ряду цивилизованныхъ народовъ уже завоевано и не можетъ быть занято никѣмъ инымъ.

Прибавимъ, что изъ печатныхъ объявленій мы узнаемъ, что въ Кіевѣ печатается по украински Шекспировъ Гамлетъ въ переводѣ г. Старицкаго, а въ Львовѣ переводъ всѣхъ сочиненій Шекспира, сдѣланный г. Кулишемъ. Въ первомъ томѣ помѣщены „Отелло“, „Троилъ и Кресида“ и „Комедія ошибокъ“.

Херсонская земская управа и галицкій земскій комитетъ.

(Первоначально напечатано въ журналѣ „Вольное Слово“ № 11, 1881 г.)

Въ числѣ пропущенныхъ въ послѣднее время въ Кіевѣ украинскихъ книгъ выгодно обращаетъ на себя вниманіе брошюрка „Про обкладки“ (дифтеритъ). Какъ видно изъ газеты „Трудъ“, брошюрка быстро пошла въ ходъ: въ Херсонѣ въ нѣсколько дней разошлось 100 экз., а Херсонская Земская управа потребовала 2000 экз. для распространенія въ народѣ.

Въ одно время съ этимъ мы прочитали въ львовской газетѣ „Батьківщина“, что Галицкій Земскій (сеймовой) комитетъ (Wydział Krajowy) отвѣтилъ отказомъ на прошеніе редакціи

„Батьківщины“ о выдачѣ пособія въ 200 гульд. на изданіе книги „Русскій правотарь (юристъ) народный“, которая должна была популяризировать юридическія свѣденія. Собственно, „Батьківщина“ просила не о субсидіи, а о томъ, чтобъ сеймъ закупилъ изданія на 200 г., на каковую сумму книга была бы разослана въ громады для даровой раздачи. Надо замѣтить, что сеймъ въ послѣднюю сессію рѣшилъ выдать 10 000 на іезуитскія затѣи общества, „Змартвыхвстанцевъ“ и 7 000 гульд. на отдѣлку помѣщенія предсѣдателя сейма.

Мы не хотимъ торопиться съ обобщеніями, но во всякомъ случаѣ сопоставляемъ различное поведеніе одного изъ земствъ „русскихъ“ и представителя земства польскаго относительно популярныхъ изданій для украинцевъ. Польскіе земцы въ Галиціи рѣшительно люди неисправимые!

Война съ памятью о Шевченкѣ.

(Первоначально напечатано въ журналѣ „Вольное Слово“ № 46, 1882 г.)

Могила Шевченка обращала на себя вниманіе русской печати въ послѣднія недѣли. Въ отвѣтъ на сѣтованія кіевской „Зари“ на то, что могила эта обсыпается, г. Н. Лѣсковъ помѣстилъ въ „Новомъ Времени“ прекрасную замѣтку, совсѣмъ не подстать этой газетѣ, не пропускающей случая лягнуть тѣхъ людей, которые приняли къ сердцу произведенія знаменитаго поэта. Г. Лѣсковъ представилъ доказательства, что могила Шевченка обсыпается вовсе не отъ забвенія ея, а именно отъ того, что къ ней „не заростаетъ народная тропа“, что, конечно, не опровергаетъ мысли о необходимости упрочить эту могилу монументальными сооруженіями. Газетные толки о могилѣ Т. Шевченка напомнили и намъ нѣкоторые факты, которые мы считаемъ интересными во многихъ отношеніяхъ и характеризующими положеніе дѣлъ въ Россіи.

Дѣло въ томъ, что съ могилой украинскаго поэта давно уже ведется глухая война, въ которой усердное участіе принимаетъ мудрая россійская администрація. Такъ, едва только похоронили Шевченка и стали насыпать ему въ 1861 году могилу, надъ Днѣпромъ у Канева, какъ къ кіевской администраціи стали поступать доносы отъ мѣстныхъ панововъ (польскихъ), поддерживаемые статьями въ польскихъ газетахъ о томъ, что эта „Мекка украинскихъ хлопомановъ и хлоповъ“ служитъ очагомъ гайдамацкой пропаганды. Въ 1862 году мы встрѣтили даже въ Зеньковскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи въ средѣ панковъ вѣру въ слухъ, образовавшійся во время этихъ доносовъ на правомъ берегу Днѣпра, будто въ могилѣ зарыты ножи, а самъ Шевченко не умеръ, а живетъ въ Лондонѣ и явится на Украйну къ моменту новой гайдамачины.

Въ 1863 году кіевскій предводитель дворянства Горватъ подалъ генералъ-губернатору Анненкову записку о необходимости

срыть могилу Шевченка. Анненковъ, который вообще старался увѣрить правительство, что украинофильство гораздо опаснѣе, чѣмъ польское движеніе, по крайней мѣрѣ, въ югозападномъ краѣ, вошелъ въ виды Горвата. Могилы, конечно, онъ не срылъ, но учредилъ надъ нею надзоръ: квартальный появлялся ко времени прибытія парохода (могила стоитъ какъ разъ надъ тогдашней пристанью) и записывалъ имена посѣтителей могилы, а сначала даже требовалъ у нихъ предъявленія паспортовъ. Но гораздо серьезнѣе была другая продѣлка, придуманная Анненковымъ: почитатели Шевченка предполагали построить около его могилы ремесленную народную школу. Дѣло о томъ поведено было оффиціальнымъ порядкомъ, но по приказанію Анненкова каневская городская дума не согласилась на помѣщеніе школы у могилы, которая лежитъ на городской землѣ, ни къ чему городу не служащей. Каневская коммуна, такимъ образомъ, остановила основаніе на своей землѣ школы, въ которой учились бы ея же дѣти! Въ 1877—1878 гг. проектъ школы у могилы Шевченка вновь былъ выдвинутъ однимъ одесскимъ кружкомъ, но остался безъ движенія вслѣдствіе высылки иниціатора дѣла въ Архангельскую губернію. Въ послѣднее время мы получили изъ двухъ источниковъ извѣстіе, показывающее, что самое упоминаніе имени Шевченка передъ народомъ считается русской администраціей преступленіемъ. Недавно одинъ изъ инспекторовъ народныхъ школъ югозападнаго края, г. Самчевскій, человѣкъ не замѣченный ни въ какихъ измахъ, былъ въ с. Кириловкѣ, родинѣ Шевченка, и, уговаривая тамошнихъ крестьянъ основать и содержать у себя школу, упомянулъ о томъ, что въ ихъ селѣ родился такой извѣстный писатель. Этотъ аргументъ показался неблагонадежнымъ мѣстному мировому посреднику, который и донесъ о немъ губернатору (воспитанникъ кіевскаго университета С. Гудимъ-Левковичъ); губернаторъ пригласилъ инспектора для объясненій, и повидимому былъ ими удовлетворенъ, но тѣмъ не менѣе передалъ дѣло (!) генералъ-губернатору. Этотъ же потребовалъ отъ попечителя увольненія г. Самчевскаго отъ службы, каковое требованіе и было уважено представителемъ трусливѣйшаго въ Россіи вѣдомства. Нужно ли что-нибудь прибавлять къ характеристикѣ подобной глупости?!

Отвѣтъ Драгоманова на письмо Лимановскаго.

(Первоначально напечатано въ журналѣ „Вольное Слово“ № 23, 1882 года.)

М. Г.

Въ видахъ безпристрастія покорно прошу Васъ перепечатать изъ „Общаго Дѣла“ слѣдующее письмо г. Лимановскаго:

Господинъ Редакторъ!

Прошу покорнѣйше Васъ дать мѣсто въ Вашемъ журналѣ слѣдующему заявленію:

Сколько я могъ понять изъ помѣщенной въ „Вольномъ Словѣ“ статьи г. Драгоманова,[1] не отличающейся яснымъ слогомъ, онъ выражаетъ свое сомнѣніе относительно моего мандата на интернаціональный соціалистическій конгрессъ въ Хурѣ. Предъявлять публично документъ, который давалъ мнѣ полномочіе, я не могу и не хочу. Однако же, не могу не замѣтить слѣдующее: такъ какъ я выступалъ отъ имени галицкихъ соціалистовъ-рабочихъ, то единственно ихъ органъ „Praca“ имѣлъ право выражать по этому предмету сомнѣніе, но этотъ органъ не только не выражалъ своего сомнѣнія, но даже въ № 14 напечаталъ посланный мною отчетъ, въ которомъ ясно сказано, что Лимановскій выступалъ отъ имени галицкихъ рабочихъ.

Изъ отчета моего, представленнаго на соціалистическій конгрессъ въ Хурѣ и напечатаннаго цѣликомъ въ „Précurseur“, г. Драгомановъ могъ бы видѣть, что я не выступалъ съ мандатомъ отъ соціалистическаго общества: „Людъ Польскій“, а только говорилъ о немъ.

Наконецъ, относительно того, что я говорилъ и чего я не говорилъ на соціалистическомъ конгрессѣ въ Хурѣ не мѣшало бы г. Драгоманову подождать оффиціальнаго отчета засѣданій конгресса, который, какъ объ этомъ заявлено въ газетахъ, долженъ

[1] Статья Драгоманова въ № 17 „В. Сл.“, противъ которой возражаетъ Лимановскій, была частью книги „Историческая Польша и великорусская демократія“. Въ нашемъ изданіи читатель найдетъ оспариваемыя Лимановскимъ критическія замѣчанія Драгоманова въ т. I, стр. 203—204. Отмѣтимъ тутъ же, что кромѣ того изъ за примѣчанія, напечатаннаго тамъ же, стр. 203, произошелъ обмѣнъ письмами между польской типографіей въ Женевѣ и Драгомановымъ. Мы не перепечатываемъ этого письма Польской типографіи въ редакцію „Вольн. Слова“ и отвѣта на него Драгоманова изъ „В. Сл.“ № 18 потому, что Драгомановъ, издавая „Истор. Польшу и великор. демократію“ отдѣльной книгой самъ изложилъ содержаніе этого спора въ другомъ примѣчаніи. Ср. т. I, стр. 186 нашего изданія. Прим. ред.

появиться въ непродолжительномъ времени на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ. Тѣмъ паче слѣдовало это сдѣлать г. Драгоманову, который укорилъ меня въ томъ, что я выступилъ съ возраженіемъ печатнымъ противъ его статьи, не дождавшись ея окончанія, статьи, напечатанной въ журналѣ „Revue Socialiste“, который болѣе года прекратилъ свое существованіе.

Болеславъ Лимановскій.

Женева, 8 декабря 1881 г.

* * *

Сколько-нибудь существенная поправка, какую даетъ вышеприведенное письмо къ сообщеніямъ нашимъ о рѣчахъ г. Л-го на основаніи газетныхъ извѣстій о конгрессѣ, заключается въ заявленіи, что г. Л-й не выступалъ съ мандатомъ отъ общества „Людъ Польскій“, хотя мы собственно этого и не говорили въ слѣдующихъ словахъ: „на томъ же конгрессѣ г. Л-й говорилъ, по извѣстіямъ газетнымъ, отъ имени соц. общ. „Людъ Польскій“. Что же касается до мандата г. Л-аго отъ галицкихъ рабочихъ, то мы никогда не выражали сомнѣнія относительно этого мандата,[1] а только говорили въ словахъ вполнѣ ясныхъ, что между идеями г. Л-го, какъ онѣ выражены въ его печатныхъ произведеніяхъ и въ его рѣчахъ въ Хурѣ, если только послѣднія вѣрно переданы въ газетахъ, въ томъ числѣ, напримѣръ, въ „Przedswit“, и между печатною программою „соціалистовъ галицкихъ“ (польскихъ и украинскихъ) существуетъ крупное разногласіе по вопросу о возстановленіи польскаго государства (см. „Вольное Слово“ № 17). Если „Praca“ не протестовала противъ идей г. Л-аго, то это показываетъ только, или что „Praca“ не есть вѣрный органъ тѣхъ именно людей, которые составили „program socialistów polskich i ruskich wschodniej Galicyi“, или что „Praca“ находитъ рѣшительную постановку вопроса почему либо неопортунною. Если въ данномъ случаѣ имѣетъ мѣсто послѣднее соображеніе, то, по нашему мнѣнію, „Praca“ дѣлаетъ плохую услугу дѣлу интернаціональнаго рабочаго движенія въ Галиціи, которому всякая примѣсь польскаго историческаго патріотизма можетъ только вредить. Объ этомъ, впрочемъ, вполнѣ обстоятельно, дѣйствительно, лучше будетъ поговорить послѣ напечатанія полнаго отчета о Хурскомъ съѣздѣ.

М. Драгомановъ.

---

[1] Мы только что получили подтвержденіе отъ одного изъ участниковъ на съѣздѣ въ Хурѣ, что г. Лимановскій былъ делегатомъ отъ львовскихъ соціалистовъ.
Ред. „В. Сл.“

Всеобщій переполохъ въ Галиціи.

(Первоначально напечатано въ журналѣ „Вольное Слово“ № 26, 1882 года.)

Вотъ уже нѣсколько недѣль, какъ газеты сначала Восточной Европы, а теперь и Западной, наполняются сенсаціонными извѣстіями изъ Галиціи, мало понятными для тѣхъ, кто не привыкъ переводить на реальный языкъ ту разноколиберную путаницу, которую пускаютъ объ этой несчастной странѣ тенденціозные врали, польскіе, русскіе и нѣмецкіе. Извѣстія эти сосредоточиваются въ послѣднее время преимущественно около открытія въ Галиціи такъ называемой московско-панславистической агитаціи, къ которой нѣкоторыя польскія газеты примѣшиваютъ и агитацію украинско-соціалистическую. Чтобы какъ слѣдуетъ разобраться въ этихъ извѣстіяхъ, надо бы написать цѣлую статью, что не входитъ теперь въ наши намѣренія, а потому мы скажемъ лишь о томъ, о чемъ наиболѣе кричатъ газеты; русскихъ же читателей, которые бы пожелали дать себѣ отчетъ объ общемъ положеніи Галиціи отсылаемъ къ статьѣ Туриста, напечатанной въ X кн. „Дѣла“ за 1881 г.: „Литературно-общественныя партіи въ Галиціи“.[1]

Газетный шумъ о Галиціи былъ поднятъ въ послѣднее время по поводу села Гнилички, заявившаго намѣреніе перейти изъ уніатства въ православіе. Внѣшнимъ поводомъ къ такому заявленію послужило то обстоятельство, что Гнилички, село въ 550 душъ, не имѣетъ своего священника, а церковь его остается филіею церкви, находящейся въ большомъ селѣ, верстахъ въ 5, на содержаніе которой, какъ и своей, гниличане должны платить налогъ. Идею перейти въ православіе съ подчиненіемъ епископіи черновицкой (въ Буковинѣ), говорятъ, гниличанамъ внушилъ ихъ помѣщикъ, буковинскій итальянецъ, гр. Делла-Скалла, а другіе увѣряютъ, что галичане, находящіеся въ сношеніяхъ съ славянскимъ комитетомъ и даже петербургскимъ Св. Синодомъ, — д-ръ Наумовичъ и его отецъ, священникъ въ Салатѣ. Сами гниличане приводятъ въ числѣ резоновъ неудовольствія своею теперешнею духовною администраціею, что „хоть теперь и есть добрые священники, однако мало, потому что теперь не даютъ такого священника, какой бы былъ хорошъ для громады, а такого, котораго накинетъ панъ и который скачетъ, какъ панъ играетъ“. Вообще, кто слѣдитъ за отношеніями галицкихъ крестьянъ

[1] Статья эта написана самимъ Драгомановымъ. Прим. ред.

янъ къ церкви въ послѣдніе годы, тотъ не могъ не замѣтить у нихъ сильнаго неудовольствія противъ духовныхъ, выражающагося какъ отказомъ выбирать духовныхъ въ депутаты, такъ и попытками переходить цѣлою громадою то въ католицизмъ, то въ протестантство, то въ отдѣльныхъ семьяхъ отпаденіемъ въ весьма радикальное отрицаніе всякой религіи (см. въ брошюрѣ Подолинскаго: „Соціалисты-украинцы въ Австріи“). Еще Кельсіевъ разсказывалъ, какъ солдатъ-великоруссъ изъ русскаго войска, проходившаго въ Венгрію въ 1849 г., былъ пораженъ отвѣтомъ гуцула, котораго онъ спрашивалъ, почему онъ не собирается въ церковь въ воскресенье: „а зачѣмъ я пойду? это все попы выдумали, чтобъ людей обдирать“, и какъ солдатъ поучилъ гуцула тесакомъ, приговаривая: „малый, ты, хохолъ, дурень; не смѣй разсуждать!“ (Галичина и Молдавія, 30). Это разносторонне выражаемое неудовольствіе духовенствомъ у галицкихъ украинцевъ вполнѣ соотвѣтствуетъ подобному же броженію среди ихъ россійскихъ земляковъ, выражающемуся различно, отъ запиранія церквей, до отпаденія въ штунду и въ полный скептицизмъ, о которомъ сообщено, напримѣръ, извѣстіе изъ Новгородъ-Сѣверскаго уѣзда въ „Порядкѣ“ 1881, № 163. На этомъ общемъ фонѣ можетъ съ успѣхомъ дѣйствовать православная пропаганда въ Галиціи, какъ штундистская въ Россіи. Дѣло не въ пропагандѣ, а въ неудовольствіи народа своими попами, которому соотвѣтствуетъ глубокое неудовольствіе и панствомъ, и чиновничествомъ.

Но не такъ поняли гнилицкое дѣло великорусско-православныя газеты въ Россіи и польско-католическія въ Австріи. И пошли писать! Писаніемъ, впрочемъ, дѣло не ограничилось. Польскія политическія партіи пользуются всякимъ случаемъ, чтобъ натравить полицію на русиновъ, а въ послѣднее время онѣ напугались стремленіями крестьянъ-русиновъ организоваться въ самостоятельные кадры снизу вверхъ, около читаленъ, кассъ и т. п. стремленіями, которыя разочаровали польскихъ историческихъ патріотовъ, торжествовавшихъ парламентскія побѣды надъ русинами. Польскія газеты въ послѣднее время сильно жаловались на соціализмъ и украинизмъ, приравнивая и тотъ, и другой къ московской агитаціи, и теперь ухватились за гнилицкое дѣло, чтобъ изобразить русиновъ исполненными сепаратистическаго, московскаго духа. Пугливое правительство, разумѣется, поддалось крикамъ польскихъ политиковъ, и вотъ мы читаемъ объ обыскахъ у извѣстныхъ галицкихъ „москвофиловъ“, а дальше объ арестахъ какъ ихъ, такъ и крестьянъ да при сей вѣрной оказіи и объ обыскахъ и арестахъ соціалистовъ. По вѣнскимъ телеграммамъ арестовано въ послѣдніе дни 18—20 человѣкъ.

Все это дѣло натуральное: и польскіе „Московскія Вѣдомости“, „Руси“, „Новыя Времена“, „Голосы“ и т. п., и австрійскіе Игнатьевы, Черевины и т. н. исполняютъ только свои обязанности. Во всей этой исторіи самое грустное то, что интеллигенція русиновъ, и преимущественно представители той партіи, которая претендуетъ на названіе „молодой“, „народной“, и которую называютъ еще и „украинской“, своихъ обязанностей не исполняетъ. При

самомъ началѣ гиличанскаго дѣла, газеты „народовцевъ“ не противоставили крикамъ польскихъ газетъ энергическаго голоса о томъ, что дѣло религіи — дѣло совѣсти, въ которое никакая политическая власть не должна вмѣшиваться, тѣмъ болѣе, что въ Австріи существуетъ по закону свобода вѣроисповѣданій. Далѣе, когда духовныя уніатскія и гражданскія власти, уговаривая гиличанъ отказаться отъ ихъ намѣренія, указали имъ на то, что они должны будутъ расходоваться на постройку новой церкви, такъ какъ старая ихъ церковь должна оставаться собственностью уніатскаго церковнаго фонда, то ни одна народовская газета не высказала, что если бы даже подобная комбинація и была согласна съ австрійскимъ правомъ, то она противна здравому разуму и понятіямъ народа, по которымъ церковь — собственность громады.

По поводу же обысковъ у галицкихъ „москвофиловъ“ народовская газета „Діло“ (съ 1882 г. допущенная и въ Россію) дошла до такого униженія, что написала слѣдующія слова, въ которыхъ видно сначала трусливое бормотанье, а потомъ явное прислуживанье предержащей власти: „Какъ бы тамъ ни было. а все это показываетъ, что правительственныя сферы дѣйствительно обезпокоены извѣстіями о россійской пропагандѣ въ Галиціи. Результатъ покажетъ, насколько эти извѣстія справедливы. Право государства выслѣживать иностранную пропаганду или агитацію не подлежитъ никакому сомнѣнію, такъ какъ никакое государство не можетъ позволить агитаціи противъ своей цѣлости и ненарушимости.“...

Подумаешь! какіе государственники! И кто же эти государственники?! Русины, галичане, которые съ конца XIV вѣка не знаютъ, что такое свое государство! „украинофилы“, которые ничего не видѣли ни отъ какого изъ управляющихъ ими государствъ, кромѣ именно обысковъ да арестовъ! „Діло“ прекрасно знаетъ, что считается въ Галиціи достаточнымъ для обыска и даже для осужденія въ „противогосударственной агитаціи, идущей изъ за границы“. Польскіе шовинисты пріучили и австрійскія власти считать всякое самостоятельное движеніе русиновъ за „опасное для государства“ и всякія внѣ-австрійскія отношенія, даже чисто литературнаго свойства, за покушеніе на цѣлость Австріи. Давно ли не только польскіе централисты, но даже русинскіе клерикалы, которые столь незамѣтно переходятъ въ москвофиловъ, доносили на заграничныя, козацко-украинскія симпатіи и связи галицкихъ народовцевъ, и доказывали опасность для Австріи даже въ употребленіи языка Шевченка и правописанія Кулиша? Давно ли были обыски въ самой „Просвѣтѣ“ и у лицъ партіи „Діла“?

Hodie mihi, cras tibi! (сегодня мнѣ, завтра тебѣ) говоритъ пословица, которую не должны забывать общественные дѣятели, а особенно среди народовъ негосударственныхъ, притѣсняемыхъ. Дѣятели такихъ народовъ въ особенности должны стоять мужественно и солидарно въ охранѣ основныхъ правъ личности. Именно потому, что галичане никогда не показывали ни солидарности, ни смѣлости въ охранѣ этихъ правъ, они и пріучили

противниковъ своихъ и полицію вообще къ безпрепятственнымъ наѣздамъ въ ихъ лагери и уменьшили на дѣлѣ даже тѣ права, которыя признаны за ними австрійскою конституціей. Въ 1877 г. львовская полиція предприняла охоту на молодежь, заподозрѣнную въ сношеніяхъ съ „украинскими нигилистами“ (соціалистами), хотя эти сношенія были чисто литературнаго свойства и хотя соціалистическія идеи въ Австріи не запрещены. Полиція была поддержана въ этой охотѣ газетами старшихъ партій, клерикаловъ, москвофиловъ и народовцевъ. Вслѣдъ за тѣмъ, полиція вторглась въ общества и квартиры своихъ прежнихъ пособниковъ, народовцевъ, къ великому удовольствію москвофиловъ. Теперь пришла очередь послѣднихъ, и народовское „Діло“ бормочетъ о правахъ державы охранять свою цѣлость....

Поведеніе народовскаго органа столько же позорно, сколько и нерасчетливо. Вдвойнѣ нерасчетливо. Во-первыхъ, полиція можетъ только еще больше разохотиться и навѣдаться и въ редакціи народовскихъ газетъ, изъ которыхъ, если не на „Діло“, то на „Батьківщину“, польскіе централисты очень острятъ зубы. А во-вторыхъ, трусость „молодыхъ“ и „народовцевъ“ можетъ только поднять авторитетъ „старыхъ“ москвофиловъ, который именно въ послѣднее время сталъ, видимо, падать въ Галиціи. Народное неудовольствіе въ Галиціи противъ порядковъ свѣтскихъ и церковныхъ стало очень глубоко. Оно распространилось и на представителей старыхъ партій, къ числу которыхъ принадлежатъ москвофилы. Общее желаніе освѣжить политическое представительство, и нѣкоторыя реальныя заслуги народовцевъ, по крайней мѣрѣ, въ школьномъ дѣлѣ и въ популярной литературѣ, открыли передъ народовцами возможность стать во главѣ русинскаго населенія Галиціи. Трусость и безтактность народовцевъ можетъ выручить обойденныхъ событіями москвофиловъ.

Москвофильство въ Галиціи можетъ быть оживлено только какъ реакція польскому управленію, при неимѣніи другихъ, болѣе цѣлесообразныхъ формъ для проявленія глубокаго неудовольствія населенія противъ этого управленія. Стоитъ только указать народу другія, болѣе раціональныя формы для организаціи этого неудовольствія, и о москвофильствѣ, православіи и т. п. не будетъ и рѣчи. Конечно, новымъ, дѣйствительно, молодымъ и народнымъ партіямъ предстоитъ выдержать усиленный натискъ теперь господствующихъ польскихъ партій, но, при самомъ небольшомъ умѣніи, дѣйствительнымъ народовцамъ изъ русиновъ не трудно будетъ привлечь на свою сторону и крестьянъ — поляковъ краковской области, среди которыхъ живетъ свое недовольство панствомъ и его хозяйничаньемъ....

Теперь „народовцы“, какъ и „москвофилы“, плачутся на то, что польскіе патріоты, которые очень мало заботятся о своемъ народѣ, пустились въ пропаганду своихъ идей среди русиновъ, сочиняя для нихъ исторію края въ своемъ вкусѣ, издавая для нихъ книги польскимъ алфавитомъ, основывая въ Львовѣ польское общество Oswiaty ludowej и т. п. Вмѣсто этихъ жалобъ

попробовали бы, напримѣръ, народовцы издать для польскихъ хлоповъ исторію Польши съ точки зрѣнія хлопскихъ интересовъ, да напомнили бы имъ напримѣръ Наперскаго, который поднималъ хлоповъ подъ Краковомъ въ то время, когда козаки поднимали ихъ на всей Украйнѣ, издали бы по-польски нѣсколько брошюръ объ экономическомъ положеніи крестьянъ въ Галиціи, и поляковъ, и украинцевъ, собрали бы хоть два-три митинга изъ крестьянъ обѣихъ націй, да и предложили на нихъ основаніе обоюдныхъ обществъ для защиты крестьянскихъ интересовъ. Все это было бы посущественнѣе плачей и для борьбы съ польскими патріотами, и для народнаго дѣла вообще. И все это не запрещается даже австрійскими законами. А далѣе уже одни трусливые крики польскихъ политиковъ сдѣлаютъ рекламу этимъ скромнымъ начинаніямъ и выведутъ ихъ на болѣе широкую дорогу.

Круговой побѣгъ украинцевъ отъ вѣры отцовъ.[1]

(Первоначально напечатано въ журналѣ „Вольное Слово“ № 28, 1882 г.)

№ 7 львовской газеты „Діло“ принесъ намъ, конечно, не умышленно подтвержденіе мнѣнія, высказаннаго въ № 26 „Вольнаго Слова“ относительно истиннаго значенія надѣлавшаго столько шума во всей европейской печати намѣренія украинскаго села въ Галиціи, Гнилички, перейти изъ уніи въ православіе. Напечатанная въ названной газетѣ корреспонденція изъ Буковины разсказываетъ о томъ, какъ тамъ крестьяне-русины переходятъ изъ православія, которое въ Буковинѣ исповѣданіе исконное, въ унію, которая сюда зашла въ послѣднее время изъ Галиціи. (Напомнимъ читателямъ, что Галиція досталась въ 1773 г. Австріи отъ Польши, а Буковина въ 1775 г. отъ Молдавіи, или, по народному, отъ Волощины. Въ Буковинѣ зовутъ православіе: віра волоська, а унію: віра руська, такъ какъ Галиція называлась въ Польшѣ воеводство Руське или просто Русь.) Причина перехода — недовольство мѣстными православными священниками: ихъ грубостью, жадностью, чиновническимъ отношеніемъ къ населенію и ихъ подлаживаньемъ къ румынскому боярству и отвращеніемъ къ мужицкой національности мѣстныхъ украинцевъ. Это какъ разъ тѣ же самыя причины, по которымъ крестьяне-русины въ Галиціи недовольны своими уніатскими священниками и рады перейти въ другія вѣры, если не совсѣмъ бросить всякую церковь. Только въ Галиціи мѣсто обрумыненія священниковъ занимаетъ ихъ ополяченье. По тѣмъ же причинамъ да по обрусенію православной церкви въ россійской Украйнѣ народъ бросаетъ православіе и отпадаетъ въ штунду, шалопутство и, наконецъ, въ безвѣроисповѣдный скептицизмъ. Совершенно оригинальную форму принялъ побѣгъ отъ „вѣры отцовъ“ украинскаго населенія въ Холмско-Сѣдлецкомъ краѣ

[1] Въ „Вольномъ Словѣ“ эта статья принадлежитъ къ серіи статей, напечатанныхъ подъ общимъ заглавіемъ „Изъ вопросовъ текущей жизни“. Ср. далѣе примѣчаніе на стр. 442. Прим. ред.

Царства Польскаго, именно подъ вліяніемъ энергическихъ заботъ русской администраціи о возвращеніи этого населенія на лоно православія. Населеніе это, въ свое время сопротивлявшееся уніи, наконецъ, сжилось съ нею, кое какъ ассимилировавъ ее себѣ. Унія стала для него „вѣрой отцовъ“. Но верховная церковная администрація, до 1863 г. польская, хотѣла большаго: чистаго католицизма и полонизаціи. По всей вѣроятности, и здѣсь, какъ въ Галиціи, наступила бы въ населеніи реакція этому стремленію польской администраціи, если бы въ дѣло не впуталась администрація русская. Эта послѣдняя рѣшила сразу возвратить забужскихъ уніатовъ въ „вѣру отцовъ“, православіе, и прибѣгла для этого къ драгонадамъ. Сначала русская администрація торжествовала побѣду и стала заботиться уже о приданіи новой Холмской епархіи великорусскаго характера. Но черезъ нѣсколько времени оказалось, что драгонадами и обрусеніемъ русское правительство только склонило тамошнее населеніе къ католицизму!! Впрочемъ, даже по извѣстіямъ галицкаго москвофильскаго „Слова“, и тамъ образовалась секта, которая не хочетъ знать ни одной изъ навязывающихся населенію церквей, но никакихъ подробностей объ этой сектѣ, къ сожалѣнію, мы до сихъ поръ нигдѣ не читали.

Такъ по всей украинской области, отъ Кубанской, гдѣ толпы переходятъ въ шалопутство (Люди Божіе), и подъ самую Варшаву и до Карпатъ, населеніе бѣжитъ въ той или другой формѣ отъ „вѣры отцовъ“. Какъ странно послѣ этого читать въ петербургскихъ и московскихъ газетахъ, изъ которыхъ почти нѣтъ ни одной, которая бы не сообщала, по крайней мѣрѣ, разъ въ недѣлю факта объ антагонизмѣ крестьянъ и православныхъ духовныхъ на Украйнѣ и которая бы не выражала довольно открытаго сочувствія, напримѣръ, штундистамъ, читать умиленія по поводу возвращенія с. Гниличекъ „въ вѣру отцовъ“.

Конечно, словечко о „вѣрѣ отцовъ“ находится въ заявленіи о желаніи с. Гниличекъ перейти изъ уніи въ православіе (или иначе изъ вѣдѣнія львовской епархіи въ вѣдѣніе буковинской), но если посмотрѣть на дѣло Гниличекъ поглубже, если, напримѣръ, сравнить его съ движеніями по всей Украйнѣ, начиная отъ Буковины, то увидимъ, что дѣло это есть только частный случай общаго недовольства украинскаго населенія именно „вѣрой отцовъ“.

Коли хотите, впрочемъ, то въ этомъ недовольствѣ есть движеніе къ возвращенію къ вѣрѣ отцовъ, но совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаютъ это слово оффиціально-православные публицисты. Въ то время, какъ болѣе

энергическое меньшинство среди украинскаго простонародья ощупью стремится попасть на дорогу религіозной реформаціи, на которую было начала вступать Украйна въ XVI ст. и съ которой она была сбита уніей и политическими смутами XVII ст., масса украинская безъ всякихъ дальнихъ соображеній вздыхаетъ о старинныхъ церковныхъ порядкахъ, о церкви, менѣе панской и чиновнической, болѣе дешевой, громадской церкви, съ выборнымъ духовенствомъ, той церкви, которой идеалъ поставленъ былъ на Украйнѣ братствами XVI—XVII в. и которой подобіе все еще продолжало существовать тамъ и въ XVIII в. до полной аристократизаціи и бюрократизаціи церкви и въ Россіи, и въ Галиціи именно въ XIX в. Масса украинская съ истиннымъ удовольствіемъ приняла бы теперь возстановленіе старинной болѣе или менѣе громадской церкви, какова бы она ни была по своей верхней оффиціальной окраскѣ и кличкѣ: православная, или уніатская, или даже католическая, или протестантская, лишь бы сразу не были нарушены обряды, къ которымъ эта масса привыкла.

Но дѣло въ томъ, что такой дешевой громадской церкви не можетъ дать массамъ ни православіе, ни унія, ни католицизмъ, по той причинѣ, что вся церковная администрація ихъ уложилась уже въ такія іерархическо-бюрократическія рамки, въ которыхъ громадская церковь не можетъ найти себѣ мѣста. Скорѣе всего громадскую церковь могъ бы дать украинцамъ протестантизмъ, напримѣръ, штундизмъ, но только вѣра эта слишкомъ скучная для украинцевъ, которые, при извѣстныхъ раціоналистическихъ наклонностяхъ, всетаки по натурѣ артисты, и потому любятъ процессіи и вообще драматическую сторону культа. Правильное удовлетвореніе всѣмъ этимъ наклонностямъ и потребностямъ можетъ дать, конечно, только наука и искусство, которыя до сихъ поръ очень мало существуютъ для крестьянскихъ массъ не только въ Восточной, но и въ Западной Европѣ. А пока — полная свобода вѣроисповѣданія, уничтоженіе государственныхъ церквей и признаніе и въ религіозной жизни принципа децентрализаціи, т. е. права громадъ и ассоціацій устраивать свою религіозную жизнь, какъ онѣ хотятъ, составляетъ настоятельную необходимость для Украйны.

„Батьківщина“ объ арестахъ въ Галиціи.

(Первоначально напечатано въ журналѣ „Вольное Слово“ № 28, 1882 г.)

Львовская прокуратура такъ усердствуетъ надъ журналами русиновъ, что хоть бы и петербургскому главному правленію по дѣламъ печати. На прошлой недѣлѣ она два раза конфисковала „Слово“ (органъ старой, или москофильской партіи), разъ „Сьвіт“ (мѣсячный журналъ радикаловъ украинской партіи), два раза „Батьківщину“ (двухнедѣльная популярная газета украинской партіи), все по поводу статей о с. Гниличкахъ и арестовъ „москвофиловъ“. Послѣдняя газета (№ 4) вышла наконецъ безъ передовой статьи, на мѣстѣ которой осталось только заглавіе: Хто виненъ? и слѣдующая замѣтка: „За эту статью, въ которой мы обсуждали новѣйшіе аресты, ц. к. прокураторія сконфисковала у насъ этотъ № два раза. По своему обычаю, мы разбирали дѣло со всѣхъ сторонъ, судили, какъ намъ казалось, равною мѣрою своихъ и чужихъ и высказали свою мысль откровенно и по своему искреннему убѣжденію и вовсе не для того, чтобъ раздражать кого, а чтобъ разъяснить дѣло. Теперь мы должны отказаться отъ обсужденія этого дѣла, такъ какъ не имѣемъ возможности высказать наши взгляды ясно и всесторонне.“

Передавая въ хроникѣ свѣдѣнія объ арестованныхъ личностяхъ, „Батьківщина“ говоритъ: „Какъ долго протянется слѣдствіе теперь, разумѣется, нельзя знать. Очевидно, что можетъ оказаться, что всѣ, или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ арестованныхъ ничѣмъ не провинились противъ австрійскихъ законовъ. Поэтому нечестно поступаютъ польскія газеты, что теперь всѣхъ арестованныхъ считаютъ за тяжкихъ преступниковъ и домогаются строгаго наказанія для нихъ, какъ для измѣнниковъ государству и императору, и при этомъ сплетаютъ всякія небылицы и подбиваютъ къ новымъ арестамъ. Уже кому другому, а полякамъ, которые столько разъ возставали и которые и теперь еще хотѣли бы возстановить давнюю Польшу, не къ лицу жаловаться на кого бы то ни было за революціонныя стремленія. Но планъ ихъ таковъ: они всѣхъ русиновъ хотятъ представить или соціалистами, или сторонниками Россіи, чтобъ показать правительству и императору, что русинамъ нельзя довѣрять и что положиться можно только на поляковъ, и что поэтому надо дать полякамъ полную волю надъ русинами. Пять лѣтъ тому назадъ кричали, что русины, подбитые соціалистами,

хотятъ рѣзать пановъ и жидовъ. Кричали также четыре года назадъ, когда было арестовано нѣсколько студентовъ русиновъ; но на судѣ оказалось, что студенты эти никакой революціи не дѣлали, и судъ призналъ за ними только вину принадлежности къ недозволенному обществу. Теперь кричатъ, что русины входятъ въ соглашеніе съ москалями противъ императора и государства. Жаль только, что нѣкоторые русины и даже русинскія газеты не поняли этого плана (?) поляковъ и сами помогали имъ кричать и подбивать правительство противъ будто бы революціонныхъ соціалистовъ.[1] Намъ, русинамъ, нужно теперь согласіе и нужно итти безъ остановки впередъ прямою дорогою, не сворачивая ни на какіе окольные пути, ни вправо, ни влѣво, чтобы, подъ охраною данныхъ намъ конституціей правъ, дойти до благосостоянія, просвѣщенія и силы, наравнѣ съ другими, болѣе счастливыми народами“ ...

Мы не будемъ теперь вступать въ споръ съ почтенною газетою относительно послѣднихъ, не совсѣмъ ясныхъ и нѣсколько оптимистическихъ словъ ея на счетъ правъ конституціонныхъ; а сообщимъ ея замѣчаніе относительно одного изъ самыхъ крупныхъ между арестованными лицъ, г. Добрянскаго. „Этотъ г. Добрянскій въ 1848 году, когда Венгрію занимала русская армія, былъ прикомандированъ австрійскимъ правительствомъ къ русской арміи для доставленія ей помощи въ дѣлѣ квартиръ и провіанта, за что получилъ русскіе и австрійскіе ордена и былъ назначенъ крупнымъ чиновникомъ (въ администраціи восточныхъ комитатовъ Венгріи). Въ 1861 г. венгерскіе русины выбрали его депутатомъ въ сеймъ, но, когда мадьяры взяли окончательно верхъ, то онъ долженъ былъ сойти со сцены и жилъ по большей части въ Вѣнѣ. Въ венгерскомъ сеймѣ онъ довольно хорошо защищалъ дѣло русиновъ, и вообще онъ довольно способный человѣкъ, но въ концѣ всего онъ не сумѣлъ вызвать жизни между венгерскими русинами, возбудить у нихъ самосознаніе и любовь къ своему отечеству. Въ то время, когда мы, галицкіе русины, боремся изо всѣхъ силъ (?) противъ всяческихъ нашихъ противниковъ, заложили школы, выдаемъ книжки и газеты, расширяемъ народное образованіе, заводимъ читальни и т. п., венгерскіе русины еще и теперь спятъ и поддаются безъ борьбы мадьярамъ, ихъ духовенство держится по большей части съ мадьярами (съ аристократіей), а темный и бѣдный народъ или мадьярится, или притѣсняемый нуждою, покидаетъ родную страну и выселяется на чужбину. Такимъ образомъ сталось, что при послѣдней переписи (1881) число венгерскихъ русиновъ показано только 342 000 душъ, когда 10 лѣтъ передъ тѣмъ ихъ было еще 469 000.“

Мы прибавимъ отъ себя, что главная причина, почему венгрорусскіе патріоты, съ г. Добрянскимъ во главѣ, не смогли вы-

[1] Къ тому, что было объ этомъ сказано въ 26 № „Вольн. Слова“, мы прибавимъ, что одна москвофильская газета дошла до того, что, по поводу выхода изъ тюрьмы одного изъ осужденныхъ, г. Павлика, выразила сожалѣніе, что въ Австріи нѣтъ „ледяныхъ полей Сибири“ для административной ссылки подобныхъ одиозныхъ людей.

звать жизни въ своихъ соотечественникахъ и открыли ихъ безпрепятственной мадьяризаціи, было именно ихъ слѣпое слѣдованіе идеямъ московскихъ панруссистовъ: погнавшись за идеаломъ всерусскаго единства отъ Тиссы до Амура, не имѣющимъ для себя уже ровно никакой почвы внѣ Россіи, эти господа отнеслись съ двойнымъ (московскимъ и мадьярско-аристократическимъ) презрѣніемъ къ живымъ чертамъ своего мѣстнаго народа (украинской національности) и къ мужицкимъ интересамъ вообще, и... достигли тѣхъ блистательныхъ результатовъ, на которые намекнула только отчасти „Батьківщина“. Теперь, когда одна половина ихъ (газета „Карпатъ“) изъ презрѣнія „къ языку слугъ“ окончательно почти перешла къ языку мадьярскому (ибо „языка господъ“, изъ москвичей въ Венгріи нѣтъ), другіе обращаются въ Москву съ нелѣпымъ проэктомъ поголовнаго переселенія венгерскихъ русиновъ въ Россію. (См. въ запрошломъ году въ „Русской Мысли“). И это послѣ всѣхъ фразъ о важности для Россіи имѣть братское ей населеніе въ Карпатскихъ проходахъ!!... Такъ всегда бываетъ съ доктринерами, особенно централистами![1]

---

[1] Ср. наше приложеніе „М. П. Драгомановъ о венгерской Украйнѣ-Руси“, стр. 642 и слѣд. Прим. ред.

Среди галицкой сумятицы.

(Первоначально напечатано въ журналѣ „Вольное Слово“ № 30, 1882 г.)

I. „Czas“ и „Діло“. Странную полемику ведутъ между собою краковскій „Czas“ и львовское „Діло“ по вопросу объ отношеніяхъ поляковъ и русиновъ (украинцевъ) въ Галиціи. „Czas“ любезнѣе другихъ галицкихъ польскихъ газетъ, особенно такъ называемыхъ демократовъ и прогрессистовъ, въ родѣ „Dziennika Polskiego“ и „Reformy“, признается въ „любви къ тому и другому языку и церковному обряду русиновъ и желаетъ имъ (только!) охраны и развитія, но подъ условіемъ, чтобъ перестали употреблять ихъ, какъ это часто до сихъ поръ дѣлалось, орудіемъ политическаго, религіознаго и соціальнаго переворота, а также враждебныхъ стремленій противъ Австріи“. Газета львовскихъ говоруновъ, присвоившихъ себѣ имя „народовцевъ“ и считаемыхъ за „украйнофиловъ“, въ трехъ №№ усовѣщиваетъ польскую газету, что русины будутъ поконсервативнѣе поляковъ, повѣрнѣе ихъ римскому престолу, имѣютъ меньше соціалистовъ и преданнѣе поляковъ австрійскому „престолъ-отечеству“. И это все расписывается вмѣсто простѣйшаго отвѣта: такъ какъ мы живемъ прежде всего для себя, то и убирайтесь себѣ со всякими условіями! что для насъ покажется нужнымъ, то и будемъ дѣлать!

II. Кого слушать? Пока образованные украинцы и въ Австріи, и въ Россіи не остановятся на такомъ языкѣ въ разговорахъ съ любезными сосѣдями — гувернерами (какъ разъ въ родѣ „Czasa“ предлагалъ условія украинцамъ въ Россіи Юрій Самаринъ и за нимъ даже „Кіевлянинъ“) и не построютъ всей своей работы на служеніи прежде всего своему народу въ духѣ радикальнаго европейскаго прогресса, конечно, въ союзѣ съ подобными слугами и среди сосѣднихъ съ ними народовъ, до тѣхъ поръ всякіе люди среди гувернерскихъ классовъ сосѣднихъ съ ними, но болѣе привилегированныхъ племенъ, будутъ позволять себѣ такъ третировать ихъ народъ, какъ недавно позволилъ себѣ депутатъ австрійскаго парламента, г. Гаузнеръ, польскій прогрессистъ и по временамъ славянофилъ. Этотъ краснорѣчивый ораторъ, говоря о послѣднихъ событіяхъ въ Галиціи, заявилъ, что русинскій народъ также относится къ польскому, какъ plattdeutsch къ hochdeutsch и что поэтому образованный русинъ становится полякомъ. Правда, другіе образованные русины становятся русскими, москалями, и затѣмъ получаютъ желаніе притянуть къ Москвѣ — Россіи и свой народъ, но этихъ

г. Гаузнеръ не хвалилъ, такъ какъ это стремленіе не выгодно ни для поляковъ, ни для Австріи. Словомъ, г. Гаузнеръ, хоть и погрѣшаетъ противъ логики, но за то по своему говоритъ тоже самое, что по своему говорятъ объ украинцахъ московскіе философы. Кого же слушать бѣднымъ русинамъ? Гг. ли Гаузнеровъ или гг. Катковыхъ? или оба полка говоруновъ? или ни одного?! По логикѣ, — или второе, или третье, по здравому разуму и логикѣ вмѣстѣ, — третье!

III. Caeterum censeo. Впрочемъ, въ рѣчи г. Гаузнера есть одно вѣрное замѣчаніе о томъ, что русинскій народъ очень дружелюбно живетъ съ народомъ польскимъ. Г. Гаузнеръ только забылъ прибавить, что русинскій мужикъ зоветъ мужика польскаго мазуромъ, какъ началъ звать себя и самъ польскій мужикъ въ Галиціи, отдѣляя себя отъ поляковъ-пановъ. Къ послѣднимъ — не въ обиду будь сказано г. Гаузнеру — русины никогда особаго дружелюбія не питали, равно какъ и къ „Польшѣ“, какъ къ государству. А такъ какъ къ этимъ панамъ и ихъ государству, которое продолжается и въ теперешней Галиціи, не питаетъ нѣжности и польскій народъ, „мазуры“, то caeterum censeo: русинскимъ народовцамъ, если они точно народовцы и сообразительные политики, настоятельно слѣдуетъ выйти изъ тѣснаго національно-вѣроисповѣднаго круга и, ставши на интернаціональную демократическую и раціоналистическую основу, поднять противопанскую и противоксендзовскую агитацію столько же среди русиновъ, сколько и среди поляковъ-мазуровъ въ Галиціи. Интересно будетъ посмотрѣть, что тогда заговорятъ гг. Гаузнеры....

IV. Прямая и косвенная ложь въ газетѣ „честнаго“ г. Аксакова. Каждый исполняетъ свою роль по своему: австрійскіе жандармы обыскиваютъ и арестуютъ, польскія газеты наусьскиваютъ, львовскіе народовцы трусятъ и пустословятъ, а газета „честнаго“ г. Аксакова — лжетъ! Въ № 7 „Руси“ напечатана, съ особенно рекомендательнымъ примѣчаніемъ редактора, статейка: „Польско-австрійскій терроризмъ въ Червонной Руси“, и въ этой статейкѣ, главная цѣль которой была показать, какія бѣды терпитъ Россія отъ того, что не владѣетъ Галиціей, мы встрѣчаемъ слѣдующія увѣренія: „въ Львовѣ центръ украинской пропаганды, которая давно бы приняла опасный характеръ и размѣры, если бы идеи ея не были такъ антипатичны украинскимъ крестьянамъ; наконецъ даже австрійская прокуратура возбудила цѣлый рядъ преслѣдованій противъ галицкихъ соціалистовъ, однако-жъ большею частью они были оправдываемы польскими судами на основаніи показаній, что ихъ агитація направлена противъ Россіи, а не противъ Австріи.“ Налгавши такъ прямо, сотрудникъ „честнаго“ г. Аксакова продолжаетъ лгать по косвенному способу: „Газеты (москвофильскія) „Слово“, „Проломъ“, „Страхопудъ“, „Русская Рада“ и т. д. будутъ, вѣроятно, закрыты и на мѣсто ихъ разосланы (кѣмъ? даромъ?!) подписчикамъ „Gazeta Narodowa“, „Dziennik“ и „Czas“, а, можетъ быть, и какая-нибудь Драгомановская газета изъ Швейцаріи“. Цѣль всей этой лжи понятна: увѣрить публику въ Велико-

россіи, что украинофильство, галицкіе соціалисты и Драгомановъ за одно съ австро-польскою полиціею, польскимъ панствомъ и т. п. На дѣлѣ было и есть вотъ что: съ 1877 г. въ одномъ Львовѣ было пять процессовъ противъ галицкихъ соціалистовъ, преслѣдованіямъ которыхъ рукоплескали столько же польскія газеты, сколько и органы мѣстныхъ москвофиловъ и трусливыхъ „народовцевъ“, на которыхъ „Слово“ и Ко. гораздо раньше еще краковскаго „Czas“а взводили отвѣтственность за появленіе въ Галиціи „нигилизма“. Ни одинъ галицкій соціалистъ изъ русиновъ никогда не отрекался отъ намѣренія агитировать и противъ Австріи, т. е. противъ тѣхъ порядковъ въ ней, которые расходятся съ ихъ общественными идеалами. Всѣ они были осуждаемы на тюремное заключеніе отъ 1 до 6 мѣсяцевъ послѣ предварительнаго сидѣнія то же до 6 мѣсяцевъ. Два раза только, послѣ предварительнаго заключенія, была оправдана судомъ присяжныхъ (національнаго состава котораго мы не знаемъ) дѣвица Анна Павликъ (изъ крестьянъ), такъ какъ обвиненія противъ нея (въ составленіи тайныхъ революціонныхъ обществъ, оскорбленіи личности императора и т. п.) были слишкомъ уже натянуты. Но эта замѣчательная дѣвушка никогда не говорила на своихъ пяти процессахъ (въ Львовѣ и въ Коломіи) о Россіи, которой она не знаетъ, и постоянно открыто заявляла, что ведетъ и будетъ вести пропаганду идей соціализма и раціонализма среди своихъ земляковъ, потому что считаетъ эти идеи правдою, которую всякій человѣкъ обязанъ проповѣдывать, разъ онъ убѣдился въ ней, и которой проповѣдь никто не имѣетъ права останавливать. Такое поведеніе дѣвицы А. Павликъ, равно какъ и брата ея (редактора „Громадскаго Друга“ и сотрудника „Громады“), сестры матери ея отца, теперь умершаго, за которое это семейство не знаетъ покоя вотъ уже пять лѣтъ, подвергаясь обыскамъ, арестамъ, всяческимъ шиканамъ со стороны полиціи и поповъ, изгнанію и т. п., возбудило совсѣмъ не антипатію, а, напротивъ, глубокую симпатію со стороны „украинскихъ крестьянъ“, до которыхъ дошли слухи объ ихъ идеяхъ и страданіяхъ, и въ 1879 и 1880 г. было въ украинской части Галиціи два процесса крестянъ по поводу соціализма и противнаго поповству направленія, изъ которыхъ послѣдній кончился приговоромъ нѣсколькихъ человѣкъ къ аресту отъ 1 до 18 мѣсяцевъ.

Что касается до возможности разсылки австро-польскими правительственными партіями „какой-нибудь Драгомановской газеты изъ Швейцаріи“, то пока извѣстно только то, что изданія „Драгомановской“ „Громады“ уже нѣсколько лѣтъ, какъ преслѣдуются въ Австріи и полиціей, и даже судомъ (благо ихъ некому защищать). Газета „Вольное Слово“, въ которой сотрудничаетъ „Драгомановъ“, была, тотчасъ по появленіи ея, запрещена къ обращенію въ Австріи, при чемъ ловкіе люди въ австрійской печати, вмѣстѣ съ догадливыми „русскими революціонерами“ изъ „Общаго Дѣла“, поспѣшили пустить мысль, что газета эта есть органъ гр. Игнатьева, конечно, не безкорыстный. Какъ отнесся оный Драгомановъ къ арестамъ тѣхъ самыхъ лицъ, которые десять лѣтъ клеветали на него и проводимое имъ напра-

вленіе, клеветали вродѣ „Руси“ и называли его даже „продавшимся полякамъ“, свидѣтельство о томъ лежитъ передъ читателемъ „Вольнаго Слова“ и, мы увѣрены, лежитъ передъ самимъ „честнымъ“ редакторомъ „Руси“.

Да, милостивые государи, изъ „Czas“'овъ, „Русей“ и т. д., и т. д., бѣснуйтесь по поводу дѣла пробужденія украинскаго народа въ Австріи, какъ и въ Россіи, лгите, клевещите на слугъ этого дѣла, особенно на радикальныхъ украинскихъ федералистовъ и соціалистовъ, но вы не остановите ихъ дѣла! Дѣло это опирается на такую природную основу, какъ 20 милліоновъ несчастнаго, но крѣпкаго и даровитаго племени, сообразовано съ ходомъ культурнаго и общественнаго развитія всей Европы, ведется по строго разсчитанному плану, по медленному, но вѣрному пріему, выражаемому пословицей: gutta cavat lapidem non vi, sed semper cadendo [1], и рано или поздно возьметъ верхъ! И теперь самая горячность возни и клеветъ столь разнообразныхъ противниковъ этого дѣла показываетъ, что оно вовсе не безнадежно и даетъ еще одно изъ основаній слугамъ этого дѣла сказать: eppur si muove! [2]

---

[1] Капля пробиваетъ камень не силою, а постояннымъ паденіемъ.
[2] Слова Галилея: а все-таки движется!

Новости изъ австрійской Украйны.

(Первоначально напечатано въ журналѣ „Вольное Слово“ № 32, 1882 г.)

Въ послѣднія двѣ недѣли въ Галичинѣ продолжались полицейскія и прокурорскія рысканья, обыски, аресты, имѣвшіе цѣлью уловить „корни и нити“ то „московской“, „панславистической“, то соціалистической пропаганды, то одного и другого вмѣстѣ. Обыскамъ и шиканамъ всякаго рода подвергаются люди всѣхъ возрастовъ и состояній, въ томъ числѣ въ значительномъ количествѣ крестьяне. О законахъ при этомъ столь же мало думаютъ въ Галиціи, этой „самой свободной части Польши“ (исторической, конечно), какъ и въ монархической Россіи. Такъ, напримѣръ, 10 марта въ селѣ Рейтеровичахъ забрано послѣ обыска 59 незапрещенныхъ украинскихъ книгъ, вродѣ того, какъ это сдѣлано еще недавно въ Гадячскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи съ „Малорусскими преданіями и разсказами“, изд. кіевскаго географическаго общества.[1] Совершенно по-россійски польскія власти въ Галичинѣ производятъ въ политическіе преступники и дѣтей, и отроковъ. Такъ, въ Станиславовѣ гимназистъ IV кл. Морозъ привлеченъ къ суду за разговоры политическаго характера, и, хотя по разбору дѣла отъ суда уволенъ, но высшею педагогическою властью (рада школьна) исключенъ изъ станиславовскихъ учебныхъ заведеній. Можно поздравить галицкія власти съ этимъ вступленіемъ на дорогу, которая приготовитъ и у нихъ классъ своего рода „нелегальныхъ“. Подобно тому, какъ россійское правительство сражалось въ 1865—1868 гг. съ католическими эмблемами на крестахъ (фигурахъ) въ западномъ краѣ (изъ коихъ иные кресты были поставлены крестьянами въ память эмансипаціи), галицко-польскіе жандармы сражаются теперь съ „трирамеными“ крестами, требуя отрѣзки третьяго рамени, какъ признака „схизматицкаго“ духа, — и на манеръ придирокъ россійскихъ властей къ уніатамъ въ Холмщинѣ, — полиціанты польскіе въ Галиціи допрашиваютъ русиновъ-крестьянъ, правда ли, что попы раздаютъ имъ просфоры, и въ этихъ разспросахъ полиціанты слѣдуютъ только внушеніямъ газеты „Dziennik Polski“, въ которой, кстати сказать, въ числѣ сотрудниковъ находятся польскіе демократы революціонеры 1863 г. и одинъ бывшій мо-

[1] „Малорусскія народныя преданія и разсказы“. Сводъ и предисловіе М. Драгоманова, Кіевъ 1876 г. Стр. I—XV + 1—434. Прим. ред.

сквофилъ, обличавшій въ 1867 году г. Кулиша въ отсутствіи истинно-славянскихъ чувствъ.

Характерную новость въ текущихъ преслѣдованіяхъ, составляетъ арестъ нѣсколькихъ воспитанниковъ высшихъ школъ въ Львовѣ, бывшихъ гимназистовъ и учениковъ педагогической семинаріи въ Львовѣ за „панславизмъ“, но не „московскій“, „россійскій“, а „русско- (украинско) польскій“ и за соціализмъ. Corpus delicti пока не найденъ, и арестованные выпущены, но новое преступное направленіе, которое состоитъ въ примиреніи русиновъ и поляковъ въ работѣ для „хлопа“, намѣчено въ обломкѣ государства, которое представляло-де „братскій союзъ Польши, Литвы и Руси“! Очевидно, что „братскій союзъ“ начинаетъ установляться въ нѣкоторыхъ кругахъ, но совсѣмъ не такого рода, какъ ожидали польскіе патріоты старыхъ партій.

Кромѣ обысковъ, арестовъ и разныхъ придирокъ, гоненіе на русиновъ выражается еще закрытіемъ нѣсколькихъ читаленъ, по самымъ мизернымъ поводамъ. Извѣстно, что открытіе народныхъ читаленъ составляетъ самое наглядное проявленіе того стремленія къ организаціи, которое замѣчается въ послѣдній годъ среди русиновъ. Стремленіе это нельзя уже остановить полицейскими придирками, и въ самое послѣднее время на три закрытыя полиціей читальни открыто пять новыхъ въ Галичинѣ, и движеніе начинаетъ переходить и въ Буковину. Тамъ въ февралѣ былъ въ Черновцахъ митингъ, на которомъ присутствовало 143 человѣка, изъ нихъ около 70 мѣщанъ и крестьянъ. Говорили о громадскихъ кассахъ, магазинахъ и читальняхъ. Послѣ того открыто 5 новыхъ читаленъ. По извѣстіямъ „Батьківщины“ противъ читаленъ, за которыми въ иныхъ мѣстахъ слѣдуютъ громадскія лавки, общества трезвости, кассы, возстаютъ особенно шинкари-евреи, отъ которыхъ исходитъ очень много доносовъ.

Всѣ эти попытки организаціи русиновъ очень еще первобытны и одинъ изъ крупныхъ недостатковъ ихъ состоитъ въ томъ, что священники усиливаются придавать имъ клерикальный характеръ, который ведетъ за собою по большей части національно-религіозную исключительность, неумѣстную и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ крестьяне и мѣщане украинцы перемѣшаны съ дѣйствительными поляками (или, какъ въ Буковинѣ, съ румынами), ни тамъ, гдѣ населеніе болѣе цѣльно по національности, но принадлежитъ къ двумъ религіознымъ исповѣданіямъ (напримѣръ, въ Галиціи — къ католицизму и уніи, въ Буковинѣ — къ православію и уніи). Упомянутый клерикализмъ тѣмъ болѣе теперь неумѣстенъ, что, какъ это уже говорилось въ „В. Сл.“, въ населеніи украинскомъ и въ Австріи замѣтно круговое движеніе отъ „вѣры отцовъ“. Уже въ прошломъ номерѣ „В. Сл.“ было сообщено о переходѣ буковинскаго села Путилова изъ православія въ унію, подобно тому, какъ галицкое село Гнилички заявило желаніе перейти изъ уніи въ православіе. Теперь галицкое село Кольбановичи заявило, что перейдетъ въ католицизмъ, если ему не назначатъ отдѣльнаго священника. Въ виду этого движенія, а равно въ видахъ объединенія разновѣрнаго населенія на почвѣ общихъ

ему интересовъ, умѣстнѣе бы было, чтобы громадскія учрежденія, какъ читальни, кассы, лавки и т. п., имѣли чисто свѣтскій характеръ и чтобы священники принимали въ нихъ участіе, только какъ громадяне, а не какъ руководящіе представители своего вѣроисповѣданія.

Мысль о необходимости для крестьянъ организаціи для огражденія ихъ экономическихъ интересовъ и при томъ организаціи безъ всякой вѣроисповѣдной и національной исключительности начинаетъ все больше сознаваться въ средѣ тамошнихъ украинцевъ, какъ это видно особенно по послѣднему № „Батьківщины“ (№ 6). Передовая статья этой популярной двухнедѣльной газеты написана по поводу меморандума нѣмецкихъ крестьянъ изъ нижней Австріи, который особая депутація собирается представить министерству. Меморандумъ этотъ очень обстоятельно обсуждаетъ разныя стороны экономическаго положенія и выражаетъ крестьянскія пожеланія. Въ положеніи крестьянъ самое характерное теперь — это задолженность ихъ земель. Изъ пожеланій крестьянскихъ нѣкоторыя носятъ реакціонный характеръ (подобный тому, какой носили и стремленія городскихъ рабочихъ въ началѣ ихъ движенія), такъ, напримѣръ, австрійскіе крестьяне не только желаютъ запрещенія евреямъ быть чиновниками или покупать крестьянскія земли, но хотятъ установленія налога на россійскій и американскій хлѣбъ, ленъ и т. п. Другія желанія слишкомъ конкретны: свобода сѣянія табаку, уменьшеніе цѣны соли и т. п. Но многіе захватываютъ шире экономическій вопросъ: объ общинныхъ земляхъ, опредѣленіе minimum'а непродажной земли, другія затрагиваютъ и соціально-политическій строй: дороговизну судопроизводства, тяжесть налоговъ и военной службы, требованіе всеобщаго голосованія и т. п.

„Батьківщина“, впрочемъ, не входитъ въ разборъ желаній нѣмецкихъ крестьянъ, а, находя (и справедливо), что въ заявленіи ихъ самое важное — это то, что крестьяне „берутъ сами свою справу въ свои руки“, одобряетъ всѣ ихъ en bloc и предлагаетъ (по нашему не практично) крестьянамъ русинамъ просто скопировать меморандумъ австрійскихъ крестьянъ и представить его министерству, „чтобъ не сказали, что одни хотятъ одного, а другіе другого, — такъ нельзя никому ничего дать“. Мы полагаемъ, что теперешнее министерство не дастъ никому ничего и по другимъ причинамъ, а кромѣ того, не всѣ желанія австрійскихъ крестьянъ и резонны. Главное значеніе ихъ меморандума пока состоитъ въ томъ, какъ замѣтила и „Батьківщина“, что крестьяне австрійскіе „не молчатъ“, и въ этомъ только и слѣдуетъ безусловно подражать имъ. Если что изъ ихъ писаній для министерства слѣдуетъ скопировать и русинамъ, такъ это статуты крестьянскихъ союзовъ (Bauernvereine) для того, чтобъ правительство не имѣло повода отказать въ разрѣшеніи такихъ союзовъ и въ Галиціи, къ чему оно, конечно, будетъ подыскивать всякіе резоны. Образованіе такихъ союзовъ теперь самое настоятельное дѣло для Галиціи украинской, какъ и польской, и слѣдовало бы въ этомъ дѣлѣ крестьянамъ обѣихъ націй выступить сразу, дружно. Предлагая скопировать нѣмецкій меморандумъ, украин-

ская газета говоритъ: „пошлемъ и мазурамъ это письмо, пусть и они подписываютъ, потому что они имѣютъ одинаковыя съ нами потребности; они намъ ровня и братья, а противники наши только польскіе паны да подпанки". Все это очень отрадно читать въ галицкой популярной газетѣ. Только мемуара мало, надобна постоянная организація, хотя бы на первыхъ порахъ самая скромная: вродѣ уже существующихъ въ нѣмецкихъ земляхъ Австріи крестьянскихъ союзовъ. Неужели во Львовѣ не найдется никого, чтобъ взять на себя инициативу такой организаціи хоть въ окрестностяхъ Львова, гдѣ кстати есть крестьяне и русины, и поляки?

Во всякомъ случаѣ разбираемая передовая статья названной газеты представляетъ утѣшительное явленіе послѣ столькихъ лѣтъ сервилизма и узкоглядства галицкой прессы, и слова ея: „доля не придетъ сама собою; нужно самому стараться для своего добра. Если будемъ тихо сидѣть, молчать и ждать, пока намъ дадутъ что добраго сверху, то можемъ еще долго прождать.... Смотрите, какъ дѣлаютъ другіе для своего спасенія: нѣмецкіе крестьяне кричатъ, а ирландскіе даже бунтуютъ!" — найдутъ, конечно, отголосокъ и среди крестьянства. Только надо поспѣшить закрѣпить впечатлѣніе фактомъ. Такимъ фактомъ, самаго умѣреннаго характера, было бы, по нашему мнѣнію, созваніе польско-русинскаго митинга съ цѣлью заложенія крестьянскихъ обществъ въ обѣихъ половинахъ Галиціи.

Проектъ солидарной демонстраціи русиновъ и поляковъ въ Галиціи.

(Первоначально напечатано въ журналѣ „Вольное Слово“ № 33. 1882 г.)

Читателямъ нашимъ въ Россіи могло уже надоѣсть наше постоянное возвращеніе къ вопросу о необходимости организаціи въ Галиціи солидарнаго дѣйствія крестьянъ украинскихъ и польскихъ для защиты ихъ общихъ интересовъ отъ общихъ противниковъ, польскихъ пановъ и еврейскихъ капиталистовъ. Но вопросъ этотъ мы считаемъ не безъинтереснымъ и для Россіи, такъ какъ разумная организація разнонаціональныхъ рабочихъ элементовъ въ Галиціи непремѣнно отразится полезнымъ образомъ и на сосѣднихъ съ Галиціей Царствѣ Польскомъ и Югозападномъ краѣ. Затѣмъ, повтореніе вещь неизбѣжная въ политическихъ вопросахъ, особенно въ средѣ, въ которой приходится имѣть дѣло съ застарѣлыми раздѣленіями и предразсудками вообще.

Мы, впрочемъ, уже отмѣтили въ прошломъ номерѣ „Вольнаго Слова“ слова „Батьківщины“, изъ которыхъ видно, что мысль о солидарномъ выступленіи крестьянъ русиновъ и поляковъ находитъ себѣ сочувствіе и среди литературныхъ представителей уже не однихъ соціалистовъ, но и такъ называемой народной или украинской партіи въ Галиціи. Теперь передъ нами № 19 газеты „Діло“, представляющей собою болѣе отсталый кружокъ этой партіи, и въ немъ мы встрѣчаемъ ту же мысль, хотя, по нашему мнѣнію, не совсѣмъ удачно поставленную.

Украинофильская газета предлагаетъ праздновать въ текущемъ году 100-лѣтіе отмѣны въ Галиціи рабства универсаломъ императора Іосифа II отъ 5 апрѣля 1782 г. (панщина оставалась до 1848 г.). „Актъ этотъ, говоритъ „Діло“, одинаково важенъ и памятенъ и для народа польскаго, какъ и для украинскаго, и тутъ представляется лучшій случай наглядно показать, что наша программа не относится враждебно къ другимъ народностямъ... что украинскій народъ радъ не только своей собственной свободѣ, своему благу, но и свободѣ и благу польскаго народа. Пора намъ познать, какой вѣсъ заключается въ такъ понятой программѣ нашей, пора познать, сколько силы можемъ мы себѣ пріобрѣсть такимъ обращеніемъ къ польскому люду. (Львовская газета въ пріемахъ краснорѣчія слѣдуетъ ветхозаветному псалмопѣвцу и всякое почти предложеніе повторяетъ на разные лады, по крайней мѣрѣ два раза.) Наши противники пробираются въ украинскій людъ съ неправдою и клеветами, а мы откликнемся

въ эту памятную годовщину правдою и искреннею любовью къ польскому люду. Смѣло и высоко поднимемъ нашу народную хоругвь правды и справедливости народной. Замкнутость и заскорузлость была бы непростительною политическою ошибкою."

Въ этой тирадѣ можно безусловно сочувствовать только ея основной мысли, но не самому проекту демонстраціи въ память универсала императора Іосифа II. Во-первыхъ, самый фактъ уничтоженія рабства крестьянъ безъ уничтоженія панщины не былъ очень важенъ и не оставилъ по себѣ глубокой памяти въ народѣ. По крайней мѣрѣ, столь чувствительная къ явленіямъ соціальной жизни своего края народная пѣсня украинская не вспоминаетъ ни однимъ словомъ акта императора Іосифа II, хотя она очень занимается уничтоженіемъ панщины въ 1848 г. Да оно и понятно, если вспомнимъ, что, по описаніямъ наблюдателей и показаніямъ крестьянъ депутатовъ вѣнскаго парламента 1848 г., актъ 1782 г. очень мало измѣнилъ сущность крѣпостного права. Что же касается до польскихъ крестьянъ, то всетаки память императора Іосифа II съ матерью его Маріей Терезіей связана съ памятью о раздѣлахъ Польши. Положимъ, въ свое время и еще въ 1846 г. польскіе крестьяне въ Галиціи были очень равнодушны къ старому польскому государству, но всетаки прогрессъ образованія пробудилъ и у нихъ національное самосознаніе, и вполнѣ равнодушными къ національной независимости теперь польскихъ крестьянъ назвать нельзя. „Іосифинская" демонстрація имѣетъ характеръ слишкомъ династически-австрійскій и анти-польскій, а потому нельзя но надѣяться на слишкомъ большой успѣхъ ея среди польскаго населенія (ей будутъ изо всѣхъ силъ противодѣйствовать всѣ образованные поляки), ни даже рекомендовать не-польскому населенію, напримѣръ русинамъ. Къ чему развивать въ сельскомъ населеніи династическія чувства, по какому бы то ни было случаю?

Другое дѣло чистая демонстрація противъ рабства экономическаго, какъ и гражданскаго, и при этомъ демонстрація совмѣстная населеній двухъ національностей, изъ которыхъ паны одной стремятся къ господству двойному: соціально-экономическому и національному, и потому возбуждаютъ двойную реакцію. Такія солидарныя польско-украинскія демонстраціи существенно необходимы въ Галиціи и будутъ имѣть огромное значеніе, какъ бы онѣ ни были слабы въ началѣ. Мы всетаки держимся того мнѣнія, что самое лучшее въ такомъ родѣ былъ бы митингъ и образованіе польско-украинскихъ крестьянскихъ союзовъ, которые, конечно, не замедлили бы войти въ сношенія и съ подобными союзами въ городахъ, изъ которыхъ зародышъ одного уже существуетъ во Львовѣ, хотя и дѣйствуетъ безъ должной энергіи и мало показываетъ охоты выйти за тѣсные предѣлы своего города, а также видимо боится рѣшительнѣе разорвать съ узкими польскими идеями.

Польская цензура и москвофильское безстыдство.

(Первоначально напечатано въ журналѣ „Вольное Слово“ № 41, 1882 г.)

Намъ пишутъ изъ Львова, что тамошняя „Gazeta Lwowska“ оповѣстила недавно о запрещеніи, наложенномъ мѣстнымъ судомъ на слѣдующія изданія г. Драгоманова: 1. Нові українські пісні про громадські справи, 2. Marija maty Isusowa, 3. Историческая Польша и великорусская демократія. Безцеремонность львовскаго суда доходитъ до того, что противъ послѣдней книги онъ выставляетъ статью, запрещающую оскорбленія національностей!! Между тѣмъ, книга эта только непріятна для польскихъ шовинистовъ, какъ „Marija“ для клерикаловъ. Запрещеніе же книги объ украинскихъ народныхъ пѣсняхъ есть запрещеніе историческихъ документовъ.

Это одинъ изъ примѣровъ того, какъ польскіе чиновники въ Галиціи отмѣняютъ для украинцевъ дѣйствіе австрійской конституціи.

Интересно, что упомянутыя запрещенія объявлены были какъ разъ въ то время, когда „Русь“, по поводу процесса своихъ протеже (гг. Добрянскаго, Площанскаго и т. п.),—процесса, впрочемъ, также по истинѣ возмутительнаго,—вострубила лишній разъ о солидарности „украинофиловъ“ съ „польскою интригою“, а „Новое Время“ даже имѣло безстыдство заявить въ цѣлой передовой статьѣ о „походѣ на русскую народность“ въ Галиціи, предпринятомъ г. Драгомановымъ купно съ г. Кулишемъ и польскими клерикалами и выразившемся, между прочимъ, въ изданіи одной поэмы Шевченки польскими буквами. (Это „Марія“ понравилась клерикаламъ!!!) Не менѣе интересно, что въ то же время „москвофилъ“ г. Площанскій заявилъ на судѣ, что онъ, получая, какъ редакторъ „Слова“, разныя изданія изъ Женевы, отсылаетъ ихъ — въ (польскую) полицію! А эта — въ судъ, а судъ (польскій) налагаетъ на переданныя книги запрещеніе. А въ тоже время какой-нибудь сотрудникъ г. Площанскаго пишетъ въ „Новое Время“ или „Русь“ корреспонденцію о солидарности украинцевъ съ польскою полиціею! А Русь — Великая, Малая, Червоная и всякая — все это терпитъ!

Процессъ постыдный во всѣхъ отношеніяхъ.

(Первоначально напечатано въ журналѣ „Вольное Слово“ № 43, 1882 года.)

Всякій политическій процессъ болѣе или менѣе дѣло постыдное, такъ какъ главная суть такихъ процессовъ всегда есть нападеніе на то, что составляетъ священнѣйшую часть человѣка, по большей части независимую даже отъ его собственной воли, — на его убѣжденія. Но по большей части стыдъ политическаго процесса падаетъ на сторону вчинающую, сторона же преслѣдуемая почти всегда выходитъ изъ такого процесса съ нравственною побѣдою, при чемъ общественное мнѣніе получаетъ возможность показать, что въ среднемъ частномъ человѣкѣ всегда есть доля чести и здраваго разума, которые влекутъ его на сторону людей убѣжденія, какъ бы это убѣжденіе ни казалось преступно господствующему политическому порядку и его представителямъ. Но на дняхъ окончился въ Галиціи процессъ, занимавшій собою общественное мнѣніе всей славянщины и отчасти даже всей Европы, а ближе всего Галиціи и Россіи съ ихъ польскою и русскою печатью, процессъ, въ которомъ и преслѣдователи, и преслѣдумые, и публика съ печатью, оказываются почти одинаково опозоренными, такъ что, если назвать политическіе процессы, подобно гоголевской „просто пріятной дамѣ“, — просто постыдными процессами, то этотъ процессъ въ соотвѣтствіе „дамѣ пріятной во всѣхъ отношеніяхъ“ по справедливости долженъ быть названъ „процессомъ постыднымъ во всѣхъ отношеніяхъ“.

Пальма первенства въ дѣлѣ самопосрамленія принадлежитъ, конечно, вчинателямъ и подстрекателямъ обвиненія: судебному вѣдомству конституціонной австрійской имперіи и въ частности королевства Галиціи, которое названо было не очень давно въ одной женевской соціалистической газетѣ „самою свободною частью Польши“, и печати господствующаго въ этомъ королевствѣ польскаго общества, со страницъ которой не сходятъ слова въ родѣ „свобода“.

Извѣстно, что „Королевство Галиція и Владимирія съ Великимъ Княжествомъ Краковскимъ“ (таковъ полный титулъ сей автономной области конституціонной австрійской имперіи) населено двумя народами: поляками и русинами (именит. падежъ единств. числа русинъ, прилагат. рускій, какъ турчинъ, сер-

бинъ, — турскій, сербскій). На счетъ взаимныхъ этнологическихъ отношеній этихъ двухъ частей населенія королевства Галицкаго существуютъ, какъ извѣстно, въ литературѣ споры, ибо только о томъ, что $2 \times 2 = 4$ споровъ нѣтъ. Къ осложненію споровъ служитъ прежняя исторія и самое имя русинъ, а особенно прилагательное — рускій (по выговору руськый). Одни говорятъ, что галицкіе русины, входившіе съ XIV в. въ составъ польскаго государства, представляютъ такую же часть польскаго народа, какъ и кракусы, мазуры и т. п.; другіе утверждаютъ, что галицкое русское населеніе (по-польски — ruski naród) есть только разновидность единаго русскаго народа, котораго самымъ типическимъ представителемъ служатъ великоруссы (по-польски называемые moskale или rossyjanie; въ Россіи же чаще всего называемые просто русскіе, при чемъ удвоеніе *с* есть заимствованіе изъ греческаго и латинскаго правописанія, по которому одно *с* между двумя гласными читалось бы какъ *з*). Третьи утверждаютъ, что русины галицкіе есть часть племени украинскаго, или малорусскаго, или какъ тамъ хотите называйте, но особаго и отъ поляковъ, и отъ великоруссовъ. Четвертые, наконецъ, думаютъ, что русины галицкіе (по-нѣмецки — рутены) есть часть племени, живущаго только въ Австріи (въ Галиціи, Буковинѣ и Вост. Венгріи), особаго и отъ поляковъ, и отъ москалей, и отъ россійскихъ украинцевъ).[1]

Можно, конечно, сожалѣть, или, пожалуй, потѣшаться при видѣ такихъ разногласій, но съ точки зрѣнія свободы всѣ эти мнѣнія имѣютъ равное право на существованіе; съ точки зрѣнія здраваго разума надо предоставить установленіе рѣшенія между этими мнѣніями наукѣ, а принятіе его для практическихъ цѣлей самимъ русинамъ. Съ точки зрѣнія практической для поляковъ

[1] Каждому изъ этихъ мнѣній соотвѣтствуетъ и особый культурный типъ, при чемъ до недавняго времени большая часть галицко-русской интеллигенціи принадлежала къ типу рутенцевъ, съ тенденціями клерикальными (уніатскими) и монархическими (габсбургскими) и съ соотвѣтственнымъ литературнымъ языкомъ, мѣшаниною кіевско-виленскаго славяно-русскаго лит. языка XVI—XVII ст. съ польскими и нѣмецкими прибавками. Этотъ языкъ назывался въ Галиціи по старому рускимъ или русскимъ. Съ 60-хъ годовъ сильнѣе стало напирать на Галицію украинское вліяніе изъ Россіи и поддержало стремленіе къ сближенію письменности съ простонароднымъ языкомъ, который тамъ почти тожественъ съ языкомъ приднѣпровской Украины. Поднялась борьба между старою, русскою или русскою (рутенскою) партіею съ молодою народною или украинскою. Въ то же время въ Галицію перенесена была изъ Россіи борьба между русскими (великорусскими) централистами и украинскими федералистами — при чемъ рутенцы смѣшались съ новыми русскими, которые, какъ увидимъ далѣе, въ сущности остались рутенцами. Въ послѣднее время (послѣ холмскихъ событій) часть старыхъ рутенцевъ изъ уніатскаго нерасположенія къ „московскому“ православію склонилась къ народовцамъ или украинцамъ. Будучи преимущественно культурными, галицкія партіи имѣютъ и соотвѣтственные оттѣнки и политическихъ, и соціальныхъ стремленій, при чемъ болѣе горячіе украинцы и новые русскіе явно склонны къ демократизму. Самые радикальные изъ тѣхъ и другихъ (молодежь) положили начало мѣстной соціалистической партіи, которая впрочемъ въ литературномъ отношеніи совсѣмъ сливается съ украинцами. (Подробности см. въ нашихъ статьяхъ въ Вѣст. Европы 1873 г.: „Русскіе въ Галиціи“ и „Литературное движеніе въ Галиціи“, у Пыпина и Спасовича: „Исторія Славянскихъ Литературъ“, 2-е изд. т. I, и у Туриста: „Литер.-политич. партіи въ Галиціи“ въ „Дѣлѣ“ Петерб. 1881, сентябрь.) [Послѣдняя статья также написана Драгомановымъ. Она переведена и на украинскій языкъ. Ср. М. Драгомановъ, „Літературно-суспільні партії в Галичині до року 1880“. Львів 1904. Прим. ред.]

можетъ имѣть значеніе только рѣшеніе вопроса о тожествѣ или разницѣ русиновъ съ поляками, при чемъ наиболѣе практическое значеніе имѣетъ для нихъ то обстоятельство, что экономъ, управляющимъ Галиціей, этотъ вопросъ уже рѣшенъ — въ пользу отдѣльности русиновъ, кто бы они ни были.

По всѣмъ этимъ резонамъ судебное вѣдомство въ Галиціи, насколько бы польское оно ни было, не имѣетъ юридическаго права вмѣшиваться въ вопросъ о томъ, какъ какой галицкій русинъ понимаетъ свою національность; польская же печать совсѣмъ не имѣетъ нравственнаго права дѣлать изъ такого или иного пониманія вопроса о національности галицкихъ русиновъ вопросъ преступленія.

И однакожъ мы видѣли совсѣмъ противное тому въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ ареста и суда надъ нѣсколькими человѣками, притянутыми къ дѣлу „о государственной измѣнѣ“, состоявшей будто бы въ намѣреніи оторвать отъ Австріи земли, населенныя русинами и присоединить ихъ къ Россіи.

Дѣло это возникло вслѣдъ за тѣмъ, какъ стало извѣстно, что громада Гнилички заявила желаніе перейти изъ уніи въ православіе.[1] Такой переходъ дозволителенъ въ Австріи, такъ какъ тамъ каждый имѣетъ право объявлять себя даже вовсе безъ всякаго вѣроисповѣданія, а также и потому, что въ Австріи въ ряду другихъ законныхъ церквей, существуетъ и православная, къ которой принадлежатъ, кромѣ сербовъ и румынъ, и русины буковинскіе. Польская пресса подняла крикъ, что тутъ сокрыта агитація изъ Россіи противъ цѣлости Австріи, прокуратура кинулась обыскивать и арестовывать причастныхъ лицъ, потомъ дальнѣйшихъ, — дѣло расширилось и составился процессъ по статьямъ, изъ которыхъ одна угрожаетъ смертною казнью. Процессъ окончился впрочемъ не такъ трагически. Присяжные не нашли государственной измѣны и оправдали вовсе тѣхъ лицъ, на которыхъ главнымъ образомъ мѣтило обвиненіе (Ольгу Грабаръ и отца ея, Ад. Добрянскаго), какъ на организаторовъ измѣны и посредниковъ мрзду туземными измѣнниками и заграничными врагами цѣлости Австріи; обвинены только четыре человѣка, всѣ болѣе или менѣе непосредственно прикосновенные къ дѣлу, — замѣтьте не измѣны, которой присяжные не признали, а православной пропаганды, которую присяжные признали въ данномъ случаѣ „смущеніемъ общественнаго спокойствія“, и присуждены къ наказанію: крестьяне Штундеръ и Залускій на 3 мѣсяца тюремнаго заключенія, редакторъ газеты „Слово“, Площанскій на 5 мѣс., священникъ Иванъ (или какъ называется сей уніатскій священникъ русинъ въ собственныхъ корреспонденціяхъ „Голоса“ изъ Львова, писанныхъ въ Петербургѣ по нѣмецкимъ газетамъ, Іоганнъ) Наумовичъ на 8 мѣсяцевъ.

Уже и это обвиненіе даже присяжными, которые всегда обнаруживаютъ больше нравственнаго и политическаго такта, чѣмъ лица судебнаго вѣдомства, не дѣлаетъ чести представителямъ польскаго

[1] См. въ „Вольномъ Словѣ“, въ №№ 26, 28. (Напечатанныя выше статьи: „Всеобщій переполохъ въ Галиціи“, „Круговой побѣгъ украинцевъ отъ вѣры отцовъ“ и „Батьківщина объ арестахъ въ Галиціи“. Прим. ред.

общественнаго мнѣнія въ Галиціи, обнаруживъ въ немъ узкій конфессіонализмъ: ставши на самую строгую юридическую точку зрѣнія, можно было признать развѣ только одного подсудимаго, г. И. Наумовича, виновнымъ въ поддержаніи ложныхъ слуховъ и то по легкомыслію „деревенскаго политика“, какъ выразился одинъ изъ свидѣтелей, такъ какъ г. Наумовичъ, на основаніи такихъ вещей, какъ извѣстіе о томъ, что подъ Перемышлемъ схвачены русскіе инженеры, считалъ возможнымъ говорить, что скоро Россія займетъ Галицію. Всякая же агитація въ пользу православія, — почему бы она ни производилась, изъ серьезнаго ли убѣжденія, или только съ разсчетомъ напугать Римъ и принудить его благосклоннѣе отнестись къ русинамъ-уніатамъ, какъ объясняетъ свои дѣйствія г. Наумовичъ (нравственное достоинство подобныхъ объясненій судится не уголовнымъ судомъ!), — не можетъ составлять „нарушенія общественнаго спокойствія“, по австрійскимъ законамъ.

Но независимо даже и отъ такого, хоть и мягкаго, но все же противозаконнаго и постыднаго, обвиненія подсудимыхъ львовскими присяжными, оконченный процессъ составляетъ крайне позорную страницу въ исторіи австрійскихъ судовъ по своему обвинительному акту и по всему тому, что говорилось на судебномъ слѣдствіи и прокуроромъ, и судьями, и даже присяжными, — особенно старшиною ихъ, г. Рыльскимъ.

Можете себѣ вообразить, что прокуроръ находилъ преступнымъ выраженное печатью мнѣніе, что русскій языкъ галичанъ есть то же самое, что русскій языкъ великоруссовъ, что православіе было вѣрою отцовъ теперешнихъ уніатовъ и т. п. Старшина присяжныхъ ни съ того, ни съ сего излагалъ подсудимымъ, какъ обязательныя, свои мнѣнія о тиранизмѣ населенія Великороссіи! Прокуроръ и весь судъ занимались разборомъ сочиненій Погодина и Фадѣева, относительно сношеній съ которыми лично кого бы то ни было изъ подсудимыхъ не было въ дѣлѣ никакого указанія, ставили въ вину подсудимому г. Площанскому, ставшему редакторомъ „Слова“ въ 1871 г., статью (о единствѣ языка всея Руси отъ Карпатъ до Амура), напечатанную въ этой газетѣ въ 1867 г. Другому подсудимому ставили въ вину то, что онъ посылалъ газеты и переписывался съ г. Побѣдоносцевымъ, хотя на преступность содержанія этой переписки никакого указанія въ документахъ, предложенныхъ суду, не было. Впрочемъ, по этой части курьезность львовской юриспруденціи дошла до того, что другому подсудимому ставили въ вину то, что у него не нашли именно такихъ писемъ, какихъ искали: значитъ-де истребилъ, — слѣдовательно были преступнаго содержанія!!

Мы должны бы были переписать половину говорившагося въ теченіе 34 засѣданій, еслибы вздумали перечислить всѣ юридическіе абсурды этого страннаго процесса. Если эти абсурды служатъ только къ позору галицкаго судебнаго вѣдомства, то не служитъ къ чести и подсудимыхъ то, что они своею покорною разговорчивостью поощряли гг. судей превращать судъ не то въ литературный кружокъ, не то просто въ кафе съ пріятельскою болтовнею, въ концѣ которой однако же грозитъ юридиче-

ская кара за то или другое религіозное, филологическое, а то и археологическое мнѣніе. Вопросы, не идущіе къ дѣлу, слѣдуетъ просто останавливать, чтобы и впредь было не повадно, а это подсудимые дѣлали очень рѣдко, такъ что у львовскихъ прокуроровъ и судей охота къ криминально-археологическимъ упражненіямъ не только не отбита, а еще, пожалуй, поощрена.[1]

Впрочемъ, подсудимые такъ зарекомендовали себя на судѣ съ умственной и нравственной стороны, что отъ нихъ нельзя и ждать чего-либо похожаго на достоинство и тактъ, на твердую защиту правъ личныхъ и національныхъ. Г. Площанскій, напр., съ ущербомъ для себя въ мнѣніи присяжныхъ, не хотѣлъ сознаться, что онъ получалъ субсидію отъ кіевскаго славянскаго комитета, тогда какъ объ этой субсидіи говоритъ печатный отчетъ комитета, и тогда какъ въ этомъ нѣтъ никакого преступленія, такъ какъ вообще не доказано, что славянскіе комитеты имѣли въ виду разрушеніе Австріи, а, въ частности, сомнительныя съ этой стороны рѣчи кн. А. Васильчикова и гр. Бестужева-Рюмина въ петербургскомъ комитетѣ произнесены были въ 1877 и 1878 гг., а г. Площанскій получилъ субсидію отъ невиннаго въ этихъ рѣчахъ кіевскаго комитета и при томъ еще въ 1873 г.; но самъ г. Площанскій назвалъ передъ судомъ своего конкуррента г. Купчанка, какъ лицо, обращавшееся въ кіевскій комитетъ за субсидіей для предполагаемой имъ газеты, хотя г. Купчанко не былъ названъ въ обвинительномъ актѣ. Г. Добрянскій, протестовавшій противъ подозрѣній, что онъ нажилъ себѣ значительное состояніе (на 260 000 гульд.) подарками изъ Россіи (мы тѣмъ охотнѣе вѣримъ г. Добрянскому, что онъ былъ чиновникомъ по успокоенію Венгріи послѣ возстанія 1848—1849 г.), самъ въ то же время обвинялъ своихъ литературныхъ и политическихъ противниковъ, „украйномановъ“ въ томъ, что они приготовляютъ революцію въ Россіи и Австро-Венгріи „на англійскія деньги“. Г. Наумовичъ, котораго агитація въ пользу православія и симпатія къ церкви россійской (повторяемъ, вещи не преступныя, за которыя уважающій себя подсудимый долженъ былъ стоять твердо) доказаны очевидно его письмами и показаніями свидѣтелей, вдругъ на судѣ, въ отвѣтъ на неумѣстные и невѣжественные вопросы старшины присяжныхъ (присяжные и публика съ удивленіемъ узнали изъ показаній буковинскаго священника, что православная церковь не зависитъ отъ русскаго царя и что членовъ іерархіи буковинской православной церкви назначаетъ австрійскій императоръ) отвѣчалъ, что „россійская православная церковь можетъ считаться за іерархическій расколъ (даже) въ церкви восточной“!!! Г. Марковъ (редакторъ газетъ съ столь радикальными названіями, какъ „Вѣче“ и „Проломъ“ и дѣйствительно еще одинъ изъ болѣе смѣлыхъ подсудимыхъ) на вопросы о письмѣ его въ Вильну, въ которомъ онъ называетъ себя „искреннимъ поклонникомъ православія и панславизма“, отвѣчаетъ вмѣсто:

[1] Всѣдъ за окончаніемъ процесса галицкихъ „москвофиловъ“ мы прочли извѣстіе объ арестованіи одного сотрудника „украйнофильской“ газеты „Зоря“, тоже за „панславистическую“ пропаганду.

„а вамъ какое дѣло?“, слѣдующими постыдными словами: „я былъ въ стѣсненномъ положеніи: а тамъ (въ Вильнѣ) было вакантное мѣсто; а въ такомъ случаѣ пишется такъ, чтобъ получить мѣсто“!!! Въ такомъ же родѣ нѣсколько разъ высказался и г. Площанскій: „для меня главное подписка!“

И этихъ людей представляютъ намъ россійскіе публицисты изъ „Руси“, „Моск. Вѣд.“, „Новаго Времени“ и т. п. развитыми національными и народными дѣятелями, людьми твердыхъ убѣжденій и прочихъ добродѣтелей! Такъ какъ и эти публицисты обильнымъ писаніемъ о львовскомъ процессѣ приняли свою долю участія въ его позорѣ, то мы должны остановиться и на нихъ. Эти публицисты присваиваютъ себѣ монополію любви къ славянамъ и слывутъ на весь міръ органами будто бы могучей русской „панславистической партіи“. Мы далеко зашли бы, еслибъ стали говорить объ этой партіи даже по тѣмъ матеріаламъ, какой даетъ львовскій процессъ. Неоднократно мы имѣли случай, — между прочимъ и по поводу галицкихъ дѣлъ, — фактами доказывать, что вся дѣятельность россійскихъ лжеславянофиловъ есть ничто иное, какъ смѣсь узости идей съ невѣдѣніемъ настоящаго положенія славянства, смѣсь фразерства съ лицемѣріемъ и явнымъ обманомъ публики въ западной славянщинѣ и въ Россіи. Теперь мы укажемъ только на нѣсколько фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, какъ они явно обманываютъ свою публику по поводу разбираемаго процесса.

Названныя газеты представляютъ своей публикѣ подсудимыхъ львовскаго процесса людьми вѣрными австрійскому государству и государю, но въ то же время вѣрными и своему народу, народу, по ихъ словамъ, такому же русскому, какъ единый русскій народъ въ Россіи. Подсудимые-де страждутъ за то, что сохраняютъ нравственную связь, особенно литературную, съ единой русской націей, какъ, напр., тирольцы сохраняютъ ее съ націей нѣмецкой. Твердые патріоты эти борятся-де за эту связь и единство не только съ поляками, но и съ созданіемъ этихъ послѣднихъ, съ украинофилами, — измѣнниками русскому народу въ Россіи и въ Австріи.[1]

Не наше дѣло разбирать здѣсь вопросъ о вѣрности гг. Площанскихъ, Добрянскихъ и т. п. австрійскому государю и госу-

[1] При сей вѣрной окказіи „М. В.“ и „Русь“ спѣшатъ поставить на счетъ „украйнофиловъ“, въ томъ числѣ даже „женевскихъ“, недавнія брошюрки г. Кулиша, въ которыхъ этотъ усердный работникъ, но видимо впавшій въ какое то болѣзненное состояніе, оплевываетъ (извините слово, но, право, другого въ данномъ случаѣ нельзя прибрать) — все прошлое украинскаго народа и возвеличиваетъ на счетъ его польское аристократическое государство. При этомъ московскіе обвинители съ самою безцеремонною дерзостью опускаютъ то обстоятельство, что брошюры г. Кулиша встрѣтили самое рѣзкое порицаніе во всѣхъ сколько нибудь прикосновенныхъ къ украйнофильству изданіяхъ въ Россіи и Австріи, а также и то, что г. К. выказалъ тоже отношеніе къ украинской исторіи нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Россіи въ „Исторіи возсоединенія Руси“, въ „Русскомъ Архивѣ“ и т. п., — въ которыхъ только онъ восхвалялъ на счетъ украинцевъ не польское, а московское государство, — къ великому удовольствію московскихъ централистовъ, а также и то, что отрицательное отношеніе г. Кулиша къ украинскому казачеству и черни, основа его умиленія то передъ Москвой, то передъ Польшей, то передъ обѣими, есть только крайняя форма тѣхъ взглядовъ, которыхъ держался прославленный оффиціозный исторіографъ, С. М. Соловьевъ.

дарству (мы только совѣтовали московско-петербургскимъ лжеславянофиламъ установить какую нибудь одну логическую точку зрѣнія на этихъ господъ, которые у нихъ выходятъ разъ „восточными тирольцами“ (die Tiroler des Ostens), какъ и звали галицкихъ рутенцевъ въ вѣнскихъ оффиціальныхъ сферахъ въ 1848—59, въ другой закарпатскими irredentistами), но мы охарактеризуемъ, по ихъ собственнымъ показаніямъ, ихъ отношеніе, напр., къ вопросу о единствѣ литературнаго языка въ Галиціи и въ Великороссіи.

Такъ г. Площанскій, спрошеный на счетъ статьи „Слова“ въ 1867 г., по которой галичане признаны настоящими русскими (по-польски rossyjanie), отвѣчалъ: „мы въ Галиціи галицкіе русины; есть Русь Малая и Великая, Бѣлая, Красная, Черная... Мы принадлежимъ къ Малой Руси,[1] къ Южной Руси. Въ теоріи я былъ за единство литературное, но только такъ, въ теоріи: это такъ себѣ была теорія, какъ много другихъ теорій. (Дѣлаетъ жестъ, выражающій иронію). Я не писалъ и не пишу россійскимъ языкомъ“. (Г. Пл—скій во всѣхъ рѣчахъ своихъ строго различаетъ ruski i rossyjski, какъ и польскіе историческіе патріоты; на судѣ онъ говоритъ по-польски). Въ „Словѣ“ я пишу на малорусскомъ языкѣ... но приспособительно для интеллигенціи... Я употреблялъ не хлопскій языкъ, а лучшій, но не россійскій. Я писалъ ‚мѣшаниною‘“.

Г. Ад. Добрянскій, какъ венгерско-нѣмецкій бюрократъ по воспитанію и политическимъ идеаламъ, еще рѣшительнѣе презираетъ хлопство, совсѣмъ не владѣетъ даже мѣшаниною г. Площанскаго, но въ то же время, видимо, также не владѣетъ и россійскимъ языкомъ (на судѣ онъ говоритъ по нѣмецки, письма его дѣтей, читанныя на судѣ, писаны по нѣмецки же). Онъ взялъ было на себя миссію примирить галицкія языковыя партіи и предложилъ имъ писать — какъ вы думаете, на какомъ языкѣ? — на церковно-славянскомъ! Какъ видите, если съ г. Площанскимъ мы возвратились бы къ Симеону Полоцкому, избавившись, конечно, отъ Шевченка, но зато и отъ Пушкина, то съ г. Добрянскимъ посунулись бы къ Остромірову Евангелію, тоже, конечно, избавившись отъ Шевченка, но за то даже и отъ Слова о Полку Игоревѣ, и Новгородскихъ и Ипатской лѣтописей, не говоря уже о великорусскихъ „хлопоманахъ“ отъ Ломоносова до Некрасова. Такого ли „единства“ желаютъ лицемѣры и обманщики „Руси“, „Моск. Вѣдомостей“ и т. п., которые читали же протоколы судебныхъ преній львовскаго процесса, если уже они не читали никогда писаній такихъ поборниковъ русскаго единства, какъ г. Пло—скій?! Если такого, такъ пусть такъ и скажутъ!

Или, быть можетъ, имъ нравится третья форма литературнаго единства всея Руси, изложенная на судѣ г. И. Наумовичемъ?

Надо сказать, что И. Наумовичъ одинъ изъ лучшихъ людей старой галицкой партіи, человѣкъ съ энергіей и талантами, имѣвшій свой часъ дѣйствительной службы своему народу по-

[1] „Мы“ же — Красныя Русь; судите послѣ этого о путаницѣ этнографическихъ идей г. Пл—аго! Но теперь не о томъ дѣло. М. Д.

средствомъ агитаціи противъ пьянства, въ пользу сберегательныхъ кассъ, громадскихъ хлѣбныхъ магазиновъ, лавокъ, читаленъ, посредствомъ изданія нѣкоторыхъ недурныхъ народныхъ книгъ, писанныхъ народнымъ языкомъ и потому близкихъ къ языку россійскихъ украинцевъ. Самъ онъ въ послѣдней рѣчи на судѣ сказалъ: „Всѣ мои сочиненія я выдавалъ на малорусскомъ языкѣ, хотя для интеллигенціи я пишу языкомъ болѣе выработаннымъ."

Объ этомъ „выработанномъ", или „высшемъ" языкѣ не разъ говорилъ въ своихъ газетахъ г. П. Н-чъ, отрицая ученіе украинофиловъ, которые считаютъ возможнымъ развитіе его и въ Украйнѣ, или Малой Руси, россійской и австрійской, какъ и вездѣ на свѣтѣ, на почвѣ народнаго языка и которые опытомъ доказываютъ это. Г. Н-чъ находитъ малорусскій хлопскій языкъ не способнымъ для такого развитія, но вовсе не хочетъ замѣны его языкомъ великорусскимъ, которымъ онъ тоже недоволенъ, а хочетъ образовать какой то новый высшій и общерусскій языкъ при помощи церковно-славянскаго. На судѣ г. Наумовичъ изложилъ еще болѣе странную теорію русскаго литературнаго единства, по подобію, какъ онъ думаетъ, древне-греческаго. По его словамъ, великорусскій языкъ, соотвѣтственный аттическому, былъ бы языкомъ наукъ; малорусскій, подобный іоническому, — языкъ поэзіи, а церковно-славянскій будетъ отвѣчать дорическому. По этой удивительной доктринѣ Шевченки остались бы на свѣтѣ, но Пушкиныхъ бы не было, а какова была бы роль церковно-славянскаго языка (который, какъ своего рода православная латынь, отжилъ свое время и въ церкви), того мы и вообразить не можемъ. Если онъ долженъ соотвѣтствовать дорическому языку, то слѣдуетъ думать, что г. Н-чъ предложитъ его въ языкъ военнаго министерства и полевой команды Великія, Малыя и Бѣлыя Руси, или von allen Reussen, какъ выражался онъ на судѣ.

Какъ видитъ читатель, ни одинъ галицкій „общеруссъ" не понимаетъ вопроса о русскомъ литературномъ единствѣ согласно съ централистическими теоріями, существующими на этотъ счетъ въ Россіи, т. е. ни одинъ не стоитъ за употребленіе великорусскаго лит. языка на своей родинѣ, а большая часть признаетъ въ томъ или иномъ видѣ значеніе малорусскаго языка. То же всерусское единство и тотъ высшій языкъ, какой они противоставляютъ стремленіемъ украйнофиловъ развить до высшей степени мѣстный народный языкъ и возстановить черезъ то единство между всѣми классами населенія на Украйнѣ, совсѣмъ особаго и, какъ мы сейчасъ видѣли, довольно курьезнаго рода.

Не будемъ говорить о томъ, къ чему бы привело приложеніе теорій гг. Пл—скаго, Н—ча, Добр—скаго и т. п., теорій или устарѣлыхъ или сумбурныхъ, въ Россіи, въ Великороссіи и въ Малороссіи, но въ Галиціи онѣ приводятъ только къ обезсиливанію русиновъ въ борьбѣ съ поляками. Относясь презрительно къ украинской рѣчи, какъ къ хлопской, протеже россійскихъ лжеславянофиловъ остаются или при мертвой мѣшанинѣ, или же

при польскомъ языкѣ (какъ въ Венгріи при мадьярскомъ), чему доказательство мы видѣли и на судѣ. Всѣ подсудимые галичане, кромѣ крестьянъ, говорили по-польски, и когда, послѣ того какъ крестьяне говорили своимъ русскимъ языкомъ, т. е. малорусскимъ и присяжные сказали, что они ихъ понимаютъ (какъ и слѣдуетъ ожидать отъ жителей Львова, хотя бы и поляковъ, и евреевъ), предсѣдатель суда предложилъ и г. Наумовичу говорить своимъ народнымъ языкомъ (на что каждый русинъ въ Австріи имѣетъ право и по закону), г. Наумовичъ замѣтилъ: „такъ какъ я долженъ буду выражать высшія понятія, а въ мужицкомъ (ludowem) языкѣ я не найду для этого словъ, то я буду говорить по польски.[1]

Слова эти произвели большую сенсацію въ залѣ судебной. Для понимающихъ дѣло нѣтъ надобности пояснять, на сколько слова эти поддержали ту польскую партію, которая желаетъ отнять у русиновъ школы, особенно среднія, и каѳедры въ университетѣ, на томъ основаніи, что ихъ хлопскій языкъ не способенъ къ выраженію высшихъ понятій. Г. Наумовичъ самъ понялъ это и старался въ послѣдней рѣчи оправдаться передъ своими земляками, но это ему не удалось.

Какъ парочно, въ то же время происходилъ другой процессъ, о которомъ, конечно, гг. Катковы и Аксаковы не сообщатъ своей публикѣ, хотя онъ тоже связанъ съ Гнилицкимъ дѣломъ, процессъ помѣщика Гниличекъ противъ украинофильской газеты „Діло“. Читатели „Вольнаго Слова“ знаютъ, что мы далеко не принадлежимъ къ числу поклонниковъ этой газеты, ни львовскихъ украинофиловъ вообще. Но посмотрите, насколько достойнѣе и выгоднѣе для огражденія національныхъ интересовъ русиновъ было поведеніе этихъ украинофиловъ въ ихъ процессѣ, сравнительно съ поведеніемъ гг. Площанскаго, Наумовича и т. п. Украинофилы (редакторъ „Діла“ г. Вл. Барвинскій и свящ. Ст. Качала) говорили на своемъ родномъ языкѣ — и когда обвинитель, д-ръ Яцковскій, воспротивился тому и, пускаясь на обыкновенный въ такихъ случаяхъ у польскихъ Катковыхъ фортель, заявилъ, между прочимъ, что „Діло“ пишется и подсудимые говорятъ языкомъ московскимъ, подсудимые отвѣтили, что онъ не компетентенъ судить о томъ, а что они говорятъ своимъ народнымъ языкомъ, который, какъ языкъ страны, долженъ быть понятенъ мѣстнымъ судьямъ и присяжнымъ, и настояли на своемъ. Нѣкоторые изъ присяжныхъ закричали: „будемо розуміти, будемо!“ Одинъ полякъ съострилъ, воскликнувъ: панимаю! — и процессъ отбылся по-руськи, а не по-польски.

Подобные примѣры всего лучше показываютъ все значеніе „украинофильскаго“ движенія для національнаго и народнаго дѣла русиновъ въ Австріи и весь вредъ движенія лжеславянофильскаго, „москвофильскаго“, а наконецъ причины его

[1] Замѣтимъ кстати, что „высшимъ“ языкомъ гг. Наумовичей и т. п. можно только писать (потому что бумага все терпитъ), а говорить имъ нельзя. Если кто „сочиняетъ (и совершенно произвольно) несуществующій языкъ“, такъ это именно эти господа, а вовсе не украйнофилы, какъ увѣряютъ „М. В.“, „Русь“ и т. п. Украйнофилы развиваютъ существующій живой языкъ двадцатимильоннаго населенія.

вымиранія, которое очевидно въ послѣдніе годы. Первое старается опереться на живыя и мѣстныя, народныя силы; второе держится схоластической стариною и гоняется за далекимъ, все-жъ таки чужимъ, — и потому ведетъ къ мертвенности, къ нравственному абсентеизму, а потомъ и къ эмиграціи и въ концѣ концовъ къ отступленію передъ живымъ, близкимъ противникомъ (польскимъ элементомъ), съ которымъ думали бороться съ надеждою на помощь изъ внѣ, изъ далека. Насколько партія гг. Площанскаго и Наумовича утратила почву подъ ногами и насколько естественное предводительство въ національной борьбѣ галицкихъ русиновъ съ поляками перешло уже отъ старыхъ рутенцевъ и москвофиловъ къ украинофиламъ, это ясно и изъ документовъ, опубликованныхъ въ разбираемомъ процессѣ. Изъ переписки гг. Наумовича и Маркова видно, насколько они обезпокоены успѣхомъ „Діла“ и „Батьківщины“ (популярная газета) сравнительно съ изданіями ихъ партіи; изъ свидѣтельскихъ показаній мы видимъ, какъ сами громады подписываются на „Батьківщину“, а не на „Проломъ“ и т. п. „Моск. Вѣдомости“ и „Русь“ осмѣливаются увѣрять свою публику, будто „поляки“ поддерживаютъ (даже будто бы субсидіями) украинофильскія изданія противъ „чисто-русскихъ“.[1] Но это самая безцеремонная ложь: достаточно прочесть показанія польскихъ полицейскихъ агентовъ въ этомъ же процессѣ, чтобъ видѣть, какъ они называютъ и украинофиловъ москалями, ихъ изданія московскими и т. д. А если слѣдить за галицкими дѣлами хоть 2—3 мѣсяца, то насчитаешь десятокъ конфискацій на „Діло“ и „Батьківщину“.[1] „Украйнофильство“ ростетъ, а „москвофильство“ мретъ въ Галиціи потому, что первое есть дѣло, стоящее на живой, мѣстной, народной почвѣ, а второе — мертвое, безпочвенное: а тамъ, гдѣ еще нѣтъ ничего подобнаго украинофильству, какъ, напр., въ отечествѣ г. Добрянскаго, гдѣ прежде царствовала у мѣстныхъ русскихъ патріотовъ исключительная акса-

---

[1] На процессѣ была прочитана между прочимъ одна изъ многихъ статей „Моск. Вѣд.“ въ такомъ родѣ, которая сводилась къ тому, чтобъ выпросить въ Россіи субсидію для „многострадальной газеты“ г. Площанскаго. Тамъ же процитированы были слова г. Геровскаго (галицкій нотабль и зять г. Добрянскаго) „эти дурачества написалъ самъ Площанскій“.

[2] Такая же безцеремонная ложь и — увѣреніе, будто украинофилы относятся враждебно къ Россіи и къ русской литературѣ. Украинофилы, какъ и множество великоруссовъ, ненавидятъ россійскіе порядки, которые дѣлаютъ возможными мѣры, въ родѣ запрещенія даже „боже, царя храни“ въ украинскомъ переводѣ. Что же до литературы, то въ Галиціи только украинофилы и познакомили публику съ настоящею русскою литературою переводами изъ Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Некрасова, Щедрина, Успенскаго и др. и извлеченіями изъ работъ Костомарова, Пыпина, Лавровскаго, Максимовича и т. п. „Москвофилы“ же могутъ противопоставить этой работѣ развѣ переводъ разсказа Тургенева „Собака“ („Песъ“) съ нѣмецкаго (credite, posteri!) на..... „мѣшанину“ или „лучшій языкъ“. Что до россійскихъ украинофиловъ, то мы беремся документами доказать, что одинъ тотъ кружокъ, къ которому мы принадлежали, распространилъ въ четверо больше великорусскихъ книгъ среди русиновъ въ Австріи, чѣмъ всѣ славянскіе комитеты вмѣстѣ. Мы дѣлали и дѣлаемъ это съ прямымъ разсчетомъ, такъ какъ чѣмъ болѣе австрійскіе русины знакомятся съ живою русскою литературою, тѣмъ болѣе переходятъ къ украинскому движенію. Въ виду указаннаго выше и здѣсь, естественнаго роста этого движенія, спрашивается: насколько выгодно и для политическихъ интересовъ Россіи то отношеніе къ нему, какое проповѣдуютъ гг Катковы, Аксаковы и т. п.?

ковщина, тамъ теперь нѣтъ никакого русскаго движенія и даже число русиновъ уменьшилось съ 500 000 на 400 000![1]

Уже изъ приведенныхъ выше примѣровъ можно видѣть, во что собственно обратилось движеніе, которое гг. Катковы, Аксаковы и ихъ саттелиты выдаютъ за настоящій патріотизмъ и народное направленіе среди русиновъ въ Австріи. Но мы еще не сказали о самомъ позорномъ. Изъ дѣла оказалось, что сынъ г. Ад. Добрянскаго, г. Мирославъ Д—скій, чиновникъ петербургскаго министерства внутреннихъ дѣлъ и членъ славянскаго благотворительнаго общества, сотрудникъ петербургскихъ и московскихъ газетъ лжеславянофильскаго направленія (по всему видно, „Ст.-Пет. Вѣдомостей“, „Новаго Времени“ и „Руси“) пріѣзжалъ въ Галицію набирать платныхъ агентовъ для наблюденія за „нигилистами“, и что сынъ г. Наумовича вмѣстѣ съ другими лицами той же партіи взялись за эту постыдную роль, причемъ г. Наумовичъ младшій унизился до доносовъ на своихъ сотоварищей въ Вѣнскомъ университетѣ, членовъ общества „Січ“. Членъ славянскаго благотворительнаго общества оказывается просто агентомъ III отдѣленія, который поручилъ г. Наумовичу, между прочимъ, выслѣдить въ „Січі“ предполагаемаго убійцу Мезенцева, что все г. Аксаковъ въ своей „Руси“ находитъ вполнѣ естественнымъ и похвальнымъ!!!

Такъ вотъ, во что обратилось московское славянофильство; вотъ какихъ людей оно къ себѣ притягиваетъ! И вы думаете, что по крайней мѣрѣ эти люди искренни?! Ни чуть не бывало! Г. М. Добрянскій оказывается въ то же время сотрудникомъ и враждебныхъ Россіи мадьярскихъ газетъ, а въ разговорѣ его съ г. Наумовичемъ старшимъ оба они оказываются вовсе не искренними друзьями россійскихъ порядковъ. Самъ г. Наумовичъ передаетъ на судъ этотъ разговоръ, который онъ велъ съ г. М. Д—имъ, какъ съ членомъ славянскаго общества и чиновникомъ министерства, отъ котораго зависитъ допущеніе въ Россію заграничныхъ изданій. „Вы тамъ въ Россіи, говорилъ г. Наумовичъ, не беретесь за просвѣщеніе народа, а у насъ не мало есть книжекъ для народа; это бы и вамъ пригодилось, еслибъ вы пускали наши книжки черезъ границу. У меня есть цѣлый складъ популярныхъ книжекъ; я могъ бы ихъ тамъ распродать“.[2] На это отвѣтилъ г. Добрянскій: „это невозможно;

---

[1] Замѣтимъ, что галицко-русское возрожденіе было пробуждено писаніями старыхъ украинофиловъ изъ Россіи (Котляревскій, Максимовичъ, Бодянскій, Срезневскій) и съ тѣхъ поръ даже въ галицкихъ „московскихъ“ кругахъ признается до извѣстной степени мѣстный народный элементъ, хотя бы только въ элементарной литературѣ. Въ Венгерскую же Русь русская пропаганда зашла черезъ священниковъ великорусовъ, состоявшихъ при вѣнскомъ посольствѣ и нештянскомъ консульствѣ, и не пошла дальше московской поповщины которая соединившись съ поповщиною мѣстною, дала было плодъ, который годенъ былъ для кунсткамеры „монстровъ и раритетовъ“, а не для жизни и политической борьбы. (Ср. наше приложеніе „Драгомановъ о венгерской Украйнѣ-Руси“ на стр. 642. Прим. ред.)

[2] Какъ было замѣчено, между изданіями г. Наумовича есть вещи, писанныя очень недурно и недурнымъ народнымъ языкомъ, конечно украинскимъ, только правописаніемъ церковнымъ, которое кстати сказать, и есть оффиціальное въ Австріи правописаніе, а вовсе не проклинаемая москвофилами фонетика или (не совсѣмъ точно) кулишовка, на которую еще недавно ополчались „Московскія Вѣдомости“ устами своего вѣнскаго „лжесвидѣтеля очевидца“. Московскіе обру-

у васъ конституція, — у насъ абсолютизмъ; вы пишете о вашемъ парламентѣ, сеймахъ, объ уѣздныхъ совѣтахъ, о свободной жизни; а у насъ нельзя, чтобъ такія книжки шли въ народъ, потому что этакія вещи пробуждаютъ мысли...“

Довольно! Выводы изъ этого, какъ и изъ всего разсказаннаго, пусть дѣлаетъ самъ читатель, и если бы по прочтеніи всего этого, онъ хоть немножечко пересталъ позволять московскимъ лгунамъ обманывать его, то мы сочли бы себя сторицею вознагражденными за купаніе въ тинѣ грязи и тупости, которую представляетъ изъ себя протоколъ разобраннаго нами процесса.

сители совершенно напрасно полошатъ свою публику въ Австріи легально писать Сѣчь, кóнь,—т. е. такъ само, какъ велитъ украинцамъ писать и законъ Юзефовиче-Толстовско-Тимашевско-Потаповскій 16 мая 1876 г., — а вовсе не Січ, кінь, какъ пишутъ злокозненные украинофилы, сообразуясь съ произношеніемъ и логикою.

Какъ позволяютъ обращаться съ собою русины.

(Первоначально напечатано въ журналѣ „Вольное Слово“ № 47, 1882 г.)

Неумѣніе постоять за себя составляетъ одинъ изъ главныхъ тормазовъ къ упорядоченію человѣческихъ отношеній. Съ этой стороны едва ли найдутся въ Европѣ болѣе жалкіе люди, какъ австрійскіе русины. Это классическій образчикъ того, какъ долговременное національное униженіе ведетъ къ атрофіи собственнаго достоинства. Никто, можетъ быть, такъ не жалуется на притѣсненія, какъ эти русины, и никто такъ легко не поддается всякому насилію, какъ они, при чемъ сами же отказываются отъ собственныхъ правъ, уже признанныхъ за ними законами того государства, въ которомъ они живутъ.

Въ подтвержденіе сказаннаго можно набрать тысячу примѣровъ, а вотъ самый новый:

Намъ пишутъ изъ Вѣны отъ 8 октября:

„Вчера предсѣдатель общества „Буковина“, г. Иванъ Литинскій, получилъ съ почты „авизо“ съ рецеписомъ. На авизѣ было написано, чтобъ адресатъ явился въ залъ № 7 здѣшняго главнаго таможеннаго правленія (k. k. Wiener Hauptzollamt). Дѣло, очевидно, могло итти о полученіи какой-нибудь посылки изъ заграницы и объ уплатѣ за нее пошлины. Но вышла совсѣмъ неожиданная исторія. Когда г. Л. явился въ таможню, чиновникъ (одинъ изъ K. K. Finanz Concipient'овъ) обратился къ нему: „а, вы, т. е. общество Буковина, получили изъ Женевы, вѣроятно отъ Драгоманова, пакетъ. Если хотите взять его, то должны объявить мнѣ, отвѣчаете ли вы за то, что въ этомъ пакетѣ, такъ какъ пакетъ этотъ тутъ же будетъ подвергнутъ ревизіи, но если не примете этого пакета, то не будете отвѣчать“. Г. Л. запротестовалъ противъ этого, сказавши, что общество можетъ получать письма, отъ кого хочетъ, и что только полиція имѣетъ право вскрывать его письма, если она увѣрена, что въ письмахъ этихъ есть что-либо запрещенное.[1] Но тутъ запрещеннаго ничего не можетъ быть, развѣ только „Вольное Слово“ изъ Женевы. Тогда финансовый чиновникъ повторилъ первыя слова свои и началъ спрашивать, кто изъ общества Буковина переписывается

[1] Вовсе не полиція, а судъ, и не когда онъ въ чемъ-либо „увѣренъ“, а когда началось судебное преслѣдованіе противъ даннаго лица по прямому обвиненію въ извѣстномъ преступленіи. Ред. „В. Сл.“

съ Женевою и Драгомановымъ, сколько, какія и откуда получаетъ общество газеты и т. д. Предсѣдатель на все это давалъ отвѣты (!!!), а чиновникъ записывалъ ихъ въ протоколъ (будто судья или полицейскій) и предложилъ предсѣдателю подписать протоколъ. Этотъ еще разъ спросилъ, а какъ же будетъ съ пакетомъ, а чиновникъ повторилъ, что пакетъ конфискуется и потребовалъ отъ предсѣдателя, чтобы тотъ отказался отъ пакета, а иначе обществу будетъ бѣда. При такой альтернативѣ предсѣдателю ничего не оставалось (?!?), какъ только исполнить требованіе чиновника и заявить, что онъ отказывается отъ пакета изъ Женевы. Тѣмъ дѣло и окончилось — пока въ таможнѣ, а что будетъ дальше, то знаетъ одинъ „черный кабинетъ“ въ Вѣнѣ. Вотъ, что дѣлается въ „вольной конституціонной Австріи“.

Людямъ, знающимъ, что такое конституціонныя права, нечего указывать, въ чемъ превысилъ свою власть г. финансовый конципіентъ, и доказывать, что во всемъ этомъ дѣлѣ г. предсѣдатель общества „Буковина“ виновенъ передъ своимъ обществомъ гораздо больше еще, чѣмъ г. конципіентъ. Непостижимо, какъ могъ г. предсѣдатель не понять, что г. финансовый конципіентъ присваиваетъ себѣ права слѣдственнаго судьи; еще менѣе постижимо, какъ онъ могъ позволить предлагать себѣ вышеписанную альтернативу, какъ не замѣтилъ всей нелѣпости угрозы отвѣтственностью за пакетъ, котораго содержаніе ни ему, ни конципіенту не извѣстно. Въ довершеніе всего, ни редакція „Вольнаго Слова“, ни г. Драгомановъ никакого пакета на этихъ дняхъ въ общество „Буковина“ не посылали, и потому весь вышеприведенный разговоръ о „Вольномъ Словѣ“ и г. Драгомановѣ надъ запечатаннымъ пакетомъ есть двойная глупость.

Намъ странно учить гг. австрійскихъ гражданъ ихъ правамъ, въ томъ числѣ и правамъ ихъ на полученіе нашихъ и г. Др—ва изданій, но мы принуждены сдѣлать слѣдующее разъясненіе:

1. „Вольное Слово“ вовсе не запрещено въ Австріи, а только не допущено къ разсылкѣ подъ бандеролью, слѣдовательно, въ пакетахъ всякій имѣетъ право его получать.

2. Въ числѣ сочиненій г. Драгоманова есть вещи, не запрещенныя въ Австріи, а если нѣкоторыя и запрещены, единственно вслѣдствіе того, что самъ авторъ, какъ иностранецъ и отсутствующій, не могъ защищать своихъ изданій передъ австрійскимъ судомъ, а австрійцы, у которыхъ эти сочиненія конфискованы, боялись взяться за эту защату,[1] то всетаки всякій австрійскій гражданинъ имѣетъ право получать и держать у себя по одному экземпляру даже и запрещенныхъ сочиненій.[2]

---

[1] Если запрещать „Громаду“, то слѣдовало бы запретить и сочиненія бывшаго австр. министра др. Шэффле; если запретили „Magija Maty Jsusowa“, то и недавно надо было запретить Штрауссa и Ренана и т. д.

[2] Напечатанная въ „Вольномъ Словѣ“ безъ подписи статья эта, въ которой о Драгомановѣ говорится въ третьемъ лицѣ, по свидѣтельству М. Павлика (ср. наше прим. выше на стр. 368), написана Драгомановымъ. Очевидно, Драгомановъ думалъ, что его слова, выражавшія только элементарныя требованія достойнаго свободныхъ людей поведенія, будутъ имѣть больше вѣса въ глазахъ галичанъ, если они будутъ высказаны не отъ его имени, а отъ имени журнала. Прим. ред.

Новый урокъ судьбы галицкимъ украйнофиламъ.

(Первоначально напечатано въ журналѣ „Вольное Слово“ № 47, 1882 г.)

Въ послѣднія недѣли печать въ Галиціи (и отчасти въ Россіи) сильно занималась вопросомъ о состоявшейся, по приглашенію свыше, добровольной отставкѣ уніатскаго митрополита Сембратовича и съ нимъ еще трехъ видныхъ ун. духовныхъ лицъ. На ихъ мѣста прочатъ трехъ священниковъ изъ числа ультрамонтанъ, переселившихся изъ Холмскаго края въ Галицію, и, по всей вѣроятности, мѣста эти и будутъ заняты лицами подобнаго сорта. Если даже слабоголовый и смиреннѣйшій Сембратовичъ показался Риму и оффиціальнымъ кругамъ во Львовѣ и Вѣнѣ подозрительнымъ лицомъ, то ясно, что теперь идетъ дѣло объ окончательномъ предоставленіи администраціи уніатской церкви въ Галиціи въ руки ревнителей ультрамонтанства и въ то же время полонизаторовъ. Отставка Сембратовича, такимъ образомъ, является третьимъ шагомъ послѣ перенесенія въ Галицію дѣятельности польско-ультрамонтанской корпораціи „Змартвыхъ-встанцевъ“ и предоставленія іезуитамъ уніатскаго монастыря въ Добромылѣ, — шагомъ, который, впрочемъ, должно было предвидѣть и который не предвидѣли развѣ близорукіе люди, захватившіе въ послѣдніе годы представительство „народной“ или украинской партіи въ Галиціи, не находящіе и теперь никакого способа дѣйствій, кромѣ пролитія слезъ и клятвъ въ вѣрности своего народа Габсбургамъ и папѣ.

Нѣсколько уже лѣтъ назадъ, когда, между прочимъ, вслѣдствіе проведенія желѣзныхъ дорогъ отъ Кіева и Одессы ко Львову, демократы украинскіе изъ Россіи столкнулись ближе съ „народовцами“ галицкими, первые поражены были клерикализмомъ заявленій послѣднихъ и особенно истинно дьячковскимъ характеромъ популярныхъ изданій ихъ, напримѣръ, книжекъ, издаваемыхъ обществомъ „Просвіта“, которыя никакимъ образомъ не гармонировали съ культомъ Шевченка, столь, повидимому, горячо исповѣдуемымъ галицкими народовцами. На замѣчанія по этому поводу со стороны россійскихъ украинцевъ галицкіе украинофилы отвѣчали, что, будто, такой образъ поведенія наложенъ на нихъ реальными условіями ихъ страны: привязанностью, будто бы, ихъ народа къ церкви и духовенству, удобствомъ вліять на народъ посредствомъ духовенства, а, наконецъ,

тѣмъ, что уніатская церковь, по своему смѣшанному характеру, будто бы спеціально приспособлена къ охранѣ украинской народности и отъ полонизаціи, и отъ московитизаціи.

Въ послѣднее время жизнь шагъ за шагомъ обнаружила всю суету подобныхъ соображеній (не говоримъ уже о моральной ихъ сомнительности). Обнаружила цѣлый рядъ столкновеній и въ Галиціи между громадами и духовенствомъ, вслѣдствіе которыхъ громады рады были какъ попало мѣнять вѣроисповѣданіе. Громады неоднократно заявляли, что не желаютъ имѣть священниковъ своими политическими представителями въ сеймѣ и въ парламентѣ, и во многихъ случаяхъ потому именно голосовали за польскаго кандидата, что съ русинской стороны не было выставлено другого кандидата, кромѣ священника. Въ довершеніе, со стороны высшаго церковнаго и имперскаго правительства обнаружилось явное желаніе сдѣлать саму уніатскую церковь орудіемъ полонизаціи русиновъ. Послѣднее, конечно, сдѣлаетъ эту церковь и ея представителей еще болѣе непопулярными среди украинскаго населенія Галиціи, и тѣмъ болѣе, что эта полонизація вовсе не встрѣчаетъ себѣ сколько-нибудь энергическаго противодѣйствія со стороны уніатскаго духовенства, ни высшаго, ни низшаго. Такъ, не только митрополитъ и два члена его капитула согласились увольнительться, выговоривъ себѣ только крупныя пенсіи, но и низшее духовенство добровольно стало отдавать своихъ дѣтей въ іезуитскій новиціатъ: изъ 25 русиновъ, записанныхъ въ этотъ новиціатъ, 20 принадлежатъ къ дѣтямъ духовенства; въ томъ числѣ находятся сыновья двухъ лицъ, которыя подписали протестъ противъ іезуитовъ.

Поймутъ ли хоть теперь свѣтскіе „народовцы“ свое положеніе по отношенію къ церковному вопросу и къ духовенству? Поймутъ ли они, что, кромѣ общихъ культурныхъ соображеній, интересы самой національной политики требуютъ съ ихъ стороны разрыва съ мертвецомъ, называемымъ уніей, конечно, не для того, чтобы связываться съ другимъ мертвецомъ, начинающимъ уже разлагаться у ихъ соплеменниковъ, украинцевъ россійскихъ? Здѣсь, у этихъ послѣднихъ, среди разложенія православія растетъ движеніе, которое гораздо болѣе достойно называться украинской народной религіей, чѣмъ унія, — это штундизмъ. Вотъ поучительныя свѣдѣнія о ростѣ этой новой „братской вѣры“, обнародованныя недавно самимъ кіевскимъ епархіальнымъ начальствомъ: въ 1875 году въ Кіевской губерніи было всего 561 чел. штундистовъ, въ одномъ уѣздѣ (Таращанскомъ); въ 1878 г. ихъ уже было 1100 ч., въ двухъ уѣздахъ (Тар. и Звенигор.), а въ 1881 г. уже 1420 въ пяти уѣздахъ (Тар. 1001, Звенигор. 352, остальные въ Сквирск., Каневск. и Чигир.). По газетнымъ свѣдѣніямъ видно, что штундизмъ уже распространился и въ другіе уѣзды К. губ. Не менѣе онъ силенъ и въ Херсонской губ., а затѣмъ онъ распространился и въ Екатеринославской, Подольской, Волынской и въ Полтавской губ. Въ непродолжительномъ времени предстоитъ въ Черниговѣ процессъ кр. Городненскаго у., Савенка, обвиняющагося въ распространеніи новой секты, отрицающей обряды и таинства, посѣщеніе церкви и т. п. Секту эту почему

то называютъ сѣкачи („Заря“ №№ 193 и 195), но она во всемъ подобна штундовому „братству“.

Если уже галицкіе поклонники Шевченка не рѣшаются въ настоящее время предпринять открытую безвѣроисповѣдную пропаганду (въ Австріи дозволенную законами), то не резонно ли имъ было бы отвѣтить на ультрамонтанскія затѣи ознакомленіемъ своего населенія хоть съ этою „братскою вѣрою“, которая такъ быстро растетъ среди ихъ восточныхъ соплеменниковъ?

ПРИЛОЖЕНІЕ ОТЪ РЕДАКЦІИ.

М. П. Драгомановъ о венгерской Украйнѣ-Руси.

Положеніе украинскаго народа въ Венгріи всегда вызывало глубокую печаль у М. П. Драгоманова, и онъ всю жизнь стремился что-нибудь сдѣлать для того, чтобы поднять культурный, политическій и соціальный уровень этой части родного ему народа. Съ особенной энергіей онъ выразилъ охватывающія его чувства къ венгерской Украйнѣ въ своемъ отвѣтѣ на привѣтствія, обращенныя къ нему по поводу празднованія юбилея его тридцатилѣтней литературной дѣятельности во Львовѣ 16-го декабря 1894 года. „Есть еще одна частичка нашей общей родины, — писалъ онъ между прочимъ въ этомъ отвѣтѣ, — которой я никогда не могу забыть, какъ раненнаго брата. Это венгерская Украйна-Русь. Дважды посѣтивъ эту страну въ 1875—76 гг., я убѣдился, что тамъ или никто не думаетъ о простомъ народѣ, или приступаютъ къ нему съ такими пріемами, которые заранѣе осуждены на неудачу. Тамъ самые почтенные русинскіе патріоты живутъ своею мыслью и сердцемъ, или среди древнихъ князей и бояръ, или среди далекихъ московскихъ архіереевъ и генераловъ, живого же русинскаго народа съ его горемъ они не видятъ, несмотря на его близость. Если они иногда и обращаются къ нему съ рѣчью, то только о мертвыхъ вещахъ и притомъ на такомъ языкѣ, на которомъ никто нигдѣ не говоритъ, и котораго они сами не понимаютъ безъ венгерскаго перевода, напечатаннаго рядомъ. Такъ какъ я былъ первымъ украинцемъ, посѣтившимъ венгерскую Украйну-Русь, и такъ какъ я увидѣлъ, что она отрѣзана духовно даже отъ Галиціи больше, чѣмъ Австралія отъ Европы, то я далъ себѣ Аннибалову клятву работать для того, чтобы присоединить венгерскую Украйну-Русь къ нашему національно-демократическому и прогрессивному движенію, въ которомъ ея единственное спасеніе. Несчастныя обстоятельства подрѣзали мои начинанія, которыя соотвѣтственно тамошнему положенію вещей должны были быть очень сложными и деликатными. И съ того времени за 18 лѣтъ ни одинъ, ни украинецъ, ни галичанинъ не принялся за возобновленіе моихъ стараній и не попробовалъ что-нибудь дѣлать для нашихъ закарпатскихъ братьевъ.“ Ср. М. Павлик, М. П. Драгоманов, его юбилей, смерть, автобіографія і спис творів, Львів 1896, стр. 109—110.

(Цитируемыя строки мы переводимъ съ украинскаго языка). То же самое, но нѣсколько въ другихъ выраженіяхъ Драгомановъ высказалъ и въ своихъ „Австро-украинскихъ воспоминаніяхъ“ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ резюмируетъ свои впечатлѣнія отъ поѣздки въ венгерскую Украйну въ 1875 году. Ср. М. Драгоманов, „Австро-руські спомини, 1867—1877“, Львів 1892, стр. 430.

Къ числу начинаній Драгоманова въ пользу венгерской Украйны принадлежитъ также воздѣйствіе на общественное мнѣніе Западной Европы. Уже въ 1877 г. онъ попытался ознакомить демократическіе элементы западно-европейскихъ народовъ съ положеніемъ украинскихъ крестьянъ въ Венгріи и изложить свои взгляды на то, какимъ путемъ можно поднять тамъ народныя массы въ культурномъ и соціально-политическомъ отношеніи. Сдѣлалъ онъ это въ своей статьѣ „Русинско-украинскіе крестьяне подъ властью венгерскихъ либераловъ“, напечатанной сперва по французски въ „Le Travailleur“ 1877 г., а затѣмъ по итальянски въ „Rivista Internationale del Socialismo“ 1880 г. Ср. выше стр. 251. По какимъ то для насъ неяснымъ причинамъ ни въ томъ, ни въ другомъ журналѣ не появилось продолженія и окончанія этой статьи, и они, вѣроятно, безвозвратно затеряны. Самъ Драгомановъ разсказываетъ въ вышеупомянутомъ отвѣтѣ на привѣтствія, что одинъ венгерскій соціалистъ и коммунаръ жаловался на эту статью одному изъ издателей „Le Travailleur“ Элизе Реклю, какъ на московско-панславистическую. Теперь Венгрія находится наканунѣ демократическаго преобразованія, и постановка вопроса о положеніи угнетенныхъ народностей въ ней пріобрѣтаетъ особенно большое значеніе. Поэтому ниже мы приводимъ въ русскомъ переводѣ тѣ мѣста изъ вышеназванной французско-итальянской статьи М. П. Драгоманова, которыя имѣютъ принципіальный характеръ.

„Европейское общество въ теченіе многихъ лѣтъ восторженно привѣтствуетъ либеральныя тенденціи венгерской аристократіи, ея революціонную борьбу, — теперь ставшую парламентарской и дипломатической, — противъ абсолютизма Габсбурговъ, — привѣтствуетъ полную побѣду, одержанную наконецъ ею и завершившуюся тѣмъ, что называютъ австро-венгерскимъ дуализмомъ, иначе говоря, признаніемъ венгерской національности въ имперіи. Давно уже венгерская или мадьярская аристократія хвалилась своею конституціей, болѣе древней, чѣмъ англійская, и либеральная печать Европы, мало освѣдомленная во всѣхъ этихъ дѣлахъ, считала своимъ долгомъ повторять эти восторженныя разглагольствованія. Иной разъ, правда, этотъ либеральный концертъ омрачался какимъ-либо крикомъ страданія, проскользнувшимъ среди мало знакомыхъ столбцовъ той или иной сербской или чешской газеты, или вырвавшимся изъ устъ какого-нибудь члена парламента въ Вѣнѣ или Пестѣ. Но эти одинокіе голоса всегда заглушались рѣзкимъ звономъ мадьярскихъ фанфаръ, за которымъ какъ эхо слѣдовали привѣтствія либеральной Европы. Небольшое число тѣхъ, которые давали себѣ немного труда подумать о причинахъ этихъ протестовъ, скоро удовлетворялось неизмѣннымъ отвѣтомъ: протестующіе-де

не больше какъ эхо порабощенія и абсолютизма, австрійскаго или русскаго, послушныя орудія интригъ московскаго панславизма. Методъ легкій и удобный, и европейскій либерализмъ освоился съ нимъ безъ усилій, вѣря, справедливо или несправедливо, что въ Венгріи онъ видитъ нѣчто въ родѣ передового стража свободы Европы, оплотъ противъ нашествія царизма или ... козацкаго нигилизма.

„Надо также сознаться, что протесты вождей оппозиціонныхъ партій въ Венгріи были, за очень рѣдкими исключеніями, организованы такъ, что мадьярско-либеральный тріумфъ бывалъ заранѣе обезпеченъ. Равнымъ образомъ вѣрно и то, что вожди славянскихъ партій питали по несчастью слѣпую вѣру въ абсолютизмъ и помощь оффиціальной Россіи, какъ ни мало оправдывались эти надежды политикой русскаго правительства и непосредственными дѣйствіями самихъ славянскихъ комитетовъ, — слишкомъ незначительными и слишкомъ неумѣлыми. И что еще болѣе печально, протесты славянской оппозиціи въ Венгріи, какъ и вообще въ Австріи, нисколько не опирались на серьезную критику соціальнаго положенія славянскаго народонаселенія, ни, въ особенности, на пониманіе той дѣйствительной силы, которая стремится вывести на сцену сами народныя массы, чтобы такимъ образомъ организовать оппозицію, какъ соціальнаго, такъ и національнаго характера. Въ этомъ заключается ихъ двойная ошибка тѣмъ болѣе, что славянскія массы въ Венгріи, — и это можно сказать объ Австріи вообще, — представляютъ за исключеніемъ западной или польской Галиціи по большей части національности угнетенныя и въ то же время соціальные классы трудящихся — крестьянъ и рабочихъ. Въ виду этого національное движеніе должно было бы быть въ полномъ согласіи съ интернаціональнымъ движеніемъ рабочихъ другихъ странъ.

Согласно венгерскимъ статистическимъ даннымъ, въ одной только Венгріи славяне составляютъ треть всего народонаселенія короны св. Стефана.“

Далѣе Драгомановъ приводитъ детальныя статистическія данныя, касающіяся народонаселенія Венгріи, которыя мы опускаемъ, такъ какъ онѣ устарѣли. Свою выписку изъ его статьи мы продолжаемъ ниже съ того мѣста, съ котораго начинается дальнѣйшее развитіе принципіальной постановки вопроса.

„Въ настоящее время во всѣхъ частяхъ Венгерскаго государства за исключеніемъ центра, то есть страны лежащей между Дунаемъ и Тиссой съ прилегающими къ нимъ областями, народности испытываютъ со стороны мадьяръ и ренегатовъ всякаго рода двойной гнетъ соціальный и національный. Конституція, достаточно либеральная для господствующаго класса, нисколько не обезпечиваетъ подчиненныя національности: грубая конфискація имуществъ словакской „Матицы“ (литературно-издательскаго общества) и двухъ словакскихъ гимназій, которыя содержались на средства, составляющіяся изъ частныхъ взносовъ, служатъ тому неопровержимымъ доказательствомъ точно такъ же, какъ и арестъ вождя сербской партіи Милитича, выполненный съ равнодушіемъ, достойнымъ абсолютистскаго режима русскихъ чинов-

никовъ противъ котораго мадьяры не устаютъ возмущаться. Но либеральное мадьярское государство еще болѣе станетъ похожимъ на гробъ повапленный, потерявшій свои краски, если мы бросимъ взглядъ на соціальное положеніе массъ и въ особенности массъ не мадьярскихъ.

Для соціалиста Венгерское государство тѣмъ болѣе интересно для наблюденія, что тамъ можно изучать, какъ соціальныя отношенія усложняются національными отношеніями, какъ законы развитія хозяйственной жизни, которые привели во всѣхъ государствахъ современной Европы къ подчиненію трудящихся классовъ аристократіи изъ собственниковъ-капиталистовъ, еще болѣе тягостно ложаться на рабочихъ тамъ, гдѣ одна національность по праву завоеванія давитъ на другія и образуетъ въ своемъ цѣломъ и со всѣми своими классами особый родъ аристократіи. Это зрѣлище, достойное вниманія, какъ теоретиковъ, такъ и практиковъ соціализма, наблюдается особенно въ центральной Европѣ, гдѣ сталкиваются расы германская, славянская, мадьярская, турецкая, греческая. Неблюдатель, мысль котораго привыкла къ соціалистическому движенію въ большихъ промышленныхъ центрахъ, къ значительнымъ рабочимъ массамъ, къ соединеніямъ рабочихъ одной и той же національности (французской, англійской, нѣмецкой и т. д.), удивится, когда онъ вдругъ будетъ перенесенъ изъ области соціализма громадныхъ городовъ и большихъ фабрикъ въ области сельскаго соціализма восточныхъ странъ. Если этотъ наблюдатель захочетъ нарисовать себѣ полную картину, то онъ долженъ быть тѣмъ болѣе приготовленнымъ къ этому совершенно новому для него зрѣлищу соціальной борьбы, абсолютно не встрѣчающейся на Западѣ, что эта борьба еще усложняется различными національными отношеніями. Мы думаемъ, что соціалисты Запада получили бы только пользу отъ изученія явленій этой вѣковой борьбы, національной и соціальной одновременно, которая ведется на Востокѣ Европы.

Характеръ этихъ странъ, населенныхъ преимущественно земледѣльцами, представляетъ дѣйствительно особый интересъ для изученія. Географическое движеніе національностей, которыя устремляются однѣ на другія, никогда не соединяясь для того, чтобы слиться, чтобы стать однимъ цѣлымъ, а сохраняя свой собственный характеръ, и которыя предпринимаютъ народы, вслѣдствіе чего подчиненный народъ занимаетъ соотвѣтственно болѣе низкую ступень въ политико-соціальной лѣстницѣ, — вотъ каково положеніе. Такъ нѣмцы господствуютъ надъ поляками, чехами, латышами; поляки надъ украинцами; русскіе надъ финскими расами: вотъ картина, которая представится соціалистамъ Запада. Обращая взоры въ ихъ собственную страну, соціалисты Запада увидятъ сельскія массы, образованныя изъ не ассимилированныхъ расъ, какъ провансальцы, бретонцы, баски, ирландцы, фламандцы и т. д., которыя остаются чужды соціалистическому движенію. Аналогія, приводящая въ изумленіе.

Только послѣ изученія этого сможетъ образоваться истинный космополитизмъ съ широкими и общими перспективами. Этотъ

космополитизмъ не возьметъ на себя невозможную задачу уничтожить національность, такъ какъ на практикѣ это удается лишь въ видѣ подчиненія націй покоренныхъ націями-завоевательницами и въ видѣ образованія классовъ привилегированныхъ и классовъ угнетенныхъ; съ возвышеніемъ народныхъ массъ этотъ космополитизмъ соберетъ вокругъ себя различныя національности въ одну свободную и равную международную федерацію, опирающуюся на автономію личности и на союзъ свободныхъ общинъ."

Далѣе авторъ переходитъ къ описанію и историческому очерку венгерской Украйны. Эта часть статьи менѣе интересна, такъ какъ она имѣетъ въ виду публику совсѣмъ не знакомую съ предметомъ, и потому мы не приводимъ ея. Продолженіе и конецъ этой статьи, какъ мы уже указали выше не появились въ печати, и заключительные выводы ея, къ сожалѣнію, остались неизвѣстными. Но въ своихъ украинскихъ писаніяхъ Драгомановъ не разъ возвращался къ вопросу о венгерской Украйнѣ. Особенно интересна его послѣдная небольшая статья, посвященная спеціально этому вопросу, напечатанная уже послѣ его смерти въ русинско-украинскомъ радикальномъ журналѣ „Народ", въ 1895 г. № 11, и изданная тогда же отдѣльной брошюрой. Ср. „В справі угорскої Руси. Посмертний голос М. Драгоманова", Львів 1895. Въ этой статьѣ Драгомановъ обращается уже не къ западно-европейскимъ соціалистамъ, а къ довольно многочисленнымъ уже тогда радикальнымъ и демократическимъ элементамъ среди галицкихъ и русскихъ украинцевъ. Онъ указываетъ въ ней на то, что „венгерско-русинскій націонализмъ долженъ былъ принять москвофильскія формы именно потому, что онъ всегда былъ и теперь остается „чистымъ націонализмомъ" безъ всякой соціальной примѣси. Такой націонализмъ всегда тянетъ къ государству, а не къ народу, а такъ какъ украинско-русинскаго государства нѣтъ, а московско-петербургское есть, то вполнѣ естественно, что венгерско-русинскіе націоналисты потянулись въ своихъ мечтахъ къ этому государству." Выводъ изъ этого, по мнѣнію Драгоманова, слѣдующій: „кто хочетъ насаждать въ венгерско-русинской интеллигенціи украинофильство (народовство), тотъ долженъ подходить къ ней съ готовой стороны — москвофильской и начать распространять среди нея именно русскія книги, только живыя демократическо-прогрессивнаго направленія; а рядомъ и одновременно онъ долженъ распространять также подобныя же книги украинскія и галицкія, выставляя прогрессъ украинско-русинской демократіи не противоположнымъ великорусскому, а параллельнымъ ему, каковымъ онъ, въ дѣйствительности, и является и въ исторіи, и въ политикѣ."

Наконецъ Драгомановъ допускаетъ также, что венгерско-русинская интеллигенція можетъ оказаться вообще неспособной къ демократизаціи. Но и тогда дѣло демократіи въ венгерской Украйнѣ не погибло, такъ какъ остается еще главное — украинскій народъ. „Въ заключеніе, — пишетъ онъ, — еслибы венгерско-русинская интеллигенція показала бы себя „погибшей" для общественнаго дѣла, то всетаки остается 400—500000 украинскихъ

хлѣбопашцевъ, которые не скоро омадьярятся, и просвѣщеніе которыхъ не можетъ развиваться иначе, какъ на ихъ родномъ языкѣ и при помощи своихъ людей. Неужели такъ и оставить ихъ на продолжительное невѣжество и эксплуатацію, безъ соціальнаго самосознанія, не говоря уже о національномъ? Какія основанія у насъ предполагать, что эти хлѣбопашцы останутся болѣе глухими, чѣмъ всякіе другіе, если заговорить съ ними о наболѣвшихъ у нихъ вопросахъ, напримѣръ, о ихъ соціально-экономическихъ интересахъ? А если такъ, то почему не созвать ихъ на митинги (вѣча), не обратиться къ нимъ при посредствѣ печати и т. под.? И кто же долженъ взяться за это, какъ не галичане, если среди туземнаго населенія нѣтъ лицъ, расположенныхъ къ такому дѣлу? Галицкіе демократы не имѣютъ права отказываться отъ этой миссіи, выполнить которую легче имъ, какъ австрійцамъ, чѣмъ украинцамъ. Конечно, и галичанамъ придется выдержать борьбу съ венграми, панами и полиціей, которая привыкла не церемониться съ славянами, но „на то и бѣда, чтобы бороться съ нею!“ („на те й лихо, щчоб з ним битись!“)

Отъ новаго редактора „Вольнаго Слова“.

(Первоначально напечатано въ журналѣ „Вольное Слово“ № 52, 1883 г.)

Съ настоящимъ номеромъ „Вольное Слово“ вступаетъ въ третій (гражданскій) годъ своего существованія. Передъ читателями лежитъ уже 51 номеръ газеты, по которымъ они могутъ судить о развитіи ея содержанія, о ея характерѣ и цѣляхъ. Основанная прежде всего съ цѣлью дать высказаться всѣмъ оттѣнкамъ общественной мысли, которые душитъ цензура въ Россіи, эта газета въ тоже время имѣла въ виду поддерживать въ сознаніи народовъ, населяющихъ Россію, повсемѣстно обнаружившіяся въ нихъ стремленія къ выходу изъ угнетающаго ихъ политическаго порядка, — или, лучше, безпорядка, — посредствомъ преобразованія Россіи на такихъ началахъ, которыя дали бы возможность какъ индивидуумамъ, такъ и коллективностямъ въ этихъ населеніяхъ, безопасно жить и безпрепятственно работать для усовершенствованія условій своей жизни. Начала эти: политическая свобода, т. е. неприкосновенность правъ личныхъ и національныхъ и самоуправленіе общественныхъ группъ, отъ меньшихъ: общинъ, волостей и уѣздовъ, до обширныхъ: областей, и, наконецъ, союза ихъ — цѣлаго государства. Разъясненію этихъ началъ въ примѣненіи къ Россіи посвящена была большая часть статей, помѣщенныхъ въ „Вольномъ Словѣ“ не только по внутреннимъ вопросамъ, но и по поводу явленій жизни иностранныхъ государствъ, которыя могли служить для Россіи прямымъ или косвеннымъ поученіемъ.

Изъ явленій жизни иностранной „Вольное Слово“ обращало особенное вниманіе на событія и положеніе

дѣлъ въ странахъ сосѣднихъ съ Россіей и населенныхъ племенами, родственными съ славянскимъ большинствомъ ея населенія. Дѣлалось это вслѣдствіе убѣжденія, что международная будущность Россіи и сосѣднихъ съ ней единоплеменныхъ странъ тѣсно связаны между собою, и что рабство внутри Россіи неизбѣжно отражается и на ея сосѣднихъ единоплеменникахъ, ослабляя какъ ея, такъ и ихъ внутреннія силы, и понижаетъ обоюдное ихъ международное значеніе. Затѣмъ, въ жизни иностранной усиленное вниманіе „Вольнаго Слова“ было обращено на различныя проявленія такъ наз. соціальнаго вопроса. Дѣлалось это вслѣдствіе убѣжденія редакціи, что этотъ вопросъ первостепенной важности во всемъ мірѣ представляется важнымъ и для Россій, особенно въ виду преобладающаго, такъ сказать, мужицкаго состава ея населенія, а также въ виду существованія въ ней въ обширныхъ размѣрахъ общинной формы землевладѣнія, въ которой мыслители разныхъ политическихъ направленій ищутъ теперь основы для упорядоченія соціально-экономическихъ отношеній. Редакція „Вольнаго Слова“ была убѣждена, что вопросы соціально-экономическіе должны привлечь къ себѣ усиленное вниманіе общественныхъ группъ въ населеніяхъ Россіи, по полученіи ими при политической свободѣ съ самоуправленіемъ возможности заняться устройствомъ своихъ дѣлъ. И такъ какъ теперешній запретительно-полицейскій строй въ Россіи создалъ цѣлый рядъ недоразумѣній относительно явленій соціально-экономической жизни и борьбы общественныхъ слоевъ, которая ведется теперь во всемъ цивилизованномъ мірѣ и составляетъ разныя стороны соціальнаго вопроса, то редакція „Вольнаго Слова“ рѣшила прежде всего способствовать разсѣянію этихъ недоразумѣній изображеніемъ въ возможной для небольшого изданія полнотѣ самыхъ разнообразныхъ проявленій соціальнаго вопроса и отношеній къ нему различныхъ партій въ болѣе свободныхъ странахъ. Съ этою цѣлью „Вольное Слово“ давало картины отношеній къ соціальному вопросу какъ консервативно-религіозныхъ партій, вродѣ австро-германскихъ анти-

семитовъ, такъ и революціонно-соціалистическихъ партій, обращая особое вниманіе на проявленія самоорганизаціи и самодѣятельности народныхъ массъ и на связь соціально-экономическаго вопроса съ вопросами политическаго и административнаго самоуправленія, которое одно можетъ дать основы для правильнаго и возможно мирнаго разрѣшенія соціально-экономическихъ противорѣчій.

Пріобрѣтеніе этого самоуправленія въ Россіи составляетъ первую цѣль общества „Земскій Союзъ“, при помощи котораго основана была газета „Вольное Слово“ и котораго программа, развиваемая уже по частямъ въ разныхъ статьяхъ редакціи и ближайшихъ сотрудниковъ газеты, въ непродолжительномъ времени будетъ въ цѣломъ напечатана при „Вольномъ Словѣ“. Такъ какъ настоящій редакторъ „Вольнаго Слова“ съ самаго начала своей литературной дѣятельности въ Россіи и заграницей поставилъ себѣ цѣлью служить изложеннымъ выше началамъ, которыя лежали въ основаніи изданія „Вольнаго Слова“, то онъ и не затруднился принять на себя редакцію названной газеты съ настоящаго номера. Такимъ образомъ, перемѣна редакціи „Волнаго Слова“ не произведетъ существенныхъ измѣненій въ газетѣ, тѣмъ болѣе, что составъ ближайшихъ сотрудниковъ изданія остается и впредь тотъ же, который былъ въ послѣдніе 8 мѣсяцевъ.

Постоянные читатели „Вольнаго Слова“ замѣтили, конечно, постепенное увеличеніе въ этой газетѣ статей сотрудниковъ, болѣе или менѣе постороннихъ редакціи и отличающихся отъ нея мѣкоторыми оттѣнками мнѣній. Какъ было уже сказано, помѣщеніе голосовъ такихъ сотрудниковъ входило въ цѣли нашего изданія съ самаго начала его основанія. Мы позволяемъ себѣ надѣяться, что число такихъ сотрудниковъ и впредь будетъ возростать въ „Вольномъ Словѣ“. Главная цѣль послѣдняго — агитація словомъ (единственнымъ орудіемъ для литературнаго предпріятія, да еще заграничнаго) въ пользу установленія въ Россіи политической свободы — составляетъ въ настоящее время общій членъ программъ

различныхъ группъ среди мыслящихъ людей въ Россіи всякихъ національностей. Вполнѣ естественно, что въ разныхъ группахъ этихъ существуютъ различныя мнѣнія относительно не только способовъ пріобрѣтенія, но и дальнѣйшаго пользованія упомянутой свободой и самыхъ ея внѣшнихъ формъ. Но программа, предполагающая не только поверхностное измѣненіе формы центральнаго правительства, а также — и даже главнымъ образомъ — глубокое преобразованіе всего общественнаго строя на началахъ свободы личной и самоуправленія даже самыхъ мелкихъ общественныхъ единицъ, представляетъ то удобство, что она даетъ наиболѣе простора для всѣхъ идейныхъ разнообразій и практическихъ опытовъ. Къ такой программѣ естественно должны бы пристать всѣ, кто желаетъ, при предстоящемъ Россіи измѣненіи ея политическаго строя, простора для своей искренней мысли и честной дѣятельности, а не властвованія надъ другими. Мы можемъ увѣрить всѣхъ такихъ настоящихъ и будущихъ дѣятелей, что они найдутъ для изложенія своихъ мыслей и плановъ самый дружескій пріемъ на страницахъ редижируемаго нами изданія.

Конституція и народъ.

(Первоначально напечатано въ журналѣ „Вольное Слово“, № 53, 1883 г.)

Мы надѣемся, что читатель не забылъ писемъ изъ Сибири, полныхъ интересныхъ фактовъ, „Крестьянскія переселенія и надежды“, помѣщенныхъ въ 50 и 51 №№ „Вольнаго Слова“. Мы намѣрены сегодня ухватиться за одну фразу изъ этихъ писемъ: „какъ всѣ чаянія русской интеллигенціи вертятся вокругъ одного (?): конституціи, народныя надежды сводятся тоже къ одному: къ землѣ“ (№ 51, стр. 9), и поговорить о томъ, дѣйствительно ли и въ народѣ нѣтъ чаянія своего рода конституціи?

Намъ кажется, что есть. Мы уже напоминали въ примѣчаніи къ первому письму нашего сибирскаго сотрудника крестьянскую фразу, которую мы встрѣтили въ одной изъ корреспонденцій въ „Недѣлѣ“, т. е. въ той именно газетѣ, которая изъ-за довольно туманнаго народничества (и будто подъ цензурою народничество можетъ быть не туманнымъ даже при ясности мысли у его адептовъ?) борется съ достойнымъ лучшей цѣли усердіемъ противъ „либерализма“. Фраза эта свидѣтельствуетъ, что народъ стремится переселяться туда, гдѣ „земли побольше, а начальства поменьше“.

Въ помѣщенномъ въ 40 № „Вольнаго Слова“ письмѣ изъ Бѣлоруссіи встрѣчаемъ крестьянскую фразу, которая гласитъ въ переводѣ: „кажется, такъ много платимъ, такъ много этого начальства, а жить трудно, край притѣсненъ, обголенъ“. Въ томъ же № нашъ корреспондентъ изъ правобережной Украйны говоритъ: „теперь чаще, чѣмъ прежде, приходится слышать отъ крестьянъ разсужденія, выражающіяся въ слѣдующихъ словахъ: „не надо намъ этихъ чиновниковъ; управимся сами“ (стр. 7).

Развѣ же это не „конституціонныя стремленія“? Развѣ описанные въ прошломъ № нашей газеты самовольные опыты галицкихъ крестьянъ (такихъ же украинцевъ, какъ и жители юго-западной Россіи) устроить громадскую автономію, — не конституціонные опыты? Правда, галицкіе крестьяне, устраивая такъ, чтобъ громада была „сама въ себѣ“ (подумаешь, что они по гречески учились или, по крайней мѣрѣ, Прудона читали!), въ то же время говорили, что такая воля пришла имъ отъ „цісаря“ и что громада и впредь будетъ зависѣть отъ этого цісаря, — а теперь замѣняютъ цісаря „Маскалемъ“. Но если бы не было такой миѳологической примѣси къ конституціоннымъ стремленіямъ украинскихъ крестьянъ, тогда бы и въ самомъ дѣлѣ не было разницы между ними и авторомъ книги „Du principe fédératif“. На то и есть „интеллигенція“, чтобы систематизировать и повести дальше стремленія „народа“. А что точка соприкосновенія между конституціонными стремленіями интеллигенціи и народа существуетъ, — это кажется намъ несомнѣннымъ. Бѣда только въ томъ, что конституціоналисты интеллигентные заняты мыслью больше о верхушкахъ конституціоннаго зданія, — парламентахъ, министрахъ, царяхъ, президентахъ, и по разнымъ причинамъ (своекорыстію, недомыслію, мечтамъ облагодѣтельствовать народъ посредствомъ воздѣйствій власти и пр.) оставляютъ безъ вниманія разработку вопроса о нижнихъ его этажахъ, наиболѣе близкихъ простому народу, а этотъ послѣдній по другимъ причинамъ (главнымъ образомъ, по узкости своей сферы опыта) не имѣетъ понятія объ устройствѣ самоуправленія на дальнѣйшихъ отъ непосредственно его касающихся ступеняхъ общественной террасы. Но, напримѣръ, галицкіе крестьяне, пренебрегая нынѣшней австрійской конституціей и радуясь возможности отмѣны „Москалемъ“ нынѣшнихъ уѣздныхъ учрежденій, въ то же время стоятъ за „вольность“ въ громадскомъ устройствѣ. Мало того, эти крестьяне, разъ устроивши себѣ (незаконно) автономную громаду (въ Жабьѣ), обращаются съ „радами“ (совѣтами) въ другія громады и, такимъ обра-

зомъ, вступаютъ на дорогу къ болѣе широкимъ организаціямъ: сначала, конечно, волостнымъ, уѣзднымъ, а дальше къ областнымъ и государственнымъ, конечно, на томъ же автономномъ началѣ. Если такъ называемая интеллигенція, сама отрѣшившись отъ централистически-бюрократической метафизики, станетъ на реальную почву интересовъ лицъ и группъ, сообразно естественному росту этихъ интересовъ, требующихъ для ихъ удовлетворенія все большихъ общественныхъ союзовъ, то интеллигенціи этой не трудно будетъ сойтись съ народомъ и помочь ему сознать необходимость расширенія этихъ союзовъ, а равно и необходимость основанія самаго широкаго изъ нихъ на началѣ представительномъ, а не единоличномъ. Такимъ образомъ, будетъ наполнена пропасть, раздѣляющая теперь конституціонныя (если уже употреблять это слово) стремленія такъ называемыхъ интеллигенціи и народа, и эти стремленія сомкнутся въ цѣпь послѣдовательныхъ круговъ самоуправленія. Само собою разумѣется, что при этомъ не должно быть (да и не можетъ быть) забываемо, что самоуправленіе есть только форма, которая должна быть наполнена реальнымъ содержаніемъ: удовлетвореніемъ нуждъ населенія, экономическихъ и культурныхъ.

Обращаясь къ интеллигенціи народовъ входящихъ въ составъ Россіи, мы съ удовольствіемъ видимъ, что интеллигенція эта далеко не лишена и сознанія необходимости самоуправленія, и пониманія значенія для этого самоуправленія автономной организаціи мелкихъ общественныхъ группъ, наиболѣе близкихъ массамъ, и, наконецъ, далеко не лишена чувства соціальной справедливости по отношенію къ такъ наз. простому народу, — такъ что здѣсь мы имѣемъ много возможностей для устройства неподдѣльнаго народнаго самоуправленія и наполненія его интереснымъ для массъ содержаніемъ. Если чего не достаетъ теперь этой интеллигенціи, то не столько вышеупомянутаго сознанія и чувства, сколько энергіи да еще численности, которая, впрочемъ, въ сложныхъ общественныхъ вопросахъ часто и обусловливаетъ собою

и энергію. Вотъ почему при всей отсталости Россіи отъ западныхъ странъ Европы (въ которыхъ, какъ это можно видѣть, напримѣръ, и по печатаемымъ у насъ статьямъ, напримѣръ, „Быть или не быть парламентаризму?“ и др., вопросъ объ устройствѣ дѣйствительнаго самоуправленія стоитъ тоже на очереди, хотя и съ другими оттѣнками), нѣтъ основаній отчаяваться въ возможности учрежденія въ Россіи самоуправленія на всѣхъ ступеняхъ общественной организаціи и въ направленіи его на удовлетвореніе существенныхъ народныхъ нуждъ.

Сосредоточеніе усилій всѣхъ оттѣнковъ интеллигенціи въ видахъ скорѣйшаго пріобрѣтенія этого самоуправленія и разъясненіе ими въ этихъ же видахъ народу значенія всѣхъ его ступеней составляетъ, по нашему мнѣнію, настоятельнѣйшую необходимость теперешняго времени. Было бы большою ошибкою со стороны „народниковъ“, если бы они, руководствуясь мыслью, что „чаянія народа сводятся къ одному — къ землѣ“, а не къ конституціи, отнеслись съ пренебреженіемъ къ вопросу объ установленіи въ Россіи самоуправленія въ возможно скорѣйшемъ времени. Совершенно непостижимо, на чемъ могутъ основывать легальные россійскіе земле-передѣльцы свои надежды на то, что теперешнее монархически-бюрократическое правительство Россіи можетъ сдѣлать такъ, что, употребляя выраженіе г. Энгельгарда, „земли перейдутъ въ руки земледѣльцевъ“, и на семъ основаніи утѣшать себя, подобно г. В. В., автору книги о „Капитализмѣ въ Россіи“, тѣмъ, что Россіи удастся осуществить идеи равенства и братства, если уже ей не суждено бороться за свободу? Кто, какъ не это правительство своею податною системою, своимъ всестороннимъ сдирствомъ уничтожило почти весь движимый капиталъ крестьянства и отняло у послѣдняго возможность безъ всякаго насильственнаго захвата взять въ свое владѣніе значительную часть помѣщичьихъ земель, не говоря уже о земляхъ казенныхъ, изъ которыхъ даже въ правленіе Александра II около 20000000 десятинъ земли роздано было въ руки частныхъ владѣльцевъ, при чемъ

земли эти раздавались чиновникамъ даже въ такихъ густо-населенныхъ мѣстахъ, какъ юго-западныя губерніи.[1] Но если бы какимъ-нибудь чудомъ царское правительство надумалось взяться за націонализацію земли въ Россіи, то есть ли какая-нибудь возможность произвести что-либо подобное и устроить систему всеобщаго пользованія землей (а въ этомъ, а вовсе не въ передѣлѣ, и заключается сущность вопроса) внѣ самоуправленія мелкихъ и крупныхъ группъ и союзовъ?

Не болѣе основательны надежды и землепередѣльцевъ нелегальныхъ, которые ждутъ скораго перехода земли въ руки земледѣльцевъ путемъ возстанія народа, разочарованнаго въ надеждахъ на царя. Мы не разъ имѣли случай указывать на хронической и при этомъ эпическій характеръ крестьянскихъ мечтаній, которыя уже по этому одному не могутъ имѣть реально-политическаго значенія. При томъ же свидѣтельства наблюдателей, между прочимъ, и вышеупомянутыхъ нашихъ корреспондентовъ, показываютъ, что мивическія ожиданія крестьянъ начинаютъ разсѣваться и разрѣшаться пребуржуазнымъ образомъ, — переселеніями и покупкою земли крестьянами, конечно, болѣе богатыми, которые составятъ классъ собственниковъ, гораздо болѣе противный идеѣ націонализаціи земли, чѣмъ помѣщичій классъ изъ дворянъ. Не лишено значенія и обстоятельство, замѣченное г. Энгельгардомъ (Изъ деревни, 451), что самыми ярыми пропагандистами идеи отобранія земли отъ господъ являются въ селахъ богатые мужики, кулаки. Это обстоятельство усиливаетъ, такъ сказать, буржуазную ноту землепередѣльскихъ мечтаній нашихъ крестьянъ. Нота эта, конечно, всего болѣе сильна тамъ, гдѣ общинное землевладѣніе уже замѣнено подворнымъ. Но и въ областяхъ съ земле-

[1] Въ Кіевской губерніи казна продала чиновникамъ на „льготныхъ условіяхъ“, т. е. почти даромъ, болѣе 100 000 десятинъ издавна вольныхъ земель, не считая недавно конфискованныхъ. Среди другихъ особенностей, неизвѣстныхъ Западной Европѣ, существуетъ и такая: крестьяне терпятъ отъ малоземелія, благодаря бюрократически-сословному способу ихъ эмансипаціи и стѣсненіямъ въ передвиженіи населенія, и въ то же время даже въ населенныхъ губерніяхъ средней полосы сотни тысячъ десятинъ земли лежатъ необработанными, благодаря отсутствію и у помѣщиковъ, и у крестьянъ движимаго капитала для ихъ обработки.

владѣніемъ общиннымъ теперешніе крестьянскіе міры, каждый порознь, представляютъ изъ себя узкихъ собственниковъ, которымъ еще предстоитъ пройти школу болѣе широкой солидаризаціи усилій въ волостяхъ, полосахъ (вродѣ проектируемыхъ новгородскимъ земствомъ; см. далѣе) и уѣздахъ для того, чтобы подняться до идеи соціализаціи земледѣльческаго хозяйства отъ теперешняго верстанія надѣловъ по „податнымъ душамъ“ въ случайно составленныхъ помѣстныхъ мірахъ, которые не знаютъ другого способа въ рѣшеніяхъ между-мірскихъ столкновеній, кромѣ драки и тяжбы. Самоуправленіе въ томъ родѣ, о какомъ мы говорили, явится для нашего крестьянства не только освобожденіемъ его кармана отъ тысячи видовъ сдирства со всѣми его соціально-экономическими послѣдствіями, но и кадрами солидаризаціи интересовъ и экономической кооперації въ постепенно расширяющихся размѣрахъ.

Университетская автономія и чиновническій произволъ.

(Первоначально напечатано въ журналѣ „Вольное Слово“ № 55, 1883 г.)

Читатели найдутъ далѣе нѣсколько запоздалыя, но все же характерныя свѣдѣнія о причинахъ волненій въ казанскомъ университетѣ, а также письмо объ университетской инспекціи въ Харьковѣ, которую нашъ корреспондентъ совершенно вѣрно приравниваетъ къ урядникамъ. Свѣдѣнія эти, полагаемъ, прибавляютъ новыя данныя къ вопросу, о которомъ событія послѣднихъ мѣсяцевъ заставляли насъ говорить нѣсколько разъ и о которомъ, впрочемъ, мы все избѣгали говорить подробно, думая, что въ Россіи онъ неразрѣшимъ безъ рѣшенія болѣе широкаго вопроса: объ общей политической свободѣ. Но вопросъ этотъ стоитъ на лицо между прочимъ и въ видѣ устава университетовъ, который теперь внесенъ въ государственный совѣтъ, и требуетъ, чтобъ о немъ высказались всѣ оттѣнки общественнаго мнѣнія съ извѣстною полнотою. Послѣднее необходимо между прочимъ и потому, что объ этомъ университетскомъ вопросѣ существуетъ до того неясное представленіе и въ самомъ обществѣ, что среди него даже элементы далеко не реакціонные готовы сойтись, хоть по нѣкоторымъ пунктамъ вопроса, съ завѣдомо реакціоннымъ правительствомъ.

Мы уже мимоходомъ замѣтили это, указывая на неудовольствіе, выразившееся въ нѣкоторыхъ либеральныхъ газетахъ противъ университетской автономіи, по уставу 1863 г., которая-де явилась автономіей профессоровъ гешефтмахеровъ. Неудовольствіе это было бы совершенно законно, еслибъ оно не сопровождалось отрицаніемъ принципа корпоративной автономіи вообще и удовольствіемъ при ожиданіи устава, кото-

рый окончательно отдастъ наши университеты въ руки министерства и его агентовъ.

Прежде всего совершенно напрасно бы кто считалъ, что уставъ 1863 г. вводилъ въ Россіи полную автономію университетовъ, а не одно только нѣкоторое административное самоуправленіе старшихъ по службѣ профессоровъ (ординарныхъ и экстраординарныхъ) при постоянномъ однако же контролѣ и вмѣшательствѣ попечителей и министра. Уставъ этотъ, во-первыхъ, поставилъ въ совершенно безправное положеніе доцентовъ, затѣмъ не только не обезпечилъ корпоративной организаціи студентовъ, но разбилъ даже ту, которая фактически уже выработалась жизнью въ 1857—1862 гг. и которая въ нѣкоторыхъ университетахъ (напримѣръ, въ Кіевѣ, благодаря управленію Пирогова) достигла весьма широкихъ размѣровъ. Уставъ этотъ, наконецъ, не давалъ главной изъ академическихъ свободъ: свободы науки.[1] Притомъ нѣ-

[1] Вотъ какъ опредѣляли мы въ одной изъ нашихъ брошюръ, писанной еще во времена Л.-Меликовскихъ вѣяній, — когда, послѣ отставки гр. Толстого многіе увлекались иллюзіями о наступленіи мира въ нашихъ высшихъ школахъ, — три круга академическихъ свободъ, существующихъ въ цивилизованныхъ странахъ:

„Академическое общество или даже академическое государство, Civitas academica, какъ говорятъ на Западѣ, общество спеціальное, составленное изъ индивидуумовъ извѣстнаго труда, а также изъ тѣхъ, которые учатся у нихъ этому труду и его приложенію. Всего скорѣе можно сравнить школу, особенно высшую, съ фабрикой, въ которой мы видимъ полныхъ рабочихъ и учениковъ, переходящихъ постепенно въ полные рабочіе. Очевидно, что спеціальное это общество должно имѣть извѣстную дисциплину, выходящую изъ сущности процессовъ своего производства и, конечно, соотвѣтственную возрасту членовъ корпораціи. Но очевидно также, что общество это должно имѣть и свою свободу и въ цѣломъ, и въ частяхъ. Свобода эта по отношенію къ окружающей средѣ должна выражаться въ извѣстномъ самоуправленіи, которое бы не допускало до распоряженія въ дѣлахъ корпораціи людей и вѣдомствъ, которые, не имѣя спеціальной подготовки или имѣя цѣли совсѣмъ противоположныя цѣлямъ корпораціи, портили бы самый предметъ ея производства, науку. Затѣмъ самый этотъ, такъ сказать, товаръ-наука требуетъ, для успѣшности своего производства, свободы мысли, т. е. слова, которая поэтому и есть самая главная изъ всѣхъ свободъ академическихъ. Такъ какъ въ высшихъ школахъ въ производствѣ научнаго товара участвуютъ вовсе не одни полные рабочіе, профессора, но и ихъ помощники-ученики, студенты, и такъ какъ самое усвоеніе этими послѣдними мыслей профессоровъ есть тоже работа, а не пассивное только потребленіе, и работа, требующая для успѣшности своего процесса тоже свободнаго обмѣна мыслей, то поэтому свобода научнаго слова есть необходимое условіе и для студентовъ высшихъ школъ. Эта свобода слова должна существовать для каѳедры, для научныхъ собраній профессоровъ и студентовъ вмѣстѣ и студентовъ отдѣльно, а также для академической печати. Наконецъ постоянный совмѣстный трудъ порождаетъ между членами высшей школы, между преподавателями и студентами (порознь и вмѣстѣ), цѣлый рядъ личныхъ связей, которыя тоже естественно влекутъ ихъ къ совмѣстному удовлетворенію чисто личныхъ потребностей: совмѣстнаго препровожденія времени, взаимной помощи и т. п. Отсюда вытекаетъ потребность въ чисто товарищескихъ учрежденіяхъ, каковы клубы, читальни, кассы помощи и т. п., которыя требуютъ для себя тоже извѣстной свободы." (Ср. выше статью „Было бы болото, а черти будутъ!", а особенно стр. 274—275. Пр. ред.)

которая автономія профессорской аристократіи, будучи открыта для административныхъ вліяній, не была поставлена подъ контроль общественнаго мнѣнія свободной печати, а тѣмъ болѣе областного представительства. Только въ томъ случаѣ, если бы испробована была такая полная автономія, какая сейчасъ нами намѣчена, можно бы было рѣшать годенъ или негоденъ для нашихъ высшихъ школъ принципъ автономіи.

Совершенно напрасно записываютъ на счетъ автономіи университетовъ и равнодушіе къ наукѣ и гешефтмахерство многихъ изъ профессоровъ. Что въ общемъ теперь научный уровень нашего профессорства повысился противъ прежняго, это, казалось бы, не требуетъ и доказательствъ. Теперь во всякомъ случаѣ каждый самый лѣнивый факультетъ можетъ указать на томы сочиненій своихъ членовъ, которыя не безъизвѣстны и за границей, тогда какъ двадцать-тридцать лѣтъ назадъ даже сочиненія тогдашнихъ университетскихъ знаменитостей были по большей части компиляціей заграничныхъ книжекъ. Мы справедливо возмущаемся, видя профессоровъ редакторами оффиціозныхъ газетъ (Кіевлянинъ, Волжско-Камскій Вѣстникъ) или директорами грюндерскихъ банковъ, но вспомнимъ, что въ Николаевскія времена профессора заурядъ бывали цензорами (одинъ изъ видовъ заплечнаго мастерства), держали богатыхъ пансіонеровъ, которыхъ проводили въ студенты и кандидаты, принуждали студентовъ брать у нихъ уроки передъ экзаменами и брали за это плату даже серебряными ложками. Наконецъ, если университетскимъ совѣтамъ можно поставить въ укоръ нѣсколько недобросовѣстныхъ забаллотировокъ достойныхъ ученыхъ (г. Герье во время торжества катковцевъ въ Москвѣ, г. Семевскаго цитовическою партіею въ Одессѣ, гг. Житецкаго и Мищенко въ Кіевѣ благодаря мѣстнымъ катковцамъ), то вспомнимъ, что значительно большее число такихъ ученыхъ выжито было изъ университетовъ, или не допущено въ нихъ ни кѣмъ другимъ, какъ тѣмъ самымъ катковскимъ правительствомъ, которое теперь, говорятъ, должно поднимать научный уровень университетовъ, пониженный будто бы авто-

номіей. Мы перечислимъ лишь примѣры, намъ лично извѣстные: такъ, правительство отправило въ ссылку изъ Петербурга проф. Павлова, изъ Казани Щапова, оно устранило отъ каѳедры въ Петербургѣ: гг. Костомарова, Пыпина, Спасовича, Стасюлевича, Б. Утина, въ Казани: г. Лесгафта, выжило изъ кіевскаго университета г. Зибера, московскаго гг. Гольцева и Муромцева; два раза воспрепятствовало выбору въ Кіевѣ г. Костомарова и задержало на нѣсколько лѣтъ приглашеніе на каѳедру г. Антоновича и такимъ образомъ держало почти 12 лѣтъ вакантною каѳедру русской исторіи въ Матери русскихъ городовъ, на смѣхъ всей Европѣ, въ которой по этому поводу нѣмецкія газеты распространяли толки о неспособности русскихъ къ наукѣ. Вслѣдствіе полицейскихъ распоряженій не имѣлъ права на каѳедру Аѳонасьевъ (авторъ „Поэтическихъ воззрѣній славянъ на природу"), который и умеръ въ нищетѣ, въ то время, какъ Кіевскій университетъ, нуждавшійся въ профессорѣ русской литературы, возвелъ его въ доктора; въ такое же положеніе былъ поставленъ и славистъ Котляревскій, которому, только благодаря высокимъ покровителямъ, едва позволили потомъ занять каѳедру въ Дерптѣ и только уже почти передъ смертью его — въ Кіевѣ. Замѣтьте же, что всѣ названныя нами имена принадлежатъ къ числу видныхъ именъ въ русской научной литературѣ. Чего же добраго можно будетъ ожидать, когда распоряженіе каѳедрами перейдетъ всецѣло въ руки прямыхъ агентовъ императорскаго правительства, министра и, особенно въ провинціяхъ, попечителей, часто генераловъ безъ всякаго понятія о наукѣ? Въ слѣдующемъ номерѣ читатель найдетъ рецензію на новѣйшій научный трудъ академика Безобразова и увидитъ, чѣмъ начинилъ свою книгу этотъ господинъ, вмѣсто фактовъ объ экономическомъ положеніи Россіи. А вспомнимъ, что г. Безобразовъ persona gratissima для петербургскихъ оффиціальныхъ сферъ и, при ихъ покровительствѣ, проникъ въ Академію наукъ, не имѣя за собою рѣшительно ни одного солиднаго научнаго труда, тогда какъ, напр., избраніе въ члены академіи г. Пыпина, которому уже одинъ „Очеркъ

литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ" далъ бы почетнѣйшее мѣсто въ любой ученой корпораціи въ Европѣ, было остановлено министромъ гр. Толстымъ! Этотъ министръ пожаловался на выборъ г. Пыпина въ соотвѣтственномъ отдѣленіи академіи самому государю и добился, что дѣло объ этомъ выборѣ было разсматриваемо въ особомъ комитетѣ — какъ вы думаете, изъ кого составленномъ? — изъ министра внутреннихъ дѣлъ (ген. Тимашева), шефа жандармовъ (ген. Потапова), при участіи самого гр. Толстого! Вотъ подобные же „ученые (!!) комитеты" будутъ теперь назначать въ наши высшія школы и удалять изъ нихъ профессоровъ!

И есть еще люди даже между либералами и даже между серьезными учеными, которые, указывая на то, что и въ Западной Европѣ по большей части назначеніе профессоровъ совершается при участіи министерства или даже вполнѣ принадлежитъ ему, не находятъ бѣды въ уничтоженіи теперешняго выбора профессоровъ университетскими коллегіями и другихъ проявленій университетской автономіи, скудно допущенной уставомъ 1863 г.! Люди эти забываютъ разницу министерствъ западныхъ и россійскихъ, силу благопріятныхъ наукѣ преданій въ западно-европейскихъ обществахъ, въ которыхъ даже въ старой самодержавно-бюрократической Пруссіи было записано въ законъ: „наука и преподаваніе свободны". Забывается и то, что на Западѣ разъ министръ назначилъ профессора (по соглашенію съ спеціалистами, по рекомендаціи университета, часто при участіи представителей города или провинціи), онъ не вмѣшивается въ его преподаваніе, ни вообще въ подробности жизни высшихъ школъ, которыя въ своихъ дѣлахъ сохраняютъ полное самоуправленіе, и то, что на Западѣ нѣтъ генераловъ-попечителей надъ университетами, ни урядниковъ-инспекторовъ въ ихъ стѣнахъ.

При отсутствіи же въ Россіи всего того, что благопріятствуетъ дѣйствительной академической свободѣ на Западѣ, и при наличности всего уряднаго аппарата въ россійскомъ учебномъ вѣдомствѣ, отъ всецѣлаго подчиненія нашихъ высшихъ школъ этому

аппарату нельзя ожидать ничего, кромѣ гибели для науки и разгона, исключенія и истребленія учащейся молодежи. Послѣднее уже производится въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Не говоря уже о массовыхъ исключеніяхъ студентовъ высшихъ школъ, со всѣми послѣдствіями этихъ исключеній, система воспитанія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и отношенія начальства къ студентамъ почти уже уничтожили типъ нормальнаго студента, учащагося юноши, а развели два типа: нервно-озлобленнаго на все окружающее существа, — террориста по симпатіямъ, если не по дѣятельности, — и карьериста отъ младыхъ ногтей. Чего же дождемся мы въ дальнѣйшемъ будущемъ?! Пусть подумаютъ объ этомъ родители подростающихъ поколѣній.

Толцыте и отверзется.

(Первоначально напечатано въ журналѣ „Вольное Слово“ №№ 56 и 57, 1883 г.)

I.

Печатаніе въ нашей газетѣ статьи „Восемьнадцать лѣтъ войны чиновничества съ земствомъ“ уже настолько подвинулось, что читатель можетъ видѣть ясно основную ея идею. Статья доказываетъ до безспорности, что земскія учрежденія, поставленныя въ ненормальныя отношенія и къ населенію, и къ администраціи уже по самому Положенію 1864 г., чѣмъ дальше, все больше приводились бюрократіей въ невозможность работать на пользу населенія. Естественно является вопросъ о причинѣ такого положенія учрежденій, которыя должны представлять само населеніе нашихъ провинцій, а также о томъ, гдѣ же выходъ изъ этого положенія?

Съ своей стороны, уже въ 53 № при началѣ печатанія названной статьи мы указали на причины неуспѣха земскихъ учрежденій, а именно на ихъ исключительно „хозяйственную“ постановку и не только ихъ отдѣльность отъ провинціальной администраціи, но и на ихъ подчиненіе ей, а также на необезпеченіе ихъ общегосударственнымъ представительствомъ, — и тѣмъ самымъ указывали и выходъ изъ теперешняго неудовлетворительнаго положенія, какъ земскихъ учрежденій въ частности, такъ и всей Россіи. Съ нашими мыслями въ сущности согласенъ и тотъ „Земскій голосъ“, который читатель найдетъ въ настоящемъ №. „Голосъ“ этотъ представляетъ одно изъ первыхъ проявленій мысли — сдѣлать нынѣшнія земскія и городскія учрежденія, крайне неудовлетворительныя, но всетаки единственныя въ

Россіи всесословныя представительныя собранія, „базисомъ“ для агитаціи въ пользу политическаго преобразованія всего государства.

Сегодня мы не будемъ пускаться въ изложеніе практическихъ пріемовъ подобной агитаціи, между прочимъ, и потому, что это одинъ изъ вопросовъ тактики, о которыхъ всего менѣе прилично говорить людямъ, пребывающимъ за границей. Мы коснемся только самой общей стороны этого дѣла, а именно неизбѣжной необходимости подобной агитаціи для тѣхъ, кто желаетъ какого бы то ни было улучшенія въ нынѣшнемъ невозможномъ положеніи мѣстной администраціи и земскаго хозяйства.

Въ самомъ дѣлѣ, откуда же можетъ прійти это улучшеніе, какъ не отъ радикальнаго измѣненія администраціи мѣстной и центральной? Вѣдь земскія учрежденія болѣе десяти лѣтъ ходатайствовали объ улучшеніяхъ детальныхъ, самыхъ скромныхъ, — и какъ же имъ отвѣчало правительство, чиновники и глава государства? Какія же основанія можно имѣть для надежды, что эти послѣдніе вдругъ ни съ того, ни съ сего измѣнятъ свое поведеніе? Развѣ теперь не повторяется на всякіе лады представителями правительства, что реформъ и такъ было слишкомъ много сдѣлано въ предъидущее царствованіе, несмотря на то, что большая часть этого царствованія проведена была въ застоѣ и въ порчѣ разъ уже сдѣланныхъ реформъ, изъ которыхъ ни одна не была сдѣлана искренно и послѣдовательно?

Но обращаясь даже къ этимъ реформамъ, къ условіямъ, при какихъ онѣ были даны, мы увидимъ, что и онѣ произведены были далеко не по одной иниціативѣ правительства, по его доброй волѣ и его пониманію нуждъ страны, но и подъ вліяніемъ давленія общественной агитаціи.[1] Больше всего иниціативы правительство, иначе Алекеандръ II, об-

[1] Вовсе не желая унижать Александра II только потому, что онъ былъ царь, мы тѣмъ не менѣе считаемъ справедливымъ и полезнымъ опредѣлить настоящую степень его иниціативы въ дѣлѣ реформъ 60-хъ гг., между прочимъ, и въ виду страннаго пріема, какой теперь употребляется недальновидными либералами въ русской печати и который состоитъ въ безмѣрномъ восхваленіи покойнаго царя-реформатора. Кого можно прельстить или обмануть этимъ пріемомъ?! Обществе же этимъ не подвинешь.

наружило въ реформѣ крестьянской. Насколько тутъ было личной инициативы Александра II, теперь сказать еще трудно людямъ, не посвященнымъ въ секреты личной жизни династіи Романовыхъ. Но извѣстно, что въ секретныхъ комитетахъ, какіе учреждались при Николаѣ I по крестьянскому дѣлу (въ 1846 и 1848 гг.), Александръ Николаевичъ былъ противъ освобожденія крестьянъ, равно какъ и то, что онъ, и будучи еще наслѣдникомъ, и уже царемъ выступилъ противъ инвентарныхъ проектовъ Бибикова въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, а также и то, что тотчасъ по вступленіи на престолъ Александра II по его приказанію былъ изданъ Мин. Внутр. Дѣлъ циркуляръ, заявлявшій волю государя „ненарушимо охранять права, вѣнценосными его предками дарованныя дворянству“ (20 августа 1855 г.). Но, спустя нѣсколько мѣсяцевъ (30 марта 1856 г.) Александръ II произнесъ извѣстныя слова московскимъ дворянамъ; „лучше начать уничтожать крѣпостное право сверху, нежели дождаться того времени, когда оно начнетъ само собой уничтожаться снизу“.

Что произвело подобную перемѣну въ понятіяхъ Александра II? Повторяемъ, вполнѣ точно отвѣчать на этотъ вопросъ теперь еще трудно. Можно, впрочемъ, съ достовѣрностью предположить личное вліяніе на императора вел. кн. Елены Павловны, короля прусскаго и бар. Гакстгаузена, убѣжденія которыхъ тѣмъ болѣе могли на него подѣйствовать, что севастопольская война показала необходимость военной реформы въ Россіи на прусскій манеръ, а эта реформа не была возможна при крѣпостномъ правѣ (замѣтимъ, что изъ всѣхъ реформъ военная проведена была въ Россіи наиболѣе послѣдовательно, что, очевидно, указываетъ на особое къ ней вниманіе самодержца); затѣмъ фраза объ отмѣнѣ крѣпостнаго права сверху и снизу показываетъ, что на Александра II произвели впечатлѣніе и крестьянскіе бунты 1855 года (особенно кіевскій и воронежскій), бунты, конечно, слишкомъ слабые, чтобы непосредственно заставить власть приняться за реформу, но которые при тогдашнемъ настроеніи части общества, подготовленной

внутренней и заграничной литературной агитаціей въ пользу реформы, были достаточною поддержкой для этой агитаціи.

Такимъ образомъ, есть много основаній утверждать, что давленіе снизу — отъ крестьянъ и общества — играло сильную роль и въ дѣлѣ побужденія императора Александра II къ началу крестьянской реформы. Эта же реформа логически должна была поднять вопросъ и о дальнѣйшихъ реформахъ, — администраціи, суда и до конституціи государства включительно. У насъ есть письмо отъ 9-го декабря 1857 г. одного видная въ московскомъ обществѣ лица къ издателю „Колокола“ съ слѣдующими словами, которыя вполнѣ вѣрно передаютъ тогдашнее настроеніе общества и въ частности сколько-нибудь образованныхъ дворянъ, не исключая и крѣпостниковъ:

„Теперь въ Россіи всѣ и все ждетъ эмансипаціи. Самые рьяные изъ помѣщиковъ присмирѣли. При этомъ случаѣ сообщу я свой вчерашній разговоръ съ Н. В., у котораго нѣсколько тысячъ душъ, который часто охотится съ царемъ и что-то въ родѣ гофмаршала при дворѣ: „Крестьянъ освободить, — прекрасно! Откладывать больше нельзя; стало, чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше. Ну, а потомъ? Освобожденные мужики станутъ казенными; ну, а казенные? Останутся тѣмъ, чѣмъ были? Ну, а мы, дворяне? А купечество? Прекрасное, необходимое дѣло эмансипація; но этого мало. Для Россіи и для насъ всѣхъ нужны права, гарантіи. Вотъ куда долженъ гнуть Герценъ. Не Берингъ и не Закревскій[1] главное; разумѣется, это свинья: кто же у насъ этого не знаетъ? Главное то, что Б. и З. возможны. А отъ чего возможны? Отъ того, что нѣтъ общественнаго мнѣнія. А отъ чего его нѣтъ? Отъ того, что мы всѣ, и мужики, и дворяне, всѣ живемъ въ полномъ безправіи. Вотъ о чемъ Герцену слѣдуетъ долбить безпрестанно.“

Результатомъ такихъ соображеній, а также, конечно, и раздраженія помѣщиковъ противъ правительства, поднявшаго вопросъ объ этомъ освобожденіи, была, между прочимъ, та агитація въ дворянствѣ въ пользу реформы суда и администраціи на началахъ общественнаго самоуправленія, которая проявилась среди

[1] Берингъ — моск. оберъ-полиціймейстеръ, а гр. Закревскій — генералъ-губернаторъ, на которыхъ нападалъ въ 1857 году „Колоколъ“ по поводу студенческихъ исторій.

депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу и въ дворянскихъ собраніяхъ 1858 и 1860 гг. и о которой упоминалось въ 53 № „Вольнаго Слова“.

Въ этихъ собраніяхъ и „либералами“ (какъ тогда звали сторонниковъ крестьянъ) и „крѣпостниками“ (которые, впрочемъ, не выступали уже противъ самаго принципа освобожденія) произносились рѣчи и предлагались адресы, въ большинствѣ которыхъ, правда, заявлялась (искренно или нѣтъ, — другой вопросъ) мысль о ненарушимости царскаго самодержавія (и въ этомъ слабая сторона этихъ рѣчей и адресовъ), но въ которыхъ рѣшительно осуждался бюрократическій строй и высказывалось желаніе реформъ, которыя бы избавили Россію отъ бюрократическаго произвола, а равно и опасенія, что при сохраненіи этого послѣдняго, и эмансипація крестьянъ не послужитъ къ дѣйствительному улучшенію положенія даже этихъ послѣднихъ. И справедливость требуетъ сказать, что въ этомъ отношеніи предсказанія даже самыхъ мрачныхъ крѣпостниковъ вполнѣ оправдались послѣдующими временами.[1]

Самодержавный царь, естественно, принялъ сторону бюрократіи и былъ сильно недоволенъ этими адресами и рѣчами. На адресы 1858 года (о введеніи гласнаго суда и другихъ реформъ) имъ не дано было отвѣта, или же получились отвѣты, что просьбы дворянства несвоевременны или неумѣстны. Но такъ какъ агитація не останавливалась, то и правительство должно было уступать. Правда, съ согласія царя приняты были мѣры противъ нѣкоторыхъ лицъ, болѣе рѣзко выступившихъ противъ бюрократіи, — а именно противъ тверичей Унковскаго и Европеуса, которые были высланы безъ суда въ камскія губерніи, и Головачева, который отданъ былъ подъ судъ, но всетаки правительство не осмѣлилось пойти противъ самыхъ принциповъ требованій дворянскихъ

[1] Нѣкоторыя изъ этихъ рѣчей и адресовъ напечатаны въ извѣстномъ изданіи „Матеріалы для истор. упразднія. крѣпостн. права и пр.“ (Берлинъ, 1850—1861), т. II, которое, по показанію сенатора Я. Соловьева, принадлежитъ Д. П. Хрущову, бывшему товарищу министра государственныхъ имуществъ. Ихъ очень полезно перечитать и теперь.

представителей и собраній. Министръ внутреннихъ дѣлъ говорилъ г. Унковскому, что „всѣ реформы, о которыхъ просятъ депутаты (свобода крестьянъ съ немедленнымъ выкупомъ, общественное выборное хозяйственно-распорядительное управленіе, независимый и гласный судъ съ присяжными, подсудность ему чиновниковъ, свобода печати), уже совершаются самимъ правительствомъ". Самъ Александръ II былъ сильно недоволенъ, когда въ 1860 году петербургское общество подало ему адресъ, въ которомъ высказалось за сохраненіе выборнаго начала въ земской полиціи, но съ расширеніемъ его во всесословномъ духѣ, „для развитія подъ покровомъ самодержавной власти издревле существующаго въ Россіи начала мѣстнаго самоуправленія". Особенно не понравилось самодержцу слово „самоуправленіе", но и онъ не рѣшился рѣзко выразить дворянству свое неудовольствіе, а только „съ нѣкоторымъ неудовольствомъ выразилъ депутаціи, что если дворянство вѣритъ, какъ оно пишетъ, государю, то затѣмъ адресъ оказывается излишнимъ". На другой же день пріема государемъ депутаціи губернскіе и уѣздные предводители были приглашены къ обѣду у наслѣдника, отъ котораго имъ были оказаны всяческія любезности. Обѣдъ долженъ былъ вознаградить дворянство за дурной пріемъ ихъ адреса (Матер. II, 324—325).

Изъ всего, что мы до сихъ поръ знаемъ, видно, что Александръ II сильно боялся дворянской оппозиціи, боялся и придворной аристократіи, которая могла, по его мнѣнію, распорядиться съ нимъ, какъ съ Павломъ I (въ концѣ 50-хъ годовъ въ высшемъ обществѣ въ столицахъ ходили слова Александра II, что онъ „рѣшился провести освобожденіе крестьянъ, даже если бы ему пришлось пожертвовать для этого жизнью"), — боялся онъ и конституціоннаго движенія въ массѣ образованнаго дворянства, а потому, употребляя всѣ мѣры и уловки къ тому, чтобы сохранить самодержавіе, чтобы помѣшать организаціи дворянъ во что-либо цѣлое, даже въ видѣ одновременнаго собранія депутатовъ отъ всѣхъ губернскихъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу, онъ всетаки не считалъ воз-

можнымъ упорно противиться требованіямъ общественнаго мнѣнія.[1]

Нужно сознаться, что общество само сдѣлало въ 60-е годы капитальную ошибку, не сосредоточивъ своихъ аттакъ именно противъ принципа царскаго самодержавія. И причиною этому былъ не только страхъ — суевѣрный и реальный — передъ царскою силою, но и ложный расчетъ, который въ нѣкоторыхъ народническихъ кругахъ существуетъ и до сихъ поръ. Занятая главнымъ образомъ мыслью объ освобожденіи крестьянъ на возможно выгодныхъ для нихъ условіяхъ и видя, что дѣйствительно царь, въ сравненіи съ придворной аристократіей, является аболиціонистомъ, передовая часть русскаго общества, несмотря на свое въ большинствѣ дворянское происхожденіе, поддалась мысли о томъ, что всего лучше идея освобожденія крестьянъ можетъ быть осуществлена самодержавнымъ царемъ и что представительное правленіе, по крайней мѣрѣ, въ то время, организуетъ въ Россіи крѣпостническую олигархію.[2] Подобныя идеи раздѣляла и та разночинская часть интеллигенціи, которая съ 60-хъ годовъ стала принимать все большее участіе въ общественной жизни, особенно въ литературѣ. Само собою разумѣется, что эти идеи еще болѣе гармонировали съ настроеніемъ и интересами молодой (александровской) бюрократіи, которая вышла изъ дворянско-чиновническихъ круговъ, съ извѣстной литературной окраской и работала въ петербургскихъ канцеляріяхъ подъ начальствомъ болѣе или менѣе явныхъ реакціонеровъ (николаевцевъ) надъ проектами реформъ.

Теперь (хотя бы, напримѣръ, послѣ записокъ сенатора Соловьева) до очевидности ясно, что придворно-аристократическая оппозиція крестьянскому дѣлу сильна была ни кѣмъ другимъ, какъ самимъ же ца-

[1] Впрочемъ, Александръ II боялся также и „черни, предводимой демагогами“, и, такимъ образомъ, умъ самодержца, незнакомаго съ дѣйствительною жизнью страны, колебался между страхами, почерпнутыми изъ фамильныхъ воспоминаній и изъ французскихъ книгъ, и не предвидѣлъ, что ему приготовила непонятая имъ реальная жизнь его страны.

[2] Указанія на этотъ кругъ идей находятся и въ письмѣ Бакунина, напечатанномъ въ 54—55 №№ В. Сл. Мы надѣемся представить еще интересные документы въ такомъ же родѣ.

ремъ-освободителемъ, который ее слушалъ и боялся. Мало того, весь опытъ крестьянскаго дѣла показалъ, что царское самодержавіе не предохранило крестьянъ не только отъ высокаго выкупа, но и отъ обрѣзки существовавшихъ до эмансипаціи надѣловъ за установленіемъ maximum'а надѣла, ни отъ Гагаринскихъ или нищенскихъ (четвертныхъ) надѣловъ и т. п. удобствъ Положенія 19-го февраля 1861 года, которое врядъ ли бы вышло невыгоднѣе для крестьянъ даже изъ дворянскаго парламента или изъ особаго собранія изъ депутатовъ отъ дворянства и губернскихъ комитетовъ, которое проектировали въ 1859 г. крѣпостники вродѣ Безобразовыхъ или гр. Орлова Давыдова. Вѣдь нашлись же въ губернскихъ комитетахъ дворяне защитники крестьянскихъ интересовъ. Гласность же и законность — неизбѣжныя принадлежности представительнаго правленія, — охранили бы интересы крестьянъ при примѣненіи Положенія гораздо существеннѣе, чѣмъ агенты самодержавнаго царя, флигель-адъютанты и губернаторы, поровшіе крестьянъ при введеніи уставныхъ грамотъ и высылавшіе въ мѣста Макаровы крестьянскихъ уполномоченныхъ.

Такимъ образомъ, народническія надежды на царя-освободителя и страхъ олигархіи при парламентаризмѣ не принесли никакой пользы крестьянамъ, послужили только къ раздѣленію образованныхъ классовъ въ Россіи и къ спасенію принципа царскаго произвола, который всегда въ Россіи былъ опорою притѣсненія барскаго и произвола чиновническаго. Тонкій же разсчетъ подрѣзать частными реформами произволъ бюрократическій внизу, не затронувъ царскаго самодержавія наверху и даже склонивъ его самого къ уничтоженію бюрократіи, какъ элемента, раздѣляющаго населеніе отъ царя (слова „средостѣніе“ тогда не было еще, кажется, выдумано, но фразеологія на тему единенія царя съ народомъ безъ посредства бюрократіи процвѣтала и тогда въ изобиліи), былъ порванъ жизнью, какъ всѣ тонкости. Всѣ реформы „освободительнаго періода“ правленія Александра II не только не отмѣнили бюрократическаго произвола, не сократили бюрократическаго вмѣшательства въ

народную жизнь, но расширили послѣднее. Все, что сдѣлали онѣ, ограничилось созданіемъ нѣкотораго простора и кадровъ для проявленія общественной инціативы рядомъ съ бюрократическими воздѣйствіями. И этимъ Россія обязана, главнымъ образомъ, той общественной противобюрократической агитаціи, которая была всетаки довольно сильна въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ.

Эта агитація не только подвинула правительство къ тогдашнимъ реформамъ, но заставляла его обѣщать (искренно или неискренно) и дальнѣйшія реформы, не исключая и политической. Польское движеніе, — прогрессивное и полезное, пока оно проявлялось преимущественно въ чисто польскихъ земляхъ и не перешло въ вооруженное покушеніе на земли, въ которыхъ масса народа знать не хочетъ польскаго государства и даже ненавидитъ его, — служило поддержкой политическому движенію въ остальной Россіи. Подъ вліяніемъ давленія обоихъ движеній правительство дѣлало намеки на свою готовность къ политическимъ реформамъ, начиная съ созванія, хотя бы совѣщательнаго только представительнаго собранія. Отвѣчая на петербургскій адресъ 17 апрѣля 1863 г., Александръ II сказалъ, что призоветъ представителей населенія къ участію въ государственной жизни, когда найдетъ для того благопріятный моментъ. Затѣмъ, такъ какъ о необходимости такого призванія были заявленія въ нѣкоторыхъ адресахъ, поданныхъ по поводу политическаго вмѣшательства иностранныхъ державъ въ польскій вопросъ (болѣе ясно въ адресахъ тверскомъ и костромскомъ), то правительство тѣмъ болѣе не могло упорно стоять за statu-quo даже въ политическомъ вопросѣ. Въ 1863 г. оно созвало финляндскій сеймъ и въ тронной рѣчи по этому поводу царь выразился сочувственно „о свободныхъ учрежденіяхъ въ рукахъ народа мудраго“. Положеніе о земствѣ, судебные уставы 1864 года, ослабленіе цензуры по правиламъ 1865 г. были плодомъ направленія, принятаго правительствомъ подъ давленіемъ вышеупомянутой агитаціи. И если эти реформы-уступки были невелики,

если лучшая изъ нихъ, судебная, не сопровождалась отмѣною тайнаго суда III Отдѣленія, на которую намекали „Основныя Положонія о судебномъ преобразованіи", изданныя правительствомъ въ концѣ 1862 г., то только потому, что общественная агитація въ пользу общей политической реформы не была и тогда достаточно сильною. Какъ только же и такая агитація затихла, такъ и остановились, а затѣмъ начали подвергаться искаженію и дарованныя частныя реформы.

Въ слѣдующій разъ мы разсмотримъ положеніе дѣлъ, которое создалось въ Россіи во время затишья и потомъ пробужденія общественнаго толченія въ правительственную дверь.

II.

Прошлый разъ мы старались доказать фактами, что реформы начала царствованія Александра II были даны вовсе не по одной только доброй волѣ императора, а особенно его правительства, но были въ значительной степени результатомъ общественной агитаціи и положительныхъ требованій, обращенныхъ къ правительству. Приводимый ниже, какъ справка, адресъ дворянъ Владимірской губерніи, поданный въ 1860 г., служитъ, надѣемся, документальнымъ доказательствомъ къ сказанному нами.

Но, пробѣжавъ этотъ адресъ, а равно и другія подобныя ему заявленія того времени, читатель вынесетъ еще и другое заключеніе, а именно, что правительство царя-реформатора не дало и половины того, что еще въ 1858—60 гг. считалось тогдашними далеко не крайними людьми за minimum политическихъ потребностей. Въ самомъ дѣлѣ: гдѣ административная реформа, основы которой начертаны въ Владимирскомъ адресѣ? гдѣ отвѣтственность чиновниковъ передъ судомъ? Гдѣ подсудность обывателя Россіи только гласному суду, а не разнымъ варіяціямъ III отдѣленія? гдѣ свободная печать? и т. д. и т. д. Сравнивая реформы, данныя правительствомъ Александра II, съ тѣмъ, что отъ него требовали даже дворянскія со-

бранія въ 1858—1860 гг., мы видимъ, что правительство, т. е. царь и бюрократія, не только не дали всего нужнаго и желаннаго, но даже довольно ловко обошли общество, сдѣлавъ уступки по второстепеннымъ предметамъ, и въ то же время выигравъ въ главномъ, въ сохраненіи и даже развитіи своего самодержавія (повторяемъ, самодержавія столько же царскаго, сколько и чиновническаго), при чемъ названнымъ самодержцамъ удалось даже создать новыя преграды для развитія либеральной оппозиціи и на будущее время.

Это особенно слѣдуетъ сказать объ административной и земскихъ реформахъ, какъ имѣющихъ наиболѣе политическій характеръ. Преобразованіе уѣздной земской полиціи по наружности отняло у нея сословный дворянскій характеръ, но въ то же время вовсе устранило изъ нея выборное начало и земскій характеръ. Земскія учрежденія стали всесословными и получили постоянный исполнительный органъ, — управы, — но земскія собранія не только не получили должной независимости даже въ узкой сферѣ хозяйственной, но по отношенію, напр., къ разсмотрѣнію смѣтъ земскихъ платежей и расходовъ, названныхъ государственными или обязательными, получили меньше правъ, чѣмъ имѣли ихъ прежнія собранія депутатовъ дворянскихъ и городскихъ, которымъ губернская власть должна была представлять на разсмотрѣніе всю роспись земскихъ сборовъ и расходовъ. Правда, эта отчетность, равно какъ и соотвѣтственная отчетность по особымъ, чисто дворянскимъ сборамъ при Николаѣ I была только формальною и не могла не быть иною, при всѣхъ условіяхъ жизни того времени, но когда общество пробудилось, то во многихъ губерніяхъ дворянскіе депутаты и собранія стали относиться къ своему праву на контроль употребленія земскихъ сборовъ серьезно,[1] и изъ этого отношенія могло выйти что-либо болѣе широкое по компетенціи, чѣмъ земскія учрежденія по Положенію 1864 г. (Не

[1] Примѣры указаны, между прочимъ, и во II т. „Матеріаловъ для истор. упразднкрѣпостн. состоянія“ и пр., кромѣ того пишущій это самъ былъ свидѣтелемъ опыта весьма серьезнаго пользованія депутатскимъ правомъ въ одномъ депутатскомъ собраніи на югѣ Россіи еще въ 1856 г.

трудно было бы доказать, что и старое городское Положеніе, при своей сословности, заключало въ себѣ зародыши лучшаго, чѣмъ узко-капиталистическое и вполнѣ бюрократическое новое городовое устройство 1870 г., еще болѣе далекое отъ дѣйствительнаго самоуправленія, чѣмъ земское устройство 1864 г.) Наконецъ, какъ это было уже указано недавно въ нашей газетѣ, новыя земскія всесословныя собранія не получили, по закону, даже такого права ходатайства передъ верховной властью, какое имѣютъ дворянскія собранія. А между тѣмъ учрежденіе всесословныхъ земскихъ собраній непремѣнно отнимало авторитетъ у сословныхъ дворянскихъ собраній. Сознательно или безсознательно, но во всякомъ случаѣ петербургскіе самодержцы усадили оба сорта собраній въ заколдованный кругъ: когда дворяне, лучшіе изъ которыхъ въ адресахъ и рѣчахъ 1858—1860 гг. высказывались за слитіе дворянства съ остальными сословіями, поднимали какой-либо общій вопросъ, то правительство могло отвѣтить имъ (какъ оно и отвѣтило на петицію конституціоннаго характера, поданную московскимъ дворянскимъ собраніемъ), что молъ вы говорите за всѣ сословія, на что не имѣете права: земскимъ же собраніямъ правительство отвѣчало даже на болѣе скромныя петиціи, что молъ вы выходите изъ круга мѣстныхъ хозяйственныхъ интересовъ, единственно вамъ предоставленнаго.

Всѣ эти и другіе заколдованные круги, которыми бюрократія обставила созданное въ 1864 году земское представительство, между прочимъ и тѣ, которые разбираются въ печатаемыхъ у насъ статьяхъ г. З. С., развитые люди въ дворянствѣ и земствѣ понимали еще въ 60-ые годы. Но они сдѣлали капитальную ошибку тѣмъ, что громко не указали на нихъ въ собраніяхъ и дворянскихъ, и земскихъ и не продолжали агитаціи, начатой въ дворянскихъ собраніяхъ 1858—60 гг. И это случилось, какъ мы думаемъ, не только по всероссійской пассивности, не только потому, что введеніе земской реформы совпало къ оскуденіемъ дворянства и съ отливомъ значительной части его изъ деревень и провинцій вообще, но и отъ не-

правильныхъ разсчетовъ. Послѣ введенія земскихъ учрежденій, лучшіе люди изъ дворянъ махнули рукою на дворянскія собранія, какъ отжившія учрежденія, первые же земцы, въ среду которыхъ стали эти лучшіе люди, находили непрактичнымъ поднимать, такъ сказать, „ревизіонисткую“ агитацію, вопросъ о правахъ земскихъ учрежденій, не попробовавши ихъ на опытѣ. Опытъ же завертѣлъ земцевъ въ бѣличьемъ колесѣ, которое представляется въ статьяхъ г. З. С. Между тѣмъ благоріятный моментъ былъ упущенъ, а когда агитація въ пользу самоуправленія затихла, бюрократія оправилась и, окончательно завладѣвъ царемъ послѣ 4 апрѣля 1866 г., принялась урѣзывать и искажать даже данныя уступки. Отсутствіе дружной оппозиціи со стороны земствъ послѣ разгрома петербургскаго земства окрылило бюрократію, — и Россія вступила въ то глухое состояніе послѣднихъ 60-хъ годовъ, которое объясняетъ все послѣдующее, между прочимъ, и соціально-революціонную агитацію 70-хъ годовъ, завершившуюся такъ называемымъ „терроризмомъ“.

Здѣсь не мѣсто подробно разбирать эту послѣднюю агитацію. Для цѣли настоящей статьи довольно будетъ указать только на то, что эта агитація, несмотря на анархическую фразеологію, которая прилѣпилась къ ней изъ заграничныхъ прокламацій Бакунина (который, напомнимъ, не задолго передъ своимъ анархизмомъ самъ допускалъ возможность соціально-демократическаго Романова), оказалась въ началѣ своемъ гораздо болѣе близкою къ ученію о демократической бюрократіи (о каковомъ ученіи въ эпоху эманципаціи крестьянъ мы говорили въ прошломъ №), чѣмъ къ либеральному направленію въ движеніи 60-хъ годовъ. Русскіе соціалисты начала 70-хъ годовъ не только пренебрегали постановкой политическаго вопроса, но даже исповѣдывали догматъ монархическихъ аболюціонистовъ 60-хъ годовъ о вредѣ установленія въ Россіи политической свободы, или, какъ говорилось тогда, конституціи, такъ какъ она-де замедлитъ наступленіе народной соціальной революціи и организуетъ буржуазію. Даже тѣ изъ русскихъ соціали-

стовъ, которые не раздѣляли невниманія своихъ товарищей къ борьбѣ съ правительствомъ, далеки были отъ идей объ общественномъ самоуправленіи, а мечтали о захватѣ власти, посредствомъ которой-де будетъ произведена соціальная реформа. Только горькій опытъ убѣдилъ русскихъ соціалистовъ въ невозможности для Россіи обойти ступеньку учрежденій, которыми они пренебрегали, какъ буржуазною выдумкою, и заставилъ ихъ вписать въ свои программы требованіе политической свободы, хотя, впрочемъ, ни одна изъ этихъ программъ не формулировала ясно требованій самоуправленія, а многія изъ нихъ сбивались на старую фразеологію о соціалистической диктатурѣ, если не заговорщиковъ, то учредительнаго собранія. Наконецъ, и это обращеніе русскихъ соціальныхъ революціонеровъ къ либеральнымъ идеямъ совершилось и не вполнѣ самостоятельно, такъ какъ оно началось тогда, когда, подъ вліяніемъ, между прочимъ, сербо-болгарскаго движенія и войны, внѣ соціально-революціонныхъ кружковъ пробудилось стремленіе вновь поднять либеральную агитацію, оставленную въ половинѣ 60-хъ годовъ.

Во всякомъ случаѣ за русскими соціально-революціонными кружками слѣдуетъ признать заслугу даже относительно политическаго вопроса, состоящую въ томъ, что они все-таки будили общество и энергической борьбой фактически обнаружили слабость самодержавнаго правительства. Въ 1878 г. правительство призналось въ своемъ безсиліи справиться съ „горстью крамольниковъ“ и обратилось за содѣйствіемъ къ „обществу“.

Наличные представители послѣдняго въ дворянскихъ и земскихъ собраніяхъ и городскихъ думахъ опять сдѣлали капитальную ошибку, не высказавшись дружно противъ бюрократіи хоть бы такъ не совершенно удачно, какъ попытались высказаться нѣкоторыя украинскія земства, которыя справедливо укоряетъ авторъ напечатанной у насъ въ прошломъ (56) № статьи „Ближайшія задачи земства“. Какъ бы то ни было, но хоть нѣсколько земствъ все же заявили о необходимости реформъ въ духѣ политической сво-

боды, и этотъ слабый толчокъ въ крѣпость самодержавія не прошелъ безслѣдно.

Мы считаемъ вовсе не случайнымъ обстоятельствомъ, что основатель системы „вѣяній", гр. Лорисъ-Меликовъ, принесъ въ Петербургъ свои зефироносные мѣхи изъ Харькова. Земства его сатрапіи (Харьковское, Полтавское и Черниговское) именно и были тѣми, которыя заявили правительству о необходимости политической свободы, а въ обществѣ этихъ губерній харьковскій сатрапъ могъ увидѣть еще болѣе опредѣленныя требованія, которыми совершенно пренебречь онъ счелъ неблагоразумнымъ для правительства. Мы далеко бы ушли, еслибъ стали говорить здѣсь о томъ, почему изъ Л. Меликовскихъ вѣяній не вышло ничего прочнаго, а ограничимся указаніемъ на связь этихъ вѣяній съ тою земскою агитаціей, которая имъ предшествовала. Правительство Л. Меликова увидѣло необходимость обезоружить эту агитацію не только вѣяніями, но и заявленіемъ намѣренія продолжать реформы и при томъ съ участіемъ представителей самого населенія. Такое значеніе имѣетъ особенно приглашеніе земскихъ собраній высказаться по вопросу о преобразованіи крестьянскихъ учрежденій.

Приглашеніе это мы считаемъ самымъ серьезнымъ дѣломъ Лорисовской эпохи, потому что оно, неожиданно для самого диктатора, привело къ поднятію гораздо болѣе широкаго вопроса, а именно вопроса о провинціальномъ управленіи вообще, и дало поводъ земствамъ выставить проекты этого управленія составленые на основаніи долголѣтняго опыта земской жизни. Тутъ мы видимъ уже не однѣ общія идеи, какъ въ заявленіяхъ 1858—1860 гг., а подробно разработанные планы. Если свести вмѣстѣ эти планы, равно какъ и петиціи разныхъ земствъ по отдѣльнымъ вопросамъ, имѣющимъ соприкосновеніе съ вопросомъ администраціи, то получится почти буквально та программа самоуправленія, которая развивается въ нашей газетѣ. Разница оказывается только въ томъ, что оффиціальные земскіе представители говорятъ вполнѣ опредѣленно о самоуправленіи въ во-

лостяхъ, уѣздахъ и губерніяхъ (нынѣшнихъ рамкахъ провинціальной жизни), менѣе опредѣленно о самоуправленіи областномъ и еще менѣе ясно о самоуправленіи государственномъ. Въ этомъ есть своего рода резонное основаніе, но тутъ же заключается и слабость теперешнихъ земскихъ заявленій.

Дѣйствительно, мѣстное самоуправленіе вмѣстѣ съ личными правами (въ число которыхъ входятъ и права національныя) гораздо существеннѣе для населенія, чѣмъ центральный парламентаризмъ; только оно составляетъ основу для серьезнаго государственнаго самоуправленія, и еслибы въ Россіи мы имѣли дѣло съ правительствомъ просвѣщеннымъ и искреннимъ, или даже съ династіей, сколько-нибудь образованной и дальновидной, то можно бы было на извѣстное время удовольствоваться программой, которая прорывалась у московскихъ славянофиловъ въ ихъ минуты просвѣтлѣнія, а именно: мѣстнымъ самоуправленіемъ при сохраненіи самодержавія вверху государства. Но мы видѣли, что и такая программа, въ сущности предложенная петербургскому правительству заявленіями въ 1858—1860 гг., не была имъ принята даже въ наиболѣе либеральную его эпоху, а еще болѣе рѣшительно отвергнута имъ въ послѣдующее время. Да иначе и быть не могло, такъ какъ личныя права и самоуправленіе, хотя бы только мѣстное, гораздо болѣе невыгодны для бюрократіи, чѣмъ даже централистическій парламентаризмъ. Мечтать же, что царь можетъ самъ по себѣ прорвать сѣти бюрократіи, могутъ только неисправимые фантазеры, которые, впрочемъ, сами больше говорятъ публично о царѣ и народѣ безъ средостѣнія, чѣмъ на самомъ дѣлѣ вѣрятъ въ реализацію своихъ словъ. Въ дѣйствительности царь всегда былъ, есть и будетъ первый чиновникъ и придворный. Это доказалъ и Александръ II Освободитель и Александръ III, противникъ „средостѣнія“. Послѣдній, можетъ быть, и примирился бы съ самоуправленіемъ (примирился же съ конституціей Францъ-Іосифъ Австро-Венгерскій), но только тогда, когда бы оно было осуществлено, т. е. взято у него.

Вотъ почему необходимъ теперь усиленный напоръ

всѣхъ общественныхъ элементовъ на этотъ пунктъ. Со стороны земскихъ людей необходимы ясныя заявленія, которыя бы напомнили правительству о томъ, что ему еще недавно предъявлены были вполнѣ опредѣленныя требованія мѣстнаго самоуправленія, и которыя бы въ то же время завершили требованія объ этомъ самоуправленіи требованіемъ неприкосновенныхъ личныхъ правъ и самоуправленія общегосударственнаго. Несомнѣнно, что правительство не поблагодаритъ за эти заявленія и сначала прибѣгнетъ къ репрессіямъ. Но во-первыхъ — волка бояться, въ лѣсъ не ходить, а во-вторыхъ, даже россійская исторія послѣднихъ десятилѣтій доказываетъ, что въ виду сколько-нибудь систематическаго напора на правительство со стороны общественныхъ корпорацій, правительство не смѣетъ ни прибѣгать къ сильнымъ репрессіямъ, ни безусловно отвергать обращенныя къ нему требованія. Такъ, напр., на помѣщаемый ниже Владимірскій адресъ, который шелъ во главѣ цѣлаго ряда подобныхъ заявленій, правительство Александра II отвѣчало выраженіемъ „неудовольствія“, „выговоромъ“ губернскому предводителю и „замѣчаніемъ“ предводителямъ уѣзднымъ, — но не только ограничилось этими карами, но, скрѣпя свое неудовольствіе, все же сдѣлало часть реформъ, которыхъ у него требовали. На такую же дорогу стало подаваться правительство и въ послѣдній годъ царствованія Александра II подъ напоромъ вновь проснувшейся агитаціи.

При Александрѣ III такая агитація еще не была испробована, но что и его правительство далеко не нечувствительно къ ней, это показываетъ, напр., и то обстоятельство, что и Александръ III далеко не сразу рѣшился пойти противъ того теченія, какое обнаружилось въ послѣдніе годы правленія его отца, и сначала сохранялъ Л. Меликовскія вѣянія, потомъ, даже послѣ изданія реакціоннаго манифеста, прибѣгалъ къ Игнатьевской комедіи съ свѣдущими людьми, и только тогда, когда эта комедія нѣсколько замутила общественное сознаніе и когда обнаружилось, что она не встрѣчаетъ себѣ дружнаго противодѣйствія въ представителяхъ общественныхъ корпорацій, рѣшился

на открытую Толстовскую „нѣтовщину“. Неужели же земскіе люди, которые разработывали вопросы административной реформы, которые опытомъ убѣдились въ полной невозможности сколько-нибудь правильнаго удовлетворенія нуждъ населенія, при господствѣ бюрократическаго произвола, такъ и сложатъ руки передъ этой „нѣтовщиной“?!

Динамитно-анархическая эпидемія и самоуправленіе.

(Первоначально напечатано въ журналѣ „Вольное Слово“ №№ 58 и 59, 1883 г.)

I.

Несмотря на то, что Россія и Западная Европа находятся въ разныхъ политическихъ возрастахъ, сосѣдство ихъ производитъ однако же то, что обѣ половины нашего материка оказываютъ другъ на друга весьма сильное, хотя и неравное вліяніе. Россія теперь стоитъ передъ рѣшеніемъ того вопроса объ ограниченіи самовластія наслѣдственной монархіи и ея агентовъ, который Англія рѣшала въ XVII в., Франція въ XVIII в., а германскія государства въ первой половинѣ XIX в. Западно-европейскія же страны, такъ или иначе управившись съ этимъ, собственно политическимъ вопросомъ, стоятъ теперь передъ вопросомъ соціальнымъ. Правда, вопросъ этотъ назрѣваетъ по своему и въ Россіи, въ значительной степени благодаря поддержкѣ, какую оказываетъ абсолютизмъ поземельной аристократіи и нарождающемуся капитализму (какъ было въ свое время и въ Западной Европѣ). Съ другой стороны, и въ западной Европѣ сторонники соціально-экономической эмансипаціи низшихъ классовъ вынуждены браться за политическіе вопросы въ тѣхъ странахъ, гдѣ эмансипація политическая не совершила еще полнаго своего круга и гдѣ политическая система не даетъ массамъ народа даже юридической возможности проявлять свою мысль и волю: вотъ почему соціалисты, напримѣръ, въ Италіи, Австро-Венгріи, Бельгіи агитируютъ въ пользу поголовной подачи голосовъ, т. е. за учрежденіе, за которое въ другихъ странахъ стояли политическіе

дѣятели, и не думавшіе о соціализмѣ, а напримѣръ во Франціи заботятся объ автономіи коммунъ, которая по своему интересуетъ тоже не однихъ соціалистовъ. Подобныя струи въ общемъ теченіи западно-европейской политической жизни сближаютъ это теченіе и по существу, а не только по современности, съ тѣмъ политическимъ движеніемъ, которое происходитъ въ Россіи. Но затѣмъ и сама современность западноевропейскаго и россійскаго движенія, при возрастающей близости отношеній двухъ половинъ нашего континента, порождаетъ усложненія въ этихъ движеніяхъ вслѣдствіе вліянія одного на другое. Такъ новѣйшія западно-европейскія соціальныя теоріи прицѣпились къ возгорѣвшейся у насъ особенно съ 60-хъ годовъ борьбѣ либерально-демократическаго направленія съ дворцово-помѣстнымъ элементомъ, а съ другой стороны, какъ упорство этого послѣдняго, такъ и раздраженіе его противниковъ, дошедшее до недавнихъ проявленій такъ называемаго терроризма, въ сущности напоминающаго эпоху „тираноубійствъ“ въ предшествующій періодъ исторіи Западной Европы, отражается на соотвѣтственныхъ общественныхъ элементахъ и этой послѣдней.

Безпристрастно-научное наблюденіе какъ отличій, такъ и точекъ соприкосновенія и взаимодѣйствія явленій общественной жизни на обѣихъ половинахъ нашей части свѣта было бы въ высшей степени любопытно и даже поучительно въ практическомъ отношеніи. Но, къ сожалѣнію, такое отношеніе къ общественной жизни составляетъ большую рѣдкость даже въ нашъ „положительный“ вѣкъ, а въ публицистикѣ и въ парламентскомъ ораторствѣ, т. е. въ тѣхъ проявленіяхъ политическаго слова, которыя наиболѣе доступны массѣ общества, это отношеніе по большей части замѣняется самымъ поверхностнымъ скольженіемъ по предметамъ, а часто и умышленнымъ извращеніемъ ихъ значенія, котораго вредныя послѣдствія исправляются только при полной свободѣ слова, при которой возможно взаимное самоисправленіе всѣхъ односторонностей.

Было бы очень любопытно прослѣдить, какому из-

вращенію подвергаются какъ въ реакціонныхъ, такъ и въ революціонныхъ лагеряхъ западной Европы явленія теперешней политической борьбы въ Россіи. Но для россійской публики гораздо интереснѣе найти истину въ той путанницѣ, которую хотятъ посѣять въ ея понятіяхъ тенденціозные извратители западно-европейскихъ событій. Мы посвящаемъ настоящую статью разсмотрѣнію подобныхъ покушеній на затемненіе политическаго смысла публики въ Россіи, по поводу новѣйшихъ острыхъ проявленій соціальнаго раздраженія въ западной Европѣ, которыя выражаются, между прочимъ, и въ фактахъ, напоминающихъ явленія русскаго „терроризма“.

Аграрныя и политическія убійства въ Ирландіи, динамитные взрывы во Франціи, взрывъ въ Лондонѣ и т. п. подали поводъ россійскимъ политическимъ реакціонерамъ кричать о динамитно-анархической эпидеміи, которая-де обняла весь міръ и отъ которой-де не только не застрахованы страны съ самыми либеральными конституціями, но которой развитію эти конституціи собственно будто бы и способствуютъ. Затѣмъ репрессивныя мѣры, которыми власти разныхъ государствъ западной Европы отвѣтили или которыя извѣстныя партіи въ западной Европѣ даже только проектировали противъ явленій тамошняго терроризма (мѣры либеральнѣйшія, сравнительно съ россійскимъ даже обычнымъ положеніемъ), нашими реакціонерами выставляются, какъ намѣреніе благоразумныхъ людей въ западной Европѣ проститься съ „игрой въ либерализмъ“ и вернуться къ тѣмъ спасительнымъ учрежденіямъ, которыя, благодаря Провидѣнію, сохранились въ россійской монархіи. Время ли теперь говорить „о правовомъ порядкѣ“, восклицаютъ какія-нибудь „Моск. Вѣд.“, среди радостнаго танца всей россійской опричины.

Но на этомъ извращеніи не останавливаются, особенно благодаря цензурѣ, допускающей всякія фантастическія свѣдѣнія о западно-европейской крамолѣ, всяческое раздуваніе значенія репрессалій противъ нея, а не допускающей всесторонняго изображенія общественной жизни странъ, пользующихся большей противъ Россіи свободой, и передачи публикѣ въ

Россіи всѣхъ оттѣнковъ мнѣній дѣйствующихъ въ этихъ странахъ партій. Послѣ извращенія реакціоннаго является односторонность и тенденціозность прогрессивная, которая въ свою очередь приравниваетъ между собою явленія жизни западно-европейской и россійской до полнаго ихъ тождества, и въ свою очередь говоритъ: „стоитъ ли толковать о всякихъ буржуазныхъ выдумкахъ, вродѣ политическихъ свободъ и самоуправленій?! Всѣ эти выдумки не удовлетворили соціально-экономическихъ нуждъ западно-европейскихъ массъ — и мало того, какъ только эти массы зашевелились съ предъявленіемъ своихъ нуждъ, такъ либеральные правители отвѣчаютъ имъ орудіями изъ арсенала, ничѣмъ не уступающаго россійско-императорскимъ жандармеріямъ, крѣпостямъ и централкамъ. Такъ не лучше ли молъ намъ, чѣмъ забавляться всякими либеральными игрушками, прямо готовиться къ той соціальной революціи, къ которой идетъ весь цивилизованный міръ. Мы не останавливаемся еще на третьемъ родѣ отечественныхъ политическихъ философовъ, вполнѣ уже наивныхъ, на тѣхъ, которые, при видѣ западно-европейскихъ событій, образы которыхъ до нихъ доходятъ сквозь призму царской цензуры и оффиціальныхъ репортеровъ, тѣшутся надеждой, что царская-то опека именно разрѣшитъ намъ и всѣ соціальные вопросы.

Подобныя извращенія западно-европейской общественной борьбы, умышленныя или невольныя, — но всегда при пособіи царской цензуры, — уже дорого обошлись развитію политической мысли въ Россіи, особенно въ средѣ молодежи въ концѣ 60-хъ и въ началѣ 70-хъ годовъ (во время Интернаціонала и Парижской Коммуны); и теперь онѣ угрожаютъ принести новый вредъ, а потому требуютъ особеннаго противодѣйствія со стороны тѣхъ, кто поставилъ себѣ на настоящее время главной цѣлью агитацію въ пользу установленія въ Россіи политической свободы и самоуправленія.

Попробуемъ же прежде всего разобраться въ явленіяхъ, которыя называютъ динамитно-анархической эпидеміей въ разныхъ странахъ западной Европы.

Начнемъ съ Ирландіи и Англіи. Прежде всего мы увидимъ здѣсь, что собственно Англія тутъ не при чемъ, а вся бѣда сосредоточивается въ Ирландіи, т. е. именно въ той части Соединенныхъ Королевствъ, которая и не пользуется вполнѣ британскимъ „правовымъ порядкомъ“ и самоуправленіемъ. Ирландцы — завоеванный народъ, который до сихъ поръ находится въ войнѣ съ правительствомъ Англіи и со всѣмъ установленнымъ этимъ послѣднимъ политическимъ и общественнымъ порядкомъ, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, что этотъ народъ прибѣгаетъ ко всяческимъ способамъ борьбы. Если чему слѣдовало бы удивляться, такъ это тому, что „динамитная“ война занимаетъ у ирланцевъ еще сравнительно такъ мало рукъ, и это было бы удивительно, еслибъ ключъ разгадки этого явленія не находился именно въ англійскихъ свободныхъ учрежденіяхъ, которыя и въ своемъ несовершенномъ видѣ и въ неполномъ приложеніи къ Ирландіи все же даютъ возможность ирландцамъ проявить свой протестъ противъ несправедливаго порядка вещей на ихъ островѣ и иначе, чѣмъ аграрными политическими убійствами, и подаютъ надежду на постепенное измѣненіе этого порядка въ болѣе справедливый. Во всякомъ случаѣ, если бы и можно было доказать (въ чемъ мы сомнѣваемся), будто либеральная политика, вродѣ Гладстоновской, не принесла никакого успокоенія въ Ирландію, то у всѣхъ же на глазахъ и то, что 200 лѣтъ управленія въ этой странѣ „властной руки“, не разъ проявлявшей тамъ себя и въ XIX ст., не остановили въ ней даже дѣйствія тайныхъ „террористическихъ“ обществъ, а напротивъ именно вызвали ихъ къ жизни.

Такимъ образомъ сколько-нибудь спокойный анализъ англо-ирландской „анархіи“ приводитъ къ заключенію, не только не противному свободѣ и самоуправленію, но какъ разъ къ благопріятному имъ. Ирландія дѣйствительно является для Европы однимъ изъ очаговъ динамитной заразы, какъ и Россія, но санитарною мѣрой противъ этой заразы здѣсь, какъ и въ Россіи, должны быть не полицейскія репрессаліи, уже испытанныя и только усилившія за-

разу, а реформы, что отлично понимаетъ и англійское общественное мнѣніе.

Переходя теперь къ Франціи, мы должны прежде всего распутать ту путаницу и ложь, которую пустили объ этой странѣ реакціонные крикуны и сплетники. Такъ между прочимъ они подняли ужасный крикъ по поводу недавнихъ уличныхъ демонстрацій въ Парижѣ. Между тѣмъ эти демонстраціи, конечно, противозаконныя съ точки зрѣнія существующаго французскаго законодательства, въ сущности не представляютъ сами по себѣ ничего непормальнаго, а тѣмъ болѣе ужаснаго. Иниціаторы предположенныхъ въ Парижѣ процессій безработныхъ говорили прямо, что то, что „возможно въ монархической Англіи, не должно быть запрещаемо въ республиканской Франціи". Мы не станемъ оспаривать права и обязанности французской полиціи разсѣивать сборища и процессіи, недозволенныя закономъ, но трудно же отказать въ резонности и приведенному соображенію иниціаторовъ парижскихъ демонстрацій. Въ самомъ дѣлѣ, въ Англіи, гдѣ существуетъ свобода митинговъ не только въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, какъ во Франціи, но и на площадяхъ и паркахъ, — подъ условіемъ нестѣсненія движенія, — процессіи, въ родѣ задуманныхъ въ Парижѣ, происходятъ часто и въ размѣрахъ безмѣрно большихъ, и никто отъ этого въ ужасъ не приходитъ. Англійскіе митинги и процессіи не обходятся иногда безъ небольшихъ безпорядковъ, вродѣ выбитія оконъ, но и отъ этого тоже никто не ужасается за существованіе общества. Несомнѣнно, что если бы во Франціи существовала полная, англійская и швейцарская свобода митинговъ, то тамъ и намѣреніе собрать на площади безработныхъ людей не было бы преступнымъ, а потому и не произвело бы и тѣхъ безпорядковъ въ булочныхъ, какіе случились въ Парижѣ. Прежде всего тогда ни революціонные кружки, ни провокаторы разныхъ партій не имѣли бы повода раздувать подобное совершенно законное и мирное дѣло. (А что провокаторовъ со стороны тамошнихъ „катковцевъ" было не мало и въ послѣднихъ демонстраціяхъ въ Парижѣ, это, кажется, ясно.)

Что мы не фантазируемъ, дѣлая наши предположенія, что не свобода, а ея ограниченія были поводомъ къ недавнимъ уличнымъ безпорядкамъ въ Парижѣ, на это мы имѣемъ доказательства въ исторіи подобной процессіи безработныхъ, происходившей года два назадъ въ Женевѣ.

Въ то время и здѣсь, какъ теперь въ Парижѣ, былъ застой въ работахъ. Женева, хоть и вовсе не такой центръ всемірнаго союза динамитщиковъ-анархистовъ, какъ она рисуется въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ разныхъ странъ, а все-таки заключаетъ въ себѣ нѣсколько человѣкъ теоретиковъ бунтарства, пропорціонально, навѣрное, больше, чѣмъ Парижъ. Когда въ Женевѣ среди безработныхъ явилась мысль о процессіи къ Hôtel de Ville съ цѣлью заявить кантональнымъ властямъ и всему городу о своемъ положеніи, то были сдѣланы и предположенія устроить демонстрацію пошумнѣе; говорили, между прочимъ, что отъ Hôtel de Ville процессія спустится на Place de Mollard, женевскій forum, и тамъ при красномъ знамени будетъ воскликнуто: да здравствуетъ соціальная революція! Но процессія, никѣмъ не безпокоимая, окончилась совершенно мирно: делегаты рабочихъ сказали, что хотѣли, представителю правительства, тотъ отвѣтилъ имъ, что могъ, и всѣ пошли по домамъ. Такъ было бы и въ Парижѣ, если бы тамъ существовала женевская свобода и самоуправленіе! Въ Женевѣ самый немудрый консерваторъ загораждаетъ уста революціонеру замѣчаніемъ: „съ кѣмъ и противъ кого вы будете дѣлать революцію? Съ вашими согражданами и противъ согражданъ же?! Такъ если вы убѣдите большинство согражданъ вашихъ итти за вами, тогда вамъ не за чѣмъ будетъ и революцію дѣлать, тогда вы просто станете правительственною партіей и сдѣлаете, что только вамъ заблагоразсудится. Убѣждайте же вашихъ согражданъ въ резонности и спасительности вашихъ идей: вы для этого имѣете полную возможность въ свободѣ печати, сходокъ и слова“. И женевскіе соціальные революціонеры бунтарскаго направленія, при всемъ желаніи, ничего не могутъ противопоставить этой аргументаціи

и держатъ свои революціонные порывы на чисто платоническомъ положеніи — и если чему вредятъ своимъ революціонизмомъ, такъ именно дѣлу соціализма въ Женевѣ.

Мы десятки разъ присутствовали на частныхъ и публичныхъ собраніяхъ, созванныхъ бунтарями разныхъ національностей въ Женевѣ, между прочимъ, и тѣми, которыхъ французскіе журналы выдаютъ за страшныхъ шефовъ международныхъ революціонныхъ комитетовъ, и убѣждались только въ полной безвредности съ консервативной точки зрѣнія, какъ и въ безполезности съ точки зрѣнія соціалистической этихъ страшныхъ людей: абстрактныя интернаціально-бунтарскія фразы только помѣшали этимъ, въ сущности добрѣйшимъ людямъ изучить мѣстныя женевскія и вообще швейцарскія условія для пропаганды соціалистическихъ теорій, сдѣлать эту пропаганду сколько-нибудь интересною для мѣстныхъ людей и тѣмъ привлечь къ себѣ сколько-нибудь многочисленную часть этихъ людей а въ то же время малочисленность послѣдователей, при полной свободѣ слова въ Женевѣ, отнимала у самыхъ горячихъ теоретиковъ бунтарства охоту къ призывамъ къ бунту (смѣшнымъ ведь никому не хочется быть!), и все ихъ бунтарство сводилось къ восклицаніямъ: рабочіе, поймите, наконецъ, что васъ эксплуатируютъ, организуйтесь! будемъ организоваться! — organisez vous! organisons nous! — т. е. къ вещамъ, которыя могутъ считаться бунтомъ только въ такихъ странахъ, какъ Россія.

Гораздо болѣе основанія имѣли консерваторы и реакціонеры поднимать шумъ по поводу прошлогднихъ динамитныхъ взрывовъ на югѣ Франціи: въ Монсо-ле Минъ и Ліонѣ и по поводу теорій, какія высказывались около того времени въ разныхъ кружкахъ и листкахъ, называвшихся анархическими, нѣкоторые представители которыхъ привлечены были къ недавнему процессу въ Ліонѣ. Но и здѣсь безпристрастный анализъ долженъ привести къ заключеніямъ тождественнымъ съ вышеизложенными. Это мы постараемся показать въ слѣдующій разъ.

II.

Обращаясь къ разсмотрѣнію явленій такъ называемой динамитно-анархической эпидеміи въ южной Франціи, мы должны прежде всего постараться разсѣять хоть нѣсколько туманъ относительно слова — анархія, существующій въ массѣ публики, столько же благодаря реакціоннымъ истолкователямъ новѣйшаго соціалистическаго движенія, сколько и нѣкоторымъ изъ теперешнихъ соціальныхъ революціонеровъ, присваивающимъ себѣ имя анархистовъ. Реакціонеры, напр., называютъ безразлично всѣхъ соціалистовъ анархистами, въ томъ числѣ, напр., и государственнаго коммуниста Гэда, журналъ котораго, Egalité, какъ напоминали мы въ 54 №, самъ приравнивалъ анархистовъ къ буржуазіи, обѣщая, въ моментъ революціи, принудить ихъ къ молчанію, такъ же, какъ и буржуазію. По словамъ реакціонныхъ журналовъ, какъ русскихъ такъ и заграничныхъ, выходитъ, что и русскіе „террористы-народовольцы“, — сторонники политической централизаціи, — тоже анархисты. Съ другой стороны, нѣкоторые сторонники приложенія динамитнаго террора въ соціальной борьбѣ въ западной Европѣ, видя, что эти русскіе народовольцы употребляютъ динамитъ и политическія убійства для своихъ цѣлей, тоже провозглашаютъ ихъ своими единомышленниками, анархистами. Вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторые западные анархисты-динамитчики выводятъ свою родословную отъ Прудона. Между тѣмъ Прудоново ученіе объ анархіи не имѣетъ ничего общаго ни съ русскимъ народовольствомъ, ни съ тѣмъ ученіемъ соціалистическаго терроризма, которое нѣкоторые публицисты и ораторы пробовали излагать и на французскомъ языкѣ. Со старымъ французскимъ политическимъ „народовольствомъ“, или якобинствомъ, Прудонъ боролся изо всѣхъ силъ всю свою жизнь, да и новѣйшій соціалистическій терроризмъ, принимаемый многими за анархизмъ, опять-таки гораздо ближе не къ Прудону, а къ той помѣси якобинства съ соціализмомъ, которая представлялась въ свое время Бланки и которая, далекая отъ ученія

объ ан-архіи или без-властіи, потому только постоянно проповѣдывала нападенія на существующія власти, что сама желала захватить власть въ свои руки.

Прудоново ученіе объ ан-архіи, въ отличіе отъ монархіи, пан-архіи, или коммунизма, и демократіи (унитарной), высказанное бѣгло еще въ 1840 г. въ мемуарѣ „Qu'est-ce que la propriété?“, обстоятельно изложено имъ въ книгѣ „Du principe fédératif“. Здѣсь Прудонъ переводилъ слово ан-архія словомъ self-government, самоуправленіе. Практическое осуществленіе этого самоуправленія, примиреніе началъ авторитета и свободы, Прудонъ видѣлъ (при личной свободѣ) въ федераціи коммунъ, кантоновъ и провинцій, весьма подходящей къ швейцарскому политическому строю, основы котораго, федеральный договоръ 1848 г., Прудонъ часто цитируетъ для поясненія своихъ идей. Какъ соціалистъ, Прудонъ только дополняетъ чисто-политическое швейцарское самоуправленіе планами федераціи экономической, землевладѣльческо-промышленной. Какъ теоретическій противникъ коммунизма съ его „нераздѣльностью власти, какъ и въ монархіи“, и какъ практическій человѣкъ и французъ, т. е. сынъ страны, въ которой большинство рабочаго населенія — крестьяне-собственники, Прудонъ представлялъ себѣ экономическія федераціи въ видѣ организаціи взаимнаго обезпеченія, кредита, страхованія, исполненія подрядовъ на общественныя нужды союзами рабочихъ и т. д. Этотъ mutualisme и garantisme politico-économique Прудонъ считалъ осуществимымъ только въ политической федераціи и высшимъ выраженіемъ федерализма. Понимая слово революція въ широкомъ смыслѣ прогрессивнаго движенія (собственно эволюція), Прудонъ вовсе не настаивалъ непремѣнно на насильственномъ разрушеніи теперешнихъ государствъ и теперешняго экономическаго порядка и говорилъ, въ концѣ первой части названной книги, слѣдующее: „всѣ мои экономическія идеи могутъ резюмироваться въ трехъ словахъ: федерація земледѣльческо-промышленная. Всѣ мои идеи политическія сводятся къ подобной же формулѣ: федерація политическая

или децентрализація. И такъ какъ я не дѣлаю изъ моихъ идей орудія партіи, ни средства для удовлетворенія личнаго самолюбія, то всѣ мои надежды отъ настоящаго и будущаго выражаются въ третьемъ терминѣ, соотвѣтственномъ первымъ двумъ: федерація прогрессивная".[1]

Идеи Прудона подхвачены были между прочимъ и Бакунинымъ, который съ большимъ талантомъ развивалъ ихъ, особенно отрицательную ихъ часть (критику большихъ централизованныхъ государствъ) и прикладывалъ ихъ къ дѣламъ странъ, которыхъ мало касался Прудонъ, германскихъ и славянскихъ (смотри между прочимъ многія мѣста въ книгѣ на русскомъ языкѣ „Государственность и Анархія"). Но Бакунинъ присоединилъ къ ученію Прудона множество такихъ вещей, которыя самому Прудону показались бы дикими и которыя таки и были дикими, въ прямомъ смыслѣ слова, т. е. варварскими. На бѣду, съ Бакунинымъ судьба сыграла странную игру: потому ли, что онъ былъ болѣе ораторъ, чѣмъ писатель, или по чему другому, но къ его послѣдователямъ прививались не столько его основы, сколько ихъ гарнитура, не столько идеи сколько восклицанія, а потому больше слабости, чѣмъ здоровыя стороны его проповѣди.[2]

[1] Да собственно понятіе объ ан-архіи, какъ о без-властіи, и исключаетъ принципіальный культъ революціи, какъ насильственнаго переворота, такъ какъ послѣдній неизбѣжно предполагаетъ захватъ и сохраненіе власти извѣстнымъ меньшинствомъ (пускай и передовымъ); большинство же въ насиліи не нуждается, а просто устраивается, какъ хочетъ; осуществленіе же и сохраненіе соціалистическаго идеала не мыслимы безъ проникновенія имъ большинства, почему собственно соціалистъ и не можетъ имѣть культа революціи, который имѣли старые государственные дѣятели, и въ этомъ отношеніи онъ неизбѣжно является ан-архистомъ. Такимъ образомъ ученіе объ анархіи въ политикѣ отвѣчаетъ ученію объ эволюціи въ естествознаніи и соціологіи, какъ ученіе о монархіи отвѣчало религіозному единобожію (съ чудесами въ природѣ), а ученіе о революціи — философскому деизму (съ катаклизмами въ природѣ). Само собою, что теорія эволюціонная не исключаетъ въ крайнихъ случаяхъ возстанія противъ прямого насилія, которое проявляется преимущественно въ области политики со стороны государственной власти.

[2] Пишущій это имѣлъ уже случай замѣтить, какъ мало оставили по себѣ слѣдовъ въ русскихъ рѣволюціонныхъ кружкахъ федеративныя и антиброусительныя идеи Бакунина („Историческая Польша и Великорусская демократія"). А между тѣмъ руссефильское народничество Бакунина, въ родѣ возведенія Стеньки Разина, Пугачева и даже современныхъ русскихъ разбойниковъ въ соціальные революціонеры, которые даже будто бы получше понимали дѣло, чѣмъ С. Симоны и Луи Блапы, и анти-культурныя выходки его противъ „буржуазно-казенныхъ" наукъ и школъ пустили по себѣ глубокіе и гибельные корни въ Россіи и высказывались даже его соперниками (см. „Впередъ", т. I, о Пугачевѣ, или финалъ „Хитрой Механики" о школахъ). О послѣднемъ мы говорили между прочимъ въ „Громадѣ", т. IV, 203—212. Указаніе это мы считаемъ нужнымъ сдѣлать въ виду тѣхъ рецензентовъ исказителей нашихъ статей „Историческая Польша" и пр., которые приписываютъ намъ „поклоненіе Бакунину", тогда какъ мы только отдаемъ ему должное.

Большую же часть слабостей и дикостей, привнесенных Бакунинымъ въ Прудоново ученіе и привитыхъ имъ, какъ зараза, даже къ нѣкоторымъ соціально-политическимъ кружкамъ Западной Европы, талантливый агитаторъ вынесъ именно изъ Россіи, какъ изъ страны, политическій строй которой всего болѣе далекъ отъ Прудонова идеала самоуправленія.

Деспотизмъ и централизація въ Россіи не даютъ мѣстнымъ людямъ съ политическими наклонностями никакой школы, которая бы пріучала ихъ подчинять инстинкты, порывы и страсти разсужденію и системѣ. Отсюда прежде всего происходитъ у активныхъ русскихъ натуръ наклонность къ крайностямъ и затѣмъ противорѣчивость самимъ себѣ часто почти въ одно и то же время. Обращаясь къ политическимъ теоріямъ Бакунина, мы видимъ, что онъ въ сибирскій свой періодъ (см. письмо его, напечатанное въ 54 и 55 №№ „Вольн. Слова“ [1]) симпатизируетъ „желѣзной диктатурѣ“ въ интересахъ крестьянъ и славянства, и даже недалеко отходитъ отъ этой теоріи въ брошюрѣ „Народное Дѣло. Романовъ, Пугачевъ, или Пестель?“ (Лондонъ, 1862 г.). Немного спустя, Бакунинъ кидается въ полное отрицаніе всякой политической организаціи, называемой имъ государственностью, сохраняя впрочемъ прежнее преклоненіе передъ желѣзной диктатурой въ проведеніи въ устраиваемыя имъ анархическія тайныя общества всемірной соціальной революціи принципа тайной диктатуры, какъ это доказано въ изданной противъ него партіей К. Маркса въ Интернаціоналѣ, впрочемъ, мѣстами пристрастной, брошюрѣ, L'Alliance de la démocratie socialiste etc. (Londres 1873).[2] Бакунинъ превратилъ Прудонову анархически-федеративную теорію въ какой то соціально-революціонный буддизмъ и, пуская въ ходъ

[1] Иркутское письмо Бакунина къ Герцену отъ 8 декабря 1860 г., перепечатанное также и въ сборникѣ „Письма М. А. Бакунина къ А. И. Герцену и Н. П. Огареву“, изданномъ Драгомановымъ, Женева 1896. Прим. ред.

[2] Оригинальный отголосокъ прежняго предпочтенія самодержавія парламентаризму сохранился у Бакунина въ его анархическій періодъ въ заявленіяхъ, которыя были очень въ ходу у русскихъ революціонеровъ до недавняго времени, напр., что „конституціонный или даже республиканскій либерализмъ, пожалуй, еще болѣе пагубенъ для народа, чѣмъ даже настоящее чиновничье управленіе“ („Постановка революціоннаго вопроса“). Кстати будетъ напомнить, что одинъ изъ ближнихъ къ Бакунину людей любилъ повторять фразу, по всей вѣроятности принадлежащую учителю: „демократія — худшая изъ всѣхъ партій“.

пріемы своей старинной гегеліанской аргументаціи, придавалъ ей какой то миѳологическій характеръ въ русско-раскольническомъ духѣ.

У него три гегеліянскія категоріи: тезисъ, антитезисъ и синтезисъ, представлялись въ видѣ трехъ совершенно отдѣльныхъ реальныхъ явленій, олицетвореніе которыхъ, право, напоминаетъ раскольническое превращеніе идеи объ „аллилуя“ въ „Аллилуеву жену милосердную“. По Бакунину, существующій положительный порядокъ сначала долженъ быть отвергнутъ и весь разрушенъ, а какъ „полное разрушеніе не совмѣстимо съ созиданіемъ и потому должно быть исключительно, абсолютно, едино“, то „данное поколѣніе должно разрушать все существующее сплеча, безъ разбора, съ единымъ соображеніемъ — „скорѣе и больше“! Для разрушенія всего болѣе пригодна „революціонная страсть и даже всѣ такъ называемыя теперь дурныя страсти“. Иногда Бакунинъ, впрочемъ, пускался въ изложеніе положительныхъ плановъ организаціи революціонной и послѣреволюціонной, но эти планы рисовались ему такъ сбивчиво, что его противники замѣчали ему, что онъ въ сущности возстановляетъ разрушенное же, или же ничего не возстановляетъ, или доходитъ до абсурдовъ въ родѣ les barricades en permanence! Во всякомъ случаѣ надежды, которыя подавалъ Бакунинъ на то, какъ выростетъ новый порядокъ послѣ всеобщаго разрушенія изъ „аморфизма“, отличаются крайне мистической, истинно буддійскою неясностію, превосходящей даже фразеологію московскихъ славянофиловъ, которыхъ вообще Бакунинъ и русскіе революціонеры очень часто напоминаютъ. Проповѣдникъ ан-архіи, т. е. прежде всего, казалось бы, личной свободы, повелѣвалъ своимъ ученикамъ отказаться „отъ личной иниціативы и подчиниться коллективной мысли народа и его непосредственному вдохновенію, принять душу народную, утопиться въ народѣ, не хлопоча о наукѣ, которой ихъ“ будто-бы „хотятъ связать и обезсилить, и которая должна погибнуть вмѣстѣ съ старымъ міромъ. Наука же новая (т. е., значитъ, и мысль о новой общественной

организаціи) народится (какъ-то потомъ послѣ побѣды народа, изъ освобожденной жизни народа". (См., кромѣ назв. „Начала революціи", „Нѣсколько словъ къ молодымъ братьямъ въ Россіи", „Наука и насущное революціонное дѣло", „Всесвѣтный революціонный союзъ соціалдемократіи", а равно выдержки изъ рѣчей и писемъ въ брошюрѣ „L'Alliance de la démocratie socialiste" и проч.; см. также „Къ русскимъ революціонерамъ, № 1, изданіе Революціонной общины русскихъ анархистовъ", компиляцію прокламацій Бакунина и тайной программы Алльянса).

Если своею энергіей и ораторскимъ талантомъ Бакунинъ много способствовалъ распространенію въ разныхъ странахъ Европы общихъ формулъ соціализма, то несомѣнно, что вышеочерченной формулировкой анархизма, а также русскими антикультурными къ ней примѣсями, въ родѣ осужденія науки и идеализаціи разбойниковъ, онъ внесъ большую смуту въ умы европейскихъ соціалистовъ и сильно помѣшалъ организаціи рабочаго движенія въ тѣхъ странахъ, на которыя онъ имѣлъ особенное вліяніе, а именно въ странахъ романскихъ.[1] Всѣ же разрушительные планы Бакунина разбились здѣсь именно о самоуправленіе, какъ бы оно ни было несовершенно въ нѣкоторыхъ изъ этихъ странъ. Для доказательства сказаннаго пришлось бы писать особую статью, да и не одну, но мы ограничимся только самымъ бѣглымъ обзоромъ вліянія идей Бакунина и его русскихъ послѣдователей на соціальное движеніе въ Швейцаріи, гдѣ они нашли себѣ поле сѣянія преимущественно въ такъ называемой Юрской федераціи, т. е. союзѣ соціалистическихъ кружковъ въ населеніи городковъ по Юрѣ.

Въ Швейцаріи пропаганда соціализма началась

[1] Едва ли тоже не за русскія національныя черты слѣдуетъ счесть и тотъ безмѣрный духъ личнаго самолюбія, поклоненія авторитетамъ и потомъ ниспроверженія ихъ, личной и кружковой мелочности и интригантства, наконецъ, драчливость, чѣмъ всѣмъ отличалась русская эмиграція въ Швейцаріи, какъ сторонники, такъ и противники анархизма, и что все вносило большую смуту въ ряды интернаціоналистовъ въ Швейцаріи, среди которыхъ русскіе, благодаря ихъ горячности, извѣстному образованію и литературности, заняли видное мѣсто, и что все, наконецъ, сильно опротивѣло работникамъ-швейцарцамъ и оттолкнуло ихъ отъ Интернаціонала. Замѣтимъ, что даже всѣ эти клички: „бакунисты", „утинцы", „лавристы" и т. п. ужасно напоминаютъ: „филипповъ", „ѣдосѣевцевъ", „акулиновцевъ" и т. д.

еще съ 1848 г. Полная свобода сходокъ и обществъ давала для этой пропаганды большой просторъ, а значительное количество рабочихъ товариществъ всякаго рода представляло для нея естественную почву. Существованіе во многихъ мѣстахъ общиннаго и кантональнаго землевладѣнія и развитіе мелкой собственности, при самоуправленіи общинъ и кантоновъ, указывало на необходимость и возможность практическихъ опытовъ соціализма въ формѣ мютюэлизма. Уже передъ появленіемъ Интернаціонала въ Швейцаріи насчитывалось не мало соціалистическихъ обществъ, а еще болѣе многочисленны были здѣсь кадры для образованія большой рабочей партіи. При вѣсти объ Интернаціоналѣ, котораго первые конгрессы (1866 до 1867) собирались въ Женевѣ и Лозаннѣ, многія швейцарскія общества рабочихъ заявили желаніе присоединиться къ нему. Но вотъ въ 1868 г. появляется въ Швейцаріи Интернаціоналъ въ Интернаціоналѣ, Alliance de la démocratie socialiste, основанная Бакунинымъ и меньшинствомъ, вышедшимъ вмѣстѣ съ нимъ изъ Лиги Мира и Свободы (замѣтимъ, все люди свободныхъ профессій), въ двухъ видахъ: явномъ, федеральномъ, и тайномъ, диктаторіальномъ, и начинаетъ подчинять своему вліянію швейцарскія рабочія общества, почти исключительно, впрочемъ, въ романской Швейцаріи. Альянсъ начинаетъ проводить среди рабочихъ свою теорію соціальной революціи, начинаемой съ уничтоженія государствъ,[1] выставляя, впрочемъ, изложенную выше теорію аморфизма не сразу, а въ извѣстной постепенности. Такъ какъ въ Швейцаріи, по многимъ причинамъ, между прочимъ и вслѣдствіе тамошней широкой свободы и самоуправленія, бакунистамъ трудновато было пустить въ практику попытки разрушенія государства посредствомъ возстанія (интересно, что женевскій комитетъ отправилъ въ 1868 г. составленную Бакунинымъ прокламацію къ рабочимъ въ Испаніи, въ которой говорилъ: „Испанскіе братья, сдѣлайте соціальную революцію; начните сегодня, а мы сдѣлаемъ ее завтра"), то здѣсь налегли на другой способъ уничтоженія

[1] Т. е., въ крайнемъ случаѣ, съ конца!

государства, вполнѣ отвѣчающій русскому раскольническому „бѣгунству отъ Антихристова царства“: „на воздержаніе отъ всякаго участія въ политической жизни своей страны и ея представительныхъ собраній, кантональныхъ и даже коммунальныхъ.[1]

Это воздержаніе тоже возводятъ къ Прудону, который дѣйствительно посовѣтовалъ французской демократіи во время выборовъ 1863 г. воздержаніе въ видѣ подачи бѣлыхъ бюллетеней, потому что находилъ условія выборовъ, установленныя бонапартовскимъ правительствомъ, невозможными для демократіи, между прочимъ, по отсутствію свободы печати, естественныхъ округовъ, свободныхъ коммунъ, провинцій и т. п. (см. Oeuvres complètes, XVI „Les démocrates assermentés et les réfractaires“), но никогда не думалъ проповѣдывать воздержаніе отъ политики, какъ общій принципъ. Бакунинъ еще въ 1868 году писалъ въ парижскомъ журналѣ „La Démocratie“, что „политическое воздержаніе есть глупость, выдуманная плутами для обмана идіотовъ“, но скоро потомъ сдѣлался горячимъ проповѣдникомъ этого воздержанія. Неудачи въ избирательной кампаніи, какія потерпѣли малоопытные еще интернаціоналисты въ Юрѣ и въ Женевѣ въ 1868—69 гг. и которыхъ причины длинно было бы разбирать здѣсь, приготовили поле для этой проповѣди, которая окончательно довела швейцарскихъ соціалистовъ до раздѣленія и ссоръ и сильно способствовала распаденію швейцарскихъ секцій Интернаціонала.[2] Правда, на первыхъ порахъ бакунисты (на конгрессѣ Романскомъ 1870 г., на которомъ совершилось окончательное распаденіе швейцарскаго Интернаціонала) порѣшили, вмѣсто участія въ политикѣ кантоновъ и коммунъ, заняться организаціей федераціи союзовъ ремесленныхъ (corps de métiers), но такъ какъ съ ихъ радикальнѣйшей точки зрѣнія всѣ мелкія, будничныя дѣла, которыми обыкновенно занимаются эти союзы (кооперація, кассы

[1] За подробностями отсылаемъ любопытныхъ къ книгѣ „Testus — Livre bleu de l'Internationale“, къ упомянутой уже брошюрѣ „L'Alliance de la démocratie socialiste“ и къ „Memoire présenté par la fédération jurassienne“ etc. 1873.

[2] Замѣтимъ, что особымъ усердіемъ въ пользу „воздержанія“ отличались ораторы и публицисты русскіе и французскіе, которые, какъ эмигранты въ Швейцаріи, были уже абстенціонисты по-неволѣ.

сопротивленія, профессіональное образованіе и проч.), — вздоръ при ожиданіи всеобщаго разрушенія существующаго строя, то понятно, что и это намѣреніе осталось на бумагѣ. Въ странѣ самоуправленія и почти ежегоднаго дѣйствія поголовной подачи голосовъ, анархисты-абстенціонисты скоро обратились въ маленькую секту своего рода столпниковъ, которыхъ даже существованіе масса рабочихъ постепенно стала забывать.

Между тѣмъ генеральный штабъ секты долженъ же былъ чѣмъ-нибудь себя проявлять, особенно самъ неусыпный его вдохновитель. Рядомъ съ теоріей невмѣшательства въ политику создалась теорія „пропаганды дѣйствіемъ“, конечно, въ духѣ разрушенія. Особенно ярко эта теорія излагалась на русскомъ языкѣ. Въ листкахъ „Народной Расправы“, изданныхъ Бакунинымъ и Нечаевымъ, высказывались такія положенія: „мы не вѣримъ болѣе въ слова. Слово имѣетъ для насъ вѣсъ только, когда за нимъ слѣдуетъ дѣло; но не все то дѣло, что носитъ это имя. Напримѣръ, организація... безъ внѣшнихъ проявленій есть ничто иное, какъ смѣшная и невыносимая дѣтская игра. Мы называемъ внѣшнимъ проявленіемъ только рядъ актовъ, разрушающихъ положительно что-нибудь, личность или вещь, преграду, мѣшающую освобожденію народа....“[1] Въ Швейцаріи не находили мѣста для такихъ „внѣшнихъ проявленій дѣла“, а потому тамошніе анархисты обратили свои взоры за границу, гдѣ кстати вспыхнула франко-прусская война. Послѣ 4 сентября юрцы попробовали вербовать фран-тиреровъ для Франціи (вещь въ сущности совершенно политическая!), но когда федеральное правительство запретило исполненіе этого плана по законамъ нейтралитета, то, конечно, юрцы и остались при намѣреніи. Вскорѣ затѣмъ самъ Бакунинъ съ нѣкоторыми французскими друзьями явился въ Ліонѣ и издалъ декретъ, помѣченный Republique française. Fédération révolutionaire des communes, котораго первый параграфъ гласитъ: „административная и правительственная машина государства, сдѣ-

[1] Не имѣя русскаго оригинала, переводимъ съ французскаго перевода въ брошюрѣ L'Alliance и проч.

лавшаяся безсильною, упраздняется", но горсть солдатъ, слугъ этой машины, явившаяся въ Hôtel de Ville Ліона, заставила авторовъ декрета бѣжать изъ города. Также кончились и двѣ послѣдующія (1874 и 1877 гг.) попытки „дѣла" въ Италіи, гдѣ соціалистическая пропаганда тогда почти совсѣмъ не коснулась рабочихъ и держалась преимущественно среди людей, которыхъ самъ Бакунинъ называлъ „молодежь буржуазная, но горячая, tout-à-fait déplacée, sans carrière, sans issue".[1] Въ Швейцаріи принялись за „дѣло" только въ 1877 г., но здѣсь „дѣло" ограничилось попыткой пройтись на зло бернцамъ по ихъ городу съ краснымъ знаменемъ 18 марта, въ годовщину Парижской Коммуны. Это дѣло, въ которомъ не только абстрактное право, но и теоретическая легальность были, конечно, на сторонѣ манифестантовъ, но въ которомъ они оказались въ противорѣчіи съ вкусами жителей автономной куммуны Берна и съ распоряженіями кантональныхъ властей, думавшихъ предупредить повтореніе случившейся въ предъидущемъ году по подобному же поводу уличной драки между бернцами и пріѣзжими интернаціоналистами, — кончилось дракой между носителями непріятнаго „бернскимъ медвѣдямъ" знамени и полиціей.[2] За дракой послѣдовали судебные приговоры, между прочимъ, разорившіе наиболѣе усерднаго послѣдователя Бакунина, Дж. Гильома, редактора Bulletin de la Fédération Jurassienne. Бюллетень прекратился, а Гильомъ уѣхалъ изъ отечества и совершенно удалился отъ публичныхъ дѣлъ.

[1] Первая попытка, въ которой участвовалъ и Бакунинъ, рѣшительно разочаровала его насчетъ экспериментовъ такого рода и повела за собою „полный разрывъ" съ его единомышленниками, „rupture complète", какъ отмѣтилъ Б—нъ въ своемъ дневникѣ. Одному изъ главныхъ организаторовъ попытки вскорѣ затѣмъ Б—нъ писалъ: „Ты сдѣлалъ все, что только могъ, чтобы убить меня физически, нравственно и общественно, притворяясь до конца моимъ другомъ... хочу вѣрить, что ты обманывалъ себя самого, принимая внушенія нетерпѣливаго и, право, сильнаго честолюбія за ревность къ дѣлу" и дальше говорилъ знаменательныя слова, которыя частью уже были приведены въ „Вольномъ Словѣ" № 26: „Пойми же, наконецъ, что на іезуитскомъ мошенничествѣ ничего живаго, крѣпкаго не построишь, что революціонная дѣятельность, ради самаго успѣха своего дѣла, должна искать опоры не въ подлыхъ и въ низкихъ страстяхъ, и что безъ высшаго, разумѣется, человѣческаго идеала никакая революція не восторжествуетъ". Эти слова знаменуютъ полное отреченіе Б—на отъ „разрушительныхъ" прокламацій 1869—1870 гг. Недолго спустя Б—нъ умеръ въ 1876 г. (Ср. выше статью „М. А. Бакунинъ о правдѣ и нравственности въ революціи", стр. 378—379. Прим. ред.)

[2] Замѣтимъ, что годъ передъ тѣмъ судъ обвинилъ бернскихъ драчуновъ, кинувшихся на красное знамя.

Гильомъ началъ рядъ бѣгствъ изъ бакунинско-юрскаго анархизма; спустя извѣстное время за нимъ послѣдовали французы: Гэдъ, перешедшій въ марксизмъ и недавно ставившій свою кандидатуру въ палату, Б. Малонъ, и Бруссъ, приставшіе къ болѣе федеральной, но все же политически-активной „рабочей партіи“, которая приняла въ себя многихъ анархистовъ по Прудону; итальянцы: Коста, теперь депутатъ, выбранный коалиціей соціалистовъ и радикаловъ, а, наконецъ, и Кафьеро, дольше всѣхъ оставшійся вѣрнымъ юрскому бѣгунству и бунтарству.

Между тѣмъ, отечество Бакунина повліяло на европейскій западъ новыми порожденіями своей жизни. Политическій деспотизмъ русскаго правительства, въ своемъ родѣ столь же невыносимый, какъ и ирландская аграрная система, породилъ въ Россіи цѣлый рядъ убійствъ, которыя нѣкоторые русскіе стали было возводить въ теорію новаго способа соціально-политической борьбы.[1] И факты, и теорія этого русскаго терроризма нашли себѣ отголосокъ въ другихъ странахъ материка Европы, въ покушеніяхъ Геделя и Нобилинга, Пассананте. Первыя два покушенія дали поводъ Бисмарку навязать германскому парламенту законъ противъ соціалистовъ. Этотъ законъ оказался особенно на руку тѣмъ соціалистамъ, которые относились отрицательно къ участію рабочихъ въ политической жизни, между прочимъ, и сторонникамъ „пропаганды дѣйствіемъ“ (par les faits) или „парлефетизма“, и привлекъ на ихъ сторону часть изъ германскихъ соціалистовъ, вынужденныхъ эмигрировать, — Моста и др. Въ Швейцаріи журналъ „l'Avant-garde“, замѣнившій „Bulletin de la Fédération Jurassienne“, написалъ нѣсколько замѣтокъ въ пользу цареубійствъ, хотя здѣсь еще меньше, чѣмъ въ Германіи или Италіи, можно было понять значеніе цареубійствъ для рабочаго вопроса. Впрочемъ, авторомъ

[1] Отъ этой теоріи, высказанной, между прочимъ, въ брошюрахъ гг. Тарновскаго и Морозова, а раньше въ письмахъ, читанныхъ въ процессѣ нѣсколькихъ русскихъ эмигрантовъ въ Берлинѣ и оказавшихъ очень большую услугу Бисмарку, — русскіе террористы „народовольцы“ отреклись потомъ въ рѣчахъ Желябова и Сухакова и въ заявленіи по поводу смерти Гарфильда, но, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно.

статей „Avant-garde“, вызвавшихъ судебное преслѣдованіе, оказался не швейцарецъ и не рабочій, а французъ, медикъ Бруссъ, который затѣмъ, по отбытіи судебнаго процесса и ареста, возвратился во Францію, гдѣ, какъ сказано выше, и отдѣлился отъ новой анархической партіи.

Мѣсто „l'Avant-garde“ въ Швейцаріи занялъ „Le Révolté“, который сталъ вести пропаганду въ пользу новаго анархизма съ большей ловкостью, чѣмъ „l'Avant-garde“, и даже съ достаточной хитростью: излагая по своему антигосударственныя доктрины, онъ избѣгалъ высказывать общія положенія террористическаго ученія; называлъ русскихъ террористовъ своими друзьями, но скрывалъ отъ своей публики, что они вовсе не анархисты и не абстенціонисты, а „государственники“ и „политики“.[1] Во всякомъ случаѣ, если эта ловкость помогала „Révolté“ избѣгать судебныхъ преслѣдованій, то вся совокупность его содержанія вовсе не пріобрѣла ему сторонниковъ въ Швейцаріи. Съ тѣхъ поръ, какъ руководительство соціалистическимъ движеніемъ въ романской Швейцаріи перешло къ „Révolté“, не только новая анархія, но даже всякое соціалистическое движеніе не только въ Женевѣ, но и въ Юрѣ совсѣмъ замерло, и послѣдніе конгрессы юрской федераціи можно считать собраніями нѣсколькихъ пріятелей-отшельниковъ, отправляющихъ обязательный обрядъ, неинтересный даже и самимъ отшельникамъ (см. отчетъ въ „Вольномъ Словѣ“ № 42 „Два конгресса“). Теперь въ Швейцаріи соціализмъ, несомнѣнно зарѣзанный здѣсь иностранцами — русскими и французами, воспитывавшимися при порядкахъ, столь несходныхъ съ швейцарскимъ самоуправленіемъ, ждетъ себѣ болѣе подходящихъ къ мѣстной жизни организаторовъ! Парлефетизма же, а особенно терроризма на дѣлѣ, тутъ нѣтъ и признаковъ.

---

[1] Также точно скрылъ „Révolté“ отъ европейскихъ единомышленниковъ, что въ чигиринскомъ дѣлѣ русскіе парлефетисты, бунтари, дѣйствовали отъ имени царя. Впрочемъ, этого не сообщилъ европейской публикѣ даже авторъ интересной книги „La Russia Sotterranea“, редакторъ „Земли и Воли“, несмотря на то, что чигиринское самозванство было расхвалено въ этой газетѣ, какъ chef d'œuvre народничества, въ статьѣ, сильно напоминающей очерченныя выше бакунинскія прокламаціи. Замѣтимъ, однако, что обманъ народа самъ Б—нъ печатно осудилъ („Госуд. и Анархія“, прил. А, стр. 13).

Новый террористическій анархизмъ нашелъ себѣ гораздо болѣе адептовъ во Франціи, гдѣ особенно въ 1880 году цѣлый рядъ журналовъ и ораторовъ на сходкахъ сталъ восхвалять русскихъ „нигилистовъ“ и террористовъ, ставя ихъ какъ примѣръ соціальнымъ революціонерамъ во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Но замѣчательны при этомъ два обстоятельства: первое, что между этими французскими террористами значительный процентъ составили вовсе не анархисты школы Прудона, а именно адепты противниковъ послѣдняго: соціалистическіе, а часто и просто политическіе якобинцы, — собственно сторонники конспираціонной и революціонной диктатуры, — а второе, что здѣсь въ числѣ самыхъ горячихъ восхвалителей „русскихъ нигилистовъ“ и „пропаганды динамитомъ“ оказались прямые агенты-провокаторы (см., напримѣръ, разоблаченія Рошфора относительно состава редакціи „La Révolution Sociale“, изъ которой пишущій это самъ получилъ послѣ 1/13 марта 1881 года привѣтствіе для „русскихъ нигилистовъ“ и данныя ліонскаго процесса).

Долго французскій терроризмъ оставался на словахъ, но, наконецъ, въ прошломъ году послѣдовали взрывы въ Монсо-ле-Минъ и въ Ліонѣ и въ послѣднемъ нелѣпѣйшій взрывъ въ кафэ Белькуръ, столь возмутившій общественное мнѣніе во всемъ мірѣ и — характерно! — прославленный только въ русской женевской газетѣ „Правда“, отъ которой отреклась русская эмиграція въ Женевѣ.[1] Взрывы эти были главнымъ поводомъ къ недавнему ліонскому процессу такъ называемыхъ анархистовъ, въ которомъ участвовалъ и русскій, кн. Крапоткинъ. И что же? Процессъ этотъ показалъ, что даже въ странѣ съ столь еще несовершеннымъ самоуправленіемъ, какъ Франція, существованіе динамитно-анархической партіи невозможно.

Подсудимые представили коллективную декларацію,

[1] Небезынтересно будетъ замѣтить, что русскіе эмигранты въ Женевѣ собирались заявить свое несочувствіе и фактамъ взрывовъ во Франціи, причемъ въ вользу подобнаго заявленія высказывались наиболѣе извѣстные между этими эмигрантами. Дѣло остановилось гораздо болѣе вслѣдствіе извѣстной русской мѣшкотности, чѣмъ вслѣдствіе принципіальнаго разногласія.

которая была отпечатана журналами всего цивилизованнаго міра (мы жалѣемъ, что мѣсто не позволяетъ намъ привести ее здѣсь). Въ рѣчахъ своихъ и въ деклараціи этой они заявили себя соціалистами и анархистами. Но собственно въ деклараціи соціализма почти совсѣмъ не видно, такъ какъ въ ней совсѣмъ не развиты мысли объ экономической организаціи, какъ это хорошо показали нѣмецкія соціалистическія газеты. Больше всего налегли декларанты на политическую сторону своего ученія, выставляя себя сторонниками безграничной свободы для каждаго, хотя опять-таки формъ общественной жизни, основанной на этой свободѣ, не начертали. Во всякомъ случаѣ весь ихъ анархизмъ не представляетъ ничего болѣе опаснаго, чѣмъ всякое ученіе о свободѣ, братствѣ, любви къ ближнему и т. п. Многіе изъ подсудимыхъ называли себя революціонерами, говорили даже о предстоящей въ близкомъ будущемъ (по кн. Крапоткину черезъ 10 лѣтъ) общей соціальной революціи, но они не провозгласили въ коллективной деклараціи прямо ученія о правѣ всякаго лица или меньшинства на вооруженное нападеніе на существующій политическій и соціальный строй, признанный большинствомъ, — а только такое ученіе и заключаетъ въ себѣ что-либо опасное для цивилизованнаго общества (конечно, такого, въ которомъ существуетъ извѣстный просторъ для мирнаго дѣйствія къ измѣненію общественнаго строя). Затѣмъ, ни одинъ изъ подсудимыхъ не оказался фактически прикосновеннымъ къ происшедшимъ во Франціи взрывамъ, каковы бы ни были тѣ или другія фразы, сказанныя кѣмъ-либо изъ нихъ въ журналѣ, на сходкѣ, или въ кружкѣ, и никто изъ нихъ передъ судомъ не высказался въ пользу такихъ проявленій парлефетизма, какъ убійства, взрывы и т. п.[1] И ліонскіе подсудимые оказа-

[1] Одинъ же изъ самыхъ видныхъ подсудимыхъ, котораго называли „отцомъ анархизма“ и который самъ отказывался отъ этой чести въ пользу Прудона и Бакунина — князь Крапоткинъ, о террористическихъ идеяхъ котораго было столько разъ говорено въ консервативныхъ и соціалистическихъ кругахъ, на процессѣ съ истинно христіанскимъ незлобіемъ приглашалъ даже буржуазію и судей изучать вмѣстѣ съ нимъ соціальный вопросъ, чтобы убѣдиться въ неизбѣжности соціальнаго переворота, и сказалъ въ заключеніе, что „если бъ я могъ (такими совѣтами) предупредить пролитіе нѣсколькихъ капель крови — ахъ! я могъ бы умереть въ глубинѣ тюрьмы, умереть удовлетвореннымъ!“

лись такъ мало террористами вовсе не по трусости, какъ кажется нѣкоторымъ, которые сами не стояли съ ними передъ судомъ, а просто потому, что они люди, въ которыхъ страсть не ослѣпила здраваго разума. Допустивъ даже, что лёнскіе подсудимые дѣйствительно были неискренны, то и тогда остается чрезвычайно важнымъ то, что въ виду цѣлаго общества, ни одинъ изъ нихъ не счелъ возможнымъ провозгласить теорію соціалистическо-анархическаго терроризма.

Одно дѣло страстное, моментальное и личное раздраженіе и другое — общая теорія, складываемая болѣе или менѣе холоднымъ размышленіемъ. Совершенно естественно, если раздраженный представителемъ крайняго политическаго или экономическаго гнета индивидуумъ убиваетъ этого представителя; особенно такого, который непосредственно его давитъ. Каждый мыслящій человѣкъ проститъ такой поступокъ, или найдетъ для него смягчающія обстоятельства, если онъ призванъ быть судьей поступка, и постарается устранить вызвавшія поступокъ причины, если онъ политическій дѣятель. Совершенно понятно, если въ извѣстныхъ общественныхъ кругахъ и въ Западной Европѣ ходятъ и разсужденія въ такомъ родѣ: капиталистъ обкрадываетъ меня ежедневно на рабочей платѣ, убиваетъ меня и семью мою медленно этимъ обкрадываніемъ и непосильною работою, — такъ и я тѣмъ болѣе имѣю право „свое отобрать“ у него, или разрушить это „мое“, — его юридическую собственность, или убить сразу моего медленнаго убійцу и т. п., и т. п. Такое разсужденіе даже совершенно вѣрно, какъ индивидуальное соображеніе; оно только ровно никуда не годится, какъ соціальная идея, ибо соціальною идея становится только тогда, когда она сохраняетъ смыслъ, будучи приложена, какъ общее правило. Если же принять общимъ правиломъ, что всякій можетъ отнимать то, что ему кажется своимъ, и убивать всякаго, кто ему представляется его прямымъ или косвеннымъ убійцей, тогда общество перестанетъ существовать. Индивидуально-насильственная расправа есть фактъ, съ котораго человѣчество начало и отъ

котораго оно уходитъ постепенно къ высшему порядку — всеобщаго соглашенія. Вотъ почему человѣчество относится съ ужасомъ не только къ индивидуальной расправѣ, но и къ гражданской войнѣ (конечно, въ обществахъ, гдѣ есть какая-либо свобода) и даже начинаетъ ужасаться войны международной. Признаніе же правильнымъ приведеннаго соображенія было бы равносильно признанію войны каждаго и всѣхъ противъ всѣхъ и каждаго, и сильно ошибся бы тотъ, кто бы подумалъ, что эта война осталась бы орудіемъ только одного общественнаго элемента, напримѣръ, пролетаріата, а равно напрасно бы кто ожидалъ, что сами сторонники этого пролетаріата не раздѣлились бы на враждебные лагери, которые сами не начали бы вести взаимноистребительную войну. Вѣдь и прошлая исторія политическихъ убійствъ и такъ называемыхъ „народныхъ расправъ“ научаетъ насъ, что убіеніе „тирановъ и нечестивцевъ“, пороховые заговоры и адскія машины проповѣдывались и практиковались реакціонерами, напримѣръ, іезуитами, съ большимъ еще усердіемъ, чѣмъ прогессистами, и что прогрессисты временъ французской революціи, начавъ, во имя самодержавнаго народа, расправы съ врагами свободы, кончили взаимнымъ истребленіемъ. Что же настало бы, еслибъ современныя общества приложили теорію расправы самодержавной личности къ широкимъ и сложнымъ областямъ соціально-экономическихъ отношеній и къ борьбѣ за ихъ преобразованіе?! Не остались ли бы въ накладѣ именно сторонники пролетаріата и особенно проповѣдники автономіи личности, ан-архисты?

Въ настоящее время въ западно-европейскихъ странахъ, вродѣ Франціи, всякое, даже открытое (честное) вооруженное возстаніе съ соціалистическими цѣлями было бы очень вредно для интересовъ пролетаріата, такъ какъ крестьяне еще вовсе не подготовлены къ идеаламъ коллективизма и приняли бы сторону, или такъ или иначе поддержали бы консерваторовъ и реакціонеровъ. Усвоеніе же соціалистами программы динамитно-кинжальнаго парлефетизма и анархической расправы, повело бы къ приложенію противъ нихъ

такой государственной и волонтерской расправы, при которой, благодаря теперешнему раздѣленію богатства и силы между разными общественными элементами, соціалистамъ пришлось бы куда хуже, чѣмъ ихъ противникамъ.

Мы не станемъ, конечно, навязывать этихъ нашихъ соображеній ліонскимъ подсудимымъ, которые, быть можетъ, или даже навѣрно, отвергли бы всю нашу вышеизложенную аргументацію въ ея цѣломъ. Но нѣчто подобное ея сущности должно было представляться умамъ ихъ, когда они, излагая свои политико-соціальныя идеи, ограничились заявленіемъ своихъ общихъ гуманитарно-коллективистическихъ и либеральныхъ идей и воздержались отъ заявленія какихъ бы то ни было не только террористическихъ, но и сколько-нибудь конкретныхъ революціонныхъ положеній, каковое воздержаніе и служитъ намъ, въ числѣ другихъ аналогическихъ явленій, основаніемъ утверждать, что никакой партіи соціалистическаго терроризма во Французской республикѣ теперь нѣтъ.

Конечно, у французовъ еще не исчезли привычки, развившіяся въ долгіе періоды всяческой диктатуры, а въ частности у французскихъ рабочихъ не прошло еще раздраженіе, оставленное бонапартовскимъ режимомъ и послѣдующимъ за нимъ усмиреніемъ парижской Коммуны; конечно, также, соціально-экономическая эксплуатація и во Франціи способна вызывать частные случаи мести, въ которыхъ могутъ играть роль и динамитные картуши; наконецъ, и на французовъ должна вліять зараза ирландскаго и русскаго терроризма; но пока Франція не будетъ доведена въ національно-соціальномъ отношеніи до положенія Ирландіи, а въ политическомъ — Россіи, до тѣхъ поръ опасности образованія въ ней партіи систематическаго терроризма, динамитнаго нарлефетизма и т. п. и не можетъ быть. Развитіе же политической свободы и самоуправленія, все же подвигающееся впередъ въ послѣдніе годы во Франціи, даетъ здѣсь все болѣе естественныхъ кадровъ, въ которые законно укладывается движеніе къ экономической эмансипаціи про-

летаріата. Не беремся предсказывать детали будущаго, но пока мы видимъ, что даже нынѣшнее, далеко не либеральное и не радикальное, министерство Французской республики, въ виду разнообразной агитаціи среди рабочаго класса (агитаціи, которая подробно разсматривается у насъ въ статьяхъ г. Жебунева[1]), дѣлаетъ уступки требованіямъ организованныхъ рабочихъ группъ, по вопросу о рабочихъ синдикатахъ, о предоставленіи государствомъ и муниципіями подрядовъ рабочимъ ассоціаціямъ и т. п.

Какія же основанія имѣютъ извѣстные отечественные политическіе философы реакціоннаго и соціально-революціоннаго лагеря говорить, будто Франція „русѣетъ“ въ ея политической системѣ и въ способахъ соціалистической агитаціи и будто она доказываетъ несовмѣстимость политической свободы и самоуправленія то съ земскимъ міромъ, то съ интересами пролетаріата??

---

[1] Н. Жебуневъ, „Письма о политико-соціальныхъ партіяхъ во Франціи, печатавшіяся въ нѣломъ рядѣ номеровъ „Вольн. Слова“ (отъ 37-го по 59 съ перерывами). Всѣхъ писемъ появилось десять. Прим. ред.

Московскіе славянофилы и самодержавіе.[1]

(Первоначально напечатано въ журналѣ „Вольное Слово“ № 60, 1883 г.)

Напечатанное въ прошломъ номерѣ нашей газеты письмо къ А. И. Герцену Юрія Самарина (1858 г.) вмѣстѣ съ помѣщенными въ настоящемъ номерѣ письмами къ тому же лицу И. С. Аксакова (1857—1861 гг.) представляютъ, смѣемъ думать, очень любопытные документы для исторіи такъ называемаго московско-славянофильскаго направленія. Это же направленіе имѣетъ и до сихъ поръ большое значеніе въ Россіи, хотя не столько по своимъ литературнымъ силамъ (очень упавшимъ въ послѣдніе годы) и по ихъ вліянію на сознательную часть общества, сколько по тому, что направленіе это есть пока единственная въ Россіи литературная партія, имѣющая своихъ непосредственныхъ представителей въ свѣтѣ, въ такъ называемыхъ правящихъ классахъ. Вотъ почему людямъ противныхъ московскому славянофильству направленій приходится говорить о немъ чаще и больше, чѣмъ это слѣдовало бы съ точки зрѣнія чисто литературныхъ отношеній. Еще годъ тому назадъ московское славянофильство было вполнѣ оффиціознымъ направленіемъ, — и кто поручится, что оно не станетъ такимъ вновь? Да и теперь, несмотря на нѣкоторый разладъ московскихъ славянофиловъ съ правительствомъ гр. Толстого, все-таки это славянофильство не противоположно ему до такой степени, какъ противоположны ему оба оттѣнка либеральнаго направленія: народническое и конституціонное, съ которыми обоими органъ московскаго славянофильства ведетъ открытую, по его мнѣнію, смѣлую (!!) войну, тогда какъ для

[1] Начиная съ 54 № въ „Вольномъ Словѣ“ печатались письма къ Герцену Бакунина, Громеки, Мельгунова, Ю. Самарина, И. Аксакова и Ч. (Чичерина) съ примѣчаніями Драгоманова подъ общимъ заглавіемъ „Изъ бумагъ редакціи „Колокола“. Печатаніе это прекратилось вмѣстѣ съ послѣднимъ (61/62) номеромъ „В. Сл.“ Въ 1889 г. Драгомановъ продолжалъ публикованіе этихъ писемъ въ „Свободной Россіи“, напечатавъ въ этомъ журналѣ часть писемъ Тургенева къ Герцену. Наконецъ въ девяностыхъ годахъ онъ издалъ уже упоминавшіеся выше два сборника этихъ писемъ. Прим. ред.

заявленія несогласій съ правительствомъ органъ этотъ находитъ только темные намеки, — говоря терминомъ Ю. Самарина и г. И. Аксакова, — выхолощеннаго слова, на этотъ разъ уже добровольно выхолощеннаго!

И однако же, напечатанныя нами письма Ю. Самарина и г. И. Аксакова свидѣтельствуютъ, что у московскихъ славянофиловъ былъ свой либеральный періодъ, такъ таки прямо либеральный, не говоря уже о томъ, что эти славянофилы и теперь не отказываются отъ званія друзей свободы, только-де понимаемой иначе, чѣмъ такъ называемыми либералами, которые-де собственно не друзья свободы, а исчадіе, если не братья бюрократіи. Письма Ю. Самарина и г. И. Аксакова соотвѣтствуютъ maximum'у либерализма московскаго кружка, либерализма и въ томъ смыслѣ, какой имѣло въ Россіи это слово въ 1857—61 гг., т. е. демократизма, и въ общемъ политическомъ смыслѣ, въ какомъ оно преимущественно употребляется въ Россіи теперь. Оба писателя открещиваются не только отъ Николаевщины, но и отъ сочувствія правительству и власти вообще, сворачивая упрекъ въ поклоненіи этой власти отъ себя на своихъ литературныхъ противниковъ, при чемъ Самаринъ ловкимъ софизмомъ превращаетъ самого Герцена въ старовѣра, подобнаго московскимъ славянофиламъ, какъ поклонника Европы не современной ихъ перепискѣ, т. е. бонапартовской, а Европы прежней (1830—1848 г.), либеральной. Г. И. Аксаковъ, говоря другими словами то же самое (см. письмо 1-ое, стр. 5, столб. 1, строк. 11—13), является поклонникомъ Англіи, примѣромъ которой желаетъ поучать свою публику объ отношеніяхъ полиціи къ частнымъ людямъ, о личной свободѣ и т. д.

Какая разница съ г. Аксаковымъ и его единомышленниками послѣднихъ лѣтъ! И однакожъ, вчитавшись хорошенько въ письма обоихъ корифеевъ московской школы, увидишь всю естественность перехода ихъ на сторону власти и реакціи. Въ особенности письмо Самарина (письмо болѣе обработанное, нарочито-литературное), при всемъ его либерализмѣ и даже своего рода западничествѣ, доказываетъ полную справедливость сдѣланнаго уже однимъ умнымъ историкомъ русскаго литературно-общественнаго движенія, замѣчанія о томъ, что московскіе славянофилы, прежде всего вѣроисповѣдная партія. Для Самарина и дорогая славянофиламъ община не мыслима безъ религіознаго (конечно, православнаго) начала. (Сравн. письмо его съ указаніями въ статьѣ г. Анненкова „Замѣчательное десятилѣтіе“, „В. Европы“, 1880, апр., 467, о томъ, какъ московскіе славянофилы смотрѣли и на русскую общину, какъ на

примѣръ сочетанія христіанской идеи съ потребностями матеріальнаго существованія, — и мартъ, 19—21, 48—49, о византизмѣ Хомякова и его критикѣ соціальнаго положенія западной Европы съ точки зрѣнія византизма же). Прибавивши къ этой вѣроисповѣдности несомнѣнный духъ племенного пристрастія, получимъ такую наклонную площадь, на которой московскіе славянофилы естественно должны были растерять всѣ свои общія съ либеральными западниками стремленія и вмѣстѣ съ тѣмъ сойтись съ апостолами домашней реакціи, сначала церковной, потомъ правительственной, а дальше, — что случилось уже съ г. И. Аксаковымъ, — и соціальной (теорія достаточности крестьянскихъ надѣловъ, проводимая въ „Руси“).

Разсматривая письма двухъ московскихъ славянофиловъ изъ самой лучшей поры ихъ дѣятельности, въ связи со всѣмъ общественнымъ движеніемъ въ русской литературѣ, какъ предшествовавшей этой порѣ эпохи, такъ и непосредственно за нею послѣдовавшей, видишь всю несостоятельность основъ московско-славянской доктрины.

Два представителя этой доктрины — въ моментъ, когда жизнь поставила серьезнѣйшій для страны вопросъ, — относятся благодарно къ дѣятельности представителя противнаго имъ направленія. Что же? перемѣнилъ ли онъ свои исходныя точки, сталъ ли московскимъ византійцемъ?[1] Ни мало. Значитъ, чтобъ быть защитникомъ русскаго народа и общины, не было никакой надобности становиться византійцемъ, по московскому образу. Конечно, московскіе византійцы, исходя изъ своей точки зрѣнія, отчасти послужили объясненію и русской исторіи, и народной жизни, и оказали и практическія услуги послѣдней, но пора бы уже опредѣлить точнѣе примѣръ этихъ услугъ. Одно чтеніе, напримѣръ, названныхъ записокъ г. Анненкова, а также печатающейся теперь статьи его „Идеалисты 30-хъ годовъ“, показываетъ, что старые западники, въ особенности Герценъ, вовсе не были такими отрицателями русской оригинальности и такими безусловными рабами Запада, особенно современнаго имъ буржуазнаго Запада, какъ любятъ ихъ рисовать пане-

[1] Мы должны оставить въ сторонѣ научный вопросъ о дѣйствительномъ историческомъ значеніи Византіи, котораго во время старыхъ московскихъ кружковъ одинаково не понимали ни западники, ни восточники и который, благодаря цензурѣ свѣтской и духовной, теменъ для русской публики, даже самой образованной, и теперь. Только недавно наука, — конечно, главнымъ образомъ, западная, — стала разъяснять, сколько именно „западнаго“, въ духѣ столь презираемаго Хомяковыми „возрожденія“ (Renaissance), сохранилось въ Византіи и прорывалось нѣсколько разъ послѣ торжества православія въ VI в. (съ закрытіемъ при Юстиніанѣ аѳинской школы, которую историкъ ея, Герцбергъ, назвалъ университетомъ), и въ томъ числѣ прорывалось и передъ самымъ завоеваніемъ Византіи турками и началомъ „возрожденія“ въ Италіи.

гиристы московскаго славянофильства. Съ другой стороны, есть много основаній утверждать, что не только критика современнаго Запада, но и самое народолюбіе московскихъ славянофиловъ и „открытіе“ ими русской общины (которая, впрочемъ, описана была впервые нѣмцемъ Гакстгаузеномъ) совершилось не безъ вліянія западнаго соціализма, проникшаго въ Москву въ началѣ 40-хъ годовъ (см. у г. Анненкова же). Это доказывается между прочимъ и тѣмъ желаніемъ зарекомендовать себя передъ Прудономъ, какое видно въ Самаринѣ (см. письма его къ Герцену въ „Руси“, 1883, II, и письмо Прудона къ нему тамъ же), и въ г. Аксаковѣ (дальше, P. S. письма 2-го), а также тѣмъ удовольствіемъ, съ какимъ писалъ въ 1858 г. г. Аксаковъ Герцену о томъ, что „студенты-соціалисты знаютъ и уважаютъ всѣхъ насъ (славянофиловъ) лично“. Вообще народническія стремленія московскихъ славянофиловъ вполнѣ аналогичны съ такими же стремленіями западныхъ религіозныхъ соціалистовъ, проявившихся еще въ 30—40 года. (Бюше и др.)

Со временемъ эта всетаки здоровая прогрессивная струя, — народничество, — совсѣмъ перешла отъ московскихъ славянофиловъ на сторону направленія, которое во всякомъ случаѣ пошло отъ такъ называемаго западничества, а не отъ московскаго византизма: сама община, открытіе и защиту которой вмѣняютъ себѣ въ честь московскіе славянофилы, была поставлена въ русской литературѣ научнымъ образомъ Чернышевскимъ и изслѣдована потомъ большею частью его учениками. Къ новымъ, болѣе или менѣе прямо европейскимъ, по школѣ, соціалистамъ въ Россіи перешли вмѣстѣ съ народничествомъ отчасти даже ненужности руссофильства, начиная съ Герцена, благодаря его гегеліанству, предполагавшему смѣну руководящихъ народовъ въ исторіи, и оканчивая многими современными русскими соціалистами-народниками, благодаря слабости ихъ общаго образованія.[1] Московская же славянофильская школа осталась теперь только при этихъ ненужностяхъ, при узкомъ

[1] Въ настоящее время такой человѣкъ, какъ Герценъ, конечно, не написалъ бы фразы, восхитившей Самарина, что въ Западной Европѣ „такъ и стучишь о предѣлы міра завершеннаго“, или словъ его въ отвѣтъ „Дню“ г. Аксакова: „Для васъ русскій народъ преимущественно народъ православный, т. е. наиболѣе христіанскій, приближающійся къ вѣсси небесной. Для насъ русскій народъ преимущественно соціальный, т. е. наиболѣе близкій къ осуществленію одной стороны того экономическаго устройства, той земной вѣсси, къ которой стремятся всѣ соціальныя ученія.“ (Колоколъ, 15 ноября 1864 г., „Концы и Начала“). Теперь онъ увидалъ бы, что буржуазный періодъ въ Западной Европѣ „завершился“ и что здѣсь теперь всѣми партіями ставится соціальный вопросъ, который здѣсь не только никто не думаетъ обойти, какъ думаютъ это русскіе правительственные мудрецы, но который Западной Европѣ никто, ни даже самъ Бисмаркъ, не думаетъ рѣшить безъ, по крайней мѣрѣ, извѣстной доли самодѣятельности населенія и самоуправленія общественныхъ группъ, какъ считаютъ это возможнымъ нѣкоторые россійскіе философы не только правыхъ, но и лѣвыхъ партій.

національнѣйшей эпохи. Онъ видитъ всю несостоятельность Александра Николаевича для преобразованія Россіи, онъ жаждетъ свободы печати, которая, по его мнѣнію, „вынесла бы на своихъ плечахъ истину“, а всетаки ворчитъ на адресы дворянъ, требующіе самоуправленія. Онъ суевѣрно боится западной „конституціи“, боится даже послѣ освобожденія крестьянъ, когда уже нечего было опасаться даже того, чтобъ конституція не послужила крѣпостникамъ противъ эмансипаціи, хотя самая плохенькая конституція всетаки принесла бы съ собою добрую долю „свободы сужденія и печати“, между тѣмъ какъ одни цензурныя мытарства, какія описываетъ самъ же г. Аксаковъ, должны бы были научить его, что самодержавіе и свобода сужденій и печати несовмѣстимы!

Ю. Самаринъ далеко менѣе благодушенъ, чѣмъ г. И. Аксаковъ, и еще лучше его понималъ несостоятельность всего антуража петербургскаго престола для реформы, даже крестьянской. Онъ усмотрѣлъ „начало реакціи“ уже въ 1858 г. (признаніе поучительное для младшихъ поколѣній, которые не видѣли своими глазами, подобно намъ, что собственно періода прогресса, сколько-нибудь послѣдовательнаго, при Александрѣ II никогда и не было). Самаринъ вмѣстѣ съ кн. Черкасскимъ близко и на дѣлѣ видѣлъ инструменты самодержавія, а всетаки не переставалъ ему поклоняться. Чрезвычайно интересна и прекрасно дополняетъ 5-е, напечатанное у насъ далѣе, письмо г. Аксакова, писанное тотчасъ послѣ эмансипаціи крестьянъ, тогдашняя же переписка Самарина и Черкасскаго съ Н. А. Милютинымъ, напечатанная г. А. Леруа-Болье въ Revue des deux Mondes, 1880, 15 octobre. Слово реакція тутъ прямо произносится столбами московской славянофильской школы (которые, замѣтимъ, ищутъ окказій, чтобъ переслать письмо къ бывшему испр. д. товарища министра, открыто признанному краснымъ со стороны самодержца!). Кн. Черкасскій только, находя реакцію неизбѣжною, не вѣритъ въ ея продолжительность: „Послѣ весенней оттепели, мы возвращаемся, говорилъ онъ, не къ суровой зимѣ, а къ скучной и грязной слякоти“, которой онъ назначилъ не болѣе 3—4 лѣтъ продолжительности. И однако-жъ эта слякоть затянулась на все царствованіе Александра II, и, когда она наконецъ вызвала себѣ противодѣйствіе въ революціонныхъ протестахъ, то перешла таки въ совсѣмъ суровую зиму.

Какъ же держали себя во все это время „свободомысленные“ славянофилы?

Ю. Самаринъ даже въ изданной за границей въ 1867 г. книгѣ „Окраины Россіи“ въ предисловіи счелъ долгомъ кинуть камнемъ въ Герцена, забывая собственныя ему благодарности за его службу Россіи,[1] и поспѣшилъ заявить себя сторонникомъ самодержавія.

„Я убѣжденъ, писалъ Самаринъ, что далеко еще не наступило въ Россіи время думать объ измѣненіи существующей формы правленія. Вижу, что самодержавная власть (чтобы она сама о себѣ ни думала) никогда не была такъ сильна нравственно, какъ теперь (это послѣ рескрипта 13 мая 1866 г.!!); думаю, что никакая другая власть, въ настоящую минуту, не могла бы внушить такого къ себѣ довѣрія, ни располагать такъ легко такимъ добровольнымъ, единодушнымъ и безпритязательнымъ содѣйствіемъ народныхъ силъ; вывожу отсюда, что историческое призваніе самодержавія еще не исполнилось и что ему предстоитъ совершить еще многое для блага Россіи; крѣпко держусь этой вѣры (все еще держусь, несмотря на все совершающееся и, повидимому, готовящееся въ настоящую минуту), что по существу своему, самодержавіе отнюдь не несовмѣстимо съ тою свободою, въ которой мы въ настоящую минуту дѣйствительно нуждаемся, что, наконецъ, вопросъ теперь не въ томъ: какая реформа правленія для насъ лучше, а въ томъ: которое изъ двухъ побужденій, періодически смѣняющихся въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, окончательно возьметъ верхъ надъ другимъ: довѣріе или страхъ.“ (Окр. Р., вып. I, стр. II—III.)

Прошло еще семь лѣтъ. Слякоть продолжалась. „Довѣрія“ — не оказывалось. Самодержавіе все больше становилось орудіемъ бывшихъ крѣпостниковъ, которые стали составлять проекты радикальнаго преобразованія Россіи на олигархическихъ началахъ. Самаринъ почувствовалъ необходимость опять выступить за границей съ книгой, которая заключала критику этихъ проектовъ: „Революціонный консерватизмъ“ (Берлинъ, 1875). Съ обычной ему ѣдкостью онъ рисуетъ непослѣдовательность правительства (конечно, со временъ Петра I), его „реакціи, которыя въ послѣднее время стали наступать гораздо неожиданнѣе, чѣмъ въ былыя времена“. Вотъ, напр., строки, которыя поучительно прочесть и теперь:

„Въ одно прекрасное утро Россія принимаетъ праздничный видъ — правительство открываетъ новое сооруженіе, только что

[1] „Всѣмъ извѣстно, начинаетъ Самаринъ свою книгу, что русская заграничная пресса пріобрѣла у насъ худую, къ сожалѣнію, вполнѣ заслуженную славу. И не мудрено. За очень рѣдкими исключеніями, во всѣхъ рукахъ ею ворочавшихъ (Герцена и Шедо-Ферроти безъ различія), она служила не Россіи, а политическимъ интересамъ и ученіямъ, сложившимся внѣ ея, и частью вовсе ей чуждымъ, частью положительно ей враждебнымъ“ и т. д. Съ такимъ же джентльменствомъ относился много разъ къ Герцену и г. И. Аксаковъ, начиная съ „Дня“.

возведенное имъ по зрѣло обдуманному плану, и вводитъ въ него общество, выражая послѣднему свои надежды и полное свое довѣріе. Общество кланяется, благодаритъ и выражаетъ свою безграничную вѣру въ правительство. Правительство, въ свою очередь, благодаритъ общество за довѣріе и обѣ стороны расходятся въ умиленіи. На другой день, изъ высшихъ правительственныхъ сферъ, падаетъ на новое зданіе первый косой взглядъ. За ночь люди, стоявшіе въ сторонѣ, покуда кипѣла работа, открыли въ немъ какіе-то капитальные пороки, возбуждающіе сомнѣніе въ его прочности. Обыкновенно, какъ особенно опасное, выставляется то обстоятельство, что фундаментъ слишкомъ широкъ и заложенъ черезъ-чуръ прочно, а верхнія надстройки слишкомъ легки; гораздо лучше наоборотъ: на жидкомъ фундаментѣ поставить грузное зданіе. На третій день правительство выходитъ на площадь, кается всенародно въ своихъ ошибкахъ и пугаетъ общество грозящимъ крушеніемъ. Общество, только что размѣстившееся на своемъ новосельѣ, оглядывается въ недоумѣніи и уходитъ, покачивая головою; работа, начавшаяся внутри довольно живо, естественно утихаетъ. На четвертый день, отряженными мастерами этого дѣла замазываются нѣкоторыя окна и заколачиваются нѣкоторыя двери. На пятый — правительственное сооруженіе отдается подъ стражу, наряжается слѣдственная комиссія и объявляется конкурсъ на тему: „какъ бы разнести зданіе, но такъ, чтобъ не было ни стука, ни пыли, и чтобъ этого не замѣтили ни Русскій народъ, ни Европа?“ Этой только минуты и выжидали „охранительные люди“, какъ Вы ихъ называете; почуя ломку, они оживаютъ, скликаются, напрягаютъ свое воображеніе, и проекты сыплются со всѣхъ сторонъ.“

Какое же поученіе обществу даетъ умнѣйшій дѣятель славянской школы въ виду такого поведенія правительства вообще, и въ виду „надвигающейся новой исторической напраслины сверху“? — А вотъ какое:

„Намъ остается привести себя въ такое же настроеніе духа, съ какимъ покорный паціентъ, привязанный къ постели, готовится встрѣтить не по разуму усерднаго фельдшера, охотника до трудныхъ операцій и сбирающагося учинить опытъ надъ anima vili.“

„Неисправимый славянофилъ, — говоритъ затѣмъ Самаринъ, — я все-таки вѣрю, что Россія, уйдя внутрь себя, оттерпится и на сей разъ и не умретъ подъ ножемъ;“ онъ только безпокоится, что „когда она (Россія) очнется, ощупаетъ себя и станетъ на ноги, найдетъ ли она при себѣ прежнюю (когдашнюю???) свою вѣру въ правительство, въ крѣпость его слова, въ твердость его намѣреній, въ прочность и надежность его твореній?“

Вскорѣ послѣ написанія этихъ словъ Самаринъ умеръ. И. С. Аксаковъ дожилъ до худшихъ, до нашихъ временъ. И что же? Когда общество стало наконецъ просыпаться, когда земства стали подавать голоса въ духѣ тѣхъ адре-

совъ, сущность которыхъ самъ же г. Аксаковъ одобрялъ въ 1858 г., когда само правительство поколебалось, — сторонникъ свободы сужденія и печати, „другъ земли“ и недругъ „власти“, г. Аксаковъ, не нашелъ для себя болѣе приличной роли, какъ нападать на либерализмъ, на либеральную печать, стоять за самодержавіе, окрылять его въ упорствѣ противъ „лже-земства“ и „лже-народа“!!

Нѣтъ, эти господа самые вредные помощники деспотизма, потому что они безкорыстные его слуги, потому что они по временамъ украшаютъ свои рабскія знамена эмблемами свободы, потому что, даже будируя противъ правительства, они ничего не придумываютъ для общества, кромѣ покорности паціента, привязаннаго къ постели!

И люди, дѣйствительно желающіе добра русскому народу, любящіе его, хотя бы только по непосредственно-національному чувству, всего лучше поступятъ, если откровенно отдѣлятся отъ такихъ представителей ихъ направленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ самодержавія, которому эти господа не перестаютъ поклоняться.

Мирный и умѣренный элементъ
въ русскомъ
соціально-революціонномъ движеніи.

(Первоначально напечатано въ журналѣ „Вольное Слово“ № 61/62, 1883 г.)

Заглавіе настоящей статьи можетъ вызвать улыбку у многихъ читателей консервативнаго лагеря и, пожалуй, негодованіе у иного читателя лагеря революціоннаго. А между тѣмъ оно, смѣемъ думать, намѣчаетъ дѣйствительно существующее явленіе и притомъ настолько важное, что о немъ непремѣнно слѣдуетъ поговорить открыто. Не только умѣренный, но и въ сущности очень мирный элементъ существуетъ не только подъ воинственными девизами, но и за военными дѣйствіями русскихъ революціонеровъ и часто даже, какъ это съ перваго взгляда ни странно, самымъ, повидимому, крайнимъ и военнымъ русскимъ соціально-революціоннымъ фракціямъ элементъ этотъ гораздо болѣе присущъ, чѣмъ другимъ, менѣе грознымъ по внѣшнему виду.

Мы не считаемъ вполнѣ точною ту схему исторіи русскаго соціальнаго-революціоннаго движенія, которая въ послѣднее время не разъ провозглашалась его представителями на политическихъ процессахъ и въ печати русской и иноязычной, и которую, благодаря именно ея излишней абсолютности, царскимъ прокурорамъ и оффиціознымъ публицистамъ легко было объявлять фальшивою и даже лицемѣрною, именно будто бы русское соціалистическое движеніе начала 70-хъ годовъ было совершенно мирно-пропагандисткое и стало революціоннымъ, а потомъ и „террористическимъ“ уже послѣ, вслѣдствіе правительственныхъ насилій. Противъ такой схемы не трудно

выставить достаточное количество „кроваво-революціонныхъ“ фразъ изъ русскихъ соціалистическихъ прокламацій и листковъ еще конца 60-хъ и начала 70-хъ годовъ, указать на существованіе еще въ 70-е годы кружковъ „бунтарей“, а равно и набрать, хотя бы, напр., изъ бумагъ, захваченныхъ еще при арестахъ 1874 г. или изъ переписки русскихъ эмигрантовъ этого времени, попавшейся въ руки прусскихъ властей и выставленной въ берлинскомъ процессѣ 1878 г., цѣлый рядъ фразъ, изъ которыхъ складывается полный катехизисъ того русскаго „терроризма“, какой сталъ на видный планъ въ послѣдніе годы. Наконецъ, во многихъ изъ тѣхъ книжекъ, съ которыми самые мирные пропагандисты отправились въ народъ въ 1874—1875 гг., было достаточное количество кроваво-революціонныхъ фразъ.

Все это надо признать. Но вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно, что въ средѣ русскихъ соціалистовъ 70-хъ годовъ существовала немалочисленная фракція „мирныхъ пропагандистовъ“, исповѣданіе вѣры которыхъ изложено, напр., (и мы думаемъ, что вполнѣ искренно) въ рѣчи Бардиной на процессѣ 50-ти въ 1877 г. Это исповѣданіе, во-первыхъ, даже гораздо болѣе дѣлаетъ уступокъ господствующимъ идеямъ (особенно относительно религіи), чѣмъ самый умѣренный соціализмъ въ Западной Европѣ, откуда наши соціалисты заимствовали свои ученія, а во-вторыхъ, прямо отрицаетъ воззваніе къ бунту.

„Собственности я никогда не отрицала, говорила русская соціальная революціонерка передъ судомъ, коммунизмъ, какъ нѣчто обязательное, ни я, ни кто другой изъ пропагандистовъ также не проповѣдуетъ... Относительно религіи я могу сказать только, что я всегда оставалась вѣрна ея духу и существеннымъ ея принципамъ въ томъ ихъ чистомъ видѣ, въ какомъ они проповѣдывались самимъ основателемъ христіанства...[1] Въ подрываніи государства я столь же мало виновна. Я вообще думаю, что усилія единичныхъ личностей подорвать государство не могутъ... Къ непосредственному бунту я никогда не возбуждала народъ... Обвиненіе говоритъ, что мы желаемъ уничтожить классы, и по-

[1] Подобное отношеніе къ христіанству, весьма нерѣдкое въ революціонно-соціалистически-народническихъ кругахъ, объясняется, конечно, слабымъ распространеніемъ въ нихъ, какъ вообще въ Россіи, результатовъ европейской науки о религіяхъ, положенія которой на Западѣ успѣли уже пробиться и въ среду рабочихъ.

нимаетъ это въ такомъ смыслѣ, что мы хотимъ поголовно вырѣзать всѣхъ помѣщиковъ, дворянъ, чиновниковъ, кунцовъ и всѣхъ богатыхъ вообще. Но это опять-таки недоразумѣніе. Мы стремимся уничтожить привилегіи, обусловливающія раздѣленіе людей на классы, на имущихъ и неимущихъ, но не самыя личности, составляющія эти классы. Я полагаю, что нѣтъ даже физической возможности вырѣзать такую массу людей, еслибы у насъ и оказались такія свирѣпыя наклонности. Мы не хотимъ также основать какое то царство рабочаго сословія, какъ сословія, которое въ свою очередь стало-бы угнетать другія сословія, какъ то предполагаетъ обвиненіе. Мы стремимся ко всеобщему счастью и равенству по-стольку, по-скольку оно не зависитъ, конечно, отъ личныхъ особенностей темперамента, пола, возраста и т. п. Это можетъ показаться утопичнымъ, но, во всякомъ случаѣ, ужъ кровожаднаго-то и безнравственнаго здѣсь ничего нѣтъ. На Западѣ такого рода пропаганда ведется каждодневно и рѣшительно никого не поражаетъ своимъ радикализмомъ, не смущаетъ умы и не волнуетъ общество, можетъ быть потому, что тамъ давно привыкли обсуждать всѣ подобные вопросы гласнымъ образомъ, публично...

(Дальше Бардина отказывается также и отъ заговоровъ (coup d'état) и является ан-архисткой, толкуя прокурору прудоновское значеніе этого термина).

Всѣ такія слова свидѣтельствуютъ не только о полной мирности стремленій извѣстныхъ лицъ и кружковъ изъ тѣхъ, кто такъ жестоко былъ покаранъ царскими судами (а также жандармами и прокурорами еще до суда), но и о значительной умѣренности ихъ даже теоретическихъ требованій сравнительно съ ихъ западными единомышленниками, которыхъ никакой судъ въ Западной Европѣ не вздумалъ бы наказывать даже и послѣ исключительныхъ законовъ Бисмарка, а особенно такъ жестоко наказывать.

Мы не будемъ разсчитывать, сколько между арестованными и такъ или иначе затронутыми полиціей молодыми соціалистами 1874—75 г. (а такихъ было около 2000) было „мирныхъ пропагандистовъ“, въ родѣ Бардиной. Но несомнѣнно, что ихъ было не мало и что жандармы и прокуроры, вдохновленные приказами ген. Потапова и гр. Палена „арестовать всѣхъ подозрительныхъ людей“, обратили въ соціалистовъ и „кровавыхъ революціонеровъ“, не только ихъ, но и всякаго рода кооперативистовъ на тотъ манеръ, какой появился у насъ въ 60-е годы, и которые, примѣряя на нѣмецкій аршинъ, выходили у насъ своего

рода не только лассаліанцами, но даже шульце-деличіанцами, и которые даже просто хотѣли какъ-нибудь, только искренно, служить мужику, или даже только присмотрѣться къ нему. Для насъ не подлежитъ сомнѣнію, между прочимъ и на основаніи наблюденій надъ лицами, которыя уцѣлѣли отъ полицейскихъ преслѣдованій 1874—75 гг., или остались въ Россіи въ народѣ, или, увидѣвъ свою къ тому неприготовленность, возвратились къ продолженію ученія, или къ свободнымъ профессіямъ, или же, уѣхали заграницу и здѣсь ближе присмотрѣлись къ жизни и къ рабочему движенію, — не подлежитъ сомнѣнію, говоримъ мы, что еслибы знаменитое хожденіе въ народъ русскихъ соціалистовъ 1874—75 гг. совершилось при условіяхъ западно-европейскихъ, т. е. осталось безнаказаннымъ, или было даже судимо и наказано по европейскимъ, на такіе случаи, законамъ, то значительная часть людей, которые погибли въ Россіи или перешли къ террористическимъ теоріямъ и дѣйствіямъ, сами собою обратились бы въ „постепеновцевъ“ въ болѣе или менѣе благородномъ смыслѣ этого слова.

Въ Россіи же вышло иначе. Но интересно прослѣдить въ русскомъ соціалистическомъ движеніи за тѣмъ, какъ съ одной стороны родная дѣйствительность, въ видѣ правительства, ожесточала и тѣмъ болѣе революціонировала соціалистически настроенную молодежь, и какъ, съ другой стороны, всетаки соприкосновеніе послѣдней съ дѣйствительною жизнью научало молодежь умѣрять свои надежды и требованія отъ настоящей минуты и учило своего рода постепеновщинѣ.

Возмутительно долгое и тяжкое предварительное заключеніе, а потомъ жестокія наказанія, какимъ подвергались арестованные въ 1874—75 гг. соціалисты, наконецъ, совершенно беззаконныя административныя высылки даже оправданныхъ судомъ, не могли не раздражить самыхъ мирныхъ пропагандистовъ и должны были прибавить кредита бунтарско-террористическимъ (или, по тогдашнему, револьверщицкимъ) фракціямъ среди кружковъ, затронутыхъ соціальнымъ движеніемъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ аресты

1874—75 гг. повели за собою крушеніе мирныхъ пропагандистовъ и выдвигали элементъ болѣе крайній по его пріемамъ, это крушеніе, сопровождаясь крушеніемъ на россійской почвѣ „западнаго соціализма“ вообще, даже въ его всетаки урѣзанной формѣ, повело за собою еще большее урѣзываніе или еще большую теоретическую умѣренность въ стремленіяхъ именно бунтарей и народниковъ. Кружки русскихъ соціалистовъ-революціонеровъ, подъ этими именами возпреобладавшіе послѣ арестовъ 1874—75 гг., уже отвергаютъ „абстрактныя формулы западнаго соціализма“, а говорятъ объ „агитированіи народа на почвѣ народныхъ требованій“. Отсюда проистекаетъ, рядомъ съ бунтарскими пожеланіями, рядъ уступокъ господствующимъ идеямъ и учрежденіямъ, хотя-бы сначала для бунтарскихъ цѣлей, уступокъ, доходившихъ до такихъ даже вещей, какъ чигиринская попытка бунтовать народъ во имя царя, при чемъ бунтари пошли даже противъ другихъ своихъ товарищей, увѣряя народъ, что царя хотѣли убить баре за его доброжелательность къ народу, а въ другую сторону — рядъ стремленій, уже совершенно мирныхъ: быть чѣмъ бы то ни было полезнымъ мужикамъ. Направленіе политическое выработалось среди русскихъ соціалистовъ-народниковъ сначала чисто-эмпирически.[1] Но развиваясь дальше въ террористической фракціи, политическое направленіе все больше становилось умѣреннымъ въ своихъ теоретическихъ требованіяхъ по части преобразованія общества, особенно преобразованія соціальнаго. Изъ этого двойнаго теченія, совершавшагося подъ покровомъ титула: соціальные революціонеры, несомнѣнно заимствованнаго у французовъ, и при желаніи внести въ свою среду „дисциплину партіи“, совершенно невозможную при отсутствіи для того условій, т. е. открытой организаціи

[1] Это наблюденіе наше, опротестованное въ „Народной Волѣ“ (№ 9), вполнѣ подтверждается разсказанными на 16 стр. брошюры „А. И. Желябовъ“ колебаніями первыхъ „террористовъ“ признать „необходимость политической свободы“ и принять на себя кличку „конституціоналистовъ“: „намъ не нужно конституціи, намъ не нужны ихъ законы, пусть просто смотрятъ сквозь пальцы, пусть мы фактически пользуемся свободой“, такими несообразностями оттоваривались эти террористы въ своихъ кружкахъ и подобныя несообразности высказывали въ прокламаціи „Смерть за смерть“ по поводу убійства Мезенцева.

партіи, происходили среди русскихъ соціалистовъ-революціонеровъ чрезвычайно интересныя пререканія по вопросу объ умѣренности и истинной революціонности разныхъ ихъ фракцій.

Пререканія эти отчасти изображены въ брошюрѣ „А. И. Желябовъ“ на страницахъ (17—18 и 25—26), на которыхъ описаны споры между участниками Воронежскаго и Липецкаго съѣздовъ 1879 года. Тамъ оказалось, что соціалисты,

„прожившіе уже по году, по два въ деревнѣ, видя преслѣдованія правительства (усилившіяся вслѣдствіи нѣсколькихъ политическихъ убійствъ), приходили къ заключенію, что терроръ оказался вреднымъ и (что) его необходимо бросить, тѣмъ болѣе, что онъ увлекаетъ партію на путь политической дѣятельности и отвлекаетъ отъ задачъ въ народѣ....“ Вся деревенская часть съѣзда (Воронежскаго), разсказываетъ авторъ брошюры (очевидно террористъ-политикъ), слишкомъ сильно сохранила старое отвращеніе къ политикѣ; нѣкоторые оказались даже вовсе не революціонерами и проводили мысль, что задача партіи — это селиться въ народѣ, знакомиться съ нимъ и затѣмъ вести въ его средѣ медленную культурную работу поднятія его умственнаго и нравственнаго развитія.“

Такая умѣренность и постепеновщина злила террористовъ, въ родѣ Желябова: „хороши ваши землевольцы! говорилъ онъ, и эти люди воображаютъ себя революціонерами!“ Но съ другой стороны и соціалисты, слушая политическія ереси Желябова, восклицали: „да вѣдь онъ чистый конституціоналистъ!“ — что на тогдашнемъ языкѣ извѣстныхъ кружковъ значило въ свою очередь: постепеновецъ и нереволюціонеръ! И дѣйствительно, террористъ и, слѣдовательно, архиреволюціонеръ, если понимать это слово въ его обыкновенномъ, военномъ смыслѣ, — Желябовъ былъ по своему постепеновецъ и мечталъ моментальнымъ терроромъ создать условія для постепеннаго роста народной партіи изъ умѣренныхъ людей.

„Я знаю, — говорилъ онъ, — много очень умныхъ, энергическихъ общественныхъ мужиковъ, которые теперь сторонятся отъ мірскихъ дѣлъ, потому что крупнаго общественнаго дѣла они себѣ не выработали, не имѣютъ, а дѣлаться мучениками изъ-за мелочей не желаютъ; они люди рабочіе, здоровые, прелесть жизни понимаютъ и вовсе не хотятъ изъ-за пустяковъ лишиться всего, что имѣютъ. Конституція дала бъ имъ возможность дѣйствовать по этимъ мелочамъ, не дѣлаясь мучениками, и они

энергично взялись бы за дѣло. А потомъ, выработавши себѣ крупный общественный идеалъ, не туманный, какъ теперь, а ясный, осязательный, и, создавши великое дѣло, — эти люди уже ни передъ чѣмъ не остановятся, станутъ тѣми героями, какихъ намъ показываетъ иногда сектантство. Народная партія образуется именно такимъ путемъ."

Несмотря на предпослѣдную фразу о герояхъ, въ которой видно столько-же идеализаціи русскихъ сектантовъ (которые будутъ знамениты въ лѣтописяхъ религіозныхъ движеній именно пассивностью даже своего героизма), сколько и желанія сохранить все-таки революціонный, „боевой", какъ любитъ выражаться русская соціально-революціонная пресса, характеръ своей мечты, не трудно видѣть, что Желябовъ представлялъ себѣ возможность развитія соціализма въ Россіи только постепеннаго, въ сущности мирнаго.

Изъ послѣдующихъ заявленій русскихъ террористовъ передъ судомъ и даже, что еще любопытнѣе, изъ ихъ интимныхъ программъ видно, что дальнѣйшее развитіе именно „террористической" фракціи пошло еще радикальнѣе въ этомъ направленіи. Такъ, въ напечатанной на-дняхъ въ „Календарѣ Народной Воли" запискѣ „Подготовительная работа партіи" читаемъ такія строки: „партія должна подготовляться къ возстанію; если же оно, паче чаянія, окажется излишнимъ (если правительство „дастъ конституцію"), то тѣмъ лучше: собранныя силы пойдутъ тогда на мирную работу" (стр. 123).

Всѣ вышеприведенныя выписки изъ вещей, имѣющихъ въ своемъ родѣ документальное значеніе, показываютъ, какими несчастными недоразумѣніями обставленъ у насъ вопросъ о такъ называемомъ соціально-революціонномъ движеніи и какъ онъ требуетъ еще пересмотра съ возможно объективнымъ, но въ то же время человѣчнымъ къ нему отношеніемъ. Намъ кажется, что однимъ изъ первыхъ пріемовъ критики, которая захочетъ добраться до сущности этого движенія въ Россіи, должно быть оставленіе въ сторонѣ всякихъ его внѣшнихъ девизовъ и партіонныхъ кличекъ: все это, какъ и самое стремленіе разныхъ русскихъ соціально-революціонныхъ

кружковъ выдать себя за партію или ея представителей, все это поверхностно, уже по тому, что не оригинально, а заимствовано изъ странъ, находящихся въ другихъ сравнительно съ Россіей соціально-экономическихъ и политическихъ условіяхъ. Мало того: мы даже думаемъ, что при обсужденіи даннаго вопроса надо оставить въ сторонѣ всю почти русскую соц.-рев. прессу, уже и потому, что, какъ выразился или, лучше, проговорился одинъ изъ ея участниковъ въ „Общинѣ“, „пресса въ ранговой лѣстницѣ революціонной преданности (и дѣятельности) едва удостоивалась занять послѣднюю степень“, и вообще болѣе или менѣе случайна, а равно и обратить вниманіе не столько на идеи русскихъ соціальныхъ революціонеровъ, сколько на ихъ чувства.

Идеи, послѣдовательность ученіямъ школы, принципамъ партіи и т. п. у русскихъ вообще еще не играютъ большого значенія, въ чемъ, конечно, заключается одна изъ причинъ неустойчивости всякихъ русскихъ дѣлъ и начинаній. Русскіе всякихъ партій и оттѣнковъ все еще характеризуются болѣе всего ихъ чувствами и стремленіями, а не внѣшнею ихъ формулировкою. Самое же характеристическое чувство русской молодежи послѣднихъ десятилѣтій — это чувство стыда за порабощеніе массы народа крѣпостному рабству, невѣжеству и нищетѣ, чувство сознанія себя въ долгу у этой массы, откуда естественно вытекаетъ желаніе чѣмъ-либо и поскорѣе заплатить этотъ долгъ. Это чувство, встрѣтившись съ литературнымъ изложеніемъ идей западно-европейскаго соціализма, естественно увлеклось послѣднимъ, какъ самою радикальною формою, въ которой это чувство могло воплотиться, а, во-вторыхъ, какъ формулою справедливости, теоретическую правильность которой дѣйствительно трудно и оспорить. Но въ Россіи, вслѣдствіе, конечно, ея обширности и малонаселенности, опредѣляющихъ всѣ явленія ея экономической жизни, западный соціализмъ всегда имѣлъ болѣе этическое, чѣмъ экономическое значеніе, и болѣе своими общими ученіями, чѣмъ ихъ деталями.

Успѣхъ ученій соціализма въ Россіи многіе ино-

странные, какъ и русскіе наблюдатели пробовали объяснять сохраненіемъ въ этой странѣ общиннаго землевладѣнія. И это отчасти вѣрно, такъ какъ сельская община самимъ своимъ существованіемъ свидѣтельствовала передъ русскими образованными людьми о возможности осуществленія соціалистическаго идеала. Но и самая эта община подходитъ къ этому идеалу гораздо болѣе своею юридическою и этическою стороною (право каждаго члена міра на землю и обязанность міра заботиться о каждомъ членѣ), нежели экономическою. Опять-таки, вѣроятно, вслѣдствіе простора Россіи, община эта съ ея раздѣломъ участковъ по ревизскимъ душамъ не подходитъ къ коммунизму и даже весьма далека отъ сколько-нибудь организованной кооперації: сколько-нибудь подходящія къ коммунизму формы земледѣльческаго труда встрѣчаются въ Россіи покамѣсть только въ немногихъ себрянскихъ спілкахъ и артеляхъ, которыя (замѣчательно!) описаны пока гораздо болѣе въ „индивидуалистической“ подворной Украйнѣ, чѣмъ въ общинной Великороссіи. Русское сектантство, о которомъ (по недоразумѣнію) идетъ еще и теперь такъ много толковъ среди русскихъ соціалистическихъ народниковъ, оказывается при подробномъ и хладнокровномъ наблюденіи поразительно бѣдно коммунистическими элементами по сравненію съ нѣмецко-голландскимъ XVI в., великобританскимъ XVII—XVIII в. и американскимъ XIX ст. Въ самой русской интеллигенціи 30-хъ и 40-хъ годовъ сен-симонизмъ и фурьеризмъ сводился конкретно на стремленія къ освобожденію крестьянъ. Въ 60-ые годы, когда, между прочимъ, вслѣдствіе подготовки общества пропагандою этихъ русскихъ соціалистовъ 30-хъ—40-хъ годовъ освобожденіе крестьянъ стало практическимъ вопросомъ, соціалисты, вродѣ Герцена и Огарева и даже вродѣ Чернышевскаго, оставляя въ сторонѣ формулы школьнаго соціализма, посвящали всю свою практическую энергію вопросу о выкупѣ крестьянами надѣловъ. Развившіеся съ тѣхъ поръ и въ Россіи фабричная промышленность и пролетаріатъ дали, конечно, и здѣсь болѣе практической почвы для формулъ соціализма. Но

всетаки экономическія условія Россіи еще не подошли къ той степени, чтобы эти формулы получили здѣсь то же значеніе, какое имѣютъ на Западѣ, и увлеченіе ими молодежи имѣетъ въ Россіи все же преимущественно этическое значеніе, а доктринерство ея въ этомъ отношеніи проистекаетъ, главнымъ образомъ, отъ невозможности для русской интеллигенціи служить народнымъ массамъ какимъ бы то ни было конкретнымъ способомъ. Невозможность эта коренится въ политическихъ или, лучше, полицейскихъ, — такъ какъ иной политики, кромѣ полиціи, въ Россіи нѣтъ и при самодержавіи быть не можетъ, — условіяхъ Россійской имперіи. Пусть только установится въ Россіи политическая свобода съ самоуправленіемъ общинъ, уѣздовъ и провинцій, которое дастъ естественные кадры, куда можетъ помѣститься каждый интеллигентный человѣкъ, желающій платить свой долгъ чернорабочимъ массамъ и въ то же время поддерживать свое существованіе трудомъ на ихъ пользу (объ эти идеи подробно развиты въ статьѣ „Нѣсколько мыслей по вопросу — что дѣлать“, въ 38 № „Вольнаго Слова“), и соціализмъ надолго получитъ въ Россіи то значеніе, которое ему отведено въ словахъ г. Ц. (принадлежащаго къ кругу русскихъ соціалистовъ-революціонеровъ) въ его статьѣ въ 60 №-рѣ нашей газеты:[1]

„Для людей, заботящихся объ экономическомъ благѣ и обезпеченіи народа въ Россіи, нѣсколько вполнѣ научныхъ истинъ современнаго соціализма могутъ служить указателемъ и свѣточемъ будущаго, но свѣточемъ, который долженъ не заслонять современную дѣйствительность, а освѣщать и выяснять ее; съ точки зрѣнія этихъ истинъ и при ихъ помощи можно и должно разрабатывать и разрѣшать отдѣльные назрѣвающіе вопросы и нужды современной жизни; но навязывать ихъ жизни, втискивать жизнь въ ихъ рамки и презрительно отворачиваться отъ ея настоятельныхъ и неотложныхъ нуждъ только потому, что она не влѣзаетъ въ рамки нашихъ доктринъ, — значило бы попусту тратить время и вычеркивать себя изъ списка живыхъ.“

Кстати же теперь и въ Западной Европѣ съ постановкой вопроса объ образованіи рабочихъ парламент-

[1] Статья озаглавлена: „Самодержавіе и ближайшія задачи его противниковъ. Письмо въ редакцію „Вольнаго Слова“. Въ примѣчаніи редакція „Вольнаго Слова“ отмѣчаетъ свое несогласіе съ нѣкоторыми взглядами, высказанными авторомъ письма. Прим. ред.

сихъ партій и особенно съ начинающимся выступленіемъ на арену соціально-политической борьбы крестьянства, все соціалистическое движеніе принимаетъ совсѣмъ новый видъ и, конечно, въ главномъ своемъ теченіи должно много утратить изъ своего прежняго литературно-школьнаго и ораторско-революціоннаго догматизма (см. дальше статью о Парижскомъ рабочемъ конгрессѣ).

Нѣкоторые изъ умныхъ иностранныхъ наблюдателей Россіи подмѣтили одну характеристическую особенность русской интеллигенціи: это ея безпритязательность, готовность взяться за дѣло, не заботясь о его внѣшнихъ формулахъ, о правахъ самихъ работающихъ и т. п. Эту черту замѣтилъ, напримѣръ, г. Ан. Леруа-Болье въ нашихъ провинціальныхъ земскихъ дѣятеляхъ и выводилъ отсюда возможность для умнаго и честнаго правительства въ Россіи дать провинціямъ самоуправленіе, не боясь даже за существованіе имперскаго самодержавія. Въ значительной степени подобной же безпритязательностью отличается и страшное и доктринерское на видъ русское соціально-революціонное движеніе. Повторяемъ, мы видимъ въ подобныхъ чертахъ далеко не добродѣтель, не силу, но слабость русскаго общества, объясняемую его исторіей со времени сокрушенія свободы его городовъ и областей. Но фактъ остается фактомъ, и теперешній русскій человѣкъ всетаки характеризуется болѣе намѣреніемъ, направленіемъ его мыслей и дѣйствій, нежели ихъ формулировкою и формою. Такъ и русское соціально-революціонное направленіе, если отбросить его совершенно внѣшніе и при томъ смѣняющіеся съ поразительною легкостью девизы и клички и особенно, если взять его въ общемъ, массовомъ теченіи, а не въ одиночныхъ, хотя бы и болѣе видныхъ кружкахъ, характеризуется, главнымъ образомъ, желаніемъ какъ бы то ни было служить мужику, а самая страшная форма этого движенія, такъ наз. терроризмъ (который, какъ показано будетъ въ другой статьѣ настоящаго №-ра, на самомъ дѣлѣ даже совсѣмъ не терроризмъ), въ сущности и есть не что другое, какъ проявленіе страстнаго

желанія получить какой бы то ни было просторъ для этой службы, невозможной, какъ оказалось, при царско-чиновническомъ самодержавіи въ Россіи. Каковы бы даже ни были идеи и стремленія центральнаго кружка, который производилъ извѣстные террористическіе акты, несомнѣнно, что сочувствіе ему въ массѣ молодежи объясняется, главнымъ образомъ, вышеупомянутымъ желаніемъ и соотвѣтственными надеждами.

Въ этой своей новѣйшей формѣ русское соціально-революціонное движеніе, обнаруживъ безпритязательную готовность поступиться теоретическимъ радикализмомъ своихъ требованій, въ то же время показало значительную практическую притязательность по вопросу о завоеваніи у самодержавія извѣстныхъ основныхъ правъ и гарантій, безъ которыхъ никакая общественная работа не возможна.[1] Съ другой стороны, и провинціальные земцы начинаютъ обнаруживать притязательность, убѣждаясь, чѣмъ дальше, все больше, что органическая жизнь въ провинціяхъ, а особенно освобожденіе мѣстнаго самоуправленія отъ путъ бюрократіи и буйствъ полиціи не мыслимы безъ гарантій самоуправленія государственнаго. Въ распространеніи и энергическомъ заявленіи этой притязательности со стороны земцевъ и лежитъ все спасеніе Россіи и, между прочимъ, отъ него зависитъ и сбереженіе силъ молодежи, естественно впечатлительной къ соціально-революціонному движенію, отъ преждевременной растраты, а равно и утилизированіе въ свое время этихъ силъ и горячихъ стремленій молодежи къ народному благу. Чѣмъ болѣе настойчивой притязательности противъ самодержавія обнаружатъ наши земцы, тѣмъ болѣе сдержанности и

[1] Мы проходимъ мимо тѣхъ уступокъ монархическому принципу, которыя сдѣлали, если вѣрить извѣстіямъ иностранныхъ корреспондентовъ, а также одной дошедшей до насъ гектографированной рѣчи подсудимаго (которой мы пока не печатаемъ, ожидая другихъ), нѣкоторые подсудимые послѣдняго петербургскаго процесса. Уступки эти объясняются какъ личными условіями и настроеніемъ каждаго изъ подсудимыхъ, такъ, можетъ быть, исходятъ изъ эмпирическаго народничества, изъ разсчета подойти къ настроенію минуты даже въ правительственныхъ кругахъ и склонить и ихъ къ работѣ все же на пользу народа. Но какъ бы то ни было, а всѣ эти колебанія и тонкіе разсчеты воображаемыхъ вожаковъ и представителей „партіи" не имѣютъ большого значенія относительно массы затронутыхъ движеніемъ лицъ, которая въ настоящее время по вопросу объ ограниченіи самодержавія является уже непримиримою.

умѣренности обнаружитъ радикально и революціонно настроенная молодежь и тѣмъ болѣе она будетъ спасена отъ лапъ полиціи, а также отъ притязательности заговорщиковъ по профессіи, которые неизбѣжно должны появляться во всякихъ обществахъ, гдѣ политическая борьба затягивается на долгое время и ведется подпольнымъ образомъ, и которые неизбѣжно усваиваютъ себѣ привычки врага, съ которымъ борятся, и въ томъ числѣ и его презрѣніе къ стоимости и количеству жертвъ этой борьбы. Русское же правительство въ настоящее время точно подрядилось, какъ породить такихъ заговорщиковъ, такъ и доставить имъ матеріалъ для орудованія въ лицѣ тысячъ молодыхъ людей, обращаемыхъ имъ въ касту исключенныхъ и „нелегальныхъ“. Вопросъ объ этомъ матеріалѣ, который берется изъ самыхъ воспріимчивыхъ ко всему доброму молодыхъ людей, возможныхъ лучшихъ слугъ народа и страны, становится все болѣе жгучимъ, хоть бы, напримѣръ, въ виду исключенія въ послѣдніе мѣсяцы нѣсколькихъ сотенъ студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній и въ виду многочисленныхъ арестовъ, о которыхъ доходятъ до насъ вѣсти изъ всѣхъ большихъ и даже многихъ малыхъ городовъ сѣвера и юга Россіи.

Неужели этотъ вопросъ, — вопросъ дѣтей и будущаго страны, забудутъ представители сословій, земствъ и городовъ въ чаду коронаціонныхъ празднествъ?!

Календарь „Народной Воли“
на 1883 г.

Съ приложеніемъ двухъ фотографическихъ группъ. Цѣна 3 фр. Женева 1883. 180 стр. in 16.

(Первоначально напечатано въ журналѣ „Вольное Слово“, № 61, 62, 1883 г.)

Это очень интересная книжка, какъ по историческимъ матеріаламъ, которые она заключаетъ, такъ и по отраженію въ ней степени умственнаго и нравственнаго развитія, и въ частности политическаго образованія извѣстной доли русскаго общества. Историческій матеріалъ — біографическія данныя о Г. Гельфманъ, Грачевскомъ, С. Перовской и особенно о пребываніи Халтурина въ Зимнемъ дворцѣ, — любопытенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Политическія же теоріи и мечтанія, изложенныя въ доставшихся календарю, и частью не напечатанныхъ доселѣ, бумагахъ бывшаго „Исполнительнаго Комитета“ и „Народной Воли“, интересны главнымъ образомъ своею наивностью. Извѣстно, что кружокъ „народовольцевъ“, доказавшій во время своей дѣятельности достойную удивленія и подражанія энергію, былъ очень слабъ по части идейнаго политическаго развитія и устойчивости въ политическихъ мнѣніяхъ. Напримѣръ, на другой день убійства Александра II, народовольцы высказывали въ прокламаціи къ рабочимъ теорію о „царѣ добромъ пастырѣ“ народа, а черезъ нѣсколько дней, въ письмѣ къ Александру III, перепечатанномъ теперь въ Календарѣ „Народной Воли“, предлагали россійскому самодержцу собрать „учредительное собраніе отъ всего русскаго (только русскаго?) народа для пересмотра существующихъ формъ государственной и общественной жизни“, въ томъ числѣ, значитъ, и для пересмотра вопроса о самомъ существованіи царства, и тутъ же требовали такихъ неотъемлемыхъ личныхъ правъ, какъ свобода слова, печати и т. п., только какъ „временной мѣры, впредь до рѣшенія народнаго (русскаго) собранія“, и заявляли „торжественно“ за всю свою „партію“, что „она безусловно подчинится рѣшенію (этого) народнаго собранія“.

Говоря все это, политики кружка не замѣчали, что они сами разрушаютъ свое дѣло, и не подозрѣвали, что наука и практика цивилизованныхъ странъ, начиная еще со временъ знаменитаго déclaration des droits de l'homme, если не раньше, выработала сознаніе о цѣлыхъ концентрическихъ кругахъ правъ личныхъ, общественныхъ, коммунальныхъ, областныхъ, національныхъ, о которыхъ заинтересованнымъ въ нихъ лицамъ и группамъ нечего и спрашиваться у какого бы то ни было народнаго собранія, т. е. собранія депутатовъ населенія извѣстнаго государства, болѣе или менѣе случайнаго сбора, да еще съ господствующею національностью, и которыхъ непризнаніе этимъ собраніемъ нисколько не обязательно ни нравственно, ни даже юридически для заинтересованныхъ лицъ и группъ. Немного спустя, „народовольцы" издали прокламацію, въ которой поощряли битье „жидовъ" и загѣмъ сами же запретили свою прокламацію.

Это по части внутренней политики. За границей люди этого кружка, правда очень ослабленнаго послѣдними арестами и казнями, испортили дѣло агитаціи въ пользу помощи жертвамъ русскаго правительства и противъ его деспотизма вообще, устроивъ такую странность, какъ „Красный Крестъ Народной Воли". — полу-явное филантропическое отдѣленіе тайнаго политически-террористическаго общества да еще съ узурпаціей принадлежащаго уже другой организаціи имени Красный Крестъ, — и все изъ за дѣтскаго желанія принять видъ правительства и признанной воюющей стороны, а также поручивъ заграничное представительство освободительнаго движенія въ Россіи человѣку, быть можетъ, лично и прекрасному, но крайне неудачному публицисту и совершенно безтактно сошедшемуся съ несимпатичными европейскому общественному мнѣнію Мостовскофеніанскими кружками.

Теперь изъ матеріаловъ, напечатанныхъ въ Календарѣ Народной Воли, оказывается, что кружокъ Народной Воли съ такимъ политическимъ развитіемъ и тактомъ, мечталъ не только убить пару — другую болѣе или менѣе высокопоставленныхъ особъ, но произвести въ Россіи политическій и соціальный переворотъ, захватить власть въ свои руки, какъ временное правительство, поддержать столичное возстаніе возстаніями въ провинціяхъ или по крайней мѣрѣ не допустить провинціи подать помощь правительству, и даже обезопасить возстаніе въ Россіи отъ помощи со стороны европейскихъ державъ и т. д., и т. д. И всего этого кружокъ думалъ достичь главнымъ образомъ при помощи „своихъ людей", помѣщенныхъ на важныхъ мѣстахъ въ

администраціи и въ войскѣ, при поддержкѣ „либераловъ“, для чего совѣтовалъ своимъ единомышленникамъ „выслуживаться и вытягивать другъ друга“, сходиться съ либералами и конституціоналистами, поднимать уровень развитія офицеровъ, вліять на общественное мнѣніе Европы. Вмѣстѣ съ тѣмъ оказывается, что „партія Н. В. дѣйствовала въ Россіи на молодежь посредствомъ студенческихъ группъ, заявившихъ себя дѣятельнымъ участіемъ во всѣхъ студенческихъ волненіяхъ“, которыя, какъ извѣстно, оканчиваются приведеніемъ сотенъ молодыхъ людей въ положеніе, изъ коего никого никуда не „вытянешь“ и изъ коего только и можно „выслужиться“, что — говоря языкомъ правительственнаго на счетъ такихъ лицъ распоряженія (см. „В. С.“ № 48) — „раскаяніемъ“ съ его доказательствами. Какъ могутъ такіе преждевременно выбитые изъ жизни люди вліять на интеллигентныхъ либераловъ, равно какъ и поднимать чей-либо уровень развитія, начиная со своего, понять не возможно. О значеніи такихъ людей въ Европѣ и говорить смѣшно!

Впрочемъ, по отношенію своему къ молодежи мечты и планы кружка „Народной Воли“ представляютъ все-таки нѣкоторый прогрессъ сравнительно съ таковыми временъ Бакунистовъ, Впередовцевъ, Набатчиковъ и т. п., которые налегали почти исключительно на „революціонную молодежь“. Жаль только, что Календарь Н. В. не напечаталъ упомянутой имъ на стр. 133—134 гектографированной „Инструкціи 1881 года объ услугахъ, какія можетъ оказывать учащаяся молодежь революціонному дѣлу“, а равно и цифръ, по которымъ можно было судить о процентномъ отношеніи своихъ для народовольскаго кружка людей на сколько-нибудь важныхъ мѣстахъ къ количеству ихъ между „революціонною молодежью“.

По вопросу о такъ называемомъ терроризмѣ въ Россіи очень интересно въ Календарѣ то мѣсто въ статьѣ „Подготовительная работа партіи“, въ которомъ говорится, что „Искусно выполненная система террористическихъ предпріятій, одновременно уничтожающихъ 10—15 человѣкъ столбовъ современнаго правительства, приведетъ правительство въ панику, лишитъ его единства дѣйствій и въ то же время возбудитъ народныя массы, т. е. создастъ удобный моментъ для нападенія. Пользуясь этимъ моментомъ, заранѣе (вотъ въ томъ то и штука!) собранныя боевыя силы начинаютъ возстаніе и пытаются овладѣть главнѣйшими правительственными учрежденіями“ и т. д. Хотя послѣднія слова и отзываются крайней мечтательностью, при количествѣ, составѣ и характерѣ наличныхъ народовольцевъ, но все же исполненіе хоть плана, выра-

женнаго въ подчеркнутыхъ словахъ, произвело бы дѣйствительно нѣкоторое замѣшательство въ государствѣ и сильное впечатлѣніе на массу, и хоть сколько-нибудь заслуживало бы имя терроризма. Но извѣстно, что и на это у кружка народовольцевъ не хватило средствъ да и не могло хватить, послѣ всѣхъ тѣхъ ошибокъ, какія были сдѣланы русскими соціалистами революціонерами за послѣднія 10—15 лѣтъ и какія кой-кто указывалъ имъ (къ досадѣ ихъ авторитетовъ и льстецовъ) уже давно.[1]

А потому весь такъ называемый терроризмъ пока сводится просто на акты личнаго самосохраненія (убійство шпіоновъ и предателей), рефлективнаго раздраженія (совершенно понятнаго при тѣхъ насиліяхъ, какія совершаетъ царское правительство), мести и, наконецъ, демонстраціи посредствомъ убійства высокопоставленныхъ и усиленно охраняемыхъ лицъ, но никакъ не болѣе. Всего резоннѣе даже сторонникамъ этого совсѣмъ не-терроризма, было такъ и поставить весь вопросъ о немъ (какъ и ставили его, напримѣръ, мы) и не возводить этого псевдотерроризма ни въ политическую теорію, да еще универсальную (какъ это дѣлалось, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ брошюрахъ), ни примазывать къ нему кружковой исключительности подъ видомъ дисциплинированія партіи, ни особенно суетныхъ надеждъ на захватъ власти и облагодѣтельствованіе Россіи временнымъ правительствомъ террористовъ и приготовленнымъ его эмиссарами народнымъ учредительнымъ собраніемъ. Тогда по крайней мѣрѣ шелъ бы въ этотъ псевдотерроризмъ только тотъ, кто къ нему чувствуетъ особое призваніе, или кому ничего другого болѣе дѣлать не остается, а другіе

[1] Даже покушеніе на взрывъ Зимняго Дворца не совсѣмъ подходитъ подъ намѣреніе уничтожить 10—15 человѣкъ столбовъ правительства, такъ какъ тамъ, при полномъ успѣхѣ замысла, могло быть уничтожено только нѣсколько человѣкъ изъ многочисленной династіи; во всякомъ случаѣ „заранѣе приготовленныхъ боевыхъ силъ", которыя могли бы „воспользоваться моментомъ" и т. д., никакихъ не было и тогда. Изъ въ высшей степени интересной статьи Кал. Н. В. о пребываніи Халтурина въ Зимнемъ Дворцѣ видно, что „Х—нъ пришелъ къ мысли протестовать (только!) посредствомъ убійства царя", и что мысль объ этомъ „явилась у него самостоятельно", а также и то, что Исп. Ком. отнесся къ плану Х—на не очень-то и внимательно, и рѣшилъ только „ввести его какъ резервъ въ сѣть другихъ предпріятій", задуманныхъ комитетомъ и, прибавимъ, гораздо менѣе практичныхъ, и ухватился за проектъ Х—на уже тогда только, когда эти предпріятія сорвались и когда исполненіе проекта Х—на было поспорчено неосторожностью членовъ комитета, у одного изъ которыхъ найденъ былъ доставленный Х—нымъ планъ Зимняго Дворца съ крестикомъ на царской столовой. Интересно, между прочимъ, какъ и въ этомъ случаѣ повторилась вѣчная исторія превосходства личной инициативы надъ глубокомысліемъ спеціальныхъ вѣдомствъ и центральныхъ комитетовъ! По свѣдѣніямъ, которыя мы имѣемъ отъ лица, близко знавшаго Х—на, члены Исп. Ком. отнеслись еще болѣе невнимательно къ инициативѣ Х—на (какъ не исходящей отъ с в о е г о), чѣмъ это изображено въ статьѣ Календаря. Прибавимъ кстати, что, по нашимъ свѣдѣніямъ, Х—нъ долго былъ „пропагандистомъ-организаторомъ" среди рабочихъ и противникомъ всякихъ бунтарско-террористическихъ предпріятій, которыя врядъ ли онъ и потомъ возводилъ въ теорію.

противники правительства и сторонники народа даже между такъ называемой русской соціально-революціонной партіей работали бы, или (молодежь) готовились бы для дѣла органическаго, для агитаціи во всѣхъ слояхъ населенія въ пользу свободы, самоуправленія и соціальныхъ реформъ; тогда бы и въ обществѣ, а особенно въ молодежи, не были бы поддерживаемы отсталыя и вредныя идеи централизаціи и гувернементализма, въ пользу которыхъ и такъ достаточно много работаетъ въ Россіи императорское правительство съ его оффиціозами, отъ Катковыхъ до Пихновъ, и противъ которыхъ идей, откуда бы онѣ не шли, обязанъ бороться всякій, кто понимаетъ что такое свобода и развитіе, какъ понимаются эти вещи въ цивилизованномъ мірѣ.

Но случилось иначе, и вопросъ о такъ называемой „террористической борьбѣ“ въ Россіи поставленъ былъ его сторонниками самымъ неудачнымъ образомъ, и въ этомъ, конечно, всего менѣе виноваты были личности „подпольныхъ“ террористовъ, которымъ уже было поздно учиться болѣе здравымъ и болѣе современнымъ политическимъ идеямъ и которымъ некогда было даже оглянуться и на самихъ себя.[1] Что будетъ дальше, увидимъ, но думаемъ, что разъ пережитое не повторяется и что поэтому русскій „терроризмъ“, какимъ мы видѣли его въ послѣдніе годы, есть явленіе уже отжившее свой вѣкъ и можетъ продолжаться развѣ въ попыткахъ военныхъ конспирацій и демонстрацій. Дѣйствительный же политическій переворотъ въ Россіи можетъ быть совершенъ только земскимъ движеніемъ, которое уже и началось и которое идетъ совсѣмъ не по централистической дорогѣ. О попыткахъ дворцовыхъ переворотовъ, возможныхъ, конечно, со стороны лицъ, приближенныхъ ко дворцу, а вовсе не „нигилистовъ“, мы не говоримъ, какъ о вещи совершенно особой, хотя и очень вѣроятной при продолженіи нелѣпаго во всѣхъ отношеніяхъ правленія Александра III. Но во всякомъ случаѣ сомнительно (если только сомнительно!), чтобъ люди, вродѣ теперешнихъ русскихъ революціонеровъ попали во временное правительство придворныхъ заговорщиковъ и даже чтобъ они пригодились послѣднимъ, какъ орудіе.

Помѣщенная во II-мъ же историко-литературномъ отдѣлѣ Календаря статья г. П. Лаврова „Взглядъ на прошедшее и будущее русскаго соціализма“ (единственная подписанная статья въ Календарѣ) представляетъ весьма разнообразную

[1] Сказанное относится особенно къ тѣмъ, кто прямо занятъ былъ практическимъ дѣломъ министроенія и пр., менѣе къ публицистамъ Народной Воли, и еще менѣе къ посторонимъ философамъ русскаго революціоннаго движенія, особенно заграничнымъ.

историко-литературную эквилибристику, довольно смѣло разсчитанную то на легковѣріе, то на незнаніе, то на короткую память читателей, между прочимъ, и на то, что никто, прочитавши эту статью, не загляднетъ даже во „Впередъ“, то на скромность тѣхъ, кого теперь задѣваетъ почтенный полковникъ-профессоръ съ свойственною ему въ такихъ случаяхъ галантерейностью обращенія. Для того, чтобъ помочь читателямъ оцѣнить настоящую статью г. Лаврова, мы могли бы ограничиться нѣсколькими выдержками изъ передовой статьи, помѣщенной въ № 13 „Впередъ“ за 1875 г., по вопросу, который сталъ особенно жгучимъ въ послѣдніе годы. Названа она „Соціально-революціонная и буржуазная нравственность“. По этой статьѣ выходитъ, что почти всѣ публичныя проявленія дѣятельности русскихъ соціалистовъ-революціонеровъ за послѣднія 4—5 лѣтъ, а особенно почти всѣ поводы къ русскимъ политическимъ процессамъ послѣдняго времени, будутъ проявленіями буржуазной, а не соціально-революціонной нравственности.

„Вы говорите, — обращается редакторъ „Впередъ“ къ „буржуазному міру“, по поводу нѣкоторыхъ указаній въ Зап. гр. Палена, бросавшихъ тѣнь на кой какіе р. соц. кружки, — „вы говорите о насъ: это убійцы и грабители. Но вы ошибаетесь. Мы — созидатели царства справедливости и во имя справедливости мы должны понимать войну иначе, чѣмъ вы ее понимаете. Для насъ огромное большинство людей, стоящихъ даже не въ нашихъ рядахъ и подозрительно или недоброжелательно смотрящихъ на насъ, состоитъ изъ нашихъ возможныхъ братьевъ, а жизнь каждаго нашего возможнаго брата для насъ должна быть дороже собственной жизни (Слушайте, слушайте!). Мы борцы за царство труда, и, во имя уваженія къ труду, для насъ всякое имущество, не заслуженное трудомъ должно быть гадко и отвратительно.

„И потому, господа защитники буржуазной нравственности, мы не можемъ вести войну вашими средствами, не впадая въ противорѣчіе съ собственными нравственными требованіями... ни убійство, ни грабежъ нравственными быть не могутъ.... Соціалистическая справедливость говоритъ своимъ борцамъ: мнѣ не нужно ни жизни отдѣльныхъ ничтожныхъ личностей, ни богатства отдѣльныхъ мелкихъ грабителей. Мнѣ нужна соціальная революція, полное и всеобщее разрушеніе стараго міра, полная и всеобщая побѣда. Ее не купить такой жалкой добычей, которую можно отнять у одного хищника.... Строитель царства труда и справедливости... живи трудомъ... борись не противъ людей, а противъ принципа.... Ты не имѣешь права пачкать твоего дѣла ни однимъ проступкомъ, который могъ бы бросить тѣнь на это дѣло.... Употребляй всѣ свои силы, все свое время на подготовленіе соціальной революціи и знай, что одно горячее слово пропаганды, которое пріобрѣтетъ тебѣ двухъ-трехъ новыхъ братьевъ, во сто разъ цѣннѣе въ процессѣ приготовленія со-

ціальной революціи, чѣмъ жизнь самаго опаснаго врага.... Знай, что пропаганда, придвинувшая на одинъ день наступленіе соціальной революціи, принесетъ гораздо болѣе выгоды страждущему человѣчеству, чѣмъ захватъ милліона, переданнаго въ ряды революціонеровъ, который, при нынѣшнихъ привычкахъ, можетъ слишкомъ часто искусить (ого! ого!) тѣхъ, черезъ руки которыхъ онъ проходитъ."

Не безъинтересно было бы привести выдержки и изъ послѣдняго №-ра „Впередъ" за 1876 г., въ которомъ старый редакторъ рекомендуетъ публикѣ новую редакцію, о коей есть нѣсколько словъ и въ статьѣ г. Лаврова въ Календарѣ, далеко не столь сладкихъ, и въ которомъ, главное, старый редакторъ оставляетъ свое завѣщаніе о вредѣ „бунтарства", изъ котораго выродился послѣдующій „терроризмъ", но пусть читатель уже самъ поищетъ эту статью въ 48 № „Впередъ".

По человѣчеству, конечно, очень жалко видѣть, какъ старый писатель, не только достойный лучшей участи, но, главное, обязанный выполнять болѣе достойную функцію передъ молодыми людьми, играетъ роль Полонія при соединенномъ дворѣ Шамборовъ, Орлеановъ и Плонъ-Плоновъ разныхъ, по большей части отставныхъ, россійскихъ кружковъ, единство которыхъ само-то держится, главнымъ образомъ, только общей имъ ненавистью къ свободѣ критики и къ идеѣ самоуправленія, и, какъ онъ показываетъ языкъ тѣмъ самымъ идеямъ и лицамъ, передъ которыми онъ еще очень недавно сладко улыбался, и улыбается тѣмъ, кому показывалъ языкъ, но для объективнаго физіолога общества и это тяжелое зрѣлище очень поучительно.

Мы не имѣемъ теперь мѣста и времени много говорить съ г. Лавровымъ по поводу его статьи въ „Календарѣ Народной Воли" и прибавимъ къ сказанному только слѣдующее: г. Лавровъ находится теперь въ странѣ, которая пережила столько революцій и coups d'état, въ которой идетъ теперь такое живое движеніе надъ выработкой программъ политическаго и соціальнаго переустройства. Пусть же онъ сравнитъ эти программы съ планами „Народной Воли" и ея „Календаря", и онъ долженъ будетъ сказать авторамъ и сторонникамъ этихъ послѣднихъ, что эти планы — мѣщанина якобинщины съ бонапартовщиною, — при теперешнемъ состояніи политической мысли въ Западной Европѣ, суть ничто иное, какъ плоды жалкаго недомыслія и отсталости на 40—50 лѣтъ, если не болѣе. Далѣе, русскіе революціонеры, конечно, искренно желаютъ склонить европейское общественное мнѣніе на свою сторону. Г. Лавровъ одинъ изъ людей, которые могли бы взяться за эту работу,

которая отчасти даже прямо поручена ему. Пусть же онъ объяснитъ своимъ русскимъ молодымъ друзьямъ, напримѣръ, хоть такую вещь, почему это многія европейскія соціалистическія газеты начали знакомить свою публику съ послѣднимъ петербургскимъ политическимъ процессомъ, но сообщили (по „Times“ и „Ind. B.“) данныя изъ обвинительнаго акта и перваго засѣданія — да и оборвались: пока дѣло шло объ энергіи подсудимыхъ, все было прекрасно, а какъ дошло до ихъ политическихъ идей, такъ и наступилъ конфузъ! И это не въ первый разъ, а повторяется почти всегда въ такихъ случаяхъ, начиная съ исторіи заказанной невѣрующими „нигилистами“ messe funèbre (по живомъ человѣкѣ!) dans la Cathédrale de Notre-Dame de Kazan. Но вмѣсто того, чтобы сообщать своимъ молодымъ друзьямъ, блуждающимъ во тьмѣ, сгущенной около нихъ царской цензурой, результаты наблюденій надъ жизнью и мыслью въ цивилизованномъ мірѣ (единственный теперь смыслъ эмиграціи, внѣ заботъ о личной безопасности), г. Лавровъ конфузится и за то количество свѣта, которое все же заключалось въ первоначальномъ „Впередъ“, при всемъ его доктринерствѣ и всетаки эквилибристикѣ! Такъ, напримѣръ, имѣя въ виду споры, поднятые статьей первой книги „Впередъ“ по вопросу — и теперь одному изъ важнѣйшихъ въ Россіи — „Знаніе и революція“, отъ началъ которой статьи собственно еще „Впередъ“ малодушно отказался, г. Лавровъ въ „Календарѣ Народной Воли“ усиливается замазать этотъ вопросъ слѣдующими утѣшительными рѣчами: „полемика противъ пріобрѣтенія знаній потеряла смыслъ, когда Ширяевы и Кибальчичи сдѣлались необходимыми элементами крупныхъ террористическихъ предпріятій“ и т. п. Ахъ, г. Лавровъ! — да еслибъ миноносныя и бомбоустроительныя знанія были достаточны для приготовленія хорошаго политика, тогда бы генералъ Барановъ былъ прекраснымъ градоначальникомъ, а гр. Тотлебенъ либеральнѣйшимъ генералъ-губернаторомъ! Между тѣмъ, къ сожалѣнію, мы видимъ, что, напримѣръ, для того, чтобы выработать себѣ и другимъ толковую политическую программу для Россіи, мало даже зазубрить формулы Маркса, о которыхъ говоритъ г. Лавровъ далѣе (и говоритъ, замѣтимъ, противъ себя, не только въ прошломъ, но и въ настоящемъ), а нужно знать еще кой-что, даже до этнографіи и народныхъ „традицій“ включительно, невниманіе къ основательному изученію которыхъ, при политическомъ зудѣ и привычкахъ національнаго самохвальства, приводитъ только къ такимъ наивностямъ, какова, напримѣръ, статья I т. „Впередъ“ „1773—1873“, въ которой Пугачевская само-

званщина поставлена выше С.-Американской революціи, и какія остались еще и въ послѣдней статьѣ г. Лаврова, даже послѣ всѣхъ данныхъ ему уроковъ русской и всеобщей исторіей!

Бѣда бы не была велика, если бы все дѣло ограничивалось напечатаніемъ наивностей въ такихъ изданіяхъ, какъ „Впередъ“, но сколькихъ жизней стоили и какое ошибочное направленіе дали всему народолюбивому движенію въ нашей молодежи за 10—15 лѣтъ увѣренія подобныхъ редактору „Впередъ“ знатоковъ русской исторіи и этнографіи о томъ, что Стеньки Разины и Пугачевы были соціальные революціонеры и что почитающій будто бы ихъ традиціи народъ готовъ сейчасъ стать подъ знамя Интернаціонала!! Съ грустью думаемъ о томъ, во что могутъ обойтись новыя наивности (въ сущности набатскія), къ которымъ наново приспособляется г. Лавровъ въ своей послѣдней статьѣ, и грусть эта мѣшаетъ намъ загадывать о томъ, какую новую программу будетъ восхвалять г. Лавровъ черезъ нѣсколько лѣтъ, когда ново-набатскія программы редакторовъ „Календаря Народной Воли“ окажутся столь же состоятельными, какъ и программы русскихъ соціалистовъ семидесятыхъ годовъ!

Третій и послѣдній отдѣлъ „Календаря Народной Воли“, справочный, оканчивается „Библіографіей вольной прессы“. Библіографія эта составлена все съ тою же несчастной наклонностью играть въ настоящее правительство, которая уже внушила не одинъ ложный шагъ разнымъ кружкамъ русскихъ революціонеровъ, а особенно народовольцевъ, тѣмъ болѣе, что они въ такихъ случаяхъ, какъ дѣти, у которыхъ еще матерное молоко на губахъ не обсохло и которые, однакожъ, корчатъ изъ себя большихъ, неизбѣжно копируютъ домашніе образцы. Издатели „Календаря Народной Воли“, видите ли, чувствуютъ себя призванными не просто перечислить заглавія изданій „вольной прессы“, но и „предостерегать своихъ читателей отъ вредныхъ для дѣла (какого? или, можетъ быть, лучше: чьего?) изданій“.

Когда-то во время повсемѣстнаго господства теоріи „объ ограниченномъ разумѣ подданныхъ“ (der beschränkte Unterthanengeist), подобныя заботы брало на себя всякое правительство, но теперь даже изъ дѣйствительныхъ правительствъ при подобныхъ претензіяхъ остались только папская канцелярія да русское министерство народнаго просвѣщенія. Предостерегаетъ своихъ подданныхъ „Календарь Народной Воли“, конечно, прежде всего, отъ непокорныхъ „Громады“ и „Вольнаго Слова“, причемъ въ опредѣленіи

языка „Громады“ оффиціозы „Календаря“, какъ и ученый г. Лавровъ, обнаруживаютъ чрезвычайно характеристическое совпаденіе съ „Правительственнымъ Вѣстникомъ“, называя его „малороссійскимъ нарѣчіемъ“ и подавая тѣмъ надежду, что скоро сойдутся и съ столь же ученымъ, но болѣе смѣлымъ лингвистомъ, г. Пихномъ, который называетъ этотъ языкъ „говоромъ“. (Пока библіографъ „Календаря“ обнаружилъ такое знакомство съ этимъ „нарѣчіемъ“, что принялъ напечатанную на немъ книжку „Marija maty Isusowa“ за польскую!)

Проклятіе „Громады“ и „Вольнаго Слова“, впрочемъ, вполнѣ гармонируетъ съ поистинѣ дьячковской идеей начать „Календарь Народной Воли“ своего рода соціально-революціонными святцами, въ которыхъ бѣдный Герценъ попалъ въ одну компанію съ Нечаевымъ, а Шевченко — съ чигиринскими самозванцами, подведшими земляковъ честнаго украинца въ Сибирь, подсунувъ имъ подложный манифестъ отъ ненавистнаго Шевченку царя, и въ которыхъ (святцахъ) не знаемъ почему, не записанъ г. Другъ-Молчановъ.[1] Всякіе святцы требуютъ молитвъ и заклинаній отъ діавола, а такимъ діаволомъ давно уже служитъ для жреческихъ натуръ въ русскихъ консервативныхъ, какъ и революціонныхъ кружкахъ „Громада“ и „Вольное Слово“. Для болѣе вѣрной побѣды надъ діаволомъ, издатели женевско-русскихъ святцевъ не ограничились библіографическимъ отзывомъ объ его изданіяхъ, — отзывомъ, въ которомъ, конечно, показано ровно столько же знанія дѣла и добросовѣстности, сколько это обыкновенно бываетъ въ поповскихъ причитаніяхъ отъ лукаваго, — ни даже не удовольствовались двумя кондаками (такихъ же качествъ) въ акаѳистѣ г. Лаврова.[2] Они прибѣгли еще къ помощи духовныхъ особъ сосѣдняго прихода (изъ коихъ нѣкоторыя еще въ недавнее время призывались на эпитемію въ консисторію „Народной Воли“), иначе сказать, перепечатали въ „Календарѣ Народной Воли“ заклинательный канонъ блаженныхъ чернопередѣльцевъ и чудотворцевъ чигиринскихъ (гг. П. Аксельрода, Л. Дейча, Г. Плеханова), которые не пожалѣли для своихъ личныхъ цѣлей поставить и В. И. Засуличъ въ печальное и невыгодное для „партіи, которую она пред-

[1] Остроумію составленія святцевъ соотвѣтствуетъ нарочито неумѣлое составленіе фотографическихъ группъ въ началѣ „Календаря“.

[2] Для г. Лаврова „Громада“ — „иностранная“, потому что не совѣтуетъ украинцамъ запирать свои руки и мозги исключительно въ коробку Россійской имперіи и забывать своихъ братьевъ за ея стѣнами, а „Вольное Слово“ — „антисоціалистическое“, потому что вмѣсто того, чтобы „вычитывать Отченаши“, взялось давать реальныя картины рабочаго и крестьянскаго движенія и положенія въ Западной Европѣ и Россіи.

ставляетъ", положеніе, — заслуженнаго имени, которымъ прикрываются весьма неблаговидныя продѣлки. Мы говоримъ о перепечаткѣ въ „Календарѣ Народной Воли" прошлогодняго „Открытаго письма къ господину Драгоманову", подписаннаго названными сейчасъ господами и оставленнаго адресатомъ безъ отвѣта, какъ потому что претензіи этого письма вообще не литературнаго характера, такъ и для собственной выгоды лицъ, его подписавшихъ, кромѣ одного, выше не названнаго, ни къ какимъ личнымъ мотивамъ, замѣшаннымъ въ этомъ дѣлѣ, не причастнаго. Давая обстоятельный отвѣтъ на это письмо (котораго авторовъ слѣдуетъ въ данномъ случаѣ строго отдѣлять отъ русскихъ соціалистовъ революціонеровъ вообще и даже не называть, какъ это очень неосторожно дѣлаетъ редакція „Календаря Народной Воли", „представителями нашей эмиграціи"), намъ пришлось бы опубликовать нѣкоторыя письма къ намъ, которыя бы объяснили исторію одной программы и одной клеветы, но мы предпочитаемъ предоставить это дѣло редакціи „Женевско-Русской Старины" черезъ 30 лѣтъ. Теперь же для любителей скандала болѣе, чѣмъ достаточно, какъ самого „Открытаго Письма", такъ и тѣсно связанной съ нимъ брошюры г. В. Черкезова „Драгомановъ изъ Гадяча" и пр.), автора которой редакція „Календаря Народной Воли" имѣла догадливость тоже помѣстить въ свои святцы подлѣ Перовской и др.

Впрочемъ, всѣ вышеупомянутыя заклинанія діавола въ „Календарѣ Народной Воли", совершенно даромъ потерянное масло, такъ какъ пора бы уже убѣдиться, что діаволъ вообще живучъ, а, во-вторыхъ, и насомые теперь стали куда умнѣе противъ прежняго и начинаютъ соображать, что Люциферъ, дерзко освѣщающій (или, по г. Лаврову, денигрирующій) закоулки всякихъ Олимповъ и Парнасовъ и непрестанно приглашающій людей самостоятельно вкушать отъ древа познанія добра и зла, — собственно и есть настоящій доброжелатель простыхъ смертныхъ. Да то ли еще! Теперь даже и религіозные люди начинаютъ понимать, что всякій культъ не приноситъ никому выгоды, кромѣ жреческаго причта, а религію только губитъ; теперь даже цари — кромѣ, конечно, петербургскихъ — понимаютъ, что придворные льстецы и чиновники, доносящіе, что, молъ, во ввѣренной мнѣ части все обстоитъ какъ наилучше, — гораздо болѣе вредны для троновъ, чѣмъ даже дѣйствительно злонамѣренные дениграторы.

Въ заключеніе о справочномъ отдѣлѣ „Календаря Народной Воли" скажемъ, что сколько-нибудь нравственно развитые читатели его, конечно, оцѣнятъ по достоинству помѣщенную

въ немъ справку для государственной полиціи объ имени бывшаго редактора „Вольнаго Слова“, а знатоки женевско-русской печати, конечно, удивятся, почему это священная канцелярія „Календаря“ внесла въ свой Index librorum prohibitorum и газету „Правда“ г. Климова, которая цѣликомъ могла бы помѣститься въ „Календарѣ Народной Воли“ и въ его политической и справочной части, между прочимъ, и по причинѣ ея усердія въ заклинаніи „Вольнаго Слова“ и его нынѣшняго редактора.

Письмо Н. И. Костомарова
къ издателю „Колокола".

(Письмо это было переиздано Драгомановымъ въ 1885 году въ Женевѣ отдѣльной брошюрой съ слѣдующимъ предисловіемъ.)

Воспроизводимая дальше статья была первоначально напечатана въ 61 № „Колокола" (15 января 1860 г.) А. И. Герцена, подъ заглавіемъ „Украйна".[1] Она появилась въ самый разгаръ начавшагося между издателемъ и различными польскими дѣятелями обмѣна мыслей о томъ сложномъ явленіи, которое называется польскимъ вопросомъ. Къ сожалѣнію, во время польскаго возстанія 1863 г. статья эта, — хотя и признанная очень важною самимъ Герценомъ, — мало оказала вліянія не только на польскихъ дѣятелей, но и на редакцію „Колокола", какъ объ этомъ мы говорили подробно въ нашихъ статьяхъ „Историческая Польша и Великорусская демократія".

Несмотря на это, или, можетъ быть, лучше сказать: смотря на это, статья эта не потеряла своего значенія и не потеряетъ его до тѣхъ поръ, пока въ Восточной Европѣ не разрѣшены тѣ политико-соціальные вопросы, которыхъ она касается. Въ настоящую минуту перепечатка этой статьи показалась намъ особенно необходимою въ виду того, что смерть автора подняла вновь обсужденіе этихъ вопросовъ, хотя и довольно робкое, даже во внутренней печати въ Россіи.

Статья эта принадлежитъ Н. И. Костомарову, какъ въ этомъ можно удостовѣриться изъ самаго содержанія ея.

Письмо Костомарова къ Герцену, кромѣ характерическаго для своего времени взгляда на исторію Украйны, интересно еще, какъ показаніе участника о характерѣ и цѣляхъ того политическаго направленія, которому присвоилось названіе „Кирило-Меѳодіевскаго Братства" Костомарова, Шевченка и друзей ихъ въ 40-ые годы, и какъ изложеніе стремленій кружка „украйнофиловъ", группировавшихся въ началѣ шестидесятыхъ годовъ около петербургской „Основы".

[1] Заглавіе это, вѣроятно, сдѣлано было самимъ Герценомъ.

По этому одному письмо Костомарова представляетъ собою интересный документъ для исторіи политическихъ идей на Украйнѣ. Оно поясняетъ одну изъ ступеней въ развитіи того федерально-демократическаго движенія, которое составляетъ характеристическую принадлежность политико-соціальныхъ стремленій украинцевъ даже и тогда, когда у нихъ не ясно спеціально украинское самосознаніе. Идеи Костомаровскаго кружка несомнѣнно представляютъ звено, которое соединяетъ стремленія общества „Соединенныхъ Славянъ", образовавшагося въ Кіевской губ. въ 1823—25 гг. съ принципами „украйнофиловъ" и „хлопомановъ" 60-хъ годовъ и украинскихъ федералистовъ-соціалистовъ настоящаго времени.

Вотъ какъ опредѣляетъ Горбачевскій „цѣли и правила" общества „Соединенныхъ Славянъ", вліятельнымъ членомъ котораго онъ самъ былъ:

„Общество имѣло главною цѣлью — освобожденіе всѣхъ Славянскихъ племенъ отъ самовластія; уничтоженіе существующей между нѣкоторыми изъ нихъ національной ненависти и соединеніе всѣхъ обитаемыхъ ими земель федеративнымъ союзомъ. Предполагалось съ точностью опредѣлить границы каждаго государства, ввести у всѣхъ народовъ форму демократическаго представительнаго правленія, составить конгрессъ для управленія дѣлами Союза и для измѣненія въ случаѣ надобности общихъ коренныхъ законовъ, предоставляя каждому государству заняться внутреннимъ устройствомъ и быть независимымъ въ составленіи частныхъ своихъ узаконеній. Вникая въ основанія благоденствія частнаго человѣка, мы убѣждаемся, что они бываютъ физическія, нравственныя и умственныя: посему гражданское общество, какъ цѣлое, составленное изъ единицъ, необходимо зиждется на тѣхъ же началахъ, и для достиженія возможнаго благосостоянія требуетъ промышленности, отвращающей бѣдность и нищету; нравственности, исправляющей бурныя наклонности, смягчающей страсти и внушающей человѣколюбіе, и, наконецъ, просвѣщенія, вѣрнѣйшаго сподвижника въ борьбѣ противу золъ неразлучныхъ съ существованіемъ, которое дѣлаетъ умнѣе и искуснѣе во всѣхъ предпріятіяхъ. Развертывать, распространять сіи три основныя начала общественнаго блага поставлялось въ первую и неизмѣнную обязанность Славянина, онъ долженъ былъ по возможности истреблять предразсудки и порочныя наклонности, изглаживать различіе сословій и искоренять нетерпимость вѣрованій, собственнымъ примѣромъ побуждать къ воздержанію и трудолюбію, стремиться къ умственному и нравственному усовершенствованію и по-

ощрять къ сему дѣлу другихъ, всѣми способами помогать бѣднымъ, но не быть расточительнымъ; не дѣлать людей богатыми, но научить ихъ, какимъ образомъ посредствомъ труда и бережливости безъ вреда для себя и другихъ пользоваться оными. Убѣжденіе въ сихъ правилахъ заставляло Славянъ выводить слѣдующія заключенія: никакой переворотъ не можетъ быть успѣшенъ безъ согласія и содѣйствія цѣлой націи: посему прежде всего должно приготовить народъ къ новому образу гражданскаго существованія и потомъ уже дать ему оный; народъ не иначе можетъ быть свободнымъ, какъ сдѣлавшись нравственнымъ, просвѣщеннымъ и промышленнымъ. Хотя военныя революціи быстрѣе достигаютъ цѣли, но слѣдствія оныхъ опасны: онѣ бываютъ не колыбелью, а гробомъ свободы, именемъ которой совершаются. Славяне, убѣжденные въ томъ, что надежды ихъ не могутъ такъ скоро исполниться, какъ они того желали, не хотѣли терять времени въ пустыхъ и невозможныхъ усиліяхъ, но вознамѣрились дѣлать все, что зависитъ отъ нихъ и ведетъ хоть медленно къ предпринятой цѣли. Въ исполненіе сего намѣренія они положили опредѣлить нѣкоторую часть общественной суммы на выкупъ крѣпостныхъ людей, стараться заводить или споспѣшествовать заведенію небольшихъ сельскихъ и деревенскихъ училищъ; внушать крестьянамъ и солдатамъ необходимость познанія правды и любовь къ исполненію обязанностей гражеанина и, такимъ образомъ, возбудить въ нихъ желаніе измѣнить унизительное состояніе рабства и пр. (Зап. Неизвѣстнаго, Р. Архивъ, 1882, кн. 2, стр. 443—445).

Сравнивая эти „правила и цѣли“ съ идеями кружка Костомарова, мы видимъ близкое сходство.[1] Но между идеями обоихъ кружковъ существовало и крупное различіе: у Соединенныхъ Славянъ, несмотря на украинское происхожденіе большей части ихъ, не видно и слѣда національнаго украинскаго самосознанія. Воспитанные въ періодъ торжества сословной оторванности дворянства на Украйнѣ отъ массы населенія и смѣшенія понятій о государствѣ и націи, наши „славяне“ 20-хъ годовъ не видѣли среди славянскихъ племенъ украинскаго племени, а, наоборотъ, представляли себѣ народъ „русскій“ столь же единымъ, какъ было едино „русское“ государство въ XVIII вѣкѣ, послѣ

[1] Не такъ ясно и съ ненавѣжнымъ изращеніемъ, но все же въ основѣ согласно съ вышеприведенною выдержкою изъ Горбачевскаго, положена была сущность стремленій Соединенныхъ Славянъ и въ „Докладѣ слѣдственной комиссіи 30 мая 1826 г.“. Этотъ докладъ найденъ былъ на столѣ Костомарова въ моментъ обыска у него въ 1847 г. „Сейчасъ видно, чѣмъ занимается“, — сказалъ при этомъ жандармскій офицеръ. Этимъ мелкимъ фактомъ доказывается и существованіе непосредственной преемственности между кіевскими панславистами 40-хъ гг. и „Соединенными Славянами“ 20-хъ.

уничтоженія украинскихъ политическихъ организацій (Гетьманщины, Слободско-Украинскихъ полковъ и Сѣчи Запорожской).[1]

Этотъ пробѣлъ въ идеяхъ Соединенныхъ Славянъ былъ одною изъ главныхъ причинъ ихъ слабости и грустнаго трагизма ихъ гибели. Благодаря ему, Соединенные Славяне лишили себя возможности пустить корни въ массу окружающаго ихъ населенія, воспользоваться его свободолюбивыми традиціями, которые тогда были еще очень свѣжи и даже сказались ясно — къ удивленію самихъ славянъ!! — и въ моментъ возстанія Черниговскаго полка въ Кіевской губерніи въ 1825—26 гг. Отсутствіе же національнаго украинскаго самосознанія было причиною и того, что Соединенные Славяне такъ легко и безусловно слились съ „Южнымъ Обществомъ", имѣвшимъ не только не сходныя, но во многомъ противныя „славянскимъ", заговорщицко-централистически „цѣли и правила". Вслѣдствіе этого, несмотря на то, что во время самаго военнаго возстанія въ декабрѣ 1825 г. и въ январѣ 1826 г. Соединенные Славяне превосходили членовъ „Южнаго Общества" личною энергіей, они погибли почти совершенно безплодно для своихъ идей, которыя для большой публики ихъ современниковъ и ближайшихъ потомковъ совершенно скрылись за стремленіями „Южнаго Общества" и другихъ „декабристовъ".[2]

Съ этой стороны судьба Соединенныхъ Славянъ въ извѣстной степени повторилась, но еще болѣе трагично съ тѣми „южанами", которые пристали къ „русскимъ соціальнымъ революціонерамъ" 70-хъ годовъ. Общій прогрессъ демократическихъ идей въ теченіи XIX ст. и науки объ украинскомъ народѣ, въ значительной степени созданной усиліями Костомаровскаго кружка и его послѣдователей, пробудили и въ этихъ „южанахъ" чувство національной связи съ окружающимъ ихъ народомъ и даже сознаніе значенія порывовъ этого народа къ свободѣ. Но по разнымъ причинамъ, — которыя мы обсуждали при другихъ случаяхъ, — многіе „южане" не сочли для себя нужнымъ образовать изъ себя самостоятельныя группы, имѣющія цѣлью, прежде всего, непосредственно работать для этого украинскаго народа, а отложили не только образованіе изъ себя подоб-

---

[1] Соединенные Славяне предположили въ будущемъ политическомъ союзѣ слѣдующія „восемь славянскихъ колѣнъ": Россію, Польшу, Богемію, Моравію, Далмацію, Кроацію, Генгрію съ Трансильваніей, Сербію съ Молдавіей и Валахіей". (Дополненіе слѣдственной комиссіи, въ книгѣ, изданной редакціей „Полярной Звѣзды" — „14-го декабря 1825 г. и Императоръ Николай I", стр. 54).

[2] Подробности ко всему сказанному о Соединенныхъ Славянахъ см. въ названныхъ выше „Запискахъ Неизвѣстнаго" Горбачевскаго въ „Русскомъ Архивѣ".

ныхъ группъ, но и открытое заявленіе своихъ украинскихъ симпатій и даже вообще федеральныхъ идей „на другой день послѣ побѣды надъ общимъ врагомъ“. Въ этотъ „другой день“ они надѣялись обуздать и тѣ національно-централистическія поползновенія, которыя сами „южане“ замѣчали у многихъ изъ нихъ „русскихъ“ союзниковъ подъ космополитическими фразами.

Но какъ и слѣдовало ожидать, всѣ эти и подобные расчеты „южанъ“ оказались ошибочными. Не будемъ говорить лишній разъ о томъ, что невниманіе къ мѣстнымъ украинскимъ условіямъ отняло у „южанъ“ почву (и при томъ благодарную!) для лучшей стороны ихъ дѣятельности. Но согласившись поставить свои стремленія къ политической свободѣ, къ которымъ они съ такимъ трудомъ выбились, — не безъ вліянія традицій своей родины, — изъ мистицизма „русскаго народничества“, согласившись поставить эти стремленія подъ устарѣлый централистическій девизъ народной воли, приличный болѣе абсолютизму религіозно-политическихъ сектъ XVI—XVIII в., чѣмъ современнымъ понятіямъ о свободѣ, федералисты-южане затемнили передъ обществомъ самую сущность своихъ политическихъ идеаловъ. Умолчаніе же „южанъ“ о своихъ украинскихъ симпатіяхъ имѣло еще худшія послѣдствія. Этимъ умолчаніемъ „южане“, которые принадлежали къ числу самыхъ энергическихъ и самоотверженныхъ членовъ извѣстной партіи и потому сгибли первые, дали послѣ своей гибели тѣмъ самымъ національно-централистическимъ элементамъ, которые они расчитывали обуздать послѣ побѣды надъ общимъ врагомъ, но которые пережили ихъ, возможность эксплуатировать ихъ собственныя имена и ихъ гибель въ пользу стремленій прямо противоположныхъ тѣмъ, за которыя погибли вышеупомянутые южане: въ пользу подновленныхъ теорій бюрократизма и обрусенія, своего рода катковщины въ бланкистскомъ и марксовскомъ плащѣ.[1]

Надо признать, что вина вышеупомянутаго умолчанія и почти безплодной погибели стольких сыновъ Украйны въ значительной степени падаетъ на слабости и ошибки представителей того направленія, изъ котораго въ свое время вышло воспроизводимое дальше письмо Н. И. Костомарова. Письмо это набрасываетъ программу украинскихъ панславистовъ 40-хъ годовъ и „украйнофиловъ“ начала 60-хъ

[1] Нѣкоторыя подробности къ сейчасъ сказанному см. въ нашихъ статьяхъ и брошюрахъ: „Историческая Польша и Великорусская демократія“, „Народная Воля“ о централизаціи политической борьбы“, „Къ біографіи Желябова“, а также въ брошюрахъ о Желябовѣ, Кибальчичѣ, въ Письмѣ гг. Лаврова и Л. Тихомирова въ редакціи „Przedswit“, „Запросы времени“ въ IV-мъ №-рѣ „Вѣстника Народной Воли“ и др.

годовъ. Уже послѣдняя въ своей политической и соціальной сторонѣ не можетъ быть названа ни достаточно ясною, ни достаточно полною для своего времени. Съ годами же люди направленія Костомарова не только не развили политическо-соціальной стороны своей программы, но даже допустили ей значительно атрофироваться. На предлагаемые на этотъ счетъ вопросы они отвѣчали обыкновенно указаніемъ на то, что положеніе украинскаго народа и національности требуетъ въ данное время отъ сознательныхъ украинцевъ, главнымъ образомъ, культурной работы. Но въ отвѣтѣ этомъ забывалось, что, во-первыхъ, культура имѣетъ и политическую и соціальную сторону, а, во-вторыхъ, что безъ извѣстнаго простора, который дается только свободными политическими учрежденіями, трудна, а для народовъ, не имѣющихъ національной независимости, почти совершенно невозможна никакая, самая мирная культурная работа, даже исключительно литературная и педагогическая.

Вотъ въ этотъ моментъ атрофіи политико-соціальныхъ стремленій у такъ наз. „украйнофиловъ“, успѣло подрости то поколѣніе „южанъ“, которое увлечено было въ такъ называемую „русскую соціально-революціонную партію“, благодаря столько же неполнотѣ образованія, вынесеннаго изъ оффиціальныхъ школъ, и собственнымъ недосмотрамъ, сколько и недостаточной яркости политико-соціальной стороны въ знамени украинскихъ народолюбцевъ.

Въ настоящее время хотѣлось бы думать, что кругъ пропусковъ и ошибокъ у различнаго рода прогрессивныхъ направленій среди населенія Украйны исчерпанъ до конца и что историческій обзоръ прошлаго этихъ направленій, которому назначается служить и настоящая брошюрка, поможетъ выработкѣ всесторонней программы для солидарной дѣятельности всѣхъ элементовъ, которые имѣютъ въ виду свободу и развитіе украинскаго народа, въ неизбѣжной связи съ свободою и развитіемъ всѣхъ его сосѣдей, славянскихъ и неславянскихъ.

Женева, 1 іюля 1885 г.

Приложеніе.

Письмо Костомарова къ издателю „Колокола“.

Милостивый Государь!

Въ 34 листѣ „Колокола“ вы проявили относительно Украйны такой взглядъ, который мыслящая часть южнорусскаго народа

издавна хранитъ какъ драгоцѣнную святыню сердца. Примите же отъ насъ сердечную благодарность. Къ числу многихъ истинъ, которыя вы первый высказали печатно на русскомъ языкѣ, принадлежитъ и то, что вы сказали о нашемъ отечествѣ. Позвольте же во всеуслышаніе передать вамъ наши задушевныя убѣжденія.

Большинство великорусской и польской публики привыкло не считать насъ отдѣльнымъ народомъ, не признавать въ насъ отдѣльныхъ элементовъ для самобытной жизни, выработанныхъ прошедшимъ, сомнѣваться въ существованіи у насъ своенароднаго языка и въ возможности его литературнаго развитія и вообще ставить наши особенности въ рядъ провинціальныхъ оттѣнковъ — то русской, то польской національностей. Этотъ ошибочный взглядъ возникъ отъ того, что, къ чести нашей южнорусской общественной церкви отъ нея отщеплялось все, носившее на себѣ отпечатокъ барства и привилегій, да и сама эта церковь предавала его анаѳемѣ. Дворянъ-малороссіянъ нѣтъ, за исключеніемъ немногихъ, которые въ послѣднее время, вмѣстѣ съ сознаніемъ о несостоятельности дворянской институціи, обращаются къ чистому народному источнику; и прежде не было у насъ дворянъ; они были чужіе, хотя и происходили изъ нашей крови; прежде они становились поляками, теперь — великороссіянами. Народность малороссійская, какъ ее привыкли называть съ легкой руки дьяковъ Алексѣя Михайловича, всегда оставалась достояніемъ угнетеннаго сословія, потомъ и кровью улучшавшаго и Вишневецкихъ, и Разумовскихъ. Можно ли называть народомъ мужичье? Можно ли давать ему права самобытнаго существованія?

Такъ думали и думаютъ многіе изстари. Намъ случалось слышать отъ либеральныхъ поляковъ, что о принадлежности Волыни и Подоли Польшѣ не можетъ возникать и сомнѣнія, потому что весь образованный классъ народонаселенія этихъ краевъ — поляки и тянутъ къ Польшѣ душой и тѣломъ: что же касается до сплошной массы чернаго народа, то его не слѣдуетъ о томъ и спрашивать, потому что онъ не можетъ отвѣчать, будучи невѣжественъ въ государственныхъ вопросахъ. Либералы-великороссы, или наслушавшись польскихъ доказательствъ и привыкшіе считать націями только такіе народы, у которыхъ были государи, дворы и дипломаты, великодушно жертвуютъ полякамъ эти края, или же, подъ вліяніемъ патріотизма, развитого Устряловымъ, почитаютъ ихъ непререкаемою собственностью Россіи, и такимъ образомъ вопросъ о принадлежности земель, населенныхъ нашимъ народомъ, составляетъ спорный пунктъ между свободолюбящими обоихъ славянскихъ племенъ. А ларчикъ открывается просто: спорныя земли не принадлежатъ ни тѣмъ, ни другимъ, — онѣ принадлежатъ тому народу, который издревле ихъ населялъ, населяетъ и обрабатываетъ.

Украйна, или Южная Русь, имѣетъ свою многознаменательную и поучительную исторію. Не станемъ углубляться въ сумерки удѣльнаго періода, когда Южная Русь, соединенною съ сѣверною посредствомъ федеративной связи княжескаго рода, скоро послѣ освобожденія отъ татаръ, при посредствѣ литовскаго князя Ге-

димпна (1320 г.), воротилась къ своему отдѣльному бытію: этотъ періодъ могъ бы сдѣлаться для насъ занимательнымъ предметомъ изученія; къ сожалѣнію мы въ него можемъ смотрѣть только сквозь монастырскія очки лѣтописцевъ. Со времени козачества наступаетъ новая жизнь для нашего края. Козачество, котораго славянское значеніе вами прекрасно сознано, было разсадникомъ свободы и противодѣйствіемъ двоякому деспотизму: съ одной стороны — внѣшнему, полудикому, восточно-мусульманскому деспотизму, съ другой — внутреннему, аристократическому, тонкому, цивилизованному, развившемуся у поляковъ подъ вліяніемъ старыхъ римскихъ и папскихъ понятій, до уродливости. Съ конца XVI вѣка идетъ рядъ возстаній противъ польскаго дворянства.

Такъ какъ Рѣчь-Посполитую безпокоили набѣги хищническихъ ордъ, то она не могла обойтись безъ вооруженной силы на турецко-татарскихъ границахъ, а потому нуждалась въ козакахъ и должна была предоставить имъ совмѣстныя, по понятіямъ вѣка, съ званіемъ воина, права свободнаго человѣка: но признавала козацкое достоинство только за ограниченнымъ числомъ записанныхъ въ реестръ, а остальной народъ удерживала въ порабощеніи у королевскихъ старостъ и владѣльцевъ. Народъ напротивъ, хотѣлъ весь пользоваться правами свободныхъ людей; всѣ хотѣли быть козаками, да и самые реестровые желали своимъ званіемъ подѣлиться со всѣми. Народъ не желалъ имѣть надъ собою господъ; народъ хотѣлъ самоуправленія, самосуда, равноправнаго отправленія общественныхъ повинностей и свободнаго избранія образа жизни для каждаго. По понятіямъ народа, въ Украйнѣ предоставлялось жить всякому, и едва ли въ XVII вѣкѣ гдѣ-нибудь такъ уважались человѣческія права безотносительно къ вѣрѣ, породѣ, народности, убѣжденіямъ. Когда поляки упрекали козаковъ за то, что у нихъ находили притонъ разнаго рода авантюристы, самозванцы, политическіе изгнанники, еретики, — они отвѣчали, что у нихъ отъ вѣки-вѣковъ такъ заведено, чтобъ каждому былъ вольный приходъ и отходъ; у нихъ не спрашивали, откуда кто пришелъ и куда отправляется. Сами козаки, рыцари вѣры, неутомимые враги всего неправославнаго на войнѣ, у себя дома принимали съ радушіемъ — и католика, и аріанина, и мусульманина. И теперь у южнорусса гораздо меньше религіозности, чѣмъ у великорусса, хотя несравненно больше внутренняго благочестія.

Украинскій народъ, несмотря на внѣшнее сходство во многихъ чертахъ своего быта съ поляками, представлялъ имъ по своимъ понятіямъ въ XVII вѣкѣ совершенную противоположность. Тогда какъ поляки подъ наплывомъ идей, выработанныхъ благоговѣніемъ къ Римской республикѣ, и вообще подъ вліяніемъ западно-европейскимъ, толкуя о свободѣ, представляли ее себѣ не иначе какъ достояніемъ „ludzi szlachetnego stanu“, которые попирали всю массу servorum, хлоповъ, людей подлаго сословія, — украинцы напротивъ, ненавидѣли всякое превозношеніе и привилегіи; домогаясь отъ поляковъ правъ и вольности, они хотѣли и требовали ихъ не для горсти, а для всего своего на-

рода. Вотъ отчего поляки охотно предоставляли права свободнаго человѣка пяти-шести тысячамъ козаковъ, а эти пять-шесть тысячъ вмѣсто того, чтобы быть довольными своимъ исключительнымъ положеніемъ, принимали въ свои ряды втрое болѣе и подымали оружіе не за себя, а за тѣхъ, кому не давались права, какими они сами пользовались. Это единство въ стремленіяхъ народа и составляло его силу, что очень хорошо сознавалъ самъ народъ, выражаясь такъ въ своей исторической думѣ:

„Тымъ-то й сталась славна страшенная козацькая сила.
„Що у насъ, панове-молодці, була воля и дума едина".[1]

Правда, ядъ польскаго аристократизма успѣлъ пройти и въ козацкое званіе и породилъ въ немъ много недолящковъ, которые, по выраженію другой пѣсни:

„Для паньства великого.
„Для лакомства (жадности) несчастного",

измѣняли своенародному убѣжденіямъ, но этотъ ядъ не силенъ былъ заразить всю массу козачества: въ эпоху Хмельницкаго реестровые козаки, на которыхъ паны надѣялись до того, что посылали ихъ сражаться противъ единоземцевъ, перебили своихъ старшинъ-недолящковъ и пристали къ Богдану, шедшему тогда еще подъ знаменемъ всенародной свободы.

Къ сожалѣнію, люди, руководившіе народными движеніями и стоявшіе выше массы по образованію, вмѣстѣ съ этимъ образованіемъ принимали и тѣ важные предразсудки, которые были такъ противны украинцамъ. Свобода, представляемая массой, не ясно, но въ обширномъ смыслѣ, въ ихъ головахъ подъ вліяніемъ тогдашняго образованія, укладывалась въ польскія формы правъ привилегированнаго сословія, хотя и въ видѣ смягченномъ своенародными понятіями. Самъ Богданъ Хмельницкій, побѣдившій короля Яна Казиміра подъ Зборовомъ, съ помощью цѣлаго народа, заключилъ, однакожъ, договоръ, по которому только 40 тысячъ человѣкъ получали козацкія права, а остальной народъ снова возвращался въ подданство. Къ чести и къ несчастію нашего народа, онъ воспротивился этому энергически; черезъ годъ Хмельницкій долженъ былъ откровенно потребовать у поляковъ совершеннаго уничтоженія крѣпостного права; разумѣется, слѣдствіемъ такого страннаго, по тогдашнимъ польскимъ понятіямъ, требованія была война, и эта война кончилась несчастно для козаковъ. Съ тѣхъ поръ счастье то помогало, то измѣняло Хмельницкому, пока онъ не отдался подъ покровительство московскому царю на основаніи Переяславскаго договора (1654 г.).

Блестящіе успѣхи козаковъ и москвитянъ заставили поляковъ предложить, въ случаѣ смерти тогдашняго короля, корону Алексѣю Михайловичу. Польщенный этою сдѣлкою, московскій дворъ позволилъ себѣ, относительно Украйны, первую вопіющую несправедливость: вмѣсто того, чтобъ оградить страну, которая

[1] Теперь доказано, что эта дума — поддѣльная, а не народная. М. Др.

добровольно къ нему обратилась подъ условіемъ защиты отъ враговъ, царь глухо высказалъ намѣреніе отдать ее Польшѣ по пріобрѣтеніи короны. . . . Хмельницкій умеръ отъ тоски.

Тогда, чтобъ доставить своей родинѣ надлежащее мѣсто въ предстоящемъ государственномъ переворотѣ, украинцы заключили въ 1658—1659 г. Гадячскій договоръ, по которому Украйна, подъ именемъ Великаго Княжества Русскаго, какъ независимая республика, сохраняя отдѣльность и самобытность внутренняго управленія, судопроизводства, религіознаго, гражданскаго, финансоваго и военнаго устройства, — соединялась съ Польшею въ одну Рѣчь Посполитую; такимъ образомъ возникалъ союзъ славянскихъ государствъ: Польши, Великаго Княжества Литовско-Русскаго, Великаго Княжества Русскаго и — если совершится соединеніе съ Московіею — то и московскаго царства. То была первая попытка славянскаго союза, о которомъ мы, какъ и вы, думаемъ теперь. Нельзя не обратить при этомъ вниманія, что составители Гадячскаго договора имѣли въ виду просвѣщеніе народа и свободное слово: положено было завести въ Украйнѣ два университета, школы и типографіи, и предоставлялось вольное книгопечатаніе даже и по предметамъ, касающимся вѣры.

Но самый важный, жизненный вопросъ былъ разрѣшенъ этимъ договоромъ неудовлетворительно. Какъ бы желая согласить старые предразсудки о необходимости привилегированнаго сословія съ народнымъ требованіемъ равноправности, составители думали достигнуть этого легкимъ доступомъ къ дворянскому достоинству.

По договору Русскій Гетманъ имѣлъ право представлять къ нобилитаціи въ каждый сеймъ по сто человѣкъ козаковъ изъ каждаго полка. Правда, это вело къ тому, что цѣлый народъ могъ такимъ образомъ одвориться; но масса народа не могла сознать и принять такой тонкой мѣры: масса не терпѣла инстинктивно вообще дворянское достоинство. Договоръ этотъ, опережавшій въ послѣднемъ отношеніи польскую конституцію 3 мая 1791 года, былъ нарушенъ тотчасъ же и поляками, и русскими. Поляки, находясь въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, приняли его, но призывая — по формѣ сеймовой присяги — на свое отечество гнѣвъ божій въ случаѣ его нарушенія, въ то же время подъ вліяніемъ іезуитской логики, многіе изъ нихъ высказывали явно надежду обмануть козаковъ, духовенство соблазнялось тѣмъ, что съ нимъ должны засѣдать православные духовные сановники; дворянство оскорблялось раздачею своего званія тѣмъ, кого оно привыкло называть хлопами.

Съ другой стороны, народъ, лишь только узналъ объ этомъ, понялъ дѣло такъ, что хотятъ образовать въ Украйнѣ шляхту, которая въ его воображеніи представлялась въ ненавистномъ польскомъ образѣ. Составители договора, въ числѣ которыхъ отличался Немиричъ, русскій панъ, убѣжавшій къ козакамъ изъ Польши по причинѣ религіозныхъ своихъ убѣжденій, были перебиты. Справедливо замѣтилъ на сеймѣ одинъ полякъ: „Когда давать дворянство, то давайте его цѣлому народу русскому,

который дорожитъ своимъ равенствомъ: но кто захочетъ бросать драгоцѣнную святыню предковъ на приманку грубой черни? И кому вы даете дворянство? Тѣмъ, которые смѣются надъ нашими грамотами и гербами?" — Долго и упорно народъ боролся за внѣшнюю независимость и внутреннюю равноправность. Но Польша и Московія, видя, что ни той, ни другой нельзя отдѣльно справиться съ упрямымъ народомъ, рѣшили разорвать Украйну на двѣ половины: лѣвый берегъ Днѣпра остался за Московіею, а правый, исключая Кіева, Триполья, Стаекъ и Василькова, за Польшею. Это сатанинское дѣло раздѣленія народа совершено первый разъ по Андрусовскому договору 1667 г., а потомъ утверждено черезъ восемьнадцать лѣтъ Московскимъ миромъ. Украинцы все это время отчаянно боролись за свою независимость и, принужденные сражаться разомъ противъ москалей и поляковъ, въ то же время не переставали простирать братскую руку къ тѣмъ и другимъ, пытаясь какъ-нибудь сохранить цѣлость своего отечества. Все было напрасно. Не помогла и отчаянная выходка Дорошенка, призвавшаго на помощь Турцію. Жители Подоли и Кіевщины, не желая служить польскимъ панамъ, почти всѣ вышли изъ своего края и поселились въ степяхъ, занимаемыхъ теперь Харьковскою, частью Воронежскою и Курскою губерніями; другіе пристали къ Донскимъ козакамъ. Бѣдные не знали, что черезъ сто лѣтъ потомки ихъ и здѣсь не уйдутъ отъ панской неволи! Плодоносныя поля прежняго ихъ отечества обезлюдѣлись мало-по-малу, ихъ захватили поляки, а народъ, размножившійся въ теченіи XVIII столѣтія, опять попалъ въ такія же отношенія, какъ въ XVII. Вспомнилось былое: вспыхнула коліивщина, послѣдняя судорожная попытка возвратить себѣ свободу, попытка уже разодранной Украйны. Напрасно! Скоро и Украйна, и ненавистная для нея Польша, съ ея панами и шляхтою, попали подъ власть всероссійскихъ государей.

Лѣвобережная Украйна, сохраняя козацкое устройство, издыхала въ московскихъ цѣпяхъ. Чадолюбивая мать отечества, Екатерина II, уничтожила козацкіе порядки, и чтобъ успокоить и привязать къ себѣ чиновниковъ, уже и прежде значительно деморализованныхъ московскимъ вліяніемъ, ввела въ Малороссію крѣпостное право и поработила вольный народъ, съ такимъ упорствомъ освободившійся нѣкогда отъ этого права въ его польской одеждѣ. Въ 1772 г. она изволила закрѣпить народъ и въ слободской Украйнѣ, потомковъ тѣхъ, которые, какъ выше сказано, бѣжали туда изъ Подоли и Кіевщины отъ крѣпостнаго права польскаго.

Съ тѣхъ поръ Украйна молчала. Ея народность предана была презрѣнію. Имя хохолъ, которое москали давали козакамъ отъ ихъ оселедцевъ, сдѣлалось синонимомъ дурака. Поэтическій языкъ Украйны сталъ предметомъ пренебреженія и насмѣшекъ. Нерѣдко сами малороссіяне краснѣли, когда выговоръ ихъ обличалъ южное происхожденіе. Украинская исторія или была заброшена, или представлялась въ искаженномъ видѣ, сообразно благимъ цѣлямъ и видамъ правительства.

Пробужденіе славянскихъ народностей быстро отразилось въ Украйнѣ и подняло изъ летаргическаго сна народную мысль и чувство. Явилось стремленіе возродить умирающую подъ кнутомъ московскимъ и штыкомъ санкт-петербургскимъ народность и возсоздать самобытную литературу.

Но идея панславизма принялась въ Украйнѣ совсѣмъ не такъ, какъ въ Москвѣ, гдѣ она проявлялась или въ стремленіи уразумѣть смыслъ тропарей и букварей, или въ риторическихъ похвалахъ старомосковской Руси, подъ которыя боязливо подкладывалась всероссійскому престолу надежда простереть когда-нибудь царственную десницу на славянскіе народы и уготовать имъ вожделѣнную судьбу Украйны и Польши. Въ Украйнѣ эта идея тотчасъ облеклась въ свѣтлую форму федеративнаго союза славянъ, гдѣ бы каждая народность сохраняла свои особенности при всеобщей личной и общественной свободѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ возникло убѣжденіе, что только этимъ и единственно этимъ путемъ Украйна можетъ подняться изъ упадка и сохранить свой собственный, столь несправедливо и безжалостно попранный образъ. Молодые люди Харьковскаго и Кіевскаго университетовъ быстро стали проникаться этими идеями. Могло ли это ускользнуть отъ бдительныхъ преслѣдователей всякихъ идей при императорѣ Николаѣ?

Въ 1847 г. въ Кіевѣ по доносу студента, жандармскаго сына Петрова, взято было подъ арестъ нѣсколько лицъ, принадлежавшихъ къ кругу малороссійскихъ писателей, и въ числѣ ихъ народный поэтъ Тарасъ Шевченко. Котораго превосходныя стихотворенія знаютъ не только почти всѣ читающіе малороссы, но и многіе великороссіяне и славяне. Всѣхъ захваченныхъ притащили въ III отдѣленіе, гдѣ и засадили. Изъ ихъ бумагъ и писемъ оказывалось, что всѣ они проникнуты идеею соединенія славянъ и любовію ко всѣмъ славянскимъ народонаселеніямъ вообще и украинскому въ особенности, омерзеніемъ къ крѣпостному праву, и къ религіознымъ и національнымъ ненавистямъ, и соболѣзнованіемъ о невѣжествѣ народа. Вмѣстѣ съ этимъ нѣкоторые письменно выражали мысль что было бы очень полезно, если бы существовало ученое общество съ цѣлью сближать умственную дѣятельность славянскихъ народовъ и распространять въ народѣ просвѣщеніе.[1] Что съ мыслью объ этомъ

[1] Во 2-омъ № „Кіевской Старины“ за 1883 г. Костомаровъ разсказываетъ о своемъ кружкѣ такъ: „въ генварѣ 1846 г. пишущій эти строки вмѣстѣ съ пріятелями своими Ник. Ив. Гулакомъ, Вас. Мих. Бѣлозерскимъ и Александ. Александров. Навроцкимъ толковали о томъ, какъ-бы слѣдовало путемъ воспитанія юношества, изданія сочиненій, относящихся къ славяновѣдѣнію и при всякомъ случаѣ частными бесѣдами стараться знакомить русское общество съ славянскимъ міромъ. При этомъ мы составили для себя desiderata, въ которыхъ выражалось то, что, по нашимъ убѣжденіямъ, должно было лечь въ основу будущей славянской взаимности. Первое желаніе касалось способовъ дѣятельности тѣхъ лицъ, которыя-бы нашли въ себѣ силу быть апостолами славянскаго возрожденія. Это желаніе состояло въ томъ, чтобъ соблюдалась искренность и правдивость и отвергалось іезуитское правило объ освященіи средствъ цѣлями, за тѣмъ слѣдовали желанія касавшіяся славянъ. Онѣ были не многочисленны и не сложны, и состояли въ слѣдующихъ пунктахъ: 1. освобожденіе славянскихъ народностей изъ-подъ власти юношеменниковъ, 2. организованіе ихъ въ самобытныя политическія общества съ удержаніемъ федеративной ихъ связи между собою; установленіе точныхъ правилъ раз-

обществѣ не соединялось намѣреніе основать такъ называемое тайное общество, доказываетъ ясно то, что въ бумагахъ обвиняемыхъ лицъ найдено было порицаніе правила: „цѣль оправдываетъ средства“. Какъ при этихъ данныхъ возможно было обвинить въ политическомъ преступленіи, когда общество существовало въ предположеніи, а не на дѣлѣ, и мысль о федеративномъ союзѣ славянъ представлялась только какъ идеалъ въ отдаленномъ будущемъ? Можно-ли было за это обвинить и карать, да еще какъ и какъ долго? Но что невозможно для простыхъ людей, для Дуббельта было возможно. Онъ тотчасъ увидѣлъ, что тутъ есть готовый матеріалъ, чтобъ представить дѣло такъ, будто бы открыто существующее тайное политическое общество и окрестилъ сочиненное имъ общество именемъ Украйно-Славянскаго!... Николай Павловичъ, человѣкъ формы, давалъ больше значенія противнымъ ему идеямъ, когда они были облечены въ формальность, поэтому уничтожить общество въ его глазахъ представлялось великой заслугой; слѣдовательно Дуббельтъ могъ надѣяться высочайшей награды и благоволенія.

Подъ нравственною пыткою заключенія въ крѣпости принудили обвиняемыхъ наклепать на себя, что дѣйствительно было общество;[1] съ своей стороны III отдѣленіе дозволило имъ представить вымышленное общество въ елико-возможно извинительномъ свѣтѣ. Такимъ образомъ они написали, что ихъ общество касалось западныхъ славянъ, а не почіющихъ подъ кроткою десницею всероссійскаго монарха, который одинъ можетъ освободить ихъ изъ узъ нѣмецкихъ и турецкихъ. Какъ ни нелѣпъ былъ вымыселъ, какъ ни противорѣчилъ всему, что находилось въ бумагахъ арестованныхъ лицъ, однако дѣло слажено. Свѣже-испеченные государственные преступники хотя и получили наказаніе, но растворенное отеческимъ милосердіемъ. Нѣкоторыхъ, главнѣйшихъ, засадили въ крѣпость, кого на годъ, кого на три года, а потомъ послали на службу въ великорусскія губерніи; но и тѣхъ и другихъ отдали подъ строжайшій надзоръ полиціи.

Поэта Шевченка послали рядовымъ въ Оренбургъ, а потомъ въ Новопетровское укрѣпленіе; Николай I строжайше приказалъ, чтобъ ему не позволяли ни писать, ни рисовать (онъ былъ и живописецъ). Шевченко пробылъ болѣе десяти лѣтъ въ такой нравственной пыткѣ, въ ужасной странѣ на восточномъ берегу Каспійскаго моря, на солончакахъ, гдѣ даже трава не растетъ, постоянно подъ надзоромъ ефрейторовъ, наблюдавшихъ, чтобъ онъ чего-нибудь не написалъ или не нарисовалъ. Какъ обраща-

---

граниченія народностей и устройства ихъ взаимной связи предоставлялось времени и дальнѣйшей разработкѣ этого вопроса исторіей и наукою, 3. уничтоженіе всякаго рабства въ славянскихъ обществахъ, подъ какимъ-бы видомъ оно ни скрывалось, 4. упраздненіе сословныхъ привилегій и преимуществъ, всегда наносящихъ ущербъ тѣмъ, которые ими не пользуются, 5. религіозная свобода и вѣротерпимость, 6. при полной свободѣ всякаго вѣроученія, употребленіе единаго славянскаго языка въ публичныхъ богослуженіяхъ всѣхъ существующихъ церквей, 7. полная свобода мысли, научнаго воспитанія и печатнаго слова и 8. преподаваніе всѣхъ славянскихъ нарѣчій и ихъ литературъ въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ славянскихъ народностей.“

[1] Въ своей автобіографіи, продиктованной г-жѣ Бѣлозерской, Костомаровъ самъ называетъ свой кружокъ обществомъ. (Русск. Мысль, 1885, май) М. Др.

лись съ другими, можно судить изъ слѣдующаго: одного изъ политическихъ преступниковъ, бывшаго кіевскаго профессора Костомарова, сослали въ Саратовъ. Тамъ случилось необыкновенное убійство: нашли двухъ мальчиковъ замученныхъ и брошенныхъ на ледъ Волги. Подозрѣніе падало на евреевъ. Пріѣхавшій изъ Петербурга слѣдователь потребовалъ черезъ губернатора къ себѣ Костомарова и поручилъ ему написать записку о томъ, представляетъ-ли исторія данныя для того, чтобы допускать возможность существованія между евреями какой-нибудь кровожадной секты? Костомаровъ, занявшись этимъ предметомъ нѣсколько мѣсяцевъ, представилъ слѣдователю записку, гдѣ по своему убѣжденію высказалъ, что существованіе такой секты возможно. Между тѣмъ губернатору Кожевникову хотѣлось, чтобъ было напротивъ. Онъ призвалъ Костомарова и несмотря на то, что самъ поручилъ ему исполнить требованіе слѣдователя, грозилъ засадить его въ острогъ, пользуясь своимъ правомъ надъ сосланнымъ политическимъ преступникомъ и придираясь къ тому, что Костомаровъ въ своей запискѣ находилъ кровавую сторону въ самыхъ библейскихъ сказаніяхъ и пользовался при составленіи этой записки запрещенными книгами. А этотъ губернаторъ, какъ говорятъ, былъ либералъ! Когда, скоро послѣ того, вмѣсто его прислали не либерала, но воплощенную ничтожность, и слѣдователя, благодаря запискѣ Костомарова (представленной въ министерство и выданной слѣдователемъ за свою), назначили въ Саратовъ вицегубернаторомъ, новоприбывшій съ губернскими властями полиціймейстеръ, въ назначенный день пожелалъ видѣть всѣхъ состоящихъ подъ надзоромъ полиціи въ Саратовѣ, призвалъ Костомарова вмѣстѣ съ польскимъ книгопродавцемъ Завадскимъ и нѣсколькими другими поляками, поставилъ ихъ въ рядъ съ людьми дурного поведенія, отданными подъ надзоръ полиціи по дѣлу объ убійствѣ мальчиковъ, и началъ читать имъ отеческое нравоученіе, чтобъ они вели трезвую жизнь и не шатались по кабакамъ и зазорнымъ домамъ.

Этихъ чертъ достаточно, чтобъ показать, что значила при Николаѣ отдача подъ надзоръ полиціи политическаго преступника. Но къ чести русскаго общества надобно сказать, что вездѣ, куда ни ссылалъ императоръ нашихъ земляковъ, ихъ опала служила дипломомъ на участіе, уваженіе и довѣріе; опальные съ своей стороны, честнымъ поведеніемъ на службѣ и въ частной жизни доказали, всѣ безъ исключенія, твердость своихъ нравственныхъ убѣжденій. Въ довершеніе безстыдства, съ какимъ производился розыскъ о кіевскомъ дѣлѣ, надобно присовокупить, что Петровъ, въ награду за доносъ былъ оставленъ на службѣ III отдѣленія съ деньгами и чиномъ XII класса, на который онъ, какъ студентъ II курса, не имѣлъ ни малѣйшаго права. Петровъ однакожъ измѣнилъ за деньги своимъ покровителямъ, продавъ какія-то бумаги III отдѣленія, за что также былъ куда-то сосланъ.

Послѣ Кіевскаго дѣла запрещены были всѣ сочиненія обвиненныхъ и цензура и шпіонство начали ужасно свирѣпствовать

противъ Малороссіи; не только малороссійскія книги подвергались недозволенію являться въ свѣтъ, преслѣдовались даже ученыя статьи о Малороссіи на великорусскомъ языкѣ; самыя названія Украйна, Малороссія, Гетманщина считались предосудительными.

Благотворное вліяніе весны (хотя непостоянной, съ частыми рецидивами зимнихъ морозовъ), царствованіе Александра II пробудило и Малороссію. На украинскомъ языкѣ появилось вдругъ нѣсколько прекрасныхъ сочиненій. Освобожденіе крестьянъ оживляетъ насъ надеждами за бѣдный угнетенный народъ нашъ, у котораго было отнято все, чего онъ домогался во всю свою жизнь съ такою настойчивостью и самопожертвованіемъ. Благодаримъ императора Александра II и просимъ только, чтобы народъ освободился не по одному имени, но чтобъ пользовался передъ закономъ одинакими правами съ дворянствомъ: иной свободы Украйна, упорная въ старыхъ своихъ убѣжденіяхъ, не понимаетъ.

Мы желали бы сверхъ того, чтобъ правительство не только не препятствовало намъ, украинцамъ, развивать свой языкъ, но оказало бы этому дѣлу содѣйствіе и сдѣлало теперь же распоряженіе, чтобы въ школахъ, которыя, какъ оно уже само объявило, будутъ заведены для нашего народа, предметы преподавались на родномъ языкѣ, ему понятномъ, а не на оффиціальновеликороссійскомъ, иначе народъ украинскій будетъ заучивать лишь слова, не развивая своихъ понятій. Болѣе мы не станемъ требовать и желать собственно для себя ничего, независимо отъ общихъ совокупно со всей Россіей желаній. Никто изъ насъ не думаетъ объ отторженіи Южной Руси отъ связи съ остальною Россіею. Напротивъ, мы бы желали, чтобъ всѣ другіе славяне соединились съ нами въ одинъ союзъ, даже подъ скипетромъ русскаго государя, если этотъ государь сдѣлается государемъ свободныхъ народовъ, а не всепожирающей татарско-нѣмецкой московщины. Въ будущемъ славянскомъ союзѣ, въ него же вѣруемъ и его же чаемъ, наша Южная Русь должна составить отдѣльное, гражданское цѣлое на всемъ пространствѣ, гдѣ народъ говоритъ южнорусскимъ языкомъ, съ сохраненіемъ единства, основаннаго не на губительной, мертвящей централизаціи, а на ясномъ сознаніи равноправности и своихъ собственныхъ выгодъ. Чтобъ наши потомки увидѣли то, что едва-ли какому-нибудь Симеону изъ нашего поколѣнія суждено увидѣть, надобно, чтобы славяне очищались отъ своихъ старыхъ предразсудковъ!

Пусть же ни великоруссы, ни поляки не называютъ своими земли, заселенныя нашимъ народомъ.

Марія
поэма Т. Гр. Шевченка.[1]

Переводъ этой поэмы былъ изданъ Драгомановымъ въ Женевѣ въ 1885 г. съ заявленіемъ (на обложкѣ) слѣдующаго содержанія:

Извѣстно, что между понятіями людей о порядкахъ государственныхъ и общественныхъ и ихъ религіозными идеями существуетъ тѣсная связь. Поэтому слѣдовало бы ожидать, что дѣло возможно широкаго распространенія новыхъ, свободно-научныхъ понятій о человѣческомъ общежитіи должно

---

[1] Мы не перепечатываемъ ни объяснительныхъ замѣчаній къ поэмѣ Шевченка, ни краткой біографіи поэта потому, что, относясь къ популярнымъ произведеніямъ Драгоманова, они не входятъ въ рамки нашего изданія. По той же причинѣ мы не помѣщаемъ ниже брошюрки Драгоманова „О неволѣ вѣры", написанной имъ въ 1895 г. для Фонда Вольной Русской Прессы въ Лондонѣ, но почему-то не изданной послѣднимъ. Она была издана въ украинскомъ переводѣ М. Павликомъ, ср. М. Драгомановъ, Про волю віры, Львів 1895, и по русски Волховскимъ въ 1903 г. безъ указанія мѣста ея напечатанія. Считаемъ нужнымъ отмѣтить, что самъ Драгомановъ выполнялъ предлагаемую имъ въ перепечатываемомъ нами заявленіи программу проповѣди свободно-научныхъ идей въ области религіозной. Дѣлалъ онъ это, конечно, для своего роднаго народа, т. е. въ своихъ сочиненіяхъ на украинскомъ языкѣ, на которомъ, кстати сказать, была первоначально напечатана и его брошюра съ поэмой Шевченка и притомъ латинскимъ шрифтомъ для тѣхъ украинцевъ, которые не знаютъ кирилицы. Между 1892 и 1895 годами во Львовѣ и Коломыѣ былъ изданъ цѣлый рядъ его брошюръ на эти темы, а. именно: „Віра а громадскі справи", „Про братство хрестителів або Баптистів на Україні", „Евангельска віра в старій Англії", „Оповідання про злодрих богів", „Рай і Пекло". Вотъ что онъ самъ говорилъ объ этихъ своихъ сочиненіяхъ въ своемъ письмѣ отъ 1/13 февр. 1893 г. къ извѣстному галицко-украинскому политическому дѣятелю Т. Окуневскому: „Кстати о моихъ ‚баптистскихъ' писаніяхъ. Прежде всего они предназначаются для штундистовъ въ Россіи и преслѣдуютъ двѣ цѣли: 1. дать имъ что-нибудь на украинскомъ языкѣ объ интересующихъ ихъ вопросахъ, т. е. немного задержать ихъ добровольное „обрусеніе", а 2., исходя изъ ихъ точекъ зрѣнія показать имъ перспективу дальнѣйшаго прогресса. Если уже теперь баптистовъ на Украйнѣ 20000 все грамотныхъ и организованныхъ, то по нашимъ условіямъ это цѣлая публика, которой стоитъ заняться. Я разсказываю этой публикѣ объ ихъ американскихъ и англійскихъ братьяхъ и о томъ, что тѣ пошли еще дальше, а затѣмъ указываю еще дальнѣйшій путь, — во всякомъ случаѣ исходъ отъ споровъ объ иконахъ и о томъ, креститься ли въ рѣчкахъ или въ бочкахъ, а также отъ фанатизма и истеріи, которые увеличиваются у нихъ благодаря Побѣдоносцеву, единственно въ томъ, что англичане называютъ a practical christianism. Наконецъ, я вывожу ихъ на политическую дорогу, показывая имъ связь между ихъ судьбой и вопросомъ о свободѣ совѣсти и другихъ свободахъ. Въ дальнѣйшей брошюрѣ о Roger Williams'ѣ я обстоятельно разскажу имъ объ этихъ дѣлахъ. Въ брошюрѣ объ Іоаннѣ Лейденскомъ я покажу опасную сторону религіозной истеріи и пророковъ, которые становятся на мѣсто поповской обрядности и поповъ. Я не думаю, что я сразу найду много читателей среди „штундистовъ", но всетаки я кого-нибудь найду. Раздавать книжки такимъ людямъ, какъ штундисты, — самый маленькій рискъ. Да, можетъ быть, кто-нибудь и другой обра-

было бы вестись равномѣрно въ области политической, соціальной и религіозной. Между тѣмъ, это не дѣлается даже въ Западной Европѣ, а не только въ Россіи. Пропаганда свободно-научныхъ идей въ области религіозной въ массахъ населенія или вовсе не ведется, или же ограничивается почти исключительно обличеніями и насмѣшкой, — часто весьма двусмысленной морали; замѣчательные же результаты новѣйшей науки о религіяхъ и, въ частности, библейской критики, остаются почти исключительно достояніемъ ученыхъ круговъ даже болѣе образованной публики. — Что касается Россіи, то въ ней, благодаря цензурѣ, не только эти результаты, но и вся религіозная мысль образованнаго человѣчества послѣднихъ вѣковъ, почти никому не извѣстна. А потому въ Россіи даже людямъ довольно высокаго образованія предоставлено по отношенію религіи или слѣдовать ученію казенной православной церкви, которая по части критической мысли не только не пошла впередъ, но даже отстала отъ своего образца, старинной грекоточной церкви IV—VIII вв., — или же довольствоваться совершенно поверхностнымъ отрицаніемъ. Не очень давно многіе свободномыслящіе люди въ Россіи находили въ такомъ отсутствіи сколько-нибудь научнаго образованія по части религіи даже свои удобства и, по крайней мѣрѣ, гарантію отъ религіознаго мистицизма, фанатизма и т. п. Но многія явленія послѣдняго времени обнаруживаютъ ошибочность подобныхъ соображеній, доказывая еще разъ, что невѣжество добра не приноситъ ни въ чемъ. Религіозное сектантство не только пробудилось съ новою силою въ простонародьи, но и въ обществѣ, — и даже въ самыхъ, повидимому, раціоналистическихъ своихъ побѣгахъ подвигается къ дѣйствительному раціонализму слишкомъ медленно и ощупью. Даже такъ называемая „революціонная молодежь“ оказывается вовсе не застрахованною отъ идеализаціи христіанства (см. рѣчи С. Бардиной, Желябова и др.), отъ мистицизма Ѳ. Достоевскаго, даже, наконецъ, отъ вполнѣ православнаго умопомѣшательства и обрядности (см., напр., „Вѣстникъ Нар. Воли“ № 3, 160—164). Все это говоритъ о необходимости перенесенія и въ Россію произведеній ев-

---

тить на нихъ вниманіе и начнетъ говорить съ ними въ такомъ же духѣ. Между тѣмъ, было бы глупо оставлять штундистовъ полагаться только на „свой разумъ“ или на совѣты нѣмцевъ — по своему обрядниковъ, или хотя бы предаваться антиобрядничеству.“ Ср. „Переписка М. Драгоманова з Т. Окуневскимъ“, зладивъ і видавъ М. Павлик, Львів, 1906. (Приведенный отрывокъ мы перевели съ украинскаго.) Къ сожалѣнію, выполнить всю эту программу помѣшала Драгоманову смерть. Здѣсь не лишнее указать на то, что Драгомановъ говорилъ украинскому народу о связи между борьбой за свободу совѣсти и борьбой за политическую свободу за нѣсколько лѣтъ до того, какъ объ этой связи снова заговорили всѣ по поводу книги Jellinek'a „Die Erklärung der Menschen- und Bürgerrechte“. Прим. ред.

ропейской мысли о религіозныхъ предметахъ, а для иныхъ сферъ, по крайней мѣрѣ, хоть — прогрессивно-христіанской.

Само собою разумѣется, что такая задача требуетъ систематическихъ усилій большого числа лицъ. Съ своей стороны, мы, не претендуя на что-либо значительное и систематическое, рѣшаемся сдѣлать маленькій опытъ настоящей брошюркой. Она заключаетъ въ себѣ поэму Шевченка, написанную въ духѣ наиболѣе свободнаго прогрессивно-христіанскаго движенія, а также — объясненія къ ней, въ которыхъ, между прочимъ, мы пытаемся изложить въ самомъ краткомъ видѣ существеннѣйшіе результаты научной критики евангелій школою Рейса, извѣстнаго переводчика Библіи (Ed. Reuss. La Bible, traduction nouvelle avec introduction et commentaries). Изложеніе брошюрки приноровлено къ наименьшей степени предварительной подготовки читателей, въ которыхъ предполагается только нѣкоторое умѣніе обращаться съ Новымъ Завѣтомъ, а такихъ читателей, конечно, не мало и въ Россіи, въ особенности среди сектантовъ. Быть можетъ, и лица болѣе образованныя, но не знакомыя съ иностранными языками, найдутъ въ ней что-либо новое и для себя, независимо отъ интереса, который, конечно, представитъ имъ замѣчательная поэма Шевченка.

Наканунѣ новыхъ смутъ.

(Первоначально напечатано отдѣльной брошюрой. Женева 1886 г.)

I.

Настоящій моментъ въ Россіи и Западной Европѣ такъ похожъ на тотъ, который мы пережили въ концѣ 60-хъ годовъ, что даже неизбѣжныя отличія ихъ обоихъ имѣютъ больше количественный, чѣмъ качественный характеръ.

Убіеніе Александра II повторяетъ въ большихъ размѣрахъ покушеніе Каракозова въ 1866 г., Толстовская реакція возобновляетъ въ сильнѣйшихъ размѣрахъ Шуваловскую III-е Отдѣленскую боярщину. Съ другой же стороны въ Западной Европѣ явно растетъ соціальное движеніе, которое, хотя на этотъ разъ и не имѣетъ, какъ въ 60-е годы, общеевропейскаго представителя въ видѣ тогдашняго Международнаго Общества Рабочихъ (l'Internationale), но въ сущности теперь гораздо глубже и сильнѣе, выражаясь, какъ въ организованныхъ національныхъ рабочихъ партіяхъ, такъ и въ разнообразныхъ рабочихъ, а на этотъ разъ кромѣ того и крестьянскихъ, обществахъ и группахъ. Даже не очень увлекаясь параллелизмомъ, можно усмотрѣть сходство и въ постановкѣ вопросовъ внѣшней политики: какъ тогда угрожали миру Европы вопросы объединенія Италіи и Германіи, такъ теперь грозою висятъ въ воздухѣ вопросы восточные.

Каковъ можетъ быть исходъ этихъ послѣднихъ вопросовъ, какъ отразится ихъ ходъ на внутренней жизни европейскихъ народовъ, сказать трудно. Одно лишь вырисовывается довольно ясно: если только оффиціальные представители воинствующаго германизма хотятъ завершить вѣковой натискъ послѣдняго

на славянство (Drang nach Osten) подчинить себѣ окончательно бассейнъ Вислы, пробиться къ Эгейскому морю, а можетъ быть и къ Черному, то лучшаго момента, для этого, какъ теперешній, — время полнаго маразма Россіи, найти имъ нельзя.

Но внутреннее положеніе западно-европейскихъ странъ, по крайней мѣрѣ тѣхъ изъ нихъ, которыя имѣютъ сколько-нибудь прочную политическую свободу, на столько ясно, что уже и теперь не трудно предвидѣть, какое направленіе приметъ въ нихъ современное броженіе и какіе ближайшіе исходы оно будетъ имѣть.

Въ великой Британской Имперіи, въ этой странѣ вѣковой свободы и политической мудрости, гдѣ теперь, послѣ недавнихъ Гладстоновскихъ реформъ, государственный строй получилъ широкую демократическую основу, все даетъ основаніе ожидать болѣе или менѣе мирнаго разрѣшенія назрѣвшихъ вопросовъ: ирландскаго, въ его политической и соціальной части, послѣ котораго неизбѣжно разрѣшится вопросъ земельный и въ Великобританіи, въ смыслѣ болѣе или менѣе скорой и полной національзаціи земли, а рядомъ вопросъ мѣстнаго и областнаго самоуправленія (графствъ, а также Шотландіи и Уельса въ цѣломъ), и, наконецъ, приступлено будетъ къ организаціи всеимперскаго федеральнаго представительства (съ соотвѣтственными реформами управленія Индіей). Эта организація Британской Федераціи, скинувъ съ метрополіи часть расходовъ на военную силу и урегулировавъ экономическія отношенія метрополіи съ колоніями, а также колонизацію, облегчитъ приступъ къ соціальнымъ реформамъ, касающимся фабричнаго населенія.

Есть основанія ожидать подобнаго же хода соціальнаго вопроса и въ Соединенныхъ Штатахъ Америки и во Франціи. Въ первыхъ скопленіе разнокалиберныхъ энергичныхъ элементовъ должно вызывать бунтарскія движенія,[1] но въ то же время демократическое правленіе дастъ легкую возможность народнымъ стремленіямъ восходить на самые верхи государствен-

[1] Надо помнить, что главные теоретики соціалистическаго „терроризма“ въ Америкѣ: Мостъ и товарищи нѣмцы.

ной машины и разрѣшаться легально. Поэтому и въ послѣднюю минуту тамъ, рядомъ съ явленіями, которыя въ другой, менѣе свободной странѣ, имѣли бы своимъ послѣдствіемъ реакцію, мы видимъ посланіе президента союза о необходимости политики, болѣе благопріятной рабочимъ. Во Франціи, гдѣ теперь, благодаря политической свободѣ и соотвѣтственной сдержанности правительства, рабочія стачки отличаются небывалымъ прежде спокойствіемъ, съ разныхъ сторонъ, а не отъ однихъ только коммунистовъ, раздаются голоса о необходимости регулировать эксплуатацію рудъ, какъ національной собственности, и вообще заняться вопросомъ установленія бо́льшей „соціальной справедливости“.

Въ Швейцаріи господствующая теперь радикальная партія громко говоритъ о необходимости встрѣтить начинающуюся во всемъ мірѣ эпоху соціальныхъ волненій уступками рабочему классу.

Болѣе грозны отношенія въ Бельгіи и Италіи, гдѣ еще нѣтъ поголовной подачи голосовъ. Но и здѣсь видно, что современное, въ основѣ своей соціально-экономическое броженіе, направится прежде всего на довершеніе конституціоннаго строя введеніемъ поголовной подачи голосовъ и другихъ соотвѣтственныхъ политическихъ вольностей, которыхъ требуютъ въ обѣихъ странахъ какъ „буржуазно-радикальныя“ партіи, такъ и наиболѣе плотно организованная часть рабочихъ: партіи соціалистическія, недавно заявившія свои программы на конгрессахъ въ Гентѣ и Мантуѣ. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что, давъ своему демосу доступъ къ политической дѣятельности, Бельгія и Италія войдутъ въ колею соціальныхъ реформъ, конечно, не безъ частныхъ колебаній и потрясеній, которыя будутъ вызывать и здѣсь, какъ и вездѣ, въ „слабомъ“ человѣчествѣ, узкопонятые интересы и страсти.

Гораздо темнѣе ближайшее будущее въ Германіи и Австріи, въ которыхъ политическая свобода еще очень ограничена и въ послѣднее время все болѣе урѣзывается исключительными законами. Но въ Германіи очевидно съ каждымъ годомъ усиленіе соціаль-

ныхъ демократовъ, партіи, которая успѣла организоваться въ эпоху сравнительной свободы и которая во многихъ отношеніяхъ соотвѣтствуетъ крайнимъ радикаламъ англійскимъ и французскимъ и, безъ полицейскихъ гоненій императора Вильгельма и кн. Бисмарка, конечно превратилась бы въ довольно мирную практическую партію соціальныхъ реформъ. Теперь кн. Бисмаркъ, который уже прежде успѣлъ создать фракцію Моста, видимо ведетъ дѣло къ крупному кровавому столкновенію. Въ Австріи, гдѣ еще вполнѣ господствуетъ цензовая избирательная система и гдѣ массы населенія не имѣли и той практики политической свободы, какую давали германцамъ мелкія государства стараго союза до подчиненія ихъ Пруссіи, среди рабочаго населенія почти не существуетъ соціальныхъ демократовъ, а за то сильно направленіе террористическое, въ духѣ идей Моста. Въ селахъ же наиболѣе отсталой провинціи Галиціи, гдѣ для полиціи, находящейся въ рукахъ шляхты, почти не писана конституція, достаточно даже нелѣпаго слуха чтобъ взволновать крестьянское населеніе и сдѣлать возможнымъ повтореніе знаменитой рѣзни пановъ польскими крестьянами въ 1846 г. Хотя и въ Австріи есть уже зачатки радикальной партіи (пока впрочемъ почти исключительно среди нѣмцевъ и не безъ примѣси національно-нѣмецкаго централизма, а потому пока безъ большой надежды на распространеніе среди не нѣмецкихъ народовъ) а также партіи крестьянской (въ крестьянскихъ союзахъ, Bauernvereine, которые впрочемъ пока еще слишкомъ зависятъ отъ старыхъ партій), но уже одна слабость этихъ зачатковъ вызываетъ опасенія, что предстоящее демократическое движеніе въ этой странѣ не обойдется безъ сильныхъ кровавыхъ протясеній.

Если европейское соціальное движеніе 1865—1872 гг. перешло черезъ границы Россіи, то можно ли думать, что теперь оно остановится передъ царскими заставами? Конечно, нельзя, такъ какъ съ тѣхъ поръ количество связей Россіи съ Западной Европой увеличилось.

Не трудно предсказать, какое изъ двухъ теченій

европейскаго соціальнаго движенія должно болѣе отразиться въ Россіи, если теперешній политическій строй ея останется безъ перемѣны: агитаціонно-парламентское, или террористически-бунтарское? Для перваго въ теперешней Россіи нѣтъ мѣста; даже правильныя вѣсти о немъ останавливаются цензурой. Теперешнимъ правителямъ Россіи все политико-соціальное движеніе въ Западной Европѣ представляется бунтомъ, анархіей, и они естественно стараются смѣшать и въ понятіяхъ своихъ подданныхъ всѣ прогрессивныя партіи въ Западной Европѣ съ анархистами и террористами, а особенно партіи соціалистическія. Такимъ образомъ русское правительство само дѣлаетъ террористическому бунтарству пропаганду среди грамотнаго населенія Россіи. А такъ какъ теперешніе аграрные, фабричные и полицейскіе порядки въ Россіи уже и сами по себѣ вызываютъ опыты „погромовъ“, поджоговъ, убійствъ и т. п., то получается и практическая почва для подобной пропаганды.

Въ настоящую минуту,—чтобы ни говорили наши правители и ихъ прислужники,—анархистовъ-террористовъ нѣтъ въ Россіи даже между такъ называемыми „крамольниками“.

Здѣсь мы должны сдѣлать небольшое детальное объясненіе. Въ 70-е годы многіе изъ русскихъ соціалистовъ признавали себя „анархистами“, присоединяясь къ тѣмъ европейскимъ соціалистамъ, которые усвоили себѣ идеи Прудона и федералистическихъ секцій Интернаціонала объ „анархіи“ (безвластіе, самоуправленіе). Но этотъ старый, прудоновскій, ан-архизмъ имѣетъ очень мало общаго съ новымъ, террористическимъ. Въ русскихъ кружкахъ 70-хъ годовъ анархическое отрицаніе всякаго государственно-политическаго принужденія, приводило скорѣе къ мирному пропагандизму, чѣмъ къ какому-бы то ни было насильственному революціонаризму (см. судебную рѣчь анархистки Бардиной). Но и этотъ прежній анархизмъ совсѣмъ почти испарился у русскихъ соціалистовъ, даже у тѣхъ, которые принадлежали къ анархическимъ кружкамъ 70-хъ годовъ и потомъ сохранили

какое бы то ни было активное прикосновеніе къ текущей политикѣ. Теперь одни изъ нихъ, болѣе послѣдовательные, стали просто политическими федералистами, другіе же перешли въ разныя централистическія фракціи: „народовольцевъ“, или же соціалдемократовъ, и во всякомъ случаѣ относятся отрицательно къ новѣйшему террористическому анархизму (изъ печатныхъ заявленій см., напр., Степняка въ The Russian Storm-cland, London, 1886, pp. 175—207, а съ другой стороны заявленія „группы Освобожденія Труда“, которая радикально перешла къ государственнымъ идеямъ нѣмецкихъ соціалдемократовъ). Фигура русскаго „апостола разрушенія“, Суварина, въ романѣ Золя „Germinal“ есть по этому теперь полный анахронизмъ, хотя несомнѣнно, что русскія вліянія играли извѣстную долю участія въ возбужденіи террористическаго анархизма и въ Западной Европѣ, какъ косвенно, черезъ терроризмъ политическій (объ этомъ мы говорили въ брошюрѣ „Le tyrannicide en Russie“ еще въ 1881 г.) такъ прямо, чрезъ пропаганду Бакунина. Но у этого послѣдняго терроризмъ привязывался не столько къ заимствованному у Прудона анархизму, сколько къ особой доктринѣ такъ называемаго парлефетизма (пропаганда дѣйствіемъ, par les faits) которая у Бакунина представляла смѣсь въ сущности противнаго анархизму бланкистскаго „вспышкопускательства“ съ русско-народническимъ культомъ разбойниковъ: Стеньки Разина и Пугачева и ихъ отголосковъ. Въ настоящее время и этотъ парлефетизмъ испарился въ русскихъ кружкахъ и проповѣдуется только у западно-европейскихъ анархистовъ, между которыми (характерно!) видную роль играютъ агенты-провокаторы и шпіоны.[1] Такъ какъ среди этихъ новыхъ анархистовъ выступаетъ русскій эмигрантъ, кн. П. Крапоткинъ, то отсюда многіе, и въ Западной Европѣ, а особенно въ Россіи, заключаютъ о распространеніи новаго анар-

[1] Послѣднее доказано документально признаніями бывшаго парижскаго префекта Andrieux и процессами прусскихъ агентовъ въ Швейцаріи. Интересно, что и россійскій полицейскій политикъ, Судейкинъ, издавалъ было въ Женевѣ въ 1883—88 гг. террористическо-анархическую (и противоконституціонную!) газету „Правда“.

хизма и среди русскихъ. Но во первыхъ, по заявленію компетентныхъ людей, кн. Крапоткинъ, по выѣздѣ изъ Россіи еще въ 1876 г., не имѣлъ никакого прикосновенія къ русскимъ дѣламъ (см. Степняка, „La Russia Sotterranea, 94), а во-вторыхъ, въ подписанныхъ своихъ статьяхъ и напечатанныхъ рѣчахъ, напр., въ сказанной передъ судомъ, въ Ліонѣ и по выходѣ изъ тюрьмы, въ Парижѣ, кн. Крапоткинъ не выступаетъ съ проповѣдью убійствъ, поджоговъ, грабежей и подобныхъ дѣйствій, проповѣдываемыхъ и совершаемыхъ новыми французскими и нѣмецкими анархистами, а ограничивается только изложеніемъ общихъ идей безгосударственнаго коммунизма, проповѣдью своего рода милленаризма, весьма невиннаго и чуждаго не только террористическаго, но даже какого бы то ни было политическо-экономическаго элемента.

Но если въ настоящую минуту среди русскихъ нѣтъ теоретиковъ соціальнаго террора, то они неизбѣжно явятся въ непродолжительномъ времени, и какъ порожденіе мѣстной почвы, и какъ отраженіе соотвѣтственнаго европейскаго движенія, если только внутреннія условія Россіи не измѣнятся. Изъ этихъ условій два особенно должны быть благопріятны такому появленію: 1. правительственная реакція съ дворянскимъ направленіемъ и 2. апатія либеральной оппозиціи. Эти два условія въ 60-е годы, въ Шуваловскую эпоху, породили такъ называемый политическій нигилизмъ, выступившій на практическую арену въ 70-е годы. Одинаковыя причины должны произвести и одинаковыя послѣдствія. Теперь, какъ и тогда, починъ движенія долженъ выйти отъ учащейся молодежи, которая „пойдетъ въ народъ“, бросивши школы, на этотъ разъ тѣмъ охотнѣе, что теперь, университеты, послѣ новаго устава, еще болѣе стѣснившаго и научную свободу, и товарищескую жизнь, стали еще менѣе привлекательны для молодежи.

Уже и теперь министерство народнаго просвѣщенія, въ недавнемъ циркулярѣ, пожаловалось, что „крамола“ начинаетъ опять привлекать въ свои сѣти уча-

щуюся молодежь. Покамѣсть министерство сваливаетъ бѣду съ своей больной головы на чужую, во всякомъ случаѣ болѣе здоровую. Много разъ мы печатно имѣли случай доказывать, что „студенческія волненія“ и вообще преждевременное привлеченіе молодежи къ политической акціи — крайне невыгодны именно для оппозиціи и революціи, такъ какъ рекрутируютъ армію послѣднихъ весьма слабыми личностями и лишаютъ ее корней въ дѣловой части общества. Мы можемъ документально доказать, что такое мнѣніе, сначала дѣйствительно изолированное въ „запрещенной“ печати, въ послѣднее время стало въ ней преобладающимъ, такъ что недавно одинъ, такъ сказать „отъявленно крамольный авторъ“, редакторъ „Вѣстника Народной Воли“, г. Тихомировъ, въ книгѣ „La Russie Politique et Sociale“ призналъ студенческія волненія дѣломъ безполезнымъ и даже бѣдственнымъ для страны, хотя и неизбѣжнымъ при теперешнихъ школьныхъ и общественныхъ порядкахъ въ Россіи. (Op. cit., 264, 333—334).

Никакими кадетскими порядками, ни солидарностью учебныхъ властей съ полицейскими и жандармами, проповѣдуемою министерскимъ циркуляромъ, ни „отсѣченіемъ зараженныхъ членовъ“ нельзя предупредить ни волненій студентскихъ, изъ за причинъ чисто корпоративныхъ, ни броженія въ молодежи, изъ-за вопросовъ соціально-политическихъ, а можно достигнуть только совершенно противоположныхъ результатовъ. Когда донесется до молодежи въ Россіи шумъ западно-европейскаго соціальнаго движенія и когда послѣднее встрѣтитъ себѣ параллель и въ Россіи въ стачкахъ, погромахъ, бунтахъ, аграрныхъ преступленіяхъ и т. п., тогда неизбѣжно найдутся голоса, которые опять крикнутъ: „бросьте школы и идите въ народъ!“, и молодежь опять пойдетъ въ народъ, только на этотъ разъ уже, навѣрное, не съ брошюрками, а съ кинжалами, револьверами и зажигательными спичками, если не съ динамитомъ.[1]

[1] Приготовительныя признаки такого будущаго можно усмотрѣть подъ разными формами уже и теперь. Такъ, напр., даже пріятный многимъ консерваторамъ ус-

Каковы будутъ послѣдствія этого вторичнаго „крестоваго похода дѣтей“ и параллельныхъ ему волненій черни, сказать заранѣе трудно. Мы слышали мнѣнія отъ людей далеко не крайнихъ, которые, не ожидая ничего добраго отъ правительства, въ то же время сомнѣваются въ способности нашей либеральной оппозиціи проявить какую бы то ни было энергію въ борьбѣ противъ этого правительства, и думаютъ, что только серьезныя волненія черни противъ высшихъ классовъ могутъ дать толчокъ къ реформѣ, а потому и полагаютъ, что какою бы цѣною ни оплатился этотъ толчекъ, всетаки онъ будетъ полезенъ для Россіи. Мы позволяемъ себѣ думать, что всякое хаотическое и основанное исключительно на страстяхъ, а равно и на мистицизмѣ и фантастическихъ представленіяхъ о дѣйствительности, движеніе ведетъ скорѣе къ отрицательнымъ, чѣмъ къ положительнымъ результатамъ и во всякомъ случаѣ обходится гораздо дороже самыхъ возможно благопріятныхъ его пріобрѣтеній. А потому мы полагаемъ, что мыслящіе люди должны заранѣе принять всевозможныя мѣры, чтобъ предупредить грозящую Россіи растрату силъ и направить предстоящее движеніе къ наиболѣе полезному для нея исходу.

Мы не видимъ, для такого предупрежденія и направленія, другого средства, какъ только въ организованномъ и энергичномъ дѣйствіи зрѣлыхъ возрастомъ и образованіемъ общественныхъ элементовъ къ установленію въ Россіи политической свободы (правъ человѣка и гражданина и самоуправленія мѣстнаго и государственнаго)

пѣхъ вѣры гр. Л. Н. Толстого между учащейся молодежью (успѣхъ, конечно, свидѣтельствующій о большой „свободѣ отъ наукъ“ въ русскомъ обществѣ) очень напоминаетъ ту мистическую и антикультурную струю, которая замѣчалась въ прологѣ русскаго соціально-революціоннаго движенія 70-хъ годовъ и выражалась между прочимъ то въ такъ называемыхъ „богочеловѣкахъ“, то въ Нечаевско-Бакунинской идеализаціи мужицкаго бунтарства и проповѣди разрушительнаго аморфизма, какъ начала соціальнаго перерожденія. Ничего, что гр. Л. Толстой учитъ не противиться злу. Полиція отучитъ его послѣдователей отъ этого догмата и пробудитъ въ нихъ темпераментъ. Рядомъ съ этимъ и правительственная нечаевщина новаго университетскаго устава и министерскихъ къ нему разъясненій, въ сущности упразднившихъ въ Россіи преподаваніе наукъ политическихъ, а также очистка библіотекъ и печати отъ „вредныхъ“ идей, должна открыть молодежь вліянію крѣпкихъ словъ разныхъ террористическихъ теорій, которыя, вслѣдствіе свободы отъ болѣе сложныхъ наукъ, тѣмъ легче могутъ сойти за послѣднее слово ученія „соціально-революціоннаго“.

съ возможно широкой программой соціально-экономическихъ реформъ.[1]

Нѣтъ возможности, да и надобности, заранѣе опредѣлить средства для достиженія намѣченныхъ сейчасъ цѣлей. Довольно будетъ на первый разъ, если необходимость ихъ будетъ сознана извѣстнымъ количествомъ лицъ и если эти лица рѣшатся тотчасъ же приступить къ организаціи правильныхъ обществъ для дѣйствія въ означенныхъ цѣляхъ, сообразно обстоятельствамъ, какъ наличнымъ, такъ и могущимъ представиться съ теченіемъ времени. Пусть бы такія общества составились сначала совершенно изолированно по разнымъ мѣстамъ Россіи; въ близкомъ будущемъ, расширяясь, они бы встрѣтились и объединились.[2]

Почти все сказанное сейчасъ принадлежитъ къ вещамъ, далеко не новымъ и даже довольно избитымъ. Но мы считаемъ нелишнимъ напомнить эти неновыя мысли, въ виду того унынія, которое распространено теперь почти во всѣхъ общественныхъ кругахъ Россіи, которые, къ сожалѣнію, слишкомъ привыкли смотрѣть на вещи только съ точки зрѣнія минуты и не видѣть тѣсной и все болѣе растущей связи хода дѣлъ въ Россіи съ таковымъ же въ Западн. Европѣ. Мы сочтемъ свое напоминаніе вполнѣ достигшимъ цѣли, если оно остановитъ вниманіе хоть небольшого числа людей въ Россіи на важности настоящаго момента въ Западной Европѣ и на существованіи упомянутой связи и побудитъ ихъ подумать о необходимости энергично приняться за приготовленія къ тому, чтобъ начинающійся историческій моментъ не прошелъ для Россіи такъ же безплодно, какъ прошла недавняя эпоха.

---

[1] Соотвѣтственную этимъ нашимъ идеямъ политическую и соціально-экономическую программу любопытствующій читатель можетъ найти въ особой книжкѣ „Вольный Союзъ“, изданной нами въ 1884 г. (Ср. т. I, стр. 273 и слѣд. нашего изданія. Прим. ред.)

[2] Считаемъ не безполезнымъ прибавить здѣсь одну только подробность, а именно о необходимости возможно большаго привлеченія въ предлагаемыя политическія общества лицъ военныхъ. Какъ мы замѣтили еще въ 1878 г. въ брошюрѣ „До чего довоевались?“ (перепечатанной въ петербургской тайной типографіи подъ заглавіемъ „Результаты послѣдней войны“) армія въ Россіи есть главная сила, которая можетъ ускорить и облегчить тяжелый кризисъ перехода отъ деспотизма къ свободѣ.

II.

Мы не можемъ оставить пера, не обратившись болѣе спеціально къ одному изъ общественныхъ элементовъ въ Россіи, а именно къ ближайшимъ нашимъ землякамъ украинцамъ.

Въ Россіи нѣтъ другого элемента, который бы въ такой степени былъ заинтересованъ въ установленіи въ ней политической свободы и вмѣстѣ съ тѣмъ въ дѣлѣ соціально-экономическихъ уступокъ массамъ народа, какъ сознательные украинцы. А потому имъ бы должно принадлежать одно изъ первыхъ, если не первое мѣсто во всякой дѣятельности для означенныхъ цѣлей. И, дѣйствительно, въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій украинцы не разъ являлись иниціаторами въ вопросахъ, связанныхъ съ этими цѣлями. Такъ, уже Квитка былъ однимъ изъ самыхъ раннихъ начинателей въ Россіи литературы популяризаторской; такъ ни одинъ писатель въ Россіи не превзошелъ Шевченка энергіей протеста крѣпостному праву и любви къ мужику. Въ то же время украинцы (Венелинъ, Максимовичъ, Срезневскій, Бодянскій и др.) основали въ Россіи ученую славистику, а Костомаровъ еще въ 40-ые годы, идя по слѣдамъ общества Соединенныхъ Славянъ 1824—1825 гг., тоже состоявшаго по большей части изъ украинцевъ, хотя еще и не сознавшихъ себя таковыми, поставилъ вопросъ славянскій съ связи съ вопросомъ свободы и самоуправленія областей въ Россіи и потомъ далъ научно-историческія основы демократически-федеральнымъ стремленіямъ всѣхъ русскихъ. Въ 60-ые годы такъ наз. украйнофилы и украинскіе хлопоманы были начинателями „народничества“, какъ своими работами по этногрофіи, обычному праву и т. п., такъ и своими школами и иными опытами „хожденія въ народъ“ и поселенія въ немъ. Въ 70-ые годы, когда русское народническо-соціалистическое движеніе обнаружило недальновидность въ отрицаніи значенія вопросовъ политическихъ, не только внѣшнихъ, какъ славянскіе, но и внутреннихъ, конституціонныхъ, и въ то же время стало сбиваться на націоналистическую

мистику московскаго самобытничества (Земля и Воля, Черный Передѣлъ и т. п.), украинцы первые отозвались дѣятельнымъ сочувствіемъ сербско-болгарскому движенію и поставили вопросъ о политической свободѣ въ Россіи въ первую очередь, а въ тоже время пробовали вносить въ массу народа опыты научнаго, европейско-американскаго соціализма. Не лишено значенія и то, что первые опыты земско-либеральнаго союза были сдѣланы на Украйнѣ, оказавъ вліяніе и на противныхъ прежде всякому „умѣренному либерализму“ русскихъ соціальныхъ революціонеровъ и народниковъ.[1] Послѣ того украинцы же защищали идею неотъемлемыхъ ни для кого, ни даже для народнаго собора правъ человѣка и столь нужную для всѣхъ народовъ и областей обширной Россіи идею мѣстнаго самоуправленія, не только противъ реакціонеровъ, но и противъ централистическаго якобинизма, который было взялъ верхъ въ русскихъ революціонныхъ кружкахъ и даже нашелъ себѣ поддержку и въ Польшѣ.

Но если такимъ образомъ украинцамъ далеко не недоставало изобрѣтенія: иниціативы и даже синтеза теоретическаго (вещь особенно рѣдкая въ Россіи), то, къ сожалѣнію, они обнаружили не разъ отсутствіе настойчивости, послѣдовательности, организаціи и синтеза практическаго, а потому не только не разъ оставались позади, но даже видѣли, какъ ихъ же изобрѣтенія обращались противъ нихъ же самихъ. Въ особенности вредно отозвались на украинскихъ интересахъ недальновидность и пассивность „украйнофиловъ“ въ антрактъ конца 1860-хъ годовъ, подобный нынѣшнему. Было бы большимъ бѣдствіемъ не для одной только Украйны, а для судьбы федеральнаго принципа во всей Восточной Европѣ, если бы въ настоящій антрактъ повторились со стороны украинцевъ подобныя же ошибки.

[1] Въ подтвержденіе послѣдняго сообщенія мы можемъ указать пока только на напечатанную въ 1879 г. во Львовѣ брошюру „Ближайшія задачи земства“, перепечатанную потомъ въ 56 № „Вольнаго Слова“. Здѣсь между прочимъ поставлено цѣлью земской агитаціи созваніе Учредительнаго Собранія, — терминъ (не совѣмъ удачный), который потомъ составилъ главный пунктъ требованій и „народовольцевъ“, которые впрочемъ ставили его еще неудачнѣе.

Ходъ дѣлъ въ Украйнѣ Россійской тѣсно связанъ съ ходомъ ихъ въ Украйнѣ Австро-Венгерской, въ которой нѣкоторая политическая свобода даетъ возможность проявиться и стремленіямъ украинцевъ изъ Россіи. Такой или иной характеръ партіи, которая въ Австріи, особенно въ Галиціи, считается по преимуществу украинской, вліяетъ и на положеніе украинцевъ въ Россіи. Въ этомъ отношеніи въ началѣ 70-хъ годовъ узко- и поверхностно-національный и клерикальный характеръ галицкой украйнофильской партіи имѣлъ чрезвычайно невыгодное вліяніе для репутаціи украинскихъ стремленій въ самой Россіи. Въ настоящее время положеніе украинизма въ Галичинѣ елва ли еще не болѣе неблагопріятно. Теперь тамъ можно различить слѣдующія русскія партіи:

№ I. Старые святоюрцы[1] (газ. „Слово“, „Новый Проломъ“, „Наука“ и др.), которыхъ поляки зовутъ москвофилами, а многіе русскіе считаютъ „общеруссами“, — партія клерикально-бюрократическая, которой вожди стоятъ въ литературѣ больше за языкъ церковнославянскій, чѣмъ за какой бы то ни было живой и народный русскій языкъ, а въ политикѣ подаютъ руку въ одну сторону австро-нѣмецкимъ бюргерскимъ централистамъ (депутатъ Ковальскій) и даже абсолютистамъ (Ад. Добрянскій), а въ другую россійскимъ реакціонерамъ (И. Наумовичъ) и даже просто тайной полиціи (Мир. Добрянскій, Владиміръ Наумовичъ).

№ II. Новые святоюрцы (газеты „Миръ“, „Русь“), которые уже признаютъ мѣстный народный (малорусскій, украинскій) языкъ и отчасти національныя украинскія стремленія, какъ форму, но открещиваются отъ сущности россійско-украинскаго движенія, отъ его радикализма политическаго, соціальнаго и культурнаго, и даже вслѣдствіе своего уніатскаго клерикализма, или отказываются отъ всякаго интимнаго общенія съ украинцами въ Россіи (являясь такимъ образомъ въ національномъ отношеніи австро-рутенцами), или же задаются фантастическими цѣлями привлечь къ уніатству, не безъ старопольскихъ политическихъ тенденцій, и Россійскую Украйну!!

[1] Св. Юръ = Юрій — соборъ и резиденція митрополита въ Львовѣ.

№ III. Народовцы, считаемые въ Россіи и Австріи украйнофилами (газеты „Діло“, „Зоря“, „Батьківщина“, отчасти „Буковина“ и др.), которые хотя и дѣйствительно возникли въ 60-ые годы подъ вліяніемъ тогдашняго демократическаго движенія въ Украйнѣ Россійской, но съ теченіемъ времени все болѣе приближались къ рутенцамъ, такъ что, напримѣръ, въ настоящее время имѣютъ съ украинскимъ движеніемъ общаго почти только одно отношеніе къ народному украинскому языку.[1]

Одно время въ 70-ые годы усиленное давленіе на

---

[1] Уже изъ представленной характеристики галицкихъ русскихъ партій можно видѣть, что у нихъ играетъ видную роль вопросъ литературный. Мы не можемъ здѣсь очень много распространяться объ этой сторонѣ дѣла, а замѣтимъ только, что въ Россіи она оцѣнивается весьма не вѣрно, даже въ славянофильскихъ и украйнофильскихъ кружкахъ, которые болѣе другихъ интересуются Галиціей, но почти одинаково судятъ о тамошнихъ партіяхъ болѣе по кличкамъ и другимъ видимостямъ, чѣмъ по сущности дѣла. Вслѣдствіе этого въ Россіи придаютъ большое значеніе борьбѣ между партіями №№ I и III изъ за языковъ — „народно-украинскаго“ „литературно-русскаго“, т. е. будто бъ то великорусскаго, языка Пушкина и т. п. Между тѣмъ, если обратиться къ галицкой полемикѣ 60-хъ годовъ, когда разгорѣлась упомянутая борьба, то увидимъ во-первыхъ, что подъ словами „русскій, книжный, литературный“ языкъ тогда разумѣлся въ Галичинѣ мѣшанный церковно-польско-малороссійскій языкъ мѣстныхъ семинарій, какой и до сихъ поръ остался въ органахъ партіи № I, — а во-вторыхъ, и главное, что тогда съ произведеніями украинскихъ писателей изъ Россіи проникъ въ Галичину не только народный (все жъ таки по своему русскій) языкъ, но и формы и идеи новой русской литературы: натурализмъ, демократизмъ и свободно-прогрессивныя общественныя стремленія. Вотъ противъ этихъ то новыхъ литературныхъ и общественныхъ идей, равно какъ и противъ болѣе сильныхъ писательскихъ дарованій, главнымъ образомъ и возстало галицкое бурсачество вообще и мѣстныя схоластическія бездарности въ особенности. Дѣло мало бы перемѣнилось, еслибъ вмѣсто Шевченка принесли тогда въ Галичину Некрасова, вмѣсто М. Вовчка — Тургенева, вмѣсто Костомарова — Щапова или даже Иловайскаго, вмѣсто Кулиша — Добролюбова, или даже Аполл. Григорьева, или Ор. Миллера, развѣ только что названные великоруссы не такъ скоро могли бы тамъ пустить корни. Борьба галицкаго бурсачества съ украинскимъ демократизмомъ приняла формально-языковый видъ главнымъ образомъ вслѣдствіе вмѣшательства въ споръ московскихъ централистовъ, мало вникшихъ въ суть дѣла. Теперь языковая борьба въ сущности вовсе не такъ велика въ Галичинѣ, какъ думаютъ многіе въ Россіи: теперь не только партіи №№ III и II почти одинаково признаютъ уже значеніе народнаго (= украинскаго) языка, но и наиболѣе дѣятельные люди партіи № I-го, напр., самъ г. И. Наумовичъ (который, замѣтимъ, неоднократно заявлялъ, что онъ не доволенъ и великорусскимъ литературнымъ языкомъ, а стоитъ за какой то „твердый“, церковно-все-русскій) признаютъ языкъ народный же въ народныхъ изданіяхъ и школахъ, что и составляетъ главный практическій вопросъ въ Галичинѣ. Но въ то же время, если украинизмъ такимъ образомъ можно сказать одержалъ побѣду надъ всѣми галицкими партіями въ формальной сторонѣ дѣла, то старое бурсачество, культурное и общественное и даже литературное, вовсе не сломано тамъ, а продолжаетъ жить подъ новыми оболочками не только въ обѣихъ святюрскихъ партіяхъ, но и въ самой „украйнофильской“, и борется тамъ не только съ новыми прогрессивными стремленіями, какъ возникающими на мѣстной почвѣ, такъ и проникающими изъ Западной Европы и Россійской Украйны, но даже старается (выражаясь языкомъ Ив. Аксакова) выхолостить и прежде принятую имъ въ себя струю украинскаго движенія. Вотъ въ этомъ и заключается главная причина качественной слабости галицко-украинской литературы и главная опасность для ея существованія среди сосѣднихъ литературъ. Нѣтъ страшнѣе цензуры, какъ собственная тупость и добровольное холопство!

Галичину россійскихъ украинцевъ, въ видѣ статей въ петербургскихъ и кіевскихъ, и насколько можно было въ галицкихъ изданіяхъ, коллективныхъ писемъ и личныхъ сношеній, а также вліяніе образовательныхъ западноевропейскихъ центровъ, вродѣ Вѣны и Цюриха и др., на учившуюся тамъ галицкую молодежь, повело было къ зачатку новаго дѣйствительно народнаго въ европейскомъ смыслѣ слова, т. е. радикально-демократическаго и прогрессивнаго направленія въ молодежи обѣихъ тогдашнихъ галиційско-русскихъ партій (№№ I и III).[1] Старые народовцы, какъ и старые святоюрцы, всячески боролись противъ этого новаго движенія и особенно ожесточенно накинулись на него, когда противъ этого новаго народовства выступила и польско-австрійская полиція, какъ противъ революціоннаго нигилизма. Подъ тяжестью доносовъ, въ которыхъ соперничали между собою всѣ старыя партіи, руссинскія, какъ и польскія, которыя не только поддерживали полицію, но и призывали ее къ сомому противоконституціонному произволу, новое движеніе изнемогло и сосредоточилось было только въ небольшомъ кружкѣ, принявшемъ имя соціалистовъ. Кружокъ этотъ издалъ, между прочимъ, три выпуска сборника „Громадскій Другъ“, въ которомъ болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь въ галицкихъ изданіяхъ найдете свѣдѣній о мѣстной народной жизни, а вмѣстѣ переводовъ извѣстныхъ европейскихъ писателей прогрессивнаго направленія, которымъ посвящена и значительная часть изданія того же кружка „Дрібна Бібліотека“; онъ же сталъ на помощь и земско-либеральной оппозиціи въ Россіи, печатая брошюры, какъ „Ближайшія задачи земства“ съ „Адресомъ черниговскаго губернскаго земскаго собранія“, „Мартовское движеніе кіевскихъ студентовъ“, „Молодежь, правительство и общество въ Россіи“; онъ же

[1] Отмѣтимъ, что такой результатъ былъ достигнутъ между прочимъ и тѣмъ, что россійскіе украинцы въ своей критикѣ галицкихъ дѣлъ становились выше препирательствъ тамошнихъ партій, отмѣчая ошибки, а также заслуги ихъ обѣихъ, и распространяли среди галичанъ, вмѣстѣ съ украинскими, также и произведенія демократической и прогрессивной литературы великорусскаго языка. Крупнѣйшимъ послѣдствіемъ такого вліянія изъ Россіи было соединеніе въ 1876 г. двухъ львовскихъ студенческихъ обществъ различныхъ прежде партій въ одно. (Объ этомъ см. въ газетѣ „Другъ“ 1876—1877 гг.)

поддерживалъ и польскую рабочую печать, сдерживая въ то же время централистическія, историческія польскія идеи, которыхъ оказались не чужды и польскіе соціалисты. Все это новое движеніе оказало вліяніе и на массы мѣщанъ и селянъ, гдѣ, впрочемъ, параллельно шло свое движеніе: разочарованія въ прежнихъ поповско-чиновническихъ руководителяхъ и стремленія къ самодѣятельности, къ свѣтскому образованію и улучшенію своего матеріальнаго положенія.

Къ концу 70-хъ годовъ даже и старыя галицкія партіи увидѣли необходимость уступить новымъ движеніямъ и въ то же время сблизиться между собою, перейдя отъ чисто формальной, націоналистической фразеологіи, отъ церковной мертвечины и сервилистическаго политиканства къ работѣ среди массъ народа на почвѣ вопросовъ соціально-экономическихъ и просвѣщенія. Народные митинги, образованіе разныхъ кооперативныхъ обществъ, читаленъ и проч., заявленія газетъ (особенно популярной „Батьківщины“) о необходимости свѣтскихъ сеймовыхъ и парламентскихъ кандидатуръ, о потребности выйти за предѣлы уніатскаго русинизма (русины въ самой Австріи есть и православные, и католики, а въ послѣднюю перепись даже многіе евреи-земледѣльцы записали себя русинами) и выступить съ защитою интересовъ и польскихъ селянъ, все это заставляло надѣяться скораго образованія въ Галичинѣ дѣйствительно-народной партіи, вродѣ „демократовъ“, „радикаловъ“, „соціальдемократовъ“ и т. п.[1]

Но галицкіе народовцы, — главнымъ образомъ по недостатку образованія, но также и по слабости нравственной выдержки, — погнались (во второй разъ съ 60-хъ годовъ) за цѣлью поскорѣе, безъ труда, явиться партіею, вліятельною въ глазахъ оффиціальнаго міра, а потому скоро отодвинули на задній планъ работу среди народа, спрятали всякія прогрессивныя знамена и обратились къ поповству, въ которомъ еще сильно

[1] Намъ кажется, что нынѣшнему состоянію Галичины соотвѣтствовала бы практическая программа, которая бы была ближе къ программамъ европейскихъ (напр., ирландскихъ, англійскихъ, французскихъ) радикаловъ, крестьянскихъ (напр., въ Англіи, Скандинавіи) и рабочихъ партій, чѣмъ теоретиковъ „чистаго“ соціализма, за которыми, конечно, остается значеніе идейныхъ пропагандистовъ.

было вліяніе старой святоюрской партіи,[1] и къ теперешнему австрійскому клерикально-консервативному правительству. При этомъ народовцы упустили изъ виду одно очень важное обстоятельство, а именно то, что, послѣ насильственнаго обращенія уніатовъ Царства Польскаго въ православіе при помощи духовныхъ, приглашенныхъ изъ Галичины, на мѣсто которыхъ явились въ эту послѣднюю непокорные уніатскіе духовные изъ Царства Польскаго, и Галичина фатально должна была стать ареною борьбы папизма и іезуитовъ съ петербургскимъ Св. Синодомъ.[2] Недальновидные галицкіе политиканы разныхъ оттѣнковъ вмѣсто того, чтобъ подрѣзать самыя основанія этой несвоевременной и во всѣхъ отношеніяхъ вредной для страны борьбы работою среди народа около реальныхъ, свѣтскихъ интересовъ и свѣтскаго образованія (къ чему, какъ указано выше, звало ихъ движеніе среди самаго народа), сами кинулись съ головою въ клерикальную агитацію разныхъ направленій. Эта агитація тѣмъ болѣе вредна для народныхъ интересовъ и тѣмъ болѣе странна со стороны сколько-нибудь образованныхъ людей, что она завязалась изъ за трехъ церквей (Православіе, Католицизмъ, Унія), которыя одинаково не только находятся въ противорѣчіи со всею новою цивилизаціею, по своей догматикѣ, эсхатологіи и пр., но и по своему іерархическому строю не согласимы съ принципомъ народнаго самоуправленія.[3] Въ частности народовцы, сначала желая показать свое усердіе къ „русской (?) родной (??) вѣрѣ“ (Уніи) передъ духовенствомъ (преимущественно низшимъ) занялись было, въ союзѣ со старыми святоюрцами, агитаціей противъ іезуитовъ за уніатскіе монастыри, порученные іезуи-

---

[1] Въ угоду этому поповству народовцы уступили между прочимъ и украинскую фонетическую правопись, противъ которой, по заявленіямъ крестьянъ прошлогоднимъ „вандровникамъ“-студентамъ, самъ „народъ“ ничего не имѣетъ.

[2] Замѣтимъ при случаѣ, что упомянутое обращеніе уніатовъ имѣло между прочимъ послѣдствіемъ развитіе среди оскорбленныхъ насиліемъ русиновъ Ц. Польскаго — настроенія римско-католическаго и даже польскаго и перенесло дирекцію ихъ совѣсти въ ультрамонтанскую Галицію.

[3] Если уже народовцы сочли нужнымъ заняться церковными дѣлами, не сходя съ почвы „родной вѣры“, то по истинѣ удивительно, почему они не подняли агитаціи противъ такого отсталаго и противнаго національнымъ и народнымъ интересамъ учрежденія, какъ церковный „патронатъ“, помѣщиковъ, ни въ пользу хоть организаціи выборныхъ громадами „парохіальныхъ“ (приходскихъ) совѣтовъ, если уже не выбора священниковъ.

тамъ папою для „реформы“, т. е. для насажденія тамъ прочнаго польско-ультрамонтанскаго духа. При этомъ наивные галичане сманивали высшія ватиканско-вѣнскія сферы на свою сторону отъ іезуитовъ и поляковъ перспективою „обращенія въ Унію всего Востока!“. Вслѣдъ за тѣмъ, когда нѣкоторые изъ старыхъ святоюрцевъ сами пустились въ православную агитацію и въ Галичинѣ, народовцы, желая отличиться передъ духовенствомъ (на этотъ разъ преимущественно передъ высшимъ) и передъ правительствомъ, которое имѣло безтактность начать противъ г. И. Наумовича и товарищей процессъ изъ за ихъ религіозныхъ и литературныхъ идей,[1] кинулись въ чисто полицейскій австро-уніатскій консерватизмъ.[2] Не удивительно, что въ такихъ мечтаніяхъ народовцы растеряли и то небольшое количество принциповъ, какое у нихъ было. Надо замѣтить, что вся эта эволюція народовцевъ совершилась въ значительной степени вслѣдствіе ослабленія давленія на Галичину радикально-прогрессивныхъ идей изъ Россійской Украйны, гдѣ въ свою очередь недальновидные люди пробовали было скомпановать ad usum Delphini украйнофильство консервативное, политическое и религіозное (здѣсь, конечно, православное).[3]

Тѣмъ часомъ Ватиканъ, а также вѣнскіе и польскіе оффиціалы, замѣтивъ, что, въ виду начавшагося

---

[1] Ср. статью „Процессъ постыдный во всѣхъ отношеніяхъ“, выше стр. 626—637. Прим. ред.

[2] Прибавимъ, что главный тогдашній вождь народовцевъ, редакторъ „Діла“, Кл. Барвинскій, забѣгалъ и въ польскій лагерь съ фразами о возстановленіи независимой Польши рядомъ съ независимой Русью (Украйной) и въ то же время получилъ отъ гр. Игнатьева допущеніе „Ділу“ въ Россію, что было одной изъ причинъ, почему народовцы отнеслись безучастно (а иные даже враждебно) къ земско-либеральному движенію въ Россіи, которое тогда имѣло органъ, общій съ украинскимъ радикальнымъ федерализмомъ. (Теперь дебитъ „Діла“ въ Россію отнятъ, послѣ того, какъ оно отрекомендовало всѣмъ русинамъ (= украинцамъ) ультрамонтанскую программу станиславовскаго епископа Пелеша).

[3] Пока мы можемъ сказать только, что въ этомъ компанованіи прегрѣшилъ самъ Н. И. Костомаровъ, который въ эпоху Лорисъ-Меликовскихъ вѣяній печаталъ статьи, въ которыхъ соблазнялъ правительство перспективою уничтоженія штундъ и другихъ сектъ посредствомъ евангелія и проповѣди на украинскомъ языкѣ. Знаменитый историкъ точно не зналъ, что только тѣ національныя возрожденія успѣваютъ, которыя идутъ на встрѣчу прогрессивнымъ движеніямъ въ своемъ населеніи, и даже какъ будто забылъ, что распространеніе евангелія на народныхъ языкахъ вездѣ не спасало оффиціально-іерархическія церкви, а разлагало ихъ. Св. Синодъ знаетъ это лучше украйнофильскихъ консерваторовъ. (Мы говорили объ этомъ подробно въ статьѣ „Языки, конфискованные Св. Синодомъ“, въ 26 № „Вольнаго Слова“, выше стр. 573—583). Замѣтимъ, что и украинофильствующіе клерикалы въ Галичинѣ вовсе не усердствуютъ распространять Новый Завѣтъ, переведенный гг. Кулишемъ и (галичаниномъ) Пулюемъ.

пробужденія самого народа, русиновъ уже нельзя совсѣмъ прятать въ карманъ, задумали образовать, „для собственнаго употребленія“ (внутренняго, а при случаѣ, въ виду новой восточной политики Австріи, и внѣшняго), русинскихъ легалистовъ безъ всякихъ независимо-украинскихъ, „козацко-шизматицкихъ, панславистическихъ и нигилистическихъ“, аллюровъ и организовали партію № II, подъ командою новаго митрополита. Народовцы уже тотчасъ послѣ назначенія его (не догадавшись, что значитъ смѣна его „слабаго“ предшественника, хотя искренняго ультрамонтана), ходили бить челомъ новому прелату и предложили ему стать ихъ „кормчимъ не только въ дѣлахъ церковныхъ, но и въ народныхъ“, намекая только на условія, вродѣ признанія національной самостоятельности русиновъ да принятія въ „мужи совѣта“ людей ихъ партіи, „новыхъ Катоновъ“, какъ говорилъ В. Барвинскій! Теперь ультрамонтанская іерархія, которая, уже по природѣ своей, не уступчива, предложила народовцамъ стать подъ команду „архи-князя церкви“ безъ всякихъ оговорокъ.

Съ тѣхъ поръ народовцы окончательно теряютъ голову. Они кидаются противопоставить митрополиту такого же, если даже не большаго, ультрамонтана, новаго станиславовскаго епископа.[1] Они отмалчиваются на всѣ укоры новыхъ святоюрцевъ въ недавнихъ уступкахъ свѣтскому духу, „гайдамацтву“, даже вродѣ перепечатки „Діломъ“ изъ „Кіевской Старины“ ученой статьи объ участіи мірянъ въ церковныхъ дѣлахъ и о братствахъ въ старой Украйнѣ, то съ негодованіемъ отвергаютъ обвиненіе въ вѣроисповѣдномъ индифферентизмѣ, какъ въ уголовщинѣ,(въ странѣ, гдѣ, по законамъ, можно быть совсѣмъ безъ вѣроисповѣданія!) торжественно подписываются — уже послѣ выборовъ! — подъ явно ультрамонтанской программой еп. Пелеша и цензируютъ самого батька-Шевченка отъ всякихъ противоцерковныхъ, особенно противо-

[1] Во время прошлогодніихъ выборовъ въ парламентъ народовцы поставили было еп. Пелеша, несмотря на его отказъ, даже кандидатомъ противъ митрополитскаго, приглашая въ то же время избирателей „слушаться своихъ духовныхъ отцевъ“, тѣмъ заранѣе сами проваливали своихъ кандидатовъ передъ ставленниками архи-отца.

римскихъ тирадъ подъ лживымъ предлогомъ, будто эта операція необходима въ педагогическихъ цѣляхъ.

Идейная и моральная несостоятельность народовцевъ ярко выразилась въ ихъ манифестѣ о новомъ политическомъ обществѣ „Народна Рада“, гдѣ, на мѣсто всякихъ общественныхъ принциповъ, выдвинута необходимость возстановить „довѣріе въ горѣ“ (въ высшихъ сферахъ), подорванное-де заявленіями старыхъ святоюрцевъ объ этнографическомъ и литературномъ единствѣ галичанъ съ великоруссами. Эта безпринципность и холопство людей, которые еще недавно сами справедливо обвиняли старыхъ святоюрцевъ въ безпринципномъ сервилизмѣ, только и оживило старое святоюрство, видимо уже вымиравшее. Теперь органы этого послѣдняго направленія, хотя тоже чужды всякой положительной программы, но имѣютъ по крайней мѣрѣ значеніе отрицательной оппозиціи дѣйствительно печальному во всѣхъ отношеніяхъ состоянію страны. Иногда же эти реакціонные, противоукрайнофильскіе органы проговариваются по вопросамъ аграрнымъ и церковнымъ идеями и предложеніями, гораздо болѣе согласными съ основами украинскаго движенія, чѣмъ заявленія галицкихъ лжеукрайнофиловъ. А недавно одинъ изъ нихъ („Нов. Проломъ“) напечаталъ у себя статью о Шевченкѣ, гораздо болѣе радикальную и представляющую украинскаго поэта въ гораздо болѣе вѣрномъ свѣтѣ, чѣмъ тотъ, въ какомъ его препарируютъ теперь народовцы, изображая его только защитникомъ „рідної мови“ и противникомъ „зажерної Москви“.[1] Противъ такого усиленія старой святоюрской партіи на ихъ счетъ народовцы не находятъ лучшаго средства, какъ формальные доносы въ сочувствіи православію и „московскому“ языку, будто-бъ то не совмѣстимомъ съ австрійскимъ вѣрноподданствомъ. Старые святоюрцы, съ своей стороны, возражаютъ вполнѣ резонно, что область религіозныхъ и этнографическо-литературныхъ убѣжденій раздѣляется отъ политики даже австрійскими законами. Но въ тоже время они отпла-

[1] Въ статьѣ этой впрочемъ, по галицкому обычаю, бездна фактическихъ ошибокъ и тенденціозныхъ извращеній.

чиваютъ народовцамъ (а по дорогѣ и россійскимъ украйнофиламъ) соотвѣтственными доносами въ разрушительномъ „кіевскомъ“ панславизмѣ, въ сепаратизмѣ, въ желаніи оторвать Галичину отъ Австріи въ пользу то всеславянской республики, то козацкой державы, то даже Польши съ Литвою и Русью, въ анархическомъ нигилизмѣ и т. п., — на каковыя обвиненія народовцы считаютъ нужнымъ отвѣчать отреченіемъ отъ всякихъ прогрессивныхъ идей, отъ всякой независимости.[1]

Предшествующій, по неволѣ растянувшійся очеркъ, надѣемся, убѣдитъ всякаго сколько-нибудь безпристрастнаго читателя какъ въ томъ, что всѣ три галицкорусскія партіи въ теперешнемъ видѣ своемъ страшно вредятъ своему народу, и въ томъ, что они препятствуютъ Галичинѣ стать одною изъ точекъ опоры освободительно-демократическаго движенія въ Россіи (роль, вродѣ той, какую игралъ Тессинскій кантонъ для освобожденія Италіи, и какую было начала играть Галичина въ концѣ 70-хъ годовъ), такъ и въ частности въ томъ, что теперешніе галицкіе „украйнофилы“ могутъ только вредить украинскому движенію въ Россіи, компрометируя его въ глазахъ всѣхъ прогрессивныхъ элементовъ и въ тоже время,

[1] Въ параллель сказанному въ примѣчаніи на стран. 771, мы должны сказать и тутъ о литературной сторонѣ этой борьбы между двумя партіями. Если мы вспомнимъ, что и такъ называемые „москвофилы“ признаютъ необходимость народнаго языка по крайней мѣрѣ въ элементарныхъ школахъ и популярной литературѣ, то увидимъ, что эта борьба не только недостойна въ настоящей своей формѣ, но и совершенно излишня. Если „москвофилы“ всетаки противопоставляютъ „книжный“ языкъ народному, то ихъ книжный языкъ (замѣтимъ опять: вовсе не „московскій“) и ихъ „высшая“ литература (о коей могутъ дать понятіе, напр., фельетоны „Слова“ и „Н. Пролома“) — такая бурсацкая мертвечина (какой подобную по содержанію можно найти въ Россіи развѣ въ альманахахъ молодого Булгарина) что о конкурренціи ея со сколько-нибудь живою галицко-украинскою литературою не можетъ быть и рѣчи. Что же до настоящей „московской“ литературы, то она по крайней мѣрѣ еще долго не сможетъ отнять почву въ Галичинѣ у литературы галицко-украинской уже потому, что она всетаки далека отъ этой почвы и по языку, и по деталямъ своего содержанія. По духу же своему, какъ это доказываютъ опыты, эта литература, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, можетъ только помогать обращенію галицкой интеллигенціи къ реализму и демократизму, а за тѣмъ неизбѣжно и къ народному языку, т. е. только поддержитъ дѣйствительное народно-украинское направленіе и при томъ гораздо лучше, чѣмъ многія издѣлія самихъ народовскихъ писателей, изъ конхъ иные тоже мало ушли отъ Булгарина. Наполненіе народовскихъ изданій подобными издѣліями да упражненіями украйнофильскаго дилетантства и „пѣкоснимательства“, въ ущербъ положенію на галицко-украинскомъ языкѣ результатовъ европейской прогрессивной мысли и даже научному изслѣдованію мѣстной народной жизни, гораздо опаснѣе для будущаго самостоятельности галицко-украинской культуры, чѣмъ мертвечина „москвофильскихъ“ газетъ и даже чѣмъ самыя крупныя субсидіи, какія могутъ сорвать нѣсколько галицкихъ спекулянтовъ съ довѣрчивыхъ „москалей“.

вовсе не спасая его отъ полицейскихъ обвиненій въ сепаратизмѣ и даже прибавляя основанія обвинять его въ новыхъ винахъ: въ пашизмѣ и измѣнѣ въ пользу Австріи.[1]

Но нелѣпая, съ точки зрѣнія общеукраинской, политика народовцевъ не много имѣетъ смысла даже на тѣсной австро-русинской и даже на одной галицкой почвѣ. Мы не станемъ навязывать нашимъ австрійскимъ землякамъ, которые живутъ всетаки въ конституціонной державѣ, противогосударственной и даже противодинастической политики, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ для нихъ былъ обязательнымъ сервилизмъ предъ теперешнимъ магнатско-консервативнымъ и клерикальнымъ направленіемъ вѣнскихъ правящихъ кружковъ и тѣмъ болѣе, что, даже если не говорить о томъ, что и въ самой Австріи не всѣ русины уніаты, въ самихъ массахъ народа въ Галичинѣ клерикализмъ, а равно и безусловный цезаризмъ, сильно ослабѣлъ въ послѣднее время.[2] Въ виду

---

[1] Послѣднія строки были написаны, когда появилась въ „Wiener Allg. Zeitung“ статья (врядъ-ли нѣмецкаго автора), въ которой народовцы горячо рекомендуются вѣнской „горѣ“, какъ единственно вѣрная, консервативная и религіозная партія въ краѣ и вмѣстѣ сообщается, что и „въ Россіи многіе русины желаютъ уже своего объединенія подъ Австріей“. Интересно, что, въ параллель народовскимъ поклонамъ „горѣ“, Костомаровъ писалъ мнѣ въ 1878 г., что „намъ (украинцамъ) нужна теперь не публицистика, а популярная литература, которая возможна только при полномъ согласіи съ властію, а не при какой бы то оппозиціи“. Если бы даже и такъ, то во-первыхъ, какое можетъ быть средство согласить съ нами власть, напр., гр. Дм. А. Толстого, а главное, какой мудрецъ найдетъ общеукраинскую формулу, для пріобрѣтенія довѣрія въ горѣ, гдѣ сидятъ на одной вершинѣ папскій куній, австрійскій генералъ, венгерскій магнатъ и польскій панъ, а на другой гр. Дм. А. Толстой и г. Побѣдоносцевъ, имѣя сзади себя, отъ верху до низу, пѣлые ряды государственно-національныхъ централистовъ, отъ катковцевъ до народовольцевъ? Покамѣсть за наши такія старанія передъ „горою“ мы можемъ ждать только съ горы — перекрестныхъ ударовъ, а съ боковъ — единодушныхъ плевковъ. Удивительно, какъ даже самъ основатель федеративно-демократическаго украинско-славянскаго братства упустилъ изъ виду, что теперь украинскій вопросъ уже попалъ во всемірно-историческій водоворотъ — культурный, соціальный, политическій, междугосударственный, въ которомъ безъ яснаго знамени уже ничего не сдѣлаешь для своей идеи, и въ то же время можешь и лично не сносить головы.

[2] Доказательства см. въ нашей книжкѣ „Нові Українські Пісні про громадські справы“, а также въ „Громадскомъ Другѣ“, 55, 70—71, 255—260 (въ томъ числѣ признаніе самого священника Торонскаго), въ „Вольн. Словѣ“, №№ 48, 49, 52, 54 (письма изъ Австрійской Украйны, особенно г. М—она). На мѣсто прежняго австрійскаго цесаризма теперь въ Прикарпатской Руси явно распространяется своего рода царизмъ московскій, т. е. вѣра, что московскій царь надѣлитъ крестьянъ землею. Подобныя идеи ходятъ даже среди польскихъ крестьянъ. Въ церковной сферѣ недовольство галицко-русскаго народа выражается не только повсемѣстнымъ проявленіемъ скептизма, правда, пока еще не систематизированнаго, но и формальнымъ отпаденіемъ отъ Уніи цѣлыхъ селъ, въ томъ числѣ и (параллельно нашей штундѣ) въ протестанство, которое, по своему церковному строю, конечно, болѣе согласно съ украинофильской идеей о народномъ самоуправленіи, чѣмъ уніатская, да и всякая другая іерархическая церковь.

теперешняго движенія въ массахъ народа благоразумнѣе, даже съ тактической точки зрѣнія, предоставить консервативнымъ кругамъ, свѣтскимъ и церковнымъ, самимъ сдѣлать уступки народному элементу, нежели итти имъ на встрѣчу, отказываясь отъ драгоцѣннѣйшихъ пріобрѣтеній новѣйшей цивилизаціи и отъ своей будущности. Что касается въ частности до клерикально-ультрамонтанскихъ круговъ, то они уже и теперь, самою необходимостью конкуррировать съ петербургско-московскимъ православіемъ, принуждены признать принципъ народный, по крайней мѣрѣ въ вопросѣ языка. По этому одному уже теперешняя народовская фракція, послѣ образованія новой святоюрской партіи, является по меньшей мѣрѣ лишнею. Она непзбѣжно должна по меньшей мѣрѣ распасться, отдавъ своихъ членовъ: однихъ (которые не видятъ свѣта дальше сегодня въ галицкихъ заставахъ и при этомъ вѣруютъ въ святость и незыблемость ультрамонтанскаго уніатства, или ищутъ поскорѣе сдѣлать карьеру) — этимъ новымъ святоюрцамъ, а другихъ — совсѣмъ новой партіи, радикальной, болѣе согласной съ ходомъ развитія европейскихъ народовъ, а вмѣстѣ и съ духомъ украинскаго движенія, т. е. съ идеями, отъ которыхъ Галичина не можетъ же закупориться, еслибы даже того и захотѣла.

Только такая партія можетъ удовлетворить пробуждающійся къ свободѣ и культурѣ народъ галицкорусскій и дать ему приличное участіе въ движеніи къ прогрессу другихъ австро-венгерскихъ народовъ, а также послужить общеукраинскимъ и всероссійскимъ интересамъ, помогая освободительному движенію въ Россіи, на Украйнѣ и даже далѣе, и сама питаясь соками этого движенія.

Въ виду постоянныхъ извращеній нашихъ идей въ галицкой печати всѣхъ фракцій, мы спѣшимъ прибавить, что предполагаемая нами дѣятельность новой партіи вовсе не заключаетъ въ себѣ ничего обязательно-сепаратистическаго, а въ Австріи и ничего непремѣнно революціоннаго. Національные интересы украинцевъ въ Россіи, по нашему мнѣнію, могутъ

быть вполнѣ обезпечены мѣстнымъ самоуправленіемъ (общиннымъ, уѣзднымъ и областнымъ), а въ Австріи извѣстнымъ развитіемъ уже готовыхъ политическихъ и административныхъ учрежденій и избирательныхъ законовъ, вовсе не противныхъ основамъ даже теперешней конституціи, которая также нисколько не противна и довольно радикальнымъ соціально-экономическимъ реформамъ.[1]

Нѣкоторые элементы для начала предполагаемой партіи есть въ Галичинѣ уже и теперь, какъ среди лицъ, затронутыхъ недавнимъ „соціалистическимъ“ движеніемъ, такъ и среди „молодшихъ“, болѣе европеизированныхъ и менѣе деморализированныхъ мѣстною партійною жизнью, народовцевъ, которымъ собственно и теперь принадлежитъ почти вся сколько нибудь положительная работа въ рядахъ партіи, извращаемая и эксплуатируемая узколобіемъ и политиканствомъ вожаковъ. На замѣчаніе, что образованіе еще новой партіи внесло бы еще новыя раздѣленія въ немногочисленную галицкую интеллигенцію, мы отвѣтимъ, что напротивъ того, уже одно устраненіе вѣроисповѣдной узости изъ политики (ея лаицизація), при либеральномъ отношеніи къ разнымъ понятіямъ этнографическимъ и мнѣніямъ о размѣрахъ самостоятельности галицко-украинской литературы, и сосредоточеніе работы около реальныхъ народныхъ интересовъ и свѣтскаго образованія послужило бы въ скоромъ времени основою для объединенія всѣхъ болѣе просвѣщенныхъ, независимыхъ и честныхъ умовъ, болѣе прочною, чѣмъ теперешняя византійская грызня галицкихъ кружковъ и ихъ конкурренція въ клерикальной реакціи и политическомъ сервилизмѣ. Мы вполнѣ увѣрены, что къ радикаламъ могла бы присоединиться, сначала по крайней мѣрѣ хоть по отдѣльнымъ практическимъ вопросамъ, и извѣстная часть „молодшихъ“ и болѣе образованныхъ

[1] Мы ограничимся лишь общими замѣчаніями, такъ какъ только сами галичане могутъ выработать (въ печати, на вѣчахъ, въ обществахъ) детальную программу избирательной и административной реформы, а также мѣръ финансовыхъ, аграрныхъ, фабричныхъ, школьныхъ и т. п., на первый разъ хотя бы вродѣ англійской The Radical Programme (съ предисловіемъ Чемберлена, бывшаго министра).

членовъ обновляющейся старой святоюрской партіи, особенно тѣ, которые ближе познакомятся съ настоящей русской литературой (а не съ славянско-благотворительной только) въ Россіи, и поймутъ, что установленіе въ Россіи политической свободы и обезпеченіе тамъ развитія украинскаго народа, можетъ быть только полезно и для русиновъ Австро-Венгріи. Прибавимъ, что только ланцизація политики даетъ возможность галицко-русской демократіи, какъ привлечь на свою сторону неуніатскіе и нехристіанскіе элементы рабочаго населенія страны, такъ и организовать, вмѣстѣ съ зачатками польской демократіи, работу и на службу польскому демосу (печать, вѣча, общества), что подорветъ въ корнѣ всю теперешнюю агрессивно-національную политику польскихъ господствующихъ круговъ.[1]

Какъ бы тамъ ни было, но въ настоящую минуту всѣ означенные элементы для предполагаемой нами партіи въ Галичинѣ еще слабы и, главное, нерѣшительны, такъ что врядъ-ли способны организоваться теперь-же безъ толчка и поддержки изъ Россійской Украйны. Мы ни на минуту не сомнѣваемся, что логика вещей вызоветъ въ Галичинѣ на сцену подобную партію въ не очень продолжительномъ времени, но всетаки въ теперешній критическій моментъ всякая потеря времени будетъ имѣть печальныя послѣдствія, особенно для судьбы украинизма въ Россіи. А потому людямъ, желающимъ освобожденія и прогресса украинскаго народа въ Россіи, необходимо спѣшить выступить съ радикальной программой и въ Галичинѣ и тѣмъ болѣе, что такой шагъ, кромѣ всего прочаго, дастъ этимъ людямъ прочное положеніе и въ Западной Славянщинѣ, а это еще съ новой стороны упрочитъ ихъ значеніе и въ Россіи.

Прибавимъ въ заключеніе, что, если въ Австро-Венгріи вообще, и въ Галиціи въ частности, не выступитъ въ скоромъ времени сколько-нибудь энер-

[1] Давно уже мы указываемъ галичанамъ этотъ путь, на которомъ первымъ шагомъ должна быть организація городскихъ и сельскихъ обществъ, рядомъ съ русскими, и польскихъ, и смѣшанныхъ, хоть бы по образцу нѣмецкихъ „бауериферейновъ“. Теперь галичане дожили до клерикально-польскихъ „кулокъ рольничихъ“ даже на Руси.

гично радикальная партія и не сдержитъ близорукую реакцію, то и здѣсь неизбѣжно должны произойти народныя волненія. При этомъ въ частности въ Галиціи (не только украинской, но и польской) эти волненія весьма легко могутъ принять царско-москвофильскій характеръ, въ особенности если дѣйствительные москвофилы (которыхъ въ Галиціи еще очень мало среди людей образованныхъ), обнаружатъ больше догадливости и возьмутся не столько за православную и „твердоязычную“ агитацію, сколько за аграрную, на почвѣ уже существующихъ крестьянскихъ мечтаній. При нынѣшнемъ заскорузломъ тупоуміи правящихъ польско-австрійско-венгерскихъ круговъ, даже и такой характеръ волненій въ массахъ слѣдовало бы признать полезнымъ, еслибъ онъ не увеличилъ еще болѣе хаоса идей въ народѣ и обществѣ въ Галиціи и въ самой Россіи, изъ котораго, какъ изъ всякаго хаоса, можно ожидать только какой-нибудь новой реакціи.

Женева, 25 мая 1886 года.

Либерализмъ и земство въ Россіи.

1. Земскій либерализмъ въ Россіи (1858—1883).
2. Самодержавіе, мѣстное самоуправленіе и независимый судъ.

(Первоначально напечатано въ № 1 „Свободной Россіи“ за 1889 г. Перепечатано отдѣльной брошюрой. Женева 1889 г.)

I.

Земскій либерализмъ въ Россіи.

(1858—1883.)

Реакціонеры въ Россіи не скрываютъ теперь желанія возвратить ее всецѣло къ порядкамъ, которые существовали въ ней при Николаѣ I. Не будь опасности, что такая Реставрація увѣнчается и концомъ николаевскаго царствованія, т. е. новымъ севастопольскимъ разгромомъ, который теперь поведетъ за собою, кромѣ всего прочаго, страшное обѣднѣніе Россіи, можно было бы даже пожелать осуществленія этой Реставраціи. Тогда бы обнаружился передъ всѣми сколько-нибудь мыслящими людьми полнѣйшій разладъ между правленіемъ монархически-чиновническаго самодержавія и интересами и сознаніемъ населеній Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ необходимость коренного измѣненія этого правленія, а не однихъ только поправокъ въ немъ, введенныхъ въ первую половину царствованія Александра II.

Николаевскіе порядки были завершеніемъ самодержавнаго „уклада“ въ исторіи Россіи и уже въ свое время наглядно показали — въ мірѣ и на войнѣ — свою несостоятельность. Оттого, между прочимъ, именно съ николаевскаго времени начался вполнѣ органическій, непрерывный ростъ русскаго либерализма, который, чѣмъ дальше, становится изъ кружковаго — общественнымъ, изъ кабинетнаго — земскимъ. Обзоръ этого роста убѣждаетъ, что мы имѣемъ въ немъ дѣло съ явленіемъ, которое развивается по законамъ исторіи и неизбѣжно должно достигнуть своего торжества и даже не въ очень отдаленномъ будущемъ.

Въ газетной статьѣ мы не можемъ вдаваться въ сколько-нибудь полное обозрѣніе исторіи русскаго либерализма, а бросимъ только бѣглый взглядъ на крупнѣйшія его заявленія по смерти Николая I и при этомъ почти исключительно на тѣ, какія исходили вовсе не отъ людей, которыхъ бы можно было назвать теоретиками, но отъ практиковъ и при томъ отъ цѣлыхъ ихъ корпорацій. Другихъ заявленій и движеній мы будемъ касаться только мимоходомъ для оттѣненія сущности этого земскаго движенія.

При Николаѣ I изъ всѣхъ сословій сколько-нибудь организованныхъ и образованныхъ было одно дворянство. Настроеніе умовъ въ болѣе образованной части дворянства подъ конецъ правленія Николая I очень хорошо охарактеризовано въ Запискахъ А. И. Кошелева (1812—1883), гдѣ, между прочимъ, читаемъ: „20 февраля 1855 г. получено было въ Москвѣ извѣстіе о кончинѣ Николая Павловича и о восшествіи на престолъ Императора Александра II. Это извѣстіе не многихъ огорчило; ибо не легко было для Россіи только что закончившееся тридцатилѣтнее царствованіе, но особенно удушливо оно было съ 1848 года. Тутъ подозрительности и своеволію администраціи не было предѣловъ. Въ тотъ же вечеръ послѣ присяги Хомяковъ, Ив. Кирѣевскій и еще нѣсколько пріятелей собрались у насъ и мы съ надеждами выпили за здоровье новаго императора и отъ души пожелали, чтобы въ его царствованіе совершилось освобожденіе крѣпостныхъ людей и созывъ общей Земской Думы“ (стр. 82).

Конечно, кружокъ Кошелева, состоявшій изъ самыхъ образованныхъ людей дворянства, шелъ дальше другихъ, хотя и совершенно логически отправлялся отъ факта: „своеволія администраціи“. Но фактъ этотъ чувствовался всѣми, а потому сознаніе необходимости реформы администраціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ полиціи и суда, и внесенія въ дѣла публичныя общественнаго контроля, хотя бы въ видѣ гласности (свободы печати), стало уже и въ то время довольно широко распространено. Сначала оно выражалось въ сочувствіи къ публикаціямъ Герцена, ко-

торыя тогда читались нарасхватъ, и въ сообщеніи ему для печати накопившейся въ послѣдніе годы царствованія Николая рукописной литературы („Голоса изъ Россіи“) и обличительныхъ корреспонденцій въ „Колоколѣ“ (съ 1857 г.)[1] Съ 1858 г. требованія реформъ въ отмѣченномъ направленіи стали заявляться въ коллективныхъ обращеніяхъ дворянскихъ собраній къ государю. Изъ такихъ обращеній наиболѣе опредѣленнымъ былъ адресъ дворянства Владимірской губерніи, представленный въ январѣ 1860 г. Послѣ вступленія, мѣтко характеризующаго управленіе Россіи, съ указаніемъ „на безгласность дѣлопроизводства и безотвѣтственность должностныхъ лицъ“, Владимірскіе дворяне представили слѣдующую программу реформъ:

I. Строгое раздѣленіе властей: административной, судебной и полицейской.

II. Управленіе общее для всѣхъ сословій.

III. Хозяйственно-распорядительное Управленіе для всѣхъ сословій и отвѣтственное только передъ судомъ и обществомъ, при чемъ выборныя лица утверждаются не административною властью, но единственно правильностью избранія.

IV. Полицейское управленіе правительственное и устроенное въ чисто охранительномъ духѣ, дѣйствующее только на основаніи закона.[2]

V. Руководимое только закономъ гражданское судопроизводство гласное, уголовный судъ гласный по совѣсти и закону, т. е. судъ присяжныхъ.

VI. Непосредственная отвѣтственность всѣхъ и каждаго передъ судомъ.

VII. Отвѣтственность личная всѣхъ должностныхъ лицъ за неисполненіе ими своихъ обязанностей безъ права ссылаться на предписаніе своихъ начальствъ.

VIII. Учрежденіе новыхъ прочныхъ и строгихъ мѣръ къ поддержанію частнаго и государственнаго кредита.[3]

---

[1] Программу самого „Колокола“ Герценъ опредѣлялъ въ 1858 г. такъ: освобожденіе крестьянъ съ землею, которую они обрабатываютъ, отмѣна предварительной цензуры, тайнаго слѣдствія (III Отдѣленія) и безгласнаго суда, отмѣна тѣлесныхъ наказаній (см. письмо къ франкфуртскому сенату; ср. письмо къ Александру II, которое уже въ 1856 г. ходило въ Россіи въ рукописяхъ).

[2] Пунктъ этотъ отрицалъ Третье Отдѣленіе, административную ссылку и т. п.

[3] Что разумѣлось тогда подъ этими не совсѣмъ ясными словами VIII пункта будетъ понятно, если мы приведемъ мѣсто изъ постановленія тверского дворянства 1862 г.: „для возрожденія кредита необходимы слѣдующія реформы: а) преобразованіе финансовой системы управленія въ томъ смыслѣ, чтобы оне зависѣло отъ народа, а не отъ произвола... б) введеніе полной гласности во всѣхъ отрасляхъ государственнаго и общественнаго управленія.“

Въ томъ же 1860 г. почти того же просили и дворянства губерній Нижегородской и Ярославской; въ 1861 г. подобный Владимірскому адресъ представило и Харьковское дворянство, а еще въ 1859 году пять депутатовъ разныхъ губерній въ редакціонной комиссіи по крестьянскому дѣлу просили кромѣ того, какъ потомъ и Ярославскіе дворяне, „о допущеніи общества посредствомъ гласности обнаруживать передъ высшимъ правительствомъ злоупотребленія мѣстныхъ управленій." С.-Петербургское дворянство просило о „мѣстномъ самоуправленіи". (О томъ же просили въ 1862 г. дворянства Воронежское и Московское.) Такого рода ходатайства появлялись съ 1858 г. несмотря на то, что правительство находило ихъ „не своевременными, неумѣстными" и т. п. и дѣлало выговоры предводителямъ дворянства и главнымъ ораторамъ собраній.

Въ нѣкоторыхъ собраніяхъ 1859—60 гг. (напримѣръ, особенно въ Орловскихъ) были дѣлаемы заявленія о необходимости общаго дворянскаго „представительства", о „правѣ русской земли имѣть своихъ выборныхъ для совѣта верховной власти", произносилось даже слово „конституція", но такъ какъ эти заявленія исходили отъ людей партіи аристократической (по тогдашнему „крѣпостниковъ"), то часть дворянства съ болѣе демократическими идеями (по тогдашнему „либералы" и даже „красные") не поддерживали ихъ, надѣясь, что вполнѣ самодержавная власть, не стѣсняемая „дворянскимъ парламентомъ", проведетъ дѣло эмансипаціи выгоднѣе для крестьянъ.[1]

[1] Болѣе подробно обозрѣли мы это движеніе 1858—1860-хъ годовъ въ статьяхъ „Толцыте и отверзется" въ 56 и 57 №№ „В. Сл.", ср. выше 664—681. Тамъ же перепечатанъ и весь Владимірскій адресъ, доставленный въ „Колоколъ" И. С. Аксаковымъ, либеральныя письма котораго къ Герцену см. въ № 60 „В. Сл.". Документы изъ этого движенія см. въ II т. „Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія" и пр. Берлинъ. 1861. Для характеристики настроенія „красныхъ" интересно письмо Бакунина къ Герцену съ восторженной похвалою программѣ Муравьева Амурскаго: „1. Полное безусловное освобожденіе крестьянъ съ землею. 2. Публичное судопроизводство съ судомъ присяжныхъ и подчиненіе послѣднему всѣхъ служебныхъ чиновъ по административнымъ грѣхамъ отъ малаго до великаго. 3. Образованіе народа на самыхъ широкихъ основаніяхъ. 4. Народное самоуправленіе съ уничтоженіемъ бюрократіи и съ возможной децентрализаціей Россіи, а въ Петербургѣ не конституція и парламентъ, а желѣзная диктатура (варьянтъ въ другомъ письмѣ: „желаетъ .... на первыхъ порахъ не конституціи и не болтливаго дворянскаго парламента, а временной желѣзной диктатуры") въ видахъ освобожденія Славянъ, начиная съ возсоединенной Польши и борьбы на смерть съ Австріею и Турціею". („Вольное Слово" № 54, стр. 14). Интересно, что въ тоже

Когда послѣ обнародованія Положенія 19 февраля 1861 г. эти надежды на самодержавіе оказались далеко не осуществленными, и вдобавокъ отъ исполненія этого Положенія были удалены болѣе „красные“ элементы изъ самой администраціи (какъ Н. Милютинъ), то движеніе въ пользу „представительства“ стало единодушнѣе. Оно выразилось въ предложеніяхъ, внесенныхъ во многія дворянскія собранія 1862 года и въ цѣлыхъ адресахъ этихъ собраній въ Новгородѣ, Тулѣ, Смоленскѣ, Москвѣ, Петербургѣ, Твери. Изъ адресовъ болѣе замѣчательный московскій, который просилъ мѣстнаго самоуправленія, гласнаго судопроизводства, обязательнаго выкупа крестьянскихъ земель, публичности бюджета, свободы печати и созванія въ Москвѣ земской думы изъ всѣхъ классовъ для приготовленія цѣльнаго проекта реформъ („Revue de deux Mondes“, 1862, 15 Juin, 793—798). Рѣзче всѣхъ были постановленія и адресъ тверского дворянства отъ 2-го февраля о необходимости ряда гражданскихъ и экономическихъ реформъ (напримѣръ, уравненія правъ сословій, обязательнаго выкупа крестьянскихъ земель) и „созванія выборныхъ всей земли русской, какъ единственнаго средства къ удовлетворительному разрѣшенію вопросовъ, возбужденныхъ, но не разрѣшенныхъ Положеніемъ 19-го февраля“ (см. „Колоколъ“, № 126).

Несмотря на административныя и судебныя наказанія, которымъ подверглись иниціаторы тверского адреса (впрочемъ, не прямо за адресъ, а за рѣзкую мотивировку коллективнаго выхода изъ должности мировыхъ посредниковъ), заявленія въ духѣ его дѣлались въ разныхъ дворянскихъ собраніяхъ 1862 и начала 1863 года, въ которыхъ въ то же время вырабатывались и проекты мѣстнаго самоуправленія.[1]

время и сторонники дворянскаго парламента осуждали централизацію и бюрократію и выражали опасеніе, что крестьяне, освобожденные отъ помѣщиковъ, попадутъ подъ неограниченную власть чиновниковъ.

[1] Въ это время конституціонное движеніе шло и среди „разночинцевъ“ и выразилось здѣсь тайными обществами и прокламаціями, болѣе или менѣе революціонными: „Великоруссъ“ (съ августа по ноябрь 1861 г.: въ изданіи принимали участіе офицеры, какъ Обручевъ и др.), „Земская Дума“ (1862), „Земля и Воля“ (1862—63). (Частію перепечатаны въ „Колоколѣ“, въ брошюрѣ „Летучіе Листки“, въ Гейдельбергѣ и журналѣ „Свободное Слово“, въ Берлинѣ 1862 г.) Пущенъ былъ при „Великоруссѣ“ и проектъ адреса, который долженъ былъ представленъ государю, какъ говорилось многими къ празднованію 1000-лѣтія Россіи въ августѣ 1862 г. Но въ

Между тѣмъ, въ западной половинѣ Имперіи шло движеніе иного рода: Польское національное движеніе несомнѣнно имѣло въ себѣ значительную долю либерализма, даже бо́льшую, чѣмъ та, которая проявлялась въ русскомъ дворянствѣ, но, во-первыхъ, демократическое направленіе въ средѣ польскаго дворянства какъ Царства Польскаго, такъ и Западныхъ губерній, было слабѣе, чѣмъ въ русскомъ (къ такому заключенію приводитъ сравненіе заявленій представителей разныхъ губерній въ редакціонныхъ комиссіяхъ по крестьянскому дѣлу въ 1859—60 гг.), а, во-вторыхъ, образованные поляки всѣхъ направленій хотѣли не реформы Россіи, а отдѣленія отъ нея

этомъ разночинско-революціонномъ движеніи скоро обнаружилось два направленія: конституціонное и народническое: послѣднее отнеслось отрицательно къ конституціонализму, да и ко всему „обществу“ и возложило всѣ надежды на „народъ“ (особенно на раскольниковъ) и „молодежь“ („Отвѣтъ Великоруссу“ въ „Колоколѣ“ 15 сентября 1861 г. Михайлова: „Къ молодому поколѣнію“ — его же, явилась въ Петербургѣ въ сентябрѣ 1861 г.; „Молодая Россія“ — въ іюнѣ 1862 г.). При этомъ болѣе умѣренные, какъ Михайловъ, говорили: „за конституцію стало бы вѣроятно все дворянство. Пусть конституція добиваются тѣ, кому она можетъ быть полезна. Намъ не слѣдуетъ ни помогать, ни мѣшать имъ теперь“. „Молодая же Россія“ предлагала чуть не поголовное избіеніе высшихъ классовъ. Но такъ какъ въ этихъ только классахъ и существовало тогда либеральное движеніе, то направленіе „Молодой Россіи“ шло собственно совсѣмъ на перерѣзъ ему. „Молодая Россія“ называла и Герцена и „Великоросса“ отсталыми: къ тому же она, хотя и обѣщала въ будущемъ русскую федеральную республику, но въ настоящемъ предполагала „диктатуру революціонной партіи и сохраненіе теперешней централизаціи“. Такимъ образомъ, „Молодая Россія“ вносила существенное раздѣленіе въ самое революціонное движеніе, тогда федеративное. Появившись одновременно съ петербургскими пожарами, „Молодая Россія“ послужила поводомъ къ правительственной реакціи и въ то же время къ раздѣленію въ либеральномъ движеніи, отъ котораго стала отдѣляться катковская фракція, еще недавно выражавшая сочувствіе цѣлямъ тверского адреса. (Ср. „Русскій Вѣстникъ“ 1862 г. мартъ, стр. 451 и слѣд. и іюнь, стр. 848 и слѣд., а также въ „Колоколѣ“, „Молодая и Старая Россія“, „Журналисты и Террористы“, № 139 и слѣд.)

Не мѣшаетъ отмѣтить, что Н. Г. Чернышевскій, который у послѣдующихъ поколѣній получилъ репутацію соціалиста революціонера (хотя дѣйствительное отношеніе его къ петербургскому революціонному движенію 1861—1862 гг. осталось не выясненнымъ) и противника конституціонализма (главнымъ образомъ, на основаніи его статей о Франціи), въ „Письмахъ безъ адреса“, изданныхъ подъ его именемъ въ 1875 г., но писанныхъ въ 1862 г., выражалъ полное сочувствіе либеральному движенію въ дворянствѣ.

Герценъ и его друзья занимали двойственное положеніе; они поддерживали либеральное движеніе въ дворянскихъ собраніяхъ и даже составили свой проектъ адреса о конституціи, но въ то же время раздѣляли народническія иллюзіи, подкрѣпляя ихъ своего рода соціалистически-славянофильскою философіею исторіи („Начала и концы“ и др. въ „Колоколѣ“ 1862 г.). По этому поводу И. С. Тургеневъ писалъ одному изъ собирателей подписей для упомянутаго адреса: „Главное наше разногласіе съ Огаревымъ и Герценомъ, а также съ Бакунинымъ, состоитъ именно въ томъ, что они, презирая и чуть не топча въ грязь образованный классъ въ Россіи, предполагаютъ революціонныя или реформаторскія начала въ народѣ; на дѣлѣ это совсѣмъ наоборотъ. Революція въ истинномъ и живомъ значеніи этого слова, — я бы могъ прибавить — въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, существуетъ только въ меньшинствѣ образованнаго класса, и этого достаточно для ея торжества, если мы только самихъ себя истреблять не будемъ“. (Неизданное письмо отъ 8 октября 1862 г.). [Письмо это было издано Драгомановымъ вмѣстѣ съ письмами Тургенева къ Герцену; ср. „Письмо К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева къ А. И. Герцену, съ объяснит. прим. М. Драгоманова, Женева, 1892, стр. 153. Пр. ред.]

не только Царства Польскаго, но и Западныхъ губерній. Только небольшая часть ихъ въ Царствѣ Польскомъ готова была удовольствоваться, по крайней мѣрѣ, на ближайшее время возстановленіемъ конституціи 1815 г., переходомъ къ чему въ глазахъ самыхъ умѣренныхъ должна была служить административная автономія Царства.

Конституціонныя требованія ясно были заявлены въ адресѣ, поданномъ многими вліятельными поляками въ Варшавѣ 28 февраля 1861 г. Въ немъ упоминалось о „вѣковой привычкѣ поляковъ къ свободнымъ учрежденіямъ“ и оплакивалось современное „отсутствіе въ краѣ всякаго легальнаго органа, путемъ котораго народъ могъ бы непосредственно говорить къ трону и заявлять свои желанія и нужды“. Но въ этомъ адресѣ поляки были обособлены отъ другихъ народовъ имперіи фразою, что „въ семьѣ народовъ европейскихъ только одинъ польскій народъ лишенъ свободныхъ учрежденій“. Въ отвѣтъ на этотъ адресъ правительство установило въ Царствѣ Польскомъ выборные совѣты городскіе, уѣздные и губернскіе, но польскіе либералы не удовольствовались такими уступками, и въ сентябрѣ 1862 г. тѣ же лица вручили гр. А. Замойскому адресъ, за 300 подписями, въ которомъ упоминаютъ, что избиратели установленныхъ послѣ перваго ихъ адреса уѣздныхъ и городскихъ совѣтовъ предполагали подать намѣстнику заявленіе съ 20000 подписями о томъ, что „только представительство, вышедшее изъ выборовъ, при гласности обсужденія дѣлъ (przy jawnej dyskussiji) можетъ выразить нужды края“, но что военное положеніе остановило это заявленіе. Адресанты поручали гр. Замойскому довести до свѣдѣнія Вел. Кн. Намѣстника, что они, „какъ поляки, только тогда будутъ поддерживать правительство, когда оно будетъ ихъ (nasze) польскимъ, и когда посредствомъ основного устава (Ustawa Zasadnicza) при свободныхъ учрежденіяхъ будутъ соединены всѣ провинціи, составляющія ихъ (наше) отечество“.

Вскорѣ за тѣмъ, 29 ноября, минскіе дворяне подали адресъ, въ которомъ желали равенства всѣхъ сословій

и исповѣданій, свободы совѣсти и учрежденій, согласныхъ съ духомъ народа (польскаго) и вмѣстѣ съ тѣмъ присоединенія „литовскихъ“ (собственно литовско-бѣлорусскихъ) губерній къ Польшѣ. Еще передъ тѣмъ, 1 октября дворянство Подольской губерніи пожаловалось на „отсутствіе у общества органовъ, вышедшихъ изъ его среды, для управленія публичными дѣлами“, но болѣе всего настаивало на „возстановленіи административнаго единства Польши, съ присоединеніемъ къ Царству Польскому и Западныхъ губерній“.

На первыхъ порахъ польское національно-либеральное движеніе давало новый толчекъ либерализму и въ остальной Россіи, но затѣмъ сепаратистическій характеръ польскаго движенія, особенно же отождествленіе съ Польшей и такъ называемыхъ Западныхъ губерній, а затѣмъ вмѣшательство въ польскій вопросъ иностранной дипломатіи, на которую тогда очень надѣялись польскіе патріоты, внесли рознь въ либеральное движеніе въ Россіи и способствовали его остановкѣ. Съ весны 1863 года разныя корпораціи Восточной и Южной Россіи и даже Балтійскаго края начали подавать заявленія въ пользу сохраненія цѣлости государства, при чемъ рѣдкія изъ нихъ (напримѣръ, костромское дворянство) сочли тактичнымъ сдѣлать прямой намекъ на необходимость земскаго представительства, большая же часть самыхъ либеральныхъ изъ этихъ заявленій ограничивались общими словами о надеждахъ на непрерывное слѣдованіе правительства по пути реформъ. Надо замѣтить, что первоначально это адресное движеніе было направлено не столько противъ поляковъ, какъ національности, сколько противъ иностраннаго вмѣшательства и стремленій къ раздѣлу Россіи. Самарскій адресъ прямо говорилъ: „Но въ самый разгаръ борьбы ненависть къ ближайшимъ ея виновникамъ не найдетъ доступа въ наши сердца.... Мы сбережемъ для лучшаго времени сознаніе нашего племеннаго единства съ поляками“. Этого лучшаго времени приходится ждать еще и теперь.[1]

[1] Имѣя въ виду въ настоящемъ очеркѣ преимущественно земское движеніе, мы не можемъ останавливаться на отношеніи къ польскому вопросу тогдашнихъ русскихъ тайныхъ обществъ и эмиграціи, которому мы посвятили особую книжку „Историческая Польша и Великорусская Демократія“ (отд. оттискъ изъ „Вольнаго Слова“ 1881 г.). Приведемъ здѣсь только выдержки изъ тогдашнихъ революціон-

Во всякомъ случаѣ въ 1863 г. либеральное движеніе было еще такъ сильно, что съ нимъ должно было считаться и правительство. Даже Катковъ, выступившій уже рѣзко и противъ русскаго революціоннаго и даже радикальнаго движенія, а также противъ польскаго сепаратизма, съ которымъ онъ сталъ уже связывать всякія автономныя движенія въ разныхъ племенахъ и областяхъ, предлагалъ созваніе всероссійскаго земскаго собора, и какъ необходимую для блага страны „организацію общественнаго мнѣнія", и даже какъ лучшее средство остановить польское сепаративное движеніе („Русскій Вѣстникъ" 1863 г. мартъ, „Что намъ дѣлать съ Польшей?").[1] Само правительство не рѣшилось отвѣтить отрицаніемъ на либеральныя требованія ни въ Царствѣ Польскомъ, ни въ остальной Россіи.[2] Въ манифестѣ къ полякамъ

ныхъ листковъ въ Россіи, которыя относятся прямо къ вопросу о національномъ представительствѣ. Въ проектѣ адреса, предложеннаго „Великоруссомъ" говорилось: „Благоволите, Государь, созвать въ одной изъ столицъ нашей русской родины, въ Москвѣ или Петербургѣ, представителей русской націи, чтобы они составили конституцію для Россіи. Благоволите созвать представителей польской націи въ ея столицѣ Варшавѣ, чтобъ они устроили судьбу своей родины, сообразно ея потребностямъ". Въ какую націю зачислить и куда созывать представителей литвиновъ, бѣлоруссовъ и малоруссовъ Западныхъ губерній, которыя польскіе патріоты считали частью Польши, члены „Великоруса" не опредѣляли. Въ 1863 г. въ прокламаціи „Земли и Воли" (4 февраля) сказано было: „Люди русскіе! заявимъ твердо, что мы желаемъ немедленнаго возстановленія Польскаго королевства съ добровольнымъ присоединеніемъ къ нему тѣхъ изъ Западныхъ губерній, гдѣ народъ большинствомъ самъ этого захочетъ. Конечно, не одно дворянство, какъ это было въ Минской и Подольской губерніи.... Заявимъ наше нежеланіе европейской войны, не соглашаясь помогать правительству въ прекращеніи польскаго возстанія. Совершивъ такое дѣло мы уже съ чистымъ сердцемъ и свѣтлою совѣстью будемъ въ состояніи приступить къ соединію нашему въ Земскій Соборъ отъ всей земли русской, для обсужденія нашего главнаго дѣла: объ нашей землѣ и волѣ." И тутъ осталось пробѣломъ: при какой администраціи, Польскаго ли королевства, или Россійской имперіи, производилось бы народное голосованіе въ Западныхъ губерніяхъ, если бы уже до этого могло дойти тамъ безъ европейской войны, подобно тому, какъ передъ тѣмъ было въ Савоѣ и Ниццѣ, которыя сначала, съ согласія сардинскаго правительства, Наполеонъ III занялъ своими войсками, а потомъ произвелъ и голосованіе? На такихъ пробѣлахъ основала свою силу катковщина („Р. В." 1863 г. № 1 „Польскій Вопросъ"), а потомъ и открытая реакція всякому, и польскому, и русскому либерализму, особенно когда крестьяне украинскіе, да и бѣлорусскіе, по своему голосовали противъ Польши.

[1] Незадолго передъ тѣмъ, когда въ 1862 г. правительство стало склоняться къ мысли установленія сейма въ Царствѣ Польскомъ, Катковъ высказалъ, что „въ наше время отъ мѣстныхъ представительствъ нельзя ожидать ничего, кромѣ вреда, если они не уравновѣшиваются центральнымъ". (Совр. Лѣт. 1862, № 26. Невѣдвенскій, „Катковъ и его время", 159—160). Въ такомъ же духѣ высказался и г. Платоновъ въ запискѣ „О необходимости Государственной Земской Думы", представленной въ петербургскомъ губернскомъ дворянскомъ собраніи въ началѣ 1862 г. („Свободное Слово", вып. 3, 189—190).

[2] Изъ польскихъ требованій императоръ Александръ II безусловно отвергалъ только присоединеніе Западныхъ губерній къ Польшѣ. Г. Ан. Леруа-Больё разсказываетъ, что, когда одинъ вліятельный польскій аристократъ (Замойскій?) сдѣлалъ объ этомъ намекъ, то Александръ II отвѣтилъ ему: „М. г., Вы знаете, что не я производилъ раздѣлы Польши, но вы не можете требовать отъ меня раздѣленія Россіи". (Un homme d'état russe, 166.)

отъ 12 апрѣля 1862 г. оно указывало на установленные уже въ Царствѣ Польскомъ совѣты городскіе, уѣздные и губернскіе и обѣщало „открыть новую эру въ политической жизни края, которая можетъ начаться только посредствомъ разумнаго устройства мѣстнаго самоуправленія, какъ основы всего общественнаго зданія“. „Сохраняя и теперь эти учрежденія, говорилъ дальше царскій манифестъ, мы предоставляемъ себѣ, если онѣ выдержатъ испытанія практики, приступить къ дальнѣйшему ихъ развитію, согласно потребностямъ времени и страны.“

17 апрѣля, принимая разныя депутаціи, которыя представили адреса противъ вмѣшательства иностранныхъ державъ въ польскій вопросъ, императоръ Александръ II, который прежде выражалъ явное неудовольствіе при видѣ разсужденій дворянскихъ собраній о реформахъ, теперь какъ бы шелъ на встрѣчу этимъ разсужденіямъ, хотя и оговаривался на счетъ времени и порядка ихъ осуществленія:

„Я вѣрю вашимъ заявленіямъ преданности, — говорилъ императоръ, — повѣрьте и вы мнѣ, что вся моя жизнь имѣетъ только одну цѣль: благо нашего отечества и развитіе его гражданской жизни. Но на этой трудной дорогѣ всякая поспѣшность не только не принесетъ пользы, а можетъ быть только вредна.... Я надѣюсь на вашу общую помощь и содѣйствіе при важныхъ работахъ, которыя намъ предстоятъ. Предоставьте мнѣ дальнѣйшее ихъ развитіе, до времени, когда я сочту его возможнымъ и полезнымъ.“ [3]

Въ програмномъ разговорѣ, который имѣлъ Александръ II въ августѣ 1863 г. съ Н. А. Милютинымъ, онъ высказался, что не имѣетъ отвращенія къ представительному правленію, но что только не можетъ дать его полякамъ, которые бунтуютъ, не давая его вѣрноподданнымъ русскимъ, а этихъ онъ еще не считалъ зрѣлыми для конституціи. Съ своей стороны Н. Милютинъ, будучи сторонникомъ конституціи, думалъ, что прежде приступа къ реформамъ политическимъ, надо окончить реформы административныя, а

[3] Мы не имѣемъ русскаго текста рѣчи, а переводимъ ее съ нѣмецкаго: Allg. Zeitung 1863, № 125, Beilage.

чтобы воспитать страну вести свои дѣла, надо дать ей практику мѣстнаго самоуправленія. (См. Anatole Leroy-Beaulieu. Un homme d'état russe. Nicolas Milutine, 168—169; писано по замѣткамъ самого Н. А. М.) 6-го сентября Александръ II открывалъ финляндскій сеймъ и сказалъ, что „въ рукахъ народа мудраго, готоваго дѣйствовать за одно съ своимъ государемъ, съ практическимъ смысломъ для развитія своего благосостоянія, либеральныя учрежденія не только не опасны, но составляютъ залогъ порядка и благоденствія".

Слова эти были приняты во всей Россіи за прямое обѣщаніе земскаго собора, а сопоставленіе ихъ съ манифестомъ 12 апрѣля заставляло ожидать мѣстныхъ выборныхъ учрежденій, какъ перваго шага къ тому. Какъ и слѣдовало впрочемъ предвидѣть, царь, не побуждаемый болѣе энергическою агитаціей, не далъ этого земскаго собора, но все же результатомъ агитаціи 1862—1863 гг. было ускореніе реформъ, которыя считались приготовленіемъ къ нему. Въ слѣдующемъ году были изданы Земское Положеніе и Судебные Уставы, а въ 1865 г. обнародованы были правила о печати, ослабившія цензуру и подававшія надежду, что печать будетъ въ скоромъ времени поставлена исключительно подъ контроль суда.

Открытіе въ 1865 г. земскихъ учрежденій оффиціальный журналъ „Сѣверная Почта" встрѣтилъ статьею, въ которой прямо назвалъ ихъ „школою представительныхъ учрежденій".

Школа эта затянулась очень долго. На то оказалось много причинъ. Во-первыхъ, время открытія земскихъ учрежденій оказалось неблагопріятнымъ для всякаго либерализма. Реакція польскому сепратизму перешла незамѣтно въ общую реакцію, которою воспользовались сторонники николаевскихъ порядковъ. Что касается до западныхъ губерній, то, по крайней мѣрѣ, въ бѣлорусскихъ и малорусскихъ ихъ частяхъ польское движеніе, которое здѣсь могло опираться только на панскіе слои, вызвало въ массахъ народа сильную монархическую реакцію, которую, конечно, правительство постаралось раздуть. Оказавшіяся необходимыми здѣсь,

и по народнымъ, и по правительственнымъ соображеніямъ, аграрныя реформы стали осуществляться, по совокупности всѣхъ наличныхъ условій, способомъ диктаторіальнымъ. Это обстоятельство было даже благовиднымъ резономъ, почему на Западныя губерніи, какъ и на Царство Польское, не были распространены земскія учрежденія, между тѣмъ, какъ явное сепаратистическое настроеніе польскаго дворянства дало правительству резонъ прекратить здѣсь и дѣйствіе сословныхъ дворянскихъ собраній. Такимъ образомъ огромная полоса Европейской Россіи осталась безъ всякаго представительства, а безъ нея и общеимперское представительство являлось бы чѣмъ то оборваннымъ и ненормальнымъ.

Въ самихъ 33-хъ губерніяхъ, въ которыхъ были введены всесословныя земства, вопросъ объ имперскомъ представительствѣ оказался еще преждевременнымъ, такъ какъ въ земствахъ едва сошлись вмѣстѣ всѣ сословія и при томъ и такія, которыя до того не обсуждали еще публично не только имперскихъ, но и уѣздныхъ дѣлъ. Надо было время разнымъ сословіямъ „хоть оглядѣться“. А пока всесословныя земства только парализировали политическія стремленія дворянскихъ собраній, которыя одни, по закону, имѣли право петицій прямо къ коронѣ. Когда въ 1865 г. дворянство Московской губерніи подало адресъ о „созваніи общаго собранія людей отъ земли Русской для обсужденія нуждъ, общихъ всему государству“ (перепечатанъ въ № 195 „Колокола“ изъ „Вѣсти“ 14 января 1865 г.), то Александръ II отвѣтилъ отказомъ, а вслѣдъ за тѣмъ даже ограничилъ старое дворянское право ходатайства, заявивъ въ рескриптѣ министру внутреннихъ дѣлъ, что „ни одно сословіе не имѣетъ права говорить именемъ другихъ сословій и брать на себя починъ въ вопросахъ, рѣшеніе которыхъ зависитъ исключительно отъ Верховной Власти“.

И характеристично, что въ свое время этотъ отвѣтъ царя на дворянское конституціонное прошеніе даже не вызвалъ въ обществѣ неудовольствія, а шагъ московскаго дворянства былъ даже почти осмѣянъ въ „Колоколѣ“ въ статьѣ „Прививка конституціонной

оспы", гдѣ Герценъ чуть не сочувственно выразился: „Царь земщины отдѣлался на первый случай удачнѣе безземельнаго царя."[1]

Не знаемъ съ точностью, можно ли утверждать прямую связь между двумя заявленіями, но во всякомъ случаѣ интересно, что вслѣдъ за московскимъ прошеніемъ о земскомъ соборѣ появились новыя правила о печати (6 апрѣля 1865 г.), которыя всетаки представляютъ уступку либеральному движенію.

Съ тѣхъ поръ до самаго конца 70-хъ годовъ ни одно дворянское собраніе не представляло уже прошеній о земскомъ соборѣ. Не представляли ихъ и земскія собранія, какъ по указаннымъ причинамъ, такъ и потому, что въ черное время даже среди передовыхъ людей изъ земцевъ, которые тогда почти всецѣло принадлежали къ дворянскому классу, даже у тѣхъ, которые видѣли тѣсноту рамокъ, отведенныхъ правительствомъ земству, господствовало мнѣніе, что уже для самаго пріобрѣтенія довѣрія низшихъ классовъ, безъ согласія представителей которыхъ невозможно никакое политическое требованіе земствъ, необходимо сначала наполнить готовыя уже рамки полезною дѣятельностью, а потомъ уже поднимать рѣчь объ ихъ расширеніи.

Надо впрочемъ отмѣтить, что много парализовала политическое сознаніе въ земствахъ и теорія, которой держались московскіе славянофилы и самодѣльные россійскіе Гнейсты, будто мѣстное самоуправленіе можетъ существовать независимо отъ политической формы государства. Теорія эта изложена была и въ книгѣ кн. А. Васильчикова „Самоуправленіе", которая, благодаря своимъ многимъ достоинствамъ, пользовалось уваженіемъ у земцевъ. (Критику этой теоріи, см. въ III томѣ сочиненій Градовскаго „Начала государственнаго права"). Свою долю вліянія имѣло

[1] Судя по этой статьѣ Герцена, поводомъ къ адресу московскаго дворянства было опасеніе, чтобы назначеніе В. Кн. Константина Николаевича предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта не повело льготъ полякамъ. Намекъ на это опасеніе можно увидѣть въ словахъ адреса: „Правда будетъ доходить безпрепятственно до Вашего престола, внѣшніе и внутренніе враги замолчатъ, когда народъ въ лицѣ своихъ представителей, съ любовью окружая престолъ, будетъ постоянно слѣдить, чтобы измѣна не могла ни откуда проникнуть." — Нѣтъ, господа, этимъ путемъ до свободы не дойдете! замѣтилъ по этому поводу Герценъ.

и старое опасеніе „дворянскаго парламента“, распространенное именно въ болѣе демократической части дворянства и литературы и продиктовавшее Кавелину еще въ 1861—62 г., во время тогдашняго либеральнаго движенія въ дворянскихъ собраніяхъ, его брошюру „Дворянство и освобожденіе крестьянъ“, въ которой вліятельный писатель совѣтовалъ дворянамъ вмѣсто конституціонныхъ вожделѣній, сойтись съ народомъ въ дѣлѣ мѣстнаго самоуправленія. Впрочемъ въ 1865 г., при открытіи земства, самъ Кавелинъ писалъ своимъ роднымъ: „отъ успѣха земскихъ учрежденій зависитъ вся наша будущность и отъ того, какъ они пойдутъ, будетъ зависѣть, готовы ли мы къ конституціи и скоро ли мы ее получимъ“, но тутъ же порицаетъ конституціонную попытку московскаго дворянства, говоря: „выходки московскаго дворянства скорѣе отдалятъ насъ отъ этой цѣли, высказывая все наше малолѣтство и пошлость. Выказывая безсильную злобу и запоздалое сожалѣніе о блаженной памяти крѣпостномъ правѣ, дворянство московское только раздражаетъ противъ себя царя, всѣхъ людей, видящихъ дальше своего носа, и всѣ прочія сословія. Изъ Коломны крестьяне прислали по этому случаю адресъ государю. Пора бросить глупости и начать дѣло дѣлать, а дѣло теперь въ земскихъ учрежденіяхъ и нигдѣ больше.“ („Вѣстникъ Европы“, 1886, октябрь, 758—759). Большая часть легальныхъ демократовъ въ земствѣ и литературѣ смотрѣла тогда на конституціонализмъ и земство, какъ Васильчиковъ и Кавелинъ, съ тою разницею, что изъ литераторовъ болѣе радикальные иронизировали даже и надъ земствомъ, какъ надъ барскимъ парламентаризмомъ въ миніатюрѣ (см. „Новый Нарцизъ“ Щедрина и др.).

Въ 60-е годы изъ земскихъ собраній только одно петербургское въ январѣ 1867 г. подошло было къ вопросу о земскомъ соборѣ, обсуждая послѣдствія финансоваго закона 21-го ноября 1866 г., которымъ ограничивалось страннымъ образомъ право обложенія земствомъ промышленныхъ заведеній. Въ довольно рѣзкихъ рѣчахъ гр. Андр. Павл. Шуваловъ, подвергъ

критикѣ, какъ законъ этотъ, такъ и способъ его выработки „канцеляріями“, и предложилъ просить объ обсужденіи вопросовъ, затронутыхъ этимъ закономъ, „общими силами и совмѣстнымъ трудомъ, какъ административной власти, такъ и земства русскаго. Говорю: Земства Русскаго, сказалъ гр. Шуваловъ, потому, что вопросъ, разработанный отдѣльно, по разнымъ губернскимъ собраніямъ, можетъ имѣть тотъ-же самый недостатокъ, т. е. быть односторонне разработанъ.“ Въ собраніи предложеніе гр. Шувалова было смягчено (и затемнено) такою формулировкою: „совокупными силами и одновременнымъ трудомъ центральной администраціи и земства“. (Колоколъ, 1867, № 338).

Правительство отвѣтило на это закрытіемъ петербургскихъ губернскихъ земскихъ учрежденій, а также высылкою нѣсколькихъ земцевъ въ восточныя губерніи и потомъ за-границу, но выставивъ на видъ не столько самое постановленіе петербургскаго земскаго собранія, сколько рѣзкое порицаніе имъ администраціи.[1] Другія земства не поддержали петербургскаго, хотя повсюду законъ 21 ноября вызвалъ неудовольствіе; многіе называли его въ собраніяхъ равносильнымъ уничтоженію земствъ. Мы слышали отъ передовыхъ земцевъ мнѣніе, что имъ нельзя было втягивать неокрѣпшія еще учрежденія въ открытую борьбу съ правительствомъ, особенно въ виду настроенія низшихъ классовъ, которые еще не сознали связи между чиновничествомъ и формой правленія. Съ своей стороны правительство не заявляло себя противникомъ постановленія петербургскаго земства въ основѣ и даже въ его окончательной редакціи и не созывая, конечно, общаго собранія „Русскаго Земства“, изъявляло намѣреніе прибѣгать къ совѣтамъ отдѣльныхъ земскихъ собраній, напр., предложивъ имъ разработку вопроса о подушной подати въ 1870 году. Земства очень усердно поработали надъ этимъ вопросомъ; нѣкоторыя представили замѣчательные доклады по всему податному вопросу, а правительство положило всю эту работу подъ сукно!

[1] Петербургская губернская земская управа предлагала обжаловать министра внутреннихъ дѣлъ въ сенатъ.

Очень медленнымъ опытомъ лучшіе земцы были приведены къ сознанію невозможности плодотворной дѣятельности въ мѣстныхъ учрежденіяхъ безъ общей политической свободы. Оказалось, что тѣсныя рамки дѣятельности земскихъ учрежденій еще болѣе стѣсняются опекою надъ ними бюрократіи, привыкшей къ произволу.[1] Высшее правительство, уже послѣ первыхъ началъ земства, стало принимать рядъ ограниченій даже и тѣхъ правъ, какіе даны были Положеніемъ 1864 года (ограниченіе права обложенія налогами промышленныхъ доходовъ, губернаторская цензура извѣстій о земствѣ, расширеніе права предсѣдателей надъ предложеніями и рѣчами гласныхъ и т. п.) Кромѣ того оказалось, что земство не можетъ успѣшно дѣйствовать при данномъ устройствѣ административно-полицейскомъ, частная реформа котораго, сдѣланная правительствомъ (установленіе назначаемыхъ исправниковъ вмѣсто прежнихъ избираемыхъ, хотя однимъ дворянствомъ) отняло у полиціи послѣднюю зависимость отъ населенія, надъ которымъ полиція окончательно налегла грубѣйшимъ гнетомъ послѣ учрежденія (1878 г.) „института урядниковъ". Исходившіе отъ самодержавнаго правительства новыя мѣры и законы шли совершенно въ разрѣзъ съ начинаніями земцевъ въ пользу населенія. Это надо сказать особенно о министерствѣ народнаго просвѣщенія (гр. Дм. Толстого), которое вело ожесточенную войну съ земствомъ, и, наконецъ, организовало свою борьбу съ земскими школами Положеніемъ о школахъ и инспекціи 25-го мая 1874 года, которымъ отмѣнялось болѣе либеральное Положеніе 1864 года. Вообще же на каждомъ шагу обнаруживалось отсутствіе перваго условія общественной дѣятельности: правъ личныхъ, особенно неприкосновенности лица и свободы печати, которыя правительство все болѣе стѣсняло

[1] Подробности въ брошюрѣ З. С. „Восемьнадцать лѣтъ борьбы чиновничества съ земствомъ". (Отдѣльный оттискъ изъ „Вольнаго Слова") и въ „Вольн. Словѣ" же „Земская хроника, №№ 57 и 58: „Работа и препятствія по народному образованію", № 39. „Земство и администрація въ экономическихъ вопросахъ". Ростъ сознанія у дальновидѣйшихъ земцевъ необходимости общей земской думы можно прослѣдить по заграничнымъ брошюрамъ Кошелева, начиная съ „Наше положеніе" (1874). Ср. „Записки Кошелева", стр. 199 и слѣдующія. Итоги см. въ прекрасной записки алексавтрадского земства „О препятствіяхъ къ дѣятельности земства", въ „Вольн. Словѣ" № 55.

въ 1866 г., расширяя административную ссылку и произволъ цензуры.[1]

Въ довершеніе въ послѣднюю половину 70-хъ годовъ два явленія, одно изъ внѣшней, а другое изъ внутренней политики, хотя и не входящія прямо въ оффиціальный кругъ вѣдѣнія земскихъ учрежденій, чувствительно задѣли все населеніе Россіи и должны были такъ или иначе откликнуться и въ земствѣ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

Во внѣшней политикѣ ходъ всемірной исторіи приблизилъ къ концу вопросъ о ликвидаціи Турціи, отъ рѣшенія котораго зависитъ важный для Россіи (особенно Южной) вопросъ о свободѣ выхода изъ Чернаго моря на міровыя морскія дороги. Съ 1875 г., съ начала герцеговинскаго возстанія, русское самодержавное правительство, которое съ 1863 г. осложнило свой деспотизмъ и централизацію еще политикою „обрусенія“ (обвеликорусенія) окраинъ, оказалось неспособнымъ справиться съ этимъ дѣломъ и на дипломатическомъ, и на военномъ полѣ, и въ отношеніяхъ съ народами балканскими и едва-едва одолѣло даже одинокую на этотъ разъ Турцію. При этомъ ходѣ войны, съ неспособностью вождей, воровствомъ и т. п. заставилъ русское общество пережить впечатлѣнія севастопольской войны и поставилъ передъ нимъ опять вопросъ о земскомъ соборѣ.[2]

---

[1] Въ 1871 г. издано было положеніе о производствѣ дознаній по политическимъ дѣламъ жандармами съ участіемъ прокуратуры, а также о порядкѣ административной ссылки. Эти положенія освящали жандармско-полицейскій произволъ, до тѣхъ поръ имѣвшій внѣзаконный, такъ сказать отеческій характеръ, и котораго отмѣна ожидалась со времени введенія судебной реформы. Въ 1873 г. дворянство московской губерніи ходатайствовало объ ограниченіи жандармскихъ арестовъ и административной ссылки, какъ противныхъ правамъ дворянства, и просило чтобы арестованному дворянину было предоставлено право, по истеченіи двухъ недѣль, требовать отданія его подъ судъ. Въ 1872 г. право закрытія книгъ и журналовъ предоставлено не суду, а чиновникамъ, т. е. комитету министровъ, и началось сокращеніе журнальныхъ книжекъ. Около этого времени московская дума ходатайствовала о свободѣ печати, но объ этомъ ходатайствѣ мало извѣстно.

[2] Связь между внѣшней и внутренней политикою Россіи мы разбирали передъ войною, во время ея и тотчасъ послѣ въ статьѣ „Чистое дѣло требуетъ чистыхъ средствъ“ (въ газетѣ „Молва“, которая была за нее запрещена на 8 мѣсяцевъ) и въ женевскихъ брошюрахъ: „Турки внутренніе и внѣшніе“ (1876), „Внутреннее рабство и война за освобожденіе“ (1877). „До чего довоевались!“ (1878; перепечатана въ Петербургѣ, въ типографіи „Земли и Воли“ подъ заглавіемъ „Результаты послѣдней войны“; въ концѣ ея мы сдѣлали обращеніе къ арміи, которая хорошо вынесла на себѣ всѣ недостатки существующей въ Россіи политической системы). Въ двухъ послѣднихъ брошюрахъ мы изложили и политическую программу, примыкающую къ программѣ украинскихъ федералистовъ-западниковъ 1847 г. (Костомаровъ, Шевченко и др.) Съ 1876 г., со времени вторичнаго и еще болѣе, чѣмъ съ 1863 г., жестокаго запрещенія украинской литературы въ Россіи, здѣсь не стало

Внутри Россіи сложилось къ 70-мъ годамъ, почти совсѣмъ сбоку отъ земской работы, соціально-революціонное движеніе, какъ изъ западно-европейскаго соціализма, такъ и изъ туземнаго народничества, югозападную струю котораго еще въ 60-е годы помѣщики-поляки прозвали хлопо- (мужико-) маніей. Оно приняло извѣстный, „нигилистическій“ характеръ, именно вслѣдствіе отсутствія въ Россіи политической свободы.[1] Правительство, котораго агенты, вродѣ гр. Петра А. Шувалова, сначала эксплуатировали первыя проявленія этого теченія, съ цѣлью реакціи аристократической и бюрократической, совершило въ борьбѣ съ соціалистами столько фактовъ произвола и насилія (особенно съ 1874 года), что довело соціалистовъ до отчаяннаго протеста (вооруженное сопротивленіе при арестѣ кн. Циціанова еще въ 1875 году, а потомъ рядъ ихъ, начиная съ одесскаго 26 января и кіевскаго 28 марта 1878 г.; покушеніе на оберъ-полиціймейстера Трепова 24 января 1878 г., оправданное присяжными 31 марта, покушеніе на товарища прокурора Котляревскаго въ Кіевѣ 23 февраля и убіеніе тамъ-же жандарма барона Гейкинга 25 мая 1878 года, причемъ въ первый разъ являются прокламаціи, подписанныя „Исполнительнымъ Комитетомъ русской соціально-революціонной партіи“).

Русское соціалистическое движеніе 70-хъ годовъ примыкаетъ, по своимъ политическимъ идеямъ, къ тѣмъ теченіямъ въ 60-хъ годахъ, которыя относились отрицательно къ „либераламъ“ и къ „конституціи“, которую часто называли „севрюжиной“ (фраза Щедрина о помѣщикѣ, который не знаетъ, чего хочетъ

мѣста даже для болѣе скромныхъ, культурныхъ стремленій украинскаго автономизма, а потому и въ немъ должно было усилиться оппозиціонное политическое теченіе, тѣмъ и объясняется поддержка, какую оказывали русскимъ оппозиціоннымъ стремленіямъ украинофилы не только въ Россіи, но и въ Галиціи; смотри дальше.

[1] Интересно, что почти такое же мнѣніе было высказываемо въ 1862 г. даже Катковымъ, слова котораго здѣсь не лишнимъ будетъ воспроизвести: „Напрасны будутъ всякаго рода отрицательныя мѣры противъ этихъ отрицательныхъ явленій, не только напрасны, но и вредны. Всякаго рода стѣсненія и преслѣдованія, оказывая только паллиативное дѣйствіе, могутъ съ теченіемъ времени усилить болѣзнь и сдѣлать ее хроническою. Есть только одно вѣрное радикальное средство противъ этихъ явленій, усиленіе всѣхъ положительныхъ интересовъ общественной жизни. Чѣмъ богаче будетъ развиваться жизнь во всѣхъ своихъ нормальныхъ интересахъ, во всѣхъ своихъ положительныхъ стремленіяхъ, религіозныхъ, умственныхъ, политическихъ, экономическихъ, тѣмъ менѣе будетъ оставаться мѣста для отрицательныхъ силъ общественной жизни.“ (Р. В. 1862. Кн. VII—VIII. „О нашемъ нигилизмѣ по поводу романа Тургенева“).

„не то конституціи, а то севрюжины“). Но постепенно жестокости полиціи привели и русскихъ соціалистовъ къ борьбѣ сначала съ агентами правительства, а потомъ со всею его политической системой.

Такимъ образомъ совокупность опытовъ, которые сдѣлали разные элементы въ русскомъ обществѣ, въ ихъ соотношеніяхъ съ правительствомъ, привели, именно около 1878 года къ тому, что конституціонныя стремленія должны были вырваться наружу при первомъ удобномъ поводѣ. Поводъ этотъ дало обращеніе правительства къ обществу, по поводу убійства Мезенцева (4 августа 1878 г.) и рѣчь императора въ Москвѣ (20 ноября) о необходимости „содѣйствія (общества), чтобы остановить заблуждающуюся молодежь на томъ пагубномъ пути, на который неблагонадежные люди стараются ее завлечь“.

Теперь еще не выяснены побужденія Александра II къ такимъ обращеніямъ, но, кажется, онѣ находятся въ связи съ ролью, которую игралъ въ нашей внутренней политикѣ гр. Дм. Толстой. Помѣщенный реакціонной камарильей въ министры народнаго просвѣщенія послѣ покушенія Каракозова въ 1866 г., гр. Дм. Толстой взялся уничтожить „корни нигилизма“ своей школьной систимой; а между тѣмъ послѣ 10—12 лѣтъ ея дѣйствія „нигилизмъ“ только усилился. Гр. Толстому и его партіи оставалось свалить передъ монархомъ грѣхъ на общество, на отцовъ, которые-де недостаточно поддерживаютъ правительство. Монархъ, наивный, какъ всѣ самодержцы, которыхъ, по слову Мордвинова, министры „самихъ держатъ“, въ тепличной атмосферѣ, и обратился къ отцамъ. Эти отвѣтили критикой министерства народнаго просвѣщенія, да и всей системы управленія.

Пять земскихъ собраній (харьковское, полтавское, черниговское, самарское и тверское), изъ которыхъ три представляютъ подъ рядъ лежащія южныя губерніи, рѣшили отвѣтить правительству болѣе или менѣе прямымъ заявленіемъ о необходимости земскаго собора. Изъ этихъ заявленій цѣликомъ проникли въ печать три: харьковское, черниговское и тверское. Первое изъ нихъ изъявляло готовность бо-

роться съ соціализмомъ („за общественный порядокъ, собственность, семью и вѣру"), но заявляло, что при теперешнемъ порядкѣ земскія силы не имѣютъ никакой организаціи: „Всемилостивѣйшій Государь! Дай твоему вѣрному народу право самоопредѣленія, которое соотвѣтствуетъ его природѣ; дай ему то, что ты далъ болгарамъ". Насколько извѣстно по отрывкамъ, въ такомъ же родѣ былъ и полтавскій отвѣтъ, который изъявлялъ готовность „вырвать зло съ корнемъ и окончательно побороть пропаганду, предпринятую врагами правительства и общества", но только подъ условіемъ организаціи общественныхъ силъ въ правильное представительство.[1]

Черниговскій отвѣтъ былъ чисто отрицательнаго свойства. Заявивъ, что думать, будто „идеи, въ томъ числѣ и анархическія, можно остановить мѣрами строгости значитъ игнорировать исторію развитія и распространенія идей", что причины зла заключаются 1. въ организаціи среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній (системы гр. Дм. Толстого); 2. въ отсутствіи свободы слова и печати и 3. въ отсутствіи среди русскаго общества чувства законности (вслѣдствіе разобщенности) — черниговское земство „констатировало свое полное безсиліе принять какія-либо практическія мѣры въ борьбѣ со зломъ и доводило это до свѣдѣнія правительства".[2]

[1] О неблаговидности и недальновидности такой именно постановки вопроса о политическомъ представительствѣ мы говорили тотчасъ же послѣ того, какъ состоялись харьковскій и полтавскій отвѣты (Громада, т. IV, 260 и слѣдующія). Но надо замѣтить, что фразы, вродѣ „вырвать съ корнемъ зло" слышались отъ земцевъ послѣ такихъ заявленій тогдашнихъ русскихъ соціально-революціонеровъ, какъ, напр., прокламація, изданная именно послѣ убійства ген. Мезенцева, въ которой было сказано, что соціалисты не имѣли въ виду бороться съ монархіей, а хотѣли только „вырвать у буржуазіи капиталъ вмѣстѣ съ жизнью", и вступили въ борьбу съ правительствомъ только потому, что оно само пошло противъ нихъ. О странности такой постановки вопроса и о неизбѣжности для соціалистовъ борьбы противъ всей системы самодержавія и неизбѣжно за извѣстныя политическія учрежденія, которыя могутъ быть, если не въ республикахъ, то въ конституціонныхъ монархіяхъ, мы говорили тогда же. („Листокъ Громады". 1878, № 1. „Коли битись, то не миритись").

[2] Надо вспомнить, что Черниговское земство было одно изъ самыхъ дѣятельныхъ въ работѣ по народному образованію и выдержало упорную борьбу съ гр. Дм. Толстымъ за учительскую семинарію, которую министръ сначала всячески не позволялъ открывать, а потомъ хотѣлъ взять ее въ свои руки, что кончилось закрытіемъ ея. Это же земство ходатайствовало о допущеніи украинскаго языка въ начальное образованіе, противъ запрещенія 1876 г., въ изданіи котораго принималъ дѣятельное участіе опять-таки гр. Дм. Толстой. Земства харьковское и полтавское обнаружили тоже украинское самосознаніе: первое въ 1878 г. праздновало юбилей Квитки и взяло на себя изданіе его сочиненій, а второе, немного спустя, назначило сумму на исправленіе и охрану могилы Шевченка даже въ чужой губерніи (кіевской).

Тверской отвѣтъ представляетъ, какъ бы продолженіе черниговскаго, но превосходитъ его положительностью требованій, превосходя въ тоже время харьковскій адресъ достоинствомъ. Къ сожалѣнію, онъ всего менѣе извѣстенъ публикѣ въ Россіи. Тверскіе земскіе гласные заявляли, что „политическія преступленія и убійства... суть только внѣшніе признаки общихъ глубокихъ недуговъ", указывали на „препятствія", какія встрѣчаетъ земство въ своей заботѣ о школахъ со стороны министерства народнаго просвѣщенія (гр. Дм. Толстого), „на ненормальный строй въ учебныхъ заведеніяхъ" (среднихъ), откуда массами выходитъ молодежь недоучившаяся, а въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ на „подозрительность и стѣсненія, при которыхъ невозможно спокойное занятіе наукою, и при которыхъ, напротивъ, развиваются недовольство и озлобленіе, неоднократно проявлявшіяся въ студенческихъ волненіяхъ. Не при этихъ условіяхъ можетъ развиваться въ средѣ молодежи уваженіе къ закону, столь необходимое для всякаго общества и столь слабо въ нашемъ обществѣ развитое. Блага просвѣщенія даются не одними только учебными заведеніями, но общественными учрежденіями, между которыми наиболѣе существенны самоуправленіе, самостоятельность личности, строго огражденной въ ея правахъ, независимый судъ и свободная печать". Указавъ на начатки реформъ, которыя должны были создать въ Россіи подобныя условія „мирнаго, законнаго развитія народа" и затѣмъ на административныя стѣсненія ихъ, тверскіе земцы говорили въ концѣ: „Государь Императоръ въ своихъ заботахъ о благѣ освобожденнаго отъ турецкаго ига Болгарскаго народа, призналъ необходимымъ даровать этому народу истинное самоуправленіе, неприкосновенность правъ личности, независимость суда, свободу печати.[1] Земство тверской губерніи смѣетъ надѣяться, что русскій на-

[1] Изъ указаній харьковскаго и тверского земства на болгарскую конституцію видно еще разъ, какъ тѣсно связана внутренняя и внѣшняя политика Россіи. Какъ война 1877—1878 должна было поднять либеральное движеніе въ Россіи, а въ тоже время указаніе русскихъ либераловъ на Болгарію должно было заставить русское правительство поддержать противоконституціонныя попытки въ Болгаріи, отчего произошли всѣ дальнѣйшія событія въ этой странѣ, которыя и теперь уже столько стоятъ Россіи.

родъ съ такою полною готовностью, съ такою беззавѣтною любовью къ своему Царю-Освободителю несшій всѣ тяжести войны, воспользуется тѣми же благами, которыя одни могутъ дать ему возможность выйти, по слову Государеву, на путь постепеннаго, мирнаго и законнаго развитія."

Какъ ни малочисленны и сдержанны были эти заявленія, они произвели сильное дѣйствіе на общество, въ которомъ усилились толки о земскомъ соборѣ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя и русскіе соціальные революціонеры приняли, наконецъ, въ свою программу чисто политическія требованія, между прочимъ и „постоянное народное представительство".[1] Активная борьба съ самодержавіемъ, въ которую вступила новая революціонная группа „народовольцевъ", рѣчи ихъ товарищей на процессахъ несомнѣнно оживили либеральныя стремленія и во всемъ обществѣ, несмотря на то, что формы этой борьбы, особенно направленіе ударовъ прямо на царя, не всѣми оправдывались, а угрозы уцѣлѣвшихъ послѣ 1 марта 1881 г. членовъ „Исполнительн. Комитета" и новому царю убійствомъ же, если онъ не созоветъ народнаго собранія, были, по меньшей мѣрѣ, нетактичны и преждевременны, и въ личномъ, и въ политическомъ отношеніи. Въ тоже время и идейная постановка политическаго вопроса „народовольцами" была часто неудачна, начиная отъ самого имени „партіи Народной Воли" (voluntas, а не libertas), которое, какъ многое другое въ заявленіяхъ партіи, очевидно вышло изъ компромисса но-

[1] Липецкій съѣздъ, на которомъ правильно сложился „Испол. Комитетъ" (III-й) и впервые ясно поставлена была политическая программа въ средѣ новѣйшихъ русскихъ соціалистовъ, отбылся 17—21 іюня 1879 г.; № 1 „Народн. Воли" вышелъ 7 октября 1879 г. Этому повороту предшествовалъ цѣлый рядъ вооруженныхъ сопротивленій, преимущественно въ Кіевѣ, учрежденіе генералъ-губернаторствъ и почти осаднаго положенія по всей Россіи, вслѣдствіе покушенія Соловьева, относительно цѣлесообразности котораго существовало раздѣленіе въ средѣ петербургскихъ революціонеровъ народниковъ, и затѣмъ рядъ смертныхъ казней въ Петербургѣ и Кіевѣ. Любопытно, что, по показанію біографа Желябова, не только „терроръ", т. е. систематическій отвѣтъ убійствомъ на преслѣдованія правительства, „гораздо болѣе созданіе юга, чѣмъ сѣвера", но и принятіе на Липецкомъ съѣздѣ политической программы, требовавшей „учрежденій, при отсутствіи которыхъ никакая дѣятельность невозможна", было поддерживаемо преимущественно „южанами". (А. И. Желябовъ, 16—23.) Обстоятельство это какъ разъ совпадаетъ съ тѣмъ, что въ это время либеральныя политическія стремленія проявились съ наибольшею силою въ южныхъ же земствахъ и что въ заграничной печати политическая либеральная программа ставилась прямѣе въ украинскихъ публикаціяхъ. Югъ же Россіи былъ ближе и къ театру войны 1876—1878 г. и потому видѣлъ отчетливѣе общее безобразіе господствующей въ Россіи политической системы.

выхъ либеральныхъ стремленій со старымъ народничествомъ. Въ частности письмо „Исполн. Комитета къ Александру III", замыкавшее первый періодъ въ дѣятельности народовольцевъ и открывавшее второй, во всѣхъ отношеніяхъ, гораздо менѣе удачный, и въ свое время, читавшееся нарасхватъ въ разныхъ слояхъ общества, было по своимъ политическимъ идеямъ даже шагомъ назадъ сравнительно съ тѣмъ, до чего уже было додумались „террористы" въ 1879 г., такъ какъ въ письмѣ этомъ такія основныя права человѣка и гражданина, какъ свобода печати, слова, сходокъ, требовались только „въ видѣ временной мѣры, впредь до рѣшенія Народнаго Собранія", а о гарантіяхъ неприкосновенности личности безъ суда ни слова не говорилось и даже давалось за всю партію обѣщаніе „безусловно подчиниться рѣшенію Народнаго Собранія".[1] Но при тогдашнемъ настроеніи почти всего образованнаго слоя въ Россіи противъ самодержавія, на всѣ такіе недостатки постановки вопроса о политической свободѣ у народовольцевъ мало кто обращалъ вниманіе; каждый, вслѣдъ за многими изъ самихъ революціонеровъ, истолковывалъ и дополнялъ заявленія народовольцевъ по своему, въ болѣе или менѣе либеральномъ смыслѣ, и „Письмо Исп. Ком. ‚Н. В.' къ Александру III" читалось нарасхватъ въ разныхъ слояхъ общества.

Таково было въ 1879—1881 гг. настроеніе значительной части русской „интеллигенціи", хотя въ литературѣ (запрещенной и легальной) извѣстныя фракціи „народниковъ" все еще считали умѣстнымъ ворчать противъ „либерализма", какъ дѣла „буржуазнаго и дворянскаго", и бросать палки въ колеса освободитель-

[1] Что до гарантій личной неприкосновенности, то о нихъ не говорилось даже въ „Программѣ Испол. Комитета", что тѣмъ болѣе странно, такъ какъ и вооруженныя сопротивленія (наиболѣе героическія дѣйствія русск. социал. революціонеровъ) и весь „терроризмъ" возникъ на этой почвѣ, и на Липецкомъ съѣздѣ объ этомъ говорилъ Желябовъ (см. біографическую брошюру о немъ. 23). По разсказу г. Тихомирова (La Russie Politique et Sociale, I изд. 281) одинъ изъ первыхъ южныхъ террористовъ, Ивичевичъ,—смертельно раненый при вооруженномъ сопротивленіи въ Кіевѣ 11 февраля 1879 г., — говорилъ ему въ 1878 г. „мы будемъ наказывать правительство за всякое его злодѣйство; мы будемъ его терроризировать и заставимъ его признать права человѣка". Чѣмъ объяснить эти пропуски и отклоненія въ Программѣ и Письмѣ И. К.? Забывчивостью ли, или компромиссомъ съ народничествомъ и якобинствомъ („захватъ власти"), которое всегда проявлялось въ журналѣ „Народная Воля", а послѣ 1-го марта 1881 г. и гибели болѣе либеральныхъ членовъ кружка взяло въ немъ верхъ?

наго движенія, думая, что онѣ тѣмъ служатъ „народнымъ“ интересамъ. Что до сословныхъ и земскихъ собраній, то здѣсь, конечно, противоправительственное настроеніе было болѣе сдержанно, но и здѣсь, въ 1880—1881 гг. количество заявленій о созывѣ общаго представительства страны, а также о необходимости свободы печати и обезпеченія личной неприкосновенности, — правъ, совсѣмъ уже безцеремонно попиравшихся правительствомъ подъ предлогомъ борьбы съ соціалистами-революціонерами, значительно увеличилось.[1]

Но ростъ политическаго земскаго сознанія за предпослѣдніе годы всего характернѣе выразился въ отвѣтахъ, какія вышли отъ земскихъ собраній на предложеніе правительства отъ 20-го декабря 1880 года высказаться по вопросу о преобразованіи крестьянскихъ учрежденій подобно тому, какъ въ 1870 году земства призывались подать мнѣнія о подушной подати. Въ отвѣтахъ своихъ земства представили цѣлую систему преобразованія не только частно крестьянскихъ учрежденій, но всей системы мѣстной администраціи на началахъ самоуправленія и заканчивали на этотъ разъ свои представленія просьбой, чтобы для окончательной выработки проекта административной реформы были созваны выборные отъ всѣхъ земствъ.[2] Важно, что рядомъ съ стремленіемъ къ административно-политическому самоуправленію изъ земствъ выходили и проекты экономическихъ мѣръ въ пользу крестьянства.

Правительство опять, какъ въ 1862—63 гг., поставлено было въ необходимость сдѣлать уступки общественному движенію: цензура была ослаблена и образована комиссія, которая должна была выработать проектъ закона о подчиненіи печати только суду; ненавистный молодежи, печати и земствамъ министръ

---

[1] Важнѣйшія данныя сведены въ берлинской брошюрѣ 1883 г. „Мнѣнія земскихъ собраній о современномъ положеніи Россіи“; здѣсь упомянуты четырнадцать заявленій изъ этого времени, и конечно, не всѣ. Интересно, что хотя нѣкоторыя изъ этихъ заявленій говорятъ и объ „вырываніи съ корнемъ крамолы“, то другіе говорятъ „объ умиротвореніи общества“, посредствомъ свободы.

[2] См. въ „Вольн. Словѣ“ Земскіе проекты въ №№ 52 и 53 и „Земская хроника: Административно-политическіе вопросы“ (между прочимъ и о созданіи новой земской единицы — области) въ №№ 60—62.

народнаго просвѣщенія гр. Дм. Толстой былъ удаленъ; наконецъ, въ февралѣ 1881 г. сталъ приготовляться (при участіи и наслѣдника) проектъ подобія земскаго собора, въ видѣ созыва представителей отъ земствъ и большихъ городовъ для подачи совѣщательнаго голоса по дѣламъ, которыя предложитъ имъ правительство.[1] Отнюдь нельзя объяснить эти уступки только личнымъ характеромъ Александра II и графа Лорисъ-Меликова, хотя, конечно, нельзя вовсе и отрицать доли значенія личностей въ такихъ дѣлахъ. Изъ записокъ Кошелева (стр. 218) видно, что гр. Лорисъ-Меликовъ еще въ 1875 г. высказывалъ ему сочувствіе его брошюрѣ „Наше положеніе“. Но на него несомнѣнно должно было подѣйствовать пребываніе въ 1879 г. генералъ-губернаторомъ въ Харьковѣ, въ краѣ, три губернскія земства котораго подали извѣстныя заявленія. Гр. Лорисъ-Меликовъ, человѣкъ, сравнительно съ нашими обыкновенными „помпадурами“ просвѣщенный и наблюдательный, вдобавокъ, какъ провинціалъ, не былъ ослѣпленъ узостью взглядовъ и своекорыстіемъ петербургской сановной бюрократіи и потому долженъ былъ понять, что дальше противиться общественному сознанію было, если еще не непосредственно опасно, то очень неблагоразумно и для монархіи.[2]

---

[1] Такъ опредѣляетъ составъ и задачу этого собранія г. Anatole Leroy-Beaulieu, l'Empire des Tsars et les Russes, II, 598 и слѣд., „со словъ одного министра того времени“. Ср. показанія кн. Юрьевской, нѣсколько спутанныя, въ книгѣ г. V. Laferté. Alexandre II. Détails inédits sur sa vie intime et sa mort, 1882, 24—25, и слова Кошелева дальше. По разсказу пр. W. Müller („Politische Geschichte der Gegenwart“, XV, 208) рескриптъ Александра II на имя гр. Л.-М., былъ подписанъ 25 февраля (ст. ст.) и говорилъ объ усиленіи государственнаго совѣта уполномоченными отъ дворянскихъ собраній, земствъ и городовъ. Нѣкоторые („В. Слово“, 1882, № 44) увѣряютъ, что подобный проектъ былъ представленъ еще въ концѣ 1879 г. вел. кн. Константиномъ Николаевичемъ и гр. Валуевымъ, но тогда былъ признанъ несвоевременнымъ.

[2] Учрежденіе послѣ покушенія Соловьева чистыхъ сатрапій, въ видѣ временныхъ генералъ-губернаторствъ (5 апрѣля 1879 г.), съ ихъ стѣснительными мѣрами, съ казнями, которыя иногда даже трудно было мотивировать (какъ, напримѣръ, нѣкоторыя Чертковскія казни въ Кіевѣ), и массовыми ссылками въ Новороссію, въ которыхъ потомъ, говорятъ, самъ гр. Тотлебенъ каялся, сваливая вину на г. Панютина, все это подняло общественное сочувствіе къ револ. терроризмъ и къ самому цареубійству, даже у людей, всего менѣе похожихъ на нигилистовъ, даже у такихъ, которые рѣшительно не одобряли покушенія Соловьева. (Мы могли бы сообщить нѣсколько характерныхъ случаевъ въ подтвержденіе этого показанія.) Несчастный Александръ II самъ осуждалъ себя на смерть, не понявъ урока, даннаго его присяжными, оправдавшими г-жу В. Засуличъ; отождествивъ самъ себя съ Треповымъ, Мезенцевымъ, и потомъ воплотившись въ Чертковыхъ и т. п., онъ сталъ ненавистенъ соціалистамъ и по меньшей мѣрѣ противенъ значительной части русскаго общества ко времени взрывовъ на московско-курской желѣзной дорогѣ (19 ноября

Здѣсь мы считаемъ не лишнимъ коснуться довольно распространеннаго за границей и въ Россіи мнѣнія о томъ, что не случись убіеніе Александра II, политика гр. Лорисъ-Меликова довела бы Россію до политической свободы. Не знаемъ, каковы собственно были намѣренія самаго гр. Лорисъ-Меликова. На этотъ счетъ въ запискахъ Кошелева сказано только слѣдующее: „Отъ него (гр. Л.-М.) узналъ я много интереснаго. На созваніе земской думы онъ никакъ не надѣялся получить соизволеніе Государя; но онъ имѣлъ въ виду собрать общую, довольно многочисленную комиссію изъ выборныхъ отъ земствъ, а гдѣ таковыя еще не образованы, изъ лицъ, приглашенныхъ правительствомъ. Неоднократно мы объ этомъ толковали, и если не во всемъ соглашались, то, по крайней мѣрѣ, я вынесъ изъ этихъ разговоровъ убѣжденіе, что министръ внутреннихъ дѣлъ расположенъ сдѣлать все возможное для оживленія и утвержденія земскихъ учрежденій“ (стр. 253). Изъ этихъ строкъ, равно какъ изъ извѣстнаго разговора гр. Лорисъ-Меликова съ петербургскими редакторами, въ которомъ онъ показывалъ перспективу пятилѣтняго срока для однихъ второстепенныхъ перемѣнъ, видно, что онъ расчитывалъ тянуть дѣло долго, между тѣмъ, какъ положеніе дѣлъ, — самая, если хотите, нервозность тогдашняго настроенія (а для нервозности было не мало причинъ внутреннихъ и внѣшнихъ, начиная съ 1876 г.), — все требовало скорыхъ рѣшеній. Въ другое время, при болѣе нормальномъ ходѣ дѣлъ, при государѣ твердомъ, можно и даже, можетъ быть, должно бы было приготовлять страну къ земской думѣ посредствомъ „оживленія и утвержденія“ провинціальныхъ земствъ, или лучше очищенія ихъ отъ порчи, которую внесъ въ нихъ гнетъ самого правительства, но и въ такомъ случаѣ надо было прежде всего избавить земства отъ всѣхъ путъ, наложенныхъ на нихъ съ 1866 г. А гр. Лорисъ-Меликовъ не сдѣлалъ и этого. Далѣе, при данныхъ условіяхъ, при характерѣ Александра II и

1879 г.) и въ Зимнемъ дворцѣ (5 февраля 1880 г.). Это довольно широко распространенное въ обществѣ сочувствіе къ цареубійству въ концѣ 1879 и началѣ 1880 гг. поддерживалось и слухами о симпатіяхъ наслѣдника къ земскому представительству, хотъ на Аксаковскій ладъ.

петербургскаго бюрократическаго сановничества (тотъ и другое себя показали еще во время реформъ въ 60-ые годы) даже въ случаѣ созыва совѣщательной комиссіи, надо было ожидать колебаній и реакціи со стороны правительства и путаницы, во всякомъ случаѣ большей, чѣмъ какая бы была послѣ торжественнаго созванія земской думы. Очевидно, гр. Лорисъ-Меликовъ не хотѣлъ или не могъ оказать достаточно сильнаго давленія на царя въ пользу этой думы, конечно, и потому, что „общество“ и „земство“ сами не достаточно давили на правительство. Въ тоже время гр. Лорисъ-Меликовъ оказался плохимъ психологомъ и въ другомъ направленіи — въ сторону революціонеровъ, — не понявъ, что именно гоненія противъ личностей ихъ и ихъ товарищей и ожесточили ихъ до систематическихъ усилій къ цареубійству. Вмѣсто того, чтобы смягчить положеніе политическихъ арестантовъ, если уже нельзя было дать полной амнистіи, гр. Лорисъ-Меликовъ еще усилилъ гнетъ надъ политическими каторжниками, въ противность даже представленіямъ начальника на р. Карѣ, г. Кононовича, который и долженъ былъ выйти въ отставку. Даже административную ссылку гр. Лорисъ-Меликовъ не только не отмѣнилъ, но даже не ограничилъ, такъ какъ, возвративъ нѣсколько десятковъ сосланныхъ прежде, онъ выслалъ еще болѣе новыхъ. Въ довершеніе, гр. Лорисъ-Меликовъ не прекратилъ и смертныхъ казней и допустилъ даже такія ни чѣмъ не мотивированныя казни, какъ Розовскаго и Лозинскаго въ Кіевѣ. (О нихъ см. въ „Громадѣ“, V. T., 87—88, 93). Быть можетъ, гр. Лорисъ-Меликовъ думалъ, показывая, что онъ „не щадитъ крамолы“, тѣмъ легче склонить монарха къ уступкамъ „благоразумному элементу общества“. Можетъ быть, и это было также тонко, какъ и медленные подходы къ земской думѣ. Но, гдѣ тонко, тамъ и рвется! Это должно сказать также о политикѣ гр. Лорисъ-Меликова, какъ и о тогдашнемъ либеральномъ настроеніи общества и земства. Послѣднее сдѣлало достаточно, чтобъ поставить вопросъ о свободѣ, но мало, чтобы дать ему безповоротное разрѣшеніе при всякихъ случайностяхъ.

Крупнѣйшія же изъ этихъ случайностей, а именно, возможность убіенія Александра II (или во всякомъ случаѣ новой къ тому попытки), а затѣмъ неизбѣжность придворной реакціи, должны были быть предвидѣны людьми, которые желали быть серьезными политическими дѣятелями.[1]

Во всякомъ случаѣ даже послѣ смерти Александра II и паденія гр. Лорисъ-Меликова новое правительство не посмѣло сразу пойти противъ общественнаго движенія, всетаки довольно широкаго. Даже отложивъ въ сторону проектъ о совѣщательной комиссіи, о которомъ однакожъ оно сначала допускало толки, и въ печати, и въ земскихъ собраніяхъ, оно всетаки предложило обществу земскихъ свѣдущихъ людей. Гр. Игнатьевъ отъ имени правительства торжественно заявилъ, что „земскіе свѣдущіе люди будутъ созываться и впредь“ для того, чтобы самые жизненные вопросы не были рѣшаемы безъ выслушанія мѣстныхъ дѣятелей, хорошо знакомыхъ съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ.[2] Несмотря на то, что гр. Игнатьевъ призвалъ въ первую серію свѣдущихъ людей нѣкоторыхъ популярныхъ земцевъ — въ томъ числѣ автора харьковскаго отвѣта 1879 года, — многія зем-

[1] Со сказаннымъ выше ср. то, что мы говорили тотчасъ послѣ воззванія графа Лорисъ-Меликова къ обществу (14 февраля 1880 г.) въ брошюрѣ „Соловья баснями не кормятъ“ (выше стр. 255—265), и скоро затѣмъ въ другой „Терроризмъ и свобода, муравьи и корова“ (выше стр. 285—310), гдѣ мы, критикуя иллюзіи тѣхъ „террористовъ“, которые думали добиться въ Россіи свободы безъ широкаго общественнаго движенія (Морозовъ, „Террористическая борьба“), въ то же время отвѣчали на странную статью „Голоса“, словно писанную по порученію гр. Лорисъ-Меликова, въ которой „Голосъ“ обращался къ намъ лично, чтобъ мы уговорили террористовъ не мѣшать муравьиной работѣ гр. Лорисъ-Меликова и его поклонниковъ. Интересно, что въ тоже самое время и на совсѣмъ противоположномъ намъ концѣ общества скептическое отношеніе къ политикѣ гр. Лорисъ-Меликова выразилось въ приложеніи къ нему (говорятъ, гр. П. Шуваловымъ, бывшимъ шефомъ III отдѣленія) восточной басни о дервишѣ, который взялся выучить царскаго осла читать, но только въ 10-лѣтній срокъ, расчитывая, что до тѣхъ поръ или царь, или онъ, или оселъ помретъ. Изъ сопоставленій показанія кн. Юрьевской и г. Ан. Леруа-Болье выходитъ, будто указъ о совѣщательной комиссіи былъ подписанъ Александромъ II 1-го марта 1881 г. и былъ отосланъ гр. Лорисъ-Меликову съ тѣмъ, чтобы появиться въ печати на другой день, и будто, прибывъ, послѣ убіенія Александра II въ Зимній дворецъ, гр. Лорисъ-Меликовъ спросилъ Александра III, который принималъ участіе въ выработкѣ этого указа,— что дѣлать съ этимъ указомъ? — на что получилъ отвѣтъ: „не измѣняй ни въ чемъ приказанія моего отца; пусть это будетъ его завѣщаніемъ“. Если это правда, то почему же гр. Лорисъ-Меликовъ не поспѣшилъ обнародовать уже набранный указъ, какъ это сдѣлалъ въ свое время Ланской съ рескриптами, отъ которыхъ безповоротно началось дѣло освобожденія крестьянъ?

[2] Передъ тѣмъ полтавскій предводитель дворянства г. Устимовичъ, авторъ проекта конституціоннаго адреса 1879 года, заявилъ открыто въ губернскомъ дворянскомъ собраніи, что онъ получилъ отъ гр. Игнатьева положительное увѣреніе, что правительство призоветъ представителей страны къ участію въ законодательной работѣ.

скія собранія высказались, „что только вызовъ свѣдущихъ людей отъ всей Россіи, правильно организованный (по выбору отъ губернскихъ земскихъ собраній, какъ говорило новгородское земство), можетъ помочь правительству осуществить столь многотрудныя, не терпящія отлагательства реформы“. Положительно извѣстно, что въ такомъ родѣ успѣли высказаться двѣнадцать губернскихъ земствъ: херсонское, полтавское, харьковское, бессарабское, смоленское, псковское, петербургское, новгородское, владимірское, костромское, казанское и калужское. Въ самарскомъ — подобное предложеніе было остановлено предсѣдателемъ, послѣ чего собраніе въ видѣ протеста разъѣхалось. Если къ этимъ 13-ти земствамъ присоединить еще черниговское, тверское и саратовское, въ которомъ предложеніе о земскомъ соборѣ было отклонено 16 голосами противъ 10, причемъ ораторъ противъ него (г. Щербань) находилъ его только несвоевременнымъ и безтактнымъ тотчасъ послѣ 1-го марта 1881 г. и просилъ оказать „кредитъ (общества правительству) не долгосрочный“, то получимъ семьнадцать (изъ 35) земскихъ губерній, которыя опредѣленно высказались за земскій соборъ.[1] Къ земскимъ заявленіямъ слѣдуетъ прибавить заявленія нѣкоторыхъ дворянскихъ собраній (петербургскаго и черниговскаго) и городскихъ думъ (черниговской, казанской), а также рѣчь московскаго городского головы, г. Чичерина, на обѣдѣ представителей городовъ во время коронаціи въ 1883 году.[2]

---

[1] Въ неземскихъ губерній въ Балтійскихъ существуетъ сильный автономный и, конечно, либеральный духъ въ дворянствѣ и бюргерствѣ нѣмецкомъ, а въ Западныхъ провинціяхъ, не говоря уже о Царствѣ Польскомъ, въ польскомъ элементѣ, конечно, есть либеральныя идеи, но русское земское движеніе до сихъ поръ не находило поддержки, даже нравственной, этихъ нерусскихъ элементовъ западной полосы имперіи и даже мало имъ извѣстно. Въ то же время соціальный и національный антагонизмъ, какой существуетъ въ этой полосѣ между высшими и плебейскими классами, тянетъ послѣдніе къ императорской диктатурѣ. Если бы жизнь выработала формулы соглашенія между этими классами, а также между ихъ сознательными представителями и русскимъ земскимъ движеніемъ на началахъ болѣе или менѣе демократическихъ и либеральныхъ, съ сохраненіемъ государственнаго единства, но съ гарантіями для національностей и областного самоуправленія, — тогда борьба съ петербургскимъ самодержавіемъ пошла бы, конечно, успѣшнѣе.

[2] Сравнительная малочисленность либеральныхъ заявленій со стороны городскихъ думъ должна быть объяснена Городскимъ Положеніемъ 1870 года, которое почти совершенно устранило отъ участія въ муниципальныхъ дѣлахъ наиболѣе образованную часть населенія — квартирантовъ.

Всѣхъ этихъ заявленій было еще мало для того, чтобы заставить правительство уступить, когда оно того рѣшительно не хочетъ, но было достаточно для того, чтобы поставить вопросъ ребромъ: или уступить требованіямъ земствъ, или же уничтожить и эти самыя земства. Совершенно естественно, что правительство попробовало послѣднее средство. Уже и прежде подъ предлогомъ борьбы съ „крамолой“ правительство распоряженіями 1879 г. и Положеніемъ о государственной охранѣ (1881 г.) поставило всѣ выборы земскіе и сословные, а также пренія въ собраніяхъ подъ произволъ губернаторовъ, т. е. собственно полиціи. А, наконецъ, когда и это не помогло, „министръ борьбы“, гр. Дм. Толстой, задумалъ уничтожить всесословное земство своимъ проектомъ административной реформы. Говорятъ, что въ настоящій сезонъ предстоитъ окончательное обсужденіе этого революціоннаго проекта въ государственномъ совѣтѣ.

Мы назвали этотъ проектъ революціоннымъ совершенно безъ шутокъ. Онъ имѣетъ въ виду сдѣлать tabulam rasam по всѣмъ земскимъ губерніямъ со всѣмъ, что было сдѣлано въ нихъ для благоустройства въ теченіе слишкомъ двадцати лѣтъ и, кромѣ того, отнять у Россіи всякую возможность законнаго перехода отъ одного строя вещей, признаннаго и недавнимъ правительствомъ и обществомъ ненормальнымъ, къ другому, которое общество совершенно отчетливо себѣ представляетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, послѣ того, что высказано было земскими представителями въ 1879—1883 годахъ правительство, состоящее изъ людей, сколько-нибудь просвѣщенныхъ и дальновидныхъ, не могло не принять иной программы, кромѣ приблизительно слѣдующей:

1. Устраненіе всѣхъ искаженій земскаго положенія, сдѣланныхъ послѣ 1865 г.

2. Созывъ делегацій отъ существующихъ земскихъ собраній, по крайней мѣрѣ, губернскихъ для выработки проектовъ измѣненій въ земскомъ положеніи, указанныхъ практикою, а также проектовъ административной реформы, уже обсуждавшейся въ земствахъ, и для изложенія правительству дальнѣйшихъ нуждъ страны.

3. Распространеніе земскихъ учрежденій на западную половину Имперіи.[1]

Рядомъ съ этимъ должно бы идти:

4. Огражденіе закономъ наиболѣе насущныхъ личныхъ правъ, какъ неприкосновенность лица безъ суда, свобода совѣсти, печати и прошеній (и уже для этого — сходокъ) и, наконецъ, какъ логическое послѣдствіе предъидущаго:

5. Амнистія политическимъ осужденнымъ и особенно возвращеніе правъ сосланнымъ административно.

При этихъ условіяхъ назрѣвшія нужды населеній Россіи были бы частью удовлетворены, частью получили бы себѣ законные пути для своихъ выраженій, и внутреннее развитіе Россіи стало бы на нормальную мирную дорогу, а вмѣстѣ съ тѣмъ радикально измѣнилось бы положеніе ея среди сосѣднихъ народовъ, изъ которыхъ даже тѣ, какіе льнутъ къ ней изъ страха разныхъ западныхъ поглотителей, боятся ея порядковъ и ихъ вліянія.

Но такъ какъ теперешнее правительство, представляемое такимъ личнымъ врагомъ земства, какъ гр. Дм. Толстой, идетъ даже противъ такихъ минимальныхъ уступокъ земскому сознанію, то земскимъ людямъ ничего не остается, какъ возобновить натискъ на правительство въ томъ направленіи, въ какомъ онъ производился въ 1858—1863 годахъ, а также въ 1879—1883 гг. Но послѣ прежнихъ опытовъ и въ виду того, что теперь дѣло должно пойти о пріобрѣтеніи безповоротныхъ гарантій свободы личной и самоуправленія, этотъ натискъ долженъ быть гораздо рѣшительнѣе прежнихъ.

Если сравнить земскія заявленія 1879—83 годовъ съ требованіями дворянскихъ собраній 1858—63 гг., то увидимъ несомнѣнный прогрессъ въ отчетливости

[1] При изданіи Положенія о Земскихъ Учрежденіяхъ 1864 года очевидно имѣлось въ виду скорое распространеніе ихъ на Западныя губерніи, такъ какъ въ примѣчаніи къ Положенію „предоставлено министру внутреннихъ дѣлъ по сношенію съ мѣстными ген.-губернаторами въ Западныхъ губерніяхъ войти въ соображеніе о времени и способахъ введенія Положенія о земскихъ учрежденіяхъ въ губерніяхъ“ этихъ. Что до Царства Польскаго, то здѣсь дѣйствіе установленныхъ въ 1861 г. совѣтовъ пріостановлено лишь по случаю вооруженнаго возстанія. Но со времени прекращенія польскаго возстанія прошло уже 25 лѣтъ, — и теперь нѣтъ ровно никакого резона лишать земскаго представительства обширную полосу государства.

и всесторонности сознанія сущности политической свободы, не говоря уже о широтѣ самого сознанія, которое теперь исходитъ отъ собраній всесословныхъ. Но въ энергіи заявленія этихъ требованій и даже въ организаціи силъ не только для ихъ проведенія, но и для самой внушительности ихъ заявленій, наши земскіе люди ушли очень еще не далеко. Такъ, напримѣръ, послѣднія заявленія о необходимости земскаго собора сдѣланы были половиною губернскихъ земскихъ собраній и въ нѣсколькихъ дворянскихъ, но отрывочно, почти безъ повтореній, безъ солидарности даже между сосѣдними губерніями. Стыдно сказать, — большая часть этихъ заявленій, даже не напечатана, не говоря уже о томъ, что достаточно было губернаторскихъ распоряженій, чтобы многія изъ нихъ не были даже доложены собраніямъ. Съ 1878 г. было нѣколько опытовъ сговоровъ и съѣздовъ съ цѣлью установленія извѣстной солидарности и опредѣленія способовъ давленія на правительство. Но во всѣхъ этихъ опытахъ было мало энергіи и организаціи и очень много вялости и распущенности.

Время еще не наступило для откровенной исторіи этихъ попытокъ, и мы бы вовсе даже не говорили о нихъ теперь, если бы въ печать уже не проникли нѣкоторыя свѣдѣнія о нихъ, не совсѣмъ точныя. Наиболѣе заслуживаютъ вниманія изъ этихъ свѣдѣній тѣ, которыя далъ американецъ г. Кеннанъ въ „Century“ (1887 г., Novembre), и которыя теперь переводятся (съ № 105) въ „Общемъ Дѣлѣ“ подъ заглавіемъ: „Послѣднее заявленіе русскихъ либераловъ“. Мы встрѣчаемъ здѣсь „Записку, поданную въ мартѣ 1880 г. графу Лорисъ-Меликову 25-тью именитыми московскими гражданами, — въ томъ числѣ нѣсколько профессоровъ, адвокатовъ и пользующихся извѣстностью писателей и прочихъ представителей образованнаго класса“ (земцевъ? т. е. собственниковъ???) — и въ предисловіи къ ней разсказъ о либеральныхъ заявленіяхъ земскихъ собраній 1879 г. и о сношеніяхъ земскихъ либераловъ — „Либеральнаго комитета“, какъ говоритъ г. Кеннанъ, отъ котораго будто бы исходила инициатива этихъ заявленій, — съ террористами, съ

цѣлью уговорить ихъ не препятствовать земскимъ опытамъ возвратить правительство на путь реформъ.

Мы должны замѣтить, что въ разсказѣ г. Кеннана есть неполноты и неточности, и вся хронологія событій у него спутана. Вполнѣ вѣрно здѣсь только то, что съ соціальными революціонерами, между которыми только что появились „террористы", были въ 1878 г. въ Кіевѣ переговоры со стороны нѣкоторыхъ земцевъ съ цѣлями, о которыхъ говоритъ г. Кеннанъ, но только еще до убійства шефа жандармовъ Мезенцева (4-го августа) и тотчасъ послѣ покушенія въ Кіевѣ на товарища прокурора Котляревскаго (23 февраля) и убійства жандармскаго офицера бар. Гейкинга (25 мая), — фактовъ, по поводу которыхъ въ первый разъ появились прокламаціи, подписанныя „Исполнительнымъ Комитетомъ Русской Соціально-Революціонной Партіи", который принималъ на себя эти дѣйствія.[1] (Передъ тѣмъ покушеніе на оберъ-полиціймейстера Трепова 25 января 1878 г. представлялось какъ дѣйствіе индивидуальное; процессъ г-жи В. Засуличъ былъ 31-го марта 1878 г.) Уговаривая „террористовъ" отказаться отъ ихъ способа дѣйствій или хоть пріостановить ихъ, земцы съ своей стороны предполагали коллективное заявленіе правительству: сначала 1. о возстановленіи земскаго положенія и правилъ о печати 1865 года, 2. объ устраненіи административной ссылки и спеціальныхъ судовъ по политическимъ дѣламъ,[2] и затѣмъ, каковъ бы ни былъ отвѣтъ правительства 3. о созваніи общаго земскаго представительства. Кіевскіе соціальные революціонеры отказались принять сдѣланное имъ предложеніе, — и земцы привлекли къ себѣ только нѣкоторые „легальные" элементы болѣе

---

[1] Въ высшей степени интересны показанія объ этихъ переговорахъ очевидца и участника В. Дебогорія-Мокріевича въ его „Воспоминаніяхъ", — чрезвычайно важномъ и цѣнномъ источникѣ для исторіи и характеристики перехода русскихъ соціалистовъ-революціонеровъ отъ мирной пропаганды соціализма къ политической и террористической борьбѣ. Ср. Вл. Дебогорій-Мокріевичъ, „Воспоминанія, Paris 1894—99, гл. XV—XIX, особенно стр. 299 и сл. Прим. ред.

[2] Какъ минимумъ въ этомъ отношеніи предполагалось простое возвращеніе къ первоначальной редакціи Раздѣла II кн. III Устава уголовнаго судопроизводства по Судебнымъ Уставамъ 1864 г., по которой обыкновенныя политическія преступленія подлежали вѣдѣнію судебныхъ палатъ, а не совершенно инквизиціонныхъ особыхъ присутствій сената, установленныхъ новой редакціей 1872 года, а также отмѣна совершенно противныхъ духу Судебныхъ Уставовъ 1864 года „правилъ о порядкѣ дѣйствій чиновъ корпуса жандармовъ по изслѣдованію преступленій" 1871 г.

или менѣе радикальнаго направленія, въ томъ числѣ и нѣсколько человѣкъ украинскаго направленія. Образовавшійся такъ союзъ нѣкоторые изъ его участниковъ назвали не безъ ироніи, какъ это часто бываетъ, Лигою оппозиціонныхъ элементовъ или просто Лигою. Она распространила свои сношенія и на сѣверныя губерніи, гдѣ въ 1880—1881 годахъ даже получила большее, чѣмъ на югѣ, распространеніе и организацію, когда изъ нея образовалось „Общество Земскаго Союза и Самоуправленія“, или просто Земскій Союзъ. Имя Лиги, между тѣмъ, пошло въ ходъ и, благодаря послѣдствіямъ тайны и безгласности, стало примѣняться къ самымъ разнообразнымъ обществамъ, о которыхъ ходили слухи. Такъ, когда гр. Игнатьевъ въ началѣ 1882 г. основалъ комиссію для собранія свѣдѣній объ „обществахъ не столь вредныхъ“, то указалъ ей, кромѣ Земской Лиги или „Земскаго Союза“ съ его органомъ „Вольное Слово“, еще три Лиги: Либеральную (въ Москвѣ), Южнорусскую и Земельную, которая будто бы при помощи Земской Лиги, думала заводить „интеллигентныя“ земледѣльческія колоніи по идеямъ профессора Энгельгардта (пятое общество было „Черный Передѣлъ“). Въ публикѣ называли Лигой и „Добровольную Охрану“, которая, какъ говорили, также имѣла въ виду собраніе земскаго собора (см. въ „Вольномъ Словѣ“ № 41, „Дѣятельность „Священной Дружины“ и программа „Добровольной Охраны“), и даже „Священную Дружину“ или „Друж. Спасенія“, добровольныхъ жандармовъ и шпіоновъ, возникшую при градоначальникѣ Барановѣ, члены которой замышляли даже дуэли и контръ-аттентаты противъ воображаемыхъ ими заграничныхъ распорядителей цареубійствомъ.[1] Лица разныхъ категорій находили интересъ поддерживать это смѣшеніе понятій и посредствомъ печати.[2]

[1] Слухи о такихъ замыслахъ подтверждаются словами одного изъ дружинниковъ г-ну Ан. Леруа-Болье (Указ. сочин. II, 162).

[2] См. „Общее Дѣло“ и „Le Révolté“ 1881—1882 гг., „Календарь Народной Воли“ на 1883 г. и друг., а также „Правду“ (террористически-анархическій органъ, издававшійся въ Женевѣ 1882—1883 гг. агентомъ Судейкина, г. Климовымъ). Изъ упомянутой комиссіи при гр. Игнатьевѣ вышла, между прочимъ, „Докладная Записка № II, о ходѣ секретнаго дознанія по дѣлу о противоправительственныхъ сообществахъ не столь вредныхъ, съ 1 февраля по 1 іюня 1882 г.“ напечатанная въ 1883 г. въ „Общемъ Дѣлѣ“ № 54. (Передъ тѣмъ она была переведена въ краковской га-

Сколько намъ извѣстно, болѣе или менѣе правильные переговоры земскихъ либераловъ съ террористами и прекратились на кіевскомъ опытѣ. Мы, по крайней мѣрѣ, не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о переговорахъ харьковскихъ земцевъ, о какихъ упоминаетъ г. Кеннанъ, которые, по его словамъ, должны были быть уже послѣ убійства Мезенцева и въ которыхъ будто-бы террористы предложили извѣстныя требованія, съ тѣмъ что если правительство удовлетворитъ ихъ, то „партія откажется отъ всякихъ фактовъ насилія и займетъ выжидательное положеніе". (Г. Кеннанъ излагаетъ здѣсь, но еще скромнѣе, тѣ именно пункты, которые предлагали въ Кіевѣ террористамъ земцы, а не наоборотъ). Послѣ такихъ переговоровъ, по словамъ г. Кеннана, и представленъ былъ харьковскимъ земскимъ собраніемъ извѣстный адресъ, редижированный г. Гордѣенкомъ.

Не смѣемъ рѣшительно оспаривать показанія г. Кеннана; быть можетъ, кто-нибудь изъ харьковскихъ земцевъ и имѣлъ подобный разговоръ съ какимъ-нибудь изъ русскихъ соціалистовъ-революціонеровъ, но его нѣтъ резона обобщать тѣмъ болѣе, что нигдѣ въ Россіи никакой пріостановки политическихъ убійствъ не воспослѣдовало, адресъ же, составленный г. Гордѣенкомъ (членомъ Либеральнаго Комитета, по словамъ г. Кеннана) послѣ убійства ген. Мезенцева, и не могъ вызвать симпатій у русскихъ соціалистовъ-революціонеровъ къ земскимъ либераламъ. Вообще г. Кеннанъ слишкомъ обобщаетъ отрывочныя данныя о русскихъ либералахъ и террористахъ. Такихъ систематическихъ отношеній между ними не было; не могли тогда ни въ какомъ случаѣ установиться между

зетѣ „Nowa Reforma".) Въ запискѣ этой говорится о кіевскихъ либеральныхъ начинаніяхъ 1878 г., но крайне неточно, на основаніи показаній одного предателя изъ политическихъ подсудимыхъ, а кромѣ того, частью невольно, по невѣдѣнію, столь свойственному русской полиціи, а частью съ умысломъ, сведено къ одной организаціи кіевское украинофильство, женевская „Громада", „Земскій Союзъ" съ „Вольнымъ Словомъ", „Добровольная Охрана" и „крамола", представляемая Телаловымъ и Тигромъ (г. Левъ Тихомировъ). Въ другой Запискѣ (№ 3), еще не попавшей въ печать, посвященной Либеральной Лигѣ, смѣшеніе круговъ и лицъ доходитъ до полнаго комизма. Читатель пойметъ, что еще не время критически разбирать подобные документы; обнародованіе ихъ безъ критики можетъ служить только шантажу и цѣлямъ—„судейкинскимъ". Въ этихъ цѣляхъ г. Климовъ и пускалъ въ Женевѣ въ русской эмиграціи упомянутую Записку № II. Вообще надо сказать, что въ то время Судейкины обнаружили гораздо больше ловкости для разъединенія оппозиціонныхъ элементовъ, чѣмъ эти послѣдніе для своего объединенія.

ними и какія-бы то ни было и соглашенія, по различію какъ мнѣній, такъ и всего habitus'a обѣихъ сторонъ.[1]

Кіевская попытка 1878 г. интересна только, какъ опытъ извѣстной земской группы вступить въ прямыя отношенія съ революціонерами, а также какъ шагъ, который повелъ за собою опытъ извѣстной организаціи разныхъ оппозиціонныхъ элементовъ. Не добившись соглашенія съ соціалистами-террористами, кіевская лига рѣшилась всетаки вести агитацію по земствамъ разныхъ губерній для достиженія указанныхъ выше цѣлей, а также оказывать помощь опубликованію разныхъ недовольствъ существующимъ политическимъ порядкомъ и для этого отправила нѣсколько рукописей для напечатанія въ Галицію. Изъ этихъ рукописей скоро напечатана была и выпущена въ свѣтъ брошюра „Мартовское движеніе студентовъ кіевскаго университета въ 1878 г." (тогда было выключено 170 студентовъ, изъ которыхъ многіе были высланы въ дальнія губерніи, при чемъ произошли уличныя демонстраціи, противъ которыхъ въ Москвѣ выступили знаменитые мясники). Другія же двѣ брошюры: „Русская молодежь, правительство и общество; съ приложеніемъ протеста харьковскаго университета (противъ избіенія студентовъ казаками) и доклада совѣта ст.-петербургскаго университета" (объ отношеніяхъ полиціи къ студентамъ) и самая интересная въ политическомъ отношеніи брошюра „Бли-

[1] По показанію г. Кеннана условія, изложенныя „террористами" „Либеральному Комитету" были: 1. „устранить существующія стѣсненія слова и печати, 2. гарантировать права личности противъ капризныхъ, незаконныхъ и несоотвѣтственныхъ (?) поступковъ исполнительныхъ властей и 3. призвать тѣмъ и другимъ способомъ населеніе къ участію въ управленіи. По всѣмъ же другимъ свѣдѣніямъ, этотъ послѣдній пунктъ и былъ противенъ русскимъ соціалистамъ 70-хъ годовъ, въ томъ числѣ и первымъ террористамъ, ибо былъ равносиленъ „конституціи". По словамъ біографа Желябова (стр. 16), южные террористы въ 1878 году на замѣчанія: „Вы признаете, значитъ, необходимость политической свободы?" — отпирались: „намъ не нужно конституція, намъ не нужны ихъ законы, пусть просто смотрятъ сквозь пальцы, пусть мы фактически пользуемся свободой" (конечно, соціалистической агитаціи!). Петербургская прокламація по поводу убійства Мезенцева, послѣ упомянутаго выше изложенія взгляда соціалистовъ на буржуазію и правительство, ставитъ послѣднему такія требованія: 1. свобода слова и печати, 2. судъ присяжныхъ для политическихъ процессовъ и 3. амнистія за прежнія политическія преступленія", но ни слова не говоритъ о „призваніи тѣмъ или другимъ способомъ населенія къ участію въ управленіи" (Tikhomiroff, La Russie politique et sociale, 1 изд., 440). Сколько намъ извѣстно, благосклонное отношеніе къ „конституціи" появилось только къ концу 1878 г. у нѣкоторыхъ кіевскихъ соціалистовъ-революціонеровъ, какъ, напр., у Осинскаго, но считалось ихъ товарищами за мнѣніе, вполнѣ еретическое.

жайшія задачи земства; съ приложеніемъ отвѣта черниговскаго губернскаго земскаго собранія на правительственное обращеніе“ и проч. — не увидѣли свѣта, потому что галицкая (австрійско-польская) администрація, которая тогда только что начала борьбу у себя съ украинскимъ и польскимъ соціалистическимъ движеніемъ, арестовала лицъ, которымъ было поручено печатаніе, и захватила самыя брошюры, хотя онѣ ничѣмъ не трогали, ни Австріи, ни Галиціи. Это было вовсе не непредвидимое и не необходное препятствіе.[1] Но оно было причиною, почему статья „Ближайшія задачи земства“ напечатана была только въ 1883 г. въ 56 №-рѣ „Вольнаго Слова“, когда (только!) намъ былъ доставленъ единственный спасенный ея экземпляръ („Земскій голосъ изъ недавняго времени“).

Самыя замѣчательныя мѣста въ этой статьѣ: критика отвѣтовъ харьковскаго и полтавскаго земства на правительственное обращеніе 1878 г. и программа. Выписавъ обѣщаніе упомянутыхъ отвѣтовъ „вырвать съ корнемъ пропаганду“ и проч., авторъ говоритъ: „Мы думаемъ, что полтавское и харьковское земства стали на ложный путь. Какія конституціонныя блага мы посулимъ русскому народу, когда напередъ обязуемся душить идеи и истреблять людей, ими живущихъ?“ Программу же земства авторъ излагаетъ такъ: „Въ настоящую минуту земство должно написать на своемъ знамени три положенія: свобода слова и печати, гарантіи личности и созывъ Учредительнаго Собранія.“[2]

Послѣ неудачнаго опыта кіевской Лиги во Львовѣ, только въ августѣ 1881 года „Земскій Союзъ“ приступилъ къ изданію своего органа „Вольное Слово“ въ Женевѣ. Первоначальная редакція этой газеты стояла на пути кіевской Лиги, а именно рядомъ съ

---

[1] Мысль печатанія либеральныхъ публикацій для Россіи въ Галиціи — очень счастливая, но въ то время тамъ еще не сложились дальновидныя и достаточно вліятельныя группы украинскія и польскія, которыя помогли бы такому дѣлу, прямо полезному для ихъ соплеменниковъ въ Россіи. Теперь едва начинаютъ онѣ слагаться.

[2] Этотъ терминъ „Учредительное Собраніе“, болѣе абстрактно радикальный, чѣмъ практическій по данному времени, вошелъ потомъ въ программу „Народной Волп“. Авторъ статьи „Ближайшія задачи земства“ самъ такъ радикаленъ, что настаиваетъ именно на Учредительномъ Собраніи, предлагая земству „отвергнуть всякую конституцію, данную сверху“ — какъ „конституціонную комедію“.

пропагандой идей земскаго самоуправленія, она имѣла въ виду помогать опубликованію идей всѣхъ оппозиціонныхъ направленій въ Россіи, кромѣ террористическаго, т. е. собственно принципіальнаго терроризма, такъ какъ „Вольное Слово“ смотрѣло на политическія убійства (не совсѣмъ точно называвшіяся терроризмомъ, такъ какъ терроръ французскихъ якобинцевъ былъ системою извѣстнаго правительства, а не заговорщиковъ), какъ на естественное послѣдствіе извѣстной правительственной системы и признакъ общественнаго раздраженія противъ нея,[2] но не какъ на цѣлесообразный способъ политической борьбы. Въ 1882 г. обострился еще одинъ мотивъ къ раздѣленію между „Вольнымъ Словомъ“ и русскими революціонными кружками, такъ какъ въ это время въ „Народной Волѣ“ окончательно воспреобладало направленіе „якобинское“ — централистическое и даже диктаторіальное (см. „Нар. Воля“, №№ 8—9 и нашу статью „Нар. Воля‘ о централизаціи революціонной борьбы въ Россіи“, „В. Сл.“, №№ 37—38 и выше стр. 391), которое рѣшительно пошло въ разрѣзъ съ земскими стремленіями къ самоуправленію.[2] Изъ другихъ направленій

---

[1] Ср. выше слова Тверского земства.

[2] Каковы были политическія идеи у разныхъ лицъ и въ кружкахъ, группировавшихся около „Исполнительнаго Комитета Народной Воли“, остается и до сихъ поръ недостаточно выясненнымъ. О существованіи различій между федералистами и централистами въ самомъ Исполнительномъ Комитетѣ до 1-го марта 1881 г. есть указаніе въ письмѣ къ намъ Желябова („В. Сл.“, № 39 и выше стр. 413), а въ книгѣ г. Тихомирова (La Russie politique et sociale, I изд., 281, 440) есть намеки на коренныя различія между „террористами“ и якобинцами, которыхъ і. Тихомировъ называетъ собственно „народовольцами“. Необходимо замѣтить, что съ якобинизмомъ, который въ комбинаціи съ соціализмомъ проповѣдывался въ 60-е годы въ „Мол. Россіи“, въ 70-е гг. въ „Набатѣ“ и послѣ 1 марта 1881 г. воспреобладалъ въ „Нар. Волѣ“ (по 1883 г. и потомъ перешелъ въ заграничный „Вѣстн. Народ. Воли“), случилось у насъ недоразумѣніе, едва ли еще не большее, чѣмъ съ „терроризмомъ“. Французскіе якобинцы 1792—93 гг. вовсе не были заговорщиками, „захватившими власть“ посредствомъ coup d'état въ деспотическомъ государствѣ, но партіей, которая организовалась уже при существованіи въ странѣ значительной свободы (со времени самого призыва къ états généraux въ 1788 г.) и которая имѣла за собою большинство въ національномъ конвентѣ, каковой былъ созванъ предыдущимъ законодательнымъ собраніемъ и представлялъ законное правительство страны. Какъ только якобинцы, диктатура которыхъ, надо помнить, объяснялась еще и военнымъ положеніемъ, потеряли поддержку этого большинства, между прочимъ черезъ попытки на coups d'état, то потеряли и власть, послѣ чего coups d'état удался уже ген. Бонапарту и тѣмъ только якобинцамъ, которые къ нему пристали. Въ русскихъ революціонныхъ кружкахъ недавняго времени якобинство имѣло себѣ источникомъ, кромѣ авторитарныхъ стремленій, свойственныхъ извѣстной части русскаго населенія, особенно столичнаго, своего рода компромиссъ новѣйшаго политическаго революціонизма съ остатками стараго народничества, которые не могли разстаться съ вѣрою въ непосредственное осуществленіе соціалистическаго идеала. Такъ какъ иллюзію о соціалистическомъ большинствѣ въ русскомъ народномъ собраніи, которая сначала излагалась въ „Нар. Волѣ“, трудно было под-

въ русскомъ соціалистическомъ движеніи даже довольно широко представлено было въ „Вольномъ Словѣ“ 1881—1882 г. направленіе соціально-демократическое, заграничные публицисты котораго не задолго передъ тѣмъ издавали „органъ соціалистовъ-федералистовъ“ („Черный Передѣлъ“). Но съ теченіемъ времени обнаружилась невозможность согласія между земскимъ самоуправленствомъ и чернопередѣльской соціалдемократіей, которая все больше принимала антилиберальный и централистическій характеръ (см. особенно въ 34 и 35 №№ „Письма о рабочемъ движеніи“ и „Замѣтку отъ редакціи“). Чернопередѣльская соціалдемократія была устранена изъ „Вольнаго Слова“, и газета приняла болѣе цѣльное направленіе, объявивъ себя прямымъ органомъ „Общества Земскаго Союза и Самоуправленія“ (см. передовую статью въ № 37, 15 мая 1882 г.). Она, впрочемъ, продолжала давать мѣсто голосамъ разныхъ направленій (даже въ защиту „террористовъ“, см., напр., въ № 38 „Наканунѣ терроризма“, ср. раньше въ № 10 „Замѣтка о взаимномъ отношеніи нарождающихся въ Россіи партій“) и много посвящала мѣста соціальному вопросу, слѣдя за разнородными проявленіями его въ Европѣ и Америкѣ (напр., здѣсь сдѣлано было первое на русскомъ языкѣ довольно обширное изложеніе ученія Генри Джоржа о націонализаціи земли) и выражая сочувствіе тѣмъ изъ соціалистическихъ направленій, которыя хотятъ разрѣшенія соціально-экономическихъ вопросовъ на почвѣ гражданской свободы и самоуправленія.

Въ концѣ-концовъ, впрочемъ, опытъ изданія земскаго органа въ видѣ „Вольнаго Слова“ нельзя признать удачнымъ, хотя бы уже потому, что собственно

держивать, а признать, что при политической свободѣ приложеніе къ жизни идей соціализма будетъ зависѣть отъ сознательной борьбы разныхъ классовъ на почвѣ самоуправленія, т. е. отъ медленной и болѣе или менѣе законной агитаціи, было довольно тяжело для многихъ „народниковъ-революціонеровъ“, то оставалось только ухватиться за новую иллюзію предварительнаго соціально-экономическаго преобразованія Россіи посредствомъ революціонной диктатуры, а потомъ уже созванія народнаго собранія. Эту иллюзію можно было бы оставить совсѣмъ безъ возраженій, если-бъ она не поддерживала въ извѣстныхъ кругахъ, особенно у молодежи, авторитарно-бюрократическихъ идей и не открывала даже возможности примиренія разнаго рода народниковъ-якобинцевъ съ существующимъ царско-бюрократическимъ строемъ, какъ только наступило бы у нихъ разочарованіе въ вѣрѣ въ абсолютизмъ революціонный.

земскіе матеріалы стали поступать въ редакцію правильно только съ конца 1882 г., а въ маѣ 1883 г. изданіе было уже прекращено.

Не могутъ либеральные земцы похвалиться своею энергіей и въ дѣлѣ организаціи законно-либеральнаго движенія въ земскихъ и дворянскихъ собраніяхъ въ Россіи.

Достаточно было правительству припугнуть земскій либерализмъ высылкою нѣсколькихъ человѣкъ (и то „въ мѣста не столь отдаленныя“) и даже выговорами, чтобы цѣлые планы о заявленіяхъ, напр., даже противъ административной ссылки, оставлялись въ карманахъ. Наконецъ, нѣкоторые земцы и даже цѣлыя собранія, которыя просили общеземскаго представительства для борьбы съ крамолой, доводили оппортюнизмъ не только за предѣлы морали, но и за предѣлы политической дальновидности и даже простого разумѣнія общественныхъ явленій, такъ какъ русское правительство называетъ крамолой и соціальное движеніе вообще, и политическія убійства въ частности и все это окрещиваетъ именемъ анархизма. Между тѣмъ соціальное движеніе теперь неизбѣжно во всякой европейской странѣ, и, чѣмъ болѣе и чѣмъ давнѣе страна свободна, тѣмъ болѣе оно имѣетъ мирный характеръ и наоборотъ; политическія же убійства или представляютъ явленія случайныя, которыя могутъ быть вездѣ (покушеніе Пассананте на короля Гумберта), или же, если становятся систематическими, какъ въ Россіи, то именно вслѣдствіе гнета и жестокостей правительства. Неизбѣжными теперь стали и проявленія соціальнаго терроризма (они собственно существовали отъ вѣка, только теперь для нихъ придумана ново-анархическая теорія), и, если въ Россіи продлится теперешній порядокъ, то они станутъ многочисленнѣе и сознательнѣе.[1]

Г. Кеннанъ говоритъ со словъ своихъ знакомыхъ земскихъ либераловъ: „нельзя было ничего достигнуть мирнымъ способомъ, если террористы стали бы

[1] Пока толки извѣстной части русскихъ революціонеровъ, какъ напр., „Молодыхъ Народовольцевъ“, о фабричномъ и аграрномъ терроръ (см. „Процессъ 21-го“, Женева, 1888, стр. 17—18) остаются разговорами.

продолжать раздражать и тревожить правительство угрозами и актами насилія." Но именно въ такой постановкѣ вопроса и была вся ошибка земскихъ либераловъ: нужно было принять дѣйствительность, какъ она есть: и съ даннымъ правительствомъ, и съ террористами, и построить свой планъ дѣйствій при этихъ условіяхъ, на всякій случай, и при этомъ планъ дѣйствій, какъ мирныхъ, такъ и военныхъ. Собственно вполнѣ „мирныхъ способовъ" у либерализма въ Россіи и быть не можетъ, такъ какъ всякое заявленіе объ измѣненіи высшаго управленія у насъ запрещено законами. Земскіе либералы должны были рѣшительно переступить черезъ это запрещеніе и хоть этимъ показать свою силу и передъ правительствомъ, и передъ террористами. Такъ какъ земскіе либералы такой силы не показали, то имъ довелось дожить до намѣренія правительства уничтожить даже обрѣзанныя уже земскія учрежденія и возвратить Россію къ николаевскимъ порядкамъ. Земскимъ либераламъ приходится теперь или помириться съ этимъ уничтоженіемъ и принять самимъ только „выжидательное положеніе" или же остановить правительство на гибельномъ для Россіи пути. Но въ настоящее время у нихъ остался только одинъ вполнѣ легальный путь: личныя заявленія императору или хоть членамъ государственнаго совѣта, которые захотятъ способствовать открытію царскихъ глазъ. Конечно, и этимъ путемъ можно достигнуть кой-какихъ результатовъ, впрочемъ, развѣ только чисто отрицательныхъ, напр., сохраненія status quo, да и то только при условіи, если этотъ пріемъ будетъ импонировать числомъ личностей. Но и для этого надобны энергія и сговоръ, а слѣдовательно и извѣстный рискъ.[1]

[1] Вся наша статья была набрана, когда въ заграничныхъ изданіяхъ стали появляться вѣсти, что Толстовскіе проекты встрѣтили чуть ли не единодушную оппозицію въ государственномъ совѣтѣ и по всей вѣроятности отвергнуты будутъ и государемъ. (??) Еслибы такъ и было, то это отнюдь не можетъ успокоить даже самыхъ умѣренныхъ сторонниковъ однихъ земскихъ учрежденій даже въ ихъ теперешнемъ видѣ. Вѣдь практика 25 лѣтъ показала, что даже примѣненіе Положенія 1864 г. невозможно при существующей общей системѣ администраціи и правительства въ Россіи, не говоря уже о томъ, что практика эта показала и недостатки самаго этого Положенія и необходимость измѣненій въ немъ въ болѣе демократическомъ и либеральномъ духѣ. Гдѣ ручательства, что эти измѣненія будутъ сдѣланы, даже еслибы гр. Дм. Толстой и счелъ нужнымъ выйти въ отставку, когда нѣтъ ручательствъ даже на то, что его не замѣнитъ какой-нибудь новый гр. Ва-

Коллективныя же заявленія въ собраніяхъ теперь меньше чѣмъ когда-нибудь, возможны безъ сговора и рѣшимости „выйти изъ легальности, чтобы вступить въ право", т. е. просто не слушаться ни губернаторскихъ, ни предводительскихъ остановокъ преній, для чего надо, чтобы земцы хоть нѣсколькихъ губерній, которымъ придется открыть кампанію, не побоялись, по крайней мѣрѣ, административной ссылки.[1] Достанетъ ли теперь у земцевъ на это рѣшимости? — вотъ въ чемъ вопросъ! Пока, исторически обозрѣвая прошлое, мы должны сказать, что такихъ качествъ, какъ рѣшимость, у земскихъ либераловъ не было.

Эта, какъ и большая часть другихъ отмѣченныхъ выше слабостей нашего земскаго либерализма, можетъ быть объяснена недостаточнымъ количествомъ въ земскихъ кругахъ молодыхъ элементовъ радикальнаго направленія. А это объясняется въ свою очередь тѣмъ, что съ самыхъ 60-хъ годовъ, а особенно съ 70-хъ, наша молодежь выступала на политическую борьбу слишкомъ въ юномъ возрастѣ, прежде чѣмъ успѣвала получить спеціальное образованіе, а тѣмъ болѣе профессіональное положеніе, а также и тѣмъ, что въ нашихъ радикальныхъ кругахъ вопросы собственно политическіе (государственно-административные) не пользовались вниманіемъ и даже вовсе отрицались для вопросовъ соціально-экономическихъ, которые одни считались народными, при чемъ эти послѣдніе вопросы представлялись у насъ какъ-то внѣ реальныхъ государственно-административныхъ учрежденій. Вотъ почему наши радикалы-народники не только не думали входить въ земство, но даже мало интересовались тѣмъ, что въ немъ дѣлается и думается.

Съ нѣкотораго времени это положеніе начинаетъ

луевъ, Тимашевъ, Маковъ?... По всему этому земскій вопросъ и даже вопросъ о земскихъ учрежденіяхъ 1864 г., остается во всякомъ случаѣ все въ томъ-же положеніи, какое мы имѣли въ виду, составляя нашу статью.

[1] Г. Лёруа Больё сообщаетъ, что г. Гордѣенка и другихъ предположено было въ Петербургѣ выслать въ Сибирь и что только гр. Лорисъ-Меликову удалось остановить эту мѣру (op. cit. 225). Не знаемъ, насколько вѣрно это свѣдѣніе, очевидно, полученное „отъ одного бывшаго министра". Неизвѣстно и то, сколько земцевъ поплатилось до сихъ поръ за либерализмъ, кромѣ г. Петрункевича, высланнаго изъ Черниговской въ Костромскую губернію. Слухи, которые ходили о г. Винбергѣ изъ Таврической губерніи и г. Костливцевѣ изъ Новгородской, неясны.

измѣняться, и теперь не рѣдко приходится слышать толки о необходимости сближенія радикаловъ съ „обществомъ“, а слѣдовательно и съ земцами, которые представляютъ его наибольшую и наиболѣе независимую отъ службы часть, сближенія съ цѣлью совмѣстнаго добыванія политической свободы, къ признанію необходимости которой жизнь привела, хотя и разными дорогами, народниковъ-радикаловъ, какъ и земцевъ. Это большой шагъ впередъ, который безплодно не пропадетъ. Но съ своей стороны мы опасаемся, какъ бы и это „хожденіе“ въ общество и земство не привело къ разочарованію, подобному тому, какое послѣдовало за хожденіемъ въ народъ, — опасаемся, что въ настоящихъ нашихъ общественно-земскихъ кругахъ найдется только сознаніе необходимости и формъ политической свободы, но мало силъ, способныхъ на немедленную дѣятельную борьбу за нее, такъ что можетъ оказаться, что нашимъ активнымъ радикаламъ собственно и сближаться будетъ не съ кѣмъ. Если это такъ, то нашимъ младшимъ поколѣніямъ радикальнаго направленія самимъ надо будетъ стать людьми общества и земцами и активными либералами. Это, конечно, замедлитъ установленіе въ Россіи политической свободы, но въ нашъ вѣкъ, когда общественное сознаніе растетъ ускоренно, это замедленіе не можетъ быть слишкомъ продолжительнымъ. Правда, теперь всякое замедленіе можетъ подвергнуть нашу страну большимъ бѣдствіямъ, но общества и народы неизбѣжно несутъ наказанія за свою слабость, невѣдѣніе и ошибки. Не подлежитъ сомнѣнію, что и эти наказанія пойдутъ Россіи въ прокъ, и тогда, какова-бы ни была судьба теперешнихъ земскихъ учрежденій, но общественное мнѣніе въ Россіи станетъ, конечно, съ большей энергіей вновь на ту точку, на которую стали либеральныя дворянскія собранія 1858—1862 гг. и земскія — въ 1879—1883 гг.

Суженаго конемъ не объѣдешь!

Если теперешнія земскія учрежденія будутъ отмѣнены, то либеральныя требованія появятся опять въ дворянскихъ собраніяхъ, какъ въ 1858—1862 гг.; если

же земства, переживутъ нынѣшній кризисъ, то, спустя извѣстное время, онѣ опять „сдѣлаются, — говоря языкомъ московской реакціонной газеты, — театромъ конституціонныхъ сатурналій“, какъ въ 1879—1883 гг.

Въ началѣ настоящаго очерка мы сказали, что либеральное движеніе въ Россіи растетъ по неотразимымъ законамъ исторіи. Факты, которые мы изложили выше, показываютъ, что Россія вступаетъ въ періодъ, подобный тому, который прошла, напр., Франція передъ 1788 г. и Пруссія передъ 1847 г. и который долженъ кончиться въ томъ же родѣ, въ какомъ онъ кончился въ названныхъ странахъ, т. е. политической реформой. Это должно произойти, какъ вслѣдствіе связей Россіи съ Западной Европой, такъ и по ходу внутренняго развитія Россіи. Нѣтъ ничего неправильнѣе противопоставленія Россіи Западу, которое есть въ сущности отголосокъ односторонняго, исключительно вѣроисповѣднаго взгляда на жизнь и исторію. Даже если забыть цѣлую западную половину Россіи (отъ Новгорода до Украйны), имѣвшую всегда столько соприкосновеній и аналогій съ Западной Европой, а остановиться на одномъ Московскомъ государствѣ, котораго учрежденія стали теперь рамкой для политической жизни всего населенія Россійской имперіи, то увидимъ, что учрежденія эти, при всѣхъ своихъ мѣстныхъ отличіяхъ, принадлежатъ къ типамъ, общимъ всѣмъ большимъ европейскимъ континентальнымъ государствамъ христіанской эпохи. Во главѣ всѣхъ этихъ государствъ мы видимъ сначала монарха, окруженнаго различной силы совѣщательными земскими элементами, потомъ монарха самодержавнаго, окруженнаго исходящею изъ него бюрократіей, а, наконецъ, постепенную атрофію монархически-бюрократическаго элемента передъ земскимъ выборнымъ, который самъ все болѣе демократизируется. Главное отличіе исторіи московскаго строя отъ исторіи родственныхъ ему европейскихъ вовсе не качественнаго характера и состоитъ лишь въ относительной отсталости видоизмѣненій его, которая объясняется

запоздалостью появленія Московскаго государства на исторической сценѣ.

Сопоставленіе хронологическихъ данныхъ политической исторіи Московскаго государства и, напримѣръ Франціи, съ которой оно наиболѣе сходно, такъ поучительно, что мы считаемъ нужнымъ даже и въ этомъ краткомъ очеркѣ напомнить нѣсколько крупнѣйшихъ изъ этихъ данныхъ.

Выдѣленіе Франціи изъ Каролингскаго конгломерата въ 843 г.
Выдѣленіе Владимірско-Московскаго княжества изъ старо-русской политической системы около . . . . . „ 1243 г.

разница на 400 л.

Окончательное сложеніе Etats Généraux во Франціи „ 1302 г.
Первый Земскій Соборъ въ Московскомъ государствѣ . „ 1550 г.

разница на 248 л.

Послѣднее собраніе Etats-Généraux . . . . . „ 1614 г.
Послѣдній Земскій Соборъ „ 1698 г.

разница на 84 г.

Попытка созванія Etats-Généraux во время Фронды въ 1649—1651 гг.
Попытка ограниченія самодержавія императрицы Анны „ 1730 г.

разница на 79 л.

Такъ какъ разстояніе между этапами политической жизни Франціи и Россіи съ каждымъ изъ нихъ сокращается, то французскому собранію новыхъ Etats Généraux въ 1789 г. давно уже должно было бы соотвѣтствовать созваніе новаго Земскаго Собора въ Россіи. Это не случилось до сихъ поръ только вслѣдствіе нѣкоторыхъ условій и усложненій положенія Россіи съ XVIII в. и между прочимъ вслѣдствіе своеобразнаго отраженія на ней европейскихъ событій.

Во первыхъ Московское царство съ конца XVII в., послѣ присоединенія къ нему Малороссіи, пріобрѣло слишкомъ скоро на югѣ и западѣ обширныя области съ разнообразнымъ населеніемъ и учрежденіями.[1] Области эти не могли быть скоро приведены къ политическому единству инымъ способомъ, кромѣ въ началѣ диктаторіальнаго, съ извѣстными уступками мѣстнымъ земскимъ элементамъ (казакамъ и пр. въ Малороссіи, феодаламъ и отчасти городамъ въ Балтійскомъ краѣ), а потомъ съ дальнѣйшимъ развитіемъ государственнаго объединенія централизаціей бюрократической. Позже всѣхъ пріобрѣтенная область, — Царство Польское, уже въ эпоху европейскаго либерализма, присоединена была даже въ видѣ особаго конституціоннаго государства, какъ не задолго передъ тѣмъ и Финляндія, но не будучи такъ отрѣзана отъ остальной Россіи и географіей, и этнографіей, она подошла, наконецъ, подъ общее диктаторіально-бюрократическое ярмо. Между тѣмъ пока разныя области Россіи находились на различномъ положеніи, при чемъ новыя области пользовались многими привилегіями, въ Россіи не могла выработаться солидарная оппозиція самодержавію; сепаратистическія же стремленія въ какой-нибудь изъ нихъ вызывали въ области центральной реакцію въ пользу этого самодержавія, подъ управленіемъ котораго области эти были пріобрѣтены.

Къ сказанному надо прибавить, что самое превосходство въ цивилизаціи западной половины Россіи надъ Великороссіей, было причиною того, что западнымъ людямъ открывалась карьера при центральномъ правительствѣ, которая отвлекала ихъ отъ мѣстныхъ дѣлъ и привязывала ихъ къ этому правительству и его формѣ. Вспомнимъ, что во время попытки ограничить самодержавіе императрицы Анны, либералами явились вельможи-великоруссы, тогда какъ малороссы-духовные и нѣмцы-чиновники стали на сторону самодержавія.

---

[1] Въ этомъ пріобрѣтеніи дѣйствовала какъ экспансивная сила русскаго государства, такъ еще больше слабость сосѣднихъ державъ, вслѣдствіе національно-сословныхъ антагонизмовъ по всей полосѣ отъ Финляндіи до Чернаго моря.

Запоздавши такимъ образомъ и застоявшись въ фазѣ самодержавія долѣе, чѣмъ слѣдовало, по ходу внутренняго процесса развитія, Россія XVIII в. попала въ такое отношеніе къ западной Европѣ, что даже сближеніе ея съ этой послѣдней должно было замедлить ее еще болѣе въ самодержавномъ періодѣ. Неограниченное царство сложилось въ Россіи тогда, когда западная Европа вступила въ періодъ такъ называемаго „просвѣщеннаго деспотизма“, а такъ какъ въ добавокъ судьба послала россійскому самодержавію талантливаго человѣка въ лицѣ Петра Великаго, то самодержавіе это стало въ Россіи на извѣстное время идеаломъ именно наиболѣе образованныхъ людей. Другая талантливая личность на русскомъ тронѣ, Екатерина II, рѣшилась даже на такую демонстрацію передъ „просвѣщеннымъ“ вѣкомъ, какъ созваніе подобія земскаго собора въ 1767 году (т. е. за 22 года раньше французскаго собранія 1789 г.), не опасаясь за цѣлость своего деспотизма. Но вскорѣ затѣмъ западныя европейскія страны абсолютно монархическаго строя, успѣвши извѣриться въ надеждахъ на деспотизмъ, даже просвѣщенный, стали стремиться къ общественному самоуправленію, принципы котораго ясно и были поставлены во французскомъ національномъ собраніи 1789—1791 гг. Русское самодержавіе увидѣло въ этомъ угрозу и себѣ и съ той поры стало отказываться отъ исполненія всякихъ прогрессивныхъ обязанностей, какъ старой, военно-религіозной монархіи, такъ и новой, философской.

Между тѣмъ одно изъ отличій Московскаго царства отъ западно-европейскихъ монархій состояло какъ разъ въ томъ, что въ послѣднихъ монархизмъ помогалъ освобожденію массъ народа отъ феодальной аристократіи и почти окончилъ эту работу передъ началомъ освободительнаго періода, тогда какъ въ Московіи и потомъ въ Россіи XVIII в., именно въ самодержавно-монархическій періодъ, крестьянство было закрѣпощено духовенству и служилому дворянству. Обстоятельство это должно быть объяснено колонизаціонными и военными отношеніями въ Восточно-европейской равнинѣ, гдѣ, напр., Московское царство XVI—XVII в.,

будучи, по политическому возрасту, ровесникомъ Франціи при королях Валуа, въ упомянутыхъ отношеніяхъ соотвѣтствовало Франкскому государству при Меровингахъ и Каролингахъ, вотъ почему основа феодализма, — раздача земель служилымъ людямъ, со всѣми послѣдствіями ея, продолжалась въ Московіи и Россіи даже до XIX в., да въ иныхъ формахъ, тянется и до нашего времени.[1] Съ устройствомъ войска на ново-европейскій ладъ, а также подъ вліяніемъ идей „просвѣщеннаго“ вѣка, и россійское самодержавіе готово было (при Екатеринѣ II) взяться за освобожденіе крестьянъ, но натолкнувшись на новѣйшее европейское освободительное движеніе, самодержавіе это испугалось и сдѣлалось консервативнымъ по всѣмъ пунктамъ. Въ этомъ консерватизмѣ укрѣплено было оно еще и прямымъ вліяніемъ западнаго легитимизма, который внушалъ русскимъ самодержцамъ идею объ ихъ всемірномъ противореволюціонномъ призваніи.

Въ императорѣ Николаѣ мы видимъ характернѣйшее совмѣщеніе стараго византійско-московскаго царизма, оправленнаго въ новыя версально-потсдамскія формы, съ новѣйшимъ контръ-революціоннымъ диктаторствомъ. Въ теченіе 30 лѣтъ парализируя во всѣхъ направленіяхъ развитіе Россіи, система Николая I постепенно обличила свою несостоятельность, сначала передъ наиболѣе образованными людьми, а наконецъ и передъ всѣми, сколько-нибудь думавшими практиками. Послѣ этого обличенія можно было ожидать, что самодержавіе въ Россіи быстро уступитъ мѣсто общественному самоуправленію, но именно объясненное выше замедленіе пребыванія Россіи въ этапѣ самодержавія, совпавши съ новымъ прогрессомъ Западной Европы, было причиною новыхъ условій для дальнѣйшей запинки Россіи въ этомъ же этапѣ.

Около 1848 г. въ Западной Европѣ прогрессивныя партіи раздѣлились на умѣренно либеральныя и радикальныя, отъ которыхъ въ свою очередь стали отдѣляться фракціи соціалистическія, при чемъ нѣкоторыя

[1] Что форма правленія тутъ играла второстепенную роль, видно и изъ того, что закрѣпленіе крестьянъ росло въ XV—XVIII в. и въ полуреспубликанской Польшѣ съ Литвой.

изъ послѣднихъ, по реакціи старымъ сословно-либеральнымъ партіямъ, стали было даже склоняться къ диктаторіальнымъ идеямъ и даже къ союзу съ цезаризмомъ. Всѣ эти раздѣленія пустили свои отголоски и въ Россіи и при томъ даже раньше, чѣмъ ходъ жизни создалъ реальную подкладку для этихъ раздѣленій. А такъ какъ въ Россіи, при наслѣдникѣ Николая I, подвинутомъ къ реформамъ послѣ неудачной войны, начатой Николаемъ, должно было возродиться даже поклоненіе „просвѣщенному“ деспотизму, то упомянутыя раздѣленія оказались какъ нельзя болѣе на руку обсолютизму, какъ это и показываютъ многія данныя настоящаго очерка.

Но изъ этого же очерка видно, что въ послѣдніе годы сама жизнь въ Россіи успѣла обнаружить, какъ неосновательность надеждъ на „просвѣщенный“ деспотизмъ, такъ и необходимость политической свободы для радикально-демократическаго и соціалистическаго движенія, и сдѣлать либерализмъ непремѣннымъ догматомъ для всякаго послѣдовательнаго русскаго прогрессиста, какъ и для всякаго сознательнаго сторонника даже внѣшняго благоустройства страны. Такимъ образомъ теперь подкопаны однѣ изъ послѣднихъ указанныхъ выше идейныхъ препятствій къ торжеству либерализма въ Россіи. Остается лишь, чтобы ослабѣли племенные антагонизмы и чтобы у передовыхъ людей разныхъ племенъ Россіи выработалось сознаніе необходимости солидарнаго дѣйствія для преобразованія ея политическаго строя къ общему благу. Большимъ пріобрѣтеніемъ послѣдняго времени, дающимъ надежду на благопріятный исходъ также и племенного вопроса слѣдуетъ счесть то обстоятельство, что либеральное движеніе въ русскихъ земствахъ поставило отчетливо мѣстное самоуправленіе важнѣйшею частью своихъ требованій.

Если теперь всѣ образованные люди разныхъ племенъ населенія Россіи усвоятъ себѣ безповоротно и послѣдовательно начала, лежащія въ основѣ русскаго земскаго движенія и предлагаемыя въ осязательной формѣ, — а именно, требованія неприкосновенности основныхъ правъ лица и мѣстнаго

самоуправленія, обезпеченныхъ самоуправленіемъ государственнымъ, тогда главная часть работы добыванія для Россіи политической свободы будетъ сдѣлана.

Нечего смущаться теперешней матеріальной слабостью либерализма въ Россіи и огромными силами въ распоряженіи самодержавія. Матеріальными силами, конечно, пренебрегать нельзя и либерализму нашему надо пріобрѣтать ихъ во всѣхъ элементахъ населенія Россіи: въ такъ называемъ „обществѣ“ и „народѣ“, среди „рабочихъ“ и въ арміи. Но матеріальная сила въ вопросахъ внутренней политики далеко не все и даже не главное. Въ наши времена сочувственная, или, по крайней мѣрѣ, нейтральная нравственная атмосфера есть необходимое условіе для дѣйствія всякаго политическаго строя; лишенный ея всякій политическій порядокъ задыхается и падаетъ при малѣйшемъ толчкѣ и даже безъ него. Такъ палъ королевскій абсолютизмъ во Франціи не 14 іюня 1789 года, когда толпа парижанъ осадила Бастилію, а еще раньше вслѣдствіе общественнаго сознанія, которое поставило на уста каждаго образованнаго француза слова: Etats Généraux, созваніе которыхъ было рѣшено еще лѣтомъ 1788 г. послѣ волненій въ нѣсколькихъ провинціяхъ и заявленій земскаго собранія (états) въ Дофине по поводу реформы судебныхъ палатъ (парламентовъ). Такъ прусскій абсолютизмъ палъ не вслѣдствіе борьбы на улицахъ Берлина 18—19 марта 1848 г. (которая вспыхнула случайно и по поводу вопроса второстепеннаго — національной гвардіи), а уже въ 1847 г., когда король-реакціонеръ подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, выражающагося, между прочимъ, и въ требованіяхъ провинціальныхъ земскихъ собраній (Provinzialstände), созвалъ объединенное ихъ собраніе (der vereinigte Landtag по патенту 3 февраля 1847 г.). Сами 12—14 іюля въ Парижѣ и 18 марта въ Берлинѣ только потому и были возможны, что окружавшая уже правительства нравственная атмосфера не позволила имъ употребить противъ столичныхъ возстаній матеріальную силу, которой у этихъ правительствъ было еще достаточно. 13 марта 1848 года австрійское

правительство, застарѣлое въ реакціи, поддалось собственно горсти вѣнскаго населенія, которая приступила къ нему съ требованіями отставки Меттерниха и объявленія политическихъ вольностей, потому что Меттернихъ и вся его система были уже нравственно убиты въ общественномъ сознаніи, которое проникло и въ старомодныя провинціальныя земства (Landtage). Да и раньше уличныхъ волненій въ Вѣнѣ правительство уже уступало въ главномъ пунктѣ, такъ какъ уже 12-го марта послѣ либеральныхъ адресовъ (промышленнаго общества, юридическо-политической читальни и студенческаго, переданнаго профессорами) и въ виду адреснаго проекта либераловъ нижнеавстрійскаго земскаго собранія (о созывѣ общаго земскаго представительства, отмѣнѣ цензуры и пр.) правительство составило рескриптъ, которымъ обѣщало подобное представительство.

Бонапарты нашли силу обстрѣливать Парижъ, а Габсбурги — Вѣну, Гогенцоллерны возвратили войска свои въ Берлинъ, когда въ общественномъ мнѣніи обнаружились раздѣленія, но единодушное отрицаніе стараго порядка и отчетливое требованіе новыхъ учрежденій, вполнѣ ясно сознаваемыхъ общеѣствомъ, всегда обезоруживало самыя реакціонныя правительства.

Женева 28 ноября 1888 г.

Прибавленіе

къ польскому переводу статьи „Земскій либерализмъ въ Россіи.[1]

Я очень благодаренъ редакціи „Kurjera Lwowskiego“ за изданіе польскаго перевода этой моей работы. О ней самой я не особенно высокаго мнѣнія, но несмотря на это я считаю чрезвычайно важнымъ знаменіемъ времени тотъ фактъ, что польская газета взялась за изданіе работы, трактующей объ одномъ изъ процессовъ внутренней жизни Россіи. Какова бы ни была судьба русскихъ земствъ въ ближайшіе годы, всетаки эти земства благодаря своей преданной работѣ на пользу народнаго и мѣстнаго благосостоянія оставятъ по себѣ воспоминаніе, какъ объ одномъ изъ самыхъ симпатичныхъ проявленій общественной жизни въ Россіи. Не будутъ забыты также и проекты земствъ относительно административной и даже политической реформы. Не надо быть пророкомъ, чтобы предвидѣть, что дальнѣйшій прогрессъ Россіи во всякомъ случаѣ начнется съ той точки, до которой дошли земства, и выразится въ осуществленіи тѣхъ проектовъ, которые были выработаны земствами, несмотря на всѣ помѣхи, которыя имъ дѣлало правительство.

Это одно уже должно обратить вниманіе на русскія земства и за предѣлами Россіи. Отчасти это уже и и имѣетъ мѣсто въ англійской и французской прессѣ, изъ которыхъ послѣдняя можетъ похвалиться такимъ трудомъ, какъ неоднократно цитируемое нами сочиненіе Анатоля Леруа-Болье „L'empire des Tzars et les

[1] Это прибавленіе къ польскому переводу статьи „Земскій либерализъ въ Россіи“, который былъ сдѣланъ извѣстнымъ галицко-украинскимъ писателемъ, Иваномъ Франкомъ, было напечатано вмѣстѣ съ переводомъ самой статьи сперва въ газетѣ „Kurjer Lwowski“, а затѣмъ отдѣльной брошюрой подъ заглавіемъ: „Z dziejow liberalizum w Rosji“. przez M. Dragomanowa, Lwow 1889. Для нашего изданія мы перевели его на русскій языкъ. Прим. ред.

russes". Хотя это и можетъ показаться страннымъ, но внутреннія дѣла Россіи и въ томъ числѣ земства обратили на себя гораздо меньше вниманія въ прессѣ и обществѣ въ Германіи и Австріи даже въ средѣ славянъ. А, между тѣмъ, это должно было быть наоборотъ, не только вслѣдствіе близкаго сосѣдства, но еще больше вслѣдствіе того, что въ числѣ народовъ Россіи есть также нѣмцы, поляки и русины-украинцы. Нечего удивляться прессѣ австрійскихъ русиновъ, принявъ во вниманіе ея общее политическое дѣтство. Что же касается того, что нѣмецкая и польская пресса обращаетъ мало вниманія на внутреннія дѣла Россіи и въ томъ числѣ на общественно-цивилизаторскую работу земствъ и на тѣ политическіе процессы, которые развивались въ ихъ средѣ, то на это должны быть какія то спеціальныя причины.

Самыя важныя изъ этихъ причинъ заключаются, по нашему мнѣнію, въ томъ обособленномъ положеніи (Sonderstellung) балтійскихъ нѣмцевъ и поляковъ въ Россіи, которое явилось слѣдствіемъ ихъ исторіи. Балтійскія провинціи, а также нынѣшнее Царство Польское были присоединены къ Россіи въ то время, когда коренныя русскія провинціи (кромѣ Малорусской Гетьманщины, автономной въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ еще до половины XVIII ст.), были лишены какого бы то ни было мѣстнаго представительства и автономіи, если не считать дворянскихъ привилегій, дарованныхъ въ концѣ XVIII ст. Притомъ они были присоединены на привилегированныхъ основаніяхъ. Балтійско-нѣмецкое дворянство, а отчасти и мѣщанство сумѣли добиться отъ Петра I привилегій на извѣстную автономію, довольно аристократическую и довольно широкую для привилегированныхъ слоевъ. Что же касается Царства Польскаго, то оно было присоединено къ Россіи, какъ конституціонное королевство.

Съ того времени балтійскіе нѣмцы очень крѣпко держались своей привилегированной автономіи и охраняли ее при помощи лояльности по отношенію къ русскимъ самодержавнымъ царямъ, абсолютизмъ которыхъ надъ остальной Россіей и даже надъ Поль-

шей балтійскіе нѣмцы поддерживали даже еще больше, чѣмъ царскіе чиновники-великороссы. Поляки въ Царствѣ Польскомъ всегда были послѣдовательны въ своемъ автономизмѣ, можетъ быть, потому, что они вообще болѣе гуманитарны, чѣмъ балтійскіе нѣмцы, но они имѣли много общаго съ автономизмомъ этихъ послѣднихъ, когда совершенно обособлялись отъ остальныхъ русскихъ областей, особеннно заднѣпровскихъ.

Дальнѣйшей цѣлью большинства польскихъ либераловъ-автономистовъ было присоединеніе къ конституціонному Царству Польскому западныхъ губерній, которыя принадлежали Польшѣ до 1772 года. Въ 1830—31 гг. поляки стремились оторвать отъ Россіи всѣ эти губерніи вмѣстѣ съ Царствомъ Польскимъ. Эта попытка не удалась, и даже Царство Польское лишилось своей конституціи и сохранило только бюрократическую обособленность.

Въ 1863 году поляки возобновили борьбу за политическую обособленность и утратили также и административную самостоятельность. Несмотря на это, однако, польскіе политическіе дѣятели, если ужъ не прямо сохранили государственно-сепаратистическій идеалъ, то, по крайней мѣрѣ, остались при мысли о полной административной обособленности отъ остальныхъ русскихъ областей.

Та провинціальная автономія, которой добивались отъ петербургскаго правительства жители восточныхъ и южныхъ (великорусскихъ и украинскихъ) губерній и зачатки которой дѣйствительно получили въ положеніи о земствахъ 1864 г., совершенно не отвѣчала стремленіямъ поляковъ. Съ своей стороны правительство было радо, что можетъ не давать имъ и ея. Вся работа и усилія русскихъ земствъ на пользу мѣстнаго и народнаго благосостоянія прошли незамѣтно для русскихъ поляковъ, а если кто-нибудь изъ правобережныхъ польскихъ шляхтичей и обращалъ на нихъ вниманіе, то не выражалъ къ нимъ симпатіи и даже часто высказывалъ радость (какъ мнѣ самому приходилось это слышать въ Волынской губ.) по тому поводу, что отсутствіе земствъ обезпечиваетъ

шляхту отъ издержекъ на крестьянъ (на дороги, школы, больницы и т. п.). Не было замѣчено поляками также и государственно-либеральное движеніе въ русскихъ земствахъ.

Нормально ли такое положеніе вещей?

Что касается балтійскихъ нѣмцевъ, то ихъ „Sonderstellung“ таетъ съ каждымъ мѣсяцемъ. Административная централизація въ Петербургѣ ломаетъ не только ихъ аристократическія привилегіи, вредныя для большинства эстонскаго и латышскаго населенія, а также для мѣстныхъ русскихъ, которые, напримѣръ, въ Ригѣ довольно многочисленны, но и вполнѣ справедливыя ихъ права. Наряду съ централизаціей идетъ и „обрусеніе“, которое угнетаетъ не только нѣмцевъ, но и эстонцевъ, и латышей, ожидавшихъ отъ русскаго правительства помощи для своихъ національныхъ движеній. Не подлежитъ сомнѣнію, что угодничество передъ русскимъ самодержавіемъ не избавитъ уже балтійскихъ нѣмцевъ отъ нивелляторскихъ покушеній, и они теперь будутъ принуждены или ждать, не оторветъ ли Пруссія ихъ отъ Россіи (что, конечно, можетъ и не случиться), или объединиться у себя дома съ эстонцами и латышами и заключить союзъ со всѣми автономически-либеральными элементами во всей остальной Россіи.

Поляки въ Царствѣ Польскомъ, а тѣмъ болѣе въ западныхъ губерніяхъ находятся въ концѣ-концовъ въ такомъ же самомъ положеніи, развѣ только съ той разницей, что еще меньше есть надежды на то, чтобы отъ Россіи оторвалась какая-нибудь Кіевская или Могилевская губернія, чѣмъ на то, чтобы была оторвана Ливонія или Эстонія. Вслѣдствіе этого также выгоды отъ оторванія Царства Польскаго, даже еслибы оно наступило (конечно, какъ результатъ великой европейской войны) были бы для поляковъ крайне проблематичны. Въ экономическомъ отношеніи такое оторваніе было бы просто вреднымъ для Царства Польскаго. Съ національной точки зрѣнія польскія колоніи въ Литвѣ, Бѣлоруссіи и Правобережной Украйнѣ послѣ оторванія Царства Польскаго подверглись бы сильнѣйшему притѣсненію со стороны

русскаго правительства, которое съ этой цѣлью привлекло бы на свою сторону мѣстныя плебейскія національности, среди которыхъ даже у Жмуди существуетъ и теперь довольно сильный антиполонизмъ, а со временемъ можетъ развиться и своя національная исключительность, нетерпимая по отношенію ко всякому чужому меньшинству, а особенно къ такому незначительному, какимъ является польское меньшинство не только, напримѣръ въ Кіевской губерніи, но и среди Жмуди. На этихъ основаніяхъ я, по крайней мѣрѣ, считаю даже для поляковъ въ Россіи, по крайней мѣрѣ, въ данный моментъ и на ближайшее будущее не столько полезной политику сепаратизма, какъ политику децентралистическаго либерализма, который бы признавалъ право на существованіе каждой національности (національнаго языка), а одновременно предоставлялъ бы соотвѣтственную автономію всѣмъ политическимъ единицамъ, а именно: общинамъ, сельскимъ и городскимъ, и общинамъ сборнымъ, — уѣздамъ и областямъ, притомъ въ рамкахъ свободнаго государства.

Земскій либерализмъ въ Россіи какъ разъ и заключаетъ въ себѣ довольно опредѣленные зародыши такого политическаго идеала и уже по этому одному долженъ обратить на себя вниманіе поляковъ. Правда, судьба самихъ современныхъ земствъ въ Россіи не прочна. Вполнѣ возможно, что они будутъ уничтожены реакціоннымъ правительствомъ или, по крайней мѣрѣ, кореннымъ образомъ передѣланы. Это, однако, не измѣнитъ существа дѣла, а только помѣшаетъ на нѣкоторое время развитію и осуществленію вышеуказаннаго политическаго идеала. При первыхъ счастливыхъ обстоятельствахъ Россія возвратится къ той исходной точкѣ, до которой дошли земства; земства же вернутся къ жизни и начнутъ дальше развиваться съ того мѣста, на которомъ ихъ удержала реакція 1883 г. Это значитъ, что съ земствами опять должны будутъ считаться такіе элементы въ Россіи, какъ поляки.

Здѣсь не мѣсто для изложенія моихъ личныхъ по-

литическихъ идеаловъ и мыслей, да у меня и нѣтъ для этого достаточной смѣлости. Я даже готовъ признать спорнымъ то, что я сказалъ выше. Только одно я позволю высказать здѣсь съ настойчивостью, обращаясь къ галицко-польскому обществу: если хотите узнать настоящую Россію (вмѣстѣ съ Украйной), присмотритесь къ земствамъ съ ихъ хорошими и худыми сторонами, присмотритесь внимательно, не тяготясь даже детальнымъ изученіемъ ихъ. Само собой понятно, что цѣлью моего изслѣдованія не было воспроизведеніе всѣхъ частностей. Я оставилъ въ сторонѣ даже общее описаніе всѣхъ другихъ сторонъ дѣятельности русскихъ земствъ, кромѣ политической ея стороны. А вѣдь есть еще и другія стороны, по которымъ можно было бы судить, чѣмъ могли бы быть заполнены рамки государственно-земской автономіи въ Россіи, если бы эта автономія тамъ дошла до своего полнаго развитія; есть работа и проекты работы надъ народнымъ просвѣщеніемъ, надъ улучшеніемъ санитарныхъ условій и народнаго благосостоянія, есть научныя изслѣдованія народной жизни, статистика, однимъ словомъ, самыя разнообразные труды, которые въ данный моментъ съ честью могутъ выдержать сравненіе съ трудами многихъ европейскихъ представительствъ даже не такихъ, какъ, напримѣръ, Галицкій Сеймъ послѣдней сессіи, придумавшій какъ разъ такіе порядки, которые или уже уничтожены русскимъ земствомъ (напримѣръ, уставъ о дорожной повинности), или теперь снова измышляются реакціоннымъ петербургскимъ правительствомъ въ противовѣсъ земствамъ (напримѣръ, уставъ о сельскохозяйственныхъ наемныхъ рабочихъ).

Женева, 2 мая 1889 г.

II.

Самодержавіе, мѣстное самоуправленіе и независимый судъ.

Въ настоящее время во внутренней политикѣ Россіи самый важный вопросъ — это судьба земскихъ учрежденій, о которой теперь идетъ рѣчь въ государственномъ совѣтѣ, по поводу административныхъ проектовъ гр. Дм. Толстого. Понятно, что этимъ вопросомъ занята и русская журналистика, поскольку позволяетъ ей строгая цензура и таинственность самаго представленія названныхъ проектовъ. Изъ текущей по этому поводу журнальной полемики особый интересъ имѣетъ споръ между катковскими эпигонами „Русскаго Вѣстника“ и „Московскихъ Вѣдомостей“, съ одной стороны, и „Вѣстникомъ Европы“ — съ другой, споръ, который тянется уже нѣсколько мѣсяцевъ. Полемика эта касается настолько важныхъ предметовъ, что мы считаемъ нелишнимъ разобрать ея принципіальныя основы нѣсколько подробнѣе въ нижеслѣдующей статьѣ.

Прежде всего позволимъ себѣ сказать, что вся упомянутая полемика принадлежитъ, по нашему мнѣнію, къ литературѣ, которая пишется не для общества, а въ полномъ смыслѣ ad usum Delphini и, какъ таковая, отличается особенностью дѣтскихъ рисунковъ, а именно, отсутствіемъ перспективы. Въ абстракціи „Русскій Вѣстникъ“ совершенно правъ, говоря, что мѣстное самоуправленіе и самодержавіе несогласимы. Но въ то же время правъ и „Вѣстникъ Европы“, приводя историческіе примѣры въ пользу противоположной

мысли. Только примѣры эти „Вѣстникъ Европы“ поставилъ внѣ настоящей исторической перспективы, а въ одной плоскости. Если же разставить эти примѣры по надлежащимъ плоскостямъ, то выйдетъ опять, что правъ болѣе „Русскій Вѣстникъ“ и даже не въ одной абстракціи. Остановимся пока на двухъ примѣрахъ „Вѣстника Европы“.

Несомнѣнно, что въ Московскомъ Государствѣ при величайшемъ деспотѣ, Иванѣ IV, существовало широкое мѣстное самоуправленіе; несомнѣнно также, что и въ монархической Пруссіи въ 1808 году было установлено весьма широкое самоуправленіе городовъ. Но дѣло въ томъ, что Московское государство XVI в. принадлежало къ типу монархій восточныхъ и средневѣковыхъ, въ которыхъ еще не развилась бюрократія, а потому государства эти, будучи самодержавными вверху, допускаютъ самоуправленіе внизу. Съ теченіемъ времени, съ усложненіемъ потребностей государства и центральной власти, монархическое самодержавіе вездѣ, — въ томъ числѣ и въ Россіи въ XVII—XVIII вв., — обставилось бюрократіей, которая неизбѣжно и заѣла всѣ виды мѣстнаго самоуправленія, какъ заѣла она и старыя учрежденія и обычаи земскаго и сословнаго совѣтодательства верховной власти и даже обычай собирательныхъ прошеній со стороны подданныхъ. Но такъ какъ со временемъ обнаружились, по крайней мѣрѣ, для умовъ болѣе просвѣщенныхъ неудобства самодержавно-бюрократической администраціи даже для внѣшняго благоустройства безконтрольно управляемыхъ ею странъ, то въ европейскихъ обществахъ явилось сознаніе необходимости измѣненія системы управленія предоставленіемъ самому населенію хоть доли участія въ завѣдываніи своими дѣлами, если еще не высшими государственными, — требовать чего не всѣ рѣшились вначалѣ, — то хоть мѣстными. Такое значеніе имѣли, напримѣръ, во Франціи XVIII в. проекты Фенелона, Тюрго и др. о провинціальныхъ собраніяхъ, предшествовавшіе требованіямъ земскаго собора (états généraux), проекты, которые, наконецъ, должно было осуществить правительство Людовика XVI (1778—1787)

по идеямъ того же самаго Неккера, который созвалъ и земскій соборъ 1789 г.[1]

Такого рода учрежденія, какъ французскія провинціальныя собранія при Людовикѣ XVI имѣютъ уже совершенно иной смыслъ, чѣмъ азіатское или средневѣковое мѣстное самоуправленіе; это уже прямые предшественники правленія либерально-конституціоннаго и отмѣны правленія бюрократически-самодержавнаго. Къ такимъ учрежденіямъ принадлежатъ и цитируемыя „Вѣстникомъ Европы“ прусскія муниципальныя учрежденія 1808 г. Эти послѣднія, какъ равно и прусскія провинціальныя собранія (Provinzialstände), введенныя въ 1822 г., которыя болѣе сходны съ нашими земствами, чѣмъ муниципіи 1808 г., даже имѣютъ и прямую связь съ французскими учрежденіями, созданными земскимъ соборомъ 1789—1791 гг., организовавшимъ самоуправленіе, какъ мѣстное (общинное, департаментское), такъ и государственное по конституціи 1791 года. Учрежденія эти произвели огромное впечатлѣніе на всю Европу, въ томъ числѣ и на Германію. Какъ ни искажены они были якобинцами и Наполеономъ, которые подрѣзали особенно мѣстное самоуправленіе, всетаки Франція, — даже императорская, — оставалась de jure государствомъ конституціоннымъ. По типу ея сложились и новыя германскія государства, образованныя подъ вліяніемъ Наполеона, изъ которыхъ, напримѣръ, королевство Вестфальское и Баварское имѣли конституцію уже въ 1807—1808 годахъ, при чемъ вестфальская конституція вовсе не оставалась на бумагѣ.

Разбитая Наполеономъ самодержавно-бюрократически-дворянская Пруссія послѣ 1807 г., должна была, чтобы стать на ноги, произвести революцію сверху, — „революцію въ хорошемъ смыслѣ“, какъ выразился тогда прусскій государственный дѣятель кн. Гарденбергъ въ письмѣ къ другому, знаменитому реорганизатору Пруссіи Штейну. Намъ странно было бы учить „Вѣстникъ Европы“, напоминая ему, что Штейнъ

[1] Неспеціальному читателю мы можемъ рекомендовать книжку Leonce de Lavergne. Les assemblées provinciales sous Louis XVI (2-me édition, 1879), въ которой найдется много аналогій съ Россіей временъ Александра II и теперешней.

и его товарищи по министерству, какъ Вильгельмъ Гумбольдъ и др., были политическіе либералы. Городское самоуправленіе 1808 г. было только однимъ изъ звеньевъ въ цѣлой цѣпи либеральныхъ учрежденій, ими предположенныхъ: самоуправленія общиннаго, уѣзднаго, провинціальнаго и, наконецъ, государственнаго представительства (Reichstände), которое, по мысли Штейна, должно было состоять изъ делегацій провинціальныхъ сеймовъ, хотя сначала имѣть только совѣщательное значеніе.[1]

Придворная реакція помѣшала своевременному выполненію всего этого плана, и политическая часть реформъ Штейна ограничилась надолго городскимъ закономъ 1808 г., но черезъ то вовсе не измѣнилось политическое значеніе этого закона. Самъ „Вѣстникъ Европы“, возражая на замѣчаніе „Московскихъ Вѣдомостей“, будто законъ 1808 г. былъ только „видоизмѣненіемъ древнихъ городскихъ привилегій“, говоритъ: „Трейчке совершенно правъ, придавая реформамъ Штейна совершенно другое болѣе глубокое значеніе“ (1889, январь, 416, примѣчаніе). Но вѣдь Трейчке вотъ какъ оцѣниваетъ городскую реформу Штейна: „Подобно тому, какъ Фридрихъ Вильгельмъ I создалъ новѣйшее нѣмецкое чиновничество, Штейново городское устройство стало исходною точкою нѣмецкаго самоуправленія. На немъ опирались всѣ новѣйшіе общинные законы, которые въ теченіи двухъ поколѣній, пока парламентаризмъ былъ еще не зрѣлъ и незавершенъ, образовали прочнѣйшую, наилучше обезпеченную часть нѣмецкой народной свободы. Реформами Штейна вновь пробуждено было въ нѣмецкомъ городскомъ населеніи живое чувство общественности, охота къ отвѣтственной политической дѣятельности. Имъ обязаны мы тѣмъ, что нѣмецкое конституціонное государство стоитъ теперь на твердой почвѣ“ и т. д.[2]

Чего же еще нужно для признанія политическаго

[1] H. Treitschke. Deutsche Geschichte im neuzehnten Jahrhundert I, 273—287. Цитируемъ это сочиненіе, такъ какъ на него ссылается и „Вѣстникъ Европы“. Подробности любопытный читатель найдетъ въ біографіи Штейна, написанной Пертцомъ, какъ въ полномъ, такъ и въ сокращенномъ изданіи ея.

[2] Трейчке, тамъ же, стр. 285

смысла прусской гордской реформы 1808 г., у которой петербургскій журналъ отрицаетъ подобное значеніе? Изъ книги того же Трейчке (замѣтимъ, вовсе не радикальнаго либерала) видно, что на этотъ счетъ не ошибались ни друзья реформы, ни ея противники, — феодалы и бюрократы старой школы, которые говорили о „республиканскомъ началѣ городской реформы", какъ теперь партія „Московскихъ Вѣдомостей" говоритъ о „принципѣ народовластія" въ нашемъ Земскомъ положеніи 1864 г. Сторонники реакціи вскорѣ восторжествовали надъ Штейномъ при прусскомъ дворѣ, и дальнѣйшее развитіе реформъ его пріостановилось; но „Вѣстникъ Европы" всетаки не правъ, увѣряя, будто по самодержавію прусскіе короли Фридрихъ Вильгельмъ III и IV ничѣмъ не отличались отъ своихъ предшественниковъ. Нѣтъ, старая самодержавно-бюрократическая монархія была уже подкопана въ Пруссіи послѣ 1807 г. и ходомъ политики, даже и внѣшней, и общественнымъ анализомъ, и королевское прусское правительство должно было хоть медленно и съ оглядками, но итти къ реформѣ государственнаго правленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ расширять и мѣстное самоуправленіе.

Въ 1813 г., поднимая нѣмцевъ противъ Наполеона, прусскій король долженъ былъ пообѣщать имъ свободныя учрежденія по соглашенію князей и народовъ Германіи.[1] Въ 1815 г. онъ формально объявилъ о томъ, что выработаетъ для своего государства, въ которое вступала и Вестфалія, конституцію. Политическое предствительство было обѣщано всѣмъ нѣмцамъ союзнымъ актомъ 1815 г., послѣ чего юго-западныя меньшія государства скоро и получили конституціонныя учрежденія. Прусское правительство образовало комиссію для начертанія конституціи, и канцлеръ кн. Гарденбергъ составилъ проектъ, близкій къ идеямъ Штейна; тутъ между прочимъ читаемъ: „лучшій фун-

[1] Любопытно для русскихъ то, что это Калишское воззваніе 25 марта 1813 г. было подписано „отъ имени Е. В. императора и самодержца всероссійскаго и Е. В. короля прусскаго" нашимъ соотечественникомъ княземъ Кутузовымъ-Смоленскимъ. Но это ли обѣщаніе „Р. В." называетъ „вынужденнымъ"? Интересно бы знать: кѣмъ? — или лучше: чѣмъ, кромѣ совокупности историческихъ условій, упорное непризнаніе которыхъ обращаетъ самодержавіе въ полное самодурство?

даментъ конституціи есть цѣлесообразное муниципальное и общинное устройство". Дальше проектъ предполагалъ выборныя собранія уѣздныя, провинціальныя и общегосударственныя.[1]

Выработка конституціи прусской опять затянулась черезъ придворную реакцію, которая между прочимъ ссылалась и на политическія убійства, студенческія демонстраціи, тайныя общества, антиеврейскіе безпорядки и т. п. явленія, очень похожія на тѣ, какія мы видимъ въ послѣднее время въ Россіи, но въ 1822 г. прусское правительство издало законъ о провинціальныхъ сеймахъ, хотя и весьма аристократическихъ и имѣвшихъ только совѣщательный голосъ по общегосударственнымъ дѣламъ, но всетаки осуществлявшихъ извѣстное провинціальное самоуправленіе и получавшихъ права во многомъ бо́льшія, чѣмъ наши земства 1864 г. При Фридрихѣ Вильгельмѣ IV эти сеймы стали (съ 1840 г.) ходатайствовать о созваніи общегосударственнаго представительства, какъ и наши земскія собранія 1879—1883 гг. Король отказывалъ, но, такъ какъ либеральное движеніе не утихало, то понемногу уступалъ: въ 1842 г. установлены были въ столицѣ совмѣстныя засѣданія комитетовъ отъ всѣхъ провинціальныхъ сеймовъ съ совѣщательнымъ голосомъ по вопросамъ, какіе имъ предлагало правительство (напр., о желѣзныхъ дорогахъ, объ уложеніи наказаній). Но либеральныя ходатайства провинціальныхъ собраній и городскихъ думъ, а также корпорацій, не прекратились, несмотря на реакціонное настроеніе короля и двора, усиленное аттентатомъ Чеха и волненіями рабочихъ въ Силезіи, которыя реакція представляла результатомъ коммунистической пропаганды.[2] Въ 1847 г. король согласился на Соединенный Сеймъ: но и въ немъ движеніе, требовавшее упроченія политической свободы и большей демократизаціи представительства, не умолкало. Съ тѣхъ поръ, несмотря на разныя колебанія

[1] Трейчке, т. II, 635—637.

[2] Обо всемъ этомъ, особенно о либеральной агитаціи въ провинціальныхъ сеймахъ, въ городахъ и печати, см. интересныя, особенно для русскаго читателя, подробности у Wirth, „Die Geschichte der deutschen Staaten von der Auflösung des Reiches bis auf unsere Tage" (1847), т. III, 633 и слѣд.

впередъ и назадъ (созывъ Учредительнаго Собранія по избирательному закону, составленному Соединеннымъ Сеймомъ, потомъ октроированная конституція 1848 г. и т. д.), Пруссія стала конституціоннымъ государствомъ. А когда конституціонное правленіе въ ней упрочилось (ибо компетенціи парламента, по крайней мѣрѣ, во внутреннихъ дѣлахъ не смѣетъ отрицать самъ кн. Бисмаркъ), тогда, съ 1872 г., во время наибольшаго сближенія правительства съ либеральною партіей, воспослѣдовала и новая реформа мѣстнаго управленія: провинціальнаго, уѣзднаго, окружного и волостного, которая, конечно, далека отъ „народоправства“, вродѣ, напр., швейцарскаго, но все-таки представляетъ мѣру органически прогрессивную, добросовѣстный опытъ довольно широкаго мѣстнаго самоуправленія.

Передъ тѣмъ сходный проектъ (Organisationsgesetz), выработанный въ 1850 г., вслѣдъ за окончательнымъ установленіемъ конституціи, который долженъ былъ „органически объединить всѣ силы самоуправленія“, былъ оставленъ безъ примѣненія по соглашенію правительства, впадавшаго въ реакцію, съ палатою господъ — въ 1851 г. Новыя земско-административныя реформы, начатыя положеніемъ объ округахъ (Kreisordnung), принятымъ палатой депутатовъ 25 марта 1872 г., прошли въ реакціонно-дворянской палатѣ господъ только послѣ назначенія королемъ 25 новыхъ либеральныхъ членовъ. Чтобы дать неспеціальному читателю понятіе о прусскомъ земско-административномъ устройствѣ, сравнительно съ нашимъ, а особенно съ замыслами Катковцевъ, мы скажемъ лишь, что въ Пруссіи земско-административныя единицы разныхъ степеней имѣютъ не только выборныя собранія и управы вродѣ нашихъ земскихъ (Provinziallandtag, Provinzialausschuss, — Kreistag, Kreisausschuss), но и выбираемыхъ отъ земства членовъ въ совѣтахъ при коронныхъ администраторахъ (Provinzialrat, Bezirksrat, которыхъ замѣняютъ въ округахъ и волостяхъ Kreisausschuss и Amtsausschuss, послѣдній изъ представителей общинъ); кромѣ того начальники администраціи и полиціи въ меньшихъ земскихъ еди-

ницахъ, — Landrat въ округѣ и Amtmann въ волости, — назначаются правительствомъ по представленію уѣзднаго собранія (Kreistag) изъ мѣстныхъ жителей съ извѣстными квалификаціями. (Подробности см. у Demombynes, Les constitutions Européenes. Parlements, conseils provinciaux et communaux et organisation judiciaire. 2-e ed. II, 635—677).

Мы остановились подольше на исторіи мѣстнаго самоуправленія въ Пруссіи, которую затронула полемика нашихъ столичныхъ журналовъ, такъ какъ эта исторія показываетъ наглядно, 1. что мѣстное самоуправленіе имѣетъ теперь безспорно политическое значеніе, и 2. что его учрежденія въ новѣйшихъ государствахъ растутъ и крѣпнутъ именно во время общегосударственнаго либеральнаго движенія и упрочиваются только съ либеральной реформой центральныхъ государственныхъ учрежденій, для которой въ то же время мѣстное самоуправленіе составляетъ лучшую опору.

Исторія русскихъ мѣстныхъ учрежденій учитъ тому же самому. Россія послѣ-севастопольская находилась въ такомъ же положеніи, въ какомъ была Пруссія послѣ Тильзитскаго мира. И въ ней поэтому началось и въ обществѣ, и въ болѣе просвѣщенной части правительства движеніе, вполнѣ аналогичное съ тѣмъ, какое было въ Пруссіи въ эпоху Штейна. Тогда-то, рядомъ съ реформой крестьянской, пошли въ ходъ и планы всесторонняго преобразованія административно-политическаго строя, при чемъ самоуправленіе мѣстное и у насъ считалось первымъ шагомъ для основы самоуправленія государственнаго. (См. выше статью „Земскій либерализмъ въ Россіи“). И замѣчательно, самъ императоръ Александръ II принципіально не отрицалъ необходимости полноты такой реформы, а только сохранялъ за собой право почина въ ней. И въ Россіи политическая реформа сначала остановилась только на опытахъ мѣстнаго самоуправленія.

Совершенно естественно, что бюрократія россійская, высшая и низшая, отнеслась враждебно къ этимъ опытамъ, исказивъ ихъ начала даже въ самомъ Положеніи о земствахъ 1864 г., а потомъ въ его при-

мѣненіи и дальнѣйшемъ развитіи. Это еще болѣе слѣдуетъ сказать о городскомъ положеніи 1870 г., составленномъ въ болѣе реакціонное время. Бюрократія настолько не совмѣстима съ самоуправленіемъ, что, напр., во Франціи даже послѣ революціи 1789 г. департаменское и общинное самоуправленіе, установленное законами 1789—1791 г., не удержалось передъ силою вѣками выросшаго бюрократическаго элемента и соотвѣтственныхъ ему инстинктовъ и идей и начало утверждаться только въ послѣднее время, уже при третьей республикѣ. Совершенно естественно также, что россійскіе монархи, гораздо менѣе просвѣщенные, чѣмъ напр. прусскіе, еще болѣе, чѣмъ послѣдніе, поддаются вліянію бюрократіи, враждебной самоуправленію, даже мѣстному. А потому теперь въ Россіи дѣйствительно несогласимо мѣстное самоуправленіе съ монархическимъ самодержавіемъ, такъ какъ это послѣднее теперь немыслимо безъ бюрократіи.[1]

А такъ какъ въ Россіи, болѣе чѣмъ гдѣнибудь, общественное благоустройство невозможно при бюрократической администраціи, то... выводъ самъ собою ясенъ.

Сущность сказаннаго выше вполнѣ прилагается и къ другому предмету спора между нашими столичными журналами, а именно — къ независимому суду и суду присяжныхъ. При всемъ ихъ спеціальномъ назначеніи, конечно, судебныя учрежденія имѣютъ и значеніе политическое и между прочимъ правильно могутъ дѣйствовать только при политической свободѣ. Печать Катковскаго толка совершенно права, когда доказываетъ несовмѣстимость въ настоящее время „судебныхъ республикъ“ и „народнаго суда“ (присяжныхъ) по уставамъ 1864 г. съ монархическимъ самодержавіемъ, а „Вѣст. Евр.“ на этотъ разъ еще болѣе неправъ, когда ссылается на существованіе довольно независимаго суда въ Пруссіи и суда присяжныхъ въ прирейнскихъ ея провинціяхъ и до 1848 г.

[1] Московско-славянофильская идея о земско-народномъ царѣ-самодержцѣ, безъ „средостѣнія“, т. е. чиновниковъ, есть такая же иллюзія, какъ и ея родная сестра, Бакунинская анархія.

Самъ же „Вѣстн. Евр.“ говоритъ, что судъ присяжныхъ въ этихъ провинціяхъ былъ „завѣщанъ французскимъ управленіемъ“, т. е. былъ данъ идеей „народовластія“, говоря языкомъ „Русскаго Вѣстника“, а вовсе не монархическимъ самодержавіемъ.

Исторія гласнаго судопроизводства и суда присяжныхъ вполнѣ аналогична съ исторіей мѣстнаго самоуправленія. Такого рода судебныя учрежденія и обычаи существовали въ старину во всей Европѣ, какъ остатокъ древняго, общиннаго и племеннаго народоправства, но въ монархически-бюрократическій періодъ атрофировались повсюду, кромѣ конституціонной Англіи, откуда идея ихъ вмѣстѣ съ другими либеральными идеями стала переноситься на материкъ Европы въ XVIII в. Законодательство революціонной Франціи внесло эти учрежденія въ новый кодексъ, хотя якобинско-бонапартовскій авторитаризмъ и обрѣзалъ ихъ примѣненіе, оставивъ бюрократическую судебную процедуру для преступленій политическихъ, печатныхъ и т. п. Въ такомъ видѣ англійскія судебныя учрежденія были введены въ прирейнскія провинціи во время французскаго здѣсь вліянія, и невѣрно было бы думать, что стремившееся сохранить самодержавіе прусское правительство времени Реставраціи вполнѣ примирялось съ этими учрежденіями. Нѣтъ, оно не разъ пыталось ихъ уничтожить въ 1819—26 гг., и если этого не сдѣлало, то только благодаря энергичной оппозиціи населенія прирейнскихъ областей. Изъ проявленій этой оппозиціи движеніе 1825—1826 гг. кажется намъ такимъ поучительнымъ для русскаго общества, что мы считаемъ нелишнимъ сдѣлать здѣсь краткій очеркъ.

Поводомъ къ новому нападенію прусской бюрократіи на прирейнскія судебныя учрежденія послужилъ исходъ одного надѣлавшаго шуму въ провинціи процесса по подозрѣнію въ убійствѣ, при чемъ подсудимый (купецъ Фонкъ въ Кельнѣ) былъ признанъ присяжными виновнымъ (наши реакціонеры бьютъ въ набатъ обыкновенно по поводу оправданій). Король, возбуждаемый юристами старой школы и политическими реакціонерами отмѣнилъ судебный приговоръ

(а не только помиловалъ осужденнаго) и по представленію всего министерства повелѣлъ пріостановить дѣйствіе „французскаго“ судопроизводства въ рейнскихъ провинціяхъ впредь до общаго пересмотра свода законовъ государства. Когда этотъ указъ дошелъ до рейнскаго провинціальнаго собранія, то здѣсь только аристократическіе депутаты привѣтствовали его, какъ отмѣну „слѣдовъ постыднаго (чужеземнаго) ига“, но большинство депутатовъ отъ городовъ и крестьянъ напротивъ вступилось за „французскіе“ суды. Извѣстные юристы произнесли въ защиту ихъ рѣчи въ собраніи и напечатали брошюры. Шестнадцать городовъ подали адресы или королю, или земскому собранію провинціи, которое, въ противность уставу, приняло ихъ и обсуждало. Пренія собранія по этому поводу проникли и въ печать, также въ противность закону. Собраніе постановило просить короля не вводить прусскаго судопроизводства въ провинцію, впредь до его преобразованія, и во всякомъ случаѣ сохранить для провинціи присяжныхъ и гласность суда. Король долженъ былъ уступить.[1]

Не обошлась безъ нападеній бюрократической реакціи въ Пруссіи и знаменитая, упоминаемая „Вѣст. Евр.“, независимость королевскихъ судей отъ администраціи, такъ какъ въ 1844 году была учреждена для судей Дисциплинарная палата, которая сильно ограничивала эту независимость.[2] Да и въ самомъ дѣлѣ, повидимому, независимость судьи,—назначаемаго самодержавною короною, и въ кругѣ, строго опредѣленномъ закономъ, исходящимъ отъ той же короны, — судьи, производящаго судъ отъ ея же имени, не можетъ ничѣмъ нарушить престижъ этой короны. Но это такъ только въ абстракціи. Въ дѣйствительности же, въ которой самодержецъ является обставленнымъ цѣлой арміей тоже назначенныхъ имъ чиновниковъ, приговоръ и даже поведеніе во время суда независимаго отъ нихъ судьи рискуетъ ежедневно, особенно при современной сложности жизни, затронуть интересы не только отдѣльныхъ лицъ изъ чиновниковъ,

[1] Treitschke, т. III, 382—386. Wirth, т. II, 925—926.
[2] Wirth, т. III, 741—742.

но и цѣлыхъ вѣдомствъ, и всѣ они возопіютъ къ самодержцу противъ „судебной республики, непозволительной въ самодержавномъ государствѣ“.

Чего же ждать суду присяжныхъ? Вотъ почему этотъ судъ въ новѣйшее время всегда тѣсно былъ связанъ съ политическими либеральными учрежденіями, вводился или вмѣстѣ съ ними, или какъ ихъ предтеча, и урѣзывался или совершенно отмѣнялся во время политической реакціи. „В. Е.“ успокаиваетъ наши оффиціальныя вершины, которыхъ реакціонеры настраиваютъ противъ суда присяжныхъ тѣмъ, что-де въ Германіи его требовали передъ 1848 г. политическіе либералы и что онъ былъ введенъ послѣ и вслѣдствіи февральской революціи, успокаиваетъ такимъ замѣчаніемъ: „У насъ въ Россіи о „политическомъ характерѣ“ суда присяжныхъ не можетъ быть и рѣчи и потому, что онъ съ самаго начала не былъ распространенъ ни на государственныя преступленія, ни на проступки печати, а между тѣмъ только изъза этихъ дѣлъ и происходила вокругъ него въ Западной Европѣ настоящая политическая борьба, только изъ-за нихъ онъ входилъ въ политическую программу либеральныхъ партій.“ („Вѣст. Евр.“ 1889 г., январь, 410.)

Положимъ, не совсѣмъ „только изъ-за нихъ!“ Но, если бы и такъ, то это всетаки не даетъ убѣдительности всей приведенной тирадѣ „В. Евр.“ Присяжные, какъ и гласность суда, есть одна изъ гарантій независимости судебной процедуры и приговора, а, слѣдовательно, истиннаго правосудія, а потому, разъ она существуетъ для однихъ видовъ преступленій, не логично не быть ей и для другихъ. Общественное сознаніе всегда будетъ смущаться, если не возмущаться, всякаго рода исключительными судами, и всегда найдутся люди, которые растолкуютъ ему ненормальность того, что разбойникъ судится съ большими гарантіями, чѣмъ сочинитель, а профессіональный жуликъ съ большими, чѣмъ противникъ, часто только теоретическій, господствующей формы правленія. Въ Россіи же, гдѣ введеніе „Судебныхъ Уставовъ“ 1864 г. не повело за собою ни уничтоженія

III отдѣленія съ произвольными арестами, ни административной ссылки, какъ того всѣ ждали и какъ на то намекала даже правительственная комиссія, составлявшая основы судебной реформы, эта нелогичность бросается въ глаза еще больше, чѣмъ гдѣ-нибудь. Вотъ почему въ Россіи принципы „Судебныхъ Уставовъ 1864 года“ получили болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, не только политическій, но прямо агитаціонный характеръ.[1] Совершенно естественно, что вмѣсто того, чтобы расширить вѣдомство суда присяжныхъ, напримѣръ, хоть бы передачей ему процессовъ по дѣламъ печати, какъ это недавно сталось, хоть отчасти, даже въ современной Австріи, русское правительство вскорѣ по изданіи Уставовъ 20 ноября 1864 г. начало подрывать даже независимость и гласность новоучрежденныхъ коронныхъ судовъ не только въ области дѣлъ прямо политическихъ, но и обыкновенныхъ. Намъ нѣтъ надобности перечислять здѣсь всѣ эти подкопы и искаженія, которые, конечно, будутъ итти прогрессивно до тѣхъ поръ, пока или не произойдетъ политическая реформа самого высшаго управленія Россіи, или пока новые суды не будутъ превращены въ старые, николаевскіе. А такъ какъ правосудіе и суды Гоголевскихъ и Щедринскихъ судей и предсѣдателей палатъ двѣ вещи несовмѣстимыя, то.... сдѣлать выводъ опять не трудно....

Вотъ въ какомъ видѣ представляется, по нашему мнѣнію, предметъ спора между нашими реакціонными органами и петербургскимъ прогрессивнымъ (или теперь скорѣе консервативнымъ) журналомъ, если изобразить этотъ предметъ способомъ, употребляемымъ не для дѣтей, простыхъ или царственныхъ, а для взрослыхъ. Не пускаясь въ обсужденіе ни достоинства, ни пользы занятія публицистовъ дѣтскими картинками, мы скажемъ только, что надо же кому-

[1] Напомнимъ, что подсудимые процесса 193, поставленные въ 1878 г. (изъ числа болѣе 1000 человѣкъ, беззаконно арестованныхъ въ 1874 г.) передъ судомъ исключительнаго трибунала, установленнаго въ 1872 г. въ отмѣну даже первоначальной редакціи закона 20 ноября 1864 г., заявили, что не признаютъ такого суда, а требуютъ „суда общества, суда присяжныхъ“. И замѣчательно, что это требованіе было первымъ проявленіемъ поворота русскихъ соціалистовъ 70-хъ годовъ къ политическому вопросу.

нибудь заняться публицистикой и для совершенно-лѣтнихъ. Настоящая литература вѣдь существуетъ для взрослыхъ и должна разъяснять, а не затемнять, хотя бы и съ благими намѣреніями, общественные вопросы, разъяснять и обществу, и государственнымъ людямъ, и самой династіи. Пусть всѣ знаютъ, куда ведутъ Россію и дорога реформъ, на которую страна эта должна была ступить послѣ севастопольскаго погрома, и дорога реакціи. Пусть каждый выбираетъ одну изъ этихъ дорогъ вполнѣ сознательно....

Женева, 21 января 1889 г.

Высочайшая резолюція
о проектахъ о земскихъ начальникахъ гр. Дм. Толстого.

(Первоначально напечатано въ журналѣ „Свободная Россія“, № 2, 1889 г.)

Вслѣдъ за выходомъ № 1 „Свободной Россіи“, мы получили изъ достовѣрнаго источника текстъ Высочайшей резолюціи по поводу преній въ Государственномъ Совѣтѣ объ административныхъ проектахъ гр. Дм. Толстого. Приносимъ искреннюю благодарность лицу, приславшему намъ этотъ документъ. Если бы каждый поступалъ подобнымъ образомъ со свѣдѣніями, какія онъ имѣетъ о ходѣ публичныхъ дѣлъ въ Россіи, давно бы мы имѣли вполнѣ просвѣщенное общественное мнѣніе, и теперешняя система управленія въ нашемъ несчастномъ отечествѣ была бы невозможна.

Насколько можно судить по отрывочнымъ слухамъ и извѣстіямъ, проникшимъ въ русскую печать и еще больше въ заграничную, гр. Дм. Толстымъ выработаны два проекта: 1. объ учрежденіи земскихъ начальниковъ, которые должны назначаться изъ дворянъ по соглашенію предводителей съ губернаторами и завѣдывать крестьянскими дѣлами, какъ администраторы и вмѣстѣ судьи, и 2. о преобразованіи земскихъ учрежденій въ такомъ смыслѣ, чтобы усилить въ земскихъ собраніяхъ элементъ дворянскій и крупно-землевладѣльческій и ослабить крестьянскій и вообще выборное начало, а также ослабить это послѣднее и въ земскихъ управахъ и, наконецъ, лишить земство послѣдней самостоятельности передъ бюрократіей, рѣшительно подчинивъ его губернаторамъ и министру внутреннихъ дѣлъ. Проекты эти встрѣтили сильную оппозицію даже въ Государственномъ Совѣтѣ, гдѣ за нихъ высказывается ничтожное меньшинство: 13 голосовъ противъ 39, причемъ между противниками проектовъ оказываются и Великіе Князья. Въ проектѣ о земскихъ начальникахъ Государственный Совѣтъ нашелъ существенные недостатки: смѣшеніе судебныхъ и административно-полицейскихъ функцій и сословность, а потому рѣшилъ не переходить къ частному обсужденію его статей и возвратить его г. министру внутреннихъ дѣлъ. Если перевести это рѣшеніе на языкъ парламентскій, то это значитъ, что проектъ гр. Толстого не допущенъ ко второму чтенію и от-

вергнутъ въ принципѣ. Вотъ этого-то рѣшенія и не утвердилъ Государь и потребовалъ, чтобы всетаки Государственный Совѣтъ продолжалъ частное обсужденіе отвергнутаго имъ проекта; при этомъ Государь заранѣе указалъ въ какомъ направленіи должно итти это обсужденіе.

Вотъ упомянутый текстъ этой Высочайшей резолюціи:

„Соглашаясь съ мнѣніемъ 13 членовъ Государственнаго Совѣта, желаю, чтобы мировые судьи были упразднены для того, чтобы обезпечить нужное количество надежныхъ земскихъ начальниковъ въ уѣздѣ и облегчить уѣзду тяжесть платежей. Часть дѣлъ мировыхъ судей можетъ перейти къ земскимъ начальникамъ и въ волостные суды; болѣе важныя дѣла могли бы отойти къ окружнымъ судамъ. Во всякомъ случаѣ непремѣнно желаю, чтобы измѣненія не помѣшали окончить разсмотрѣніе проекта до лѣтнихъ вакацій."

Странное впечатлѣніе производитъ эта резолюція! Въ Россіи не рѣдкость неутвержденіе государями мнѣній большинства членовъ Государственнаго Совѣта, самими же царями назначенныхъ. Такъ утверждены были согласно съ меньшинствомъ, а не съ большинствомъ, уставы гимназій, реальныхъ училищъ, университетовъ. Но тогда можно было говорить (какъ и говорилъ Катковъ), что это были проекты законовъ спеціальныхъ, въ которыхъ чиновники спеціальнаго министерства будто бы то компетентнѣе, чѣмъ члены Государственнаго Совѣта. На этотъ же разъ дѣло идетъ о проектахъ административныхъ, и если даже члены Государственнаго Совѣта, лица, которыя сами почти всѣ были администраторами и, конечно, далеко не либеральными, не одобряютъ этихъ проектовъ столь огромнымъ большинствомъ, то значитъ же, что проекты эти страдаютъ органическими пороками. О томъ, какъ относится къ этимъ проектамъ общественное мнѣніе, и говорить нечего. При такихъ условіяхъ, введеніе ихъ равносильно своего рода завоеванію страны. Это очень хорошо характеризуетъ настоящее управленіе Россіи.

И посмотрите на аргументацію въ пользу Толстовскаго проекта въ Высочайшей резолюціи: какая дѣтскость! „Мировые суды должны быть уничтожены, чтобы обезпечить нужное количество надежныхъ земскихъ начальниковъ!" Значитъ, земство выбираетъ людей „надежныхъ", тогда изъ за чего же поднята вся эта исторія? Наконецъ, почему же избраніе земскихъ начальниковъ, если уже они нужны, не предоставлено тому же земству? Но уже совершенно жалокъ аргументъ отъ экономіи. Если ради нея уничтожать мировые суды, то почему же не облегчить „тяжесть платежей" закрытіемъ и больницъ, и школъ? Не резоннѣе ли

поискать для уничтоженія въ развѣсистомъ древѣ русскаго чиновничества должностей и цѣлыхъ вѣдомствъ, очень дорогихъ и при этомъ безполезныхъ и даже просто вредныхъ? Если даже говорить только объ уѣздѣ, то вѣдь и земства, и толковые люди въ печати и въ юридическихъ обществахъ давно уже высказались за такую реформу администраціи волостной, участковой, уѣздной, которая, будучи ничуть не дороже всей теперешней и предложенной гр. Толстымъ, имѣла бы передъ нею преимущество всесословности и контроля со стороны населенія. Одна экономія на нынѣшнихъ непремѣнныхъ членахъ присутствій по крестьянскимъ дѣламъ, становыхъ приставахъ и урядникахъ могла бы покрыть ея расходы, не трогая мировыхъ судей, которые были же въ свое время признаны нужными по резонамъ, довольно основательнымъ, и которыми въ сущности населеніе Россіи вполнѣ довольно до сихъ поръ.

За кого принимаютъ наши „совѣтники короны", вродѣ гр. Толстого, и наше общество, и самихъ членовъ Государственнаго Совѣта, наконецъ, какъ мало дорожатъ эти совѣтники авторитетомъ самого Государя лично, если не постарались внушить ему менѣе дѣтскихъ аргументовъ въ пользу ихъ измышленій??... Что же за люди управляютъ Россіей и ея самодержцемъ?!...

И однакожъ воля этихъ людей уничтожитъ у насъ такія учрежденія, какъ мировой судъ и земское представительство!

Въ какое положеніе станетъ Россія послѣ этой революціи можно отчасти предсказать, если вспомнить, по какимъ соображеніямъ въ свое время были требуемы общественнымъ мнѣніемъ и установлены земскія учрежденія. Мы уже отчасти говорили объ этомъ въ № 1 „Свободной Россіи". Тридцать лѣтъ тому назадъ всѣми мыслящими людьми, не исключая и Каткова, замогильнаго вдохновителя Толстовской революціи, было единодушно осуждено сословно-бюрократическое управленіе Россіей, низшее и высшее. Мѣстныя выборныя учрежденія требовались для элементарнѣйшаго благоустройства страны, которая не имѣла ни школъ, ни больницъ, ни дорогъ, ни сколько-нибудь честнаго суда. Въ тоже время необходимость этихъ учрежденій признавалась и для заложенія основы общегосударственнаго представительства, неизбѣжность котораго признавалась даже и въ высшихъ оффиціальныхъ кругахъ. Вѣдь даже министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ, представляя Государственному Совѣту проектъ Положенія о земскихъ учрежденіяхъ, выразился, что „при составленіи этого проекта имѣлось въ виду облегчить переходъ отъ нынѣшнихъ учрежденій въ будущимъ".

Земскія учрежденія должны были вызвать къ себѣ ненависть у бюрократіи, до тѣхъ поръ самодержавной, и при этомъ лѣнивой и своекорыстной, а вмѣстѣ съ тѣмъ страхъ у недальновидной династіи, привыкшей къ самодержавію, конечно, болѣе фиктивному, чѣмъ дѣйствительному.

На этомъ суевѣрномъ царскомъ страхѣ основали свою борьбу противъ земствъ чиновничество и связавшіеся съ нимъ крѣпостничество и обскурантизмъ, особенно въ послѣднее время, послѣ того, какъ земства стали высказываться за необходимость скорѣйшаго введенія въ Россіи слишкомъ долго откладываемыхъ будущихъ учрежденій. По крайней мѣрѣ почти вся журнальная кампанія противъ земствъ ведется теперь на этомъ, политическомъ, полѣ, такъ какъ на полѣ благоустройства выступать реакціонерамъ противъ земства слишкомъ рисковано, хотя одна газета и попробовала было выскочить на это поле, доказывая, на смѣхъ людямъ, будто въ неземскихъ, западныхъ губерніяхъ, больше дѣлается для народнаго образованія, чѣмъ въ земскихъ. Провинціальное представительство должно быть уничтожено, дабы никому не было повадно добиваться представительства государственнаго!

Не трудно предсказать послѣдствія осуществленія Толстовскихъ проектовъ для земскаго благоустройства, равно какъ и для благочинія и правосудія. Различныя чиновническо-дворянскія комиссіи николаевскихъ временъ (дорожныя, продовольственныя, больничныя и т. д.) у многихъ еще въ памяти, равно какъ и то, въ какомъ видѣ приняли отъ нихъ благоустройство земства въ 1865 г. Извѣстно также, что такое была земская полиція съ судами при Николаѣ I, хотя тогда не существовало еще знаменитаго „института“ урядниковъ. Теперь первое, что погибнетъ при „новыхъ“ порядкахъ, это, конечно, земская народная школа, которую новыя мѣстныя учрежденія, повинуясь Побѣдоносцевскому дуновенію, отдадутъ въ руки духовенства, т. е. попросту уничтожатъ. Вѣдь только въ С.-Петербургскомъ Faubourg St.-Germain думаютъ, что школы въ рукахъ нашего духовенства будутъ служить для „религіозно-нравственнаго“ направленія народнаго образованія. Въ провинціяхъ всѣ, отъ крестьянъ до самихъ архіереевъ, знаютъ, что церковно-приходскія школы или существуютъ только на бумагѣ, или же для обработки дѣтскими руками священническихъ огородовъ. Вотъ почему въ Россіи, особенно крестьяне (которые въ Западной Европѣ точно стоятъ еще за клерикальную школу) въ земскихъ собраніяхъ и даже волостныхъ сходахъ высказываются за свѣтскую, земскую, по ихъ — „настоящую“ школу, а не за „поповскую“. Мы сами слышали

отмѣченныя ковычками слова отъ крестьянъ неземскихъ губерній, — кіевской и волынской, — и сами видѣли въ дѣлахъ кіевскаго учебнаго округа документы, доказывающіе, что духовенство брало изъ свѣтскихъ школъ (немногихъ, какія завело министерство на правомъ берегу Днѣпра) — брало учениковъ для того, чтобъ показывать ихъ ревизующему митрополиту, какъ учениковъ школъ церковныхъ. Такого рода факты прекрасно извѣстны всѣмъ провинціаламъ, изъ которыхъ если кто стоитъ за церковную школу противъ земской, то просто потому, что не желаетъ никакого образованія „мужиковъ“. Прекрасно это извѣстно и гр. Толстому — крѣпостнику-помѣщику Рязанской губерніи, бывшему министромъ народнаго просвѣщенія и оберъ-прокуроромъ св. Синода, прежде такъ боровшимся противъ свѣтской школы, и если онъ теперь приготовляетъ возможность своимъ собратамъ-крѣпостникамъ уничтожать земскую школу, то вовсе не для того, чтобъ осуществить на дѣлѣ клерикальную мечту г. Побѣдоносцева, а для того, чтобъ для будущихъ ревизоровъ-архіереевъ негдѣ было даже и на прокатъ взять крестьянъ-учениковъ.

Таковы должны быть результаты Толстовскихъ „реформъ на оборотъ“ по части земскаго благоустройства. Что до земскихъ начальниковъ собственно, то, если они, какъ слѣдуетъ ожидать, проникнутся задачами своихъ изобрѣтателей, т. е. стремленіемъ наверстать „вотчинную полицію“, которую крѣпостникамъ не удалось провести въ положеніе 19 февраля 1861 г., то они прибавятъ къ земскому раззоренію еще условіе крестьянскаго озлобленія.

Политическіе результаты Толстовскихъ реформъ будутъ не лучше. Расчеты подавить либерально-конституціонныя стремленія въ Россіи уничтоженіемъ нынѣшнихъ земствъ совершенно суетны. Все, что можетъ быть достигнуто такимъ способомъ, это окончательное отнятіе у либеральнаго движенія его нормальной, здоровой, практичной и регулирующей основы и обращеніе его на дорогу заговоровъ и абстрактныхъ политическихъ построеній и мечтательныхъ плановъ. Напрасно бы даже реакціонеры обольщали себя тою относительною тишиною и подавленностью русскаго общества, какая замѣчается теперь. Подобная тишина не разъ бывала въ европейскихъ обществахъ, находившихся въ подобномъ положеніи, именно передъ бурею.

Всеобщее недовольство въ Россіи и такъ уже сильно и, если оно еще не проявилось энергически такъ или иначе, то главнымъ образомъ вслѣдствіе разбросанности оппозиціонныхъ стремленій, которыя еще не съумѣли безповоротно сосредоточиться на борьбѣ за политическую свободу. По-

литика гр. Дм. Толстого много уже сдѣлала для этой концентраціи, а упраздненіе земствъ, вмѣстѣ съ другими стѣсненіями общественной дѣятельности и мысли, которыя должны итти усиливаясь, довершитъ эту концентрацію, и правительству таки придется имѣть дѣлу съ энергическимъ либеральнымъ движеніемъ и, конечно, уступить ему.

Кромѣ того на помощь внутреннему процессу въ Россіи идетъ теперь и ходъ внѣшней политики. Во всей Европѣ миръ виситъ на волоскѣ. Всякая война для Россіи при ея теперешнемъ строѣ, даже удачная (на которую, замѣтимъ, при этомъ же строѣ, надежды мало) равна финансовому банкротству, и даже не война, а одна серьезная возможность ея. Если недавнія болгарскія смуты понизили было рубль до 2 фр., то война, или даже приготовленія къ ней понизятъ его до 1½—1 франка. Тутъ не поможетъ никакой г. Вышнеградскій, и правительству придется обратиться за средствами къ Земскому Собору. Весь выигрышъ для царствующей династіи, которая связываетъ себя съ политикой реакціи, будетъ въ такомъ случаѣ лишь въ томъ, что этотъ Соборъ будетъ враждебнѣе противъ нея, чѣмъ тотъ, который могъ бы быть созванъ въ 1878, въ 1881, въ 1883 гг. — или даже теперь. А для страны выигрышъ будетъ только въ томъ, что Соборъ, созванный послѣ 5—10 лѣтняго отсутствія провинціальныхъ земскихъ учрежденій, будетъ хуже представлять страну, которая меньше будетъ знать, кого выбрать, да въ томъ, что выбранные люди будутъ меньше опытны, меньше практичны. Во Франціи благоразумные люди разныхъ партій, какъ между консервативными монархистами, такъ и среди радикальныхъ республиканцевъ, соглашаются въ томъ, что неурядицы времени великой революціи и ихъ послѣдствія, чувствуемыя и до сихъ поръ, могли бы быть предупреждены, еслибъ страна, попавши въ тиски абсолютной монархіи, сохранила хоть старые провинціальные земскіе чины (états), или еслибы новыя провинціальныя собранія (assemblées) учреждены были по всей странѣ не въ 1787 г., а хоть 15—20 лѣтъ раньше и еслибы затѣмъ и Земскій Соборъ 1789 г. тоже былъ созванъ раньше и явился бы естественнымъ завершеніемъ провинціальнаго самоуправленія.

Вотъ почему всѣ, кто желаетъ спокойнаго и органическаго прогресса въ Россіи, должны теперь изъ всѣхъ силъ стараться о поднятіи усиленной и энергической агитаціи противъ Толстовскихъ проектовъ и за сохраненіе и развитіе земскихъ учрежденій... Еще не поздно!...

Къ вопросу о національностяхъ въ Россіи.

По поводу замѣтки „Kurjera Lwowskiego".

(Первоначально напечатано въ журналѣ „Свободная Россія", № 2, 1889 г.)

Польская газета „Kurjer Lwowski" (въ №№ 61 и 65) дала почти дословный переводъ нашей передовой статьи 1-го №, затѣмъ начала печатать переводъ статьи „Земскій либерализмъ" съ тѣмъ, чтобы издать его и отдѣльною брошюрою. Мы чрезвычайно благодарны львовской редакціи, такъ какъ считаемъ обмѣнъ мыслей между представителями различныхъ національностей, входящихъ въ составъ Россіи, за первый шагъ къ соглашенію между ними въ дѣлѣ преобразованія этого государства изъ общаго острога — въ домъ, удобный для мирнаго сожительства и развитія. И такъ какъ польская газета сдѣлала нѣсколько замѣчаній по поводу нашей програмной статьи, то и мы считаемъ долгомъ сказать ей нѣсколько словъ. Вотъ замѣтка „K. Lw.": „Такова программа ‚Свободной Россіи'". Какъ видимъ, нельзя отказать ей ни въ концентраціи, ни въ искренности, и ни въ значительной долѣ реализма; реализмъ этотъ граничитъ, можетъ быть, даже съ слишкомъ далеко идущими уступками въ пользу царя и народа русскаго (rosyjskiego). Дѣйствительно, то, что говорится въ концѣ о „народѣ русскомъ" немного странно противорѣчитъ (а, можетъ быть, и не противорѣчитъ) съ бѣглымъ трактованіемъ вопроса національностей въ началѣ. Признавая вообще искренность стремленій редакціи къ самоуправленію и удовлетворенію на этомъ полѣ всякихъ потребностей національностей, мы должны однакожъ поставить вопросъ, могутъ ли въ дѣйствительности эти потребности быть удовлетворены и гарантированы при сохраненіи теперешнихъ государственныхъ рамъ Россіи и не станутъ ли эти „рамы" сами по себѣ великою тяжестью для тѣхъ, кто-бы ихъ для себя наименѣе желалъ?"

Мы должны замѣтить прежде всего, что вовсе не понимаемъ, гдѣ „K. Lw." могъ усмотрѣть у насъ „уступки въ пользу царя", т. е. монархіи абсолютной. Мы, конечно, не ставили въ число требованій нашихъ республиканской формы

государства, такъ какъ вопросъ о формѣ этой не ставится жизнью во многихъ, и болѣе развитыхъ, чѣмъ Россія, странахъ и вообще есть дѣло второстепенное по сравненію съ существенными политическими правами: лицъ и самоуправленія, по части которыхъ въ иныхъ отношеніяхъ нѣкоторыя современныя монархіи, напр., англійская или бельгійская, даютъ больше простора и гарантій, чѣмъ, напр., республика французская. Поэтому и мы ограничились для Россіи постановкою такихъ существенныхъ политическихъ требованій — и по части ихъ никакихъ уступокъ не дѣлали и не сдѣлаемъ никакому абсолютизму: ни царскому, ни „народному“, или республиканскому, ни въ теоріи, ни на практикѣ.

Далѣе на счетъ значенія въ нашемъ языкѣ слова „русскій народъ“ особенно по отношенію къ разнымъ національностямъ въ Россіи, мы должны объясниться, что слово это не разъ будетъ употребляться нами въ смыслѣ политическомъ, а не этнографическомъ. Это, конечно, можетъ имѣть свои неудобства, но неизбѣжно въ обычномъ, да еще бѣгломъ языкѣ, тѣмъ болѣе, что прилагательное отъ Россіи — россійскій у насъ не употребляется, да при томъ не охранило бы насъ отъ недоразумѣній и въ разговорѣ съ поляками, такъ какъ теперь на польскомъ политическомъ языкѣ rosyjski, синонимъ — moskiewski, значитъ — великорусскій, а ruski = малорусскій съ бѣлорусскимъ. Кромѣ того мы, не теряя изъ виду интересовъ всѣхъ племенъ Россіи, всетаки направляемъ нашу работу наиболѣе на тѣ изъ нихъ, которыя принадлежатъ къ группѣ русской, среди которыхъ, по крайней мѣрѣ, образованные классы обыкновенно употребляютъ для выраженія ихъ политическихъ стремленій тотъ русскій языкъ, какимъ мы пишемъ, и имѣютъ, какъ видно и по литературѣ и по заявленіямъ въ выборныхъ собраніяхъ, болѣе или менѣе сходныя соціальныя и политическія стремленія. Эта русская группа составляетъ наибольшую часть Россіи, и, конечно, ея голосъ будетъ имѣть наиболѣе практическаго значенія въ политическихъ судьбахъ всего этого государства. Наша скромная работа направлена къ тому, чтобы голосъ этотъ энергически высказался за политическую свободу для населенія всей Россіи, какъ мы понимаемъ эту свободу, т. е., между прочимъ, съ признаніемъ національности, какъ одного изъ основныхъ личныхъ правъ, а мѣстнаго самоуправленія, какъ рамокъ, въ которыхъ лица каждой національности могли бы управлять своими дѣлами, удовлетворяя и своимъ національнымъ потребностямъ. Мы думаемъ, что,

при извѣстныхъ условіяхъ, государственныя рамки Россіи могли бы также мало стѣснять эти потребности, какъ не стѣсняютъ различныхъ національностей рамки Швейцаріи или Бельгіи, не говоря уже объ Австріи, на которыя, впрочемъ, нашъ львовскій собратъ, кажется, не жалуется.

Мы думаемъ также, что преобразованіе Россіи въ такомъ смыслѣ пойдетъ всего успѣшнѣе, если въ дѣлѣ преобразованія примутъ участіе люди всѣхъ ея національностей. Но мы, конечно, не станемъ отрицать и права каждой изъ этихъ національностей на полное выдѣленіе изъ государственныхъ рамъ Россіи, Только не мѣшаетъ помнить, что всѣ нынѣшнія государства очень щекотливы въ вопросѣ сепаратизмовъ и что они гораздо болѣе противятся отдѣленію провинцій, чѣмъ свободѣ ихъ жителей и даже ихъ извѣстной автономіи, такъ что на осуществленіе права на отдѣленіе какой-либо части теперешнихъ государствъ нужна очень большая сила. А потому тутъ является вопросъ не столько о правѣ, сколько о выполнимости сепаратизма.

Въ XIX в. съ 1815 г., когда установилась нынѣшняя система государствъ Европы, только одна Бельгія отдѣлилась отъ равносильной ей Голландіи посредствомъ одной внутренней революціи. Всѣ другія отдѣленія, отъ Турціи, Австріи и даже отъ Даніи, совершались только при помощи внѣшнихъ войнъ. На внѣшнюю помощь расчитывало и польское возстаніе 1863 г., но, какъ оказалось, напрасно.

Спеціально польскій вопросъ въ Россіи усложняется еще и тѣмъ, что поляки здѣсь живутъ въ сплошной польской этнографической области по Вислѣ и въ колоніяхъ, разбросанныхъ по областямъ литовской, бѣлорусской и украинской. Приложеніе національно-территоріальнаго абсолютизма къ польскому вопросу, даже на тотъ манеръ, какой практикуется, напр., въ Австро-Венгріи, въ Россіи окажется даже менѣе выгоднымъ для поляковъ, чѣмъ предлагаемое нами разрѣшеніе вопроса національностей на швейцарскій или бельгійскій манеръ, т. е. на почвѣ личныхъ правъ и мѣстнаго самоуправленія, основаннаго на политическомъ, а не на этнографическомъ началѣ. Отдѣленіе отъ Россіи всѣхъ областей стараго польско-литовскаго государства есть вещь совершенно фантастическая. Отдѣленіе же отъ нея чисто этнографической Польши, еслибы и оказалось возможнымъ, при содѣйствіи возстанія и внѣшней войны, и еслибы даже и выпало больше на пользу поляковъ, чѣмъ, напр., германизаторской Пруссіи, то непремѣнно повело бы за собою усиленное подавленіе поляковъ въ такъ называемыхъ западныхъ губерніяхъ, въ которомъ, повинуясь инстинктамъ національнаго абсолютизма, непремѣнно при-

няли бы участіе не только русское государство, но и мѣстныя, плебейскія національности.

По всему этому, мы считаемъ предлагаемую нами формулу преобразованія Россіи болѣе практичною, болѣе выгодною для польскихъ населеній въ этомъ государствѣ, чѣмъ политика сепаратизма. Но, конечно, мы не считаемъ нашихъ мнѣній непогрѣшимыми, и были бы крайне рады увидѣть обсужденіе этого вопроса въ независимой польской печати, начиная съ „Kurjera Lwowskiego“.

Въ заключеніе — еще два слова. „Kurjer Lwowski“, въ 61 №, въ началѣ замѣтки о нашей газетѣ, говоритъ въ похвалу ей, что она отличается отъ другихъ русскихъ революціонныхъ изданій, начиная отъ „Колокола“ Герцена, тѣмъ, что не говоритъ, подобно имъ, складныхъ фразъ полякамъ и другимъ подобнымъ національностямъ въ Россіи, чтобъ затѣмъ отрицать эти фразы „на основаніяхъ великорусскаго (rosyjskiego) централизма и революціоннаго якобинизма“. Мы считаемъ своимъ долгомъ вступиться за „Колоколъ“, въ которомъ никогда не было и слѣдовъ великорусскаго централизма или якобинизма. „Колоколъ“ стоялъ до самаго 1862 г. вполнѣ консеквентно на здоровой, по нашему мнѣнію, и истинно либеральной точкѣ зрѣнія на польскій вопросъ въ Россіи, и если сдѣлалъ въ 1863 г. нѣкоторую уступку революціонному якобинизму, то не великорусскому, а польскому. Съ своей стороны мы смотримъ на польскій вопросъ въ Россіи и на другіе, связанные съ нимъ и ему аналогичные, почти такъ-же, какъ смотрѣлъ „Колоколъ“ въ рядѣ статей, напечатанныхъ имъ въ 1859 до 1860 гг.: Герцена въ №№ 32—33, 34, 37 и др. (Россія и Польша) и Костомарова въ 61 № (Украйна).

Приложеніе.[1]

Программа журнала „Свободная Россія“.

Политическая свобода — вотъ въ двухъ словахъ программа нашего органа. Подъ политической свободой мы понимаемъ личныя права и самоуправленіе.

[1] Такъ какъ въ своей статьѣ „Къ вопросу о національностяхъ въ Россіи“ (которая была напечатана безъ подписи, очевидно, какъ редакціонная), М. П. Драгомановъ называетъ программу „Свободной Россіи“ № 1, „нашей“, то мы считали нужнымъ перепечатать политическую часть ея, въ выработкѣ которой Драгомановъ, несомнѣнно, принималъ участіе, хотя въ числѣ редакторовъ „Своб. Россіи“ онъ не значился; редакторами были только Вл. Бурцевъ и Вл. Дебогорій-Мокріевичъ. Экономическую часть программы мы считали себя тѣмъ болѣе въ правѣ не перепечатывать, что во 2 № „Св. Р.“, изъ котораго взята вышеназванная статья, приведена тоже только часть перепечатываемой нами программной статьи, касающаяся политическихъ вопросовъ. Приведенная политическая программа была также и детально по пунктамъ разработана и напечатана въ 3-мъ и послѣднемъ № „Своб. Россіи“ какъ „Опытъ политической программы „Свободной Россіи“. Прим. ред.

I. Личныя права: неприкосновенность личности, свобода слова, печати, сходокъ, вѣроисповѣданія, національнаго языка, право судебнаго иска противъ чиновниковъ и т. д. Эти права человѣка и гражданина — непререкаемое достояніе каждаго члена общества и должны быть неприкосновенны ни для какой административной и политической власти.

II. Самоуправленіе: А. общины (сельскія и городскія), волости, уѣзды, губерніи (либо области) должны пользоваться широкимъ мѣстнымъ самоуправленіемъ; собранія депутатовъ, выбранныхъ непосредственно самимъ населеніемъ, должны вѣдать всѣ вопросы мѣстной жизни, и имъ должны быть подчинены всѣ представители мѣстной администраціи и чины полиціи. Б. Обще-государственное представительство должно состоять изъ выборныхъ депутатовъ и имѣть законодательное право по всѣмъ вопросамъ обще-государственной жизни; при этомъ въ самую организацію государственнаго представительства должны быть введены гарантіи неприкосновенности мѣстнаго самоуправленія.

На почвѣ этихъ личныхъ правъ и мѣстнаго самоуправленія, мы думаемъ, могутъ быть удовлетворительно разрѣшены и вопросы разныхъ національностей въ Россіи.

Политическая свобода не можетъ быть конечной цѣлью нашей борьбы. Когда завоевана политическая свобода, — сдѣлана часть дѣла, другая часть — экономическія задачи — впереди. Скажемъ болѣе: безъ серьезныхъ реформъ современнаго экономическаго строя невозможно и воплотить въ жизни полную политическую свободу: сытые и голодные никогда не будутъ въ одинаковой мѣрѣ пользоваться такъ называемыми общими законами. Все это совершенно вѣрно. Но если на извѣстный періодъ своей борьбы мы достигнемъ нѣкоторыхъ существенныхъ элементовъ политической свободы и за то же время не будемъ въ состояніи сдѣлать ничего существеннаго для измѣненія современнаго экономическаго строя, то всетаки и такой результатъ въ нашихъ глазахъ будетъ крупной побѣдой, будетъ серьезнымъ шагомъ впередъ; политическая свобода сама по себѣ есть благо; кромѣ того она, по нашему убѣжденію, въ высшей степени важна для каждаго соціалиста уже и потому, что безъ нея немыслимо не только разрѣшеніе экономическихъ вопросовъ въ духѣ соціализма, но даже серьезная постановка ихъ. Русскимъ революціонерамъ особенно необходимо вѣрно оцѣнить значеніе политической свободы: живемъ мы при исключительномъ безправіи, давнымъ давно забытомъ во всей Европѣ, и потому политическій вопросъ нигдѣ не можетъ имѣть того значенія, какъ у насъ. Еще недавно мы игнорировали политику ради экономики, теперь мы не можемъ говорить даже объ одновременномъ преслѣдованіи этихъ двухъ задачъ. Необходимо понять разъ на всегда и никогда не забывать, что теперь передъ нами главной задачей является вопросъ политическій. . . . . .

. . . . . .

Въ органѣ мы будемъ поддерживать все, что можетъ приближать насъ къ нашему широкому политическому идеалу. Мы будемъ привѣтствовать всякій шагъ (какъ бы онъ ни былъ

малъ) въ обезпеченіи правъ человѣка и гражданина, всякій шагъ въ развитіи самоуправленія. Мы будемъ стоять за Земскій Соборъ изъ представителей отъ современныхъ земствъ, если сама жизнь выдвинетъ этотъ вопросъ, какъ это было нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Конечно, такой Соборъ очень далекъ отъ нашего идеала; но даже и самый идеальный Земскій Соборъ еще не рѣшаетъ вопроса о политической свободѣ; безъ серьезнаго мѣстнаго самоуправленія всякій Земскій Соборъ воскреситъ въ своей дѣятельности немало ошибокъ централистическаго самодержавія. Мы первые говоримъ о слабыхъ сторонахъ такихъ политическихъ учрежденій, какъ Земскій Соборъ, но мы знаемъ въ то же время и ихъ сильныя стороны; кромѣ того мы убѣждены, что они для насъ — единственный выходъ изъ путаницы современныхъ политико-соціальныхъ условій нашей жизни, и какъ бы дальше ни складывалась исторія Россіи, какія бы событія ни происходили — первымъ годомъ серьезнаго обновленія Россіи будетъ годъ созыва Земскаго Собора.

Наша задача возможно скорѣе приблизить русскую исторію къ Земскому Собору; эта задача достойна революціонныхъ организацій, она стоитъ жертвъ, какія бы ни были ей принесены.

Мы зовемъ стать подъ наше знамя всѣ оппозиціонныя силы Россіи. „Революціонеры“ и „общество“ слишкомъ долго шли разными дорогами, ихъ отчужденность другъ отъ друга переходила иногда во вражду. Довольно! долгъ передъ русскимъ народомъ требуетъ нашего Союза. Намъ необходимо сплотиться въ единую солидарную противоправительственную партію и дружно работать надъ общимъ дѣломъ.

Искренній, честный товарищескій союзъ всѣхъ оппозиціонныхъ силъ — это злоба дня. Пора, давно пора бросить намъ дѣлиться на „Мы“ и „Вы“, на „либераловъ“ и „революціонеровъ“; — теперь мы всѣ либералы, теперь мы всѣ революціонеры, и никто не имѣетъ права отказываться отъ долга и чести быть либераломъ и революціонеромъ.

Долой самодержавіе!...
Да здравствуетъ Свободная Россія!...

Редакція „Своб. Россіи“.

Старыя нужды передъ новымъ царемъ.[1]

Переводъ съ украинскаго.

(Первоначально напечатано въ украинскомъ журналѣ „Народ“, № 20, 1894 г.)

Александръ III можетъ считаться мученикомъ самодержавія. Человѣкъ еще молодой, колоссальнаго здоровья сгорѣлъ въ тринадцать лѣтъ царствованія! Ясно, что трудъ управленія государствомъ въ 120 милліоновъ народа не подъ силу одному человѣку. Прибавьте къ этому еще несчастіе на желѣзной дорогѣ возлѣ Борокъ, причина котораго заключалась въ плохой администраціи, а также необходимость для

[1] Статьи, напечатанныя въ „Свободной Россіи“, были послѣдними политическими сочиненіями М. П. Драгоманова на русскомъ языкѣ. Послѣ нихъ онъ издалъ только два чрезвычайно цѣнныхъ сборника писемъ съ своими примѣчаніями, предисловіями и приложеніями: „Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева къ А. И. Герцену“. Съ объяснительными примѣчаніями М. Драгоманова. Женева 1892 и „Письма М. А Бакунина къ А. И. Герцену и Н. П. Огареву“. Съ приложеніемъ его памфлетовъ, біографическимъ введеніемъ и объяснительными примѣчаніями М. П. Драгоманова. Женева 1896 — и написалъ небольшую популярную брошюрку для Фонда Вольной Русской Прессы въ Лондонѣ: М. Драгомановъ, „О неволѣ вѣры“. Изданіе Ф. Волховского, 1903 г. Молчаніе Драгоманова въ девяностыхъ годахъ было, несомнѣнно, невольнымъ и вынужденнымъ. Начало девяностыхъ годовъ, подобно концу шестидесятыхъ и первымъ годамъ семидесятыхъ годовъ, было самымъ глухимъ временемъ для заграничной русской прессы; въ эти годы за границей не выходило ни одного серьезнаго руководящаго органа на русскомъ языкѣ. Но принужденный замолчать по русски Драгомановъ не замолчалъ по украински; именно въ эти годы Драгомановъ писалъ особенно много по политическимъ вопросамъ на украинскомъ языкѣ. Въ январѣ 1890 г. во Львовѣ былъ основанъ на средства украинцевъ двухнедѣльный радикально-демократическій русинско-украинскій органъ „Народ“, который издавался подъ редакціей сперва Ив. Франка и М. Павлика, а затѣмъ одного М. Павлика. Драгомановъ принялъ въ немъ самое дѣятельное участіе, такъ что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не появлялось ни одного номера „Народа“ (который выходилъ почти шесть лѣтъ, съ января 1890 по сентябрь 1895 г.), безъ хотя бы одной, а иногда и нѣсколькихъ статей Драгоманова.

Подобно тому, какъ въ сборникѣ „Громада“, въ „Народѣ“ Драгомановъ писалъ не только на украинскія политическія темы, но и на общерусскія. Печатаемая нами статья „Старыя нужды передъ новымъ царемъ“ и была однимъ изъ такихъ призывовъ, обращенныхъ ко всему русскому обществу; въ свое время она была издана и на отдѣльномъ листкѣ и особенно широко распространялась именно въ такомъ видѣ. Не заключая въ себѣ ничего новаго, она чрезвычайно характерна для своего времени, почему мы и рѣшили напечатать ее въ нашемъ изданіи. Она какъ бы замыкаетъ цѣлую эпоху и до извѣстной степени является заключительной для дѣятельности Драгоманова, какъ политическаго писателя, такъ какъ она написана имъ лишь за полгода съ небольшимъ до его смерти. Въ печати она появилась до принятія Тверскимъ земствомъ извѣстнаго адреса Николаю II по поводу восшествія его на престолъ и до того, какъ было написано „Письмо къ Николаю II“, съ которыхъ начинается новая эпоха борьбы съ самодержавіемъ, протекшая цѣликомъ, за исключеніемъ первыхъ ея актовъ, уже послѣ смерти Драгоманова. Прим. ред.

царя прятаться отъ покушеній по Гатчинамъ, — и вы получите достаточно причинъ для того, чтобы разрушить даже желѣзную натуру!

Было бы хорошо, еслибы новый царь принялъ все это во вниманіе и пересталъ бороться съ нуждами, которыя настоятельно требуются временемъ. Нужды эти сводятся въ Россіи къ двумъ словамъ: политическая свобода, или извѣстныя права личности и участіе самого населенія въ управленіи государственными дѣлами, которыя касаются его. Голоса земскихъ собраній въ 1878—1882 гг. достаточно ясно показали, что въ Россіи эти нужды созрѣли. Самъ Александръ III сперва не былъ враждебенъ имъ и только потомъ поддался злымъ навѣтамъ и рѣшительно воспротивился имъ; слѣдуя затѣмъ за такими совѣтчиками, какъ разъяренный все-реакціонеръ гр. Дм. Толстой, онъ приложилъ свою руку къ порчѣ того хорошаго, что было сдѣлано въ царствованіе его отца въ земствѣ и судѣ, а еще дальше поднялъ руку даже на такія деликатныя чувства, какъ вѣра его подданныхъ.

Всякій безпристрастный наблюдатель долженъ признать, что эти „реформы“ Александра III не пошли въ пользу ни народу, ни правительству въ Россіи, ни самому царю Александру III, и что передъ новымъ царемъ всетаки стоитъ старый вопросъ, поднятый земствами въ 1878—1882 гг., т. е. вопросъ о политической свободѣ.

Нѣкоторыя изъ тѣхъ бѣдствій, которыя причинены русскимъ правительствомъ еще со времени Александра II новый царь можетъ поправить легко, однимъ почеркомъ пера: это, прежде всего, дать свободу печати, которая можетъ выразить нужды народовъ Россіи, затѣмъ возвратить свободу всѣмъ несправедливо осужденнымъ или наказаннымъ безъ суда за политическія вины, а также дать свободу совѣсти всякимъ иновѣрцамъ и т. п. Но другія вредныя дѣйствія — сложны, какъ, напримѣръ, порча земствъ и судовъ, учрежденіе земскихъ начальниковъ и т. п., устраненіе ихъ требуетъ и болѣе сложной работы тѣмъ болѣе, что они испортили и тѣ основы, на которыя въ Россіи только и можетъ опираться

участіе гражданъ въ государственныхъ дѣлахъ. Тутъ, прежде всего, надо возвратиться къ земскимъ и судебнымъ порядкамъ 1864—1865 гг., чтобы уѣздныя и губернскія земства получили составъ хоть сколько-нибудь отвѣчающій дѣйствительной волѣ гражданъ, чтобы суды сдѣлались хоть сколько-нибудь независимы и законны, — для этого надо распространить компетенцію обыкновенныхъ судовъ и на политическія преступленія, уничтоживъ какія бы то ни было подобія III-го Отдѣленія и другихъ инквизицій, административную ссылку и т. п., наряду съ этимъ надо ввести земскія учрежденія во всемъ государствѣ: въ прибалтійскихъ губерніяхъ, въ Польшѣ, въ западныхъ губерніяхъ, на Кавказѣ и въ Сибири, и, наконецъ, созвать депутатовъ отъ всѣхъ земствъ въ общій земскій соборъ, который обсудитъ вмѣстѣ съ царемъ и высшими должностными лицами способы и формы для участія народнаго представительства въ государственныхъ дѣлахъ.

Меньше этого нельзя сдѣлать для того, чтобы удовлетворить нужды государства и даже просто обезпечить человѣчески-спокойную жизнь самому царю на тронѣ. За предѣлами такихъ уступокъ запросамъ времени лежатъ безпорядокъ и воровство въ администраціи, обѣдненіе страны, голодовки, невѣжество народныхъ массъ, холерные и другіе безпорядки, выпрашиваніе денегъ на заграничныхъ биржахъ и, наконецъ, чрезмѣрная работа самого царя, всякіе Борки, жизнь подъ арестомъ въ Гатчинахъ и т. п.

Все это должны были бы понять новый царь и его приближенные доброжелатели. Во всякомъ же случаѣ все это должны выяснить новому правительству русскіе граждане посредствомъ своихъ земскихъ и другихъ собраній, посредствомъ спеціальныхъ депутацій, посредствомъ внутренней и заграничной печати. Чѣмъ скорѣе и энергичнѣе возьмутся за это болѣе солидные по своему положенію и возрасту граждане, тѣмъ лучше будетъ. Если же снова эти граждане допустятъ опередить себя молодежи, то опять дѣла затянутся на прежній ладъ.....

Приложеніе.

Письмо М. Драгоманова, опубликованное въ журналѣ „Самоуправленіе“ № 1, 1887 г.[1]

Скажу по правдѣ, что мнѣ нужно дѣлать надъ собой даже нѣкоторое усиліе для исполненія вашего желанія, чтобъ я высказалъ вамъ свое мнѣніе о томъ, въ какомъ направленіи слѣдовало бы теперь вести агитацію въ русскомъ обществѣ. Еслибъ я даже раньше не высказывался о томъ печатно, то я долженъ былъ бы быть совершенно лишенъ чутья реальной жизни, чтобы, при видѣ современнаго состоянія внутренней и внѣшней политики въ Россіи, не видѣть, что теперь настоятельнѣйшею задачею всякаго россіянина съ толкомъ и чувствомъ, должно быть добываніе политической свободы. Послѣднія два словечка не требуютъ большихъ разъясненій, и только во избѣжаніе уже всякихъ недоразумѣній я прибавлю, что подъ этими словами я представляю себѣ два круга понятій.

1. Права человѣка и гражданина: Неприкосновенность тѣла для позорныхъ наказаній и смертной казни. Неприкосновенность личности и жилища для полиціи, безъ судебнаго постановленія. Неприкосновенность писемъ и телеграммъ. Свобода выбора мѣстожительства и занятій. Свобода совѣсти (вѣры и невѣрія). Свобода рѣчи, печати, театровъ и обученія. Свобода сходокъ, прошеній и заявленій внѣшними знаками (рисунками, знаменами, процессіями и др.), безъ нарушенія порядка и безопасности

[1] Письмо это, напечатанное рядомъ съ письмами Дебогорія-Мокріевича, Степняка, Плеханова, Аксельрода, Засуличъ и Добровольскаго, мы нашли уже послѣ того, какъ весь второй томъ былъ отпечатанъ, и потому мы перепечатываемъ его въ качествѣ приложенія къ нему, которое не отмѣчено въ оглавленіи. Редакція „Самоуправленія“ замѣчаетъ, что письма эти были адресованы не ей, а одному частному лицу, которое передало ихъ ей для напечатанія. Прим. ред.

въ населенныхъ мѣстахъ. Право гражданскаго и уголовнаго иска противъ должностныхъ лицъ и учрежденій за незаконное нарушеніе интересовъ лица. Всеобщее равенство въ гражданскихъ правахъ и обязанностяхъ. Эти права не могутъ быть ни отмѣнены, ни ограничены никакимъ постановленіемъ, ни закономъ, исключая ограниченій на время войны; но и тогда никто, не принадлежащій къ войску, не можетъ быть судимъ ни военнымъ, ни другимъ исключительнымъ судомъ.

2. Самоуправленіе: Общинное (городское и сельское), волостное, уѣздное, областное и государственное, выражаемое соотвѣтственными выборными собраніями и выборною же администраціей, постоянно контролируемою, какъ этими собраніями, такъ и свободной личной критикой.

Понимаемая, такимъ образомъ, политическая свобода, кажется мнѣ, не выдумкой доктринеровъ или партіи, а необходимымъ условіемъ правильной общественной жизни (какъ чистый воздухъ, свобода рукъ и ногъ, и т. д.), а въ настоящее время въ Россіи и единственнымъ спасеніемъ страны отъ нравственнаго разложенія и матеріальнаго разоренія. Не знаю, что объ этомъ думаютъ разнаго рода люди въ Россіи, но сколько я могу наблюдать живущихъ здѣсь россіянъ, напр., эмигрантовъ, то, какія бы кто изъ нихъ ни имѣлъ идеи о тѣхъ или другихъ видахъ общественной дѣятельности и общественной жизни, почти всѣ они согласны въ томъ, что политическая свобода для Россіи есть первая потребность, которая должна быть удовлетворена. Свою формулу ея я вамъ изложилъ. Судите ее, какъ знаете, и простите, если что поспѣшности ради, переписалъ или не дописалъ.

М. Драгомановъ.